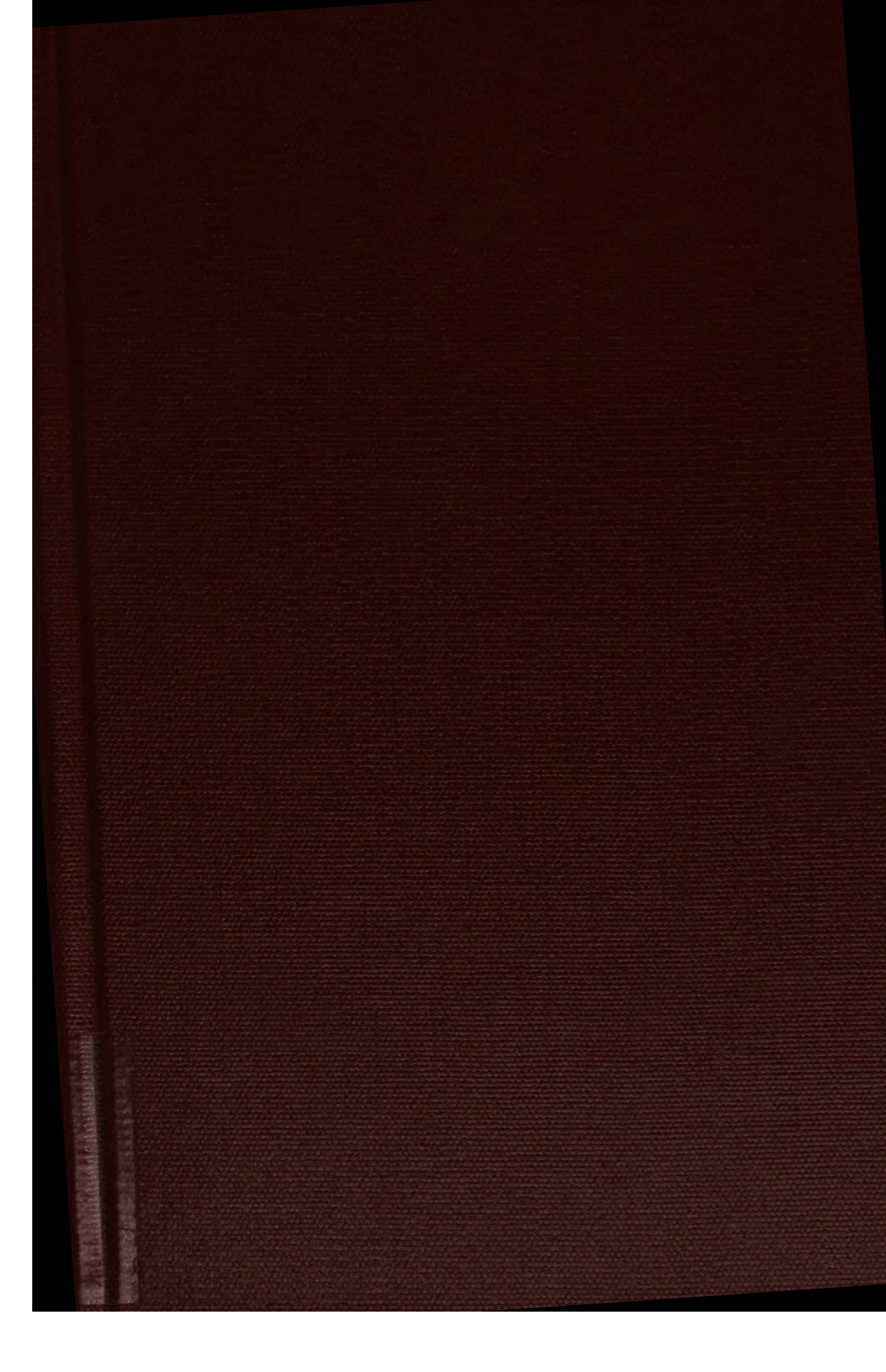


Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ЯНВАРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

LIBRARY OF THE UNIVERSITY

При всемъ изданіи этого № разсылается проспектъ о препаратѣ «Санатогенъ Бауэръ». Лица не получившія этого проспекта благоволятъ требовать его отъ Московскаго Отдѣленія фирмы Бауэръ и К°, Мясницкая, 31.

Беру переводы литературные и научные съ англ., нѣмец., франц., и итальянск. языковъ. Также серьезныя работы съ русск. на англ. и нѣм. Согласенъ на пробный переводъ. Прошу не отказать, если имѣется возможность дать работу. Адр. Холмогоры Архан. губ. ссыльному Н. А. Кунину.

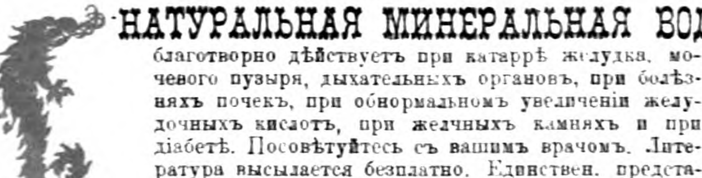
Санаторія „СОКОЛЬНИКИ“

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА,

Москва, Сокольники, Поперечн. просѣкъ. Телеф. 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней, НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102-77.

ДРАХЕНКВЕЛЛЕ



ЛѢЧЕБНИЦА д-ра мед. Н. П. ПОСТОВСКАГО

ДЛЯ НЕРВНО- И ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ.

…та въ мѣсяцъ отъ 60-ти руб. до 200 руб. Москва, Трехгорная застава, дача Тѣстова. Тел. ф лѣчебницы 99-82, д-ра Постовскаго 241-6.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Дамск. фигаро,
Безрукавки,
Блузы вязаныя,
Жакеты вязаные,
Дамск. юбки,
Рейтузы дамск.,
Длин. гамаши,
Дамск. башлыки,
Фуфайки дамск.,
Комбинезонъ дамск.
Мужск. жилеты,
Вязан. пиджаки,
Замшевыя куртки,
Охотничьи чулки,
Набрюшники,
Наколѣнники,
Пуховыя рукавицы.

Д-ра Егера бѣлье (изъ Штутгардта) и вообще всѣ чулочные и шерстяные товары рекоменд. спеціальн. складъ

Д. ДАЛЬБЕРГЪ,

СПБ., Гороховая, 16.
Товаръ высыл. налож. платежомъ

Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО

въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ.

На Курсахъ преподаются по учебникамъ учредителя Курсовъ всѣ системы: простая, двойная и др., какъ ихъ преподаютъ въ Америкѣ, Англіи, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи.

Сравнительно съ ними преподается упрощенная тройная система Ѳ. В. Езерскаго. Право преподаванія ея, ввиду замѣченнаго извращенія ея сторонниками двойной системы, авторъ сохраняетъ за собою, и другимъ Курсамъ не предоставляетъ преподавать свою систему.

На Курсахъ практически въ тетрадяхъ составляется, кромѣ основнаго и спеціальное банковое, земское, город., фабр., ремесл., потреб. общ., сельскохоз., компан. желѣзнодор. и др.

Учебники учредителя одобрены и рекомендованы Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.

Мин. Вн. Дѣлъ, по сношенію съ Мин. Финансовъ, разрѣшило Земск. Упр. вести счет. по тройной системѣ.

Масса управъ: земскихъ, городскихъ и промышл. фирмъ ведетъ счетоводство по тройной системѣ.

Отъ Курсовъ въ 35 лѣтъ ихъ существованія потребовано 5238, въ томъ числѣ въ одинъ послѣдній годъ 335 лицъ на мѣста счетоводовъ, конторщиковъ, преподавателей, изучившихъ тройную въ сравненіи съ др. системами у автора.

За работы курсистовъ и учредителя получены отъ учебныхъ отдѣловъ на выставкахъ въ Америкѣ, Англіи, Бельгіи, Италіи, Франціи, Россіи награды до золотыхъ медалей и Grand Premio включительно.

Безплатно высылаются свѣдѣнія по требованію:
С.-Петербургъ, Невскій, 43. Москва, Б. Тверская, 18.

Книжный магазинъ М. П. МЕЛЬНИКОВА (НА ОБОРОТѢ).

Въ книжномъ магазинѣ

Телеф. № 82—77. С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢ

ВВЕДЕНСКІЙ АРС. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ. Содержаніе: Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, сатиры Щедрина, Литературное народничество. Гл. Успенскій, І. Златовратскій. 511 стр. Цѣна 1 р. 50 к. 2-е изд. Спб. 1910 г.

Антрактъ. Художеств. сборникъ, для декламаціи. Спб. 1902. 1 р.

Бокъ, Э. д-ръ. Книга о здравомъ и больномъ человѣкѣ. 3 т. Спб. 1898. 2 р.

Батюшковъ, К. Сочиненія. М. 1898. 2 р. 50 к.

Біографіи Композиторовъ, съ IV—XX вѣкъ, съ потретами. Большой томъ М. 1904. 3 р.

Боборыкинъ, П. Жертва вечерняя. Ром. Спб. 20 к.

Богдановъ, С. Плодородіе почвы, по новѣйшимъ даннымъ. Спб. 1906. 75 к.

Варлихъ, В. Русскія лекарственныя растенія. Атласъ и Ботаническое описаніе, съ указаніями на врачебное примѣненіе, дѣйствіе, собираніе и культуру этихъ растеній. Спб. 1901; въ пер. 12 р.

Веневитиновъ, М. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство. 1697—1698. М. 1897. 1 р.

Гааке, В. Міръ животныхъ Европы, ихъ жизнь и нравы. Спб. 1902. 1 р. 50 к. тоже въ роскошн. перепл. 2 р.

Ганжулевичъ, Т. Записки охотника, И. Тургенева. 75 к.

Герштеккеръ, Ф. Живая сила. Ром. Спб. 75 к.

Гельвальдъ, Ф. Естественная исторія племенъ и народовъ со множеств. иллюстрацій 2 т. Спб. 1883. 5 р. въ пер.

Граховъ, Я. Нѣм.-Русск. и науч.-техн. Словарь собр. и объясн. технич. словъ и выраженіи, употребл. въ естеств. исторіи и технологіи, т. е. минералогіи, геогнозіи, ботаникѣ, зоолог., палеонтологіи, химіи, физикѣ, физіологіи, анатоміи, а также въ горно-заводск. дѣлѣ, лѣсн. наукахъ, сельскомъ хозяйствѣ и пр. 2-е изд. Спб. 1900 г. въ папкѣ 2 р.

Гоголя, Н. Соч. полн. собр. въ 2-хъ том. Спб. 1902. 1 р.

Диккенсъ, Ч. Холодный домъ. Пер. подъ ред. М. Шишмаревой. Спб. 1904. 1 р.

Его-же. Посмертныя записки Пиквикскаго клуба. Спб. 1905, пер. подъ ред. Шишмаревой. 1 р.

Его-же. Крошка Доррить, пер. подъ ред. Шишмаревой. Спб. 1905. 1 р.

Заринъ, А. Мужья и жены. 23 разск. Спб. 1901. 40 к.

Ибсенъ, Г. Собр. сочин. 6 том. Спб. 1896. 2 р. 50 к.

Иностранная критика, о Тургеневѣ. Съ 2-мя портр. Тургенева. 75 к.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. Изд. Великаго князя Николая Михайловича. Съ рис. и портр. 3 т. 1909. 50 р.

Крыловъ, В. Прозаическія сочиненія. 2 т. Спб. 1908. 3 р. 50 к.

Келлеръ, К. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Спб. 1905, въ пер. 9 р. 50 к.

Кобельтъ, В. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ Сѣвернаго полушарія. Спб. 1903, въ перепл. 10 р.

Крестовскій, В. Сочиненіе 8 т. Спб. 10 р.

Ламперть, К. Жизнь прѣсныхъ водъ, животныя и растенія прѣсныхъ водъ, ихъ жизнь, распространеніе и значеніе для человѣка. Спб. 1900, въ пер. 9 р. 50 к.

Составленіе всевозможныхъ библіотекъ; аккуратное и скорое испол

КРАСОТА ЖЕНЩИНЫ!

КРЕМЪ „ИДЕАЛЪ"

ДЛЯ НѢЖНОСТИ И СВѢЖЕСТИ ЛИЦА.

Приготовленный въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Спеціально для баловъ, вечеровъ и театра; при употребленіи этого крема лицо получаетъ натуральный и естественный цвѣтъ и дѣлается юношески свѣжимъ; этотъ кремъ не пристаетъ къ матеріи, не дѣлаетъ жировыхъ пятенъ и при любомъ свѣтѣ совершенно незамѣтенъ на лицѣ. Кремъ „ИДЕАЛЪ" можно имѣть слѣдующихъ цвѣтовъ: бѣлый, розовый, нѣжно-тѣльный и желтый.

Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** руб **10** коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются **на всѣхъ** этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы: для Европы: Гамбургъ—**Эмиль Беръ**; Вѣна—**Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—**Е. Лотаръ**. для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Іоркъ—**Л. Мишнеръ**.

Главный складъ для всей Россіи: **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская, 15—1**

М. П. МЕЛЬНИКОВА.

Литейный пр., 57. *Фирма сущ. съ 1888 г.*

ДУЮЩІЯ КНИГИ:

ВВЕДЕНСКІЙ АРС. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. (КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ). Содержаніе: А. С. Пушкинъ, А. С. Грибоѣдовъ, М. Ю. Лермонтовъ. А. В. Кольцовъ, Н. В. Гоголь, И. С. Тургеневъ, Ѳ. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой, Литературные типы русской интеллигенціи. 2-е изд. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Н. В. ГОГОЛЬ въ характеристикахъ его типовъ и разборъ главнѣйшихъ его произведеній. Сост. А. Н. Сальниковъ. Спб. 1909 г. Цѣна 50 к.

Майковъ, П. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904. 1 р.

Некрасовъ, Н. Кому на Руси жить хорошо. Поэма. Спб. 1880. Пер. 1 р.

Печерскій-Мельниковъ, П. Соч. 22 кн. 5 р.

Полевой, П. Исторія русской словесности, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. 3 т. въ роскошн. золотообр. перепл. Спб. 1903. 16 р.

Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Спб. 1901. 1 р. 50 к.

Разумовъ, К. Забайкалье. Сводъ матер. для изслѣдованія мѣстнаго землевладѣнія и землепользованія. Спб. 1899, съ рисунк. 1 р.

Реклю, Э. Человѣкъ и Земля. 6 т. въ перепл. 25 р.

Соловьевъ, Вс. Сергѣй Горбатовъ. Ром. Спб. 1903, въ перепл. 1 р. 50 к.

Его-же. Старый домъ. Ром. Спб. 1903, въ перепл. 1 р. 50 к.

Его-же. Вольтерьянецъ. Ром. Спб. 1903, въ перепл. 1 р. 50 к.

Сю, Е. Вѣчный жидъ. 3 т. Спб. 1907. 1 р. 50 к.

Спутникъ женщины, настольная книга для женщины. Подъ ред. Н. Лухмановой. Въ перепл. Спб. 1898. 75 к.

Толстой, Л. Война и миръ. Ром. 4 т. М. 1909. 4 р. 50 к.

Его же. Анна Каренина. Ром. 2 т. М. 1908. 3 р.

Его-же. Крейцерова соната и послѣсловіе безъ сокращеній. Спб. 1900. 50 к.

Теккерей, В. Исторія Пенденниса, его приключеній и бѣдствій, его друзей и величайшаго врага. Ром. 2 т. Спб. 1887. 1 р.

Его же. Ньюкомы. Семейная хроника одной очень почтенной фамиліи. Спб. 1890. 4 т. 2 р.

Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община древняго міра. Спб. 1906. 75 к.

Чудиновъ, А. Справочный Словарь; Орфографическій, этимологическій и толковый, Русскаго литературн. языка. Спб. 1901. 2 т. 2 р. 50 к. въ роск. перепл. 3 р.

Шойэнъ. Бѣлыя рабыни. Позоръ XX-го вѣка. Спб. 1909. 75 к.

Швейцеръ. Эмма. Ром. Спб. 1906. 75 к.

Шпильгагенъ, Фр. Одинъ въ полѣ не воинъ. Ром. въ 2-хъ т. пер. съ нѣм. съ предисл. Г. Е. Благосвѣтлова. Спб. 1895. 2 р. 50 к.

Его же. Впередъ. Ром. Спб. 1887. 1 р. 50 к.

Его-же Фонъ-Гогенштейны. (Два поколѣнія). 1 р. 50 к. 2 т. Спб. 1884.

Его-же. Загадочныя натуры. Ром. Спб. 1893. 1 р. 50 к.

Его же. Молотъ и наковальня. Ром. Спб. 1891. 1 р. 50 к.

Юмористъ. Художественный юмористическій сборникъ. Спб. 1 р.

Якобсонъ, Г. и Біанки, В. Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя, Россійской имперіи и Сопредѣльныхъ странъ. Спб. 1905, въ перепл. 18 р. 75 к.

неніе заказовъ, каталоги безплатно. Цѣны книгъ безъ пересылки.

ЖЕНЩИНЫ
ВСЕГО МІРА.

Изящное изданіе съ 64 рисунками, изображающими женщинъ всѣхъ странъ и народовъ. Высылается наложеннымъ платежомъ.

Цѣна съ дост.—1 руб. 25 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Невскій, 114, кв. 14—А.

Изданія т-ва „ЗНАНІЕ" (Невскій пр., 92).

ВНОВЬ НАПЕЧАТАННЫЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": XXV. Книга двадцать пятая.
—С. Кондурушкинъ. Моисей.—Ив. Бунинъ. Іудея.—Скиталецъ. Этапы.—Октавъ Мирбо. Очагъ.—*Цѣна 1 руб.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": XXVI. Книга двадцать шестая.
—Л. Андреевъ. Дни нашей жизни.—Кнутъ Гамсунъ. Роза. *Ц. 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": XXVII. Книга двадцать седьмая.
—М. Горькій. Лѣто.—Ив. Бунинъ. Сѣнокосъ.—И. Касаткинъ. Въ уѣздѣ.—Ив. Бунинъ. Бѣденъ бѣсъ.—Ф. Крюковъ. Зыбь.—*Цѣна 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": XXVIII. Книга двадцать восьмая.
—М. Горькій. Городокъ Окуровъ.—Шоломъ Ашъ. Зимою.—С. Кондурушкинъ. Въ солнечную ночь.—Кнутъ Гамсунъ. Странникъ играетъ подъ сурдинку.—*Цѣна 1 р.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": XXIX. Книга двадцать девятая.
М. Горькій. Городокъ Окуровъ (продолженіе).—Ив. Касаткинъ. Веселый батя.—С. Разумовскій. Свѣтлое заточеніе.—Ив. Бунинъ. Стихи.—Гольдебаевъ. Галченокъ.—К. Ясюкайтисъ.—На бульварѣ.—Ив. Вороновъ. Стихи.—Н. Каржанскій. Цвѣты.—*Ц. 1 р.*

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. Сборникъ I.
Содержаніе: Н. Вернеръ. Наука и философія.—А. Богдановъ. Философія современнаго естествоиспытателя.—В. Базаровъ. Матеріалъ коллективнаго опыта и организующія его формы.—А. Луначарскій. Мѣщанство и индивидуализмъ.—М. Горькій. Разрушеніе личности.—*Цѣна 1 р. 50 к.*

М. ГОРЬКІЙ и В. МЕЙЕРЪ. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи
15/18 декабря 1908 г. Со снимками съ фотографій Броджи и Анджелиса и друг. иллюстраціями (около 30 карт.). *Цѣна 2 рубля.*
(Доходъ съ изд. поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія).

М. ГОРЬКІЙ. IX т. Разсказы.—Человѣкъ.—Тюрьма.—Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ.—Разсказъ Филиппа Васильевича.—Исповѣдь. — *Цѣна 1 р.*

СКИТАЛЕЦЪ. III т. Разсказы.—Этапы.—Отрывокъ.—Моя любовь.—Морозъ.—Рѣка Уса.—Дуэтъ.—Въ деревнѣ.—*Цѣна 1 руб.*

ГОЛЬДЕБАЕВЪ. I т. Разсказы.—Въ степи.—Мама ушла.—*Ц. 1 руб.*

Н. ГАРИНЪ. VIII т. Въ сутолокѣ провинціальной жизни.—*Ц. 1 р.*

С. КОНДУРУШКИНЪ. II т. Разсказы.—Моисей.—Безъ береговъ.—Въ сѣтяхъ дьявола.—Огарокъ.—Забастовка.—Во мракѣ ночи.—Звонарь.—Шутка.—На яву.—*Цѣна 1 руб.*

Е. МИЛИЦИНА. I т. Разсказы.—Деревенскія картинки.—Утрата.—Въ тихомъ уголкѣ.—Въ лѣсу.—На Голубинкѣ.—Нянька.—Слѣпой.—Волшебный фонарь.—За свѣтомъ.—Идеалистъ. *Цѣна 1 руб.*

Е. МИЛИЦЫНА. II т. Разсказы.—Веревка.—Не по закону.—Ученый диспутъ.—На войну.—Около угодника.—На путяхъ. *Цѣна 1 руб.*

Г. ГРИГОРЬЕВЪ, П. ЗНАМЕНСКІЙ и И. КАВУНЪ. Практическія занятія по физикѣ. Для учащихся въ средней школѣ.
Содержаніе:—Часть I. Общія указанія къ работамъ.—Часть II. Работы (79 работъ).—Часть III. Замѣчанія о постановкѣ работъ. — 100 рисунковъ; 5 таблицъ.—*Цѣна 1 руб.*

В. ЧАРНОЛУСКІЙ. Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. *Цѣна 1 руб.*

СБОРНИКЪ Т-ВА „ЗНАНІЕ": Книги I—XXIX *по 1 р.*

М. ГОРЬКІЙ. Разсказы и пьесы. I—IX т. *по 1 р.*

Л. АНДРЕЕВЪ. Разсказы и пьесы. I—IV т. *по 1 р.*

Е. ЧИРИКОВЪ. Разсказы и пьесы. I—VIII т. *по 1 р.*

Н. ГАРИНЪ. Разсказы. I—VIII т. *по 1 р.*

Изданія т-ва „ЗНАНІЕ“ (Невскій пр., 92).

ИВ. БУНИНЪ. Разсказы и стихотворенія. I—V т. *по 1 р.*
СКИТАЛЕЦЪ. Разсказы и пѣсни. I—III т. *по 1 р.*
С. ЮШКЕВИЧЪ. Разсказы и пьесы. I—V т. *по 1 р.*
ШОЛОМЪ АШЪ. Разсказы и пьесы. I—III т. *по 1 р.*
С. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Разсказы. I—III т. *по 1 р.*
А. СЕРАФИМОВИЧЪ. Разсказы. I—III т. *по 1 р.*
Н. ТЕЛЕШОВЪ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*
С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*
С. КОНДУРУШКИНЪ. Разсказы. I—II т. *по 1 р.*
Е. МИЛИЦИНА. Расказы. I—II т. *по 1 р.*
А. ЯБЛОНОВСКІЙ. I т. *1 р.*
С. ЕЛЕОНСКІЙ. I т. *1 р.*
С. НАЙДЕНОВЪ I т. *по 1 р.*
Д. АИЗМАНЪ. I т. *по 1 р.*
В. СѢРОЩЕВСКІЙ. Разсказы. I—VI т. *по 1 р.*, **VII и VIII т.** *по 1 р. 25 к.*
П. КРОПОТКИНЪ. Сочиненія. I, IV, V, VII т. *по 1 р.*
Г. ИБСЕНЪ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ восьми томахъ. Переводъ съ датско-норвежскаго А. и И. Ганзенъ. I т. (*2 р. 20 к.*), II т. (*1 р. 20 к.*), III т. (*1 р. 50 к.*), IV т. (*2 р.*), V т. (*1 р. 20 к.*), VI т. (*1 р. 20 к.*), VII т. (*1 р. 20 к.*), VIII т. (*1 р. 50 к.*).
ШЕЛЛИ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ К. Д. Бальмонта Новое переработанное изданіе. I—III т. *по 2 р.*
ЭСХИЛЪ, СОФОКЛЪ, ЭВРИПИДЪ. Трагедіи. Переводъ Д. С. Мережковскаго. Въ стихахъ. *Цѣна за 6 книжекъ 2 р. 30 к.*
М. ГЮЙО. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. I т. (*2 р.*), II т (*2 р.*), III т. (*2 р.*), IV т. (*1 р. 50 к.*), V т. (*2 р.*), VI т. (*1 р.*).

ПЕЧАТАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ Т-ВА ЗНАНІЕ: XXX. Книга тридцатая.—М. Горькій Жизнь ненужнаго человѣка (*Окончаніе*) и др. *Цѣна 1 руб.*
Н. ГАРИНЪ. IX т. Разсказы и пьесы.—Орхидея.—Встрѣча.—Деревенская драма.—Подростки.—Зора и друг.—*Цѣна 1 руб.*
Л. ПУАНКАРЕ. Эволюція современной физики. *Содержаніе*: — I гл. Эволюція физики.—II. Измѣреніе.—III. Основныя начала.—IV. Различныя состоянія матеріи.—V. Раствореніе и электрическая диссоціація.—VI. Эфиръ.—VII. Глава изъ исторіи наукъ. Телеграфированіе безъ проводовъ.—VIII. Проводимость газовъ; іоны.—IX. Катодные лучи; радіо-активныя тѣла.—X. Эфиръ и матерія.—XI. Будущее физики.—*Цѣна 1 р. 20 к.*
В. ВУНДТЪ. Введеніе въ философію. Задачи и система философіи.
Ле-ДАНТЕКЪ. Основныя начала біологіи. Переводъ съ 2-го франц. изданія подъ редкціей *В. Базарова*. *Содержаніе*:—I часть. Объективное изученіе тѣлъ природы.—II. Анализъ явленій природы.—III. Первый методъ анализа жизненныхъ явленій.—IV. Второй методъ анализа.—V. Согласованность результатовъ, полученныхъ двумя методами. Примѣненіе системъ Дарвина и Ламарка.—VI. Третья точка зрѣнія: точка зрѣнія энергическая.—VII. Сравненіе жизненныхъ явленій съ явленіями мертвой природы.—VIII. Эволюція живой и мертвой природы.—IX. Биполярность органической и неорганической матеріи.—X. Происхожденіе видовъ и возникновеніе жизни.
АЛЬБЕРТЪ ВАНДАЛЬ. Наполеонъ и Александръ I. Франко-Русскій союзъ во время первой имперіи. Переводъ съ 6-го французскаго изданія *В. Шиловой*.
ЕЖЕГОДНИКЪ ВНѢШКОЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Подъ редакціей В. Чарнолускаго. Вып. II. *Цѣна 2 руб.*

ВАЖНО ДЛЯ ПРОВИНЦІИ, гдѣ очень трудно достать хорошіе, прочные и умѣло провѣренные часы, показывающіе ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

М. СОКОЛОВЪ МАСТЕРЪ-СПЕЦІАЛИСТЪ, работавшій много лѣтъ у извѣстной фирмы Г. МОЗЕРЪ и К°

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій просп., № 71, СКЛАДЪ ЧАСОВЪ. Рекомендуетъ нижеслѣдующіе прочные и вѣрные часы.

Требуйте безпл. полн. каталогъ.

Личная провѣрка и полное ручательство за вѣрность хода на

5

ЛѢТЪ.

Личная провѣрка и полное ручательство за вѣрность хода на

5

ЛѢТЪ.

Требуйте безпл. полн. каталогъ.

№ 130. Часы мужск., серебр., 84 пр., зав. голов., массивн. три крышки, лучш. сор., анк. на 15 камн. 12 р. и 13 р. 50 к.
Такіе же высш. сорта . . . . 15 и 18 р.

№ 150. Часы муж., черн., открыт., хорош. сорта цилиндр. 3 р. 75 к. и 4 р. 80 к.
Такіе же высш. сорта анк. 7 р. 75 к. и 12 р.
Закр. черн. часы анк. 10 р. 85 к. и 12 р. 50 к.

№ 171. Часы мужск., серебр., 84 пр., зав. ключ., массивн. три крыш., лучш. сор. анк. на 15 камн. 10 р. 35 к. и 11 р.
Такіе же высш. сорта 12 р. 75 к. и 15 р.

Часы-новость

совершенно плоскіе (тонкіе), высшаго достоинства.

Точный ходъ, прочн. механ., изящество.

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО НА 5 ЛѢТЪ.

Часы мужск. черные, открыт. цил. 3 р. 85 к. 5 р. 50 к.
Такіе же закрытые 5 р. 75 к.
Часы мужск. черные, высш. сорта, анкерн. открытые 6 р. 25 к. 7 р. 50 к. и 8 р. 75 к.
Такіе же наивысшаго сорта 10 и 12 р.
Часы муж. серебрян. 84 пр. анкерн. открыт. 17 р.
Такіе же закрытые 18 р. и 20 р.
Часы америк. зол. анк. закр., не темнѣющ. 17 и 19 р.

№ 20. Часы дамск. черн. открыт., лучш. сорта, цилиндрич. 5 р. и 8 р. 25 к.
Такіе же высш. сорта анк. 12 р. и 15 р.
Такіе же закрыт. 9 и 16 р.

№ 42. Часы дамск., сер., 84 пр., лучш. сорта, цилиндр. 8 р. 75 к.
Такіе же высшаго сорта анкерн. 15 р.
Крѣпко вызолочен. на 1 р. дороже.

Изящная цѣпь при всѣхъ часахъ безплатно. Пересылка на счетъ фирмы наложеннымъ платежомъ безъ задатка.

Исполненіе заказовъ самое добросовѣстное и аккуратное.

ЯНВАРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели —Лиговская, 34.
1909.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

и продолжается подписка на 1909 годъ.

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ф. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—1 р

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ д. 79, Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра т. е. присылать вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „**Русскаго Богатства**".

AP50
K977
1910:1-2
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

703365

Натуральная Кавказская углекисло-щелочная вода

БОРЖОМЪ

ПРЕВОСХОДНАЯ ЛѢЧЕБНАЯ ВОДА.

При Боржомѣ и нужной діэтѣ **нѣтъ мѣста** упорнымъ заболѣваніямъ желудочно-кишечнымъ и печени, отложеніямъ песка и камней въ желчныхъ и мочевыхъ путяхъ, проявленіямъ разстройствъ обмѣна веществъ: подагрѣ, ожирѣнію и діабету.

„ТЕРМОС"

„ТЕРМОС"—ПАТЕНТ, основан. на физическ. законѣ непрониц. безвоздушнаго пространства для теплов. волн. „ТЕРМОС" вѣчен, не требует умѣнія обращаться с ним.

Grand-prix!

Патент. во вс. стран. міра.

„ТЕРМОС"—бутылка
„ТЕРМОС"—кувшин
„ТЕРМОС"—кофейник
„ТЕРМОС"—чайник
„ТЕРМОС"—судок

сохраняетъ напитки и кушан. БЕЗ ОГНЯ и БЕЗ ЛЬДА

24 ЧАСА. ГОРЯЧИМИ. или 2 НЕДѢЛИ. ХОЛОДНЫМИ

Продаются в магазин.: дорожн. принадл., оружейн., аптекарск., посудных и т. д. Исключ. прод. для всѣ России у фирмы: Export Bureau J. Feinstein. Berlin NW 52, Thomasiusstr. 18в. Остерегайтесь поддѣлокъ!
Настоящ. только со штемп. THERMOS-PATENT.

ИСПРАВНИКЪ.

Разсказъ.

Это была старая, какъ вѣчность, гнилая, какъ трупъ, уѣздная тюрьма—и краснымъ, ржавымъ пятномъ выдѣлялась она въ этой улицѣ, гдѣ бойко и тревожно билась кипучая повседневная жизнь... Десятки лѣтъ торчала здѣсь тюрьма, какъ головня на снѣгу, огороженная со всѣхъ сторонъ высокимъ тыномъ изъ острыхъ кольевъ, черезъ который часто, особенно въ длинныя осеннія ночи, перекидывались, какъ тѣни, смѣлые бѣглецы и живо, пока ошеломленный часовой гремѣлъ затворомъ у винтовки, скрывались безслѣдно въ сосѣднихъ дворахъ... Хлесталъ воздухъ, запоздалый, отчаянный выстрѣлъ, шарахались на улицѣ случайные пѣшеходы, торопливо, громыхая четкимъ шагомъ, пробѣгалъ патруль, но черная, гибкая ночь, злорадно играя упругимъ мракомъ, молчаливо и вкрадчиво прятала бѣглецовъ... Отъ этого тюрьма считалась плохой и ненадежной, давно собирались убрать ее и строить новую, въ другомъ мѣстѣ... Но годы шли; по прежнему бѣжали часто арестанты, прибывали новые, а старая, гнилая тюрьма все глубже, казалось, впивалась чернымъ паукомъ въ землю и грозила, на всѣ четыре стороны, сѣрыми, острыми зубьями своего частокола....

И краски дня не могли сгладить у тюрьмы таинственныхъ очертаній. Весной, когда безумно-молодо рвалось къ землѣ пьяное солнце, когда кричали птицы и мучительно хотѣлось жить, она лѣниво и неохотно скалила, на встрѣчу яркимъ лучамъ, свои острые, сѣрые зубы. Гремѣли по улицамъ экипажи, проходили мимо свѣжія дѣвушки, звенѣлъ дѣтскій смѣхъ, бархатными октавами переговаривались колокола, а тюрьма, какъ проклятая Богомъ, набирала и злобно-ревниво упрятывала въ себя угрюмыя и злыя человѣческія жизни...

Губернское начальство наѣзжало рѣдко, и мѣстный тюремный смотритель, дряхлый старикъ Тозиковъ, являлся исключительнымъ хозяиномъ положенія. Много разъ онъ получалъ „нахлобучки" отъ отдаленнаго начальства за частые побѣги арестантовъ, ждалъ суда надъ собой, но губернія точно махнула рукой на стараго смотрителя и, по прежнему, держала его на службѣ... И такъ шли годы: арестанты бѣжали, Тозикову грозили судомъ, а Тозиковъ служилъ, смѣялся въ бороду и кралъ казенное добро...

Въ тюрьмѣ не было свирѣпаго, безчеловѣчнаго режима, но за то въ огромной арестантской семьѣ создавались свои властелины—тѣ, которые были сильны тѣломъ и тѣ, для кого жизнь и совѣсть человѣческая потеряли давно и смыслъ, и значеніе... Здѣсь совсѣмъ не было категорій, и людей садили какъ попало: съ подслѣдственными—каторжанъ, прогорѣвшихъ купцовъ-банкротовъ съ убійцами, башкиръ съ русскими. Только для политическихъ существовала отдѣльная, вонючая камера, маленькая и сырая, съ мутнымъ, какъ отчаяніе, окномъ... А, впрочемъ, и всѣ остальныя камеры казались ямами, куда, по ошибкѣ, натолкали людей и спаяли вмѣстѣ въ одно грязное, отвратительное цѣлое, которое гоготало, ревѣло, ругалось, или пѣло и дралось... И только во время сна, когда все умолкало на время, люди походили на людей...

Много тюрьма на своемъ долгомъ вѣку перевидала человѣческаго горя, униженія и тѣхъ безконечныхъ, въ своемъ ужасѣ, страданій, которыя вырываютъ порой изъ человѣка ревъ, похожій на стонъ раненнаго звѣря... Слышали тюремныя стѣны, сами мокрыя и противныя, какъ слизняки, тихій плачъ о похороненной жизни, скрежетъ зубовный и грязную, нечеловѣческую ругань... И все это сплеталось повседневно въ одинъ огромный клубокъ, смотанный изъ страшныхъ сновидѣній убійцъ и тихаго горя свѣтлыхъ молодыхъ жизней по загубленной родинѣ...

. . . . .

Въ жизни тюрмы показалось загадочнымъ и страннымъ, когда однажды въ ея стѣнхъ появился бывшій исправникъ Крысинъ. И самъ Крысинъ, весь охваченный только однимъ животнымъ страхомъ, отлично понялъ, что попалъ онъ, собственно, не въ свое мѣсто, ибо онъ, бывшій исправникъ, самъ привыкъ отправлять сюда людей... Но жизнь дѣлаетъ часто переоцѣнку... Исправникъ Крысинъ это, въ оконцѣ концовъ, понялъ, видимо, даже примирился, но страхъ ползучій, животный страхъ упорно цѣплялся за его чиновничье сердце, и онъ всякій разъ, когда въ коридорѣ или

на дворѣ гремѣли кандалы, вздрагивалъ, ежился и пугливо смотрѣлъ вокругъ выпуклыми рачьими глазами, точно плававшими въ мясистомъ и вяломъ, какъ студень, лицѣ...

Съ того самаго момента, когда Крысинъ растратилъ казенныя деньги, когда его судила палата, ему все казалось, что, какъ бы ни былъ великъ проступокъ, сажать въ тюрьму его все таки не должны... Въ большомъ и жирномъ тѣлѣ его плотно сидѣла увѣренная въ себѣ душа, которая никогда особенно ничѣмъ не волновалась... Цѣлые десятки лѣтъ исправникъ Крысинъ увѣренно жилъ, занимался службой, приказывалъ, подписывалъ бумаги и вечерами мирно игралъ въ винтъ въ городскомъ клубѣ, иногда—съ тѣмъ же хитрымъ и всегда почтительнымъ на видъ смотрителемъ Тозиковымъ. Жизнь шла по заведенному темпу, шла безошибочно и вольно, нисколько не пугаясь за будущее и не жалѣя о прошломъ... Все казалось нормальнымъ и дѣловымъ, законнымъ и яснымъ, и только тогда, когда заговорили о крупной растратѣ денегъ, когда налетѣла ревизія—душа у исправника Крысина потеряла нѣсколько равновѣсіе и легкомысленно струсила... Потомъ судила палата; страхъ уже шевелилъ душу, но мысль о тюрьмѣ казалась все таки невѣроятной, и исправникъ Крысинъ гналъ отъ себя эту нелѣпую мысль... Ибо слишкомъ казалось все раньше простымъ и спокойнымъ, понятнымъ и естественнымъ: служба, подчиненность людей, дѣловыя бумаги и привычная игра тихими вечерами въ винтъ... И до самаго послѣдняго момента исправникъ Крысинъ надѣялся и ждалъ, что кто-нибудь тамъ, въ столицѣ большой и сильный человѣкъ прикажетъ не шевелить заслуженнаго исправника Крысина и водворить опять на старое начальническое кресло у стола, гдѣ такъ славно шуршатъ дѣловыя бумаги, гдѣ можно кричать и смѣяться, топать ногами, или разсказать кому-нибудь веселый и пикантный эпизодъ...

Даже *тогда*, въ этотъ особенный, красочный день, когда Крысина пригласили слѣдовать въ тюрьму, онъ все еще недоумѣвалъ и надѣялся, что большой и сильный человѣкъ, можетъ быть, изъ столицы, пришлетъ телеграмму съ приказомъ оставить въ покоѣ такого заслуженнаго и стараго чиновника, какимъ считалъ себя Крысинъ... Но телеграмма не пришла и, смотря въ заплаканное лицо беременной жены, Крысинъ, наконецъ, понялъ, что невозможное можетъ быть въ жизни возможнымъ, и что судьба не щадитъ даже старыхъ, заслуженныхъ людей... И онъ собирался въ тюрьму съ дѣланнымъ, скрипучимъ смѣшкомъ, даже дружески потрепалъ по плечу надзирателя Горохова,—своего бывшаго подчиненнаго,—который пришелъ съ приказомъ. Онъ смѣялся

шутилъ, называлъ этотъ случай „веселымъ анекдотомъ“, недоразумѣніемъ и увѣрялъ жену, что онъ отлично „высидитъ“ этотъ годъ, къ которому онъ приговоренъ злыми и несправедливыми людьми... Что потомъ онъ, безъ сомнѣнія вернувшись на свободу, опять займетъ какое-нибудь почетное, начальническое мѣсто, ибо не можетъ-же онъ, исправникъ Крысинъ, стать въ ряды ненужныхъ и безцѣльныхъ людей... И онъ все шутилъ, смѣялся дѣланнымъ, скрипучимъ смѣшкомъ, хотя тамъ, въ глубинѣ рыхлаго и большого тѣла, кто-то саднилъ острыми царапинами... И, когда онъ прощался съ женой, что-то вдругъ внезапно сдавило въ жирной груди, запершило въ горлѣ, и онъ закашлялся... Кашлялъ долго, съ натугой, харкалъ на полъ, но въ горлѣ все першило, и маленькіе рачьи глазки, плававшіе въ рыхломъ, какъ студень, лицѣ, слѣпило чѣмъ-то горячимъ и влажнымъ...

Подъѣзжая къ тюрьмѣ вмѣстѣ съ надзирателемъ Гороховымъ, Крысинъ поймалъ въ себѣ жуткую и острую мысль: ему почему-то показалось, что старый смотритель Тозиковъ, такой раньше почтительный даже за винтомъ, вдругъ рѣзко перемѣнитъ къ нему отношенія и сразу поставитъ его въ ряды тѣхъ скверныхъ, преступныхъ отщепенцовъ, которыми кишѣла тюрьма... Эта мысль казалась огромной по значенію, ибо, по убѣжденію Крысина, нельзя было, даже невозможно было допустить, чтобы Тозиковъ могъ перемѣнить отношенія, и чтобы его, Крысина, начальническое прошлое могло быть похѣрено однимъ взмахомъ чьей-то грубой и сильной руки... Если допустить, что онъ совершилъ растрату казенныхъ денегъ и наказанъ за это закономъ, то являлось весьма естественнымъ и понятнымъ, что этотъ-же законъ долженъ, даже *обязанъ* дать гарантію порядочнаго существованія въ тюрьмѣ такому заслуженному человѣку, какъ бывшій исправникъ Крысинъ... Да, гарантію, ибо иначе являлось-бы все безсмыслицей, глупой и обидной шуткой жизни... Для чего тогда были потрачены двадцать лѣтъ полицейской службы, для чего даны были и Станиславъ, и Анна? Къ чему были встрѣчи начальству, ловля воровъ и убійцъ, выслѣживаніе политическихъ и сохраненіе порядка въ городѣ? Сзади бѣжала огромная, важная по значенію для государства полоса жизни, ярко и законно взрыхленная вѣрнымъ исполнителемъ закона... И было-бы безсмысленно допустить, что смотритель Тозиковъ измѣнитъ отношенія и сотретъ, какъ пыль мокрой тряпкой, всѣ заслуги исправника Крысина...

Въ тотъ даже моментъ, когда какъ-то особенно зловѣще-гулко брякнулъ затворъ у тюремной двери, когда распахнулись двери и повѣяло кислымъ, тяжелымъ воздухомъ,—эти

мысли остановились въ душѣ у Крысина и зацѣпились тамъ растерянно-безтолково за что-то саднящее и острое... Но нужно было сохранить твердость, и Крысинъ, молодцевато вытянувшись, въ форменномъ пальто и фуражкѣ, сдѣлавъ нѣсколько небрежно-веселое лицо, вошелъ въ коридоръ... Два надзирателя, стоявшіе въ коридорѣ, вытянулись и приложили руки къ козырькамъ... Что-то смѣющееся и помолодѣвшее промчалось въ душѣ бывшаго исправника... И онъ, сохраняя все тотъ-же молодцеватый видъ, потрогалъ рукой правый усъ и спросилъ у надзирателей сочнымъ и крѣпкимъ басомъ:

— Алексѣй Иванычъ здѣсь?

— Такъ точно, ваше высокородіе!.. Въ конторѣ...

И это гулкое „такъ точно" опять болѣзненно-пріятно промчалось въ ушахъ у Крысина. И онъ добавилъ:

— Доложите... Исправникъ... Крысинъ...

Ему совсѣмъ не хотѣлось сказать „бывшій исправникъ", ибо и козыряніе, и гулкій отвѣтъ надзирателей повѣяли чѣмъ-то крайне близкимъ и роднымъ... На секунду въ памяти выплыла большая, свѣтлая комната, столъ съ мягко шуршащими дѣловыми бумагами и вѣчно прыщеватое, потное лицо секретаря Мухина, докладывавшаго обычный перечень дѣлъ, поступившихъ къ подпису... И странно-нелѣпымъ казалось то, что онъ, бывшій исправникъ Крысинъ, долженъ теперь, въ свою очередь, подчиняться чему-то огромному, глупому и тоскливому...

Въ контору, гдѣ сидѣлъ смотритель Тозиковъ, онъ вошелъ молодцевато и гулко. Старый и хитрый смотритель оправдалъ ожиданія: быстро вскочилъ съ мѣста, шумно двинувъ стуломъ, сдѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ рукой и заговорилъ быстро:

— Дорогой Лаврентій Петровичъ! Вотъ судьба! Не повѣрите, какъ узналъ о вашемъ положеніи, ночи не спалъ... Не повѣрите, дорогой мой: ночью разбужу Марфу Ивановну и говорю ей: „жена! Неужели, на старости лѣтъ, и насъ этакъ-же? Къ чему я служилъ престолу и отечеству? Крестикъ въ петлицу, да геморой въ поясницу!.." Не повѣрите, дорогой мой, плакалъ, нѣсколько разъ плакалъ... Гдѣ вѣрные сыны отечества? Гдѣ наши заслуги? Такой уважаемый человѣкъ въ городѣ... Лаврентій Петровичъ... Правду говоритъ пословица: отъ тюрьмы да отъ сумы никто не зарекайся... Охо-хо-хо! Да вы садитесь, дорогой мой!..

Онъ лепеталъ и двигалъ рѣдкой, сѣденькой бородой-клиномъ... И въ узкихъ, прищуренныхъ глазахъ его быстро жили и сгорали какія-то непонятныя мысли...

— Вотъ возьмите меня, дорогой мой: тридцать лѣтъ по

тюремной части!.. Съ младшаго надзирателя началъ... И били меня такъ, какъ бабы валькомъ бьютъ бѣлье на рѣкѣ... Все выдюжилъ! А что нажилъ? Въ одномъ карманѣ смеркается, въ другомъ заря занимается... И судомъ грозятъ: у тебя, дескать, часто бѣгутъ арестанты... Бѣгутъ?.. Миленькіе мои, выстройте новую тюрьму, новенькую, да крѣпкую... Тогда и смотритель Тозиковъ на счету будетъ... Вотъ, нынѣ накатали политическихъ... А комната для нихъ—аршинъ съ шапкой... Ну, скажите, куда ихъ? Валятъ ихъ каждый день, а тюрьма набита до верху!.. Ну, и бьешься, какъ бѣсъ: туда-сюда ихъ!.. Сиди съ уголовными, сиди съ каторжанами! Вѣдь грѣхъ, одинъ грѣхъ!.. А они тамъ кричатъ, что бѣгутъ часто арестанты?

Иправникъ Крысинъ слушалъ и курилъ папиросу. И странное теплое чувство къ смотрителю накипало въ душѣ... Точно роднымъ казался здѣсь этотъ болтливый, неряшливый старикъ, съ вѣчно запачканнымъ отъ табаку носомъ и съ худенькими тоненькими ручками, на которыхъ выпукло обозначились синія жилы... И въ сердцѣ Крысина наростала твердая надежда, что тяжелый, сумрачный годъ въ тюрьмѣ пройдетъ сносно, пока живетъ и дѣйствуетъ здѣсь Тозиковъ... И Крысинъ спросилъ весело:

— Ну-съ! А куда вы меня, почтеннѣйшій Алексѣй Иванычъ, помѣстите?

— Все передумалъ, дорогой мой, рѣшительно все! Ваша участь—моя участь... Горе мое великое на этотъ счетъ, дорогой мой... Вѣдь съ уголовными вы не сядете?

— Боже сохрани!

— Съ политикой?

— Боже сохрани!

— Да тамъ и некуда... Человѣкъ на человѣкѣ лежитъ... Задыхаются!.. Все передумалъ и ночью Марфу Ивановну спрашивалъ не разъ: „куда мы помѣстимъ, родная, Лаврентія Петровича?“ Ну, и надумали...

— Куда?

— А вотъ...

Смотритель наклонился низко къ Крысину и заговорилъ почти шепотомъ, брызгая мелкой слюной:

— Конечно, Боже сохрани, начальство пронюхаетъ... Помѣстимъ мы васъ здѣсь, вотъ въ этой самой конторѣ, дорогой мой... И знаете: днемъ вы здѣсь можете позаниматься, газетки потихоньку доставимъ, а если будетъ желаніе,—можемъ дать работы... Съ работой, дорогой, время скорѣй идетъ... Есть у насъ таблички о пересыльныхъ, можете таблички писать... Или книги вести арестанскія... Работишка есть! И, пожалуй, кстати, дорогой мой: писарекъ у меня одинъ,

да частенько запиваетъ... Просилъ начальство: дайте еще писарька: тюрьма большая... Куда тебѣ! Одно молчаніе въ отвѣтъ, дорогой Лаврентій Петровичъ... Молчаніе, какъ въ загробной жизни! Хе! хе!.. Эге! Мы васъ используемъ, дорогой, используемъ... Хе! хе! Согласны?

— Я, конечно... ничего... Но удобно-ли вамъ будетъ? Вѣдь сюда ходятъ посторонніе?

— Пустяки, дорогой мой, сущіе пустяки! Наѣдетъ начальство—спрячемъ васъ на время... Хе! хе! Заглянетъ прокуроръ—не важность: свой человѣкъ... Арестанты заходятъ въ контору, такъ вамъ что? Если вамъ захочется погулять, пожалуйте на дворъ, но... придется васъ пускать на дворъ съ особымъ надзирателемъ, дорогой мой...

— Это зачѣмъ?

Смотритель Тозиковъ пожевалъ губами, потеръ сухія, тонкія руки и произнесъ сухо:

— Иначе васъ... пришьютъ, дорогой мой!

— Пришьютъ?

— Да, несомнѣнно...

На минуту оба замолчали. Крысинъ началъ дышать тяжело и часто. И въ этотъ именно моментъ, въ первый разъ, въ душу его залѣзалъ, скаля зубы, животный, неотвратимый страхъ... Стараясь придать лицу веселое и безпечное выраженіе, Крысинъ спросилъ еще разъ дрожаще:

— За что-же, Алесѣй Иванычъ?

Смотритель щелкнулъ табакеркой и сдѣлалъ продолжительную затяжку... Чихалъ сладострастно и долго... И, вытирая грязнымъ рукавомъ слезящіеся глаза, отвѣтилъ:

— Уголовные вообще не любятъ властей предержащихъ... Хе! Политическіе такъ же... Эти, конечно, ничего, но за уголовныхъ не ручаюсь... У насъ, дорогой мой, есть такіе субъекты, что я самъ лично никогда не кажусь имъ... Для нихъ жизнь человѣка—пыль! А васъ они, дорогой, едва-ли почтятъ за ваши прежнія заслуги... Хе! хе! Но вы не волнуйтесь, дорогой... Устроимъ, все устроимъ: и воздухъ будетъ, и постелька, и пища порядочная... Пролетитъ годикъ, пролетитъ... Хе! хе! хе!

Смотритель смѣялся жиденько и гнусаво, потирая дряблыя руки, съ синими, выпуклыми жилами... Крысинъ сидѣлъ, молчалъ, шевелилъ большими, пушистыми усами и чувствовалъ, что прежній животный страхъ, такой наглый и сдвигающій душу, лѣзетъ во всѣ углы его жирнаго и мягкаго, какъ студень, тѣла... И онъ, не зная, какъ спрятать сосущее чувство страха, спросилъ хрипло:

— А одежду вы мнѣ... казенную?

Смотритель дернулъ плечами...

— Носите пока свое... Начальство будетъ—тогда увидимъ... Ну, спокойной ночи, дорогой мой... Надзиратель Костинъ все вамъ устроитъ... А я домой... Эхъ! Партнера у меня не будетъ въ клубѣ, партнера! Ну, спокойной ночи, дорогой!..

Онъ одѣлся и ушелъ. Крысинъ сидѣлъ, не шевелился и смотрѣлъ въ одну точку безсмысленными, дикими глазами. Въ окна конторы заглядывала хищная, загадочная ночь и, гибкая, молчаливо сплеталась съ желѣзными рѣшетками оконъ...

Тюрьма скоро узнала о присутствіи бывшаго исправника Крысина. Первый объ этомъ пронюхалъ и разнесъ по камерамъ маленькій, юркій арестантикъ Пыжиковъ, извѣстный больше подъ названіемъ „Стрѣлочникъ". Это прозвище Пыжиковъ носилъ не даромъ. Въ особо важныхъ случаяхъ, когда необходимо было узнать что-нибудь существенное для тюрьмы, впередъ выдвигался Стрѣлочникъ, обладавшій прямо собачьимъ чутьемъ... Хитрый, вкрадчивый,—а когда нужно—почтительный, Стрѣлочникъ вѣчно вертѣлся около надзирателей, по нѣсколько разъ въ день забѣгалъ въ контору и такъ расположилъ къ себѣ вѣчно полупьянаго писаря Нагоркина, что тотъ угощалъ потихоньку Стрѣлочника и водкой, и папиросами, а также сообщалъ нужныя для тюрьмы новости.

И на этотъ разъ тотъ-же писарь Нагоркинъ сообщилъ Стрѣлочнику могучую новость объ исправникѣ... Точно оглушенный пьянымъ угаромъ, Стрѣлочникъ бросился сначала въ камеру № 8, гдѣ сидѣли преимущественно каторжане. Прибѣжалъ, запыхавшись, и крикнулъ зычно:

— Исправникъ Крысинъ попалъ, робя!..

Всѣ насторожились... Мрачный красавецъ Рубанъ глухо звякнулъ кандалами и процѣдилъ сквозь зубы:

— Говори толкомъ, чортъ!..

И пронизалъ Стрѣлочника огненными глазами, взгляда которыхъ никто не могъ выдерживать въ тюрьмѣ.

— Исправникъ Крысинъ на годъ... въ тюрьму! — пояснилъ Стрѣлочникъ.

Помолчали. На нарахъ поднялъ голову Удавъ и показалъ свое бѣлое, безъ волосъ, лицо, съ котораго холодно и мертво глядѣли черные, выпуклые глаза, лишенные рѣсницъ. Лицо было безжизненно, какъ маска, и на немъ странно выдѣлялись тонкія, ярко-красныя губы...

— Исправникъ? — спросилъ онъ. — Это тотъ, толстый? Крысинъ?

— Да...—отвѣтилъ Стрѣлочникъ.

Удавъ опустилъ голову обратно на нары, посмотрѣлъ въ потолокъ и добавилъ:

— Въ брюхо-бы его!

— Н-да,—процѣдилъ Рубанъ.

Онъ сидѣлъ на нарахъ, и было замѣтно, какъ у него поводило челюсти... Высокій и статный, съ точно отчеканеннымъ профилемъ, онъ держался гордо и вызывающе. Въ камерѣ было человѣкъ двадцать, и всѣ, какъ одинъ, внимательно слѣдили за выраженіемъ лица Рубана...

Въ одномъ изъ угловъ завозился бритый башкиръ Гумаръ, почти съ провалившимся носомъ отъ старой болѣзни. Онъ звучно чмокнулъ толстыми губами, сузилъ косые глаза, забавно повелъ головой и хихикнулъ:

— Хи! Начальство... Хоруша будетъ!..

— Мо-л-л-чать, сволочь! — вдругъ неожиданно рявкнулъ Рубанъ.

Всѣ притихли. Стрѣлочникъ попятился и беззвучно сѣлъ на нары. Гумаръ съежился и замолчалъ. Только Удавъ оставался невозмутимымъ. Онъ смотрѣлъ въ гнилой и потный потолокъ, гдѣ плавали тѣни... И вдругъ проговорилъ мечтательно:

— Эхъ, дѣвку бы сюда... Что тамъ исправникъ!

Рубанъ усмѣхнулся, и всѣ повеселѣли... Удавъ умѣлъ вліять на Рубана; оба казались страшными въ своемъ прошломъ, и это ихъ близило... По вечерамъ, передъ сномъ, они, двое, часто разсказывали камерѣ о своихъ бѣгахъ съ каторги и о жизняхъ, которыя смахнули съ земли... Было въ этомъ что-то кошмарное, но камера слушала разсказы, каждый разъ захвативъ дыханіе. Осужденные много разъ за убійства къ безсрочной каторгѣ, Рубанъ и Удавъ неизмѣнно убѣгали, вновь попадались, опять судились и опять убѣгали... Въ этой тюрьмѣ они сидѣли всего два мѣсяца, и въ эти два мѣсяца подчинили себѣ все живое въ тюрьмѣ... Ихъ боялся смотритель Тозиковъ, боялись надзиратели; никто не могъ выдержать огненнаго взгляда Рубана... Страшно сильный и отчаянно-смѣлый, онъ билъ громадными кулаками направо и налѣво, ломалъ кости арестантамъ и требовалъ полнаго подчиненія. На свѣтѣ онъ признавалъ только силу, въ грошъ цѣнилъ жизнь и дорожилъ только волей...

Весь этотъ вечеръ Рубанъ казался мрачнымъ и загадочнымъ. Удавъ пытался смѣшить камеру, разсказывалъ грязныя исторіи, но Рубанъ почти не улыбался и сидѣлъ, какъ стройное изваяніе, на нарахъ. Только передъ сномъ, какъ это часто случалось, онъ вдругъ бѣшено рванулъ цѣпями и гаркнулъ:

— Эй, Гумаръ!

Башкиръ зашевелился и, какъ рабъ, послушный своему господину, всталъ на ноги и произнесъ подобострастно:

— Чего бачка хочетъ?

— Играй пѣсню!..

— Какую бачка хочетъ?

Рубанъ задумался... И махнулъ рукой:

— Играй печальную!..

Гумаръ понялъ... Порылся въ углу и досталъ башкирскую дудку, курай. Вытеръ его рубахой, нѣсколько разъ прикладывалъ къ толстымъ губамъ и, наконецъ, сразу заигралъ что-то тоскливое...

Печальные, чистые звуки затрепетали въ камерѣ... Ударялись въ гнилыя, толстыя стѣны, прижимались къ желѣзнымъ рѣшеткамъ оконъ и, казалось, тосковали по черной ночи, тихо бродившей за окнами... Разсказывали о быломъ и плакали по чьимъ-то загубленнымъ жизнямъ... Мучительно хотѣлось воли, шумѣла въ пѣснѣ тайга, солнце золотило стройныя пихты и звенѣла рѣзвая рѣка... Шептался при-озерный тростникъ, тѣни сплетались на лугу и дѣвушка шла по дорогѣ... Звякали желѣзныя путы на человѣческихъ ногахъ, сверкали штыки и гремѣлъ въ тайгѣ винтовочный выстрѣлъ... Пѣсня вызывала образы и гибко паяла ихъ къ душѣ... Все сплетала пѣсня—и воздухъ, и цвѣты, и небо, и цѣпи...

Замолчалъ курай. Сидѣли и лежали всѣ неподвижно. Удавъ застылъ окаменѣлымъ лицомъ и, не мигая, смотрѣлъ въ потолокъ, гдѣ притаились тѣни. Кто-то протяжно вздохнулъ... Долго такъ молчали...

— Гумаръ! Плясовую!..—оборвалъ тишину Рубанъ.

Сразу выбросилъ курай пѣну сверкающихъ отвагой звуковъ. Точно въ мертвомъ, вонючемъ полумракѣ, гдѣ задыхались люди, прошелъ кто-то безшабашный и вольный, какъ страсть... И огневое, какъ старое вино, чувство запрыгало въ душахъ...

Молчаливо всталъ съ наръ высокій и стройный, какъ пихта, Рубанъ. Бросилъ соколиный взглядъ по сторонамъ и оправилъ рубаху. Такъ же молчаливо и размѣренно поднялся и Удавъ, всталъ, облизывая тонкія, красныя губы... Молча посмотрѣли другъ другу въ глаза, оба внезапно гикнули и рванулись въ плясъ... Ахнули желѣзныя путы на ногахъ, жалобно метнулись огни въ лампахъ, и курай застоналъ отъ звуковъ...

И было странно ихъ видѣть пляшущими въ цѣпяхъ, точно люди топтали жизни свои... Заломивъ назадъ упругія сильныя руки, какъ ураганъ, носился Рубанъ, рвалъ цѣпями воздухъ, присѣдалъ, подпрыгивалъ отъ пола или па-

далъ, съ размаха, на колѣни, красивый и грозный, поводя огненными очами... Размѣренно и важно ходилъ Удавъ, лизалъ тонкія, кровяныя губы, гулко щелкалъ пальцами и брякалъ цѣпями въ тактъ... Налилось кровью лицо у Гумара, сшибались въ воздухѣ пьяные звуки и кричали черной ночи о человѣческой тоскѣ по жизни, о цѣпяхъ и гнилой камерѣ, гдѣ люди хоронили тоску въ пьяномъ и дикомъ плясѣ...

Кончили. Долго сидѣли на нарахъ, молча, а потомъ всѣ уже пѣли. Пѣсни опять хватали за душу, разсказывали о волѣ, о шелковыхъ полянахъ и тайгѣ... Потомъ была ругань; кого-то, какъ всегда, билъ Рубанъ; наконецъ, легли спать. Но долго Удавъ тихо и сочно разсказывалъ кому-то:

— Попадья была красивая, толстая такая... Уперлась въ меня руками и реветъ... Я сначала... понимаешь? Не все же попу... Визжала сперва, подлая, потомъ затихла... А я ее ножемъ въ пупъ... Завертѣлась, глаза подъ лобъ... Красивая была, дьяволъ! Я люблю въ пупъ: хорошее мѣсто... примѣтное...

Мѣсяца два Крысинъ избѣгалъ выходить на дворъ и гулялъ послѣ шести часовъ, когда кончалась повѣрка и арестантовъ запирали. Въ отхожее мѣсто, которое находилось на дворѣ, если это нужно было днемъ, ходилъ всегда въ сопровожденіи надзирателя. Боялся въ это время смотрѣть по сторонамъ и раза два встрѣчался съ рѣжущимъ и насмѣшливымъ взглядомъ Рубана. Удавъ, смотря на толстую, рыхлую фигуру Крысина, почему-то всегда облизывалъ ярко-красныя губы... Странно-ревниво прислушивался Крысинъ къ гулу голосовъ и вздрагивалъ, когда произносилось его имя.

— Его благородіе идетъ! — насмѣшливо выкрикивалъ первый Стрѣлочникъ.

Нѣкоторые злобно смѣялись и кричали вслѣдъ:

— Швабра полицейская!

— Крючекъ!

— Рыба-китъ толстопузая! Отгулялъ! Сбавилъ жиру-то... Гы! гы!

— Шпіонъ!

И было въ этомъ что-то угрожающее и зловѣщее. Политическіе были молчаливы, но холодно сторонились отъ Крысина. Въ конторѣ онъ пробовалъ съ ними заговаривать, ему отвѣчали коротко и вѣжливо, но далеко не заходили... Смотритель Тозиковъ иногда утѣшалъ Крысина и говорилъ, что несчастіе вообще сближаетъ людей, и арестанты скоро „привыкнутъ“ къ бывшему исправнику. Но Крысинъ не вѣрилъ

этому, тосковалъ въ душѣ и всѣми силами старался не попадаться часто на глаза арестантамъ...

Послѣ шести часовъ вечера, когда замки запирались наглухо, когда пустѣлъ дворъ, охваченный со всѣхъ сторонъ зубьями стѣнъ, Крысинъ выходилъ на прогулку одинъ и часто бродилъ по двору до полуночи, собирая въ душѣ разрозненныя мысли. Жизнь у него была, сравнительно, сносная: часто видѣлся съ женой, пищу получалъ изъ дому и, тѣмъ не менѣе, въ эти два мѣсяца Крысинъ осунулся, постарѣлъ и сгорбился... На душѣ было тоскливо, какъ осенью, сосало что-то неотступное и пугающее... И, какъ это ни странно, онъ все еще ждалъ, что кто-то сильный и властный, живущій, быть можетъ, въ Питерѣ, вдругъ пришлетъ важную бумагу, и тюрьма освободитъ Крысина...

Гуляя по тюремному двору, молчаливо наблюдалъ онъ, какъ зажигались въ небѣ звѣзды, какъ подходила огромная ночь и прятала въ складкахъ своихъ одеждъ мрачныя, гнилыя камеры и острые зубы частокола... Мигали, какъ полуслѣпые, грязные фонари на дворѣ, бросая вокругъ рыжія, жалкія пятна. Рѣзко доносился иногда металлическій лязгъ ружейнаго затвора, который пробовалъ скучающій часовой. Зажигались мутные огни въ камерахъ, шлепали чѣмъ-то тяжелымъ въ пекарнѣ... А оттуда, изъ глубины мрака, изъ-за тюремной ограды, доносилась шумная жизнь каменнаго города... Гулко трещали колеса на улицахъ, доносился говоръ свободныхъ людей и женскій смѣхъ, беззаботный и свѣжій, какъ весна... И Крысину до боли ярко представлялись образы: теплыя, просторныя комнаты, лампа, цвѣты на окнахъ, булькающій задорно самоваръ на столѣ и смѣхъ дѣтей, бѣгущихъ изъ сосѣднихъ комнатъ...

Тамъ, въ этомъ каменномъ городѣ, есть у людей свои цѣпи, жизнью созданныя, но тамъ есть и свобода. Тамъ семьи, смѣхъ, отдыхъ послѣ трудового дня и сонъ беззаботный... Вечеромъ, кому надо, идутъ въ театръ, въ клубъ, или просто сидятъ дома... А въ клубѣ ярко горитъ электричество, несется хватающій за душу вальсъ, и толстый, жирный буфетчикъ Францъ Иванычъ, отдаетъ распоряженія своимъ рокочущимъ басомъ... Снуютъ лакеи, хлопаютъ пробки, четко дробятъ билліардные шары и шелестятъ карты... И ходятъ тамъ свободные люди—даже, быть можетъ, худшіе мерзавцы, чѣмъ Крысинъ, но свободные и ловкіе въ жизни... И, быть можетъ, говорятъ о бывшемъ исправникѣ съ усмѣшкой и злобой, говорятъ, быть можетъ, тѣ, которые раньше лебезили передъ нимъ и заискивали...

И ему начинало приходить въ голову смутно-давящее сознаніе чего-то нелѣпаго и страннаго, сознаніе той роли

какую онъ самъ игралъ въ жизни... Двадцать лѣтъ служилъ по полиціи, усердствовалъ, добивался, лѣзъ впередъ и прислуживался... Двадцать лѣтъ ловилъ и выслѣживалъ людей, доносилъ, составлялъ протоколы и думалъ, что онъ, исправникъ Крысинъ, одно изъ тѣхъ желѣзныхъ звеньевъ цѣпи, которая держитъ людей въ рамкахъ законности... Странная вещь! Никогда въ жизни онъ не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ это, къ чему? Убавилось ли отъ этого горя на землѣ, уменьшились ли страданія и послушнѣе ли стали люди? Нисколько. Но тогда, зачѣмъ онъ такъ усердно ловилъ, приказывалъ и потѣлъ передъ начальствомъ? Развѣ это все приняли во вниманіе, когда его холодно и спокойно посадили на скамью подсудимыхъ? Нисколько! Та огромная цѣпь, въ которой онъ былъ однимъ изъ звеньевъ, стянула его точно такъ же, какъ стянула сотни, тысячи людей, сидящихъ въ тюремныхъ камерахъ... И выходитъ, значитъ, логическій выводъ: то, что онъ дѣлалъ за эти двадцать лѣтъ, прошло безполезно для него... Да, безполезно, потому что никто ровно не упомянулъ объ этомъ огромномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ, какое онъ несъ на землѣ... И посадили его просто и равнодушно, какъ сажаютъ другихъ, его, „охранителя законности", съ ворами, убійцами и растлителями... И эти послѣдніе ненавидятъ его... Конечно, это понятно: онъ ловилъ, выслѣживалъ, доносилъ... Конечно, это тяжело сознавать, эту ненависть къ себѣ, но еще тяжелѣе придти къ нелѣпому выводу, что двадцать длинныхъ полицейскихъ лѣтъ ушли на что-то безсмысленное и ненужное... Взяли молодость, силы, высосали изъ души все теплое, человѣческое и поставили его въ ряды тѣхъ людей, которыхъ онъ выслѣживалъ и ловилъ... И это тяжело...

Уходя со двора въ контору, Крысинъ ложился спать, но сонъ долго не приходилъ, а если приходилъ, то давилъ мозгъ кошмарами... Неужели еще остается впереди цѣлыхъ десять мѣсяцевъ? Какъ же это люди сидятъ десятками лѣтъ въ казематахъ и крѣпостяхъ? Но тамъ, быть можетъ, у людей жизнь и тоска въ тюрьмѣ скрашены идеалами? А у него ничего нѣтъ, такъ какъ онъ былъ только однимъ изъ звеньевъ длинной, заржавленной цѣпи, которая стягивала жизнь и приводила ихъ „къ законности"... Цѣлыхъ десять мѣсяцевъ! И Крысинъ, смотря въ мракъ пустыми глазами, думалъ о солнцѣ, о клубѣ, о томъ, какъ катятся на улицѣ экипажи... Думалъ о цѣпи, что стянула всѣхъ людей, и о другой жизни, которую онъ поведетъ послѣ тюрьмы... Почему-то представлялась деревня, а не городъ, пыльная дорога между полями, гдѣ трепетали колосья... До боли ярко рисовался голубой шатеръ неба, пряная земля

на пашняхъ и лѣсъ, зовущій взволнованнымъ гамомъ... Забыться бы тамъ! Уснуть бы на свѣже-скошенной травѣ... Проснуться бы не бывшимъ исправникомъ Крысинымъ, а какимъ-нибудь Егоровымъ, Ивановымъ, здоровымъ, сильнымъ и свѣжимъ, съ сознаніемъ свободы и права!

Идетъ патруль твердымъ и четкимъ шагомъ... Подъ поломъ сверлитъ мышь... Гдѣ-то заливается полицейскій свистокъ, рѣзкій, предостерегающій, и отъ его рѣжущаго крика, почему-то теперь ненавистнаго, еще тяжелѣе на душѣ...

Подходилъ май...

Онъ подходилъ—свѣжій и чистый, какъ молодой богъ, какъ розовое дитя, рожденное солнцемъ. Воздухъ окрасился новыми тѣнями и радугами. Говорилъ много и взволнованно лѣсъ, чуть подернутый первымъ изумрудомъ зелени. Въ душѣ зарождалось пьяное чувство жажды жизни, нарядной и свѣжей образами, глубокой и ласковой, какъ ожившая рѣка съ помолодѣвшими ракитами... Стояли солнечные, теплые дни; вечерами въ воздухѣ роились мошки, зовуще и гулко гремѣла жизнь на улицахъ... Хотѣлось жить много, безконечно, хотѣлось смѣяться дѣтскимъ смѣхомъ, валяться на молодой травѣ въ лѣсу, и хотѣлось чувствовать глубоко, мощно и радостно...

Въ эти дни арестанты всѣ вылѣзали на тюремный дворъ: молодые, старики, больные и здоровые... Убійцы смѣшивались съ мелкими ворами, растлители съ политическими... Всѣхъ объединяло здоровое чувство молодой природы, всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на небо, на краски безумнаго солнца, на живые столбы въ воздухѣ. Лежали на травѣ, грѣлись на солнцѣ, и даже желѣзный крикъ цѣпей тонулъ въ молодомъ и свѣжемъ рокотѣ весны...

Крысинъ также ходилъ между арестантами, высокій, рыхлый, съ пушистыми, почти сѣдыми усами. Въ послѣдніе дни, когда невыносимо потянуло на воздухъ, онъ рѣшилъ бороться съ собой и выходить на дворъ. Изо всѣхъ силъ стараясь подавить въ себѣ гулкое подступающее чувство страха, съ громко и болѣзненно колотившимся сердцемъ, онъ вышелъ въ первый разъ на крыльцо и остановился... Сотни глазъ вдругъ сразу уперлись въ него, острые и странно-враждебные по тому колющему выраженію, какое въ нихъ отражалось... Сердце у Крысина забилось еще сильнѣй и болѣзненнѣй, а выпуклые глаза боязливо и заискивающе остановились на сѣрыхъ лицахъ... Былъ одинъ моментъ, когда онъ совсѣмъ хотѣлъ уйти обратно, но кровь приливала къ головѣ и хотѣлось выдер-

жать моментъ. Короткими, осторожными шажками онъ спустился съ крыльца и медленно, стараясь сдѣлать веселое лицо, направился вглубь тюремнаго двора. Дошелъ до частокола, посмотрѣлъ въ щели на улицу, вернулся и опять пошелъ... И по тому направленію, какъ онъ шелъ, остро и внимательно бѣжали за нимъ десятки глазъ, и когда Крысинъ поднималъ голову, взгляды тотчасъ же отворачивались въ сторону. Но скошенные глаза и выраженіе загадочныхъ лицъ оставались странными и вызывающими... Крысинъ гулялъ часъ, и это время ему показалось вѣчностью...

А на тюремномъ дворѣ кипѣла своеобразная жизнь. Нѣсколько арестантовъ играли въ чехарду, другіе смотрѣли и смѣялись, третьи, сидя на землѣ, на солнцѣ, вполголоса напѣвали пѣсни. Вышелъ на крыльцо надзиратель и закричалъ зычно:

— Эй, Ильинъ!

— Ильинъ!—подхватили на дворѣ.

— На свиданку!—кричалъ надзиратель.

— На свиданку!—неслось на дворѣ.

Ильинъ быстро бѣжитъ на свиданку и скоро возвращается съ огромнымъ караваемъ хлѣба въ рукахъ, который былъ весь разломанъ на части. Лицо у Ильина дышетъ злобой, и онъ ругается матерно:

— Сукинъ сынъ! Старый песъ!

Ильина окружаютъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Варнакъ!—ругается Ильинъ,—дошлый, мерзавецъ!

— Да въ чемъ дѣло?

— Махорка была въ караваѣ... запечена... Цѣлая четверть... Унюхалъ, старый песъ!

— Кто?

— Да надзирателишко!.. Костинъ... У-у-у, старая собака!

Ильину соболѣзнуютъ. Табакъ и даже водку часто проносили въ запеченномъ хлѣбѣ, если у окна на улицу стояли молодые, неопытные надзиратели. Но Костинъ былъ старый служака и отлично зналъ всѣ эти продѣлки.

— Покурилъ, Петя!—хохочутъ арестанты.

— Язвило бы его, вшивецъ паршивый!—ругался Ильинъ.—Снесутъ башку-то, подожди, слигуза, аспидъ татарскій!..

Черезъ дворъ, къ отхожему мѣсту, медленно проходитъ писарь Нагоркинъ, всклокоченный и, по обыкновенію, навеселѣ. На него обращаютъ вниманіе...

— Эй, братцы!—кричитъ кто-то,—почему это у нашего писаря волосы завсегда дыбомъ?..

Извѣстный острякъ въ тюрьмѣ, арестантъ Цымбалъ, глубокомысленно смотритъ на Нагоркина и отвѣчаетъ гулко:

— Не понимаешь, дуракъ!.. Видишь, человѣкъ со страшнаго суда убѣжалъ... потому и дыбомъ волосы...

Дружный хохотъ гремитъ вслѣдъ Нагоркину, который и самъ смѣется. Когда онъ возвращался обратно, Стрѣлочникъ звонко крикнулъ:

— Никифоръ Степанычъ!

Нагоркинъ остановился.

— Что?

— Уроните нечаянно попиросочку...

Нагоркинъ усмѣхнулся и полѣзъ въ карманъ. Бросилъ на землю папироску и пошелъ. Стрѣлочникъ мгновенно подскочилъ, поднялъ папироску и изчезъ куда-то.

Вокругъ остряка Цымбала собралась толпа и дружно хохочетъ. Цымбалъ разсказываетъ смѣшное, но самъ никогда не смѣется и ежеминутно сплевываетъ. У него широкое, корявое лицо, широкій носъ и тонкія, ироническія губы... Подходитъ робко Крысинъ и также слушаетъ...

— А то еще былъ у насъ въ деревнѣ случай. Попъ позвалъ къ себѣ плотниковъ—на крышѣ исправить что-то... Н-н-у!.. Вотъ залѣзъ одинъ мужикъ на крышу и давай работать, а другой внизу стоитъ. У того, перваго-то, топоръ выпалъ изъ рукъ сверху и упалъ сначала на носъ другому, а потомъ на палецъ у ноги... И носъ отрубило, и палецъ... Заревѣлъ мужикъ—айда къ фершелу... А фершелъ былъ у насъ вродѣ какъ писарь Нагоркинъ: всегда мокренькій... Н-н-у!.. Съ пьяныхъ-то глазъ и давай лѣчить мужика: носъ пришилъ къ ногѣ, а палецъ вмѣсто носу...

— Го! го! го!..

— Н-ну!.. Мужикъ, значитъ, самъ не смекнулъ... У него такъ все и приросло... Теперь братцы... такое положеніе у него...

Здѣсь Цымбалъ остановился, сплюнулъ и какъ бы нарочно медлилъ.

— Ну, что?

— Говори, чортъ, скорѣй!

— Гы! гы!

Цымбалъ дѣлаетъ видъ, что сердится и кричитъ свирѣпо:

— А то, черти, случилось, что не дай Богъ всякому: какъ мужику сморкаться—такъ сапогъ снимать надо!..

Не хохотъ, а какой-то сплошной ревъ стоитъ на дворѣ... Нѣкоторые хватаются за животы и тонко, истерически визжатъ... Подвизгиваетъ и Крысинъ, и арестанты добродушно

терпятъ его присутствіе и смѣхъ... Цымбалъ сплевываетъ на землю и скромно коситъ глаза по сторонамъ...

Крысинъ сталъ каждый день выходить на тюремный дворъ, но гулялъ одинъ, сгорбленный, постарѣвшій, съ осунувшимся лицомъ. Многихъ арестантовъ онъ узнавалъ, ибо видалъ ихъ въ полиціи и сажалъ въ тюрьму... Замѣчалъ нѣсколько разъ на себѣ мгновенно-огненный взглядъ Рубана и припоминалъ, что въ послѣдній разъ много содѣйствовалъ поимкѣ этого убійцы, который насчитывалъ свои жертвы десятками... Припоминалъ и Удава, бѣглаго каторжника, котораго самъ арестовалъ въ домѣ терпимости... Развѣ онъ не содѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, обществу и закону, поймавъ кровожадныхъ звѣрей? Развѣ онъ на время не сохранилъ чьи-нибудь жизни, быть можетъ, дѣтскія жизни, отъ ножа безпощадныхъ убійцъ? Конечно, это большая заслуга, но общество и законъ посадили его рядомъ съ ними. И они, эти звѣри, лишенные образа человѣка, никогда не поймутъ того, что онъ, Крысинъ, служилъ въ данномъ случаѣ закону... И лишенія свободы они никогда не простятъ!.. Рубанъ и Удавъ, по существу положенія, его непримиримые, страстные, безпощадные враги .. И это видно по взгляду Рубана, острому, какъ ножъ, и по тому, какъ Удавъ, глядя на него, лижетъ свои тонкія, кровяныя губы... И Крысинъ съ тоской считалъ дни,—особенно ужасно длинные дни передъ свободой, когда каждый часъ казался годомъ, а минута днемъ... Было невыразимое наслажденіе думать о томъ, что скоро онъ, какъ встарь, ляжетъ на *свою* кровать въ *своей* квартирѣ, будетъ пить чай съ помолодѣвшей женой, пробѣжитъ утромъ газету, а жена въ это время разскажетъ послѣднія городскія новости... Было пріятно думать о томъ, что на улицѣ, по старой памяти, козырнетъ городовой, а вечеромъ можно будетъ сходить въ клубъ, гдѣ красиво и плавно плывутъ звуки вальса, и милѣйшій буфетчикъ Францъ Иванычъ нальетъ рюмку водки... Конечно, онъ найдетъ себѣ занятіе, а быть можетъ, кто-нибудь сильный и властный, живущій тамъ гдѣ-нибудь, въ Питерѣ, оцѣнитъ его прежнія заслуги и дастъ полный пенсіонъ... Тогда онъ уѣдетъ съ женой въ деревню, отдохнетъ и заживетъ новой интересной жизнью, такой, какъ живутъ деревенскіе Сидоровы, Ивановы и другіе непосредственно живущіе люди...

Срокъ наказанія для Крысина долженъ былъ окончиться въ первыхъ числахъ августа. Чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ больше и мучительнѣе Крысинъ волновался. Жилъ онъ въ тюрьмѣ, по прежнему, отдѣльно отъ другихъ, помо-

галъ въ конторѣ смотрителю Тозикову, даже иногда отъ скуки игралъ съ надзирателями въ шашки... И странно-болѣзненно пробѣгало у него въ душѣ, когда надзиратели, во время игры въ шашки по прежнему почтительно отвѣчали „такъ точно", или называли его „ваше высокородіе". Казалось очевиднымъ, съ одной стороны, что за плечами арестанта Крысина все-таки оставалась какая-то большая и важная полоса, которая давала ему право на то, чтобы люди громко и стройно выкрикивали ему „такъ точно", или называли „ваше высокородіе"... Но, съ другой стороны, Крысину казалось, что та важная и большая полоса, которая была имъ пройдена въ жизни, слишкомъ мало дала, въ сущности... Ибо кто-то, властный и сильный—во много разъ сильнѣе его—зачеркнулъ однимъ взмахомъ все то, что было сдѣлано имъ за двадцать лѣтъ полицейской службы, зачеркнулъ, въ сущности, всю жизнь, всѣ ордена, полученные имъ, положеніе и честь... Мало того, его посадили наравнѣ съ тѣми, отъ кого онъ всю жизнь оберегалъ общество, государство, т. е.—съ убійцами, ворами, растлителями... И тѣ, съ которыми его посадили, ненавидятъ его глубоко и сильно, не какъ арестанта Крысина, а какъ бывшаго исправника, одно изъ тѣхъ звеньевъ цѣпи, которая скручивала людей въ одно ненавидящее стадо... Но если-бы арестанты заговорили съ нимъ, подошли бы къ нему не какъ къ бывшему исправнику, а какъ къ человѣку, то, быть можетъ, произошло бы то, о чемъ часто думалъ за послѣднее время Крысинъ... Онъ сказалъ бы имъ всѣмъ, что онъ самъ лично никогда не желалъ имъ зла, а лишь исполнялъ то, что ему приказывали... Что онъ былъ однимъ изъ винтовъ огромной, давящей машины, которая и его зацѣпила, вмѣстѣ съ другими, и безжалостно раздавила все, что у него имѣлось: имя, двадцать лѣтъ службы, ордена, т. е. все то, что ему казалось вполнѣ заслуженнымъ, логичнымъ и яснымъ, какъ лѣтній сверкающій день... Онъ сказалъ бы имъ, что онъ теперь *ненавидитъ* все то, что онъ считалъ важнымъ для себя, что его кто-то *обманывалъ* въ жизни, и если онъ скоро выйдетъ изъ тюрьмы, то будетъ просто Крысинымъ, но уже не исправникомъ Крысинымъ... И этотъ простой сердечный разговоръ съ арестантами, быть можетъ, далъ бы въ результатѣ то, что арестанты простили бы ему его прошлое, поняли бы его, и онъ смѣло могъ бы встать въ ихъ ряды хотя на нѣсколько дней... Прошелъ бы навсегда давящій животный страхъ, и въ новую жизнь за тюрьмой онъ вошелъ бы съ яснымъ, спокойнымъ сердцемъ, ибо тѣ, кого онъ ловилъ всю жизнь, поняли и простили его, а самъ онъ *тѣмъ*, боль-

шихъ и сильныхъ, никогда не проститъ за то, что далъ ему этотъ тяжелый, безконечно длившійся годъ!..

Проходило лѣто съ его длинными, красочными днями и вечерами, полными тихой, младенчески-кроткой грусти... Въ эти вечера, такіе тихіе и тоскующіе, особенно больно становилось на душѣ, точно тамъ плакалъ кто-то о сѣрой, погибшей жизни. Недалеко отъ тюрьмы, въ березовой рощѣ, помѣщался лѣтній клубъ и вечерами играла музыка... Ясно доносились оттуда звуки, и отъ этого на душѣ, какъ поздніе цвѣты, поднимались образы... Грустно и четко подчеркивали звуки музыки что-то давно забытое, но такое родное и близкое, отъ котораго хотѣлось прижаться къ кому-нибудь мокрымъ лицомъ и тихо разсказать о томъ безсмысленномъ и нелѣпомъ, изъ чего складывается человѣческая жизнь... Вспоминались молодость, мать, простая деревенская баба, сѣрыя, тоскующія пашни, отецъ—угрюмый, сутулый мужикъ, изъ котораго всю жизнь выколачивали подати... Вспоминалась солдатчина, казармы, гдѣ изъ него усердно дѣлали автомата, потомъ служба... Былъ старшимъ городовымъ, надзирателемъ, становымъ и, наконецъ, исправникомъ... Жизнь вся ушла на выправку, въ надзорѣ за чужими жизнями, въ „такъ точно“ и „никакъ нѣтъ“... Ушла на доносы, на протоколы, на взятки, которыя считались такимъ-же простымъ обиходомъ въ жизни, какъ сейчасъ въ тюрьмѣ считается обиходомъ вынести „парашу“... Служилъ, усердствовалъ, гдѣ нужно, кланялся, когда это было необходимо, подличалъ, заискивалъ и трепеталъ... Ѣздилъ по уѣзду, грозилъ, приказывалъ и выжималъ подати точно такъ же, какъ всю жизнь выжимали подати изъ его сѣраго, угрюмаго отца... Странная иронія судьбы! По чьему-то сильному, неотвратимому приказу онъ дѣлалъ то, что потомъ навсегда оторвало его отъ сѣрыхъ, тоскующихъ людей, среди которыхъ онъ выросъ и которыхъ когда-то любилъ... Но вѣдь съ него требовали, и развѣ его самого не топтали, какъ мокрую тряпку, въ грязи?.. И ему вспомнилось, какъ однажды, уже будучи становымъ въ уѣздѣ, онъ ѣздилъ съ однимъ старымъ, раздражительнымъ и болѣзненнымъ губернаторомъ... На каждой станціи онъ лично самъ вытаскивалъ губернатора изъ экипажа, заботливо каждый разъ куталъ его старыя, больныя, пораженныя ревматизмомъ ноги и боялся шевельнуть мускуломъ лица, когда губернаторъ къ нему обращался... А губернаторъ при всѣхъ — при мужикахъ и сельскихъ властяхъ — говорилъ ему „ты“, называлъ его „дуракомъ“, „деревомъ“, „идіотомъ“, кричалъ на него, топалъ больными, ревматичными ногами и грозилъ „выгнать“ со службы... И онъ долженъ былъ слушать все это—

деревянный манекенъ жизни — слушать, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, вытягиваться и отвѣчать „виноватъ“ или „такъ точно“... А въ пути, когда колокольчики пѣли свѣжо и сочно, онъ опять такъ же заботливо и старательно куталъ больныя, старыя ноги у начальства, сидѣлъ неподвижно рядомъ, боясь пошевелить мускуломъ лица и не смѣя проронить слово... Теперь это невыносимо тяжело вспоминать, но самъ онъ тогда ставилъ все это въ обязанность долга, службы, въ которой ему хотѣлось занять такое положеніе, чтобы имѣть самому возможность топать, гдѣ нужно, лакированными сапогами, кричать на людей и называть ихъ дураками и идіотами... И все шло хорошо, но грянулъ громъ и оборвалась жалкая, натянутая проволока на спинахъ людей... Оборвалась — и онъ самъ покатился къ низу, какъ негодное, проржавленное звено той цѣпи, которая старалась стягивать людей въ одно послушное стадо... И было не отъ того тяжело, что онъ наказанъ закономъ за растрату казенныхъ денегъ, а отъ того, что та *сила*, которая заставляла его служить двадцать лѣтъ такъ унизительно и пошло, та *сила*, которая въ жизни создала ему полчища враговъ, — отвернулась отъ него въ трудную минуту и оказалась такой-же хрупкой и ломкой, какъ насквозь проржавленное желѣзо... И страшно жаль становилось эти двадцать лѣтъ жизни, которыя ушли куда-то безцѣльно и пошло, создали полчища враговъ и оторвали отъ простыхъ, сѣрыхъ людей, среди которыхъ онъ родился и выросъ...

И Крысинъ тосковалъ, сидя лѣтними, тихими вечерами на крыльцѣ, ведущемъ на тюремный дворъ. Плакала музыка въ березовой рощѣ, точно угадывая его настроеніе, и ныло отъ этого сердце... Да, тамъ, гдѣ стоятъ бѣлыя стройныя березы, движутся по аллеямъ люди, плачетъ тоскующій о чемъ-то вальсъ, шепчутся молодыя пары, воздухъ нижетъ тонкій ароматъ духовъ... Въ самомъ помѣщеніи гремятъ билліардные шары, въ буфетѣ звенятъ посудой, а толстый буфетчикъ Францъ Иванычъ рокочетъ октавами... Подойдетъ, полная творчества, душистая ночь—блѣдная, прекрасная женщина въ черномъ—и приведетъ съ собой звѣзды, упругій, рѣзвый мракъ и спрячетъ въ себѣ нѣжныя, пьяныя отъ счастья, пары... И такъ все это кажется далекимъ, какъ вспоминаніе, какъ вешній сонъ въ раннемъ дѣтствѣ... И никто ровно никогда не догадается, что на тюремномъ дворѣ, свѣсивъ книзу сѣдые, длинные усы, сидитъ и тоскуетъ деревянный манекенъ жизни, отброшенный, какъ чурбанъ, въ сторону ударомъ сильной ноги... И

закипала въ угрюмой душѣ ненависть къ тому, что отняло у него, холодно и просто, всю жизнь.

Оставалось всего десять дней до выхода Крысина изъ тюрьмы. Вмѣстѣ съ приближающимся моментомъ свободы, Крысинъ чувствовалъ въ душѣ странный и новый захватъ жизни... Прощай, тюрьма, сѣрыя промозглыя стѣны, звонъ кандаловъ!.. Прощай, Тозиковъ, полупьяный писарь Нагоркинъ и всѣ томящіеся здѣсь сѣрые, неразгаданные люди! Тамъ, впереди, опять жизнь, старыя привычки, говорливыя улицы и небо, сверкающее жизнью и волей... Было безконечно жаль одного, что этотъ годъ, полный новыхъ, тяжелыхъ думъ и откровеній, все-таки не поставилъ его въ ряды арестантовъ такъ, какъ хотѣлось: тепло, просто и понятно для всѣхъ...

Случилось въ это время то, чего никто не ожидалъ. Въ одну темную дождливую ночь, перепиливъ кандалы, убѣжалъ одинъ важный арестантъ... Опять стрѣлялъ ошеломленный часовой, стрѣлялъ близко, но не попалъ,—и слышалъ, какъ бывалый каторжникъ дико и весело крикнулъ на бѣгу: „промазалъ, кислая шерсть!“ И часовой еще разъ стрѣлялъ въ упругій, торжествующій мракъ, но арестантъ скрылся, какъ дикая лѣсная кошка... Цѣлый день послѣ этого искали въ лѣсу, въ канавахъ, во рвахъ, но никого не нашли, а еще черезъ день на шоссе оказался зарѣзаннымъ подрядчикъ, и всѣ почему-то были увѣрены, что эта „работа“ принадлежала именно убѣжавшему арестанту... Искали по камерамъ, нашли маленькія, стальныя пилки, и оказалось, что кандалы были перепилены до половины еще у троихъ, которыхъ тотчасъ же перековали. Смотрѣли кандалы у Рубана и Удава, но тѣ съ презрительной откровенностью заявили, что они „убѣгутъ съ дороги“. Все это выбило жизнь тюрьмы изъ ея сѣраго, однообразнаго обихода. Бѣсновался старенькій, хилый Тозиковъ, бѣгая по камерамъ, грозилъ, брызгалъ мелкой слюной и кричалъ тоненькимъ, всхлипывающимъ голосомъ, что его „зарѣзали безъ ножа“, что убѣжавшій—важный преступникъ, за котораго ему „достанется“, что онъ „вѣрилъ“ арестантамъ, давалъ имъ, сравнительно, полную свободу, а они его „подводятъ“... И опять бѣгалъ по камерамъ, съ цѣлымъ десяткомъ солдатъ съ ружьями... Кричалъ, топалъ ногами и потомъ, обезсиленный, говорилъ плачуще Крысину въ конторѣ:

— Скажите, дорогой мой: гдѣ служба престолу и отечеству? Вѣдь я мученикъ, понимаете, мученикъ!.. Развѣ я злой человѣкъ? Найдите такую тюрьму въ Россіи... Давятъ,

понимаете, давятъ вездѣ: полчаса на гулянку даютъ въ сутки... А я—извольте, братцы, гуляйте до шести часовъ вечера, если хотите! Гдѣ же благодарность? Теперь мнѣ петля, понимаете, петля! Вы понимаете меня: петля!

И онъ поводилъ по горлу худенькой рукой, часто нюхалъ табакъ, чихалъ долго и сладострастно, а потомъ опять начиналъ ныть... Крысинъ слушалъ, сочувственно отвѣчалъ, но тамъ, въ глубинѣ его большого и рыхлаго тѣла, какъ пѣвучая нота въ оркестрѣ, сверкала красивая, отчеканенная мысль:

— Скоро свобода! Свобода! Свобода!

И пѣла эта мысль—красивая птица на вѣткѣ—и становился странно-близокъ убѣжавшій арестантъ... Да, оно понятно теперь, отчего человѣкъ не спитъ ночи, думаетъ, куетъ тайныя мысли о побѣгѣ, о солнцѣ, о жизни, которая тамъ, за сѣрымъ частоколомъ тюрьмы, какъ-то особенно сладко гремитъ и дразнитъ волей... Нѣтъ, „звѣря" не исправишь цѣпями, онъ все будетъ потихоньку перегрызать ихъ, хотя бы впереди, вокругъ и рядомъ, вѣчно стояли насторожѣ обученные люди съ ружьями...

Послѣ этого быстро надвинулись событія, точно судьба нарочно цѣлый годъ холодно и коварно скрывала подъ конецъ большое и важное для Крысина. Разъ, быстро прибѣжалъ въ контору взволнованный Тозиковъ, трагически упалъ на стулъ и воскликнулъ:

— Бѣда, Лаврентій Петровичъ!

— Что такое?

— Тюремный инспекторъ ѣдетъ... Мышкинъ.. Знаю я его: злая такая бестія, злая! Съѣстъ онъ меня! Слопаетъ. И въ тюрьму посадитъ, дорогой мой!

— Да за что?

— За побѣги... За побѣги проклятые! Сегодня ночью краснаго пѣтуха во снѣ видѣлъ, а это къ бѣдѣ... Къ бѣдѣ, дорогой мой! Разбудилъ Марфу Ивановну и говорю: «пѣтуха видѣлъ краснаго, голубушка!» А она перекрестилась, повернулась и опять спитъ... Женщины! Имъ что?

— Не волнуйтесь, Алексѣй Иванычъ... Инспекторъ самъ убѣдится, что бѣжать изъ подобной тюрьмы не трудно... Самъ убѣдится!..

— Знаю я ихъ! Знаю! Имъ рѣшительно все равно: служилъ человѣкъ престолу и отечеству, или нѣтъ? Имъ, издали, ловко приказывать, да угрожать... Нѣтъ, посидѣли бы вы сами, голубчики, сами бы посидѣли здѣсь, да еще съ такой... рожей!

При послѣднихъ словахъ Тозиковъ ткнулъ пальцемъ по направленію къ письмоводителю Нагоркину, который, по

обыкновенію, былъ выпивши... Всклокоченный и багровый, съ мутнымъ взглядомъ маленькихъ, узкихъ глазъ, Нагоркинъ заерзалъ на стулѣ, зловѣще кашлянулъ въ руку и пробурчалъ хрипло:

— Подобная деморализація личности неумѣстна... Если не нужно меня, можете уволить, а не называть тривіально...

Нагоркинъ любилъ говорить высокимъ слогомъ и жадно всегда ловилъ, особенно у политическихъ, иностранныя слова, употребляя ихъ кстати и некстати... Но Тозиковъ вскочилъ, какъ ужаленный, со стула, замахалъ руками и задергалъ, какъ коростель:

— Молчи! Молчи ты, ради Христа, Божій человѣкъ! Куда ты безъ меня, куда? Вѣдь тебя вездѣ гонятъ, вездѣ! Нѣтъ, ты десять разъ отъ меня уходилъ, а потомъ опять въ ногахъ валялся: „примите, Алексѣй Иванычъ!“ Молчи! Приведи лучше въ порядокъ всѣ дѣла, мучитель ты мой! Вѣдь у тебя чортъ знаетъ, что такое въ конторѣ! А въ шкафу что? Вѣдь тамъ кабакъ! Бутылки спрятаны... Думаешь, я не вижу? А все молчу, все молчу! Доброта моя проклятая довела меня до всего...

Онъ верещалъ, хватался за табакерку, нюхалъ и чихалъ... Нагоркинъ мрачно крякалъ въ руку, а Крысинъ смотрѣлъ, слушалъ, тихонько улыбался въ пушистые, сѣдые усы и ловилъ музыку звенящихъ въ душѣ словъ:

— Скоро свобода! Свобода!

И онъ поймалъ себя на томъ, что ему, въ сущности, теперь все равно и совсѣмъ не жаль Тозикова... Мало этого: пусть бы Тозикова отдали подъ судъ и посадили въ эти же гнилыя, сѣрыя стѣны... Онъ вѣдь тоже одно изъ тѣхъ звеньевъ уродливой и тяжелой цѣпи, которая стягивала людей въ одно ненавистное цѣлое!

Тозиковъ собирался уходить, но вдругъ остановился въ дверяхъ и обратился къ Крысину:

— А васъ, дорогой мой, придется спрятать куда-нибудь на время... Инспекторъ съѣстъ меня, если увидитъ васъ здѣсь!..

Что-то веселое и смѣющееся пробѣжало въ душѣ у Крысина... И онъ отвѣтилъ, улыбаясь:

— Куда угодно, Алексѣй Иванычъ, куда угодно!..

— Куда же васъ? Съ политикой неудобно?

— Куда-нибудь...

— Впрочемъ, арестанты, кажется, къ вамъ привыкли?

— Да вѣдь всего четыре дня осталось... Можетъ, и здѣсь просижу...

— Боже сохрани! Послѣ завтра жду инспектора...

— Ну, такъ я сяду съ... уголовными...

Онъ произнесъ это и провѣрилъ себя мысленно: пробѣжала въ душѣ на секунду тоненькая, холодная струйка, но страха не было... Тозиковъ неопредѣленно пожевалъ губами и махнулъ рукой:

— Привыкли! Какъ-нибудь просидите...

И онъ убѣжалъ, торопливо сѣменя тоненькими, дряблыми ножками...

А Крысинъ долго ходилъ по конторѣ, странно-взволнованный, стараясь провѣрить себя серьезно и глубже... И онъ приходилъ къ заключенію, что сказалъ Тозикову правду: онъ можетъ теперь сидѣть съ уголовными вмѣстѣ... Во-первыхъ, такъ или иначе, онъ просидѣлъ годъ,—длинный, выстраданный годъ новой и, непонятной прежде, жизни. Подъ конецъ сливался на дворѣ со всѣми заодно, а это уже роднило... Положимъ, съ нимъ не говорили, смотрѣли какъ-то жестко и загадочно, но это могло быть, съ его стороны, и результатомъ нѣкоторой мнительности. Мало этого. Приближается высокій, горделивый моментъ, когда онъ можетъ, наконецъ, вылить душу передъ этими пасынками жизни, преступными, но такими же людьми, какіе ходятъ въ городѣ и слушаютъ музыку тамъ, въ саду, гдѣ стоятъ бѣлыя, грустныя березы... И онъ скажетъ имъ... что? Сейчасъ онъ не можетъ вылить въ образы, въ нѣчто стройное и цѣльное, но, безъ сомнѣнія, скажетъ то, о чемъ раньше долго и проникновенно думалъ. Что исправника Крысина нѣтъ и не будетъ больше!.. Будетъ просто Крысинъ, Ивановъ или Сидоровъ, много познавшій въ тюрьмѣ, ненавидящій двадцать лѣтъ прошлой службы, которую у него кто-то такъ коротко и грубо свелъ къ нулю... Что онъ понялъ теперь, какъ дорога свобода, понялъ, почему бѣгутъ арестанты, почему неизмѣнно будутъ бѣгать всегда... Ибо нѣтъ на свѣтѣ такой силы, такихъ крѣпкихъ, кованныхъ цѣпей, которыя бы навсегда задушили въ людяхъ мысли о небѣ, о краскахъ и формахъ на землѣ, зовущихъ къ себѣ неодолимо!..

...Въ тотъ моментъ, когда Крысинъ, съ узломъ въ рукахъ, послѣ шести часовъ вечера входилъ въ камеру № 8, у него, въ глубинѣ большого и рыхлаго тѣла на секунду завозился остро и больно старый животный страхъ, но громаднымъ усиліемъ воли Крысинъ придавилъ его. Остались холодныя, колючія струйки, бѣгущія по спинѣ, да нѣсколько больно колотилось сердце... Поблѣднѣвшій, высокій, опустивъ книзу сѣдые усы, онъ вошелъ въ камеру въ сопровожденіи надзирателя и остановился... Смѣло выдержалъ взгляды, мгновенные, жуткіе, острые, какъ иглы... Снялъ

фуражку, низко поклонился кругомъ. Нѣкоторые отвѣтили... Стараясь держаться молодцевато и бодро, Крысинъ обернулся къ надзирателю и спросилъ сочнымъ басомъ:

— Куда прикажете?

Надзиратель Костинъ, старый николаевскій солдатъ, зорко осмотрѣлся кругомъ и крикнулъ:

— Эй, вы, купцы! Очистите мѣсто его благородію...

Молчали. Только Удавъ, лежавшій на нарахъ и смотрѣвшій въ потолокъ глазами безъ рѣсницъ, приподнялся и сказалъ:

— Здѣсь благородіевъ не полагается... Здѣсь все шпана...

Кто-то гнусаво хихикнулъ... Крысинъ обратился къ Удаву и сказалъ мягко:

— Не безпокойтесь: мнѣ все равно... Послѣ завтра я васъ не затрудню. Послѣ завтра я выпишусь...

И, повернувшись къ надзирателю, такъ же мягко и вѣжливо сказалъ:

— Вы, Костинъ, можете уходить... Я найду мѣсто...

— Слушаю-съ!—привычно и четко отвѣтилъ Костинъ.

Это „слушаю-съ" пробѣжало въ душѣ у Крысина ненавистнымъ звукомъ, и онъ махнулъ рукой. Костинъ круто повернулся, вышелъ и загремѣлъ замкомъ у дверей.

Крысинъ постоялъ немного и нерѣшительно подошелъ къ нарамъ. Замѣтивъ одно свободное мѣсто въ углу, у стѣны, онъ положилъ узелъ, снялъ пальто и сѣлъ на нары, чувствуя, какъ дрожатъ немного колѣни... Посмотрѣлъ для чего-то на свои пухлыя, какъ у женщины, руки... Задѣлъ нечаянно локтемъ арестанта, лежавшаго на нарахъ рядомъ, и вѣжливо сказалъ:

— Извините...

Камера молчала... Обычно шумная и галдящая, она теперь молчала, какъ сфинксъ, странно загадочная и волнующая именно этимъ молчаніемъ. Что таится въ этихъ людяхъ, какія мысли говорятъ въ нихъ? И Крысинъ смотрѣлъ по сторонамъ, волнуясь все больше... Старался замѣтить выраженіе лицъ и найти, хотя на одномъ изъ нихъ, то теплое и ясное, что́ подбодрило-бы его на эти два дня и дало возможность, передъ уходомъ на волю, высказать арестантамъ тѣ новыя и значительныя мысли и чувства, которыя строго и постепенно наростали въ немъ за годъ...

А въ камерѣ, гдѣ сидѣло человѣкъ сорокъ, было слышно только живое дыханіе однихъ и храпъ нѣкоторыхъ спящихъ. Много было новыхъ лицъ для Крысина—суровыхъ и благодушныхъ, уродливыхъ и красивыхъ, но всѣ эти лица, въ данный моментъ, казались спаянными однимъ общимъ выраженіемъ—внимательнымъ, странно-натянутымъ и, въ то же

время, значительнымъ по тому тайному и волнующему, что скрывалось въ душахъ... Бѣжала, отражаясь на лицахъ, какая-то странная, объединяющая всѣхъ искра, и это было видно по скошеннымъ другъ къ другу глазамъ, по усмѣшкамъ, быстро бѣжавшимъ по губамъ...

Отъ всего этого въ душѣ у Крысина временами сверлила острая, саднящая боль... Слухъ, чутко напряженный, ловилъ звуки шаговъ въ коридорѣ, гдѣ были надзиратели... Становилось тяжело, но вдругъ въ камерѣ раздался возгласъ Удава:

— Эхъ, дѣвку-бы сюда, а не исправника!..

И сразу все грянуло хохотомъ, задвигалось, загоготало... Отъ этого сдѣлались понятными лица, жесты, и отъ этого въ душѣ у Крысина пробѣжало солнце... И, чтобы еще ближе подойти къ тому ясному и опредѣленному, рожденному объединяющимъ смѣхомъ, Крысинъ самъ, покачиваясь грузнымъ тѣломъ, смѣялся жирнымъ баскомъ, втягивая голову въ плечи... И пушистые сѣдые усы его, опущенные къ низу, вздрагивали концами... И, чтобы еще ближе подойти къ ясному и объединяющему, онъ приподнялся съ наръ, комично поклонился въ сторону Удава и сказалъ:

— Вполнѣ съ вами согласенъ!..

Онъ ждалъ, что сейчасъ опять грянетъ хохотъ, ждалъ, что зашевелится весело камера, что ему отвѣтятъ, но всѣ, точно одинъ, смолкли, сдѣлали прежнія—настороженно-темныя—лица и всѣ, какъ одинъ, потянулись взглядами къ Рубану, молчаливо сидѣвшему на нарахъ... А онъ, точно не замѣчая ничего, внимательно для чего-то разсматривалъ кандалы... Удавъ лежалъ на спинѣ, смотрѣлъ въ потолокъ выпуклыми, странно-мертвыми глазами, лишенными рѣсницъ, и лизалъ тонкія, кровяныя губы...

Крысинъ замеръ, и тамъ, внутри, опять жадно высунулъ голову старый животный страхъ, съ зелеными глазами... Стараясь не смотрѣть на арестантовъ, онъ вдругъ дѣланно зѣвнулъ, громко, противъ воли, стукнулъ зубами, опять посмотрѣлъ для чего-то на руки и проговорилъ дрожаще, стараясь сдѣлать веселое лицо:

— Пожалуй, прилягу... Я думаю, можно?

Никто не отвѣтилъ... Медленно развязалъ узелъ, досталъ подушку, домашнее одѣяло... Не смѣлъ смотрѣть по сторонамъ, прислушивался къ шагамъ въ коридорѣ и думалъ:

— Можно крикнуть, если...

Собрался лечь и отвернулся къ стѣнѣ, сплошь замазанной кровью раздавленныхъ клоповъ... И думалъ опять, подбодренный своей рѣшимостью:

— Два дня... Пустяки... Нужно съ ними смѣлѣе...

— Господинъ исправникъ!—раздалось съ наръ.

Взглянулъ: спрашивалъ Удавъ, внимательно наблюдавшій за нимъ... И Крысинъ отвѣтилъ густо и твердо:

— Извините, я теперь не исправникъ...

— Кто-же вы?

— Арестантъ Крысинъ...

— Крысинъ?

— Да...

Помолчали.

— А помните, г. Крысинъ, какъ вы меня поймали у Стешки?..

— Въ домѣ терпимости?

— Да.

— Конечно, помню...

— Ловко вы меня забрали... спящаго... пьянаго...

— Я исполнялъ тогда свои обязанности... Я считалъ тогда это своей обязанностью...

Помолчали. За окномъ шелъ дождь, и слышно было, какъ гдѣ-то близко капли дождя чеканили:

— Такъ... такъ... такъ...

Мигали тускло двѣ керосиновыя лампы на стѣнахъ... Въ сосѣдней камерѣ кто - то тянулъ тоненько и жалобно пѣсню...

— Не поймай вы меня—былъ-бы я на волѣ...—глухо сказалъ Удавъ.

Чей-то грубый, точно каменный, голосъ упалъ съ другого конца камеры:

— Меня полиція била... четыре дня била...

— Они, дьяволы, дерутся...—подчеркнулъ третій голосъ.

— Еще какъ!..

Въ полумракѣ поднялась бритая голова, съ провалившимся носомъ. И раздался гнусавый голосъ:

— Хуруша дирются... Моя сильна билъ... По гулувамъ билъ!

И опять сразу всѣ заговорили, странно волнуясь, приподнимаясь съ наръ и поводя въ сторону Крысина бѣлками. Наростало что-то пугающее и злобное, точно люди надавили плечами на плохо подающуюся дверь, которую необходимо было вышибить. И отъ того, что дверь не поддавалась — люди злобно кричали... Звякали угрожающе кандалы, и только одинъ старый и хилый арестантъ громко шепталъ·

— Господи помилуй! Господи помилуй!

Дѣлалось тяжело и страшно. Крысинъ, молча, легъ на нары и повернулся лицомъ къ стѣнѣ... Закрылъ глаза, но слухъ, удивительно чуткій, кажется, даже улавливалъ движенія лицъ... И Крысинъ думалъ:

— Не буду спать... Всю ночь не буду!.. А потомъ все скажу имъ...

Лежалъ неподвижно и слушалъ... Какъ будто сговорилась вся камера: почти всѣ вспоминали полицію въ прошломъ и подчеркивали все то, что было связано съ Крысинымъ. Точно изъ глубокой, черной шахты, гдѣ много и долго работали люди, вылетали ядовитыя вспышки газа, хлопали въ воздухѣ и оставляли послѣ себя смрадъ и испаренія... И въ этихъ частыхъ, короткихъ, трескучихъ вспышкахъ четко и странно озарялись двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ глубокой, черной шахтѣ... Но не было здѣсь видно одного мучительнаго года, который одинъ стоитъ этихъ двадцати!

О томъ, что связано было съ полиціей, говорили много, упорно и вызывающе... Точно ждали и надѣялись, что вскочитъ человѣкъ съ наръ и заругается, можетъ, будетъ драться, или заплачетъ... Но Крысинъ, отвернувшись къ стѣнѣ, упорно молчалъ и даже пытался хитро захрапѣть, но это не выходило, и онъ слушалъ...

И вдругъ раздался металлическій голосъ Рубана:

— Господинъ исправникъ!

Крысинъ торопливо приподнялся, сѣлъ на нары и взглянулъ туда, гдѣ полулежалъ Рубанъ. Короткій и тревожный взглядъ Крысина встрѣтился съ насмѣшливыми, горящими глазами, сверлившими своимъ острымъ, колющимъ выраженіемъ. Крысинъ невольно потупилъ глаза и отвѣтилъ тихо:

— Я не исправникъ... Чѣмъ могу служить вамъ?

Рубанъ молчалъ: казалось, игралъ и наслаждался чѣмъ-то странно-веселымъ и загадочнымъ... И, наконецъ, медленно, съ паузами, произнесъ:

— Вы меня... тоже усердно... ловили?

— Да...—тихо согласился Крысинъ.

— Зачѣмъ?

— Приказывали...

Рубанъ, небрежно облокотясь локтемъ на изголовье, не спускалъ красивыхъ, страстно-горящихъ глазъ съ Крысина...

— Ну... и что же? Награду получили за это?!

— Нѣтъ... ровно ничего.. Напротивъ!

Крысину вдругъ пришло въ голову, что то огромное и важное по смыслу, что наростало въ немъ цѣлый годъ, должно именно сейчасъ выразиться въ ясномъ и опредѣленномъ для его новыхъ сотоварищей, съ которыми онъ такъ часто мечталъ поговорить задушевно... Наступилъ моментъ, когда онъ долженъ что-нибудь сказать имъ, чтобы разрядить разомъ все то непонятное и пугающее, что таилось во всѣхъ этихъ человѣческихъ сердцахъ... Съ силой подавивъ въ себѣ

тайно сосущій страхъ, Крысинъ рѣшительно всталъ съ наръ, выпрямился и повернулъ блѣдное лицо къ Рубану.

Ему хотѣлось сразу сказать что-нибудь большое и сильное, въ ясныхъ и твердыхъ выраженіяхъ, такое, что захватило бы всѣхъ... Но, какъ на зло, мысли странно разлетались порознь и цѣплялись за разные пустяки... Нужно было начать сильно и убѣжденно, но Крысинъ думалъ о томъ, что одна изъ лампъ въ камерѣ сильно коптитъ, а ухо невольно, почему то, ловило звуки, которые чеканили капли дождя за окномъ: такъ... такъ... такъ... Стараясь поймать разрозненныя мысли и подойти къ главному, Крысинъ заговорилъ хрипло:

— Господа! Мнѣ осталось сидѣть не много... Я могъ бы, конечно, и молчать... Но мнѣ хотѣлось... выяснить... собственно... то, за что вы меня ненавидите. Я, господа, самъ очень много пережилъ за этотъ проклятый годъ... Я вѣдь посѣдѣлъ здѣсь! Признаюсь, сначала я боялся васъ, такъ какъ служилъ по полиціи... Но, господа, теперь я не исправникъ больше, и теперь я понялъ, что меня самого обманывали цѣлыхъ двадцать лѣтъ!.. Я думалъ раньше, что служу правдѣ и закону. А они при первомъ же случаѣ отъ меня отвернулись и спокойно... да, спокойно, затоптали меня въ грязь... хотя ихъ первыхъ слѣдовало бы судить! Я теперь все, все понялъ! Понялъ—кому и чему я служилъ и во что вѣровалъ... Да! теперь я—только арестантъ Крысинъ!

Крысинъ задыхался... Схватившись за грудь, гдѣ бѣшено колотилось сердце, онъ, блѣдный, какъ стѣна, упалъ на нары и долго дышалъ тяжело и хрипло... Потомъ уткнулся головой въ подушку и замеръ... Было замѣтно, какъ его большое, рыхлое тѣло вздрагивало... Глубокая тишина, какъ могила, обнимала камеру. И теперь особенно четко доносилось отъ окна:

— Такъ... такъ... такъ...

Молчали долго... Старый и хилый арестантъ прошепталъ гдѣ то въ углу:

— Господи, помилуй насъ!..

Вдругъ Удавъ порывисто загремѣлъ кандалами и проговорилъ лѣнивымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Бабы каются, а дѣвки замужъ собираются...

Никто не засмѣялся, но все опять заговорило, задвигалось, странно приподнятое и страстное... Было похоже на то, что еще больше прорвалась плотина, которая до этого загораживала накопившіяся мысли... Вырывались гнѣвные и страстные возгласы:

— Сказывай сказки! Дай тебѣ мѣстечко, такъ опять съ нашимъ удовольствіемъ будешь гнуть людей въ бараній рогъ!..

— Полиція—такъ полиція! Можетъ, онъ, братцы, и хорошій человѣкъ, а все же—полиція...

— И душа, значитъ, полицейская... Неправильная душа!..

— Попалъ въ тюрьму—вотъ и запѣлъ за упокой души...

— Чижикомъ!..

— Я помню... разъ въ Сибири...—глухо заговорилъ Рубанъ, и всѣ смолкли.—Бѣжали мы съ однимъ товарищемъ... Насъ поймали... Вотъ, этакій же поймалъ чертъ, —толстый исправникъ... Н-ну!.. Приказалъ растянуть насъ... И по животамъ хлестали... По животамъ! Вспухли, посинѣли животы у обоихъ... Пиналъ намъ въ рожи сапогами!.. Лежачимъ, да связаннымъ... Какъ хватитъ сапогомъ! Что перенесли! Я въ больницѣ мѣсяца два валялся... Ужъ на что крѣпкій!.. Ну, вотъ! Попади тотъ исправникъ въ тюрьму — тоже, навѣрное, сталъ бы каяться: „братцы, мнѣ приказывали!“ Мало ли тамъ что приказываютъ? Ты самъ человѣкъ съ понятіемъ... Можно различить законъ... Добирался я сильно до этого исправника! Не попалъ, собака... Ну, потомъ, говорятъ его все таки пришпилили...

Крысинъ, весь похолодѣвшій, лежалъ и чувствовалъ, что старый животный ужасъ опять приподнимаетъ волосы... Неужели все то, что было имъ сказано, не тронуло ихъ? И ярко, до боли ярко мозгъ прорѣзываетъ фраза: „хоть ты и хорошій человѣкъ, а все таки, полиція“... Да... да... Не его лично они ненавидятъ... Не Крысина, не Иванова, не Сидорова, а то жестокое, безправное и злое, что воплощалось въ немъ самомъ двадцать лѣтъ... то, что исторически, цѣлыми вѣками, плясало на людяхъ... давило ихъ...

Камера затихла, и только изрѣдка доносился шепотъ... И этотъ загадочный, короткій шепотъ казался страшнѣй рева, грохота, брани... И Крысинъ, охваченный тоской и страхомъ, горячо и проникновенно шепталъ:

— Господи! Спаси меня!...

Вспомнились звонкоголосыя улицы, красивый плачущій вальсъ и Францъ Ивановичъ, рокочущій бархатными октавами... жена... Только двѣ ночи отдѣляли все это отъ Крысина, только двѣ, но эти двѣ черныя ночи могутъ принести многое... Господи, неужели они звѣри?..

Такъ онъ лежалъ долго, съ отекшимъ бокомъ... Наконецъ, заговорили о другомъ, ходили, задѣвали за ноги, звенѣли кандалами... Слышно было, какъ играли въ карты, и Крысинъ удивлялся тому, что въ камерѣ имѣются карты... Рубанъ за картами ударилъ кого то и крикнулъ бѣшено:

— Сволочь! Ветошникъ! *).

---

*) Шуллеръ.

Затѣмъ, какъ всегда, ругались матерно, пѣли и хохотали охрипшими голосами... Мало-по-малу, улеглись, и въ камерѣ стало тихо.

Крысинъ подождалъ еще немного и приподнялся, чтобы взглянуть кругомъ и дать отдохнуть боку. Горятъ лампы на стѣнахъ и бросаютъ рыжія пятна... На нарахъ лица, чужія непонятныя лица, которыя недавно сдвигались угрозой... Растянулся во весь ростъ стройный Рубанъ и храпитъ. Лежитъ на спинѣ Удавъ, и страннымъ кажется отсюда это мучное лицо съ глазами, лишенными рѣсницъ: какъ будто арестантъ не спитъ и хищно-сторожко смотритъ, скосивъ глаза, въ двѣ красныя щели вѣкъ...

Крысинъ легъ на спину и такъ лежалъ долго-долго, слушая, какъ стучалъ дождь по желѣзнымъ крышамъ, и было веселѣй на душѣ, когда въ коридорахъ проходили надзиратели и заглядывали въ окно въ дверяхъ... Послѣ побѣга они всегда смотрѣли зорче и часто шмыгали по коридору. И Крысинъ, все болѣе успокаиваясь, думалъ:

— Я преувеличиваю... Что имъ, въ самомъ дѣлѣ? Отвели душу, поругались и кончено... Непривычка... Поэтому и струсилъ... Еще одна ночь впереди... Завтра, быть можетъ, сойдемся... еще поговоримъ... Эхъ, на волю, на волю! Отдохнуть нужно хорошенько...

Успокоившись, онъ задремалъ. Кусали клопы, вползали на лицо и мгновенно впивались... Спящіе метались, звенѣли желѣзомъ и бормотали во снѣ...

Сонъ охватывалъ. Слышно было, вскользь уже, какъ кто-то всталъ и пошелъ къ парашѣ. Громко зѣвнулъ и опять легъ на мѣсто... Хотѣлось послѣдить, послушать, но свинцовый сонъ сковывалъ тѣло, и Крысинъ заснулъ. Тотчасъ-же выросъ передъ нимъ толстый Францъ Иванычъ и спросилъ весело:

— Вамъ водки?

— Да... да...

Играла гдѣ-то недалеко свѣжая, милая музыка, и Крысинъ пошелъ по аллеѣ, усыпанной желтымъ пескомъ... Стояли по бокамъ бѣлыя березы, кланялись вершинами Крысину, и Крысинъ кланялся имъ... Дѣвушки, всѣ въ розовомъ, разсыпались между березами, прятались за стволами и кричали Крысину звонко и радостно:

— Ау... ау!..

И Крысинъ кричалъ имъ изо всѣхъ силъ:

— Ау! Ау!

Стоялъ въ воздухѣ какой-то сказочный праздникъ жизни, пѣла милая, нѣжная музыка:

Онъ шелъ по желтой аллеѣ, а березы все кланялись,

сверкая золотыми отъ солнца листьями... И шелъ по аллеѣ не бывшій исправникъ Крысинъ, а какой-то Ивановъ или Сидоровъ, молодой и красивый, съ упругимъ сильнымъ тѣломъ. Хотѣлось запѣть сильно и молодо, запѣть на весь міръ и слушать, какъ колется эхо сотнями пѣвучихъ отголосковъ...

...Внезапно выросъ передъ нимъ отецъ.., Высокій, черный, сутулый, съ жилистыми руками... Пошелъ рядомъ и говоритъ глухо:

— Корову продали... корову! Недоимки, говорятъ, давай... А все исправникъ, будь онъ проклятъ! Велитъ силой и по волостямъ описывать...

Ненависть звучитъ въ голосѣ отца, онъ тяжело дышитъ и съ ненавистью смотритъ на Крысина. И Крысинъ говоритъ ему:

— Я теперь Ивановъ...

Но отецъ и кричитъ хрипло:

— Ты исправникъ?

— Нѣтъ, Ивановъ...

— Врешь, исправникъ проклятый!

...Проснулся, весь облитый холоднымъ потомъ... По прежнему тоскливо мигаютъ лампы... Разметались люди на нарахъ. Одни спятъ кротко и спокойно, какъ дѣти, другіе храпятъ, бормочутъ, ворочаются и царапаютъ тѣла, искусанныя клопами... Иногда громыхаютъ кандалы, и безсмысленными кажутся эти желѣзныя путы на ногахъ спящихъ людей... Вотъ лежитъ безносый Гумаръ... Не снится-ли ему родная башкирская деревня, затерянная въ степи? Или, можетъ, все еще дрожатъ и переливаются въ его душѣ вольныя пѣсни курая? Спитъ Рубанъ, грозный даже во снѣ... Четко рисуются его соболиныя брови и, сквозь черные усы, слегка обнажились бѣлые, крѣпкіе, какъ у волка, зубы... Что ему снится? Можетъ быть, занесъ надъ кѣмъ-нибудь ножъ, можетъ, тихо и зорко пробирается въ глухой и дикой тайгѣ, чуткій и напряженный, какъ рысь?..

Крысинъ осматриваетъ всѣхъ съ жаднымъ и новымъ любопытствомъ... Да, все люди, все человѣческія лица... И судьба положила его рядомъ съ тѣми, съ которыми онъ раньше даже не заговорилъ бы... Странная судьба! Какъ тяжело на сердцѣ! Далеко-далеко несется басовой ревъ поѣзда, и воображеніе создаетъ образы... Чудится огромная, важная таинственная ночь, тоскливая осень, крадущаяся по черной землѣ, узкая лента дороги и желѣзное чудовище, разсѣкающее воздухъ и ночь... Безумно хочется воли... Уйти скорѣй за эти

гнилыя стѣны!.. О, какъ тяжело здѣсь, въ этой проклятой черной ямѣ, рядомъ съ враждебными, непонятными людьми!

Крысинъ не можетъ уснуть, лежитъ и смотритъ въ потолокъ, гдѣ притаились хищныя, вкрадчивыя тѣни... Клочками несутся думы... Скоро на выписку! Эта мысль озаряетъ душу, какъ солнце... И скоро утро... А тамъ еще одинъ день и одна ночь...

Понемногу Крысинъ опять успокоился и заснулъ крѣпко, безъ сновидѣній... Проснулся и удивился. Въ камерѣ уже кипѣла жизнь, стояло солнечное, сверкающее утро, и сквозь желѣзные переплеты оконъ виднѣлось чистое, голубое небо... Поднималась мощная радость дня, которая угнала тяжелые призраки ночи... Отъ этого сдѣлались проще и ближе сѣрыя фигуры и лица людей, казавшихся ночью злыми и хищными, какъ степные волки... Нѣкоторые арестанты пили чай, весело переговаривались, другіе ушли на тюремный дворъ, одинъ громко, по слогамъ, читалъ полученное письмо... Въ коридорѣ сновали надзиратели, хлопали двери, кричали кого-то въ контору, звенѣли кандалы... На Крысина никто не обращалъ вниманія, точно его и не было въ камерѣ. Заглянулъ старый служака—надзиратель Костинъ и заботливо подошелъ... Крысинъ попросилъ умыться, потомъ чаю и хлѣба... Оказалось, что утромъ уже была жена, привезла свѣжаго хлѣба и пирогъ съ какой-то вкусной начинкой... Все это Костинъ принесъ въ камеру, и скоро Крысинъ, свѣжій и подбодренный, съ удовольствіемъ пилъ чай и ѣлъ вкусный пирогъ. Проходилъ мимо Рубанъ, и Крысину захотѣлось сказать ему что-нибудь ласковое и простое:

— Не хотите ли, Рубанъ, чаю?

Но Рубанъ метнулъ взглядомъ въ его сторону и процѣдилъ:

— Благодарю... Я ужъ пилъ...

И пошелъ къ дверямъ, не оглядываясь, гордый и стройный, ритмично звеня кандалами... Напившись чаю, Крысинъ, окончательно повеселѣвшій, пошелъ на тюремный дворъ. Вышелъ—и зажмурился отъ яркаго солнечнаго блеска, рѣзавшаго глаза... Съ наслажденіемъ глоталъ свѣжій воздухъ, еще влажный отъ дождя, который шелъ ночью... Гремѣли на улицѣ экипажи, сверкало небо, доносился людской говоръ, и страстно тянула къ себѣ свѣжая трудовая жизнь, рожденная яркимъ днемъ... И опять, какъ музыка, зазвенѣла въ душѣ пѣвучая мысль:

— Завтра! Завтра!

Отъ этого наростало въ душѣ кипучее сверкающее чувство, отъ котораго хотѣлось прыгнуть и побѣжать по двору упругимъ, юношескимъ шагомъ. И Крысинъ ласково и довѣрчиво заглядывалъ въ лица арестантовъ...

Потомъ онъ пошелъ въ контору. Болѣзненно поморщился, когда кто-то изъ надзирателей козырнулъ. Въ конторѣ сидѣлъ одинъ Нагоркинъ и усердно скрипѣлъ перомъ. Поздоровались. Нагоркинъ глядѣлъ трезвымъ, но волосы, по прежнему, торчали копной на головѣ. Любезно угостилъ Крысина папиросой и спросилъ:

— Какъ провели, Лаврентій Петровичъ, ночку?

— Ничего, ничего...—бодро отозвался Крысинъ.

— Антагонизма незамѣтно было?

— Ничего, ничего...

— А мы все ждемъ этого окаяннаго инспектора... Когда пріѣдетъ, чортъ его знаетъ!.. Говорятъ—завтра...

Скрипнула дверь, и въ контору зашелъ подслѣдственный арестантъ Лазаревичъ, обвинявшійся въ подлогѣ и каждый день писавшій обличительныя прошенія... Худой, горбоносый, съ острымъ и злымъ профилемъ, онъ молча подошелъ къ Нагоркину и подалъ аккуратно сложенное прошеніе.

— Это что опять за поэма? — насмѣшливо спросилъ Нагоркинъ.

— Это заявленіе господину прокурору...

— На счетъ какихъ комбинацій?

— А на счетъ грабительства въ здѣшней тюрьмѣ!..

— По какимъ мотивамъ...

Лазаревичъ съежился, какъ кошка, готовая прыгнуть, позеленѣлъ и заговорилъ со злостью:

— Не притворяйтесь, господинъ писарь! Я все знаю!.. Ржаную муку вы берете на базарѣ, такъ сказать, отбросы, а по книгамъ списываете за первый сортъ... Мясо вы покупаете дохлое, стоющее 3 копѣйки за фунтъ, а списываете по 10 копѣекъ за фунтъ... И многое другое прочее... Крупа, напримѣръ... Господинъ смотритель набиваетъ карманы, а арестанты должны плохое питаніе имѣть... По какому это праву? И подаянія, напримѣръ, не всѣ отдаете: что получше—слопаютъ надзиратели... Грабительство—и больше никакихъ. Формальное грабительство!

— Подобная деморализація административной власти неумѣстна здѣсь, Лазаревичъ...

— А вотъ пусть прокуроръ понюхаетъ... Не усмотритъ прокуроръ,—буду писать въ главное тюремное управленіе... Тамъ не усмотрятъ—напишу министрамъ... Не усмотрятъ министры—напишу государю императору!.. Мы знаемъ, гдѣ путь лежитъ... Добьемся!

Лазаревичъ пошелъ и угрожающе хлопнулъ дверью. Нагоркинъ задумчиво дымилъ папиросой и проговорилъ:

— Очень безпокойный элементъ... А впрочемъ, есть грѣшки

и у насъ, есть!.. Къ пріѣзду Мышкина харчей получше купимъ...

Онъ хитро подмигнулъ Крысину. Тотъ понялъ, и оба захохотали: писарь всхлипывающимъ, жидкимъ теноромъ, а Крысинъ сочнымъ, густымъ басомъ...

— Такъ есть грѣшки?—хохоталъ Крысинъ.

— Есть... есть!..—кашлялъ и сипѣлъ Нагоркинъ.

Веселый и возбужденный, Крысинъ посидѣлъ въ конторѣ и опять пошелъ погулять на дворѣ. На ходу бросилъ Нагоркину:

— Завтра вѣдь я на выписку?

— Да, да... Все приготовимъ, Лаврентій Петровичъ.

— Благодарю...

Въ коридорѣ ласково посмотрѣлъ на надзирателей и не утерпѣлъ, чтобы не сказать:

— Завтра, ребята, на выписку... Будетъ — погостилъ у васъ!

Широко улыбнулись всѣ.

— Такъ точно!..

Чѣмъ-то старымъ, отдаленнымъ стукнуло это „такъ точно"... Хотѣлъ разсердиться, но не могъ... И поймалъ въ себѣ жуткую, острую мысль:

— Кажется... есть еще во мнѣ полиція...

Заторопился, сурово кашлянулъ и пошелъ на дворъ. День сверкалъ, какъ послѣдняя жемчужина умирающаго лѣта. Было тепло, въ воздухѣ пахло чѣмъ-то прянымъ, въ городѣ задумчиво и грустно перекликались церковные колокола. Какъ хорошо будетъ завтра, въ такой же красочный день, пойти по улицамъ свободнымъ и веселымъ!.. И Крысинъ представлялъ себѣ, что онъ нарочно пойдетъ изъ тюрьмы пѣшкомъ, медленно, рядомъ съ женой, и будетъ раскланиваться съ знакомыми... Еще одна ночь впереди... Только одна! Вѣроятно, арестанты оставятъ его теперь въ покоѣ... Не сошлись—и только! Теперь нѣтъ смысла стараться сойтись съ ними... Проходить до шести часовъ вечера на дворѣ, чтобы меньше провести времени въ этой удушливой и страшной ночью камерѣ № 8, гдѣ осталось что-то глухое и угрожающее... А къ ночи попросить Костина подежурить у окна...

Такъ проходилъ онъ по двору до двѣнадцати часовъ дня. Пріѣзжалъ смотритель Тозиковъ и, какъ ужаленный, съ надзирателями носился по камерамъ, забѣгалъ въ пекарню, топалъ ножками и кричалъ... Бѣгалъ въ отхожее мѣсто, въ баню, гдѣ опять визгливо кричалъ и топалъ ножками. Пробѣгая мимо Крысина, жалобно посмотрѣлъ на него и простоналъ:

— Завтра Мышкинъ будетъ.. Не повѣрите, дорогой: го-

лову потерялъ совсѣмъ! Вездѣ грязь, вонь, все запущено... А все доброта моя... Но я подтяну всѣхъ, я подтяну!

Онъ погрозилъ пальцемъ арестантамъ, наблюдавшимъ за нимъ. Тѣ дружно захохотали... Тозиковъ хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукой и опять, какъ ужаленный, рванулся впередъ.

— Забѣгалъ, робя!—хохотали арестанты.

— Взопрѣлъ! Гы! гы!

— Закарячило!

— Опять, поди, краснаго пѣтуха во снѣ видѣлъ?

— Небось, паря, седни четыре фунта табаку изнюхалъ..

— Вишь, носъ-то черный... Тамъ, поди, десятину хлѣба можно посѣять...

— Отсырѣло! Гы! гы!

Крысинъ слушалъ и смѣялся за-одно съ другими... Черезъ полчаса надзиратели приказали арестантамъ идти, по партіямъ, въ баню. На дворѣ началась шумная, говорливая жизнь... Арестанты любили баню и обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждали субботы, чтобы попарить накусанныя тѣла... Парились до одуренія, съ какимъ-то ожесточеннымъ сладострастіемъ и часто зимой, съ голыми красными тѣлами, выбѣгали изъ бани и съ размаху погружались въ снѣгъ... Полежавъ въ снѣгу, снова бѣжали въ баню, лѣзли на полки и опять парились сладострастно и долго... Ржали въ это время по лошадиному, кричали, свистѣли, завывали по собачьи... Стоялъ въ банѣ говоръ, охали шайки для мытья, свистѣли въ воздухѣ вѣники, гремѣлъ раскатистый хохотъ... Возвращались въ камеры, обновленные, красные, съ запахомъ разгоряченныхъ тѣлъ и березовыхъ вѣниковъ... Послѣ этого много пили чаю, меньше ругались; баня, очевидно, скрашивала сѣрые, однообразные тюремные дни и поднимала на время не только тѣлесныя, но и душевныя силы.

Крысинъ ходилъ на дворѣ и наблюдалъ. Вотъ пошли въ баню изъ камеры № 8. Впереди весело подпрыгивалъ безносый Гумаръ, гримасничая и кривляясь... Стрѣлочникъ хохоталъ и кричалъ Гумару:

— Эй, немаканый! Хошь дунгуза? *).

Гумаръ плюнулъ и началъ ругаться матерно. Всѣ хохотали:

— Чушка надо, Гумаръ?

Проходя мимо Крысина, Стрѣлочникъ насмѣшливо крикнулъ:

— Ваше благородіе! Не желаете ли въ баньку?

— Попаримъ!..—вскричалъ другой.

---

*) Свинья—по башкирски.

— Онъ, робя, завтра на выписку...

— Мы бы выписали въ банѣ!..

Опять загремѣлъ хохотъ.:. Крысинъ, молча, смотрѣлъ вслѣдъ, и сердце его опять болѣзненно сжалось: впереди еще ночь въ казармѣ, длинная, тяжелая, загадочная ночь... И онъ мысленно рѣшилъ, какъ можно, меньше сталкиваться теперь съ арестантами и пробыть до шести часовъ вечера на дворѣ. Пользуясь тѣмъ, что его камера на время пустовала, пошелъ закусить пирога съ начинкой и напиться чаю съ надзирателями. Попросилъ Костина подежурить ночь у окна; тотъ съ готовностью согласился, и Крысинъ, значительно успокоенный, отправился опять на дворъ... Гулялъ долго, зашелъ опять въ контору, покурилъ съ Нагоркинымъ и даже помогъ ему переписать отчетную вѣдомость, приготовленную къ пріѣзду инспектора. При этомъ оба смѣялись до слезъ надъ тѣмъ, что по вѣдомости все обстояло благополучно...

Къ четыремъ часамъ дня арестанты всѣ перемылись, и часть ихъ уже бродила на тюремномъ дворѣ. Гуляли вмѣстѣ Рубанъ и Удавъ, дружно позвякивая цѣпями... Солнце ярко свѣтило, день выдался теплый и манящій, на дворѣ находился постовой надзиратель. Крысинъ подумалъ и, желая сократить время, рѣшилъ сходить въ баню. Обычно изъ конторы въ баню сопровождалъ его надзиратель Костинъ, но на этотъ разъ Костинъ былъ занятъ, и Крысинъ рѣшилъ не безпокоить его, тѣмъ болѣе, что на дворѣ взадъ и впередъ ходилъ постовой надзиратель... Крысинъ сходилъ въ камеру, досталъ узелъ и выбралъ чистое бѣлье... Пока онъ это дѣлалъ, Стрѣлочникъ почему-то съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ, а потомъ внезапно и тихо вышелъ изъ камеры... Крысинъ аккуратно оправилъ постель на нарахъ и отправился въ баню. И, когда онъ шелъ, арестанты странно скашивали глаза въ его сторону...

Въ банѣ, гдѣ осталось много грязи послѣ мывшихся людей, Крысинъ выбралъ мѣсто на полкѣ, тщательно облилъ его водой и началъ мыться. Сидя на полкѣ, онъ благодаря своей жирной, отвисшей книзу груди, казался большой толстой женщиной... Тѣло было бѣлое, рыхлое и при каждомъ движеніи дрожало и переливалось волнообразно, какъ студень...

Смывая съ головы мыльную пѣну, Крысинъ, между всплесками воды, вдругъ услыхалъ глухой, подавленный лязгъ кандаловъ... Мгновенно раскрывъ глаза, которые ѣло мыломъ и боясь смыть это мыло, онъ замеръ и осмотрѣлся. Въ банѣ ходилъ сизоватый паръ, пахло потомъ и пареннымъ вѣникомъ... Но никого въ банѣ не было, а на дворѣ

шумѣли арестанты, и Крысинъ подумалъ, что ослышался... Однако, старый животный страхъ, какъ кошка, зацарапалъ тѣло, мгновенно пробѣжавъ отъ головы до пятокъ... Руки дрожали мелкой рябью, и мысли путались, какъ стебли травы...

Чутко настороженный и нервный, онъ торопливо началъ мыться. И опять вдругъ замеръ... Подъ полкомъ, на которомъ онъ сидѣлъ, ясно слышалось теперь тяжелое, нервное дыханіе... И кто-то осторожно шевелился, чуть-чуть брякнувъ цѣпями... Тогда Крысинъ оцѣпенѣлъ и схватился за сердце... Оно спирало грудь неровными прыжками и рвалось, какъ собака на привязи... Въ глазахъ заходили огненные круги, а въ животѣ больно и рѣзко сдавило кишки... Онъ собрался съ силами, наклонился и крикнулъ, задыхаясь:

— Кто... тамъ?

Онъ крикнулъ и не узналъ своего голоса... Кто-то чужой крикнулъ такъ, какъ кричатъ съ сдавленнымъ горломъ... И, вытаращивъ налившіеся кровью глаза, Крысинъ сидѣлъ, покачивался и упиралъ толстую, мохнатую руку въ то мѣсто, гдѣ бѣсновалось сердце...

Опять подъ полкомъ звякнули цѣпи, на этотъ разъ звучно... И сразу выползли изъ-подъ полка двое... Въ облакахъ сѣраго, рыхлаго пара сверкнули огненные глаза... Уперлись въ Крысина... Рядомъ стоящій лизалъ тонкія, кровяныя губы... И кто-то изъ нихъ сказалъ:

— Ваше благородіе!.. Мы васъ помыть пришли...

Подходили ближе къ самымъ ногамъ... Крысинъ держался за сердце и чернѣлъ... На секунду въ мозгу, какъ остріе, полоснула мысль:

— Кричать нужно!..

И онъ широко разинулъ было ротъ, но кто-то чужой пискнулъ, какъ заяцъ:

— А-а-а!..

А снизу, будто двѣ кошки, вспрыгнули на полокъ два человѣка, опрокинули жирное, трясущееся тѣло и дружно схватили его за горло... Страшно забился Крысинъ, посинѣлъ весь, стараясь вырваться, потомъ высунулъ языкъ и закусилъ его до крови... И покатился въ черную яму...

А. Туркинъ.

* * *

Подъ пологомъ ночи глухой
    Шли долгіе, скорбные годы;
Неясной чуть брезжилъ звѣздой
    Загадочный призракъ свободы.

„Идите!—властительно звалъ
    Таинственный голосъ:—За мною!
За гранью чернѣющихъ скалъ
    Ужъ небо алѣетъ зарею.“

И вѣрило сердце ему,
    И вѣрить порою не смѣло...
Закутаны въ снѣжную тьму,
    Мы двигались въ даль безъ предѣла.

И вдругъ ослѣпительный лучъ
    Блеснулъ надъ холоднымъ просторомъ!
По ребрамъ зардѣвшихся тучъ
    Скользили мы трепетнымъ взоромъ...

То мигъ былъ, одинъ только мигъ,
    Блаженный, какъ первая ласка:
Плѣнительный образъ возникъ—
    И въ сумракѣ скрылся, какъ сказка.

Но въ сердцѣ сверкающій слѣдъ,
    Сочащійся кровью, хранится...
Слѣпцу ли, узрѣвшему свѣтъ,
    Съ царящею тьмой примириться?..

П. Я

НАТАША.

I.

Мы шли по Пречистенкѣ, спускаясь къ храму Спасителя, и Тишинъ говорилъ мнѣ:

— Чудная штука деньги: посмотришь — такъ себѣ, безъ надобности, кругляшка, а самъ цѣлый вѣкъ за нее маешься, словно бы и вправду нуженъ металлъ человѣку.

Тишинъ, худощавый мужчина съ желтымъ лицомъ и узкой черной бородкой, всегда былъ безъ должности, и въ поискахъ ея мы постоянно ходили съ нимъ по всѣмъ зажиточнымъ знакомымъ и родственникамъ моей тетки. А такъ какъ прислуга этихъ знакомыхъ скоро научилась узнавать потрепанное порыжѣвшее пальто Тишина, то ихъ самихъ вѣчно не оказывалось дома, какъ будто они всѣ уже давно выселились изъ своихъ квартиръ.

— Барыня въ гости уѣхали, не принимаютъ.

Послѣ каждаго такого безсвязнаго и торопливаго отвѣта мысль Тишина неустанно продѣлывала одну и ту же логическую работу.

— Ежели уѣхавши, сами знаемъ, что не принимаютъ,— убѣдительно доказывалъ онъ мнѣ, выходя на улицу и закуривая,—а ежели не принимаютъ, стало быть не уѣхавши.

Однако, несмотря на всю убѣдительность и логичность этого разсужденія, приходилось покоряться, и скоро мы оба такъ твердо знали, какая картина ожидаетъ насъ въ каждомъ новомъ подъѣздѣ съ зеркальными стеклами и швейцаромъ или въ просторной передней съ медвѣдемъ и запахомъ нафталину, что дѣлалось невыносимо тошно при одной мысли о новомъ звонкѣ. Наряженныя горничныя, электричество, паркетные полы, вѣшалки съ удушающей громадой шубъ, подозрительные взгляды, отказы въ пріемѣ,—довольно!

Еще хуже бывало, когда насъ принимали и недовѣрчиво

пускали въ переднюю. Тогда къ намъ всегда выходила сама барыня съ строгимъ и недовольнымъ лицомъ, держа въ рукѣ карточку моей тетки.

— Это вы племянникъ мадамъ Шебуевой?

Я увѣренно подтверждалъ, что, дѣйствительно, мадамъ Шебуева—моя тетка.

— Этого человѣка наниматься привели?

Слѣдовалъ безпокойно озабоченный взглядъ въ сторону потрепаннаго пальто и едва замѣтное пошевеливаніе ноздрями, въ отвѣтъ на упорный ароматъ махорки, неизмѣнно сопутствующій моему пріятелю.

— Очень, очень трогательно съ вашей стороны, что лично себя утруждаете заботой о человѣкѣ. Вѣрно, хорошій человѣкъ. Но что-жъ дѣлать, ничего не могу, рѣшительно ничего.

Она, шурша платьемъ, уходила въ сосѣднюю комнату, и мы слышали оттуда ея недовольный голосъ:

— Маша, отворяйте дверь всегда на цѣпочкѣ.

Одинъ разъ мы выслушали даже очень занимательную повѣсть о томъ, какъ пришли такіе же двое, какъ мы, и пока барыня читала сопроводительное письмо, присвоили себѣ баринову шапку и сумочку гувернантки m-lle Jules.

— Къ счастью, тамъ было всего два рубля.

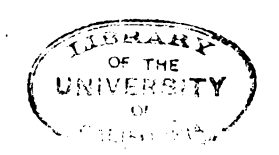
Но хуже всего бывало, когда Тишинъ въ концѣ концовъ получалъ должность. Ему попадалось всегда самое неподходящее для него занятіе, и когда онъ оказывался недостаточно услужливымъ дворникомъ или мало внушительнымъ швейцаромъ, его разсчитывали, и послѣ этого двѣ недѣли меня всюду преслѣдовали сѣтованія и жалобы на людскую ненадежность и неблагодарность, а тетка долго отказывалась метать бисеръ передъ свиньями и вновь предоставить въ наше распоряженіе свою визитную карточку.

— Ни за что!—говорила она, энергически наклоняясь ко мнѣ всѣмъ своимъ внушительнымъ корпусомъ.— Я потеряла всякое довѣріе къ этому человѣку.

Приходилось ждать, искать другихъ путей, а затѣмъ снова подымать всю эту, обоимъ намъ давно опостылѣвшую, канитель.

Въ разгарѣ этой послѣдней мы и спускались по Пречистенкѣ, и, можетъ быть, отъ этого, бесѣда Тишина носила явно пессимистическій характеръ. Въ концѣ концовъ онъ объявилъ, что больше не ступитъ ни шагу. Однако, мнѣ удалось убѣдить его продѣлать еще одну, послѣднюю попытку.

Противъ ожиданія, насъ пустили въ переднюю, и барыня


LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF

была дома. Пока ей докладывали, мы молча смотрѣли, какъ барышня говоритъ въ телефонъ.

— Кто? Леня? не знаю... Да что вы! Михаилъ Николаевичъ, достаньте и мнѣ билетъ, пожа-а-луйста. Неужели Шаляпинъ?.. Нѣтъ, не слыхала. Видѣли ея жениха? Нѣтъ? Сегодня? Можетъ быть. Ну, прощайте.

Она бережно повѣсила трубку и обернулась къ намъ.

Свѣтлой радостью молодости вѣяло отъ ея тонкаго лица съ непокорными прядями волосъ на высокомъ лбу. Мнѣ показалось, что я гдѣ-то видѣлъ ее.

— Здравствуйте!—весело сказала она, подходя къ намъ и кланяясь, но не протягивая руки.—Это что? Къ мамѣ? Я сейчасъ скажу.

— Ужъ пошли говорить,—сурово возразилъ Тишинъ, ни мало не поддаваясь ея обаянію.

Она нерѣшительно постояла на мѣстѣ, внимательно оглядывая насъ наивно-любопытными глазами.

Когда Тишинъ былъ взятъ въ этотъ домъ въ дворники, я убѣдился, что именно эта дѣвушка принесла намъ счастье. Она такъ весело цѣловала свою мать, и та вся таяла отъ этихъ поцѣлуевъ, свѣжихъ, какъ весенній вѣтеръ. И нельзя было не стать отъ нихъ доброй, какъ фея, и не исполнить какую бы то ни было просьбу какого бы то ни было человѣка.

„Вы видите, какая у меня дѣвчурка"—говорили, казалось, смѣющіеся глаза матери. „О, конечно, я все сдѣлаю".

Тишинъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, когда мы съ нимъ возвращались домой. Конечно, мы зашли въ пивную и тамъ долго болтали и строили планы на будущее.

Когда я кончу университетъ и поѣду въ Среднюю Азію для изученія еще никѣмъ не изученныхъ пустынь, Тишинъ поѣдетъ со мной, и мы вмѣстѣ будемъ охотиться.

— Тамъ мѣста вольныя,—мечталъ Тишинъ, — почитай, верстъ на сто ни одной деревни не встрѣтишь, звѣря всякаго во вѣкъ не перечтешь, только, знай, заряжай, руки устанутъ.

Потомъ онъ обращался къ моему ученому авторитету для подтвержденія своей фантазіи.

— А тамъ, Павелъ Сергѣичъ, полагать надо, и козы, что зайцы...

— Козы, антилопы и дикія лошади, — излагалъ я свои зоогеографическія познанія.

— Господи, привелось бы весь край земной обойти!

И Тишинъ весь горѣлъ счастьемъ при этой мысли...

Когда вышли изъ ярко освѣщенной пивной,—вернулись къ темной реальной дѣйствительности. Выражали твердую увѣренность, что новое мѣсто моего пріятеля окажется прочнымъ, и онъ долго просидитъ на немъ.

Но на самомъ дѣлѣ Тишинъ прожилъ дворникомъ въ домѣ Носовыхъ всего только одну недѣлю.

Вотъ какъ это вышло...

Я изложу, однако, всю его исторію не такъ, какъ онъ самъ мнѣ ее передавалъ, а такъ, какъ я ее себѣ нарисовалъ по его разсказамъ. Можетъ быть, моя картина этого происшествія и не совсѣмъ точна, но я такъ съ ней сжился, что вполнѣ самъ повѣрилъ въ нее, и для меня была бы неправдой всякая иная передача.

II.

Въ первый же день, что Тишинъ явился на свою новую должность и занялъ мѣсто у воротъ, къ нему, возвращаясь изъ гимназіи со сверточкомъ книгъ подъ мышкой, подошла Наташа. Въ гимназіи было скучно и тоскливо, и каждый разъ, вырываясь на улицу, Наташа чувствовала, какъ ее всю охватываетъ какая-то безумная радость жизни, и все кругомъ казалось необычнымъ, заманчивымъ и удивительно интереснымъ. Бывали иногда совсѣмъ особенныя минуты, когда Наташа вдругъ начинала ясно чувствовать свою молодость и здоровье, ощущала ихъ біеніе въ каждомъ мускулѣ, въ каждомъ уголкѣ своего тѣла. И тогда особенно хорошо было жить.

— Здравствуйте!—весело закричала Тишину Наташа еще издали.

А подойдя близко, подумала и подала ему руку. Тишинъ удивился, растрогался и крѣпко пожалъ ея тонкіе, довѣрчивые пальцы.

Наташѣ хотѣлось съ нимъ побесѣдовать, но она не знала, съ чего начать. И такъ они съ минуту стояли другъ противъ друга у воротъ, залитые яркими лучами уже совсѣмъ почти весенняго солнца.

— Ну, прощайте!—не найдя, что сказать, отрывисто бросила Наташа, сперва смутилась, потомъ звонко расхохоталась и почти бѣгомъ пустилась вглубь двора къ подъѣзду.

Тишинъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Придя домой, Наташа, какъ всегда, сейчасъ же бросилась къ телефону. Пыжова не пришла въ гимназію, и надо было узнать, почему. Неужели она не придетъ нынче вечеромъ? Ну, конечно, не больна и придетъ.

Потомъ Наташа прошла къ отцу.

— Папа, пойдемъ въ среду на Шаляпина... Папочка, пожа-алуйста!

— Въ восьмомъ классѣ, черезъ два мѣсяца гимназію кончаешь, а совсѣмъ еще маленькая, — смѣясь, отвѣчалъ отецъ.—Ну, ну.

— Мама, ко мнѣ сегодня подруги придутъ. Герцена читать будемъ.

У матери болѣла голова, и она была не въ духѣ. Она недовольно, ворчливымъ голосомъ, стала жаловаться Наташѣ, какъ ей трудно, что постоянно приходитъ, неизвѣстно когда, много народу, и всѣхъ надо угощать и поить чаемъ.

Наташѣ сдѣлалось скучно. Комнаты всѣ были большія и нарядныя. Картины въ золотыхъ рамахъ, копіи Семирадскаго. Кресла модернъ съ свѣтлой орѣховой окраской дерева и голубымъ шелкомъ. Въ гостиной сѣрыя кресла съ оранжевымъ шелкомъ и два пуфа. На столахъ альбомы, на этажеркахъ фарфоръ и бездѣлушки. Каждое утро горничная, смахивая пыль, ставила на мѣсто все, что днемъ кто-нибудь передвинулъ. Если горничная забывала, отецъ нажималъ пуговку звонка и говорилъ строго и внушительно:

— Ольга! Когда убираете, надо все приводить въ порядокъ.

Наташѣ казалось иногда, что въ домѣ всѣ живутъ только для того, чтобы содержать въ порядкѣ все это докучливое и дорогое убранство. И всѣ эти неодушевленные предметы рисовались ей какими-то странными чудищами. Старое большое кресло въ углу подъ бюстомъ Вольтера было похоже на растопырившаго переднія лапы крокодила. Маленькія бездѣлушки на этажеркахъ были червячки. И всѣ эти чудища заставляли людей служить себѣ, а сами только хитро посмѣивались.

Наташа укрылась къ себѣ въ комнату. Изъ-за этой комнаты было столько борьбы съ матерью и съ отцомъ. Они оба покупали ей такія же кресла и картины въ золотыхъ рамахъ и бездѣлушки, какъ тѣ, что́ были во всемъ домѣ. Наташа упорно отказывалась отъ подарковъ и иногда даже плакала.

Путемъ такой долгой борьбы Наташа завоевала себѣ свой уголокъ, и онъ казался ей чуднымъ необитаемымъ островомъ среди моря, наполненнаго хитрыми, нѣмыми страшилищами.

Но въ этотъ разъ Наташа не могла успокоиться даже въ своемъ убѣжищѣ. Оно представлялось ей узкимъ и тѣснымъ; хотѣлось больше простору, смѣха, разныхъ людей, меньше одиночества и золотыхъ рамъ.

Наташа стала глядѣть въ окно. Ея комната была въ самомъ концѣ длиннаго дома, шедшаго изъ глубины двора, и окно было на улицу.

Ѣдутъ извозчики, дворники скребутъ тротуары. Таетъ. Снѣгъ на улицѣ рыхлый и мокрый, похожій на шоколадъ. Люди проходятъ одинъ за другимъ, то медленно, то спѣша. Какъ они живутъ?

Наташа старается представить и не можетъ. Потомъ она думаетъ о томъ, какъ сама живетъ. И ей кажется, что вся ея жизнь состоитъ изъ мелкихъ кусочковъ, и что въ нѣкоторые изъ нихъ она дѣйствительно живетъ, а въ другіе лишь готовится жить. Вотъ въ гимназіи, на урокахъ, не живетъ и дома, за длиннымъ обѣдомъ не живетъ, а томится или смотритъ на дѣтей. А когда ссорится съ матерью—развѣ это крупица настоящей, подлинной жизни?

И люди—почему они такіе разные? Съ однимъ хорошо говорить и можно много сказать, а съ другими нельзя себѣ и представить сблизиться. Одни знаютъ и любятъ ее, а другіе только знакомы, а еще иныхъ—и такихъ большинство,—она вовсе никогда и не увидитъ. Въ ихъ домъ ѣздитъ много народу. Но все это одинаковые, богатые, обезпеченные люди. Наташѣ хочется заглянуть въ жизнь и другихъ, совсѣмъ иначе живущихъ людей. Вонъ идетъ въ ободранномъ полушубкѣ старикъ и, должно быть, что-то бормочетъ, разводя руками. Что? Почему такія перегородки между людьми?

Мимо окна быстро проносятся, смѣясь и возбужденно разговаривая, три барышни въ круглыхъ шапочкахъ. Вѣроятно, курсистки.

О! курсы—вотъ когда все, все измѣнится. Не будетъ отдѣльныхъ обрывочныхъ лоскутковъ, жизнь польется полно, широко, единая, цѣльная жизнь.

Кто-то кланялся ей въ окно и сладко улыбался. Наташа отскочила. Бываютъ такія минуты, когда на лицѣ человѣка точно обнажены всѣ самыя сокровенныя его мысли, и если въ такую минуту кто-нибудь тебя увидитъ,—кажется, что онъ сдѣлалъ что-то, чего не имѣлъ права дѣлать, заглянулъ глубоко въ твою душу и подсмотрѣлъ всю ея скрытую жизнь... Именно это испытывала теперь Наташа. Къ тому же у нея было къ этому господину жгучее чувство страннаго для нея самой отвращенія еще съ тѣхъ поръ, какъ въ прошломъ году, когда онъ былъ студентомъ, мать, довольно улыбаясь, сказала:

— Если-бъ ты видѣла, какими глазами на тебя Владиміръ Петровичъ смотритъ.

И съ этихъ поръ Наташѣ казалось, что онъ, дѣйствительно, какъ-то по особенному на нее глядитъ, и ее всю, съ

головы до ногъ, пронизывала дрожь какого-то гадливаго омерзѣнія, какъ только она думала объ этомъ.

Когда Наташей овладѣвала тоска, ей все казалось скучнымъ. Такъ было и въ этотъ день. Подруги, собравшіяся у нея вечеромъ, были такія же, какъ всегда. Пыжова, какъ всегда, хохотала; Масловская, какъ всегда, разсказывала смѣшныя исторіи. Все было такое обыкновенное и до зѣвоты знакомое. А хотѣлось чего-то неизвѣданнаго, новаго, свѣжаго, какъ земля послѣ дождя, съ крѣпкимъ, бодрымъ запахомъ свѣжести.

Наташа вздохнула свободно, когда подруги собрались уходить. Ее потянуло на улицу.

— Ольга, вы не запирайте, я ихъ немного провожу.

Наташа провела ихъ только до воротъ. Тамъ она остановилась, слушая, какъ въ двѣ стороны удаляются ихъ шаги... Подмораживаетъ. Все тихо. Такія яркія звѣзды, далеко, далеко...

Вдругъ гдѣ-то близко, совсѣмъ рядомъ, звонко вынырнули веселые, словно искрящіеся звуки.

— На гитарѣ играютъ. Это въ дворницкой,— думала Наташа.—Неужели новый дворникъ? Боже, какъ хорошо!

И она стояла и слушала, совсѣмъ одна среди поздняго вечера. И душа ея вся стремилась за тонкими бренчащими звуками, словно излучая изъ себя трепетныя серебристыя нити, и нити эти тянулись все дальше, куда-то въ высь, въ чуткую безконечность мерцающихъ звѣздъ.

Наташа заснула поздно.

III.

Слѣдующій день былъ воскресенье, и Наташа не пошла въ гимназію.

Она долго щурила глаза отъ яркаго свѣта (одна занавѣска въ ея комнатѣ сломалась и не могла спускаться) и старалась проснуться, но не могла. Лѣниво, мурлыча, какъ кошка, ворочалась и оставалась лежать.

Ее разбудилъ странный шумъ. Вдругъ, неожиданно, около самой двери что-то затарахтѣло, раздался какой-то звонъ, грохотъ, не то набатъ, не то звуки выстрѣловъ. Перепуганная, въ одной длинной до полу рубашкѣ, Наташа подбѣжала къ двери.

— Что такое?—встревоженно спрашивала она.

Въ отвѣтъ раздался звонкій хохотъ ребятъ.

— Испугалась! Испугалась!

Наташѣ было теперь смѣшно и досадно.

— Я, все равно, уже почти одѣта.

— Ну, такъ отвори дверь,—кричали осаждающіе.—Не хочешь? А, вотъ то-то и есть.

Когда послѣ кофе Наташа вернулась къ себѣ въ комнату, тамъ у окна стоялъ Тишинъ и возился съ занавѣской, поправляя ее.

Наташа быстро вскинула глазами отъ удивленья.

— Это вы вчера на гитарѣ играли?—спросила она быстро.

— А вы слыхали?—удивленно освѣдомился Тишинъ.

— Да, я стояла у воротъ и слушала. Подругъ провожала и услыхала. Мнѣ такъ понравилось,—тараторила Наташа, и ей было хорошо и весело съ нимъ разговаривать.

Разговоръ зашелъ, между прочимъ, про меня. Тишинъ, мой вѣрный пріятель, считалъ своимъ долгомъ всюду, кстати и некстати, пропагандировать мое имя. Оживясь, онъ сообщилъ Наташѣ наши средне-азіатскіе планы, рожденные и обдуманные за пѣнившимися кружками пива.

Глаза Наташи расширились.

— Какъ это интере-есно,—протянула она слегка печально, точно жалѣя, что сама не можетъ попасть въ эти заманчивые края.—А вы охотитесь?

Этотъ вопросъ никогда не слѣдовало задавать Тишину. Этотъ вопросъ всегда тревожилъ въ немъ такую бездонную массу образовъ, воспоминаній, полузабытыхъ впечатлѣній, рвавшихся наружу по контрасту съ мощеными улицами и тусклыми фонарями, что стоило ихъ расшевелить, и они неустанно стремились одно за другимъ, переплетаясь другъ съ другомъ въ самыхъ малоправдоподобныхъ комбинаціяхъ.

— А вотъ, барышня вы моя, еще шесть лѣтъ тому назадъ покойный Павла Сергѣича папаша...

— Не зовите меня барышней,—робко попросила Наташа.

Но Тишинъ уже не могъ ее слышать: въ немъ проснулся импровизаторъ и фантазеръ.

— Говорилъ онъ мнѣ,—продолжаетъ Тишинъ,—такого, братъ, человѣка, какъ ты, больше на охотѣ нѣтъ. Во всей губерніи нѣтъ!—добавляетъ отъ себя Тишинъ, немного подумавъ.

И увлекательный, яркій, льется его разсказъ, такой яркій и увлекательный, что Наташу захватываетъ контрастъ между словами и сѣрымъ видомъ разсказчика, и она жадно, какъ очарованная, слушаетъ...

— Что ты, Петръ, оглохъ, что ли?—возмущалась, порывисто раскрывая дверь, Ольга.—Зову, зову. Барыня велитъ вѣшалку сломанную изъ передней вынести. Да флаги чего же не повѣсилъ? Живо ступай.

...дно до слезъ.

... всегда какія-то вѣшалки, платья, юбки, ...ко убѣжитъ", о чемъ ни заговоришь съ ма... съ кѣмъ-нибудь въ домѣ.

...нно не любила Наташа шить себѣ платья. Матери же ...е удовольствіе было возить ее по портнихамъ.

— Мамочка, у меня же три платья.—протестуетъ Наташа:—гимназическое, потомъ синее, и еще это, нарядное.

— Видишь, какъ мало!—возражаетъ мать.—Да и „нарядное" твое ужъ износилось. Ну, дѣвочка, не огорчай насъ съ папой, вѣдь это же все такіе пустяки, мелочи. Поѣдемъ.

Наташа думаетъ, что если мелочи, то зачѣмъ такъ настаивать, но покоряется со вздохомъ и ѣдетъ съ матерью мимо кургузаго Храма Спасителя и смѣющагося Румянцевскаго Музея.

Въ послѣдній разъ у модной портнихи произошелъ разговоръ, который Наташѣ непріятно вспомнить.

Свѣтлая комната, большія окна, черные, неуклюжіе манекены, элегантныя мастерицы.

— Вамъ кофточку какъ, кокеткой шить?—освѣдомляется, вертясь вокругъ Наташи, проворная смѣшливая мастерица, съ обвязаннымъ пальцемъ.

Мать вступаетъ съ ней въ бесѣду.

— Что это у васъ съ пальцемъ?—участливо спрашиваетъ она.

— Уколола!—бойко разсказываетъ портниха, и видно, что ей хочется угодить своими словами заказчицѣ.—Барышнѣ вашей платье метала, да и уколола. Барышня и такъ ужъ такія миленькія, а теперь примѣта: обязательно всякій кавалеръ влюбится, какъ ихъ въ этомъ платьѣ повстрѣчаетъ, ужъ это обязательно. Помяните мое слово.

Она весело и лукаво смѣется, глядя на мать, а та довольно улыбается въ отвѣтъ.

Наташа прикусываетъ губу и молчитъ. Всегда и вездѣ то же самое. Всегда она барышня, миленькая барышня. Неужели ни для кого не можетъ она быть просто человѣкомъ?

Теперь Наташа вспомнила эту сценку, и хотя это было ужъ двѣ недѣли тому назадъ, ей было такъ непріятно, точно это случилось вчера.

Она подошла къ зеркалу, вдѣланному въ дверь шкафа, и внимательно глядѣла на свое новое платье, то самое, въ которомъ ей были обѣщаны чудесныя побѣды надъ кавалерами. Потомъ вдругъ подумала, что кто-нибудь увидитъ въ окно, чѣмъ она занимается, и хотя это было невозможно, испугалась и выбѣжала изъ комнаты.

Въ передней Наташа натолкнулась на отца. Въ мѣховой

шубѣ, толстый и красный, съ сѣдой французской бородкой, онъ смѣшно растопыривалъ руки и поворачивался во всѣ стороны.

— Ольга, Ольга, гдѣ шапка? Наташа, ищи шапку.

Наташѣ стало смѣшно, и она заметалась по комнатѣ.

— Соня, Соня! Наташа, позови маму, она должна знать.

Мать уже входила на голоса въ переднюю.

— Соня, гдѣ шапка?

— Ахъ, Василій Николаичъ, почемъ я знаю? Вѣчно ты ее теряешь.

— Никогда не теряю!—уже сердито, съ обиженными нотками жаловался отецъ.

— Тутъ Петръ вѣшалку убиралъ,—соображала Софья Сергѣевна.—Вѣрно, куда-нибудь сложилъ оттуда шапку.

— А можетъ, онъ ее... того?—озабоченно предположилъ Василій Николаевичъ.

Наташа вспыхнула и, чувствуя, какъ ее точно что-то толкнуло въ грудь, выбѣжала изъ комнаты.

Въ гостиной на диванѣ лежала пушистая котиковая, хорошо знакомая Наташѣ, шапка.

— Вотъ она!—сердито и гнѣвно говорила отцу Наташа.— Вотъ она, твоя шапка. Самъ вчера вечеромъ на диванѣ забылъ!

Отецъ удивленно поглядѣлъ на нее, не понимая, отчего она сердится, и, подумавъ, повернулся и сдѣлалъ Ольгѣ замѣчаніе:

— Ольга, когда убираете, надо все класть на мѣсто. Иначе не только шапка—все растеряется.

Наташа долго не могла успокоиться. Вотъ отецъ сейчасъ оскорбилъ Тишина своимъ подозрѣньемъ. Подозрѣніе невѣрно, но онъ уже не думаетъ о немъ и не стыдится. И все только потому, что Тишинъ—человѣкъ не „нашего круга". Нашъ кругъ—вотъ гдѣ корень зла, смѣшныя перегородки между людьми, жалкая недовѣрчивость ко всему, что плохо одѣто, ко всякому, у кого нѣтъ такой мягкой, пушистой, противной шапки, такихъ удивительныхъ, чисто вымытыхъ и ароматно пахнущихъ ногтей.

И когда за обѣдомъ Наташа глядитъ на эти ногти, ей непріятно, и хочется показать, что это не главное въ жизни.

Василій Николаевичъ говоритъ за обѣдомъ о голодѣ. Голодъ охватилъ уже три губерніи и грозитъ еще нѣсколькимъ.

— Цѣлое общественное бѣдствіе. Опять допустили. Это всѣхъ должно глубоко волновать... Соня, гдѣ же горчица?

Наташа думаетъ, что все это фразы, и лучше не гово-

рить ничего. И весь обѣдъ упорно молчала, стиснувъ крѣпко зубы, отчего лицо ея кажется усталымъ и некрасивымъ.

IV.

Два дня Наташа видѣла Тишина только мелькомъ, у воротъ. Онъ привѣтливо улыбался ей и весело кланялся.

Вернулся морозъ, но солнце ярко свѣтило. Тротуары были скользкіе, какъ катокъ, и люди падали и смѣялись, а иные сердились и продолжали путь по срединѣ улицы. Наташа тоже падала и, хотя смѣялась, но на душѣ было почему-то невесело.

На третій день солнце не показывалось, и стоялъ хмурый туманъ. Опять началась оттепель.

Въ туманѣ Наташа пошла послѣ обѣда къ Пыжовой. Дойдя до воротъ, она остановилась. Окно дворницкой было уютно освѣщено. Кругомъ стояла сырая сѣрая мгла. До Пыжовой далеко.

Наташа постучалась въ низенькую желтую дверь дворницкой.

Тишинъ, удивленный, нерѣшительно открылъ.

— Что вамъ, барышня?

— Можно мнѣ къ вамъ?—робко попросила Наташа. И, увидѣвъ по его лицу, что можно, весело вошла, вся встряхиваясь отъ сырости, какъ выскочившая изъ воды собака.

— Только не зовите меня барышней, — говорила она, оглядывая комнату. — Я не люблю. Я Наталья Васильевна.

Наташа никогда прежде не бывала въ дворницкой. Это— маленькая, въ одно окно комната, длинная и неуютная. На стѣнѣ висѣла любительская фотографія убитаго медвѣдя и мой портретъ еще изъ того времени, когда я былъ гимназистомъ. На столѣ лежала гитара, а на полкѣ хранилась коробка съ табакомъ. Попадая на должность, мой пріятель прежде всего переходилъ съ махорки на табакъ, считая, что при заработкѣ можетъ позволить себѣ эту роскошь.

Наташа сѣла на стулъ и оглядывалась. Она всегда представляла себѣ такой темной и грязной жизнь всѣхъ людей низшаго круга, что эта комната поразила ее. Комната, хотя неуютная и засоренная, была все-таки комната, и въ ней стояла такая же, какъ у Наташи, желѣзная кровать, хотя и съ грязнымъ, похожимъ на тряпку, одѣяломъ. И это было пріятно Наташѣ, легко приходившей въ восторгъ отъ всего новаго, и все страшно нравилось. Гитара была гораздо лучше важнаго рояля, а любительскія фотографіи на стѣнѣ

несравненно художественнѣй, чѣмъ картины въ золотыхъ рамахъ.

— Ничего, что я къ вамъ пришла?

— Мнѣ даже очень пріятно,—радостно и слегка смущенно говорилъ Тишинъ.—Посмотрите, какая есть жизнь рабочаго человѣка.

— А какъ васъ звать? Нѣтъ, по отечеству.

— Иванычъ. Петръ Ивановъ Тишинъ... Этого медвѣдя самъ шесть лѣтъ назадъ въ Калужской губерніи взялъ!—добавилъ Тишинъ, поймавъ ея вопросительный взглядъ на фотографію.

— А вы были въ Калужской губерніи? У насъ тамъ имѣнье есть, въ Алексинскомъ уѣздѣ.

— Этихъ мѣстовъ не знаю, въ Алексинскомъ... Барышня, не попадетъ намъ съ вами за наше развлеченіе?

Наташа звонко и заразительно расхохоталась.

— Конечно, попадетъ, если папа узнаетъ, — соображала она, переставая смѣяться:—еще какъ попадетъ!

И вдругъ почувствовала, какъ сближаетъ ихъ это общее опасеніе, и поняла, какъ о многомъ можно говорить съ Тишинымъ, и какъ много можетъ самъ онъ разсказать.

— Видите, Петръ Иванычъ, я вамъ скажу. Не люблю я такой богатой жизни, какъ наша. Такъ нехорошо это, отъ людей отдѣляешься. Точно загородки какія-то между людьми выростаютъ.

Тишинъ слушалъ внимательно.

— Вѣрно! Вѣрно сказали!—вдругъ вмѣшался онъ въ ходъ ея мыслей.—Самыя загородки, онѣ именно людей портятъ. Я вамъ, Наталья Васильевна, вотъ что объясню. Я сейчасъ вамъ объясню.

Онъ нѣкоторое время путался въ словахъ и мысляхъ, силясь уловить что-то существенное. Потомъ уловилъ и заторопился, точно спѣша выложить ей все, что накопилось невысказаннаго за долгіе годы.

— Какъ я росъ? Я вамъ объясню такъ. Кто меня не билъ? Меня поучалъ всякой. Упустилъ я разъ лошадь въ овсы. Восьмилѣтнимъ тогда еще былъ парнишкой. Такъ, простите, мамаша сняла платокъ съ головы, да поймала меня, да скрутила съ этого платка жгутъ, да этимъ жгутомъ учила, учила, да сама все дополняетъ: „иди лови лошадь, иди, лови лошадь“. А какъ я пойду, если она меня держитъ?

Наташа, поджавъ ноги подъ стулъ, не шевелится. Точно застывъ, широко открытые, впиваются ея глаза въ худое лицо разсказчика. И такъ она долго слушаетъ...

— А молдаване по нашему не понимаютъ,—разсказываетъ Тишинъ про свои солдатскіе годы,—а дядька, это который

къ ученью приставленъ унтерцеръ, не объясняетъ вовсе, что тотъ не можетъ понять, а только наравнѣ съ другими заставляетъ: „Учи! Учи!“ Запуганные всѣ были эти молдаване, прямо жалкой людъ. Такъ одного до того довелъ, что онъ больше ничего не понимаетъ и все забылъ. А дядька сердится, красной весь,—„повторяй, говоритъ, за мной“. Ну, тотъ молчитъ. Дядька ему: „Ты баранъ!“ А тотъ не понимаетъ, что значитъ, да и повторяетъ за дядькой: „Ты баранъ!“ Такъ тотъ подошелъ: „ахъ ты, говоритъ, вражескій сынъ, ты учителей ругать, да я, кричитъ, я тебя“... да какъ размахнется, да какъ вдаритъ его, такъ тотъ упалъ, а дядька его сапогомъ, билъ, билъ, пока самъ изъ силъ не выбился. Такъ того замертво унесли, больше уже не вставалъ.

Тишинъ и Наташа нѣкоторое время сидятъ молча и сопятъ. Потомъ Тишинъ продолжаетъ.

— А еще я служилъ у генерала Берга въ деньщикахъ, и жилъ съ нами сосѣдній подполковникъ, такъ былъ онъ лютой звѣрь, и какого деньщика къ нему назначатъ, на другой день уже ходитъ обвязанной, а то и въ лазаретъ уносятъ: такъ дрался. Велитъ разбудить себя въ шесть часовъ. На маневры ѣхать. Деньщикъ подходитъ: „Ваше, говоритъ, высокородіе, извольте вставать, пора“.—Ладно, отвѣчаетъ, ставь самоваръ. А самъ спать, а въ семь часовъ проснется: Васька!—оретъ. Тотъ прибѣжитъ, испуганной, а онъ сейчасъ дверь на крючокъ и начинаетъ его хлестать по челюстямъ, и такъ хлещетъ, и такъ хлещетъ, я вамъ говорю. Ну, хорошо. А былъ у насъ одинъ Никита. „Если, говоритъ, меня къ этому кровопійцѣ назначатъ въ деньщикахъ, уже пусть я самъ пропаду, но только онъ мнѣ за всѣ свои невинныя жертвы отвѣтъ дастъ“. И такой смѣлой, статной изъ себя этотъ Никита былъ. Вотъ, дѣйствительно, назначаютъ его къ этому подполковнику въ деньщики. Никита цѣлый день ходилъ сурьезный и у батюшки былъ, исповѣдался. Въ первое же утро, что онъ у этого подполковника—маневры. „Разбуди, говоритъ, меня, Никита, въ шесть часовъ, только, смотри, не прозѣвай“.—Радъ стараться, ваше высокородіе. Утромъ будитъ его Никита. Извольте, говоритъ вставать, не хорошо, пора. Ладно, отвѣчаетъ, ставь самоваръ. А самъ спитъ опять. Когда безъ четверти въ семь—вдругъ оретъ: Никита!—Чего изволите, ваше высокородіе?

— Поди сюда, мерзавецъ! Вошелъ. Такъ тотъ сейчасъ дверь на замокъ.—Ахъ ты, говоритъ, песъ неученый! Да какъ вдаритъ по Никитѣ. Такъ Никита его сгребъ, до подъ себя, да подмялъ на полъ, да учитъ его, да учитъ.

Смилуйся, молитъ, Никита, голубчикъ, отпусти.—А ты, ваше высокородіе, нашего брата отпускалъ? И опять за свое

дѣйствіе. — Никитушка, проситъ, пожалѣй! Никита ему опять:

— А ты нашего брата жалѣлъ?

— Виноватъ, говоритъ, отпусти меня, пса окаяннаго.— Ну, будь тебѣ то въ науку. Сбѣгалъ Никита за водой, обмылъ его, обвязалъ. Когда въ девять часовъ пріѣзжаетъ вѣстовой: „Почему твой баринъ не на маневрахъ?"—Баринъ мой боленъ, говоритъ ему Никита.

— Такъ что же вы думаете, барышня?—весь разгоряченный своими словами, заканчиваетъ Тишинъ.—Съ тѣхъ поръ первые друзья Никита съ этимъ подполковникомъ стали. Тотъ, бывало, безъ Никиты рюмки водки не выпьетъ.

Опять Наташа и Тишинъ долго молчатъ и думаютъ.

Порой Наташа начинаетъ неувѣренно:

— Вотъ какая, Петръ Иванычъ, ваша жизнь особенная, тревожная. А моя совсѣмъ, совсѣмъ другая.

Наташа говоритъ тихо и вдумчиво, точно сама съ собой, а не съ Тишинымъ. Ей хочется высказаться. Ея голосъ такой мягкій и бархатный, онъ такъ странно волшебно звучитъ послѣ подхриповатаго баска Тишина и точно всю комнату наполняетъ тихимъ серебристымъ сіяньемъ. И Наташа вся, хрупкая, стройная, кажется въ этой суровой каморкѣ какой-то сказочной снѣжной царевной, готовой растаять отъ перваго дыханья лѣтняго жара.

— Моя жизнь такая замкнутая, такая отдѣльная отъ всѣхъ людей,—говоритъ Наташа.—А хочется мнѣ ко всѣмъ людямъ подойти близко, вплотную. Такъ надо, чтобъ всѣ понимали другъ друга, чтобъ не стояло ничто между людьми. Такъ я рада, что съ вами разговорилась. Еще будемъ говорить. Они не понимаютъ никто, а это такъ хорошо. Хочу, чтобы вы совсѣмъ ко мнѣ по дружески отнеслись. И я къ вамъ также. Мы покажемъ имъ всѣмъ, какъ люди всѣ равны и близки.

Поздно вечеромъ Наташа вышла изъ дворницкой. Туманъ началъ спадать. Было темно и тихо, но совсѣмъ не жутко.

Войдя къ себѣ въ комнату, Наташа стала кружиться въ безумномъ восторгѣ. Ощущеніе чего-то свѣжаго, бодраго и чистаго, какъ ландышъ, наполняло все ея существо.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться, она долго ходила по комнатѣ. И когда раздѣвалась и заплетала косу тонкими пальцами, на усталомъ уже лицѣ было все то же выраженіе молодого восторга.

V.

Разговоръ съ Тишинымъ казался Наташѣ такимъ необыкновеннымъ, ни у кого не случавшимся и замѣчательнымъ, что она весь слѣдующій день провела подъ его впечатлѣніемъ и ходила, какъ шальная, плохо отвѣчая на то, что ее спрашивали. Было страшно испортить впечатлѣніе отъ вчерашняго вечера, и потому не хотѣлось даже видѣть Тишина.

Послѣ уроковъ пошла съ Пыжовой гулять. Сперва ходили по Александровскому саду. Шмыгали долго въ аллеѣ по мокрому снѣгу. Потомъ влѣзали по верхней дорожкѣ до Кремлевской стѣны. Стѣна сѣдая и задумчивая, и на нее можно было положиться, какъ на вѣрнаго человѣка. Тамъ стояли недолго и говорили о мамонтахъ. Оттуда прошли за Москву рѣку. Бродили по узкимъ переулочкамъ, кривымъ и неуклюжимъ. Было смѣшно, что въ нихъ живутъ такіе же люди, какъ и на большихъ улицахъ. Прибрели домой, уже когда стемнѣло.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Наташа нашла у себя на столѣ запечатанный бѣлый конвертъ. На немъ ничего не было написано. Наташа подумала, что это отъ какой-нибудь подруги насчетъ уроковъ и небрежно распечатала.

Внутри былъ большой, сплошь уписанный листъ бумаги. Почеркъ неумѣлый и строчки кривыя. Отъ бумаги пахло немного табакомъ, чернымъ хлѣбомъ и еще чѣмъ-то кислымъ.

„Натальи Васильевнѣ“—читаетъ Наташа, ощущая, какъ въ жуткомъ предчувствіи начинаетъ биться ея сердце. „Письмо отъ Тишина, Петра Иванова. Наталья Васильевна. Вы мнѣ явились, какъ свѣтлый ангелъ, посылающій къ человѣку. Жилъ я въ своей пещерѣ, какъ звѣрь до первыхъ временъ. И послѣ вы пришли, и я понялъ, что была самая моя сѣрая жизнь, и увидѣлъ свѣтъ, посылающій къ человѣку. И какъ бываетъ у машины маховое колесо, и ему нуженъ приводъ, чтобъ ему двигаться, то вы мнѣ въ жизни будете всегда этотъ приводъ. Наталья Васильевна. Если вы удивляетесь, что вотъ человѣкъ дуракъ, чего мечтаетъ и думаетъ, какъ дуракъ, то знайте: это я. И если вы думаете: вотъ дуракъ, который безъ пониманію хочетъ быть, какъ человѣкъ: вотъ я. Наталья Васильевна. Когда весна и надо идти на охоту и я поджидаю вальдшнеповъ. И не знаю, зачѣмъ это написалъ, но вы только имѣйте довѣріе, что я васъ такъ люблю, какъ первый человѣкъ!“

Прочитавъ это слово „люблю“, Наташа не вѣритъ и оста-

навливается. Кровь приливаетъ къ головѣ и стучитъ въ вискахъ. Потомъ Наташа продолжаетъ.

„Люблю васъ, какъ дядя или второй отецъ“ — читаетъ она и успокаивается.

„Но не только это, а если вы знаете, какъ Павелъ Сергѣичъ на васъ женится (Тишинъ даже здѣсь не измѣнилъ своей склонности вездѣ пропагандировать мое имя), то я буду такъ радъ и готовъ вамъ до гроба служить, Наталья Васильевна. Я простой, не ученый человѣкъ. И я думаю, почему я ни такой, какъ богатые. Не надо мнѣ богаческихъ доходовъ. Все побросалъ бы въ рѣку-океанъ, но пришелъ бы къ вамъ и сказалъ, какъ Фаустъ: вотъ, будь моей, моя полюбимая!“

Наташа краснѣетъ и съ трудомъ слѣдитъ дальше за корявыми буквами.

„Наталья Васильевна! Вамъ все извѣстно. И будете вы моя полюбимая. И буду я первый богатый человѣкъ. Прощай, незабвенная добродѣтельница. Съ миромъ спи.

Тишинъ“.

Внизу, подъ фамиліей, латинскими буквами было добавлено: „Petr Ivanov“.

Все стѣснилось въ груди Наташи. Казалось, что кто-то насмѣшливый и могучій крѣпко схватилъ и давитъ ее. Въ горлѣ пересохло, въ глазахъ показались круги. Непріятно раздражалъ запахъ табаку и чего-то кислаго отъ бумаги, и сама бумага, и буквы казались такими противными и захватанными. Казалось, что ничему и никому нельзя вѣрить, и нельзя близко подходить къ людямъ, иначе выходитъ что-то ненужное и такое нелѣпое въ своей ненужности. Слово „полюбимая“ было почему-то особенно непріятно и похоже на „полюбовницу“. Вспомнился Владиміръ Петровичъ и кавалеры, которые должны быть сражены ея платьемъ. И, вся поддавшись этимъ воспоминаніямъ, Наташа падаетъ на постель и долго плачетъ, всхлипывая и затягиваясь, точно ее больно побили.

Потомъ вскакиваетъ, рветъ письмо Тишина на мелкіе кусочки и бросаетъ ихъ въ ведро подъ умывальникомъ. Беретъ со стола чистую бумажку, пишетъ на ней: „Зачѣмъ Вы такъ? Не надо этого, *никогда* больше не будемъ видѣться!“ и бѣжитъ въ переднюю одѣваться.

— Куда ты, Наташа, сейчасъ ужинать,—удивляется мать.

— Сейчасъ я вернусь, только бабушкѣ письмо опустить,— какъ можно веселѣе кричитъ Наташа и мчится по двору.

Тишинъ стоитъ у воротъ. Наташа, не глядя на него, суетъ ему въ руки бумажку и бѣжитъ дальше. Все тише доносится хлопанье ея ногъ по слякоти.

Когда наканунѣ вечеромъ Наташа ушла отъ Тишина, онъ долго не могъ успокоиться. Бродилъ по комнатѣ, потомъ вышелъ къ воротамъ, постоялъ тамъ съ полчаса и вернулся назадъ. Волны фантазіи, навѣянныя его же разсказами, не могли и не хотѣли улечься. Все выше вздымались и шире захлестывали... Тишинъ совсѣмъ не ложился спать.

Тишинъ, прочитавъ записку Наташи, прошелъ въ дворницую и началъ собирать вещи. Открылъ сундукъ, бросилъ туда фотографію калужскаго медвѣдя. Боюсь, что и съ моимъ изображеніемъ поступилъ недостаточно почтительно...

Не сложивъ всѣхъ вещей, оставилъ сундукъ раствореннымъ, подумалъ и вышелъ опять къ воротамъ. Туда, по слякоти, на шикарномъ лихачѣ, въ своей мѣховой шубѣ и котиковой шапкѣ, съ привычнымъ важнымъ и увѣреннымъ выраженіемъ на лицѣ подъѣзжалъ Василій Николаевичъ.

— Петръ, возьми изъ саней ящикъ. Марья Николаевна дѣтямъ музыку посылаетъ.

— Сами донесете!—равнодушно отозвался Тишинъ.

— Что, что?—думая, что ослышался, озабоченно переспросилъ Василій Николаевичъ, и у него вдругъ сдѣлался слабый и жалкій видъ, какъ у капризнаго обиженнаго ребенка.

— Сами, молъ, донесете, — уже раздраженнымъ голосомъ отвѣтилъ Тишинъ. — Такой же я человѣкъ, какъ и вы. Ежели я дотащу, и вы дотащите. Ежели вы не донесете, и я не осилю.

Все это пропитано насквозь той неуловимой логичностью, которая нападаетъ на Тишина въ пессимистическія минуты его жизни. Но все это вмѣстѣ съ тѣмъ кажется барину простой насмѣшкой.

— Грубіянъ! Невѣжа!—пыхтя, кричитъ онъ и торопливо направляется къ подъѣзду.—Сейчасъ же разсчетъ получишь.

— Самъ больше не желаю служить,—съ достоинствомъ отвѣчаетъ Тишинъ и, не спѣша, возвращается въ дворницкую.

И вотъ Тишинъ опять у меня. Мы сидимъ и обдумываемъ создавшееся положеніе.

Боже мой! Теперь опять на мѣсяцъ разговоры о грубости и ненадежности людей, опять меня всюду будутъ преслѣдовать разсказы о непонятномъ нахальствѣ Тишина, и совершенно неизвѣстно, когда уляжется все это взбаламученное море.

Вдобавокъ, тетка приводитъ насъ въ окончательное уныніе.

— Теперь кончено!—говоритъ она голосомъ полководца, потерявшаго армію.—Человѣкъ этотъ для меня больше не существуетъ.

Но такъ какъ Тишинъ все-таки существуетъ, то мы долго сидимъ и безъ всякихъ результатовъ обдумываемъ его невеселое положеніе.

Г. Вернадскій.

Въ негритянскомъ университетѣ.

— Карету прикажете?

— Въ Atlanta University!—отвѣтилъ я, усаживаясь въ удобную каретку.

Негръ,—кучеръ (здѣсь слѣдовало бы прибавить описательное: «черный, какъ смоль», но, къ сожалѣнію, онъ былъ какого то неопредѣленнаго коричнево-сѣро-зеленоватаго цвѣта), обернулся ко мнѣ, глаза его сверкнули, и все лицо его засіяло. Atlanta University это—его университетъ, университетъ его расы, и разъ я, бѣлый человѣкъ, да еще пріѣхавшій только что съ сѣвера, ѣду съ вещами въ этотъ черный университетъ, то, слѣдовательно, я хотя и чужой человѣкъ, съ далекаго сѣвера, но тѣмъ не менѣе свой,—одинъ изъ тѣхъ немногихъ бѣлыхъ людей, которые и въ негрѣ видятъ человѣка. Кучеръ слыхалъ о такихъ бѣлыхъ людяхъ, но, вѣроятно, никогда ихъ не видѣлъ. Вѣдь если бы я былъ обыкновенный бѣлый, съ какими ему приходится встрѣчаться, то я не вздумалъ бы съ вещами отправиться прямо въ университетъ; и въ крайнемъ случаѣ, если бы была нужда отправиться въ это учебное заведеніе, то я не сказалъ бы «atlanta University», а «the nigger college», т. е. употребилъ бы слово nigger по той же простой и понятной причинѣ, по какой русскій полицейскій чиновникъ говоритъ «жидъ», а не «еврей»,—т. е. потому только, что еврей имѣетъ глупость словомъ «жидъ» обижаться.

Не знаю, насколько точно я передаю полусознательную мысль своего африканскаго возницы, но я достаточно знакомъ съ психологіей чернаго человѣка, чтобы угадать, какъ она реагируетъ на разные стимулы. За свои 17 лѣтъ пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ я имѣлъ возможность изучать многіе сложные и запутанные вопросы американской общественной жизни, какъ по дѣламъ службы, такъ и добровольно, но ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не заинтересовалъ меня такъ глубоко и не волнуетъ меня такъ сильно, какъ вопросъ негритянскій,—и въ особенности за послѣднія 6 лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Вашингтонѣ, преддверьяхъ юга. Даже общій рабочій или соціальный вопросъ не

имѣетъ такой трагической остроты, потому что, по крайней мѣрѣ теоретически, абстрактно, ему выработано разрѣшеніе; а для негритянскаго вопроса даже теоретическаго отвѣта пока не существуетъ. Чтобы ознакомиться съ этимъ вопросомъ со всѣхъ сторонъ, я старался завести знакомства съ наиболѣе интересными неграми и читалъ произведенія негритянской литературы. Мнѣ удалось познакомиться и съ главными вожаками двухъ наиболѣе противоположныхъ теченій негритянской общественной мысли: съ консерваторомъ Букеромъ Вашингтономъ, съ одной стороны, и съ радикаломъ профессоромъ Вильямомъ Дю-Бойсомъ,—съ другой. Моему другу профессору Дю-Бойсу я обязанъ былъ и моей поѣздкой въ Атланту штата Джорджіи, т. е. самаго сердца «черной» (негритянской) полосы. За недѣлю раньше я получилъ телеграмму, приглашавшую меня прочесть лекціи передъ студентами Atlanta University, и я, конечно, съ радостью согласился. Признаться, приглашеніе это, само по себѣ очень лестное, меня нѣсколько удивило, хотя я зналъ, что мой интересъ къ негритянскому вопросу извѣстенъ Дю-Бойсу. Но вторая телеграмма, въ которой онъ мнѣ сообщилъ желательную тему для лекціи, нѣсколько объяснила мнѣ его выборъ. Дю-Бойсъ просилъ меня провести параллель между крестьянствомъ въ Россіи и негритянскимъ населеніемъ южныхъ штатовъ. Очевидно, своимъ избраніемъ я обязанъ былъ своей небольшой работѣ о русской пшеницѣ, написанной мною для американскаго министерства земледѣлія, такъ какъ въ этой спеціальной статистической работѣ я коснулся, правда, очень кратко, и аграрнаго вопроса въ Россіи вообще. Эти поиски свѣта для негритянскаго вопроса въ условіяхъ жизни русскаго мужика показались мнѣ чрезвычайно трогательными.

I.

По привычкѣ статистика, я передъ отъѣздомъ въ новый городъ всегда спѣшу познакомиться съ наиболѣе важными фактами статистическаго характера относительно этого города. Я поэтому зналъ, что Атланта—столица и крупнѣйшій городъ штата Джорджіи, съ населеніемъ въ 1900 г. въ 90,000 человѣкъ, а теперь, вѣроятно, значительно больше 100,000, потому что городъ этотъ,—быстро прогрессирующій, какъ торговый центръ не только Джорджіи, но и всей южной полосы, Алабамы, южной Каролины. Такъ, въ 1880 году населенія насчитывалось всего 37,000, въ 1890 г. 65,000, а въ 1900 г. было уже 90,000. Для отсталаго юга городъ со стотысячнымъ населеніемъ уже крупный центръ.

Раззоренный гражданской войной, югъ только въ послѣднія 20 лѣтъ сталъ оправляться отъ этого жестокаго экономическаго удара. Онъ еще далеко позади сѣвера, но онъ растетъ чрезвычайно быстро. А въ раннія стадіи роста капитализма, въ эпоху

первоначальнаго накопленія, быстро дѣлаются крупныя состоянія. Во всемъ штатѣ Джорджіи въ 1880 году въ обрабатывающую промышленность было вложено около 20 милліоновъ долларовъ, въ 1890 году 57 милліоновъ долларовъ, въ 1900 году 90 милліоновъ и въ 1905 году болѣе 100 милліоновъ! Въ самой Атлантѣ въ 1880 году—$2^1/_2$ милліона долларовъ, въ 1890 году—$9^1/_2$ милліонн., въ 1900 году 16 милліоновъ и въ 1905 году болѣе 25. Хлопчатобумажное производство и обработка лѣса—главныя индустріи Джорджіи. Но сама Атланта не столько промышленный, сколько торговый центръ для окружающихъ штатовъ. Недаромъ ее называютъ не Нью-Іоркомъ, но Чикаго юга. Въ Атлантѣ сходятся полдюжины желѣзныхъ дорогъ, она гордится «небоцарапателями» въ 12, 16 и даже 20 этажей, и имѣетъ болѣе полдюжины такъ называемыхъ университетовъ и коллегій.

По числу живущихъ въ ней негровъ Атланта одинъ изъ первыхъ городовъ въ Америкѣ.

Подобно русскимъ крестьянамъ, американскіе негры, недавніе земледѣльческіе рабы, живутъ преимущественно на землѣ. Но число негровъ въ городахъ быстро растетъ, и Атланта одинъ изъ главныхъ центровъ, привлекающихъ безпокойный элементъ негритянскаго населенія. Въ 1900 году на 90,000 жителей въ ней насчитывалось около 35,000 негровъ, т. е. 40%, а теперь, говорятъ, они составляютъ цѣлую половину населенія города

Для негровъ Атланта имѣетъ огромное значеніе и потому, что за послѣднія 40 лѣтъ она была культурнымъ центромъ для негритянскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Когда послѣ гражданской войны, одушевленные миссіонерскимъ идеаломъ, люди изъ ново-англійскихъ штатовъ двинулись на югъ, чтобы внести религію, культуру и просвѣщеніе въ многомилліонную массу вчерашнихъ рабовъ, то въ Атлантѣ было основано около полдюжины семинарій, институтовъ и коллегій для негровъ.

Всѣ эти факты можно найти и въ справочныхъ изданіяхъ. Но не лишне будетъ упомянуть и то, чего въ нихъ нѣтъ. Съ осени 1906 года Атланта является для негра тѣмъ, чѣмъ былъ Кишеневъ для русскаго еврейства, пока ужасы октябрскихъ дней не затмили своими размѣрами его славы.

Въ октябрѣ 1906 года въ прогрессивномъ, процвѣтающемъ и гордомъ своей культурой городѣ Атлантѣ разыгрался форменный «погромъ». Бѣлая толпа шла съ крикомъ по улицамъ, хватала невинныхъ негровъ, разстрѣливала ихъ или просто по русски проламывала имъ черепа. Также Русью пахнетъ отъ бездѣйствія полиціи, которая проявляла свою энергію только въ томъ, что отбирала револьверы у организовавшихъ самозащиту негровъ. Параллель можно найти и въ томъ, что погромъ дважды вспыхивалъ и продолжался всего около трехъ дней.

Едва ли стоитъ передавать здѣсь подробности самого по-

грома. Развѣ удивишь русскаго читателя погромомъ, который ограничился 10—15 жертвами? Но причины погрома должны представлять нѣкоторый общественный интересъ. Спросите бѣлаго гражданина Атланты, и онъ безъ запинки отвѣтитъ: «обыкновенное негритянское преступленіе», подразумѣвая подъ этимъ изнасилованіе неграми бѣлыхъ женщинъ. Это служитъ обычнымъ оправданіемъ всѣхъ линчеваній, хотя статистически установлено, что на 100—150 линчеваній въ годъ, изнасилованіе является причиною лишь въ 30—40 случаяхъ.

Это обвиненіе въ изнасилованіи звучитъ довольно знакомо для русскаго уха. Это нѣчто вродѣ обвиненіи евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Къ несчастью, обвиненіе негровъ въ изнасилованіи бѣлыхъ женщинъ не такъ безпочвенно. Случаи бываютъ, хотя далеко не такъ часто, какъ утверждаютъ южные негрофобы, и далеко не такъ часто, какъ случаи изнасилованія мулатокъ бѣлыми мужчинами, каковые южане совершенно замалчиваютъ.

Надо, однако, сказать, что въ самомъ крупномъ погромѣ послѣднихъ лѣтъ дѣйствительнаго преступленія вовсе не было, а были лишь слухи, позади же слуховъ пресса со своимъ американскимъ Крушеваномъ, который разжигалъ народныя страсти изъ-за личныхъ мелкихъ цѣлей.

Волей исторіи негръ сдѣлался безпомощнымъ мячемъ въ рукахъ безпринципныхъ южныхъ политикановъ. Лишивъ негра всякими подвохами и хитростями избирательнаго права, бѣлый южанинъ оказался абсолютнымъ хозяиномъ положенія. Изъ ненависти къ негру, южанинъ остается демократомъ, потому что боится, что республиканская партія предоставитъ неграмъ политическія права. Въ то же время демократическая партія всѣми силами разжигаетъ ненависть къ негру, потому что такимъ образомъ гарантируетъ свою власть. Но, благодаря этой гарантіи, политической жизни въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова въ южныхъ штатахъ почти не существуетъ. Такъ какъ побѣда демократической партіи рѣшенное дѣло, то стоитъ ли идти подавать свой голосъ, стоитъ ли даже интересоваться предвыборной борьбой? Сами выборы представляютъ пустую формальность. Вопросъ о будущемъ губернаторѣ, напримѣръ, рѣшается окончательно, когда демократическая партія намѣтитъ своего кандидата.

Республиканская партія часто даже не выставляетъ кандидата. Вся избирательная борьба сводится поэтому къ личному препирательству между людьми, стремящимися добиться демократической кандидатуры.

И такъ какъ всѣ фракціи трубятъ о своей вѣрности идеаламъ демократической партіи, то принципіальной полемики почти не можетъ быть.

Чѣмъ же апеллировать къ массѣ членовъ демократической партіи?

Остается одинъ путь—негрофобство, на которое южное населеніе никогда не откажется отозваться. И, вотъ, именно въ такой политическій моментъ, осенью 1906 г., два претендента на губернаторскую должность начали войну другъ съ другомъ и втянули въ нее негритянскій вопросъ. У каждаго была своя газета, и обѣ онѣ всѣми силами старалась разжигать страсти противъ негровъ.

Средство они избрали для этой цѣли поистинѣ дьявольское. Начались сенсаціонные слухи объ изнасилованіяхъ или попыткахъ изнасилованія. Малѣйшій слухъ, никѣмъ не провѣренный, превращался въ «ужасное преступленіе». Кончилось дѣло тѣмъ, что стали выпускаться ежедневно нѣсколько экстренныхъ изданій газетъ, и на первой страницѣ каждаго полуфутовыми буквами значилось: «Второе покушеніе» «Третье нападеніе» и т. д.

Въ тотъ день, когда начался погромъ, газеты къ вечеру уже кричали «Четвертое изнасилованіе», а позже тщательное изслѣдованіе установило полную лживость этихъ сенсаціонныхъ извѣстій. Но толпа была не въ такомъ настроеніи, чтобы провѣрять газетныя сообщенія. Она двинулась, и началась классическая картина погрома. Въ линчеваніи всегда есть попытка наказать виновнаго, хотя часто бываютъ самыя грубыя ошибки. Но въ Атлантѣ во время погрома всякое стремленіе отдѣлить виновнаго отъ невиннаго было отброшено. Толпа добиралась до перваго встрѣчнаго негра, вытаскивала его изъ лавки, стаскивала его съ трамвайнаго вагона, и рѣзала его, стрѣляла, рвала на куски; когда же ошеломленные отъ неожиданности негры, наконецъ, спохватились и стали защищаться, то явилась полиція и стала отбирать револьверы.

Благодаря этому, погромъ возобновлялся два раза, длился почти три дня и прекращенъ былъ, лишь когда губернаторъ, наконецъ, собрался выслать милицію.

II.

Я хорошо помню, что еще три года тому назадъ, когда телеграфъ принесъ извѣстія о трагическихъ событіяхъ, происходившихъ на улицахъ Атланты, моей первой мыслью было. «Бѣдный Дю-Бойсъ! Вѣдь онъ тамъ живетъ, каково ему было пережить эти дни»!

Конечно, быть битымъ никому не сладко. И присутствовать при томъ, какъ бьютъ твоихъ братьевъ по религіи ли, національности или расѣ, тяжело всякому. Но я хорошо зналъ, что на человѣка такой чуткой души, такого нервнаго темперамента, какъ Дю-Бойсъ, это должно произвести особенно удручающее впечатлѣніе, что ему будетъ труднѣе, чѣмъ какому-либо другому члену его расы пережить это, и, можетъ быть, никогда не удастся изгладить это изъ памяти.

Съ профессоромъ Дю-Бойсомъ я столкнулся лѣтъ пять тому

назадъ, но заинтересовался его личностью и дѣятельностью еще много лѣтъ раньше—въ сущности, какъ только я сталъ изучать негритянскій вопросъ. Въ немъ наиболѣе рельефно выразилась вся трагедія жизни культурнаго мулата съ вполнѣ европейской душой, безнадежно обреченнаго на то, чтобы остаться за оградой культурной жизни; съ другой стороны, онъ олицетворялъ въ себѣ наиболѣе страстный протестъ противъ современнаго положенія негра. Его біографію и его труды мнѣ поэтому приходилось изучать для лучшаго пониманія какъ статики, такъ и динамики негритянскаго вопроса.

Дю-Бойсъ родился лѣтъ 40 тому назадъ въ Новой Англіи, далеко отъ «Чернаго пояса» (Black belt), какъ называется территорія, въ которой сконцентрировано негритянское населеніе Соединенныхъ Штатовъ.

«Въ моей семьѣ», разсказывалъ онъ мнѣ, «за три или четыре поколѣнія не было бѣлаго человѣка». Тѣмъ не менѣе, ни отецъ ни мать Дю-Бойса не были полными неграми, а самъ Дю-Бойсъ, за исключеніемъ излишней полноты губъ, обладаетъ европейскими,—болѣе точно, французскими,—и очень правильными чертами лица. Но темнокоричневый цвѣтъ лица не оставляетъ никакихъ сомнѣнія относительно его происхожденія.

Онъ родился въ сравнительно достаточной семьѣ и сумѣлъ получить систематическое образованіе. Въ Haward College, наилучшемъ американскомъ высше-учебномъ заведеніи въ Бостонѣ, онъ считался выдающимся студентомъ, получалъ награды и медали; впослѣдствіи онъ спеціализировался по соціальнымъ наукамъ, слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ и, вернувшись въ Америку, получилъ отъ Haward'а степень доктора философіи. Его докторская диссертація: «Исторія подавленія американской торговли рабами» признана людьми науки, какъ лучшая работа по этому вопросу. Въ 1895 году онъ выпустилъ спеціальное изслѣдованіе положенія негритянскаго населенія Филадельфіи (The Philadelphia Negro), написанное по порученію Пенсильванскаго университета въ Филадельфіи, которое также обратило на автора вниманіе американскаго ученаго міра.

Но, несмотря на быстро пріобрѣтенную репутацію весьма талантливаго историка и соціолога, для Дю-Бойса не было мѣста въ академическомъ мірѣ. Потому ли, что онъ не могъ найти профессорской каѳедры въ сѣверномъ университетѣ, или потому, что онъ убѣдился, что человѣку, желающему посвятить себя изученію или разрѣшенію негритянскаго вопроса, мѣсто только на югѣ, но Дю-Бойсъ въ 1896 году рѣшилъ принять предложенную ему каѳедру въ Atlanta Uiversity—въ учрежденіи для воспитанія негритянской молодежи. Для негра или мулата, пережившаго первую молодость на сѣверѣ, это былъ тяжелый шагъ. Если мелкіе уколы самолюбія приходилось испытывать и на сѣ-

верѣ, то жизнь на югѣ для непривычнаго человѣка представлялась одной мукой. Разница приблизительно та же, что между случайными уколами еврейскаго самолюбія въ Америкѣ и топтаніемъ въ грязь еврея въ Россіи. Для Дю-Бойса этотъ шагъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что онъ только что женился на молодой женщинѣ съ университетскимъ образованіемъ и еще меньшей примѣсью негритянской крови, чѣмъ у него самого, на женщинѣ, тоже никогда не жившей на югѣ.

Но Дю-Бойсъ рѣшился, и въ Атлантѣ онъ прожилъ уже теперь около 12 лѣтъ. За это время его репутація на сѣверѣ значительно выросла. Онъ организовалъ ежегодные съѣзды для изученія различныхъ вопросовъ негритянской жизни, и самъ написалъ 12 томовъ отчетовъ объ этихъ съѣздахъ, представляющихъ чрезвычайно важный матеріалъ для изученія негритянскаго вопроса; а въ періодической литературѣ статьи за его подписью появляются чрезвычайно часто.

Характеръ работъ Дю-Бойса скоро опредѣлился. Не трудно было видѣть, что для Дю-Бойса лично жизнь на югѣ оказалась вѣчной трагедіей, какъ этого и слѣдовало ожидать. Условія жизни на югѣ тяжелы для всякаго негра, вдвое тяжелѣе для негра сѣвернаго, не привыкшаго къ южнымъ условіямъ, втрое тяжелѣе для негра съ университетскимъ образованіемъ, чувствующаго свою принадлежность къ европейской культурѣ и цивилизаціи, и въ тысячу разъ тяжелѣе для человѣка съ чувствительнымъ темпераментомъ поэта. А Дю-Бойсъ, несмотря на свою научную подготовку и свои научные труды, оказался поэтомъ, художникомъ. Этотъ поэтическій темпераментъ и мука его многолѣтней жизни на югѣ, краснорѣчиво сказались въ его небольшой книжкѣ: «Души черныхъ людей» (The Souls of Black folks). Это — сборникъ полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ очерковъ, которые по силѣ и глубинѣ чувства, по изяществу языка слѣдуетъ причислить къ шедеврамъ современной американской литературы. Литературной силы этой книжки американская пресса не могла отрицать, но она старалась уменьшить ея значеніе, какъ соціальнаго документа. «Какъ картина чувствъ очень культурнаго, очень интеллигентнаго и очень свѣтлаго мулата, эта книжка очень интересна»,— писалъ журналъ Outlook, старающійся въ негритянскомъ вопросѣ сѣсть между двухъ стульевъ,—«но для характеристики психологіи негритянской массы она ничего не дастъ». Въ свое время я вѣрилъ этому заключенію, но позже знакомство съ интеллигентнымъ кругомъ американскихъ негровъ убѣдило меня, что настроеніе «Душъ черныхъ людей» не индивидуальное, а массовое настроеніе, и, главное, настроеніе растущее, настроеніе будущаго.

Негръ, прикоснувшійся къ европейской культурѣ и цивилизаціи, не можетъ согласиться съ тѣмъ, что онъ членъ низшей расы, ибо онъ не чувствуетъ и поэтому не можетъ признать этой расовой

разницы. Онъ не можетъ не реагировать интенсивнѣе, какъ на мелкія обиды, такъ и на ограниченія его матеріальныхъ, политическихъ и общечеловѣческихъ правъ, какъ, напримѣръ, лишеніе права голоса, права зайти въ театръ, въ библіотеку, остановиться въ порядочной гостиницѣ.

Что настроеніе Дю-Бойса было не индивидуальнымъ, а достаточно распространеннымъ явленіемъ, видно изъ того, что скоро Дю-Бойсъ сдѣлался вожакомъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе яркимъ представителемъ опредѣленнаго движенія въ негритянскомъ населеніи,—движенія, захватывающаго, правда, лишь меньшинство, но весьма важное меньшинство, а именно негритянскую интеллигенцію.

Выдающаяся роль, скоро занятая Дю-Бойсомъ, тѣмъ болѣе многозначительна, что по натурѣ, по темпераменту онъ совсѣмъ не то что американцы называютъ «leader of men». Онъ отчасти—кабинетный ученый, отчасти—поэтъ, художникъ слова. Хотя онъ появляется на каѳедрѣ очень часто, какъ лекторъ, популярный не только среди негровъ, но и среди бѣлыхъ, однако онъ все же не политическій ораторъ. Онъ можетъ прочесть чрезвычайно интересную лекцію, и культурная аудиторія можетъ заслушаться его мелодичнаго, мягкаго голоса и его логической аргументаціи, но онъ не можетъ апеллировать къ грубой, невѣжественной массѣ. Въ его дикціи нѣтъ той силы, того грубаго юмора, котораго вдоволь, напр., въ рѣчахъ Букера Вашингтона. Но настоящее положеніе негра требуетъ Дю-Бойса такъ же, какъ оно создало Букера Вашингтона.

Говоря о Дю-Бойсѣ, не возможно не упомянуть о Букерѣ Вашингтонѣ: такъ тѣсно связаны оба эти имена въ современномъ фазисѣ негритянскаго вопроса,—но не потому, что оба они являются сотрудниками въ одномъ и томъ же движеніи. Напротивъ, они представляютъ два полюса въ сознательной жизни американскаго негра. Въ большой публикѣ,—бѣлой, какъ и черной,—Букеръ Вашингтонъ гораздо болѣе извѣстенъ, чѣмъ Дю-Бойсъ. Мало того, американская пресса,—сѣверная, какъ и южная,—намѣренно рисуетъ Вашингтона общепризнаннымъ вожакомъ 10 милліоновъ американскихъ негровъ. Необходимо проникнуть за «черное покрывало», по выраженію Дю-Бойса, т. е. проникнуть во внутреннюю жизнь негровъ, и въ особенности ихъ болѣе культурной части, чтобы убѣдиться, насколько пристрастенъ и узокъ такой взглядъ на роль Вашингтона.

Вашингтонъ (Букеръ, а не Джорджъ, отецъ республики) извѣстенъ даже въ Россіи, благодаря двумъ переводамъ его автобіографіи («Отъ рабства къ свободѣ», кажется, былъ озаглавленъ одинъ изъ этихъ переводовъ). Романтическая исторія жизни этого человѣка, который родился 56 лѣтъ тому назадъ незаконнымъ сыномъ простой негритянской рабыни, а теперь директоръ боль-

наго ремесленнаго института съ 2.000 студентовъ, извѣстный ораторъ, и чуть ли не пріятель президентовъ и архимилліонеровъ — эта романтическая исторія не могла не импонировать русскому читателю, тѣмъ болѣе, что книга вышла изъ печати приблизительно въ то же время, когда приглашеніе Вашингтона завтракать съ президентомъ Рузвельтомъ вызвало ярыя нападки на Рузвельта во всей южной печати, при чемъ этотъ инцидентъ обратилъ на себя вниманіе всего культурнаго человѣчества. Но внутренняго духа этой книги, какъ и всей тенденціи проповѣди Вашингтона, русскій читатель, совершенно незнакомый съ негритянскимъ вопросомъ въ Америкѣ, оцѣнить не могъ, иначе русская прогрессивная публицистика не могла бы придти въ восторгъ отъ реакціонной политики Вашингтона.

Вкратцѣ, теорія Вашингтона по отношенію къ вопросу о судьбѣ его расы въ Америкѣ сводится къ слѣдующему.

Негры бѣдны, некультурны, неразвиты умственно и нравственно. Всѣ юридическія ограниченія ихъ правъ—мелочь въ сравненіи съ тѣмъ, что они бѣдны, бѣдны же они по собственной винѣ, потому что они не умѣютъ работать. Поэтому безполезно жаловаться на отношеніе къ нимъ бѣлаго населенія, которое въ сущности вовсе не такъ плохо. Нужно улучшить ихъ экономическое положеніе тѣмъ, чтобы научить ихъ работать и копить деньги. Въ этомъ — суть. Какъ только негръ сдѣлается болѣе умѣлымъ работникомъ, или умѣлымъ коммерсантомъ, бѣлый южанинъ начнетъ его уважать.

Такова программа Вашингтона. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма въ ней можно найдти много положительныхъ сторонъ, съ ней можно почти согласиться.

Почти.

Вполнѣ ли искрененъ Вашингтонъ, развивая эту теорію продуктивности и бережливости? На мою долю выпала удачная случайность провести 48 часовъ въ домѣ Вашингтона и отъ него лично выслушать его теорію. И я нѣсколько усомнился въ откровенности, если не искренности, этого замѣчательно умнаго, тактичнаго и дипломатичнаго дѣятеля. У меня получилось впечатлѣніе, что, сознавая всю безнадежность политической борьбы лишеннаго права голоса негра за свои гражданскія права, онъ рѣшилъ дѣлать для негритянской массы все, что представляется возможнымъ при настоящей политической и общественной конъюнктурѣ, предоставивъ будущему разрѣшеніе болѣе труднаго расоваго вопроса. И впослѣдствіи я сумѣлъ убѣдиться, что мою точку зрѣнія раздѣляютъ многіе интеллигентные негры, хорошо знающіе Вашингтона. Но бѣлый югъ, какъ и бѣлый сѣверъ, вѣритъ Вашингтону и вполнѣ одобряетъ его дѣятельность. Программа и дѣятельность Вашингтона—единственная платформа, на которой бѣлый югъ согласенъ сойтись съ негромъ. А сѣверъ, которому надоѣлъ негритянскій вопросъ, и который теперь жаждетъ лишь одного, чтобы обѣ сто-

ропы нашли какой-нибудь modus vivendi и перестали ссориться, также рукоплещетъ Букеру Вашингтону.

Подъемъ продуктивности негритянскаго труда—эта платформа чрезвычайно по душѣ бѣлому югу, потому что негритянская раса въ южныхъ штатахъ—раса пролетаріевъ, и негритянскій трудъ представляетъ большую часть всего южнаго наемнаго труда. Что же касается до накопленія капиталовъ неграми, то это вѣдь дѣло проблематичнаго будущаго, и его бѣлый югъ не боится. А отрицательная программа Вашингтона, конечно, еще болѣе щекочетъ предразсудки бѣлаго юга. Эта программа вѣдь ведетъ къ тому, что негръ примирятся со своимъ безправнымъ положеніемъ въ политикѣ и общественной жизни вообще.

Благодаря этому, Вашингтонъ получаетъ крупную финансовую поддержку, главнымъ образомъ, со стороны болѣе щедраго сѣвера, но отчасти и со стороны южныхъ меценатовъ для своего крупнаго учрежденія—Iuskegee Industrial Institute,—гдѣ, при сравнительно ограниченномъ общемъ образованіи, студенты обучаются ремесламъ. Эта огромная школа съ 2000 студентами и болѣе 100 зданій имѣютъ бюджетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ въ годъ, и негритянская масса не выдѣлила еще изъ своей среды капиталистовъ, которые могли бы поддерживать такія учрежденія. Въ постоянныхъ поискахъ средствъ (обычная функція директора частнаго учебнаго заведенія въ Америкѣ)—поискахъ, въ которыхъ Вашингтонъ очень успѣшенъ,—онъ всегда доказываетъ необходимость профессіональнаго (ремесленнаго) образованія для негра и нерѣдко, устно и въ печати, довольно откровенно высказывается противъ необходимости негритянскихъ коллегій и университетовъ. Циники иногда склонны объяснять весь антагонизмъ между Вашингтономъ и Дю-Бойсомъ именно тѣмъ фактомъ, что Вашингтонъ завѣдуетъ ремесленнымъ институтомъ, въ то время какъ Дю-Бойсъ имѣетъ профессорскую каѳедру въ университетѣ, что оба учрежденія нуждаются въ средствахъ, и что поэтому Дю-Бойсъ настаиваетъ на необходимости университетскаго образованія для негра, а Букеръ Вашингтонъ—ремесленнаго. Но, по мѣткой американской поговоркѣ, это значитъ «ставить телѣгу передъ лошадью», т. е. послѣдствіе передъ причиной. Ибо право негра на университетское образованіе для Дю-Бойса лишь одинъ изъ неизбѣжныхъ выводовъ изъ основной аксіомы, что негръ имѣетъ «естественное право» на всѣ основныя прерогативы культурнаго человѣка, гражданина демократической республики.

III.

Черезъ широкія ворота мы въѣхали въ «Campus» университета. Campus—открытое мѣсто—составляетъ насущную принадлежность всякаго американскаго университета. На немъ протекаетъ та часть студенческой жизни, которую студентъ проводитъ внѣ аудиторіи. Своимъ campus'омъ американскій университетъ обыкновенно гордится не менѣе, чѣмъ своими зданіями, и, пожалуй, болѣе, чѣмъ своими профессорами. Съ цѣлью имѣть большой campus университетъ организуется или въ небольшомъ городкѣ, или же за городомъ.

Дю-Бойсъ дожидался меня вмѣстѣ съ женой и своей маленькой дочуркой. Г-жа Дю-Бойсъ оказалась очень миловидной, стройной молодой женщиной, съ густыми прямыми черными волосами. Курчавые, похожіе на шерсть волосы негра и, въ особенности, негритянки отравляютъ имъ жизнь. Они съ трудомъ поддаются новомоднымъ прическамъ, и поэтому негритянскіе газеты и журналы полны объявленій о различныхъ косметическихъ средствахъ для выпрямленія волосъ. Но даже при употребленіи лучшихъ средствъ негритянскимъ дамамъ приходится ежедневно на ночь заплетать волосы самымъ замысловатымъ образомъ, чтобы выпрямить хоть нѣсколько ихъ на 12 часовъ.

У г-жи Дю-Бойсъ волосы, очевидно, были отъ природы прямые. Да и цвѣтъ лица ея таковъ, что, хотя для опытнаго человѣка не оставляетъ сомнѣній въ ея негритянскомъ происхожденіи, едва ли вызвалъ бы подозрѣніе въ европейцѣ. Оттѣнкомъ онъ напоминаетъ японскую расу, но гораздо чище, ровнѣе. И несмотря на нѣсколько крупный носъ и губы, она положительно не дурна. Дѣвочка лѣтъ 8, Іоланта, была даже нѣсколько темнѣе, и волосы у нея болѣе типичные для негритянской расы. Носикъ—плосковатый, хотя эта черта отсутствуетъ и у отца, и у матери. И тѣмъ не менѣе она совсѣмъ хорошенькая.

Вы спросите, зачѣмъ я пускаюсь въ такія подробности личнаго характера? Но мнѣ скоро придется указать на огромное значеніе этихъ мелочей въ пониманіи негритянскаго вопроса, который приходится изучать со многихъ различныхъ сторонъ.

Подхвативъ съ американской вѣжливостью мой чемоданчикъ, профессоръ Дю-Бойсъ предложилъ мнѣ первымъ дѣломъ отправиться въ мою комнату, чтобы дать мнѣ возможность привести себя въ порядокъ къ ужину. Казалось бы, самое обычное дѣло. Но этимъ я уже совершилъ два преступленія противъ южнаго кодекса относительно надлежащаго отношенія между бѣлой и черной расой, и мало того, самыя тяжелыя нарушенія этого кодекса, потому что я допустилъ этимъ негра до соціальнаго равенства съ собой!

Когда Дю-Бойсъ телеграммой пригласилъ меня пріѣхать въ Атланту, то ничего не было сказано относительно мѣста моего пребыванія въ Атлантѣ. Но когда вторично письмомъ онъ просилъ меня не ограничиться однимъ вечеромъ лекціи, а пробыть въ университетѣ три-четыре дня, то просилъ пріѣхать прямо въ университетъ. При очень скромныхъ средствахъ, которыми располагаетъ Atlanta Uniwersity, я не могъ, конечно, ожидать, чтобы онъ платилъ за меня въ гостиницѣ.

Но профессоръ Дю-Бойсъ никогда не рѣшился бы сдѣлать подобнаго приглашенія, если бы не имѣлъ основанія быть увѣреннымъ, что я приму его. Но когда я сообщилъ моимъ знакомымъ въ Вашингтонѣ, вполнѣ культурнымъ американцамъ, что ѣду на нѣсколько дней къ Дю-Бойсу, то нѣкоторые пожимали плечами и говорили: «Мы, конечно, знаемъ ваши взгляды; и притомъ вы иностранецъ, и все такое. Но все же, знаете, спать у негра въ домѣ и ѣсть у негра за столомъ,—это, знаете, немножко слишкомъ». Но это было, по крайней мѣрѣ, вѣжливо. Я помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ экскурсіи по югу, я сообщилъ моему сослуживцу статистику, доктору философіи одного изъ лучшихъ американскихъ университетовъ, что проѣздомъ черезъ Алабаму, я остановился на два дня въ домѣ Букера Вашингтона. Коллега мой, родомъ южанинъ, широко раскрылъ глаза и заявилъ: «Сэръ, мнѣ стыдно за васъ!»... Выходило, что я, никому неизвѣстный иностранный журналистъ и профессіональный статистикъ, унизилъ себя тѣмъ, что провелъ два дня въ домѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ гражданъ американской республики.

По темноватымъ коридорамъ одного изъ жилыхъ зданій университета мы прошли съ Дю-Бойсомъ въ отведенную мнѣ большую, свѣтлую, хотя и очень просто меблированную комнату, съ большой деревянной кроватью, въ которой до меня, можетъ быть, спалъ— horribile dictu—негръ.

Дю-Бойсъ объяснилъ мнѣ, что весь преподавательскій персоналъ садится за столъ вмѣстѣ съ тѣми студентами, которые живутъ при университетѣ. И я съ нѣкоторымъ чувствомъ неловкости представилъ себѣ маленькую сенсацію, которую должно будетъ произвести появленіе одного бѣлаго человѣка посреди двухсотъ-трехсотъ негровъ. Когда я былъ у Букера Вашингтона, то католическій патеръ и я были единственными бѣлыми людьми среди полуторы тысячи учителей и студентовъ. Казалось, что я вовсе не въ Америкѣ, какою зналъ ее я, обитатель сѣверныхъ штатовъ, а гдѣ-нибудь въ глуши южной Африки.

Но здѣсь меня ожидалъ интересный сюрпризъ. Когда я выбрался изъ моей комнаты на лужайку, то нашелъ Дю-Бойса съ женой въ обществѣ полдюжины людей, преимущественно женщинъ, которыя чрезвычайно были похожи на «членовъ кавказской расы». Но кто прожилъ нѣсколько въ Вашингтонѣ, тотъ знаетъ, какъ

трудно полагаться въ разрѣшеніи вопроса о расѣ на личное чувство зрѣнія. Юридическая фикція признаетъ негромъ человѣка, въ жилахъ котораго течетъ, по крайней мѣрѣ, одна шестнадцатая негритянской крови; а общественное мнѣніе идетъ дальше даже юридической фикціи. Поэтому человѣкъ можетъ быть бѣлымъ по внѣшности, чертамъ и цвѣту лица, но если извѣстно, что одинъ изъ его предковъ былъ негръ, то онъ также негръ.

Лично мнѣ неоднократно приходилось совершать ужасную ошибку и принимать такого «негра» за бѣлаго человѣка. Поэтому на этотъ разъ я рѣшился не дѣлать никакихъ заключеній. Желтоватый цвѣтъ лица у одной или двухъ изъ дамъ показался мнѣ все же подозрительнымъ. Но когда прозвучалъ вечерній колоколъ, и отовсюду потянулись люди къ зданію столовой, я дипломатическимъ путемъ навелъ Дю-Бойса на эту тему, и убѣдился, что мои подозрѣнія были напрасны. Представленные мнѣ люди были дѣйствительно кавказской расы: нѣсколько профессоровъ, преподавателей и преподавательницъ университета. Нѣкоторые изъ нихъ были связаны съ университетомъ чуть ли не въ теченіе всей исторіи его существованія, а другіе пріѣхали изъ сѣверныхъ штатовъ сравнительно недавно, преимущественно изъ Бостона. Едва ли нужно говорить, что среди нихъ не было ни одного южнаго человѣка.

Всѣ эти профессора и преподаватели живутъ въ университетѣ или очень близко къ университету, и всѣ ѣдятъ за однимъ столомъ со студентами. Это не только даетъ возможность значительной экономіи университету на жалованьи преподавательскому персоналу, но имѣетъ и другую цѣль—культурное вліяніе такого близкаго общенія студентовъ съ ихъ преподавателями.

Когда по возвращеніи изъ Атланты меня разспрашивали о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ этого посѣщенія, то самую крупную сенсацію вызывалъ именно этотъ фактъ: что большинство преподавателей бѣлые люди, и что они живутъ при университетѣ. На разныхъ людей это производило разное впечатлѣніе. Южане удивлялись безстыдству этихъ людей; сѣверяне пожимали плечами: зачѣмъ раздражать южанъ своимъ образомъ жизни; иностранцы готовы были восторгаться самоотверженностью людей, идущихъ на такой подвигъ.

Что это дѣйствительно подвигъ, въ этомъ я успѣлъ очень скоро убѣдиться за свои нѣсколько дней пребыванія въ Атлантѣ.

Болѣе прогрессивный, толерантный южанинъ готовъ допустить, что многое въ его третированіи негра несправедливо и ненужно, но онъ не признаетъ возможности двухъ мнѣній по вопросу «о соціальномъ равенствѣ», подъ каковымъ въ данномъ случаѣ разумѣютъ не соціальныя отношенія въ широкомъ смыслѣ, а отношенія свѣтскія, общественныя, гостинныя, такъ сказать. Мало того, онъ всякую другую несправедливость готовъ объяснить именно стрем-

леніемъ сдѣлать невозможнымъ это «соціальное равенство». Поэтому то для негритянскихъ дѣтей необходимо построить специальныя школы, для негровъ необходимы спеціальные желѣзнодорожные и трамвайные вагоны, негровъ нельзя допускать въ театры или библіотеки.

И чувство это въ сердцѣ южанина до того интенсивно, что онъ распространяетъ его и на тѣхъ бѣлыхъ людей, которые нарушаютъ этотъ законъ. Югъ относится поэтому съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ къ сѣвернымъ пришельцамъ, обучающимъ негритянскихъ дѣтей. А преподавательскій персоналъ Atlanta University еще больше согрѣшилъ тѣмъ, что живетъ среди студентовъ и ѣстъ съ ними за однимъ столомъ. По мнѣнію юга, это—плевокъ въ лицо всѣмъ его святѣйшимъ убѣжденіямъ, и онъ ненавидитъ Atlanta University, ненавидитъ его бѣлый преподавательскій персоналъ и не скрываетъ этого, третируя его приблизительно такъ, какъ онъ третируетъ негровъ.

«Мои знакомые изъ города отказываются посѣщать меня», говорилъ мнѣ президентъ университета Ware (а президентъ университета въ Америкѣ пользуется обыкновенно крупнымъ почетомъ), «потому что они могутъ встрѣтиться въ моемъ домѣ съ Дю-Бойсомъ». И это, замѣтьте, когда безъ всякаго преувеличенія Дю-Бойсъ самый интеллигентный человѣкъ въ Атлантѣ.

Бѣлые преподаватели негритянскаго университета поэтому вынуждены жить вполнѣ изолированной жизнью, или соціально слиться съ негритянской массой, вѣрнѣе, съ негритянской интеллигенціей. Это—нелегкая задача.

Меня очень интересовалъ вопросъ, кто именно рѣшается на такой подвигъ. Среди болѣе молодыхъ, новыхъ членовъ преподавательскаго персонала есть и такіе, которые совершенно случайно попадаютъ въ эту атмосферу въ поискахъ за какимъ-нибудь мѣстомъ, хотя Atlanta University платитъ такіе ничтожные оклады, что оно мало привлекательно съ точки зрѣнія карьеры. Эти, конечно, не остаются на долго, да они и не пользуются большимъ успѣхомъ. Но во главѣ этой небольшой колоніи стоитъ полдюжины старожиловъ, которые свою жизнь посвятили этому дѣлу, какъ посвящаютъ свою жизнь искренніе миссіонеры, или какъ посвящали ее тѣ молодые русскіе люди, которые шли въ народъ.

«Но зачѣмъ же ѣсть за однимъ столомъ»? все же возражаетъ южанинъ, который смотритъ на этотъ обычай, какъ на нелѣпое стремленіе раздражать южное общественное мнѣніе.

«Но это не капризъ,—говорилъ мнѣ президентъ университета Ware.—Во-первыхъ, это имѣетъ утилитарную цѣль. Близость студента къ преподавательскому персоналу имѣетъ огромное культурное значеніе». Американецъ манерамъ за столомъ придаетъ очень большое значеніе. И съ нимъ нельзя не согласиться, наблюдая

культурныхъ американцевъ за столомъ. Сдержанность, вѣжливость другъ къ другу, пониженные голоса, порядокъ, система,—все это не менѣе важно, и въ особенности для принадлежащихъ къ мало культурнымъ семьямъ негровъ студентовъ, чѣмъ знаніе греческой грамматики.

«Но эти утилитарныя соображенія—не единственный мотивъ. Въ основѣ лежитъ принципъ, что всѣ мы люди, и что разница въ культурномъ уровнѣ есть лишь разница въ условіяхъ, а не органическая разница. Этотъ принципъ расоваго равенства лежитъ въ основѣ всего учрежденія, и наши товарищескія отношенія лишь выводъ изъ этого общаго принципа».

И такъ силенъ этотъ принципъ, что взрослыя дѣти бѣлыхъ профессоровъ посѣщаютъ Atlanta University, и среди нихъ одна очень молоденькая и очень хорошенькая блондинка. Всего этихъ бѣлыхъ студентовъ двое или трое, но изъ-за нихъ университету пришлось жестоко пострадать въ финансовомъ отношеніи. Онъ получалъ субсидію въ нѣсколько тысячъ долларовъ отъ штата, но когда власти узнали о присутствіи нѣсколькихъ бѣлыхъ студентовъ, то они отказались продолжать субсидію до тѣхъ поръ, пока университетъ не прекратитъ этого «совмѣстнаго обученія, противнаго педагогическимъ принципамъ штата. Университетская администрація отказалась ввести такой пунктъ въ свой уставъ, и лишилась этой солидной субсидіи.

IV.

Въ огромной низкой комнатѣ расположено до 20 большихъ столовъ. Подъ звуки колокола сначала въ столовую входятъ студентки, потомъ студенты, въ то время какъ преподаватели входятъ черезъ особую дверь. За каждымъ столомъ сидитъ, вѣрнѣе, предсѣдательствуетъ, одинъ изъ преподавателей. По американскому обычаю, онъ распредѣляетъ пищу по тарелкамъ и раздаетъ ее членамъ своей оффиціальной семьи. Мнѣ предоставили мѣсто рядомъ съ Дю-Бойсомъ, и я не могъ не выразить ему своего участія за тяжелую обязанность накормить около 12 человѣкъ раньше, чѣмъ онъ могъ удовлетворить собственный голодъ.

«Но у насъ полная демократія,—возразилъ онъ.—Видите, у этого конца стола студентка разливаетъ воду по стаканамъ, а у другого стола студентка распредѣляетъ масло по тарелкамъ. Затѣмъ, какъ вы видите, пищу разносятъ и при столѣ прислуживаютъ также студентки и студенты. Они же продѣлываютъ значительную часть работы въ кухнѣ, за исключеніемъ самой тяжелой».

И, дѣйствительно, порядокъ за столомъ былъ образцовый. Когда всѣ усѣлись, деканъ съ углового стола произнесъ «benedictum», и только тогда принялись за ѣду. Во время трапезы никто не поды-

мался изъ-за стола, ибо на это требуется разрѣшеніе предсѣдательствующаго за столомъ. Когда минутъ черезъ 30 раздался звонокъ, то сразу всѣ положили ножи и вилки. Ужинъ кончился,—и кончался онъ такъ каждый вечеръ—пѣніемъ гимновъ, а потомъ по первому звонку поднялись и ушли студентки, по второму за ними послѣдовали студенты, а по третьему, наконецъ, поднялись и преподаватели со своими семьями. За первымъ же ужиномъ я сумѣлъ убѣдиться, что «университетъ» пытается быть не только учебнымъ, но и воспитательнымъ учрежденіемъ.

Въ объясненіе и оправданіе этихъ нѣсколько примитивныхъ методовъ, я долженъ разсказать, что такое представляетъ Atlanty University, или вообще маленькій американскій «университетъ» *). Это не европейскій universitas съ классическими четырьмя факультетами: медицины, юриспруденціи, теологіи и философіи. Если я скажу, что въ Atlanta University нѣтъ ни одного изъ этихъ четырехъ факультетовъ, то немедленно возникаетъ вопросъ, по какому праву это учрежденіе зовется университетомъ. Этотъ вопросъ возникъ бы у меня при бѣгломъ даже осмотрѣ трехъ зданій университета, если бы я не знакомъ былъ съ этимъ типомъ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Изъ 500 американскихъ учебныхъ учрежденій, подведенныхъ подъ группу „Colleges and Universitis", почти полтораста называются громкимъ именемъ University. Но, несмотря на это, въ Америкѣ дѣйствительныхъ университетовъ очень не много, можетъ быть, 20—21. Большинство принадлежитъ къ типу «коллегій,» перенятому у Англіи—т. е. къ типу четыреклассныхъ *обще-образовательныхъ* учрежденій для молодежи приблизительно того возраста, съ какимъ у насъ въ Россіи поступаютъ въ университетъ, или, можетъ, нѣсколько меньшаго возраста, отъ 16—17 лѣтъ и до 20—21. Благодаря этому, молодой человѣкъ, желающій получить такое общее высшее образованіе и потомъ изучить профессію, можетъ вступить въ практическую жизнь гораздо позже, чѣмъ въ Россіи. Правда, большинство молодыхъ людей, проходящихъ коллегію, вмѣсто профессіональныхъ факультетовъ выбираетъ какую нибудь практическую коммерческую дѣятельность. Съ другой стороны, та молодежь, которая, желая добиться профессіональной карьеры, не имѣетъ возможности откладывать ее въ такой долгій ящикъ, вынуждена обходиться безъ «коллегіальнаго» образованія. Прибавьте къ этому, что въ очень многихъ коллегіяхъ образованіе обходится чрезвычайно дорого, и вы поймете, что college education сдѣлалось въ Америкѣ роскошью, аттрибутомъ джентльмэна, а не орудіемъ подготовки къ практической жизни. И только въ послѣдніе годы,

*) См. объ этомъ мою статью, значительно, впрочемъ, уже устарѣвшую: „Очеркъ высшаго образованія въ С. Штатахъ". „Вѣстникъ Воспитанія", январь и февраль 1898 г.

университетскіе круги стали настаивать на практической выгодѣ коллегіальнаго образованія, какъ школы для подготовки къ практической жизни.

Atlanta University—не университетъ, а такая коллегія. Ея четырехлѣтній курсъ включаетъ такіе предметы преподаванія, какъ латинскій, греческій, нѣмецкій языки, алгебра, геометрія, тригонометрія, физика, астрономія, химія, исторія, геологія, гражданскій строй, немножко соціологіи, т. е. это въ сущности скорѣе гимназія, пожалуй, съ дополнительными курсами. Да и то изъ 350 студентовъ и студентокъ, записанныхъ въ Atlanta University, всего 50 числятся въ четырехъ классахъ этого коллегіальнаго курса, а остальные 300 въ приготовительныхъ классахъ. Такимъ образомъ, въ негритянскомъ университетѣ имѣется около 50 студентовъ, или, вѣрнѣе, полустудентовъ, и 300 гимназистовъ.

Я намѣренно пустился въ эти скучныя подробности, чтобы наиболѣе рѣзко охарактеризовать «великій разсадникъ негритянской культуры», Atlanty University, одно изъ крупнѣйшихъ, наиболѣе важныхъ учрежденій для высшаго образованія 10.000.000 негровъ, населяющихъ территорію Соединенныхъ Штатовъ. Съ европейской или вообще университетской точки зрѣнія, это жалкое учебное заведеніе, почти безъ лабораторіи. И все же фактъ остается фактомъ, что это наиболѣе важный аппаратъ, созданный культурной кавказской расой для воспитанія некультурной расы африканской. И въ то же время эта скрытая школа—объектъ ненависти всего бѣлаго юга, потому что она олицетворяетъ стремленіе негра сдѣлаться джентльмэномъ, олицетворяетъ смѣлое заявленіе: «я могу достичь тѣхъ жъ умственныхъ высотъ, что и вы».

Какимъ же образомъ возникло это учрежденіе для «высшаго» образованія негровъ въ самомъ сердцѣ отсталаго и негрофобскаго юга?

Едва заглохли пушечные выстрѣлы и потухли пожары въ южныхъ городахъ, сожженныхъ арміей Шермана, какъ возникъ на югѣ вопросъ, что дѣлать съ неграми. Каковы бы ни были историческія причины конфликта, на сѣверѣ жили многія чистыя, идеальныя личности, которыя вѣрили, что гражданская война была войной за уничтоженіе рабства, за освобожденіе негровъ. Основнымъ принципомъ ихъ отношенія къ негритянскому вопросу было убѣжденіе, что негръ такой же человѣкъ, какъ и бѣлый. А спасеніе всякаго человѣка въ моральномъ и умственномъ воспитаніи. И вотъ съ цѣлью дать негру это воспитаніе поѣхали на югъ энтузіасты изъ Новой Англіи, какъ ѣдутъ они изъ Англіи и Америки въ Индію, Китай или на Сандвичевы острова. Эти энтузіасты основали въ разныхъ южныхъ городахъ спеціальныя школы для негровъ, называя ихъ громкими именами Colege или даже University и устанавливая въ этихъ школахъ ту программу преподаванія, которую по тогдашнему времени считали наиболѣе необходимой

мя культурнаго человѣка, т. е. классическіе языки и такъ называемыя гуманитарныя науки. Это было служеніемъ обиженному черному брату, и на этой службѣ отецъ теперешняго президента Atlanta Universety, д-ръ Ware, положилъ всю свою жизнь.

Энтузіасты давали свое время и энергію. Но этого было мало. Требовались еще и средства. Югъ ихъ давать не хотѣлъ, да и не могъ, обнищавши послѣ тяжелой войны. Отъ вчерашнихъ рабовъ, негровъ, нельзя было ожидать ни гроша. И опять пришлось обратяться къ альтруистическому чувству сѣвера, преимущественно Бостона.

Получить эти деньги было не такъ уже легко, и бюджетъ Atlanta Universety всегда былъ и до сихъ поръ остается чрезвычайно скуднымъ. Зданія университета, крѣпкія, но чрезвычайно простыя на видъ. Пуританскій утилитаризмъ отказался хоть копѣйку истратить съ эстетической цѣлью. Весь бюджетъ университета теперь доходитъ до какихъ нибудь 60.000 долларовъ, включая и плату студентовъ. Въ то время, какъ средняя американская коллегія такого размѣра всегда имѣетъ неприкосновенный капиталъ въ милліонъ или два, Atlanta не имѣетъ почти ничего въ банкѣ, и по настоящій моментъ его существованіе зависитъ отъ ежегоднаго сбора пожертвованій среди бостонскихъ и нью-іоркскихъ друзей негритянской расы.

Положеніе, такимъ образомъ, получается чрезвычайно интересное. 90% негровъ Соединенныхъ Штатовъ живутъ въ южныхъ штатахъ. Южные университеты и коллегіи всѣ закрыты для негровъ, потому что имъ запрещаютъ совмѣстное обученіе обѣихъ расъ, да и вообще югъ считаетъ среднее и высшее образованіе негритянской расы нежелательнымъ. Въ сѣверныхъ университетахъ негры допускаются, но на нихъ смотрятъ косо. Да и къ тому же поѣхать на сѣверъ на четыре года для полученія университетскаго образованія, когда одна учебная плата въ сѣверныхъ университетахъ обходится въ 150 — 200 долл. въ годъ,—это по карману лишь очень богатому человѣку, а такихъ среди негровъ очень и очень мало. И поэтому оказывается, что всѣ шансы для высшаго образованія и для профессіональной подготовки для 10.000.000 человѣкъ сконцентрированы въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ съ такими жалкими средствами, какъ Atlanta University, при томъ поддерживаемыми на счетъ пожертвованій немногихъ благотворителей. И это въ странѣ широкихъ педагогическихъ программъ и сотенъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Но этого мало. Этимъ молодымъ и слабымъ учрежденіямъ все время приходится защищаться, бороться, доказывать свое право на существованіе. Бѣлый югъ относится къ Atlanta University съ ненавистью, потому что онъ готовитъ негровъ-джентльмэновъ. Среди самихъ негровъ существуетъ сильное движеніе, поддерживаемое Букеромъ Вашингтономъ, героемъ завтрака съ Рузвельтомъ, въ пользу

ремесленныхъ школъ противъ коллегій и университетовъ. Это движеніе находитъ себѣ болѣе сильную поддержку и у бѣлыхъ людей. Такъ какъ ремесленный институтъ долженъ готовить хорошихъ рабочихъ, а не джентльмэновъ, а бѣлый южанинъ-предприниматель ничего не имѣетъ противъ обученія негра, какъ рабочаго, то Букеру Вашингтону удается получать огромныя средства отъ своихъ друзей, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, на поддержку своего гигантскаго ремесленнаго института. Среди негритянской массы эта тенденція находитъ себѣ также поддержку, благодаря своему грубоватому, примитивному демократизму: ремесленная школа для массы, а коллегія или университетъ лишь для исключительныхъ лицъ. Точка зрѣнія южнаго общества на преимущества ремесленнаго образованія проникла уже на сѣверъ, въ тѣ самые круги, которые сорокъ лѣтъ подрядъ поддерживали университетъ своими пожертвованіями. И на банкетѣ, данномъ студентами университета, президентъ Ware принужденъ былъ дрожащимъ голосомъ заявить настоящимъ и прежнимъ воспитанникамъ:

«Господа, вы должны быть готовыми къ тому, что раньше или позже университетъ всею тяжестью ляжетъ на васъ,—на членовъ негритянской расы. Изъ Бостона все громче раздаются голоса, требующіе, чтобы мы превратили нашъ университетъ въ ремесленную школу, подъ угрозой прекратить пожертвованія. Если вамъ дорогъ негритянскій университетъ, то вамъ, неграмъ, придется его поддержать».

Теперь самую энергичную агитацію въ пользу общаго «высшаго» (т. е. вѣрнѣе средняго) образованія приходится вести тому же Дю-Бойсу. Онъ ведетъ ее изо дня въ день, настойчиво, неуступно, лекціями передъ неграми и бѣлыми, статьями въ газетахъ и журналахъ, брошюрами и книгами.

Какъ широкій и глубокій мыслитель, онъ становится на очень широкую точку зрѣнія. Необходимость такихъ школъ, какъ Atlanta, онъ выводитъ изъ нуждъ не отдѣльныхъ личностей, проходящихъ курсъ, а всей негритянской расы, нуждающейся въ такихъ личностяхъ. Онъ доказываетъ, что во всѣхъ расахъ и странахъ, высшее образованіе еще долго останется привилегіей немногихъ талантливыхъ, но что вліяніе этихъ немногихъ постепенно распространяется на всю народную массу. Массѣ нужны учителя, нужны культурные профессіональные дѣятели, и всѣ они нуждаются въ общемъ образованіи. Наконецъ, массѣ нужны вожаки. Только образованные вожаки могутъ вывести негритянскую массу изъ той умственной и нравственной тины, въ которую втянули ихъ два съ половиной вѣка рабства... Такого рода агитація находитъ себѣ значительный откликъ среди негритянской интеллигенціи, но послѣдняя пока очень немногочисленна.

Что фактически Дю-Бойсъ правъ, и что воспитанники Atlanta Univesity дѣйствительно дѣлаются культурными дѣятелями, доказы-

ваетъ интересная статистика дипломированныхъ этимъ учрежденіемъ. Всего ихъ за 40 лѣтъ было 560 (135 мужчинъ и 425 женщинъ). Не много это. Но для бѣднаго интеллигенціей негритянскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ эти 560 человѣкъ имѣли огромное значеніе. Въ живыхъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ было 487 (112 м. и 375 ж.). Изъ этихъ 487 было 150 женщинъ замужемъ безъ профессіи, 239 человѣкъ въ педагогической профессіи, 10 студентовъ, 5 врачей, 2 адвоката, 17 на государственной службѣ, 9 въ духовномъ санѣ, 20 человѣкъ въ коммерческой дѣятельности и 35 въ другихъ неизвѣстныхъ профессіяхъ. Слѣдовательно, за исключеніемъ замужнихъ женщинъ, болѣе 70% воспитанниковъ Atlanta University посвящаетъ себя педагогической дѣятельности. Такъ какъ бѣлый югъ настаиваетъ, что въ негритянскихъ школахъ должны преподавать только негритянскіе учителя и учительницы, то, казалось бы, онъ долженъ былъ лишь одобрительно относиться къ учрежденію, воспитывающему такихъ учителей. Но онъ относится враждебно,—и это, какъ мы увидимъ ниже, не единственное доказательство непослѣдовательности въ отношеніи бѣлаго юга къ черному.

Въ цивилизованной Америкѣ все еще приходится доказывать пользу школъ. Для русскаго читателя это покажется невѣроятно, но это такъ. Соединенные Штаты раздѣлены на два различныхъ міра: сѣверъ и югъ, и обыкновенное описаніе ихъ осносится только къ сѣверу, въ то время какъ о югѣ Европа имѣетъ лишь самое слабое представленіе. По отношенію къ негритянскому вопросу югъ въ послѣдніе годы имѣлъ большое вліяніе на сѣверъ. Но въ одномъ отношеніи разница между югомъ и сѣверомъ осталась замѣтная—въ отношенія къ школамъ для негровъ. Сѣверъ продолжаетъ настаивать, что неграмъ прежде всего необходима школа. Югъ продолжаетъ отрицать это, примѣняя къ неграмъ другую мѣрку, чѣмъ къ бѣлымъ дѣтямъ. Впрочемъ, мы не совсѣмъ справедливы по отношенію къ югу. Онъ откровенно не отрицаетъ пользы школьнаго воспитанія для негровъ, но фактически урѣзываетъ имъ возможность полученія такого воспитанія, потому что примѣняетъ къ негритянскимъ и бѣлымъ дѣтямъ разныя мѣрки.

Конечно, надо помнить, что въ педагогическомъ отношеніи югъ вообще отсталъ отъ сѣвера. Болѣе бѣдныя школы, хуже подготовленные учителя, низшее жалованіе, болѣе умѣренная программа, сокращенный школьный сезонъ, примитивные методы, и что всего важнѣе, въ штатѣ Джорджіи, въ которомъ расположена Атланта, и во многихъ другихъ южныхъ штатахъ нѣтъ обязательнаго школьнаго воспитанія и существуетъ тяжелый школьный трудъ. Все это, правда, примѣнимо и къ бѣлымъ дѣтямъ, но тѣмъ не менѣе разница въ отношеніи къ бѣлому и черному ребенку огромна. И эту разницу мнѣ пришлось лично видѣть въ Атлантѣ, хотя Атланта—крупнѣйшій центръ южныхъ центровъ, онъ не страдаетъ

отъ той бѣдности, на которую многіе указываютъ, какъ на причину южнаго невѣжества.

V.

Помимо полу-сотни коллегіальныхъ студентовъ и студентокъ и около 300 воспитанниковъ подготовительныхъ курсовъ (гимназическихъ), въ Atlanta University числится еще около 125 дѣтей въ начальной школѣ. Это образцовая школа съ 8-милѣтнимъ курсомъ (отъ 6 до 14 лѣтъ) и даже киндергартеномъ; содержится она при университетѣ, съ цѣлью упражненія студентокъ, проходящихъ педагогическій курсъ, въ школьной работѣ. Во главѣ школы стоятъ двѣ бѣлыхъ опытныхъ учительницы изъ Массачузетса съ своими высокими идеалами относительно новыхъ методовъ преподаванія въ начальной школѣ. Дѣйствительное преподаваніе предоставлено нѣсколькимъ негритянскимъ дѣвушкамъ, бывшимъ воспитанницамъ коллегіи, и имъ помогаютъ студентки. Результаты учительской и вообще школьной работы демонстрировались посѣтителямъ и были великолѣпны. Если бы не черномазыя, коричневыя и желтыя личики дѣтишекъ, то казалось бы, что я попалъ въ хорошую школу въ ново-англійскомъ городкѣ: великолѣпная работа по рисованію, плетенію, вязанію, корзинки, рѣзьба изъ бумаги и т. д., и т. д., И начальница школы призналась мнѣ, что не видитъ большой разницы между дѣтьми въ Бостонѣ и негритянскими дѣтьми въ Атлантѣ. Конечно, средній ребенокъ въ Бостонѣ приходитъ въ школу болѣе развитымъ, воспитаннымъ, культурнымъ. Но умственныя способности—способности къ воспринимашію—тѣ же.—Конечно,—добавила она,—въ нашу школу приходятъ дѣти преимущественно изъ интеллигентныхъ негритянскихъ семей. Вы видите, мы вѣдь почти за городомъ,—и только интеллигентная семья способна оцѣнить разницу между нашей и обыкновенной городской школой, чтобы платить ежедневно за трамвай.

— А велика эта разница,—спросилъ я,—между вашей и городскими школами?

Моя собесѣдница снисходительно усмѣхнулась.—А вы пойдите-посмотрите, если хотите познакомиться съ негритянскимъ вопросомъ на мѣстѣ. Только раньше всмотритесь въ нашу школу, чтобы контрастъ былъ рѣзче.

Я послѣдовалъ ея совѣту. Мнѣ некогда было, конечно, вдаваться въ подробности методовъ преподаванія. Но по наружности образцовая школа Atlanta University, дѣйствительно, была образцовой. Небольшое, но крѣпкое кирпичное двухъ-этажное зданіе съ веселымъ фасадомъ. Высокія комнаты. Свѣтлыя стѣны. Удобная и изящная школьная мебель. Оконные садики, въ деревянныхъ ящикахъ, въ каждомъ окнѣ. Масса картинокъ и другихъ дешевыхъ украшеній, которыя такъ радуютъ дѣтскую душу вообще, и въ

особенности негритянскаго ребенка, съ его высоко развитымъ эстетическимъ, художественнымъ чувствомъ. Великолѣпная система отопленія зданія и вполнѣ удовлетворительныя санитарныя условія...

Изъ этой образцовой школы мы отправились въ городъ осматривать муниципальныя школы для негритянскихъ дѣтей. Ко мнѣ присоединился другой гость, священникъ изъ Бостона, только что избранный въ члены попечительнаго совѣта Atlanta University и мало знакомый съ югомъ и негритянскимъ вопросомъ. Лѣтъ 30—40 тому назадъ онъ былъ бы полонъ негодованія къ югу. Но теперь отношеніе на сѣверѣ уже другое — апологетическое къ южному бѣлому человѣку, страдающему отъ остраго негритянскаго вопроса. Я былъ радъ взять его съ собой, потому что онъ нѣсколько охлаждалъ мое русское нервное отношеніе къ проявленіямъ расовой жестокости и человѣконенавистничества.

Даже при всемъ желаніи показать намъ несправедливость бѣлыхъ властей, мои негритянскіе друзья въ Atlanta University не совсѣмъ освободились отъ мѣстной гордости. Они послали насъ въ самую лучшую изъ школъ, содержимыхъ для негритянскихъ дѣтей городомъ Атлантой.

Большое, деревянное, уже давно некрашенное зданіе въ два этажа. Передъ зданіемъ небольшой дворикъ, можетъ быть, 15 аршинъ на 10, безъ единаго деревца. На этомъ дворикѣ въ рекреаціонный часъ толпятся сотни дѣтей, такъ какъ въ школѣ числится до 800—900 дѣтей.

Изъ некрашеннаго крыльца входъ въ широкій коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго двери открываются въ классы. Стѣны коридора и классныхъ комнатъ какого-то неопредѣленнаго, почти чернаго, цвѣта, уже лѣтъ 5—10 некрашенныя, съ потрескавшей штукатуркой. *Деревянная* лѣстница ведетъ на второй этажъ, тоже набитый дѣтьми. Антипожарныхъ мѣръ никакихъ. Школа отапливается отдѣльными желѣзными печками въ каждой комнатѣ, такъ что зимой въ школѣ 8 огней, восемь горячихъ печекъ и одна лѣстница. Огромныя безобразныя печки стоятъ посрединѣ каждаго класса; безобразныя жестяныя трубы тянутся по всей комнатѣ. Пропадаетъ огромное количество школьнаго мѣста, въ то время какъ школа ежегодно отказываетъ въ пріемѣ сотнямъ дѣтей.

Одно лишь можно сказать въ пользу школы. Въ ней много свѣта. Но обстановка нищенская. Мебель старомодная, неудобная. Весь педагогическій матеріалъ старый, истрепанный. На стѣнахъ грязныхъ, потресканныхъ, ни одной хотя бы грошовой картинки. Рекреаціоннаго зала нѣтъ, и поэтому ежедневныя собранія для молитвы происходятъ въ одной изъ классныхъ комнатъ, куда допускаются лишь три класса изъ 8. Учительская—точно сторожевая будка. Санитарныя условія отвратительны. Запахъ отъ ватерклозетовъ проникаетъ во всѣ классныя комнаты. Я взглянулъ на своего спутника, бостонскаго священника.

— Какъ вамъ это нравится?

У него нѣсколько сморщилось лицо.

— We-ell!—протянулъ онъ.—Kat is pretty bad (это довольно скверно).

Мы нашли директора школы. Онъ—воспитанникъ Atlanta University, горячій послѣдователь Дю-Бойса и вполнѣ культурный человѣкъ, лѣтъ 40, съ довольно черной, но привлекательной и умной наружностью. Я поспѣшилъ выразить ему тѣ чувства, которыя во мнѣ возбудилъ осмотръ школы. Но зная, что онъ муниципальный чиновникъ, да еще сравнительно крупный, я ожидалъ отъ него апатичнаго отношенія къ дѣлу. Я встрѣчалъ такое отношеніе къ проблемамъ дѣйствительности и среди преуспѣвающихъ негровъ въ Америкѣ, и среди преуспѣвающихъ евреевъ въ Россіи. Но я былъ пріятно разочарованъ. Директоръ школы заговорилъ,—заговорилъ свободно и рѣзко, потому ли, что почувствовалъ во мнѣ друга, или же потому, что уже очень накопилось.

— Да? Вамъ не нравится это школьное зданіе? А оно лучшее въ городѣ для негритянскихъ дѣтей. Другія еще хуже. Конечно, у бѣлыхъ дѣтей хорошія кирпичныя зданія,—какъ у васъ въ Нью-Іоркѣ, Вашингтонѣ или Бостонѣ. Но то вѣдь бѣлыя дѣти. Моя школа некрашенная и снаружи, и внутри! А я, знаете, уже 5 лѣтъ воюю со школьнымъ совѣтомъ изъ-за краски и не могу ничего добиться. Я уже рѣшилъ выкрасить школу собственными средствами: сборомъ пожертвованій и съ помощью труда нѣкоторыхъ учениковъ. Не позволили: соблазнъ будетъ другимъ негритянскимъ школамъ.

— Вы говорите, запахъ отъ ватерклозета! Да теперь еще хорошо. Вѣдь они запретили мнѣ пускать воду все время. Теперь вода течетъ все время, и нѣсколько убиваетъ запахъ, они протестовали, потому что вода обходится слишкомъ дорого. Украшенія классныхъ комнатъ? Да намъ бы книгъ. Вѣдь у насъ школьное вѣдомство книгъ дѣтямъ не даетъ (на сѣверѣ безплатныя книги почти универсальное явленіе). Посмотрите, какими тряпками вмѣсто книгъ мы пользуемся. Вѣдь это все бѣднота. Гдѣ же имъ взять деньги на книги, на карты? Часто учителямъ изъ своего жалкаго жалованья приходится покупать книги для дѣтей. Вѣдь безъ книгъ не обойдешься.

— А какое жалованье получаетъ наша учительница? Въ бѣлой школѣ учительница начинаетъ съ 50 долларовъ въ мѣсяцъ. Негритянка-учительница получаетъ всего 30 долларовъ за ту же самую работу. Она проработаетъ 10 лѣтъ, пока доберется до 40 долларовъ. И то вѣдь за лѣтніе мѣсяцы намъ не платятъ. Вотъ и проживите годъ на 300 долларовъ, а часто у нихъ мать-старуха и маленькіе братья или сестры, которыхъ приходится содержать. Опять имъ пріодѣтся необходимо. Да вотъ возьмите меня. Я директоръ этой школы. У меня отъ 800 до 900 учениковъ. Сколько у васъ въ Нью-Іоркѣ получаетъ директоръ такой школы?

— Около 3000 долларовъ въ годъ,—отвѣтилъ я.

— Три тысячи долларовъ!—воскликнулъ директоръ.—Да, это даже больше, чѣмъ я ожидалъ. А знаете сколько я получаю? 850 долларовъ за круглый годъ. Въ школахъ для бѣлыхъ дѣтей за такое же мѣсто платятъ 1500—2000 долларовъ.

— И все это бы еще ничего было, если бы, по крайней мѣрѣ, было достаточно школъ. А то вѣдь уже лѣтъ десять, какъ ни одной негритянской школы не выстроили. Шутка ли, на 40,000 негритянскаго населенія всего 6 школъ. И сколькимъ дѣтямъ приходится отказывать въ пріемѣ! Вы вѣдь представленія не имѣете о томъ, какъ сильно стремленіе негритянской матери послать ребенка въ школу. И если мѣста въ городской школѣ не хватаетъ, то онѣ посылаютъ дѣтей въ частныя школы. Но вы можете вообразить, сколько можетъ платить негритянская мать и какого рода учительницу она можетъ нанять за свои 75 сентовъ или 1 долл. въ мѣсяцъ»...

И долго еще длилась горькая, полная жалобы, рѣчь директора. А у меня на душѣ все больше подымалась злоба. Какъ ядовито бѣлый южанинъ упрекаетъ своего негритянскаго сосѣда въ невѣжествѣ, тупости, некультурности, нечистоплотности и прочихъ грѣхахъ! Съ какимъ пафосомъ американецъ говоритъ о культурномъ вліяніи американской школы на невѣжественнаго эмигранта! И съ какимъ жестокимъ упрямствомъ онъ закрываетъ дверь въ школу передъ самымъ носомъ негритянскаго ребенка. Какое для этого нужно глубокое, чисто англо-саксонское ханжество.

И всего оригинальнѣе то, что бѣлымъ онъ любитъ съ гордостью говорить о своей щедрости по отношенію къ негритянской школѣ, онъ приводитъ суммы, затраченныя на эту школу, какъ будто это былъ безплатный даръ бѣлаго человѣка негру.

«Школы содержатся на средства штата», разсуждаетъ бѣлый югъ. «Средства штата получаются преимущественно съ обложенія имущества. Мы, бѣлые, платимъ почти весь этотъ имущественный налогъ. Слѣдовательно, школы для негровъ содержатся на нашъ счетъ».

Этимъ логичнымъ американцамъ никогда не приходитъ въ голову мысль о переложеніи налоговъ. Согласно такой же теоріи пролетаріатъ получаетъ свое школьное образованіе на средства имущихъ классовъ. Это — не новая теорія эксплуатаціи имущихъ классовъ неимущими.

Для человѣка, не привыкшаго къ такому своеобразному мышленію, дѣло обстоитъ гораздо яснѣе.

Городъ Атланта, или штатъ Джорджія, или даже весь югъ не исполняетъ своей самой священной обязанности по отношенію къ негритянскому гражданину, не давая ему безплатнаго начальнаго образованія. Отчасти штату Джорджія на помощь приходятъ благотворители съ сѣвера со своими пожертвованіями на коллегіи и школы, отчасти бѣдныя негритянскія женщины должны платить за

то, что во всемъ культурномъ мірѣ признано безплатной функціей государства.

Штатъ Джорджія поэтому является паразитомъ. Эта точка зрѣнія, развитая мною передъ однимъ южнымъ джентльмэномъ, привела его въ бѣшенство...

Изъ муниципальной негритянской школы мы съ бостонскимъ священникомъ, по совѣту директора школы, отправились въ ближайшій негритянскій вольный киндергартенъ. Этотъ киндергартенъ намъ былъ особенно интересенъ, потому что представлялъ одинъ изъ результатовъ вліянія университета на негритянскую общину. Миссъ Ware, сестра президента Atlanta Universite, преподающая на учительскихъ курсахъ университета фребелевскіе методы, заинтересована въ этомъ и нѣсколькихъ другихъ киндергартенахъ для негританскихъ дѣтей въ Атлантѣ. Городъ содержитъ киндергартены для бѣлыхъ дѣтей, но для негритянскихъ дѣтей это считается излишней роскошью. И вотъ усиліями миссъ Ware организуется ассоціація негритянскихъ женщинъ, которыя платятъ по 25 центовъ въ мѣсяцъ, устраиваютъ пикники, вечеринки и танцы, чтобы на заработанныя деньги открыть киндергартены. Понятно, дѣло обходится не безъ «сѣверныхъ друзей». Безъ нихъ невозможно финансировать ни одного негритянскаго предпріятія. И, какъ бы то ни было, при нищенскомъ бюджетѣ въ какую нибудь тысячу долларовъ, содержится теперь четыре киндергартена, въ которыхъ обучаются или, вѣрнѣе, воспитываются, около 120—150 негритянскихъ дѣтей. Какая организаціонная энергія среди этихъ невѣжественныхъ негритянскихъ женщинъ!

Небольшая досчатая избушка на четырехъ невысокихъ кирпичныхъ столбикахъ... Баба-Яга. Благодаря этимъ кирпичнымъ столбикамъ, подъ избушкой открытое пространство, и тамъ бумаги, тряпья и грязи неимовѣрная коллекція. Изъ избушки раздаются странные звуки: топотъ, крики, смѣхъ. Мы стучимся въ дверь, и въ окно высовывается голова и бюстъ молодой и очень полной негритянки... Впрочемъ, негритянка ли? Кто разберетъ, сколько негритянской и сколько европейской крови въ этомъ бѣломъ лицѣ съ золотыми волосами, но широкимъ и плоскимъ носомъ, съ широкимъ, но тонкимъ ртомъ; этотъ носъ, легкая курчавость волосъ и оригинальный изгибъ глазъ, да коричневатыя пятна на щекахъ выдаютъ для опытныхъ людей секретъ негритянскаго происхожденія, но вы бы, читатели, никогда не заподозрили этого.

Когда мы объяснили причину нашего визита, лицо ея прямо засіяло. Она стала торопливо объяснять, что дверь заставлена изнутри игрушками, и потому она вынуждена ввести насъ съ чернаго хода, откуда внѣшность школы была еще болѣе убога, чѣмъ съ улицы.

Одна комната и при ней маленькая кухонка, служащая раздѣвальней,—такова вся школа. Но при всей убогости обстановки,

мебели и украшеній, внутри царствовала идеальная чистота, и вездѣ замѣтна была не только культурная рука, но рука опытной фребелички. Устроить киндергартенъ, конечно, не такъ трудно, когда муниципалитетъ открываетъ неограниченный кредитъ на обстановку и препараты, но, если средствъ нѣтъ и приходится вмѣсто дорогихъ препаратовъ довольствоваться суррогатами, тогда приходится изощрять изобрѣтательность.

Учительница охотно отвѣчала на наши разспросы, въ то время какъ дѣти разбрелись по угламъ и смотрѣли на насъ, какъ волчаты. Два бѣлыхъ человѣка—это было невиданное зрѣлище въ ихъ школѣ, хотя они уже привыкли къ миссъ Ware.

Учительница была воспитанницей Atlanta University, и методы киндергартена изучала подъ руководствомъ миссъ Ware. Она получала за свою работу 20 долларовъ въ мѣсяцъ. Это, конечно, мало, но вѣдь она не изъ-за денегъ только работала, а изъ любви къ дѣлу, которое считаетъ очень важнымъ. Вѣдь эти дѣти происходятъ изъ самыхъ бѣдныхъ негритянскихъ семей,—и въ этомъ нетрудно было убѣдиться, при видѣ невозможно грязной одежды большинства.

— Да, да,—замѣтила учительница.—Они грязны, но мы не можемъ отучать матерей требованіемъ чистоты. Мы понемногу стараемся повліять на семьи и матерей и черезъ дѣтей, и непосредственно. Матери сходятся сюда разъ въ двѣ недѣли для митинговъ, и мы вмѣстѣ обсуждаемъ разные простые вопросы о чистотѣ, о хозяйствѣ, о дѣтяхъ. Киндергартенъ въ ихъ глазахъ уже не такая глупая затѣя, какой казалась годъ—два тому назадъ. А какое вліяніе наша школа оказываетъ на дѣтей, вы даже представить себѣ не можете. Они становятся культурными дѣтьми и при поступленіи въ школу гораздо способнѣе другихъ дѣтей. Вѣдь у нихъ въ семьѣ часто такая темнота. Часто—пьющій отецъ, безнравственная мать. А потомъ дѣтей обвиняютъ въ тупости и объясняютъ это ихъ негритянской кровью.

Молодая дѣвушка невольно вздохнула. Какое это вѣчное проклятіе и какъ жестока судьба, которая вынуждаетъ ее, съ несомнѣнно большей примѣсью кавказской, чѣмъ черной крови, считать отвѣтственной за всякій грѣхъ или недостатокъ негритянскую расу!

— Вотъ вамъ отношеніе юга къ негритянскому вопросу,—раздраженно говорилъ я своему бостонскому пастору, когда мы оставили избушку на куриныхъ ножкахъ.—Съ одной стороны, возмутительныя городскія школы, которыя бѣлая господствующая раса предоставляетъ неграмъ, а съ другой—этотъ трогательный киндергартенъ, содержимый на средства негритянокъ-прачекъ да сѣверныхъ благотворителей. Вы знаете, что это значитъ? Атланта—пауперъ, живущій на счетъ благотворительности и отказывающійся исполнять свои обязанности.

— Но, однако, вы нѣсколько слишкомъ рѣзки,—возражалъ священникъ,—вы вѣдь не должны сравнивать бѣднаго юга съ

богатымъ Нью-Іоркомъ или столицей Вашингтономъ. Южане заслуживаютъ похвалы за то, что они дѣлаютъ для просвѣщенія негровъ, хотя, конечно, слѣдуетъ дѣлать больше.

— Бѣдный югъ! А вы видѣли двадцатиэтажныя зданія? Бѣдна Атланта здѣсь, въ негритянскихъ трущобахъ,—горячился я, вспоминая статистическія данныя, которыми подкрѣпился передъ отъѣздомъ изъ Вашингтона.—А пойдемте-ка въ аристократическую часть города, благо у насъ еще осталось часа полтора времени до ужина, и вы познакомитесь съ «соціальными контрастами». Кстати, вамъ это пригодится для проповѣди...

Мы сѣли въ трамвай. Отъ кондуктора узнали, что самая аристократическая улица Peachtree street — улица персиковыхъ деревьевъ, по которой проходила вѣтвь трамвайной сѣти. Проѣзавъ самую оживленную часть дѣловой Атланты, какъ двѣ капли воды похожую на дѣловой Нью-Іоркъ, мы пересѣли въ другой трамвай и черезъ десять минутъ уже быстро мчались по шикарной Peachtree Street.

Тутъ уже не было ничего общаго съ Нью-Іоркомъ. Дѣловой югъ научился подражать сѣверу въ методахъ коммерціи и вообще пріобрѣтеніи средствъ, но сама обстановка жизни осталась типично южной. A bit of the old anti-bellum south, клочекъ стараго юга до гражданской войны,—гордо говорятъ жители Атланты.

По обѣимъ сторонамъ улицы мелькали особняки-палацы, густая роща, каменный или деревянный эмалированный заборъ, широкіе подъѣзды изъ гранолита, цвѣтники, парники и оранжереи, широкія и удобныя террасы, тонкой кисеей защищенныя отъ насѣкомыхъ, высокія бѣлыя мраморныя колонны въ два этажа типической южной архитектуры, удержавшейся еще со временъ колоніальнаго періода, удобныя качалки на террасахъ и воздушныя фигурки дамъ въ бѣлыхъ платьяхъ, автомобили и кареты у подъѣздовъ—словомъ, идеальная комбинація старой классической красоты и стильности съ новой fin de siecle комфортабельностью и роскошью—вотъ Peachtree Street, которая производитъ чарующее впечатлѣніе... пока не вспомнишь о грязныхъ оборванныхъ дѣтяхъ въ негритянской школѣ, которымъ муниципальный совѣтъ, поголовно живущій на Peachtree Street, отказываетъ въ удобной скамейкѣ или въ цѣлой книжкѣ! Нѣтъ денегъ! Когда увеличеніе имущественнаго налога на $^1/_{10}\%$ дало бы безплатное обученіе всѣмъ негритянскимъ дѣтямъ въ Атлантѣ. Нѣтъ денегъ ни на школы, ни на замощеніе или освѣщеніе негритянскихъ улицъ, а здѣсь роскошная асфальтовая мостовая, электрическое освѣщеніе и вблизи роскошный городской паркъ. Когда это видишь, то начинаешь понимать, почему южане такъ яро борются противъ предоставленія негру права голоса.

У моего клерикальнаго друга также темнѣло лицо. И, нако-

нецъ, ново-англійская совѣсть заговорила и заглушила апологетическое, чисто пасторское отношеніе къ дѣйствительности.

— Вотъ чего я не понимаю,—вдругъ сказалъ онъ, къ моему глубокому удивленію,—отчего это среди негровъ такъ мало соціалистовъ и анархистовъ.

И. Рубиновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЛІЯ.

На ветхій край горы взойдя нетерпѣливо,
Онъ взоромъ огненнымъ взглянулъ сурово внизъ.
Сѣдой потокъ, съ вершинъ сбѣгая торопливо,
Во мракѣ, словно мышь, точилъ гранитъ обрыва.
Гдѣ выступъ треснувшій, какъ облако, повисъ.

Въ вечернемъ заревѣ тонула даль земная.
Внизу виднѣлся дымъ и жертвенниковъ рядъ:
Къ бездушнымъ идоламъ торжественно взывая,
Какъ въ танцѣ бѣшеномъ сгибаясь и стоная,
Лукавые жрецы свершали свой обрядъ.

Змѣинымъ окомъ ихъ давно завороженный,
Покорный, какъ дитя, велѣніямъ владыкъ,
Безвыходной нуждой и страхомъ угнетенный,
Народъ измученный, колѣнопреклоненный,
Съ молитвой на устахъ предъ идоломъ поникъ.

Кимваловъ мѣрный звонъ и арфъ унылый рокотъ,
И трескъ сухихъ вѣтвей на жертвенномъ огнѣ,
И хриплый визгъ жрецовъ, какъ ястребиный клёкотъ,
И быстрой пляски ихъ однообразный топотъ
Въ нестройный дикій гулъ сливались въ вышинѣ.

Растетъ протяжный вой людского изступленья:
Верховный вышелъ жрецъ, таинственно рыча,

Творя заклятія, сбирая приношенья...
Но вдругъ раздался вопль безумнаго смятенья
И вихря грозный шумъ, какъ рѣзкій свистъ бича!

Все замерло... Ударъ лавины безпощадный,
Разбившій идола блестящій пьедесталъ,
Обвала долгій громъ и эха откликъ жадный
Окрестность потрясли. Сквозь дымъ густой и смрадный,
Какъ глыба, мѣдный богъ склонился и упалъ.

Къ подножію скалы грядою бѣлоснѣжной
Свергаясь, вспѣнился клокочущій потокъ
И лентой жемчуга скользнулъ въ просторъ безбрежный;
А сверху, между кручъ, косматый и мятежный,
Къ святынямъ сброшеннымъ, какъ вепрь, бѣжалъ пророкъ

Долина дрогнула и плескомъ океана
Въ народѣ прозвучалъ привѣта дружный кликъ.
(Такъ славнаго вождя встрѣчаетъ радость стана)...
Завидѣвъ Илію, служитель истукана
Спѣшитъ склонить предъ нимъ свой помертвѣвшій ликъ.

. . . .

По камнямъ кровь текла струями жгучей лавы;
Зарѣзанныхъ жрецовъ умолкъ зловѣщій хоръ.
Промчался, точно смерчъ, нежданный мигъ расправы,
И отдалъ Илія народу ножъ кровавый
И тяжкой поступью ушелъ въ пустыню горъ.

С. Ивановъ-Райковъ.

БРАТСТВО.

Романъ Джона Гэльуорси.

Пер. съ англійскаго Э. К. Пименовой.

I.

Тѣнь.

Это было въ концѣ апрѣля 190... года, послѣ полудня. Надъ Гай-Стритъ массы разорванныхъ облаковъ неслись по небу, стремясь обогнать другъ друга и закрыть единственный голубой клочокъ, виднѣвшійся среди бѣлаго, волнующагося облачнаго моря. Каждое изъ этихъ маленькихъ облачковъ, казалось, обладало невидимыми крыльями, уносившими его далѣе, мимо сіявшаго, какъ звѣзда, лазурнаго клочка, такого яркаго и блестящаго въ своей полной неподвижности.

Внизу, въ городѣ, жизнь шла обычнымъ порядкомъ. Мужчины, женщины, дѣти и вѣчные ихъ спутники: лошади, собаки и кошки двигались по улицамъ непрерывнымъ потокомъ, и не прекращавшійся шумъ уличнаго движенія далеко разносился въ весеннемъ воздухѣ. Всего гуще была толпа около универсальнаго магазина Розе и Торнъ, у безчисленныхъ дверей котораго останавливались почти всѣ прохожіе, мужчины и женщины, старики и молодые. У окна, гдѣ были выставлены дамскіе костюмы, стояла въ раздумьи высокая, стройная, изящная женщина. Ея зеленоватые глаза, принимавшіе по временамъ ироническое выраженіе, теперь со вниманіемъ разсматривали понравившееся ей платье. Она мысленно примѣряла его, думая при этомъ: „А что, если я не понравлюсь Стефану въ такомъ платьѣ“? Въ этомъ сомнѣніи и нерѣшительности отражались основныя черты ея характера. Она желала и въ то же время боялась исполнить свое желаніе, боялась быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть.

Какой-то старикъ съ длиннымъ худымъ лицомъ, продававшій возлѣ магазина „Вестминстеровскую газету“, замѣтилъ

ее и тотчасъ же вынулъ изо рта погасшую трубку. Онъ находилъ большое удовольствіе въ наблюденіяхъ надъ прохожими, такъ какъ это отвлекало его мысли отъ его больной ноги, и при томъ, для пользы своей профессіи, онъ долженъ былъ присматриваться къ нимъ. Онъ зналъ и эту леди съ тонкимъ, изящнымъ личикомъ и находилъ ее забавной. Она покупала у него иногда газету, которую онъ долженъ былъ продавать, волею судебъ, вопреки своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Люди ея класса, безъ сомнѣнія, должны были покупать торійскіе органы печати. Газетчикъ уже по одному внѣшнему виду угадывалъ, къ какому классу принадлежала покупательница. До того, какъ судьба выбросила его на улицу, пославъ ему болѣзнь, лѣченіе которой похитило всѣ его сбереженія, онъ служилъ буфетчикомъ въ аристократическихъ домахъ, и его уваженіе къ аристократіи было такъ же велико, какъ и недовѣріе къ тому обширному классу людей, который обыкновенно покупаетъ все въ универсальныхъ магазинахъ и посѣщаетъ публичные балы. Эта леди вызывала въ немъ, однако, спеціальный интересъ, и онъ наблюдалъ за ней, нисколько не стараясь, впрочемъ, привлечь ея вниманіе, хотя въ глубинѣ души онъ и долженъ былъ думать о томъ, что торговля шла плохо, и онъ продалъ только пять номеровъ. Само собою разумѣется, что онъ былъ очень огорченъ и удивленъ, когда она исчезла изъ его глазъ, войдя въ одну изъ безчисленныхъ дверей магазина.

Мысли, побороввшія ея нерѣшительность и заставившія ее войти въ магазинъ Розе и Торна, были приблизительно таковы: „Мнѣ 38 лѣтъ. У меня дочь семнадцати лѣтъ. Я должна заботиться о томъ, чтобы не потерять привлекательность въ глазахъ своего мужа. Теперь какъ разъ время подумать объ этомъ и постараться быть красивѣе“!..

Ея глаза пріобрѣли блескъ стали, когда она смотрѣлась въ огромное зеркало магазина, отражавшее ежегодно сотни женскихъ тѣлъ, лишенныхъ своихъ внѣшнихъ покрововъ, платьевъ и корсетовъ. Но къ ней быстро вернулась ея прежняя нерѣшительность, какъ только она убѣдилась, что костюмъ надо сузить на два дюйма въ груди и на три дюйма около таліи. Надѣвая свой лифъ, она спросила:

— Когда вы можете приготовить мнѣ это?

— Къ концу недѣли, сударыня.

— Не раньше?

— Мы завалены работой...

— О! Вы должны все-таки сдѣлать мнѣ это не позже среды. Пожалуйста!..

Закройщица вздохнула.

— Я употреблю всѣ усилія,—сказала она.

— Полагаюсь на васъ. Мой адресъ: Мистриссъ Стефанъ Даллисонъ, 76. Старая площадь.

Спускаясь по лѣстницѣ къ выходу, она думала: „Бѣдная дѣвушка выглядитъ такой усталой. Это позоръ, что ихъ заставляютъ такъ долго работать“!..

И она вышла на улицу. Чей-то голосъ робко проговорилъ позади нея: „Не угодно ли „Вестминстерскую газету“, сударыня“?

„Ахъ, это бѣдное старое созданіе, съ такимъ некрасивымъ блѣднымъ носомъ!—подумала Сесилія Даллисонъ.—Не знаю, должна ли я купить у него...“—Но рука ея уже шарила въ карманѣ, ища монету. Рядомъ съ „бѣднымъ старымъ созданіемъ“ стояла женщина въ поношенномъ, но чистомъ черномъ платьѣ и стариннаго фасона шляпѣ, видывавшей лучшіе дни. Жалкіе остатки какого-то мѣха еще украшали воротникъ ея кофточки. У нея было худое лицо, не лишенное нѣкоторой утонченности, каріе, очень свѣтлые и кроткіе глаза и темные волосы, заплетенные въ косу. Къ ней прижимался маленькій худенькій мальчикъ, а на рукахъ у нея былъ еще ребенокъ. Мистриссъ Даллисонъ вынула два пенса и взяла у старика газету, но при этомъ посмотрѣла на женщину.

— Мы ждали васъ, мистриссъ Хюггсъ,—сказала она.—Надо было подрубить занавѣски...

Женщина прижала къ себѣ ребенка и быстро проговорила:

— Мнѣ очень жаль, сударыня. Я знала, что вы ждете меня, но у меня столько было огорченій!..

Сесилія заволновалась.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она.

— Да... Мой мужъ...

— Боже мой!—Отчего же вы не пришли къ намъ?

— Я была не въ состояніи... увѣряю васъ!

Одинокая слеза скатилась по ея щекѣ и застряла въ складкѣ, возлѣ рта.

— Да, да. Мнѣ очень жаль,—торопливо проговорила мистриссъ Даллисонъ.

— Вотъ этотъ старый господинъ, мистеръ Кридъ, живетъ въ одномъ домѣ съ нами. Онъ приходилъ уговаривать моего мужа...

Старикъ кивнулъ головой, сидящей на тонкой, какъ стебелекъ шеѣ.—Ему нужно было вести себя лучше! — проговорилъ онъ.

Сесилія взглянула на него и прошептала:—Но я надѣюсь, онъ васъ не тронетъ!..

Старикъ повернулся на одной ногѣ.

— Вотъ еще!—сказалъ онъ.—Я люблю жить въ мирѣ со

всѣми... Я обращусь къ полиціи, если онъ вздумаетъ придираться ко мнѣ... „Вестминстерскую газету“, сэръ? — Прикрывъ ротъ рукой со стороны мистриссъ Даллисонъ, онъ прибавилъ громкимъ шопотомъ:—„Казнь Шоредичскаго убійцы“!

Сесиліи вдругъ показалось, что весь міръ прислушивается къ ея разговору съ этими двумя жалкими людьми; она торопливо проговорила:

— Я совсѣмъ не знаю, что я могла бы сдѣлать для васъ, мистриссъ Хюггсъ! Я поговорю съ мистеромъ Даллисономъ и съ мистеромъ Гилэри...

— Да, мадамъ... Благодарю васъ, мадамъ.

Съ улыбкой, точно просящей въ чемъ-то извиненія, Сесилія подобрала свои юбки и перешла черезъ улицу. Ей какъ будто было стыдно передъ этими несчастными за свой нарядъ.—„Надѣюсь, я не была имъ несимпатична“,—думала она, взглянувъ назадъ, на стоявшія на тротуарѣ три жалкія фигуры: старика съ блѣднымъ носомъ и въ очкахъ въ желѣзной оправѣ, державшаго пачку газетъ въ рукахъ, швеи въ поношенномъ платкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ и жалкаго, худенькаго мальчика, прижимавшагося къ ней. Всѣ трое стояли, не двигаясь и не разговаривая другъ съ другомъ, и не спускали глазъ съ прохожихъ. Какое-то непонятное возмущеніе поднялось въ душѣ Сесиліи при видѣ этихъ неподвижныхъ существъ: до такой степени они казались ей безжизненными, безотрадными и неэстетичными.

— Что можно сдѣлать для такихъ женщинъ, какъ мистриссъ Хюггсъ? — думала она.—Вѣдь, она всегда такая!.. Этотъ бѣдный старикъ!..Пожалуй, мнѣ не слѣдовало покупать новаго платья... Но Стефану надоѣло платье, которое я ношу!

Она свернула съ главной улицы на дорогу, которая была закрыта для проѣзда общественныхъ экипажей. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она остановилась у длиннаго, низкаго дома, полускрытаго деревьями палисадника. Тутъ жилъ Гилэри Даллисонъ, братъ ея мужа и мужъ Біанки, ея собственной сестры.

Въ головѣ Сесиліи мелькнула мысль, что домъ напоминаетъ своего владѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, и онъ выглядитъ такимъ же добродушнымъ и нерѣшительнымъ. Онъ такого же неопредѣленнаго блѣднаго цвѣта, какъ и его хозяинъ. Окна, точно глубоко посаженные глаза, подъ прямыми бровями, такъ гостепріимно блестятъ, какъ будто приглашаютъ подойти ближе. Кадка ползучихъ растеній напоминала бороду и усы, а темныя пятна, выступавшія мѣстами, казались тѣнями и линіями на лицѣ мыслителя. Рядомъ, но совершенно отдѣльно отъ дома, хотя и соединенная съ нимъ крытой галлереей, виднѣлась студія, построенная изъ бѣлаго не-

обожженнаго кирпича, съ темной дубовой дверью. Что-то въ этой постройкѣ также напоминало ея хозяйку Біанку, приходившую туда рисовать. Студія точно бросала вызывающій взглядъ на домъ, какъ бы протестуя противъ слишкомъ тѣсной близости къ нему и ревниво оберегая свою независимость. Сесилія, такъ часто горевавшая по поводу отношеній между своей сестрой и ея мужемъ, вдругъ почувствовала, при взглядѣ на этотъ домъ и на примыкавшую къ нему студію, что тутъ заключается настоящій символъ. Однако она не хотѣла останавливаться на этой мысли и быстро пошла по мощеной дорожкѣ къ дверямъ, около которыхъ лежала маленькая, дамская собачка, видомъ напоминавшая игрушку, взглянувшая на нее своими черными, какъ агатъ, глазами и ласково завилявшая хвостомъ.—Миранда,—назвала ее Сесилія и хотѣла ее погладить, но собачка, не привыкшая къ чужой ласкѣ, тотчасъ же отстранилась.

Въ понедѣльникъ былъ пріемный день Біанки, и поэтому Сесилія прямо прошла въ студію. Это была большая комната, теперь наполненная народомъ.

У самой двери стоялъ неподвижно какой-то старикъ, очень худой и слегка сгорбленный, съ волосами серебристаго цвѣта. Своими тонкими, почти прозрачными пальцами онъ теребилъ свою тощую серебряную бородку. Онъ былъ одѣтъ въ старый дымчатый костюмъ изъ деревенскаго сукна. Широкій воротъ рубашки изъ оксфордскаго полотна открывалъ его смуглую шею. Его штаны были слишкомъ коротки и не вполнѣ прикрывали его свѣтлые чулки. Во всей его фигурѣ было что-то, напоминавшее рѣшительность и терпѣніе мула. При приближеніи Сесиліи, онъ поднялъ глаза. При взглядѣ на него можно было тотчасъ же догадаться, отчего онъ стоитъ одиноко въ этой комнатѣ, наполненной гостями. Его голубые глаза смотрѣли такъ, какъ будто онъ собирался произнести какое-нибудь пророческое изреченіе.

— Они тамъ говорили мнѣ о казни,—сказалъ онъ Сесиліи.

— Въ самомъ дѣлѣ, папа?—спросила Сесилія, сдѣлавъ нервное движеніе.

— Отнять жизнь у человѣка!—произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось глубокое волненіе.—Вѣдь это остатокъ самого отвратительнаго варварства, сохранившійся и въ наши дни. Источникомъ его служитъ самый нелѣпый, антирелигіозный догматъ—вѣра въ безсмертіе индивидуальнаго „я" послѣ смерти. Вслѣдствіе преклоненія передъ этимъ догматомъ произошли всѣ бѣдствія человѣческаго рода...

Онъ говорилъ какъ будто самъ съ собой. Сесилія, съ невольною дрожью въ голосѣ, замѣтила ему:

— Отецъ, какъ это ты можешь?

— Они не переставали любить другъ друга въ этой жизни и были твердо увѣрены что такъ будетъ продолжаться цѣлую вѣчность,—продолжалъ онъ.—Въ сущности, эта доктрина была изобрѣтена только для того, чтобы люди могли поступать, какъ собаки, со спокойною совѣстью... Но любовь не можетъ достигнуть полнаго развитія, пока не будетъ разрушена...

Сесилія быстро осмотрѣлась кругомъ. Никто не слышалъ, что говорилъ ея отецъ? Она немного отошла въ сторону и вскорѣ скрылась въ другой группѣ разговаривавшихъ, но губы ея отца продолжали шевелиться. Онъ стоялъ, какъ прежде, въ терпѣливомъ ожиданіи, и его поза снова напомнила ей мужа. Чей-то голосъ, позади нея, говорилъ ей: —Какой интересный человѣкъ, вашъ отецъ, мистриссъ Даллисонъ.

Сесилія обернулась и увидѣла возлѣ себя женщину средняго роста, причесанную по старинной итальянской модѣ. Ея маленькіе, черные, блестящіе глазки смотрѣли очень оживленно и, казалось, наслаждались жизнью.

— Мистриссъ Талентсъ Смолльписъ? Какъ вы поживаете? Я давно собиралась навѣстить васъ. Но я знаю, что вы всегда заняты...

Сесилія говорила полудружескимъ, полунасмѣшливымъ тономъ. Она какъ будто сама остерегалась насмѣшки и хотѣла предупредить ее. Мистриссъ Талентсъ Смолльписъ она встрѣчала уже много разъ въ домѣ Біанки. Это была вдова одного извѣстнаго знатока древностей. Теперь она была секретаремъ лиги воспитанія круглыхъ сиротъ, вицепрезидентомъ общества защиты дѣвушекъ и казначеемъ общества вспомоществованія работницамъ. Казалось, она знала всѣхъ и каждаго, кто только заслуживалъ какой либо извѣстности. Она всегда бывала на всѣхъ выставкахъ, слушала каждаго новаго музыканта и бывала на всѣхъ первыхъ представленіяхъ. Что касается литературы, то она всегда говорила, что писатели надоѣли ей. Между тѣмъ, она все-таки оказывала имъ всякія услуги, приглашая ихъ къ себѣ и доставляя имъ возможность встрѣчаться у нея со своими критиками или издателями. Иногда, хотя объ этомъ не всѣмъ было извѣстно, она помогала авторамъ выбраться на дорогу, давая имъ взаймы деньги, но послѣ этого—жаловалась она,—они уже больше не показывались къ ней! Для Сесиліи Даллисонъ она представляла особенный интересъ, такъ какъ стояла какъ разъ на границѣ между тѣми изъ пріятелей

Біанки, которыхъ Сесилія не хотѣла бы видѣть у себя въ домѣ изъ-за своего мужа, адвоката, занимавшаго оффиціальное положеніе, и тѣми, кого она охотно пригласила бы къ себѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Хилэри сталъ писать книги и сдѣлался поэтомъ, а Біанка начала заниматься живописью, близкій кругъ ихъ знакомыхъ образовался вполнѣ естественно изъ людей, либо очень интересныхъ, либо смѣшныхъ. Сесилія должна была соблюдать осторожность въ выборѣ знакомствъ ради Стефана, и порою это причиняло ей большія затрудненія. Зачастую знакомые Біанки были одновременно и очень интересными, и очень странными людьми, и Сесилія не знала, на что ей рѣшиться. Въ небольшой дозѣ такіе люди вносили полезное разнообразіе и увеличивали интересъ ея пріемовъ, но изъ-за своей дочери и мужа Сесилія вовсе не желала, чтобы они толпой наполняли ея гостиную. Они внушали ей нѣкоторый страхъ, но это ощущеніе доставляло ей удовольствіе. Съ такимъ же чувствомъ она покупала и „Вестминстерскую газету" только для того, чтобы ощущать пульсъ соціальнаго процесса.

— Я слышала,—сказала ей мистриссъ Талентсъ Смолльписъ, прищуривая свои черные глазки,—что мистеръ Стонъ,— такъ кажется зовутъ вашего отца,—пишетъ книгу, которая должна произвести сенсацію, когда появится въ свѣтъ.

Сесилія закусила губы. „Надѣюсь, она никогда не появится!"—хотѣлось сказать ей. Но она удержалась.

— Какъ будетъ называться эта книга?—спросила мистриссъ Талентсъ Смолльписъ.—Кажется, въ ней будетъ рѣчь о всеобщемъ братствѣ? Это хорошо!

— Кто сказалъ вамъ это?—спросила Сесилія съ неудовольствіемъ.

— Ахъ!—воскликнула мистриссъ Талентсъ Смолльписъ.— У вашей сестры, въ пріемные дни, всегда собираются такіе привлекательные люди. Они интересуются всѣмъ!

— Черезчуръ по моему! — невольно вырвалось у Сесиліи.

Мистриссъ Талентсъ улыбнулась.

— Я имѣю въ виду только искусство и соціальные вопросы,—замѣтила она.—Тутъ не можетъ быть чрезмѣрнаго интереса.

— О, да, конечно!—поспѣшила отвѣтить Сесилія.

Обѣ дамы оглянулись. Отрывки разговоровъ долетали до ушей Сесиліи.

— Видѣли-ли вы „Послѣ сѣнокоса"? Это, въ самомъ дѣлѣ, удивительная картина!

— Бѣдняга! Онъ, пожалуй, слишкомъ въ стилѣ рококо!..

— Это совсѣмъ новый человѣкъ...

— Она очень симпатична...

— Но условія жизни бѣдняковъ...

— Это, кажется, мистеръ Балладайсъ? Въ самомъ дѣлѣ!..

— Это придаетъ такое ощущеніе жизни...

— Буржуа!..

Голосъ мистриссъ Талентсъ Смолльписъ отвлекъ вниманіе Сесиліи:

— Пожалуйста, скажите мнѣ,—обратилась она къ Сесиліи,—кто эта молодая дѣвушка, которая стоитъ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ и разсматриваетъ картину? Она прямо прелестна!

Щеки Сесиліи чуть-чуть закраснѣлись.

— Это моя дочь!—отвѣтила она.

— Въ самомъ дѣлѣ! У васъ такая большая дочь? Вѣдь ей, должно быть, лѣтъ семнадцать?

— Почти восемнадцать.

— Какъ ее зовутъ?

— Тиме,—сказала Сесилія, чуть-чуть улыбнувшись. Она чувствовала, что мистриссъ Талентсъ Смолльписъ непремѣнно воскликнетъ вслѣдъ за этимъ: „Какъ прелестно!"— Но мистриссъ Талентсъ, замѣтивъ ея улыбку, промолчала и потомъ спросила:

— А кто этотъ молодой человѣкъ съ нею?

— Мой племянникъ, Мартинъ Стонъ.

— Сынъ вашего брата, погибшаго вмѣстѣ съ женой въ Альпахъ? Онъ выглядитъ весьма рѣшительнымъ молодымъ человѣкомъ; знаете, у него внѣшность, соотвѣтствующая новымъ вѣяніемъ. Кто онъ такой?

— Онъ почти докторъ. Впрочемъ, я хорошенько не знаю, кончилъ онъ курсъ или нѣтъ.

— Я думала, что онъ имѣетъ какое нибудь отношеніе къ искусству.

— Нѣтъ, онъ презираетъ искусство.

— А! А ваша дочь тоже презираетъ искусство?

— О нѣтъ! Она изучаетъ его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ интересно!.. Знаете, я нахожу очень занимательнымъ молодое поколѣніе. А вы?.. Они всѣ такъ независимы!

Сесилія бросила смущенный взглядъ на „молодое поколѣніе". Они стояли рядомъ передъ картиной, съ любопытствомъ наблюдая окружающихъ, и обмѣнивались короткими замѣчаніями и взглядами. Но въ любопытствѣ, съ которымъ они разглядывали всѣхъ этихъ любезно улыбавшихся и весело болтавшихъ людей, собравшихся въ гостиной, было что-то враждебное. Блѣдное гладковыбритое лицо молодого человѣка съ длиннымъ прямымъ носомъ и

выступающимъ, высокимъ лбомъ, имѣло энергичное выраженіе. Свѣтлые сѣрые глаза смотрѣли твердо и рѣшительно, и взглядъ ихъ могъ приводить въ замѣшательство. На губахъ блуждала саркастическая усмѣшка. Молодая дѣвушка была прелестна въ своемъ зеленовато-голубомъ платьѣ. У нея былъ яркій цвѣтъ лица, блестящіе орѣховые глаза и такого же цвѣта волнистые волосы.

— Они, кажется, разсматриваютъ картину вашей сестры „Тѣнь?" — спросила мистриссъ Талентсъ Смолльписъ.—Я помню видѣла ее на Рождествѣ, видѣла и маленькую натурщицу, которая для нея позировала. Привлекательный типъ. Мужъ вашей сестры говорилъ мнѣ, что вы всѣ очень интересовались ею. А эта романтическая исторія! Вѣдь она упала въ обморокъ отъ голода, когда въ первый разъ явилась позировать?..

Сесилія что то пробормотала въ отвѣтъ. Она была смущена, пальцы ея нервно двигались. Но это ускользнуло отъ глазъ мистриссъ Талентсъ Смолльписъ, быстро перебѣгавшихъ съ предмета на предметъ.

— Въ нашемъ обществѣ я не разъ видѣла молодыхъ дѣвушекъ, которыя находились въ очень щекотливомъ положеніи, прямо на границѣ гибели. Въ самомъ дѣлѣ, вы непремѣнно должны поступить въ наше общество, мистриссъ Даллисонъ! Это такая захватывающая работа во всѣхъ отношеніяхъ!..

Въ глазахъ Сесиліи мелькнуло сомнѣніе.

— О, да, вѣроятно!—сказала она.—Но у меня совсѣмъ нѣтъ времени.

Мистриссъ Талентсъ Смолльписъ продолжала:

— Не находите ли вы, что мы живемъ въ очень интересное время? Столько возникаетъ движенія кругомъ! Это невольно возбуждаетъ къ дѣятельности. Мы всѣ чувствуемъ, что нельзя больше закрывать глаза на соціальные вопросы. Да, я думаю, что одно только положеніе народа можетъ вызвать кошмаръ, если подумать объ этомъ!

— Да, да!—согласилась Сесилія.—Оно ужасно.

— Политики и лица, занимающіе оффиціальное положеніе, высказываютъ очень безнадежные взгляды. Врядъ ли на нихъ можно разсчитывать вообще.

— Неужели вы такъ думаете?—воскликнула Сесилія.

— Я только это говорила съ мистеромъ Балладайсъ. Онъ говоритъ, что искусство и литература должны быть поставлены на совершенно новыхъ основаніяхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Скажите, не онъ ли этотъ смѣшной маленькій человѣчекъ?—спросила Сесилія.

— Я нахожу его чудовищно умнымъ.

— Знаю... Знаю! Во всякомъ случаѣ, что нибудь должно быть сдѣлано.

— Да, — проговорила разсѣянно мистриссъ Талентсъ Смолльписъ.—Мы всѣ чувствуемъ это... Ахъ да, знаете ли! Я разговаривала только что съ очаровательной личностью. Это какъ разъ тотъ типъ, который вы встрѣчаете въ Сити. Тамъ тысячи такихъ людей въ хорошихъ черныхъ сюртукахъ. Но теперь очень рѣдко можно встрѣтить такого человѣка въ нашемъ кругу. А между тѣмъ, ихъ присутствіе дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ. У нихъ такіе простые, трезвые взгляды. Вотъ онъ, какъ разъ стоитъ позади вашей сестры.

Сесилія сдѣлала нервное движеніе, указывающее, что она узнала этого господина.

— Да,—сказала она.—Это мистеръ Порсей. Не понимаю, зачѣмъ онъ приходитъ къ намъ?

— Онъ такъ восхитителенъ!—воскликнула мистриссъ Талентсъ Смолльнисъ съ мечтательнымъ видомъ. Ея маленькіе черные глазки, точно пчелы, устремляющіяся на цвѣтокъ, чтобы высосать изъ него медъ, уставились на плотнаго господина средняго роста, одѣтаго съ большой тщательностью и какъ будто чувствовавшаго себя не на своемъ мѣстѣ. На его губахъ, не прикрытыхъ усами, застыла какая то принужденная улыбка. Цвѣтъ лица у него былъ красноватый, лобъ не выдавался ни шириной, ни высотой, но за то челюсть выступала впередъ. Его свѣтлые волосы были довольно густы, а маленькіе сѣрые, прищуренные глазки уставились на какую-то картину.

— Онъ такъ великолѣпенъ въ своей безсознательности,— прошептала мистриссъ Смолльписъ.—Онъ даже, повидимому, не знаетъ, что существуетъ проблема низшихъ классовъ.

— Онъ вамъ разсказывалъ, что у него есть одна рѣдкая картина?—угрюмо спросила Сесилія.

— О да! кисти Арпиньи? Онъ произноситъ это имя съ удареніемъ. Картина теперь стоитъ втрое больше, чѣмъ сколько онъ заплатилъ за нее. Право же, пріятно чувствовать иногда, что есть на свѣтѣ масса людей, оцѣнивающихъ каждую вещь лишь съ точки зрѣнія уплаченныхъ за нея денегъ.

— А передавалъ онъ вамъ изреченіе моего дѣда Кэрфакса въ дѣлѣ Бэнстока?—спросила Сесилія.

— Да! „Человѣкъ, не знающій, чего онъ хочетъ, долженъ быть превращенъ парламентскимъ актомъ въ ирландца". Онъ говоритъ, что это было удивительно хорошо.

— Разумѣется,—возразила Сесилія.

— Онъ, повидимому, не нравится вамъ?

— Нѣтъ, отчего же? Я нахожу его хорошимъ человѣ-

комъ. Къ нему нельзя относиться сурово. Онъ подвезъ моего отца, и вотъ такимъ образомъ мы познакомились съ нимъ. Однако его частые визиты утомляютъ. Онъ прямо дѣйствуетъ на нервы.

— Вотъ это именно и нравится мнѣ въ немъ! За то никто не можетъ похвастаться, что подѣйствовалъ на нервы этого господина. Мнѣ кажется вообще, наши нервы черезчуръ чувствительны, неправда ли?.. А вотъ, вашъ beau-frere! Онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ людей. Мнѣ хочется поговорить съ нимъ о маленькой натурщицѣ. Это была деревенская дѣвушка, не такъ ли?

Она тотчасъ же повернулась къ высокому, слегка сгорбленному господину, съ худымъ лицомъ, окаймленнымъ темнорусой бородой: поэтому она и не замѣтила, что Сесилія покраснѣла, и глаза ея блеснули гнѣвомъ. Высокій господинъ подошелъ къ Сесиліи и ласково дотронулся до ея руки.

— Здравствуй, Сесси. А Стефанъ здѣсь?

Сесилія утвердительно кивнула головой.

— Ты знакомъ съ мистриссъ Талентсъ Смолльписъ, Гилери?—спросила она.

Высокій господинъ поклонился. Его каріе, глубоко сидящіе глаза, имѣли кроткое выраженіе, и на губахъ скользила ласковая улыбка. Но въ его лицѣ было что то странное, обращавшее на себя вниманіе. Въ его густыхъ, темныхъ волосахъ виднѣлись уже кое-гдѣ серебряныя нити. Держался онъ очень просто, и въ его костюмѣ ничего не было рѣзкаго.

— Оставляю тебя съ мистриссъ Талентсъ Смолльписъ,— сказала Сесилія и отошла отъ нихъ. Но группа людей, окружавшая мистера Балладайса, помѣшала ей пройти дальше.

— Я говорила объ этой маленькой натурщицѣ. Такъ хорошо было съ вашей стороны принять въ ней участіе! Я бы хотѣла знать, не можемъ ли и мы сдѣлать что нибудь для нея?

Слухъ у Сесиліи былъ очень хорошій, поэтому отъ нея не могъ ускользнуть тонъ отвѣта Гилэри:

— Благодарю васъ. Не думаю, чтобы вы могли...

— Пожалуй, вы опасаетесь, что наше общество не захочетъ... Ея профессія не совсѣмъ подходящая для молоденькой дѣвушки, это правда!

Сесилія видѣла, какъ мгновенно покраснѣли щеки Гилэри. Она тотчасъ же отвернулась.

— Правда, и среди натурщицъ встрѣчаются честныя дѣвушки,—продолжала мистриссъ Талентсъ Смолльписъ.—Я вовсе не говорю, что всѣ, непремѣнно... Если дѣвушка съ

твердымъ характеромъ, и въ особенности если онѣ не позируютъ... цѣликомъ...

Отвѣтъ Гилэри, произнесенный сухимъ, отрывистымъ тономъ, достигъ ушей Сесиліи:

— Благодарю васъ. Вы очень добры.

— Конечно, если это не нужно... Картина вашей жены, мистеръ Даллисонъ, замѣчательна. Такой интересный типъ!..

Сесилія совершенно неожиданно для себя увидѣла эту картину. Она стояла слегка повернутая къ стѣнѣ, какъ будто попала въ немилость. Тѣмъ не менѣе можно было ясно разглядѣть фигуру дѣвушки, стоящей въ глубокой тѣни, съ полупротянутыми руками, какъ бы умоляя о чемъ то. Глаза дѣвушки были устремлены на Сесилію, и съ ея полуоткрытыхъ губъ, казалось, готовы были слетѣть слова. Никакихъ другихъ красокъ въ картинѣ не было, кромѣ блѣдноголубого цвѣта глазъ и блѣдно краснаго цвѣта полураскрытыхъ губъ. Слегка выдѣлялась лишь темно-русая окраска волосъ, все же остальное было тѣнью. Свѣтъ падалъ на эту картину, какъ будто отъ уличнаго фонаря.

— Глаза и ротъ этой дѣвушки преслѣдуютъ меня,—подумала Сесилія.—Что заставило Біанку выбрать такой сюжетъ? Это остроумно... для нея, конечно!

II.

Семейная бесѣда.

Въ шестидесятыхъ годахъ сообщалось въ газетахъ о бракѣ Сильвануса Стона, профессора естественныхъ наукъ, съ Энни Кэрфаксъ, дочерью судьи изъ очень извѣстной семьи въ графствѣ. Въ теченіе трехъ послѣдовавшихъ за этимъ лѣтъ, въ метрическихъ книгахъ, въ Кенсингтонѣ были вписаны Сесилія и Біанка, дочери Сильвануса и Энни Стонъ и его сынъ Мартинъ. Послѣ этого больше не было сдѣлано ни одной записи, и только въ восьмидесятыхъ годахъ было зарегистрировано въ той же самой церкви погребеніе Энни Стонъ, жены Сильвануса Стона, „урожденной Кэрфаксъ“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалось нѣчто болѣе простого извѣщенія для тѣхъ, кто заглядывалъ глубже. Они объясняли блуждающій, измѣнчивый и точно обороняющійся отъ чего то взглядъ блестящихъ глазъ обѣихъ дочерей Сильвануса, Сесиліи и Біанки. Глаза ихъ, которые называли въ семьѣ „глазами Кэрфаксовъ“, въ сущности вовсе не были унаслѣдованы ими отъ судьи Кэрфакса. Это были глаза матери его жены, много причинявшіе непріятностей

ему, человѣку рѣшительной воли и характера. Онъ всегда зналъ, чего она хочетъ, а его жена, наоборотъ, была непрактична и никогда не знала, чего ей нужно. Онъ всю жизнь старался обезпечить будущность своего потомства и, вѣроятно, былъ бы очень огорченъ, если бъ видѣлъ, какъ живутъ и чѣмъ занимаются теперь его внучки. Какъ многіе способные люди его поколѣнія, достаточно предусмотрительные въ практическихъ дѣлахъ, онъ совершенно не допускалъ мысли, чтобы потомки такихъ людей, какъ онъ, сумѣвшихъ создать обезпеченное положеніе своимъ дѣтямъ и внукамъ, проводили время въ обсужденіи pro и contra своихъ поступковъ, смотрѣли впередъ и никогда не дѣлали ни одного шага, не пощупавъ предварительно почву другой ногой. Онъ, разумѣется, не придвидѣлъ, что такая нерѣшительность станетъ правиломъ, и что, прежде чѣмъ будетъ ими сдѣлано что нибудь, они должны будутъ убѣждать себя въ томъ, что сдѣлать это необходимо. Онъ, этотъ активный человѣкъ, не предвидѣлъ, что его потомки будутъ бояться дѣйствовать, такъ какъ всякое дѣйствіе сопряжено съ какими либо обязательствами, что они всегда будутъ имѣть не то, что желають, а то, чего они не имѣютъ и что желали бы имѣть, будетъ такъ же плохо. Не обладая ни самомнѣніемъ, которое было не свойственно его поколѣнію, ни слишкомъ развитымъ воображеніемъ, онъ не подозрѣвалъ, что самъ создалъ условія для развитія всѣхъ этихъ недостатковъ у своихъ потомковъ, накопляя для нихъ средства, которыя обезпечивали имъ комфортабельный досугъ.

Изъ всѣхъ людей, посѣщавшихъ въ пріемные дни студію его внучки, онъ, вѣроятно, оказалъ бы предпочтеніе лишь одному мистеру Пюрсей и нашелъ бы здравыми сужденія этой заблудшей овцы. Но никто изъ родныхъ не оставилъ наслѣдства мистеру Пюрсей, и онъ съ двадцати лѣтъ долженъ былъ постоянно заниматься дѣлами.

Неизвѣстно, какая причина заставила мистера Пюрсей оставаться въ студіи даже послѣ того, какъ ушли всѣ другіе гости. Быть можетъ, его побуждала къ этому мысль, что болѣе долговременное пребываніе въ художественномъ кругу придастъ и ему извѣстный лоскъ. Обладаніе картиной модпаго Артиньи, которую онъ пріобрѣлъ случайно и случайно узналъ ея цѣнность, сыграло роль важнаго фактора въ его жизни и отличило его отъ всѣхъ его пріятелей, которые предпочитали красивые ландшафты и изображенія молодыхъ дамъ, въ костюмахъ 18-го вѣка, сидящихъ верхомъ на лошади или въ шотландскомъ паркѣ. Онъ былъ младшимъ компаньономъ въ одномъ банкирскомъ домѣ и, живя въ Уимбльдонѣ, ежедневно ѣздилъ туда въ своемъ автомобилѣ. Этому обстоя-

тельству онъ былъ обязанъ знакомствомъ съ Даллисономъ. Однажды онъ приказалъ шоферу дожидаться его въ определенномъ мѣстѣ, а самъ отправился пѣшкомъ, надѣясь встрѣтить кого нибудь изъ знакомыхъ. Но надежда его была обманута. Никто, заслуживающій его вниманія, не встрѣтился ему. Наконецъ, онъ увидалъ въ Кенсингтонскомъ саду старика, который кормилъ птицъ изъ бумажнаго мѣшечка. Птицы, завидѣвъ Пюрсея, улетѣли, и это дало поводъ ему обратиться къ старику съ извиненіями.

— Мнѣ кажется, я напугалъ вашихъ птичекъ, — сказалъ онъ.

Старикъ въ костюмѣ изъ сѣраго деревенскаго сукна посмотрѣлъ на говорившаго, но ничего не отвѣтилъ ему.

— Боюсь, что ваши птички видѣли, какъ я подходилъ,— снова заговорилъ Пюрсей.

— Въ наши времена птицы боятся людей,—сказалъ старикъ.

Прищуренные сѣрые глазки Пюрсея тотчасъ же замѣтили, что передъ нимъ не совсѣмъ обычный типъ человѣка.

— Ахъ, да!—отвѣтилъ онъ.—Я вижу, вы намекаете на современную эпоху. Прекрасно. Ха, ха!..

— Чувство страха неразрывно связано съ примитивнымъ состояніемъ братоубійственной распри,—проговорилъ старикъ.

Эта фраза возбудила вниманіе Пюрсея.

-- Бѣдняга немного тронутъ. Пожалуй, ему не слѣдовало бы оставаться здѣсь одному...—подумалъ Пюрсей, не зная, какъ поступить, идти ли поскорѣе туда, гдѣ его ждалъ автомобиль, или же остаться, чтобы оказать, въ случаѣ надобности, помощь. Вслѣдствіе прирожденной доброты и увѣренности, что онъ всегда сумѣетъ все уладить, Пюрсей рѣшилъ подождать, не понадобится ли его помощь, въ особенности потому,—какъ онъ говорилъ потомъ,—что на лицѣ старика онъ замѣтилъ печать благородства.

Они пошли рядомъ. Мистеръ Пюрсей искоса наблюдалъ за своимъ новымъ знакомцемъ и старался направить его шаги въ ту сторону, гдѣ дожидался шоферъ.

— Вы, повидимому, очень любите птицъ?—спросилъ онъ осторожно.

— Птицы—наши братья!—сказалъ старикъ.

Отвѣтъ былъ такого рода, что еще болѣе укрѣпилъ мистера Пюрсея въ его діагнозѣ.

— Тутъ, по близости, мой автомобиль. Позвольте мнѣ подвезти васъ.—сказалъ онъ.

Но его новый знакомецъ, повидимому, не слушалъ его. Губы его шевелились, какъ будто продолжая слѣдовать за какою то мыслью.

— Въ наши дни, — говорилъ онъ, — людскіе агрегаты извѣстны, лишь какъ скопленіе всякаго сброда. Врядъ ли можно примѣнить такое понятіе къ этимъ прекраснымъ птичкамъ...

Мистеръ Пюрсей быстро схватилъ его за руку.

— Послушайте, сэръ, — сказалъ онъ. — Вотъ мой автомобиль. Позвольте мнѣ отвезти васъ домой...

Впослѣдствіи Пюрсей такъ разсказывалъ объ этомъ эпизодѣ:

— Старикъ отлично зналъ, гдѣ онъ живетъ. Но я готовъ поклясться, что онъ совершенно не замѣтилъ того, что я посадилъ его въ свой автомобиль. Такимъ образомъ, я познакомился съ этими Даллисонами. Онъ—писатель, вы знаете, она—художница, и новой школы. Она восхищается Арпиньи. Когда мы проѣзжали мимо ихъ дома, то Даллисонъ находился въ саду. Конечно, я не вошелъ къ нимъ, а только крикнулъ ему: „я нашелъ вотъ этого старика; онъ бродилъ по дорогѣ и теперь везу его домой“. Кто же могъ предполагать, что это былъ его отецъ! Они были очень благодарны мнѣ.. Это премилые люди, но... какъ бы это сказать?.. Они слишкомъ fin de siècle, какъ и всѣ эти профессора, артисты и т. п. странная компанія прогрессивныхъ людей, точно кукушки повторяющихъ одно и тоже про бѣдняковъ, про различныя общества, новыя религіи и т. п. вещи.

Однако, хотя онъ потомъ и не разъ навѣщалъ Даллисоновъ, они все таки никогда не старались лишить его добродѣтельнаго сознанія, что онъ совершилъ доброе дѣло, и не пытались убѣдить его въ томъ, что онъ привелъ домой вовсе не сумасшедшаго, какъ онъ думалъ, а только философа!

Безъ сомнѣнія, мистеръ Пюрсей былъ пораженъ, увидѣвъ мистера Стонъ въ студіи Біанки. Хотя онъ и видѣлъ его не разъ, послѣ своей встрѣчи съ нимъ въ Кенсингтонскомъ саду и зналъ, что онъ пишетъ какую то книгу, но все же онъ полагалъ, что такого сорта люди все встрѣчаются въ салонахъ. Увидѣвъ Пюрсея, старикъ тотчасъ же заговорилъ съ нимъ о повѣшеніи Шорелическаго убійцы, какъ сообщалось объ этомъ въ вечернихъ газетахъ. Отношеніе мистера Стона къ этому факту вполнѣ соотвѣтствовало его оригинальнымъ взглядамъ. Когда всѣ гости ушли, за исключеніемъ мистера и мистриссъ Стефанъ Даллисонъ и миссъ Даллисонъ „этой удивительно прелестной дѣвушки и молодого человѣка, всюду слѣдующаго за нею по пятамъ“,—Пюрсей подошелъ къ хозяйкѣ, чтобы поговорить съ ней. Она стояла, слушая его и слегка улыбаясь, и эта улыбка, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ насмѣшки, придавала ей въ глазахъ Пюрсея

особую привлекательность. Но далѣе этого его наблюденія не шли, такъ какъ нужно было быть болѣе тонкимъ психологомъ, чтобы разгадать тайную дисгармонію, наносившую легкій ущербъ ея красотѣ. Тѣмъ, кто лучше зналъ Біанку, нежели Пюрсей, слишкомъ хорошо были знакомы всѣ эти мимолетныя проявленія гордаго духа, таившагося въ ней.

Біанка была ростомъ выше Сесиліи, лучше сложена и болѣе граціозна. Ея волосы и глаза были темнѣе, цвѣтъ лица ярче. Духъ вѣка, именуемый дисгармоніей, навѣрное, присутствовалъ при крещеніи темноволосаго ребенка, нареченнаго Біанкой.

МистеръПюрсей не принадлежалъ къ числу людей, вдающихся въ психологическія тонкости. Съ него было довольно того, что Біанка красива и что имѣющаяся у него картина Арпиньи создаетъ между ними какъ бы точку соприкосновенія.

— Вашъ отецъ и я, мистриссъ Даллисонъ, мы совершенно расходимся въ своихъ взглядахъ на жизнь,—сказалъ онъ. — Мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга!

— Въ самомъ дѣлѣ?—прошептала Біанка.—А мнѣ казалось, что вы такъ хорошо сходитесь другъ съ другомъ.

— Его взгляды, пожалуй, немного слишкомъ... вѣтхозавѣтные, для меня,—отвѣтилъ Пюрсей, стараясь выражаться деликатно.

— Развѣ мы никогда не говорили вамъ,—мягко спросила его Біанка,—что мой отецъ былъ весьма извѣстнымъ ученымъ до своей болѣзни?

— А?—возразилъ мистеръ Пюрсей, нѣсколько огорошенный.—Въ самомъ дѣлѣ?.. Знаете ли, мистриссъ Даллисонъ, изъ всѣхъ вашихъ картинъ, та, которую вы назвали „Тѣнью“, наиболѣе удалась вамъ. Въ этой картинѣ есть нѣчто такое, что васъ захватываетъ. Скажите, не служила ли для нея оригиналомъ эта привлекательная молодая дѣвушка, которую я видѣлъ у васъ на Рождествѣ? Сходство очень большое.

Біанка чуть чуть измѣнилась въ лицѣ, но мистеръ Пюрсей былъ не изъ такихъ людей, которые замѣчаютъ подобныя мелочи.

— Если когда-нибудь вамъ придетъ желаніе разстаться съ этой картиной, то я надѣюсь, что вы вспомните обо мнѣ,—продолжалъ онъ.—Для меня было бы большимъ счастьемъ имѣть эту картину. Я увѣренъ, что современемъ она будетъ стоить большія деньги.

Біанка ничего не отвѣтила ему. Пюрсей внезапно почувствовалъ неловкость и тотчасъ же началъ прощаться.

— Мой автомобиль ждетъ меня,— сказалъ онъ. — Я долженъ ѣхать.

Пожавъ руки всѣмъ по очереди, онъ удалился.

Какъ только дверь закрылась за нимъ, всѣ облегченно вздохнули. Послѣдовало молчаніе, которое было нарушено Гилэри, обратившимся къ Стефану:

— Будемъ курить, Стиви, если Сисси ничего не имѣетъ противъ этого.

Стефанъ Даллисонъ взялъ папироску и стиснулъ ее зубами. На его гладко выбритыхъ губахъ блуждала насмѣшливая улыбка, къ которой онъ всегда прибѣгалъ, когда боялся показаться смѣшнымъ.

— Фью!—проговорилъ онъ.—Нашъ пріятель Пюрсей становится довольно таки надоѣдливымъ. Его окружаетъ такая филистерская атмосфера!..

— Онъ совсѣмъ приличный малый,—замѣтилъ Гилэри.

— Да, но довольно-таки несносенъ!

Стефанъ Даллисонъ былъ не похожъ на своего брата, хотя лицо у него было такое же тонкое и длинное. У него были такіе же глаза, но только выраженіе ихъ было другое, болѣе пытливое и инквизиторское. Онъ казался также болѣе практичнымъ, нежели его братъ.

Нѣсколько времени они курили молча, затѣмъ Стефанъ проговорилъ, выпуская дымъ изо рта:

— Во всякомъ случаѣ, это такого сорта человѣкъ, который можетъ высказать здравое сужденіе. Ты бы спросила его, Сисси!

Сесилія сердито отвѣтила:

— Пожалуйста, не насмѣхайся, Стефанъ. Я совершенно серьезно отношусь къ положенію мистриссъ Хюгсъ.

— Хорошо. Но я не вижу, что я могъ бы сдѣлать для этой почтенной женщины, моя дорогая. Нельзя же мѣшаться въ домашнія дѣла.

— Однако это ужасно, что мы, дающіе ей работу, ничего не можемъ сдѣлать для нея! Какъ ты думаешь, Би?

— Я думаю, что мы могли бы сдѣлать что-нибудь для нея, если бы достаточно сильно хотѣли этого.

Голосъ Біанки, звучавшій какъ-то неувѣренно, вполнѣ подходилъ къ ея внѣшности.

Стефанъ и его жена переглянулись. Они какъ будто хотѣли сказаль: „Какъ это похоже на Би!“

— Собачья улица, гдѣ они живутъ,—ужасное мѣсто.

Это говорила Тиме, и всѣ тотчасъ же взглянули на нее.

— А ты какъ это знаешь?—спросила Сесилія.

— Я была тамъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Мартиномъ.

На губахъ молодого человѣка, котораго она назвала, появилась саркастическая усмѣшка.

Гилэри осторожно спросилъ ее:

— Хорошо, моя милая, что же ты видѣла тамъ?

— Большинство дверей были раскрыты настежъ...

— Ну, это ничего не говоритъ намъ,—замѣтила Біанка.

— Напротивъ!—внезапно послышался глубокій басъ Мартина.—Это должно говорить вамъ очень много... Продолжайте!

— Хюггсы живутъ въ самомъ верху, въ номерѣ первомъ. Это лучшій домъ въ улицѣ. Въ подвальномъ помѣщеніи живетъ семья Бюдженъ. Онъ—рабочій, а она разбита параличемъ. У нихъ есть сынъ. Переднюю комнату Хюггсы отдаютъ внаймы старику, по имени Кридъ...

— Я знаю его,—проговорила Сесилія.

— Онъ зарабатываетъ до десяти пенсовъ въ день, продавая газеты, заднюю же комнату, въ этомъ самомъ помѣщеніи занимаетъ твоя маленькая натурщица, тетя Би.

— Она больше мнѣ не позируетъ,—возразила Біанка.

Наступило неловкое молчаніе. Очевидно, всѣ чувствовали, что надо осторожно касаться этого предмета. Тиме продолжала свой разсказъ:

— Ея комната лучшая въ домѣ. Въ ней больше воздуху, и она выходитъ окнами въ чей-то садъ. Думаю, что она остается въ этой комнатѣ только потому, что она дешева. Комнаты Хюггсовъ...

Она вдругъ остановилась, какъ будто въ нерѣшительности.

— Значитъ, населеніе квартиры составляютъ двѣ супружескія четы, одна молодая дѣвушка, одинъ молодой человѣкъ и...

Гилэри посмотрѣлъ на обѣ супружескія четы, молодого человѣка и молодую дѣвушку, находившихся въ комнатѣ, и мягко прибавилъ:

— И одинъ старикъ?

— Это совсѣмъ не подходящее мѣсто для твоихъ прогулокъ, Тиме,—замѣтилъ иронически Стефанъ.—Ты какъ думаешь объ этомъ, Мартинъ?

— А почему нѣтъ?—спросилъ Мартинъ.

Стефанъ поднялъ брови и поглядѣлъ на жену. На лицѣ ея выражалось сомнѣніе и легкій испугъ. Снова наступило молчаніе, которое нарушила Біанка.

— Ну, и что же дальше?—спросила она. И, какъ всегда, ея слова привели въ замѣшательство всѣхъ.

— Хюггсъ дурно обращается съ женой? — спросилъ Гилэри.

— Кажется. По крайней мѣрѣ, я такъ поняла изъ ея словъ,—отвѣчала Сесилія.—Впрочемъ, я не знаю никакихъ подробностей.

— Я думаю, было бы лучше, если бъ она бросила его, — проговорила Біанка. Ея слова были встрѣчены молчаніемъ, затѣмъ снова раздался звонкій голосокъ Тиме.

— Она не можетъ получить развода. Она могла бы только жить отдѣльно отъ него,—сказала она.

Сесилія встала. Она была смущена. Эти слова внезапно подтвердили всѣ ея сомнѣнія относительно ея юной дочери. Вотъ что значитъ позволять ей прислушиваться къ толкамъ разныхъ людей и ходить всюду съ Мартиномъ. Она, пожалуй, слушала даже рѣчи своего дѣда. И боясь, съ одной стороны, стѣснять ея свободу, а съ другой—опасаясь, что ее могутъ заподозрить въ томъ, будто она поощряетъ свою дочь къ болѣе близкому знакомству съ жизнью, Сесилія нерѣшительно посмотрѣла на мужа. Но Стефанъ ничего не говорилъ. Онъ чувствовалъ, что лучше не касаться этого предмета, такъ какъ пришлось бы, пожалуй, говорить о нечистоплотныхъ фактахъ сомнительнаго характера и вести этическія разсужденія на такія темы, которыя онъ не желалъ бы затрагивать въ присутствіи своей жены и дочери. Но его тоже смущала мысль, что Тиме знаетъ слишкомъ много.

Сумерки сгущались. Огонь въ каминѣ бросалъ колеблющійся свѣтъ на лица сидящихъ, придавая имъ какую-то таинственность. Вновь наступившее молчаніе было прервано Стефаномъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ очень жаль ее,—сказалъ онъ.— Но я все-таки думаю, что лучше не мѣшаться. Вы не можете разговаривать съ этимъ народомъ; вы никогда не добьетесь отъ нихъ, чего они хотятъ. Лучше не вмѣшиваться! При томъ же это дѣло общества, которое и должно прежде всего принять участіе.

— Она у меня на совѣсти, Стефанъ!—возразила Сесилія.

— Они всѣ на моей совѣсти,—прошепталъ Гилэри.

Біанка въ первый разъ за все это время взглянула на него и, обратившись къ своему племяннику, сказала:

— А вы что скажете, Мартинъ?

Молодой человѣкъ, лицо котораго слегка раскраснѣлось при мерцавшемъ свѣтѣ каминнаго огня, ничего не отвѣтилъ.

Вдругъ раздался голосъ, говорившій:

— У меня явилась одна мысль...

Всѣ обернулись. Мистеръ Стонъ появился изъ-за кар-

тины, именуемой „Тѣнь“. Его тщедушная фигура въ сѣромъ суконномъ одѣяніи, его серебряные волосы и борода рѣзко выдѣлялись на бѣлой стѣнѣ.

— Какъ, отецъ! Ты былъ здѣсь? Мы этого не знали,— сказала Сесилія.

Мистеръ Стонъ посмотрѣлъ кругомъ озадаченнымъ взглядомъ, какъ будто онъ и самъ только что узналъ объ этомъ фактѣ.

— Какая же мысль пришла тебѣ въ голову, отецъ?

Пламя вспыхнуло и внезапно освѣтило худую, желтую руку мистера Стона.

— Каждый изъ насъ,—проговорилъ Стонъ,—имѣетъ свою тѣнь, тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, на тѣхъ улицахъ...

Отвѣта не послѣдовало. Послышался шорохъ платья и стукъ затворяемой двери. Повидимому, никто не отнесся серьезно къ словамъ мистера Стона...

III.

Въ кабинетѣ Гилэри.

— Въ самомъ дѣлѣ, что ты думаешь объ этомъ, дядя Гилэри?

Гилэри Даллисонъ, сидѣвшій за своимъ письменнымъ столомъ, повернулся къ своей племянницѣ и сказалъ:

— Моя дорогая, такое положеніе вещей существуетъ съ самаго начала міра. Нѣтъ такого химическаго процесса, который бы не давалъ, насколько мнѣ извѣстно, побочныхъ продуктовъ. То, что твой дѣдушка называетъ нашею „тѣнью“, и представляетъ такіе побочные продукты соціальнаго процесса. Безъ сомнѣнія, одна часть погружается на дно, другая—выплываетъ. Но кто эти погрузившіеся на дно, откуда они берутся и можетъ ли измѣниться ихъ положеніе, этого никто не знаетъ.

Дѣвушка, сидѣвшая въ глубокомъ креслѣ, не шевельнулась, только губки ея презрительно надулись и лобъ нахмурился.

— Мартинъ говоритъ, что невозможно только то, что мы считаемъ невозможнымъ!—сказала она.

— Вѣра двигаетъ горы, не такъ ли?

Тимэ качнула ногой и почти задѣла Миранду, маленькую собаченку. Она хотѣла приласкать ее, но та отстранилась.

— Я ненавижу эти трущобы, дядя. Онѣ такія отвратительныя!

Гилэри принялъ свою любимую позу, облокотивъ голову на свою худую, тонкую руку.

— Онѣ противны, отвратительны и видъ ихъ раздираетъ душу,—согласился онъ.—Но развѣ отъ этого проблема становится легче разрѣшимой?

— Мнѣ кажется, мы сами создаемъ затрудненія, отправляясь смотрѣть на нихъ.

Гилэри усмѣхнулся.

— И Мартинъ тоже говоритъ это?—спросилъ онъ.

— Само собою разумѣется.

— Говоря вообще, я вижу только одно затрудненіе: человѣческую природу,—сказалъ Гилэри.

Тиме встала.

— Это ужасно имѣть такое низкое мнѣніе о человѣческой природѣ!—воскликнула она.

— Моя дорогая, не кажется ли тебѣ, что именно тѣ, кто имѣетъ такъ называемое низкое мнѣніе о человѣческой природѣ, въ дѣйствительности болѣе терпимы, болѣе снисходительны и больше любятъ человѣческую природу, нежели тѣ, кто, имѣя въ виду, чѣмъ должна была бы быть природа человѣка, вынуждены презирать ее въ ея настоящемъ видѣ?

Взглядъ, который Тиме бросила на своего дядю, повидимому, обезпокоилъ его.

— Я вовсе не хочу, моя милая, чтобы ты была обо мнѣ низкаго мнѣнія,—прибавилъ онъ.—Я вовсе не изъ тѣхъ людей, которые говорятъ, что все хорошо, такъ какъ и у богатыхъ есть свои огорченія, какъ и у бѣдняковъ. Но извѣстная, малая доля комфорта и приличнаго существованія все таки должна быть на лицо для того, чтобы мы могли что нибудь сдѣлать для человѣка, а не только жалѣть его. Однако, наша задача не становится отъ этого легче, такъ какъ мы не знаемъ, какъ обезпечить ему эту малую долю приличнаго существованія и комфорта.

— Мы должны это сдѣлать!—воскликнула Тиме.—Дольше они не могутъ ждать!

— Моя дорогая, подумай о Пюрсеѣ! Какъ ты полагаешь, великъ ли процентъ людей въ высшихъ классахъ, сознающихъ эту необходимость? Мы, обладающіе тѣмъ, что я называю соціальною совѣстью, отдѣляемся отъ платформы мистера Пюрсея, но мы составляемъ лишь кучку въ нѣсколько тысячъ, тогда какъ такихъ, какъ Пюрсей, десятки тысячъ! Да и многіе ли изъ насъ подготовлены и могутъ дѣйствовать согласно велѣніямъ нашей совѣсти? Вопреки идеямъ твоего дѣдушки, я все таки думаю, что мы слишкомъ рѣзко раздѣляемся на классы, и что люди дѣйствуютъ и всегда дѣйствовали въ классахъ.

— О! Классы!..—воскликнула Тиме.—Вѣдь это устарѣвшій предразсудокъ, дядя!

— Такъ ли? Мнѣ кажется, пожалуй, что классъ это — только расширеніе собственной личности и стряхнуть его съ себя невозможно. Напримѣръ, мы оба, что мы можемъ сдѣлать со всѣми, присущими намъ предразсудками?

Тиме посмотрѣла на него съ жестокостью, свойственною юности, какъ бы желая этимъ сказать: „ты, мой милый, дорогой дядя, котораго я очень люблю. Но вѣдь ты вдвое старше меня! А это говоритъ само за себя!"

— Что нибудь рѣшено относительно мистриссъ Хюггсъ?—спросила она внезапно.

— А что говорилъ твой отецъ сегодня утромъ?

Тиме взяла свой портфель съ рисунками и, направляясь къ двери, отвѣтила:

— Отецъ? Ахъ, онъ безнадеженъ! У него нѣтъ другихъ идей, кромѣ обращенія къ благотворительному обществу...

Она ушла. Гилэри, со вздохомъ, взялъ перо, но больше не написалъ ни строчки...

Гилэри и Стефанъ Даллисонъ были внуками каноника Даллисона, извѣстнаго друга и совѣтника одного изъ романистовъ временъ королевы Викторіи. Впрочемъ, и этотъ каноникъ, происходившій изъ старинной оксфордской семьи, служившей въ теченіе 300 лѣтъ церкви или государству, самъ былъ авторомъ двухъ томовъ „Діалоговъ въ духѣ Сократа". Онъ передалъ своему сыну, служившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, если не свой литературный талантъ, то, во всякомъ случаѣ, традиціи своей культуры. И эти традиціи, въ свою очередь, были унаслѣдованы Гилэри и Стефаномъ.

Получивъ одинаковое воспитаніе въ школѣ и въ Кэмбриджскомъ университетѣ, обладая достаточными, хотя и не слишкомъ большими средствами, оба брата, казалось, представляли большое духовное сходство при своемъ вступленіи въ свѣтъ. Оба были добры, любили упражненія на открытомъ воздухѣ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ лѣнивъ. Они были очень просвѣщенными, цивилизованными людьми, питавшими то глубокое отвращеніе ко всякому насилію, которое нигдѣ не преобладаетъ въ такой степени, какъ въ высшихъ классахъ страны, учрежденія которой такъ же стары, какъ и ея дороги или стѣны, окружающія ея парки. Но по мѣрѣ того, какъ проходило время, внутреннее различіе между братьями становилось замѣтнѣе. Самосознаніе, культивированное воспитаніемъ, окружающей средой и средствами къ жизни, дѣйствовало неодинаково у обоихъ братьевъ. У Стефана оно играло роль предохранителя, не допу-

скавшаго разложенія его личности, химическаго ингредіента, связующаго ея составныя части и заставляющаго ихъ работать совмѣстно и однороднымъ образомъ. У Гилэри наблюдалось обратное явленіе. Самосознаніе у него дѣйствовало, какъ тонкій, медленный, разлагающій ядъ, проникая въ его систему, каждый фибръ его души, такъ что, въ концѣ концовъ, никакая рѣшительная мысль, никакое рѣшительное дѣйствіе не могло уже проявиться у него. Въ общемъ, самосознаніе приняло у него форму мягкаго юмора.

— Развѣ не достойно вниманія,—сказалъ онъ однажды, когда они завтракали въ ресторанѣ и ѣли ростбифъ,—что процессъ ассимиляціи маленькихъ кусковъ зарѣзанной скотины можетъ навести на философскія размышленія. Какъ это все замѣчательно!

Стефанъ отвѣтилъ не сразу.

— Но ты не станешь же избѣгать высшихъ млекопитающихъ, какъ нашъ почтенный тесть?—сказалъ онъ, наконецъ.

— Наоборотъ,—отвѣтилъ Гилэри.—Я готовъ жевать ихъ. Но именно это то и замѣчательно! Ты не понялъ меня.

Ясно было, что человѣкъ, который способенъ видѣть нѣчто замѣчательное въ подобнаго рода вещахъ, зашелъ слишкомъ далеко.

— Дружище, — замѣтилъ ему Стефанъ,—ты слишкомъ вдаешься вглубь вещей.

Разговоръ оборвался. Гилэри посмотрѣлъ на брата съ какою то скользящей улыбкой, словно извиняясь за то, что заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Это была его обычная улыбка, вполнѣ естественная, но она часто приводила въ смущеніе людей, разговаривавшихъ съ нимъ, и прекращала обмѣнъ мыслей. Проведя всю свою жизнь среди образованныхъ людей, никогда не зная нужды и занимаясь только литературой, Гилэри, чрезмѣрно чувствительный отъ природы, сталъ относиться ко всему съ какою то особенною щепетильностью. Онъ никогда не позволялъ себѣ грубыхъ шутокъ даже со своей собачкой и никогда не нарушалъ ея покоя, когда она сидѣла у него въ рабочемъ кабинетѣ, устремивъ свои черные, какъ агатъ, глазки на огонь, пылавшій въ каминѣ.

Въ кабинетѣ, пропитанномъ запахомъ одного спеціальнаго легкаго сорта табаку, пріятно щекочущаго нервы чувствительнаго человѣка, красовался бюстъ Сократа, представлявшій особую привлекательность для Гилэри. Онъ даже описалъ однажды своему сотоварищу по литературѣ то впечатлѣніе, которое производило на него гипсовое лицо мудреца, такое уродливое и умное, какъ будто понимающее всю человѣческую жизнь и отражающее въ себѣ не только жадность и похоть, насиліе и хищничество человѣка, но и всѣ его

возвышенныя стремленія къ любви, разуму и духовной ясности.

— Онъ учитъ насъ,—говорилъ Гилэри,—напиваться, опускаться на дно, жить съ сиренами, лежать на камнѣ подъ солнечными лучами, потѣть за работой съ илотами и познать всѣ вещи на свѣтѣ и всѣхъ людей! Намъ нѣтъ мѣста среди мудрыхъ, говоритъ онъ, пока мы не испытали всего этого, прежде чѣмъ вскарабкались на вершину! Вотъ это въ особенности поражаетъ меня въ немъ, что онъ не слишкомъ восхищается людьми нашего сорта!

Гилэри сидѣлъ, облокотившись на руку, возлѣ этого бюста. Передъ нимъ лежали три раскрытыя книги и толстая рукопись, а рядомъ—маленькая пачка зеленовато бѣлой бумаги: это были оттиски его послѣдней книги.

Трудно опредѣлить въ точности, какое значеніе въ жизни такого человѣка, какъ онъ, имѣетъ литературная работа. Она приносила ему доходъ, но онъ не зависѣлъ отъ этого дохода. Какъ поэтъ, критикъ и эссейистъ, онъ уже составилъ себѣ нѣкоторое имя, не слишкомъ большое, но уже достаточно извѣстное. Его пріятели, однако, сомнѣвались, чтобы онъ, вслѣдствіе своей чрезмѣрной щекотливости, могъ существовать литературнымъ трудомъ, если бъ у него не было другихъ средствъ къ жизни. Весьма возможно, впрочемъ, что онъ бы справился съ этимъ лучше, чѣмъ это можно было думать, такъ какъ и теперь онъ зачастую приводилъ въ изумленіе тѣхъ, кто считалъ его дилетантомъ въ работѣ, своею способностью забираться въ свою раковину и не выходить оттуда, пока работа не кончена.

Однако, въ этотъ день, онъ никакъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей на своей работѣ, и онѣ постоянно возвращались къ его разговору съ племянницей и къ мистриссъ Хюгсъ, швеѣ, о положеніи которой такъ много говорилось въ студіи его жены наканунѣ. Стефанъ даже нарочно пропустилъ жену и дочь впередъ, когда онѣ отправились домой, и немного задержался, чтобы дать послѣдній совѣтъ своему брату:

— Никогда не мѣшайся между мужемъ и женой. Ты знаешь вѣдь, каковы низшіе классы!

Онъ взглянулъ черезъ темный палисадникъ, на домъ. Въ нижнемъ этажѣ была освѣщена только одна комната, и черезъ открытое окно можно было видѣть фигуру мистера Стона, сидѣвшаго у стола, на которомъ стояла маленькая рабочая лампа, подъ зеленымъ абажуромъ.

Стефанъ покачалъ головой и прошепталъ:

— Бѣдняга!.. Какъ это онъ сказалъ: „Въ этихъ мѣстахъ и на этихъ улицахъ“!.. Это даже не простое увлеченіе, а

нѣчто худшее! Онъ кажется...—Стефанъ краснорѣчиво притронулся пальцемъ ко лбу, но тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ, такъ какъ не любилъ долго останавливаться на такихъ предметахъ.

Когда онъ ушелъ, Гилэри остановился на мгновеніе въ кустахъ и тоже заглянулъ въ окно. Мистеръ Стонъ стоялъ съ перомъ въ рукѣ, глубоко погруженный въ раздумье. Его сѣдая голова слегка шевелилась, будто отражая работу его мозга. Наконецъ, онъ подошелъ къ окну и, не замѣчая Гилэри, уставился глазами въ ночной мракъ, окутавшій садъ. Однако, въ этой темнотѣ лондонской весенней ночи все-таки можно было различить свѣтъ и тѣни. Деревья въ цвѣту казались совсѣмъ темными. Желтоватый свѣтъ газовыхъ фонарей мѣстами пронизывалъ мракъ, а по дорогѣ виднѣлись тѣни мужчинъ и женщинъ, спѣшившихъ домой, и темныя очертанія домовъ, гдѣ они обитаютъ. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Сити, виднѣлось желтоватое сіяніе, заслонявшее блескъ звѣздъ. Темная фигура полисмэна медленно и безшумно двигалась на противоположной сторонѣ тротуара...

И нѣсколько разъ, вплоть до одиннадцати часовъ ночи, когда онъ имѣлъ обыкновеніе варить для себя какао на маленькой спиртовой лампочкѣ, мистеръ Стонъ подходилъ къ окну и вперялъ взоръ въ темноту, затѣмъ снова возвращался къ письменному столу и принимался за свой трудъ о всеобщемъ братствѣ...

Гилэри, сидя возлѣ бюста Сократа, снова припомнилъ, помимо своей воли, слова Стона: „Каждый изъ насъ имѣетъ тѣнь въ этихъ мѣстахъ... на этихъ улицахъ“!

Въ этихъ словахъ заключался какой-то ядъ. Надо было либо шутливо отнестись къ нимъ, какъ это сдѣлалъ Стефанъ, либо... что же можно было сдѣлать? Насколько могъ онъ отожествить себя съ другими, главнымъ образомъ съ безпомощными, и могъ ли онъ сохранить свою неприкосновенность—integer vitae? Гилэри былъ уже не такъ молодъ, какъ его племянница и Мартинъ, которымъ все казалось просто. Но онъ и не былъ такъ старъ, какъ Стонъ, въ глазахъ котораго жизнь потеряла свою сложность.

Отлично сознавая свою неспособность принимать какія-либо опредѣленныя рѣшенія въ какомъ бы то ни было вопросѣ, за исключеніемъ вопросовъ литературной техники, Гилэри всталъ, взялъ маленькую собаченку на руки и вышелъ изъ кабинета. Онъ намѣренъ былъ посѣтить мистриссъ Хюггсъ и собственными глазами убѣдиться въ положеніи вещей. Впрочемъ, была и другая причина, побуждавшая его къ такому шагу...

IV.

Маленькая натурщица.

Когда, прошлою осенью Біанка задумала картину подъ названіемъ „Тѣнь“, она очень удивила своего мужа, обратившись къ нему съ просьбой отыскать ей кого-нибудь, кто бы могъ позировать для этой картины. Совершенно не зная идеи задуманнаго Біанкой произведенія и вообще, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, а можетъ быть и никогда, не посвящаемый ею въ ея умственную жизнь, Гилэри сказалъ женѣ:

— Отчего ты не попросишь Тиме позировать?

— Она вовсе не тотъ типъ, который мнѣ нуженъ. При томъ мнѣ не нужна женщина изъ общества. Фигура должна быть полуразвита,—отрѣзала Біанка.

Гилэри улыбнулся. Біанка отлично поняла значеніе этой улыбки. Она относилась къ указанной ею разницѣ между женщинами изъ общества и другими. Въ сущности, и онъ вѣдь втайнѣ соглашался съ нею. Біанка поглядѣла на него и также улыбнулась.

Въ этихъ двухъ улыбкахъ заключалась вся исторія ихъ супружеской жизни. Сколько въ нихъ отражалось затаеннаго раздраженія, сколько подавленной тоски и серьезныхъ усилій найти точку соприкосновенія! Онѣ указывали на полное расхожденіе двухъ жизней, непроизвольное и потому безнадежное, такъ какъ оно совершалось медленно и незамѣтно. Никогда между ними не было ссоръ, такъ какъ у обоихъ были очень просвѣщенные взгляды на брачную жизнь, но была именно эта улыбка. Она то и отдалила ихъ другъ отъ друга, скрывая отъ нихъ самихъ трагедію ихъ брачной жизни. Ни тотъ, ни другая не имѣли намѣренія оскорбить другъ друга, но улыбка появлялась у нихъ непроизвольно, какъ отраженіе непримиримаго противорѣчія ихъ натуръ, и они оба чувствовали, что души ихъ не могутъ слиться воедино.

Гилэри обратился къ своимъ пріятелямъ художникамъ и на основаніи указаній, данныхъ ему Біанкою, постарался отыскать ей нужную натурщицу. Ему указали одну, наиболѣе подходящую. Ее звали Бэртонъ, и ея адресъ сообщилъ ему художникъ по имени Фрэнчъ.

— Она никогда мнѣ не позировала, — объяснилъ ему Фрэнчъ.—Моя сестра отыскала ее гдѣ то. Ея исторіи я не знаю, но она явилась сюда мѣсяца три назадъ.

— Она позируетъ для вашей сестры?- спросилъ Гилэри.

— Нѣтъ. Моя сестра вышла замужъ и уѣхала въ Индію. Не знаю, согласится ли она позировать полураздѣтой, но думаю, что да. Все равно ей придется, рано или поздно, согласиться на это. Лучше ужъ начать теперь, тѣмъ болѣе, что ей представляется случай позировать женщинѣ. Въ ней есть что то привлекательное, совѣтую вамъ обратиться къ ней.

И съ этими словами онъ снова принялся за работу, которую прервалъ, когда вошелъ Гилэри.

Гилэри въ тотъ же день написалъ натурщицѣ, и она, передъ обѣдомъ, явилась къ нему.

Она стояла посреди его кабинета, не рѣшаясь подойти ближе, и такъ какъ освѣщеніе было слабое, то онъ не могъ разглядѣть ея лицо. На ней была старая коричневая юбка, плохенькая блузка и сине зеленая шапочка. Гилэри отвернулъ электричество и освѣтилъ маленькое, круглое личико съ голубыми глазами, черными рѣсницами и слегка полуоткрытыми губами. О ея фигурѣ нельзя было судить въ этомъ старомъ платьѣ, но ростомъ она была ни велика, ни мала. Шея у нея была бѣлая и красивой формы, волосы темнорусые и пышные. Гилэри, однако, замѣтилъ, что ея подбородокъ слишкомъ малъ и мягокъ. Но въ особенности ему бросился въ глаза ея взглядъ, спокойный и выжидающій, какъ будто заглядывающій въ будущее. Если бы художникъ не сказалъ ему, что она пріѣхала изъ деревни, то онъ принялъ бы ее за городскую жительницу, до такой степени она была блѣдна. Впрочемъ, въ ея наружности ничего не было характернаго ни для города, ни для деревни, и только въ ея разговорѣ замѣтенъ былъ легкій акцентъ, указывающій на происхожденіе изъ западной провинціи. Она спрашивала только о томъ, сколько времени ей придется позировать и какая плата за это. И вдругъ, во время разговора, она зашаталась и упала на полъ. Гилэри тотчасъ же побѣжалъ и принесъ ей бисквиты и ликеръ, который онъ, по ошибкѣ, захватилъ вмѣсто водки, чтобы подкрѣпить ея силы. Повидимому, она ничего не ѣла со вчерашняго дня. Впрочемъ, и наканунѣ она выпила только чашку пустого чаю. На высказанное имъ замѣчаніе по этому поводу, она отвѣтила ему дѣловитымъ тономъ:

— Если у васъ нѣтъ денегъ, то вы не можете ничего купить, а просить мнѣ не у кого. Я здѣсь чужая...

— Вы не могли, значитъ, достать работы?

— Нѣтъ,— отвѣчала она угрюмо. — Я не хотѣла позировать, какъ это предлагали мнѣ многіе, пока нужда не заставила меня.

Кровь бросилась ей въ лицо, но такъ же быстро отхлынула назадъ, и она опять стала блѣдной.

— Ага!—подумалъ Гилэри.—Очевидно, она уже испытала кое что.

И онъ, и его жена были доступны чувству состраданія, но различно понимали благотворительность. Гилэри никогда не могъ отказать никому, кто протягивалъ къ нему руку за помощью. Біанка же, болѣе разсудительная, хотя и утверждала, что благотворительность не должна существовать, такъ какъ въ правильно организованномъ государствѣ никто не долженъ нуждаться, отсылала всѣхъ, обращавшихся къ ней, въ „Общество предупрежденія нищенства“, какъ это дѣлалъ и Стефанъ, предоставляя уже этому обществу производить разслѣдованіе.

Но въ данномъ случаѣ надо было прежде всего накормить дѣвушку и разузнать, живетъ ли она въ болѣе или менѣе приличномъ домѣ. А такъ какъ оказалось, что у нея нѣтъ приличнаго жилища, то надо было найти ей таковое. И тутъ милосердію Біанки удалось, такъ сказать, однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Оказалось, что у швеи, мистриссъ Хюггсъ есть лишняя, пустая комната, которую она съ радостью отдала бы внаймы за четыре или даже три съ половиной шиллинга въ недѣлю. Эта комната была взята и даже была найдена необходимая для нея мебель: скрипѣвшая кровать, умывальный столикъ, столъ, комодъ, два стула, коврикъ и нѣкоторыя принадлежности для приготовленія пищи. Къ этому были прибавлены старыя фотографіи, долго валявшіяся въ ящикахъ шкафа, и маленькіе стѣнные часы, которые часто забывали показывать время. Всѣ эти вещи, вмѣстѣ съ нѣсколькими старыми платьями, и двумя горшками засыхавшихъ растеній, были отправлены въ маленькой тележкѣ на новую квартиру дѣвушки. Скоро послѣ этого она явилась позировать. Она была спокойной и пассивной натурщицей, но Біанка не требовала отъ нея, чтобы она позировала полураздѣтой, такъ какъ въ концѣ концовъ рѣшила, что, пожалуй, лучше изобразить „Тѣнь“ въ полномъ одѣяніи. Дѣло въ томъ, что Біанка, несмотря на то, что она свободно обсуждала наготу, изображаемую художниками, и, не стѣсняясь, разсматривала ее, всегда ощущала нѣчто вродѣ физическаго отвращенія, когда ей приходилось самой рисовать голое тѣло.

Гилэри, естественно заинтересованный этой молодой дѣвушкой, свалившейся съ ногъ отъ голода въ его кабинетѣ, теперь часто заходилъ въ студію своей жены, когда она рисовала, и смотрѣлъ на позировавшую натурщицу добрыми, слегка прищуренными глазами. Среди людей, хорошо знав

шихъ Гилэри. сложилась про него поговорка, что онъ „скорѣе пройдетъ лишнюю милю, нежели наступитъ на муравья!“ Маленькая натурщица какъ будто чувствовала, что имѣетъ въ немъ покровителя, и съ того момента, какъ онъ влилъ ей въ ротъ ликеръ сквозь сжатые зубы, когда она лишилась силъ въ его кабинетѣ, она всегда повѣряла ему свои дѣла и огорченія. Обыкновенно она дѣлала это въ саду, проходя мимо или уходя домой, послѣ сеанса, или же заходила къ нему въ кабинетъ и внезапно говорила: „я отложила четыре шиллинга за эту недѣлю, мистеръ Даллисонъ!“ или: „старый Крудъ ушелъ сегодня въ больницу, мистеръ Даллисонъ“!..

Мало по малу цвѣтъ ея лица сталъ здоровѣе, хотя она по прежнему была блѣдна и лишь иногда, отъ холода, у нея появлялись на лицѣ красныя пятна. На вискахъ у нея по прежнему просвѣчивали синія жилки и тѣни лежали подъ глазами. Губы, какъ всегда, были слегка полураскрыты, а въ глазахъ было все то же выраженіе спокойнаго далекаго ожиданія, отчасти напоминающее картины Ботичелли. Этотъ уходящій вдаль взглядъ, вмѣстѣ съ дѣловитостью ея разговора, придавалъ ей особую оригинальность...

На Рождество Біанка показывала свою картину кое кому изъ знатоковъ и въ томъ числѣ Пюрсею, „автомобиль котораго случайно проѣзжалъ мимо“. Біанка пригласила и свою натурщицу, разсчитывая потомъ работать, но дѣвушка забилась въ уголъ и старалась всячески скрыться за холстомъ картины. Посѣтители, однако, обратили вниманіе на ея сходство съ картиной и нашли ее интереснымъ типомъ. Они разсматривали ее съ любопытствомъ, но не заговаривали съ нею, потому ли, что не находили подходящей темы для разговора, или же опасались возбудить подозрѣніе, что они хотятъ покровительствовать ей. Она тоже ни къ кому не обращалась. Гилэри было непріятно это пренебреженіе, оказываемое ей, и онъ нѣсколько разъ, проходя мимо, заговаривалъ съ ней. Но на всѣ его замѣчанія и шутки, обращенныя къ ней, она отвѣтила односложно: „да“ или „нѣтъ“, смотря по обстоятельствамъ.

Художественный критикъ, разсм[illegible]вшій картину, замѣтилъ его маневры и улыбнулся. Эта улыбка [illegible] по его круглому, гладко выбритому [illegible] лицу, придавшему [illegible] выраженіе. Изъ другихъ посѣтителей ее замѣтили мистеръ [illegible] и мистеръ Стинт[illegible]. Мистеръ Пюрсей подумалъ: „Не дурненькая [illegible]“ и не спускалъ съ нея глазъ. То, что она была [illegible], придавало ей какую-то особую [illegible],

хотя Пюрсей и не хотѣлъ сознаться въ этомъ даже самъ себѣ.

Само собою разумѣется, что Стонъ иначе отнесся къ ней. Онъ подошелъ къ ней, со свойственною ему неловкостью, какъ будто ничего другого на свѣтѣ не было, кромѣ нея, и сказалъ:

— Вы сами содержите себя? Я приду навѣстить васъ.

Если бъ это сказали ей Пюрсей или художественный критикъ, то, разумѣется, въ ихъ устахъ, такая фраза имѣла бы совсѣмъ другое значеніе, нежели въ устахъ Стона. Сказавъ то, что онъ хотѣль сказать, авторъ книги о „Всеобщемъ братствѣ“ поклонился ей и отошелъ. Всѣ разступились, чтобы дать ему дорогу, когда онъ проходилъ къ двери, и за его спиной, какъ обыкновенно, посыпались замѣчанія: „Какой удивительный старикъ!“—„Вы знаете, онъ купается въ рѣкѣ круглый годъ!“—„Да. Онъ самъ приготовляетъ для себя пищу и самъ убираетъ свою комнату, а остальное время читаетъ какую то книгу“.—„Какой крѣпкій человѣкъ“!..

V.

Начало комедіи.

Художественный критикъ, улыбнувшійся при взглядѣ на маневры Гилэри, въ сущности, какъ и всѣ такіе люди, заслуживалъ скорѣе сожалѣнія, нежели порицанія. Ирландецъ по происхожденію и очень одаренный отъ природы человѣкъ, онъ вступилъ въ жизнь во всеоружіи высокихъ идеаловъ и увѣренности, что онъ можетъ служить имъ. Онъ надѣялся служить искусству и ничѣмъ не запятнать это служеніе. Но, однажды давъ волю своему темпераменту, онъ уже не могъ больше сдерживаться, и мало по малу его идеалы покинули его. Теперь онъ жилъ одиноко, недоступный ни чувству достоинства, ни стыда и услаждалъ себя виски. Онъ былъ озлобленнымъ человѣкомъ, порою доступнымъ состраданію, и когда бывалъ на веселѣ, то былъ всѣмъ доволенъ.

Онъ сытно позавтракалъ передъ тѣмъ, какъ идти къ Біанкѣ, и къ четыремъ часамъ винные пары, заставлявшіе его болѣе веселыми глазами смотрѣть на свѣтъ, уже испарились, и онъ испытывалъ непреодолимое желаніе снова напиться. Настроеніе его сразу испортилось, быть можетъ, подъ вліяніемъ мысли, что эта хорошенькая дѣвушка, маленькая натурщица, могла бы принадлежать ему, а такъ какъ этого не было, то она будетъ принадлежать или уже принадлежитъ кому нибудь другому! Но, можетъ быть, въ немъ снова

заговорило естественное мужское недружелюбное отношеніе къ работѣ женщинъ-художницъ, и это вызвало у него дурное расположеніе духа.

Спустя два дня послѣ этого, въ одной газетѣ появилась слѣдующая замѣтка, безъ всякой подписи: „Мы слышали, что картина „Тѣнь“, принадлежащая кисти Біанки Стонъ, жены писателя Гилэри Даллисона, что далеко не всѣмъ извѣстно, будетъ скоро выставлена въ художественной галлерѣе Бэнкоксъ. Это произведеніе въ высшей степени fin de siècle. Сюжетъ картины не изъ пріятныхъ. Она изображаетъ женщину (вѣроятно, уличную), стоящую у газового фонаря. Въ общемъ картина анемична. Если мистеръ Даллисонъ, находящій этотъ типъ интереснымъ, воплотитъ его въ одной изъ своихъ поэмъ, то мы увѣрены, что результатъ получится не столь безкровный“...

Газета, въ которой были напечатаны эти строки, была принесена Біанкой и показана мужу за завтракомъ. Она смотрѣла на него въ упоръ и видѣла, какъ кровь медленно приливала къ его щекамъ. Ничтожныя обстоятельства въ жизни человѣка очень часто влекутъ за собою важныя послѣдствія.

Супружескія отношенія между Гилэри и его женой сразу измѣнились съ этого момента. До сихъ поръ они были такими же, какъ въ большинствѣ формально соединенныхъ брачныхъ паръ, теперь же съ десяти часовъ вечера, каждый изъ нихъ жилъ уже совершенно отдѣльною жизнью, какъ будто они не находились больше въ одной квартирѣ. И эта перемѣна наступила внезапно, безъ всякихъ разговоровъ, упрековъ или объясненій. Ключъ въ замкѣ былъ повернутъ, и этого было достаточно, хотя это такъ же было только символомъ, позволявшимъ избѣгать словъ, которыя были бы непріятны. Для такого человѣка, какъ Гилэри, довольно было одного намека. Его чрезмѣрная деликатность, щепетальность и способность тотчасъ же замыкаться въ свою раковину, дѣлали излишними всякія объясненія. Оба, впрочемъ, чувствовали, что въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ нѣтъ никакой надобности. Но одного анонимнаго намека, разумѣется, было недостаточно, чтобы порвать бракъ. Въ сущности дѣло заключалось не въ этомъ. Тутъ была уязвлена женская гордость. Душа женщины, чувствующей, что ее перестали любить, кричала о мщеніи.

Однажды утромъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого инцидента, въ кабинетъ Гилэри снова зашла маленькая натурщица, ничего не подозрѣвавшая, и, какъ всегда, стала сообщать ему свои новости, со своей обычной спокойною манерой. Какъ всегда, это были пустяки, и она казалась

безпомощнымъ ребенкомъ, пришедшимъ пожаловаться, что у него болитъ пальчикъ. У нея больше не было никакой работы, она задолжала за недѣлю и не знала, что съ нею будетъ дальше. Мистриссъ Даллисонъ отказала ей, она не понимаетъ за что. Правда, картина кончена, но мистриссъ Даллисонъ говорила ей, что она будетъ рисовать съ нея другую картину...

Гилэри ничего не отвѣтилъ ей.

— Этотъ старый джентльмэнъ, мистеръ... мистеръ Стонъ былъ у нея. Онъ предложилъ приходить къ нему на два часа въ день, съ четырехъ до шести и переписывать его книгу за плату по одному шиллингу въ часъ. Должна ли она принять это предложеніе? Онъ говорилъ, что работы хватитъ на цѣлые годы...

Гилэри стоялъ лицомъ къ камину и смотрѣлъ на огонь. Дѣвушка украдкой поглядѣла на него, но онъ вдругъ повернулся къ ней и посмотрѣлъ на нее въ упоръ. Его взглядъ привелъ ее въ смущеніе. Онъ разсматривалъ ее такимъ критическимъ и вмѣстѣ подозрительнымъ взглядомъ, какимъ имѣлъ обыкновеніе разсматривать рукописи сомнительнаго происхожденія.

— Не думаете ли вы,— сказалъ онъ, наконецъ,—что для васъ было бы, пожалуй, лучше вернуться въ деревню?

Маленькая натурщица съ жаромъ воскликнула:

— О, нѣтъ!

— Почему же нѣтъ? Вѣдь такая жизнь, какую вы ведете, не можетъ быть пріятна.

Дѣвушка снова взглянула на него и угрюмо проговорила:

— Я не могу вернуться туда.

— Отчего? Развѣ съ вами дурно обращались?

Она густо покраснѣла.

— Нѣтъ, но мнѣ не нужно туда возвращаться...

Замѣтивъ по лицу Гилэри, что онъ не станетъ изъ чувства деликатности задавать ей дальнѣйшихъ вопросовъ, она вдругъ улыбнулась и прибавила:—Старый джентльменъ говоритъ, что это дастъ мнѣ возможность быть независимой.

— Хорошо,—сказалъ Гилэри, пожимая плечами,—въ такомъ случаѣ примите его предложеніе.

Она съ благодарностью посмотрѣла на него. Когда она ушла, и Гилэри, поднявъ голову отъ рукописи, которую читалъ, заглянулъ въ садъ, то увидѣлъ, что она стоитъ за изгородью и смотритъ сквозь кусты сирени. Потомъ она вдругъ запрыгала точно ребенокъ, только что выпущенный изъ школы. Гилэри отошелъ отъ окна, взволнованный. Видъ прыгающей дѣвушки былъ точно лучемъ свѣта, освѣтившимъ

UNIV. OF CALIFORNIA

темную улицу, гдѣ проходила жизнь другихъ человѣческихъ существъ. Онъ понялъ все одиночество этого ребенка, очутившагося безъ денегъ и безъ друзей, среди большого города...

Прошло три мѣсяца. Маленькая натурщица приходила ежедневно и переписывала книгу: „Всеобщее братство".

Комната мистера Стона находилась въ нижнемъ этажѣ, и по его требованію ни одна служанка никогда не переступала ея порога. Тотъ, кто пришелъ бы въ домъ между четырьмя и шестью часами, непремѣнно долженъ былъ слышать его голосъ, медленно диктующій слова. Въ пять часовъ диктовка прекращалась, слышался звонъ тарелокъ и чашекъ и голосокъ натурщицы, спокойно, дѣловито и однообразно сообщающей какіе нибудь мелкіе факты своей жизни. Въ свою очередь и мистеръ Стонъ произносилъ фразы, не имѣвшія, однако, никакого отношенія къ тому, что говорила дѣвушка. Однажды дверь осталась открытой, и Гилэри услышалъ слѣдующій разговоръ:

Маленькая натурщица: Мистеръ Кридъ говоритъ, что онъ былъ буфетчикомъ. Носъ у него сталъ очень некрасивый...

Пауза.

Мистеръ Стонъ: Въ наши дни люди поглощены заботами о своей индивидуальности. Ихъ занятія кажутся имъ необычайно важными...

Маленькая натурщица: Мистеръ Кридъ говоритъ, что всѣ его сбереженія поглотила его болѣзнь...

Мистеръ Стонъ: Но это ошибочный взглядъ...

Маленькая натурщица: Мистеръ Кридъ говоритъ, что его постоянно заставляли ходить въ церковь...

Мистеръ Стонъ (странно прерывая ее): Нѣтъ такой церкви, куда бы стоило ходить!

Маленькая натурщица: Но онъ и не ходилъ туда...

Бросивъ бѣглый взглядъ въ открытую дверь, Гилэри увидѣлъ, что маленькая натурщица держитъ своими выпачканными въ чернила пальцами кусокъ хлѣба съ масломъ и уже раскрыла ротъ, собираясь ѣсть. Ея глаза съ любопытствомъ разглядывали Стона, который стоялъ, держа въ своей тонкой, почти прозрачной рукѣ, чашку съ чаемъ, устремивъ взоръ куда то въ пространство...

Однажды, въ апрѣлѣ, мистеръ Стонъ вошелъ въ кабинетъ Гилэри.

— Она не пришла,—сказалъ онъ.

Гилэри положилъ перо, которое держалъ въ рукахъ. Это былъ первый весенній день въ этомъ году.

— Хотите, пойдемъ прогуляться, пока ея нѣтъ?—предложилъ онъ Стону.

— Да,—отвѣчалъ Стонъ.

Они пошли въ Кенсингтонскій садъ. Гилэри шелъ, склонивъ голову, а Стонъ, устремивъ взоры вдаль, слегка теребилъ свою серебристую бороду.

Нарцисы и крокусы уже начали цвѣсти. Почти на каждомъ деревѣ ворковали голуби, а въ кустахъ раздавалось пѣніе черныхъ дроздовъ. По дорожкамъ гуляли дѣти или разъѣзжали въ колясочкахъ... Это было излюбленное мѣсто прогулки, и здѣсь, на приличномъ разстояніи, дѣти богатыхъ родителей могли наблюдать маленькихъ грязныхъ дѣвочекъ, кормящихъ на лугу такихъ же грязныхъ мальчиковъ, своихъ братьевъ, могли прислушиваться къ безостановочной болтовнѣ уличныхъ мальчишекъ, знакомясь, такимъ образомъ уже съ дѣтскихъ лѣтъ, съ проблемой низшихъ классовъ. Привилегированныя дѣти сидѣли или лежали въ своихъ колясочкахъ, размышляя о чемъ то и посасывая каучуковую соску. Впереди такихъ колясочекъ обыкновенно шли собаки, а позади—няньки и кормилицы.

Воздухъ между деревьями казался розовымъ, и небо начинало окрашиваться лучами заходящаго солнца. Это былъ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, которые всегда вызываютъ въ душѣ человѣка какое то неопредѣленное томленіе.

Мистеръ Стонъ и Гилэри повернули въ широкую аллею вязовъ.

— Вязъ!—сказалъ Стонъ.—Неизвѣстно, когда эти деревья приняли свой теперешній видъ. Они имѣютъ одну общую душу... Такъ же, какъ и человѣкъ!

Онъ замолчалъ. Гилэри боязливо оглянулся. Но они были одни.

Стонъ снова возвысилъ голосъ:

— Эти деревья сохраняли свою форму, свое равновѣсіе изъ вѣка въ вѣкъ. Въ этомъ заключается ихъ душа... и ихъ жизнь.—Голосъ его понизился и онъ, повидимому, уже забылъ о своемъ спутникѣ въ эту минуту.— Въ наши дни людямъ, у которыхъ отсутствуютъ общія понятія, слѣдовало бы хорошенько посмотрѣть на эти деревья. Вмѣсто того, чтобы воспитывать дѣтскія души въ различныхъ теоріяхъ будущей жизни, людямъ слѣдовало бы позаботиться объ улучшеніи своего теперешняго образа и такимъ путемъ возвысить свою душу.

— Кажется, вязы всегда считались опасными деревьями,— замѣтилъ Гилэри.

Стонъ обернулся въ его сторону, и словно только что замѣтивъ его, спросилъ:

— Вы со мною говорили, кажется?

— Да, сэръ.

Они сидѣли на скамейкѣ. Стонъ посмотрѣлъ на Гилэри задумчивымъ взглядомъ и сказалъ:

— Не пойти ли намъ погулять?

Они встали и пошли дальше...

Маленькая натурщица сама объяснила Гилэри причину своего отсутствія. Она получила приглашеніе...

— Получили работу?—спросилъ Гилэри.

— Пріятель мистера Фрэнча..

— Да?.. Кто же это?

— Мистеръ Леннаръ, скульпторъ. У него студія въ Чельзи. Онъ пригласилъ меня позировать.

— А!..

Она бросила украдкой взглядъ на Гилэри и потупила голову.

Гилэри повернулся къ окну и, не смотря на нее, спросилъ:

— Вы знаете, что значитъ позировать для скульптора?

Какъ всегда, голосъ маленькой натурщицы звучалъ спокойно и дѣловито.

— Онъ говоритъ, что у меня какъ разъ такая фигура, какая ему нужна,—сказала она.

Гилэри продолжалъ смотрѣть въ окно:

— Я думалъ, что вы не станете позировать для изображеній голаго тѣла?—проговорилъ онъ.

— Я не хочу всегда нуждаться!

Странный тонъ этихъ неожиданныхъ словъ поразилъ его. Онъ поглядѣлъ на дѣвушку. Она стояла передъ нимъ, освѣщенная солнцемъ. Ея всегда блѣдныя щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ, полураскрытыя губы раскраснѣлись, глаза, выглядывавшіе изъ подъ густыхъ, черныхъ рѣсницъ, смотрѣли упрямо, а молодая, упругая грудь дышала прерывисто и тяжело, точно во время быстраго бѣга.

— Не могу же я всю жизнь переписывать книги!

— Чтожъ, прекрасно!..

— О, мистеръ Даллисонъ, я вовсе не это хотѣла сказать... Нѣтъ! Я хочу дѣлать только то, что вы мнѣ скажете!

Гилэри оглядѣлъ ее всю подозрительнымъ, критическимъ взглядомъ, какимъ онъ обыкновенно осматривалъ книгу, когда сомнѣвался, что передъ нимъ подлинное изданіе. Онъ какъ будто спрашивалъ ее: „Что же вы такое, на самомъ дѣлѣ?" Этотъ взглядъ и раньше приводилъ ее въ смущеніе. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Вы должны поступать, какъ хотите. Я никогда никому ничего не совѣтую!

— Но вѣдь вы же не хотите, чтобы я... Я знаю, вы этого не хотите! А если такъ, то и мнѣ будетъ пріятно не дѣлать этого!..

Гилэри усмѣхнулся.

— Вамъ не нравится переписывать для мистера Стона?

Маленькая натурщица сдѣлала гримаску.

— Я люблю мистера Стона... Онъ такой забавный старый господинъ!

— Это общее мнѣніе. Но онъ то самъ находитъ всѣхъ насъ забавными, вы знаете! — сказалъ Гилэри.

Маленькая натурщица слабо улыбнулась. Стоя въ дверяхъ, освѣщенная золотистыми лучами весенняго солнца, она сама казалась въ этотъ моментъ какъ будто юною тѣнью весны, поджидающею, что ей принесетъ грядущій годъ.

Словами: „Я готовъ!“ мистеръ Стонъ, появившись у дверей, прервалъ дальнѣйшій разговоръ.

Несмотря на то, что положеніе этой дѣвушки въ домѣ, такимъ образомъ, упрочилось, все-таки разные мелкіе и незначущіе сами по себѣ факты указывали, что подъ внѣшнимъ дружелюбіемъ семьи и тѣмъ обращеніемъ, которое, по словамъ Гилэри, характеризуетъ всѣхъ, обладающихъ соціальною совѣстью, таились враждебныя чувства.

Однажды Сесилія, придя завтракать къ сестрѣ, бросила вскользь слѣдующее замѣчаніе:

— Дѣйствительно, почеркъ отца совсѣмъ неразборчивъ. Отчего бы ему не обратиться къ переписчицѣ на пищущей машинѣ? Вѣдь онъ бы могъ диктовать ей вмѣсто того, чтобы диктовать этой дѣвчонкѣ. Такъ было бы скорѣе.

Біанка отвѣтила не сразу.

— Быть можетъ, Гилэри знаетъ, отчего отецъ не пользуется пишущей машиной,—сказала она.

— Тебѣ не нравится, что она приходитъ сюда?—спросилъ ее Гилэри.

— Нѣ..ѣтъ, отчего же?

— Мнѣ показалось... по тону твоихъ словъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы она приходила для *этой* цѣли...

— Развѣ же она приходитъ для какой-нибудь другой цѣли?

Сесилія опустила взоръ и торопливо сказала, принимаясь за ѣду:

— Отецъ, въ самомъ дѣлѣ, очень странный человѣкъ...

Въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней Гилэри всегда уходилъ изъ дому, какъ только появлялась маленькая натурщица.

Въ одно майское утро онъ рѣшилъ пойти навѣстить мистриссъ Хюгсъ, о которой такъ много говорили въ его семьѣ и у которой жила эта дѣвушка.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Старое и новое въ эволюціонной теоріи.

Malheureux les gens qui n'ont que des idées claires.

L. Pasteur.

I.

Десница и шуйца ламаркизма.

Начну съ вопроса:

Можно-ли утверждать, что дарвинизмъ является системой вполнѣ законченной, не возбуждающей никакихъ сомнѣній и споровъ? Нѣтъ, утверждать это было-бы больше, чѣмъ странно, ибо никогда, кажется, не писалось такъ много книгъ противъ дарвинизма, какъ за послѣдніе годы. Что-то по истинѣ удивительное творится сейчасъ вокругъ имени Дарвина и его теоріи. Можно подумать, что и самъ Дарвинъ, и его ученіе стали извѣстны міру только вчера; можно подумать, что пятидесятилѣтняя давность существованія книги о «Происхожденіи видовъ» не только ничему не научила, но и привела къ забвенію всего того, что казалось неоспоримымъ. Бьютъ справа—изъ стана подбодренной общимъ шумомъ и пріосанившейся на новый ладъ теологіи; бьютъ слѣва—изъ лагеря искателей «новыхъ путей» и «новыхъ цѣнностей» научнаго творчества. Бьютъ сверху—съ академическихъ высотъ патентованнаго легализированнаго знанія; бьютъ снизу — изъ подваловъ и ночлежекъ вульгарной популяризаціи. Говорятъ, что борьба за существованіе—не фактъ, а плодъ фантазіи самого Дарвина. Отрицаютъ какую бы то ни было творческую роль за естественнымъ подборомъ. Ищутъ и не находятъ, въ чемъ собственно сказывается расхожденіе признаковъ. О половомъ подборѣ упоминаютъ лишь вскользь, какъ о наивной шалости заблудшаго ума. Къ генеалогической классификаціи организмовъ относятся съ большимъ недовѣріемъ. Жалуются на вредъ, причиненный дарвинизмомъ дѣлу свободнаго, не тенденціознаго развитія различныхъ отраслей біологіи и радуются раскрѣпощенію научной мысли, освобожденію ея изъ того плѣна, въ которомъ она пребывала, благодаря дарвинизму,

цѣлыхъ полвѣка—радуются «крушенію дарвинизма» и, упоенные восторгомъ, побѣдно возглашаютъ: Le roi est mort! Vive le roi!—Дарвинизмъ умеръ! Да здраствуетъ ламаркизмъ, де-фризизмъ *), витализмъ, панпсихизмъ и иные прочіе «измы», идущіе якобы на смѣну умершему и погребенному дарвинизму!

Если бъ всѣ эти удары сыпались только со стороны гасителей мысли всѣхъ толковъ, начиная съ «безсмертныхъ» французской Академіи, вродѣ Брюнетьера, и кончая служителями оффиціальной религіи, то съ ними можно было бы и не считаться. Но дѣло въ томъ, что противниками дарвинизма, поющими отходную этому ученію, оказываются многіе признанные авторитеты естествознанія. Не говоря уже о такихъ второразрядныхъ ученыхъ, какъ зоологъ Флейшманъ или ботаники Шода и Франсе, которые третируютъ теорію безсмертнаго англичанина съ поразительною для спеціалистовъ легкостью мысли,—не говоря уже объ этихъ, порою прямо таки неприличныхъ дарвинофобахъ, можно указать цѣлый рядъ ботаниковъ, зоологовъ, эмбріологовъ и геологовъ, заслуживающихъ всяческаго уваженія, которые тѣмъ не менѣе относятся къ дарвинизму съ рѣзкой критикой, а то и съ полнымъ осужденіемъ. Такіе общепризнанные авторитеты, какъ Негели, Эймеръ, Гёбель и Вармингъ, съ самаго начала стали въ оппозицію къ нѣкоторымъ идеямъ Дарвина. Теперь имъ на помощь пришли Дришъ, Паули, Шнейдеръ, Рейнке, Ветштейнъ, Вольфъ, Штейнманъ, отчасти Лёбъ, Де Фризъ, Делажъ, Ле-Дантекъ и другіе.

Странная, однако, иронія судьбы! Всякій разъ, какъ натуралисты отрекаются отъ ученія о борьбѣ, подборѣ и расхожденіи признаковъ, съ цѣлью сказать что нибудь новое о метаморфозѣ живыхъ формъ природы, они невольно возвращаются къ идеямъ Ламарка: Дарвинъ *или* Ламаркъ!—это почти какая-то роковая, неизбѣжная дилемма. И чтобы вы видѣли, насколько такого рода противопоставленія стали обычными, укажу хотя бы на слѣдующія строки изъ книжки Ле Дантека *Les limites du connaissable*, 1903 (Границы познаваемаго): «Энтузіазмъ, вызванный *Происхожденіемъ видовъ*, долгое время мѣшалъ замѣтить, насколько неполны были дарвиновскія толкованія. Однако, въ концѣ концовъ, къ этому все-же пришли и съ изумленіемъ увидѣли, что Ламаркъ заранѣе далъ ключъ къ тому, чего не объяснилъ Дарвинъ. Въ наши дни, благодаря работамъ школы нео-ламаркистовъ, *Философія зоологіи* **) засіяла неожиданнымъ блескомъ.. Принципъ естественнаго подбора, въ томъ видѣ, какъ его примѣнялъ самъ авторъ, на самомъ дѣлѣ не объясняетъ всего, но кажется всеобъясняющимъ, и эта иллюзія, безъ сомнѣнія, сыграла большую роль въ успѣхѣ

*) О новой «мутаціонной» теоріи извѣстнаго ботаника Де-Фриза рѣчь будетъ дальше въ одной изъ слѣдующихъ статей.

**) Рѣчь идетъ о знаменитомъ трудѣ Ламарка Philosophie zoologique. 1809.

книги Дарвина... *Принципы-же Ламарка даютъ намъ возможность объяснить полностью и научно образованіе живыхъ существъ»*. Эти слова являются наиболѣе скромною формою антитезы «Дарвинъ—Ламаркъ». Но принимая ихъ полностью, можно подумать, что дѣло, пожалуй, легко могло бы обойтись и безъ Дарвина.

Чѣмъ, однако, объяснить это топтаніе въ какомъ-то заколдованномъ кругу? При чемъ тутъ антитеза? Быть можетъ, Дарвинъ и Ламаркъ не такъ ужъ противорѣчатъ другъ другу, и есть возможность примирить этихъ quasi-антиподовъ ? Быть можетъ, недочеты дарвинизма покрываются *десницей* ламаркизма, и, отдавая должное послѣдней, намъ нѣтъ никакой необходимости закрывать глаза на *шуйцу* ламаркизма? Посмотримъ.

Предъ умственнымъ взоромъ обоихъ великихъ натуралистовъ, какъ французскаго, такъ и англійскаго, стояли три основныхъ проблемы біологіи. Надо было объяснить, во-первыхъ, *возникновеніе приспособленій*; во-вторыхъ, *происхожденіе видовъ*; въ-третьихъ, *прогрессъ жизни*,—т. е. постепенное усложненіе, усовершенствованіе живыхъ существъ на землѣ. И Ламаркъ, и Дарвинъ дали посильный отвѣтъ на всѣ эти три вопроса.

Остановимся сперва на вопросѣ о «цѣлесообразномъ» въ живой природѣ, о приспособленіяхъ.

«Цѣлесообразность» въ строеніи и дѣятельности есть основная особенность именно живыхъ существъ. Первый появившійся на землѣ организмъ былъ уже до извѣстной степени воплощеніемъ «цѣлесообразности»: иначе онъ не былъ бы *живымъ* организмомъ. Понимать это нужно въ томъ смыслѣ, что онъ обладалъ всѣми основными первичными свойствами *живого вещества*: способностью дышать, ассимилировать, расти, размножаться, такъ или иначе реагировать на внѣшнія раздраженія. Эти основныя свойства организма есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *первичныя приспособленія* къ жизни: безъ нихъ жизнь немыслима. Они положили начало всѣмъ остальнымъ приспособленіямъ, которыя, въ отличіе отъ первыхъ, мы назовемъ *вторичными*, производными *приспособленіями*. А чтобы вы поняли яснѣе мою мысль, укажу на слѣдующее: дыханіе есть первичное приспособленіе всякаго организма къ жизни; но у различныхъ организмовъ, въ связи съ условіями ихъ существованія, это первичное приспособленіе реализуется различными путями, при помощи разнообразныхъ органовъ дыханія, весьма разнообразно функціонирующихъ. Вотъ это то разнообразіе формъ одной и той же функціи, осуществляемой при помощи различныхъ органовъ, и называемъ мы вторичными, производными приспособленіями.

Итакъ, у всякаго живого существа имѣются двоякаго рода приспособленія: первичныя и вторичныя.

Теперь спрашивается, что можетъ сказать дарвинизмъ о возникновеніи первичныхъ приспособленій? *Ничего: онъ принимаетъ*

ихъ, какъ нѣчто данное, онъ исходитъ изъ нихъ во всѣхъ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, онъ считаетъ ихъ стоящими внѣ рамокъ своей компетенціи, и все вниманіе свое сосредоточиваетъ на вопросѣ о вторичныхъ приспособленіяхъ. Тутъ его сфера, тутъ онъ чувствуетъ себя хозяиномъ и если не все, то очень многое объясняетъ, исходя изъ такихъ общихъ положеній, какъ борьба за существованіе, подборъ и расхожденіе признаковъ.

Ламаркъ на вопросъ о происхожденіи первичныхъ приспособленій также не отвѣчаетъ ничего, если не считать двухъ-трехъ голыхъ утвержденій, которыя тѣмъ не менѣе послужили, какъ увидимъ дальше, импульсомъ къ возникновенію особой школы ламаркистовъ, думающихъ, что они постигли то, чего не постигъ Дарвинъ.

Ламаркъ, какъ и Дарвинъ, занятъ главнымъ образомъ вопросомъ о происхожденіи вторичныхъ приспособленій.

Но онъ, какъ извѣстно, ни о борьбѣ за существованіе, ни о подборѣ, ни о расхожденіи признаковъ даже не заикался: онъ настаивалъ на трансформирующемъ вліяніи среды, на роли новыхъ потребностей, создаваемыхъ измѣнившимися условіями жизни, и новыхъ привычекъ, ведущихъ, путемъ упражненія и неупражненія, къ возникновенію однихъ и исчезновенію другихъ приспособленій.

Кто же правъ — Дарвинъ или Ламаркъ? Оба — и правы, и не правы: правы постольку, поскольку въ вопросѣ о приспособленіяхъ имѣютъ значеніе и дарвиновскіе, и ламарковскіе принципы; не правы — хотя и не по собственной винѣ, а по винѣ своихъ послѣдователей — постольку, поскольку дарвинизмъ и ламаркизмъ являются не исключающими, а дополняющими другъ друга ученіями.

Отдавая должное принципу Ламарка, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что при помощи его нельзя объяснить *всего*, какъ нельзя сдѣлать этого и при помощи принциповъ дарвинизма.

Когда идетъ рѣчь о такихъ *активныхъ* приспособленіяхъ, какъ, напримѣръ, органы передвиженія, летанія, плаванія, хватанія и т. д., то ясное дѣло, что принципъ «упражненія—неупражненія» прекрасно объясняетъ измѣненіе этихъ органовъ въ ту или иную сторону. Но какъ, спрашивается, «упражненіе—неупражненіе» можетъ видоизмѣнить тѣ или иныя *пассивныя* приспособленія? Вотъ цѣлая коллекція животныхъ, окрашенныхъ покровительственно, примѣнительно къ цвѣту окружающихъ ихъ луговъ, песковъ, земляныхъ кочекъ; вотъ другая группа животныхъ съ какими-либо распознавательными отмѣтинами на тѣлѣ; вотъ не менѣе многочисленная группа имитирующихъ организмовъ. И т. д., и т. д. Какое ко всему этому имѣетъ отношеніе принципъ «упражненія—неупражненія», когда тутъ и упражнять то нечего? А между тѣмъ это приспособленія великолѣпныя, рѣдкія по совершенству при-

способленія. И, само собой разумѣется, что ламарковскій принципъ тутъ рѣшительно не при чемъ: ихъ объяснить онъ не въ силахъ.

Скажу больше: существуютъ даже среди активныхъ приспособленій такія, происхожденія которыхъ никакой ламаркистъ объяснить на основаніи принципа «упражненіе—неупражненіе» не сумѣетъ. Какимъ это образомъ, напримѣръ, обыкновенный зубъ змѣи могъ путемъ упражненія преобразиться въ зубъ ядовитый, надѣленный каналомъ, по которому спускается ядъ? Или—другой примѣръ: если, скажемъ, длинный, шилообразный зубъ нарвала развился, благодаря упражненію, то почему же только онъ одинъ пріобрѣлъ такую непомѣрную длину, а другой, сидящій тутъ же, по сосѣдству, остался неразвитымъ?

Возьмемъ, наконецъ, громадный, покрытый густою шерстью хвостъ муравьѣда. Хвостъ—приспособленіе активное, и мы отлично знаемъ, что многія животныя, упражняя его, придаютъ ему и силу, и подвижность большую, и ловкость. Но какія же это атлетическія упражненія долженъ былъ пускать въ ходъ муравьѣдъ, чтобы такъ чрезмѣрно развить свой хвостъ? И для чего ему такія упражненія понадобились бы? И какимъ это образомъ упражненіе выгнало на хвостъ муравьѣда густую, длинную-предлинную шерсть (Платэ *)?

Нѣтъ, нужно быть потерявшимъ всякое чувство мѣры фанатикомъ ламаркизма, чтобы отважиться объяснять происхожденіе только что перечисленныхъ активныхъ приспособленій при помощи принципа «упражненіе—неупражненіе».

Пойдемъ, однако, дальше. Путемъ «упражненія—неупражненія» можно *видоизмѣнить*—поднять на высшую ступень развитія или, наоборотъ, свести на нѣтъ—какой-либо изъ *существующихъ* органовъ.

Ну, а какъ же быть съ органами, *заново* образующимися? Вѣдь на пустомъ мѣстѣ ихъ не выгонишь и не уничтожишь. А потомъ: нельзя же упражнять или не упражнять то, чего еще нѣтъ? Это вполнѣ законченное возвраженіе прекрасно предвидѣлъ самъ Ламаркъ, и потому категорически утверждалъ, что для удовлетворенія *новыхъ* потребностей животное можетъ не только видоизмѣнить какой-либо изъ своихъ старыхъ органовъ, но и создать органъ совершенно новый. Формулируя во «Введеніи къ естественной исторіи безпозвоночныхъ животныхъ» свой второй изъ четырехъ основныхъ законовъ органическаго міра, онъ пишетъ: *„Возникновеніе новаго органа въ тѣлѣ животнаго обусловливается вновь появившейся потребностью, которая постоянно даетъ о себѣ чувствовать, и новымъ движеніемъ, которое эта потребность рождаетъ и поддерживаетъ“* **).

---

*) *Plate.* Selectionsprincip und Probleme der Artbildung. 3 Aufl. 1908.

**) *Lamarck.* Histoire naturelle des animaux sans vertèbres. 1815—1822.

Иначе говоря: новыя условія жизни порождаютъ въ животномъ новую потребность, а постоянное ощущеніе этой новой потребности вызываетъ *стремленіе* удовлетворить ее—стремленіе, которое измѣняетъ въ опредѣленномъ направленіи физіологическую работу организма и такимъ образомъ служитъ причиной образованія новаго органа.

Вы ясно видите, что Ламаркъ говоритъ тутъ ужъ нѣчто совсѣмъ иное: принципъ «упражненіе — неупражненіе», такой простой и ясный, когда дѣло идетъ о прогрессивномъ или регрессивномъ измѣненіи какого-либо изъ уже имѣющихся у животнаго органовъ, заволакивается густымъ туманомъ неясностей, разъ только рѣчь заходитъ о происхожденіи *новаго* органа. Это ужъ не одинъ и тотъ же «принципъ», а цѣлыхъ два «принципа», и притомъ различнаго характера и далеко не одинаковой научной цѣнности!

Въ одномъ случаѣ онъ дѣйствуетъ по схемѣ:

Измѣнившіяся условія жизни—измѣнившіяся потребности — удовлетвореніе этихъ потребностей путемъ упражненія фактически существующихъ органовъ.

Въ другомъ случаѣ въ схему эту вводятся совершенно новые и весьма проблематичные элементы, благодаря которымъ сама схема теряетъ значеніе научнаго вывода. Ее можно выразить такъ:

Новыя условія жизни—новыя потребности, непрерывно дающія о себѣ чувствовать — стремленіе удовлетворить ихъ — соотвѣтственно измѣненная физіологическая работа—новый органъ.

«Упражненіе или неупражненіе» *уже* существующаго органа можно разсматривать, какъ безсознательную или сознательную, но во всякомъ случаѣ вполнѣ естественную реакцію на внѣшнія раздраженія: это—область физіологіи, или, если хотите, психофизіологіи. Но вотъ, положимъ, передъ нами животное, лишенное какихъ бы то ни было зачатковъ органа зрѣнія, или органа слуха, или даже, наконецъ, органа обонянія.

Спрашивается: какимъ это образомъ такое животное можетъ ощущать—да еще «непрерывно»—*новыя*, т. е. въ данномъ случаѣ зрительныя, слуховыя или обонятельныя раздраженія, не имѣя для воспріятія этихъ раздраженій соотвѣтствующихъ органовъ? Какимъ образомъ можетъ оно «стремиться удовлетворить» *еще не ощущаемую* потребность, ибо вѣдь стремленіе удовлетворить новую потребность *предполагаетъ ощущеніе этой потребности, а ощущеніе потребности въ органахъ*, воспринимающихъ зрительныя, слуховыя и обонятельныя раздраженія, *не мыслимо безъ какого-либо аппарата, доводящаго до сознанія животнаго наличность такихъ раздраженій?* Какимъ образомъ, наконецъ, «стремленіе создать новый органъ» можетъ на самомъ дѣлѣ породить его? Это цѣлый клубокъ загадокъ, это поистинѣ какая то мистерія, это все, что хотите, только не строго обоснованный выводъ положитель-

наго знанія. И мы дальше увидимъ, къ какимъ плачевнымъ послѣдствіямъ приводитъ слишкомъ ужъ неразборчивое отношеніе нѣкоторыхъ ламаркистовъ къ наслѣдству, оставленному ихъ безспорно великимъ учителемъ.

Такимъ образомъ, двойственный характеръ ламарковскаго принципа не подлежитъ никакому сомнѣнію, и эта двойственность проглядываетъ во всемъ ученіи Ламарка, что невыгодно отличаетъ его отъ ученія Дарвина, проникнутаго строгимъ единствомъ.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о приспособленіяхъ въ царствѣ растеній. Ясное дѣло, что ни о какомъ *активномъ* «упражненіи — неупражненіи» старыхъ органовъ и тѣмъ болѣе «стремленіи» создать новые органы здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Отсюда слѣдуетъ, что основной принципъ Ламарка къ представителямъ растительнаго міра не приложимъ. Ламаркъ это, разумѣется, признавалъ и потому ученіе свое окрестилъ именемъ «Philosophie *zoologique*», подчеркнувши тѣмъ самымъ, что предметомъ его «философіи» является царство *животныхъ*. Значитъ ли, однако, что міръ растеній его вовсе не интересовалъ? Разумѣется — нѣтъ. Но для рѣшенія вопроса о трансформизмѣ растеній онъ прибѣгъ къ нѣсколько иному толкованію, которое, надо правду сказать, развилъ и обосновалъ лишь мимоходомъ, весьма поверхностно *). И удивительное дѣло! Ботаники почему то особенно тяготѣютъ къ ламаркизму. Какъ же *они* объясняютъ «цѣлесообразное» въ строеніи и дѣятельности растеній? Какъ, по ихъ мнѣнію, создались всевозможныя приспособленія у растеній? *Подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій*—отвѣчаютъ ламаркисты «Заранѣе предупреждаю, писалъ еще Негели, что воздѣйствіе среды я понимаю *не въ дарвиновскомъ смыслѣ* не въ смыслѣ дѣйствія путемъ конкуренціи и отбора, а какъ *непосредственное* вліяніе на организмы» (*Naegeli*. Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre. 1884).

То же, но гораздо опредѣленнѣе, утверждаетъ и Вармингъ. Въ извѣстной книгѣ его «Lehrbuch der ökologischen Pflanzengeographie» чернымъ по бѣлому напечатано буквально слѣдующее: «Авторъ этой книги допускаетъ, что растенія обладаютъ особенною, врожденною силой или способностью непосредственно приспособляться къ данной средѣ, т. е. цѣлесообразно (auf eine für

---

*) «У растеній, гдѣ вовсе нѣтъ дѣйствій и, слѣдовательно, нѣтъ привычекъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова—пишетъ Ламаркъ—большія перемѣны въ окружающихъ условіяхъ вызываютъ не менѣе крупныя различія въ развитіи ихъ частей... Но здѣсь все происходитъ, благодаря перемѣнамъ въ питаніи растеній, въ поглощеніи пищевыхъ веществъ и въ процессѣ испаренія, благодаря перемѣнамъ въ количествѣ обычно получаемаго растеніемъ тепла, свѣта, воздуха и влаги, благодаря, наконецъ, тому преимуществу, которое выпадаетъ на долю одного жизненнаго процесса по сравненію съ другими». *Lamarck* Philosophie soologique.

das Leben nützliche Weise) видоизмѣняться въ соотвѣтствіи съ новыми внѣшними условіями существованія».

Мнѣ, надѣюсь, нѣтъ надобности долго останавливаться на коренной ошибкѣ только что приведенной мысли ламаркистовъ, въ которой до извѣстной степени повиненъ самъ Ламаркъ, и которую можно короче всего формулировать словами: организмы построены цѣлесообразно, потому что... обладаютъ врожденной способностью быть таковыми. Или: опій дѣйствуетъ усыпляюще, потому что таитъ въ себѣ особенное усыпляющее начало—«virtus dormitiva». То, что представляетъ собою самую проблему, выдается за рѣшеніе ея. Что нужно еще объяснить, принимается за объясняющую причину.

Зная, однако, въ чемъ тутъ ошибка, мы не должны упускать изъ виду и ту долю правды, которая кроется въ ученіи о непосредственномъ возникновеніи приспособленій.

Одарены ли организмы способностью всегда цѣлесообразно реагировать на внѣшнее вліяніе и такимъ образомъ приспособляться къ средѣ—этого мы не видимъ и не знаемъ. Но что организмы *вообще* реагируютъ на внѣшнія раздраженія и *видоизмѣняются* подъ вліяніемъ «среды», это—основной фактъ жизни, съ которымъ больше всего считается дарвинизмъ, и установленію котораго не мало способствовали такіе ламаркисты, какъ Вармингъ. Считаясь съ этимъ фактомъ, какъ съ фономъ, на которомъ подборъ выводитъ свои многоцвѣтные узоры, дарвинистъ можетъ въ то же время свободно допустить, что иногда, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ—когда, напримѣръ, какая либо *группа организмовъ находится на протяженіи цѣлыхъ поколѣній подъ систематическимъ воздѣйствіемъ одного и того же новаго раздраженія*—приспособленіе можетъ развиться и независимо отъ подбора, непосредственно. Эта уступка ламаркизму, которую дѣлаетъ, между прочимъ, самъ Дарвинъ *), ни на іоту не умаляетъ силы дарвинизма, ибо если гдѣ-либо что дѣлается, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, и помимо подбора, то подбору тамъ нѣтъ мѣста; развѣ надо будетъ поддержать слабые ростки *случайно*-цѣлесообразнаго, укрѣпить ихъ и поднять на достодолжную высоту,—ну, тогда онъ, конечно, не откажется отъ исполненія своихъ профессіональныхъ обязанностей. Оставляя, въ видѣ рѣдкаго исключенія, право жизни за «непосредственнымъ приспособленіемъ», подборъ избираетъ себѣ лучшую долю: дѣйствовать, какъ общее правило.

Таковы позиціи и взаимоотношенія дарвинизма и ламаркизма въ вопросѣ о приспособленіяхъ, о «цѣлесообразномъ» въ живой природѣ.

Посмотримъ теперь, что говорятъ теоріи Дарвина и Ламарка

*) «Происхожденіе видовъ».

въ отвѣтъ на вторую изъ основныхъ проблемъ біологіи, какъ понимаютъ онѣ проблему *происхожденія видовъ*..

Когда сравниваешь ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ съ ученіемъ Ламарка, то первымъ дѣломъ бросается въ глаза слѣдующее, видимо существенное различіе между ними:

У Ламарка *одинъ видъ непосредственно*, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій, потребностей, привычекъ и т. д., *переходитъ, превращается въ другой*. У Дарвина *новые виды*, подъ вліяніемъ борьбы, подбора и дивергенціи, *развиваются, происходятъ изъ старыхъ*. У перваго *старые виды продолжаютъ существовать въ своихъ преобразованныхъ потомкахъ*; у второго *старые виды вымираютъ*, уступая мѣсто видамъ новымъ. У перваго *процессъ преобразованія идетъ*, такъ сказать, *прямолинейно*; у послѣдняго *процессъ этотъ можно уподобить послѣдовательно вѣтвящемуся стволу*. Наконецъ, Ламаркъ исходнымъ пунктомъ образованія новыхъ видовъ считалъ *одновременное измѣненіе въ опредѣленномъ направленіи* большинства или даже *всѣхъ представителей* данной группы организмовъ; для Дарвина же *исходнымъ пунктомъ* возникновенія новыхъ видовъ являлась *индивидуальная измѣнчивость немногихъ членовъ* данной группы организмовъ—измѣнчивость, въ разныхъ *направленіяхъ* и при томъ *въ различной степени* выраженная.

Повторяю: это различіе во мнѣніяхъ Дарвина и Ламарка кажется, на первый взглядъ, непримиримымъ. Но, думается мнѣ, только на первый взглядъ: здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, врядъ ли приходится говорить—*или* Дарвинъ, *или* Ламаркъ, ибо можно сказать: *и* Дарвинъ, *и* Ламаркъ, съ извѣстными ограниченіями, конечно.

Существуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, такая значительная разница между *превращеніемъ* и *происхожденіемъ* видовъ? Новые виды *происходятъ*, несомнѣнно, *путемъ* постепеннаго *превращенія* наиболѣе приспособленныхъ представителей стараго вида къ измѣнившимся условіямъ. Этого не станетъ отрицать ни одинъ дарвинистъ.

Затѣмъ. Въ утвержденіи, что старые виды продолжаютъ существовать въ своемъ превращенномъ потомствѣ, есть, безъ сомнѣнія, преувеличеніе: продолжаютъ существовать не виды, какъ таковые, а лишь тѣ изъ видоизмѣненныхъ потомковъ ихъ, которые оказались наиболѣе приспособленными къ новому modus'у vivendi. Съ другой стороны, въ такой же мѣрѣ односторонне утверждать, что старые виды вымираютъ; вымираетъ часто не видъ, а лишь тѣ представители его, которые оказались наименѣе приспособленными къ видоизмѣнившимися условіямъ среды.

Наконецъ, Ламаркъ не дооцѣнилъ той громадной роли, которую въ дѣлѣ преобразованія старыхъ или возникновенія новыхъ видовъ играетъ индивидуальная измѣнчивость, сказывающаяся въ

различной степени и въ разныхъ направленіяхъ. Потому то онъ и не обратилъ должнаго вниманія на такой громадной важности процессъ, какъ расхожденіе въ признакахъ, какъ одновременное возникновеніе нѣсколькихъ новыхъ видовъ изъ одного, по типу послѣдовательно вѣтвящагося ствола. Дарвинъ, въ свою очередь, недооцѣнилъ той роли, которую въ процессѣ происхожденія новыхъ видовъ играетъ такое крупное явленіе, какъ одновременное измѣніе большинства или даже всѣхъ представителей даннаго вида — измѣненіе болѣе или менѣе одинаковое и совершающееся подъ вліяніемъ однородныхъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствующихъ условій. Потому то онъ и не обратилъ надлежащаго вниманія на тѣ случаи, когда образованіе новыхъ видовъ идетъ прямолинейно, а не по типу послѣдовательно вѣтвящагося дерева.

Что же касается того пункта ученій Дарвина и Ламарка, гдѣ у одного происхожденіе и превращеніе видовъ обусловливается вліяніемъ измѣнившихся условій, потребностей, привычекъ и т. д., а у другого—вліяніемъ борьбы и подбора, то при внимательномъ отношеніи къ дѣлу придется признать, что въ большинствѣ случаевъ эти якобы взаимно исключающія «причины» органическаго процесса на самомъ дѣлѣ являются сотрудниками въ общемъ дѣлѣ.

Вотъ все, что можно сказать по вопросу о происхожденіи видовъ, поскольку есть хотя бы незначительные мотивы отдѣлять его отъ вопроса о происхожденіи приспособленій. Теперь обратимся къ третьей и послѣдней изъ выставленныхъ нами выше основныхъ проблемъ біологіи—къ вопросу о *прогрессѣ* жизни.

Тутъ ужъ различіе во взглядахъ Ламарка и Дарвина, дѣйствительно, весьма существенно.

Для Дарвина такой отдѣльной проблемы какъ вопросъ объ условіяхъ (по старой терминологіи—«о причинахъ») органическаго *прогресса* (именно *прогресса*, а не *процесса*) не существовало: *у него эта проблема сливалась съ проблемой происхожденія видовъ.* Онъ, хотя и констатировалъ двойственный, прогрессивно-регрессивный характеръ естественнаго подбора, но не учелъ его въ должной мѣрѣ; онъ не оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, того факта, что въ процессѣ борьбы интересы индивида часто приносятся въ жертву интересамъ вида, и что дальнѣйшее существованіе этого послѣдняго нерѣдко покупается цѣною упрощенія организаціи и дѣятельности составляющихъ его недѣлимыхъ, т. е., иначе говоря, цѣною *пониженія въ развитіи всего вида, какъ цѣлаго.* Только такимъ печальнымъ недосмотромъ и можно объяснить себѣ существованіе въ классической книгѣ Дарвина слѣдующей классической по своему оптимизму фразы: «Такъ изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти *прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе*, которое мы можемъ себѣ представить—*возникновеніе высшихъ формъ жизни*».

Ламаркъ, напротивъ, прекрасно понялъ, что его «принципъ»—упражненіе-неупражненіе—самъ по себѣ къ прогрессу не поведетъ:

вѣдь весь вопросъ тутъ зависитъ отъ того, что упражняется и что не упражняется; а это, въ свою очередь, обусловливается тѣми требованіями, которыя предъявляются измѣнившимися условіями существованія; требованія же эти могутъ быть удовлетворены измѣненіемъ какъ въ сторону прогресса, такъ и въ сторону регресса—смотря, говорю я, по обстоятельствамъ времени и мѣста. И вотъ, учитывая совершенно правильно недостаточность своего «принципа», въ качествѣ «фактора эволюціи», Ламаркъ выдвинулъ новый «принципъ» и вновь ударился въ дуализмъ.

Два начала управляютъ ходомъ жизни, говоритъ Ламаркъ: это во-первыхъ, жизненная сила (pouvoir de la vie), которая все время стремится усовершенствовать организацію живыхъ существъ—породить новые спеціальные органы и увеличить ихъ число, такъ же, какъ число способностей, и постепенно развить ихъ; и, во-вторыхъ,—сила случайная и видоизмѣняющая (cause accidentelle et modifiante), продуктомъ которой являются различныя отклоненія въ результатахъ дѣятельности жизненной силы, но которая, тѣмъ не менѣе, не въ состояніи побороть эту послѣднюю.

Весь органическій процессъ, заявляетъ Ламаркъ въ другомъ мѣстѣ своего «Введенія къ естественной исторіи безпозвоночныхъ животныхъ», обусловливается и регулируется двумя причинами: «жизненной силой, ведущей къ все наростающему усложненію организаціи, т. е. къ прогрессу, и силой видоизмѣняющей, ведущей къ перерывамъ и къ различнымъ неправильнымъ уклоненіямъ въ результатахъ дѣятельности жизненной силы».

Итакъ ясно: прогрессъ жизни, т. е. постепенное, изъ вѣка въ вѣкъ наростающее усовершенствованіе организмовъ, обусловливается, по Ламарку, не «причинами измѣнчивости», а особенною «силой», неуклонно толкающей жизнь впередъ, къ болѣе сложнымъ и развитымъ формамъ.

Жизнь совершенствовалась, *благодаря* видоизмѣняющему дѣйствію борьбы и подбора—говоритъ Дарвинъ.

Жизнь совершенствовалась, *несмотря* на видоизмѣняющее дѣйствіе «упражненія-неупражненія», опредѣляемаго вліяніемъ внѣшнихъ условій—заявляетъ Ламаркъ.

Это, конечно, два діаметрально противоположныхъ утвержденія, которыя никакими натяжками ужъ не примиришь.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ только что сдѣланной параллели «Дарвинъ-Ламаркъ».

Въ прошломъ (1909) году исполнилось *пятьдесятъ* лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ безсмертнаго сочиненія Дарвина—«Происхожденіе видовъ».

Въ прошломъ же году, по какому-то странному капризу историческихъ судебъ, исполнилось *сто* лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ безсмертнаго сочиненія Ламарка—«Philosophie Zoologique». Франція поставила памятникъ Ламарку въ парижскомъ «Jardin

des plantes». Открытіе памятника (14 (1) іюня) происходило съ обычною для такого рода торжествъ помпой. Говорились рѣчи. Но среди нихъ одна выдѣлялась своею рѣдкою искренностью, красотой и, главное, глубиной. Это рѣчь извѣстнаго французскаго зоолога, Делажа—человѣка, который и къ дарвинизму относится не совсѣмъ одобрительно, и въ ламаркизмѣ признаетъ рядъ крупныхъ недочетовъ—рѣчь, изъ которой мнѣ хочется привести нѣсколько отрывковъ.

«Ламаркъ! Дарвинъ!—такъ началъ свое «похвальное» слово Делажъ.

«Изъ этихъ двухъ людей сдѣлали два термина какой-то антитезы. Стоятъ или за того, или за другого. Высказаться за перваго—значитъ объявить себя противъ второго. Ихъ противопоставляютъ другъ другу; ихъ сравниваютъ, точно двухъ атлетовъ на аренѣ олимпійскихъ игръ, чтобы рѣшить, кому отдать пальму первенства...

«Было бы справедливѣе видѣть въ нихъ двухъ борцовъ за одно и то же дѣло, сражавшихся во имя торжества одной и той же идеи въ которой ихъ собственныя наблюденія занимаютъ самое большое мѣсто...

«Дарвинъ не создалъ самой идеи трансформизма, но онъ ее точно формулировалъ, обработалъ, поддержалъ громаднѣйшимъ числомъ документальныхъ данныхъ, среди которыхъ его собственныя наблюденія занимаютъ самое большое мѣсто...

«Безъ него идея трансформизма *) имѣла бы за себя, конечно, лишь небольшой кругъ избранныхъ ученыхъ. Благодаря ему, всѣ противодѣйствія побѣждены—нѣтъ больше непокорныхъ.

«Битва между трансформистами и нетрансформистами кончена. Борьба идетъ еще лишь между нео-ламаркистами и нео-дарвинистами—и пусть эти различія не заставляютъ насъ забывать о согласіи въ основныхъ идеяхъ.

«Если бъ Ламаркъ сейчасъ былъ живъ, то онъ, быть можетъ, принялъ бы дарвиновское толкованіе трансформизма, и это нисколько не умалило бы величія его роли.

«Надъ спорами между трансформистами возвышается самая идея трансформизма. Эта идея—созданіе Ламарка, и она такъ велика, что затѣняетъ все остальное.

«Данное Ламаркомъ рѣшеніе проблемы трансформизма не заключаетъ въ себѣ всей истины. То же надо сказать и о рѣшеніи, данномъ Дарвиномъ. Были предложены и другія объясненія; будутъ предложены еще и впредь—придетъ часъ ихъ славы и, безъ сомнѣнія, заката. Но частица каждаго изъ нихъ останется жить, и изъ этихъ частицъ создастся полная истина.

*) У Делажа „l'idée lamarckienne"; но по смыслу всей рѣчи ясно, что онъ имѣетъ въ виду именно идею трансформизма.

«Что значатъ эти преходящіе эпизоды, эти колебанія и споры?

«Надо всѣми ними паритъ, не угасая, великая идея Ламарка, подымается, покрытая безсмертіемъ, великая фигура Дарвина.

«Перестанемъ же противопоставлять другъ другу этихъ двухъ геніевъ!

«Перестанемъ умалять достоинство этихъ двухъ колоссовъ, заставляя ихъ становиться подъ мѣрку!

«Развѣ Ламаркъ не достаточно великъ самъ по себѣ, и развѣ есть нужда, въ цѣляхъ еще большаго величія, склонять передъ его статуей тѣхъ, чьи имена въ исторіи біологіи достойны стоять подлѣ имени Ламарка?

«Оставимъ каждому его славу»!..

Laissons à chacun sa gloire!.. Да, оставимъ. Но пусть заслуженная слава этихъ колоссовъ не заслоняетъ отъ насъ недочетовъ, кроющихся въ созданныхъ ими теоріяхъ. Раздѣляя все, что сказалъ Делажъ о Ламаркѣ, будемъ твердо помнить о существованіи не только десницы, но и шуйцы ламаркизма. Идея трансформизма, вліяніе внѣшнихъ условій на организацію, роль упражненія-неупражненія въ дѣлѣ преобразованія живыхъ формъ природы и, наконецъ, констатированіе самаго факта органическаго прогресса, это—десница ламаркизма. А указаніе на «стремленіе» удовлетворить вновь зародившіяся потребности, какъ на причину, создающую новые органы, и признаніе за живыми существами какой-то врожденной тенденціи къ постепенному совершенствованію это — уже его шуйца.

И тѣмъ не менѣе, какъ это обыкновенно случается со всяческаго рода «учениками», нео-ламаркисты, если и не всѣ, то большая часть ихъ, облюбовали именно шуйцу ламаркизма. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны представители такъ называемаго *виталистическаго* и *психологическаго ламаркизма*, среди которыхъ на самомъ видномъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно, поставить Паули и Франсе.

Не имѣя возможности долго останавливаться на разборѣ идей Паули и Франсе, мы все же коснемся ихъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, въ виду того значенія, которое придаютъ этимъ идеямъ противники дарвинизма—и самостоятельно разбиравшіеся въ теоріи Дарвина, и по наслышкѣ, но съ легкимъ сердцемъ объявляющіе на всѣхъ перекресткахъ о «крушеніи» этой теоріи.

Помнится, Фехнеръ, разбирая теорію Дарвина, приводитъ, между прочимъ, для доказательства ея несостоятельности, слѣдующій примѣръ:

«Пѣтухъ надѣленъ шпорами на ногахъ, ошейникомъ изъ перьевъ и высокимъ краснымъ гребешкомъ.

«Первыя двѣ особенности его объясняются по принципу борьбы за существованіе тѣмъ, что пѣтухи, у которыхъ признаки эти развились случайно, имѣли, благодаря шпорамъ, нѣкоторое преиму-

щество въ борьбѣ съ противниками, а ошейникомъ были защищены отъ пораненій, и потому оставались побѣдителями на полѣ битвы. Но безпорно, долго нужно было бы ждать наступленія подобныхъ случайностей, и если вспомнить, что и для всѣхъ другихъ животныхъ надо предположить цѣлый рядъ подобныхъ же случайностей, чтобы объяснить возникновеніе ихъ цѣлесообразнаго строенія, то голова закружится отъ этихъ представленій. Мнѣ гораздо легче представить себѣ, что *психическое стремленіе* донять противника въ борьбѣ, стремленіе защищаться отъ его нападеній, и тотъ гнѣвъ, противъ него, которые и теперь заставляютъ пускать въ ходъ шпоры, оттопыривать ошейникъ и распрямлять гребешокъ, если не выращивали этихъ частей у взрослыхъ пѣтуховъ соотвѣтствующими измѣненіями образовательныхъ процессовъ, то вносили задатки этихъ органовъ въ зародыши, а слѣдовательно—и въ новое поколѣніе пѣтуховъ» *).

Это образчикъ вульгарной полемики съ дарвинизмомъ, но это въ то же время—великолѣпная прелюдія къ нео-ламаркизму психологическаго толка, мечтающаго повергнуть къ стопамъ своимъ весь, не околдованный еще разрывъ-травою Дарвина, ученый міръ.

Въ чемъ же суть «психологическаго» ламаркизма? Пусть отвѣтятъ на это Паули и Франсе. Замѣчу, между прочимъ, что въ этомъ дуэтѣ первую скрипку играетъ Паули; Франсе же, несмотря на всю его самоувѣренность, фатовскую развязность и многочисленныя ссылки на собственные труды, исполняетъ роль вторы, подголоска.

Паули и Франсе утверждаютъ, что, согласно общепринятому въ біологіи взгляду, организмъ относится къ внѣшней средѣ *пассивно*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ отличительною особенностью его служитъ именно *активность*; что дарвинизмъ, говоря о причинахъ, ведущихъ къ измѣненію и развитію живыхъ существъ, всегда имѣетъ въ виду причины *внѣшнія* и совершенно не считается съ причинами *внутренними*, отъ которыхъ и зависитъ собственно весь органическій процессъ.

Это, разумѣется, передержка, если понимать вещи такъ, какъ онѣ вообще понимаются: біологія «активности» организмовъ, гдѣ есть хоть какая-либо возможность говорить о ней, не отрицаетъ; дарвинизмъ разсматриваетъ измѣнчивость и развитіе организмовъ, какъ результатъ взаимодѣйствія внѣшнихъ и *внутреннихъ* «причинъ»; подъ послѣдними онъ разумѣетъ всю совокупность тѣхъ структурныхъ и функціональныхъ особенностей, не только организма вообще, но и каждаго *даннаго* организма въ частности, съ которыми тотъ вступаетъ на жизненный путь; при чемъ это «вступленіе на жизненный путь» понимается дарвинизмомъ, какъ столкновеніе съ окружающей средой; реагированіе на внѣшнія раздра-

*) *Fechner*. Einige Ideen zur Schöpfungs-und Entwickelungsgeschichte.

женія, борьба съ условіями жизни, приспособленіе къ нимъ, а те и приспособленіе условій къ нуждамъ, запросамъ и интересамъ самого организма.

Но нео-ламаркисты психологическаго толка понимаютъ подъ словами «активность» и «внутреннія причины» нѣчто совсѣмъ особенное, а потому и имѣютъ право говорить о пренебрежительномъ отношеніи дарвинистовъ къ этимъ «факторамъ» жизни.

«Внутреннія причины», говорятъ Паули и Франсе, это—психика, ощущеніе, воля, представленіе; «активность» это—сознательная дѣятельность, характеризующаяся яснымъ представленіемъ той задачи (цѣли), которую надлежитъ выполнить, и умѣніемъ найти подходящее средство для выполненія.

Исходя изъ ученія Ламарка, мы, пишетъ Паули, «должны признать за неопровержимую истину, что всегда и всюду существуетъ полная гармонія между потребностями, способностью ихъ удовлетворить и органами, которые этой способностью одарены». Или, иными словами: «цѣлесообразное» лежитъ въ основѣ всякой организаціи, является необходимой предпосылкой всякаго жизненнаго явленія: безъ него нѣтъ и самой жизни! Но, спрашиваетъ Паули дальше: развѣ мыслимъ какой-либо цѣлесообразный актъ *безъ сознанія* той цѣли, во имя которой онъ совершается, и *безъ умѣнія выбирать* надлежащее средство для ея осуществленія? Развѣ можно говорить о цѣляхъ и средствахъ и о гармоніи между ними тамъ, гдѣ нѣтъ психики, гдѣ нѣтъ ощущенія, воли, способности разсуждать?

«Zweckmässiges wird also zum Kriterium für Psychisches—цѣлесообразное служитъ такимъ образомъ критеріемъ психическаго», отвѣчаетъ на только что поставленные вопросы Паули. То есть: всюду, гдѣ рѣчь заходитъ о цѣлесообразномъ въ строеніи и дѣятельности, уже сама собой предполагается наличность психики. А такъ какъ характернымъ для живыхъ существъ является именно ихъ цѣлесообразное строеніе и цѣлесообразная дѣятельность, то отсюда логически слѣдуетъ, что *психика есть основной факторъ жизни*. Это она, мастерица на всѣ лады, создала всѣ изумляющія насъ въ организмахъ приспособленія, она руководитъ ихъ функціями, измѣнчивостью, развитіемъ. Это она зажгла жизнь въ «мертвой матеріи», она толкала и толкаетъ весь организованный міръ впередъ по пути дальнѣйшаго самоусовершенствованія, она трепещетъ въ калейдоскопической смѣнѣ картинъ эмбріональнаго развитія, въ замысловатомъ строеніи костной клѣтки, въ дивныхъ краскахъ павлиньяго пера. «Растеніе, говоритъ Паули, противодѣйствуя свѣту и нуждаясь въ защитѣ, сочетаетъ съ внутреннимъ ощущеніемъ своей потребности внѣшнее средство ея удовлетворенія—средство, дѣйствіе котораго оно знаетъ по опыту. Это соединеніе двухъ послѣдовательныхъ по времени состояній, которыя не могутъ совершаться въ

обратномъ порядкѣ, есть сужденіе (Urteil); даже больше—умозаключеніе, разумный актъ (ein Schluss, ein Denkakt)»...

«Происхожденіе клапановъ сердца и сосудовъ было бы непонятно, если бы внутренняя поверхность этихъ органовъ не чувствовала направленія кровяного потока и того вліянія, которое остановка его оказываетъ на потребности органовъ въ дѣлѣ снабженія ихъ кислородомъ и пищей...

«Точно также производительница костнаго вещества, костная клѣтка, дающая начало замѣчательнѣйшему въ техническомъ отношеніи созданію искусства—тонкой архитектурѣ скелета—не могла бы осуществить ее, если бы не была освѣдомлена, благодаря ощущенію, объ общихъ потребностяхъ цѣлаго, опредѣляющихъ ея работу...

«Если телеологическіе акты являются разумными актами (Denkakte), разыгрывающимися между различными пунктами клѣтки или между различными клѣтками, то, помимо крайне сложныхъ процессовъ мысли (Denkakte), имѣющихъ мѣсто въ нашемъ мозгу... такіе же разумные процессы и ощущенія должны разыгрываться и въ клѣткахъ нашего тѣла,—процессы, которые никогда не доходятъ до нашего сознанія, но, тѣмъ не менѣе, находятся подъ вліяніемъ нашего «я» (unter dem Einfluss unserer Subjectivität stehen)»... *).

Такъ разсуждаетъ умный, талантливый профессоръ зоологіи Мюнхенскаго университета, Августъ Паули; а подголосокъ его, авторъ книжки о «Современномъ положеніи вопросовъ дарвинизма», Р. Франсе вторитъ:

«Приспособленія создаются не пассивно, а скорѣе *въ силу непосредственнаго воздѣйствія самихъ живыхъ существъ*. Организмъ дѣйствуетъ по принципамъ, ведущимъ къ осуществленію опредѣленныхъ цѣлей (nach zweckstrebenden, teleologischen Principien)... Въ дѣятельности его обнаруживается *способность сужденія*; но такъ какъ сужденіе не можетъ имѣть мѣста безъ ощущенія, воли и представленія, а эти послѣднія являются элементами душевной жизни, то мы имѣемъ право свести приспособленія растеній къ ихъ психической дѣятельности, при чемъ пока остается безразличнымъ, слѣдуетъ ли разсматривать ее, какъ сознательную или какъ безсознательную, ибо при современномъ состояніи біологическихъ знаній ничего точнаго сказать нельзя» **).

Все это, къ сожалѣнію, старые, поблекшіе отвѣты на столь же старые, но—увы! все еще не вполнѣ рѣшенные вопросы. И когда съ тревожнымъ, но исполненнымъ надежды чувствомъ—вотъ, дескать, наконецъ, услышишь, быть можетъ, подлинно новое, оригинальное слово—вчитываешься въ произведенія Паули и Франсе, нервно перелистываешь страницу за страницей и, наконецъ, доби-

*) *Pauly*. Darwinismus und Lamarckismus. 1905.
**) *Francé*. Der heutige Stand der Darwinschen Fragen. 1907.

раешься до послѣднихъ, заключительныхъ строкъ, то въ результатѣ остается одна лишь досада, смѣшанная съ чувствомъ горечи, и невольно вспоминаешь дышащія глубокимъ лиризмомъ слова: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы»... Да... когда подъ импонирующей кличкой то «Жизненной Силы», то «Воли въ природѣ» онѣ красовались въ рукахъ Іоганна Миллера и Артура Шопенгауера. Но теперь... послѣ того, какъ и много прожито, и много пережито, не воскресить ихъ увядшей красоты! Она уже не волнуетъ умы, не трогаетъ сердца. И только такой симпатичный романтикъ въ наукѣ, какъ Паули, и такой не въ мѣру смѣлый «реформаторъ» біологіи, какъ Франсе, способны, кажется, думать, что розы все еще свѣжи, все еще по-прежнему хороши. И не въ томъ ихъ ошибка, конечно, что говорить о «психикѣ» натуралисту зазорно, и что «телеологія» отжила свой вѣкъ. Нѣтъ, «психика» въ животномъ мірѣ—*фактъ* первостепенной важности; а «телеологію» изъ ученія о жизни не выкинешь: если станешь гнать ее въ дверь, она влетитъ въ окно. Ошибка Паули, Франсе и имъ подобныхъ—въ недопустимыхъ для точнаго знанія методахъ изслѣдованія, въ рискованныхъ и совершенно недоказуемыхъ предпосылкахъ, въ искаженіи фактической правды.

Вѣдь на самомъ дѣлѣ неправда, будто «всегда и всюду существуетъ полная гармонія между потребностью организма, способностью ее удовлетворить и органами, которые этою способностью надѣлены». Будь это такъ, то все бы шло великолѣпно въ семъ подлунномъ мірѣ: всякая вновь зародившаяся въ организмѣ потребность немедленно удовлетворялась бы имѣющимися у него въ распоряженіи органами или создавала бы новые органы, и не было бы тогда ни слабыхъ, ни безпомощныхъ, ни неприспособленныхъ, ни борьбы, ни болѣзней, ни вымиранія. Да, не существовало бы болѣзни и самой смерти. Ибо что такое болѣзнь, какъ не нарушенное равновѣсіе между потребностями и средствами удовлетворенія? Что такое смерть, какъ не краснорѣчивѣйшее отрицаніе той «полной гармоніи», которая, по мысли Паули, «всегда и всюду существуетъ»? Правда, большая или меньшая «цѣлесообразность» является отличительнымъ и неотъемлемымъ признакомъ всякаго организма. Задача науки объяснить, какъ возникли, какъ видоизмѣнялись и совершенствовались различныя формы цѣлесообразнаго *въ зависимости отъ условій существованія*, ибо эта зависимость—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, фактъ, подтверждаемый на каждомъ шагу тысячью наблюденій и опытовъ. А вамъ на это возражаютъ: никакой тутъ *причинной* зависимости нѣтъ, а есть зависимость совсѣмъ особаго рода, «телеологическая», при которой цѣль сама себѣ довлѣетъ и «всегда и всюду» имѣетъ возможность реализироваться; вамъ возражаютъ, что организмъ на то и организмъ, чтобы знать, какъ удовлетворять и старыя, и вновь народившіяся потребности, ибо ему *присуще* воздѣйствовать на

внѣшнюю среду не иначе, какъ цѣлесообразно, ибо въ него отъ вѣчности *вложена способность* находить «всегда и всюду» все, нужное для его существованія и благополучія, *вложена тенденція* къ совершенствованію. Согласитесь, что... да простится мнѣ это рѣзкое выраженіе!—ce sont des blagues, какъ говорятъ французы.

Что и говорить, вліяніе «психики» въ жизни организмовъ велико; несомнѣнно, что та школа натуралистовъ, которая явно или тайно исповѣдывала доктрину матеріализма, имѣетъ на душѣ своей не мало грѣховъ, подлежащихъ искупленію путемъ болѣе точнаго и всесторонняго изученія того факта, имя которому «психика». Но вѣдь и ламаркисты психологическаго толка поступаютъ не лучше ихъ: они только ударяются въ другую, противоположную крайность. Развѣ голословное утвержденіе, что, положимъ, растительная или костная клѣтка «соображаетъ», «умозаключаетъ» и т. д., говоритъ нашему уму больше, чѣмъ указаніе на какой-нибудь *геліо*-или *хемо-тропизмъ* *), которыми современная наука характеризуетъ особую группу жизненнымъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ обоихъ живыхъ царствахъ природы? Развѣ излюбленное проф. Паули слово «Denkakt», т. е. мыслительный актъ, которымъ этотъ ученый характеризуетъ всякое явленіе жизни, имѣетъ большую цѣну, чѣмъ слово «тропизмъ»? На рынкѣ новыхъ словъ—пожалуй, да; но въ наукѣ—врядъ ли. На самомъ же дѣлѣ выраженіе «тропизмъ» много цѣннѣе, хотя бы уже потому, что этимъ терминомъ всего лишь констатируется фактъ, тогда какъ въ словѣ «Denkakt» кроется нѣчто большее: якобы объясненіе этого факта.

Возможно, наконецъ, что «психика», на высшихъ ступеняхъ своего развитія, тамъ, гдѣ имѣется неоспоримое основаніе говорить о волѣ и сознаніи, на самомъ дѣлѣ является «силой», способной создать нѣчто «новое» въ организаціи: по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя данныя изъ области наблюденій и опытовъ надъ внушеніемъ и самовнушеніемъ позволяютъ предполагать существованіе такой зависимости между «душой» и «тѣломъ»; и въ этомъ отношеніи весьма цѣненъ, напримѣръ, тотъ богатый и блестяще сгруппированный матеріалъ, который вы можете найти въ статьяхъ Н. К. Михайловскаго «Научныя письма» и особенно «Патологическая магія». Но говорить о волѣ и сознаніи вообще во всей живой природѣ, предполагать дѣйствіе этого «фактора» тамъ, гдѣ нужно

*) Движеніе организма или части его по направленію къ какому-либо раздражителю (свѣтъ, тепло, гальваническій токъ, химическіе реактивы и т. д.) или въ противоположную сторону отъ него обозначается въ наукѣ словомъ «тропизмъ»; при этомъ, смотря по раздражителю и по направленію вызываемаго имъ движенія, говорятъ о положительномъ или отрицательномъ *геліо*-тропизмѣ, *хемо*-тропизмѣ, *гальвано*-тропизмѣ, *гео*-тропизмѣ и т. п.

Такъ, самымъ обыкновеннымъ примѣромъ положительнаго *геліо*-тропизма служитъ движеніе листьевъ растеній въ сторону свѣта; примѣромъ положительнаго *гео*-тропизма является ростъ главнаго корня у многихъ растеній по направленію къ центру земли.

прежде всего доказать наличность его существованія,—по меньшей мѣрѣ, неосмотрительно и, конечно, ужъ не согласуется съ правилами и традиціями строго научнаго изслѣдованія. Это будетъ ужъ не наука, а метафизика столь же примитивнаго свойства, какъ и блаженной памяти матеріализмъ Карла Фогта, Молетотта и Бюхнера. А что такого рода метафизика дѣйствительно ворвалась въ неподлежащія ей сферы и дебоширничаетъ тамъ съ такой же безастѣнчивостью, какъ нѣкогда шумѣлъ матеріализмъ, — объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ тѣ «откровенія», которыми сейчасъ изумляютъ міръ, напримѣръ, Шнейдеръ, Дришъ и Рейнке.

Здѣсь не мѣсто разбираться въ «откровеніяхъ» только что названныхъ ученыхъ. Но чтобы у васъ составилось хоть небольшое представленіе о томъ, въ какія дебри и трущобы словесной эквилибристики и первобытной метафизики собираются увлечь научную мысль такіе біологи, какъ Шнейдеръ и Рейнке, необходимо привести наиболѣе блестящіе перлы и адаманты изъ «философіи» хотя бы послѣдняго.

Рейнке строго ограничиваетъ себя, какъ натуралиста и какъ философа. Въ качествѣ перваго, онъ считаетъ, что установить законосообразность телеологическихъ явленій въ мірѣ животныхъ и растеній—задача естественно-историческая; а въ качествѣ философа онъ полагаетъ, что познать первоначальную основу этихъ явленій во власти только метафизика. На положеніи профессора ботаники, какъ естественно-исторической дисциплины, онъ отдаетъ должное «энергетическимъ» силамъ, т. е. тѣмъ силамъ, которыя дѣйствуютъ въ органической природѣ такъ же, какъ и въ неорганической; а, принарядившись въ тогу «философа» ботаники, онъ, помимо силъ энергетическихъ, признаетъ еще силы «не энергетическія», къ каковымъ относитъ, между прочимъ, и «психическія силы»: эти не энергетическія силы, по его мнѣнію, и составляютъ то специальное, чѣмъ организмъ отличается отъ не организма. Какъ біологъ, онъ охотно подписывается подъ большинствомъ изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришла эта наука, вплоть до эволюціонной теоріи и даже нѣкоторыхъ положеній дарвинизма; но, какъ метафизикъ, онъ думаетъ, что и выводы біологіи и основныя положенія дарвинизма есть, въ конечномъ подсчетѣ, не больше, не меньше, какъ дѣло вѣры. Поэтому, заявивши самымъ серьезнымъ образомъ, что всѣ сторонники эволюціонной теоріи образуютъ общину вѣрующихъ (eine Gemeinde von Gläubigen), онъ въ такой же мѣрѣ серьезно приступаетъ къ изложенію своего символа вѣры на нѣсколькихъ страницахъ (стр. [illegible] Philosophie der Botanik. 1905).

— Вѣрю, говоритъ онъ, что жизнь однажды возникла на землѣ, ибо, вмѣстѣ съ другими, принимаю ученіе Канта-Лапласа.

— Вѣрю въ первоначальное происхожденіе растеній-прародителей: вѣрю и въ то, что ихъ было много, и въ то, что

онѣ отличались нѣкоторымъ разнообразіемъ, ибо этого требуетъ основная аксіома моей вѣры—принципъ эволюціи.

— Вѣрую въ дивергенцію признаковъ, но не прочь повѣрить и въ конвергенцію ихъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

— Вѣрую въ трансформирующую силу внѣшнихъ условій, но еще больше вѣрую въ присущее организмамъ врожденное стремленіе къ прогрессивному развитію. Вѣрую также въ аналогію между филогенезомъ и онтогенезомъ.

— Вѣрую *) въ апріорную цѣлесообразность въ строеніи и дѣятельности организмовъ, вѣрую въ то, что способность приспособляться есть часть этой апріорной цѣлесообразности; но готовъ повѣрить и въ нѣкоторое соучастіе естественнаго подбора, ибо послѣднее не исключаетъ первое и даже весьма вѣроятно...

Гдѣ символъ вѣры, тамъ долженъ быть и вдохновитель ея.

Рейнке не вѣритъ въ самопроизвольное зарожденіе организмовъ изъ неорганизованной матеріи: онъ предпочитаетъ вѣрить, что организмы были сотворены.

«Вмѣсто вѣры въ самопроизвольное зарожденіе, говоритъ онъ, я исповѣдую вѣру въ сотвореніе...

«Я вѣрю, что организмы были вызваны къ жизни Творческимъ Разумомъ, какою то разумною первичною силой. Это—не миѳъ и не аллегорія, а выводъ по аналогіи. Какъ всякая машина и всякое художественное произведеніе есть созданіе человѣческаго разума, такъ же, mutatis mutandis, думаю я, и организмы были созданы первичною разумною силой... Это было, конечно, не чудомъ въ родѣ легендарныхъ чудесъ. Это просто непознаваемое и непостижимое для насъ явленіе природы, къ каковымъ относятся, напримѣръ, зависимость между душой и тѣломъ, наслѣдственность, развитіе. Если угодно называть все это чудомъ, то въ такомъ случаѣ и твореніе есть чудо... Какъ естествоиспытатель, я говорю: они сотворены... Космологическій атеизмъ я считаю въ такой же мѣрѣ невозможнымъ, какъ и самопроизвольное зарожденіе» (ibid). Въ pendant къ этой выдержкѣ не безынтересно будетъ отмѣтить слѣдующій, прямо-таки драгоцѣнный матеріалъ изъ «философіи» Шнейдера **).

Ему мало двухъ міровъ — матеріальнаго и психическаго; онъ изобрѣтаетъ и третій—міръ *духовный*, который и дѣлаетъ исключительнымъ достояніемъ человѣка; а отсюда естественно вытекаетъ, что всѣ тѣ предположенія, которыя дѣлались до сихъ поръ наукой относительно происхожденія человѣка, по существу не выдержи-

*) Считаю долгомъ замѣтить, что у Рейнке всюду такъ и проставлено: „Ich glaube».

**) Кстати сказать, Шнейдеръ одинъ изъ видныхъ современныхъ неовиталистовъ, къ ученію Ламарка относятся отрицательно, но въ то же время онъ и не дарвинистъ.

ваютъ критики. Конечно, говоритъ Шнейдеръ, поскольку рѣчь идетъ объ организаціи и даже о психикѣ человѣка, постольку къ нему имѣетъ отношеніе и измѣнчивость, и ученіе о филогенетическомъ происхожденіи его отъ животныхъ низшаго порядка. «Но, прибавляетъ сейчасъ же Шнейдеръ, человѣкъ есть нѣчто совсѣмъ особенное, такъ какъ онъ не только психическое, но и духовное существо—der Mensch ist aber etwas ganz besonderes, da er ausser einem psychischen Wesen auch ein *geistiges* ist». И потому является большой ошибкой современнаго естествознанія думать, что оно своими обычными пріемами изслѣдованія можетъ объяснить происхожденіе самой сущности человѣческой природы. Я, развиваетъ свою мысль Шнейдеръ дальше, представляю себѣ это на подобіе своего рода самопроизвольнаго зарожденія (Urzeugung). Какъ внезапно, неизвѣстно откуда, блеснула впервые искра жизни, такъ же внезапно, въ силу телеологическаго процесса загорѣлась въ человѣкѣ—и только въ человѣкѣ—первая мысль... *)

Всѣ упоминавшіеся здѣсь ученые—и Паули, и Франсе, и Дришъ, и Шнейдеръ, и Рейнке—очень энергично стараются отмежевать себя духовно отъ мистиковъ и теологовъ. И эти старанія становятся вполнѣ понятными, если обратить вниманіе на то движеніе, которое происходитъ, параллельно съ «ревизіей» эволюціонной теоріи, въ станѣ воинствующаго католицизма.

Когда появилось въ свѣтъ ученіе Дарвина, церковь—и особенно католическая, интеллигентнѣйшая изъ церквей—всполошилась: полились потоки инсинуацій, посыпались громы проклятій на голову автора «Происхожденія видовъ» и «Происхожденія человѣка». Это было вполнѣ естественно, конечно. Но ни инсинуаціи, ни тѣмъ паче проклятія не остановили побѣднаго шествія новаго ученія. Оно взяло верхъ. Оно стало властителемъ думъ Пришлось уступить и ждать благопріятнаго момента для новаго натиска на исконнаго врага. И этотъ моментъ насталъ.

Промчались, какъ сонъ, славные «дни Аранжуеца». Изжиты медовые мѣсяцы дарвинизма. Огульное увлеченіе смѣнилось трезвымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ нему. А гдѣ анализъ—тамъ критика, гдѣ критика—тамъ выступаютъ наружу прорѣхи и недочеты. Открылись таковые и у дарвинизма: сами дарвинисты заговорили о нихъ, принялись урѣзывать и дополнять, исправлять и портить теорію великаго учителя; а не удовлетворенные всѣми этими дополненіями и исправленіями ударились кто въ ламаркизмъ, кто въ витализмъ, кто въ панпсихизмъ. Все это создало благопріятную почву для новой атаки. Но теперь эта атака повелась уже инымъ путемъ. «Воинствующая» церковь—я говорю о католической церкви, ибо другія все еще предпочитаютъ старыя средства борьбы—пытается создать *свою* науку, она выдвинула *сво-*

---

*) *Schneider*. Versuch einer Begründung der Deszendenztheorie. 1908.

ихъ натуралистовъ, изобрѣла *свой* дарвинизмъ, *свою* ублюдочную эволюціонную теорію, въ которой легенды Ветхаго Завѣта сочетаются съ холодными схемами скептически-настроеннаго разума. И все это—съ цѣлью вновь покорить отшатнувшійся отъ нея «міръ», вернуть въ лоно свое заблудшихъ овецъ и вѣчно безпокойныхъ козлищъ. Не поздно ли? Есть ли надежда на успѣхъ?

Передо мной сейчасъ лежитъ нѣсколько книжекъ Бенцигерской естественно-исторической библіотеки (Benziger's naturwissenschaftlicher Bibliotek). Первыя три изъ нихъ принадлежатъ перу безспорно талантливаго популяризатора, католическаго священника Зандера, который трактуетъ въ нихъ объ образованіи земли, о самопроизвольномъ зарожденіи и о происхожденіи видовъ. А все изданіе— мастерской образчикъ іезуитской науки, задавшейся, какъ я уже говорилъ, мыслью примирить науку съ церковью. Чтобы вы могли судить, на какой почвѣ надѣется оборудовать это «примиреніе» почтенный патеръ Зандеръ, приведу всего лишь одинъ отрывокъ изъ его книжки о происхожденіи видовъ: онъ настолько типиченъ, что другихъ не потребуется. «Современныя формы матеріи,—пишетъ Зандеръ—не являются непосредственнымъ созданіемъ Бога: онѣ— продуктъ воздѣйствій *формообразующей силы*, которая была вложена Творцомъ въ первичную матерію и которая затѣмъ продолжала постепенно обнаруживаться на протяженіи всей исторіи земли, когда внѣшнія обстоятельства этому благопріятствовали».

Или вотъ другой ученый патеръ, членъ ордена іезуитовъ, Эрихъ Васманъ—тотъ самый Васманъ, который пользуется широкой и вполнѣ заслуженной популярностью въ научныхъ кругахъ за свои прекрасныя изслѣдованія о жизни муравьевъ, тотъ самый Васманъ, о которомъ уже упоминалось въ моемъ эскизѣ о симбіозѣ *). Этотъ будетъ много крупнѣе Зандера — и дарованьемъ, и познаніями, и діалектическою складкою ума. Но когда берешься защищать безнадежное дѣло, то ни умъ, ни дарованіе, ни знанія не помогутъ: только самъ запутаешься да развѣ соблазнишь софистикой своей кого-либо изъ «малыхъ сихъ». Не избѣжалъ этой печальной участи и патеръ Васманъ, этотъ по истинѣ погибшій талантъ съ расколотой надвое душой.

Въ качествѣ натуралиста, онъ смѣло заявляетъ себя сторонникомъ и эволюціонной теоріи вообще, и нѣкоторыхъ ея идей въ частности; но при этомъ прибавляетъ: «Между естественнымъ знаніемъ и сверхъ-естественнымъ откровеніемъ никогда не можетъ быть подлиннаго противорѣчія, ибо и, то и другое возникло первоначально изъ одного и того же божественнаго Духа... Теорія развитія, которой я придерживаюсь, какъ натуралистъ и философъ, соприкасается съ основами христіанской религіи, которую я считаю за единственно правильную: въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю».

*) См. Русское Богатство, 1909, іюнь. Біологическіе эскизы.

Въ качествѣ натуралиста, онъ охотно признаетъ, что всѣ *современные*, родственные другъ другу виды животныхъ и растеній произошли путемъ подбора и расхожденія признаковъ изъ одного первоначальнаго вида, который онъ называетъ «естественнымъ видомъ»: это лучше всего онъ видитъ на примѣрѣ муравьевъ, жизнь которыхъ онъ спеціально изучалъ и всѣ 4000 видовъ которыхъ возникли, по его мнѣнію, изъ одного родоначальнаго вида. Но, прибавляетъ онъ, эти родоначальные, естественные виды—созданіе Творца: силою верховнаго «да будетъ» явились въ жизнь они, а затѣмъ, покорные всесильной волѣ Создателя, сказавшаго «плодитесь и населяйте землю», они стали дифференцироваться и совершенствоваться, согласно законамъ, открытымъ защитниками эволюціонной теоріи и ученія Дарвина. «Богъ, говоритъ онъ, не вмѣшивается непосредственно въ естественный ходъ вещей тамъ, гдѣ онъ можетъ дѣйствовать при помощи естественныхъ причинъ—Gott greift nicht unmittelbar in die Naturordnung ein, wo er durch natürliche Ursachen wirken kann» *).

Въ качествѣ натуралиста, онъ готовъ признать естественное родство между *физической* организаціей человѣка и таковою высшихъ млекопитающихъ: тутъ, по его мнѣнію, — царство законовъ зоологіи, эмбріологіи и физіологіи; тутъ мы имѣемъ основаніе говорить о возникновеніи высшаго изъ низшаго. «Но, сейчасъ же оговаривается онъ, какова природа и каково происхожденіе духовной жизни человѣка—въ этомъ вопросѣ ни зоологія, ни соприкасающіяся съ нею науки не компетентны, ибо тутъ самый предметъ выходитъ за рамки зоологическаго познанія...» «Тѣло и душа человѣка могли быть созданы Богомъ различнымъ образомъ, пишетъ Васманъ въ другомъ мѣстѣ: первое — косвеннымъ путемъ (допустимъ, путемъ развитія изъ животнаго міра); а послѣдняя—непосредственно...» И далѣе: «Человѣческая душа, какъ нѣчто духовное, не можетъ быть создана такимъ же образомъ, какъ были созданы главнѣйшія формы животныхъ и растеній, т. е. изъ матеріи, даже всемогущею властью Бога...» (ibid).

И такъ, во всемъ и всюду—компромиссы, противорѣчія, тщетныя попытки примирить непримиримое, и даже кощунственное, съ точки зрѣнія вѣрующаго, отрицаніе всемогущества у «всемогущаго творца», необходимое, надо полагать, лишь для того, чтобы поднять «душу» на недосягаемый для науки пьедесталъ и сдѣлать ее исключительнымъ достояніемъ церкви.

Когда «язва» соціализма стала проникать въ широкіе слои народныхъ массъ; когда эта «новая религія» всѣхъ трудящихся и обремененныхъ стала привлекать къ себѣ умы и сердца людей, дотолѣ находившихся подъ вліяніемъ и неусыпнымъ контро-

*) *Wasmann*. Die moderne Biologie und die Entwicklungsgeschichte. 3 Aufl. 1907.

лемъ «пастырей»; когда, наконецъ, стало невозможнымъ дальше бороться съ «безбожниками-соціалистами» путемъ папскихъ энциклинкъ и отлученія отъ церкви, — тогда наиболѣе умные и предусмотрительные изъ руководителей послѣдней изобрѣли *христіанскій* соціализмъ и съ гордостью заявили, что церковь, и только она одна, была съ начала первыхъ вѣковъ христіанства разсадникомъ истиннаго соціализма и даже коммунизма.

Кто не знакомъ съ рѣчами христіанскихъ соціалистовъ нѣмецкаго рейхстага? Кто не помнитъ тѣхъ ловкихъ, дипломатически-тонкихъ заигрываній съ соціализмомъ, которыми папа Левъ XIII, этотъ іезуитъ par exellence, тѣшилъ сердца простодушныхъ, довѣрчивыхъ голяковъ своей многомилліонной паствы? И вотъ теперь та же исторія повторяется на нашихъ же глазахъ, но уже въ другой сферѣ: тогда нужно было сразить «гидру соціализма», «примиривши» ее съ догматизированнымъ христіанствомъ; теперь нужно поднять престижъ церкви, «примиривши» ея легенды и каноны съ выводами положительнаго знанія. Тѣ же цѣли, тѣ же и средства. И было бы большой ошибкой думать, что это затѣя вовсе пустая.

Конечно, для умовъ, дисциплинированныхъ въ строгой школѣ положительнаго знанія, опасности тутъ нѣтъ никакой. Но широкія трудовыя массы, въ которыя свѣтъ подлиннаго знанія и по сей еще день проникаетъ такъ туго, не гарантированы отъ новой лжи, что изготовляется въ лабораторіяхъ спеціально отпрепарированной на сей предметъ мысли. Да и однѣ-ли трудовыя массы.

При томъ шатаніи умовъ, которое наблюдается сейчасъ въ такъ называемыхъ культурныхъ слояхъ общества, при той готовности, съ которой даже представители точнаго знанія идутъ на удочку самоновѣйшихъ «измовъ», не понимая, на *чью* мельницу льютъ они воду, *кому* дружески протягиваютъ руку, можно разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ и среди полуинтеллигентныхъ и даже интеллигентныхъ круговъ общества. Не даромъ же вѣрные адепты католицизма такъ чутко прислушиваются къ рѣчамъ современныхъ антидарвинистовъ. Не даромъ же они такъ предупредительно спѣшатъ оповѣстить весь міръ о «побѣдахъ» современныхъ виталистовъ, панпсихистовъ и иныхъ прочихъ новаторовъ естествознанія, наскоро заполняющихъ недочеты науки измышленіями своей фантазіи.

Вотъ чего никогда не слѣдуетъ забывать современнымъ «реформаторамъ» естествознанія — Шнейдерамъ и Рейнке, Паули и Дришамъ. Всякій разъ, какъ біологія сходитъ съ пути строго научнаго изслѣдованія, она попадаетъ въ порочный кругъ: начинаетъ съ ревизіи старыхъ цѣнностей, наталкивается на *телео*логію и, незамѣтно для себя, ударяется въ *тео*логію, чтобы вновь, очнувшись отъ гипноза, обратиться къ ревизіи: C'est la fatalité!..

В. В. Лункевичъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ срединѣ сентября произошло неслыханное событіе, о которомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней говорилъ весь Мюнхенъ.

Въ вечерніе часы вблизи академіи и университета царитъ оживленная жизнь. На одной изъ улицъ, перекрещивающихся тамъ подъ математически правильными прямыми углами, стоитъ старый, довольно ветхій домъ. Въ часъ, когда студенты обыкновенно уходятъ съ послѣднихъ лекцій, изъ подъ воротъ этого дома донесся громкій крикъ. Вслѣдъ за этимъ изъ воротъ на улицу выбѣжала совершенно нагая дѣвушка. Она держала руки высоко въ воздухѣ, какъ будто боялась, что на нее упадетъ тяжелый предметъ. Она непрерывно кричала: это былъ одинъ протяжный крикъ, длившійся все время, пока она бѣжала. Конечно, въ этой части еще свѣтлой и оживленной улицы тотчасъ же остановилось всякое движеніе. Сбѣжалась толпа, во внезапномъ появленіи которой было что-то загадочное. Окна квартиръ открылись, и въ нихъ показались испуганныя лица; впрочемъ, испугъ мало-по-малу перешелъ въ усмѣшку,—по вполнѣ понятной причинѣ.

Дѣвушку окружило кольцо студентовъ. Въ глупой и комичной безпомощности смотрѣли они на лежавшее на землѣ обнаженное тѣло. Лицо дѣвушки было закрыто скрещенными руками. Короткіе темно-золотистые волосы въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ. Смуглая кожа по временамъ вздрагивала, какъ у нервныхъ животныхъ. Кто-то высказалъ мнѣніе, что необходима врачебная помощь, но

среди присутствующихъ не нашлось врача. Нѣкоторые были блѣдны, другіе натянуто улыбались, третьи необыкновенно суетились, какъ будто охваченные неудержимымъ порывомъ дѣйствовать; одни забавлялись, точно въ театрѣ, со спокойнымъ любопытствомъ ожидая продолженія событій, другіе находили, что общественной нравственности грозитъ опасность. Между тѣмъ кругъ все суживался, такъ какъ со всѣхъ сторонъ напирали стоявшіе сзади.

Наконецъ, изъ толпы студентовъ выступилъ одинъ, пробивъ себѣ дорогу локтями, опустился на колѣни и заботливо накрылъ лежавшую своимъ длиннымъ свѣтло-сѣрымъ плащемъ. Затѣмъ онъ попробовалъ поднять голову дѣвушки, но встрѣтилъ судорожное, неожиданное сопротивленіе. Плотная стѣна людей дѣлала невозможной всякую помощь извнѣ и всякое объясненіе происшествія. Онъ рѣшилъ избавить дѣвушку отъ тягостнаго любопытства толпы и кивнулъ одному изъ молодыхъ людей. Они подняли неподвижное тѣло дѣвушки; кто-то помогалъ сзади, толпа машинально и лѣниво подалась назадъ; образовался узкій проходъ, и всѣ трое быстро вошли со своей ношей въ тѣ же ворота, изъ которыхъ выбѣжала дѣвушка. Они ловко захлопнули ворота, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ напиравшихъ сзади могъ успѣть войти, и съ нѣкоторымъ трудомъ задвинули большой ржавый засовъ. Толпа стучала, колотила, ломилась, наконецъ, посыпались такіе удары, что ворота зашатались, и гнилой замокъ закряхтѣлъ, затѣмъ раздался свистъ и крики; но вдругъ стало совершенно тихо.

И въ этой тишинѣ трое молодыхъ людей услышали, что дѣвушка горько и беззвучно плачетъ, не отнимая рукъ отъ лица. Подъѣздъ былъ пустъ, лѣстница пуста, плачущая не произносила ни слова, во всемъ домѣ не было слышно ни звука.

— Что же намъ теперь дѣлать, господинъ Вандереръ?— спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей (его звали Давиль) почти злорадно. Впрочемъ, возможно, что въ этомъ „злорадствѣ“ было виновато его блѣдное лицо, на которомъ вѣчно красовалась навязчиво-скромная улыбка. Но теперь эта улыбка сразу исчезла: во дворѣ вдругъ показался человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. Поспѣшность, съ которой онъ шелъ, дѣлала его походку необыкновенно угловатой. Подойдя къ дѣвушкѣ, онъ сначала, осторожно прислушиваясь, наклонился надъ ея тѣломъ и прошепталъ съ вдохновеннымъ страданіемъ на лицѣ: „Гиза! Гиза!“, затѣмъ взялъ лежавшую на руки, что казалось удивительнымъ при его видимо небольшой силѣ, понесъ ее во дворъ и вошелъ съ ней въ одну изъ квартиръ перваго этажа.

Давиль открылъ ворота; его сейчасъ же начали допрашивать двое полицейскихъ очень строгаго вида. Люди, группами стоявшіе вокругъ, опять съ любопытствомъ стали тѣсниться къ воротамъ. Въ этотъ моментъ на лѣстницѣ показались двѣ дамы: одна—стройная, блѣдная, благородно-сдержанная, другая—болтавшая съ вульгарной улыбкой. Вандерера поразило сосредоточенное глубоко-задумчивое выраженіе лица первой — ея спутница называла ее Ренатой. Что-то было, казалось, въ ея лицѣ, находившееся въ подземной связи съ происшествіемъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ только-что. Обѣ дамы сѣли въ двухмѣстную коляску, стоявшую на другой сторонѣ улицы, у университетскаго сада, и уѣхали.

Давиль и другой студентъ, курчавый еврей съ глуповатымъ лицомъ старательнаго танцора, простились съ Вандереромъ со свойственной студентамъ церемонностью. У нихъ былъ такой видъ, какъ будто они совершаютъ религіозный обрядъ. Изъ находившейся наверху рисовальной школы вышла еще одна молодая дама. Она, краснѣя, закрыла лицо носовымъ платкомъ. Толпа, осаждавшая ворота и чувствовавшая себя такъ, какъ будто ее лишили интереснаго зрѣлища, насмѣшливо смотрѣла на нее. Явившійся полицейскій высокомѣрно осмотрѣлся, измѣрилъ взглядомъ Вандерера, дѣлавшаго видъ, что кого-то ждетъ, и важно зашагалъ вглубь двора.

II.

Вандереръ ждалъ, чтобы ему вернули его плащъ, но въ глубинѣ души онъ ждалъ чего-то гораздо большаго. Въ немъ была задѣта какая-то струна, которая уже не переставала вибрировать. Толпа разсѣялась въ легкомъ и все же давящемъ сентябрскомъ туманѣ улицъ. Подъ конецъ появились еще два репортера, предпринявшіе обзоръ мѣстности съ такой нелѣпой важностью, какъ будто никогда не видѣли подъѣздовъ и дворовъ. Наверху открылась дверь, и съ лѣстницы донеслось бренчанье на роялѣ. Опять показался полицейскій въ тяжелыхъ, внушающихъ почтеніе сапогахъ.

Такъ какъ больше никто не показывался, Вандереръ вошелъ во дворъ. Его ожиданія сдѣлали его смѣлымъ, и онъ открылъ манившую его дверь. Но здѣсь онъ столкнулся съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который унесъ дѣвушку. Тотъ толкнулъ его назадъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ во дворъ. На немъ была маленькая зеленая шапочка; густые рыжіе усы закрывали ротъ и полукругомъ свисали на подбородкѣ. На рукѣ у него былъ плащъ; онъ подалъ его Вандереру и

медленно произнесъ:—Она хочетъ быть одна. Ей нуженъ покой.—Затѣмъ онъ прибавилъ, ораторски подчеркивая слова и устремивъ глаза вдаль:

— Представьте себѣ всѣ трагедіи всѣхъ человѣческихъ душъ соединившимися въ одной душѣ, и вы получите то, что вы только-что видѣли.

Вандереръ сдѣлалъ задумчивое лицо; затѣмъ онъ назвалъ свою фамилію, но тутъ же покраснѣлъ, потому что это показалось ему ребяческимъ. Человѣкъ въ зеленой шапочкѣ отвернулся; онъ почти не слушалъ Вандерера. Онъ сжалъ губы и закрылъ глаза, словно въ тяжелой борьбѣ. Только черезъ нѣкоторое время онъ обернулся и равнодушно пробормоталъ:—Зюсенгутъ. Христіанъ Зюсенгутъ.

Они пошли по направленію къ академіи. На улицѣ все еще чувствовалось волненіе. Но теперь толки уже потеряли всякую опредѣленность и давали каждому то, что тотъ хотѣлъ отъ нихъ взять. Вандереръ не хотѣлъ показаться любопытнымъ, не хотѣлъ выспрашивать объясненій; молча шелъ онъ рядомъ съ господиномъ въ зеленой шапочкѣ, въ подавленномъ состояніи человѣка, чувствующаго себя на второмъ мѣстѣ. Зюсенгута, казалось, знали многіе: ему часто кланялись, большей частью съ той почтительной сдержанностью, которая исключаетъ интимность. Наконецъ, онъ предложилъ Вандереру нѣсколько незначительныхъ вопросовъ. Во-первыхъ, онъ забылъ его имя.—Ансельмъ Вандереръ.—Откуда-же онъ?—Изъ Вѣны. Его родители долго жили тамъ. Родился-же онъ въ Германіи, въ Нюрнбергѣ.—Что онъ изучаетъ, охотно-ли онъ работаетъ?—Нѣтъ, „ни единымъ дыханіемъ моей души". —Что же онъ, искатель?—Нѣтъ, просто флегматикъ.—Да, теперешняя система занятій никуда не годится. Молодые люди тупѣютъ, въ каждомъ умираетъ девять десятыхъ его индивидуальности.

Тонъ Зюсенгута скоро сталъ страстнымъ, какъ будто страсть была единственной атмосферой, въ которой онъ могъ жить. Его жесты стали широкими, черезчуръ благородными, какъ будто онъ стоялъ на форумѣ; онъ не обращалъ вниманія на прохожихъ. Вандереръ поддакивалъ, сдѣлалъ вѣрное замѣчаніе, навязывавшееся само собой, и радость, съ которой Зюсенгутъ согласился съ нимъ, была похожа на объятія. Въ спокойномъ состояніи его лицо было словно неподвижная завѣса его души; когда онъ говорилъ, все было освѣщено пламенемъ. У Вандерера иногда было такое чувство, какъ будто онъ въ театрѣ. Онъ напряженно слушалъ и выражалъ не вполнѣ искреннее согласіе. „Куда же вы идете?" спросилъ Зюсенгутъ, какъ будто они были знакомы уже годы. Вандереръ отвѣтилъ, что ему надо сдѣлать одинъ ви-

зить. Но Зюсенгутъ уже не слушалъ его. Навстрѣчу имъ галопомъ мчалась маленькая дѣвочка, дочь одной дамы, съ которой Ансельмъ Вандереръ былъ тоже знакомъ; она бросилась къ Зюсенгуту, смѣялась и ликовала. Зюсенгутъ наклонился къ ребенку, и на лицѣ его изобразился страдальческій восторгъ, болѣзненный экстазъ. Это были, казалось, любовь и преданность, искавшія осуществленія внѣ рамокъ человѣческаго бытія.

Вандереръ поклонился и ушелъ.

III.

Осень, чудесная осень! Пора сосредоточенности и рѣшеній, зрѣлости, спокойствія! Когда улетучивается все безхарактерное, проясняется все мутное! Съ такими чувствами шелъ Ансельмъ Вандереръ по направленію къ Англійскому саду, надъ которымъ лежалъ тусклый туманъ, и желтѣющая листва котораго рѣзко выдѣлялась на небѣ. Близящійся вечеръ придавалъ что-то праздничное улицамъ и расплывающемуся въ сумракѣ парку. Вандереръ остановился, словно въ созерцаніи своей жизни, прошлаго и будущаго одновременно. Надъ ней, точно вереница порывовъ и желаній, неслись облака,—сначала розовыя, затѣмъ сѣрыя, темныя, сливающіяся съ ночью.

Четверть часа спустя онъ уже находился въ виллѣ своей пріятельницы, старой баронессы Терке. Дорогой его невидимо сопровождалъ, словно часть его самого, Зюсенгутъ; онъ точно допрашивалъ его, и Вандереръ былъ встревоженъ и рѣшилъ не выпускать изъ виду этого призрака.

У Терке его встрѣтили очень радушно. Въ послѣдній разъ они видѣлись четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ Вѣнѣ, откуда Вандереръ пріѣхалъ всего недѣлю тому назадъ. Баронесса знала массу новостей и разсказывала одну за другой, хотя между ними не было никакой связи. У нея было лицо старой маріонетки; оно было нарумянено и напудрено, а волосы искусно завиты въ локоны. Она тяжело дышала, въ разговорѣ стонала, но, несмотря на это, разыгрывала изъ себя милую и занимательную женщину. Она представляла собой неисчерпаемую хронику новостей и съ небрежнымъ остроуміемъ говорила вещи, которыя другіе занесли бы въ свои дневники въ качествѣ „изреченій и афоризмовъ". Отъ времени до времени она разражалась веселымъ, громкимъ, звонкимъ смѣхомъ (ея смѣхъ напоминалъ ракету), послѣ котораго внезапно погружалась въ свинцовый полусонъ морфинистовъ. Затѣмъ она вдругъ приходила

въ себя, произносила „ха“, молодецки хлопала себя по бедрамъ и съ дѣланно безмятежной улыбкой продолжала разговоръ, о которомъ остальные уже давно забыли. Эти остальные были, кромѣ Вандерера, ея золовки, графиня Терке,—полная достоинства, спокойствія, важности,—и Адель, олицетвореніе съ трудомъ сдерживаемой шаловливости подвижного темперамента.

Смягченный свѣтъ большой лампы озарялъ комнату, стѣны которой были обтянуты красной тканью. Передъ окнами, словно нѣчто осязаемое, подвигался вечеръ, наполняя улицу голубоватымъ сумракомъ. Въ этой комнатѣ никогда не происходило ничего значительнаго, здѣсь жизнь текла аристократически-тихо. Безшумно бесѣдуя, какъ подобало въ этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ, Ансельмъ Вандереръ, точно мальчикъ, читающій романъ Купера, думалъ о жизни, полной опасностей. Графиня Терке со своими красивыми, бѣлоснѣжными волосами и въ своемъ сиреневомъ платьѣ казалась принадлежащей другому міру. Она выглядѣла, какъ королева рококо. Наполовину сострадательно, наполовину насмѣшливо слушала она оживленную болтовню баронессы, разсказывавшей о своей собакѣ. Тема, заключавшая въ себѣ безконечность. „Тигръ“ была собака съ длинной шерстью; она не была въ состояніи ни бѣгать, ни дышать,—такъ какъ задыхалась въ своемъ жирѣ, и изъ ея лапъ были годны къ употребленію только три. Самая мягкая подушка казалась ей жесткой, никакой лакомый кусокъ не былъ для нея достаточно великъ, ласки она принимала, какъ оскорбленіе; когда она принуждена была оставаться одна, передъ ней ставили зеркало, чтобы она могла наслаждаться созерцаніемъ своей драгоцѣнной особы. Этотъ великолѣпный экземпляръ собаки долго оставался темой разговора, но исторія съ зеркаломъ привела къ исторіи дамы, которая стояла передъ зеркаломѣ до тѣхъ поръ, пока не сошла съ ума, а въ связи съ этой была новая, чрезвычайно интересная исторія, которую необходимо было разсказать какъ можно скорѣе, впопыхахъ. Но тутъ баронессу прервалъ приходъ молодой дамы, при видѣ которой Вандереръ поблѣднѣлъ. Онъ сразу опять увидѣлъ себя въ пустомъ гулкомъ подъѣздѣ на Амаліенштрассе, гдѣ по лѣстницѣ спускалась внизъ та-же стройная, блѣдная дѣвушка. Молодая графиня познакомила ихъ и тотчасъ-же подсѣла къ фрейлейнѣ Фуксъ на оттоманку.

Ансельмъ Вандереръ вдругъ сталъ разговорчивъ и, внутренно неувѣренный, наговорилъ много лишняго. Онъ обратился къ пришедшей и сказалъ съ многозначительнымъ видомъ: „Какое странное совпаденіе, что я встрѣчаю васъ се-

годня и именно здѣсь". Молодая дѣвушка повернулась къ нему и недоумѣвающе посмотрѣла на его воротникъ. Онъ смутился, не хотѣлъ вдаваться въ объясненіе ихъ встрѣчи и ея причины и въ концѣ концовъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Зюсенгутомъ, но только *объ этомъ*. Онъ нанизывалъ фразу на фразу на манеръ фельетона, но вскорѣ замѣтилъ, что находитъ мало сочувствія. Только глаза фрейлейнъ Фуксъ были неотступно устремлены на него. Это были черные глаза, въ этомъ полусвѣтѣ похожіе на сверкающіе угольи, но, видимо, лишенные глубины.

— Вы знаете его? —спросилъ Вандереръ почти машинально.

— Этого еврея?—Нѣтъ!

— Вы говорите это такъ презрительно. Потому, что онъ еврей?

Она пожала плечами и открыла ротъ, что придало ея лицу что-то дѣтски-безпомощное.

— Мнѣ разсказывали о немъ подруги, т. е.—прибавила она тише, опуская глаза,—знакомыя.

Этимъ разговоръ закончился, но съ этого момента каждый изъ нихъ, поглощенный своими мыслями, принималъ въ бесѣдѣ только внѣшнее участіе.

IV.

Вышло такъ, что Ансельмъ Вандереръ и фрейлейнъ Фуксъ стали прощаться въ одно и то же время.

Ея экипажъ ждалъ внизу, но вечеръ былъ такъ хорошъ, что ей захотѣлось пойти пѣшкомъ, если только ему не будетъ скучно проводить ее. Идя за ней по лѣстницѣ, онъ восхищался ея фигурой, свободой ея движеній. Въ ней не было связанности и принужденности молодыхъ дѣвушекъ ея круга; свобода ея обращенія давала другимъ внутреннюю увѣренность.

Вечеръ былъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошъ. Фонари висѣли, точно бумажные въ воздухѣ, который, казалось, дымился, дѣлая невидимымъ все, что нарушало миръ. Они едва подвигались впередъ, не думали ни о чемъ. Наконецъ, Вандереръ сказалъ, гдѣ онъ видѣлъ ее нѣсколько часовъ тому назадъ; такимъ образомъ, прибавилъ онъ, замѣчаніе его, котораго онъ не хотѣлъ объяснять въ присутствіи Терке, становится понятнымъ. Она остановилась, и ему показалось, что она стала выше ростомъ. Со свойственной ей манерой она слегка открыла ротъ и искала отвѣта. Вандереръ, странно взволнованный, спросилъ, что она собственно имѣетъ противъ Зюсенгута.

— Во-первыхъ, я ненавижу евреевъ,—отвѣтила она, но безъ всякой ненависти, а почти умоляюще.

— Серьезно?—Вандерeръ улыбнулся.

— Развѣ вы еврей? — спросила Рената Фуксъ, тоже улыбаясь.

— Нѣтъ, но вѣдь я могъ бы оказаться евреемъ, тогда вы попались бы.

— Попалась бы? Этого я не понимаю.

— Ну, все равно. Но вы раньше сказали: „во-первыхъ".

— Да, и потомъ вѣдь весь городъ знаетъ, что онъ вытворяетъ. Дѣтямъ онъ пишетъ письма. Въ каждую дѣвушку онъ влюбляется. Затѣмъ онъ проповѣдуетъ вещи, о которыхъ не слѣдуетъ даже думать, сидитъ въ... ужасныхъ кабакахъ съ... ужасными женщинами. Вотъ что я слышала о немъ.

— Но, кажется, онъ все-таки интересуетъ васъ?

— Меня? Очень мало. Есть женщины, которыя бредятъ имъ. Я не знаю, почему. То есть, пожалуй, знаю. Онъ говоритъ... впрочемъ, это совсѣмъ не интересно.

Но такъ какъ Ансельмъ Вандереръ молчалъ, она прибавила тихо и задумчиво:—Онъ провозглашаетъ себя спасителемъ женщинъ и дѣвушекъ.

— Какъ это? Отъ чего же ихъ спасать?

— Онъ хочетъ спасти ихъ отъ мужчинъ.

— Что за ерунда!

— Неправда-ли! — торжествующе отвѣтила она, какъ будто теперь ея сомнѣнія разсѣялись.

— Я этого вообще не понимаю. Что же тутъ спасать?

— Я не могу вамъ сказать этого такъ, какъ мнѣ разсказывали.

Эти дѣтскія слова тронули его. Но она, очевидно, снова охваченная сомнѣніями, сказала медленно, задерживая при этомъ шаги:

— Онъ думаетъ, что всѣ физическія добродѣтели, которыхъ требуютъ отъ насъ мужчины, только ложь и обманъ. Онъ думаетъ, что отъ этого гибнетъ такъ много, много женщинъ.

Это испугало Ансельма Вандерера,—не содержаніе, а то, что она сказала это, сказала ему, котораго она знала только по имени. Но Рената Фуксъ точно вдохновеніемъ поняла его мысли и прибавила (теперь было ясно видно, какъ все это мучило ее).

— Вы удивляетесь, что я говорю вамъ это. Но вѣдь *тогда* правда, что насъ хотятъ сдѣлать слѣпыми. Этотъ Зюсенгутъ просто глупъ. Правда, глупъ?

— Пожалуй.

— Ну, конечно; но я разъ слышала, какъ онъ говоритъ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ подъ арками. Я сидѣла съ Адель Терке на сосѣдней скамьѣ, и Адель все время хихикала. Съ нимъ было нѣсколько друзей. Онъ говорилъ странно, очень странно. Онъ сказалъ—послушайте только—онъ сказалъ: мужчина можетъ пасть, женщина не можетъ пасть никогда.

Вандереръ молчалъ. Онъ опустилъ голову; ему ясно представился Зюсенгутъ съ его восторженнымъ увлеченіемъ словомъ, чистымъ и пустымъ словомъ. А помимо этого? Маленькій, блѣдный человѣкъ въ зеленой шапочкѣ и охотничьей рубашкѣ!

— И затѣмъ онъ сказалъ,—прибавила молодая дѣвушка, совершенно поглощенная воспоминаніемъ, — онъ сказалъ: у женщины асбестовая душа. Ея не пожираетъ огонь жизни.

— И вы такъ хорошо запомнили это? Все это экстравагантности. Оригинальное рѣдко бываетъ истиннымъ.—Вандереръ хотѣлъ критиковать, но онъ чувствовалъ себя въ этотъ моментъ немного жалкимъ.

— Зачѣмъ говорить объ этомъ!—сказала Рената.—Я хотѣла бы только, чтобы вы познакомились съ моими подругами. Душа, душа! У нихъ совсѣмъ нѣтъ души. Это молодыя дѣвушки въ красивыхъ платьяхъ, мечтающія о замужествѣ.

На этомъ разговоръ закончился. Они подошли къ мосту, перекинутому черезъ лѣвый рукавъ Изара. Тамъ, надъ ступенями, ведущими къ площадкѣ, возвышался памятникъ мира. Внизу тянулись длинные ряды огней, и мракъ между ними былъ похожъ на звѣря, на чудовищнаго спящаго гада. Рѣка шумѣла, но сквозь шумъ пробивалась тишина, какъ ткань сквозь вышивку.

Рената Фуксъ остановилась передъ садовой калиткой на улицѣ Маріи Терезіи въ ожиданіи экипажа, ѣхавшаго за ними по Максиміліанштрассе. Лицо ея стало спокойно и глаза уже не блестѣли такъ сильно. Она дунула на вуаль, и Ансельмъ подумалъ, что отъ этой привычки и происходитъ то, что она часто полуоткрываетъ ротъ. При этомъ видны были блестящіе, бѣлые, частые зубы.

— Слышите стукъ?—спросила она, когда на улицѣ уже задребезжали колеса экипажа:—У насъ завтра большое торжество.

— Въ самомъ дѣлѣ? Завтра день вашего рожденія?

Рената улыбнулась, неподвижно глядя на фонарь приближавшагося экипажа.

— Завтра моя помолвка. Но это я говорю только вамъ. Сегодня еще никто не долженъ знать этого.

Фонарь ярко освѣтилъ ея черты. Это было красивое

лицо,—лицо ребенка и зрѣлой женщины. Губы непрерывно вздрагивали. На вискахъ все время выбивались нѣсколько упрямыхъ волосковъ. Брови шли высокими, тонкими, черными полукругами. Она слегка наклоняла голову къ лѣвому плечу и улыбалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Дорогой братъ, конечно, я даю полное согласіе на то, чтобы ты распорядился моимъ капиталомъ такъ, какъ ты находишь лучшимъ. Просимую тобой довѣренность вышлю на-дняхъ. Вѣдь я знаю, что въ такихъ вещахъ ты понимаешь гораздо больше меня, поэтому я согласенъ со всѣмъ, что ты дѣлаешь, въ особенности, если съ этимъ связаны какія-нибудь выгоды для твоего соціальнаго положенія. Правда, что касается меня, то я отлично обхожусь своими десятью тысячами гульденовъ годоваго дохода, не говоря уже о томъ, что въ Германіи эти деньги представляютъ собой гораздо большую сумму, чѣмъ въ Вѣнѣ. Но я согласенъ съ тобой: несомнѣнно, двѣнадцать тысячъ больше десяти.

Я живу здѣсь точно такъ же, какъ жилъ въ Вѣнѣ. Я все еще не могу рѣшиться выбрать себѣ такъ называемое призваніе. Ты недоволенъ этимъ! Но, правда, я не могу передѣлать себя. Посуди самъ! Мнѣ такъ славно живется, я нѣжусь въ роли фланера, разыгрываю наблюдателя, и если даже, какъ ты утверждаешь, я сантименталенъ, то я надѣюсь, что при удобномъ случаѣ жизнь выбьетъ изъ меня излишнюю чувствительность. Ты хочешь, чтобы я основательно влюбился? „По уши", какъ ты выражаешься. Я не стремлюсь къ этому. Я не думаю, чтобы слѣдующее за этимъ отрезвленіе привело меня къ тому, что ты называешь упорядоченнымъ жизненнымъ положеніемъ. Мои занятія однообразны. Я читаю всѣ научныя книги, которыя интересуютъ меня, въ особенности по химіи. Мой послѣдній счетъ въ книжномъ магазинѣ равнялся тремъ стамъ марокъ. Лекціи я теперь посѣщаю рѣже. Къ беллетристикѣ я, какъ ты знаешь, равнодушенъ. Только Бальзакъ начинаетъ мнѣ нравиться. Ты сердишься на меня за то, что во мнѣ такъ мало поэзіи, и что я даже лишенъ способности увлекаться поэзіей. Если бы я былъ обыкновеннымъ тунеядцемъ, ты былъ бы, конечно, правъ со своими упреками. Но я считаю себя чѣмъ-то лучшимъ, и я думаю, что знаю себя достаточно хорошо, чтобы отважиться на та-

кое утвержденіе. Въ высшемъ смыслѣ я занятъ всегда. Я думаю, что то, что мы называемъ призваніемъ, является въ сущности только ограниченіемъ. Люди призванія, собственно говоря, спящіе, полусознательные; тѣ-же, которыхъ называютъ мечтателями, быть можетъ, и есть истинно бодрствующіе. Ты можешь опять смѣяться надъ умнымъ Ансельмомъ. Но каждый долженъ жить такъ, какъ живетъ.

У меня здѣсь очень изящная квартира на Королевской улицѣ. Одна комната даже вся въ японскомъ стилѣ. Изо всѣхъ оконъ открывается видъ на англійскій садъ. Въ особенности въ сумерки видъ осенняго сада несравненен. На дняхъ я думаю съѣздить въ Франконію. Скорымъ поѣздомъ нужно всего пять часовъ, изъ Нюрнберга я поѣду почтовой каретой на нашу родину, которую я видѣлъ только младенцемъ. Ты посмѣиваешься, скептикъ. Но я признаюсь тебѣ: сознаніе, что я происхожу изъ другой породы людей, чѣмъ эта мягкая и изнѣженная вѣнская раса, сильно успокаиваетъ и ободряетъ меня. Отвѣчай скорѣй. Съ сердечнымъ привѣтомъ.

Твой Ансельмъ.

II.

Ансельма Вандерера тянуло къ Зюсенгуту, но онъ не могъ найти подходящаго предлога для визита. Къ этому посѣщенію побуждали его страхъ и легкая враждебность,—чувства, заставляющія человѣка идти навстрѣчу опасности. Съ другой стороны, въ ушахъ у него все еще звучалъ горькій плачъ той несчастной. Газеты были полны пустой болтовни по поводу этого случая. Однѣ видѣли въ немъ моральную, другія—соціальную проблему. Однѣ приводили его въ связь съ искусствомъ, другія—съ любовью. Всѣ ждали объясненій отъ судебнаго дознанія, пока же давали волю языкамъ.

Онъ узналъ адресъ Зюсенгута, всталъ рано и отправился черезъ англійскій садъ въ Гюгенгаузенъ, предмѣстье города. Идти пришлось сначала по кривымъ переулкамъ, потомъ мимо обсерваторіи, по глинистой тропинкѣ за кирпичными складами, затѣмъ черезъ поле. Зюсенгутъ, по его собственному выраженію, жилъ въ послѣднемъ домѣ города, среди одиночества луговъ. Влажныя отъ тумана и росы поля ждали поздняго сентябрьскаго солнца, а городъ лежалъ на западѣ, какъ дымящійся котелъ.

Христіанъ Зюсенгутъ сидѣлъ въ саду. Съ нимъ былъ худощавый, измученнаго вида человѣкъ; Вандереръ узналъ, что его зовутъ Стиве. Кромѣ него, въ саду была молодая дѣвушка, при видѣ которой Вандереръ остановился, близкій

къ потерѣ сознанія. Онъ узналъ темно-золотистые волосы и посадку головы.

— Это Гиза Шуманъ,—сказалъ Зюсенгутъ со своей естественно-важной и свободной манерой. Онъ, казалось, былъ нѣсколько удивленъ приходомъ Вандерера; онъ какъ будто не помнилъ, что познакомился съ нимъ. Ансельмъ и не пытался извиняться; полный гнѣва на то непреодолимое, что заставило его придти сюда, онъ сѣлъ и молча слушалъ разговоръ обоихъ мужчинъ или, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что слушаетъ. Гиза Шуманъ не принимала участія въ разговорѣ, да, казалось, никто отъ нея этого и не ждалъ. У нея было страстное лицо восточнаго типа, дышащее жизнью, но въ то-же время и грустью. Каждый разъ, какъ Зюсенгутъ начиналъ говорить, она поднимала глаза и смотрѣла на него неописуемымъ взглядомъ. Все въ ней трепетало отъ избытка жизни.

Бесѣда Стиве и Зюсенгута была однообразна. Разъ Вандереръ услышалъ имя Ренаты Фуксъ, и глаза его стали неподвижны, полны ожиданія. Но онъ не услышалъ ничего особеннаго. Онъ смѣло спросилъ, знаютъ-ли они ее. Конечно, они знаютъ ее, отвѣтилъ Стиве, въ углахъ рта котораго безпрестанно трепетала робкая иронія. Его ужасающе худыя, болѣзненно безпокойныя руки непрерывно двигались, вздрагивали или барабанили, словно пожираемыя неудержимой тревогой.

— Теперь она станетъ герцогиней,—сказалъ Стиве, грызя кончикъ усовъ.

— Герцогиней?—Какимъ образомъ?

— Вчера была ея помолвка съ герцогомъ Рудольфомъ.

— Послушайте, это въ самомъ дѣлѣ правда?—спросилъ Зюсенгутъ съ дѣтскимъ недовѣріемъ.

— Сегодня объ этомъ есть во всѣхъ газетахъ.

— Но послушайте, развѣ это разрѣшается?

— Очевидно. Впрочемъ... разрѣшается...

— Но послушайте,—тогда я могъ бы сегодня же жениться на герцогинѣ? А?

— Если бы вы были такъ красивы и богаты, какъ Рената Фуксъ—конечно.

— Ну, тѣми преимуществами, которыми она обладаетъ внѣшне, я обладаю внутренне. Въ концѣ концовъ я буду доволенъ и такой, которая является герцогиней внутренне. Не правда ли, Гиза? Что мнѣ платья? Если женщина способна чувствовать деревья, цвѣты, лѣсъ, горе такъ же, какъ я, она вполнѣ равна мнѣ. Большаго я не требую. Я даже не хочу жениться на ней. Пусть она выходитъ замужъ за другого, а мнѣ пусть отдаетъ чувства.

Зюсенгутъ произнесъ это съ какой-то сердитой нѣжностью, иногда казалось, что онъ съ усиліемъ выбрасываетъ фразы. Исканіе выраженія искажало его лицо. Онъ закрывалъ глаза, опять открывалъ ихъ, сжималъ кулаки, проводилъ красивой бѣлой рукой по лбу. Все въ немъ производило впечатлѣніе чего-то необыкновеннаго.

Гиза поднялась, поблѣднѣвъ, и медленно направилась къ колодцу, ведра котораго приводились въ движеніе вѣтрянымъ двигателемъ. Она оперлась на край его и заглянула внизъ, въ бездонную глубину, которая заставила ее закрыть глаза. Она слышала, какъ шумѣли деревья, съ которыхъ падали пожелтѣвшіе листья, а изъ дому доносились звуки разстроенной фисгармоніи.

Не успѣла она уйти, какъ Зюсенгутъ воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Куда же дѣвать ее теперь, скажите, Бога ради!

— Пора что-нибудь предпринять,—энергично произнесъ Стиве. Онъ сдѣлалъ мрачное и нетерпѣливое лицо, какъ будто сказалъ что-то очень рѣшительное, противъ чего не могло быть возраженій.

— Она не можетъ оставаться здѣсь,—продолжалъ Зюсенгутъ.—Но не можетъ ли она побыть у фрейлейнъ Ксиландеръ? Послушайте, нельзя ли это какъ-нибудь устроить?

Стиве пожалъ плечами, при чемъ его шея совершенно исчезла. Онъ бросилъ на Вандерера смущенный взглядъ и отвѣтилъ съ улыбкой, такой же мягкой, апатичной и робкой, какъ звукъ его голоса:

— Такого христіанскаго дѣянія наши средства не позволяютъ. Впрочемъ, Анна Ксиландеръ придетъ сюда сама.

— Послушайте, въ этомъ вы правы: это было бы христіанское дѣяніе!—воскликнулъ Зюсенгутъ. — Конечно, нашему брату входъ въ небесное царство даянія закрытъ. А кто способенъ давать изъ тѣхъ, которые улыбаются, возсѣдая на своихъ бархатныхъ диванахъ?

Послѣднія слова онъ произнесъ съ ненавистью, изображая жеманную скуку какой-нибудь старой графини. Вандереру казалось, что онъ видитъ карикатуру на свою пріятельницу Терке; онъ засмѣялся, хотя его не покидало тяжелое впечатлѣніе отъ глубоко-измученнаго лица Стиве.

— Хорошо, что Анна придетъ, съ ней можно отвести душу.—Зюсенгутъ мрачно посмотрѣлъ въ сторону города. Затѣмъ онъ нагнулся къ Вандереру, крѣпко сжалъ его руку и прошепталъ:

— Посмотрите-ка на это созданіе. Вы не *можете* себѣ представить, что это за чудо нѣжности и внутренняго благо-

родства. Это, это—милліардеръ сердца! И она должна погибнуть, оттого что...

— Тссс...—предостерегъ Стиве.

Зюсенгутъ закусилъ губы и замолчалъ, задыхаясь, смертельно блѣдный. Вандереръ посмотрѣлъ на Гизу Шуманъ, которая все еще неподвижно стояла, склонившись надъ колодцемъ.

Стиве всталъ и молча прислонился къ акаціи. Вандереръ замѣтилъ, что голова его была слишкомъ мала сравнительно, съ туловищемъ; это придавало его неряшливой фигурѣ что-то безпомощное. Его лицо часто казалось тонкимъ и мечтательнымъ, но производило впечатлѣніе потускнѣвшаго зеркала.

— Парія,—злобно пробормоталъ Зюсенгутъ съ такой гримасой, какъ будто во рту у него былъ дурной вкусъ. Онъ поправилъ пенснэ и подошелъ къ Гизѣ. Они направились къ группѣ серебристыхъ ясеней въ глубинѣ сада.

— Почему фрейлейнъ Шуманъ не можетъ оставаться здѣсь?—спросилъ Вандереръ, въ упоръ глядя на Стиве.

Стиве сдѣлалъ жестъ сожалѣнія. Казалось, его нѣсколько сердила важность, которую придавали этому чуждому ему несчастью. Лобъ его сморщился, лицо приняло горькое выраженіе. Вандереръ сейчасъ же понялъ его. „Да, жизнь нелегкая штука",—вздохнулъ онъ, дѣлая горестно-понимающее лицо, чтобы внушить Стиве довѣріе. Но тотъ молчалъ, и вздрагивающая улыбка иногда появлялась на его губахъ, буквально освѣщая темную бородку, надъ которой усы висѣли, точно маленькая игрушечная арка.

— Что вы собственно дѣлаете въ этомъ несчастномъ городѣ?—спросилъ Вандереръ, какъ будто ему самому приходилось страдать отъ города.

Стиве прошипѣлъ со злобой:

— Я пишу замѣтки для уличнаго листка. Журналистъ... э!

Онъ уперся руками въ бока и возбужденно зашагалъ между деревьями. Вандереръ смотрѣлъ на него задумчиво, но безъ состраданія. Онъ не былъ сострадателенъ и не любилъ этого чувства.

Вь этотъ моментъ въ садъ вошла Анна Ксиландеръ. Ансельмъ понялъ, что это—она, потому что лицо Стиве измѣнилось. Оно приняло выраженіе любезной снисходительности и ласковаго превосходства, что по отношенію къ мужественной и видимо очень энергичной дѣвушкѣ казалось комичнымъ. Она небрежно поцѣловала его и спросила:

— Гдѣ Гиза?

III.

Садъ въ роскоши своего осенняго убора представлялъ картину, полную мира и красоты. Золотисто-коричневые, зеленые, мѣдно-красные, свѣтло-коричневые, темно-коричневые листья, всѣ неподвижные,—невольно говорилось тише. У стѣны дома росъ виноградъ, но ягоды были еще очень малы, не больше ягодъ рябины. Опять донеслись визгливые звуки старой фисгармоніи.

Группа у фонтана послѣ короткаго разговора между Зюсенгутомъ и Анной Ксиландеръ стояла въ молчаніи. Гиза Шуманъ схватила руку Анны, лицо которой теперь выражало страдальческую озабоченность и выглядѣло гораздо старше. Только честные голубые глаза оставались молодыми, — можетъ быть, лишь благодаря неопредѣленному гнѣву, пылавшему въ нихъ.

Вандереръ замѣтилъ, что безпокойство Стиве, который непрерывно, съ трескомъ наступалъ на лежавшіе на землѣ листья, дѣлало гнѣвъ въ глазахъ Анны все болѣе угрожающимъ, пока онъ не прорвался въ бурныхъ, горькихъ словахъ. Горе безъ конца: долги, которые дѣлаетъ Стиве; его большіе планы и ничтожные успѣхи, все усиливающійся упадокъ энергіи въ немъ. Но странно—среди вспышки ее охватила жалость къ предмету ея гнѣва. Въ ея глазахъ появилось задушевно-испытующее выраженіе; ея жалобы обратились на нее самое, на ея неспособность поддержать его, на ея заботы о будущемъ. Въ концѣ концовъ она съ грубоватой ласковостью подошла къ Стиве, обняла его, точно больное дитя, и засмѣялась. Стиве любовно и разсѣянно погладилъ ее по щекѣ.

Вандереръ, потрясенный, опустилъ голову. Когда вскорѣ послѣ этого Стиве остался одинъ, онъ обратился къ нему и постарался завязать разговоръ, который могъ бы перейти на личную почву, повести къ откровенности, къ признанію. Но Стиве давалъ только короткіе отвѣты. Къ чему работать? Онъ не видитъ никакой цѣли. Его губитъ праздная городская жизнь, друзья, пріятельницы, женщины. Какъ всѣ люди, скользящіе внизъ по наклонной плоскости, онъ умѣлъ найти тысячу препятствій къ работѣ. Видно было, что онъ самъ не относится серьезно къ своимъ словамъ. На самыхъ его рѣшительныхъ утвержденіяхъ лежала печать боязливой неувѣренности.

Вдругъ Вандереръ торопливо произнесъ:

— Не смотрите на это, какъ на навязчивость: если я могу вамъ чѣмъ-нибудь служить,—располагайте мной.

Стиве посмотрѣлъ на него недовѣрчиво и смущенно. Онъ пробормоталъ что-то непонятное, можно было разобрать только слово „жизнь". Вандереръ осторожно осмотрѣлся, вытащилъ бумажникъ и быстро сунулъ въ руку Стиве сто-марковый билетъ. Стиве отшатнулся, точно въ испугѣ. Столько онъ, очевидно, не ожидалъ. Онъ попытался говорить, блѣдный отъ напряженія. Онъ нахмурилъ лобъ и пробормоталъ: „Вы приходите откуда-то и помогаете"... Его глаза сдѣлались влажными, а нервные пальцы, дрожа, играли цѣпочкой отъ часовъ. Вандереръ заговорилъ о театрѣ, объ упадкѣ сцены, драматическаго искусства... Взглядъ робкой и смущенной благодарности—вотъ все, что онъ получилъ въ отвѣтъ.

Наконецъ, показалось солнце. Безучастное, съ свинцовымъ блескомъ выступило оно изъ тумана. Зюсенгутъ восторженно осматривался вокругъ съ зеленой шапочкой въ рукѣ. По саду носилась, словно море пряныхъ ароматовъ, зрѣлая свѣжесть осени. Анна Ксиландеръ разсказывала о помолвкѣ фрейлейнъ Фуксъ. Одинъ изъ ея друзей давалъ уроки музыки въ домѣ фабриканта, и она передавала то, что слышала о жизни тамъ, со своей грубоватой залихватской и язвительной манерою.

— Эти люди живутъ точь-въ-точь, какъ поѣзда, каждый на своихъ рельсахъ. Весь домъ настоящая сортировочная станція, на которой все тщательно распредѣляется, чтобы не произошло столкновенія. Всѣ поѣзда пусты, за исключеніемъ Ренаны. Эта послѣдняя—маленькій курьерскій поѣздъ, наполненный безпокойными пассажирами, стремящимися уѣхать.—Всѣ громко смѣялись, даже Зюсенгутъ улыбался. Онъ слегка похлопалъ Анну Ксиландеръ по колѣну и сказалъ:

— Цѣльный человѣкъ. Не чувствуетъ ни къ чему почтенія. Единственное жизненное искусство,—вотъ мое мнѣніе.

— Это будетъ удивительный бракъ,—сказалъ Стиве съ раздумьемъ въ голосѣ, заставившимъ Анну Ксиландеръ съ лукавой забоченностью спросить его, не голоденъ-ли онъ. Но Стиве хотѣлъ только скрыть свою внутреннюю радость и поэтому форсировалъ свое прежнее унылое настроеніе.

Зюсенгутъ сталъ горячо возражать на замѣчаніе Стиве. Гиза сзади подошла къ нему и успокаивающе положила руки ему на плечи. На ея тихомъ лицѣ съ опущенными глазами выражалась тоскливая безпомощность.

— Бракъ? Послушайте, это вы называете бракомъ? То, что онъ гонится за красивой рожицей и за милліонами, а она за красивымъ титуломъ? Развѣ они когда-нибудь поймутъ другъ друга? Развѣ они сольются, какъ два потока, искавшіе другъ друга (Здѣсь Анна Ксиландеръ сдѣлала

похотливую гримасу)? Узнаютъ-ли они когда-нибудь мистическій трепетъ этого сліянія? Нѣтъ, оба устанутъ отъ своего одиночества, будутъ страдать отъ холода, внутренно умирать, будутъ несчастны и покинуты. Ни весна, ни лунная ночь не скажутъ уже ничего Ренатѣ Фуксъ, ни одной радостью не сможетъ она насладиться вполнѣ, подъ ея руками все будетъ цѣпенѣть. Не преступленіе-ли это? Когда женщина идетъ путемъ, предназначеннымъ ей природой, она является носительницей счастья, производительницей его. Каждый счастливый предупреждаетъ десять преступленій. Таково мое мнѣніе. Такой бракъ—мать десяти преступленій.

Въ рѣчахъ Зюсенгута было что то обволакивающее, они отнимали желаніе возражать.

— Фрейлейнъ Фуксъ придетъ сюда сегодня,—сказала Гиза Шуманъ. Это были ея первыя слова, и всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на ея красныя губы. Анна Ксиландеръ ободряюще улыбнулась ей. Видя, что ея сообщеніе поразило общество, Гиза смутилась.

— Она хочетъ сдѣлать мой портретъ,—тихо продолжала она.—Вѣдь она рисуетъ. Я не знаю, гдѣ она могла-бы меня встрѣтить, если не здѣсь, у васъ въ саду, господинъ Зюсенгутъ. Сначала она не хотѣла, но потомъ согласилась. Это было позавчера. Она хотѣла сдѣлать эскизъ пастелью на открытомъ воздухѣ. Я буду получать десять марокъ въ часъ.

— По-царски,—замѣтила Анна Ксиландеръ. — Гиза смущалась все больше, подъ конецъ она была вся точно залита кровью. Конечно, только потому, что всѣ смотрѣли на нее, а она одна должна была говорить.

— Она рисуетъ,—презрительно сказалъ Зюсенгутъ.—Ея превосходительство оказываетъ тебѣ милость. Быть можетъ, она еще придетъ когда-нибудь къ тебѣ, Гиза, и предложитъ тебѣ свою корону въ обмѣнъ на твою печальную свободу.

Вандерера поразило, что Зюсенгутъ говоритъ ей ты, тогда какъ Гиза говоритъ съ нимъ, точно съ важной особой. Ансельмъ былъ взволнованъ всѣмъ, что происходило вокругъ него, а съ тѣхъ поръ, какъ Гиза сдѣлала свое сообщеніе, онъ находился въ полной ожиданія тревогѣ, которую, какъ ему казалось, онъ замѣчалъ и въ остальныхъ.

— Я подозрѣваю, что она приходитъ только изъ-за васъ,— уныло и недовольно сказала Гиза Зюсенгуту. Вандереръ невольно кивнулъ головой. Зюсенгутъ изумленно взглянулъ на нее.

— Она знаетъ, что я ежедневно бываю здѣсь. Ей говорили это въ рисовальной школѣ.

— Если она вздумаетъ важничать, мы ее проучимъ,—выпалила Анна Ксиландеръ и засмѣялась. Смѣхъ у нея былъ

отвратительный даже при самыхъ простыхъ словахъ, полный цинизма.

Зюсенгутъ попросилъ ее подняться наверхъ, въ капеллу, сыграть что-нибудь на фисгармоніи. Его кузины теперь въ церкви и не будутъ мѣшать ей. Она слегка провела рукой по лбу, какъ будто еще разъ припоминая всѣ свои заботы, спросила Стиве съ свойственнымъ ей ироническимъ лукавствомъ, какъ онъ себя чувствуетъ, и направилась къ дому.

Ансельму Вандереру казалось удивительнымъ, какъ женщины исполняли желанія Зюсенгута. Не только удивительнымъ, но почти таинственнымъ. Зюсенгутъ сорвалъ съ забора дикую розу и поднесъ ее Гизѣ. Вандереръ почувствовалъ, какъ будто между ними прошелъ невидимый токъ, какъ Гиза вся затрепетала. Все способствовало тому, чтобы вывести его изъ его оцѣпенѣнія, уничтожить его искусственное, безплодное и немного кокетливое одиночество. Уже тяжелый, сомнѣвающійся, исполненный робкой благодарности взоръ Стиве заставилъ его задуматься.

Анна Ксиландеръ начала играть; сначала нѣчто въ родѣ хорала; но, замѣтивъ, какъ разстроенъ инструментъ, она бѣшено ударила по клавишамъ, давая выходъ своему гнѣву холерика въ рѣзкихъ диссонансахъ. Затѣмъ она успокоилась и заиграла мирное andante.

Зюсенгутъ сидѣлъ на краю колодца и держалъ руку Гизы въ своей. Онъ тихо подпѣвалъ съ тѣмъ пыломъ и увлеченіемъ, которые характеризовали все въ немъ. Среди мелодіи онъ вдругъ поднялся, поднесъ руку ко лбу въ видѣ зонтика и сталъ вглядываться въ дорогу, на которой показался изящный экипажъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Фрейлейнъ Фуксъ дружески кивнула Ансельму Вандереру и подошла къ Гизѣ и Зюсенгуту. Она извинилась передъ молодой дѣвушкой, что не можетъ сегодня рисовать. Она попробуетъ начать черезъ нѣсколько дней. Затѣмъ она заговорила съ Зюсенгутомъ. Сначала ихъ бесѣда казалась только обмѣномъ вѣжливыхъ фразъ, затѣмъ Зюсенгутъ продолжалъ говорить одинъ спокойно и непринужденно, какъ человѣкъ, желающій выказать себя съ лучшей, наиболѣе выгодной стороны. Рената Фуксъ внимательно слушала его, глядя въ землю и чертя своимъ тонкимъ зонтикомъ линіи на пескѣ. Отъ времени до времени она поднимала голову,

чтобы (воспоминаніе, вызванное этимъ движеніемъ, заставило Вандерера улыбнуться) дунуть на вуаль. Линіи въ пескѣ становились все спутаннѣе, рука, чертившая ихъ, безпокойнѣе. Наконецъ, она рѣшительнымъ движеніемъ подала Зюсенгуту руку и подошла къ Вандереру, который прощался со Стиве, какъ будто его призывали неотложныя дѣла.

— А!—сказала она небрежно,—я уже давно не видала васъ.

— Два дня,—отвѣтилъ Вандереръ, хмурясь, такъ какъ эти слова показались ему кокетствомъ. Ему казалось, что она была не та. Ея улыбка казалась болѣе бѣглой, почти машинальной, движенія болѣе вялыми; когда она поднимала вѣки, глаза казались больше, глядѣли дальше.

— Не проводите ли вы меня опять? Я люблю ходить по полю. Здѣсь такъ много солнца и свѣжо.

Когда они послѣ неизбѣжныхъ прощальныхъ фразъ очутились за заборомъ, она сказала:

— Уже это одно свобода для меня: видѣть такой большой кусокъ неба и знать, что далеко, далеко вокругъ нѣтъ ни одного дома.

— Но вѣдь вы теперь на пути къ тому, чтобы обрѣсти гораздо большую свободу.

Она сбоку посмотрѣла на него:

— Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что я теперь скажу. Я страшно люблю лошадей, охоту и лѣса: они должны принадлежать мнѣ; и корабли на морѣ, и оно должно принадлежать мнѣ,—ахъ, до чего я люблю все это. А, можетъ быть, это и не такъ. Можетъ быть, это что-то совсѣмъ другое.

— И вы думаете, что ваши желанія держатъ васъ за руку и ведутъ туда, куда вы хотите, чтобы васъ вели.

— А! — воскликнула она съ радостью и со скрытымъ изумленіемъ:—Я хотѣла бы сказать вамъ еще многое,—прибавила она почти тоскливо.

Смѣсь дѣтскаго и серьезнаго въ ней почти сердила его. Онъ рѣшилъ заставить ее смутиться.

— Я думаю, что вы не можете противостоять волѣ, болѣе сильной, чѣмъ ваша. Поэтому то вы такъ безпокойны, какъ магнитная игла.

Она остановилась и сказала:—Это очень странно.

— Что?

— То-же самое сказалъ Зюсенгутъ.

Онъ замѣтилъ ея недовѣрчивый взглядъ и пожалъ плечами.

— Въ сущности это банально.

— Вотъ именно: эти слова о магнитной иглѣ...

— Я никогда не говорилъ съ Зюсенгутомъ о васъ.

— Меня это очень безпокоитъ,—довѣрчиво прошептала Рената.

Разговоръ продолжался все въ томъ же родѣ. Содержаніе его было все такъ же незначительно. Оттѣнокъ важности ему придавала нѣмая игра взаимнаго исканія, скрывавшаяся за словами безъ опредѣленнаго смысла. Разъ Рената Фуксъ остановилась и восторженно сказала:

— Здѣсь такъ хорошо, что я не хочу уходить отсюда.

Экипажъ съ все еще покрытыми пѣной лошадьми поровнялся съ ними, и она крикнула кучеру, чтобы онъ ждалъ у ресторана.

— Смотрите, какъ все блеститъ и сверкаетъ! Вонъ летятъ ласточки, видите? Солнце такое тусклое... А лѣсъ фіолетовый, а тамъ синій. А равнинѣ не видно конца. Ребенкомъ я думала, что тамъ кончается свѣтъ, и что, если туда пойти, упадешь внизъ, какъ съ доски.

Ансельмъ, сдѣлавшійся задумчивымъ, спросилъ ее, пользуется-ли она полной свободой.

Она мгновеніе мечтательно смотрѣла передъ собой, затѣмъ прошептала съ омрачившимся лицомъ:

— Я ищу...

— Вы ищете?

Она повернулась къ нему и прямо посмотрѣла на него. При этомъ она поблѣднѣла, и въ глазахъ у нея опять появилось что-то далекое, полное тоски и ожиданія:

— Я ищу человѣка, которому могла бы вѣрить.

Онъ смотрѣлъ на нее, испуганный этими простыми, нѣсколько жалобными словами.

— Видите,—тихо продолжала она,—вотъ это мой экипажъ. Онъ принадлежитъ мнѣ одной. Всегда, когда я ѣзжу по улицамъ, я всматриваюсь во всѣ лица, женскія и мужскія. Отъ женщинъ я не жду ничего уже давно, особенно отъ дѣвушекъ. Вы должны когда-нибудь придти къ намъ познакомиться съ моими сестрами. Вы увидите, можно ли отъ нихъ чего-нибудь ждать.

Она сняла одну перчатку и подняла вуаль. Онъ увидѣлъ блѣдную, худую, почти безсильную руку, которая въ этотъ моментъ показалась ему полной кротости и усталой нѣжности. Ансельмъ Вандереръ не осмѣливался отвѣтить ей что либо. Онъ посмотрѣлъ въ сторону дома, гдѣ жилъ Зюсенгутъ. Онъ былъ уже далеко и сверкалъ въ сіяніи осенняго солнца. Тысячи серебряныхъ нитей медленно дрожали въ воздухѣ, какъ будто хотѣли соткать покровъ, непроницаемый для худшихъ дней. Рената Фуксъ бросила на все это взглядъ, полный желанія. Ея глаза предательски блестѣли.

— Вы мучите себя,—сказалъ Ансельмъ серьезно, дѣлая движеніе, какъ будто хотѣлъ схватить ея руку.

— Да, я мучу себя,—отвѣтила она, какъ будто только теперь пришла къ этому убѣжденію.

— Я не хотѣлъ бы быть навязчивымъ, но если вы хотите, задачей моей жизни будетъ завоевать ваше довѣріе или оправдать его. Какъ вы хотите?

— Герцогиня Рената звучитъ красиво, не правда ли? — спросила она, и Ансельмъ не повѣрилъ своимъ ушамъ, услыша это. Но, взглянувъ на нее, онъ замѣтилъ, что она еще борется со слезами и пытается смѣяться. Его охватило бурное состраданіе.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, что васъ гнететъ? — спросилъ онъ, съ нѣсколько комичной мягкостью въ тонѣ.

— Больше всего Эльвина Симонъ,—вырвалось у нея, и взглядъ ея сталъ странно безпокоенъ.

— Эльвина Симонъ? Кто это такая?

II.

Рената познакомилась съ Эльвиной Симонъ три года тому назадъ. Лѣтомъ она иногда приходила въ домъ фабриканта, и онѣ устраивали различныя игры. Онѣ познакомились у синьоры Миккели, у которой обѣ брали уроки итальянскаго языка,—Эльвина, потому что должна была поступить въ контору своего брата въ Миланѣ, Рената для развлеченія Эльвина, жившая со своей бѣдной матерью, платила за уроки очень мало. Но объ этомъ Рената узнала только гораздо позже.

Эльвина была кроткая и гордая. У нея была маленькая изящная фигура. Если бы не озабоченное выраженіе, лицо ея было бы почти красиво. Когда съ ней заговаривали, она улыбалась неописуемой улыбкой: любовно, нѣжно и словно прося о снисхожденіи. Ея глаза, днемъ желтовато-сѣрые, вечеромъ темнѣли, становились темно-синими, сіяющими, влажными, тихими, задумчивыми.

Рената любила эту дѣвушку, но относилась къ ней со странной сдержанностью, причина которой лежала въ самомъ существѣ Эльвины. Она была полна почтительности, никогда не говорила чего-нибудь, что можно было бы истолковать иначе, не жаловалась, не была недовольна. Рената хорошо помнила красное лѣтнее платье съ черной бархатной отдѣлкой, которое Эльвина всегда носила, и въ которомъ она казалась еще тоньше и стройнѣе. На улицѣ на нее часто смотрѣли, но въ своемъ простодушіи она не замѣчала взглядовъ ни мужчинъ, ни женщинъ.

Однажды днемъ, въ маѣ, подруги гуляли по берегу Изара. Эльвина разсказывала о своей матери, что дѣлала

очень рѣдко: она оживленно говорила, иногда смѣялась и при этомъ смотрѣла на Ренату, какъ будто спрашивая, хорошо ли это. Вдругъ она остановилась, схватилась рукой за грудь, и губы ея задрожали. Рената, встревоженная, спросила, что съ ней, но она не отвѣчала. Онѣ повернули обратно, и когда пришли къ дому Эльвины, тамъ оказались чужіе люди. Съ ея матерью случился ударъ, она была мертва. Эльвина не сказала ни слова. Она сидѣла съ неподвижнымъ взоромъ. Рената горячо просила ее пойти съ ней, но она не слышала. Рената оставалась съ ней до ночи. На слѣдующій день она заболѣла; она написала Эльвинѣ, но не получила отвѣта, а когда она черезъ недѣлю оправилась и пошла къ ней, квартира была пуста, и ей сообщили, что Эльвина уѣхала съ братомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Нѣсколько дней тому назадъ Рената опять встрѣтила Эльвину.

Она шла домой пѣшкомъ, потому что въ экипажѣ сломалось дышло. Въ тѣхъ мѣстахъ есть нѣсколько улицъ, пользующихся дурной славой; тамъ можно увидѣть лица, какихъ въ городѣ не встрѣтишь. Но Рената шла безъ страха, хотя уже наступила темнота. Мимо нея проходили мужчины и женщины, возвращавшіеся съ работы, съ грохотомъ проѣзжали тяжелые возы. Вдругъ Рената увидѣла знакомое лицо, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сзади нея зажгли фонарь. Она испугалась, но потомъ оправилась, остановилась, и трехъ лѣтъ какъ будто не бывало. Передъ ней стояла дѣвушка и смотрѣла на улицу, полную людей и пыли. Рената подумала, что это не можетъ быть Эльвина, но когда она хотѣла пойти дальше, Эльвина взглянула на нее. Сначала она равнодушно и почти гнѣвно оглядѣла нарядное платье, затѣмъ поблѣднѣла, какъ стѣна. Рената назвала ее по имени; она улыбнулась каменной улыбкой и продолжала улыбаться, когда онѣ рядомъ пошли дальше. Сначала Эльвина шла медленно, и Рената стала спрашивать ее, откуда она теперь, какъ ей живется, гдѣ она была. Она не отвѣчала и шла все быстрѣе; вдругъ, когда Рената уже едва переводила дыханіе, она остановилась въ мрачномъ маленькомъ переулкѣ за пивоварней. Она взяла Ренату за руку, увлекла ее въ темныя ворота какого-то дома и сказала, что теперь Рената должна уйти, дальше ей идти нельзя. Затѣмъ она начала безутѣшно плакать, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Ея плачу не было конца, и Рената, не находившая словъ, гладила ее по волосамъ, и ею овладѣло смутное предчувствіе.

— Бога ради уходите, Рената, здѣсь вамъ нельзя быть, — прошептала Эльвина.

— Что вы дѣлаете, Эльвина?—со страхомъ спросила Рената.

— Ко мнѣ приходятъ мужчины,—сказала Эльвина, страшно широко открывъ глаза и сейчасъ же опять закрывъ ихъ. Рената задрожала. Конечно, она слышала, что дѣвушки продаются, но въ ея представленіи это оставалось пустымъ понятіемъ. И лучшая изъ всѣхъ, Эльвина? Рената не могла больше говорить, она молча ушла.

III.

Все это она разсказала Вандереру короткими, отрывистыми фразами, то краснѣя, то блѣднѣя, то нетерпѣливо, то страстно, то умолкая на моментъ, чтобы овладѣть собой.— Почему именно мнѣ?—думалъ Вандереръ; онъ находилъ это загадочнымъ; сіяющій день, казалось, омрачился. Но самымъ потрясающимъ было то, что весь этотъ отрывистый разсказъ звучалъ, какъ исповѣдь въ винѣ. Вандереръ былъ смущенъ, и языкъ его былъ точно парализованъ. Когда они подошли къ экипажу, онъ только (какъ это ни нелѣпо) попросилъ у нея позволенія написать ей о своемъ „впечатлѣніи", и Рената отвѣтила на это блуждающимъ взглядомъ. Затѣмъ она подала ему руку, и лошади умчались, какъ вихрь.

Онъ медленно пошелъ къ городу, и вопросы Ренаты звучали въ его душѣ. „Какъ это дѣвушки продаются? Какъ это возможно? Плохія это дѣвушки, справедливо ли ихъ презираютъ? Неужели въ нихъ не остается ничего прежняго? Напрасно ли пытаться спасти ихъ или ихъ вовсе не надо спасать? Кто виноватъ въ томъ, что онѣ стали такими, и преступленіе ли это быть такими? У меня такое чувство, какъ будто я вдругъ стала видѣть. Но я вижу все непонятныя вещи, и я не знаю, смѣю ли я видѣть, или я должна дѣлать видъ, что я еще слѣпа".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Рената сидѣла въ своей комнатѣ, озаренной мягкимъ свѣтомъ завѣшенной лампы. Черезъ открытыя окна были видны шумѣвшія деревья, на пожелтѣвшую листву которыхъ еще падали дрожащіе отсвѣты. Внизу раздавались торопливые шаги слугъ, накрывавшихъ подъ руководствомъ фрау Фуксъ столы. Ренатѣ казалось непонятнымъ, какъ прошелъ

день. Она едва замѣтила его. Она долго читала. Она покупала теперь много книгъ, которыя ей хвалили, потому что онѣ въ модѣ, и глотала ихъ, какъ голодные глотаютъ хлѣбъ. Но все это было далекое и неосязаемое; въ головѣ у нея оставалась только путаница, туманъ и пустая тревога. Время отъ времени она брала въ руки письмо Вандерера; онъ благодарилъ ее за довѣріе и писалъ ей, что есть вещи, которыя при мимолетномъ знакомствѣ съ ними кажутся гораздо болѣе ужасными, чѣмъ онѣ есть въ обыденной жизни. Трусливыя увертки, пустыя фразы, она ясно чувствовала это. Она жалѣла, что ждала чего-то. Но его увѣренныя и спокойныя манеры внушили ей надежду.

Лони пришла звать ее. Она еще разъ окинула взглядомъ полуосвѣщенную комнату и потушила огонь. Сильнѣе шумѣли деревья, ночь, казалось, становилась тревожнѣе. Къ ужину должны были придти графиня и баронесса Терке и Эрнестина Іенсенъ съ матерью. А развѣ нужно было Ренатѣ, чтобы онѣ пришли? Нужны ей были громогласныя нѣжности, ничего не говорящіе поцѣлуи, обмѣнъ давно извѣстными тайнами? Нѣтъ. Нуженъ ли былъ герцогъ съ его холоднымъ спокойствіемъ и испытующими глазами, въ которыхъ иногда вспыхивала тяжелая страсть? Нѣтъ. Но развѣ знала Рената, что ей нужно? Нѣтъ.

Вандереръ также получилъ приглашеніе. За день до этого онъ завезъ свою карточку.

Рената сбросила красный креповый абажуръ, висѣвшій надъ высокой лампой у рояля; она не переносила краснаго цвѣта. Фрау Фуксъ подумала: „ну, да, молодыя дѣвушки любятъ немножко поломаться“. Она снисходительно улыбнулась и нѣсколько времени спустя опять натянула красную ткань. Это лѣнивое спокойствіе было ея сильнѣйшимъ оружіемъ. Вообще-же она держала себя такъ, какъ будто сама должна была сдѣлаться герцогиней, говорила такъ медленно, какъ будто не хотѣла расточать словъ, прежде чѣмъ не будетъ принята при дворѣ.

Пришли дамы Терке, вслѣдъ за ними и Іенсены. Маленькая баронесса, пыхтя и задыхаясь, сыпала любезностями, и въ ея накрашенномъ лицѣ было что-то призрачное. Она непрерывно вызывала смѣхъ. Она говорила истины, которыя какъ будто лежали подъ кожей, такъ что при прикосновеніи къ нимъ становилось щекотно. Молодая графиня Адель была въ обществѣ совсѣмъ другая. Она старалась прежде всего производить впечатлѣніе красивой дѣвушки: много молчала, не дѣлала ни одного движенія, которое не было-бы полно достоинства, не говорила ничего безъ многозначительной важности думающаго человѣка и сладко улыбалась. Но

когда она смѣялась, ея поверхностность становилась очевидна. Что касается Эрнестины Іенсенъ, то она была безобразна. Когда она радовалась или приходила въ восторгъ, она опускала голову и закатывала глаза. Она изнывала отъ тайныхъ желаній, но изъ боязни, что это могутъ замѣтить (такъ какъ въ грустномъ настроеніи она выглядѣла еще непривлекательнѣе), она всегда старалась придавать взгляду восторженное выраженіе.

Разговоръ шелъ о новой книгѣ; всѣ дѣлали видъ, что понимаютъ ее. Ее критиковали, какъ будто книга это—платье, которое должно подойти всякому. Графиня Терке сидѣла у рояля, и пальцы ея скользили по клавишамъ, звуки были точно бархатные. Рената слушала, и чтобы скрыть это, разсѣянно улыбалась, о чемъ-бы ни говорилось—даже тогда, когда баронесса разсказывала очень трагическую исторію, въ которой кто-то соблазнилъ одну молодую дѣвушку и вмѣстѣ съ нею умеръ въ Брюсселѣ отъ голода. Поучительная и глубоко моральная исторія. Фрейлейнъ Іенсенъ покраснѣла, когда было произнесено слово любовница, и быстро посмотрѣла на кончикъ своей лакированной ботинки. Баронесса визгливо смѣялась: даже въ ужасной катастрофѣ голодной смерти она нашла остроумный оттѣнокъ, заставившій покраснѣть уже *обѣихъ* молодыхъ дѣвушекъ, Адель и Эрнестину. Рената сидѣла и думала о далекихъ странахъ, далекихъ городахъ.

Лакей доложилъ о приходѣ герцога, и нѣсколько минутъ спустя появились сестры Ренаты одновременно съ Ансельмомъ Вандереромъ. Онѣ были очень шумливы и, стараясь блеснуть, выворачивали наружу все самое сокровенное. Вошелъ герцогъ. Всѣ встали, и вся комната, казалось, стала полна торжественности. Рената пошла навстрѣчу жениху, и они вѣжливо поцѣловались. Герцогу было лѣтъ сорокъ пять Его манеры были полны спокойствія и холодности. Онъ производилъ впечатлѣніе много путешествовавшаго иностранца, у котораго привычка къ впечатлѣніямъ отняла всякую непосредственность. Въ его глазахъ было что-то стальное, рѣзко и холодно испытующее. Въ немъ не было ничего придворнаго, онъ скорѣе напоминалъ русскаго эмигранта изъ высшаго дворянства. Его рукопожатіе казалось рукопожатіемъ человѣка, на котораго можно положиться. Онъ славился своей независимостью, широкими политическими взглядами, своими приключеніями съ женщинами, своими путешествіями и конюшнями.

Рената смотрѣла, какъ онъ бесѣдовалъ съ дамами. Она сидѣла у рояля, откинувъ голову назадъ; глубокое равнодушіе къ своей жизни охватило ее. Высота общественнаго

положенія, на которую она должна быть вознесена, представлялось ей ледянымъ сѣвернымъ полюсомъ.

— Она думала объ Эльвинѣ Симонъ со смѣсью дружбы и ужаса. Сестры и обѣ другія дѣвушки, смѣясь, подошли къ ней, наговорили ей любезностей и просили что-нибудь сыграть. Конечно, имъ нужно было только, чтобы слышали, какъ мило онѣ умѣютъ просить. Рената исполнила ихъ просьбу и сыграла вальсъ; въ игрѣ принимали участіе только ея руки. Между тѣмъ графиня Терке жаловалась герцогу на распространеніе соціализма, что ему, конечно, было извѣстно. Въ углу за ширмами баронесса со своей живой и вертлявой манерой разсказывала молодому Вандереру, что въ міровоззрѣніи собаки Тигра произошелъ коренной переворотъ: онъ сталъ интересоваться музыкой. Когда Рената кончила, молодыя дѣвушки сказали:—Прелестно! Восхитительно!

Она зацѣпилась своимъ чудеснымъ кружевнымъ платьемъ за ножку рояля, и Вандереръ подскочилъ и ловко освободилъ ее.

II.

Въ комнатѣ, выходившей въ садъ, былъ балконъ, который лѣтомъ былъ открытъ, а съ октября аакрывался стеклянными рамами. Тамъ сидѣлъ Вандереръ съ фрау Фуксъ. Она разсказывала ему о послѣдней поѣздкѣ на воды; разсказъ этотъ состоялъ изъ однихъ названій станцій:

— Мы проѣзжали Аугсбургъ, ну, красивый городъ, конечно, очень красивый городъ. Штутгартъ тоже красивый городъ. Фрейбургъ ну (это неторопливое „ну" играло важную роль), очень недурный городъ. Да-а. Тамъ Рената познакомилась съ герцогомъ у профессора Шейфлина, да. Можно дѣйствительно сказать, что это была любовь съ перваго взгляда, да. По крайней мѣрѣ, съ его стороны. Ну, съ Ренатой это не такъ-то легко. У нея никогда ничего не узнаешь. Ну, потомъ мы пріѣхали въ Баденъ-Баденъ. Очень красивое мѣсто, почти сказочное, но тамъ очень жарко. Однажды Рената каталась верхомъ по аллеѣ, лошадь понесла, да; изъ толпы выскочилъ господинъ, схватилъ животное подъ уздцы... это былъ герцогъ. Ну, съ тѣхъ поръ они часто встрѣчались, т. е., разумѣется, въ моемъ присутствіи. Да-а!

— Очень интересно, - вѣжливо пробормоталъ Вандереръ. Манера старой дамы говорить напоминала ему выжиманіе сока изъ высохшаго лимона. Она обращалась съ каждымъ словомъ, какъ съ рѣдкимъ лакомствомъ, давала ему растаять во рту и затѣмъ закрывала глаза, особенно когда говорила „ну", что, казалось, доставляло ей большое наслажденіе.

Терпливо подошла Рената спросить мать относительно вина. Вандереръ поднялся, но Рената устало опустилась на стулъ, который раньше занимала мать.

— Я получила ваше письмо,—сказала она, хмурясь:—я была недовольна, что вы написали мнѣ.

Видя, что онъ молчитъ, она нервно продолжала:

— Моя мать, конечно, разсказала вамъ баденъ-баденскую исторію? Да, это она дѣлаетъ всегда. Но я должна сейчасъ же сказать вамъ, что лошадь остановилъ не герцогъ, а его спутникъ, майоръ фонъ-Шталенъ. Моя мать находитъ, что это могъ бы сдѣлать и герцогъ. Вотъ она и разсказываетъ это такъ. Это не мѣшаетъ ей быть очень доброй женщиной.

— Вы что-то очень безпокойны, — сказалъ Вандереръ, взглянувъ на нее.

— Да, я слишкомъ мало спала. Вчера мы были на „Тристанѣ“.

— Хорошо.

— Это очень утомительно. Кромѣ того, я не понимаю этой музыки. То-есть иногда у меня бываетъ такое чувство, что для пониманія я должна быть очень несчастна. Послѣ этого я нѣкоторое время совсѣмъ не слушаю. Вы понимаете это?

— Не совсѣмъ. Что я хотѣлъ сказать вамъ? Да, я нашелъ мѣсто для Эльвины Симонъ. Она... уже служитъ. И она... уже не живетъ тамъ...

Онъ остановился. Рената поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, потомъ улыбнулась; затѣмъ она на мгновеніе положила свою руку на руку молодого человѣка и сказала:

— Этого я никогда не забуду.

Она встала и ушла болѣе легкой походкой, чѣмъ пришла.

У Вандерера не было желанія вернуться въ большую гостиную, откуда ясно доносился гулъ голосовъ. Въ углу на мольбертѣ стоялъ сдѣланный Ренатой эскизъ портрета Гизы. Это напоминало ему странный, волнующій разговоръ съ Зюсенгутомъ, приблизительно такого содержанія:

— Послушайте, эта Гиза Шуманъ - самое чистое душой и тѣломъ, самое совершенное, достойное зависти существо!

— Да, она нравится мнѣ.

— Нравится мнѣ! Это индивидуальность! Она испытала меланхолію жизни, побѣдила тяжелыя испытанія силой своей дѣвственности. И вы говорите „нравится мнѣ“!—Зюсенгутъ былъ внѣ себя.

Вандереръ успокоилъ его и, давъ слово молчать, услышалъ то, что Зюсенгутъ самъ зналъ о Гизѣ. Родителямъ Гизы, бѣднымъ и алчнымъ людямъ, какая то важная на видъ дама сообщила, что одинъ высокопоставленный, близко

стоящій ко двору господинъ живо интересуется Гизой. Онъ видѣлъ ее въ ателье одного художника. Начались переговоры, о которыхъ молодая дѣвушка ничего не знала и не должна была знать... Родителямъ была обѣщана крупная сумма денегъ, если Гиза дастъ свое согласіе на извѣстныя условія. Это была форменная продажа. Гизу пригласили въ ателье, находившееся на Амаліеништрассе; тамъ, послѣ долгихъ уговоровъ, та же самая важная дама убѣдила ее позировать ей нагой. Обыкновенно Гиза давала рисовать съ себя только голову, и никакое вознагражденіе не могло заставить ее согласиться на другой родъ заработка. Но необыкновенно милыя, материнскія манеры старой дамы разсѣяли ея опасенія. Ателье находилось рядомъ съ квартирой Зюсенгута, которая раньше тоже служила мастерской, но теперь была больше похожа на пещеру, чѣмъ на жилище человѣка. По обыкновенію Зюсенгутъ спалъ до вечера; его разбудили глухіе, страшные крики. Не успѣлъ онъ кое-какъ одѣться, какъ молодая дѣвушка, нагая, въ безпамятствѣ, словно помѣшанная, пробѣжала мимо его окна, высоко поднявъ руки и откинувъ назадъ голову. Онъ узналъ ее, почти догадался, что это она; уже давно она была предметомъ его восхищенія, онъ предчувствовалъ опасности, грозившія ей. Онъ бросился во дворъ въ подъѣздъ и увидѣлъ тамъ молодыхъ людей съ нею. Между тѣмъ сосѣднее ателье опустѣло незамѣтно, потому что дворъ имѣлъ еще одинъ выходъ на Тюркенштрассе. Гиза долго не хотѣла ничего разсказывать, не хотѣла вспоминать; это происшествіе оставило въ ея душѣ состояніе болѣзненнаго унынія. Судебное слѣдствіе было, конечно, замято; было сдѣлано все, чтобы заставить забыть происшествіе и его жертву.

Такъ разсказывалъ Зюсенгутъ. Онъ, казалось, страдалъ отъ каждаго слова, онъ задыхался, выбрасывалъ фразы, его тѣло потрясали судороги жалости и бѣшенства. Подъ конецъ онъ прибавилъ, что знаетъ, какому высокопоставленному господину онъ могъ бы предъявить обвиненіе, но многое закрываетъ ему ротъ. А теперь молчаніе, любезный другъ! Съ этими словами онъ исчезъ за угломъ площади Одеона.

Вандерера привело въ себя подобострастное хихиканье; ему стало неловко своего неприличнаго уединенія. Это были сестры съ герцогомъ, онѣ вертѣлись вокругъ него, какъ робкія курицы. Передъ портретомъ Гизы—живымъ и характернымъ эскизомъ — они остановились. Герцогъ вдругъ сунулъ обѣ руки въ карманы—странное движеніе, видное Вандереру съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Затѣмъ онъ рѣз-

кимъ движеніемъ повернулся къ столу съ фотографіями, нервно разбросалъ ихъ и попросилъ стаканъ воды.

III.

— Что вы бродите, какъ медвѣженокъ? — сказала баронеса Терке Вандереру. Она сидѣла, какъ она выражалась, „благодушно“ въ углу и дѣлала видъ, что наблюдаетъ. Въ дѣйствительности же она большею частью спала. Она всегда находила удачныя сравненія; скрытая застѣнчивость Вандерера не могла быть осмѣяна лучше. Онъ хотѣлъ казаться скучающимъ и казался робкимъ. Когда кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ, онъ многозначительно улыбался, изящнымъ жестомъ покручивалъ свои красивые усики, дѣлалъ то благосклонное, то покорное судьбѣ лицо, вздыхалъ, сморѣлъ то на того, то на другого, какъ будто разсѣянно, въ дѣйствительности же былъ на сторожѣ, какъ барсукъ въ своей норѣ. Забавная смѣсь тщеславія и высокомѣрія.

Онъ счелъ необходимымъ не бесѣдовать съ дамами и, улыбаясь, подсѣлъ къ Адель Терке. „Вы играете на рояли, сударыня?“—„Да.“—„Вы любите музыку?“—„О да.“ „Что-же вы играете охотнѣе всего? Классическую музыку?“ — „Да, и классическую музыку“...—„Вы играете „Смерть Изольды?“—„Смерть Изольды? Нѣтъ. Теперь я играю „Пляску смерти“. Ухъ, это жуткая вещь, но не классическая“—„Она и не должна быть классической“—„Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Объ этомъ нѣтъ и рѣчи“,

Обезкураженный, но съ той же улыбкой, обратился онъ къ Эрнестинѣ Іенсенъ. „Вы много читали, сударыня?“—„Ахъ, въ сущности нѣтъ:“—Что-же вы читаете охотнѣе всего?“—„Теперь я читаю „Златорогъ“ Баумбаха. Это очень хорошо. Такую вещь можетъ написать только поэтъ“. Она восторженно закатила глаза.—„Да, вы правы, это можетъ только большой поэтъ.“—Смущенная его тономъ, молодая дѣвушка бросила на него быстрый подозрительный взглядъ и затѣмъ съ нѣсколько насильственной сердечностью заговорила съ сестрами Ренаты, которыя не переставали хихикать.

Баронесса, впопыхахъ, задыхаясь, разсказывала не достаточно пристойную исторію объ одномъ майорѣ, который, придя домой, засталъ жену на мѣстѣ преступленія. Графиня непрерывно кусала себѣ губы, то краснѣла, то блѣднѣла, но веселая баронесса вся ушла въ комизмъ случая, и сбить ее было не такъ-то легко. Въ самомъ дѣлѣ, на нее было трудно сердиться, и она твердо, съ тайной ироніей разсчитывала [illegible]

щинѣ съ искренней симпатіей, быть можетъ, только за то, что она была естественна. Она слушала ея равномѣрно льющуюся болтовню, и ей казалось, что передъ ней открывается другой міръ. Вѣдь жизнь, жизненныя переживанія были тѣмъ темнымъ фономъ, на которомъ она рисовала арабески своего юмора.

Герцогъ повелъ Ренату къ столу. Идя съ нимъ, она слышала, какъ бушуетъ вѣтеръ, и невольно крѣпче оперлась на руку жениха. Но отъ этого вѣтеръ не сталъ казаться ей менѣе грознымъ. За жаркимъ герцогъ обратился къ ней:

— Кто это, Рената, позировалъ тебѣ для твоего эскиза?

— Хороша, правда?—отвѣтила Рената. И по лицу ея пробѣжала тѣнь.

— Немного... слишкомъ восточный типъ, я нахожу.—Герцогъ искусственно разсмѣялся.—Но я хотѣлъ собственно знать, гдѣ ты ее нашла?

— Развѣ ты не знаешь? Я хочу сказать, развѣ ты ее уже видѣлъ? Недавно съ ней случилось нѣчто ужасное.

— Она сама разсказала тебѣ объ этомъ?

— Она сама? Нѣтъ. Она совсѣмъ не болтлива. Я видѣла все сверху изъ рисовальной школы фрау Герцъ. Я зашла туда повидать одну знакомую.

— Ахъ, вотъ какъ. Это, конечно...—Герцогъ помолчалъ нѣсколько секундъ и затѣмъ продолжалъ:—Ты очень обяжешь меня, Рената, если откажешься отъ этой модели. У меня есть основанія желать этого.

Рената молчала, непріятно удивленная. Это звучало ясно. Была-ли это одна изъ тѣхъ цѣлей, о которыхъ говорилъ Зюсенгутъ, когда она была въ Гогенгаузенѣ? Его слова еще звучали у нея въ ушахъ: „И за императорскую корону я не хотѣлъ-бы смотрѣть на будущее тѣми глазами, какими придется смотрѣть вамъ. Какія неслыханныя надежды вы отдаете взамѣнъ нѣсколькихъ жалкихъ несомнѣнностей! До сихъ поръ вы шли. Теперь васъ будутъ тащить, волочить, гнать. До сихъ поръ вы говорили или молчали, какъ вамъ было угодно. Теперь вы должны будете молчать, когда у васъ будетъ желаніе говорить, и мѣсто словъ займутъ вздохи. Я знаю трагедію женщины! Мученицы этикета!“

Тогда она слушала эти смѣлыя слова, чертя зонтикомъ линіи по песку. Она начала понимать и вздохнула.

— Ну, въ будущемъ году мы поѣдемъ въ Ишль,—услышала она голосъ матери.—Ишль—очень красивое мѣсто. Да.

Счастливая женщина со своими „ну“ и „да“. Рената сказала герцогу, что рада рѣшенію отпразновать свадьбу въ самомъ тѣсномъ кругу, рада отказаться отъ всякого путешествія и избрать мѣстопребываніемъ уединенный замокъ

въ Грефльфингѣ. Вдали отъ города новая жизнь гармоничнѣе сложится. Чужія руки загрязняютъ такую чувствительную вещь, какъ бракъ. Она произнесла все это такъ, какъ будто разсказывала сонъ. Герцогъ молчалъ. Этотъ языкъ не нравился ему. Если онъ любилъ Ренату, то только до того пункта, гдѣ она начинала думать. Онъ находилъ въ ея существѣ что-то опьяняющее. Ея неувѣренные взгляды, быстрая смѣна ея настроенія, ея часто непонятная молчаливость, ея суровая сдержанность, тонкая смѣсь зрѣлаго и дѣвичьяго,—все это производило на него сильное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ къ ней нѣжность, почти противъ воли. Она всегда точно слегка испуганная, съ мольбой о терпѣніи въ большихъ глазахъ, даже въ часы шаловливой веселости, казалось нуждающейся въ утѣшеніи.

Вандереръ, который сидѣлъ напротивъ нея, наполовину скрытый букетомъ розъ, все время смотрѣлъ на ея блѣдныя руки. Фрейлейнъ Іенсенъ разсказала ему, что черезъ двѣ недѣли вернется изъ Италіи фабрикантъ Фуксъ, тогда и состоится вѣнчаніе.

IV.

Ужинъ кончился.

У камина смежной комнаты пальма и высокій экранъ образовали уютный уголокъ. Тамъ стоялъ Вандереръ, когда къ нему подошла Рената. Она неувѣренно взглянула на него: ей казалось, что вечеръ привелъ его въ дурное настроеніе. Затѣмъ она улыбнулась, опустивъ глаза. Вандерера опять охватило то же бурное чувство симпатіи, что недавно въ полѣ. Ему казалось, что онъ только для того и жилъ, чтобы она могла теперь такъ стоять передъ нимъ, въ своемъ горькомъ невѣдѣніи, со своей горькой улыбкой.

— Какъ вы обыкновенно проводите день?—спросила Рената, разсѣянно играя вѣеромъ.

Вандереръ сдѣлалъ гримасу:

— Я ничего не дѣлаю, теперь меньше, чѣмъ когда-нибудь. Никогда я не былъ такъ лѣнивъ. Мое единственное занятіе состоитъ въ томъ, что я каждый день послѣ обѣда бываю въ старой Пинакотекѣ.

— Каждый день?

— Да. Пока не станетъ темно. Тамъ такъ тихо. Самое большое, если встрѣтишь нѣсколько деревянныхъ англичанокъ или какого-нибудь копіиста, вотъ и все.

— Я хочу попросить васъ кое о чемъ, —торопливо сказала Рената, садясь.—Но вы не должны сердиться на меня.—Она хотѣла знать исторію Гизы.

Вандереръ поблѣднѣлъ. Онъ могъ бы сказать, что ничего

не знаетъ. Но желаніе удержать ее было сильнѣе. Онъ долго внушалъ ей, что это тайна, началъ, какъ опытный романистъ, съ второстепеннаго и затѣмъ яркимъ штрихомъ обрисовалъ главное. Онъ разсказалъ то, что узналъ отъ Зюсенгута.

Когда онъ кончилъ, Рената продожала сидѣть, глядя на пламя камина, разлетавшееся искрами, словно брызги шипучей пѣны. Вѣроятно, ею овладѣло что то странное и мрачное, но это едва можно было прочесть на ея лицѣ.

— Сегодня ужасный вѣтеръ,—сказала она,—какъ бы онъ не снесъ крышу.

Вандереръ почувствовалъ что-то вродѣ досады не имѣвшаго успѣха актера. Но сейчасъ же ему это стало непріятно и онъ сказалъ, полный стыда и глубокой серьезности:

— Я этого не понимаю. Я не понимаю этой гнусной погони только за тѣломъ. Я не знаю, я никогда этого не испыталъ, но если бы я любилъ женщину, то малѣйшее ея огорченіе было бы мнѣ такъ же дорого, какъ ея поцѣлуй...

Рената сдѣлала стремительное и испуганное движеніе рукой. Вандереръ оборвалъ и оглянулся. Молодая дѣвушка, не отрывая глазъ отъ пламени, тихо сказала:

— Вы говорите, что еще никогда не испытывали этого.

Вандереръ едва замѣтно нагнулся впередъ и покачалъ головой:

— Любви? Нѣтъ.—Теперь онъ тоже смотрѣлъ на пламя:— Я долженъ употребить ваше же выраженіе: я ищу"

У него опять мелькнуло ощущеніе чего-то недостойнаго, потому что за его высокопарными словами сказывался недостатокъ простого чувства.

Рената вздрогнула, какъ будто отъ холода, и вернулась въ гостиную, которая казалась ей теперь панорамой, чуждой и навязчивой.

— Какъ нѣжна и бѣла ея кожа,—подумалъ Вандереръ, смотрѣвшій, какъ двигались при ходьбѣ ея обнаженныя плечи.

Графиня играла Шопена opus 37,2. Но это было все, что угодно, только не Шопенъ. Скорѣе всего это была злость на безудержную болтливость золовки, которая дошла, наконецъ, до забавной темы о Тигрѣ. Затѣмъ Адель фонъ-Терке спѣла: „Я слышала шумъ ручейка". Голосъ у нея былъ рѣзкій, какъ сталь.

Въ одиннадцать часовъ всѣ разошлись. Рената проводила герцога до выхода. Молодыя дѣвушки очень шумѣли и въ то же время дѣлали видъ, что ведутъ себя очень тихо. Графиня была разстроена, баронесса наскоро разсказывала какую то исторію о „своемъ другѣ" Дингельштедтѣ; Вандереръ боролся съ презрѣніемъ и грустью. Шелъ дождь, и

онъ разстегнулъ плащъ и поднялъ воротникъ. Кучера молча стояли у забора, и ихъ желтыя пелерины развѣвались.

— Досвиданья, Рената,—сказалъ герцогъ. Она подала ему руку съ пустой улыбкой и повернулась къ Вандереру, который ждалъ, чтобы проститься. Ея обнаженнымъ плечамъ было холодно, и она убѣжала въ комнату, шутливо стуча зубами.

— Ну, вечеръ вышелъ недуренъ, очень недуренъ,—сказала фрау Фуксъ.—Ты довольна герцогомъ, Рената? И такъ какъ Рената молчала, прибавила:—Ну, я думаю, ты можешь быть довольна. Когда Фуксъ женился на мнѣ, я и не мечтала ни о чемъ подобномъ. Да. А вѣдь Фуксъ тоже былъ не плохъ... Ну, дѣвочки, я думаю, вамъ пора спать.

Это относилось къ Лони и Мартѣ, у которыхъ было такъ много секретовъ, что имъ не хватало ночи. Онѣ спали въ угловой комнатѣ наверху, въ кроватяхъ, съ небесно-голубыми камчатными покрывалами. Но большей частью онѣ лежали вмѣстѣ, такъ какъ чего-то боялись, несмотря на лампадку, къ тому же такъ было удобнѣе шептаться, натянувъ одѣяло на головы.

Фрау Фуксъ читала газету, а Рената безъ устали ходила по комнатѣ. Наконецъ, она подошла къ окну, долго смотрѣла на деревья и слушала ихъ шелестъ. Одиноко лежалъ садъ, съ кустовъ капало, надъ садомъ расплывалось и ширилось сѣро-желтое небо. Затѣмъ она подошла къ роялю, начала играть. Тяжелые, протяжные аккорды звучали подъ ея пальцами, мрачная и однообразная мелодія: какъ будто она хотѣла перевести на звуки дождливую, бурную ночь. Вдругъ на душѣ у нея стало такъ тяжело, что она опустила руки и закрыла глаза.

— Ну, ты играешь невеселыя вещи, Рената, — сказала фрау Фуксъ изъ-за своей газеты.—Я думаю, что именно у тебя нѣтъ никакихъ основаній къ этому.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА.

Часть II.

Студенческіе годы.

I.

Въ розовомъ туманѣ.

Раннимъ лѣтнимъ утромъ на нашемъ дворѣ послышался отчаянный лай собакъ. Такъ они лаютъ обыкновенно только на почталіоновъ. Это уже законъ природы, что между провинціальными почталіонами и собаками положена вѣчная вражда. И, дѣйствительно, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ письмоносца. Онъ былъ въ высокомъ кэпи, съ прямымъ козыремъ и съ орломъ на тульѣ. Черезъ плечо висѣла большая сумка, а въ рукѣ была обнаженная коротенькая сабелька, которою онъ отбивался отъ нашихъ дворнягъ. Это было настоящее сраженіе; почталіонъ то наступалъ, то ретировался и бралъ каждый шагъ съ бою. Войдя, наконецъ, въ сѣни, онъ снялъ кэпи, обтеръ потный лобъ и подалъ пакетъ, адресованный мнѣ. Съ бьющимся сердцемъ я вскрылъ его и вынулъ печатный бланкъ, въ которомъ наверху было вписано мое имя. Директоръ технологическаго института Ермаковъ извѣщалъ такого-то, что онъ принятъ на первый курсъ и обязанъ явиться къ 15-му августа.

Когда послѣ этого я оглянулся кругомъ, то мнѣ показалось, что за эти нѣсколько минутъ прошли цѣлыя сутки: до прихода почталіона было вчера, теперь наступило новое сегодня. Я точно проспалъ ночь и проснулся не только другимъ, но немножко и въ другомъ мірѣ... Это ощущеніе исходило отъ плотной сѣрой бумаги съ печатнымъ текстомъ и подписью Ермакова. И когда я несся послѣ этого по улицамъ, то мнѣ казалось, что и дома, и заборы, и встрѣчные обыватели тоже смотрѣли на меня иначе. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ,

и они въ первый разъ съ сотворенія міра видятъ... *студента такого-то.*

Съ „извѣщеніемъ“ я не разставался нѣсколько дней Порой наединѣ я вынималъ его и перечитывалъ каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, точно это былъ не сухой оффиціальный бланкъ, а поэма. И въ самомъ дѣлѣ—поэма: разрывъ со старымъ міромъ, призывъ къ чему-то новому, желанному и свѣтлому... Зоветъ „директоръ Ермаковъ“. Съ этой фамиліей связывалось въ моемъ воображеніи что-то очень твердое, почти гранитное (вѣроятно, отъ Сибирскаго Ермака) и вмѣстѣ—недосягаемо возвышенное и умное. И этотъ Ермаковъ ждетъ меня къ 15-му августа. Я нуженъ ему для выполненія его высокаго назначенія...

Настроеніе было глупое, и я, конечно, сознавалъ, что оно глупо. Однажды я даже громко сказалъ себѣ дурака: „смотри, вѣдь самая подпись Ермакова печатная. Такія извѣщенія онъ даже не подписываетъ, а ихъ сотнями разсылаетъ канцелярія“. Я зналъ это, но это знаніе не измѣняло настроенія. *Зналъ* я по умному, а *чувствовалъ* по глупому. Въ то самое время, какъ я внушалъ себѣ эти трезвыя истины, — ротъ у меня невольно разскрывался до ушей. И я долженъ былъ отворачиваться, чтобы люди не видѣли этой идіотской улыбки и не угадали бы по ней, что меня зоветъ Ермаковъ, которому я лично необходимъ къ пятнадцатому августа...

Правда, совѣсть у меня по отношенію къ Ермакову была не совсѣмъ чиста: я не былъ увѣренъ, что не измѣню ему. У меня было намѣреніе подготовиться по латыни и черезъ годъ перейти въ университетъ. Но это будетъ уже гдѣ-то тамъ, въ другомъ лучезарномъ мірѣ. А пока—Ермаковъ посвящаетъ меня въ студенты, какъ когда-то посвящали въ рыцари, и я былъ ему глубоко благодаренъ.

Съ юношескимъ эгоизмомъ я какъ-то совсѣмъ не принималъ участія въ заботахъ матери о моемъ снаряженіи. Она закладывала гдѣ-то свою пенсіонную книжку, продавала какія-то вещи, просила, гдѣ могла, взаймы и, наконецъ, сколотила что-то около двухсотъ рублей. Послѣ этого происходили долгія совѣщанія съ портнымъ Шимкомъ.

Портной Шимко былъ небольшаго роста коренастый еврей, съ широкимъ лицомъ, на которомъ тонкія губы и заостренный носъ производили впечатлѣніе почти угрюмаго комизма. Пока былъ живъ отецъ, мы всегда смѣялись надъ Шимкомъ, изощряя свое остроуміе надъ его наружностью и надъ его предполагаемыми плутнями. Когда отецъ умеръ и мать осталась безъ средствъ,—онъ явился къ ней, критически обслѣдовалъ состояніе нашихъ костюмовъ и сказалъ серьезно:

— Ну, пора шить одну шинель и два мундира.

— Ты знаешь, Шимко, что у меня теперь нѣтъ денегъ, и что еще будетъ, я не знаю,—грустно отвѣтила мать.

— Ну,—возразилъ Шимко,—у васъ нѣтъ денегъ, но есть дѣти... Развѣ это не деньги?..

И онъ опять работалъ на насъ, не заикаясь о срокахъ уплаты и никогда не торгуясь, какъ это бывало прежде.

Теперь онъ развернулъ свою дѣятельность у насъ на квартирѣ. Освѣдомившись, желаю ли я, чтобы онъ шилъ „по самой послѣдней модѣ“ и узнавъ, что послѣднюю моду я презираю, онъ даже крякнулъ отъ удовольствія и далъ полную волю своей творческой фантазіи. Онъ мочилъ и парилъ матеріалы, снималъ мѣрки, кроилъ, примѣрялъ, шилъ и, наконецъ, изъ его рукъ я вышелъ экипированнымъ не особенно щеголевато, но за то дешево. Онъ сшилъ мнѣ лѣтній костюмъ изъ какой-то очень прочной и жесткой матеріи, съ бѣлыми букетцами по коричневому полю. Передѣлалъ мундиръ въ тужурку и сшилъ пальто. Мнѣ смутно казалось, что прочная матерія съ букетами даетъ идею скорѣе объ обивкѣ мебели, чѣмъ о костюмѣ для столицы, а пальто походитъ на испанскій плащъ или альмавиву... Но на этотъ счетъ я былъ неприхотливъ и беззаботенъ Оставивъ въ сторонѣ моду, я чувствовалъ себя одѣтымъ съ иголочки, „довольно просто, но со вкусомъ“.

Увы! впослѣдствіи этотъ полетъ творческой фантазіи честнаго Шимка доставилъ мнѣ не мало горькихъ и непріятныхъ минутъ...

На каникулы пріѣхалъ Сушковъ, уже годъ прожившій въ столицѣ, и, конечно, я закидалъ его вопросами. Онъ почему-то былъ скупъ на разсказы, но все-же я узналъ, что институтъ это—совсѣмъ не то, что гимназія, профессора нимало не похожи на учителей, а студенты—не гимназисты. Полная свобода... Никто не слѣдитъ за посѣщеніемъ лекцій... И есть среди студентовъ замѣчательныя личности. Иного примешь за профессора. А какіе споры! О какихъ предметахъ! Нужно много прочитать и подготовиться, чтобы только понять, о чемъ идетъ рѣчь...

Вскользь и какъ-бы мимоходомъ онъ сообщилъ мнѣ, что остался по разнымъ причинамъ на первомъ курсѣ, и, значитъ, мы опять будемъ идти вмѣстѣ.

Это было немного, но и этого было достаточно для моего воображенія, витавшаго въ золотистомъ туманѣ.

Въ серединѣ этихъ каникулъ мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, но мнѣ казалось, что я далеко переросъ окружающій меня мірокъ. Вотъ онъ весь тутъ, точно на плоской тарелкѣ, волнующійся въ предѣлахъ отъ тюрьмы до почты, знакомый, прозаическій и постылый. Въ одинъ изъ послѣд-

нихъ моихъ вечеровъ, когда я прощальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на гуляющую по шоссейной улицѣ публику,—передо мной вдругъ вынырнуло изъ сумерекъ лицо чиновника Михаловскагс, котораго я считалъ когда-то „извѣстнымъ поэтомъ". Въ зубахъ у него была большая сигара, и ея огонекъ, вспыхнувъ, освѣтилъ удивительно неинтересное, плоское лицо, съ выпуклыми ничего не выражающими глазами. Господинъ Михаловскій пыхтѣлъ сигарой, взглянулъ скользящимъ взглядомъ по моему лицу и прослѣдовалъ дальше, но впечатлѣніе этого мгновеннаго, почти призрачнаго появленія осталось. И, по своей тогдашней привычкѣ, я тотчасъ перевелъ его на литературный языкъ.

— Въ этихъ тусклыхъ и неинтересныхъ чертахъ передъ нимъ (т. е. передъ воображаемымъ героемъ разсказа) мелькнуло какъ будто олицетвореніе покидаемаго города... Какъ еще недавно этотъ человѣкъ казался ему окруженнымъ поэтическимъ ореоломъ. И какъ много другихъ казались высшими существами, только потому, что они были взрослые, а онъ былъ мальчикъ. Теперь онъ выросъ, а тѣсный мірокъ сузился и умалился... Прежніе умники казались или глупыми, или слишкомъ обыкновенными... Кого теперь поставить на высоту, передъ кѣмъ или передъ чѣмъ преклониться? Вотъ купцы, чиновники, учителя. Каждый изъ нихъ знаетъ больше его, но каждый только въ своемъ ремеслѣ. Гдѣ же здѣсь люди, которые знаютъ и могутъ указать высшее въ жизни, къ чему стремится молодая душа?.. Кто изъ нихъ хотя бы только думаетъ объ этомъ высшемъ, ищетъ его, тоскуетъ, мечтаетъ... Никто, никто!

Мысли предполагаемаго героя были мои мысли... Во мнѣ тоже сложилось заносчивое убѣжденіе, что я едва-ли не самый умный въ этомъ городѣ. Мѣрка у меня была такая: я могу понять всѣхъ людей, мелькающихъ передо мною въ этомъ потокѣ, колышущемся, какъ вода въ тарелкѣ, отъ шлагбаума до почты и обратно. Я знаю все, что они знаютъ изъ того, что нужно знать всякому. А они и не догадываются, какія мысли о нихъ и какія мечты бродятъ въ моей головѣ.

Я былъ глупъ. Впослѣдствіи, когда самъ я сталъ умнѣе, я легко находилъ людей выше себя въ самыхъ глухихъ закоулкахъ жизни. Но въ ту минуту я, кажется, мѣрялъ все одною только мѣркой „литературнаго развитія".

Впрочемъ, нужно сказать, что по отношенію къ другому міру, который ждалъ меня тамъ, за рубежомъ 15-го августа, я не былъ заносчивъ. Наоборотъ, я готовился къ нему съ искреннимъ убѣжденіемъ, что передъ нимъ я малъ, тусклъ и ничтоженъ. Правда, во мнѣ жила надежда, что и тамъ,

въ этомъ свѣтломъ потокѣ могучей и полной жизни, я пойду тоже впередъ, выровняюсь съ одними, стану обгонять другихъ... Но если бы кто-нибудь пожелалъ убѣдить меня, что между этимъ міркомъ, который я покидалъ, и тѣмъ заманчивымъ міромъ, куда стремился, нѣтъ качественнаго различія, что „великое студенчество“ есть только простая сумма изъ единицъ такихъ же тусклыхъ и такъ же мало интересныхъ, какъ и я въ данную минуту,—я-бы не повѣрилъ и даже, вѣроятно, обидѣлся бы за свою мечту...

Потому что туда, въ этотъ розовый туманъ, ушло все, чѣмъ красилась жизнь.. Все большое и прекрасное. Неясное и заманчивое. Чего нѣтъ въ настоящемъ, но что должно свѣтить въ будущемъ. Что можетъ быть свѣтилось передъ дѣтскимъ взглядомъ сквозь синія волны кадильнаго дыма, среди теплаго мерцанія огоньковъ у иконостаса въ пронизанной солнечными лучами высотѣ купола и въ тихихъ сумеркахъ, насыщенныхъ мечтательной мелодіей „свѣте тихій“... Оно ушло вмѣстѣ съ преклоненіемъ передъ міромъ взрослыхъ; храмы для меня опустѣли, огни потускли, и я ничего не слышу въ звонѣ колоколовъ, который звучитъ уже безъ таинственныхъ манящихъ отголосковъ, точно стукъ палкой по дереву...

Но все это въ другихъ формахъ, совсѣмъ непохожихъ на прежнія,—новыхъ, лучшихъ—найдется опять тамъ, впереди, гдѣ розовый туманъ залегаетъ надъ свѣтлыми далями безпредѣльной жизни!

II.

Я знакомлюсь съ „свѣтлою личностью“.

Мать и одинъ изъ ея братьевъ, жившій недалеко,—провожали меня до Бердичева, откуда начинался желѣзно-дорожный путь. Онъ лежалъ на Кіевъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву.

Мой отецъ умеръ, ни разу не увидавъ локомотива. Представленія о желѣзной дорогѣ были у насъ самыя фантастическія: что-то огромное, какъ „рядъ домовъ на котлахъ“, и неимовѣрно быстрое. Стальные рельсы лежатъ прямо, какъ стрѣла, отъ одного горизонта до другого. Однажды два охотника подошли къ дорогѣ, когда въ одной сторонѣ появился дымокъ. Одинъ изъ нихъ, шутя, поставилъ ногу на рельсъ. Другой схватилъ его за руку, чтобы оттащить въ сторону, но было уже поздно. Земля задрожала, прошумѣло что-то, и на пути лежала отрѣзанная ступня, а дымокъ уже виднѣлся

на другомъ горизонтѣ... Такой разсказъ сохранился въ моей памяти отъ дѣтскихъ лѣтъ, и хотя я зналъ теперь, что это чепуха, но все же дѣйствительность поразила меня своими ничуть не грандіозными размѣрами: по обширному полю передъ Бердичевскимъ вокзаломъ тихо ползъ черный локомотивъ, а за нимъ, мелькая на солнцѣ свѣже выкрашенными спицами, катились съ легкимъ грохотомъ ряды балластныхъ платформъ. Вдали, на парѣ узкихъ рельсовъ, стоялъ темный квадратъ приближающагося поѣзда и, казалось, не двигался, а только росъ и разбухалъ на мѣстѣ. И желѣзнодорожные служащіе, не торопясь, уходили передъ нимъ съ дороги.

Третій звонокъ. Я горячо обнялся съ матерью, которая затѣмъ спрятала заплаканное лицо на груди дяди, и сѣлъ въ вагонъ. Рѣзкій свистокъ, вспугнувшій непривычную публику, потомъ толчокъ, отъ котораго въ вагонѣ упало нѣсколько человѣкъ. Потомъ оттолчка, лязгъ, громыханіе (тогда въ поѣздахъ все еще не было слажено, какъ теперь)— и вокзалъ съ платформой поплылъ назадъ. Фигуры матери и дяди исчезли. Я сѣлъ на свое мѣсто и постарался скрыть отъ сосѣдей невольныя слезы...

Прямыхъ сообщеній тогда не было, каждая дорога дѣйствовала самостоятельно. Поѣздъ изъ Кіева на Курскъ ушелъ раньше, чѣмъ нашъ пришелъ въ Кіевъ, и, въ ожиданіи слѣдующаго, мнѣ пришлось переночевать въ „Софійскомъ Подворьи“. На утро я вышелъ изъ своего номера и остановился на площади, ошеломленный и растерянный отъ шума и движенія большого города. Въ такомъ положеніи меня застали двѣ ровенскія „учительши“: Завилейская и Комарова. Онѣ радушно поздоровались и пригласили меня пройти вмѣстѣ съ ними осмотрѣть соборъ, а послѣ того позвали къ себѣ, въ номерахъ того же подворья, пить чай. Мнѣ очень хотѣлось принять это милое приглашеніе, но изъ застѣнчивости я отказался, о чемъ очень жалѣлъ въ то самое время, какъ отказывался. Прежде, чѣмъ разстаться со мной, эти молодыя дамы осмотрѣли меня критическимъ взглядомъ, и одна сказала:

— Слушайте. Когда пріѣдете въ Петербургъ, закажите себѣ другой костюмъ... Этотъ, знаете, для столицы не годится.

— Да-да,—подхватила другая.—Сшейте себѣ приличную пару... И тоже пальто. А то у васъ какая-то мантилья. Теперь носятъ узкія, въ обтяжку... И много короче.

— Шляпу можете оставить... Она идетъ къ вашимъ курчавымъ волосамъ.

Онѣ ушли, весело переговариваясь и радушно кивая мнѣ головами. А я остался съ жуткой тоской одиночества въ сердцѣ

и непріятнымъ сознаніемъ, что мой „немодный, но простой и изящный“ костюмъ привлекаетъ ироническое вниманіе...

Слѣдующее утро опять застигло меня въ вагонѣ между Кіевомъ и Курскомъ. Съ вечера я какъ-то незамѣтно заснулъ, и теперь взглядъ мой прежде всего упалъ на выразительную надпись на стѣнѣ вагона: „Остерегайтесь воровъ“. О томъ-же предостерегали меня усиленно мать и дядя, и, проснувшись, я прежде всего схватился за сумку. Она была тутъ, но я сразу почувствовалъ себя окруженнымъ вѣроятными заговорщиками, старающимися проникнуть въ мою сокровищницу. Я сѣлъ на скамейку и оглянулся кругомъ „пытливо-проницательнымъ“ взглядомъ: конечно, я сразу угадаю, отъ кого именно слѣдуетъ ждать здѣсь опасности...

Вагонъ третьяго класса стоялъ у какой-то станціи и былъ весь пронизанъ веселыми лучами солнца. Народу было не очень много, большинство еще спало въ растяжку на скамьяхъ, на верхнихъ полкахъ, иные прямо на полу, подъ скамьями. Съ одного конца вагона несся живой и нервный говоръ на еврейскомъ жаргонѣ. Возможно, конечно, что это „кіевскіе евреи“ обсуждаютъ вопросъ о томъ, гдѣ я храню деньги и какъ ихъ добыть изъ моей сумки. Но пока они еще далеко. Ближе, у окна, за спинкой слѣдующей скамьи сидѣли двое молодыхъ людей и о чемъ-то тихо разговаривали, почти соткнувшись головами...

Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ рыжее, полинялое пальто. Когда я зашевелился на своемъ мѣстѣ, онъ повернулъ въ мою сторону лицо, широкое, нѣсколько угреватое, съ маленькими зеленоватыми глазами, и потомъ заговорилъ съ товарищемъ еще тише. „Вотъ этого нужно остерегаться“,— рѣшилъ я про себя, и только послѣ того взглянулъ на своего ближайшаго сосѣда.

Это былъ господинъ въ сѣромъ пальто и клеенчатой фуражкѣ, какія тогда были въ большомъ ходу. Онъ, кажется, сѣлъ на этой станціи и, повидимому, смотрѣлъ на меня, пока я просыпался. Возраста онъ былъ неопредѣленнаго. Сначала показался мнѣ совсѣмъ юношей, но затѣмъ я увидѣлъ, что это впечатлѣніе ошибочно: морщины около глазъ, желтизна и одутловатость лица говорили не то о солидныхъ годахъ, не то о преждевременномъ увяданіи. Его маленькіе каріе глазки ходили по всей моей фигурѣ съ выраженіемъ вкрадчивой ласки, какъ будто онъ собирался сейчасъ же заговорить со мною и выразить мнѣ чувство невольной симпатіи. Я, пожалуй, готовъ былъ съ своей стороны высказать полную взаимность, но въ это время взглядъ мой остановился на новой и болѣе интересной фигурѣ.

Это былъ молодой офицеръ въ золотыхъ очкахъ и въ

сѣрой шинели изъ простого солдатскаго сукна. Солдатскіе шинели съ офицерскими погонами были тогда въ ходу у либерально настроенной военной молодежи милютинской школы. Такихъ фигуръ съ демократически-военнымъ отпечаткомъ было тогда не мало, и вообще среди офицерства было болѣе „интеллигенціи". Въ глухихъ мѣстечкахъ они часто завѣдывали прекрасно составленными „баталіонными библіотеками" и даже „руководили чтеніемъ" мѣстной молодежи...

Лицо у офицера было серьезное и симпатичное. На крючкѣ около него висѣла шашка, а на небольшомъ чемоданчикѣ лежала пачка газетъ. Онъ только что отложилъ одинъ прочитанный номеръ и закурилъ папиросу, пуская дымъ въ открытое окно...

Около него было свободное мѣсто, и я подумалъ, какъ хорошо было бы устроиться въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ пріятнымъ офицеромъ. Но мнѣ мѣшала застѣнчивость: это мое внезапное переселеніе можетъ показаться страннымъ, пожалуй, даже подозрительнымъ.

Пока я колебался, дверь вагона открылась, и къ намъ вошелъ новый пассажиръ. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый съ изящной простотой, въ золотыхъ очкахъ и коричневыхъ перчаткахъ. Живые каріе глаза весело и немного насмѣшливо глядѣли изъ золотой оправы. Подъ русыми мягкими усами ютилась, какъ у одного изъ героевъ Омулевскаго, особая „интеллигентная складка".

Мнѣ страстно захотѣлось, чтобы онъ сѣлъ рядомъ со мною. Но онъ только скользнулъ взглядомъ по моей неинтересной фигурѣ и тотчасъ-же указалъ носильщику на уголъ рядомъ съ офицеромъ. „Родственныя интеллигентныя натуры"—формулировалъ я въ умѣ...

Носильщикъ поставилъ чемоданъ на свободное мѣсто. Господинъ раскрылъ кошелекъ и, вынувъ пальцами въ перчаткахъ маленькую серебряную монетку, подалъ ее черезъ плечо носильщику. Тотъ взялъ, разочарованно посмотрѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, не посмѣлъ и вышелъ. Господинъ обратился къ офицеру:

— Я васъ не стѣсню? Ба! счастливая встрѣча! Не узнаете?

Офицеръ повернулся къ нему, присмотрѣлся и сказалъ:

— Если не ошибаюсь... господинъ Негри?

— Именно-съ. Теодоръ Михайловичъ Негри. Артистъ-декламаторъ. Встрѣчались въ N... Не безпокойтесь, пожалуйста, мѣста довольно. Что это у васъ, какая куча газетъ? А, „Голосъ"... полный отчетъ о нечаевскомъ процессѣ? Да, интересное дѣльце... Очень интересное...—прибавилъ онъ, усаживаясь.—Послѣ декабристовъ, пожалуй, еще первое...

— Были еще петрашевцы...

— Да, но вѣдь это было раздуто правительствомъ. Невинный кружокъ... Вы позволите?

— Пожалуйста.

Господинъ взялъ номеръ газеты и, раскрывая ее, сказалъ черезъ минуту:

— Обратили вы вниманіе на крылатое слово въ рѣчи Спасовича, которымъ онъ окрестилъ нашу братію... ин-телли-гентный проле-таріатъ.. Очень мѣтко. Неправди ли?..

Офицеръ кивнулъ головой и отвѣтилъ что-то, улыбнувшись. Я насторожился, ожидая дальнѣйшаго разговора этихъ двухъ симпатичныхъ людей, которые такъ сразу нашли другъ друга въ безразличной толпѣ. „Точно члены одного ордена",—опять нашелъ я литературную формулу. Уголокъ вагона, гдѣ они сидѣли, казался мнѣ освѣщеннымъ островкомъ среди тусклаго, неинтереснаго, можетъ быть, даже враждебнаго міра. Какъ хотѣлось бы мнѣ прибиться и самому къ этому островку... Но это, конечно, только несбыточная мечта. Можетъ быть, когда-нибудь, современемъ, когда я стану умнѣе и интереснѣе, я тоже сумѣю подходить къ такимъ людямъ открыто и просто, съ первыхъ же словъ давать имъ понять: „я тоже вашъ".

Вагонъ давно мчался, громыхая на стыкахъ рельсовъ и лязгая цѣпями. Господинъ Негри и офицеръ, молча, читали газеты, обмѣниваясь изрѣдка короткими, тихими замѣчаніями. Евреи продолжали говорить нервно и быстро на своемъ жаргонѣ, а мой сосѣдъ въ клеенчатомъ картузѣ давно познакомился со мною и говорилъ, говорилъ долго, мѣрно, ласково и неинтересно. Я слушалъ краемъ уха, боясь проронить что-нибудь изъ „обмѣна мыслей" въ углу, а мой сосѣдъ, между тѣмъ, выражалъ мнѣ свои симпатіи. Я, повидимому, новичокъ, неправда ли? Ѣду изъ глухого города въ столицу? Онъ совѣтуетъ мнѣ очень остерегаться: вагоны кишатъ карманщиками, а я, конечно, везу съ собой деньги? Вотъ самъ онъ, такъ ничего не боится. Во первыхъ, онъ очень опытенъ. А во-вторыхъ, у него, кромѣ билета, только „рупь тридцать копѣекъ"... Вотъ здѣсь, въ кошелькѣ...

Онъ, смѣясь, раскрывалъ свой кошелекъ и выворачивалъ его наизнанку. Я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на этотъ пріемъ, который онъ повторялъ зачѣмъ-то нѣсколько разъ, и мнѣ было совѣстно, что я какъ-то не могу удѣлять его разсказамъ достаточно вниманія... Онъ казался мнѣ доброжелательнымъ и симпатичнымъ, но удивительно неинтереснымъ... Вѣки мои тяжелѣли. Я чувствовалъ, что его глаза опять съ ласковой симпатіей заглядываютъ въ мое лицо, но мои глаза невольно слипались, моргали все рѣже и откры-

вались труднѣе... Я прислонился спиной къ стѣнкѣ и начиналъ засыпать, чувствуя въ то же время, что мой благорасположенный сосѣдъ склоняетъ голову мнѣ на плечо и тоже довѣрчиво засыпаетъ у меня на груди...

Черезъ нѣсколько минутъ я сладко спалъ, охваченный ощущеніемъ грѣющей тѣсноты и чьего-то тяжелаго благорасположенія... А еще черезъ нѣсколько минутъ проснулся отъ ощущенія какой-то перемѣны...

Сразу я не могъ сообразить, что именно происходитъ. Мой сосѣдъ, дѣйствительно, лежалъ головой на моей груди, въ странной и, повидимому, неудобной для него позѣ, а прямо противъ меня на скамейкѣ (я едва могъ этому вѣрить) сидѣлъ господинъ Негри, упершись локтями въ колѣнки и глядя на насъ обоихъ своими живыми, умными и смѣющимися глазами. Нѣсколько заинтересованныхъ чѣмъ-то пассажировъ окружали насъ и тоже улыбались...

Я покраснѣлъ и двинулся на своемъ мѣстѣ, но господинъ Негри сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я не шевелился и, указывая на моего ласковаго сосѣда,—продекламировалъ:

— На зарѣ ты ее не буди!
На зарѣ она сладко такъ спитъ...

Слушатели засмѣялись, а г-нъ Негри, крѣпко нажавъ ладонью мою колѣнку, чтобы не дать мнѣ измѣнить положеніе,—закончилъ утрированно-нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ:

Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ...
На зарѣ ты ее не буди...

Я почувствовалъ, что грѣющая тяжесть сразу облегчилась, и хотя ласковый сосѣдъ даже всхрапнулъ въ эту минуту довольно натурально, но я сознавалъ ясно, что онъ не спитъ, а только дѣлаетъ видъ, что не слышитъ безцеремонныхъ насмѣшекъ. Мнѣ стало жаль его... Въ это время послышался заглушенный грохотомъ свистокъ, и поѣздъ загромыхалъ рѣже, очевидно, подходя къ станціи. Господинъ въ клеенчатой фуражкѣ рѣзко очнулся, протеръ глаза и всталъ.

— Станція?—сказалъ онъ встревоженно.

— Д-да-съ, станція, неизвѣстно еще какая,—невинно отвѣтилъ господинъ Негри.—Но вамъ, ко-неч-но, здѣсь выходить? Неправда ли?..

— Да, да, здѣсь, — забормоталъ ласковый господинъ и потянулся за своимъ тощимъ узелкомъ...

Поѣздъ жестоко стукалъ буферами, подползая къ дебарка-

деру. Господинъ Негри положилъ руку на рукавъ незнакомца и сказалъ:

— Одну минуточку, господинъ. Молодой человѣкъ, — обратился онъ ко мнѣ,—все-ли у васъ въ порядкѣ?

Мнѣ все стало ясно, и я схватился за свою сумку такъ порывисто, что кругомъ послышался смѣхъ. Сумка была тутъ, и на днѣ ея лежалъ кошелекъ... Я вздохнулъ съ облегченіемъ...

Господинъ въ клеенчатомъ картузѣ быстро вышелъ изъ вагона, сопровождаемый частью насмѣшливыми, частью враждебными замѣчаніями. Когда поѣздъ двинулся дальше, — онъ стоялъ на краю платформы и, поровнявшись съ нами, погрозилъ въ окно кулакомъ...

Нѣкоторое время послѣ этого въ вагонѣ шли разсказы о разныхъ случаяхъ воровства. Потомъ пассажиры разошлись по мѣстамъ, а господинъ Негри остался со мною.

— Ну, поздравляю васъ, юноша,—сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкой.—Вы отдѣлались довольно дешево. Вы имѣли дѣло съ несомнѣннымъ профессіональнымъ жуликомъ. Замѣтили вы, что онъ нѣсколько разъ показывалъ вамъ свой кошелекъ? Это пріемъ... Такіе, извините, пижоны, какъ вы... то есть я хочу сказать новички, въ первый разъ ѣдущіе по желѣзнымъ дорогамъ изъ глубокой провинціи,— при каждомъ напоминаніи о кошелькѣ, сейчасъ хватаются за сумку или за карманъ, гдѣ у нихъ деньги... Вы, я замѣтилъ, брались за сумку... Вотъ онъ и прильнулъ къ вамъ... И если бы я не разбудилъ васъ... Ну, ну, пустяки. За что же тутъ благодарить?..

Я сильно покраснѣлъ и мнѣ было досадно, что проклятая застѣнчивость мѣшала мнѣ какъ слѣдуетъ выразить мои чувства. Хорошія, настоящія слова въ такихъ случаяхъ приходили мнѣ на умъ тогда, когда уже были сказаны другія, сбивчивыя, тусклыя, не настоящія... Во всякомъ случаѣ, мнѣ было необыкновенно пріятно чувствовать себя обязаннымъ такому замѣчательному человѣку.

Мечта моя сбылась наяву. Поѣздъ мчался дальше, а я сидѣлъ рядомъ съ господиномъ Негри, и мы тихо разговаривали. Онъ сразу угадалъ, что я въ этомъ году окончилъ гимназію и ѣду въ столицу. Куда? Въ Технологическій? Это онъ одобрилъ: отъ прогресса техническихъ знаній зависитъ будущее страны... Кромѣ того... рабочій вопросъ на очереди. Когда я признался, что въ техническое заведеніе поступаю временно и поневолѣ, какъ „реалистъ", а затѣмъ надѣюсь перейти въ университетъ,—въ его глазахъ проступило насмѣшливое выраженіе...

— Сразу, значитъ, на проторенную дорожку? Въ чинов-

ники? Нѣтъ? А куда же? Въ адвокаты?.. Гмъ... Это еще лучше... Куши, значитъ, хотите огребать?.. Правильно-съ молодой человѣкъ, очень правильно. Адвокаты, дѣйствительно... народъ благополучный...

Я попытался оправдаться. Вѣдь вотъ Спасовичъ и другіе... Въ нечаевскомъ процессѣ... И защищали даромъ.

— А, вотъ что! Ну, простите, когда такъ. Если васъ влечетъ эта сторона, дѣло десятое-съ... Только все-таки лучше бросьте эту идею. Ораторомъ вамъ не сдѣлаться, потому что у васъ отвратительный акцентъ. Не русскій и не малорусскій, а новороссійскій, мѣстечковый... Съ такимъ „прононсомъ" говорить рѣчи и волновать сердца трудно-съ...

— А вотъ опять-таки... Спасовичъ,—защищался я робко.

— Ну, батюшка! То—Спасовичъ. Не всѣмъ быть Спасовичами... А впрочемъ, что-жъ... давай вамъ Богъ...

Поѣздъ летѣлъ, быстро пожирая пространство, и мнѣ казалось, что такъ же быстро онъ пожираетъ время. Еще немного, и обаятельная сказка кончится... Мнѣ придется навсегда разстаться съ этимъ человѣкомъ, уже завоевавшимъ мое сердце...

Негри поднялся.

— Ну, юноша, мы еще поговоримъ съ вами, — сказалъ онъ.—До Курска еще порядочно.

— Мнѣ только до Ворожбы,—отвѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

— Это почему?—спросилъ онъ.

— Въ Сумахъ у меня дядя, къ которому я долженъ заѣхать по дорогѣ. Въ Ворожбѣ я найму лошадей.

Въ лицѣ г-на Негри мелькнуло оживленіе. Онъ опять сѣлъ на мѣсто, посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ раздумьемъ и сказалъ:

— Знаете... Вѣдь это счастливое совпаденіе. Мнѣ вѣдь тоже нужно въ Сумы... Я дамъ тамъ концертъ. Вашъ дядя человѣкъ съ положеніемъ? Давно живетъ въ Сумахъ?

— Судебный слѣдователь... Живетъ лѣтъ пять.

Онъ опять подумалъ и сказалъ:

— Положительно, намъ по пути. Ѣдемъ вмѣстѣ. Кстати, вамъ и лошади обойдутся дешевле. Но, позвольте. Вы мнѣ сказали все о себѣ, а я вамъ еще не представился: Теодоръ Михайловичъ Негри. Артистъ-декламаторъ, прибавлю—довольно извѣстный въ провинціи... Что? Вы разочарованы? Говорите правду. Думаете: скоморохъ, балаганщикъ, кривляющійся на подмосткахъ для потѣхи публики.

Онъ ласково положилъ мягкую ладонь на мою руку и сказалъ задушевнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, юноша. Вы ошибаетесь. Не скоморохъ, а артистъ—и человѣкъ идеи! Подмостки для меня каѳедра, декламація—проповѣдь. Я несу въ невѣжественную массу Никитина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Петефи, Гюго. Я бужу въ толпѣ чувства, которыя безъ меня спали бы глубокимъ сномъ. И когда съ высоты подмостокъ звуки моего голоса... какъ набатный колоколъ... кидаютъ ихъ въ дрожь... какъ электрическая искра, зажигаютъ эти нетронутыя простыя сердца...

Говорилъ онъ тихо, задушевно, только для меня, но все же сосѣдъ въ рыжемъ пальто повернулъ къ намъ свое лицо съ любопытными глазами. Негри сразу оборвалъ рѣчь, помолчалъ и затѣмъ, протягивая мнѣ руку,—сказалъ:

— Итакъ, значитъ: ѣдемъ?

Я отвѣтилъ ему молчаливымъ взглядомъ, въ которомъ, вѣроятно, онъ могъ прочитать благодарное восхищеніе. Когда я теперь вспоминаю эту минуту, то мнѣ кажется, что нашъ вагонъ несся по какимъ-то лучезарнымъ полямъ, залитымъ яркимъ свѣтомъ, а кругомъ меня стоялъ золотистый туманъ, и въ немъ плавалъ восхитительный образъ Теодора Негри, артиста декламатора... проповѣдника... „новаго человѣка...

— Станція Ворожба... Десять минутъ...

Я захватилъ свой чемоданчикъ. Негри попрощался съ офицеромъ. Пассажиръ въ рыжемъ пальто съ утинымъ носомъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но я, подхваченный вихремъ восторга, не обратилъ на него вниманія и выскочилъ изъ вагона. Негри, въ сопровожденіи носильщика, вышелъ вслѣдъ за мною, кивнулъ носильщику на мой чемоданъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ залъ 1-го класса. Мнѣ было неловко, но онъ усадилъ меня за столъ такъ мягко и такъ властно, что я не посмѣлъ сопротивляться.

— Карту,—сказалъ онъ лакею.

Я почувствовалъ себя въ затрудненіи, когда лакей во фракѣ и нитяныхъ перчаткахъ подалъ карту. Трата „на обѣдъ въ первомъ классѣ“ казалась мнѣ непростительной роскошью. Впрочемъ, глаза мои уткнулись въ „борщъ—30 копѣекъ“. Это было сносно. Негри велѣлъ себѣ подать рюмку водки, рюмку коньяку и третью рюмку пустую. Затѣмъ икры и осетрины... Въ пустой рюмкѣ онъ смѣшалъ коньякъ съ водкой и аппетитно выпилъ.

Публика прошумѣла около буфета и схлынула. Поѣздъ свиснулъ, громыхнулъ и умчался. Остался пустой залъ съ скромнымъ буфетомъ и мы двое. Въ открытую дверь виднѣлся немощенный дворикъ, скромныя желѣзнодорожныя постройки и поля съ новымъ заманчивымъ просторомъ.

Слышался звонъ бубенцовъ и виднѣлись костистыя лошади, запряженныя по-русски.

Негри обтеръ усы салфеткой и поманилъ лакея. Боясь, чтобы онъ не заплатилъ и моихъ тридцати копѣекъ, я торопливо схватился за кошелекъ. Негри, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня и сказал:

— Вы хотите? Ну, чтожъ хорошо? Въ Сумахъ сочтемся. Лучше всего, когда въ дорогѣ ведетъ расходъ кто-нибудь одинъ. Пріучайтесь, юноша, пріучайтесь... За меня рупь пятьдесятъ, вашихъ тридцать... Гривенникъ ему на чай. Позови, братецъ, ямщика.

Вошелъ ямщикъ въ кафтанѣ, съ очень короткой таліей и въ очень грязныхъ сапогахъ, и почтительно остановился. Негри посмотрѣлъ на него смѣющимися глазами и сказалъ:

— Здравствуй, другъ Павло. Какъ поживаешь?

— Я Герасимъ,—отвѣтилъ ямщикъ съ удивленіемъ.

— Да, да, Герасимъ... Я забылъ. Павло другой.

— Вы меня знаете, ваше благородіе?—спросилъ ямщикъ простодушно.

— Конечно, знаю. И знаю, у кого ты служишь.

И, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ, весело играя карими глазами:

— Хозяинъ его—человѣкъ популярный, но...—прибавилъ онъ тише:—страшный кулакъ. Это вѣдь про вашего хозяина есть стихи:

Чи рыба, чи ракъ,—
Кандыба дуракъ.
Чи ракъ, чи рыба,
Все дурень Кандыба.
Чи такъ, чи сякъ,
Все Кандыба дуракъ.

Что? Неправда?—повернулся онъ къ ямщику.

— Въ аккуратъ,—отвѣтилъ тотъ съ простодушнымъ удивленіемъ и растерянно оглянулся на лакеевъ и буфетчиковъ. Тѣ смѣялись выходкамъ затѣйливаго господина.

— Ну, Герасимъ, поѣдемъ въ Сумы. Что возьмешь?

— Цѣна извѣстная. Три цѣлковыхъ.

— Два съ полтиной, двадцать на чай. Хозяину скажи: везъ господина Негри, артиста. Онъ знаетъ. Ну, бери чемоданы.

Ямщикъ опять безпомощно оглянулся и покорно взялъ наши вещи...

Минутъ черезъ двадцать крыша вокзала и верхушка водокачки едва виднѣлись за неровностью степи, а гдѣ-то очень далеко надъ горизонтомъ бѣжалъ клубокъ бѣлаго

пара. Негри съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ и сказалъ:

— Спасибо, сторона родная, за твой врачующій просторъ!.. Вы, конечно, этого еще не понимаете? Вамъ врачующій просторъ не нуженъ. А Некрасова любите?

— Очень.

— И знаете?

— Знаю изъ Некрасова много...

— Прочтите-ка что-нибудь.

Я оглянулся кругомъ. Поля были почти убраны, но кое-гдѣ лежали еще кресты сноповъ, розовѣли загоны гречи и по дорогѣ ползли нагруженные возы. Изъ-за бугра выдѣлялись соломенныя крыши деревеньки. Я началъ читать:

— Межъ высокихъ хлѣбовъ затерялося
Небогатое наше село...

Негри сначала слегка поморщился, но потомъ сталъ внимательно слушать. Послѣднюю строфу онъ вдругъ выхватилъ у меня и закончилъ самъ. Мнѣ показалось это такъ, точно онъ схватилъ всю тихую поэзію этихъ полей, и шорохи вѣтра въ жнивьяхъ, и звонъ гдѣ-то въ лощинѣ оттачиваемой косы—и перевелъ все это въ задушевную гармонію некрасовскаго стиха. Отъ ощущенія щемящей, счастливой грусти, на глазахъ у меня проступили слезы.

Онъ взглянулъ искоса и сказалъ:

— А, у васъ есть чувство. Читаете вы, положимъ, еще неважно. Теперь уже не скандируютъ... Но можете, пожалуй, при нѣкоторой выучкѣ прочесть прилично. А Шевченко?

— Еще хуже,—отвѣтилъ я.

— Попробуйте.

Я прочелъ что-то неувѣренно и сбиваясь, такъ какъ совсѣмъ не владѣлъ украинскимъ выговоромъ. Онъ опять поморщился и сказалъ:

— Н-да... Это ужъ совсѣмъ плохо... А Некрасова вы чувствуете. Да, да... Съ Некрасовымъ могло бы сойти,—прибавилъ онъ про себя.

Хотя мы ѣхали по Харьковской губерніи, бывшей слободской Украинѣ, но я, дѣйствительно, всю деревенскую природу видѣлъ сквозь некрасовскую поэзію.

Стало темнѣть. Надъ полями стояли тишина и угасаніе. Незамѣтно зажигались одна за другой яркія звѣзды. На горизонтѣ долго лежала свѣтлая полоса, потомъ и она расплылась. Мы ѣхали молча. Скоро пріѣдемъ и разстанемся. Мнѣ было жаль терять время на молчаніе...

— Скажите, пожалуйста,—заговорилъ я робко...

— Что такое, юноша?

— Вы вотъ разговаривали съ этимъ молодымъ офицеромъ о нечаевскомъ процессѣ...

— Да, да... Вы слушали?

— Слышалъ кое-что. И мнѣ хочется спросить: зачѣмъ они убили Иванова?

— Такъ было нужно,—сказалъ Негри жестко.

— Но вѣдь Ивановъ былъ честный человѣкъ... всѣ говорятъ, что онъ не былъ доносчикомъ.

— Да... и хорошій былъ... а такъ было нужно, - отрѣзалъ Негри категорично и смолкъ...

— „Онъ, вѣроятно, знаетъ больше, чѣмъ напечатано въ газетахъ... Можетъ быть, онъ тоже участвовалъ въ этихъ дѣлахъ... И онъ, и тоже молодой офицеръ“...

Ночь наполнялась для меня туманными и таинственными образами. Хотя я все-таки не понималъ, зачѣмъ „это“ было нужно, и не могъ согласиться, что это могло быть нужно, но разспрашивать дальше не посмѣлъ.

Гдѣ-то вдали замелькали неясные огоньки. Должно быть, городъ. Еще полчаса, и конецъ пути. Мнѣ это было такъ непріятно, точно я ѣхалъ съ любимой дѣвушкой... Негри, какъ бы угадавъ мои мысли, повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Слушайте, юноша! Вы не могли бы остаться въ Сумахъ на нѣсколько дней?

И, не ожидая отвѣта, сказалъ живо:

— Знаете, мы бы съ вами вмѣстѣ выступили въ концертѣ...

Я удивился, почти испугался. Я? Въ концертѣ, передъ публикой на подмосткахъ... Это невозможно! Но Негри находилъ, что это пустяки. Онъ все обдумалъ. Въ моемъ чтеніи есть все таки чувство. Дня въ два, пока напечатаютъ афиши, онъ меня „поставитъ“. Фракъ для меня можно достать на прокатъ. Мой дядя постарается заинтересовать публику, раздастъ между судейскими билеты... Вѣдь это будетъ чудесно.

Не знаю, что бы изъ этого вышло и сумѣлъ ли бы я при другихъ обстоятельствахъ отказать этому „замѣчательному человѣку“, сильно овладѣвшему моей волей, но у меня было мало времени: пятнадцатое близко, а мнѣ еще нужно остановиться въ Москвѣ, чтобы повидаться съ сестрой, нанять въ Петербургѣ комнату...

— Жаль, жаль,—сказалъ Негри разочарованно.—Ну, а въ томъ, что я у васъ теперь попрошу, вы уже мнѣ, навѣрное, не откажете?..

— Что только могу,—отвѣтилъ я горячо.

— Это вы можете: ночь мы переночуемъ вмѣстѣ въ [illegible]

стинницѣ, а дядю вы разыщете завтра утромъ. Скажу вамъ правду: мнѣ просто жаль разставаться съ вами...

— О, конечно...—заговорилъ я, сбиваясь...—Я тоже... Вы не знаете... я... мнѣ...

Я окончательно сконфузился и смолкъ.

Въ Сумы мы пріѣхали поздно и остановились въ плохонькой „гостинницѣ съ номерами". Я кое-какъ устроился на стульяхъ, которые нѣсколько разъ разъѣзжались подо мною. Но и сонъ, и частое просыпаніе отъ безпокойнаго ложа были пріятны. Я проектировалъ въ умѣ письмо къ матери: она можетъ быть спокойна на мой счетъ. Я сумѣю найти то, что мнѣ нужно. Мнѣ везетъ: вотъ я уже познакомился съ замѣчательнымъ, необыкновеннымъ человѣкомъ!

Когда я проснулся, Негри, умытый и свѣжій, сидѣлъ за столомъ и что-то писалъ.

— А, вы проснулись. Ну, вставайте, будемъ пить чай. А я пока вотъ тутъ окончу маленькое дѣло.

Я живо умылся и былъ готовъ въ пять минутъ. Негри позвонилъ. Вошелъ какой-то человѣкъ и остановился у двери.

— На, вотъ, братецъ, и скажи, чтобы поскорѣе прислали корректуру. Понялъ?

— Такъ точно... Приказали, чтобы задатокъ.

— Ступай!—сказалъ Негри повелительно и обратился ко мнѣ.—Ну-съ. Я узналъ, гдѣ живетъ вашъ дядя. Недалеко. Сколько времени вы у него пробудете?

— Не болѣе двухъ дней.

— Такъ. Ну, мы, конечно, еще увидимся... Сегодняшній день вы проведете въ родственныхъ объятіяхъ, а завтра утромъ заходите сюда. Непремѣнно! Тогда мы сведемъ съ вами и наши маленькіе счеты. Ты все еще здѣсь?—повернулся онъ къ типографскому разсыльному, который неподвижно стоялъ у дверной притолки.

— Такъ точно... Приказали, чтобы задатокъ...—повторилъ онъ тономъ автомата.

По лицу Негри прошла красивая нервная гримаса.

— Вотъ, не угодно-ли!—сказалъ онъ брезгливо:—вѣчная прелюдія ко всякому концерту... Изнанка жизни бродячаго артиста. Знаете что... Я хочу взять съ васъ маленькій залогъ въ удостовѣреніе, что вы еще меня навѣстите: вы тамъ платили въ буфетѣ... и потомъ за лошадей. Продолжимъ до завтра эти наши общіе расходы. Дайте вотъ этому разбойнику два рубля.

Я торопливо отдалъ деньги.

— Спасибо. А теперь ступайте къ дядѣ, а я пойду по дѣламъ. Нуженъ залъ... полицейское разрѣшеніе, ну и такъ далѣе... Неужто вы не останетесь хотя-бы для того, чтобы

послушать вашего пріятеля, артиста Теодора Негри? Нельзя? Ну, Богъ съ вами, Богъ съ вами... Итакъ—до завтра!

Дядя ждалъ меня еще вчера, по письму матери, и нѣсколько безпокоился. Выслушавъ мой разсказъ о счастливой встрѣчѣ, онъ комически приподнялъ брови и сказалъ:

— Денегъ взаймы просилъ?

Я покраснѣлъ отъ обиды за моего новаго друга.

— Дядя!—сказалъ я съ упрекомъ:—вы не знаете, что это за человѣкъ... Артистъ, проповѣдникъ... Это единственная у насъ сторона общественной проповѣди...

— Сколько занялъ?—спросилъ онъ опять, но, замѣтивъ мое огорченіе,—сказалъ:—ну, ну... Богъ съ тобой. Послушаемъ твоего артиста...

Этотъ мой дядя былъ когда-то весельчакъ и остроумецъ. Теперь онъ былъ въ чахоткѣ, но въ глазахъ его все еще по временамъ загорался огонекъ юмора. Я очень любилъ его, но все-таки онъ былъ только мой дядя, а Теодоръ Негри, артистъ-декламаторъ и проповѣдникъ, стоялъ неизмѣримо выше его суда и его насмѣшекъ.

На слѣдующее утро я побѣжалъ въ номера, точно на любовное свиданіе. Въ коридорѣ, впереди меня, шелъ мальчишка-половой, неся въ обѣихъ рукахъ подносы съ графинами, рюмками и закусками. Остановившись около одного номера, онъ осторожно отдавилъ ногой дверь, и я увидѣлъ внутренность комнаты. Сквозь густые клубы табачнаго дыма виднѣлась за столомъ какая-то веселая компанія. Особенно бросилась мнѣ въ глаза фигура какого-то молодого богатыря съ широкимъ лицомъ, краснымъ, какъ сырое мясо, въ шелковой косовороткѣ, съ массивной золотой цѣпочкой поперекъ груди, отъ одного кармана косоворотки къ другому. Изъ закуреннаго номера несся шумный и, кажется, пьяный говоръ, крики, смѣхъ. Повидимому, компанія заканчивала позднимъ утромъ ночь, проведенную за картами.

Господина Негри въ нашемъ общемъ номерѣ не было. Половой мальчишка, увидѣвъ меня въ открытую дверь, вошелъ въ комнату, махнулъ зачѣмъ-то салфеткой по столу и сказалъ:

— Чичасъ доложу. Они у акцизнаго. Приказали, чтобы вамъ непремѣнно дожидаться, не уходить.

И скрылся.

Черезъ минуту дверь отворилась, и вошелъ господинъ Негри. Лицо у него было не то нѣсколько помятое, не то печальное. Онъ молча подошелъ ко мнѣ, сильно и какъ-то многозначительно сжалъ мою руку и нѣсколько секундъ пытливо глядѣлъ мнѣ въ лицо. Потомъ, оставивъ мою руку, сдѣлалъ два, три шага и сѣлъ къ столу, положивъ голову

на руки. Меня охватило непонятное волненіе... Въ напряженную и торжественную тишину этой минуты ворвался шумъ изъ сосѣдняго номера... Тамъ смѣялись. Стучали, звали кого-то...

Лицо господина Негри повернулось ко мнѣ съ выраженіемъ сарказма и душевной боли...

— Хороши?—спросилъ онъ.

Я ничего не отвѣтилъ; я не думалъ объ этой компаніи и не составилъ о ней опредѣленнаго мнѣнія, очевидно, отъ недостатка наблюдательности. А господинъ Негри думалъ и составилъ.

— Что дѣлаютъ?—спросилъ онъ съ сдержаннымъ гнѣвомъ и печалью. И тотчасъ отвѣтилъ коротко и выразительно:

— Гррра-бятъ...

Послѣдовала пауза, полная для меня жуткаго, электризующаго напряженія.

Затѣмъ г-нъ Негри сталъ ронять въ тишину фразу за фразой, отчетливыя, тихія, точно раскаленныя...

— И вотъ! Они веселятся. Пируютъ... Слышите? Слышите вы?..

— ...А я!..

— ...За мою проповѣдь... За мою ччестную проповѣдь... О!..

Онъ глухо застоналъ и, рѣзко повернувшись ко мнѣ, заговорилъ еще тише и еще отчетливѣе, какъ будто стремясь запечатлѣть во мнѣ важную и горькую тайну.

— Зачѣмъ скрывать истину? Знаете ли вы, мой милый, чистый юноша, въ какомъ я положеніи? Денегъ,—ни гроша! Кредитъ! . Боже! Какой кредитъ странствующему проповѣднику на Руси?.. За афиши, которыя я заказалъ тогда при васъ... надо заплатить впередъ; иначе типографщикъ... Кулл-лакъ и эксплу-ататоръ... ихъ не выпуститъ. Значитъ: концерта моего не будетъ. Завтра меня, артиста-проповѣдника, вышвырнутъ изъ этого жалкаго номера, кака саб-баку... А вы.. вы еще...

Сердце у меня упало. Все кругомъ такъ ужасно и такъ преступно. Еще секунда, и я узнаю о своей долѣ участія въ этомъ общемъ преступленіи...

Но глаза господина Негри смотрѣли на меня изъ золотой оправы съ мягкою лаской.

— Вы вчера спрашивали: „З-зачѣмъ? И нужно ли было это дѣлать?“ (Я понялъ, что рѣчь шла о Нечаевѣ и Ивановѣ). Да! Нужно!... Все, понимаете: *все* можно и *все* нужно въ этой странѣ, гдѣ такіе вотъ субъ-ек-ты (большимъ пальцемъ онъ ткнулъ назадъ черезъ плечо) хохочутъ сытымъ, утробнымъ смѣхомъ, а такимъ, какъ мы съ вами, остается только плакать... да, плакать крро-вавыми слезами.

Онъ опять уронилъ голову на руки и смолкъ. Плечи его чуть-чуть вздрагивали... Неужели онъ... господинъ Негри, котораго вчера я видѣлъ такимъ великолѣпнымъ,—плачетъ? Я стоялъ, затаивъ дыханіе, потрясенный, ошеломленный. А изъ-за двери „грабителей", дѣйствительно, слышались опять крики и смѣхъ...

Я робко подошелъ къ г-ну Негри и сказалъ:

— Теодоръ Михайловичъ. Я... простите меня, но я... не могу... Если-бы вы согласились взять у меня, сколько нужно на эти афиши и прочее... Вотъ тутъ... у меня...

И я протягивалъ ему свой тощій кошелекъ.

Негри поднялъ голову и снизу вверхъ посмотрѣлъ на меня влажнымъ, растроганнымъ взглядомъ.

— Вы... вы сдѣлаете это?... Но нѣтъ, нѣтъ... Я не могу, не долженъ...

Кошелекъ былъ у него въ рукахъ. Онъ раскрылъ и сталъ перечислять его содержимое такимъ тономъ, точно читалъ трогательную надгробную надпись:

— Багажная квитанція... Записка съ адресомъ, вѣроятно, товарищей въ Петербургѣ... десять... двадцать... тридцать пять, пятьдесятъ...

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня и продолжалъ тѣмъ же умиленнымъ тономъ, не спуская глазъ съ моего лица.

— Гдѣ нибудь еще... вѣроятно... любящая рука матери зашила въ сумочку сотню-другую рублей... И это все... И все таки этотъ юноша, самъ пролетарій, протягиваетъ руку помощи такому же пролетарію-артисту... О, спасибо, спасибо вамъ!.. Не за деньги, конечно, я еще не знаю, смогу ли ихъ взять, а за ту чистую вѣру въ человѣка, которая...

Онъ заморгалъ глазами и вытеръ что-то подъ золотыми очками кончикомъ тонкаго платка. Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ:

— Однако, постойте... Если уже вы хотите, то... денежныя дѣла такъ не дѣлаются. Садитесь. Вотъ такъ. Давайте выяснимъ: сколько же у васъ всѣхъ денегъ?

Я покраснѣлъ почти до боли въ лицѣ, чувствуя себя такъ, какъ будто я обманулъ довѣрившагося мнѣ замѣчательнаго человѣка.

— Тутъ... все,—сказалъ я съ усиліемъ.

Въ глазахъ г-на Негри мелькнуло быстрое и сложное выраженіе разочарованія, мгновеніе холоднаго блеска, какъ будто онъ дѣйствительно разсердился, потомъ—юмористическое удивленіе, потомъ просто недоумѣніе...

— Все?—переспросилъ онъ.—И съ этимъ вы ѣдете въ столицу? Значитъ, вамъ пришлютъ туда? Правда?

— Я найду уроки,—пробормоталъ я совсѣмъ виноватымъ голосомъ...

Онъ засмѣялся.

— Ну, это дѣло нелегкое. Вамъ придется испить горькую чашу... Ну, ничего, не краснѣйте, юноша. Я вижу, что ваши средства нѣсколько не соотвѣтствуютъ вашему доброму желанію... Тѣмъ болѣе спасибо... Но, конечно, намъ нужно разсчитать... Постойте: до Курска... до Ту-ѵлы... до Москвы... до Петербурга... Я, значитъ, возьму у васъ десять рублей на афиши... и потомъ еще... Ну, хорошо, хорошо: еще пять рублей... Вы все таки меня спасаете... Концертъ состоится. Деньги у меня будутъ. Вашъ Петербургскій адресъ?.. Впрочемъ, что-жъ я. Конечно, можно адресовать въ институтъ. Я даже самъ, вѣроятно, скоро буду въ Петербургѣ и разыщу васъ, мой милый юноша. И тогда, быть можетъ, вы, въ свою очередь, не оттолкнете руку помощи скромнаго бродяги-артиста... Да? Вѣдь правда: вы мнѣ не откажете въ этомъ?.. Ну, а пока...

Онъ всталъ со стула и взялъ мою руку. Не выпуская ея, онъ отклонился нѣсколько назадъ, смотря мнѣ въ лицо съ какой-то внезапно явившейся мыслью, и сказалъ:

— Еще дорогой мой, маленькая просьба: своему дядѣ вы лучше не говорите ничего о... о нашихъ отношеніяхъ. Эти люди съ сердцемъ, охлажденнымъ житейской прозой... Поймутъ-ли они...

— Конечно,—сказалъ я съ убѣжденіемъ.

— Ну, вотъ.

Дверь нашего номера скрипнула. Въ ней показалась глупая рожа полового.

— Господинъ акцизный...—началъ онъ, но Негри сдѣлалъ болѣзненную гримасу и сказалъ гнѣвно страдающимъ голосомъ:

— Знаю, зна-áю... Провалитесь вы всѣ съ вашими акцизными...

Малый исчезъ, а господинъ Негри опять обратился ко мнѣ и заговорилъ тономъ, который такъ легко проникалъ въ мою душу:

— Ну, пора разстаться... Но повѣрьте мнѣ, юноша... Да, да, я знаю: вы мнѣ повѣрите... Теодоръ Негри вѣчный жидъ, цыганъ, бродяга. Но онъ не забудетъ, что на его пути, на суровомъ пути странствующаго проповѣдника, судьба послала ему встрѣчу съ чистымъ юношей... довѣрчивымъ... съ неохлажденной, отзывчивой душой. Прощайте-же... прощайте!

Господинъ Негри крѣпко обнялъ меня. Я почувствовалъ прикосновеніе его мягкихъ усовъ, а затѣмъ его губы при-

жались къ моей щекѣ. Я не успѣлъ отвѣтить на это объятіе, какъ онъ меня выпустилъ и быстро исчезъ, оставивъ одного въ пустомъ номерѣ. Было тихо. Только изъ комнаты „грабителей" вырвалась, будто въ мгновенно открытую дверь, волна особенно шумнаго ликованія, хохота, криковъ...

На улицахъ мало знакомаго города было сѣро и скучно. Печально моросилъ дождикъ, по небу ползли сѣрыя клочья тумана, мостовая облипла жидкою, скользкою грязью. Но на душѣ у меня, какъ будто, играла музыка, немного печальная, но еще болѣе торжественная... Какой замѣчательный человѣкъ!.. „Что дѣлаютъ?.. Гррабятъ!" О, какъ онъ сказалъ это! И какъ одной фразой охарактеризовалъ эту пошлую компанію, которую я видѣлъ въ накуренномъ грязномъ номерѣ, среди табачнаго дыма... Этотъ молодой человѣкъ съ самодовольною, красною рожей... Вѣроятно, это и есть акцизный? Конечно... вчера половой говорилъ, что занятъ только *одинъ* номеръ, и именно господиномъ акцизнымъ... И сегодня онъ опять приходилъ отъ господина акцизнаго... Зачѣмъ? Что общаго у этого пошляка съ странствующимъ проповѣдникомъ? Совершенно понятна болѣзненная гримаса господина Негри при одномъ упоминаніи объ этомъ субъектѣ. Навѣрное, беретъ взятки... И щеголяетъ въ золотой цѣпи... ...„А я за мою проповѣдь... за мою честную проповѣдь"... Куда онъ ушелъ, попрощавшись съ мною? Съ кѣмъ теперь говоритъ?.. Кого это „грабители" встрѣтили такимъ ликованіемъ послѣ того, какъ мы распрощались?.. „На моемъ пути, на суровомъ пути странствующаго проповѣдника... судьба послала мнѣ чистаго юношу"... Неужели онъ говорилъ это обо мнѣ? Что я такое для него?.. Неинтересный, мало развитой, въ смѣшной альмавивѣ... И на меня же глядѣли его умные глаза, глядѣли *снизу вверхъ* съ такой глубокой печалью... О, господинъ Негри, милый, красивый, умный господинъ Негри! Артистъ, декламаторъ, интеллигентный пролетарій, странствующій проповѣдникъ... Неужели, о неужели я никогда не увижу васъ болѣе!

При этой мысли глаза мои становились влажны...

А между тѣмъ, если читатель подумаетъ, что мой современникъ былъ такъ безнадежно глупъ, какъ можетъ показаться по описанному здѣсь его настроенію, то онъ, пожалуй, ошибется. Этотъ застѣнчивый молодой человѣкъ не былъ лишенъ даже въ эти минуты нѣкоторой наблюдательности... Въ то самое время, когда въ душѣ его звучала торжественная симфонія, онъ все таки замѣчалъ, что на улицахъ грязно и скучно, а по мостовой дребезжитъ какая-то обмызганная пролетка. Правда, образъ г-на Негри плавалъ передъ нимъ въ золотистомъ туманѣ, обаятельный и блестя-

щій, властно занимая солнечную сторону его сознанія. Но наряду съ нимъ, въ сѣрой и скучной тѣни, выступалъ и другой образъ, тусклый, но все-же довольно отчетливый. Стоило только выпустить его на солнечную сторону, и онъ обрисовался-бы не менѣе рельефно, чѣмъ его великолѣпный двойникъ. *Этотъ* господинъ Негри ѣхалъ въ Курскъ, вѣроятно, послѣ какихъ-то неудачъ, съ неопредѣленными планами. Онъ свернулъ въ Сумы, собственно, для меня... Я платилъ за его обѣдъ, за лошадей, за номеръ, за афиши. Въ его глазахъ мелькнуло разочарованіе при подсчетѣ моихъ капиталовъ... Онъ думалъ, что у меня больше. Онъ „нарочно" говорилъ, что *надо было* убить Иванова. Самъ онъ ничего объ этомъ не знаетъ... Наконецъ... положительно *онъ* вышелъ ко мнѣ изъ номера „грабителей" и опять ушелъ къ нимъ. И, можетъ быть, продолжаетъ теперь игру на взятыя у меня деньги и спуститъ ихъ этому молодцу съ красной рожей до послѣдней копѣйки... А у меня едва-ли останется десять рублей, когда я пріѣду въ Петербургъ...

Но я слишкомъ грубо и рѣзко обрисовалъ этотъ второй образъ. Тогда онъ только пытался возникнуть въ моемъ сознаніи—легкій, воздушный и такой робкій, что исчезалъ при каждомъ движеніи своего великолѣпнаго двойника. Когда же онъ дѣлалъ попытки перейти изъ тѣни на солнечную сторону, то мнѣ дѣлалось обидно и больно. Я только что разстался съ живымъ господиномъ Негри... Неужели придется разстаться и съ воспоминаніемъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ великолѣпный господинъ Негри произносилъ для меня одну изъ своихъ фразъ, отъ которыхъ жутко замирало сердце,—и презрѣнный двойникъ расплывался въ туманѣ.

Однимъ словомъ, я и тутъ *зналъ* господина Негри по умному, но *чувствовалъ его* по глупому, съ преклоненіемъ, съ желаніемъ *только такого* господина Негри... И онъ оставался для меня именно такимъ... И *такой* онъ продолжалъ владѣть мною. И если-бы судьба вскорѣ опять свела насъ вмѣстѣ, и онъ опять сказалъ-бы нѣсколько такихъ же потрясающихъ фразъ, и опять посмотрѣлъ бы снизу вверхъ страдающими печальными глазами,—я, вѣроятно, пошелъ бы за нимъ всюду, куда бы онъ позвалъ меня, не слушая робкаго предостерегающаго шепота его двойника.

И долго потомъ, уже въ Петербургѣ, въ тяжелыя минуты жизни, печальныя и тусклыя, какъ эта уличная слякоть,— образъ великолѣпнаго г-на Негри, артиста-декламатора, выплывалъ передо мною изъ розоваго тумана во всемъ своемъ обаяніи. Мнѣ казалось, вотъ онъ откроетъ дверь, войдетъ, посмотритъ сквозь золотыя очки своими живыми глазами и скажетъ:

— Вотъ и я. Бродяга и цыганъ... Разыскалъ васъ, зная, что вамъ очень трудно. А вы, признайтесь, юноша, сомнѣвались?..

Дядя опять шутя сталъ разспрашивать „о моемъ артистѣ", но, замѣтивъ мое настроеніе, оставилъ эту тему. Вмѣсто того онъ произвелъ основательную ревизію моимъ денежнымъ и инымъ рессурсамъ. Разультаты оказались довольно печальными. Самъ онъ былъ небогатъ и боленъ. Въ его когда-то веселыхъ черныхъ глазахъ отражалась теперь неустанная и тяжелая забота о дѣтяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ пополнилъ брешь, нанесенную декламаторомъ въ моихъ финансахъ, и, кромѣ того, снабдилъ еще меня своею черною парой. Онъ былъ очень высокъ, и его сюртукъ полами покрывалъ мои пятки. Дядя расхохотался и сказалъ:

— Ничего, ничего... Въ Петербургѣ позовешь портного и передѣлаешь. А то ты, чортъ знаетъ, на что похожъ въ этомъ своемъ костюмѣ.

Подъ вечеръ, когда я уѣзжалъ изъ города на лошадяхъ Кандыбы,—надъ Сумами опять ползли облака, поливая мелкимъ дождикомъ скучныя, грязныя улицы. На столбахъ и заборахъ мелькали большіе листы, на которыхъ я могъ разобрать крупныя надписи:

Теодоръ Негри. Артистъ-декламаторъ.

Ихъ поливалъ мелкій дождь, и я съ грустью думалъ, что погода помѣшаетъ концерту моего замѣчательнаго друга.

III.

Я попадаю въ разбойничій вертепъ.

И въ дорогѣ, подъ шарканье бубенцовъ, и въ поѣздѣ до Курска мнѣ было очень скучно.

Въ Курскѣ, въ вагонъ, гдѣ я усѣлся, вошли двое знакомыхъ уже мнѣ пассажировъ: господинъ съ утинымъ носомъ и его товарищъ. Они прямо направились ко мнѣ и поздоровались, назвавъ себя. Господинъ съ утинымъ носомъ оказался Зубаревскимъ, студентомъ-технологомъ третьяго курса (наружность и фамилія другого какъ-то совсѣмъ исчезли изъ моей памяти). Они провели эти два или три дня по дѣламъ въ Курскѣ... Остановятся еще въ Москвѣ. Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю всему, но, въ сущности, мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ съ такой незамѣчательной наружностью и такъ одѣтый могъ быть дѣйствительно студентомъ. Впрочемъ, я теперь человѣкъ опытный, и меня провести нелегко. На предложеніе остановиться въ Москвѣ вмѣстѣ въ Кокоревской гостиницѣ я отвѣтилъ вѣжливымъ

отказомъ: мнѣ нужно остановиться гдѣ-нибудь около Екатерининскаго института. Тамъ у меня сестра...

На старомъ курскомъ вокзалѣ въ Москвѣ я пожалѣлъ объ этомъ. Когда съ чемоданчикомъ въ рукахъ я очутился на дебаркадерѣ, — вокругъ меня образовался сразу вихрь криковъ, нахальныхъ рожъ, приподнятыхъ фуражекъ, звонкихъ зазываній. Хватали за полы моей злополучной мантильи, вырывали изъ рукъ чемоданъ, заглядывали въ глаза, дышали въ лицо разными преимущественно винными запахами, кажется—насмѣхались... Гдѣ-то вдали мелькнула фигура Зубаревскаго и его товарища. Они казались мнѣ теперь пріятными. У Зубаревскаго, въ сущности, добрые глаза, и лицо очень неглупое. Пожалуй, онъ, можетъ быть, и студентъ. И ужъ во всякомъ случаѣ не грабитель.Я рванулся за нимъ, но его уже не было. А надъ самымъ моимъ ухомъ слышался сиповатый, мягкій голосъ:

— Домниковскіе номера-съ... Всего сорокъ копѣекъ. Извозчика не требуется. Вещи донесу самъ...

Я усталъ бороться и отдался на волю судьбы.

Чернобородый субъектъ, довольно мрачнаго полу-монашескаго вида взялъ у меня чемоданъ, взвалилъ себѣ на плечи и пошелъ впередъ, энергично прокладывая путь въ толпѣ. Онъ двинулся такъ быстро, что я сразу отсталъ и уже прощался со своимъ чемоданомъ; но на подъѣздѣ черномазый ожидалъ меня, и мы пошли рядомъ по улицамъ Москвы.

Шли довольно долго. Прошли „Балканъ“, потомъ углубились въ какіе-то переулки. Я уже думалъ взять перваго попавшагося извощика и ѣхать въ Кокоревскіе номера, какъ мой провожатый остановился передъ двухъ-этажнымъ домомъ. Переулокъ былъ узкій и грязный. Вверху сумрачное небо, внизу мокрая мостовая. На стѣнѣ дома большими буквами было написано: „Домниковскіе номера для пріѣзжающихъ“. Надпись была, кажется, сдѣлана сажей и потекла отъ дождя, разведя по грязной стѣнѣ траурныя полосы. Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми. Провожатый дернулъ ручку звонка. Раздался дребезжащій, унылый звонъ и вслѣдъ за нимъ хриплый собачій лай. Толстая баба отперла калитку, впустила насъ и тотчасъ-же заперла опять.

Въ маленькомъ квадратномъ дворикѣ было грязно и печально. Я еще первый разъ въ жизни очутился въ такомъ дворѣ, и мнѣ казалось, что я, дѣйствительно, на днѣ колодца. На одной стѣнѣ опять виднѣлась расплывшаяся надпись— „номера“, и мы вошли въ низкую дверь, показавшуюся мнѣ входомъ въ пещеру. Ходъ былъ черезъ кухню. Небольшимъ

коридорчикомъ чернобородый провелъ меня въ заднюю комнату и сказалъ:

— Здѣся. Сорокъ копѣеекъ въ сутки. Прикажете самоварчикъ?

Когда онъ вышелъ, — я оглянулся въ своемъ новомъ помѣщеніи. Комната была узкая, съ однимъ окномъ, засиженнымъ мухами. Темный потолокъ, темныя обои, темное небо, на дворѣ сумерки. Окно было низко. Я подошелъ и попробовалъ тихонько открыть его. Тотчасъ же изъ какой-то темной двери показалась собачья морда и раздался лай, хриплый и сердитый.

Итакъ,—рѣшилъ я про себя,—похоже, что я въ ловушкѣ. Дворъ запертъ, у окна собака. Да если бы и удалось вырваться на дворъ,—все равно идти некуда. Подслѣпыя окна глядѣли со стѣнъ въ этотъ колодецъ таинственно и зловѣще...

Въ коридорѣ послышалась возня, заставившая меня насторожиться. Кто-то рвался куда-то, кто-то другой не пускалъ. Жидкая переборка шаталась и вздрагивала.

— П-пусти... Тебѣ гов-во-рятъ! — съ усиліемъ говорилъ сиплый мужской голосъ.—Агафья... Агашъ..: кто здѣсь хозяинъ?.. Одолѣли-вы меня съ Ермишкой, съ разбойникомъ... душегубы, анафемы!

Онъ рванулся, и неровные быстрые шаги застучали по коридору. Моя дверь внезапно раскрылась, и на порогѣ появился мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, въ разстегнутомъ мѣховомъ полукафтанчикѣ и разорваной косовороткѣ. Нанковые легкіе штаны и опорки на босу ногу дополняли костюмъ незнакомца. Глаза у него были дикіе, бѣгающіе, какъ будто испуганные, сѣдоватые жидкіе волосы торчали врозь, борода сбилась въ одну сторону. Онъ схватился за косякъ двери, чтобы не упасть, и, тяжело перевалившись въ мою комнату, подошелъ ко мнѣ вплоть и заговорилъ, дыша запахомъ перегару и горячки.

— Слышалъ ты?.. Будь свидѣтель. Не пущаютъ... Разбойники, душегубы онѣ съ Ермишкой. Нѣ-ѣтъ, врешь... мамонишь, концы хоронишь...

Онъ прищурилъ одинъ глазъ, лукаво мигнулъ мнѣ и сказалъ:

— Я самъ съ усамъ... Я имъ, душегубамъ, не потатчикъ... Я... до сам-мого царя...

Въ коридорѣ стукнула дверь. Должно быть, на помощь баба призвала Ермишку. Пьяный насторожился и, наклонясь ко мнѣ, заговорилъ таинственно, торопливо и тихо:

— Молчи ужо. Дай мнѣ скорѣя двугривенной, хорошо удетъ, небось... А съ ихъ, подлецовъ, вычти потомъ. Я хозя-

инъ, въ обиду не дамъ. Э-эхъ ты, мил-л-ай! Молоденькій какой...

Поддавшись его испуганной торопливости, я наскоро далъ ему двугривенный. Онъ жадно схватилъ его и сунулъ въ ротъ. Какъ разъ во время, потому что въ комнату уже входилъ чернобородый и толстая баба. Незнакомецъ не оказывалъ теперь сопротивленія и только съ порога кивнулъ мнѣ многозначительно и обѣщающе... Скоро возня стихла гдѣ-то въ дальнемъ концѣ. Слышались только неразборчивое ворчаніе, вздохи... чей-то плачъ...

Чернобородый съ сурово-угрюмымъ видомъ внесъ сначала подносъ съ чайникомъ и стаканомъ, потомъ небольшой самоваръ и тарелку съ французской булкой. Все это онъ дѣлалъ молча, не глядя на меня, и такъ-же молча вышелъ.

Мое положеніе стало передо мной съ ужасающей ясностью. Можно ли сомнѣваться? Я попалъ въ одинъ изъ вертеповъ, въ родѣ притона „на бойкомъ мѣстѣ" въ драмѣ Островскаго. Только не въ лѣсу, а на какомъ-то Московскомъ Балканѣ, хуже всякаго лѣса. Они, очевидно, только затѣмъ и выходятъ на вокзалы, чтобы заманивать неопытныхъ юношей, одѣтыхъ такъ выразительно, какъ меня нарядилъ портной Шимко. Квартиры кругомъ, очевидно, нежилыя... Только въ одномъ движется тусклый огонекъ... Тамъ, вѣроятно, члены той-же шайки. У окна сторожитъ свирѣпый Церберъ. Ворота на запорѣ...

Воображеніе мое разрабатывало дальше эту мрачную тему. Въ одномъ изъ членовъ шайки, очевидно, не погасла еще искра совѣсти... Но онъ заливаетъ ее виномъ, и только въ пьяномъ видѣ грозитъ товарищамъ разоблаченіями и старается предупредить несчастныя жертвы... Онъ такъ таинственно порывался что-то сказать мнѣ, такъ многозначительно мигалъ отъ порога. Обѣщалъ что-то?.. Ясно: онъ обѣщалъ мнѣ помощь. Можетъ быть, этому доброму, раскаявшемуся преступнику удастся какъ-нибудь обмануть ихъ бдительность, привести людей и спасти меня въ послѣднюю роковую минуту... Это иногда бывало... Но... удастся ли?..

Мнѣ только казалось странно, что и чернобородый разбойникъ, и толстая мегера, увидя пьянаго, какъ будто плакали. Да, положительно, я помню заплаканное бабье лицо. Что-жъ. И это легко объяснить. Она - женщина... Ей, можетъ быть, стало жаль моей молодости. У нея, вѣроятно, былъ сынъ... Онъ умеръ, но теперь былъ бы моихъ лѣтъ. Такая чувствительность у закоренѣлыхъ разбойницъ тоже бываетъ. Я, кажется, читалъ объ этомъ въ какомъ-то страшномъ разсказѣ... Но это, въ концѣ концовъ, не помогаетъ невиннымъ жер-

твамъ. Такія счастливыя развязки бываютъ только въ романахъ... а меня окружаетъ теперь суровая дѣйствительность...

На столѣ стоитъ самоваръ и лежитъ пятикопѣечная булка. Чай, конечно, отравленъ соннымъ порошкомъ. Я снялъ чайникъ, вылилъ содержимое въ грязное ведро, всполоснулъ нѣсколько разъ и заварилъ своего чаю. На блюдцѣ лежало нѣсколько кусочковъ сахару. Я лизнулъ опять языкомъ: вкусъ странный, какъ будто металлическій. Мышьякъ вѣдь тоже похожъ на сахаръ. Ну, хорошо, пусть думаютъ, что я усыпленъ или отравленъ. А я, между тѣмъ, напьюсь крѣпкаго чаю и не засну всю ночь... Можетъ быть, найду какое-нибудь средство спасенія... И, во всякомъ случаѣ, дорого отдамъ свою жизнь...

Не надо сидѣть спиной къ двери. Я попробовалъ перейти на другой стулъ, у стѣны, но онъ сразу подогнулся подо мной: одна ножка была отломана. Я по прежнему приставилъ его къ стѣнѣ и пересѣлъ со своимъ стаканомъ на кровать.

Я сильно былъ голоденъ. Чай показался мнѣ превосходнымъ, булка тоже. „Можетъ, въ послѣдній разъ въ жизни", подумалъ я печально и налилъ другой стаканъ. Хорошо бы еще одну булку... Я постучалъ.

Вошла мегера. Глаза у нея все были заплаканы. Отъ угрызеній своей мрачной совѣсти она, повидимому, не могла глядѣть на меня и отворачивала лицо. Я попросилъ принести еще хлѣба, она ушла, не сказавъ ни слова, и такъ же молча принесла черезъ нѣсколько минутъ двѣ булки. За ними она, кажется, выходила со двора.

Вскорѣ послѣ ея ухода сильно лаяла собака и металась, лязгая цѣпью...

Напившись чаю, я попробовалъ запереть дверь, но задвижка не входила во втулку.

Время тянулось медленно. Самоваръ допѣлъ свою жалобную пѣсенку и смолкъ. Гдѣ-то, въ другомъ концѣ квартиры, шелъ тревожный разговоръ, раза два хлопали двери, одинъ разъ опять сильно лаяла собака. Потомъ все стихло...

Я рѣшилъ, что можно немного прилечь. Вѣдь прилечь не значитъ еще заснуть. Наоборотъ, въ такомъ положеніи воображеніе роботаетъ еще лучше. Я придумаю какой-нибудь выходъ.

Что-то жесткое сразу проступило изъ-подъ тонкаго тюфяка. Засунувъ руку, я нащупалъ... ту самую ножку, которой не доставало у стула. Очевидно, кто-то здѣсь уже переживалъ тѣ же чувства, что и я, и, вѣроятно, вооружился ножкой для защиты. Какая судьба постигла этого моего предшественника? Можетъ быть, та-же самая, которая ждетъ и меня черезъ два-три часа... Когда *это* случится? Конечно,

передъ утромъ, когда бываетъ самый крѣпкій сонъ... Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ невѣдомому товарищу за его предсмертную выдумку... Вмѣстѣ съ клопами, которые сразу произвели на меня жесточайшую атаку,—это жесткое орудіе защиты, конечно, не дастъ мнѣ заснуть...

Свѣчу я не гасилъ. Она нагорала и потрескивала жалобно и печально. Было тихо. Гдѣ-то тутъ за стѣнами катится шумная жизнь столицы, гремятъ извозчики, снуетъ публика... Отдаленный свистокъ,—точно изъ другого міра. Это на курскомъ вокзалѣ. Пришелъ поѣздъ, валитъ пріѣзжая толпа... Разъѣжаются по гостиницамъ... Въ кокоревское подворье, куда звалъ меня студентъ Зубаревскій и гдѣ теперь онъ спитъ на хорошей постели, безъ клоповъ, безъ ножки подъ тюфякомъ, въ безопасности и комфортѣ. А гдѣ-то еще ближе (мнѣ сказалъ это чернобородый) большое зданіе института... Въ дортуарѣ ряды чистыхъ кроватей. Въ одной спитъ моя сестренка... Чувствуетъ ли она, что я тутъ, близко, въ этомъ вертепѣ, въ смертельной опасности? Можетъ быть, чувствуетъ и мечется по своей подушкѣ и всхлипываетъ во снѣ, произнося мое имя... На глаза у меня просятся слезы...

Ужасно неудобно съ этой ножкой, но—пусть! Не время думать объ удобствахъ... Рахметовъ спалъ на полѣньяхъ дровъ... Кто-то еще,—не помню, кто именно... Спать я ни въ какомъ случаѣ не стану... При первомъ подозрительномъ шорохѣ въ коридорѣ я схвачу эту ножку, вотъ такъ, и удержу ее около себя... Они войдутъ вонъ тамъ, въ эту дверь... Я вижу ихъ отлично. Впереди—зловѣщая физіономія чернобородаго. Изъ-за его плечъ—другая, незнакомая, еще мрачнѣе... Они думаютъ, что я усыпленъ, но я гляжу сквозь прищуренныя рѣсницы и крѣпко сжимаю ножку въ рукѣ... Подходятъ, трусливо крадучись. Я сразу вскакиваю на ноги. А, не ожидали? Быстрый, какъ молнія, ударъ... Чернобородый падаетъ... Борьба... долгая, глухая, неясная... я, кажется, обезсиливаю... навалились какія-то рожи... Но тутъ приходитъ помощь... Раскаявшійся пьяница вваливается со свѣтомъ, съ шумомъ, съ людьми... Я спасенъ. Ужасная ночь миновала... Свѣтъ дня и солнца. Полиція, протоколы, любопытные люди разспрашиваютъ меня... Да, это я раскрылъ разбойничій вертепъ, въ которомъ погибло уже много наивныхъ провинціаловъ.

Въ темномъ подвалѣ, охраняемомъ злющимъ церберомъ, находятъ груду человѣческихъ костей... Ужасаются, мотаютъ головами... пишутъ въ газетахъ. Сестра, мать, Теодоръ Негри читаютъ. Сначала пугаются, потомъ, конечно,—радость... Все хорошо. Мнѣ наперебой предлагаютъ работу. Три часа въ день. Сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ. Я богатъ, могу еще

посылать матери. Перехожу съ курса на курсъ... Въ технологическомъ... въ университетѣ... еще гдѣ-то. Вообще—все отлично...

Все такъ отлично, что я сладко сплю, несмотря на клоповъ и на деревянную ножку подъ бокомъ, одѣтый, въ разбойничьемъ вертепѣ...

Когда я проснулся, точно отъ внезапнаго толчка, первой моей мыслью было: живъ-ли я.

Я былъ живъ, ночь уже прошла. Въ комнатѣ было свѣтло. Лучъ солнца, перебравшись черезъ крыши, заигралъ вверху на стѣнѣ, и желтоватые разсѣянные лучи попали на дно двора-колодца. У стола стоялъ чернобородый, позванивая убираемой посудой.

— Такъ и спали ночь, не раздѣмши,—сказалъ онъ печально и прибавилъ, потупясь:

— Побезпокоили васъ вчерась... Извините...

— Кто это былъ, пьяный?—спросилъ я, рѣзво подымаясь на ноги съ ощущеніемъ необыкновеннаго благополучія...

Чернобородый глубоко вздохнулъ.

— Грѣхи! И сказать стыдно. *Самъ* это, хозяинъ здѣшній. Закрутилъ, что станешь дѣлать. Запираемъ, да нѣшто углядишь. Вчерась вотъ, вышелъ я. Хозяйку вы за булкой послали. Думали, спитъ онъ. Сама въ ворота, а онъ тихонечко за нею... Собака взлаяла. Оглянулась она, а онъ—что ты думаешь: деретъ по улицѣ, не догонишь... И опять пьяной... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ. И откуль денегъ добылъ, удивительное дѣло.

Я вспомнилъ свой двугривенный и покраснѣлъ. Чернобородый уставилъ посуду на подносѣ и опять обратилъ ко мнѣ унылое лицо.

— А я вотъ купеческій братъ считаюсь. Хозяинъ, значитъ, братъ мнѣ приходится. Ну, теперича хожу у нихъ за номерного. Что станешь дѣлать. Кабы достатки. А то сами, чай, видите: нѣшто это номера! Ведешь хорошаго господина съ вокзалу—самому совѣстно въ глаза поглядѣть.

Онъ скорбно помоталъ головой и прибавилъ:

— А вѣдь жили-то какъ въ своемъ мѣстѣ! Купцы были настоящіе. Сама-то Агафья Парѳеновна пойдетъ, бывало, въ бархатномъ салопѣ въ церковь—прямо графиня! Теперь слезой вся изошла. И я съ нею. Чего ни дѣлали: свѣчи угодникамъ ставили, молебствовали... А что?—спросилъ онъ вдругъ, мѣняя тонъ,—вамъ самоварчикъ-то нужно?

— Пожалуйста.

— А то, извините, можетъ, и съ нами бы попили. Дешевле, а самоваръ горячій. Сама пьетъ.

Мнѣ было такъ совѣстно передъ этими добрыми людьми.

что я охотно согласился. Хозяйка сидѣла за самоваромъ въ маленькой тѣсно заставленной спаленкѣ. У кіота печально теплилась лампадка, изъ-за полога слышался храпъ и кашмарное бормотаніе запойнаго хозяина. Глаза у женщины были красны, но лицо ея сегодня показалось мнѣ совсѣмъ другимъ. Оно еще носило слѣды былой красоты, и держалась она съ такимъ достоинствомъ, что, когда подавала мнѣ налитой стаканъ, я чувствовалъ потребность привстать и конфузливо раскланивался.

Чернобородый пилъ чай отдѣльно въ кухонкѣ, но это было такъ близко, что разговоръ у насъ шелъ общій. И когда они опять разсказали мнѣ исторію хозяйскаго запоя и раззоренія,—мнѣ стало такъ жаль ихъ обоихъ, что я принялся утѣшать ихъ и наговорилъ много глупостей. Конечно, ни иконы, ни знахари изъ замоскворѣчья тутъ не помогутъ. Поможетъ только наука. Я читалъ гдѣ-то, что теперь есть лѣчебницы для алкоголиковъ... Я ѣду въ Петербургъ, узнаю все это обстоятельно и непремѣнно имъ напишу... Наука, о, наука одна теперь дѣлаетъ чудеса...

— Ну, дай тебѣ Господи, за доброту за твою,—сказала бѣдная женщина, прощаясь со мной. Не знаю, повѣрила ли она въ спасительную силу науки, но мнѣ такъ хотѣлось оказать имъ эту маленькую услугу, что говорилъ я съ искреннимъ увлеченіемъ и вѣрой.

Чернобородому нужно было опять идти къ поѣзду, и онъ взялся указать мнѣ дорогу къ институту. Былъ праздникъ. Гудѣли колокола,—протяжно, низко, печально... И мнѣ казалось, что вся Москва похожа на заплаканную раззорившуюся рыхлую хозяйку моихъ номеровъ, и что она этими колоколами вопитъ, разливаясь слезами о какихъ-то лучшихъ дняхъ, когда она ходила въ бархатныхъ салопахъ...

Короткое свиданіе съ сестрой не разсѣяло этого впечатлѣнія. Мы сидѣли въ огромномъ залѣ съ колоннами. Я чувствовалъ, какъ что-то рвется навстрѣчу этой родной маленькой фигуркѣ въ институтскомъ платьѣ, и что-то другое сдерживаетъ и холодитъ эти порывы... Сестру скоро позвали, а когда я вышелъ изъ института, то къ печально перекликающемуя хору колоколовъ присоединился еще Иванъ Великій... Онъ бухалъ съ размѣренно-важною скорбью, и казалось, какая-то неизбывная печаль кружитъ и плаваетъ надъ Москвой...

Отъ всего этого вѣяло такой тоской, что я остановился на Самотекѣ, совершенно не зная, что мнѣ съ собой дѣлать. Къ счастью, мнѣ вспомнились мои спутники—Зубаревскій съ товарищемъ. Времени до поѣзда оставалось еще до-

вольно. Я пошелъ по улицамъ, разспрашивая дорогу, и вскорѣ былъ у „Кокоревскаго подворья“.

Оба студента были въ номерѣ, гдѣ-то очень высоко, чуть не на чердакѣ. Когда я вошелъ, они немного смѣшались; они были заняты упаковкой въ чемоданъ какихъ-то книгъ. Увидѣвъ меня, Зубаревскій радушно протянулъ руку.

— Отлично, что зашли. Хотите чаю? Вотъ самоваръ на столѣ, наливайте сами... Мы тутъ, какъ видите, разбираемся съ кое-какой литературой. Съ этимъ вотъ вы не знакомы?

Онъ протянулъ мнѣ книгу, кажется, „Азбуку соціальныхъ наукъ“ Флеровскаго. Я не имѣлъ о ней понятія.

— А Лассаля знаете? Нѣтъ? Значитъ, у васъ тамъ еще и не слыхали о соціализмѣ.

Это слово я слышалъ въ первый разъ. Одно мнѣ теперь было совершенно ясно: какъ я былъ непроницателенъ и глупъ, сомнѣваясь въ Зубаревскомъ. Теперь, наоборотъ, все въ немъ казалось мнѣ необыкновенно привлекательнымъ: и некрасивое лицо, беэпечныя манеры добродушнаго русскаго бурша, и даже рыжій сюртукъ изъ толстаго грубаго трико... Оба студента долго, съ товарищескимъ участіемъ, разсказывали мнѣ о Петербургѣ и давали совѣты, гдѣ остановиться на первое время. Потомъ мы распрощались, какъ добрые знакомые, и я вышелъ ободренный; хотя московскіе колокола продолжали вызванивать свою тягучую, неизбывную печаль...

IV.

Въ Петербургѣ!

Странно: въ теченіе этихъ двухъ-трехъ дней я нѣсколько разъ имѣлъ случай убѣдиться въ своей глупости. Меня чуть не обокралъ субъектъ въ клеенчатой фуражкѣ въ то самое время, какъ я подозрѣвалъ и остерегался Зубаревскаго... Господинъ Негри... впрочемъ, и теперь фигура господина Негри стояла въ памяти во всемъ обаятельномъ блескѣ, оттѣсняя своего тусклаго реальнаго двойника, и я ловилъ себя на томъ, что порой мои губы невольно складываются въ „интеллигентную складку“... Затѣмъ, добродушнѣйшіе простые люди изъ Домниковскаго переулка показались мнѣ бандитами. Наконецъ, считая себя въ опасной ловушкѣ,—я позорно заснулъ...

Все это, повидимому, должно было сильно сбавить у меня самоувѣренности. Но вышло наоборотъ. Отправляясь опять на вокзалъ,—я чувствовалъ себя такъ, какъ будто дѣйствительно пережилъ всѣ эти опасности и вышелъ побѣдите-

лемъ, единственно благодаря своей опытности и необыкновенной находчивости.

На вокзалѣ среди толкотни, криковъ и движенія я опять ходилъ въ розовомъ туманѣ. У кассы мнѣ попался, между прочимъ, одинъ изъ товарищей, ровенцевъ, Корженевскій. Онъ окончилъ годомъ раньше, былъ на кондиціи, и теперь ѣхалъ съ заработанными деньгами въ Петербургъ. Бѣдняга совершенно растерялся въ сутолокѣ, пугливо оглядывался по сторонамъ и его лѣвая рука судорожно держалась за сумку.

— Господи!—подумалъ я,—вѣдь и я былъ такой еще два-три дня назадъ... И я тотчасъ взялъ его подъ свое покровительство, отдалъ его вещи на храненіе провожавшему меня „купеческому брату", пока мы ждали очереди у кассы, и вообще держалъ себя такъ увѣренно и развязно, что бѣдняга ни на шагъ не отставалъ отъ меня, держась за мое пальто, какъ за якорь спасенія. Съ „купеческимъ братомъ" я попрощался за руку, какъ со старымъ знакомымъ, а когда затѣмъ мы усѣлись въ плотно набитомъ вагонѣ, я чувствовалъ себя такъ, точно Корженевскій—еще недавній *я* въ вагонѣ подъ Кіевомъ, а я—его великодушный покровитель въ родѣ великолѣпнаго г-на Негри...

Тогда пассажирскіе поѣзда изъ Москвы въ Петербургъ ходили ровно сутки, и, выѣхавъ изъ Москвы подъ вечеръ, въ сумерки слѣдующаго дня мы съ Корженевскимъ вышли изъ вокзала на Николаевскую площадь.

Сердце у меня затрепетало отъ радости. Петербургъ! Здѣсь сосредоточено было все, что я считалъ лучшимъ въ жизни, потому что отсюда исходила вся русская литература, настоящая родина моей души... Это было время, когда лѣто недавно еще уступило мѣсто осени. На неопредѣленно свѣтломъ вечернемъ фонѣ неба грузно и какъ-то мечтательно рисовались массивы домовъ, а внизу уже бѣжали, какъ свѣтлыя четки, ряды фонарныхъ огоньковъ, которые въ это время обыкновенно начинаютъ опять зажигать послѣ лѣтнихъ ночей... Они кажутся такими яркими, свѣжими, молодыми. Точно послѣ каникулъ впервые выходятъ на работу, еще не особенно нужную, потому что воздухъ еще полонъ мечтательными отблесками, бьющими кверху откуда-то изъ-за горизонта... И этотъ веселый блескъ фонарей подъ свѣжимъ блистаніемъ неба, и грохотъ, и звонъ конки, и гдѣ-то потухающая заря, и особенный крѣпкій запахъ моря, несшійся на площадь съ западнымъ вѣтромъ,—все это удивительно гармонировало съ моимъ настроеніемъ.

Мы стояли на главномъ подъѣздѣ, выжидая, пока разрѣдится безпорядочная туча экипажей, и я всѣмъ существомъ

впивалъ въ себя ощущеніе Петербурга. Итакъ, я — тотъ самый, что когда-то въ первый разъ съ замирающимъ сердцемъ подходилъ „одинъ“ къ воротамъ пансіона,—теперь стою у порога великаго города. Вонъ тамъ, налѣво—устье широкой, какъ рѣка, улицы...

Это, конечно, Невскій... Я зналъ это, такъ какъ все подробно разспросилъ у Сушкова и много разъ представлялъ себѣ первую минуту, когда его увижу. Вотъ, значитъ, гдѣ гулялъ когда-то гоголевскій поручикъ Пироговъ... А гдѣ-то еще, въ этой спутанной громадѣ домовъ, жилъ Бѣлинскій, думалъ и работалъ Добролюбовъ. Здѣсь коченѣющей рукой онъ написалъ: „Милый другъ, я умираю оттого, что былъ я честенъ“... Здѣсь и теперь живетъ Некрасовъ, и, значитъ, я дышу съ нимъ однимъ воздухомъ. Здѣсь, наконецъ, ждетъ меня директоръ Ермаковъ и новая, совсѣмъ новая заманчивая жизнь студента. Все это было красиво, мечтательно, свѣжо, и, какъ ряды этихъ фонарей, уходило въ таинственно мерцающую перспективу, наполненную невѣдомой неясной, кипучей жизнью... И фонари, вздрагивая огоньками подъ вѣтромъ, казалось, жили и играли, и говорили мнѣ что-то обаятельно-ласковое, обѣщающее...

Я останавливаюсь на этой минутѣ съ такой подробностью потому, во-первыхъ, что она на вѣки запечатлѣлась въ моей памяти, какъ одна изъ вѣхъ, отличающихъ уходящія дали жизни. А, во-вторыхъ, еще и потому, что тѣ же фонари впослѣдствіи заговорили моей душѣ другимъ языкомъ и даже... этой же мечтательной игрой своихъ огоньковъ впослѣдствіи погнали меня изъ Петербурга...

Въ ту минуту я былъ счастливъ сознаніемъ молодости, здоровья, силы и ожиданій. Когда извозчики разъѣзжались, я пустился по площади въ сопровожденіи скромнаго прислужника изъ номеровъ въ домѣ Фредерикса *), который несъ наши чемоданы, и Корженевскаго, который буквально держался за мой рукавъ.

Только небольшой и, въ сущности, совершенно незначительный случай нѣсколько нарушилъ мое восторженное настроеніе. У самаго подъѣзда скромныхъ номеровъ, пріютившихся на задахъ великолѣпной „Сѣверной Гостинницы“, я увидѣлъ въ окнѣ подвальной лавочки аппетитные караваи свѣжаго хлѣба. Спустившись туда, я спросилъ... французскую булку. Бородатый широкомордый пекарь, отрѣзавшій кому-то полъ-каравая, смѣрилъ меня холодно-насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

*) Кажется, впрочемъ, тогда онъ назывался иначе.

— Французскихъ булочекъ не имѣемъ-съ... Продаемъ рруссскій хлѣбецъ...

И онъ самъ, и два его молодца при этомъ посмотрѣли на меня такъ насмѣшливо, что... я сразу почувствовалъ себя точно выкинутымъ изъ Петербурга въ далекій глухой городишко съ заплеснѣвѣвшими прудами.. И ярче всего мнѣ припомнился портной Шимко, такъ какъ несомнѣнно, что отчасти его творчеству я былъ обязанъ этими удивленно насмѣшливыми взглядами...

Но, это такой пустякъ!.. Какъ бы то ни было, я—въ Петербургѣ!..

Вл. Короленко.

Письма Н. К. Михайловскаго.

Нынѣшняя 6-я годовщина смерти Н. К. Михайловскаго (28 янв.) отдѣляется всего лишь одиннадцатью днями отъ 50-лѣтія со дня рожденія А. П. Чехова (17 янв.). Невольно, поэтому, всплываютъ въ памяти нѣкоторые факты, касающіеся того и другого писателя.

Современные намъ критики (иные даже не безъ злораднаго паѳоса) любятъ подчеркивать то обстоятельство, что Михайловскій «проглядѣлъ», дескать, общественное значеніе таланта Чехова, въ которомъ видѣлъ только искуснаго фотографа съ «холодной кровью» и безъ «бога живой идеи». Легко, конечно, быть мудрымъ и проницательнымъ заднимъ числомъ. Чеховъ мрачной и удушливой полосы 80-хъ годовъ (и даже начала 90-хъ) былъ, какъ извѣстно, не тѣмъ Чеховымъ, какого мы *теперь* знаемъ, имѣя передъ глазами весь объемъ его дѣятельности, особенно,—во вторую, позднѣйшую ея пору. «Колокольчики плачутъ», «облачко перешептывается съ облачкомъ»... Красиво, очень красиво, но къ чему эта красота? Дачники, вмѣсто своей дачи, забираются ночью въ какое-то помѣщеніе для куръ и давятъ тамъ въ темнотѣ яйца; «лошадиная фамилія», послѣ неимовѣрныхъ усилій вспомнить ее, оказывается—Овсовъ... Фигуры живутъ, анекдоты смѣшатъ, смѣшатъ до упаду, но развѣ это тотъ смѣхъ, сквозь который слышатся «невидимыя міру слезы»?.. Задача будущаго историка литературы выяснить, какое, между прочимъ, вліяніе оказали на духовное развитіе крупнаго художника горькіе упреки въ отсутствіи «бога живой идеи», въ свое время брошенные по его адресу лучшимъ критикомъ эпохи...

И тотъ же историкъ литературы долженъ будетъ отмѣтить, что когда дарованіе Чехова развернулось во всю ширь, когда въ немъ ярко заблестѣли такія грани, которыя до тѣхъ поръ оставались тусклыми и незамѣтными, и, заблестѣвъ, освѣтили новымъ смысломъ и интересомъ и всю предшествующую дѣятельность писателя,— Михайловскій не задумался исправить свою «ошибку» и громко призналъ за большимъ талантомъ Чехова не одно только художественное значеніе...

Мудрыхъ и прозорливыхъ заднимъ числомъ людей признаніе это мало, конечно, удовлетворило. Но любопытно знать: какъ самъ Чеховъ относился къ Михайловскому? Не было ли въ его душѣ недобраго чувства къ своему строгому критику? На этотъ вопросъ

даетъ глубоко-интересный отвѣтъ помѣщаемое ниже собственноручное письмо А. П. Чехова, отъ 14 іюня 1900 года.

Въ этомъ именно году кружкомъ учениковъ и почитателей Михайловскаго, по поводу сорокалѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, задуманъ былъ сборникъ «На славномъ посту», и, по порученію товарищей, я обратился, между прочимъ, и къ Антону Павловичу съ приглашеніемъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Вотъ что онъ отвѣчалъ намъ:

14 іюня 1900.
Ялта.

Многоуважаемый
Петръ Филипповичъ!

Я глубоко уважаю Н. К. Михайловскаго съ тѣхъ поръ, какъ знаю его, *и очень многимъ обязанъ ему* *), но тѣмъ не менѣе все таки долго собирался отвѣчать Вамъ, на Ваше письмо. Во-первыхъ, до 1—15 октября—крайняго, какъ Вы пишете, срока для представленія рукописей, я едва ли буду писать что-нибудь новое, такъ какъ занятъ и лѣтомъ вообще пишу съ большимъ трудомъ. Во-вторыхъ, за 1900 г. я получаю приглашеніе участвовать въ сборникѣ—въ шестой разъ, т. е. предполагается къ изданію шесть сборниковъ... Мнѣ кажется, что Н. К. слишкомъ большой и слишкомъ замѣтный человѣкъ, чтобы празднованіе его 40-лѣтняго юбилея можно было ограничивать изданіемъ сборника, книги, которая, вся будетъ состоять изъ статей, быть можетъ, и превосходныхъ, но случайнаго характера, и которая не будетъ продана, такъ какъ сборники за весьма малыми исключеніями вообще продаются плохо и плохо **). Если бы я былъ въ Петербургѣ, то попытался бы внушить Вамъ то недовѣріе къ сборникамъ и альманахамъ, какое сидитъ теперь во мнѣ, послѣ участія въ очень многихъ сборникахъ, чуть-ли не въ 20, счетомъ по одному на каждый годъ моей литературной дѣятельности. Не знаю, быть можетъ, я устарѣлъ или усталъ, но все же сборникъ, даже если онъ будетъ составленъ прекрасно и распроданъ быстро, я считаю недостаточнымъ. Если бы отъ меня зависѣло, то я объявилъ бы конкурсъ на книгу о дѣятельности Н. К., очень хорошую и нужную книгу, которую издалъ бы не спѣша, съ толкомъ, издалъ бы указатель статей его и о немъ, выпустилъ бы прекрасный портретъ его...

Какъ бы ни было, указанный Вами срокъ я буду имѣть въ виду и если начну что, то немедленно сообщу Вамъ. А пока позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и пребыть искренно и глубоко Васъ Васъ уважающимъ *А. Чеховъ.*

Сборникъ «На славномъ посту», помнится, былъ оконченъ печатаньемъ къ тому самому сроку, какой намѣтила редакція, именно—къ 15 ноября, дню рожденія Николая Константиновича (что, впро-

*) Курсивъ мой. П. Я.

**) Это пророчество Чехова, по счастью, не оправдалось: сборникъ „На славномъ посту", выпущенный въ 3000 экз., былъ очень скоро распроданъ безъ остатка, несмотря на довольно высокую—3-рублевую цѣну. Черезъ нѣкоторое время Литерат. Фондъ повторилъ изданіе (кажется, въ томъ же количествѣ экз.) и съ такимъ же успѣхомъ. *П. Я.*

чемъ, не помѣшало ему застрять потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ цензурномъ комитетѣ),—и А. П. Чеховъ, очевидно, ничего не успѣлъ написать за лѣто и осень, которыя посвящалъ обыкновенно отдыху и лѣченью. Такимъ образомъ, въ сборникѣ имени Михайловскаго фактически онъ не принялъ участія.

«Я такъ много слыхала о Михайловскомъ, такъ много поклонялась его произведеніямъ, что повезла свои стихи именно къ нему не для печати, а для добраго совѣта. Я хотѣла узнать, имѣю ли я право работать въ настоящемъ и надѣяться на будущее. Я хотѣла много сказать, много спросить, думая встрѣтить отзывчивую душу, но, увидавъ *холоднаго, формальнаго человѣка*, до глупости растерялась и не сказала ни слова...»

Такъ писала мнѣ въ 1901 году одна совсѣмъ молоденькая дѣвушка. Искренностью и трогательнымъ простодушіемъ вѣетъ отъ этого письма, и вмѣстѣ—какъ глубоко-глубоко несправедливо звучитъ оно по отношенію къ Михайловскому!..

Кто имѣлъ счастье ближе видѣть Н. К., тотъ хорошо, конечно, знаетъ, что именно «холоднымъ, формальнымъ человѣкомъ» онъ никогда въ жизни не былъ. Но въ характерѣ его была, правда, одна черта, которая позволяла такъ судить о немъ людямъ, имѣвшимъ къ нему лишь мимолетное касательство: это была—странно сказать!—застѣнчивость, почти стыдливость Н. К. въ сношеніяхъ съ незнакомыми или неблизкими людьми,—застѣнчивость, которую онъ привыкъ скрывать подъ наружнымъ видомъ суровой строгости... Характеръ вообще замкнутый, сдержанный, Николай Константиновичъ лишь въ рѣдкія, исключительныя минуты жизни «распахивалъ» свою душу передъ постороннимъ взоромъ; онъ,—можно сказать словами пушкинскаго цыгана про Алеко,—«горестно и трудно» сближался съ людьми, и, конечно, наивны были мечты молодой дѣвушки, явившейся къ нему съ какими-то стихами, что онъ встрѣтитъ ее съ распростертыми объятіями, съ улыбками и поощрительными возгласами... Конечно, Н. К. могъ только вѣжливо, но хмуро-молчаливо поклониться ей и сказать, что «отвѣтъ» она получитъ тогда-то...

«Горестно и трудно» любя друзей и ненавидя враговъ, но огромными усиліями воли умѣя сдерживать и почти всегда сдерживая свои внутреннія бури, Н. К. отличался, тѣмъ не менѣе, удивительной, можно сказать—исключительной прямотой и искренностью въ отношеніяхъ съ людьми. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ бывалъ подчасъ рѣзокъ въ своихъ литературныхъ отзывахъ; но такъ же рѣзко прямъ былъ онъ и въ жизни... Ни малѣйшаго слѣда того, что называется политиканствомъ, не было въ его натурѣ! И эта рѣдкостная черта кристальной душевной чистоты и прямолинейности была хорошо извѣстна въ литературныхъ кругахъ Петербурга. Кто шелъ къ Михайловскому за совѣтомъ или какимъ-либо отзывомъ, тотъ отлично зналъ, что получитъ ихъ въ неприкрашен-

номъ видѣ. И однако, — быть можетъ, по этой самой причинѣ,— даже идейныхъ противниковъ Михайловскаго нерѣдко тянула къ себѣ, точно ночныхъ бабочекъ огонь маяка, обаятельно-искренняя личность писателя...

Я хорошо помню, какъ однажды Н. К. явился въ неурочный для него часъ въ редакцію «Русскаго Богатства», явно разстроенный и выбитый изъ рабочей колеи; онъ хмурился, плохо вслушивался въ общій разговоръ, молчалъ, а потомъ неожиданно разсказалъ: «Сейчасъ былъ у меня N. и просидѣлъ битыхъ два часа. Все силился убѣдить меня въ правильности своего поступка. А не могу же я черное признать бѣлымъ! Въ концѣ концовъ я такъ и сказалъ ему все на чистоту». Я живо представилъ себѣ тогда, съ какимъ видомъ благовоспитанный и всегда корректный N. выслушивалъ Н. К., говорившаго «на чистоту»: должно быть, корчился, какъ карась, попавшій еще живымъ на раскаленную сковороду... И однако, потянуло же его—именно у Михайловскаго искать себѣ оправданія или снисхожденія, хотя онъ прекрасно долженъ былъ знать, что симпатіями этого человѣка отнюдь не можетъ пользоваться! И такихъ N., пріѣзжавшихъ къ Н. К. съ личными объясненіями, было много...

Часто, когда я думаю о Михайловскомъ, мнѣ сама собой приходитъ въ голову аналогія между нимъ и величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ—Пушкинымъ.

«Счастье человѣка и достоинство человѣческой личности для Пушкина—мѣрило вещей; всестороннее развитіе лучшихъ свойствъ человѣческой природы, свободное удовлетвореніе всѣхъ нравственно-законныхъ потребностей—вотъ полнота счастья, и, какъ нарушеніе этого основного закона, аскетизмъ и распущенность одинаково чужды и враждебны этому свѣтлому, гуманному міровоззрѣнію» *).

У Михайловскаго живая человѣческая личность и ея право на полноту жизни и счастья всегда стоятъ въ центрѣ его теоретическихъ построеній, всей его философіи; но послѣдняя у Н. К. прямо вытекала изъ его душевнаго строя и склада, была гармонически слита съ ними. Вотъ почему всякая тѣнь педантизма, того, что называютъ принципоѣдствомъ, была глубоко чужда и противна этому широко-гуманному, пушкински-свѣтлому духу!

Люди, съ ихъ мелкими житейскими недостатками, обыкновенно находили въ этомъ безпощадно-проницательномъ, суровомъ критикѣ добраго, снисходительнаго судью. Если «маленькая слабость», по мнѣнію Н. К., никому не причиняла вреда, имѣла характеръ, такъ сказать, личнаго человѣческаго недостатка, то онъ относился къ ней съ добродушной, веселой шутливостью... Мла-

---

*) Изъ моей статьи о Пушкинѣ („Очерки русской поэзіи“). *П. Я.*

денчески непрактичный въ житейскихъ дѣлахъ, Н. К.,—какъ это ни странно при его огромномъ умѣ и глубокомъ пониманіи человѣческой души,—былъ наивно-довѣрчивъ къ людямъ; если ему казалось, что человѣкъ искренно преданъ общему дѣлу, отдаетъ ему лучшія душевныя силы, онъ могъ ввѣряться слѣпо и беззавѣтно. Но, съ другой стороны, почувствовавъ малѣйшую фальшь *общественнаго* характера и разъ утративъ довѣріе, онъ, думается, никогда бы уже не вернулъ его! Христіанской добродѣтелью прощенія Михайловскій не обладалъ...

Кажется, было только два дня въ году, 15 ноября и 6 декабря (дни рожденія и имянинъ Н. К.), когда онъ точно сбрасывалъ съ себя внѣшне-холодный покровъ, становился непринужденно-веселъ, шутилъ съ молодыми дѣвушками, обходилъ по очереди своихъ гостей (а ихъ собиралось у него въ эти дни немало,—интеллигентовъ самыхъ разнообразныхъ профессій и учащихся обоего пола), для каждаго находя ласковое или шутливое слово. Въ эти исключительные дни онъ какъ-то даже не долюбливалъ «сурьезныхъ», «умныхъ» разговоровъ и отъ той группы, въ которой такой разговоръ заводился, обыкновенно вскорѣ перебѣгалъ въ другое мѣсто, гдѣ слышалась «легкомысленная» бесѣда и раздавался беззпечный молодой смѣхъ... Ораторскимъ даромъ Н. К. не обладалъ и никакихъ рѣчей въ большомъ обществѣ никогда не произносилъ. Я говорю, впрочемъ, только о Михайловскомъ-старикѣ; извѣстно, что въ молодости онъ даже подвергся однажды высылкѣ изъ Петербурга за рѣчь, сказанную, кажется, на балу у студентовъ-технологовъ... Единственный случай, какой я лично помню, когда и Николаю Константиновичу волей-неволей пришлось сказать рѣчь, чуть ли даже не нѣсколько рѣчей, былъ знаменитый юбилейный банкетъ 15 ноября 1900 г., устроенный въ его честь въ Сѣверной гостиницѣ многочисленными учениками его и почитателями. Въ воздухѣ уже чуялось въ то время что-то грозовое, удушливое, какъ будто слышалось приближеніе новаго вѣка съ его кровавыми бурями и громовыми раскатами, и юбилей этотъ явился какъ-бы прямымъ предтечей того ряда всероссійскихъ банкетовъ, которыми позже, въ годъ смерти Н. К., ознаменовалось наше послѣднее «освободительное движеніе»... Но долженъ сказать по справедливости, что рѣчь или рѣчи Н. К., сказанныя имъ 15 ноября 1900 г., показались мнѣ мало удачными...

Уже значительно замкнутѣе и серьезнѣе держался Михайловскій на еженедѣльныхъ четверговыхъ журфиксахъ «Русскаго Богатства», хотя и здѣсь особеннымъ охотникомъ до «умныхъ» разговоровъ не былъ, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ самъ, и особенно любилъ остроумную шутку и непринужденную веселость...

Все же остальное свое время, *все* въ буквальномъ смыслѣ слова, онъ отдавалъ работѣ и думамъ о ней. Въ борьбѣ за лучшее будущее человѣчества и за политическую свободу родной

страны избравъ разъ навсегда своимъ оружіемъ печатное слово, онъ всѣ завѣтнѣйшіе помыслы, всѣ движенія ума и сердца, весь жаръ страстнаго темперамента, съ молодыхъ лѣтъ и до сѣдинъ, отдавалъ родной литературѣ, ея интересамъ и пользамъ, и прежде всего, разумѣется, тому органу, въ которомъ работалъ: въ началѣ жизни—«Отечественнымъ Запискамъ», въ концѣ—«Русскому Богатству». И съ какой трогательной нѣжностью любилъ онъ свое духовное дѣтище! Ни одна мать, я думаю, такъ не умиляется надъ первымъ лепетомъ своего ребенка, какъ Н. К. радовался всякой истинной блёсткѣ таланта, появлявшейся на страницахъ *его* журнала, и ни одна мать такъ не страдаетъ при видѣ своихъ болѣющихъ дѣтей, какъ онъ болѣлъ за неудачи и недостатки «Русскаго Богатства»... Случалось, бесѣдуешь съ нимъ о чемъ-либо постороннемъ литературѣ, что-нибудь разсказываешь, и онъ слушаетъ, повидимому, самымъ внимательнымъ образомъ, задаетъ вопросы, подаетъ реплики; и вдругъ—быстрый, какъ бы неожиданный скачокъ мысли въ сторону и разговоръ о ближайшей книжкѣ «Русскаго Богатства»: «Не забудьте, молъ, сдѣлать или написать то-то и то-то, что вы обѣщали». И собесѣднику совершенно ясно, что во все время предшествующаго разговора въ головѣ Н. К. параллельно шла другая работа, копошилась еще и другая мысль,—вѣроятно, и во снѣ его не покидавшая—мысль, о текущей работѣ, объ очередной книжкѣ любимаго журнала...

За то рѣдко кто и умѣлъ такъ организовать литературное дѣло, такъ всесторонне использовать самое скромное дарованіе, встрѣчавшееся на его дорогѣ! Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на хорошую хозяйку, у которой, что называется, ни одинъ кусочекъ не пропадаетъ даромъ: и самую скромную литературную силу онъ умѣлъ утилизировать и направить въ интересахъ дорогого дѣла, развить, такъ сказать, всѣ ея «возможности». Случалось, конечно,—весьма нерѣдко,—что опыты эти оказывались неудачными, и подвергнутый испытанію начинающій писатель не оправдывалъ надеждъ и разсчетовъ Н. К., но любопытно и трогательно было смотрѣть, съ какой любовной бережностью лелѣялъ онъ и старался раздуть «искру божію», казавшуюся ему мало-мальски надежной! При этомъ,—что такъ рѣдко встрѣчается, — ни тѣни редакторскаго деспотизма: поступавшія на его разсмотрѣніе рукописи онъ или совсѣмъ отвергалъ, или же, когда находилъ ихъ въ общемъ хорошими и по существу согласными съ своими взглядами, давалъ авторамъ почти безусловную свободу въ манерѣ и способѣ выраженія мысли, не мѣняя въ текстѣ, по возможности, ни одной фразы, не выбрасывая ни одного слова...

Самъ Н. К. работалъ, какъ извѣстно, не покладая рукъ, не выпуская пера,—всегда лично правя послѣднюю корректуру журнала, читая рукописи и почти ежемѣсячно, изъ года въ годъ, помѣщая критико-публицистическія обозрѣнія: „Литература и жизнь". Литература, со всѣми ея настоящими и даже прошлыми интере-

сачи, всегда какъ бы стояла передъ его влюбленными глазами: ни одно поэтому литературное событіе, воспоминаніе, ни одинъ сколько-нибудь важный юбилей не проходили мимо его вниманія, и онъ своевременно, иногда очень задолго, намѣчалъ людей, которымъ можно было поручить ту или другую нужную для журнала работу. Иногда выборъ этотъ производилъ нѣсколько странное впечатлѣніе, какъ своего рода рискованный экспериментъ... Не мало, напр., былъ удивленъ я самъ, когда въ 1898 году получилъ отъ Н. К. приглашеніе написать для «Р. Б.» статью о Пушкинѣ, столѣтній юбилей котораго долженъ былъ черезъ годъ праздноваться: мнѣ казалось, что я черезчуръ неопытенъ и не подготовленъ для такой серьезной работы... Но Н. К., не обращая вниманія на мои сомнѣнія, уже давалъ мнѣ разные детальные совѣты, присылалъ цѣлую груду полезныхъ, по его мнѣнію, книжекъ—и я дерзнулъ... Скромной работой моей онъ остался, повидимому, доволенъ, настолько, что нѣсколькими годами позднѣе предложилъ мнѣ и другую, но менѣе отвѣтственную, работу о Некрасовѣ—и тогда опять заботливо справлялся (уже лично), какія нужны мнѣ пособія, и самъ рекомендовалъ и давалъ тѣ книги, какія считалъ интересными и нужными. Помню, что когда я обратилъ особенное вниманіе на хранившуюся въ его бумагахъ извѣстную „записку“ Елисеева и выразилъ настойчивое желаніе использовать ее въ своей статьѣ о Некрасовѣ, Н. К. долго скептически качалъ головой и утверждалъ, что это напрасная попытка „перехитрить“ цензуру; однако послѣ того, какъ попытка удалась (цѣною пожертвованія всего нѣсколькихъ словъ въ запискѣ), онъ былъ доволенъ, какъ дитя, и шутливо говорилъ, что я умѣю-таки «ладить съ цензурой»...

Но любимымъ журнальнымъ отдѣломъ Н. К., которымъ онъ всегда самъ завѣдывалъ въ „Р. Б.“, были—„Новыя Книги“. Забота объ этомъ отдѣлѣ, кажется, тревожила и мучила его буквально день и ночь. Очень много писалъ онъ въ немъ самъ (изъ его личныхъ рецензій, напечатанныхъ въ одномъ „Русск. Бог.“ за десять лѣтъ, я думаю, составился бы порядочный томикъ), но, вѣроятно, еще больше труда и сердечной крови отдавалъ онъ поискамъ другихъ работниковъ для этого любимаго своего отдѣла.

Разбирая и перечитывая сохранившіяся у меня письма Николая Константиновича и рѣшивъ въ настоящее время опубликовать ихъ, я не могъ воздержаться отъ этихъ предварительныхъ замѣтокъ, касающихся общаго живого облика нашего дорогого учителя, какимъ онъ рисуется мнѣ сейчасъ, сквозь дымку воспоминанія. Но, разумѣется, у меня нѣтъ и тѣни претензіи дать что-либо похожее на настоящую его характеристику или портретъ. Пусть же и читатель взглянетъ на эти отрывочныя строки, только какъ на необходимое, по моему мнѣнію, поясненіе къ печатаемымъ ниже подлиннымъ мыслямъ—письмамъ Михайловскаго.

Лавровъ и, немного позже, Михайловскій были въ юные годы главными моими идейными руководителями, но лично ни того, ни другого я въ то время не зналъ. Разъ только,—это было, я думаю, осенью 1880 года,—въ компаніи съ другими студентами, ходилъ я на квартиру къ Н. К.—просить объ участіи въ затѣянномъ нашимъ кружкомъ литературномъ сборникѣ „Откликъ". Принялъ онъ насъ вѣжливо, но довольно-таки сухо, не пригласилъ даже садиться... Произошло это, — какъ думается мнѣ теперь, заднимъ числомъ,—по всей вѣроятности, оттого, что Михайловскій, по своему обыкновенію, нѣсколько сконфузился и смущеніе свое пытался, какъ всегда, скрыть подъ видомъ особенной суровости и солидности... Мы, студенты, глядѣли на знаменитаго писателя, разумѣется, во всѣ глаза, и помнится, онъ показался мнѣ въ то время удивительно-красивымъ мужчиной, съ большимъ чрезвычайно умнымъ лбомъ, съ орлинымъ взглядомъ тоже большихъ голубоватыхъ глазъ, съ изящно очерченнымъ греческимъ носомъ и эффектной бѣлокурой шевелюрой... Съ прекрасной большой головой нѣсколько контрастировала только маленькая, какъ мнѣ тогда показалось, фигура...

Какъ бы то ни было, благодаря „холодному" пріему, Михайловскій произвелъ на меня и моихъ товарищей впечатлѣніе неблагопріятное, и мы даже рѣшили, что онъ держится „по генеральски". Свиданіе было кратковременно, и отвѣтъ Михайловскаго всего скорѣе походилъ на сухой, категорическій отказъ: сейчасъ ничего готоваго для нашего сборника у него нѣтъ, а успѣетъ ли онъ что приготовить къ назначаемому нами довольно короткому сроку—онъ не знаетъ...

Каково же было наше удивленіе, когда не прошло послѣ этого свиданія и одной недѣли, а Н. К. уже прислалъ намъ первыя главы своей знаменитой впослѣдствіи статьи „Герои и Толпа". Главы эти были, конечно, напечатаны въ „Откликѣ", но... послѣ 1 марта 1881 года вырѣзаны цензурой вмѣстѣ со многими другими вещами, въ сущности, довольно невиннаго характера.

Таково было первоначальное мое, юношеское знакомство съ Михайловскимъ, о которомъ самъ онъ врядъ ли даже и помнилъ впослѣдствіи (спросить я какъ-то стѣснялся). Во всякомъ случаѣ, образъ его, *какъ человѣка*, впервые предсталъ передо мною въ своемъ настоящемъ, дѣйствительномъ видѣ лишь пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1895 году, когда началась наша переписка.

Поводомъ для нашей переписки явилось слѣдующее обстоятельство.

Здѣсь я не могу умолчать о томъ смущеніи, какое испытываю теперь и испытывалъ всякій разъ и прежде, когда думалъ о напечатаніи писемъ Михайловскаго (а думалъ объ этомъ я часто). Какъ быть съ тѣмъ естественно-щекотливымъ обстоятельствамъ, что добрая половина этихъ писемъ касается моихъ личныхъ дѣлъ и литературныхъ работъ, къ которымъ Н. К. былъ, къ тому же, такъ безмѣрно всегда снисходителенъ и добръ? Выклю-

чить всѣ такія письма и части писемъ? Но тогда они, несомнѣнно, потеряютъ значительную долю своего интереса, такъ какъ на мнѣ и моихъ работахъ иллюстрируются нѣкоторыя очень любопытныя черты характера Михайловскаго... И имѣю ли я право на такую кастрацію? Или же просто отложить ad calendas graecas, т. е. до дня моей смерти, опубликованіе всей переписки?

Въ сущности, такъ уже и былъ рѣшенъ мной этотъ вопросъ; но въ самое послѣднее время явились нѣкоторыя новыя соображенія. И, прежде всего, есть ли у меня (какъ, впрочемъ, и у всякаго другого лица, владѣющаго письмами и вообще рукописями знаменитыхъ людей) нравственное право скрывать ихъ отъ общества по своимъ только личнымъ и, въ сущности, спорнымъ основаніямъ? Но самымъ главнымъ мотивомъ, побудившимъ меня рѣшить такое сомнѣніе въ отрицательномъ смыслѣ, было печальное открытіе, сдѣланное мною при пересмотрѣ писемъ Н. К.: нѣкоторыя изъ нихъ уже исчезли куда-то изъ моего архива... Погибли ли при обыскахъ? При переѣздахъ? По моей ли собственной небрежности? Не приложу ума, но фактъ остается фактомъ...

Спрашивается: есть ли какая гарантія отъ такихъ же утратъ и въ будущемъ? Мы пользуемся въ настоящую минуту нѣкоторой, хотя и горегорькой, свободой слова, въ той, по крайней мѣрѣ, плоскости, которой касаются настоящія письма Н. К., и они невозбранно могутъ появиться сейчасъ въ печати. Но съ головокружительной, прямо тревожной быстротой мы возвращаемся назадъ, къ временамъ Плеве и Сипягина, и что можетъ стать черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ съ нашей пресловутой «свободой»?..

Вотъ почему я рѣшаю, наконецъ, отбросить всѣ сомнѣнія личнаго характера и печатаю письма Н. К. цѣликомъ. Изъ пѣсни слова не выкинешь... Кое-что (очень немногое) приходится, впрочемъ, выключить, но по основаніямъ иного рода,—когда дѣло касается другихъ, живыхъ еще, лицъ и ихъ интересовъ.

Всѣхъ писемъ и записочекъ Н. К. сохранилось у меня 39 №№, и обнимаютъ они промежутокъ времени въ пять лѣтъ (съ іюня 1895 года по апрѣль 1900 г.). На многихъ изъ нихъ авторомъ не выставлено никакой даты, но въ такихъ случаяхъ я своевременно отмѣчалъ для себя годъ, мѣсяцъ и число ихъ полученія. Нумерація сдѣлана мною только теперь.

Я былъ еще въ каторгѣ, въ Акатуйской тюрьмѣ, когда лѣтомъ 1893 года написалъ I томъ очерковъ «Въ мірѣ отверженныхъ». Одинъ изъ товарищей уходилъ осенью на поселеніе и брался вынести изъ тюрьмы рукопись и отправить,—какъ всѣ мы единодушно желали и рѣшили,—въ редакцію „Русскаго Богатства», журнала, который тайкомъ проникалъ за тюремную ограду и, благодаря особенно статьямъ Михайловскаго, былъ ближе всего и родственнѣе нашимъ взглядамъ и настроеніямъ: и я, бывшій карієцъ, и това-

рищи мои, вилюйцы, всѣ безъ исключенія считали себя въ то время «народовольцами»... Спѣшно была дописана и переписана рукопись «Въ мірѣ отверженныхъ». Товарищъ уѣхалъ, и я сталъ терпѣливо дожидаться результатовъ искусно, казалось, устроенной конспираціи.

Однако, и всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ. Прошелъ цѣлый годъ, въ тюрьмѣ кажущійся обыкновенно вѣчностью... Благодаря примѣненію и къ политикамъ извѣстнаго «сибирскаго» манифеста я самъ попалъ на сравнительную свободу—изъ стѣнъ тюрьмы переведенъ былъ въ такъ называемыя «вольныя команды» и увезенъ въ деревушку Кадай (близь Горнаго-Зерентуя), гдѣ умеръ когда-то извѣстный поэтъ 60-хъ годовъ М. Л. Михайловъ. Здѣсь дошелъ до меня смутный слухъ о гибели моей рукописи въ иркутской таможнѣ...

Сначала обстоятельство это ввергло меня въ полное отчаяніе! Не хватало мужества и силы приняться за новую переписку огромной по объему работы...

Въ сущности, это была бы даже не переписка, а совершенно новый трудъ, такъ какъ у меня сохранялись лишь отдѣльные кусочки акатуйскаго черняка... Тѣмъ не менѣе, оправившись отъ перваго унынія, я взялся за эту непріятную работу, и скоро погибшіе очерки готовы были въ новомъ, даже исправленномъ и улучшенномъ, какъ мнѣ казалось, видѣ. На этотъ разъ вѣрный способъ отправки рукописи найти было легче: ее повезла не почта, а живой человѣкъ, случайно отправлявшійся въ Петербургъ. Адресъ былъ данъ не редакціи, а моихъ родственниковъ, послѣднихъ же я просилъ въ особомъ письмѣ отдать рукопись по прежнему въ „Русское Богатство". Просьба эта, къ сожалѣнію, не была ими исполнена: они предпочли почему-то обратиться въ «Вѣстникъ Европы» г. Стасюлевича.

Судьба, между тѣмъ, какъ будто, шутила шутки: оказалось, что и первоначальная рукопись уцѣлѣла, что товарищамъ, въ концѣ концовъ, удалось какъ-то раздобыть ее изъ иркутской таможни и, хотя съ большимъ запозданіемъ, отослать въ «Русское Богатство». Узнавъ объ этомъ, я поспѣшилъ, разумѣется, написать родственникамъ о своемъ желаніи печататься непремѣнно въ этомъ журналѣ. Къ сожалѣнію, однако, они продолжали считаться лишь съ моими интересами,—какъ ихъ понимали,—а не желаніями, и съ „Вѣстникомъ Европы" продолжались какіе-то переговоры... Этого именно вопроса и касается первое письмо ко мнѣ Николая Константиновича, отъ 21 апрѣля 1895 года.

Формально оно обращено, впрочемъ, не ко мнѣ, а къ моей женѣ, такъ какъ въ это время я числился еще св.-каторжнымъ и, въ качествѣ таковаго, по закону не имѣлъ права переписываться съ посторонними лицами (не родственниками). Изъ цензурныхъ же соображеній очерки «Въ мірѣ отв.» глухо называются «повѣстью».

№ 1.

На единственномъ, сохраненномъ мною, конвертѣ отчетливо виденъ петербургскій штемпель 21 апрѣля 1895 г. Въ Кадаѣ письмо получено въ началѣ іюня того же года.

Милостивая Государыня
Роза Өедоровна!

Повѣсть Вашу я съ величайшимъ удовольствіемъ, которое, конечно, и читатели раздѣлили бы со мною,—напечаталъ бы всю, безъ пропусковъ. Но условія, въ которыхъ находится нашъ журналъ, никоимъ образомъ этого не допускаютъ. Поэтому, хотя мнѣ и очень прискорбно было уступить ее другому журналу, но такъ какъ онъ лучше поставленъ, то я понималъ, что это въ Вашихъ интересахъ, законныхъ прежде всего, да и въ интересахъ литературы. Но еще прежде, чѣмъ я узналъ о существованіи второго экземпляра рукописи, я отдалъ въ наборъ и затѣмъ цензуру 1-ю главу (я поставилъ 1-й главой «Въ дорогѣ», какъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ и въ архитектурномъ смыслѣ, и въ цензурныхъ соображеніяхъ). Цензоръ корректуры не вернулъ, а потребовалъ для просмотра всю рукопись. По соображеніямъ, которыя едва ли будутъ для Васъ понятны, я заключилъ изъ этого, что теперь не время для печатанія Вашей повѣсти, и рукописи въ цензуру не послалъ. Въ виду Вашего необыкновенно для меня пріятнаго желанія напечатать Вашу повѣсть все таки у насъ, позвольте предложить Вамъ пока слѣдующее. Лѣтомъ Вы, какъ мнѣ говорила Ваша родственница, все равно не хотите печататься. Пусть же рукопись пока лежитъ у насъ, а осенью и зимой посмотримъ, какъ сложатся обстоятельства. Повѣрьте только, что я сдѣлаю все возможное, чтобы Ваша повѣсть явилась въ возможно полномъ видѣ, хотя за успѣхъ не ручаюсь.

Преданный Вамъ
Ник. Михайловскій.

Смѣна царствованія, случившаяся еще въ предшествующемъ году, и новый манифестъ неожиданно перенесли меня лѣтомъ 1905 г. изъ далекой Кадаи въ сравнительно близкій г. Курганъ (Тобол. губ.), откуда почта ходила въ Петербургъ и обратно уже только одну недѣлю. Выбравшись изъ Кадаи 13 іюня, въ началѣ сентября я былъ, наконецъ, въ Курганѣ и, въ качествѣ сс.-поселенца, могъ теперь вести свободную переписку. Однако, сохранившееся у меня первое письмо Н. К., обращенное уже ко мнѣ лично, относится только къ концу октября: очевидно, въ промежуткѣ между 1 и 2 № было еще какое-нибудь письмо, не уцѣлѣвшее въ моихъ бумагахъ.

№ 2.

Получено въ Курганѣ
22 окт. 1895 г.

«Пишу письмо, а не статью» — а почему бы и не статью, многоуважаемый Петръ Филипповичъ? Вамъ и книги въ руки, разъ Вы такъ любите и знаете Бодлэра. Вы могли бы написать статью

по поводу Вашихъ переводовъ, устранившись отъ оцѣнки достоинствъ переводовъ, но съ указаніемъ на неполноту книги *). Въ статью могли бы войти и пропущенныя Бальмонтомъ стихотворенія (если они, разумѣется, еще не были напечатаны по-русски въ другомъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ достаточно ссылки). Если Вы разовьете въ статьѣ то, что пишете мнѣ, т. е. укажете изъяны Бодлэра и ихъ послѣдствія въ декадентской литературѣ, объясните его достоинства, сообщите біографическія данныя, — словомъ, со всѣхъ сторонъ исчерпаете Бодлэра, то статья можетъ выйти высоко интересною. Только надо Вамъ списаться съ Бальмонтомъ, чтобы онъ не продолжалъ изданія, пока не появится Ваша статья у насъ.

Простите, что такъ долго не писалъ о Вашемъ разсказѣ «Кобылка въ пути», какъ теперь просила измѣнить заглавіе Ваша сестра. Не писалъ потому, что не зналъ, какъ поступитъ цензура съ продолженіемъ Вашей большой вещи. Теперь это устроилось благополучно **), а потому надо думать, что и «Кобылка» не встрѣтитъ препятствій. Самъ же по себѣ разсказъ очень хорошъ.

Искренно уважающій Васъ

Ник. Михайловскій.

Передайте мой привѣтъ Розѣ Өедоровнѣ.

№ 3.

Получено въ Курганѣ
20 дек. 1895 г.

Многоуважаемый

Петръ Филиппович!

Глава «Вверхъ дномъ» вся полетѣла. Но Вы не очень огорчайтесь. Быть можетъ, найдется возможность съ теченіемъ времени возстановить этотъ и другіе пропуски. Статья о Бодлэрѣ будетъ напечатана,—не знаю только когда.

Жму Вашу руку. Кланяйтесь женѣ.

Ник. Михайловскій.

№ 4.

Получено въ Курганѣ
17 янв. 1896 г.

Очень жалѣю, многоуважаемый Петръ Филипповичъ, о недоразумѣніяхъ съ полученіемъ Вами №№ журнала. Я просилъ контору наладить это дѣло, а затѣмъ на будущее время, въ случаѣ чего, адресуйтесь къ Александру Ивановичу Иванчину-Писареву, — онъ у насъ конторой завѣдуетъ.

Продолженіе Вашихъ записокъ пойдетъ съ января съ подзаглавіемъ: «Вторая серія». Что удастся спасти изъ XVII главы—сейчасъ еще не знаю; а затѣмъ—эпизодъ о магометанахъ, въ которомъ, надѣюсь, не пропадетъ ни одной строчки.

Радъ бы отвѣтить на всѣ Ваши вопросы, да ихъ такъ много, что сразу и не отвѣтишь, тѣмъ болѣе, что и самъ имѣю вопросъ: кто такой Гопъ? Онъ прислалъ очень интересный очеркъ, за которымъ должны послѣдовать другіе. При этомъ онъ пожелалъ свой гонораръ раздѣлить на двѣ части, и одну изъ нихъ отдать въ ли-

*) Рѣчь идетъ о моихъ переводахъ изъ Бодлэра, анонимно изданныхъ незадолго передъ тѣмъ въ Москвѣ подъ редакціей г. Бальмонта.

**) Очерки „Въ мірѣ отв.“ начались печатаніемъ въ сент. кн. „Р. Б.“, 1895 г.

тературный фондъ, а другую — на исправленіе могилъ на Волковомъ кладбищѣ. За что онъ себя такъ обижаетъ? Или богатъ? Вообще, что онъ такое?

Протопоповъ самъ Вамъ напишетъ, я ему сказалъ. Его дѣла не важны.

За строки о Короленкѣ я Вамъ очень благодаренъ, покажу ихъ ему. Мы насилу вытащили его изъ Нижняго, гдѣ онъ приросъ къ мѣстнымъ дѣлишкамъ, и на-дняхъ ждемъ въ Петербургъ. Я ему десять разъ говорилъ и писалъ то самое, что Вы объ немъ пишите.

Барановъ (авторъ дневника пьяницы)—не начинающій писатель, въ провинціальныхъ изданіяхъ много писалъ, и я на него надеждъ не возлагаю, хотя дневникъ, дѣйствительно, очень хорошъ. Вересаевъ—начинающій и хотя «Безъ дороги» тоже очень хорошо, и авторъ—здѣшній петербургскій человѣкъ, и я его нерѣдко вижу, но сказать что-нибудь объ его будущности опасаюсь. Начинающій и авторъ статьи о Негоревѣ, Горнфельдъ, но этотъ много опредѣленнѣе и прочнѣе. Умница. Къ работѣ еще не привыкъ, и оттого указанный Вами недостатокъ статей, встрѣчающійся и въ его рецензіяхъ: онъ точно самъ съ собой разговариваетъ и недостаточно входитъ въ положеніе читателя. Мнѣ жаль, что въ числѣ понравившейся Вамъ беллетристики нѣтъ «Подъ скалой» С—каго (Сосновскаго): по моему, необыкновенно талантливо, но, можетъ быть, тоже мимолетно.

Изъ общихъ вопросовъ Вы затронули два больныя мѣста. Во-первыхъ, экономическій матеріализмъ. Это—эпидемія, и до какихъ невѣроятностей доходятъ нѣкоторые зараженные, Вы увидите изъ моей январской статьи. Но за самое послѣднее время, насколько я могу судить по слухамъ, письмамъ и бесѣдамъ, эпидемія хотя и распространяется въ ширь, но начинаетъ утрачивать свои рѣзко безобразныя формы. Во-вторыхъ, недисциплинированность писателей. «Русское Богатство» еще слишкомъ слабо и слишкомъ внутренно не устроено, чтобы повліять на это явленіе. Вообще не думайте, чтобы я былъ въ восторгѣ отъ «Русскаго Богатства»,—совершенно напротивъ, но у него навѣрное есть будущее и, можетъ быть, очень недалекое.

Жму Вашу руку
Ник. Михайловскій.

Къ этому письму необходимъ небольшой комментарій, пожалуй, не столько даже пояснительнаго, сколько оправдательнаго характера. Конечно, съ моей стороны—можетъ подумать или сказать читатель—было большой и легкомысленной развязностью надоѣдать такому, несомнѣнно, страшно занятому человѣку, какъ Михайловскій, кучей всякаго рода вопросовъ, въ сущности, вызванныхъ лишь празднымъ, досужимъ любопытствомъ. Изъ слѣдующихъ писемъ видно, что я справлялся даже о числѣ подписчиковъ «Русск. Бог.», справлялся, повидимому, настойчиво, неоднократно, — и Н. К., съ свойственнымъ ему добродушіемъ, отвѣчалъ мнѣ въ концѣ концовъ и на этотъ вопросъ...

Да, глубоко теперь сознаю свою вину и... стыжусь. Но требую

и нѣкотораго снисхожденія. Положеніе было все-таки исключительное... Изъ Дантова ада россійской каторги человѣкъ попалъ неожиданно на сравнительную свободу и краемъ глаза увидалъ уголокъ разумной человѣческой жизни, гдѣ работали и волновались лучшіе интеллигентные люди Россіи; мало того, и самъ отчасти соприкоснулся съ ихъ работой... И въ то же время эти люди—учителя и идейные товарищи—оставались, въ сущности, по прежнему далеко: нельзя было разслышать ихъ живыхъ голосовъ, разглядѣть живыя детали ихъ, думалось, неустанно-кипучей, неизмѣнно-интересной дѣятельности... Къ этому надо прибавить, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ моя жизнь въ Курганѣ была даже тоскливѣе и однотоннѣе акатуйской и кадаинской: все наше общество состояло здѣсь изъ четырехъ человѣкъ: М. Р. Гоца съ женою и меня съ женою же... Неизбѣжно варясь, такимъ образомъ, въ собственномъ, что называется, соку и живя отъ одной до другой книжки «Р. Богатства» (объ этомъ я подробно вспоминалъ въ свое время въ некрологѣ Мих. Раф. Гоца),—мудрено ли, что мы порой забывали и про огромный ростъ своего корреспондента, и великую цѣнность каждой его минуты для русской литературы и безбожно злоупотребляли безконечной его добротой?..

И самъ Н. К., очевидно, хорошо понималъ эту исключительность нашего положенія и настроенія,—этимъ и объясняется, что онъ съ такимъ неистощимымъ терпѣніемъ и снисходительностью отвѣчалъ всегда на мои вопросы, порой такіе мелкіе и курьезные...

№ 5.

Петербургскій штемпель
отъ 17 марта 1896 г.

Многоуважаемый
Петръ Филипповичъ!

Мнѣ кажется, что вы напрасно безпокоитесь, и что въ присланной вами оговоркѣ нѣтъ надобности. Въ мірѣ озвѣрѣлыхъ людей уголовныя лѣтописи и руководства психіатріи знаютъ еще и не такія явленія. Полагаю, что ваше безпокойство имѣетъ нѣкоторую связь съ мултанскимъ дѣломъ. Но если вы опасаетесь, что невольно дали лишнее оружіе въ руки безобразниковъ, такъ во всякомъ случаѣ лучше теперь не подчеркивать этого обстоятельства примѣчаніемъ. Да вѣдь совсѣмъ не одинаковыя и даже не параллельныя вещи. Одно дѣло—людоѣдство, какъ обычай или обряды цѣлой народности, и другое дѣло — ужасы единичные и при исключительныхъ условіяхъ. Я, впрочемъ, говорилъ съ Короленко, который такъ заинтересованъ мултанскимъ дѣломъ, и онъ со мной согласенъ.

Примите мой привѣтъ, передайте таковой же вашей женѣ, а затѣмъ посочувствуйте мнѣ: мы подали прошеніе объ освобожденіи отъ предварительной цензуры и объ утвержденіи отвѣтственнымъ редакторомъ Короленко.

Ник. Михайловскій.

№ 6.
Петербургскій штемпель
отъ 29 марта 1906 г.

Многоуважаемый
Петръ Филипповичъ!

Посылаю вамъ стихотворенія разныхъ авторовъ съ покорнѣйшею просьбою по возможности исправить ихъ. Странная просьба, но если бы мы бесѣдовали устно, то вы поняли бы, почему мнѣ хочется ихъ напечатать, несмотря на ихъ слабость и невыдержанность, и почему именно къ вамъ обращаюсь я съ просьбой о приведеніи ихъ въ лучшій видъ. Въ письмѣ это длинно и неудобно разъяснять. Повѣрьте ужъ на слово, что это нужно *).

Сейчасъ полученъ отвѣтъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати на прошеніе, о которомъ я вамъ писалъ: программа расширена, хотя и не совсѣмъ въ томъ размѣрѣ, какъ мы просили, а въ освобожденіи отъ предварительной цензуры и утвержденіи Короленко редакторомъ—отказано.

Очень боюсь за послѣднія главы «Міра отверженныхъ». Въ надеждѣ на благопріятный отвѣтъ изъ Главнаго Управленія, я рѣшилъ было отложить ихъ на мѣсяцъ, но отвѣтъ уже пришелъ, и теперь все равно: что будетъ, то будетъ.

Жму вашу руку. Привѣтъ Розѣ Өедоровнѣ.

Ник. Михайловскій.

№ 7.
14 апрѣля (1896).

Прежде всего большое Вамъ, Петръ Филипповичъ, спасибо за исполненіе просьбы. За сочувствіе не особенно благодарю, потому что какъ-то привыкъ уже считать Васъ на столько своимъ, что наши бѣды — Ваши бѣды. Да вѣдь оно и фактически такъ. Цензура послѣднія Ваши главы попортила, но не въ такой все таки мѣрѣ, какъ подсказывало мнѣ напуганное воображеніе.

Попытку свою освободиться отъ предварительной цензуры мы непремѣнно повторимъ, но мы пока даже не знаемъ еще и мотивовъ отказа. Глядя по нимъ, и поступать будемъ. Что же касается расширенія программы, то это просто устраненіе нѣкоторыхъ недоразумѣній. — Программа Р. Б. была необыкновенно курьезна (это вѣдь первоначально былъ техническій и сельско-хозяйственный журналъ, — отсюда и странное названіе). Фактически эта программа давно уже была нарушена, но все таки,—чуть что цензору не покажется — «вамъ политика по программѣ не разрѣшена» и т. п. Подписчиковъ у насъ не 9000, а 7 съ сотнями, до $7^1/_2$ доберемся.

Вы спрашивали о Протопоповѣ. Дѣла его плохи. Въ Чухломѣ, куда онъ попалъ въ 80-хъ годахъ, онъ потерялъ жену и тамъ же опять женился. Не знаю я хорошенько этой второй его жены; дѣтей у нихъ нѣтъ, самъ онъ нигдѣ почти не бываетъ, и у него тоже никто...

С. Александровъ, Корсакъ, дѣйствительно, былъ не безъ искры, но онъ *былъ*, — въ прошломъ году умеръ, если не ошибаюсь, въ

*) Рѣчь шла здѣсь о стихахъ В. Н. Фигнеръ, въ то время сидѣвшей еще въ Шлиссельбургской крѣпости, но съ кѣмъ то изъ отправляемыхъ на поселеніе товарищей пославшей на волю нѣсколько своихъ стихотвореній. *П. Я.*

Самаркандѣ. О другихъ, упоминаемыхъ Вами, новыхъ силахъ тяжело говорить. Больше всѣхъ, по моему, подавалъ надежды Вересаевъ...

Вы интересуетесь стихами Минскаго. Не хотите ли написать объ нихъ? А если Вы филологъ и греческаго не забыли, то, можетъ быть, и его переводъ «Иліады» прихватите. Пожалуйста, отвѣтьте немедленно.

Ваша статья о Бодлэрѣ идетъ въ апрѣлѣ — вмѣсто Гоца. И такъ какъ я отвѣтилъ, кажется, на всѣ Ваши вопросы, то въ благодарность Вы, можетъ быть, сообщите ему нижеслѣдующее, а онъ пусть извинитъ, что не пишу ему особо. Его первый очеркъ долженъ былъ идти въ апрѣлѣ. Но цензоръ и затѣмъ цензурный комитетъ его не одобрили. Но цѣною нѣкоторыхъ уступокъ, противъ которыхъ авторъ, я полагаю, не возстанетъ, мы еще попробуемъ его отстоять. Что же касается вновь присланной имъ статьи, то, въ виду нѣкоторыхъ стороннихъ соображеній, я предложилъ ее на разсмотрѣніе другихъ членовъ редакціи. Сейчасъ она у Анненскаго. Спросите, пожалуйста, Гоца, на случай, если бы почему-нибудь статья у насъ не пошла,—не желаетъ ли онъ, чтобы мы ее передали въ «Новое Слово»?

Ну, прощайте, крѣпко жму Вашу руку. Передайте привѣтъ Вашей женѣ.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 8.

30 апр. 1896 г.

Многоуважаемый

Петръ Филипповичъ!

Я очень усталъ и въ началѣ іюня собираюсь уѣхать куда-нибудь отдохнуть. Если Вы хотите, чтобы я именно прочиталъ работу, о которой Вы пишете, то, при отправкѣ рукописи, сообщите объ этомъ А. И. Иванчину-Писареву: онъ будетъ знать, гдѣ я. Пожалуйста, не смущайтесь началомъ письма: «я очень усталъ». Въ іюнѣ — іюлѣ у меня будетъ столько свободнаго времени, что мнѣ его некуда дѣвать будетъ.

Жму Вашу руку.
Ник. Михайловскій.

№ 9.

14 мая 1896 г.

Мнногоуважаемый

Петръ Филипповичъ!

Рецензія Ваша въ майскую книжку уже опоздала. Обѣ пойдутъ въ іюнѣ. Я пожалѣлъ, что Вы не раскутились на цѣлую статью. Не хотите ли заняться сборникомъ, изданнымъ петербургскими студентами подъ редакціей якобы Григоровича, Майкова и Полонскаго, а въ сущности Сигмы (Сыромятникова)? Мнѣ кажется, онъ Васъ долженъ заинтересовать.

Я уже писалъ Вамъ, что въ началѣ іюня уѣду, еще самъ не знаю куда, но редакціи адресъ будетъ во всякомъ случаѣ извѣстенъ. Прочтите мое письмо къ Гоцу, отправляемое съ этой же почтой *).

Вашъ Ник. Михайловскій.

---

*) Содержанія этого письма, къ сожалѣнію, не помню, и сохранилось ли оно у вдовы покойнаго М. Р. Гоца—не знаю. П. Я.

№ 10.

2 сент. 1896 г.

Многоуважаемый

Петръ Филипповичъ!

Благодарю Васъ за книгу и очень тронувшую меня надпись на ней. Сестра Ваша говорила, что Вы хотѣли бы имѣть мою карточку. Съ удовольствіемъ посылаю, но прошу въ обмѣнъ Вашу.

Я прочиталъ Вашу послѣднюю работу и нахожу ее очень интересною, но не вижу надобности ни въ «Эпилогѣ вмѣсто пролога», ни въ заключительныхъ строкахъ. Правда, безъ нихъ остается женскій разсказъ, подписанный мужскимъ именемъ, что неудобно. Но, какъ устный разсказъ, это все равно, мнѣ кажется, неудобно, и придется, можетъ быть, обращать его въ записки, тѣмъ или другимъ путемъ попавшія въ руки Мельшина. Какъ Вы думаете? Рукопись теперь читаетъ Короленко.

Разсказъ Маріана у насъ уже былъ въ чуть-чуть (въ мелочахъ) иномъ видѣ. У насъ онъ невозможенъ по цензурнымъ условіямъ.

Простите, что такъ безпорядочно и плохо пишу. Мнѣ очень нездоровится: постоянныя головокруженія. Говорятъ, оттого, что мало отдохнулъ лѣтомъ, а я думаю — просто пора совсѣмъ и навѣки отдохнуть.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 11.

16 сент. 1896 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ — позвольте мнѣ упразднить уже исчерпанный, кажется, между нами эпитетъ «многоуважаемый» — спасибо за добрыя желанія. Мнѣ уже лучше, но все таки меня ссылаютъ въ Крымъ, на мѣсяцъ, и завтра я уѣзжаю. Со мной ѣдетъ и А. И. Писаревъ, который также порядочно надорвался. По моему, теперь онъ хуже меня, несмотря на свое богатырское сложеніе. Безъ насъ Вамъ придется имѣть дѣло съ В. Г. Короленко, въ которомъ найдете аккуратнаго и внимательнаго корреспондента.

Благодарю за карточку. Передайте мой привѣтъ Р. Ѳ. Крѣпко жму руку.

Ник. Михайловскій.

№ 12.

4 ноября 1896 г.

Здравствуйте, дорогой Петръ Филипповичъ. Вотъ уже недѣля какъ я вернулся изъ Ялты, кажется, совершенно здоровымъ и, во всякомъ случаѣ, безъ тѣхъ гадостей, которыя передъ отъѣздомъ угнетали меня не только физически, а и нравственно. Мнѣ казалось, что моя пѣсня спѣта. Это, конечно, удѣлъ всего земного, а всетаки непріятно.

Дѣла у меня къ вамъ никакого теперь нѣтъ, кромѣ развѣ обычнаго: не забывайте «Русскаго Богатства». Но мнѣ хочется поблагодарить Васъ за участіе и вниманіе. Они мнѣ были очень дороги.

Сегодня пошелъ въ цензуру мой первый томъ, а очень скоро и

второй. Я вамъ ихъ вышлю. Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что Вы подписались. Зачѣмъ вы это сдѣлали?

Крѣпко жму Вашу руку. Передайте мой привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 13.

Петербургскій штемпель
отъ 17 ноября 1896 г.

Само собой разумѣется, дорогой Петръ Филипповичъ, что для Вашей «Юности» найдется мѣсто въ 1-й половинѣ года, хотя, вѣроятно, и не въ первыхъ мѣсяцахъ, такъ какъ мы уже запаслись кое-какимъ матеріаломъ. «Отверженныхъ» жду съ нетерпѣніемъ. Но у меня къ Вамъ есть и еще претензія. Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что были переговоры о критической статьѣ, если не ошибаюсь, о Надсонѣ. Можно-ли на нее разсчитывать и когда примѣрно? Простите, что такъ притѣсняю Васъ, но посмотрите на это притѣсненіе съ точки зрѣнія интереса, который во мнѣ возбуждаетъ всякая Ваша работа. Стиховъ Вы тоже давно не присылали намъ.

Сочиненія мои предполагаются пока въ шести томахъ, но я съ ужасомъ предвижу, что не только шести, а и семи и, пожалуй, восьми не хватитъ для вмѣщенія всего, что я не то что написалъ (это было бы ужъ черезчуръ), а желалъ бы перепечатать.

Кое-что я выкидываю за бортъ, но Вы правы, я думаю, полагая, что я долженъ явиться передъ публикой, каковъ я есть, т. е. и съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, статьями, которыя я самъ считаю слабыми.

Пересматривая свой багажъ, я часто вспоминаю слова богучаровскихъ крестьянъ у Толстого: «Писали — не гуляли!» Разница только въ томъ, что и «гуляли», такъ гуляли, что на старости и вспомнить стыдно объ этомъ сожиганіи своей свѣчки съ обоихъ концовъ. Немудрено, что и небольшой толчокъ едва не свалилъ меня съ ногъ. Теперь, впрочемъ, я совсѣмъ поправился: о головокруженіяхъ и невозможности работать нѣтъ и помину.

Привѣтъ Розѣ Ѳедоровнѣ. Васъ (или ее), кажется, удивляетъ, что я, незнакомый, шлю ей поклоны. Но, во-первыхъ, я объ ней слышалъ, а во-вторыхъ, никогда не забуду, что отъ нея получилась первая вѣсть о «Мірѣ Отверженныхъ».

Послалъ бы еще поклонъ Гоцу, да боюсь, что не сладко ему напоминаніе о «Русскомъ Богатствѣ».

Крѣпко жму Вашу руку.

Ник. Михайловскій

№ 14.

26 янв. 1897 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, простите, что такъ давно не писалъ Вамъ: и занятъ былъ по горло, и все такія скверныя минуты переживалъ. Вы понимаете, что скверности проистекали изъ цензуры. Въ послѣднее время она насъ очень донимаетъ. Январская книжка вышла даже безъ переводнаго романа. Гоцу скажите (я почти не имѣю духу писать ему самъ), что его статья опять застряла. 4-го января объявленъ циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати, воспрещающій всякія «статьи и замѣтки по рабочему вопросу».

«Юность» Ваша сдана въ типографію и пойдетъ, если не въ февралѣ, то въ мартѣ. Ждемъ о Надсонѣ.

Крѣпко жму вашу руку

Ник. Михайловскій.

№ 15.

5 марта 1897 г.

Я слышалъ о Вашей бѣдѣ, дорогой Петръ Филиппович, и думалъ, что Вамъ не до писемъ изъ Петербурга. Радъ слышать, что болѣзнь Розы Ѳедоровны пошла на убыль, и горячо желаю ей окончательнаго выздоровленія. На вопросы вамъ отвѣчу по пунктамъ, хотя и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вы ихъ задаете.

«Юность», дѣйствительно, пострадала, но мы намѣрены торговаться, и, можетъ быть, въ ту самую минуту, какъ я это пишу, Короленко, имѣющій хожденіе въ цензурный комитетъ, торгуется. Такъ какъ въ одинъ день эти дѣла не дѣлаются, то я пишу Вамъ, не дожидаясь извѣстій о сегодняшней (среда, 5 марта) бесѣдѣ Короленко съ цензоромъ и председателемъ комитета.

«Міръ отверженныхъ» *) прочиталъ. Онъ мнѣ такъ же понравился, какъ и все предыдущее, кромѣ одной главы — «Романъ Штейнгарта». Всѣ такіе исповѣди-монологи отдаютъ искусственностью, а тутъ, кромѣ того, самый «романъ» имѣетъ лишь косвенное и частичное отношеніе къ соціальнымъ чертамъ «Міра отверженныхъ». Я бы попросилъ у Васъ позволенія или совсѣмъ устранить, или, по крайней мѣрѣ, очень сильно сократить эту неудавшуюся Вамъ главу. Что же касается остального, то во всемъ вольна цензура, которая временами принимаетъ по отношенію къ намъ даже до непонятности дикіе аллюры.

Не помню, когда, какъ и почему написалъ я тѣ оскорбительные для стиховъ слова, о которыхъ Вы пишете **). Готовъ принести покаяніе. Во всякомъ случаѣ, хотя я, дѣйствительно, не особенно чувствителенъ къ стихамъ вообще, и ни одного стихотворца у насъ въ редакціи нѣтъ, но хорошимъ стихамъ, въ особенности Вашимъ, мы всегда рады. Давайте только.

Сочиненія мои понемножку подвигаются, хотя и не такъ быстро, какъ я бы хотѣлъ. Все это дѣло вѣдаетъ А. И. Писаревъ, а я только время отъ времени освѣдомляюсь. По послѣдней справкѣ (на дняхъ) 3-го тома было напечатано 18 лист., 4-го — 4 листа; а оба будутъ примѣрно по 30.

Самое труднее—отвѣтить на Ваши вопросы о «Новомъ Словѣ». Трудности и внутреннія, и внѣшнія. Было бы слишкомъ долго и слишкомъ для меня мучительно разсказывать, какъ я лично разошелся съ С. Н. Кривенко (я его любилъ, можно сказать, страстно) и какъ редакція «Русск. Бог.» раскололась и выдѣлила изъ себя редакцію «Новаго Слова». Кому теперь принадлежитъ «Н. С».—хорошенько не знаю, т. е. не знаю, кто его купилъ, кто деньги за-

*) Первыя X главъ составившагося впослѣдствіи II тома. П. Я.

**) Въ одной изъ своихъ статей 80-хъ годовъ, помѣщенной, помнится, въ «Сѣв. Вѣстникѣ», Н. К. выразился о стихотворной формѣ, какъ о пережиткѣ, сохранившемся отъ младенческой поры человѣчества... Быть можетъ, не такъ рѣзко, но въ этомъ именно смыслѣ. И этотъ отзывъ Н. К. о поэзіи я какъ-то напомнилъ ему.

платилъ или заплатитъ г-жѣ Поповой. Знаю только, что главными дѣятелями тамъ будутъ гг. Струве и Туганъ-Барановскій. Курьезно то, что нѣкоторые изъ бывшихъ сотрудниковъ «Н. С». (думаю, однако, что не Кривенко) обвиняютъ меня во всей катастрофѣ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы Струве и Туганъ получили возможность высказаться съ полною свободою въ собственномъ органѣ, но хлопотать для нихъ, а тѣмъ болѣе предпринимать подпольныя махинаціи... И однако,—говорятъ. Дѣло это дойдетъ, пожалуй, до суда чести, въ которомъ, надо думать, и мнѣ придется фигурировать, въ качествѣ свидѣтеля. Вообще у насъ здѣсь странная атмосфера: ссоры, дрязги. Нехорошо.

Крѣпко жму Вашу руку,
Ник. Михайловскій.

№ 16.
18 Марта 97 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Алекс. Ив. Писаревъ говорилъ мнѣ, кажется, со словъ Вашей сестры, что ходъ выздоровленія Р. Ѳ. колеблющійся и что Вы постоянно переходите отъ радости къ горести и обратно. Изъ письма Вашего заключаю, что теперь дѣло налаживается, и отъ души желаю, чтобы оно поскорѣе наладилось окончательно.

Третью главу «М. Отвер». пришлю Вамъ, какъ только выберу время для новаго ея пересмотра съ карандашомъ въ рукахъ. «Юности» первая часть прошла съ ущербомъ, увидите какъ въ апрѣльской книжкѣ. Во второй части, которую цензоръ вытребовалъ въ рукописи, онъ обѣщаетъ замахнуться на исторію застрѣлившагося гимназиста.

Попытку освободиться отъ цензуры мы повторили, но съ прежнимъ успѣхомъ.

Что касается Союза, то я не особенно оптимистически смотрю на его будущее. Я думаю, что ему придется распасться съ теченіемъ времени на два или болѣе. И это вполнѣ естественно. Главная услуга литературѣ, которой я жду отъ Союза, состоитъ въ его правѣ ходатайствовать о пересмотрѣ цензурнаго устава. Право это онъ, несомнѣнно, имѣетъ, но сейчасъ, частію въ виду общаго положенія дѣла, частію благодаря неистовствамъ «не—союзныхъ», объ осуществленіи этого права нельзя и думать. Надо вооружиться терпѣніемъ.

П. не сошелъ съ ума, но, дѣйствительно, былъ на границѣ психическаго разстройства. Теперь поправился. Но будущее его, даже ближайшее, для меня очень темно. Онъ нигдѣ не бываетъ, и у него никто не бываетъ. Извѣстно только, что жена его—настоящая психическая больная.

Я, кажется, на всѣ Ваши вопросы отвѣтилъ, а если чего не дописалъ,—простите.

Крѣпко жму Вашу руку
Ник. Михайловскій.

3-й и 4-й томы моихъ сочиненій,—удостовѣряетъ А. И.,—выйдутъ въ маѣ.

№ 17.

Получено 27 апр. 97 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Спасибо за статью о Надсонѣ, которую я, впрочемъ, не прочиталъ еще. Не прочиталъ, а уже прошу взятки: не откажитесь пройтись по прилагаемому стихотворенію, по бывшимъ примѣрамъ. Очень обяжете. Какъ Ваши личныя дѣла? Давно уже не имѣю отъ Васъ извѣстій.

Крѣпко жму Вашу руку. Привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 18.

Получено въ Курганѣ.
1-го Іюня 97 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Въ ворохѣ поэзіи, къ Вамъ отправленной, хорошаго, должно быть, мало. Можетъ быть, хоть немножко отдохнете на Фругѣ. Можетъ быть, заинтересуетесь какимъ-то М. М., собственно въ связи съ его брошюрой о Надсонѣ,—вонъ куда марксизмъ нашъ метнулся!

Вся посылка представляетъ довольно случайный наборъ,—что нашлось въ редакціи за послѣдніе два года. Какъ Вы объясните эту случайность,—не знаю. Обратились ли Вы, въ качествѣ любителя поэзіи, къ книгопродавцу за новинками, за выборъ которыхъ онъ и отвѣтственъ? Или расказать какъ было дѣло, по правдѣ?

Статья о Надсонѣ прошла съ очень небольшимъ урономъ.

На новую серію «Отверженныхъ» я бы Васъ не благословилъ. Переносить еще разъ на слѣдующій годъ—совсѣмъ неудобно. А матеріалъ свой Вы можете вѣдь и въ другой какой-нибудь формѣ использовать.

Крѣпко жму Вашу руку. Привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 19.

Получено лѣтомъ 97.
Кострома, Селище.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Я очень виноватъ передъ Вами,—забылъ отвѣтить на одинъ Вашъ вопросъ: о томъ, какъ приняла Ваши замѣчанія г-жа Ватсонъ. Съ предлагаемымъ Вами планомъ изданія стихотвореній Надсона она не согласна; или, вѣрнѣе, не то что не согласна, а не видитъ надобности измѣнять планъ. За то Ваши указанія на хронологическія и т. п. ошибки признаетъ совершенно правильными и хотѣла было теперь же оговорить ихъ въ письмѣ въ редакцію. Но, посовѣтовавшись съ Комитетомъ Литературнаго Фонда, рѣшила сдѣлать это въ предисловіи къ новому изданію, которое не заставитъ себя долго ждать.

Крѣпко жму Вашу руку и прошу передать мой поклонъ Розѣ Ѳедоровнѣ. Если захотите черкнуть мнѣ, адресуйте такъ: Кострома, Селище, Геннадію Васильевичу Мягкову, для передачи мнѣ.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 20.

8 іюня 1897 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Вы совершенно напрасно такъ огорчились. «Юность», разумѣется, не шедевръ, но она имѣетъ свою цѣну, читается, хвалится, въ доказательство чего прилагаю фельетонъ «Сына Отечества». Вы, бѣдный, просто истрепались нервами. А съ «Міромъ Отверженныхъ», дѣйствительно, вышло недоразумѣніе: мы такъ и считали его на осеннія и зимнія книжки до января.

Обнимаю Васъ, поклонъ Р. Ѳ.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 21.

Петербургскій штемпель
отъ 23 сент. 97 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Александръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что уже сдѣлалъ Вамъ предложеніе на счетъ библіографіи по отдѣлу не только поэзіи, а и прозаической беллетристики. Я поступлю рѣшительнѣе и пришлю Вамъ на дняхъ нѣсколько книгъ. Въ числѣ ихъ найдете «Народныя драмы» Карпова. Если найдете ихъ заслуживающими *очень* строгаго сужденія, то лучше оставьте ихъ совсѣмъ безъ отзыва, ибо авторъ— человѣкъ благонамѣренный. Пришлю и Новодворскаго, по поводу котораго разскажу слѣдующее. Протопоповъ былъ очень недоволенъ Вашей статьей о Надсонѣ и въ частности указывалъ на то, что Новодворскаго никоимъ образомъ нельзя ставить на одну доску съ Гаршинымъ и Надсономъ: онъ — гора, а они ничтожества — нытики. А недавно явилась въ «Одесскихъ Новостяхъ» статья Протопопова, въ которой онъ крошитъ Новодворскаго въ одну окрошку съ Гаршинымъ и Надсономъ, именно какъ ничтожества и нытика съ претензіями на юморъ. Вообще Прот.—конченный человѣкъ.

Вы писали Ал. Ив., что я не отвѣчалъ на Ваше письмо, адресованное въ Кострому, и предполагаете какую-то мою обиду или недовольство за вмѣшательство въ редакціонныя дѣла. Оставьте подобныя мысли. Я Васъ считаю настолько близкимъ журналу человѣкомъ, что никоимъ образомъ не почувствую обиды или недовольства за такое вмѣшательство. Фактически Вы почти во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ правы, а кое-какія смягчающія или объясняющія обстоятельства требуютъ слишкомъ подробнаго разговора. Я пробовалъ начать—и бросилъ.

Крѣпко жму Вашу руку. Привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 22.

7-ое октября 1897 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ,

Дѣйствительно, всѣ наши трудности можно познать только на мѣстѣ. Но Ал. Ив. или обмолвился, или сказалъ не то, что хотѣлъ, говоря, что мы собираемся въ академики. Резоны нашего тихаго поведенія разные. Вотъ Вы пишете о «перекрестномъ огнѣ»: участвовать въ немъ, даже по необходимости, непріятно, и я этого очень боялся. Выясняется, однако, что эти опасенія тщетны: отъ

аргусовъ мы терпимъ гораздо больше, чѣмъ они. Теперь мы рѣшили быть посвободнѣе.

Вы спрашиваете о беллетристикѣ. Очень мы по этой части бѣдны. Старые исписываются и уже очень распускаются, а новыхъ какъ то всего на одну-двѣ вещи хватаетъ; вотъ, вы пишете о Баронинѣ (Маликовѣ) и Сомовой (Линева). Не Богъ знаетъ что, а и тому радехоньки. И не беллетристика это, а такъ, случайно. Вы скажете, что у насъ есть Короленко. Есть, то есть, но вотъ ужъ годъ, какъ онъ боленъ. Мултанскія волненія, смерть дочери выбили его изъ колеи. Въ январѣ, надѣюсь, будетъ напечатана его вещь, но и то не такая, какой отъ него можно бы было ждать: просто беллетристическая обработка лѣтнихъ наблюденій надъ русскими въ Румыніи.

Я знаю, Вы интересуетесь нашимъ французомъ. Онъ тоже сплоховалъ,—надорвался надъ работой въ Гашетовскомъ Dictionnaire de Géographie. Теперь поправился, и съ октября Вы его опять будете читать.

Въ ноябрѣ и декабрѣ у насъ пойдетъ повѣсть изъ крымско-татарской жизни. Какова бы она ни была, замѣтьте это сравнительное обиліе беллетристики изъ жизни инородцевъ и скудость матеріала по части обще-русской жизни. Если и русскіе, такъ то въ Америкѣ, то въ Румыніи. И когда только эта странная полоса кончится! Не въ одномъ «Р. Б.», а и вездѣ беллетристика скудная. Мы, по крайней мѣрѣ, дали нѣсколько новичковъ,—увы! отцвѣтшихъ, не успѣвшихъ расцвѣсть.

Крѣпко жму Вашу руку. Передайте мой поклонъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 23.

29 окт. 1897 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, изъ присланныхъ Вами рецензій въ ближайшей книжкѣ пойдутъ Греннеръ, Новодворскій и Фальковскій. Совсѣмъ не пойдетъ Карповъ. Вы дѣлаете предположеніе, что эти драмы написаны для народной сцены, и на этомъ именно предположеніи строите значительную часть своихъ замѣчаній, но предположеніе невѣрно. Остаются въ запасѣ рецензіи объ «Очеркахъ и замѣткахъ» М. К—ой и стихотвореніяхъ Барыковой. Сообщите, пожалуйста, мѣсто (Москва, Петербургъ?) и годъ обоихъ этихъ изданій. Это единственныя данныя, сообщаемыя у насъ обыкновенно въ заголовкахъ новыхъ книгъ, но за то онѣ необходимы. Не смущайтесь тѣмъ, что двѣ рецензіи отложены, и если приглянутся посланныя Вамъ вновь книги, то чѣмъ скорѣе пришлете отзывы объ нихъ, тѣмъ лучше. Для этого отдѣла всегда нуженъ запасъ.

Не знаю, останетесь ли Вы довольны тѣмъ началомъ компаніи, которое сдѣлано мною въ октябрѣ. Думаю, что нѣтъ. Но въ ноябрѣ выступлю уже не одинъ я, и Вы, пожалуй, насъ немножко похвалите. Въ ноябрѣ же появится и начало «Нашихъ на Дунаѣ» Короленко. Лиха бѣда начало, лишь бы онъ сдвинулся съ своей теперешней мертвой точки.

Крѣпко жму Вашу руку

Ник. Михайловскій.

№ 24.

12 ноября 1897 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, я немножко нервно отношусь къ матеріаламъ для «Р. Б.» и фразу «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше»— постоянно ношу и на устахъ, и въ сердцѣ. Но она не должна Васъ смущать. Я былъ бы очень огорченъ, если бы библіографія отняла у Васъ время, ассигнованное на что-нибудь другое, и, пожалуйста, занимайтесь этимъ дѣломъ «съ прохладцей», если спѣшность въ отдѣлѣ отрываетъ Васъ отъ другой работы. Кстати, можетъ быть, иная книга заинтересуетъ Васъ до размѣровъ отдѣльной статьи,—такъ милости просимъ. Сказать Вамъ что-нибудь опредѣленное о размѣрахъ и количествѣ рецензій—не могу. Мои хлопоты о «запасѣ» вытекаютъ отчасти изъ самаго дѣла, а отчасти изъ отношеній къ нему кое-кого изъ сотрудниковъ. Отдѣлъ новыхъ книгъ можетъ быть по произволу сокращаемъ и увеличиваемъ, представляя такимъ образомъ возможность регулировать отчасти размѣръ книжки (съ новаго года мы намѣрены немного расшириться вообще). Съ другой стороны, сотрудники—въ особенности мучитъ меня Протопоповъ—очень небрежны и неаккуратны. Вотъ я и забочусь о запасѣ. Въ концѣ концовъ, значитъ, дѣло стоитъ такъ: не требуйте отъ насъ опредѣленныхъ сроковъ, и мы Вамъ ихъ не будемъ ставить, а все-таки,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, поскольку это не будетъ Васъ отрывать отъ другихъ работъ и даже вообще стѣснять. Судя по началу, Вы, и съ прохладцей работая, будете не изъ недоимщиковъ.

Николай—онъ очень тугъ на подъемъ, и ожидать отъ него чего-нибудь въ скоромъ времени—нельзя. Да и полемики онъ не любитъ. Въ слѣдующей книжкѣ будутъ статьи молодого московскаго экономиста Мануйлова и молодого петербургскаго историка Мякотина. Упоминаю о молодости, потому что это имѣетъ въ данномъ случаѣ свое значеніе. Одна называется «Капиталистическая идиллія», другая—«Новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ». Одна бѣда,— обѣ статьи еще не вернулись отъ цензора.

Крѣпко жму Вашу руку

Ник. Михайловскій.

Прилагаю стихи, присланные мнѣ для передачи Вамъ.

№ 25.

20 ноября 1897 г.

Вы меня очень огорчили своимъ послѣднимъ письмомъ, дорогой Петръ Филипповичъ. Всѣ Ваши рецензіи хороши, да я и предложилъ Вамъ эту работу потому, что усмотрѣлъ въ Вашихъ статьяхъ критическій нюхъ, въ которомъ Вы себѣ отказываете. Можетъ быть, еще передумаете? Если я Васъ отпугнулъ своимъ насѣданіемъ, то ужъ я разъяснилъ этотъ пунктъ и повинился. Но да будетъ воля Ваша. Буду посылать Вамъ только стихи. Но не сердитесь, если тотъ маленькій запасъ, который я отъ Васъ получилъ, я буду растягивать, чтобы совсѣмъ не остаться безъ рецензій по беллетристикѣ въ ожиданіи новаго рецензента.

Обѣ статьи, объ которыхъ я Вамъ писалъ въ прошлый разъ, прошли, но одна изъ нихъ, наиболѣе важная, не безъ значительныхъ поврежденій. Вообще съ цензурой теперь нарочито плохо.

Корреспонденція изъ Англіи пропала цѣликомъ, а частичныя поврежденія чуть ли не во всѣхъ статьяхъ. Въ настоящую минуту трепещу за хронику внутренней жизни.

Вы спрашивали о 5-мъ томѣ. По финансовымъ соображеніямъ Александра Ивановича онъ раздавался подписчикамъ (городскимъ) безъ объявленій, а разсылаться будетъ вмѣстѣ съ 6-мъ, который тоже уже вышелъ.

Кажется, все.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 26.

8 декабря 1897 г.

Съ двухъ, можно сказать, концовъ міра я единовременно получилъ огорченія отъ особенно дорогихъ мнѣ сотрудниковъ—изъ Парижа и изъ Кургана. Парижскій корреспондентъ пишетъ, что онъ опять захворалъ и, можетъ быть, прерветъ работу на нѣкоторое время (онъ хворалъ весной). Причины для меня ясны,—онъ просто переутомился (между прочимъ, онъ секретарь редакціи Гашетовскаго географическаго словаря и работаетъ страшно много). Курганскій корреспондентъ для меня не такъ ясенъ. Надѣюсь, что онъ просто хандритъ.

Дорогой мой Петръ Филипповичъ, мнѣ трудно стать на Вашу точку зрѣнія хотя бы уже потому, что я, вотъ уже на склонѣ лѣтъ, не знаю, кто я—критикъ, публицистъ, соціологъ; совался было и въ беллетристику. Вы въ короткое время такъ заинтересовали публику, что я не знаю—извините—какого Вамъ еще рожна нужно. Встряхнитесь.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 27.

Петербурскій штемпель
отъ 27 янв. 1898 г.

«Переслащенное народолюбіе» уже напечатано, дорогой Петръ Филипповичъ, и Ваша прибавка опоздала. А что касается «Міра отверженныхъ», то прежде всего позвольте Васъ выбранить. Зачѣмъ Вы тогда же не написали мнѣ, что Вамъ такъ хочется и еще ихъ продолжать, и что матеріалъ этотъ въ отдѣльные разсказы не уложится? Но Богъ Васъ проститъ за прошлое, а въ будущемъ сдѣлаемъ вотъ какъ. Дайте новой серіи подновленное заглавіе (напр., «Послѣдніе годы въ каторгѣ», или вообще какъ придумаете) и пишите такъ, какъ бы Вы хотѣли видѣть въ печати *). Если бы оказалось что-нибудь для насъ почему-нибудь неудобное (я увѣренъ, что этого не будетъ, кромѣ цензурныхъ соображеній), мы воспользуемся, чѣмъ можно, а въ отдѣльное изданіе пойдетъ все цѣликомъ. Принимайтесь же за брошенную работу. Когда она у насъ пойдетъ,—сейчасъ сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, желательно имѣть ее въ рукахъ поскорѣе, хотя бы частями, и заранѣе знать приблизительный размѣръ ея.

Такъ простите же за причиненную Вамъ непріятность, хотя Вы и сами виноваты 1) тѣмъ, что истолковали мое предложеніе въ

*) Серія эта была озаглавлена мною „Концомъ Шелаевской тюрьмы“.
П. Я.

иной формѣ эксплуатировать конецъ «Отверженныхъ»—неправильно, 2) тѣмъ, что толкованіе это затаили въ своемъ сердцѣ и не дали мнѣ возможности гораздо раньше написать то, что написано выше, то есть, что дальнѣйшее печатаніе «Отверженныхъ» не только желательно, а и возможно.

Крѣпко жму Вашу руку. Привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

Два предыдущихъ письма мнѣ особенно дороги, какъ одно изъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній о Н. К—чѣ. Только онъ,—при его лаконической и суховатой обычно манерѣ писать письма,—могъ такъ нѣжно и заботливо утѣшить своего «захандрившаго» внезапно корреспондента! Дѣло было вотъ въ чемъ. Принявъ черезчуръ близко къ сердцу брошенное какъ-то Н. К. мимолетное замѣчаніе, что онъ «не благословилъ бы» меня на новую серію «Міра отверженныхъ», я, дѣйствительно, *затаилъ* это замѣчаніе, понявъ его такъ, что, молъ, успѣлъ уже окончательно надоѣсть своими каторжными очерками и читателямъ вообще, и Н. К. въ частности. А между тѣмъ (что легко пойметъ всякій авторъ большой многолѣтней работы), я никакъ, не могъ подавить въ себѣ страстное, задушевное желаніе видѣть любимый свой трудъ *вполнѣ* законченнымъ, такъ, какъ рисовалось въ тайныхъ мечтахъ... и сердце мучительно ныло, и «хандра», казалось, безпричинная, хандра, цѣпкими когтями охватывала душу... Но когда, наконецъ, не выдержавъ, я излился передъ Н. К. на чистоту, онъ сразу же понялъ мои чувства—и поспѣшилъ утѣшить и ободрить.

№ 28.
Петерб. штемпель
12 апр. 1898г.

Вы, я думаю, ошибаетесь, дорогой Петръ Филипповичъ, относительно 2-й части «Міра отверж.». Неудаченъ въ ней, какъ я Вамъ тогда же писалъ, романъ Штейнгарта, а все остальное въ высокой степени интересно. Могу Васъ порадовать: первыя двѣ главы «Конца» пострадали всего на нѣсколько строкъ.

Напрасны также не то что сомнѣнія Ваши, а Ваше «не по себѣ» по поводу переписки. Просто мы всѣ тутъ очень устали. Короленко давно ужъ, съ мултанскаго дѣла и смерти дочери—неладенъ, и, какъ это ни странно, а я надѣюсь, что нервный толчокъ, произведенный смявшимъ его офицеромъ, дастъ ему сонъ и вообще наладитъ его хоть сколько-нибудь. Александръ Ивановичъ въ послѣднее время очень негодится.—явно отъ усталости, и мы его на дняхъ гонимъ изъ Питера. Одновременно уѣдетъ Анненскій, а когда они вернутся, поѣдемъ на отдыхъ мы съ Короленко. Кромѣ «Русскаго Богатства», у насъ было не мало возни въ Союзѣ писателей. Короленко—предсѣдатель юридической коммиссіи и членъ суда чести, Анненскій и я—члены комитета. Одинъ изъ результатовъ дѣятельности Союза Вы могли видѣть въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Не Богъ знаетъ что это, а все-таки хоть какой-нибудь признакъ жизни. Что изъ него выйдетъ—неизвѣстно. Объ N. надѣюсь, что его статья будетъ до конца хороша, но въ общемъ

онъ намъ человѣкъ мало подходящій: очень ужъ бываетъ наивенъ и расплывчато-мягкосердеченъ.

Рецензента для беллетристики регулярнымъ образомъ все-таки нѣтъ. А стиховъ давно не посылалъ Вамъ именно потому, что ничего сколько нибудь путнаго намъ что-то не посылаютъ, а дрянь Вамъ должна была надоѣсть.

Относительно изданія М. Ковалевскаго Вы правы.

Дѣла наши недурны, но 10 тысячъ подписчиковъ все-таки нѣтъ. Вмѣстѣ со вторымъ изданіемъ печатаемъ 9.700. Боюсь, что и на второе изданіе (700) Писаревъ поскупился. Можно бы, кажется, рискнуть на всѣ 10.000. Кабы беллетристика получше, да безцензурность, такъ и на большее можно было бы разсчитывать.

Крѣпко жму Вашу руку и прошу передать мой привѣтъ Р. Ѳ.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 29.

Отъ 27 апр. 1898 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, Ваша приписка пойдетъ куда слѣдуетъ. А на счетъ стиховъ простите. Они у насъ, дѣйствительно, въ нѣкоторомъ небреженіи, и какъ то это само собой выходитъ. Вотъ, Богъ дастъ, Вы въ Петербургъ вернетесь, мы эту часть всю Вамъ предоставимъ. Возможно ли это въ скоромъ времени? То есть Ваше возвращеніе? А на счетъ N. не могу, къ сожалѣнію, съ Вами согласиться: очень онъ почтенный человѣкъ, но хронически намъ не ко двору. Что же касается оскудѣнія вообще, то можете судить по тому, что сами Вы только N. и нашли возможнымъ указать, а вѣдь Вы и стариковъ многихъ помните, и за новыми слѣдите Богдановичъ и Ивановъ,—это вѣдь новые.

Крѣпко жму Вашу руку

Ник. Михайловскій.

№ 30.

25 мая 1898 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ!

Я на дняхъ возвращу Вамъ Вашу статью, а затѣмъ пришлю все, что выйдетъ въ печати (книги, ихъ уже и сейчасъ есть нѣсколько) по поводу юбилея Бѣлинскаго. Вы все говорите объ этомъ юбилеѣ, какъ о будущемъ, а между тѣмъ къ тому времени, когда Ваша статья появится въ печати (а она не можетъ появиться ни въ іюнѣ, ни въ іюлѣ, которые биткомъ набиты),—онъ будетъ уже прошедшимъ.

Воспользуйтесь же тѣмъ, если не качественно, то количественно значительнымъ матеріаломъ, который я Вамъ пришлю. Статья разразростется (и я Васъ заранѣе прошу отмѣтить, гдѣ ее можно будетъ раздѣлить), но и выиграетъ въ интересѣ. Попрошу Васъ также о слѣдующемъ: 1) если можно, обойдите Максима Горькаго,—у меня есть на его счетъ нѣкоторыя, немного отличныя отъ Вашихъ мысли, которыя мнѣ хочется изложить;

2) пощадите скромность Короленко;

3) если книги о Бѣлинскомъ, которыя я Вамъ пришлю, Вамъ не понадобится оставить для личнаго Вашего употребленія,—возвратите ихъ мнѣ (кромѣ «Избранныхъ Сочиненій», изданныхъ Поповой: у меня есть другой экземпляръ): мнѣ хочется отдать эту коллекцію въ библіотеку Союза;

4) конецъ статьи—о марксистахъ—можетъ оказаться по обстоятельствамъ щекотливымъ, поэтому имѣйте въ виду, что его, *можетъ быть*, придется отрѣзать.

Въ числѣ книгъ, которыя Вы получите, будетъ книга Евг. Соловьева (Скрибы). Это очень талантливый, но совершенно безпардонный человѣкъ, недавно увѣровавшій въ марксизмъ, но не полагаю, чтобы прочно. И вы увидите, что ему хочется при помощи Бѣлинскаго «народничество» ткнуть, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынужденъ признать Бѣл. «главой субъективной школы». Вообще книга любопытная. Я Вамъ пришлю еще № «Журн. Мин. Народн. просвѣщ.», гдѣ найдете забавную рецензію о біографіи Гегеля, написанную этимъ самымъ Скрибой. Думаю, пригодится Вамъ.

О Н. Ѳ. Анненскомъ охотно разъяснилъ бы Вамъ, если бы былъ увѣренъ, что письма къ Вамъ не перлюстрируются. Ничего особеннаго, а непріятно писать для постороннихъ.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 31.

11 окт. 1898 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ!

26 мая будущаго года—столѣтняя годовщина рожденія Пушкина. Не напишете ли къ тому времени статью? Пишу объ этомъ такъ задолго потому, что сюжетъ-то ужъ очень отвѣтственный и требующій подготовки. Если нужны какія-нибудь пособія, — напишите, вышлемъ.

Крѣпко жму Вашу руку
Ник. Михайловскій.

№ 32.

4 іюня 1898 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ!

Къ пачкѣ книгъ о Бѣлинскомъ, которую Вы на-дняхъ получите, я присоединилъ три стихотворные сборника. Давно ужъ Вы не писали рецензій. Между дѣломъ, можетъ и займетесь.

Жму Вашу руку
Ник. Михайловскій.

№ 33.

Петербургскій штемпель
2 декабря 1898 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ!

Простите, что столько времени не отвѣчалъ Вамъ, — былъ страшно занятъ, и не Вамъ одному приходится мнѣ сегодня начинать такъ письма. О главномъ—Пушкинѣ—и теперь попрошу отсрочки, потому что самъ мало знакомъ съ литературой объ немъ, наведу справку у свѣдущихъ людей. Что касается Вашего общаго взгляда на него, то, я думаю, онъ совершенно вѣренъ. Я бы только ввелъ, въ качествѣ иллюстраціи его гуманизма, его органическое отвращеніе къ аскетизму, ко всякой вольной и невольной урѣзкѣ полноты человѣческаго существованія,—отвращеніе, по обстоятельствамъ времени и мѣста, переходившее иногда въ эпикурейство.

Перехожу къ Вашимъ маленькимъ вопросамъ. О томъ, что беллетристика «Р. Б.» плоха, я, конечно, съ Вами спорить не буду. Но откуда ее взять? Сами видите: Вересаевъ выдохся, Горькій не сегодня—завтра изломается, объ Сосновскомъ и помину

нѣтъ. Это все отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть,—климатъ ужъ такой. А съ Короленкой все что-то неладно. Слухи о его большихъ произведеніяхъ не основательны. Въ ноябрѣ будетъ, надѣюсь, его маленькій разсказъ. А объ другихъ старшихъ что и говорить. Маминъ—огромная стихійная сила, но только стихійная. Потапенко—мнѣ стыдно вспоминать, что мы печатали его «Свѣтлый лучъ».

Вы спрашиваете о Гаринѣ и Пѣшехоновѣ. Первый есть талантливый человѣкъ, но не писатель, хочу сказать—не художникъ-работникъ, любящій свое дѣло, а капризникъ и модникъ, избалованный баричъ, которому что марксизмъ, что моднаго цвѣта сюртукъ—все едино. Мы съ нимъ совсѣмъ разстались. Пѣшехонова я лично не знаю. Онъ статистикъ, живетъ въ Полтавѣ, откуда, впрочемъ, недавно высланъ вмѣстѣ съ другими 26 порядочными людьми.

Давитъ ли насъ цензура? Въ послѣднее время — невѣроятно. Много я видѣлъ на своемъ вѣку, но такого, что мы пережили съ октябрьской книжкой, не видалъ. Довольно Вамъ сказать, что Маминъ во всю свою литературную карьеру не потерявшій ни одной строки въ цензурѣ, подвергся огромной хирургической операціи. Затѣмъ священникъ, земскій начальникъ, дворянинъ, высѣченный *николаевскій* солдатъ, рабочій не только нашъ, но и французскій, если онъ устроилъ стачку,—запрещенные люди.

А ходатайство Союза... подъ сукномъ, должно быть, лежитъ. Оно направлено куда слѣдуетъ, но ни привѣта, ни отвѣта.

Вашъ Ник. Михайловскій.

Это письмо Н. К. (и не помню какое-то еще) было отобрано у меня во время жандармскаго обыска, кажется, въ январѣ 1899 г. Должно быть, глазъ курганскаго ищейки упалъ на фразу о 26 «порядочныхъ людяхъ», высланныхъ изъ Полтавы... Но это было въ ту до-конституціонную эпоху, когда высшее начальство относилось еще къ представителямъ литературы (по крайней мѣрѣ, съ такимъ именемъ, какъ Михайловскій) не только благопопечительно, но иногда и по-джентльмэнски, и департаментъ полиціи вскорѣ вернулъ мнѣ отобранныя письма.

№ 34.

Вотъ, дорогой Петръ Филипповичъ, списокъ, составленный однимъ нашимъ сотрудникомъ (Горнфельдомъ). Что нужно—напишите, вышлемъ, хотя кое-чего, вѣроятно, и достать уже нельзя.

Вашъ Ник. Михайловскій.

Приложенъ списокъ 26 книгъ и журнальныхъ статей о Пушкинѣ.

№ 35.

27 февраля 1899 г.

Простите, дорогой Петръ Филипповичъ, что такъ долго не отвѣчалъ Вамъ. Хотѣлъ дождаться нѣкоторыхъ фактическихъ свѣдѣній для Вашего успокоенія по поводу постигшей Васъ непріятности, да такъ и не дождался. Обо мнѣ Вамъ безпокоиться нечего,—это такой вздоръ, объ которомъ и говорить не стоитъ. Но мнѣ хотѣ-

лось сообщить Вамъ что нибудь точное о книгѣ Сиднея Вебба *). Одна его книга на приблизительно ту же тему должна, кажется, скоро выдти въ русскомъ переводѣ, какъ слѣдуетъ пропущенномъ цензурою. Какъ выйдетъ, такъ пришлю ее Вамъ. Но я не увѣренъ, что это именно та самая, да не увѣренъ и въ томъ, что заглавіе русскаго перевода вполнѣ точно: наши переводчики часто разрѣшаютъ себѣ нѣкоторыя вольности въ этомъ отношеніи.

Allegro, пожалуйста, оставьте у себя, у меня есть другой экземпляръ.

Статьи о Пушкинѣ жду непремѣнно къ серединѣ апрѣля, а желательно бы къ началу.

Отъ души желаю Вамъ поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго впечатлѣнія и крѣпко жму Вашу руку. Привѣтъ Р. Ѳ.

Ник. Михайловскій.

№ 36.

20 мая 1899 года.

Дорогой Петръ Филипповичъ, Ваши опасенія и самоугрызенія, изложенныя въ письмѣ къ Александру Ивановичу, совершенно неосновательны. Вы не причемъ въ нашей бѣдѣ **), да, по правдѣ сказать, и бѣда не велика. Велика обида,—ну, да вѣдь за этимъ нашему брату не угоняться.

Вы уже знаете, что мы, взамѣнъ трехъ №№, издадимъ сборникъ. Не дадите ли Вы для него чего-нибудь въ родѣ «Кобылки» или «Сопокъ»? Короленко говорилъ, что писалъ Вамъ о томъ, какъ можно передѣлать Вашъ послѣдній разсказъ. Можетъ, его дадите, а можетъ, новое что-нибудь.

Простите, что такъ долго не писалъ Вамъ. Все время кипѣлъ въ котлѣ съ самымъ разнообразнымъ варевомъ. Между прочимъ, у меня два сына студента, изъ которыхъ одинъ, естественникъ, благополучно уѣхалъ въ научную экспедицію на Мурманскій берегъ, а другой, юристъ, уволенъ изъ университета. И это далеко не единственный источникъ моихъ тревогъ. Такъ что простите. Р. Ѳ. привѣтъ.

Ник. Михайловскій.

Не помню теперь, получалъ ли я отъ Н. К. еще какія-нибудь, пропавшія потомъ, письма за долгій промежутокъ времени отъ мая до октября 1899 г. Думаю, что кое-что пропало... Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого же года въ моей жизни произошло неожиданно очень крупное событіе: я получилъ разрѣшеніе —для лѣченія болѣзни— выѣхать изъ Сибири, сначала въ Казань, а затѣмъ и въ Петербургъ.

28 декабря 1899 года я былъ уже въ Петербургѣ — правда, не для свободнаго проживанія, а лишь для помѣщенія въ нервной клиникѣ проф. Бехтерева. Но еще до этого мнѣ удалось забѣжать

*) Во время упомянутаго выше обыска былъ отобранъ у меня и рукописный переводъ этой книги, сдѣланный однимъ моимъ товарищемъ—ссыльнымъ. П. Я.

**) Весною 1899 года «Русск. Бог.». было закрыто на три мѣсяца за статью о финляндскихъ дѣлахъ.

вечеромъ къ Николаю Константиновичу. Помню, онъ только что проснулся послѣ обѣденнаго отдыха, и я съ невыразимымъ волненіемъ прислушивался къ его голосу въ сосѣдней комнатѣ, переспрашивавшему мою фамилію у прислуги. Затѣмъ онъ стремительно выбѣжалъ и заключилъ меня, растеряннаго и смущеннаго, въ свои объятія. Я увидѣлъ, наконецъ, того, кого съ юношескихъ лѣтъ чтилъ, какъ учителя, а за послѣдніе годы горячо, всѣмъ сердцемъ полюбилъ, и какъ человѣка...

Просидѣвъ недолго, я сталъ, однако, безпокоиться, не принесъ бы мой самовольный визитъ какой-либо непріятности Н. К—чу?.. «Вотъ вздоръ какой!» рѣшительно сказалъ онъ, но лицо его тотчасъ же омрачилось сомнѣніемъ: «А вотъ, вамъ самому не нажить бы бѣды: за вами, конечно, слѣдятъ, и не сочли бы этотъ невинный визитъ своего рода побѣгомъ. У насъ вѣдь все возможно. Ну, такъ съ Богомъ! Ступайте съ Богомъ! Я увѣренъ, что теперь вы у насъ не временный только гость, и мы будемъ видаться». Пророчество Н. К. оправдалось, и уже въ февралѣ 1899 года я получилъ право свободно проживать подъ Петербургомъ, на станціи Удѣльной. Естественно, что съ этой поры переписка моя съ Н. К. обрывается. Сохранились лишь три маленькія записки.

№ 37.

17 февр. 1900 г.

Большое спасибо за приглашеніе, дорогой Петръ Филипповичъ, но позвольте повременить съ назначеніемъ дня: сейчасъ я очень занятъ и не могу сообразить.

Вашъ Ник. Михайловскій.

Мой привѣтъ Р. Ѳ.

№ 38.

Получено въ Удѣльной
утромъ 27 марта 1900 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, мнѣ пришло въ голову слѣдующее: стоитъ ли обрушиваться на А. Б. ? Пишу наскоро, поговоримъ при свиданіи.

Вашъ Ник. Михайловскій.

№ 39.

Получено въ началѣ
апрѣля 1900 г.

Дорогой Петръ Филипповичъ, я, долженъ покаяться, нѣсколько поторопился испортить Вамъ настроеніе. Прочитавъ Вашу статью, вижу, что мнѣ придется сдѣлать по поводу ея лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній, да сообщить Вамъ кое-что о мотивахъ моего письма.

Вашъ Ник. Михайловскій.

«Стиль—это самъ человѣкъ». И, быть можетъ, рѣдко къ кому въ большой степени примѣнимо это бюффоновское изреченіе, чѣмъ къ Н. К. Михайловскому.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ характеренъ этотъ удивительный «стиль», въ которомъ нѣтъ ни одной лишней фразы, сказанной только

для красоты. Нѣтъ даже такого невиннаго эффекта, какъ излюбленное русскими писателями многоточіе: вездѣ замѣняетъ его холодная, сухая точка... Про внѣшнюю манеру писаній Михайловможно вообще сказать то самое, что говорилъ онъ про Глѣба Успенскаго: «это художникъ-аскетъ, отвергнувшій всякую роскошь, все, не ведущее прямо къ намѣченной цѣли». У большинства людей произносимыя ими слова исчерпываютъ всю ихъ мысль; у Михайловскаго же всегда чувствуешь огромное содержаніе, на которое брошенное слово сдѣлало только намекъ... Все нужное выражено отчетливо и ярко, но вмѣстѣ - просто и коротко, и какая, однако, энергія и своеобразная красота въ этой простотѣ и краткости!

Да, красивъ и силенъ языкъ Михайловскаго. Но таковъ же былъ и весь онъ, — въ своемъ физическомъ обликѣ, въ своей страстной, богатой нѣжностью, но внѣшне-замкнутой и сдержанной душѣ, даже въ самой жизни, скудной внѣшними эффектами и событіями, но представлявшей непрерывную кипучую работу богатой мысли и благороднаго сердца.

Какъ гармонируетъ со всѣмъ этимъ и его жизненный конецъ! Нѣсколько минутъ предсмертной агоніи, свидѣтелемъ которыхъ не былъ ни одинъ людской глазъ — и отъ Михайловскаго осталось лишь его духовное наслѣдіе, его не умирающая мысль...

Прекрасенъ лежалъ онъ въ своемъ гробу, и какъ-то не вѣрилось, что это—уже смерть!

Онъ - мертвъ?! Всю жизнь будившій къ жизни?
Сквозь грохотъ бури, ночи мракъ
Свѣтившій горестной отчизнѣ,
Какъ призывающій маякъ?
Не можетъ быть! Мы здѣсь —ошибкой!
Вотъ онъ услышитъ нашъ призывъ
И встанетъ съ ясною улыбкой...

И на лицѣ усопшаго, и на обстановкѣ его похоронъ, и на всѣхъ подробностяхъ тѣхъ незабываемыхъ дней, помню, лежалъ отпечатокъ какой-то особенной, трагической красоты. На Дальнемъ Востокѣ гремѣли пушечные выстрѣлы загорѣвшейся войны; по Невскому—съ криками «ура!» и съ національными флагами— шли кучки патріотовъ, собиравшихся закидать шапками внѣшняго и внутренняго врага, а въ воздухѣ, казалось, мелькала уже грозная тѣнь истощившей терпѣніе народной Немезиды... И огромная, пятитысячная толпа, провожавшая на Волково кладбище гробъ Михайловскаго, несла въ своемъ сердцѣ, правда, горе, большое горе, но отнюдь не уныніе и, тѣмъ болѣе, не отчаяніе. Нѣтъ, это было скорѣе торжественное, даже, какъ будто, праздничное настроеніе; казалось, мы справляли какой-то большой праздникъ въ честь Михайловскаго, и самъ онъ, живой и могучій, только временно куда-то уходитъ отъ насъ, чтобы вскорѣ вернуться назадъ,—вернуться и руководить нами въ большой, трудной борьбѣ...

И сердце громко кричало: «Впередъ! Впередъ!»

П. Якубовичъ.

Изъ Англіи.

I.

Еще энциклопедисты съ поразительной убѣдительностью доказали, что книги бояться нечего. Когда люди въ религіозномъ усердіи жгутъ своихъ ближнихъ, рѣжутъ ихъ или громятъ, не книга натолкнула ихъ на эти преступленія. Когда занимается пожаръ гражданской войны; когда бездарные полководцы при встрѣчѣ съ болѣе слабымъ противникомъ теряютъ рѣшительныя сраженія; когда деспотическая страна распадается; когда, наконецъ, наблюдается явленіе, которое въ старину называлось «гибелью нравовъ»,—не книга виновата во всемъ этомъ. «Въ Голландіи были пять или шесть тысячъ брошюръ противъ Людовика XIV,—говоритъ Вольтеръ въ своемъ *Философскомъ Словарѣ,*—но ни одна изъ нихъ не была причиной потери сраженій при Бленгеймѣ, Туринѣ и Рамильи... Человѣкъ имѣетъ такое же естественное право пользоваться перомъ, какъ и языкомъ... Назовите мнѣ хоть одно государство, которое погибло отъ книги». Вольтеръ доказываетъ дальше, что защитники католицизма, пришедшіе въ ужасъ отъ *Tractatus theologico-politicus* Спинозы, восхищались, тѣмъ не менѣе, Лукреціемъ. «Если книга вамъ не нравится, — продолжаетъ Вольтеръ,—опровергайте взгляды, выраженные въ ней. Если она вамъ непріятна, не читайте ее...—О, скажете вы, книги Лютера и Кальвина погубили католическую вѣру въ половинѣ европейскихъ странъ. Почему вы не скажете также, что книги патріарха Фотія погубили ту же вѣру въ Азіи, Африкѣ, въ Греціи и въ восточной части Европы? Вы сильно ошибаетесь, когда полагаете, что вашу вѣру разрушили книги... Знайте, что фанатическій, мятежный, невѣжественный и грубый монахъ, являющійся эмиссаромъ какого-нибудь честолюбиваго, властнаго, безстыднаго интригана, можетъ потрясти цѣлую провинцію скорѣе, чѣмъ успѣютъ просвѣтить ее сто авторовъ, дѣйствующихъ по одному плану. Не *Коранъ* доставилъ успѣхъ Магомету, а Магометъ доставилъ успѣхъ Корану».

«Нѣтъ,—продолжаетъ Вольтеръ,—католицизмъ не былъ побѣжденъ книгой. Онъ былъ побѣжденъ потому, что возмутилъ всю Европу жадностью своихъ служителей, продажей индульгенцій, попраніемъ

элементарныхъ правъ людей, надъ которыми желалъ властвовать какъ надъ скотомъ». Культъ требовалъ себѣ слѣпого подчиненія. Онъ объявилъ войну разуму, свободѣ изслѣдованія, дерзновенію мысли и самъ, поэтому, создалъ противъ себя мятежъ. Паденію католицизма въ половинѣ Европы содѣйствовали не книги, а Генрихъ VIII, Елизавета, герцогъ Саксонскій, ландграфъ Гессенскій, принцъ Оранскій, Кондэ, Колиньи. «Вы боитесь книгъ, какъ нѣкоторыя мѣстечки боятся скрипокъ. Предоставьте всѣмъ читать свободно. Оставьте людей въ покоѣ, если имъ хочется плясать. И то, и другое никогда не причинитъ вреда людямъ» *).

Англичане давно уже прониклись этими взглядами. Въ дѣйствительности, Вольтеръ учился имъ въ Англіи. Мнѣ стоитъ поднять глаза на полки книжныхъ шкафовъ, чтобы увидѣть тамъ десятки книгъ, переводъ которыхъ причинилъ самыя серьезныя непріятности русскимъ издателямъ. Всѣ эти книги въ оригиналѣ или въ англійскомъ переводѣ выставлены въ витринахъ лондонскихъ книжныхъ лавокъ и находятся въ домашней библіотекѣ каждаго сколько-нибудь культурнаго англичанина. И отъ этого Англія не гибнетъ. Въ 1899 г. вышло великолѣпное изданіе сочиненій Ничше въ англійскомъ переводѣ. И въ первомъ же томѣ я нахожу «Антихристіанина», за изданіе котораго бѣднаго М. В. Пирожкова отправили теперь на два года въ тюрьму. Англійскимъ школьникамъ выдаютъ въ награду сборникъ знаменитыхъ англійскихъ памфлетовъ. И въ числѣ ихъ находится одинъ, за переводъ котораго русскій издатель поплатился бы двумя-тремя годами тюрьмы. И это въ лучшемъ случаѣ. А между тѣмъ Соединенное Королевство стоитъ прочно, несмотря на то, что «страшный» памфлетъ читаютъ 14-лѣтніе мальчики. Уже въ тѣ времена, когда въ Англіи жилъ Вольтеръ, здѣсь печатались книги, содержащія свободную критику традицій. Эта критика, кромѣ того, была облечена въ такую форму (напр., у Болингброка), что ее нельзя перевести по русски. Между тѣмъ, въ Англіи вѣра въ традицію стоитъ прочно, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ всякій намекъ на критическое отношеніе преслѣдуется,—рушится. Больше того. Элементарная справка съ исторіей показала бы, что въ этихъ странахъ *никогда* не было такого времени, когда вѣра (не обрядность) стояла бы прочно.

«Я знаю много *скучныхъ* книгъ; но я не знаю совершенно книгъ *вредныхъ*»,—говоритъ Вольтеръ. И съ этимъ положеніемъ англичане безусловно согласны; но съ удивительной непослѣдовательностью утверждаютъ, что идеи, которыя можно свободно высказать безъ вреда для другихъ въ книгѣ, пріобрѣтаютъ ядовитыя свойства, если ихъ произносить съ подмостокъ. Замѣтьте, что идеи не «ядовиты», если ихъ просто произносить съ платформы; но пріобрѣтаютъ губительныя свойства, если эти мысли облечены въ форму

*) *Voltaire*, «Oeuvres Complètes». Fom VIII (Изданіе 1875 г.), стр. 16—17.

діалоговъ. Для газетъ, брошюръ, книгъ, для рѣчей—въ Англіи нѣтъ никакой цензуры. Можно говорить и печатать такія вещи, которыя на континентѣ показались бы призывомъ къ мятежу. Можно *печатать* тѣ же идеи, облеченныя въ форму діалоговъ, но для постановки пьесы въ театрѣ требуется патентъ отъ лорда оберъ-гофмейстера, а этотъ патентъ получается послѣ того, какъ «чтецъ короля», т. е. цензоръ, одобритъ пьесу. Непослѣдовательность увеличивается еще тѣмъ, что въ Англіи есть безчисленное множество особыхъ театровъ (music-halls), которые всѣ теперь ставятъ коротенькія пьесы. Для этихъ вещей цензорское разрѣшеніе не требуется.

Въ своей шуточной поэмѣ Пушкинъ подобралъ очень непочтительную риѳму къ слову «цензура». Повидимому, риѳма эта примѣнима къ контролерамъ мысли вообще. Теоретически предполагается, что «чтецъ короля» не долженъ пускать на сцену пьесы въ томъ случаѣ, если въ нихъ содержатся: 1) «личности», 2) грубое кощунство или 3) порнографія. Дальше я познакомлю читателей съ тремя пьесами, въ каждой изъ которыхъ цензоръ усмотрѣлъ одну изъ приведенныхъ выше причинъ для запрещенія. Покуда скажу только, что дѣйствія «чтеца короля» привели въ недоумѣніе зрителей и въ ярость драматическихъ писателей. Они заявили, что цензоръ своими подвигами губитъ англійскій театръ и обрекаетъ его на бездарность. Послѣ того, какъ «чтецъ короля» запретилъ къ постановкѣ пьесы, содержаніе которыхъ дальше, въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ. Результатомъ явилось назначеніе смѣшанной коммиссіи изъ представителей обѣихъ палатъ подъ предсѣдательствомъ члена кабинета Герберта Сэмюеля для изслѣдованія вопроса о вліяніи центральной цензуры. Передъ коммиссіей дали показанія, съ одной стороны, драматическіе писатели и критики, а съ другой—антрепенеры и актеры. Намѣтились два взгляда. Писатели доказывали безсмысленность театральной цензуры, отличившейся тѣмъ, что запретила къ постановкѣ Ибсена (*Привидѣнія*), Метерлинка (*Монна Ванна*) и Бріе, не считая цѣлаго ряда произведеній англійскихъ авторовъ. Цензоръ наложилъ свое запрещеніе на «Эдипа», такъ какъ въ трагедіи Софокла усмотрѣлъ покушеніе на нравственность зрителей. Въ то же время «чтецъ короля», охраняющій такъ бдительно нравственность публики, разрѣшаетъ къ постановкѣ «Даму отъ Максима» и цѣлый рядъ произведеній подобнаго рода. Въ Лондонѣ есть даже спеціальный театръ для богатыхъ старыхъ павіановъ и молодыхъ козловъ. «Привидѣнія» Ибсена разрушаютъ, по мнѣнію цензора, семью, а «Дама отъ Максима» и цѣлый рядъ «музыкальныхъ комедій», въ которыхъ существенной частью туалета танцовщицъ являются подвязки,—укрѣпляютъ. Если современный англійскій театръ, — показывали писатели, представляетъ такой жалкій видъ; если пьесы поражаютъ наблюдателей съ континента

своею бездарностью и шаблонностью, то въ этомъ виноватъ въ значительной степени «чтецъ короля».

Приведу нѣсколько выдержекъ изъ показаній, пользуясь стенографическими отчетами.—Театральная цензура,—говоритъ Барри, о пьесѣ котораго *Waste* дальше,—имѣла гибельное вліяніе на англійскую драму. Цензура превратила ее въ нѣчто ребяческое и препятствуетъ драмѣ занять то мѣсто, которое она должна имѣть въ жизни. Театральный цензоръ—божье наказаніе для сколько-нибудь оригинальныхъ писателей. Отстаивая цензуру, защитники ея думаютъ не объ интересахъ драмы. Они полагаютъ почему-то, что упраздненіе цензора будетъ невыгодно для публики. Въ сущности, если цензоръ оказываетъ кому-нибудь услугу своимъ существованіемъ, то развѣ лишь антрепренеру, но не зрителямъ. Чѣмъ искреннѣе и жизненнѣе драматическое произведеніе, тѣмъ лучше для публики. Драма тогда можетъ прогрессировать, когда авторъ имѣетъ возможность высказываться вполнѣ, считаясь только съ тѣмъ, что онъ находитъ истиннымъ, а не со взглядами цензора на истину. Теперь имѣютъ шансъ попасть на сцену *только* такія произведенія, которыя развиваютъ традиціонные взгляды. Есть авторы, считающіе традиціонные взгляды ложными и желающіе показать это въ своихъ произведеніяхъ. Но цензоръ относится крайне подозрительно ко всему тому, что не освящено обычаемъ.

— Такъ вы полагаете, что драматическому писателю должна быть дана возможность высказаться безпрепятственно?—спросилъ предсѣдатель.

— Конечно. Есть писатели, желающіе высказать самыя серьезныя мысли въ драматической формѣ. Быть можетъ, эти писатели ошибаются; но вѣдь они убѣждены, что ихъ мысли—глубокая, только что открытая истина. Нельзя говорить, что такіе писатели, пробующіе новые пути, желаютъ заработать много на сенсаціи. Чтобы заработать много, надо идти избитымъ путемъ. Драматургъ новаторъ, высказывая то, что считаетъ истиной, поступается собственными интересами, такъ какъ обращается лишь къ немногимъ избраннымъ.

— Цензора нельзя терпѣть больше ни въ коемъ случаѣ,—показалъ извѣстный театральный критикъ Кортней.—Пьесы, назначенныя для постановки на сцену, не должны разсматриваться никакой цензурой. Если мы хотимъ, чтобы англійская драма ожила и развилась, надо предоставить ей полную свободу подходить къ самымъ жгучимъ и щекотливымъ вопросамъ, до отношенія половъ включительно.

Отъ имени союза драматическихъ писателей Сесиль Ралей просилъ уничтожить совершенно театральную цензуру. Если авторъ поставитъ порнографическую пьесу, его можно привлечь къ суду.—Въ дѣйствительности,—сказалъ Сесиль Ралей,—порнографическія пьесы имѣютъ теперь больше всего шансовъ получить

цензорское благословеніе. Доказательствомъ являются «Дама отъ Максима», «Spring Chicken» и «Giddy Goat». Послѣднія двѣ оперетки продержались въ «Gaiety Theater» по нѣсколько сезоновъ.

Еще болѣе рѣшительны показанія Бернарда Шоу.

— Повидимому, вы желаете отмѣны театральной цензуры, исходя изъ общихъ соображеній о нуждахъ театра,—сказалъ предсѣдатель.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Бернардъ Шоу,—я противъ цензора потому, что питаю отвращеніе къ анархизму. Театральный цензоръ—анархистъ.—Бернардъ Шоу дальше сказалъ, что онъ страстный поклонникъ свободы слова, свободы печати и свободы совѣсти. Цензоръ покушается на эти основныя права, руководствуясь при этомъ только своимъ произволомъ. Достаточно предоставить общимъ закономъ, дѣйствующимъ въ Англіи, контроль надъ театральными пьесами.

— Думаете ли вы, что можно реформировать цензуру?—спросилъ предсѣдатель.

— Цензуру необходимо уничтожить совершенно,—отвѣтилъ Бернардъ Шоу.—Реформа ея только ухудшитъ положеніе драматическихъ писателей. Въ настоящее время масса безнравственныхъ въ ходячемъ смыслѣ слова пьесъ попала на сцену и исполняется постоянно, потому что цензоръ не компетентенъ въ моральныхъ вопросахъ и не умѣетъ отличить дѣйствительно нравственное произведеніе отъ безнравственнаго.

У Бернарда Шоу, впрочемъ, есть еще и свое представленіе о нравственномъ и безнравственномъ, точнѣе — о «сверхъ-безнравственномъ». Понятіе это не такъ страшно, какъ звучитъ. Подъ сверхъ-безнравственными пьесами Бернардъ Шоу понимаетъ такія, въ которыхъ вопросы трактуются не шаблонно.—Только такія пьесы и стоитъ писать,—продолжаетъ драматургъ. — Есть просто безнравственные писатели и добросовѣстно-безнравственные.—Себя Бернардъ Шоу причисляетъ ко второй категоріи. Талантливый писатель дальше указалъ, что слова «нравственный», «безнравственный» нигдѣ не употребляются въ Библіи. Въ пьесахъ Шекспира ихъ тоже нѣтъ. Если бы кто употребилъ въ серединѣ прошлаго вѣка слова эти въ смыслѣ «хорошій», «дурной», его заподозрили бы въ раціонализмѣ и атеизмѣ»... Какъ же, однако, долженъ общій законъ контролировать пьесы?—Хотите ли вы сказать, что надо преслѣдовать произведенія, которыя всѣмъ покажутся безнравственными?—спросилъ Гербертъ Сэмюэль у Бернарда Шоу.

— Нѣтъ такихъ вещей, которыя все человѣчество нашло бы одинаково грубо безнравственными,—отвѣтилъ драматургъ.

— Вы знаете,—сказалъ предсѣдатель,—что пьесы, поставленныя въ нѣкоторыхъ странахъ, побуждаютъ къ половой безнравственности.

— Я знаю также, что многія произведенія, ставящіяся теперь въ Англіи съ цензорскаго благословенія, имѣютъ единственной

своею цѣлью возбужденіе полового инстинкта,—отвѣтилъ Бернардъ Шоу. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ своихъ онъ объяснилъ, что пьеса должна быть запрещена судомъ, если нарушаетъ одинъ изъ основныхъ законовъ о свободѣ слова въ Англіи. Въ этомъ отношеніи одинаковый законъ долженъ быть, какъ для митинговъ, такъ и для театровъ.

— Ну, а если пьеса посягаетъ на религіозныя воззрѣнія большинства? Должно ли ее запретить тогда?—спросилъ председатель.

— Ни въ коемъ случаѣ!—послѣдовалъ отвѣтъ.—Надо предоставить публикѣ самой разобраться.

— Ну, а если существуетъ пьеса, постановка которой можетъ вызвать серьезные безпорядки? Должна ли она тогда, по вашему мнѣнію, быть разрѣшена?

— Тотъ же вопросъ можно было бы примѣнить и къ политическимъ митингамъ,—отвѣтилъ Бернардъ Шоу.—Несомнѣнно, нѣкоторые митинги ведутъ къ безпорядкамъ (какъ это было во время войны), но никому въ Англіи не приходитъ въ голову назначить цензора для митинговъ.

Итакъ, мы видимъ, что драматическіе писатели и театральные критики не находятъ достаточно сильныхъ словъ для осужденія цензуры; они изображаютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ гибельное вліяніе цензора на развитіе англійской драмы. Діаметрально противоположные взгляды высказываютъ антрепренеры и актеры. Англійскій театръ, какъ капиталистическое предпріятіе, старается угадать вкусы толпы и приспособиться къ нимъ. Если толпа охвачена джингоизмомъ, антрепренеры ставятъ пьесы съ барабаннымъ боемъ, маршировками и проч. Въ обычное время мы видимъ на сценѣ добродѣтельныхъ священниковъ, сочетающихъ бракомъ въ послѣднемъ актѣ вѣрныхъ любовниковъ, которыхъ въ первыхъ трехъ актахъ преслѣдовалъ злодѣй (непремѣнно рыжій) и дѣвица съ душою черною, какъ ея кудри. Это—пьеса для массъ. Для среднихъ классовъ театръ предлагаетъ «музыкальныя комедіи» съ комиками, отплясывающими джигъ и поющими куплеты, въ которыхъ высмѣиваются радикалы,—«музыкальныя комедіи» съ дѣвицами, выкидывающими высоко ноги. Пьеса, угадавшая вкусы средней публики—клондайкскій пріискъ для антрепренера и актеровъ. Такую пьесу чтецъ короля благословляетъ обѣими руками. И надо ли удивляться, что антрепренеры и актеры восхваляютъ театральнаго цензора? Они утверждаютъ, что за нимъ они, какъ за каменной стѣной.

Послѣднее обстоятельство требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Есть въ Англіи крайніе блюстители нравственности, усматривающіе Содомъ и Гомору рѣшительно всюду. Они желали бы начать преслѣдованіе противъ каждаго художника или ваятеля, изображающихъ голое тѣло. Эти крайніе пуритане, будь это въ ихъ власти,

выбросили бы изъ національныхъ галлерей всѣхъ этихъ скандальныхъ Аполлоновъ и безстыдныхъ Венеръ, или во всякомъ случаѣ надѣли бы на нихъ панталоны и юбки. Крайніе пуритане составили лигу блюстителей общественной нравственности, слѣдящую за music halls, надъ которыми цензоръ безсиленъ, и высматривающую соблазнъ.

Каждый годъ по закону антрепренеры music halls должны возобновлять свое разрѣшеніе (licence), выдаваемое мѣстнымъ муниципалитетомъ. И тогда каждый плательщикъ налоговъ въ данномъ округѣ можетъ явиться въ ратушу и высказать причину, почему, по его мнѣнію, licence не должно быть выдано. Это и дѣлаетъ лига блюстителей общественной нравственности. Любители сочныхъ жанровыхъ картинъ непремѣнно должны заглянуть въ ратушу, когда выступаютъ съ своими обличеніями прокиспія въ цѣломудріи старыя дѣвы и пожилые джентельмэны съ набожными лицами, на которыхъ застыла скорбь по гибнущему въ развратѣ человѣчеству.

Одинъ членъ лиги, справившись съ записной книжкой, заявляетъ, что «licence» не можетъ быть выдано.

— Почему?—спрашиваетъ мэръ.

— Когда я былъ въ music hall'ѣ, тамъ актеръ пѣлъ пѣсню, въ которой говорится про голый сукъ. Это неприлично.

Мэръ проситъ объяснить, что неприличнаго находитъ обличитель въ «голомъ сукѣ».

Членъ лиги молчитъ и сосредоточенно жуетъ губами. Наконецъ, онъ справляется съ записной книжкой и заявляетъ, что у него имѣются еще возраженія. Въ началѣ года онъ побывалъ въ Парижѣ и заглянулъ тамъ въ «Мàулинъ рáуджъ» (Moulin Rouge). Онъ хотѣлъ своими глазами убѣдиться, насколько низко палъ современный Вавилонъ. И вотъ тамъ, на сценѣ, онъ видѣлъ прелюбодѣйку, которая выдѣлывала ногами безстыдные жесты. То же самое продѣлывалось потомъ въ music hall'ѣ. Надо охранить населеніе отъ паденія. Надо, поэтому, отказать владѣльцу music hall'а въ выдачѣ разрѣшенія. Выступаетъ суровая, пожилая дѣвица въ черномъ. Губы у ней такъ плотно поджаты, что ротъ напоминаетъ слабый надрѣзъ по кожѣ. Въ одной рукѣ у черной дамы—черный ридикюль изъ вороненой стали, въ другой—черная записная книжка. Разрѣшеніе ни въ коемъ случаѣ не должно быть возобновлено,—начинаетъ дама. Въ music hall'ѣ ставится коротенькая пьеска, такъ называемая, «эскизъ». И вотъ въ этомъ эскизѣ, когда поднимается занавѣсъ, видна декорація, изображающая коридоръ гостиницы. У дверей номера стоятъ двѣ пары башмаковъ: мужская и женская. По ходу пьесы видно, что мужчина и женщина, выставившіе свои башмаки, не мужъ и жена. Это—соблазнъ. Черная дама справляется съ записной книжкой и приводитъ еще одно возраженіе. Въ music hall'ѣ актеръ пѣлъ куп-

леты. И въ каждомъ изъ нихъ упоминается другая дѣвушка, съ которой авторъ цѣловался. Это развратъ и вводитъ въ соблазнъ.

Надо прибавить, что за все время моего пребыванія въ Англіи лига блюстителей общественной нравственности не выставила ни одного дѣйствительно серьезнаго обвиненія противъ music halls, а потому разрѣшеніе всегда возобновляется. Въ провинціи «соблазнъ» усматривался въ появленіи босоногой танцовщицы, въ поцѣлуяхъ на сценѣ, въ живыхъ картинахъ. Театральные антрепренеры не боятся «лиги», такъ какъ представленіе пьесы гарантировано патентомъ, выданнымъ лордомъ оберъ-гофмейстеромъ. Антрепренеры страшатся, что уничтоженіе цензуры сдѣлаетъ лигу блюстительницей нравственности въ театрахъ. И актеры, и антрепренеры отстаивали грудью цензора передъ коммиссіей. Самый серьезный актеръ и антрепренеръ въ Англіи—Бирбомъ Три (съ этого года—сэръ Гербертъ Бирбомъ Три) заявляетъ передъ коммиссіей: «Театральная цензура безусловно необходима. Она является гарантіей для антрепренера, дающей ему возможность смѣло затратить большой капиталъ на постановку новой пьесы. Имѣя въ карманѣ патентъ, выданный на основаніи цензурнаго одобренія, антрепренеру нечего страшиться, что судъ потребуетъ снятія пьесы. По мнѣнію Бирбома Три, цензоръ необходимъ также для того, чтобы на сцену не попадали «безстыдныя» пьесы.

— Неужели опасеніе быть привлеченными къ суду за постановку безнравственной пьесы не остановитъ антрепренеровъ, если цензура будетъ уничтожена?—спросилъ предсѣдатель. Бирбомъ Три отвѣтилъ отрицательно и тутъ же прибавилъ, что въ случаѣ отмѣны театральной цензуры въ провинціальныхъ газетахъ каждый разъ послѣ постановки новой пьесы появлялись бы статьи, озаглавленныя: «Безнравственная, безстыдная драма. Возмутительныя подробности!» И каждый разъ провинціальные магистраты тянули бы антрепренера къ суду. Любопытно, что именно Бирбомъ Три желалъ поставить въ своемъ театрѣ «Эдипа», «L'Enigme» и «Монну Ванну», но былъ остановленъ цензорскимъ запрещеніемъ. Пьеса Бернарда Шоу «Blanko Posnet», о которой дальше, тоже должна была пойти въ театрѣ Бирбома Три. Цензоръ запретилъ пьесу. Какъ показалъ антрепренеръ передъ коммиссіей, «онъ вполнѣ одобряетъ дѣйствіе чтеца короля».

Другой видный антрепренеръ и актеръ, Джорджъ Александръ, находитъ, что театральная цензура крайне полезна и имѣетъ громадныя достоинства. Актеры и антрепренеры не только радикально разошлись съ драматическими писателями и критиками во взглядѣ на театральную цензуру, но напали еще на осуждающихъ ее. И въ этомъ отношеніи наиболѣе развитые актеры оказались единомышленниками скомороховъ, являющихся раболѣпными лакеями титулованныхъ консерваторовъ. «Намъ не разрѣшаютъ къ постановкѣ пьесы Бернарда Шоу, Ибсена или Бріе. Что же! На

нихъ свѣтъ клиномъ не сошелся. Чтецъ короля одобряетъ за то десятки другихъ пьесъ, дающихъ великолѣпные сборы. Патентъ, кромѣ того, даетъ намъ извѣстныя привилегіи. Если цензора не будетъ, то явятся антрепренеры, которые пойдутъ на рискъ и начнутъ ставить «запрещенныя» пьесы. Публика повалитъ въ эти театры. Что же будетъ съ нами, которые боятся рисковать?» Такъ можно формулировать показанія, которыя далъ передъ коммиссіей цѣлый рядъ актеровъ и антрепренеровъ. Ихъ интересовало, главнымъ образомъ, слѣдующее. *Music halls* сперва давали только куплетистовъ, пѣвцовъ, акробатовъ и клоуновъ; но теперь они «захватнымъ правомъ» ставятъ коротенькіе драматическіе эскизы, конкурируя съ театрами. Для антрепренеровъ театральныхъ это захватное право тѣмъ болѣе убыточно, что для music halls нѣтъ цензуры. И вотъ актеры и антрепренеры выразили пожеланіе, чтобы мюзикъ-холламъ или совершенно запретили ставить эскизы, или же подчинили эти пьески тоже цензурѣ. Надо знать, что «предосудительнаго» въ пьескахъ нѣтъ ничего. Это своего родъ «либиховскій экстрактъ» изъ драмъ, комедій и водевилей. Такимъ образомъ, не забота объ общественной нравственности руководила актерами и антрепренерами.

II.

Познакомимся теперь съ пьесами, приведшими въ смущеніе добродѣтельнаго «чтеца короля». Двѣ изъ нихъ принадлежатъ Бернарду Шоу. Въ предисловіи къ первому тому своихъ сочиненій *) талантливый драматургъ разсказываетъ, какъ публика вначалѣ относилась къ нему крайне враждебно за то, что онъ надѣленъ «нормальнымъ зрѣніемъ». «Знакомый окулистъ, когда-то освидѣтельствовавшій мои глаза,—говоритъ Б. Шоу, — сказалъ, что они у меня вполнѣ нормальные. Я, конечно, понялъ такъ, что у меня зрѣніе, какъ у всѣхъ людей; но окулистъ опровергъ мое заключеніе, какъ парадоксальное. Нормальными глазами, т. е. способностью видѣть правильно, надѣлены, оказывается, не болѣе 10°/o современнаго человѣчества. У остальныхъ 90°/o зрѣніе ненормально. И я тотчасъ же понялъ причину моего неуспѣха въ литературѣ. Мое умственное зрѣніе, какъ и физическое,—«нормально»: я вижу вещи иначе, чѣмъ большинство людей, и вижу при томъ правильно». Вслѣдствіе этого «нормальнаго» зрѣнія Бернардъ Шоу, подобно поэту въ «Goetterdaemmerung» Гейне, видитъ только

«Fratzenbilder nur und sieche Schatten»

тамъ, гдѣ люди съ «ненормальными» глазами усматриваютъ прекрасное и возвышенное. Въ рядѣ пьесъ, которыя самъ авторъ на-

*) Plays: Pleasant and Unpleasant, vol. I.

зываетъ «непріятными», онъ показываетъ, что скрывается за чувствомъ «долга», за родительской любовью, религіей, ходячимъ патріотизмомъ и пр. Вмѣстѣ съ Гейне Бернардъ-Шоу могъ бы воскликнуть: «Въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы желаній страстныхъ трепетъ вижу я; на вдохновенно-гордой головѣ у юноши колпакъ дурацкій вижу». Когда-то это «нормальное зрѣніе» Бернарда Шоу приводило въ бѣшенство публику, какъ свидѣтельствуетъ первая постановка пьесы «Mrs Warren's Profession»; но затѣмъ публика полюбила Шоу. Теперь въ каждой новой пьесѣ его, какова бы она ни была, восторжденные поклонники будутъ усматривать глубокій сокровенный смыслъ и заранѣе станутъ смѣяться парадоксамъ, принимая на вѣру, что они остроумны. Доказательствомъ является пьеса «Press Cuttings» *(Газетныя вырѣзки)*, запрещенная къ постановкѣ, повидимому, за «личности». Такъ какъ авторъ очень талантливъ, очень остроуменъ и находится въ расцвѣтѣ лѣтъ, то абсолютно неудачную вещь ему очень трудно написать. Тѣмъ болѣе, что Бернардъ Шоу долго обрабатываетъ свои произведенія и не швыряетъ ихъ на рынокъ одно за другимъ. «Въ Газетныхъ вырѣзкахъ» есть сверкающіе діалоги, есть остроумныя карикатуры; но въ общемъ пьеса не можетъ быть поставлена въ активъ автору «Man and Superman». Передъ нами цѣлая коллекція карикатуръ. Авторъ, какъ бы боясь, что читатели или зрители не узнаютъ противъ кого направлены насмѣшки, надѣлилъ своихъ героевъ совершенно прозрачными именами: тутъ первый министръ *Балскитъ*, главнокомандующій войсками *Митченеръ*, предводительница суффражистокъ, храбрая молодая и красивая *Беллакристина*, свирѣпый вождь антисуффражистокъ, воинственная дама *Бэнджеръ* и пр. Дѣйствіе происходитъ въ 1912 г., черезъ годъ послѣ того, какъ палата общинъ приняла законъ о всеобщей воинской повинности. Въ пьесахъ Бернарда Шоу вообще «фабула» слабо развита. Въ фарсѣ, испугавшемъ цензора, содержанія, собственно говоря, нѣтъ. Суффражистки или суффражетки, какъ ихъ называетъ Бернардъ Шоу, держатъ въ такомъ страхѣ правительство, что парламентъ ввелъ положеніе о чрезвычайной охранѣ и назначилъ диктаторомъ генерала Сэндстона, онъ же Old Red (кличка фельдмаршала лорда Робертса). До того парламентъ, какъ я сказалъ, въ припадкѣ страха передъ Германіей принялъ законъ о конскрипціи. Новая мѣра плохо гармонируетъ съ нравами англичанъ и съ необходимостью министерства считаться съ избирателями. Конскрипція сейчасъ же повела къ тому, что офицеры, бывшіе прежде незамѣтными членами общества, пожелали показать свое превосходство передъ «штатскими». Остроуміе Бернарда Шоу въ этой сценѣ довольно примитивно.

«Вспомните невоспитаннаго щенка Чебсъ-Дженкинсона, молодого поручика, единственнаго сына «содоваго короля»,—коритъ первый министръ Балскитъ генерала Митченера.—Онъ приказалъ

рекруту, исполняющему должность священника, лизать сапоги. Когда викарій ударилъ за это поручика, вы приговорили рекрута сперва къ разстрѣлу, а потомъ въ видѣ милости замѣнили смерть наказаніемъ розгами. Ну, теперь оказалось, что у викарія-новобранца отличныя связи (*Митченеръ потрясенъ. Падаетъ въ кресло и закрываетъ лицо руками*). У него три тетки пэресы. Одна изъ нихъ—лэди Ричмондъ (*Митченеръ стонетъ*). И всѣ тетки обожаютъ своего племянника. И вотъ теперь всѣ офицеры, служащіе въ одномъ полку съ Чебсомъ, получили отказъ отъ шести дамъ, устроившихъ garden parties, и отъ четырнадцати дамъ, дающихъ балы. Всѣ онѣ раньше пригласили уже было офицеровъ (*Митченеръ пытается застрѣлиться. Балскитъ отнимаетъ пистолетъ*). Нѣтъ, Митченеръ, страна нуждается еще въ вашихъ услугахъ.

Митченеръ (*покорно*). Но что за проклятый дуракъ этотъ Чебсъ-Дженкинсонъ! Онъ долженъ былъ знать, кто лучше его поставленъ въ обществѣ! Почему онъ не зналъ? Его обязанность знать. Его слѣдуетъ выпороть!

Или вотъ, какъ реагируетъ на всеобщую воинскую повинность денщикъ. Онъ горько жалуется генералу на то, что «опозоренъ» въ ихъ семьѣ Паркинсоновъ изъ Стейни *) никогда не было раньше «солдата». «Никто не зналъ, что вы доведете до такого стыда честныхъ людей. Можно ли дѣлать посмѣшище изъ англичанина?

Митченеръ. Молчать! Слушай! Оборотъ направо. Маршъ!

Денщикъ (*со слезами*). И это кричатъ мнѣ, собственной рукой брившему ольдермэна въ Сити!

Митченеръ. Трусъ! Плакса! Ты опозоришь только свою родину на полѣ битвы!

Денщикъ. Я протестую не противъ сраженія, а противъ солдатчины. Дайте мнѣ сюда нѣмца. Покажите мнѣ его и увидите, побѣгу ли я къ нему или отъ него. Но я не хочу тратить время, какъ теперь. Не хочу торчать въ будкѣ на улицѣ, чтобы всѣ на меня пялили глаза. Не хочу, чтобы мнѣ кричали: «Оборотъ направо, маршъ! Тутъ нѣтъ защиты родины!».

Возвратимся, однако, къ содержанію фарса. Генералъ Митченеръ дежуритъ въ военномъ министерствѣ. Съ улицы раздаются постоянно крики: «Votes for Women!» Денщикъ докладываетъ генералу, что суффражистка приковала себя къ дверямъ. Даму вводятъ по приказу генерала. Къ великому смущенію его, она снимаетъ жакетку, а затѣмъ юбку, подъ которой видны модные мужскіе панталоны. «Стойте, сударыня!—кричитъ генералъ.—Протестую противъ того, чтобы вы раздѣвались въ моемъ присутствіи.

Суффражистка. Милый мой Митченеръ, я—первый ми-

---

*) Кварталъ въ восточномъ Лондонѣ.

нистръ (*Снимаетъ шляпку и накидку, бросаетъ ихъ на конторку и оказывается въ обыкновенномъ костюмѣ перваго министра*).

Митченеръ. Боже мой! Балскитъ!

Балскитъ (*бросается въ кресло*). Да, это я. Дошло уже до того, что англійскій премьеръ, чтобы добраться изъ своей квартиры на Downing street до вашего министерства, долженъ переодѣться суффражисткой, кричать «Votes for Women!» и приковывать себя къ дверямъ. Отрядъ суффражистокъ караулилъ тамъ на углу. Онѣ апплодировали мнѣ.

Митченеръ. Почему вы не телефонировали?

Балскитъ. Онѣ завладѣли телефонами. Тамъ сидятъ или ихъ единомышленницы, или ихъ молодые люди.—Балскитъ пришелъ объявить потрясающую новость: диктаторъ генералъ Сэндетонъ подалъ въ отставку послѣ того, какъ министерство отказалось принять его планъ защиты парламента. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы оцѣпить Вестминстерскій дворецъ живымъ кольцомъ, діаметромъ въ двѣ мили. Цѣпь эта должна служить своего рода чертой осѣдлости для всѣхъ женщинъ. Митченеръ въ восторгѣ отъ этого плана, который называетъ послѣднимъ словомъ стратегіи. «Я вамъ это сейчасъ объясню»,—говоритъ генералъ.—«Суффражистокъ всѣхъ очень мало; но все же достаточно, чтобы причинить много хлопотъ. Когда же онѣ всѣ сконцентрированы въ одномъ мѣстѣ, — напр., на площади и передъ парламентомъ,—то могутъ представлять даже опасность. При цѣпи, діаметромъ въ двѣ мили, вы заставляете суффражистокъ аттаковать линію въ двѣнадцать миль. То же самое сдѣлалъ когда-то Веллингтонъ». Премьеръ отвѣчаетъ, что планъ, быть можетъ, и хорошъ, но бѣда та, что суффражистки не пожелаютъ удалиться за линію. У Митченера, какъ у военнаго, рѣшительный отвѣтъ готовъ немедленно: «Если женщины не пожелаютъ удалиться, въ нихъ надо стрѣлять.

Балскитъ. Вы это серьезно?

Митченеръ. Конечно.

Балскитъ. Полноте. Въ нихъ нельзя стрѣлять. Онѣ—все-же женщины.

Митченеръ (*конфиденціально*). А почему нельзя? Быть можетъ, васъ, штатскихъ, это нѣсколько смущаетъ; но я скажу вамъ: если прицѣлиться хорошенько въ женщину и выстрѣлить, то она упадетъ такъ же, какъ и мужчина.

Балскитъ. Но предположимъ, что ваши собственныя дочери, Элленъ и Джорджайна, будутъ тамъ?

Митченеръ. Моимъ дочерямъ и въ голову не придетъ ослушаться приказа (*подумавъ*). Во всякомъ случаѣ Элленъ не сдѣлаетъ этого.

Балскитъ. А Джорджайна?

Митченеръ. Джорджайна поступитъ наперекоръ всякому приказу. Слушайте, Балскитъ. Въ концѣ концовъ военный способъ

расправы—самый гуманный. Вы отправляете женщинъ въ Голоуэйскую тюрьму, гдѣ морите ихъ медленно. Средство это не помогаетъ: изъ тюрьмы суффражистки выходятъ еще болѣе революціонно настроенными, чѣмъ раньше. Пристрѣлить быстро и гуманно нѣкоторыхъ: сразу прекратятся какъ сопротивленія, такъ и страданія, являющіяся послѣдствіемъ сопротивленія.

Балскитъ. Но что скажетъ общественное мнѣніе?

Митченеръ (*шагаетъ по комнатѣ и отрубаетъ*). Общественнаго мнѣнія не существуетъ.

Балскитъ. Будто бы?

Митченеръ. Ничего подобнаго. Существуютъ лишь извѣстныя лица, держащіяся извѣстныхъ мнѣній. Пристрѣлить этихъ людей. Когда вы имъ влѣпите пули, не будетъ больше лицъ, держащихся нежелательныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ. нѣтъ общественнаго мнѣнія, котораго вы могли бы бояться. Поймите это хорошенько, Балскитъ, и вы въ совершенствѣ овладѣете секретомъ, какъ управлять людьми. Общественное мнѣніе, это — духъ. Духъ неотдѣлимъ отъ матеріи. Застрѣлить матерію, и вы убьете духъ.

Балскитъ. Да. Хорошо говорить это вамъ или Old Red. Ваши мѣста не зависятъ отъ голосованія избирателей. Какъ вы думаете, что произойдетъ на ближайшихъ выборахъ, если мы послѣдуемъ вашему примѣру?

Митченеръ. Не надо ближайшихъ выборовъ. Внесите немедленно билль, отмѣняющій всѣ законы и реформы и ввѣряющій правленіе спеціально подготовленному совѣту министровъ, отвѣтственному только передъ генералъ-губернаторомъ. Въ Индіи такой совѣтъ существуетъ. Если будутъ возраженія, разстрѣляйте всѣхъ протестантовъ... Парламентъ долженъ самъ себя уничтожить. Англійскіе коммонеры также подадутъ голосъ за уничтоженіе Нижней палаты, если пустить въ ходъ надлежащія средства.

Балскитъ. Потребуются колоссальныя суммы.

Митченеръ. Зачѣмъ же деньги? Подкупите коммонеровъ титулами.

Балскитъ. И вы думаете, мы посмѣемъ сдѣлать это?

Митченеръ (*презрительно передразниваетъ*). Посмѣемъ! Посмѣемъ! Въ жизни надо всегда дерзать!—Діалогъ прерывается доносящимся съ улицы крикомъ: «Votes for Women» и выстрѣломъ. Митченеръ строитъ догадки, что это, вѣроятно, часовой застрѣлилъ суффражистку, не исполнившую приказа. Балскитъ смущенъ. Онъ уже предвидитъ яростныя обличенія со всѣхъ сторонъ. Денщикъ заявляетъ, что это суффражистка выстрѣлила въ часоваго и не попала. Балскитъ вздыхаетъ облегченно.

Митченеръ (*съ негодованіемъ*). Штатскій стрѣлялъ въ солдата на посту, а первый министръ радуется! Или у васъ нѣтъ уваженія къ чужой жизни?

Балскитъ (*спокойно*). Во-первыхъ, солдатъ всегда имѣетъ шансы, что въ него будутъ стрѣлять. Во-вторыхъ, солдаты не имѣютъ избирательнаго голоса.

Митченеръ. У суффражистокъ тоже нѣтъ его.

Балскитъ. Да, но ихъ мужья голосуютъ (*Обращается къ денщику*). Она убила его?

Денщикъ. Нѣтъ, сэръ, суффражистка опалила солдату только штаны. Онъ разсердился нѣсколько, поставилъ ружье и дернулъ ее за волосы. Суффражистка тогда ему крикнула, что онъ не джентльмэнъ. Мы ее потомъ отпустили, полагая, что она получила свое.

Генералъ въ отчаяніи: солдатъ деретъ за волосы, какъ штатскій, тогда какъ ему надлежитъ стрѣлять! Премьеръ предлагаетъ генералу диктатуру. Митченеръ соглашается на томъ условіи, если поведена будетъ кампанія противъ демократіи. Теперь, когда введена въ Англіи всеобщая воинская повинность, когда въ распоряженіи правительства громадная армія,—объясняетъ Митченеръ,—можно осуществить «реформы», о которыхъ раньше не смѣли думать. Необходимо прежде всего отнять у массъ право подавать голосъ на выборахъ. Судьба страны должна находиться въ рукахъ только богатыхъ и сильныхъ. «Надо отнять право голоса у толпы, а если она вздумаетъ протестовать, то должно стрѣлять!»

Въ военное министерство врываются двѣ воинственныя дамы. Это — не суффражистки, а вожди лиги противъ женскихъ правъ. Одна изъ нихъ, mrs Бэнджеръ—мечтаетъ объ отрядѣ амазонокъ, другая—изящная, свѣтская лэди Коринѳія. Обѣ онѣ въ сущности за господство женщинъ, хотя возстаютъ противъ суффражистокъ.

Бэнджеръ. Мы пришли заявить вамъ напрямикъ, что анти-суффражистки рвутся въ бой.

Матченеръ (*галантно*). Пожалуйста, mrs Бэнджеръ, предоставьте это мужчинамъ.

Лэди Коринѳія. Мы больше не довѣряемъ мужчинамъ.

Mrs Бэнджеръ. Мужчины не проявили ни силы, ни смѣлости, ни рѣшительности, необходимыхъ для борьбы съ такими женщинами, какъ суффражистки.

Лэди Коринѳія. И вотъ теперь анти-суффражистки рѣшили сами сдѣлать выступленіе.

Mrs Бэнджеръ. Мы израсходовали большія деньги на вооруженіе и не хотимъ, чтобы онѣ пропали вслѣдствіе нерѣшительности кабинета, состоящаго изъ мужчинъ». «Женщина нуждается теперь только въ правѣ отбывать воинскую повинность, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ m-rs Бэнжери.—Дайте мнѣ полкъ женщинъ на хорошихъ лошадяхъ. Вооружите моихъ амазонокъ саблями и пустите на полкъ мужчинъ, вооруженныхъ правомъ голосовать. Посмотрите, какая сторона уступитъ! Довольно съ насъ нѣжныхъ существъ, которыя подвергаются въ полицейскихъ судахъ

министровъ перекрестному допросу, идутъ въ тюрьму, какъ овцы, страдаютъ и жертвуютъ собою! Вопросъ долженъ быть разрѣшенъ при помощи крови и желѣза, какъ совершенно вѣрно сказалъ Бисмаркъ, который былъ, на что у меня имѣются вѣскія данныя, переодѣтая женщина.

Митченеръ. Бисмаркъ—женщина?

Mrs Бэнджеръ (*увѣренно*). Всѣ дѣйствительно сильные люди въ исторіи были переодѣтыя женщины... Развѣ Наполеонъ поступалъ бы такъ грубо съ женщинами, будь онъ самъ мужчиной?

Митченеръ. Что вы! Напротивъ. Правительницы часто проявляли чисто женскую слабость. Вспомните только королеву Елизавету, ея тщеславіе, ея непостоянство.

Mrs Бэнджеръ. Кто только изучалъ исторію царствованія королевы Елизаветы, ни минуты не сомнѣвается, что то былъ переодѣтый мужчина.

Mrs Бэнджеръ уходитъ, пригрозивъ, что про нее скоро услышатъ. Дѣйствительно, въ концѣ фарса вбѣгаетъ растерянный денщикъ и заявляетъ, что mrs Бэнджеръ въ сопровожденіи единомышленницъ, взяла штурмомъ кабинетъ генерала Old Red, приставила диктатору пистолетъ ко лбу и заставила подписать манифестъ о разрѣшеніи женщинамъ служить въ солдатахъ. Генералъ Митченеръ въ отчаяніи предлагаетъ свою руку судомойкѣ Фаррель, какъ «единственной здравомыслящей женщинѣ». Старая ирландка Фаррель, когда Митченеръ говоритъ ей о восьми сраженіяхъ, въ которыхъ онъ рисковалъ жизнью,—гордо отвѣчаетъ, что тоже восемь разъ рисковала жизнью, рождая дѣтей.

Митченеръ. Милая mrs Фаррель, вы, конечно, не станете сравнивать вашъ рискъ съ тѣмъ, которому подвергается солдатъ на полѣ битвы.

Фаррель. Конечно, произведеніе на свѣтъ людей и истребленіе ихъ нельзя сравнивать. Женщина выполняетъ свой долгъ, а солдатъ дѣлаетъ чортову службу.

Митченеръ (*задѣтый*). Позвольте вамъ сказать, mrs Фаррель, что если бы мужчины не сражались, то это должны были бы дѣлать женщины. Мы васъ избавляемъ отъ тяжелой обязанности.

Mrs Фаррель. Вы сами себѣ помочь не въ состояніи. Если бы три четверти васъ, солдатъ, были убиты, то оставшаяся часть сама не могла бы расплодиться. Если бы убили три четверти всѣхъ женщинъ въ Англіи, то, какъ вы думаете, что стало бы съ населеніемъ? Не будь это соображеніе основательно, мужчины взвалили бы на насъ необходимость сражаться, какъ взвалили вообще всю черную и непріятную работу. Что бы вы сдѣлали, если бы насъ всѣхъ убили? Поди, не легли бы вы въ постель и не произвели бы на свѣтъ двойню!»

III.

Вотъ и все содержаніе фарса, если вообще можно говорить о содержаніи въ данномъ случаѣ. Остается неразрѣшенной загадкой, почему именно «королевскій чтецъ» высказался противъ постановки пьесы? Предполагается, что причиной—«личности», т. е. прозрачные псевдонимы; но въ англійскомъ реалистическомъ романѣ вообще фигурируютъ живыя лица подъ болѣе или менѣе густыми масками. Англійскій романистъ не можетъ работать безъ «моделей». Когда кругъ знакомыхъ его ограниченъ, «модели» повторяются въ разныхъ романахъ. Классическимъ примѣромъ является несчастная Шарлотта Бронте, орлица, рвавшаяся къ простору, къ солнцу, жаждавшая любви и просидѣвшая всю жизнь въ глухой деревнѣ, въ домѣ скучнаго, глупаго пастора. Одинъ разъ только она была въ Бельгіи и здѣсь познакомилась съ человѣкомъ, произведшимъ на нее страшно сильное впечатлѣніе (Héger). Романъ не успѣлъ даже развернуться. На сцену выступила свирѣпая законная супруга Эже, и Шарлота Бронте уѣхала обратно въ Англію, въ свою глухую деревню. Уступая настойчивымъ просьбамъ, Шарлота Бронте вышла потомъ замужъ за сѣраго, скучнаго, деревенскаго клэрджимэна и скончалась черезъ годъ. Кругъ наблюденій этой орлицы (вмѣстѣ съ нею сидѣли въ клѣткѣ еще двѣ орлицы -- сестры ея) крайне ограниченъ. И вотъ въ *Джэнъ Эйръ*, въ *Шэрли* и въ *Вильетъ* мы находимъ однѣ и тѣ же модели. Развратныхъ мужчинъ Шарлота писала съ своего брата. Джэнъ въ *Джэнъ Эйръ* и Льюси Сноу въ *Вильетъ*—сама романистка; Шэрли Кильдэръ (*Шэрли*).—сестра романистки—Эмилія; Каролина Хэльстонъ (*Шэрли*) — задушевный другъ Шарлоты—Элленъ Нёсси; Поль Эмануэль (*Вильетъ*)—единственная любовь романистки — Эже. Суровая m-me Бэкъ — жена Эже, и т. д. Такимъ же образомъ поступали англійскіе романисты, полемъ наблюденій которыхъ былъ міръ политической борьбы. Возьмемъ, напримѣръ, трилогію Биконсфильда: «Конингсби», «Сивила» и «Танкредъ». Ключъ къ этимъ романамъ давно уже подобранъ. Лордъ Монмаутъ—это лордъ Хэртфордъ (его же вывелъ Тэккерей подъ именемъ маркиза Стэйна). Ригби это—Джонъ Вильсонъ Крокеръ; Освальдъ Мильбэнкъ — Гладстонъ; лордъ Сидней — лордъ Джонъ Мэннерсъ; Сидонія — баронъ Альфредъ Ротшильдъ; Конингсби — лордъ Литльтонъ. Многія «модели» представлены въ очень не симпатичномъ видѣ. Такъ же поступалъ А. Троллопъ. Политическіе романы гг. Гемфри Уордъ, которые почему то пользуются большимъ успѣхомъ у насъ въ Россіи, — всѣ произведенія «съ ключемъ». Государственные дѣятели, выведенные тамъ, описаны съ натуры. Многіе портреты отразились въ кривомъ зеркалѣ личной антипатіи романистки. Даже Оскаръ Уайльдъ, смѣло

выставившій тезисъ, что искусство не должно быть похоже на жизнь, не могъ отдѣлаться отъ традиціи англійской литературы — «писать съ моделей». И писаніе «съ моделей», извѣстныхъ всѣмъ наблюдается не только въ области романа, но и сцены.

Еще только недавно «чтецъ короля» разрѣшилъ постановку драмы Барри *Josephine*, въ которой подъ очень прозрачными псевдонимами выведены канцлеръ казначейства и другіе министры. Въ *мюзикъ-холлахъ* постоянно поются куплеты, заключающіе въ себѣ несомнѣнныя «личности» противъ коммонеровъ и министровъ радикаловъ. Въ особенности это наблюдается теперь во время выборной борьбы. Вторая пьеса Бернарда Шоу запрещена къ постановкѣ потому, что въ ней «чтецъ короля» усмотрѣлъ «кощунство». Актерская газета *The Mask* взяла чтеца короля подъ свою защиту и обрушилась на Бернарда Шоу со статьей, представляющій собою нѣчто совершенно безпримѣрное въ Англіи по наглости и вульгарности тона. «Глумленія Шоу надоѣли всѣмъ, — пишетъ *The Mask*.—Онъ придирался ко всему прекрасному и возвышенному. Возвышенное отвернулось отъ него. Теперь, въ отчаяніи, Бернардъ Шоу зубоскалитъ надъ цензоромъ и надъ его величествомъ королемъ. Мы этого не потерпимъ. Театръ долженъ выражать чувства наши къ монарху, а вмѣсто этого Шоу желаетъ, чтобы со сцены раздавались скверныя соціалистическія проповѣди. Короче сказать, Бернандъ Шоу—гнусный измѣнникъ... Въ каждой другой странѣ, кромѣ Англіи, такого человѣка запаковали бы въ тюрьму, чему всѣ благонамѣренные люди обрадовались бы.... Цензоръ является благословленіемъ. У него очень трудная задача, съ которою онъ тѣмъ не менѣе великолѣпно справляется. Чтецъ короля спасаетъ насъ отъ заразы, заключающейся въ такихъ безстыдныхъ, безнравственныхъ, безобразныхъ произведеніяхъ Бернарда Шоу, какъ *Blanco Posnet*. За это мы благословляемъ цензора». Что же это за ужасная пьеса, постановка которой, по предположенію цензора, должна была оскорбить религіозное чувство Лондона? Такъ какъ власть «чтеца короля» не простирается на Ирландію, то пьеса была поставлена въ Дублинѣ, въ еще болѣе религіозномъ городѣ, чѣмъ Лондонъ. Ревностные католики не усмотрѣли въ пьесѣ ничего предосудительнаго и восторженно апплодировали ей. Просматривая «запрещенную» пьесу (она напечатана теперь), мы недоумѣваемъ, почему чтецъ короля выступилъ противъ ея постановки. Съ точки зрѣнія традиціонной морали «грубая мелодрама», какъ называетъ свою пьесу авторъ, заслуживаетъ одобренія, такъ какъ кончается обращеніемъ героя. Что касается вульгарнаго языка неотесанныхъ героевъ, то въ пьесахъ Шекспира, а въ особенности у драматурговъ эпохи реставраціи Стюартовъ можно найти неизмѣримо болѣе рѣзкое и грубое. Стоитъ только вспомнить, напр., въ какой формѣ Яго сообщаетъ Брабанціо въ первомъ же дѣйствіи о томъ, что Дездемона бѣжала къ Отелло!

Дѣйствіе пьесы Бернарда Шоу происходитъ въ лагерѣ золотопріискателей. Пусть читатели всмомнятъ столь заслуженно популярныя у насъ первые разсказы Бретъ-Гарта, а въ особенности «Изгнанники изъ Покерсфлэта». Бланко Поснетъ, герой Бернарда Шоу,—своего рода грубый дэнди Оакхэрстъ изъ названнаго разсказа. Онъ такой же смѣлый, такой же циникъ и заключаетъ въ тайникахъ души такой же запахъ сантиментальности. Бланко Поснетъ, впрочемъ, отчаянно ругается, когда его подозрѣваютъ въ сантиментализмѣ. Передъ нами, кромѣ того, своеобразный философъ. Онъ выработалъ свою собственную теорію о томъ, кого деисты XVIII в. называли Великимъ Геометромъ. По этой теоріи Великій Геометръ—личный врагъ его, Бланко Посьета. Ему вообще доставляетъ удовольствія играть человѣкомъ, какъ кошкѣ съ мышью. «Онъ хитеръ—говоритъ Бланко Посьетъ.—Онъ всячески желаетъ вредитъ вамъ. Онъ караулитъ васъ и играетъ вами, какъ кошка съ мышью. Порой онъ отпускаетъ васъ, и когда вы думаете, что совсѣмъ скрылись отъ него, онъ внезапно выпускаетъ свои когти». Противоположностью Бланко Поснетъ является другой герой пьесы, старѣйшина Дэніэль. Поснета пріискатели считаютъ головорѣзомъ, бездѣльникомъ и пьяницей. Дэніэль пользуется въ лагерѣ большимъ авторитетомъ. Бланко—отчаянный ругатель, постоянно кощунствующій. Дэніэль—сама елейность во всемъ и въ своихъ отношеніяхъ къ Богу. Богъ все дѣлаетъ на пользу Дэніэлю. Когда то Дэніэль страшно пьянствовалъ во всѣ свободные отъ работы часы. Конечно,—объясняетъ онъ,—то Господь сдѣлалъ нарочно, чтобы не дать своему избраннику грѣшить хуже. Господь избавилъ Дэніэля отъ бездны гордыни, въ которую вовлеченъ его родной братъ Бланко. Дэніэль заболѣлъ отъ пьянства бѣлой горячкой. Онъ усматриваетъ въ этомъ перстъ Божій, потому что послѣ болѣзни Дэніэль совершенно перестаетъ пить. Господь простеръ свою руку, и Дэніэль разбогатѣлъ, продавая водку пріискателямъ. И вотъ Бланко Посьетъ укралъ лошадь т. е. свершилъ то, что всѣмъ населеніемъ лагеря, за исключеніемъ двухъ-трехъ матерей, сыновья которыхъ казнены за конокрадство, признается худшимъ преступленіемъ. Лошадь украдена у старѣйшины Дэніэля. Комитетъ стражниковъ подъ предводительствомъ шерифа гонится за конокрадомъ и ловитъ его. Наказаніе за преступленіе—смерть. Конокрадовъ вѣшаютъ, но предварительно они являются живой мишенью для всѣхъ пріискателей, у которыхъ есть за поясомъ заряженный револьверъ. Предварительно надобенъ, однако, судъ. До этого старѣйшина Дэніэль пробуетъ даже внушить богохульнику «немного религіи». И тутъ мы узнаемъ, почему Поснетъ укралъ коня. «Дрянная» лошадь не нужна была ему ради корысти. Онъ хотѣлъ уѣхать только изъ «дряннаго» города, въ которомъ живетъ такой негодяй, какъ его братъ Дэніэль, отказавшійся не только уплатить слѣдуемыя деньги, но и возвратить ожерелье, оставшееся отъ ма-

тери. «Но почему Бланко, въ такомъ случаѣ, не укралъ ожерелья?»—спрашиваетъ старѣйшина. «Потому, что лучше пусть меня повѣсятъ за уводъ коня, чѣмъ освободятъ на основаніи проклятаго сантиментализма»,—отвѣчаетъ Бланко. Наконецъ, собираются на судъ шерифъ и присяжные (эти *негодяи* присяжные!—какъ кричитъ имъ Бланко). Въ разсказѣ Бретъ-Гарта «*Tennsee's Partner*» тоже происходитъ арестъ преступника и судъ надъ нимъ, устроенный пріискателями. У Бретъ-Гарта все просто и торжественно.

Вотъ, напримѣръ, арестъ конокрада и разбойника Теннесси. Онъ выпустилъ всѣ заряды въ толпу, пытавшуюся остановить его у дверей кабака, и кинулся къ Медвѣжьему ущелью, но здѣсь Теннесси загородилъ дорогу маленькій человѣкъ верхомъ на сѣромъ конѣ. Оба человѣка нѣкоторое время молча глядѣли другъ на друга. Оба были безстрашны, свободны и отлично владѣли собою. Оба представляли типы цивилизаціи, которую въ XVII вѣкѣ назвали бы героической, но въ XIX именовали—примитивной.

— Что у васъ въ рукахъ?—спокойно спросилъ, наконецъ, Теннесси.

— Два короля и тузъ,—такъ же спокойно отвѣтилъ человѣкъ на сѣромъ конѣ, показывая два револьвера и большой ножъ.

— Пасъ.—Съ этими словами Теннесси бросилъ свой безполезный, разряженный револьверъ и поѣхалъ назадъ въ лагерь вмѣстѣ съ шерифомъ, задержавшимъ его.

Такой же простотой и торжественностью отличается судъ подъ открытымъ небомъ надъ разбойникомъ. Двѣнадцать присяжныхъ, выбранныхъ лагеремъ, торжественны. Подсудимый знаетъ заранѣе свою участь, т. е., что его повѣсятъ; но онъ человѣкъ смѣлый и крѣпкій духомъ.

Теннесси обмѣнивается шутками съ зрителями, обступившими тѣснымъ кольцомъ судъ.

Въ пьесѣ Бернарда Шоу судъ происходитъ при такой же обстановкѣ, какъ въ разсказѣ Бредъ-Гарта; но дѣло обстоитъ иначе. Подсудимый ругательски ругаетъ присяжныхъ, а присяжные — подсудимаго. Бернардъ Шоу не признаетъ за людьми права судить другъ-друга, и сцена суда является грубой по формѣ, но глубокой по значенію и злой карикатурой. И шерифъ, и присяжные желаютъ повѣсить Бланко; но есть одно обстоятельство, затрудняющее судъ. Бланко схваченъ безъ коня, который куда то исчезъ. Необходимъ свидѣтель, который показалъ бы, что видѣлъ коня у Бланко. И вотъ посылаютъ брата шерифа Келепа, чтобы онъ нашелъ достовѣрнаго лжесвидѣтеля. Требуемыя показанія соглашается дать Фими Ивэнсъ, «составлявшая временную собственность всѣхъ пріискателей, начиная отъ шерифа». Бланко когда то отвергъ любовь Фими, и женщина теперь мститъ. И вотъ, когда дѣла подсудимаго совсѣмъ скверны, неожиданно является новая свидѣтельница. Раскрываются вещи, казавшіяся непонятными; куда дѣвалась укра-

денная лошадь? Почему Бланко, когда настигъ его комитетъ стражниковъ, глядѣлъ на облака, что дало возможность блюстителямъ закона незамѣтно подобраться? Объясненіе заключалось въ томъ, что вѣчный врагъ Бланко опять сыгралъ злую шутку съ нимъ. Онъ захватилъ Поснета въ моментъ слабости, сдѣлалъ изъ него «кисляя» только для того, чтобы отправить на висѣлицу. Бланко Поснетъ встрѣтилъ по дорогѣ женщину, на рукахъ которой былъ ребенокъ, больной крупномъ. Женщина попросила коня, чтобы доѣхать до доктора. Ребенокъ обнялъ Бланко за шею. И Поснетъ отдалъ коня женщинѣ. И когда она уѣхала, конокрадъ, по его словамъ, прочиталъ на красной дугѣ радуги слова: «На этотъ разъ, наконецъ, я затяну тебѣ подпругу, Бланко Поснетъ»! «Женщина изъ радуги», какъ называетъ ее Бланко, явилась на судъ съ конемъ, но безъ ребенка. Ребенокъ лежитъ на столѣ у гробовщика. Новая свидѣтельница показываетъ подъ присягой, что подсудимый—не тотъ человѣкъ, который далъ ей коня. Фими Ивэнсъ хочетъ повторить показаніе, что видѣла Бланко на украденномъ конѣ, но, взглянувъ на женщину, умолкаетъ. И вотъ присяжные, и шерифъ раскисаютъ, какъ говоритъ Поснетъ. Подсудимаго оправдываютъ. Заканчивается пьеса длинной «проповѣдью» Бланко ко всѣмъ присутствующимъ. Онъ заявляетъ прежде всего Фими, что она никуда не годится, какъ дурная женщина. Какъ таковая, она должна была бы твердо стоять на своемъ ложномъ показаніи. Шерифъ никуда не годится, какъ шерифъ: онъ хотѣлъ повѣсить Бланко, а отпустилъ его на волю. «Не доказываетъ ли это,—продолжаетъ Бланко,—что мы всѣ шли по невѣрному пути? На свѣтѣ нѣтъ ни добра, ни зла, но есть только чья то «скверная игра», заставляющая насъ чувствовать себя скверными, и чья то «хорошая игра», заставляющая насъ чувствовать себя благородными. И «хорошая игра» заключается въ томъ, чтобы помогать Богу сражаться крупномъ или съ другимъ зломъ, которое существуетъ въ мірѣ по ошибкѣ или ради опыта.

И такъ пьеса кончается обращеніемъ Бланко Поснета, и цензоръ тѣмъ не менѣе запретилъ пьесу. Герой Бернарда Шоу признаетъ за предѣлами познаваемаго существованіе «шахматиста», въ рукахъ котораго люди—фигуры. И точно такъ, какъ нельзя хвалить ферзь за хорошій ходъ или осуждать туру за плохой,—нельзя говорить о «добрыхъ» или «злыхъ» поступкахъ людей. Ни зла, ни добра не существуетъ, какъ результатовъ воли. Въ англійской литературѣ съ XVIII вѣка появляются книги, въ которыхъ рѣшительно отрицается зависимость поступковъ людей отъ силъ, лежащихъ за предѣлами познаваемаго. Мы видимъ трактаты, въ которыхъ совершенно отрицается существованіе разумнаго начала за этими предѣлами. И эти теоріи развиваются совершенно свободно, при чемъ авторы выражаются съ гораздо большею точностью и опредѣленностью, чѣмъ можетъ позволить себѣ русскій журна-

лисгь. Я приведу одинъ или два примѣра, ограничившись только сущностью взгляда, но не касаясь *формы* выраженія. Возьму прежде всего, книгу, выдержавшую много изданій: «An Agnostic's Apology».—Авторъ ея—одинъ изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ «Викторіевской эпохи», сэръ Лесли Стифенъ, скончавшійся года три тому назадъ.

«Агностикомъ называется утверждающій (чего никто не отрицаетъ), что сфера человѣческаго постиженія—ограничена... Гностикъ, съ другой стороры, утверждаетъ, что нашъ разумъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ переступить узкій кругъ опыта. Гностикъ полагаетъ, что мы въ состояніи постигать истины, не поддающіяся провѣркѣ (и не нуждающіяся въ ней) при помощи опыта и наблюденій. Онъ думаетъ дальше, что познаніе этихъ истинъ абсолютно необходимо для высшихъ интересовъ человѣчества, и что онѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, помогаютъ намъ разрѣшить темную загадку вселенной. Полное разрѣшеніе всѣхъ тайнъ внѣ нашихъ силъ; но нѣкоторый отвѣтъ можетъ быть данъ,—говорятъ гностики,— на мучительные вопросы, смущающіе и тревожащіе насъ. Мы не можемъ сказать, почему тотъ или другой порядокъ въ мірѣ существуетъ; но мы можемъ утверждать, что нѣкоторый отвѣтъ долженъ существовать. Мы, поэтому, обязаны искать его. Міровая гармонія нарушается безуміемъ, страданіемъ, зломъ, существованіе которыхъ смущаетъ каждаго серьезнаго мыслителя. Но только несовершенство нашихъ чувствъ препятствуетъ видѣть намъ, что и зло, и безуміе, въ сущности, тоже планомѣрны. Они не только не нарушаютъ міровой гармоніи, но, напротивъ, дополняютъ ее. Когда то эту гармонію называли Великимъ Геометромъ. Теологи имѣютъ для себя свое названіе. Великій Геометръ познаваемъ. Сэръ Лесли Стифенъ доказываетъ, что теоріи «гностиковъ» всѣхъ временъ и народовъ, несмотря на свою кажущуюся глубину, совершенно призрачны и не переступаютъ границы непознаваемаго. Теоріи «гностиковъ», отдѣленныя отъ туманныхъ терминовъ, поражаютъ своею примитивностью. Силы, лежащія за предѣлами познаваемаго, слѣпы и не интересуются судьбами людей. Имъ безразлично, добры ли люди или злы. Для упорядоченія отношеній между людьми не для чего прибѣгать къ авторитету начала, лежащаго по ту сторону познаваемаго. Въ самомъ дѣлѣ, эпоха наибольшей увѣренности въ существованіи этого направляющаго и контролирующаго начала не была періодомъ наибольшаго «мира въ человѣкахъ». Напротивъ, тогда именно улицы городовъ и поля особенно изобильно поливались человѣческой кровью. Тогда именно пылали костры. То было время особой одичалости человѣка.

Обратимся къ другому «агностику», полковнику Ингерсолю. Въ цѣломъ рядѣ книжекъ *) онъ относится критически къ существо-

---

«Why am i an agnostic» — «Superstition». — «The Ghosts». — «The

ванію разумнаго начала за предѣлами познаваемаго, интересующагося поступками людей, существа, слова котораго Бланко Поснетъ усмотрѣлъ въ красной дугѣ радуги. «Умъ человѣка при анализѣ явленій идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія,—говоритъ полковникъ Ингерсоль.—Выводъ, къ которому приходитъ индивидуумъ, находится въ зависимости отъ природы и структуры его ума, отъ опыта, отъ наслѣдственной склонности думать извѣстнымъ образомъ и отъ безчисленнаго множества другихъ причинъ. Одни индивидуумы, стоя лицомъ къ лицу съ таинственными явленіями, приходятъ къ заключенію, что всѣ они—послѣдствія опредѣленнаго плана, что за явленіями—стоитъ личность, существовавшая извѣчно. Индивидуумъ рѣшаетъ, что вселенная была создана и приведена въ движеніе этой извѣчной личностью, которая управляетъ міромъ и охраняетъ его. Индивидуумъ знаетъ доподлинно, что матерія не можетъ создаться сама собою, поэтому онъ представляетъ себѣ строителя матеріи. Онъ предполагаетъ, что во вселенной есть опредѣленный планъ, а потому должно быть и начало, выработавшее этотъ планъ. Индивидууму не приходитъ въ голову, что тотъ же аргументъ можетъ быть употребленъ противъ существованія извѣчной личности. Индивидуумъ увѣренъ, что не можетъ быть плана безъ архитектора, но допускаетъ возможность существованія архитектора, котораго никто не создавалъ. Гностикъ признаетъ за доказанное, что матерія была создана, а создатель ея—нѣтъ. Онъ признаетъ, что геометръ существовалъ извѣчно и что онъ создалъ матерію изъ ничего. Другими словами, тамъ, гдѣ *ничего* не было, строитель создалъ нѣчто, именуемое субстанціей. Можетъ ли человѣческій умъ постигнуть личность, существовавшую извѣчно? Можетъ ли умъ допустить безначальное бытіе, безконечно могущественное и разумное? Если это безначальное бытіе существуетъ, то, значитъ, надо допустить такое неисчисленное количество милліоновъ вѣковъ, въ продолженіе которыхъ не было ничего, кромѣ него. Можно ли себѣ представить безграничный разумъ, пребывающій въ абсолютномъ ничто цѣлую вѣчность? Слѣдующимъ неразрѣшимымъ вопросомъ является актъ міросозиданія. Мой умъ устроенъ такъ,—продолжаетъ полковникъ Ингерсоль,—что не постигаетъ созданія чего нибудь изъ ничего. Не можетъ онъ также постигать дѣйствіе безъ причины. Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ дальше. Мы не можемъ себѣ представить разрушенія матеріи; также непостижимо превращеніе *ничто* въ матерію» *).

«Въ доброе старое время, когда земля была плоска, какъ тарелка,—говоритъ въ другой своей книжкѣ полковникъ Ингер-

---

Christiona Religion».—«What is Religion?»—«Do i blasphеme?»—«Skulls».—«A Wooden God».—«Myth and Miracle» и др.

*) „Colonel R. G. Ingersoll“. „Why an j an agnostie?“ Lonbon, 1902. P. 4—5.

солль *), когда наверху находилась обитель добраго духа, а подъ землей жилъ дьяволъ,—тогда можно было говорить о Великомъ Геометрѣ, направляющемъ дѣйствія человѣка. Тогда человѣчество почти слышало арфы и лютни чистыхъ духовъ, воспѣвавшихъ хвалу своему властелину. Люди знали доподлинно, гдѣ находится адъ, и до нихъ почти долетали стоны грѣшниковъ, томящихся тамъ. Тогда доподлинно знали, что вулканы—трубы ада, чѣмъ и объясняются пламя и сѣрные пары, вырывающіяся оттуда; слова мистиковъ о небесномъ градѣ съ жемчужными воротами принимались, какъ безусловный фактъ.

«Тогда доподлинно было извѣстно, что и добро, и зло планомѣрны; что Великій Геометръ управляетъ вселенной; что онъ награждаетъ вѣрныхъ рабовъ своихъ и караетъ ослушниковъ. Блаженство послушныхъ должно было продолжаться вѣчно. Также вѣчно должно было продолжаться наказаніе. Невѣжество и рабское подчиненіе признавались высшими добродѣтелями, за которыя въ награду сулилось вѣчное блаженство.

«По ученію истолкователей культа безначальное, извѣчное существо любитъ смиренныхъ, колѣнопреклоненныхъ, пресмыкающихся; за то оно ненавидитъ сомнѣвающихся, пытливыхъ разумомъ и мыслителей. Ихъ жажду знанія извѣчное существо карало страшными муками. Оно любило простыхъ умомъ, принимающихъ все на вѣру, безъ доказательства. Для нихъ въ награду уготовлялось царство вѣчнаго свѣта и блаженства».

Тогда міровоззрѣніе представляло нѣчто совершенно цѣльное, стройное. Какъ только разрушены камни, на которыхъ держалось все зданіе,—старая теорія не можетъ больше существовать. Какія бы поправки мы ни вносили въ нее, она непріемлема для разума.

Цензоръ былъ приведенъ въ смущеніе тѣмъ, что рѣчи Бланко Поснета раздадутся съ подмостокъ. Но полковникъ Ингерсолль всю жизнь развивалъ свои теоріи тоже *съ подмостокъ*; онъ лектировалъ всюду въ Англіи и въ Шотландіи.

IV.

Познакомимся теперь съ пьесой «Waste» **), испугавшей цензора своею неприличностью. Въ пьесѣ Грэнвилля Баркера много говорятъ про политику, про законопроекты, парламентскую борьбу и про составленіе новыхъ кабинетовъ. Дѣйствующія лица: премьеръ, члены кабинета, вожди партіи, стоящіе внѣ парламента, политическія дамы и пр. Въ сильной, хотя нѣсколько растяну-

---

*) R. G. Ingersoll, Superstition. L. 1899. P. 21.

**) Она вышла недавно отдѣльнымъ изданіемъ вмѣстѣ съ двумя другими пьесами того же автора: «Three Plays», by Granville Barker.

той драмѣ раскрывается весь механизмъ созданія кабинетовъ и прослѣжено до источниковъ зарожденія биллей, которые должны революціонировать страну. Но тутъ цензору дѣлать нечего. Англійскіе писатели могутъ затрагивать, какія хотятъ, сферы. Центральнымъ лицомъ драмы Баркера является Генри Трибель. Это—сорокапятилѣтній сильный, настойчивый, умный, честолюбивый, увѣренный въ своихъ силахъ коммонеръ, обладающій, помимо всего, еще замѣчательной работоспособностью. «Онъ имѣетъ холодные, проницательные глаза, составляющіе нѣкоторый контрастъ съ чувственнымъ ртомъ. Руки его показываютъ, что онъ знаетъ, какъ взяться за дѣло». Такъ въ ремаркѣ говоритъ о Трибелѣ авторъ. Теперь у Трибеля одна страсть—стремленіе къ власти; но когда то и онъ увлекался женщинами.

«Въ двадцать три года я собирался жениться на очаровательной добродѣтельной дурочкѣ,—разсказываетъ онъ; но потомъ я порвалъ съ нею... Я готовъ былъ для женщинъ пожертвовать всѣмъ... Я встрѣтился затѣмъ съ женщиной, увлекшей меня... Мы прожили вмѣстѣ цѣлый годъ, какъ герои французскаго романа... Культура учитъ насъ играть нашими эмоціями. Какая потеря времени»! Теперь Генри Трибель строго экономизируетъ свои эмоціи, даже тогда, когда онѣ навѣяны романтической обстановкой. Онъ, напримѣръ, разсказываетъ своей сестрѣ Фрэнсисъ о маленькомъ эпизодѣ во время путешествія по Тосканѣ. «Карета сломалась какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы собрались поѣхать на сѣверъ. Мы воспользовались этимъ и взобрались на вершину одного изъ холмовъ, гдѣ провели часа два. Я составлялъ тамъ избирательную рѣчь въ духѣ XV вѣка къ гражданамъ Сіены.

Фрэнсисъ *(съ полуулыбкою)*. Такъ, значитъ, во время отдыха вы увлекаетесь романтизмомъ?

Трибель *(отклоняетъ предположеніе)*. О, совсѣмъ нѣтъ... Моя рѣчь была наполнена цифрами. Обсуждалъ я въ ней вопросъ о пошлинахъ. Напрасно вы думаете, что въ то время всѣ были заняты только искусствомъ и убійствами. Средневѣковыя итальянскія республики построили свою культуру на торговлѣ. Въ этомъ онѣ проявили замѣчательный талантъ» *). Когда трагически—нелѣпое ворвалось въ разсчитанную и размѣренную жизнь Трибеля, онъ проситъ сестру оставить его на время одного.—Я хочу подумать,—говоритъ онъ. Я не думалъ вотъ уже много лѣтъ.

— Но вы только и дѣлаете, что думаете!—восклицаетъ сестра.

— Нѣтъ, я только разрѣшалъ задачи юридической и политической алгебры **).

Трибель—членъ либеральной партіи; но онъ задумалъ смѣлый

*) „Waste“, Act. II.
**) Ib., Act. IV.

проектъ отдѣленія церкви отъ государства. Такъ какъ по мнѣнію Трибеля либеральное министерство доживаетъ свои послѣдніе дни и не въ силахъ осуществить законопроектъ подобнаго рода, то коммонеръ «walked across the House», т. е. перешелъ къ консерваторамъ, встрѣтившимъ талантливаго депутата съ распростертыми объятіями.

Въ консервативномъ кабинетѣ Трибель долженъ занять видное мѣсто. Будущіе товарищи его по министерству убѣждены, что безъ Трибеля они ничего не могутъ сдѣлать. Коммонеръ имѣетъ свой грандіозный планъ, построенный на отдѣленіи церкви отъ государства. Трибель не желаетъ только разрушенія.

Трибель. Каждый глупецъ можетъ разрушать. Я не желаю, чтобы такая сила, какъ церковь, была бы окончательно утеряна для государства. За ней вѣдь тринадцативѣковая традиція службы. А между тѣмъ либералы хотятъ только отрубить церковь,

Уэджкрофтъ. По моему мнѣнію церковь умираетъ.

Трибель. Конечно, таково ваше мнѣніе! Вы вѣдь сантиментальный агностикъ-анархистъ Пустяки! Сверхъестественное, на которомъ держится церковь, нѣсколько минировано. Надо изслѣдовать, въ чемъ дѣло. Но все это неважно. Сама доктрина здорова и жизнеспособна. Намъ надо овладѣть доктриной, проповѣдующей самопожертвованіе ради общей цѣли. Эту доктрину надо удержать.

Уэджкрофтъ (*пораженный*). Вы хотите создать свѣтскую церковь и поставить вмѣсто стараго культа—государство?

Трибель. А почему нѣтъ?.. Надо превратить только всѣхъ богослововъ въ врачей и въ школьныхъ учителей.

Уэджкрофтъ. Понадобится время, чтобы народъ увѣровалъ въ вашихъ новыхъ священнослужителей.

Трибель. Ну, нѣтъ! Если суевѣріе существуетъ теперь, то оно проявляется въ особенности по отношенію къ врачамъ. Большинство людей только въ нихъ еще и вѣритъ... Въ будущемъ я вижу школы, построенныя не рядомъ съ церквями, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ стояли.

Уэджкрофтъ. Такъ по вашему мнѣнію міръ настолько созрѣлъ, что можетъ обойтись безъ догмата?

Трибель. Да.

Трибель дальше объясняетъ, что служители стараго культа сами помогутъ ему привести въ исполненіе его планъ. «Я куплю церковь, но не деньгами, а обѣщаніемъ новой жизни... Священники перейдутъ ко мнѣ».

Уэджкрофтъ. Они пожелаютъ сохраненія догмата.

Трибель. Догматъ не плохъ, когда вы знаете, какъ воспользоваться имъ *).

*) Ib., Act. II.

Консерваторы ликуютъ по поводу того, что Трибель перешелъ на ихъ сторону. Они увѣрены, что безъ него будутъ безсильны въ парламентѣ. Въ самомъ вліятельномъ политическомъ салонѣ, гдѣ сходятся вожди консервативной партіи—будущіе члены кабинета, происходитъ такой разговоръ.

Mrs Фаррантъ. Какъ вы думаете, мама, можемъ ли мы обойтись безъ мистера Трибеля?

Лэди Дэвенпортъ. Всѣ признаки показываютъ, что на выборахъ консерваторы получатъ большинство.

Mrs Фаррантъ (*нѣсколько нетерпѣливо*). Какая польза отъ этого большинства? Кто возьмется защищать билль въ Нижней палатѣ? Это не по силамъ ни Фаулеру, ни Блэкборо, ни лорду Чарльсу, ни Джорджу *)!

Многіе вожди консервативной партіи не любятъ Трибеля: боятся его; но преклоняются передъ его талантомъ, силой и настойчивостью.

Когда Трибель гоститъ у будущаго перваго министра, подготовляя свой знаменитый билль, онъ встрѣчается съ молодой женщиной О'Коннелль. Она тоже гоститъ въ томъ же домѣ. О'Коннелль «очаровательная женщина, если подъ этимъ понимать, что она всѣ свои природныя данныя употребила на то, чтобы нравиться: никакой другой цѣли въ жизни, кромѣ этого желанія, О'Коннелль не знаетъ». Она замужемъ, но разошлась съ своимъ мужемъ, ирландскимъ помѣщикомъ. О'Коннелль флиртуетъ съ знаменитымъ Трибелемъ, такимъ серьезнымъ и холоднымъ. Знакома она съ нимъ три мѣсяца. И вотъ разъ въ лѣтнюю ночь, послѣ утомительнаго рабочаго дня, Трибель вышелъ на террасу, выходящую въ садъ. Хозяева, гости и прислуга разошлись уже. Осталась только О'Коннелль. И тутъ происходитъ сцена, которая въ особенности испугала добродѣтельнаго цензора. Легкомысленной О'Коннелль нравится спокойный Трибель, о которомъ все-таки много говорятъ, и она заигрываетъ съ нимъ.

Трибель. Сядьте (*Она сѣла у стола. Онъ садится рядомъ съ ней. Говоритъ тономъ покупателя, видящаго интересную вещь въ лавкѣ*). Вы очень милы.

О'Коннелль. При лунномъ свѣтѣ. Развѣ не видите морщинокъ?

Трибель. Ихъ одна или двѣ... подъ глазами; но онѣ придаютъ характеръ лицу и, кромѣ того, сближаютъ нашъ возрастъ. Да, природа можетъ гордиться, создавъ васъ (*Она потянулась, какъ кошка*).

О'Коннелль. Ничего нѣтъ пріятнѣе похвалы. Не такъ ли, Генри?.. Генри (*ласково произноситъ имя*).

Трибель. Совершенно вѣрно... Генри.

*) Ib., Act. I.

О'Коннелль. Генри... Трибель.

Трибель. Вы формально завладѣли моимъ именемъ.

ОКоннелль. Я иду спать (*Онъ все время не сводитъ глазъ съ нея. Она направляется къ дверямъ*).

Трибель. На вашемъ мѣстѣ я не пошелъ бы. Мое время любить такъ ограничено (*Обернулась. Совершенно спокойна. Въ ея глазахъ вызовъ*). Вотъ первое оскорбительное слово, которое вы произнесли.

Трибель. Почему оскорбительное?

О'Коннелль. Я могу флиртовать. Любить—совсѣмъ другое.

Трибель. Садитесь, mrs О'Коннелль, и объясните мнѣ разницу (*Сѣла*).

О'Коннелль. Совершенно вѣрно: «mrs О'Коннелль». Вотъ въ чемъ разница.

Трибель (*вызывающе*). Меня не интересуетъ тотъ фактъ, что мужъ не понимаетъ васъ, и что вашъ бракъ—ошибка... Мнѣ кажется, вы чувствуете теперь, что быть суровой очень трудно.— Трибель «флиртуетъ» нѣсколько необыкновенно.

О'Коннелль (*заигрываетъ*). Что заставило бы васъ жениться на мнѣ? Не отвѣчайте мнѣ: «никакая причина на землѣ».

Трибель (*отвѣчаетъ, повидимому, самому себѣ*). Продолжительный періодъ полной бездѣятельности могъ бы заставить меня жениться... на талантливой женщинѣ. Но я никогда не сидѣлъ безъ работы больше, чѣмъ недѣлю, и ни разу, еще не встрѣчалась на моемъ пути талантливая женщина. Во всякомъ случаѣ, такая, которая была бы привлекательна...

О'Коннелль (*кокетливо*). Такъ васъ мой характеръ не интересуетъ?

Трибель. О, да. Я заинтересованъ... до поцѣлуя (*Она не вздрогнула, но говоритъ съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія*).

О'Коннелль. Этого вы можете добиться гораздо легче, чѣмъ женщина. Я завидую мужчинамъ. Почему женщины не могутъ относиться такъ легко къ своимъ любовнымъ дѣламъ?

Трибель. На то есть причины. Но послѣдуйте сами примѣру мужчинъ. Поцѣлуйте меня (*Нагнулся къ ней. Она смотритъ на него совершенно спокойно*).

О'Коннелль. Не хочу.

Трибель. Когда же вы захотите, въ такомъ случаѣ?

О'Коннелль. Когда я не смогу устоять... Если такой моментъ вообще наступитъ.

Трибель (*принявъ отсрочку, какъ дѣловой человѣкъ*). Хорошо; но я нетерпѣливъ.

О'Коннелль (*откровенно и ласково*). Когда мы впервые встрѣтились съ вами у леди Персиваль, я сказала вамъ, что мы будемъ совсѣмъ близкими друзьями. Помните (*Лицо его показы-

ваетъ, что онъ совершенно забылъ)? Это было на другой день послѣ вашей рѣчи по поводу бюджета.

Лунная лѣтняя ночь, одиночество, затѣмъ «геній рода» ускоряютъ ходъ событій. Трибель цѣлуетъ О'Коннелль, а она безсильно склоняется къ нему, захваченная порывомъ страсти.

О'Коннелль. Мы стоимъ освѣщенные луной. Насъ могутъ увидѣть.

Трибель (*съ грубымъ эгоизмомъ*). Думайте обо мнѣ, а не о другихъ. (*Привлекаетъ ее къ себѣ и не отпускаетъ*). Можно васъ еще разъ поцѣловать?

О'Коннелль (*закрывъ глаза*). Да (*Онъ ее цѣлуетъ. Она прижимается къ его груди. Затѣмъ смѣется весело и становится вульгарной*).

О'Коннелль. Ну, теперь дайте мнѣ перевести духъ.

Трибель отпускаетъ ее, но она не уходитъ. Тогда ураганъ бѣшеной страсти захватываетъ серьезнаго государственнаго дѣятеля. Онъ привлекаетъ къ себѣ О'Коннелль и поднимаетъ ее на руки.

О'Коннелль (*борется сама съ собою*). Зачѣмъ вы меня подняли?

Трибель. Потому что я хочу тебя.

О'Коннелль. Хотите меня?..

Трибель... Чтобы вы меня поцѣловали еще разъ.

О'Коннелль (*Уступаетъ*). Вы не допустите меня до безумія.

Трибель. Можетъ быть (*Она цѣлуетъ его въ губы. Онъ хочетъ отпустить ее; но она внезапно крѣпко обхватываетъ его руками*). О, не отпускайте меня.

Трибель (*съ свирѣпой гордостью обладанія*). Нѣтъ, не пущу (*Она безсильна. Онъ поднимаетъ ее на руки и уноситъ*).

Такова сцена, по поводу которой цензоръ воскликнулъ: «Shocking!» и запретилъ пьесу къ постановкѣ.

V.

Мы видѣли, какъ восклицаніе Трибеля: «I want you» (я хочу тебя) испугало цѣломудреннаго цензора; но гдѣ же собственно драма? Проходитъ три мѣсяца послѣ сцены на террасѣ. Выборы только что кончились побѣдой консерваторовъ. Вождь ихъ ждетъ съ минуты на минуту, что король призоветъ его и поручитъ сформировать кабинетъ. Идутъ обсужденія и гаданія, кто будетъ въ министерствѣ. Трибель заваленъ работой. Съ нимъ постоянно совѣщаются будущіе члены кабинета. Его голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. И разъ утромъ, во время пріема, къ Трибелю является О'Коннель, которую тотъ не встрѣчалъ больше послѣ сцены на террасѣ. О'Коннелль блѣдна, взволнована, заплакана.

— Милая моя!—дѣловито говоритъ ей Трибель.—Я слишкомъ занятъ теперь, чтобы думать о любви. Если у васъ есть дѣло, излагайте скоро и точно факты (*Она глядитъ на него нѣкоторое время; затѣмъ говоритъ отрывисто, какъ сообщаютъ о страшной катастрофѣ*).

О'Коннелль. У меня будетъ ребенокъ. Вашъ ребенокъ. Въ апрѣлѣ. Вотъ все.

Молодая женщина совершенно потрясена тѣмъ, что въ ея жизнь, помимо желанія, врывается новое и страшное: беременность и рожденіе.

— Что вамъ до всего этого? — говоритъ она. Мы не принадлежали душой другъ другу. Сколько времени мы были тогда вмѣстѣ? Только полчаса! Вы даже не думали обо мнѣ до тѣхъ поръ, покуда цѣловали меня... Какое нелѣпое послѣдствіе!

Трибель. Природа тиранъ.—Онъ совѣтуетъ ей быть спокойной и не терять головы. Надо заботиться о томъ, чтобы никто ничего не зналъ.

О'Коннелль. Скандалъ погубитъ вашу карьеру? Не правда ли?

Трибель. Скандала не будетъ.

О'Коннелль. Да, если мы будемъ осторожны. Вы мнѣ скажете, что надо дѣлать. О, какое облегченіе, когда можно поговорить съ кѣмъ нибудь объ этомъ!

Трибель обѣщаетъ заботиться о ней; но О'Коннелль въ отчаяніи. «Какое проклятіе быть женщиной! Я и любая дикарка въ одинаковомъ положеніи! Наша доля хуже, чѣмъ животныхъ. Это несправедливо!»

Трибель. Успокойтесь. Вы передадите мнѣ половину заботъ. Не такъ ли?

Для него, какъ практичнаго человѣка, существуетъ только одинъ вопросъ: какъ обставить предстоящіе роды по возможности болѣе удобно? О'Коннелль говоритъ, что вечеръ на террасѣ долженъ остаться навсегда въ ихъ памяти, какъ прекрасный, поэтическій эпизодъ.

Трибель (*Хочетъ, чтобы О'Коннелль логически и дѣловито обсуждала предстоящія событія*). Для меня то событіе представляется дѣломъ, совершеннымъ въ пьяномъ видѣ.

О'Коннелль (*Не понимаетъ и не желаетъ понять. Она только возмущена*). Животное!

Трибель (*Съ горькимъ сарказмомъ*). Не говорите такъ. Утѣшьтесь тѣмъ, что современные поэты воспѣваютъ опьяненіе, какъ состояніе высшаго блаженства.

Затѣмъ Трибель опять переходитъ на дѣловую почву. Онъ совершилъ ошибку, но онъ желаетъ «to face the music», какъ говорятъ англичане, т. е. смѣло пойти на встрѣчу.

«Принципіально я вообще не дѣлаю никогда никакихъ обѣщаній. Но, мнѣ кажется, я могу обѣщать вамъ слѣдующее. Если

вы будете заботиться о своемъ здоровьѣ и сохраните спокойствіе, я помогу вамъ». Трибель хочетъ взять ребенка себѣ и воспитать его. Но О'Коннелль не желаетъ ребенка. «Сперва я была вашей игрушкой!—восклицаетъ она. — Теперь вы хотите, чтобы я стала игрушкой природы! Никогда»! Она не желаетъ помириться съ «физическимъ фактомъ». О'Коннелль ждетъ отъ Трибеля не такой помощи, какую онъ предлагаетъ. Она не хочетъ ни поддержки, ни того, чтобы Трибель взялъ ребенка себѣ. Ребенка не должно быть совсѣмъ. О'Коннелль желаетъ, чтобы Трибель указалъ ей специалиста. Но получаетъ рѣшительный отказъ.

О'Коннелль. Такъ вы мнѣ не скажете, къ кому обратиться?

Трибель. Нѣтъ.

О'Коннелль. Какими непрактичными сантиментальными дѣтьми являетесь вы, мужчины! Вы ссылаетесь на совѣсть! На существующіе законы! Вашей трусостью, вашими доктринами вы доводите насъ, женщинъ, до безумія и даже до смерти! Бѣдныя женщины *)!

О'Коннелль обращается къ шарлатану. Результатомъ операціи является смерть. Предстоитъ слѣдствіе. У покойной нашли письмо Трибеля, въ которомъ онъ убѣждаетъ ее не прибѣгать къ операціи. Письмо это выгораживаетъ его, какъ участника, но свидѣтельствуетъ о связи. Оно находится въ рукахъ мужа О'Коннелль. Если тотъ передастъ письмо коронеру, что черезъ день всѣ газеты опубликуютъ его, и тогда начнется яростная кампанія противъ Трибеля. Радикальная пресса разъярена его измѣной партіи, и теперь постарается отомстить ему. Въ Англіи, какъ показали прецеденты, случаи подобнаго рода вполнѣ достаточны для того, чтобы навсегда погубить политическую карьеру скомпрометированнаго общественнаго дѣятеля. Стоитъ вспомнить только Парнеля. Послѣ того, какъ связь его съ О'Ши стала извѣстна, «невѣнчаннаго короля Ирландіи» покинули всѣ политическіе союзники. Попытка погубить сильнаго политическаго противника при помощи скандала была сдѣлана въ началѣ 1909 г. Консервативная газета напечатала статью, направленную противъ Ллойдъ-Джорджа. Въ ней говорилось, что канцлеръ будетъ фигурировать въ бракоразводномъ процессѣ. Имена не были названы. Вся статья состояла только изъ намековъ. Министръ финансовъ заявилъ, что намеки направлены противъ него, и привлекъ газету къ суду. Во время разбирательства дѣла было доказано, что вся статья—клеветническая. Газета поплатилась большимъ штрафомъ. Итакъ, письмо Трибеля могло служить смертнымъ приговоромъ для его политической карьеры Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованіе его могло косвенно причинить большія непріятности кабинету. И вотъ будущій премьеръ употребляетъ всѣ усилія, чтобы «замять» дѣло. Вызываютъ приватно мужа О'Кон-

*) Ib., Act II.

нелль. Эпизодъ улаженъ. У майора О'Коннелля пробуждаются нѣкоторыя симпатіи къ Трибелю, и онъ обѣщаетъ сжечь письмо. Но эпизодомъ воспользовались тѣ вожди консервативной партіи, которыя ненавидятъ и боятся Трибеля. Теперь выборы кончились. Такъ или иначе партія можетъ пробыть у власти 5—6 лѣтъ. Трибель по возможности использованъ. Правда, безъ него консерваторы не проведутъ билля объ отдѣленіи церкви отъ государства. Но можно и совсѣмъ не вносить въ парламентъ этого законопроекта. Лучше воспользоваться подходящимъ предлогомъ и отдѣлаться отъ опаснаго человѣка. И Трибеля выбрасываютъ за бортъ. Премьеръ не включаетъ его въ составъ новаго кабинета. Для Трибеля политическая дѣятельность—все. Съ устраненіемъ отъ нея для него жизнь теряетъ всякій смыслъ. Трибель пускаетъ себѣ пулю въ високъ.

Вотъ содержаніе той пьесы, которая была признана «порнографической». Нѣтъ болѣе неопредѣленнаго и растяжимаго термина, какъ «порнографія». Въ литературѣ все зависитъ отъ того, къ чему мы присмотримся. Я упомянулъ выше про романъ Шарлоты Бронте—«*Джейнъ Эйръ*». Теперь онъ считается въ Англіи лучшимъ чтеніемъ для дѣвочекъ-подростковъ. Его выдаютъ въ награду дѣвочкамъ въ школахъ за хорошее поведеніе и за прилежаніе. Дѣйствительно, трудно представить болѣе наивное (хотя и очень талантливое) произведеніе! А между тѣмъ, когда оно появилось, оно было объявлено «порнографическимъ». Извѣстная писательница того времени миссъ Ригби напечатала въ «*quarterly Review*» статью, въ которой доказывалось, что такая «порнографія» могла быть написана развѣ только развратницей, изгнанной изъ общества и потерявшей даже право именоваться женщиной.

И это писалось про дочь деревенскаго пастора, знавшей тогда только двухъ мужчинъ: отца и брата Брэнуля! Литературное произведеніе сплошь и рядомъ перестаетъ быть «порнографіей», какъ только мы привыкнемъ къ нему. Наглядный примѣръ мы находимъ въ домашней библіотекѣ каждаго средняго англичанина. Если объявить войну «порнографическимъ» произведеніямъ, то, пожалуй, придется прежде всего изгнать изъ этихъ библіотекъ сотни книгъ, признанныхъ классическими. Начну съ неподражаемыхъ *Кэнтерберійскихъ разсказовъ* Чосера.

> Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
> Откупори шампанскаго бутылку,
> Иль перечти женитьбу Фигаро,

приводитъ пушкинскій Сальери совѣтъ Бомарше.

Съ тою же цѣлью я могъ бы рекомендовать разсказы Исповѣдника, Монаха или Поэта въ «Canterbury Tales». «Смѣйтесь со мною: жизнь такъ весела,—говоритъ тамъ Поэтъ.—Плачьте со мною: жизнь порой такъ грустна. Любите со мною: жизнь такъ

коротка!» Но что если бы современный англійскій писатель далъ хоть нѣчто подобное по откровенности, какъ сказка Мельника! А «Кэнтерберійскіе разсказы» выходятъ все новыми изданіями. Драмы Шекспира находятся въ каждомъ англійскимъ домѣ, ихъ даютъ читать дѣвочкамъ. А между тѣмъ у Шекспира даже прекрасныя героини (напр., Розалинда) выражаются такъ, какъ теперь говорятъ развѣ уличныя женщины. Поэмы, приложенныя къ каждому собранію сочиненій, представляютъ собою образецъ эротики. Что же касается сонетовъ, то чѣмъ меньше мы добираемся до смысла ихъ, тѣмъ лучше. Литература времени Реставраціи даетъ намъ рядъ первоклассныхъ драматурговъ: Ковентри, Оутвэя, Уичерли. Все это—классики; но всѣ они съ точки зрѣнія ходячей морали «порнографы». Въ XVIII вѣкѣ мы имѣемъ «предосудительныхъ» классиковъ Свифта, Стерна, Смоллета и Фильдинга, въ лицѣ котораго англійскій романъ достигъ своего апогея: «Тристрэмъ Шэнди», «Джозефъ Эндрьюсъ», «Томъ Джонесъ», «Родеригъ Рэндомъ» и «Перегринъ Пиклъ»—все такія произведенія, которыя, даже по Mrs Grundy, обязанъ знать каждый. Между тѣмъ какой вопль подняла бы та же Mrs Grundy, если бы она нашла у современнаго англійскаго романиста сцену, хотя нѣсколько напоминающую заключительную страницу романа «Джозефъ Эндрьюсъ» (Фильдингъ)! Байронъ—«классикъ». Его стихотворенія помѣщены въ каждой англійской хрестоматіи. Но что сказать о первой и шестой пѣсняхъ «Донъ Жуана?» Надняхъ только по приговору суда изъяли изъ обращенія англійскій переводъ «Contes Drolatiques» Бальзака; но въ англійской литературѣ есть два полныхъ перевода «*Тысячи и одной ночи*». Что передъ арабскими сказками откровенность «La chierre nuictée d'amour» или «Les trois clercs de Sainct Nicolas» (изъ сборника «*Contes Drolatiques*»). Надо прибавить, что переводъ Бертона арабской книги пополненъ примѣчаніями, въ высшей степени цѣнными для пониманія Востока, но, пожалуй, болѣе «предосудительными», чѣмъ самый текстъ.

Изъ этого бѣглаго обзора мы видимъ, какъ «порнографія» перестаетъ быть таковою, когда мы привыкнемъ къ ней. Откровенная рѣчь, хотя бы о томъ, что современный испанскій романистъ называетъ la divia fusion de los cuerpos» (божественнымъ сліяніемъ тѣлъ), еще не составляетъ порнографіи, • иначе пришлось бы отнести къ этой категоріи книгу, высоко чтимую двумя культами. Англичане и шотландцы въ частности настоятельно рекомендуютъ своимъ дѣтямъ усиленно читать эту книгу, хотя тамъ они въ первыхъ же главахъ наталкиваются на разсказы, приводившіе въ ужасъ энциклопедистовъ. То обстоятельство, что міровая литература переварила, такъ сказать, цѣлый рядъ порнографическихъ произведеній, признаваемыхъ классическими и находящихся теперь въ библіотекѣ каждаго культурнаго человѣка, доказываетъ, что сама по себѣ откровенная рѣчь не составляетъ яда и никого отравить

не можетъ. Грязное воображеніе дряблаго неврастенника настраивается на извѣстный манеръ, встрѣтивъ въ книгѣ слово *юбка*. Съ другой стороны, здоровый, нормальный человѣкъ, даже за фривольными стихами *La Pusclle* легко усматриваетъ серьезную, важную мысль, для прикрытія которой Вольтеръ рисовалъ такія «рискованныя» ситуаціи, какъ въ второй пѣснѣ (св. Денисъ является на выручку къ Жаннѣ и прогоняетъ наглаго монаха Грибурдона). Книги раздѣляются не на «грязныя» и «чистыя», не на «нравственныя» и «безнравственныя», а на бездарныя и талантливыя, на глупыя и на умныя. Чтобы глупыя и бездарныя книги перестали вредить, надо воспитать вкусъ публики, надо содѣйствовать ея литературному развитію. А этого ни въ коемъ случаѣ никакая цензура, никакая опека надъ вкусами сдѣлать не можетъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о заключеніи коммиссіи для изслѣдованія вопроса о театральной цензурѣ. Коммиссія пожелала держаться золотой середины и угодить одинаково, какъ тѣмъ, которые нападаютъ на цензуру, такъ и сторонникамъ ея. Нельзя не сознаться,—признаетъ коммиссія, что театральный цензоръ иногда былъ слишкомъ суровъ и запретилъ такія пьесы, которыя безъ всякаго вреда для кого-либо идутъ на континентальныхъ сценахъ. Цензоръ иногда не надобенъ. Съ другой стороны, надо признать, что на континентѣ иногда ставятся крайне рискованныя пьесы. Появленіе ихъ на англійской сценѣ было бы очень не желательно. Вотъ почему цензоръ иногда необходимъ. Какъ же выйти изъ всего этого положенія? Пусть цензура останется,—совѣтуетъ коммиссія. Пусть чтецъ короля по прежнему просматриваетъ пьесы, а лордъ оберъ-гофмейстеръ пусть выдаетъ на основаніи цензорскаго приговора патентъ на постановку. Такой патентъ безусловно охраняетъ антрепренера. Разъ пьеса одобрена цензоромъ и оберъ-гофмейстеромъ, никакая лига, никакой муниципалитетъ не могутъ привлечь антрепренера къ суду. Но антрепренеръ, если пожелаетъ, можетъ, не давъ цензору пьесу на просмотръ, поставить ее безъ патента, на собственный рискъ. Въ такомъ случаѣ прокуроръ можетъ вмѣшаться, если въ «свободной» пьесѣ усмотрѣно будетъ: непристойность, «личности», оскорбленіе религіознаго чувства, поощреніе къ преступленію или къ пороку и оскорбленіе дружественной державы. Всѣ эти термины, столь точные на первый взглядъ, крайне растяжимы. Цензоръ, напримѣръ, усмотрѣлъ «непристойность» въ томъ, что Монна Ванна является въ длинномъ плащѣ, подъ которымъ, предполагается, на ней ничего нѣтъ (Еще Гейне замѣтилъ, что вѣдь, въ сущности, мы всѣ голые сидимъ въ нашемъ платьѣ). Тотъ же цензоръ не усматриваетъ непристойности въ томъ, что въ разрѣшенныхъ имъ оперетках дѣвицы появляются на сценѣ не въ платьѣ, а въ однѣхъ подвязкахъ. Понятіе «личности» тоже до крайности растяжимо. Цензоръ, напр., ничего не имѣетъ, если скоморохъ въ мю-

зикъ-холлѣ въ идіотскихъ куплетахъ высмѣиваетъ суффражистокъ, которыхъ называетъ по именамъ, или радикальныхъ министровъ. За то онъ усматриваетъ «личности» въ «генералѣ Митченерѣ». Что означаетъ «поощреніе къ пороку»? Цензоръ усмотрѣлъ это въ пьесѣ *Waste,* изложенной выше; но благословилъ «даму отъ Максима». «Насмѣшки; надъ дружеской державой» тоже трудно опредѣлить. Это доказывается слѣдующимъ примѣромъ. Есть англійская остроумная музыкальная оперетка *Микадо* (Сёливэна). Оперетка написана еще въ восьмидесятыхъ годахъ, шла очень долго, затѣмъ приглядѣлась. Лѣтъ десять ея не ставили, а затѣмъ возобновили. Но такъ какъ въ это время Англія заключила союзъ съ Японіей, то лордъ оберъ-гофмейстеръ запретилъ постановку *Микадо.* Выходъ былъ до такой степени нелѣпъ, что англичане не знали, хохотать ли имъ или негодовать. Остановились на послѣднемъ. Пьеса, конечно, была поставлена. Мы видимъ, что подозрительный цензоръ можетъ усмотрѣть «оскорбленіе дружественной державы» совершенно неожиданнымъ образомъ.

Что же дѣлаетъ прокуроръ, если усматриваетъ предосудительное въ пьесѣ, не одобренной цензоромъ? Пьесу немедленно снимаютъ съ репертуара и назначается судъ. Антрепренеру можетъ грозить въ серьезныхъ случаяхъ замѣчаніе (троекратное замѣчаніе ведетъ къ закрытію театра), а пьеса отправляется въ изгнаніе: ее снимаютъ со сцены на срокъ до десяти лѣтъ. Непонятно только, какимъ образомъ то, что признано «непристойнымъ» теперь, превратится въ «пристойное» черезъ десять лѣтъ. Драматическіе писатели недовольны и говорятъ, что коммиссія, фактически признавъ всѣ нареканія на цензора основательными, тѣмъ не менѣе, оставила его. Антрепренеры и актеры тоже недовольны. Они боятся, что найдутся охотники пойти на рискъ, которые откроютъ свободный театръ съ безцензурными пьесами. Это будетъ жестокая конкуренція. Утѣшаютъ антрепренеровъ только два пункта. Во-первыхъ, мюзикъ-холлы отнынѣ подчинены цензурѣ. Во-вторыхъ, коммиссія рекомендуетъ владѣльцамъ театровъ ставить при наймѣ помѣщенія условіемъ, чтобы антрепренеры принимали только цензурованныя пьесы. Союзъ драматическихъ писателей, съ своей стороны, вырабатываетъ уставъ, обязательный для всѣхъ сочленовъ: ни одинъ изъ нихъ не долженъ давать свою пьесу цензору на просмотръ.

Діонео.

На хуторахъ.

(Замѣтки деревенскаго наблюдателя).

I.

— Вишь ты, какъ испакостили землю-то! — хмуро замѣтилъ крестьянинъ д. Туляки, Иванъ Ивановичъ, показывая кнутовищемъ на безчисленное количество бѣленькихъ столбиковъ, разбросанныхъ по полямъ.

— Это что—хутора ужъ пошли?

— Хуторовъ настоящихъ пока что нѣтъ, потому два года землей они будутъ пользоваться на арендномъ основаніи, пока, то есть, купчая имъ не выйдетъ,—ну, а тамъ должны переселиться.

— Теперь же, значитъ, здѣсь пусто?

— Зачѣмъ пусто: видите постройки то раскинуты — кое кто здѣсь ужъ живетъ... Только, какіе же это, съ позволенія сказать, хутора? У кого шалашъ, у кого землянка... Одинъ, видите вонъ, изъ плетня согнулъ какую то конуру... Лѣтомъ всѣ почти здѣсь жили, а зимой въ деревни перейдутъ, иначе, какъ кроты, всѣ перемерзнутъ... Хуторяне тоже... Помѣщики!.. Но-о!.. Стала!..—сердито крикнулъ онъ на лошадь и, завернувшись въ чапанъ, замолчалъ.

Я зналъ, что послѣ каждой сердитой реплики Иванъ Ивановичъ будетъ молчать довольно долго, и не пытался вызвать его на разговоръ.

Мы ѣдемъ съ нимъ въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. по землѣ, не такъ давно еще принадлежавшей герцогу Лейхтенбергскому, а теперь купленой банкомъ и разбитой на отруба. До продажи этой земли въ банкъ ею на арендныхъ условіяхъ и исполу пользовались крестяне деревень Даниловки, Стараго Славкина, Камаевки, Моревки, Синодскаго и др. Теперь земля эта, какъ и смежная съ ней земля г. Усова, проданы банку и разбиты на 60 отрубовъ по 16—18 и по 20 десятинъ каждый. Раньше землями этими пользовались почти всѣ крестьяне указанныхъ деревень, снимая по 1—2 десятины на дворъ. Теперь же, очевидно, земля эта должна перейти въ пользованіе 60-ти хуторянъ, а оставшаяся не при чемъ крестьянская масса должна ограничиться надѣльными землями. Надѣлы же въ этихъ мѣстахъ таковы, что «на нихъ овцу не прокормишь, не токмо семью». Получилось совершенно безвыходное положеніе. Растерянно крестьяне бросаются за совѣтомъ и помощью въ различныя учрежденія и къ различнымъ лицамъ—помощи ни откуда нѣтъ никакой, и вотъ начинаются выдѣлы изъ общины, продажа надѣловъ и бѣгство «на должности» и

«на заработки». Характерно, что даже при такомъ совершенно безвыходномъ положеніи въ этихъ мѣстахъ бѣднота «на хутора» идетъ плохо, и 60 отрубовъ до сихъ поръ еще не всѣ разобраны.

Такъ какъ условія во всѣхъ названныхъ деревенькахъ совершенно одинаковы, то для болѣе или менѣе подробнаго ознакомленія съ современнымъ положеніемъ крестьянъ этой мѣстности возьму волостное село—Даниловку. Здѣсь надѣлы 30 сажень на 60 длиннику въ одномъ полѣ. До самаго послѣдняго времени крестьяне существовали, арендуя земли Усова, герц. Лейхтенбергскаго, Московскаго Лѣсопромышленнаго товарищества. Теперь, какъ сказано, земли первыхъ двухъ владѣльцевъ разбиты на отруба, а экономія Московскаго товарищества въ значительной части распродана «товариществамъ» огаревскихъ и тугускинскихъ кулаковъ, прижимающихъ крестьянъ «хуже любого помѣщика». Даниловцы, такимъ образомъ, остались при однихъ надѣлахъ. Передъ ними сталъ роковой вопросъ: «что дѣлать, чтобы не умереть съ голоду?»

— Переходите на хутора!—твердили имъ землеустроители.

— Да чего отрубовъ-то? 60—на десять деревень! Вѣдь это смѣшно сказать!...

— Затѣмъ часть переселится на казенныя земли, а другіе здѣсь устроятся!..

Начали разбирать «отруба», но вскорѣ стало ясно, что «бѣднота этого дѣла не осилитъ»: необходимо было около ста рублей заплатить сразу, затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ платить арендную плату; за особую плату снимать луга и т. п.

Часть взявшихъ отруба вскорѣ отказалась, въ томъ числѣ отказались и бывшіе служащіе имѣнія Усова, тоже мѣстные крестьяне.

— Не по силамъ!

— Соковъ не хватаетъ, братцы мои! Надо искать другое мѣсто пропитанія!...

Такъ что въ силу естественнаго положенія вещей отруба остались за тѣми, «кто побогаче». Богачъ Фомичевъ, имѣющій десятинъ 80 собственной земли, взялъ два отруба; его братъ и племянникъ, люди зажиточные, тоже взяли отруба.

Три—четыре человѣка изъ бѣдноты, «вытянувъ послѣднія жилы», пока что «выдерживаютъ», но «не иначе какъ и имъ придется бросить». Всего отруба въ Даниловкѣ взяли 25 человѣкъ, нѣкоторые изъ нихъ по два и по три: на себя и сыновей. Не мало пришлось мнѣ здѣсь выслушать горькихъ сѣтованій.

— Что же это за законы пошли? А?! У него и такъ 80 десятинъ и ему же еще два отруба... Виданное ли дѣло?

— Кто же это тамъ у васъ, въ Петербургѣ, распоряжается?!

— Вѣдь жить нельзя!.. Сами вотъ видите! Ну при чемъ теперь мы? Что же будетъ? А?!

Какъ я ужъ сказалъ, бѣднота идетъ по линіи наименьшаго со-

противленія: выходитъ «въ собственники земли», поспѣшно продаетъ свою «собственность» и идетъ искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

Въ Даниловкѣ выдѣлилось съ этой цѣлью человѣкъ 60, а кромѣ нихъ есть значительное количество «желающихъ». Земли ихъ скупаетъ тотъ же Фомичевъ, на моихъ глазахъ за безцѣнокъ пріобрѣвшій двѣ души у одинокаго крестьянина, Карпа Сопина.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній понятно, почему крестьяне, а въ томъ числѣ и Иванъ Ивановичъ, который везъ меня на «хутора», такъ озлоблены на хуторянъ. Въ нихъ видятъ людей, предавшихъ міръ, во имя своекорыстныхъ цѣлей перебѣжавшихъ на сторону врага... Съ другой стороны и врагъ этотъ, въ свою очередь, оказываетъ перебѣжчикамъ всякое покровительство и всегда въ ущербъ оставшемуся большинству...

— Что-же, Иванъ Ивановичъ, пойдемте посмотримъ, какъ живутъ хуторяне?...

— Я то видалъ ужъ! Какіе они хуторяне, когда у нихъ домовъ нѣтъ!.. Помѣщики тоже — корову на приколѣ держутъ... Ѣду какъ то, кричу имъ: куръ-то, говорю, на приколъ посадите, а то передеретесь изъ-за нихъ!.. Идите, вонъ, въ шалашъ, тамъ кто-то копошится...

Въ шалашѣ копошились старикъ и два парня.

Они убирали солому на своемъ отрубѣ; старикъ-же и жилъ здѣсь, «въ видѣ караульщика».

— Откуда Богъ несетъ?

— Пріѣхалъ вотъ посмотрѣть, какъ вы живете?

— Какая еще здѣсь жисть: такъ себѣ—маемся... Взяли вотъ два отруба, а что выйдетъ — Господь знаетъ!

— Урожай хорошій былъ у васъ?

— Урожай, слава Богу, да толку-то отъ него мало. Думали вотъ скотинкой обзавестись, а глядь, платить, вишь, опять надо. Рублей теперь ста четыре заплатили, а сколько пойдетъ въ счетъ — неизвѣстно.

— Что-же, переселяться не думаете?

— Какъ не переселяться — придется! Дѣло-то такое, что силъ мало... Дадутъ, говорилъ чиновникъ намъ, полторы сотни монетъ, а на нихъ что подѣлаешь? Лѣсовъ у насъ нѣтъ, семья у меня большая. На будущій годъ, може, перевернемся какъ — переселимся...

Ожидая, по телеграммамъ корреспондентовъ г. Столыпина, увидѣть красивенькіе, новенькіе домики, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, плодоперемѣнную систему, клеверъ, тимофѣевку и пр. и пр.,—я былъ глубоко разочарованъ, увидѣвъ этотъ пастушескій шалашъ, двѣ бороны съ деревянными зубьями, маленькій одноколесный плужокъ и токъ, на которомъ въ ручную, лопатами вѣяли овесъ.

— А можетъ еще,—продолжалъ старикъ, — и помилуютъ насъ. т. е. землицу оставятъ, а сюды на отшибъ то не погонятъ... Не все ли имъ равно, здѣсь-ли я живу, тамъ-ли?.. А намъ это тяжело. Раззори тамъ избу,—да уйди сюды, на юры-то... Не слышно тамъ объ этомъ?

— Ничего не слышалъ. — Мы простились и поѣхали дальше.

— Вотъ старый чортъ! — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ. — Говорилъ я ему: не осилишь, кумъ. (Кумъ онъ мнѣ)! Нѣтъ, вишь, попробую. Ну, вотъ пробуй! Онъ все думаетъ—не переселятъ, помилуютъ. Поговорятъ, говоритъ, поговорятъ, да такъ и оставятъ... Они тѣ оставятъ!.. Только полѣзь чорту въ пасть-то!..

Черезъ полверсты Иванъ Ивановичъ снова остановился.

— Зайдите вотъ къ этому, такой-же голоштанный!

Пройдя поле, усѣянное подсолнечными кореньями, я на берегу оврага, въ которомъ бѣжалъ ручеекъ, нашелъ землянку. На крышѣ ея вставлено небольшое окно. Почти ползкомъ я пробрался внутрь землянки; привыкнувъ немного къ темнотѣ, осмотрѣлся и увидѣлъ картину нищеты и полнаго раззоренія. Маленькое, въ квадратную сажень помѣщеніе, темное, сырой земляной полъ; при каждомъ ударѣ затворяющейся двери съ потолка сыплется земля, засаривая глаза и набираясь въ волосы цѣлой кучи бѣлокурыхъ ребятишекъ. Всѣ они какіе-то блѣдные, вялые, подслѣповатые... Грязныя, порванныя рубашки, какіе-то опорки на подобіе сапогъ, вмѣсто обуви... Сбившись въ уголъ, на кучу тряпья, дѣтишки удивленно посматривали на меня... Какъ разъ подъ дырой въ потолкѣ, заставленной оконной рамой, сидѣлъ, обросшій волосами, крестьянинъ среднихъ лѣтъ и подшивалъ валенки.

Я поздоровался и объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

— Да какъ живемъ? Смотрите вотъ сами — плохо пока живемъ, а что дальше будетъ, — не знаю.

— Когда-же думаете переселяться?

— Переселился ужъ, видите. Денегъ на избу только еще неполучилъ. Весной, Богъ дастъ, выстроюсь.

— А домъ продали ужъ?

— Какой у меня домъ? Такъ, избенка была — продалъ... Лошадь у меня совсѣмъ пошла подъ исходъ. Что ни куплю, все не ко двору — колѣютъ. А то нѣшто продалъ-бы: какъ ни какъ, а все лучше этой норы-то. Иначе нельзя было: лошадь надо, а взять негдѣ... Вотъ и продалъ...

Онъ сердито провернулъ въ подошвѣ валенка дыру, запустилъ въ нее съ обѣихъ сторонъ концы дратвы, размашисто стянулъ и постучалъ по подошвѣ молоткомъ.

— Да, не любитъ меня скотина. Вотъ эта послѣдняя лошадь: въ пятницу купилъ ее, далъ овса и схватило ее сразу животомъ, въ субботу обрекъ ее на продажу, въ понедѣльникъ вывелъ, продалъ. Пятерку убытку взялъ. Говорятъ, шерсть надо подбирать къ

мази; всякія у меня были лошади: сѣрая, гнѣдая, каряя — ужъ они меня доняли. Не живетъ скотина. Свинью купилъ недавно — шесть цѣлковыхъ далъ — вотъ какая свинья была — ужасть! До Троицы дожила — околѣла... Корову завелъ — стѣнь-стѣнью, кормъ тоже не плохой—и никакого прибытка. Околѣла!.. Люди въ десять разъ хуже меня кормятъ, и лошади гладки, а у меня и кормъ не въ кормъ... Аль и такъ бываетъ: допустимъ, кормъ ей дашь хорошій, она его въ навозъ обратитъ... Гдѣ же тутъ выдюжить! Народъ мы куле-возовый... Вотъ и сижу безъ скотины!

— Ну, а съ платой какъ управляетесь?

— Это за землю, что-ль?

— Да.

— Какъ сказать? Пока тянусь, а тамъ видно будетъ.. И не взялъ-бы я этотъ отрубъ-то, да дѣлать-то ничего не осталось... Вѣдь здѣсь какое дѣло? Если разсказать, цѣлый разсказъ получится!

Онъ швырнулъ валенокъ.

— Идите, я вамъ участокъ покажу, а то у насъ и сѣсть-то не на чемъ.

Мы вышли.

— Умеръ у меня отецъ. Остался я хозяиномъ, да долговъ тоже на свою шею захватилъ 900 рублей. Отецъ-то передъ смертью завертѣлся съ дѣлами, да похоронить его надо было... Начали мы съ женой работать. Что ни добудемъ—въ эту прорву: долги платимъ. Хоть и не посылалъ мнѣ Господь особаго счастья, но въ такомъ содержаніи, я могъ-бы изъ долговъ повылѣзть. Но послѣдніе четыре года вытрясли меня изъ-занѣту: сгорѣла изба два раза, неурожаи, скотина ко двору не приходится; при отцѣ всякій скотъ жилъ, а теперь ничего нельзя завести. Пришло время платить 200 рублей, а у меня и двугривеннаго нѣтъ. «Отдавай, говоритъ, за долгъ надѣлъ». А я-то, говорю, какъ? «А ты возьми отрубъ». Думалъ, думалъ—судиться неохота! Махнулъ рукой, и все пошло прахомъ! Получилъ 24 рубля доплаты, работали съ женой, затѣмъ желудей набрали сто мѣръ, продали за 10 рублей, — скопили такимъ манеромъ 98 рублей и взяли отрубъ. Теперь живемъ... Такъ что послѣ отца, я въ хорошемъ видѣ не пожилъ ни капельки, но на живомъ все сживется, лишь-бы Богъ далъ здоровья!

— А чѣмъ вы пашете?

— Своего-то плуга нѣтъ, пока что, беру тутъ у одного мужичка.

— Своими силами обрабатываете землю?

— Нѣтъ, нѣшто осилишь! Около 16-ти десятинъ вѣдь. Нанимать приходится. Подсолнышки вотъ сѣялъ этотъ годъ—опять плохой урожай! Не везетъ мнѣ какъ-то!

Когда я сѣлъ въ телѣгу, Иванъ Ивановичъ не преминулъ сдѣлать свои замѣчанія.

— Вотъ взялъ отрубъ, подержитъ годикъ-другой, — броситъ, и перейдетъ этотъ отрубъ тому-же Фомичеву. Такъ что лѣтъ че-

резъ пять останется отъ этихъ 40 дураковъ человѣкъ десять, и вся земля будетъ ихняя, а остальные пойдутъ къ церкви ручку протягивать!.. Но-о! Шалопай чортовъ!...

Осмотрѣли еще десятокъ отрубовъ, и вездѣ та-же картина временности, неустойчивости. Конечно, далеко не вездѣ была та вопіющая нищета, которую я встрѣтилъ въ землянкѣ «несчастнаго» хуторянина. Отруба зажиточныхъ крестьянъ представляютъ изъ себя громадныя поля, куда люди приходятъ лишь на работу; шалашъ или мазанка здѣсь не являются жилыми помѣщеніями для семей, а служатъ временнымъ пристанищамъ лицъ, охраняющихъ наваленный кругомъ хлѣбъ. Хутора для зажиточныхъ выгоднѣе аренды. Уплативъ 75 руб. за отрубъ сразу, крестьянинъ будетъ въ дальнѣйшемъ платить 10 — 11 руб. за десятину въ годъ. Имѣя для этого запасной капиталецъ, зажиточный мужикъ всегда сумѣетъ перевернуться, и ему не придется отдавать хлѣбъ за безцѣнокъ раньше времени. Вполнѣ понятно, что отруба для такихъ крестьянъ благодѣяніе; они весьма охотно благодарятъ за нихъ, посылаютъ какія угодно телеграммы, а при осмотрахъ хуторовъ людьми, власть имѣющими, заявляютъ, что «лучше хуторовъ ничего не можетъ и быть».

— Ну, а какъ съ переселеніемъ? — спрашиваю одного такого хуторянина.

— Зачѣмъ намъ переселяться? Начальство насъ не тревожитъ; построю здѣсь хорошій хуторъ, съ весны будемъ переѣзжать сюда, въ видѣ какъ на дачу, а на зиму можно будетъ поселить какого-нибудь гольтяпая, онъ и караулитъ... Рѣшать хозяйство въ Даниловкѣ мнѣ нѣтъ смысла: тамъ домъ, хозяйство, а здѣсь хуторъ...

— Вы изъ Даниловки?

— Да, оттуда. Тамъ у меня тоже земля. Это кто тамъ землю продалъ, тому, дѣйствительно, есть смыслъ переселяться сюда, а намъ смысла нѣтъ.

При такихъ условіяхъ, хуторъ зажиточнаго крестьянина будетъ, конечно, процвѣтать. Но вѣдь зажиточный крестьянинъ хорошо жилъ и до земельной реформы, вѣдь такихъ людей ничтожный процентъ; не они голодаютъ; не въ ихъ средѣ болѣзненно чувствуется необходимость прирѣзки... Въ Даниловкѣ больше пятисотъ душъ и если изъ нихъ, какъ сказано, 25 человѣкъ взяли отруба, то положеніе остальной то массы не только не улучшилось, но сдѣлалось безвыходнымъ... «Кому же, думалъ я, — въ концѣ концовъ оказываетъ пользу такъ называемое землеустройство»? Отвѣтъ ясенъ: прямую выгоду, которую можно учесть уже сейчасъ, оно приноситъ зажиточнымъ крестьянамъ, улучшая ихъ и безъ того хорошее положеніе...

— Господа!—говорилъ мнѣ одинъ землеустроитель,—ваши разсужденія не логичны: не понимаю, почему условія, хорошія для богатаго — для бѣднаго становятся плохими. Вѣдь тѣ-же бѣдняки, арендуя эти земли, платили 25 руб. за десятину, теперь они будутъ платить 10—11 руб. Вѣдь выгода прямая!

Арендная цѣна въ 25 руб., конечно, кабальная аренда, и не мы будемъ ее защищать. Но что положеніе бѣдноты даже при этой арендѣ было лучше, чѣмъ теперь, когда земля разбита на отруба,—это несомнѣнно. Во-первыхъ, даже при желаніи всѣ крестьяне отрубовъ взять не могутъ: отрубовъ лишь 60, а крестьянъ, пользовавшихся этой землей, многія сотни. Во-вторыхъ, для громаднаго большинства сразу внести 100 руб. совершенно не по силамъ. Въ третьихъ, если даже бѣднякъ «скопитъ» 75 — 100 рублей,—это въ корень подрываетъ его хозяйство, а на хуторъ онъ переходитъ окончательно раззореннымъ; такъ что даже при благопріятныхъ урожаяхъ ему возможно будетъ лишь выплачивать банковскій долгъ и съ грѣхомъ пополамъ прокормиться. Всякій же неурожай, всякое несчастье въ видѣ падежа скота, пожара и т. п. ведетъ къ тому, что бѣднякъ пропускаетъ сроки, и его гонятъ съ хутора. Въ дальнѣйшемъ я приведу рядъ данныхъ, подтверждающихъ это; теперь же необходимо указать еще, что самый фактъ обязательности ежегодной крупной платы подавляюще дѣйствуетъ на бѣдняка; послѣ благополучной первой уплаты онъ ужъ начинаетъ думать о слѣдующей, и такъ—55 лѣтъ! 55 лѣтъ постояннаго безпокойства, постоянныхъ опасеній, что «не внесешь въ срокъ и хуторъ отберутъ!» Разсужденія на эту тему приходится слышать чаще всего.

Снимая раньше десятину за 25 руб., бѣднякъ закабалялъ себя помѣщику. Часть арендной суммы приходилось отработать, часть уплатить наличными; если затрата силъ окупалась тѣмъ, что бѣднякъ имѣлъ кусокъ хлѣба—бѣднякъ былъ спокоенъ; если урожайный годъ давалъ ему нѣкоторый избытокъ, на будущій годъ бѣднякъ снималъ двѣ десятины. Теперь же, взявъ отрубъ, онъ долженъ платить за 16 десятинъ, которыхъ при одной лошади и скверныхъ средствахъ обработки онъ не въ силахъ обработать своими силами. На шею бѣдняка взваливается непосильная тяжесть, и не мудрено, что часть взявшихъ отруба бросаетъ ихъ, или не уплачиваетъ во время и лишается отрубовъ. Въ дальнѣйшемъ я приведу рядъ примѣровъ бѣгства съ отрубовъ и выгона съ хуторовъ; въ одной Орловской губерніи примѣровъ такихъ можно набрать значительное количество

Такимъ образомъ, жизнь намѣтила уже два типа хуторовъ: хутора богачей, имѣющіе будущность, и хутора бѣдноты, влачащіе жалкое существованіе, заранѣе обреченные на гибель, а отчасти гибнущіе и теперь.

II.

— Гдѣ же здѣсь настоящіе-то худора?—спрашиваю крестьянъ с. Даниловки.

— Настоящіе-то? А это вотъ по дорогѣ въ Тугузку. Какъ доѣдете до завода, забирайте влѣво, тамъ эти самые хутора и пойдутъ.

Въ это время къ группѣ, съ которой я велъ бесѣду, подкатила телѣга, и изъ нея поспѣшно выпрыгнулъ низенькій, безбородый мужиченко. Суетясь и торопясь, онъ привернулъ лошадь и подбѣжалъ къ крестьянамъ.

— Будемъ здравствовать. О чемъ бесѣда?

— А ты съ чего сорвался, словно угорѣлый?

Крестьяне засмѣялись.

— Я такъ себѣ, домой ѣду. Вижу компанія собралась, ну и подвернулъ.

— Компанія, да ты то намъ не компаньонъ,—острилъ отставной солдатъ.—Вотъ вы хутора спрашивали, —обратился онъ ко мнѣ,—это тоже вотъ хуторянинъ... Помѣщикъ!

— Свези, Тимофей, барина въ свое имѣніе: ему посмотрѣть интересно!

За полтинникъ Тимофей согласился довести меня до своего хутора—22 версты. Получивъ деньги, онъ повеселѣлъ и суетливо началъ подтягивать супонь.

— Не довезетъ бѣлогривый-то! — усомнился кто-то изъ крестьянъ.—Помѣщикъ, а лошадь, что твой одеръ...

— Бѣлогривый-то? Бѣлогривый, братцы, у меня съ обновочкой: двѣ переднія ноги подковалъ ему. Ногами забираетъ теперь превосходнѣйшимъ образомъ... Да,—добавилъ онъ философски, — кому что требуется: подкуй корову—ногой не двинетъ, а лошади подкова ходу прибавляетъ.

— Тебя, видно, кто-нибудь подковалъ: больно ты скоро на отрубъ-то перескочилъ,—острилъ неугомонный солдатъ.

— Какъ поголодаешь побольше, и ты перескочишь и не подкованный... Ну, поѣдемте!

— Съ Богомъ!

Мы тронулись. Потрусивъ немного по улицамъ Даниловки, бѣлогривый поплелся медленнымъ шагомъ: очевидно, двѣ подкованныя ноги мало помогали истощенному животному. Закуривъ трубку и сплюнувъ нѣсколько разъ на хвостъ бѣлогривому, Тимофей замѣтилъ:

— Не любятъ меня мужички-то, обижать не обижаютъ, а смѣху много.—Затѣмъ немного помолчавъ, прибавилъ:—А по моему напрасно: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ,—гдѣ лучше.

— А лучше теперь тебѣ на хуторѣ-то?

— Нѣтъ, хуже!

— Зачѣмъ же ты перешелъ?

— Дѣло такое вышло: мало своей-то земли, чуть-чуть не вышелъ я въ нищіе, а тутъ денегъ обѣщали. Ну, я свою-то землю по боку и на отрубъ. Только далъ я маху: выдали мнѣ полторы сотни рублей и чуть-чуть я на нихъ построился...

— Ну и что-же?

— Ничего, вотъ увидите... А вы сами-то теперь отъ кого ѣдете?

— Отъ себя.

— Не то, что отъ банка?

— Нѣтъ.

— Просто полюбопытствовать, значитъ?

— Вотъ, вотъ... А вы изъ Даниловки?

— Нѣтъ, только жилъ я здѣсь раньше въ имѣніи, работалъ. А потомъ сторожемъ здѣсь въ одномъ селѣ въ училищѣ служилъ. Учитель тамъ тоже былъ одинъ у насъ—все любопытствовалъ насчетъ хуторовъ... Да такъ и погибъ.

— Уволили?

— Нѣтъ, самъ повѣсился.

Началъ моросить дождь. Завернувшись въ армякъ, я смотрѣлъ на необъятныя поля зеленѣющихъ озимей... Все бѣлые колышки, разставленные правильными рядами и четырехъ-угольниками.

Почему-то вспомнился мнѣ Аракчеевъ съ его поселками, дорожками и березками

Нѣсколько неожиданно для меня Тимофей вынулъ изъ-за пазухи сотку, щелкнулъ о ладонь лѣвой руки, выпилъ, закусилъ кренделемъ и, посмотрѣвъ на меня, произнесъ:

— Съ утра маковой росинки во рту не было. Занять сюды ѣздилъ рублишка три, а имъ смѣхъ.

— Видите вонъ большой столбнякъ-то пошелъ по полю? Это собственники отъ общественниковъ размежевались: по правую-то сторону будутъ собственники, а по лѣвую общественники... Тоже кутерьма пдетъ теперь у нихъ...

Онъ задергалъ лошадь, похвалилъ дождь и, придвинувшись ко мнѣ, продолжалъ съ видомъ мужика степеннаго и умнаго:

— И нельзя не быть кутерьмѣ, — потому каждый день другъ друга они подгвазживаютъ... Забѣжитъ, скажемъ, жеребенокъ отъ собственниковъ къ общественникамъ—тѣ нѣтъ, чтобы взять прутъ, да согнать, а загоняютъ... Штрафы кладутъ другъ на друга,—извѣстно, зло и ширится. Я ни тѣхъ, ни другихъ не хвалю... Всѣ хороши...

На минуту мы замолчали.

— Вотъ подите, какая началась путаница: раньше были просто крестьяне и все... А теперь пошли собственники, хуторяне,

общественники и все другъ на друга зубы скалятъ. Вотъ какая началась ссора... Нечего сказать—заварили кашу...

Поднявшись на полугорье, мы увидѣли разбитое на отруба поле. Часть отрубовъ была уже разобрана: повсюду были разбросаны ометы соломы, груды колоса; кое-гдѣ торчали шалаши, выстроенные для временнаго пристанища караульщиковъ, два—три запоздалыхъ пахаря взрывали землю подъ озимь. Все поле производило впечатлѣніе громаднаго гумна, на которомъ рѣдко-рѣдко разбросаны стожки сѣна, груды соломы, одонья хлѣба... Жилыхъ помѣщеній, за исключеніемъ хибарки Тимофея, нѣтъ; очевидно, владѣльцы отрубовъ или «не собрались еще съ силами», или боятся строиться «до совершенія купчей».

Въ этомъ мѣстѣ разобраны были всѣ отруба, но часть крестьянъ принуждена была бросить ихъ.

— Посыкнулись было изъ Огаревки четверо, да на попятный...

Мнѣ пришлось уже разговаривать съ этими четырьмя огаревцами.

— Не осилишь! Вѣдь это какой хомутъ-то! Надѣть-то его можно, а выдюжешь-ли? Мекали мы и такъ и сякъ—ничего не выходитъ. Судите сами: одно дѣло деньгами доймутъ, а затѣмъ—переселеніе это, долженъ я все продать, сломать и жить тамъ, какъ медвѣдь. Тяжело безъ людей-то. Здѣсь я выйду вечеромъ,—народъ свой, съ тѣмъ слово перекинешь, съ другимъ о другомъ поговоришь; бѣда хоть какая—все на людяхъ легче.

— И то надо еще сказать: народъ въ обиду входитъ! Не любятъ у насъ, чтобы изъ общества выходили, либо хутора брали; зла-то, можетъ, они и не сдѣлаютъ, а глядѣть будутъ звѣремъ. Житье-ли это? Думали, думали: соки, молъ, изъ тебя сосать будутъ, а удовольствія никакого. Ну ихъ къ Богу! Отказались...

— Благополучія нѣтъ, вотъ что главное! Вотъ у меня три парня—отрубовъ на нихъ не даютъ, а парни на возрастѣ лѣтъ. Подрастутъ—что я буду съ ними дѣлать? Разбить по пяти десятинъ, три избы поставить? Вѣдь это,—если Господь пошлетъ мнѣ вѣку, черезъ 7 лѣтъ будетъ на 15 десятинахъ то четыре хутора...

— При такой малой землѣ, что-же будетъ? Платить за нее плати, а просвѣта никакого... Чуть что, сейчасъ скажутъ: ты собственникъ, тебѣ прирѣзки не можетъ быть...

— Да, не подходитъ намъ!

Нѣсколько человѣкъ д. Тугузки тоже взяли было отруба, внесли по 30 руб. задатку, но тоже отказались. Мотивы, приблизительно, тѣ-же самые.

— Примѣры у насъ есть теперь, глядимъ и все видимъ: кто побогаче-то хорошо устраивается, имъ можно и отруба брать, а бѣдноту до крайности засасываетъ. Вонъ огаревскій Иванъ Ивановичъ—ему можно и отруба брать; вы не глядите, что онъ въ лаποткахъ ходитъ и одной полы полушубка не достаетъ: у него де-

негъ груда. Недавно какъ-то человѣчекъ изъ города сотенную мѣнялъ; Иванъ Ивановичъ лба не поморщилъ, отсчиталъ ему. Вотъ эти люди съ наличнымъ-то капиталомъ устроются. И имъ эти отруба—лафа! А намъ гдѣ-же? Кто побѣднѣе-то, видите, какъ живетъ? Хоть того-же Тимофея возьмите — тянется, тянется; въ ниточку вытянулся человѣкъ, а, того и гляди, выскочитъ съ хутора-то.

— Задатокъ вернули вамъ?

— Вернули. Чиновникъ и спорить не сталъ: «наша, говоритъ, земля безъ людей не останется; не хотите—дѣло ваше; вотъ вамъ ваши деньги».

— На надѣлахъ, значитъ, остались?

— На надѣлахъ. Не знаемъ, что и дѣлать? Туда лѣзть не по силамъ, а здѣсь не прокормишься. А вѣдь мы не то чтобы нищіе, побѣднѣе насъ въ Тугузкѣ много найдется. Они-то что будутъ дѣлать?

Ѣхавшій со мной Тимофей всѣ эти сѣтованія находилъ совершенно справедливыми.

— Извѣстно, въ уголъ двинуты... А только подѣлать намъ ничего нельзя.

— Гдѣ-же твой-то хуторъ?

— А вотъ за горкой-то. Ѣду утрось тутъ, а Дермидонтовъ Ванька съ женой стоятъ около озими, да ревутъ. Клинъ то этотъ ихній былъ, а они продали его Захару Ивановичу. Теперь ужъ его озимь-то. А они ходятъ теперь всходы глядѣть, да ревутъ.

— У нихъ нѣтъ теперь земли-то, значитъ?

— Извѣстно, нѣтъ. Откуда ей быть, землѣ-то? Отрубъ берутъ теперь, да никакъ, слышно, проулюлюкали денежки то, теперь вотъ и воютъ. Извѣстно, дурье!.. А вотъ и хуторокъ мой...

— Я первый-то на хутора-то осмѣлился,—самодовольно говорилъ Тимофей, показывая мнѣ свои владѣнія,—тамъ мужики кричатъ, кто одно, кто другое. А я говорю: коли, говорю, на то пошло,—переселяюсь, ваше благородіе, позвольте деньги. Первый я; видите, ни одной избы нѣтъ кругомъ, а я уже тутъ посиживаю.

Владѣнія Тимофея, по совѣсти говоря, видъ имѣютъ довольно жалкій. Изба, правда, новая, крытая свѣжей соломой, но до такой степени маленькая, что напоминаетъ болѣе дѣтскую игрушку, чѣмъ человѣческое жилье. Надворныхъ построекъ никакихъ, если не считать какого-то не то большого шалаша, не то крытой ямы, гдѣ ночуетъ скотина. Дворъ не огороженъ. Около избы свалена куча глины, часть ее размята ногами Тимофеевой жены, а сама жена обмазываетъ избу. Двѣ дѣвочки ведромъ таскаютъ глину. Худая, измученная женщина, въ послѣднемъ періодѣ беременности, приняла сначала меня за землеустроителя и нахмурилась. Узнавъ затѣмъ, что пріѣхалъ «просто такъ», какъ-то жалко улыбнулась и пригласила въ комнату.

— Вишь ты, сволочи! Опять кто-то по озимымъ ѣдетъ! — закричалъ вдругъ Тимофей и бросился къ дорогѣ.

— Это Ванька галченокъ: онъ всегда нарочно.

— Эй ты—куда тѣ чортъ несетъ! Аль нѣтъ для тебя дороги-то.

— Да лошадь вотъ... — слышалось что-то съ заѣхавшей на озимь телѣги.

— Я те дамъ лошадь... Прётъ на озими, какъ тотъ...

— Ну, ты помалкивай!

— Проваливай, проваливай, язевый лобъ!

Мужикъ лѣниво свернулъ на дорогу.

— Вотъ всегда такъ,—обратился ко мнѣ Тимофей,—словно имъ слаще по озими то ѣхать... Вѣдь и лошади тяжело, а все со зла... Прямо нехристи!

Въ избѣ Тимофея было нѣсколько уютнѣе, чѣмъ въ землянкѣ хуторянина. Здѣсь столъ, лавки, кровать. На стѣнахъ лубки: «мученіе св. великомученицы Варвары», «Семь ступеней жизни человѣка» и карикатура: громадный казакъ проглатываетъ нанизанныхъ на копье японцевъ.

Третья дочь Тимофея, дѣвочка лѣтъ семи, ставила самоваръ.

— Видите, вотъ наше житье; не гнѣвимъ Бога, только бы выбраться малость. Колодезь вотъ скоро начну рыть. Теперь неудобство это: за водой ѣздить приходится; боченка настоящаго нѣтъ, а въ кадушкѣ, пока везешь—расплещешь все. Мы ужъ и полотнищемъ закрывали, нѣтъ,—все полъ-кадушки расплещешь. Дорога у насъ вода, экономить приходится. Тоже много требуется воды то; скотину гоняю туда поить, да теперь тоже ворчать начали общественники. Воды имъ жалко, прости Господи! А такъ ничего, живемъ хорошо: хлѣбъ есть...

— Дай Богъ. Поправляйтесь!

— Вотъ насчетъ дровъ тоже. Каждый прутъ покупной: хорошо еще здѣсь въ пяти верстахъ пристань въ лѣсу. За три раза дали мнѣ пять возовъ сушника, а то вѣдь въ городъ за дровами то придется ѣздить.

— Это какъ за три раза?

— А три раза въ городъ дрова я имъ отвезъ, а за это въ видѣ благодарности сушникъ мнѣ дали. Надо на зиму то запасать.

Изъ суетливаго мужиченка Тимофей здѣсь, въ «своихъ владѣніяхъ», превратился въ печально-задумчиваго мужика, которому, несомнѣнно, многое «сосало сердце».

Тяжелое впечатлѣніе производила его одинокая лачужка, печально торчащая на холмикѣ. Кругомъ ни кустика, ни овражка,— ничего, что могло бы хоть сколько нибудь разнообразить картину тоскливаго одиночества. Люди попадаютъ сюда лишь случайно: либо изъ «озорства», либо поправить порвавшуюся въ дорогѣ упряжь. Одиночество, видимо, давило и Тимофея.

— Вѣдь это, пока что, мы одни то: къ веснѣ начнутъ другіе

переселяться. Какъ же? Народу много будетъ. Не вѣкъ же одни. Мнѣ то все равно. Жена, вонъ, скучаетъ; подругъ, ей, вишь, не достаетъ. Что подѣлаешь? Потерпѣть надо! И хуже жили, а помогъ Господь!.. Анъ, дѣло и поправилось...

— Ну, ужъ хуже то не жили,—замѣтила жена.

— Какъ не жили? Да взять хоть съ отцомъ то—нѣшто сравнительно? Отецъ мой,—обратился онъ ко мнѣ,—надо прямо говорить, былъ лютый песъ. Хоть и грѣшно отца ругать, но нѣтъ у меня для него иного названія. Песъ смердящій—больше ничего. Деньгу имѣлъ, а скаредъ былъ лютый; до того доходилъ, что куръ по утрамъ щупалъ, чтобы мы не могли яичко украсть; все у него было на счету, все подъ замкомъ. Работаемъ, бывало, съ женой день и ночь, а отрады никакой: каждымъ кускомъ дѣлаетъ попрекъ. Чѣмъ старѣе, тѣмъ жаднѣе становился; въ концѣ концовъ озвѣрѣлъ, какъ волкъ, жену мою началъ бить. Я самъ то человѣкъ тихій, а онъ бивалъ ее смертнымъ боемъ. Ну, а меня онъ ничѣмъ пронять не могъ: онъ лается, а я молчу; онъ съ кулаками, а я на печку подъ тулупъ. Видитъ онъ, что не такой я человѣкъ—какую выкинулъ штуку? Разъ при людяхъ отлилъ мнѣ пулю: «слышишь, говоритъ, Тимошка, вѣдь ты мнѣ не сынъ; не сынъ, говоритъ, ты мнѣ; твой отецъ, говоритъ, Терешка Слюнявый». Стоимъ мы съ матерью—лица на насъ нѣтъ: стыдобушка! Однако, затаилъ я это дѣло въ своемъ сердцѣ. Началъ онъ вечеромъ приставать къ женѣ, а я подошелъ къ нему и говорю: «такъ я, говорю, не сынъ тебѣ?»—«Нѣтъ, говоритъ, Тимоша, не сынъ.»—Здѣсь я развернулся, да ка-а-акъ ему дамъ по харѣ! Онъ съ ногъ. «Отца родного, я бы не ударилъ, а чужому человѣку довольно надъ нами измываться». Вотъ какъ жили, а ты говоришь, хуже не было.

— Тоска больно ѣсть, живемъ, какъ звѣри. Хоть бы лѣсъ былъ, что-ли, а то вѣдь зимой здѣсь ни въѣзду, ни выѣзду... Человѣка рѣдко увидишь, а и придетъ кто, такъ не съ добромъ.

— Погоди малость. Весной вотъ огородъ разведемъ, полисадникъ, цвѣтовъ насадимъ...

— Насадишь!..

— Что вы сѣяли этотъ годъ?—прервалъ я тяжелый разговоръ.

— Яровое нынѣ у меня было: просо, овесъ. Больше то овса. Уродился хорошо, а цѣна соскочила: по 40 безъ копѣйки продалъ.

— А чѣмъ пашете?

— Я сохой жарю. Весной вотъ думаю плужокъ взять, а пока не собрался. Чиновникъ тоже говорилъ намъ «плуги, говоритъ, надо покупать». Не все сразу, понемножку обзаведемся всѣмъ.

— Говорили здѣсь, что годокъ другой поплатимъ, а потомъ отмѣна будетъ. Не слыхали?—спросила жена Тимофея.

— Не слышалъ.

— А здѣсь говорили.

— Можетъ быть. Дай Богъ.

— А то вѣдь эдакъ то изъ силъ выбьешься.

За чаемъ Тимофей долго разсказывалъ мнѣ о «своей жизни». Много горя пришлось испытать этому человѣку. «Только одна печь по мнѣ не ходила, а то всѣмъ били». И вотъ онъ убѣжалъ отъ людей. Убѣжалъ, а тоскуетъ о нихъ, хотя и скрываетъ это подъ видомъ внѣшняго безразличія. Переселился на хуторъ, думая здѣсь найти «тихую пристань», старается увѣрить себя, что «теперь все пойдетъ по-хорошему» и въ то же время сомнѣніе отравляетъ его спокойствіе, въ перспективѣ лишь «злоба» общественниковъ, да ежегодный взносъ 150 руб.

— Выдержитъ-ли Тимофей?—спрашивалъ я самъ себя. Самъ онъ, обстановка, перспективы будущаго, все говорило—едва ли. скорѣе не выдержитъ!..

Я ночевалъ у Тимофея. Рано утромъ разбудилъ меня его нервный визгъ.

— Вѣдь этакъ жить нельзя! Опять лошадей по озими пасли! Что же это такое? дождей нѣтъ; земля—пыль; вѣдь она—лошадь то—теперь озимь съ корнемъ вырываетъ. Я жаловаться буду. Знаю я, чьи это продѣлки...

Сердитый запрегъ онъ для меня лошадь и всю дорогу неистово колотилъ ее прутомъ.

— Ну, и народъ! а!? Долго ли такъ разворить человѣка? нѣтъ, я буду по иному: возьму топоръ, и какъ увижу кого, прямо по башкѣ!..

— Вы бы добромъ какъ-нибудь.

— Ну ихъ къ чорту! Собаки...

А въ Даниловкѣ, среди крестьянъ, онъ снова превратился въ суетливаго мужиченку, робкаго и забитаго. Парни смѣялись надъ нимъ, надъ его лошадью, сбруей, а онъ молчалъ и виновато улыбался...

III.

Мнѣ надоѣло ѣздить по мѣстамъ, гдѣ хуторяне дѣлаютъ лишь «первые шаги». Нищета ихъ, суетливость, безпричинное метаніе изъ стороны въ сторону, жалобы на банкъ, на общественниковъ,— все это наводило мучительную тоску. Хотѣлось поскорѣе увидѣть хоть какое нибудь довольство, силу и увѣренность въ себѣ. Пойдешь въ деревню — тамъ крестьяне, угрюмые, озлобленные, жалуются на полную безвыходность, на то, что «хутора эти въ раззоръ ихъ раззорили». На хуторахъ—или жалобы на общественниковъ, или молчаливая, тоскливая угрюмость...

Гдѣ же довольные «съ бодрыми лицами»?

— Что же? Свезу!—отвѣтилъ мнѣ лѣсникъ Андрей Ивановичъ на просьбу свезти меня на ближайшіе хутора.

Мы выѣхали на его «кривушкѣ».

Хутора эти расположены верстахъ въ трехъ отъ деревни Тугузки. Построены они на землѣ, принадлежавшей ранѣе Даниловской экономіи. «Кривушка» домчала насъ довольно быстро. Здѣсь поселокъ изъ четырехъ избъ. Расположены онѣ подрядъ, образуя маленькую уличку. Передъ домами роется колодецъ, позади нихъ протекаетъ небольшой ручеекъ. Дворы еще не обгорожены, но есть уже кое-какія надворныя постройки.

По обыкновенію, хуторяне приняли меня сначала за банковскаго чиновника и начали излагать мнѣ цѣлый рядъ жалобъ. Узнавъ же, что я «отъ журнала», примолкли и лишь послѣ довольно продолжительнаго знакомства стали говорить со мной болѣе или менѣе откровенно. Всѣ они люди болѣе или менѣе зажиточные. На четыре двора они взяли десять отрубовъ (больше 150 десятинъ), при чемъ двое взяли по три отруба, на себя и сыновей.

Домики ихъ новенькіе, но крыты соломой и отличаются микроскопичностью: всѣ четыре домика построены изъ осины—самаго дешеваго матеріала; одинъ сарай, одинъ амбарчикъ. У каждаго домика сѣни, покрытыя, но еще не огороженныя. Около двухъ избъ лежатъ плуги; на улицѣ валяется испорченная ручная вѣялка.

Трое изъ этихъ хуторянъ имѣютъ надѣльныя земли и избы въ деревнѣ, четвертый же, наиболѣе бѣдный, продалъ избу и землю. Изба этого четвертаго еще стоитъ безъ оконъ, и самого его видѣть мнѣ не пришлось.

— За окошками въ городъ поѣхалъ: холода наступаютъ...

Хуторяне показали мнѣ амбаръ. Весь онъ занятъ грудой овса, оставленнаго «для себя». Овесъ плохо провѣянъ и плохо очищенъ.

— Для себя вѣдь, не на продажу,—объясняютъ хуторяне.

Имѣютъ хуторяне головъ 15 скота, который распредѣляется крайне неравномѣрно: у одного шесть головъ, у другого двѣ. Сдѣлать какіе-либо выводы теперь о нихъ довольно трудно, но у троихъ изъ нихъ очевидны всѣ признаки зажиточности.

— Ну, какъ поживаете?

— Ничего себѣ. Вѣдь начали только, не знаемъ, какъ Богъ дастъ.

— Что сѣяли этотъ годъ?

— Яровое—овесъ, подсолнышки; урожай слава Богу.

— Продали?

— Продали. Овесъ низко стоялъ, а подсолнышки продали рубль шесть гривенъ.

— Грызовые сѣяли?

— Масличные. Грызовые опасно: ухода много надо за ними:

— Въ банкъ внесли?

— Внести-то внесли. Да не поймемъ ничего. Заплатили рублей по двѣсти, а говорятъ, опять надо скоро платить.

– Вы какъ взяли-то?

— Какъ взяли? Какъ всѣ берутъ. Сказали намъ, по 10 рублей за десятину въ годъ придется; вотъ и взяли.

— Живете, значитъ, хорошо?

— Жить бы можно, кабы вода была. Начали, вонъ, колодезь копать, а воды нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Бѣжитъ, вонъ, позади насъ ручеекъ, и вода въ немъ хорошая, и плотинку мы поставили, а пользоваться нельзя. Ручеекъ-то, вишь, бѣжитъ черезъ Даниловскій винокуренный заводъ, такъ тамъ спускаютъ въ него барду. Ну, и мутятъ воду. Какъ спустятъ, такъ горе одно—въ ротъ взять нельзя, и скотина не пьетъ. Жаловаться теперь хочемъ.

— Вы бы съ заводомъ поговорили сначала.

— Говорили. Нашъ, говорятъ, ручей, что вы съ ними подѣлаете?

— Что же вы дѣлаете, когда спускаютъ эту дрянь?

— Ѣздимъ за водой. Верстъ за пять приходится ѣздить-то; изъ колодезей въ Тугузкѣ намъ не даютъ, такъ въ прудъ приходится ѣздить.

— Съ тугузцами-то, значитъ, въ ссорѣ живете?

— Мы-то что же? Мы ничего. Они вотъ на насъ зубы точатъ. Плохого мы имъ ничего не сдѣлали, а они все грозятъ: прямо говорятъ, что въ случаѣ чего—на васъ раньше помѣщиковъ пойдемъ.

— По дорогѣ вотъ тоже,—добавилъ другой хуторянинъ,—не даютъ намъ ѣздить. Не смѣй-де ѣздить-то? Говори, говори, да молчи...

— Ну, уже это дѣло ихъ: хотятъ позволятъ, хотятъ, нѣтъ.

— Какъ ихъ?

— По дорогѣ всѣ ѣздятъ! Вѣдь вы вотъ не общественникъ, а ѣхали по дорогѣ,—почему же намъ нельзя? Не убавится отъ этого дороги-то!

— Просто злость они на насъ имѣютъ. Землю эту они, вишь, раньше снимали...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ, что трое хуторянъ зимой будутъ жить въ деревнѣ, а здѣсь поселятъ сыновей или родственниковъ, и лишь четвертый будетъ жить здѣсь «завсегда».

— Опасно все-таки домъ отъ деревни продать! Пусть будетъ и здѣсь, и тамъ. Разъ ужъ нужда одолѣетъ, тогда другое дѣло, а пока потерпимъ.

— А надѣлы?

— Надѣлы тоже намъ надобятся. Сдаемъ мы ихъ. Земель теперь порожнихъ нѣтъ, цѣна стоитъ хорошая, вотъ и сдаемъ своимъ же мужикамъ. Такъ что продавать намъ не рука.

Хуторяне эти—народъ многосемейный; но у троихъ изъ нихъ дѣти уже взрослыя и не нуждаются въ образованіи. Четвертый же имѣетъ ребятишекъ школьнаго возраста, какъ разъ онъ-то именно и продалъ свой деревенскій домъ и надѣлы; для него вопросъ объ ученіи ребятъ стоитъ ребромъ. Мужикъ онъ умный, разсудительный; самъ онъ заявляетъ, что учить ребятъ необходимо, но «совершенно ничего не можетъ подѣлать».

— Если для четырехъ домовъ школу-то выстроить, такъ это обойдется дороже, чѣмъ въ гимназіи. А въ село посылать не рука: на хлѣба отдать не по силамъ; возить каждый день—возни больно много, а пѣшкомъ нѣшто зимой ихъ пустишь? Здѣсь волковъ однихъ прорва; да какъ она понесетъ, матушка, такъ большой съ дороги собьется... Не знаю, что ужъ и дѣлать!

— Да еще общественники говорятъ, что въ свою школу не будутъ пускать нашихъ ребятишекъ. Свою, говорятъ, стройте.

— Ну, школа-то, положимъ, земская.

— Земская, а они не пустятъ. Что ты съ ними подѣлаешь? Не то что въ школу, въ церковь не хотятъ пускать. Молиться—молись, а вѣнчайся вокругъ сосны. А у насъ и сосенъ-то нѣтъ къ тому же.

— А вѣнчаться и въ городѣ можно.

— Извѣстно, не будемъ жить невѣнчаны. Только къ тому я, что злоба-то ихъ какова? Прямо вѣдь не мытьемъ, такъ катаньемъ донимаютъ.

Поговоривъ со мной о разныхъ дѣлахъ, самый пожилой изъ хуторянъ спросилъ:

— Вы говорите, вотъ отъ газетки ѣздите, по хуторамъ-то?

— Отъ журнала. Разъ въ мѣсяцъ выходитъ.

— Зачѣмъ же журналу этому деньги тратить, посылать васъ?

— Чтобы всѣ знали, какъ вы живете.

— Правительство, значитъ, объ насъ безпокоится...

— Нѣтъ, не правительство. Это частные люди.

— Народу теперь къ намъ ѣздитъ—Господи твоя воля! То одинъ, то другой... На-дняхъ, вотъ тоже, генералъ пріѣзжалъ отъ «союза русскаго народа». Представительный господинъ, толстый такой... Погоны—во!—показалъ онъ на четверть вышины отъ плеча. Черезъ плечо—онъ показалъ разстояніе отъ плеча до живота—лента; на груди—растопыренными пальцами онъ провелъ по груди—ордена. Предлогъ дѣлалъ насчетъ «союза». Записывайтесь, говоритъ.

— Ну и что же вы?

— Записались. Главное потому, что пужалъ онъ насчетъ земли, а затѣмъ и слова такія: «за царя говоритъ, за родину постойте»... Такъ что записались.

— Напрасно.

— А что? Аль обманъ какой?

— Конечно, обманъ. Я разъяснилъ, что такое «союзъ» и каковы его цѣли.

— Вишь ты! А мы что знаемъ? Извѣстно, народъ темный! Вотъ опять пріѣдетъ—спросимъ его: зачѣмъ чиновники къ намъ всякіе ѣздятъ?

— Народъ мы любопытный,—сострилъ парень.

— Не то, что любопытный, а вновь все это, ну, господа—и имѣютъ интересъ.

— Нужно посмотрѣть, какъ вы живете и другимъ дать совѣтъ, стоитъ переходить или нѣтъ?

— Это точно. Мы тоже вотъ боялись, а теперь, на насъ глядя, може, и еще кто выищется.

Вопросъ о топкѣ для этихъ хуторянъ, какъ и для Тимофея, стоитъ ребромъ. Послѣдній ближайшій лѣсъ сводится. Близко время, когда хуторянамъ за дровами придется ѣздить въ городъ.

— Запасаемъ пока что. Да на десять лѣтъ не напасешь.— При прощаньи старикъ спросилъ меня:

— Не слышно тамъ—говорятъ, что заставятъ насъ надѣлы продать.

— Не знаю.

— А вы ужъ, пожалуйста, при случаѣ насчетъ барды-то скажите тамъ. Какъ-нибудь, молъ, устроются—только пить нечего: вода сидитъ низко, а здѣсь барда.

— Хорошо, напишу.

— Ужъ сдѣлайте милость.

— Скажите, по вашимъ вотъ словамъ, вы и въ деревнѣ хорошо жили,—а зачѣмъ же вы перебрались сюда?

— Да все какъ получше хочется! Своей землицы хочется. Купили вотъ, выплатимъ—она и наша; своя кормилица... А тамъ мало; на съемѣ были, а теперь и съему нѣтъ. Поэтому и перешли.

— Думаете выдержите?

— Мы-то, Богъ дастъ, осилимъ, а сосѣдъ—вотъ едва ли!

— Обнищалъ больно—ни у него телѣги, ни у него топора, за всѣмъ по дворамъ бѣгаетъ. Вотъ теперь яровое было у насъ, а рожь-то ему покупать приходится. А тамъ опять платежи! Трудно и намъ, а ему—не дай Господи!..

Отъ этихъ хуторянъ я поѣхалъ въ небольшой хуторской поселокъ близь Ключей, гдѣ прожилъ нѣсколько дней у очень интереснаго хуторянина Егора Ивановича.

Егоръ Ивановичъ—дворовый. До переселенія на хуторъ онъ не засѣвалъ около 20 лѣтъ, но хлѣбопашество любилъ «всей душой». Идеаломъ его было—сдѣлаться хозяиномъ и на собственной землѣ молотить свой хлѣбъ.

— Больше мнѣ ничего и не надо было! Да гдѣ ужъ — думаю

бывало—не доживу: 55 лѣтъ мнѣ, сколько лѣтъ думалъ сколотить деньжонки, да такъ и не сколотилъ... А глядь — эти хутора...

Егоръ Ивановичъ видалъ всякіе виды: онъ служилъ тюремнымъ надзирателемъ, служилъ полицейскимъ; съ этой должности его уволили за неблагонадежность старшаго сына. Онъ думалъ, что «вѣкъ придется дожить въ лѣсникахъ», — его послѣдней должности, но судьба рѣшила побаловать его передъ концомъ жизни.

Когда Егоръ Ивановичъ служилъ лѣсникомъ, «съ мужикомъ былъ строгъ», но до обычной теперь дикости и безшабашной наглости никогда не доходилъ. «Если я ловилъ мужика, то представлялъ его въ контору,—вотъ и все... А иногда и отпускалъ». Бить же, «не позволялъ себѣ никогда», за «мелочи», какъ вязанка дровъ, или пара лыкъ «подъ штрафъ не подводилъ», а иногда и самъ разрѣшалъ «набрать сушняку истопели на двѣ». Но особенно пріятно въ немъ было то, что къ крестьянину онъ никогда не питалъ ненавистной злобы, столь характерной для помѣщичьихъ служащихъ, воспитанныхъ при новыхъ порядкахъ.

Онъ любилъ крестьянъ, входилъ въ мелочи крестьянскаго хозяйства и уважалъ ихъ несравненно больше, чѣмъ полицейскихъ, стражниковъ, и прочихъ чиновныхъ людей деревни...

Уединенная жизнь въ лѣсу какъ бы подготовила его къ уединенной жизни на хуторѣ. Онъ любитъ читать и до сихъ поръ все свободное время проводитъ за чтеніемъ книгъ, преимущественно библіи и евангелія. Книги эти онъ знаетъ прекрасно и часто цитируетъ изъ нихъ подходящія къ разговору мѣста.

Я знаю Егора Ивановича лѣтъ десять, и мнѣ было особенно интересно, какъ будетъ отзываться о жизни на хуторахъ этотъ влюбленный въ землю и привыкшій къ одиночеству человѣкъ.

Представьте же себѣ мое удивленіе, когда онъ съ первыхъ же словъ началъ приводить обычныя для хуторянъ жалобы.

— Да вѣдь вы, Егоръ Ивановичъ, двадцать лѣтъ дорывались до земли?

— Такъ что же? Земля землей, а хлѣбъ-то нужно тоже.

— Неужели же и хлѣба нѣтъ?

— А вы что думали?—И Егоръ Ивановичъ высчиталъ, что за покрытіемъ платежей, у него останется едва-едва на сѣмена.

— Затѣмъ то посудите: Нюрку вотъ учить надо, а силъ нѣтъ... Вѣдь въ городѣ надо держать, ближе нѣту школы, а вѣдь это 6 руб. въ мѣсяцъ. Гдѣ ихъ взять?..

— Ну, а въ лѣсникахъ вы были, чтобы стали дѣлать?

— Тогда у меня домишко въ городѣ былъ; квартиранты жили, они за квартиру взяли бы Нюрку. Теперь сюды переѣхалъ, домъ продалъ,—одна и отрада только, что самъ хозяинъ... Куда не кинь, ничего нѣтъ: въ церковь сходить 6 верстъ; пожарной

поблизости нѣтъ; скажемъ такое дѣло—кладбища и того нѣтъ... Трудно!

Затѣмъ Егоръ Ивановичъ перешелъ на общую тему.

— Всѣмъ плохо! Злое время! Сказано: прійде время, благодать св. Духа уничтожится... Вмѣсто жертвенниковъ воздвигнуты будутъ кумиры... Волъ, привязанный у яслей, не сможетъ нести своего ярма... Пришло это время, ой пришло! Св. отецъ, толкуя это мѣсто, говоритъ, что, волъ это—духовенство. Бывало патріархи обличали, стращали судомъ Божіимъ, ни бояръ, ни князей не страшились; а нынѣ всѣ на того, кто послабже: на мужика... Былъ у насъ тутъ голодъ, мордва мерла, какъ мухи,—вотъ бы отцу духовному возвысить свой голосъ, монастырю открыть свою житницу,—а они народу хлѣбъ изъ проценту давали... Гибнетъ мужикъ!..

Вечеръ. Жена Егора Ивановича—ровесница ему по годамъ—стройная женщина, со слѣдами былой красоты, поставила на столъ самоваръ.

Избушка Егора Ивановича маленькая, но довольно чистая; зеркало, часы, шкафъ,—предметы, пріобрѣтенные десятокъ лѣтъ назадъ. На угольникѣ стоитъ откуда-то попавшій бюстъ Толстого, по стѣнамъ полочки съ посудой и книгами. Вообще было довольно уютно.

За чаемъ мы отвлеклись отъ хуторской темы и горячо спорили о религіи. Вдругъ, въ самый разгаръ спора, громадная собака Егора Ивановича, Громилка, съ злобнымъ лаемъ пронеслась мимо окна и бросилась къ дорогѣ.

Мы выбѣжали на дворъ.

— Что за люди?—крикнулъ Егоръ Ивановичъ.

— Уйми, пса-то, Егоръ Ивановичъ,—экъ его расходился... Свой, свой... Долой ты, лѣшій...

— Громилка, назадъ...

Подошелъ мужикъ низенькаго роста, съ горбами на спинѣ и на груди... Маленькое толстое лицо его—безъ усовъ, безъ бороды, больше походило на личико истощеннаго ребенка, и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, пѣвучимъ голосомъ.

— Съ чѣмъ пришелъ, Петровичъ?

— Несчастье, Егоръ Ивановичъ, корова что-то дуется...

— Такъ за ветеринаромъ надо...

— Вотъ лошадки не дашь ли?

— Возьми, возьми...

Петровичъ поспѣшно началъ запрягать «кривушку».

— Что у тебя съ ней?

— И ума не приложу: схватило въ одночасьи, и мыла давалъ, а все нѣтъ...

— Дуется?

— Какъ гора... Пыхтитъ, пыхтитъ, а толку нѣтъ...

— Ну поѣзжай съ Богомъ...

Долго Егоръ Ивановичъ смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся Петровичу и задумчиво качалъ головой.

— Не дай Богъ, не дай Богъ... Послѣдняя корова...

— Пойдемте къ нему, Егоръ Ивановичъ...

— Да надо пойти... А то одни они тамъ, у меня хоть Громилка...

Мы отправились.

— Не повѣрите, до какой степени привыкъ я къ лѣсу! Жить безъ него не могу... Выйду, вечеромъ, и кажется мнѣ, что дерева качаются и шумятъ... Скучно безъ лѣса-то.

— Скучно?

— Скучно. Лѣсокъ бы, ручеекъ... Ну и повеселѣе... А такъ скучно...

— Ходятъ къ вамъ сосѣди-то?

— Такъ изрѣдка; больше по дѣламъ: кто за ведромъ, кто за телѣгой... Все я хорошо справилъ, да, видно, не на прибыль пойдетъ, а на раззоръ—не осилишь. Старѣть начали съ бабой; изъ силъ бьемся, а прибытокъ небольшой. Нюрку бы на ноги поставить... А есть и хуже насъ; насъ за богачей считаютъ, думаютъ: въ лѣсникахъ деньги скопилъ...

Маленькая избенка безъ двора, безъ построекъ—вотъ и весь хуторъ Петровича. Окна заткнуты тряпьемъ и соломой. Внутри—печь, кровать, столъ, лавки,—все привезено «изъ дому», т. е. изъ деревни. Ребятъ пятеро. Одинъ грудной лежитъ въ зыбкѣ, а четверо вмѣстѣ съ матерью стоятъ вокругъ занявшей почти всю свободную часть избы большой коровы.

Съ мучительной тревогой семья смотрѣла на корову. Мать подносила ей ко рту кусокъ соленаго хлѣба...

— Возьми, рыженушка, возьми...

Корова лизнетъ хлѣбъ, мотнетъ головой и снова опуститъ ее, тяжело отдуваясь.

— Не беретъ, Гавриловна?

— Нѣтъ!..

— Эхъ, горе-горькое...

До пріѣзда ветеринара мы бесѣдовали на всевозможныя темы. Гавриловна разсказывала мнѣ исторію переселенія на хутора.

— Вѣдь сами вотъ видите и Егоръ Ивановичъ скажетъ, что все правда... До того дошло, что отрубей не стало... Голодали по три, по четыре дня... Вѣрите ли? Бывало, самъ-то завернется съ головой въ чапанъ и лежитъ, а я обойму ребятишекъ руками и воемъ... Смерти ждали...

— Ну, ты, Гавриловна, не вспоминай это... Прошло время это и—Слава Богу!..

— Я къ тому, что они вотъ спрашиваютъ: почему мы не-

рѣшили? Жили мы раньше въ Петровскѣ и держали крендельной курень—жили хорошо... Затѣмъ пошли эти курени чуть не въ каждомъ домѣ—дѣло подшиблось... Продали мы курень, собрали деньжонокъ, сняли землю подъ бахчу. Посадили арбузы... Хорошіе было арбузы взошли—душа любовалась. Вдругъ—погибли въ одночасьи: градомъ посбило. Здѣсь, одно къ одному, телку у насъ увели...

— Придетъ, говорятъ, бѣда—растворяй ворота...

— Да!.. Пишемъ въ Сердобскъ къ деверю—выручай! Никакого отвѣта... Метнулись туда, метнулись сюда—ничего! Вотъ здѣсь мы и взвыли... Грѣшница и я—беретъ меня зло, а я все на него хочу свалить.—Что ты, говорю, лежишь все, какъ байбакъ? Вѣдь пролежни скоро будутъ!?.—«Ѣдемъ, говоритъ, въ деревню»...—Подумали, подумали—другого выхода нѣтъ...

— Всегда такъ вотъ: поѣдетъ человѣкъ легкой жизни искать, а глядь, дѣло-то и того... не такъ поворачиваетъ...

— Пріѣхали въ деревню... Работали лѣто, сколотили деньжонокъ, призаняли—открыли лавочку... Все было хорошо, да начали мы приторговывать книжками. Во время забастовки спросъ на нихъ былъ большой... Глядь—обыскъ, мужа увезли въ Петровскъ...

— Шепнулъ, видно, кто...

— Не иначе. Покуда держали его тамъ, здѣсь все раззорилось... Пріѣхалъ черезъ два года—вездѣ хоть шаромъ покати... Ну и рѣшили осѣсть на землю... Какъ здѣсь Господь устроитъ насъ—неизвѣстно...

Долго Гавриловна монотонно говорила о «своей жизни». Много горя пришлось испытать ей съ мужемъ; нужда цѣпко охватила ихъ своими щупальцами, и едва ли хуторъ поможетъ этимъ людямъ «вздохнуть хоть немного»... А впрочемъ,—судите сами. Вмѣсто ожидаемой ссуды въ 150 руб., Петровичъ получилъ лишь 75; на переселеніе и постройку пришлось занять; онъ занялъ подъ залогъ надѣла на какихъ-то чудовищныхъ условіяхъ. Переселеніе и платежи банку поглотили все. А земля подъ хуторомъ оказалась «послѣ ржи», такъ что Петровичу пришлось сѣять «рожь на рожь». Естественно, что урожай былъ самый ничтожный; чечевица уродилась хорошо, но цѣна на нее стояла низкая, такъ что первый годъ не только не далъ какого-либо излишка, но на покрытіе платежей пришлось продать лошадь... «15 десятинъ не дали ничего»,—говоритъ жена Петровича. Не дали они, конечно, Петровичу съ семьей, а банкъ свою долю получилъ... Теперь Петровичъ надѣется, что «поможетъ земство».. «Дали бы рубликовъ сорокъ—лошаденку бы купилъ... А то дюже тяжело»!..

Выслушавъ «исторію» Гавриловны и Петровича, я простился съ ними, а черезъ нѣсколько дней простился и съ Егоромъ Ива-

новичемъ. Хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ хуторяне въ другихъ губерніяхъ. Я поѣхалъ въ Казанскую, а потомъ въ Орловскую губерніи.

IV.

Въ той части Ливенскаго уѣзда Орловской губ., которую пришлось мнѣ посѣтить, подъ хутора разбито четыре имѣнія: Великаго Князя Андрея Владиміровича—пять тысячъ десятинъ; Полякова—900 десятинъ; Набокова—400 десятинъ и Корфа—600 десятинъ. Всего, слѣдовательно, подъ хутора разбито около семи тысячъ десятинъ. Размѣръ хуторской площади для Ливенскаго уѣзда опредѣленъ максимально въ 9 десятинъ; такая площадь подъ каждый хуторъ и отрѣзана; отступленія допущены лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по условіямъ размежеванія не представлялось возможнымъ достигнуть полнаго уравненія, — тогда подъ хутора отводились клинья въ 10—12 десятинъ.

Такимъ образомъ, нарѣзано было побольше шести сотъ хуторовъ, которые и разобраны мѣстными и пріѣзжими крестьянами. Какъ и вездѣ, большая часть разбитыхъ подъ хутора земель раньше находилась въ пользованіи окрестныхъ крестьянъ, которые арендовали по 1—2 десятины; теперь земли эти перешли въ пользованіе всего 600 семей, изъ которыхъ большая половина пріѣзжихъ изъ другихъ губерній и уѣздовъ. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и создаетъ почву непримиримаго антогонизма мѣстныхъ крестьянъ къ хуторянамъ.

Какъ въ Казанской, Саратовской и другихъ губ., здѣсь съ перваго взгляда бросается въ глаза упорное нежеланіе переселиться. Землю берутъ охотно, но переселеніе идетъ туго. «Собирая всѣ силы», крестьяне «переходятъ на пять процентовъ», переплачиваютъ массу лишнихъ денегъ, лишь бы остаться въ деревнѣ. Въ результатѣ—участки разобраны всѣ, а переселилось всего 160 человѣкъ, главнымъ образомъ, пріѣзжихъ, или тѣхъ изъ окрестныхъ крестьянъ, у которыхъ «не было никакой возможности отвертѣться».

Всѣ разговоры о преимуществахъ близости земли къ жилью, всѣ подсчеты малой затраты рабочихъ силъ не ведутъ ни къ чему. По этому поводу мнѣ пришлось говорить съ завѣдующимъ участкомъ.

— Что вы подѣлаете?—говорилъ онъ,—своей собственной пользы не понимаютъ. Говоришь имъ, говоришь, а они все на своемъ. Опасно,—видите ли! Чего же, спрашиваю, вы опасаетесь? «Перейдешь, говорятъ, а глядь, силовъ-то и не хватитъ. Тогда и съ хутора-то сгонятъ и въ деревнѣ всего лишишься». Вотъ вы и поговорите съ ними! Прямо хоть колъ на головѣ теши...

— Значитъ, большая часть участковъ отдана безъ переселенія?

— Пока, да. Да что вы хотите? Сначала, какъ разбили землю, совсѣмъ не хотѣли брать; нѣкоторымъ я прямо насильно навязалъ; затѣмъ другіе уѣзды оповѣстили. Изъ другихъ мѣстъ начали переселяться, а наши уперлись, какъ быки, и стоятъ! Въ то время у насъ распоряженіе было, чтобы главнымъ образомъ отдавать участки съ переселеніемъ, поэтому о пяти процентахъ мы не разглашали. А теперь, какъ узнали про пять-то процентовъ, такъ и повалили валомъ. Каждый теперь только и ждетъ, чтобы кого-либо согнали, а онъ наровитъ перехватить его участокъ.

— Но вѣдь безъ переселенія цѣли правительства не совсѣмъ достигаются?

— Видите, въ чемъ дѣло: въ циркулярѣ комитета по землеустроительнымъ дѣламъ (отъ 12 іюня 1907 года за № 17) сказано, что доходъ, который крестьянскій банкъ выручаетъ отъ сдачи купленныхъ имъ имѣній въ аренду не покрываетъ платежей, которые самому банку приходится нести по выпускаемымъ свидѣтельствамъ. Это и операціи банка затрудняетъ, и крестьянамъ не выгодно, такъ какъ всѣ убытки накладываются на земли, и продажныя цѣны приходится повышать. Съ другой стороны, сдавать земли до тѣхъ поръ, пока найдутся желающіе переселиться, невыгодно еще и потому, что крестьяне при арендѣ землю истощаютъ; выпашетъ участокъ, а потомъ и продавай его, какъ знаешь. Поэтому лучше безъ переселенія продать, лишь бы продать... Вотъ этимъ мы и руководствуемся! А кромѣ того это не такъ ужъ и опасно: если они сейчасъ не переселяются, потомъ переселятся. Изъ семей будутъ выдѣлы—вотъ ихъ и будутъ сюда отдѣлять: какъ увидятъ преимущество единичной собственности, то потекутъ!

— Чѣмъ же вы сами объясняете это упорное нежеланіе переселяться?

— Глупостью мужицкой! Вѣдь у насъ въ 61 г. и на волю многіе не хотѣли итти...

Однако разговоры съ крестьянами показываютъ, что руководятъ ими въ данномъ случаѣ болѣе существенныя обстоятельства. По ихъ словамъ, сдѣлка сама по себѣ закабаляетъ съ двухъ сторонъ: во первыхъ, непосильными денежными платежами, а во вторыхъ, полнымъ отсутствіемъ свободы въ пользованіи и распоряженіи землей. Земли участка, о которомъ идетъ рѣчь, продаются крестьянамъ по цѣнѣ 170—220 руб. за десятину, смотря по качеству ихъ. Вполнѣ понятно, опредѣленіе качества въ высшей степени условно, и крестьяне неопровержимо доказываютъ полную въ этомъ смыслѣ безпорядочность: плохія земли оцѣнены въ 220 р., хорошія въ 170 и т. д. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, до полученія «данныхъ», земля считается въ арендномъ пользованіи, и платить за нее приходится 6% оцѣночной суммы; при оцѣнкѣ въ 220 руб., за хуторъ въ 9 десятинъ приходится платить 118 руб.

80 коп. въ годъ. Если принять во вниманіе только площадь ежегоднаго посѣва (6 десят.), то арендная цѣна будетъ около 20 руб. за десятину въ годъ. Цѣна для этихъ мѣстъ нѣсколько ниже обыкновенной, но для бѣднаго крестьянина она непосильна, потому что ему приходится брать такое количество десятинъ, для обработки котораго не приспособлено его хозяйство: нѣтъ ни скота, ни орудій обработки... Приходится или сдавать часть земли, что запрещено впредь до окончательной уплаты разсроченнаго долга и погашенія залога *) подъ страхомъ «обращенія на заложенное имущество взысканія», или часть земли оставлять незасѣянной. Понятно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ едва-едва уплачиваетъ аренду, а за работу «часто и соломы не остается». Договоръ требуетъ аккуратныхъ взносовъ въ опредѣленные сроки; дальше я приведу примѣры, до какого безчеловѣчнаго педантизма доходитъ это требованіе.

И вотъ къ данному сроку крестьянинъ «за что ни попало» продаетъ все, что возможно, и тащитъ деньги,—«иначе сгонятъ».

Все это происходитъ на глазахъ крестьянъ, чутко прислушивающихся къ хуторской жизни. Если первые шаги этой жизни ставятъ людей въ положеніе постояннаго трепета и боязни, «какъ бы ни согнали», то каково же отношеніе будетъ потомъ, когда крестьянинъ окончательно порветъ съ деревней и всѣ надежды его будутъ возложены только на хуторъ... При всякой, даже частичной неуплатѣ съ хуторовъ гонятъ довольно безцеремонно; понятно, что при такихъ условіяхъ находится мало желающихъ все порвать съ деревней и жить только хуторомъ...

Землеустроители Ливенскаго у. хвалились мнѣ, что за хуторянами почти нѣтъ недоимокъ, слѣдовательно, зажиточность ихъ внѣ сомнѣнія. Но вѣдь всѣ недоимочники согнаны съ земли, участки у нихъ отобраны, а многимъ ли извѣстно, путемъ какихъ нечеловѣческихъ лишеній оставшіеся собрали причитающіеся платежи?

Вотъ умный и разсудительный хуторянинъ Иванъ Кирилловичъ. Въ буквальномъ смыслѣ человѣкъ этотъ работаетъ день и ночь. Помимо обработки земли, онъ плететъ лапти, валяетъ и подшиваетъ валенки, лѣчитъ скотъ и, по его словамъ, «что ни заработаетъ, все садитъ въ эту прорву».

— Я дворовый и когда жилъ однимъ только своимъ ремесломъ, такой нужды и заботы не видалъ. А теперь только и работаешь, что на нихъ.

— Зачѣмъ же вы взяли хуторъ?

Иванъ Кирилловичъ вогналъ топоръ въ бревно, которое онъ обтесывалъ, и, остановившись, какъ-то удивленно посмотрѣлъ на меня.

---

*) См. пункты 2 и 3 договора.

— Да какже безъ земли то?..

— Вѣдь жили же вы безъ земли.

— Жилъ! Мало ли что жилъ; безъ хлѣба тоже приходилось живать...

— Сами же говорите, что раньше лучше было.

Иванъ Кирилловичъ молча посмотрѣлъ на меня и, какъ бы удивившись безнадежности моего непониманія, сѣлъ на бревно.

— Позвольте папиросочку.

Мы закурили.

— Если хотите вы знать, такъ двадцать лѣтъ уже, какъ я только и думалъ о томъ, какъ свою рожь на свое гумно свезу; жену, вонъ, спросите.

— Крестьянское хозяйство вы любите очень, что ли?

— Самъ не знаю. Сердце такое: вижу, къ примѣру, другіе снопы везутъ, а мнѣ къ груди подступаетъ. Теперь хоть и тяжеленько, а все таки легче...

— Довольны, значитъ?

— Чѣмъ же я могу быть доволенъ? Вы, вотъ, образованный человѣкъ, послушайте, да и сами рѣшайте.

Хуторъ мой 9 десятинъ; взялъ я его по 220 руб., задатку внесъ 20 руб. Третій годъ вотъ данныхъ все нѣтъ, плачу 6% аренды, теперь за два года выплатили,—за третій просятъ, а въ счетъ уплаты это не засчитываютъ; данныя тоже на мой счетъ; шутя, шутя надо класть 25 руб. Получу данныя,—побольше ста въ годъ придется платить. Вотъ и высчитайте!.. А надо прямо говорить: при переселеніи я раззорился въ разоръ!..

Затоптавъ папироску, онъ пригласилъ меня осмотрѣть свои владѣнія.

— Надоѣло тоже на покупномъ то хлѣбѣ... Зачѣмъ земля? Какъ зачѣмъ земля? Земля кормитъ, потеплѣе на душѣ, поближе къ землѣ то!

— Смотрите вотъ озимь. Вотъ одна полоса, вотъ другая; сѣяны вмѣстѣ. На одной, вонъ, словно клеверъ, а на другой почти нѣтъ ничего...

— Почему же это?

— Одинъ любитъ землю, а другой такъ себѣ; одинъ каждый комочекъ руками перетретъ, а другой сковырялъ кое какъ и въ сторону. Плуги, говорятъ; плуги?.. Да и плугомъ иной хуже сохи пашетъ. Любовь нужно, стараніе... Всякъ, говорятъ, спляшетъ да никакъ скоморохъ! Вонъ мой тесть сѣетъ, броситъ горсть—у него ровнѣе сѣялки ложится... Я къ тому это, что самъ теперь работать разучился. Ко всему надо сызнова привыкать...

Мы шли по узкой межѣ и Кирилловичъ долго разъяснялъ мнѣ, какъ съ «одного взгляда» можно отличить вспашку плуга и сохи.

— Ну, какъ нынѣшній годъ, хорошо управились съ дѣлами?— спросилъ я его.

— Какъ вамъ сказать? Вѣдь сызнова все начинается то; нѣтъ ничего, все купить, завести надо, а деньги все идутъ въ банкъ.

— Дали бы пять лѣтъ льготы, тогда можно было бы опериться, а то трудно. Было у меня три десятины ржи и три яровогo, рожь была плоха — собралъ по 70 пудовъ, овса пудовъ 200. Оставилъ на зиму пудовъ 60 ржи, а остальное все продалъ. Овесъ отдалъ 37 коп., а рожь 72, — вотъ и считайте, сколько получилъ. Уплатилъ банкѣ и остался шишъ съ масломъ!.. Дѣло ясное. Не переселяться бы—такъ туда-сюда, а то въ долги впалъ, разворился,—вотъ и трудно подняться!.. Все начисто продалъ. На сѣмена ничего, ничего не осталось... Лошаденку думалъ обмѣнять с придачей... Теперь, видно, до будущаго года...

— Но вѣдь и тогда будетъ старая исторія?

— Говорятъ, что скидка суммы будетъ... А такъ то, извѣстно, не осилить.

Крестьяне неохотно идутъ на хутора, предпочитая пять процентовъ, т. е. вносятъ добавочный задатокъ въ суммѣ 5% съ покупной стоимости участка. Тогда они могутъ не переселяться, игнорируя всѣ преимущества близости жилья къ землѣ, о которыхъ имъ такъ много говорятъ землеустроители и земскіе начальники.

Конечно, покупка безъ переселенія не спасаетъ крестьянъ отъ тяжелой казенной опеки, но за то они остаются дома и могутъ какъ угодно распоряжаться своими постройками.

Казенная опека парализуетъ всякую самостоятельность и больно чувствуется крестьянами. Вотъ нѣсколько пунктовъ изъ договора, заключаемаго крестьянами:

Пунктъ 2: а) Обязуюсь безъ согласія банка не отчуждать, не закладывать и не подвергать раздѣлу имущество.

б) Не отдавать въ наемъ безъ согласія банка и не получать отъ лицъ, съ коими заключены договоры по этому имуществу, наемной платы, болѣе чѣмъ за годъ впередъ.

в. Не продавать и не сносить находящихся на землѣ строеній.

г. Допускать представителей банка во всякое время къ осмотру земли и находящихся на ней строеній и прочаго имущества и т. п.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ въ Орловской губерніи, всѣ участки разобраны и имѣется значительное количество кандидатовъ, [illegible] неисполненіе этихъ и другихъ подобныхъ имъ пунктовъ ведетъ къ тому, что земли продаютъ другимъ. «Съ хутора гонятъ»... Вообще не церемонятся, отдѣлываясь пунктами IV и X... договора, которые гласятъ:

Пунктъ IV: „Означенную арендную плату я обязуюсь уплатить въ указанные сроки, *и во всякомъ случаѣ до свозки урожая съ поля аренда должна быть уплачена* полностью".

Пунктъ XII: „Въ случаѣ неуплаты въ одинъ изъ установленныхъ сроковъ арендной платы, *или же неисполненія одного изъ пунктовъ сего договора отдѣленіе вправѣ, безъ обращенія къ суду, расторгнуть договоръ, при чемъ внесенныя въ банкъ деньги остаются въ пользу банка, и арендаторъ обязанъ по первому требованію передать землю со всѣми посѣвами*, а постройки и все находящееся на участкѣ имущество свое убрать въ 3-хъ мѣсячный срокъ со дня объявленія о томъ; послѣ указаннаго срока все неубранное съ участка поступаетъ также въ пользу банка безплатно".

И вотъ, скованный такими условіями, хуторянинъ только и думаетъ о томъ «какъ бы не просрочить», «какъ бы хватило»... А при приближеніи срока онъ продаетъ все, что возможно и на что есть покупатель и—несетъ... Большую часть бюджета хуторянина поглощаютъ платежи; немудрено, что многимъ приходится «вдвое хуже ѣсть», и «отказывать себѣ во всемъ».

Вотъ еще одинъ примѣръ.

Хуторянинъ Павелъ Петровичъ имѣетъ отца, брата, жену и четверыхъ дѣтей. Вотъ бюджетъ его, записанный съ его словъ.

Доходъ нынѣшняго года:

3 десятины ржи.	210 пудовъ
2 десятины овса.	160 „
1 десятина проса	70 „
Изъ этого урожая продано:	
Ржи 200 пудовъ.	146 руб.
Овса 100 мѣръ.	24 „
Проса 50 пудовъ	40 „
Итого	210 руб.

Расходъ по ноябрь мѣсяцъ:

Уплачено въ банкъ	120 руб.
Отдано долгу	38 „
Сапоги себѣ.	4 „
Сапоги сыну	6 „
Покупки себѣ и ребятамъ	5 „
Расходы на пищу.	17 „
Итого	190 руб.

Ржи на ѣду и сѣмена не осталось. Осталась, правда, солома, но она пойдетъ на топку. Однако и часть соломы придется продать.

По словамъ Павла Петровича, ему необходимо было купить:

Телѣгу	6 руб.
Корову	45 „
Плугъ.	5 „

и массу хозяйственныхъ мелочей, но все это пришлось отложить до будущаго года...

Первый разъ я встрѣтилъ Павла Петровича у него на хуторѣ. Онъ только что уплатилъ въ банкѣ, «свалилъ гору съ плечъ» и находился въ возбужденномъ состояніи.

— Ну, слава Богу! Теперь шабашъ! Весь годъ самъ себѣ хозяинъ... Заработаю что—хочу пропью, хочу проѣмъ... Мое дѣло! Никто мнѣ не указчикъ!..

— Себѣ-то мало осталось,—замѣтилъ старикъ...

— Пустое! Аль ужъ не прокормимся? Что ты, ей Богу, тятенька! Эко выдумалъ!.. Пустое...

— Почему вы,—спрашиваю я,—совсѣмъ не оставили ржи?

— Рожь убрали вѣдь раньше. Овесъ съ просомъ поздній хлѣбъ, а насчетъ денегъ приспичило... Прямо-во!.. По горло... Ну и пошабашили...

— Все туда же пойдетъ,—замѣчаетъ старикъ.

— А руки то на что... Ей Богу, съ тобой, тятенька, разговаривать нельзя... Михалъ Трофимычъ обоихъ обѣщалъ взять. А тамъ, гляди, и просо поднимется въ цѣнѣ... Во его сколько еще...

— Трудно, Паша...

Дѣлая свои бюджетныя выкладки, Павелъ Петровичъ всѣми способами старался преувеличить цыфру доходности, въ чемъ ежеминутно изобличалъ старикъ.

— Чего самъ то себя обманываешь!..

— Тятенька, да вѣдь первый годъ... Переселились, задолжали. Перво то время вездѣ вѣдь трудно... Дай срокъ—наладимъ дѣло...

— Старикъ-отъ онъ... того,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо,—ему все хуже кажется: ему на заваленкѣ не съ кѣмъ посидѣть; чуть вечеръ и плетется въ деревню... Привыкнетъ.

Поговоривъ о хуторской жизни, Павелъ Петровичъ принялся меня расправшивать.

— Зачѣмъ же это вамъ знать, какъ мы живемъ?

— Чтобы всѣ знали. Я напишу объ этомъ, — другіе прочтутъ и будутъ знать: идти имъ на хутора или нѣтъ.

— Вонъ какое дѣло!.. Коли такъ, мое такое слово: не совѣтуйте! Землю пусть берутъ, а переселяться—ни, ни!..

— Вы же вотъ переселились.

— Я—другое дѣло: я изъ другой губерніи, а будь я здѣсь... Притѣсненіе большое!.. Съ голоду все таки и мы не умремъ... Дома то еще хуже было... Внесли вотъ деньги, очистились, а потомъ... Вѣрно ли я говорю, тятенька?

Старикъ молчалъ.

Я простился съ ними, а дней черезъ десять снова встрѣтилъ Павла Петровича въ с. Воловѣ, въ лавкѣ знакомаго торговца.

Около прилавка двѣ деревенскія дѣвки выбираютъ ситецъ. Хозяину, какъ видно, ужъ надоѣло развертывать имъ новыя и новыя «штуки», и онъ дѣлалъ это довольно лѣниво.

Павелъ Петровичъ скромно стоитъ въ углу.

— Тебѣ чего?—не разъ обращается къ нему хозяинъ.
— Я подожду... Отпусти ихъ... Мнѣ торопиться некуда...
— Да ты по какому дѣлу то?
— По своему... Я подожду...
Дѣвки выбрали, наконецъ, подходящій ситецъ и ушли.
— Ну что же ты?
Павелъ Петровичъ нерѣшительно подошелъ къ прилавку.
— Отказалъ намъ Михалъ Трофимычъ то...
— Такъ я то что же? Хозяинъ я, что ль, надъ нимъ?...
— Вотъ Ваську на зиму отдать надо...
— Къ кому?
— Да къ чему онъ мнѣ? Голова хорошая...
— Изъ хлѣба бы, что ль... Хоть какъ нибудь...
— У меня, братецъ, не богадѣльня.
— Такъ... А мы такъ мекали: поработаетъ онъ у тебя, а ты намъ... зимой хлѣбца...
Нѣтъ, братъ, и думать перестань.
— Не подойдетъ?
— Ничего не выйдетъ...
— Такъ... Вишь, дѣло какое...
Обѣими руками онъ надѣлъ шапку, но, дойдя до двери, обернулся еще разъ.
— Можетъ, возьмешь?
— Нѣтъ, братъ не разсчитывай... Просо привези, ссыплю.
— Гдѣ оно просо то? Просо, просо... По людски надо...
— Ну, братъ, ты самъ помѣщикъ...
Я вышелъ вслѣдъ за Павломъ Петровичемъ.
Нѣсколько минутъ онъ простоялъ около двери, затѣмъ еще болѣе нерѣшительно отправился въ слѣдующую лавку...

Ив. Коноваловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

Пропала правда...

«Растревожили народъ»... изреченіе старика крестьянина.

Переломилась русская жизнь. Разломаны старыя грани, исковерканы старыя нормы, перевернуто вверхъ дномъ то, долго жившее, обычное, съ чѣмъ свыклось, къ чему присмотрѣлось и... притерпѣлось русское населеніе. Стерлись, исчезли грани законнаго и беззаконнаго, понятія правильнаго и неправильнаго.

Но самое страшное изъ всего, что совершается въ настоящее время въ Россіи,—пропала правда. Самое страшное,—потому что нѣтъ ничего страшнѣе для общества, для государства, для человѣческаго коллектива, какъ гибель или хотя бы временное исчезновеніе изъ жизни правды, во имя которой существуетъ данный человѣческій коллективъ. Формальныя грани, юридическія нормы, какъ таковыя, быстро возстановляются, -- потрясенная правда наноситъ всегда огромный уронъ человѣческому общежитію, медленнѣе и труднѣе возстановляется, и, хотя бы временное, устраненіе ея изъ жизни оставляетъ всегда глубокіе слѣды, слои грязи на человѣческихъ душахъ, какъ рубцы на ногахъ отъ кандаловъ каторжника.

И раньше всегда нормы русской жизни въ значительной степени опредѣлялись не писанымъ закономъ и наиболѣе точно выражались выработанной народомъ формулой: отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся. И грани, отдѣлявшія благополучнаго и безмятежнаго россіанина отъ сумы и отъ тюрьмы, были всегда не устойчивы и легко переходимы. Не много было правды и въ прошлой русской жизни. Та правда, которая объявилась въ 60-хъ годахъ, за послѣднія 25 — 30 лѣтъ шла непрерывно на пониженіе, вплоть до начала конца,—до 17-го октября 1905 г. Шла на пониженіе правда суда, правда земскаго и городского самоуправленія, «кандидатъ безправія» земскій начальникъ подошелъ вплотную къ деревенской околицѣ. Пріуменьшалась правда закона, хотя бы и неправильнаго, но закона, и расширялась область административнаго усмотрѣнія и воздѣйствія.

Но правда жила. Маленькая, конфузливая, туманная, безъ ясныхъ очертаній, но она была. Были кусочки жизни, гдѣ ютилась она. Былъ судъ мировой, мѣстный, выборный. Былъ коронный судъ,—и тогда конфузливый и извиняющійся, но судъ. Было коегдѣ земство, дѣлавшее, несмотря на глухую и темную стѣну воздѣйствій и противодѣйствій, нужное и правильное дѣло. Были области, гдѣ люди, хотя тоже при «воздѣйствіи и противодѣйствіи», но на свой страхъ и на свою совѣсть установили сами свою правду,—велика ли она была, я не хочу обсуждать,—но свою деревенскую правду, правду трудовой крестьянской семьи, правду міра, общины. Побѣдоносцевская неправда билась въ русскую церковь, звала ее къ активному и аггресивному союзу съ участкомъ, къ борьбѣ и защитѣ неправды, но отзывались на нее только отдѣльные люди, и въ тихой незлобивой русской церкви стыдливымъ свѣтомъ, въ глухихъ деревняхъ, у невоинственныхъ батюшекъ стараго воспитанія теплился огонекъ незлобивой христіанской вѣры. Была идея государственности въ отношеніи жителей къ закону и закона къ жителямъ. Вслухъ выговаривали слово «законъ».

Быть можетъ, правильнѣе будетъ сказать, что была вѣра въ существованіе правды, та вѣра, которая по опредѣленію катехизиса Филарета, «есть увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ,

и въ ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ». Та вѣра, которая, хотя и не двигаетъ горами, но достаточно крѣпка для склеиванія государственной жизни,—быть можетъ, фикція и иллюзія, но безъ которой не можетъ жить, должно распасться человѣческое общежитіе.

И правда была,—такъ, по крайней мѣрѣ, люди думали, такъ люди вѣрили... Во всѣхъ злоключеніяхъ, которыми полна была русская жизнь, для обывателя оставалась вѣра, и долго она была распространена отъ края и до края, что гдѣ-то вверху есть правда, которую нужно только достигнуть, и тогда побѣждена будетъ неправда, отъ которой страдаетъ онъ, житель. Онъ смутно опредѣлялъ сѣдалище этой правды, нерѣдко не точно и не вполнѣ правильно выговаривалъ «правительствующій синодъ» и «святѣйшій сенатъ»,—но вмѣстилище правды для него, несомнѣнно, существовало и все дѣло было только въ томъ, чтобы добраться, достигнуть потайными ходами, «черезъ нужнаго человѣка» до источника правды, чтобы его, жителя, мѣстное правое дѣло устроилось и чтобы мѣстная неправда, отъ которой страдалъ онъ, была устранена верхней правдой.

Между интеллигенціей и правящимъ классомъ, давно бившимися за правду и неправду русской жизни, залегалъ глубокій и широкій пластъ русскаго населенія, долго казавшійся неподвижнымъ, который, несмотря на всѣ разочарованія, продолжалъ вѣрить, изъ нѣдръ котораго вставала старая русская формула: «Тамъ, вверху лучше насъ знаютъ! Начальство разберетъ»...

Было невидимое, какъ бы видимое, и чѣмъ хуже было настоящее, тѣмъ напряженнѣе вставало ожидаемое... Никогда не бравшіе, рѣдко получавшіе, люди широкаго русскаго пласта все ждали, что вотъ объявится правда, и жизнь станетъ переноснѣе, мягче, ласковѣе. Долго ждали и упорно вѣрили... И нужно было великое напряженіе старой русской неправды, огромное долгое разочарованіе, чтобы вмѣсто исконнаго стараго чувства ожиданія въ первый разъ въ русской жизни встало требованіе...

И нужно было, чтобы невидимое стало видимымъ... Покрывало окутывало статую, и долго люди вѣрили, хотѣли вѣрить, что тамъ подъ покрываломъ твердый мраморъ, несокрушимая бронза, законченныя формы. Люди вѣрили въ мощь государства, способность его обороняться, люди вѣрили въ архитектурный планъ внутренняго строительства, въ порядокъ въ государствѣ. Жизнь сдернула покрывало, и русскіе люди съ ужасомъ и негодованіемъ, многіе съ великимъ изумленіемъ увидѣли, что тамъ безформенная рухлядь, обломки, а не статуя.

Сначала сдернула покрывало русско-японская война... Не столько самая война, сколько мотивы ея, причины. Всѣмъ памятно, какъ недоумѣвали въ такъ называемомъ обществѣ, какъ страстно выспрашивала деревня: по какому случаю война, зачѣмъ война?

Коренная Россія первый разъ узнала, какъ и почему, вѣрнѣе зачѣмъ, воюетъ иногда Россія. И опять таки не самыя пораженія, не Мукденъ и Цусима,—съ кѣмъ это не бываетъ! — а та техническая обстановка, тѣ государственные порядки, тотъ техническій и моральный уровень русскихъ военачальниковъ, при которыхъ происходили пораженія, которые дѣлали если не неизбѣжными, то вѣроятными эти пораженія,—вскрывшаяся дезорганизація въ военной сухопутной и морской сферѣ, разложеніе государственной мощи.

И все то, что дѣлалось и дѣлается въ эти четыре года, протекшіе съ войны, въ смыслѣ поднятія внѣшняго могущества Россіи, только вскрываетъ день за днемъ предъ русскимъ гражданиномъ, какъ немощно бьется государственная мысль въ пустынѣ старой системы, и всѣ эти четыре года проходили въ сущности въ томъ, что все шире и глубже вскрывались безнадежно неизлѣчимыя язвы военнаго и морского вѣдомства. Праздновавшіеся истекшимъ лѣтомъ военные юбилеи Полтавской битвы и покоренія Кавказа явились, помимо воли устроителей, не панихидами лишь на могилахъ павшихъ воиновъ, но и похоронами русской славы, русскаго военнаго могущества. Похоронныя ноты звучали тамъ на мѣстахъ, похоронный тонъ несся даже изъ тѣхъ газетъ, которыя такъ любятъ пѣть «Исаія ликуй!» Люди оглядывались назадъ на то, что было, и разцѣнивали то, что есть...

Изъ пятаго въ десятое читаетъ и по своему разумѣетъ русскій обыватель объ анексіи Австріей Босніи и Герцеговины, о постановленіи баварской палаты депутатовъ, объ арестѣ, наложенномъ въ Берлинѣ на русскій государственный фондъ, о наростающемъ конфликтѣ съ Японіей, о новомъ американскомъ проектѣ изъятія Манчжуріи въ международное пользованіе,—и все похоронныя пѣсни слышатся ему въ этихъ извѣстіяхъ. Вся правда, старая призрачная правда русской государственной мощи обнажилась отъ старыхъ иллюзій и встала передъ русскимъ жителемъ въ язвахъ и рубищѣ.

А потомъ поднялось покрывало надъ внутреннимъ строеніемъ государства, обнажилась предъ Россіей неправда его. И нужно было, чтобы на трибуну первой Государственной Думы входили министры и демонстрировали предъ страной, съ чѣмъ они идутъ, что они несутъ, въ чемъ полагаютъ правду внутренней государственной жизни, чьимъ интересамъ служатъ они, чего ждать отъ нихъ страстно ждущей Россіи, чтобы разбилось то старое, смутное, если не пониманіе, то, по крайней мѣрѣ, чувствованіе государства, какъ объемлющаго, представляющаго и охраняющаго интересы всѣхъ жителей Россійского государства, чтобы всѣ поняли глубокую неправду русской жизни.

Она встала огромная въ свѣтѣ манифеста 17-го октября. Нужно помнить, что манифестъ 17-го октября былъ не только

провозглашеніемъ новыхъ путей, новой государственной правды, но и осужденіемъ старой неправды, которой жила до того Россія. И въ свѣтѣ этой новой провозглашенной правды особенно ненавистно освѣтилось все то, что развертывалось въ послѣдніе четыре года, съ того 17-го октября. Не одно возрожденіе старой неправды, но и появленіе новой злой неправды, невиданной раньше въ Россіи.

Покрывало все подымается, все всматриваются люди въ творящееся, все наблюдаютъ, какъ уходитъ больше и больше изъ русской жизни правда. И именно это глубокое противорѣчіе съ возвѣщенной правдой и развертывающейся величайшей неправдой, эта остановка жизни вмѣсто провозглашенного обновленія ея, изгнаніе правды вмѣсто проведенія ея въ жизнь,—является неприкрытымъ голымъ содержаніемъ русской жизни за послѣдніе четыре года.

Вся государственная жизнь ушла и продолжаетъ идти на борьбу съ крамолой. Съ крамолой не въ старомъ пониманіи, а въ томъ новомъ расширенномъ толкованіи, при которомъ необычайно раздвинулась географическая область крамолы и включила въ себя элементы, не входившіе раньше въ область ея,—и губернаторовъ, и прокуроровъ, и министровъ, и крупныхъ бюрократовъ, и дворянъ самыхъ громкихъ фамилій, и купцовъ, и священниковъ, и мѣщанъ, и рабочихъ, и крестьянъ, и всѣхъ тѣхъ, кто голосовалъ на выборахъ въ Государственную Думу за оппозиціонныхъ депутатовъ, т. е. его, коренного обывателя Россіи, именно тотъ глубокій и широкій пластъ русскаго населенія, который долго считался недвижимымъ и который не считалъ и не считаетъ себя крамольнымъ. Съ крамолой, самое пониманіе которой подверглось глубокой ломкѣ, въ понятіе которой вошло все то, что логически исходило изъ манифеста 17 октября, по которому крамольными людьми оказались всѣ люди, принявшіе манифестъ 17-го октября за новый правопорядокъ русской жизни и начавшіе перестраивать свою жизнь, согласно принципамъ его, согласно правдѣ, положенной въ основу его. Русскій гражданинъ въ широкомъ смыслѣ оказался внутреннимъ врагомъ и на борьбу съ нимъ, крамольнымъ, ушла и уходитъ вся внутренняя жизнь государства. Остановилась жизнь. Остановилось, замерло строительство государства, такъ какъ не туда направилась жизнь государства. И некому строить его, такъ какъ требуются и расцѣниваются не способности къ государствостроительству, а способность и готовность къ борьбѣ съ крамолой. Служилые государственные люди, начиная отъ министровъ и кончая маленькими людьми государственной машины, расцѣниваются не по степени ихъ пригодности къ настоящему государственному дѣлу, а по степени готовности и совершенно спеціальной способности бороться съ крамолой. Учитель, агрономъ, инженеръ, судья, офицеръ, интендантъ, исправникъ, низшій полицейскій чинъ расцѣниваются не по стольку, по скольку онъ учитель, инженеръ, военный техникъ, а по скольку не пах-

нетъ отъ него хмелемъ освободительнаго движенія. Пусть онъ въ своей области невѣжественный человѣкъ, пусть онъ «деретъ», пусть онъ вреденъ для дѣла, но онъ готовъ служить единственной теперешней службѣ государству, и тѣмъ самымъ неизбѣжно предпочитается знающему и способному, но вѣрующему въ манифестъ 17-го октября человѣку.

Въ недавнія времена Сипягина и Плеве въ достодолжной степени расцѣнивалась политическая благонадежность, но и тогда признавались полезными знанія и спеціальная подготовленность, и нерѣдко случалось, что люди, признанные неблагонадежными въ въ одномъ вѣдомствѣ, принимались на службу въ другое вѣдомство, которое использовало ихъ работоспособность и техническую подготовленность. Мнѣ лично извѣстенъ случай, когда старому земцу, не утвержденному предсѣдателемъ губернской земской управы за неблагонадежность, министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, въ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ неутвержденія, предложилъ занять значительное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не по сыску, а по хозяйственному отдѣлу, на что тотъ и согласился. Несомнѣнно, при теперешнемъ объединеномъ министерствѣ такіе факты не мыслимы, не потому одному, что расцѣнивается не работоспособность и техническая подготовленность, а только способность къ борьбѣ съ крамолой, а и потому что, и само объединенное министерство расцѣнивается по той же стоимости, и любой министръ всегда подъ мечомъ «Русскаго Знамени» и «Союза Михаила Архангела", неотступно наблюдающихъ, какъ „служитъ" данный министръ и кого выбираетъ онъ себѣ помощниками.

Кончился законъ,—и исключительные законы, военное положеніе, чрезвычайная и усиленная охрана стали нормальнымъ бытіемъ русской жизни. Смертныя казни стали буднями русской жизни, привычнымъ фактомъ и регистрируются, какъ тифъ, скарлатина, дифтеритъ...

Стерлись, исчезли изъ поля зрѣнія старые конечные пункты отыскиванія правды, синодъ и сенатъ, исчезла такъ долго существовавшая предпосылка, что тамъ вверху знаютъ, исчезла наивная вѣра, что начальство разберетъ.. Куда то провалилось начальство въ сознаніи обывателя и тщетно ищетъ онъ его вверху и внизу и въ своихъ поискахъ находитъ только Игнатьевскій и Шереметьевскій кружокъ, а у себя дома епископа, монаха, подрядчика, столяра, мясника, ничего общаго съ гражданской властью не имѣющихъ и тѣмъ не менѣе представляющихъ дѣйствительное начальство, гораздо болѣе властное, чѣмъ губернаторъ, исправникъ, полицейскій чинъ.

Самое представленіе о власти, такъ недавно совершенно опредѣленное и, казалось бы, такое прочное, какъ то расплылось, стало туманнымъ пятномъ въ сознаніи обывателя. Не видитъ онъ и не чувствуетъ общей дирижирующей власти и видитъ только перифе-

рическихъ генераловъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ всю дѣйствительную реальную полноту власти, власти не только исполнительной, но и законодательной.

Русскій человѣкъ пересталъ вѣрить. Онъ растерялъ увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, такъ какъ невидимое стало ему видимо. И кончилось его ожидаемое, какъ бы настоящее, такъ какъ онъ пересталъ ожидать оттуда, откуда вѣка ждалъ, такъ какъ настоящее научило и все еще учитъ его своими предметными уроками.

Онъ пересталъ вѣрить. Онъ не вѣритъ во внѣшнее могущество государства и въ возможность его возрожденія, не вѣритъ не въ людей только, а въ самую систему.

Не вѣритъ въ поднятіе международнаго достоинства Россіи, такъ какъ видитъ, что всѣ силы государства отвлечены и сосредоточены на уничтоженіи крамолы, на успокоеніи ею русскаго обывателя, оказавшагося внутреннимъ врагомъ, и думаетъ, что государство пойдетъ еще на большее международное униженіе, лишь бы не отвлекать силъ отъ борьбы съ нимъ, обывателемъ.

Онъ не вѣритъ во внутреннее благоустройство государства и возможность этого благоустройства въ ближайшемъ будущемъ теперешними средствами.

И, какъ часто случается, слѣпая, темная вѣра смѣнилась въ Россіи сплошнымъ недовѣріемъ, глубокимъ разочарованіемъ. Быть можетъ, оно перешло границу, какъ переходило раньше въ своей вѣрѣ. Толща населенія не только разувѣрилась въ стоимости и пригодности для государства отдѣльныхъ лицъ, она не допускаетъ теперь возможности существованія въ системѣ управленія честныхъ, порядочныхъ, именно пригодныхъ для государственной службы людей. Несомнѣнно, что и въ томъ городѣ есть праведники, несомнѣнно, что тамъ въ отдѣльныхъ управленіяхъ существуютъ люди, быть можетъ, ихъ немного, корректные и работоспособные и технически подготовленные, которыми хотя кое-какъ движется государственная машина,—обыватель не склоненъ вѣрить. Въ интендантской эпопеѣ, вскрывающейся все шире и глубже, онъ отмѣчаетъ больше всего не размѣры и цинизмъ казнокрадства, а то, что тамъ всѣ были связаны своего рода круговой порукой, что тамъ изгоняли честныхъ людей, что тамъ нельзя было служить не казнокраду, не взяточнику, и переноситъ сознательно или безсознательно эту интендантскую психологію на другія правительственныя учрежденія.

Не вѣритъ самымъ попыткамъ правительства открывать и искоренять злоупотребленія, не вѣритъ потому, что помнитъ старыя сенаторскія ревизіи, также вскрывавшія колоссальныя злоупотребленія и безчинства мѣстной администраціи и тѣмъ не менѣе кончавшіеся ничѣмъ,—не вѣритъ самой возможности искорененія злоупотребленій лицъ при оставленіи системы.

Подлинные люди провинціи изумляются, зачѣмъ поднята была гаринская ревизія, кому она нужна, и сообщаютъ, что торговыя и промышленныя фирмы, имѣющія дѣла съ интендантствомъ и спеціально на этомъ построившія свои торговыя и промышленныя предпріятія, уже жалуются, что изъ за ревизіи теперь имъ труднѣе жить, такъ какъ приходится больше нести «коммиссіонныхъ» и всякихъ иныхъ расходовъ по поставкамъ въ интенданство,—больше, такъ какъ увеличился рискъ интенданта. Не вѣрятъ 3-й Госуд. Думѣ, не вѣрятъ задающимъ тонъ въ Думѣ октябристамъ,—и именно потому, что они неразрывно связаны съ правящими кругами... Не вѣрятъ въ сенатъ, въ судъ, въ теперешнее оголенное земство.

Есть нѣчто особенное, исключительное въ современномъ положеніи Россіи. Осуждена безповоротно общественнымъ мнѣніемъ страны, осуждена и отмѣнена манифестомъ 17-го октября старая неправда. Кончились въ сознаніи народа, въ пониманіи страны старыя нормы общежитія и не вошла въ жизнь новая правда, не только не установлены, но и не намѣчаются новыя нормы, соотвѣтстствующія новой правдѣ манифеста 17-го октября...

Четыре года, безконечно длинныхъ четыре года, огромно важныхъ по напряженности общественной души, русскій гражданинъ живетъ безъ нормъ, безъ плана, безъ какихъ-нибудь проблесковъ государственной и общественной правды,—въ атмосферѣ неслыханнаго произвола и насилія.

И соотвѣтственно этому чудовищному противорѣчію между словами манифеста и четырехлѣтними дѣлами русской дѣйствительности все обнажилось, оголилось до цинизма, до безстыдства... Давно брошены за ненадобностью старыя слова, прикрывавшія покровомъ старую неправду: «польза отечества», «нужды государства», «долгъ службы», «законъ». Съ высоты парламентской трибуны во всеуслышаніе говорится: нужды 130 тыс. помѣщиковъ, говорится: государство дѣлаетъ ставку на сильныхъ... Съ высоты парламентской трибуны говорится: что есть законъ?—Я не признаю закона! Безстыдно говорится о толщѣ населенія, будто бы тяготѣющей къ старому правопорядку послѣ того, какъ всѣ выборы въ Государственную Думу дали опредѣленное мнѣніе страны, отрицающее старую неправду и требующее введенія въ жизнь русскаго государства новой правды, новыхъ нормъ общежитія.

Голо и неприкрыто объявлена война тѣхъ, кому вреденъ манифестъ 17-го октября, съ тѣми, кто ждетъ проведенія его въ жизнь. Голо и неприкрыто объявляется и демонстрируется, что на войнѣ, какъ на войнѣ, допустимы всѣ средства—взятіе въ плѣнъ, казни при обстановкѣ, близко напоминающей лагерный судъ надъ китайцами, лазутчики и шпіоны и вовлеченіе непріятеля провокаціонными средствами въ западню... Люди скинули съ себя одежды

приличія и корректности и съ засученными руками стоятъ—кто кого?..

Есть еще одна особенность въ теперешнемъ положеніи Россіи—огромная по своему настоящему и будущему значенію. Не только то, что сдвинулся съ мѣста долго бывшій недвижимымъ коренной пластъ Россіи и вовлеченъ въ политическую борьбу, въ рѣшеніе вопроса о правдѣ и неправдѣ, но и то,—и больше всего то, что теперь никто не можетъ уйти отъ рѣшенія этого вопроса, ни одинъ слой русскаго населенія не можетъ, если бы и желалъ, остаться въ сторонѣ отъ политической борьбы, такъ какъ вопросъ предъ всѣми поставленъ въ негнущейся прямолинейности, такъ какъ для многихъ вопросъ ставится въ упрощенной и жестокой формѣ, безъ возможности срединной позиціи,—быть ли молотомъ или наковальней...

II.

Всѣ граждане переживаютъ и въ той или иной мѣрѣ испытываютъ на себѣ тяжелую неправду настоящаго, но верхнему жителю это не то что не больно, а не такъ страшно больно, какъ нижнему. И потомъ верхній житель можетъ уйти отъ неправды, не играя въ ней активной роли. Докторъ можетъ практиковать. Да, его, готовившаго себя для лѣченія больныхъ людей, могутъ заставить присутствовать при смертной казни, но онъ можетъ уйти съ мѣста, гдѣ нужно это присутствіе, и заняться только лѣченіемъ больныхъ. Да, адвоката могутъ осудить въ крѣпость за рѣчь, произнесенную по его настоящему адвокатскому долгу, но онъ можетъ уйти отъ политическихъ дѣлъ и, во всякомъ случаѣ, предъ нимъ не стоитъ вопросъ о непремѣнномъ активномъ участіи въ злѣ, въ неправдѣ. Да, писатель очутится тоже въ крѣпости, если вздумаетъ воспользоваться свободой слова, но онъ можетъ, хоть и трудно ему, избрать родъ литературы—есть еще такіе, за который не попадешь въ крѣпость, и во всякомъ случаѣ уйти отъ фактическаго участія въ неправдѣ, отъ дѣланія зла. И всякій другой верхній обыватель можетъ не участвовать въ союзахъ и потребительныхъ товариществахъ, можетъ не выписывать «Русскихъ Вѣдомостей» и «Рѣчи», можетъ выйти изъ кадетской партіи и не обязанъ непремѣнно вступить въ союзъ русскаго народа или Михаила Архангела, непремѣнно выписывать «Русское Знамя» или «Колоколъ»—можетъ уйти отъ зла, не участвовать активно въ этомъ злѣ. Даже чиновники...

Беру первый попавшійся случай—газетную замѣтку. Въ губернскомъ городѣ всѣ чиновники, состоящіе на государственной службѣ, получили на-дняхъ запросъ отъ своихъ начальствъ, въ какихъ кооперативныхъ, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ они участвуютъ. Чиновники,—гласила газетная за-

мѣтка,—поспѣшили выйти изъ всѣхъ этихъ обществъ. Дѣло, повидимому, окончилось благополучно, чиновники не были удалены со службы. Они, вѣроятно, не участвовали въ нынѣшнемъ году въ устройствѣ елки для нищихъ дѣтей, вышли изъ библіотекъ, изъ народныхъ чтеній, быть можетъ, изъ потребительныхъ лавокъ, можетъ быть, изъ какого-нибудь астрономическаго общества—завелись и такія въ провинціи; но они не обязаны были непремѣнно разрушать потребительные союзы и астрономическія общества, раззорять и сжигать библіотеки, упразднять народное просвѣщеніе—они только ушли.

Да, произведено насиліе надъ ихъ совѣстью—для нѣкоторыхъ, быть можетъ, погибла дорогая правда ихъ жизни. И въ верхахъ, несомнѣнно, идетъ глубокая драма, не всегда и тамъ можно уйти благополучно отъ неправды и насилія. За одну принадлежность къ нелегализованной партіи караются, прогоняются съ мѣстъ, судятся, ссылаются, раззоряются не одни эсъ-эры и эсъ-деки, но и «революціонные» кадеты. Быть можетъ, даже тамъ, въ культурныхъ интеллигентныхъ слояхъ, грубость исключительно внѣзаконнаго положенія, въ которомъ находится теперь Россія, чувствуется, такъ сказать, тоньше и переживается болѣе нервно, но неправда жизни не подошла къ нимъ такъ вплотную, какъ къ низамъ, оставила имъ нѣкоторые уголки жизни, не обняла такъ цѣликомъ человѣка съ его интимнѣйшими сторонами жизни.

И нѣкоторая культурная близость, такъ сказать, сословная родственность, мѣшаетъ молоту падать на наковальню съ такимъ рѣзкимъ звенящимъ звукомъ.

Съ низами не церемонятся. Не церемонились раньше, въ особенности не церемонятся сейчасъ. Если тамъ больше пріобыкли, притерпѣлись къ насилію и произволу, то за то молотъ со всего удара падаетъ на наковальню. Неправда подошла ближе и вошла глубже. Она проникла всю толщу народной жизни, она захватила интимнѣйшую сторону низовъ, растревожила народную душу... И тамъ труднѣе уйти отъ неправды.

Правда низовъ въ значительной степени отличалась отъ правды верховъ. Законъ, все-таки регулировавшій жизнь верховъ, доходитъ до низовъ изломанными линіями, смутными отраженіями, цѣлая огромная область экономическихъ, правовыхъ, религіозныхъ отношеній регулировалась, какъ я уже говорилъ, не писанымъ закономъ, а правдой, созданной самими низами, вырабатывавшейся народомъ для себя, для своего внутренняго употребленія цѣлые вѣка и устанавливавшей нормы этой жизни. Былъ строй семьи, оригинальный, своеобразно сложившійся, древней семьи, гдѣ, при глубокомъ уваженіи къ родителямъ, при почтеніи къ старикамъ, надъ всѣмъ царствовалъ принципъ трудовой артели. Я не могу забыть, онъ встаетъ передо мной, какъ сейчасъ, характерный случай, бывшій на моихъ глазахъ 35 лѣтъ назадъ въ знакомой

крестьянской семьѣ, которую я лѣчилъ въ качествѣ земскаго врача.

Семья была зажиточная. По тамошнему масштабу, гдѣ большинство сидѣвшихъ на нищенскомъ надѣлѣ крестьянъ были полунищими. Три сына были женаты, да еще зять принятъ въ семью; и вотъ отецъ и глава дома, могучій старикъ, сталъ таскать мѣшки изъ амбара солдаткѣ. Была склока въ семьѣ, вынесена она была на сходъ въ міръ и кончилось тѣмъ, что по постановленію схода ключи у старика были отобраны и переданы старухѣ женѣ, а оффиціальнымъ представителемъ дома для присутствованія на сходахъ и отправленія мірскихъ функцій, такъ сказать домохозяиномъ, былъ утвержденъ сходомъ даже не старшій сынъ, болѣзненный и по зимамъ ѣздившій въ Москвѣ извозчикомъ, а второй сынъ. Общей, всей семьѣ принадлежавшей являлась и такъ понималась надѣльная земля.

Общей, мірской, принадлежавшей всѣмъ членамъ общины, сидящимъ на землѣ, считалась общинная земля. И каждый Иванъ, Степанъ, Никифоръ и по совѣсти, и по убѣжденію въ правильности не считалъ себя владѣльцемъ, собственникомъ земли. Такъ крѣпко и своеобразно, на свою правду, сложена была еще недавно деревенская жизнь.

Какъ взорвавшаяся бомба, законъ 9 ноября перевернулъ всю деревенскую жизнь, исковеркалъ старыя нормы крестьянской жизни, посягнулъ на вѣковѣчную правду ея. Я не буду касаться въ подробностяхъ всего этого бомбистскаго новаго землеустройства, достаточно полное освѣщеніе его читатели «Русскаго Богатства» найдутъ въ статьяхъ А. В. Пѣшехонова.

Неправда подошла вплотную къ каждой семьѣ. Признаніе единоличнаго права частной собственности за главой семейства ведетъ за собой воистину потрясеніе основъ крестьянской семьи. Уже то одно, что теперь тотъ же, загорѣвшійся поздней страстью старикъ по новому закону можетъ не только планомѣрно таскать солдаткѣ мѣшки съ рожью изъ амбара, но и при не очень сложныхъ манипуляціяхъ можетъ закрѣпить за ней весь надѣлъ, всю землю, показываетъ размѣры разрушенія старыхъ основъ жизни и размѣры неправды, которая вносится въ самое сердце деревенской семьи.

Она вошла въ самое сердце міра, общины, всей деревенской жизни. Налетаютъ въ деревню люди, «незнамые люди», совершенно неизвѣстные деревнѣ, чьи еще отцы давнымъ давно порвали всякія отношенія къ деревнѣ, кромѣ паспортныхъ,—настоящіе осѣдлые городскіе жители, артельщики, конторщики, служащіе, налетаютъ грабить мірскую землю, именно грабить по понятіямъ деревни. Они требуютъ выдѣла надѣла, на которомъ отецъ ихъ не работалъ, и земскій начальникъ утверждаетъ этихъ чужестранныхъ людей въ неправыхъ правахъ и требуетъ выдѣла надѣла и заставляетъ вы-

дѣлять надѣлъ... И вотъ Иванъ, Степанъ, Никифоръ, не считая себя по совѣсти, по вѣковѣчной деревенской справедливости, хозяевами, владѣльцами, а только временными пользователями ея, начинаютъ укрѣплять за собой надѣлъ. И не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общества. Имъ нельзя иначе, потому что пришли грабители, которые растащутъ мірскую землю. Имъ нельзя уйти отъ неправды, сохранить старую правду. Или грабь, или тебя ограбятъ!..

И не только будешь ограбленъ, но и будешь крамольный, будешь лишенъ правъ и вкусишь всѣ послѣдствія крамольнаго положенія... Будешь крамольный, такъ какъ твоя старая деревенская общинная и семейная правда «не соотвѣтствуетъ видамъ правительства» и потому крамольна. Такъ вышло. Крамольными оказались сельскіе сходы, отказывающіе въ вырѣзѣ надѣла чужестраннымъ людямъ, крамольными понимаются и соотвѣтственно караются деревенскіе люди, агитирующіе на сходѣ за сохраненіе старой правды, старшины, недостаточно ревностно проводящіе соотвѣтствующія видамъ правительства отрубныя земельныя махинаціи...

Нѣтъ тебѣ, крамольному, земли изъ крестьянскаго банка, ссуды, какого-нибудь пособія! Переходи къ намъ, растопчи старую правду, прими нашу отрубную новую правду, и тогда тебѣ будетъ открытъ банкъ, и получишь какую угодно ссуду, и земскій начальникъ, и губернаторъ охранятъ тебя отъ деревенскихъ кольевъ и пріѣдетъ къ тебѣ землеустроитель или самъ министръ и похвалитъ тебя. И во благовременіи, быть можетъ, охлопочутъ въ земствахъ, чтобы агрономическая помощь оказывалась только тебѣ, отрубному мужику, а не тому, не соотвѣтствующему видамъ правительства, крамольному мужику.

И некуда спрятаться отъ новоднявшейся жизни неправды, нельзя остаться въ сторонѣ. Нужно выбирать...

III.

Тамъ, въ низахъ идетъ драма болѣе сложная, болѣе глубокая и... болѣе грозная. Не потому только, что верхамъ, — и доктору, и купцу, и адвокату, и чиновнику, не приходится ломать привычныхъ формъ жизни, какъ приходится ломать теперь всему крестьянству, и что верхнему человѣку такъ или иначе болѣе легко остаться въ сторонѣ и можно не выбирать... Драма въ низахъ другая по самому характеру своему, по тому чувствованію, которое было всегда въ низахъ къ правдѣ и неправдѣ, по самому опредѣленію ея.

И въ верхахъ, въ такъ называемыхъ образованныхъ обществахъ, вопросы правды и совѣсти занимали большое мѣсто, и русская литература, я говорю о старой народнической литературѣ, [illegible] отъ жизни глубокой постановкой вопросовъ правды и совѣсти [illegible] но для средняго образованнаго [illegible]

рядомъ съ словами «правда» и «неправда», «совѣстно» и «безсовѣстно»—существовали слова «прилично или неприлично», «порядочно или непорядочно» и въ особенности распространившееся сравнительно недавно слово «корректно или некорректно», для многихъ въ значительной степени замѣнившее, быть можетъ, покрывшее собой другія моральныя опредѣленія.

И въ низахъ есть слова «правильно и неправильно», «порядокъ или непорядокъ», «очестливо или неочестливо», но тамъ всегда звучало огромное слово *грѣхъ*...

И пониманіе неправды, какъ грѣха, царствовало до послѣдняго времени въ огромной массѣ населенія. Въ крестьянствѣ, въ мѣщанствѣ, въ мелкомъ купечествѣ, въ духовенствѣ... И я не знаю другого слова съ такимъ огромнымъ содержаніемъ и съ такой огромной властью надъ человѣкомъ, такъ опредѣлявшее разнообразнѣйшія стороны жизни человѣка.

Кто знаетъ, кто выросъ въ этихъ условіяхъ, тотъ помнитъ, какъ съ дѣтства и до глубокой старости еще недавно проникало оно всю жизнь низовъ... Грѣхъ—ѣсть скоромное въ посты, въ среду и пятницу, грѣхъ не молиться Богу, не ходить въ церковь, грѣхъ не слушаться родителей, не почитать старшихъ, грѣхъ—все то, что считается таковымъ въ десяти заповѣдяхъ; но словомъ «грѣхъ» опредѣлялись гораздо болѣе широкія и сложныя людскія отношенія. Грѣхъ—если міръ обидитъ сироту, не пріютитъ вѣковушу слѣпую, безродную, не пристроитъ своего старика бездомовнаго. Грѣхъ — если при раздѣлѣ дядья обидятъ племянниковъ, братъ брата, грѣхъ, если въ артели неправильно распредѣлятъ заработокъ, грѣхъ, если неправедно передѣлятъ между собой общинную землю. Глубочайшія интуиціи человѣческой души, вся дѣятельность поведенія отдѣльной личности, семьи, группы, міра опредѣлялось словомъ «грѣхъ» и, что безконечно важнѣе, чувствовалось, какъ грѣхъ.

Много было грѣха и въ старой деревенской жизни, и въ личной, и въ семейной, и въ общинѣ. Нарушались заповѣди, обижали и сиротъ, и племянниковъ, и братьевъ, случалось, насильники, обидчики забирали силу въ деревнѣ, но все это опредѣлялось, какъ грѣхъ, и обидчикъ, неправый долженъ былъ въ своей неправдѣ переступить грань грѣха.

Раньше можно было уйти отъ неправды, — средній человѣкъ, который не желалъ обижать, самому бить и не желалъ быть избитымъ, въ случаѣ «свары» «склоки», въ семьѣ, въ общинѣ, на деревенской улицѣ, говорилъ: «уйти отъ грѣха»! И уходилъ старымъ русскимъ уходомъ, — въ монастырь, въ келью подъ елью, просто въ свою хату съ краю... Онъ не высоко стоялъ въ морально-общественномъ смыслѣ, этотъ уходъ, не уменьшалъ количества грѣха, но онъ былъ важенъ для личной психологіи. Кругомъ могло быть озорство, обида, утѣсненіе, съ улицы могли доноситься людскіе вопли,—человѣкъ сидѣлъ тихо, смирно въ своей хатѣ съ краю

и не участвовалъ, могъ не участвовать въ грѣхѣ и соблюдалъ, пусть сомнительную, но чистоту свою...

Грѣхъ вошелъ въ русскую жизнь, въ самое сердце деревенской жизни, въ семью, въ общину. И вошелъ, не какъ случай, не какъ временное уклоненіе отъ правды, вошелъ прочно, какъ постоянный... Вошелъ, даже не какъ грѣхъ, а какъ новая правда съ вывѣской отъ начальства, съ предписаніемъ считать грѣхомъ старую правду.

И нельзя теперь уйти отъ грѣха старымъ русскимъ уходомъ... Всѣ кельи подъ елью снесены и вырубаются самыя ели, и не оказалось въ Россіи ни одной хаты съ краю... Нельзя уйти отъ грѣха, нельзя стоять въ сторонкѣ, отлеживаться на печкѣ, всѣ люди должны выйти на улицу, всѣ должны рѣшать и принимать участіе въ рѣшеніи вопроса о правдѣ и неправдѣ, и тѣмъ самымъ рѣшать основной вопросъ, — грѣшить или бороться противъ грѣха...

Всѣ люди... Рабочимъ и служащимъ на заводахъ и фабрикахъ, въ частныхъ и казенныхъ, прикровенно и неприкровенно, ставился и ставится вопросъ: записывайся! Покупай за полтинникъ значекъ союза русскаго народа или иди голодать на улицу съ женой и дѣтьми! Нужно рѣшать, многимъ нельзя теперь просто дѣлать, безъ политики, слесарское, фабричное, ремесленное дѣло,—иди къ намъ и съ нами, рѣшай, выбирай!.. Разно рѣшаютъ люди этотъ вопросъ, но вездѣ идетъ потрясающая работа совѣсти, глубокая ломка народной души. И не одни низы... Вопросъ стоитъ предъ курскимъ сельскимъ учителемъ, предъ чиновникомъ, предъ мѣщаниномъ, предъ всякимъ человѣкомъ, дѣлающимъ дѣло. Выбирай!..

Грѣхъ вошелъ въ церковь православную, въ самую толщу духовенства, къ душамъ тѣхъ, которые стоятъ у престола Божія, которые вѣдаютъ грѣхъ, оберегаютъ людей отъ грѣха, разрѣшаютъ и отпускаютъ грѣхъ людской, и я не знаю болѣе страшной драмы, чѣмъ та, которую переживаетъ сейчасъ духовенство,—духовной драмы, грѣховной драмы...

«Батюшки» всегда были униженные и оскорбленные. Между молотомъ и наковальней полицейскаго участка и христіанской вѣры, барина-помѣщика и прихожанъ—крѣпостныхъ крестьянъ онъ униженно шепталъ: раби, повинуйтесь господамъ вашимъ и «нѣсть-бо власть аще не отъ Бога, сущія-же власти отъ Бога учинены суть»... — но за «кесаревымъ» у него оставалось «богово». Уже со временъ Побѣдоносцева начали толкать сельское духовенство на улицу, и сельскій батюшка принуждался на сходѣ, въ земскомъ собраніи ратовать за церковно-приходскую школу, несмотря на свою личную, убѣжденность въ превосходствѣ земской школы; но это не захватывало массы духовенства и на это шли опредѣленные типы, карьеристы, такъ сказать, свѣтскіе, чиновные ба-

тюшки, къ которымъ массовое духовенство всегда относилось отрицательно.

Батюшки исполняли предписанія начальства, но больше отписывались и за побѣдоносцевской политикой, за архіерейскими и консисторскими предписаніями, за внушеніями благочинныхъ, у нихъ оставался уголокъ ихъ вѣры, уголокъ алтаря, престола Господняго, молитвы божіей, куда не врывалась улица, не входилъ грѣхъ улицы.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе, напитанный преданіями, съ дѣтства выросшій въ пониманіи грѣха и не грѣха, въ огромномъ большинствѣ случаевъ средній священникъ не былъ и не могъ быть атеистомъ, обманщикомъ: онъ вѣрилъ и молился... Онъ грѣшилъ и каялся и отпускалъ грѣхи другимъ людямъ, такимъ же униженнымъ и оскорбленнымъ, которые тоже грѣшили и каялись и вѣрили, и молились, молились... И одни были грѣхи у нихъ, деревенскихъ людей, и одинаково каялись, и въ одно вѣрили, одному Богу молились.

Да, онъ учился въ семинаріи, проходилъ тамъ исторію церкви, изучалъ патристики, герминевтики, удовлетворительно или неудовлетворительно доказывалъ бытіе Божіе различными доказательствами, насыщался казенной, заштемпелеванной вѣрой.

Доходили до него свѣтскіе писатели и всегда проникало въ семинарію свѣтское вольномысліе. А потомъ онъ надѣвалъ священническія ризы, иногда тѣ самыя, въ которыхъ служилъ его отецъ, и становился въ алтарѣ у престола Господняго. И обнимала его старая вѣра, вѣра предковъ, вѣра ушедшихъ русскихъ поколѣній. И отцовскія, дѣдовскія молитвы носились въ тишинѣ алтаря. А изъ церкви неслись въ алтарь тяжкіе глубокіе вздохи и шумъ земныхъ поклоновъ. И тамъ, въ углу у Скорбящей, стояла все та же вѣковуша съ умиленными глазами, которую онъ зналъ и видѣлъ ребенкомъ, которая и тогда также стояла съ тѣми же умиленными глазами, предъ Скорбящей, предъ Заступницей, и все замаливала грѣхи, которыми не успѣла погрѣшить въ свою скудную безрадостную жизнь...

Не семинарская, не казенная, — старая русская вѣра обнимала его. Вѣра его матери, матери, которая складывала дѣтскіе пальчики въ крестное знаменіе, которая часто не грамотная учила повторять за собой первыя молитвы къ Богу, которая блюла всѣ древнія преданія строже отца, учила, что грѣшно и что угодно Богу,—вѣра этой самой вѣковуши, которая няньчила его, маленькаго, сказывала ему «житія», подвиги благочестія,—не по книгамъ, а по старымъ устнымъ преданіямъ...

Обнимала крестьянская, христіанская вѣра, бытовая русская, деревенская, и именно историческая русская вѣра. Смутная, не формулированная, кроткая, умиленная русская вѣра.

И чѣмъ дальше уходилъ онъ отъ семинаріи, отъ патристики и

герминевтики, тѣмъ больше обнимала его старая, кроткая русская вѣра. Онъ, не благочинный, не протопопъ, не «наблюдатель», отдавалъ минимумъ своего я неправдѣ единенія церкви съ полицейскимъ участкомъ и могъ уходить отъ грѣха. Обнимала его правда деревенской жизни, удивительная мораль ея, гдѣ рядомъ съ кровавымъ звѣрскимъ самосудомъ сочеталось древнее русское отношеніе къ вору, какъ удалому добру молодцу, гдѣ къ убійцѣ, самому тяжкому оффиціальному преступнику относились, какъ къ несчастному и несчастненькому.

А теперь его, батюшку, заставляютъ присутствовать при смертной казни.

У Г. И. Успенскаго есть потрясающій разсказъ, какъ батюшку его дѣтскихъ временъ вызывали присутствовать при старомъ наказаніи «сквозь строй» и что переживалъ тотъ батюшка... Пока никто не написалъ, что чувствуетъ современный батюшка, когда онъ является къ человѣку передъ тѣмъ, какъ намыленная веревка вздернетъ его.

Много казнятъ и много батюшекъ присутствуетъ при казни, но и тѣ, которыхъ не зовутъ туда, мысленно и ежедневно присутствуютъ... Нынче три, завтра семь, послѣзавтра, быть можетъ, 11, 12...

Все больше молоденькіе... Чуть не мальчики. Попадаются, теперь вездѣ попадаются, знакомые. Миша отца Платона, рощенника Ивана Зотыча сынокъ, Апаринскаго барина племянникъ... Крестилъ ихъ, причащалъ,—были парнишки, какъ парнишки.

Не совсѣмъ такъ, какъ мы, читаетъ онъ, вѣрующій старой русской вѣрой, священникъ про смертную казнь. Все это грѣхъ, великій грѣхъ ежедневно совершается въ русской жизни. «И остави намъ долги наши, яко мы оставляемъ должникомъ нашимъ» каждый день молится онъ...

Грѣхъ пришелъ къ душѣ его, къ самому храму его. Каждый день, вся жизнь... Ему нужно рѣшать вопросъ, вносить ли знамя союза русскаго народа въ свою старую церковь, къ своему алтарю. Онъ знаетъ про погромы, знаетъ, сколько грѣха совершено подъ этимъ знаменемъ, онъ знаетъ, кто собрался подъ этимъ знаменемъ, никто такъ не знаетъ, какъ онъ своихъ прихожанъ (онъ крестилъ ихъ, онъ исповѣдовалъ ихъ), и онъ долженъ, его заставляютъ вносить это знамя въ свою церковь, въ святое мѣсто, къ алтарю. Его заставляютъ служить молебенъ при открытіи союза и не удовлетворяются тѣмъ, чтобы онъ просто отслужилъ молебенъ,—отъ него требуютъ, чтобы онъ сказалъ «слово», чтобы онъ благословилъ союзъ на дѣятельность его своимъ священническимъ благословеніемъ.

Я не говорю о другихъ драмахъ духовенства. О драмѣ съ дѣтьми, которую въ особой напряженности и болѣзненности переживаетъ теперь духовенство, о драмѣ въ отношеніяхъ духовенства съ прихожанами, которые въ огромной массѣ ушли изъ стараго полицейскаго участка и которые говорятъ священнику: «иди къ намъ и съ нами, иначе мы уйдемъ отъ тебя»; я говорю о самой страшной драмѣ, о томъ, что переживаетъ сейчасъ душа духовенства, о великомъ вопросѣ совѣсти его.

И оно тоже не можетъ теперь уйти отъ грѣха... Священникъ втянутъ весь цѣликомъ въ политику. У него разбито то старое спокойствіе, когда онъ вѣрилъ, что тамъ вверху лучше насъ знаютъ, что «политика не нашего ума дѣло». Его втягиваютъ въ ежедневное, ежечасное обсужденіе всѣхъ, рѣшительно всѣхъ вопросовъ русской жизни, отъ него требуютъ опредѣленнаго поведенія, «соотвѣтствующаго видамъ правительства». Ему говорятъ: иди съ нами или сознательно бери на себя отвѣтственность положенія крамольнаго человѣка. Ему говорятъ: грѣши! Или иди сквозь строй правительственныхъ воздѣйствій...

Онъ, можетъ быть, мало ученый, мало образованный, неискушенный въ тонкостяхъ казенной вѣры, онъ смиренно вѣрилъ, что Іисусъ Христосъ къ жизни звалъ, а не къ смерти, что любовь и прощеніе есть основаніе христіанской вѣры... А смертныя казни вошли въ русскую жизнь, какъ норма, и высшіе представители духовной власти въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Государственной Думѣ, ученые протоіереи, владыки, преосвященные говорятъ ему, что Христосъ оправдываетъ смертную казнь. Онъ читаетъ рѣчи епископовъ Евлогія, Митрофана.

Онъ, какъ и всѣ граждане, долженъ всматриваться во весь смыслъ государственной политики, идущей сверху. Оттуда говорятъ ему: «ставка на сильныхъ»... А надъ папертью его сельской церкви написано: «Пріидите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененніи, и Азъ успокою вы». И въ церкви мало сильныхъ, а все труждающіеся и обремененные, и вздохи, тихія жалобы вѣковуши съ плачущими, умиленными глазами...

Рѣдко и отрывочно доносятся свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на мѣстахъ, въ духовенствѣ, но и изъ нихъ уже встаетъ картина сложнаго движенія, совершающейся тамъ великой смуты. Повидимому, усиливается борьба, бывшая и раньше, бѣлаго и чернаго духовенства, сельскаго духовенства съ высшимъ слоемъ его, съ губернаторами, исправниками и становыми отъ церкви, что тамъ встаютъ двѣ стѣны, какъ встаютъ онѣ во всей Россіи. Рядомъ съ извѣстіями о священникахъ предсѣдателяхъ и вдохновителяхъ мѣстныхъ отдѣловъ союза русскаго народа идутъ многочисленныя сообщенія о карахъ, налагаемыхъ на священниковъ за несоотвѣт-

ствующій видамъ правительства образъ мыслей, объ изгнаніяхъ городскихъ священниковъ въ деревни, переводахъ на худшіе приходы, о лишеніи сана. И, быть можетъ, важнѣе извѣстій о насильственныхъ лишеніяхъ сана время отъ времени появляющіяся извѣстія о добровольномъ сложеніи съ себя сана священниками, о поступленіяхъ въ университеты, вѣрнѣе, о хлопотахъ о поступленіи въ университеты.

Темны и путаны извѣстія о настроеніи прихожанъ. Рядомъ стоятъ слухи о томъ, что храмы пустѣютъ, и крестьяне уходятъ отъ церкви, и слухи о повышеніи религіознаго настроенія въ народѣ, объ обостреніи религіозныхъ споровъ въ городахъ и деревняхъ, о ростѣ сектъ и возникновеніи новыхъ, объ образованіи,—опять таки вѣрнѣе, о стремленіи къ образованію свободныхъ христіанскихъ общинъ.

И всѣ наблюдатели современной деревенской жизни говорятъ одно: объ ея обыкновенной сложности и трудности, запутанности и перепутанности, о глубокой болѣзненности совершающагося тамъ, о борьбѣ тутошнихъ людей съ чужестранными, отрубныхъ людей съ общинными людьми, богатыхъ съ бѣдными, отцовъ съ дѣтьми. И о глубокомъ развалѣ старой морали, о своихъ средствіяхъ, старыхъ русскихъ своихъ средствіяхъ, которыя примѣняются враждующими сторонами другъ къ другу,—всякихъ средствіяхъ. И о томъ, что и по сіе время помѣщикамъ неспокойно жить въ усадьбахъ, что на этомъ устраненіи спокойствія въ усадьбахъ, повидимому, объединяются многіе въ неожиданныхъ комбинаціяхъ.

III.

Растревожили народъ... Потрясена его вѣра въ государство Россійское, въ силу его, въ способность обороняться, потрясена вѣра во внутреннее благоустройство, и все встаетъ предъ нимъ голое и обнаженное, и гаринскія ревизіи являются только протокольными засвидѣтельствованіями того, о чемъ онъ смутно догадывался, о воистину государственныхъ преступленіяхъ, которыя были нормами жизни въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Растревожили народъ страшнымъ противорѣчіемъ между словами манифеста 17-го октября и дѣлами сегодняшняго дня, «закономъ 9-го ноября».

Весь народъ... Случилось то, о чемъ не могли мечтать никакіе пропагандисты, у порога чего разбивались надежды и мечты русскихъ людей, что еще недавно считалось дѣломъ безконечно далекаго будущаго,—сдвинутъ съ мѣста вѣковѣчный пластъ, вовлеченъ въ борьбу, въ рѣшеніе вопросовъ русской жизни весь народъ. Между старыми, вѣчно боровшимися группами,—правительствомъ и интеллигенціей,—вдвинулись низы и стали отнынѣ огромнымъ факторомъ политическаго движенія...

И, быть можетъ, еще важнѣе, что никто отнынѣ не можетъ отстраниться, остаться въ сторонѣ, уйти отъ рѣшенія коренныхъ вопросовъ русской жизни.

Всѣхъ вопросовъ... Вопроса политическаго, вопроса соціальнаго, вопроса души, религіозно-моральной правды,—вопросовъ, связанныхъ тѣсно, какъ нигдѣ и никогда, вставшихъ въ своей трудности и напряженности, какъ нигдѣ и никогда.

Это все трудно, это все сложно, но, быть можетъ, самый трудный вопросъ о потрясенной народной душѣ, вопросъ о правдѣ, о совѣсти... И, какъ я уже сказалъ, наиболѣе грозный вопросъ. Наиболѣе грозный потому, что именно деревенская Россія вѣковѣчно жила въ значительной мѣрѣ, въ большой области своей жизни, не писанными законами, а своей давней вѣковой правдой.

Нормы установятся, правда сыщется... Уже по тому одному, что теперь весь народъ ищетъ ее, не можетъ не искать... Какъ сложатся нормы, какъ скуется новая правда—кто знаетъ! Но не къ прошлому, не назадъ пойдетъ она. Не потому только, что народъ потерялъ вѣру въ прежнія нормы государственной жизни, а потому, что нѣтъ прошлаго, ушло оно. Пусто старое мѣсто... Растаскиваютъ по бревнышку старую крестьянскую избу, тушатъ огоньки, что долго мерцали тамъ, ломаютъ печки, что грѣли вѣка крестьянскую избу. Некуда въ старое мѣсто идти ему.

Ему предлагаютъ новую вѣру, «священное» чувство собственности, революціоннымъ путемъ вводятъ въ крестьянство новую отрубную правду, но не отмѣняется циркуляромъ старая правда, и западно-европейская исторія учитъ, какъ медленно и трудно вытравляются изъ души старыя общинныя чувства и какъ для многихъ неожиданно просыпаются они при полномъ расцвѣтѣ священнаго чувства собственности.

Правда сыщется... Неодолимыя препятствія встали предъ всякой народной организованностью, отрѣзана всякая возможность сговариваться и соглашаться. «Въ порядкѣ» чрезвычайной, «въ порядкѣ» усиленной охраны, въ порядкѣ теперешней юстиціи, исключительныхъ законовъ, а не въ порядкѣ гражданственности и нормальной законности сложилась современная жизнь; но нормы установятся, правда сыщется, такъ какъ не можетъ многомилліонный народъ жить безъ жилья, на холоду и вѣтру, и не можетъ народъ, въ которомъ всегда была такъ велика жажда правды, который всю жизнь жилъ чувствами, долго оставаться безъ правды, безъ вѣры, безъ нормальнаго общаго чувствованія. И, нѣтъ сомнѣнія, народъ выстроитъ себѣ жилье, установитъ нормы жизни, народъ найдетъ новую правду, и основаніемъ войдетъ въ нее то святое, чистое и индивидуальное, что было въ старой правдѣ прошлаго. Такъ будетъ, такъ какъ циркулярами правда не отмѣняется и не насаждается.

И потомъ, нѣкоторое время можно ѣхать «не кормя», но совершать длинное путешествіе «на кнутѣ» нельзя... Всегда, конечно, найдутся наемники, зряшные ямщики, которые интересуются только тѣмъ, гривенникъ или двугривэнный получать они съ сѣдока на водку, но чисто физическія причины устраняютъ возможность долго ѣхать на кнутѣ. Кнутъ, какъ бы ни разнообразить формы его и какъ бы ни повышать энергію его примѣненія, все таки есть кнутъ, а не кормъ... И не люди, умѣющіе ѣхать только на кнутѣ, и не игроки, которые выкрикиваютъ: «Faites vos jeux!—On ne va plus!»,—не эти архитекторы будутъ строить новый домъ русской жизни, не они будутъ возстановлять и установлять правду русской жизни...

С. Елпатьевскій.

На очередныя темы.

Подъ знакомъ охраны.

I.

19 октября с.-петербургскою судебною палатою было разсмотрѣно дѣло о студентѣ Литвиновѣ, обвинявшемся по 2 ч. 102 ст. угол. улож., т. е. въ принадлежности къ противоправительственному сообществу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи средства для взрывовъ. Защитникъ обвиняемаго, присяжный повѣренный Зарудный, просилъ судъ огласить причины, почему освобождены отъ отвѣтственности два другихъ лица: студенты Селезневъ и Нейманъ,—которые, какъ видно изъ дѣла, принимали участіе вмѣстѣ съ Литвиновымъ въ перевозкѣ и храненіи взрывчатыхъ веществъ. Изъ прочитаннаго на судѣ заключенія прокурора выяснилось (да это и изъ обвинительнаго акта было понятно), что Селезневъ и Нейманъ освобождены отъ суда въ виду услугъ, оказанныхъ ими охранному отдѣленію, такъ какъ они изъяли взрывчатыя вещества изъ распоряженія противоправительственныхъ организацій съ цѣлью передать ихъ полиціи. Литвиновъ, которому на судѣ удалось доказать, что, перевозя складъ, онъ не зналъ, что въ немъ имѣются взрывчатыя вещества, былъ приговоренъ палатою къ ссылкѣ на поселеніе.

Газеты помѣстили краткій отчетъ объ этомъ дѣлѣ, нѣкоторыя

изъ нихъ,—какъ, напримѣръ, „Петербургскій Листокъ",—постарались придать ему сенсаціонное заглавіе, но онъ, вѣроятно, промелькнулъ бы передъ читателями, не задержавъ на долго ничьего вниманія. Въ самомъ дѣлѣ: что въ немъ особеннаго? Обнаружены новые «сотрудники» охраннаго отдѣленія... Но «сотрудники» разоблачены на этотъ разъ совсѣмъ маленькіе, вдвоемъ провалившіе одного студента, и даже съ точки зрѣнія охраннаго отдѣленія совершенно, повидимому, не интересные,—иначе прокуратура и судъ воздержались бы, конечно, отъ ихъ разоблаченія. Какъ извѣстно, чины судебнаго вѣдомства и тѣмъ болѣе прокурорскаго надзора оберегаютъ тайны охранки очень тщательно. Да и само охранное отдѣленіе, если бы Селезневъ и Нейманъ являлись для него достаточно цѣнными сотрудниками, употребило бы, конечно, иныя, болѣе деликатныя, мѣры, чтобы устранить ихъ изъ дѣла. Такихъ мѣръ имѣется вѣдь въ его распоряженіи не мало,—вплоть до искусно симулированнаго побѣга... Какъ бы то ни было, послѣ того, какъ передъ нами прошли Азефъ, Ландезенъ-Гартингъ, Жученко-Гернгроссъ, какіе-нибудь Селезневъ и Нейманъ сами по себѣ не могли бы привлечь вниманіе. Но въ данномъ случаѣ было одно обстоятельство, которое знавшихъ о немъ невольно заставляло задуматься.

Дѣло въ томъ, что Селезневъ и Нейманъ, хотя «сотрудничество» ихъ съ охраннымъ отдѣленіемъ самими ими было признано и оффиціально удостовѣрено, продолжали оставаться студентами. Преданный ими Литвиновъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а они, какъ ни въ чемъ не бывало, ходили на лекціи, встрѣчались съ товарищами, пытались (по крайней мѣрѣ, Нейманъ) завязывать новыя связи. Даже широкая огласка ихъ предательства какъ будто не произвела никакого эффекта. 19 октября состоялся при открытыхъ дверяхъ судъ надъ Литвиновымъ, 20 октября газеты помѣстили отчетъ объ этомъ дѣлѣ, а 5 ноября Селезневъ еще держалъ экзаменъ у одного профессора... Въ этомъ, дѣйствительно, было нѣчто новое, какъ будто еще невиданное, при встрѣчѣ съ чѣмъ нельзя было не развести руками...

Спустя нѣсколько дней послѣ процесса, г. Антонъ Крайній помѣстилъ въ «Рѣчи» статью, въ которой высказывалъ по этому поводу свое недоумѣніе. Не Литвиновъ его интересовалъ, не Селезневъ и Нейманъ его занимали...

Любопытны—писалъ онъ—не эти «товарищи», а настоящіе товарищи-студенты, сотоварищи Н. и С., сидящіе рядомъ съ ними, на однѣхъ скамьяхъ, знающіе (кто же не знаетъ печатнаго) и о службѣ ихъ, и о гонорарѣ въ 500 рублей, полученныхъ ими за Л., и... мало ли что, я думаю, они еще знаютъ, встрѣчаясь подъ кровомъ одного и того же политехническаго института.

Что же товарищи этихъ служакъ? Что они?

А они кажется... ничего. Ничего, если принять во вниманіе что Н. и С. тамъ процвѣтаютъ... *)

Написавъ свое «Ничего», г. Антонъ Крайній, несомнѣнно, нѣсколько поторопился. Совершенно безслѣдно огласка предательства въ студенческой средѣ, конечно, пройти не могла.

Въ университетѣ и политехникумѣ появились объявленія, приглашавшія товарищей обратить вниманіе на сообщенныя печатью свѣдѣнія.

По настойчивому требованію проректора г. Гримма, Селезневъ долженъ былъ оставить университетъ. Вопросъ о немъ былъ внесенъ въ порядокъ дня одной изъ сходокъ, но потомъ снятъ съ очереди, когда выяснилось, что Селезневъ не состоитъ уже студентомъ. Такимъ образомъ, какъ отнеслось бы въ концѣ концовъ къ этому вопросу студенчество университета, мы не знаемъ.

Студенчество политехникума, гдѣ учится Нейманъ, всколыхнулось нѣсколько раньше. Товарищи назначили надъ нимъ сначала слѣдственную, а потомъ судебную коммиссію, и послѣдняя уже разсмотрѣла дѣло.

Теперь мы имѣемъ возможность нѣсколько глубже заглянуть въ исторію этого маленькаго предательства, чѣмъ то въ состояніи были сдѣлать газеты. И я думаю, что этою возможностью слѣдуетъ воспользоваться...

Достаточно уже выяснилось, какую роль играло и играетъ предательство въ русской политической жизни. Нельзя поэтому имъ не итересоваться. И разъ намъ представляется сравнительно рѣдкая возможность прослѣдить его исторію, хотя и въ маленькомъ масштабѣ, но во всѣхъ почти фазахъ, чуть не съ момента зарожденія, то было бы грѣшно упустить такой случай,—тѣмъ болѣе, что дѣло Неймана содержитъ въ себѣ и другіе интересные матеріалы.

II.

Фактическая сторона дѣла въ обвинительномъ актѣ, который былъ врученъ Литвинову, и въ заключеніи прокурора, которое было прочитано въ судебной палатѣ, изложена далеко не полно и не совсѣмъ точно. Правда, и на матеріалы студенческаго суда нельзя въ этомъ случаѣ вполнѣ положиться. Возстановляя по нимъ факты, приходится опираться на показанія свидѣтелей, въ общемъ довольно скудныя, и на показанія Неймана, не вполнѣ, быть можетъ, откровенныя. Что касается Селезнева, то онъ вовсе не былъ допрошенъ, такъ какъ не явился въ судъ по болѣзни. Однако и за всѣмъ тѣмъ, матеріалы студенческаго слѣдствія даютъ несравненно

*) „Рѣчь", 25 октября.

болѣе полную и, нужно думать, гораздо болѣе вѣрную картину, чѣмъ оффиціальные документы. И эта картина такова.

Осенью 1908 года въ Петербургѣ образовалась новая революціонная организація подъ названіемъ «Молодая Россія». Организація была воистину «полудѣтская», какъ ее потомъ назвалъ студенческій судъ въ своемъ приговорѣ, полудѣтская прежде всего по своему составу. Учредили ее нѣсколько молодыхъ людей, видную роль среди которыхъ играли студенты-второкурсники Селезневъ и Нейманъ, изъ коихъ послѣднему было всего 18 лѣтъ. Еще болѣе дѣтской, если не предполагать чего-либо худшаго, «Молодая Россія» была по своимъ задачамъ, тактикѣ и организаціи.

Въ дѣлѣ имѣется ея уставъ и другіе документы. Изъ нихъ видно, что это была (правильнѣе, предполагалась) организація союзнаго типа и заговорщицкаго характера. Она поставила себѣ исключительно политическія задачи, но намѣтила ихъ въ самой рѣзкой—правильнѣе даже сказать, въ самой колючей формѣ. Такъ, на первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ даже не о республикѣ, а о династіи. Столь же колючую новая организація намѣтила себѣ и тактику: учрежденіе революціонныхъ группъ въ войскѣ и стрѣлковыхъ союзовъ изъ молодежи и рабочихъ—въ качествѣ подготовительныхъ мѣръ, а въ качествѣ рѣшительныхъ средствъ—забастовка общественно-необходимыхъ предпріятій и вооруженное возстаніе. Извѣщая другія партіи о своемъ возникновеніи, «Молодая Россія» писала, что она «объединяетъ людей различнаго міросозерцанія... способныхъ и желающихъ сражаться не оружіемъ критики, но оружіемъ огнестрѣльнымъ». Организація была намѣчена рѣзко-централистическая, при чемъ, какъ значилось въ одномъ изъ параграфовъ, «всякое ослушаніе наказывается смертью наравнѣ съ измѣной и предательствомъ». Въ уставѣ былъ еще и такой, не совсѣмъ понятный, параграфъ: «каждый вступающій въ «Молодую Россію» долженъ помнить, что въ каждый моментъ онъ можетъ лишиться жизни». Для характеристики этой «полудѣтской» организаціи достаточно будетъ прибавить, что къ одному изъ первыхъ параграфовъ ея устава имѣлось такое, болѣе чѣмъ скромное, примѣчаніе: «временное правительство назначается «Молодой Россіей»...

Успѣха новая организація совершенно не имѣла. Въ составъ ея входило 5—6 интеллигентовъ и кромѣ того примыкало нѣсколько рабочихъ. Хотя было два комитета: центральный и петербургскій, но состояли они изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: «на два комитета не хватало людей». Какія-то связи «Молодая Россія» успѣла завязать только съ Варшавой...

Въ своей дѣятельности новая организація рѣшила руководиться принципомъ: «цѣль оправдываетъ средства». На одномъ изъ комитетскихъ засѣданій, по предложенію Селезнева и при поддержкѣ Неймана, была принята такая приблизительно резолю-

ція: «Для прогрессивныхъ цѣлей хороши всѣ средства. Нравственно все, что полезно. Безнравственно все, что вредитъ дѣлу. Нѣтъ ничего недозволеннаго».

Этимъ не ограничился «аморализмъ», какъ назвалъ его одинъ изъ свидѣтелей, «Молодой Россіи». На одномъ изъ комитетскихъ собраній зашелъ разговоръ о провокаторствѣ.

Между прочимъ,—говоритъ въ своемъ показаніи Нейманъ,—выяснилось общее мнѣніе, что если бы кто изъ служащихъ въ охранкѣ вздумалъ помогать лѣвымъ организаціямъ путемъ сообщенія хотя бы только именъ дѣйствующихъ въ партіяхъ провокаторовъ, то таковое обстоятельство было бы весьма не безвыгодно, такъ какъ вредная для партій дѣятельность политической полиціи была бы почти парализована. Въ связи съ этимъ разговоромъ Селезневъ тогда же предложилъ послать въ охранку человѣка, который выразилъ бы желаніе служить въ этомъ учрежденіи. „Если,—говорилъ онъ,—этотъ человѣкъ сумѣетъ доказать охранкѣ свою интеллигентность, его, безъ сомнѣнія, предназначатъ для роли провокатора и дадутъ связь съ партіей; это одно познакомитъ его, по крайней мѣрѣ, съ однимъ провокаторомъ, а дальнѣйшая дѣятельность можетъ дать ему еще больше свѣдѣній. Наконецъ, рискъ здѣсь не великъ, такъ какъ если въ концѣ концовъ охранное отдѣленіе увидитъ, что пришедшій къ нему человѣкъ не выказываетъ способностей и никого не выдаетъ, то въ крайнемъ случаѣ онъ рискуетъ только высылкой изъ Петербурга и переходомъ на нелегальное положеніе; высшей мѣры административнаго наказанія нѣтъ"...

Въ заключеніе Селезневъ предложилъ себя для этой роли, «прибавивъ, что если охранное отдѣленіе найдетъ его неподходящимъ человѣкомъ для роли провокатора, онъ постарается устроиться обыкновеннымъ агентомъ, что, можетъ быть, еще лучше въ смыслѣ количества и качества могущихъ быть полученными свѣдѣній».

Принципіальныхъ возраженій предложеніе Селезнева, повидимому, не встрѣтило. Оно обсуждалось лишь съ точки зрѣнія практической его осуществимости и, главное, пригодности для этой цѣли Селезнева. Никакого опредѣленнаго рѣшенія въ концѣ концовъ принято не было; что касается преобладавшаго мнѣнія, то на этотъ счетъ показанія рѣзко расходятся.

Разговоръ этотъ происходилъ 12 декабря, а 14 декабря Селезневъ довелъ до свѣдѣнія Неймана и еще одного товарища, что онъ былъ въ охранномъ отдѣленіи и поступилъ на службу въ качествѣ «сотрудника». По словамъ Неймана и еще одного изъ свидѣтелей, Селезневъ объ этомъ посѣщеніи охранки разсказывалъ слѣдующее.

Появленіе его вызвало сначала недоумѣніе, но когда онъ объяснилъ, что пришелъ предложить свои услуги, движимый, съ одной стороны, патріотическимъ чувствомъ и побуждаемый, съ другой стороны, нуждой въ деньгахъ, которыхъ ему, несмотря на то, что онъ сынъ состоятельныхъ родителей, не хватаетъ на кутежи, то отношеніе къ нему сразу измѣнилось: съ нимъ сдѣлались очень любезны и ему пришлось даже въ концѣ концовъ облобызаться

съ какимъ-то охранникомъ, одѣтымъ въ студенческую форму. Съ двумя чиновниками онъ имѣлъ продолжительный разговоръ и они дали ему много совѣтовъ. Между прочимъ, они говорили, что спѣшить выдавать не надо; пусть онъ выдаетъ только тѣхъ, кто будетъ мѣшать ему подниматься по лѣстницѣ революціонной іерархіи. Селезневъ сообщилъ, что онъ соціалъ-демократъ; на это ему сказали, что въ соціалъ-демократахъ надобности не чувствуется, и посовѣтовали ему перейти въ соціалисты-революціонеры... При вторичномъ посѣщеніи охраны его подробно распрашивали о его революціонныхъ связяхъ, при чемъ назвали много именъ, которыхъ онъ даже не зналъ. Между прочимъ, его спрашивали о «Крокодилѣ», подъ каковой кличкой въ революціонной средѣ былъ извѣстенъ Литвиновъ... Жалованья Селезневъ не получалъ, но ему обѣщали, что услуги его будутъ вознаграждены...

Послѣ перваго же посѣщенія охраны Селезневъ, какъ передаетъ одинъ изъ свидѣтелей съ его словъ, замѣтилъ, что за нимъ усиленно слѣдятъ. Онъ продолжалъ, однако, оставаться членомъ центральнаго комитета «Молодой Россіи». Товарищи легко примирились со сдѣланнымъ имъ шагомъ, разсчитывая извлечь изъ этого пользу, и только обязали его не говорить о чемъ-либо съ агентами охраннаго отдѣленія безъ предварительнаго совѣщанія съ комитетомъ и безъ подробнаго доклада потомъ о разговорѣ.

Дальше событія пошли довольно быстрымъ темпомъ... «Молодая Россія» получила предложеніе взять складъ взрывчатыхъ веществъ. 17 декабря Селезневъ отправился за складомъ и въ указанномъ мѣстѣ случайно встрѣтился съ Литвиновымъ, который тоже получилъ предложеніе взять изъ этого склада типографскія принадлежности. Такъ какъ у Литвинова не было даже мѣста, куда бы ихъ помѣстить, то, по соглашенію съ Селезневымъ, они все перевезли къ Нейману въ 1-ю роту, гдѣ онъ жилъ съ родителями. Но держать здѣсь складъ Нейманъ боялся, такъ какъ у него былъ маленькій братъ, и черезъ день вещи перевезли на Подольскую улицу, гдѣ была снята комната на имя Неймана. Понемногу сюда разныя лица стали сносить и другіе конспиративные предметы. Самъ же Нейманъ продолжалъ жить съ семьей и лишь изрѣдка заходилъ въ свою комнату на Подольской улицѣ.

23 декабря полотеры, работавшіе въ комнатѣ Неймана, передвигая ящики, просыпали часть шрифта... Хозяинъ квартиры, какой-то студентъ-гражданецъ, увидавъ 28 декабря Неймана, потребовалъ, чтобы тотъ въ суточный срокъ очистилъ комнату, въ противномъ же случаѣ грозилъ донести полиціи. Нейманъ отправился къ Селезневу: что дѣлать? Денегъ на переѣздъ—по его словамъ—у него не было, не оказалось ихъ и у Селезнева. Послѣдній предложилъ сходить за ними въ охранное отдѣленіе: должны же ему платить за службу... И Селезневъ, дѣйствительно, пошелъ туда.

Нейманъ же пошелъ ночевать къ товарищу, сочинивъ послѣд-

нему исторію, что онъ получилъ предупрежденіе на счетъ предстоящаго обыска. Въ дѣйствительности же, какъ онъ объясняетъ теперь, онъ боялся, съ одной стороны, что Селезневъ проговорится въ охранѣ, а съ другой,—что хозяинъ квартиры, быть можетъ, уже донесъ. На слѣдующій день Селезневъ передалъ Нейману 20 рублей, полученныхъ имъ въ охранѣ, и они вмѣстѣ отправялись на Подольскую улицу, но войти въ квартиру побоялись и послали впередъ 13-лѣтняго брата Неймана. Въ квартирѣ оказалась засада, и сами они были арестованы тутъ же на улицѣ. Въ тотъ же день было арестовано еще нѣсколько лицъ и въ числѣ ихъ Литвиновъ и товарищъ, у котораго ночевалъ Нейманъ.

Въ участкѣ, по словамъ Неймана, Селезневъ посовѣтовалъ ему заявить на допросѣ, что онъ желаетъ поступить на службу въ охранное отдѣленіе и что тогда-де все кончится пустяками. Въ охранномъ отдѣленіи—показываетъ теперь Нейманъ—

допрашивавшій меня охранникъ сталъ говорить мнѣ, что дѣло мое плохо, что обвиненіе по 102 ст. 2 ч. угол. улож. грозитъ ссылкой въ каторжныя работы отъ 8 до 12 лѣтъ, и въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ служить въ охранномъ отдѣленіи, прибавивъ, что условія работы, въ смыслѣ ея характера и размѣра вознагражденія, опредѣлятся позднѣе, а пока онъ рекомендуетъ мнѣ отказаться отъ показаній у слѣдователя, дабы не терять въ партійномъ мірѣ своего «реноме»...

Тутъ же онъ показалъ Нейману написанный рукою Селезнева доносъ о томъ, что въ квартирѣ Неймана хранятся взрывчатыя вещества и типографскія принадлежности,—доносъ, къ слову сказать, написанный по всѣмъ правиламъ бюрократическаго искусства, со ссылками на соотвѣтствующія статьи закона; охранникъ сообщилъ также Нейману, что Селезневъ вообще далъ откровенныя показанія, оговоривъ такихъ-то и такихъ-то лицъ.

Нейманъ, по его словамъ, попросилъ нѣсколько минутъ на размышленіе и затѣмъ изъявилъ согласіе на сдѣланное ему предложеніе.

У слѣдователя Нейманъ былъ на допросѣ три раза: 17 февраля, 2 и 8 мая. На первомъ допросѣ онъ далъ уклончивыя показанія, назвавъ лишь одного Селезнева. Потомъ онъ получилъ записку отъ родителей Селезнева, который былъ уже выпущенъ на свободу, слѣдующаго содержанія:

Складъ былъ предложенъ Шурѣ неизвѣстнымъ тебѣ человѣкомъ и взятъ съ общаго согласія, чтобы изъять у максималистовъ и уничтожить при помощи охранки, гдѣ у Шуры были знакомые. Перевезенъ Шурою вмѣстѣ съ другимъ лицомъ къ тебѣ, а потомъ на Подольскую. Шура далъ деньги на квартиру. 28 декабря съ общаго согласія Шура заявилъ о складѣ охранкѣ, такъ какъ боялся, что хозяинъ заявитъ общей полиціи.

Таковъ, очевидно, былъ смыслъ показаній Селезнева. Тогда и Нейманъ рѣшилъ измѣнить тактику. На допросѣ 2 мая онъ заявилъ слѣдователю, что ему извѣстно было о службѣ Селезнева въ

охранномъ отдѣленіи, а также разсказалъ о сдѣланномъ ему предложеніи и о совѣтѣ не давать показаній.

Слѣдователь,—разсказываетъ Нейманъ,—заявилъ, что ему необходимо переговорить съ кѣмъ-то по телефону, говорилъ болѣе получаса и, наконецъ, вернувшись, сказалъ мнѣ, что прерываетъ допросъ на недѣлю.

8 мая Нейманъ подтвердилъ показанія Селезнева относительно цѣли, съ которою они хранили складъ, а также и нѣкоторыя другія, прочитанныя ему изъ этихъ показаній выдержки, послѣ чего немедленно былъ освобожденъ. Показанія Селезнева, по его словамъ, занимали семь листовъ, при чемъ онъ замѣтилъ въ нихъ много именъ и адресовъ, главнымъ образомъ бывшихъ товарищей ихъ по гимназіи.

Самъ Селезневъ былъ освобожденъ еще 28 февраля. Одинъ изъ свидѣтелей, бывшій членъ «Молодой Россіи», сохранившій, повидимому, и теперь дружескія связи съ Селезневымъ,—показалъ, со словъ послѣдняго, что доносъ, который былъ показанъ Нейману, написанъ былъ уже послѣ ареста, что это былъ будто бы взаимный компромиссъ съ охраннымъ отдѣленіемъ, которое разрѣшило Селезневу подъ условіемъ умолчанія о деньгахъ, выданныхъ ему 28 декабря, написать на оффиціальной бумагѣ, что онъ самъ заявилъ о складѣ взрывчатыхъ веществъ. Кромѣ того, по словамъ того же свидѣтеля, Селезневу сообщили нѣкоторыя поразившія его подробности, какъ онъ перевозилъ складъ съ Литвиновымъ, и показали документъ, написанный почеркомъ Неймана.

— Совѣтуемъ вамъ,—сказали ему при этомъ—сознаться, молодой человѣкъ. Нейманъ рѣшительно все уже разсказалъ намъ, черкните нѣсколько строкъ, и двери передъ вами открыты, вы будете свободны.

«При упоминаніи о волѣ—говорилъ свидѣтель,—характеризуя душевное состояніе Селезнева,—и логика, и этика оставили его, онъ пошелъ на приманку и... повѣрилъ». Но когда онъ сдѣлалъ признаніе, то отношеніе къ нему сразу измѣнилось.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ,—сказали ему,—очень васъ жаль, но за такія дѣла сажаютъ въ тюрьму. Вы собрались служить двумъ богамъ, пожалуйте же въ Кресты.

Этотъ разсказъ, переданный со словъ Селезнева, не былъ провѣренъ даже допросомъ его самого... Какъ бы то ни было, просидѣлъ Селезневъ, какъ уже сказано, только мѣсяцъ...

Нейманъ послѣ своего освобожденія сдѣлалъ попытку повидаться съ Селезневымъ, но тотъ уклонился отъ этого. Тогда Нейманъ и еще одинъ членъ «Молодой Россіи», фактически представлявшіе въ это время весь комитетъ, исключили его, «какъ человѣка, способнаго на предательство», изъ организаціи и оповѣстили объ этомъ другія партіи. Самъ же Нейманъ остался въ центральномъ комитетѣ «Молодой Россіи» и долженъ былъ работать надъ

перестройкой ея организаціи. Потомъ, по его словамъ, онъ вышелъ изъ ея состава «вслѣдствіе расхожденія съ основнымъ принципомъ тактики, усвоеннымъ этою организаціею». Въ дѣлѣ имѣется, однако, документъ, изъ котораго видно, что Нейманъ былъ исключенъ изъ «Молодой Россіи»,—исключенъ, повидимому, тѣмъ единственнымъ членомъ, который оставался въ комитетѣ и который объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую «Молодую Россію» распущенной... Таковъ былъ конецъ этой «полудѣтской организаціи».

И такова была картина всего дѣла, какъ ее рисуютъ собранные студенческимъ судомъ матеріалы...

III.

«Грязная исторія, въ которую вломались глупые и скверные мальчишки!» — скажетъ, вѣроятно, читатель. Прибавлю: среди нихъ, можетъ быть, были и больные... Такъ, относительно Селезнева имѣются указанія, что еще въ 1908 году профессоромъ Бехтеревымъ у него была констатирована анемія мозга. Другой членъ «Молодой Россіи» послѣ ареста заболѣлъ психическимъ разстройствомъ и поэтому былъ освобожденъ отъ суда. Возможно, что среди замѣшанныхъ въ дѣло лицъ и еще были не вполнѣ нормальные люди... Но въ этой глупой, мелкой и кошмарной исторіи былъ, какъ мы знаемъ, драматическій элементъ, въ ней сказалось дѣйствіе нѣкоторыхъ большихъ силъ, въ ней отразилась психика и здоровыхъ людей...

Нѣкоторымъ кажется подозрительнымъ самое возникновеніе «Молодой Россіи»,—этой какъ-будто преднамѣренно колючей организаціи, задавшейся какъ бы спеціальной цѣлью принизить умственно и развратить нравственно революціонно-настроенную молодежь. Но оставимъ этотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго у насъ нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. И за всѣмъ тѣмъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что роль охраннаго отдѣленія въ разсказанной нами исторіи была гораздо больше, чѣмъ это вскрылось до сихъ поръ. Отмѣчу здѣсь одно обстоятельство, обращающее это предположеніе почти въ увѣренность.

Студенческій судъ, интересовавшійся, главнымъ образомъ, личностью Неймана и не рѣшавшійся, быть можетъ, черезчуръ далеко заходить въ своихъ розыскахъ, чтобы ими кого не скомпрометировать, оставилъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не выясненнымъ вопросъ о происхожденіи склада. Между тѣмъ при сопоставленіи данныхъ произведеннаго имъ слѣдствія съ оффиціальными документами на этотъ счетъ возникаютъ большія сомнѣнія.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта по дѣлу Литвинова, Селезневъ и Нейманъ показали, что они получили этотъ складъ отъ максималиста «Ѳедора». Судя по тому же обвинительному

акту, у охраны были и самостоятельныя «негласныя свѣдѣнія», какъ о самомъ складѣ, находившемся у какихъ-то рабочихъ, проживающихъ на Черной Рѣчкѣ, такъ и о максималистѣ «Ѳедорѣ», организація котораго была «ослаблена предыдущими арестами». Между тѣмъ на студенческомъ судѣ выяснилось, что «Ѳедоръ»—это «мифическое лицо», выдуманное Селезневымъ и Нейманомъ, чтобы скрыть дѣйствительное происхожденіе склада. Какимъ образомъ у охраны могли имѣться «негласныя свѣдѣнія» о миѳическомъ лицѣ, выдуманномъ ad hoc,—трудно себѣ и представить, если только не предполагать, что она сама участвовала въ этой выдумкѣ. Любопытно, далѣе, слѣдующее: въ распоряженіе ничтожной организаціи передается громадный складъ: однихъ взрывчатыхъ веществъ въ немъ было болѣе 5 пудовъ, всего же вмѣстѣ съ типографскими принадлежностями и литературой до 30 пуд.—и это происходитъ въ ближайшіе же дни послѣ того, какъ Селезневъ побывалъ въ охранѣ. Любопытно и то, что въ этомъ складѣ оказался «Крокодилъ»-Литвиновъ, тоже получившій предложеніе принять его отъ какого-то соціалиста-революціонера, извѣстнаго подъ кличками «Кольцовъ» и «Александръ Московскій» (быть можетъ, тоже миѳическая личность), а этимъ «Крокодиломъ», какъ мы знаемъ, уже ранѣе интересовалась охрана и спрашивала о немъ у Селезнева. Но оставимъ даже эти, не вполнѣ понятныя, совпаденія...

И за всѣмъ тѣмъ остается въ высшей степени знаменательный фактъ: слѣдственная власть, судя по дѣлу Литвинова, не сдѣлала никакихъ попытокъ, чтобы разыскать «Ѳедора» и тѣхъ рабочихъ, которые хранили взрывчатыя вещества. Между тѣмъ сдѣлать это, казалось бы, она была обязана, какъ для того, чтобы провѣрить показанія Селезнева и Неймана, такъ и для того, чтобы добраться до главныхъ виновниковъ—до «преступной фракціи максималистовъ»,—не довольствуясь случайно попавшимся на дорогѣ студентомъ. Найти домъ, гдѣ хранился складъ, было, конечно, не трудно. Допустимъ, что Селезневъ запамятовалъ адресъ, но улица была извѣстна властямъ, и для того, чтобы найти на этой небольшой улицѣ домъ, нужно было, конечно, не много усилій: это можно было узнать при помощи дворниковъ, которые помогали вытаскивать ящики, и при помощи извозчиковъ, которые везли ихъ потомъ по опредѣленному маршруту, съ Черной Рѣчки на Первую Роту, буквально черезъ весь городъ. Допустить недогадливость или небрежность въ данномъ случаѣ со стороны слѣдователя мы не можемъ, такъ какъ извѣстно, что слѣдствіе велъ опытный и заслуженный въ политическомъ розыскѣ человѣкъ. Остается предположить одно: если прежніе владѣльцы склада не разыскивались, то только потому, что они и безъ того властямъ были хорошо извѣстны. Гдѣ же они? почему ихъ не судили вмѣстѣ съ Литвиновымъ?

Мы видѣли, что охрана, какъ передавалъ со словъ Селезнева одинъ изъ свидѣтелей, имѣла о складѣ «поразительныя свѣдѣнія». Но по существу въ этомъ, можетъ быть, не было ничего поразительнаго. Представьте себѣ, что это была ни больше—ни меньше, какъ приманка... Вамъ понятна будетъ тогда и та досада, которую должны были испытать современные «ловцы человѣковъ», когда при такой крупной приманкѣ оказался такой скудный уловъ: попалась только одна рыбешка—студентъ Литвиновъ. Винить въ скудномъ уловѣ приходилось, конечно, Селезнева и Неймана, которые такъ быстро «провалили» складъ. Стоитъ ли послѣ этого дорожить такими «сотрудниками?» Нейманъ показалъ, что послѣ освобожденія охранное отдѣленіе не обращалось къ нему, и что это его очень удивляетъ. Но я думаю, что въ этомъ нѣтъ, пожалуй, ничего удивительнаго...

Можно было бы указать и еще кое-какія обстоятельства, заставляющія предполагать, что участіе во всемъ этомъ дѣлѣ было шире, чѣмъ это обнаружили два судебныхъ разбирательства... Но мнѣ представляется болѣе важной и интересной не эта роль охраны,—не непосредственное ея участіе въ возникновеніи и прохожденіи политическихъ дѣлъ, а то психическое вліяніе, которое она оказываетъ на извѣстную среду. Говорятъ, что нѣкоторыя змѣи магнетизируютъ взглядомъ свои жертвы... Нѣчто подобное, какъ мнѣ кажется, происходитъ и въ данномъ случаѣ.

Кучка молодежи, объединившаяся подъ названіемъ «Молодой Россіи», не приступила еще къ дѣлу: ею не было учреждено ни одной революціонной группы въ войскѣ, ни одного стрѣлковаго союза изъ молодежи или рабочихъ... Имѣются основанія думать, что даже сами они, эти «люди, способные и желающіе сражаться не оружіемъ критики, а оружіемъ огнестрѣльнымъ»,—не только не научились, но вовсе и не учились еще владѣть этимъ послѣднимъ... Они еще не приступили къ дѣлу, а мысли ихъ уже сосредоточились на охранкѣ. Они какъ бы чувствуютъ ея взглядъ на себѣ, разсчитываютъ осилить его своимъ взглядомъ,—такъ сказать, пересмотрѣть ее,—и впадаютъ въ оцѣпнѣніе...

Представьте себѣ, что они начали бы работу,—ну, скажемъ, попытались бы образовать хотя одну революціонную группу въ войскѣ. Вѣроятно, они очень скоро поняли бы, что нельзя пренебрегать оружіемъ критики; возможно, что даже убѣдились бы въ необходимости при данныхъ условіяхъ предпочесть его оружію огнестрѣльному... Допустимъ, что они начали бы еще болѣе скромную работу—занялись бы собственнымъ военнымъ образованіемъ, каковое было вѣдь обязательно для агентовъ «Молодой Россіи» по уставу. И въ такомъ случаѣ вся сложность и громадность задачи, которую они себѣ поставили,—даже съ военной только точки зрѣнія,—вѣроятно, очень скоро выяснилась бы передъ ними. Возможно, что они сами не замедлили бы убѣдиться въ нелѣпости своей по-

лудѣтской затѣи... Но всѣ почти ихъ мысли сконцентрированы на охранкѣ, это—главный врагъ и за нимъ какъ бы исчезли всѣ остальные, это—самая яркая точка, которая уже начинаетъ влечь ихъ къ себѣ. Селезневъ—первый не въ состояніи былъ удержаться, другіе—не въ силахъ оказались ни удержать его, ни разорвать съ нимъ *)...

Надежда, что Селезневъ перехитритъ Герасимова (тогдашняго начальника охраны) и что вообще отъ охраннаго отдѣленія можно что-то получить, ничего ему не давая, была столь наивной, что, по сравненію съ нею, даже мечту о временномъ правительствѣ, назначаемомъ Молодой Россіей», можно считать серьезной. Правда, питавшіе эту надежду люди, какъ мы видѣли, старались себя убѣдить въ ея основательности разными выкладками на счетъ того, что они могутъ выиграть и проиграть въ томъ или иномъ случаѣ. Теперь одинъ изъ свидѣтелей, бывшій членъ «Молодой Россіи», пытается обосновать тотъ же планъ историческими прецедентами и хочетъ объяснить его крушеніе исключительно недостаткомъ силы у людей, взявшихся за его выполненіе, и, въ частности, полною непригодностью Селезнева для принятой имъ на себя роли...

Суть, однако, совсѣмъ не въ томъ, что этотъ планъ былъ выполненъ скверно до подлости, и даже не въ томъ, что онъ былъ задуманъ наивно до глупости. Говорить объ этомъ нѣтъ даже надобности,—достаточно сказать, что сами авторы не вѣрили въ основательность своего плана, въ возможность «проникнуть въ лагерь врага», не запачкавшись предательствомъ. По словамъ Неймана, «не задолго до ареста Селезневъ говорилъ ему, что ужъ если бы ему непремѣнно пришлось кого-нибудь выдать охранкѣ, то онъ выбралъ бы Наума (кличка одного изъ с.-д.), какъ человѣка, по его мнѣнію, безполезнаго для революціоннаго дѣла»,— и этотъ Наумъ, дѣйствительно, былъ потомъ арестованъ. Изъ дѣла

*) Приведу еще два-три штриха изъ дѣла Неймана, чтобы показать, сколь всепроникающей и всесильной замѣшаннымъ въ немъ лицамъ представлялась и представляется охрана. «Въ Крестахъ—показалъ одинъ изъ свидѣтелей—Нейманъ сидѣлъ рядомъ съ анархистомъ. Черезъ нѣкоторое время онъ объявилъ этого анархиста провокаторомъ. Поднялась исторія на волѣ, стали разслѣдовать, оказалось—ничего подобнаго. Тогда Нейманъ сказалъ, что ошибся». Отвѣчая на вопросы студенческаго суда, Нейманъ выразилъ убѣжденіе, «что все, что онъ говоритъ, скоро будетъ извѣстно охранному отдѣленію... Селезневъ разсказывалъ ему, что въ охранномъ отдѣленіи черезъ два дня послѣ выхода Литвинова изъ партіи с.-р. уже знали объ этомъ. Ничто не укроется отъ охраннаго отдѣленія». Одинъ свидѣтель показалъ, что отъ членовъ «Молодой Россіи» ему приходилось слышать, «что гдѣ-то на верху ихъ организаціи стоитъ очень видное по службѣ въ охранномъ отдѣленіи лицо»... Къ сожалѣнію, въ матеріалахъ мы не находимъ поясненія, съ какою цѣлью распускались эти слухи самими членами организаціи. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они прибѣгали къ такимъ намекамъ, чтобы придать больше вѣса въ извѣстной средѣ учрежденному ими союзу...

не видно, чтобы эта мысль Селезнева встрѣтила надлежащій отпоръ со стороны членовъ «Молодой Россіи», между тѣмъ ея одной было совершенно достаточно, чтобы немедленно порвать съ нимъ всякія связи: человѣкъ, которому могутъ приходить въ голову такія мысли, не можетъ быть товарищемъ... Но они уже примирились съ мыслью о предательствѣ,—примирились, если не вслухъ другъ передъ другомъ, то гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ своего сердца... Выше я упомянулъ, что надъ Селезневымъ, вступившимъ въ связь съ охранкой, былъ установленъ контроль. Повидимому, этотъ контроль находился до извѣстной степени въ связи съ тѣмъ, что послѣ перваго же посѣщенія охранки Селезневымъ одинъ изъ товарищей былъ арестованъ. Да и помимо этого: что значилъ этотъ контроль? Вѣдь это былъ контроль надъ *предателемъ*, если не фактическимъ уже, то предполагаемымъ... Ихъ души были уже черны,—и они совершенно не чувствовали этого; даже теперь они стараются увѣрить себя и другихъ, что лишь нечаянно поскользнулись.

Это отсутствіе нравственнаго чувства проходитъ черезъ все дѣло. Его не трудно констатировать и въ томъ случаѣ, если мы закроемъ глаза на готовность къ предательству, какая имѣлась въ данной кучкѣ молодежи... Допустимъ, что была готовность надѣть только маску предателя. Отвратительная маска, но молодежь она ничуть не коробила... Но откинемъ даже предательство, не только подлинное, но и фальсифицированное. Возьмемъ задачу въ ея существѣ: «проникнуть въ лагерь врага». Что это значило? Это значило сдѣлаться шпіономъ. Даже на международной аренѣ, куда совсѣмъ почти не проникли еще нравственныя понятія, за эту профессію берутся, обыкновенно, подонки,—люди, вовсе почти лишенные нравственнаго чувства, работающіе почти всегда изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Говорятъ, что японцы могутъ быть шпіонами изъ патріотизма, до и вообще азіатскій кодексъ морали мирится не только со шпіонствомъ, но и съ предательствомъ. Я глубоко вѣрю, что этотъ кодексъ съ проникновеніемъ въ него общечеловѣческихъ началъ непремѣнно измѣнится, и азіаты сознаютъ, что человѣческое достоинство нельзя приносить въ жертву даже на алтарь патріотизма, что званіе «человѣкъ» выше и цѣннѣе званія, хотя бы и преуспѣвающаго, «японца»... Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ передъ нами не азіаты, а молодые люди, почерпнувшіе свои высокіе идеалы изъ общечеловѣческой сокровищницы. И вотъ всей гнусности такого занятія, какъ шпіонство, они совершенно не чувствуютъ.

Не чувствуютъ, — я подчеркиваю это, такъ какъ дѣло не въ теоріи только. Я представляю себѣ, что, разсуждая теоретически, молодые люди, въ силу тѣхъ или иныхъ изъяновъ логики или благодаря ограниченности своихъ знаній и опыта, могли придти къ выводу, что шпіонство допустимо. Но и послѣ того, при встрѣчѣ съ конкретнымъ вопросомъ, въ каждомъ изъ нихъ совершенно не-

произвольно должно было бы сказаться отвращеніе къ этому занятію. А они чуть не спорятъ, кому изъ нихъ сдѣлаться шпіономъ. Въ всякомъ случаѣ, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы считать таковаго своимъ ближайшимъ товарищемъ...

Но, можетъ быть, ненависть къ врагу въ нихъ была такъ велика, что преодолѣла это естественное чувство,—чувство, которое, наперекоръ всякимъ теоріямъ и программамъ, должно было вырваться изъ глубины ихъ нравственной личности, какъ результатъ всей жизни, не только ихъ личной, но и общечеловѣческой? Я хватаюсь за всякое объясненіе,—останавливаюсь и на этомъ, хотя теперь, post factum, совершенно ясно, что такой, идущей черезъ край, ненависти въ нихъ безусловно не было. Мы вѣдь знаемъ, что эти люди, будто бы готовые «каждый моментъ лишиться жизни», струсили при первой встрѣчѣ съ врагомъ и позорно сдались на капитуляцію. Но мы знаемъ и другое, еще болѣе характерное, обстоятельство, предшествовавшее факту.

Селезневъ—показываетъ Нейманъ—считался соціалъ-демократомъ, но въ партіи не былъ. Онъ собирался работать тамъ (въ с.-д. партіи), чтобы информировать «Молодую Россію». Собирался работать онъ и въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ...

Въ охранку Селезневъ поступилъ на службу тоже для информаціи «Молодой Россіи»... Что же получается? У всякой двери они готовы были подслушивать, въ любую щелку подглядывать, не только въ лагерь врага, но и въ лагерь союзника идти въ качествѣ шпіона... Только слово они другое употребляли, а того, что это—гадость, какъ ее ни назови, не чувствовали...

Сказаннаго, мнѣ кажется, совершенно достаточно, чтобы характеризовать то нравственное оцѣпенѣніе, до какого могутъ дойти находящіеся въ районѣ дѣйствія охраннаго отдѣленія и загипнотизированные имъ люди. Въ ихъ глазахъ это — главный врагъ, надъ которымъ необходимо прежде всего и во что бы то ни стало одержать побѣду. Но его вѣдь не проберешь «оружіемъ критики», не доберешься до него, пожалуй, и съ «огнестрѣльнымъ оружіемъ»... И вотъ имъ представляется, что одержать побѣду надъ этимъ врагомъ,—съ ихъ точки зрѣнія главную побѣду, въ которой чуть ли не все дѣло,—можно только его же оружіемъ: шпіонствомъ и предательствомъ...

Въ этомъ состязаніи съ охраной можно, повидимому, дойти до высокаго пафоса. По словамъ «Утра Россіи», въ дневникѣ Воскресенскаго-Петрова оказалась, между прочимъ, такая запись:

Провокація—палка о двухъ концахъ. Беру эту палку. Я отдалъ дѣлу освободительнаго движенія свои силы, способности, знанія, жизнь. Теперь отдаю ему честь *)...

*) Цитирую по „Новому Времени“ отъ 19 декабря.

Связь съ охраной, какъ видите, начинаетъ уже представляться подвигомъ. И способные на этотъ «подвигъ» люди чуть ли не начинаютъ уже превращаться въ героевъ. Мнѣ передавали, что въ нѣкоторыхъ революціонно-настроенныхъ кружкахъ петербургскихъ рабочихъ такимъ именно героемъ — своимъ героемъ — и считаютъ Воскресенскаго-Петрова. Имъ гордятся, имъ восхищаются:

— Они къ намъ Азефа подослали, а мы къ нимъ Петрова...

Можетъ быть, вы сами, читатель, находитесь внѣ «района дѣйствія охраннаго отдѣленія», какъ я его назвалъ... Но не забывайте все таки, что этотъ районъ достаточно уже обширенъ: кромѣ молодежи и кучки интеллигенціи, каковыя еще недавно являлись объектомъ политическаго розыска, теперь имъ охвачены уже почти всѣ рабочіе и значительная часть крестьянства. Представьте же себѣ, что въ этой широкой средѣ упрочится культъ шпіонства и предательства...

Не забывайте, съ другой стороны, что если одни идеализируютъ Петрова, то другіе идеализируютъ Азефа. Я только что привелъ разговоръ, какой можно слышать среди рабочихъ. Но вотъ вамъ отрывокъ изъ «Новаго Времени», стремящагося возвеличить Азефа и принизить Петрова-Воскресенскаго. «Между Азефомъ и Воскресенскимъ—пишетъ оно—громадная разница: первый—человѣкъ большихъ дарованій. второй — робкій и до крайности сконфуженный разоблаченіями Бурцева»... *)

И съ этой стороны районъ дѣйствія охраннаго отдѣленія все ширится. Когда собиралась «господская» Дума, то я допускалъ еще возможность, что она отвернется отъ нѣкоторыхъ средствъ борьбы, хотя бы изъ чувства барской брезгливости. Но оказывается, нѣтъ... Теперь мы уже знаемъ, что не только правые, но и октябристы находятся подъ гипнозомъ. «Руководящее думское большинство» грудью встало на защиту охранки...

Вы понимаете, читатель, куда мы идемъ... Какъ бы намъ не дожить до того, что на той или иной изъ площадей появится монументъ какому-нибудь провокатору. Надпись для него уже имѣется: «человѣку большихъ дарованій»...

Выше я упомянулъ о вѣрѣ, что азіаты усвоятъ въ концѣ концовъ общечеловѣческій кодексъ морали, — тотъ кодексъ, который и мы считаемъ своимъ. Глубока моя вѣра... Но, «Господи, помоги моему невѣрію!» Какъ бы мы сами не усвоили азіатскую нравственность! Хуже того: какъ бы мы вовсе не забыли, что на той широкой аренѣ, которая называется исторіей, побѣдителями могутъ быть, въ концѣ концовъ, только люди чести и совѣсти!

Деморализація, вносимая въ русскую жизнь системой политическаго сыска, не ограничивается вѣдь тѣмъ только, что она культивируетъ въ народѣ шпіонство и предательство. Воздвигая

*) „Новое Время“, 12 декабря.

алтари своимъ богамъ, охранка оскверняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наши храмы,—и это, быть можетъ, еще ужаснѣе...

Я пишу эти строки 8 января. Завтра—пятая годовщина «кроваваго воскресенья». Этотъ день русская исторія, несомнѣнно, записала на своихъ страницахъ,—и какъ день, когда масса впервые всколыхнулась подъ вліяніемъ новыхъ идеаловъ, и какъ день, когда былъ нанесенъ рѣшительный ударъ ея старой вѣрѣ. Представьте же себѣ, что мы съ вами пожелали раскрыть исторію на этой страницѣ, мы хотимъ пораздумать надъ нею... Съ какимъ чувствомъ мы это сдѣлаемъ? Вѣдь эта страница не только залита кровью, но и забрызгана грязью. Въ историческое событіе, какъ мы знаемъ, вплелась провокація...

И такихъ страницъ не мало уже оказывается въ русской исторіи. Можетъ ли ваше чувство по отношенію къ прошлому остаться послѣ этого цѣльнымъ? Можете ли вы съ чистымъ сердцемъ, какъ и раньше, чтить свои святыни? Можетъ ли ваша вѣра быть чуждой всякихъ сомнѣній?

Вглядитесь въ будущее.. Могутъ ли у васъ быть вожди, герои, мученики?.. Возьмемъ ту добродѣтель — virtus, — которую впереди всѣхъ другихъ ставили римляне.

Это—мужество: оно въ равной мѣрѣ необходимо и борцу, и мученику,—и для того, чтобы беззавѣтно броситься на вражескій окопъ, и для того, чтобы безтрепетно взойти на костеръ. И вы цѣните его не только въ друзьяхъ, но и въ противникахъ... Допустимъ, что вы—не революціонеръ, но и въ революціонерѣ вы готовы залюбоваться отвагою, стойкостью, мужествомъ.

Смотрите же, какъ спокойно и увѣренно онъ ушелъ отъ врага, какъ смѣло и ловко ушелъ онъ изъ плѣна! — Но... можетъ быть, это охранка устроила ему побѣгъ, можетъ быть, это просто-на-просто цѣнный «сотрудникъ», котораго нужно устранить изъ дѣла...

Смотрите, какъ этотъ спокойно и гордо идетъ въ тюрьму! Съ какимъ презрѣньемъ онъ относится къ своимъ врагамъ,—даже разговаривать онъ съ ними не хочетъ!.. — Но, можетъ быть, это охранка посовѣтовала ему, какъ Нейману, отказаться отъ показаній, дабы не потерять въ революціонномъ мірѣ своего реноме...

Дѣло дойдетъ, пожалуй, до того, чтобы повѣрить въ доблесть, вамъ нужно будетъ, чтобы человѣка вздернули на висѣлицу. Да и то вы, пожалуй, усомнитесь: не фортель ли это какой со стороны охранки?

Политическій сыскъ не только заразилъ окружающую васъ атмосферу, но и отравилъ своимъ ядомъ вашу собственную душу... Русская жизнь, благодаря ему, начинаетъ превращаться въ дремучій лѣсъ,—и вы не знаете, что это за шорохъ раздается около васъ, кто это движется въ окружающей васъ тьмѣ: подходитъ ли вашъ спаситель или подползаетъ змѣя? Окружаютъ ли васъ братья

или гады? Вашу вѣру въ людей отравили сомнѣніями, вашу любовь—подозрѣніями...

Не думайте, что въ такомъ положеніи находятся только тѣ, которые загнаны въ подполье. Не забывайте, что Гапонъ стоялъ во главѣ открытой и даже легализированной организаціи. Можно было бы привести и еще цѣлый рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что провокація отнюдь не пренебрегаетъ открытой ареной...

И если вы хотите до конца вдуматься въ то, что происходитъ подъ психическимъ воздѣйствіемъ охранки, то не останавливайтесь только на психологіи тѣхъ, которые ждутъ, прислушиваются, вглядываются. Вдумайтесь въ душевное состояніе и тѣхъ, которые должны въ этой обстановкѣ двигаться. Не гады только страшны, — еще ужаснѣе, что въ нихъ самихъ даже ближайшіе ихъ друзья могутъ усомниться. Только въ себѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ и идеалахъ, въ своемъ нравственномъ чувствѣ, въ своей чести и совѣсти общественный дѣятель вынужденъ теперь искать и можетъ найти себѣ вѣрную опору. Ни на какую поддержку извнѣ-будетъ-ли то одобреніе или совѣтъ—онъ не вправѣ, закрывъ глаза, положиться...

О, я не сомнѣваюсь, что такіе люди, съ достаточнымъ запасомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, чтобы, не смотря ни на что, идти впередъ, найдутся. Не за Россію мнѣ страшно. Даже теперь, въ эпоху торжества тѣхъ, кто опирается на охранку, я ни на минуту не теряю вѣры, что русскій народъ выберется на твердую дорогу. И когда, отойдя достаточно далеко, онъ оглянется на свое прошлое, то ясно увидитъ тѣ великія силы, которыя его впередъ двигали, и, быть можетъ, едва замѣтитъ ту грязь, которая его въ пути задерживала. Шпіоны, предатели, провокаторы,—все пущено въ дѣло, чтобы остановить тяжеловѣсную колесницу исторіи, но, какъ и всякая грязь, они будутъ, конечно, ею раздавлены...

Не за Россію я боюсь... Но за насъ, за нынѣшнее поколѣніе, порою дѣйствительно становится страшно. Въ нашей средѣ культивируютъ всякую скверну и въ насъ самихъ вытравляютъ все святое и цѣнное...

Неужели мы не превозможемъ одолѣвающаго насъ пнозилъ Неужели нынѣшнему поколѣнію, родившемуся и выросшему под знакомъ охраны, суждено сыграть роль болота, пригоднаго для того только, чтобы задержать ходъ исторіи?

IV.

Порою кажется, что мы уже начали превращаться въ такое болото, способное быть вмѣстилищемъ всякой грязи и нечисти... Вернемся еще разъ къ дѣлу Неймана.

Не къ предателямъ имя-рекъ такимъ-то, — читатели, конечно, уже замѣтили, что замѣшанными въ этомъ дѣлѣ личностями, какъ таковыми, я совершенно не интересовался, хотя для характеристики ихъ и имѣются матеріалы: прошлое ихъ болѣе или менѣе выяснено, настоящее извѣстно и будущее, пожалуй, предугадать было бы не трудно. Но не въ личностяхъ дѣло.

Умственно слабые или неокрѣпшіе и нравственно неустойчивые, или неустановившіеся элементы въ общественной средѣ всегда были и будутъ. Недостатка въ этомъ человѣческомъ матеріалѣ, который наиболѣе легко поддается всякому гипнозу, быть не можетъ. И если охранка имѣетъ особый успѣхъ, то не потому, что находятся объекты, пригодные для непосредственнаго съ ея стороны воздѣйствія. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ общее состояніе той среды, въ которой она ищетъ и находитъ нужные ей элементы. И вотъ эта то среда находится, повидимому, въ такомъ состояніи, что не только не способна гипнозу сыска противопоставить свое внушеніе, но и не въ силахъ выбросить изъ своей среды тѣхъ, кто уже зараженъ предательствомъ.

Заинтересовавшій насъ случай имѣлъ мѣсто среди молодежи, т. е. въ средѣ, которая, казалось бы, должна была особенно быстро и энергично на него реагировать. Въ другое время можно было бы опасаться, что молодежь не въ мѣру погорячится и, почувствовавъ въ себѣ занозу, поспѣшитъ ее вырвать, даже не убѣдившись, что таковая дѣйствительно имѣется. Но на этотъ разъ не было ни спѣшки, ни горячности...

Я уже упомянулъ, какъ медленно молодежь въ данномъ случаѣ реагировала на широко оглашенныя свѣдѣнія, хотя въ заинтересованныхъ кругахъ о предательствѣ Селезнева и Неймана знали, конечно, много раньше. Даже печать опередила студенчество и всполошилась. Еще, быть можетъ, характернѣе, что администрація университета уволила Селезнева, прежде чѣмъ молодежь всколыхнулась. Въ политехникумѣ молодежь зашевелилась нѣсколько раньше, но и тамъ—посмотрите—какъ медленно подвигалось дѣло.

26 октября Нейманъ — не знаю, по собственной иниціативѣ или подъ чьимъ либо давленіемъ—помѣстилъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» протестъ противъ оскорбительныхъ для него выраженій, допущенныхъ въ судебномъ отчетѣ газеты. Повидимому, онъ разсчитывалъ, что дѣло обойдется безъ всякаго разбирательства, такъ какъ иначе не допустилъ бы утвержденій,—въ родѣ того, что онъ

«никогда не считался работникомъ въ партіи с.-р.», — завѣдомая неправильность которыхъ слишкомъ легко могла быть вскрыта. Но онъ ошибся. Въ тотъ же день состоялась сходка V семестра, которая избрала слѣдственную коммиссію. Послѣдняя созвала 29 октября общестуденческую сходку, которой и доложила результаты произведеннаго ею разслѣдованія. На этой сходкѣ присутствовало до 2 тыс. человѣкъ, и мнѣ пришлось потомъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ бывшихъ на ней студентовъ: по ихъ словамъ, настроеніе было очень неопредѣленное. Какъ бы то ни было, сходка нашла вопросъ о Нейманѣ недостаточно выясненнымъ и признала поэтому невозможнымъ вынести рѣшеніе по существу; для всесторонняго ознакомленія съ дѣломъ она избрала судебную коммиссію въ числѣ 9 человѣкъ и назначила ей мѣсячный срокъ; Неймана же до его реабилитаціи исключила изъ товарищеской среды. Въ дѣйствительности работа коммиссіи затянулась на болѣе долгій срокъ, и лишь 9 декабря она вынесла свой приговоръ въ окончательной формѣ. Но и послѣ того дѣло нельзя еще считать поконченнымъ: на приговоръ суда, какъ мнѣ сообщили, подана кассаціонная жалоба, хотя инстанціи для этого и не было предусмотрѣно. Въ сущности, трудно даже сказать, когда молодежь совершенно развяжется съ этимъ дѣломъ.

Еще характернѣе отношеніе студенчества къ данному инциденту по существу. Не безынтересны въ этомъ отношеніи уже обстоятельства увольненія Селезнева. Проректоръ, узнавъ, что Селезневъ состоитъ студентомъ университета и что 5 ноября онъ былъ даже на экзаменѣ, вызвалъ его на слѣдующій день къ себѣ и спросилъ, о немъ ли пишутъ газеты. Тотъ отвѣтилъ, что о немъ, но что сообщенныя печатью свѣдѣнія не вѣрны. Г. Гриммъ предложилъ Селезневу немедленно ихъ опровергнуть, такъ какъ иначе ему придется выйти изъ университета. То же онъ повторилъ ему и 7 ноября, но Селезневъ отвѣтилъ, что помѣстить опроверженіе въ газетахъ онъ по нѣкоторымъ причинамъ не можетъ. Но и оставить университетъ онъ не желалъ. Лишь послѣ того, какъ г. Гриммъ сообщилъ ему, что о необходимости его уволить онъ уже предупредилъ въ разговорѣ министра и что тотъ не возражалъ противъ этого, Селезневъ согласился подать прошеніе объ увольненіи.

При этомъ произошелъ маленькій эпизодъ. Написавъ тутъ же прошеніе объ увольненіи, Селезневъ, какъ бы невзначай, помѣтилъ его «9 ноября» и лишь послѣ того, какъ проректоръ обратилъ на это вниманіе, онъ объяснилъ, что желаетъ еще два дня подумать... Переговоры съ администраціей университета продолжались и на слѣдующій день. Со стороны Селезнева было выражено желаніе подчиниться рѣшенію товарищескаго суда. Но проректоръ нашелъ это невозможнымъ и предложилъ, разъ предъявленіе всѣхъ необходимыхъ данныхъ газетамъ почему либо неудобно, обратиться къ одному изъ общественныхъ дѣятелей съ просьбой ознакомиться съ

дѣломъ и высказать свое мнѣніе. При этомъ было названо имя одного всѣми уважаемаго писателя, котораго никто, конечно, не заподозрилъ бы въ пристрастіи или неумѣніи разобраться. Но это условіе было признано со стороны Селезнева непріемлемымъ: на судъ молодежи онъ, повидимому, больше надѣялся, чѣмъ на сужденіе стараго дѣятеля... Я спросилъ потомъ г. Гримма:

— Почему вы не согласились на разсмотрѣніе дѣла товарищескимъ судомъ? Можетъ быть, вы опасались не въ мѣру жестокаго приговора?

— У насъ, въ университетѣ, — отвѣтилъ онъ — нѣтъ заранѣе избраннаго студенческаго суда, какъ постоянно дѣйствующей организаціи. Суда же, выбираемаго ad hoc, я вообще не признаю, такъ какъ при этой его формѣ возможны увлеченія и въ ту, и въ другую сторону. Въ данномъ же случаѣ, повидимому, нужно было ожидать скорѣе излишне мягкаго, чѣмъ не въ мѣру суроваго приговора...

Это предположеніе находитъ себѣ до извѣстной степени подтвержденіе въ томъ, какой ходъ имѣло то же дѣло въ политехникумѣ. Уже на сходкѣ 29 октября у Неймана нашлись защитники. Еще любопытнѣе, что изъ выбраннаго этою сходкою суда два члена вышли по собственной иниціативѣ изъ его состава, чтобы выступить въ томъ же судѣ защитниками подсудимаго. Въ этомъ можно, конечно, видѣть результатъ желанія предоставить послѣднему всѣ гарантіи,—желанія въ высшей степени почтеннаго, но и за всѣмъ тѣмъ—въ данномъ случаѣ—очень характернаго. Защищали они Неймана, какъ мнѣ передавали, не только по человѣчеству, такъ сказать, но и какъ «продуктъ общественнаго распада». Эта точка зрѣнія отразилась и въ приговорѣ суда.

Признавъ, что «поведеніе Неймана послѣ ареста представляетъ изъ себя рядъ позорныхъ компромиссовъ, продиктованныхъ желаніемъ улучшить свою участь», и объясняя это тѣмъ, что «Нейманъ былъ участникомъ полудѣтской организаціи («Молодая Россія»), вступившей на скользкій путь: «цѣль оправдываетъ средства»—и являвшейся продуктомъ общественнаго распада», судъ призналъ его по психическому его состоянію, возрасту и положенію заслуживающимъ снисхожденія и приговорилъ его къ «лишенію товарищескаго общенія», постановивъ довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта института.

Наказаніе,—по меньшей мѣрѣ, неопредѣленное. При активномъ и единодушномъ настроеніи товарищеской среды оно могло бы оказаться очень суровымъ, почти невыносимымъ, но едва ли оно будетъ таковымъ при томъ неопредѣленномъ, нѣсколько смутномъ и отчасти снисходительномъ отношеніи, какое уже проявило студенчество...

Какъ бы то ни было, когда знакомишься въ цѣломъ со всей этой исторіей, то получается впечатлѣніе, что у молодежи не только

не нашлось энергіи, но какъ будто не оказалось и особаго желанія вытащить попавшую въ его тѣло занозу.

Что это значитъ? Г. Антонъ Крайній, статью котораго я цитировалъ, полагаетъ, что это—«переоцѣнка», переоцѣнка моральныхъ цѣнностей, въ результатѣ которой и явилось то, что, «наши современники, наше русское молодое поколѣніе (нѣкоторая извѣстная часть его во всякомъ случаѣ) равнодушно и благожелательно смотритъ на то, что не терпѣли *около себя* ни отцы, ни дѣды наши».

Мысль о переоцѣнкѣ, пожалуй, является въ данномъ случаѣ сама собою. Нѣкоторое тяготѣніе къ ней въ послѣдніе годы какъ будто было. Призывы къ аморализму и даже имморализму раздавались открыто и нѣкоторые не прочь были пощеголять въ этихъ изодранныхъ плащахъ. Такіе призывы тревожно настроенная публика находила, повидимому, даже въ такихъ вещахъ, въ которыхъ ихъ, можетъ быть, и не было. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, была нѣкоторыми истолкована извѣстная реплика: «какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая». Также кое-кѣмъ было воспринято и другое произведеніе Леонида Андреева: «Іуда и другіе». Къ намъ въ редакцію, помню, была прислана даже статья, въ которой это сочиненіе г. Андреева провозглашалось откровеніемъ и Іуда возводился на степень идеала...

Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ я думаю, никакой переоцѣнки въ дѣйствительности не было, и не съ ея послѣдствіями мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло. Результаты переоцѣнки—сознательнаго и критическаго пересмотра нашихъ нравственныхъ цѣнностей—были бы совершенно иные. Среди нихъ имѣются вещи, которыя переоцѣнить нельзя, съ какой бы точки зрѣнія вы ихъ ни пересматривали. И въ числѣ ихъ:

Все прощаетъ Богъ, а Іудинъ грѣхъ
Не прощается.

Результаты переоцѣнки, повторяю, были бы иные: еще нагляднѣе выяснилась бы незыблемость такихъ основныхъ началъ въ общественномъ сознаніи и еще энергичнѣе встало бы на ихъ защиту наше нравственное чувство.

Не получилось никакой переоцѣнки даже у тѣхъ, которые оказались зараженными. Не говорю уже о предательствѣ, переоцѣнить его они даже и не пытались. И по отношенію къ шпіонству довести до конца свою переоцѣнку они оказались не въ силахъ. Теоріями и выкладками они только усыпляли свое нравственное чувство, но переубѣдить себя такъ, чтобы энергично защищать потомъ «новую правду», которая имъ открылась, они оказались не въ состояніи. Они загипнотизировали себя такимъ словомъ, какъ информація, но если бы кто имъ тогда же рѣзко сказалъ, что это—шпіонство, то, быть можетъ, они и проснулись бы.

«Презираю себя теперь и вижу, что мое поведеніе было некрасиво и безобразно»—таковъ отзывъ Неймана о себѣ, который

мы находимъ, между прочимъ, въ матеріалахъ студенческаго слѣдствія. Выше я упомянулъ о свидѣтелѣ, который пытался оправдать шпіонство историческими примѣрами... Какъ неувѣренно—и не потому только, что плохо знаетъ исторію—держалъ онъ себя при этомъ: не столько о томъ, что это путь вѣрный, сколько о томъ, что это путь скользкій,—говорилъ онъ; не столько оправдывалъ, сколько ругалъ онъ тѣхъ, кто вознамѣривался «проникнуть въ лагерь врага»; и въ концѣ концовъ кончилъ:

Вся эта исторія лишній разъ подтверждаетъ на практикѣ, какъ справедливы, какъ вѣрны были золотыя слова Григорія Андреевича Гершуни, что только высшая моральная чистота участниковъ способна гарантировать успѣхъ революціоннаго дѣла.

Куда же дѣвалась новая правда, которая должна была бы получиться въ результатѣ переоцѣнки?..

«Русское Слово» привело какъ-то рядъ выдержекъ изъ писемъ Воскресенскаго-Петрова къ женѣ. И вотъ, что мы читаемъ въ письмѣ человѣка, который, вступая на путь провокаціи, доходилъ, какъ мы видѣли, до пафоса,—въ письмѣ, написанномъ по дорогѣ въ Петербургъ, отъ 23 ноября:

Взгляни на мою жизнь. Развѣ она была не интересна и не хороша? Счастливое дѣтство въ деревнѣ, трудовая жизнь въ отрочествѣ, съ интересной смѣной отраслей труда, юношество со вспышками искръ здороваго огня въ здоровой душѣ, учительство въ народѣ и полная глубокихъ интересовъ культурно-просвѣтительная дѣятельность въ деревнѣ. Потомъ—дѣла революціи, аресты, побѣги; потомъ—были дѣла боевыя; потомъ—взорвался, остался живъ, былъ на волосъ отъ петли, бѣжалъ, былъ за границей, потомъ жилъ въ Россіи, потомъ опять бѣжалъ, потомъ сошелъ съ ума и... *)

Даже тутъ никакой новой правды не оказалось, — было только сумашествіе. Когда же человѣкъ опамятовался, то передъ нимъ во всей красѣ предстала правда старая... Да, даже тутъ никакой переоцѣнки не получилось.

Тѣмъ болѣе—думаю я—жива наша старая правда въ незараженныхъ еще людяхъ; жива, я увѣренъ, она и въ молодежи. Не съ результатами какой-то «переоцѣнки» приходится имѣть намъ дѣло,—съ инымъ и, по моему мнѣнію, гораздо болѣе опаснымъ явленіемъ приходится намъ считаться. Выше я упомянулъ объ оцѣпенѣніи, о томъ состояніи, когда нравственное чувство въ человѣкѣ не дѣйствуетъ... Не только въ данномъ случаѣ съ этимъ отсутствіемъ нравственнаго чувства приходится считаться. Мы вообще оцѣпенѣли...

Среди разсказовъ В. Г. Короленко имѣется одинъ, который, когда я пытаюсь объяснить себѣ современное общественное состояніе, все чаще и чаще приходитъ мнѣ на память. Не сложна его фабула...

---

*) «Русское Слово», 20 декабря.

Дѣйствіе происходитъ въ Сибири: два человѣка ѣдутъ куда-то на пріиски; ударилъ морозъ въ 40 градусовъ. «Вы вѣдь знаете, что это такое: дыханія не хватаетъ, моргнешь глазами—между рѣсницами протягиваются тонкія льдинки, холодъ забирается подъ одежду, потомъ въ мускулы, въ кости, до мозга костей, какъ говорится,—и говорится не даромъ». По дорогѣ они видѣли замерзающаго человѣка, видѣли даже, какъ онъ пошевелился, желая, повидимому, остановить ихъ быстрое движеніе... Всего нѣсколько дней назадъ—тоже была стужа, но не такая—они соскочили съ повозки и бросились спасать замерзающихъ утокъ. А тутъ они даже не повернули головы, не повели глазами. «Видѣніе пронеслось мимо и исчезло, и впечатлѣнія плыли къ сознанію застывшія, мертвыя, неподвижныя, ничего въ немъ не будя и не шевеля воображенія»... Потомъ они пріѣхали въ станокъ, залѣзли подъ шубы и одѣяла, улеглись около жарко раскаленной печки,—и не скоро, но все-таки понемногу согрѣлись. И совѣсть въ нихъ оттаяла... *)

Мнѣ не зачѣмъ напоминать вамъ, что произошло дальше, — весь разсказъ вы, конечно, уже вспомнили... И вотъ мнѣ кажется, что мы переживаемъ теперь съ вами и должны еще будемъ пережить все то, что пережили эти путники...

— «Думали ли вы, что въ человѣкѣ можетъ замерзнуть, напримѣръ... совѣсть?».

Можетъ замерзнуть гораздо раньше, чѣмъ онъ самъ превратится въ льдину... Да! есть такой подлый «законъ природы»: «стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзнетъ»...

Читатели! не думаете ли вы, что температура вашего тѣла на два градуса уже понизилась, что вашъ мозгъ уже замерзаетъ, что замерзаютъ и честь ваша, и совѣсть?.. Потомъ, когда настанетъ лѣто, онѣ, конечно, оттаютъ. Даже, быть можетъ, раньше: добравшись до какого нибудь станка и согрѣвшись у камелька подъ шубой, вы почувствуете, что въ васъ что-то оттаяло и распустилось. Видѣнія, которыя промелькнули передъ вами, мертвыя впечатлѣнія, которыя не разбудили вашего чувства и не расшевелили вашего воображенія, какъ живыя, встанутъ передъ вами. Вы вскочите, — выбѣжите опять на морозъ и побѣжите все прямо-прямо... Но, быть можетъ, будетъ уже поздно: люди, которыхъ вы могли спасти, окажутся уже погибшими...

Не ждите «весны», когда опять вокругъ васъ потеплѣетъ, и не спѣшите добраться до станка, чтобы въ немъ укрыться отъ стужи. Н старайтесь согрѣться изнутри, согрѣться въ борьбѣ и работѣ...

Но, можетъ быть, вы думаете, что старой правды, которая воодушевляла васъ, уже нѣтъ на свѣтѣ, и вы не знаете, надъ чѣмъ работать, за что бороться?...

Прислушайтесь, однако,—быть можетъ, въ васъ еще и жива

*) Владиміръ Короленко. «Очерки и разсказы». Кн. третья. «Морозъ»

эта старая правда... Не скажетъ ли она каждому изъ васъ: «у тебя есть задачи, полныя глубокаго значенія, и если онѣ владѣютъ хоть одной каплей твоей крови, стой за нихъ, потому что все другое—вздоръ, старый хламъ, трянье... Ты измучился скучать, ты измучился отъ продолжительныхъ размышленій, не имѣющихъ результата, такъ начинай же жить, бейся за то, о чемъ ты думалъ. Воюй за твою мысль, за движеніе твоего сердца, которое воспитано или, по крайней мѣрѣ, пріучено страдать за ближняго»...

Прислушайтесь,—и, быть можетъ, въ ваше негнѣвное и нелюбовное сердце еще заглянетъ «живое желаніе жить, да, жить! Непремѣнно на *бѣломъ* свѣтѣ, а не на черномъ, не въ черную ночь... Да непремѣнно честно, благородно!» *)...

А. Пѣшехоновъ.

Объединительныя стремленія у южныхъ славянъ Австро-Венгріи и соціализмъ.

(*Письмо изъ Австріи*).

Едва ли можно себѣ представить положеніе болѣе плачевное, нежели то, въ которомъ находятся южные славяне и, въ частности, сербы, хорваты и словинцы. Конечно, существуютъ народности, въ еще большей степени подверженныя политическому и національному гнету. Несомнѣнно, есть націи, располагающія еще меньшими силами и политическимъ вліяніемъ. Однако, навѣрное, не найдется другой національной группы, которая отличалась бы такимъ поразительнымъ внутреннимъ разъединеніемъ, какъ сербы, хорваты и словинцы.

Сербы и хорваты говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, и даже мѣстные говоры отдѣльныхъ сербскихъ и хорватскихъ нарѣчій мало отличаются другъ отъ друга. Литературный языкъ и у сербовъ, и у хорватовъ одинъ и тотъ же. Интеллигенція говоритъ совершенно одинаково и въ Загребѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Сараевѣ и въ Цетинье, и въ Новомъ Садѣ, и въ Дубровникѣ (Рагузѣ).

А между тѣмъ люди, говорящіе на одномъ и томъ же сербохорватскомъ языкѣ, считаютъ себя не только принадлежащими къ двумъ различнымъ національностямъ. Они вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ яркій политическій антагонизмъ, заставляющій ихъ не-

*) Гл. Ив. Успенскій. „Не воскресъ“ и „Развеселилъ господъ“.

однократно поддерживать чужака въ пику соплеменникамъ, говорящимъ на томъ же языкѣ, что и они.

Политическій антагонизмъ сербовъ и хорватовъ, существующій издавна, прямо таки непонятенъ другимъ славянскимъ и неславянскимъ національностямъ, въ той или иной мѣрѣ лишеннымъ самостоятельности. Вѣдь всѣ усилія этихъ національностей направлены главнымъ образомъ на то, чтобы обезпечить родному языку соотвѣтствующее положеніе въ школѣ, судопроизводствѣ и въ администраціи. Между тѣмъ у сербовъ съ хорватами не можетъ быть спора и тѣмъ болѣе борьбы изъ за языка, такъ какъ языкъ то у нихъ тотъ же.

Правда, сербы печатаютъ свои изданія гражданкой, родственной русской, хорваты же латинскимъ шрифтомъ. Однако не слѣдуетъ забывать, что далматинскіе сербы тоже не гнушаются латиницы, которой печатаются газеты и книги, напр., въ Дубровникѣ. Правда, хорваты католики, сербы же православные, и, несомнѣнно, вѣроисповѣдный антагонизмъ играетъ очень серьезную роль въ южномъ славянствѣ. Достаточно вспомнить, что магометане въ Босніи и Герцеговинѣ, говорящіе на томъ же сербо-хорватскомъ языкѣ, что и ихъ православные и католическіе единоплеменники, считаютъ себя «турками». Однако среди хорватовъ, пышущихъ ненавистью къ сербамъ, не мало и православныхъ, а значительная часть сербовъ исповѣдуетъ католичество.

Такимъ образомъ можно констатировать, что не отличіе шрифтовъ и не вѣроисповѣданіе порождаетъ и доводитъ до высокаго напряженія сербо-хорватскій антагонизмъ. Источники этого антагонизма коренятся въ различіи политическихъ стремленій руководящихъ круговъ каждой изъ этихъ національностей. Это же различіе порождено раздробленностью сербовъ и хорватовъ, отсутствіемъ у нихъ въ теченіе многихъ вѣковъ общей политической общегосударственной жизни.

Историческія судьбы южнаго славянства сложились такъ, что на сербо-хорватской территоріи образовался цѣлый рядъ провинцій, поставленныхъ въ совершенно различныя условія развитія и борьбы за существованіе. Разъединенная на сравнительно небольшіе клочки, сербохорватская земля фактически распалась на отдѣльныя территоріи, живущія своей собственной жизнью, подвергающіяся различнымъ культурнымъ вліяніямъ, борющіяся съ различными врагами и различной формой гнета—турокъ, мадьяръ, итальянцевъ и нѣмцевъ. Въ результатѣ получились мѣстные, провинціально-національные типы, ревниво оберегающіе свою обособленность и подчасъ теряющіе сознаніе своей связи съ общенаціональнымъ цѣлымъ. Этотъ партикуляризмъ, несомнѣнно, уменьшающійся за послѣднее время, все еще существуетъ. Да и появленіе его точно такъ же, какъ и его устойчивость, вполнѣ нормальны. Вѣдь сербо-хорватская національность распредѣлена въ настоящее время

между пятью государственными организмами: Сербіей, Черногоріей, Турціей, Венгріей и Австріей. Мало того, не только каждая часть сербо-хорватской территоріи, входящая въ составъ отдѣльнаго государства, развивается въ особыхъ условіяхъ. Подобную же судьбу переживаютъ и отдѣльные клочки этой территоріи, принадлежащіе Австріи или Венгріи.

Такъ, напримѣръ, Истрія и Далметія, принадлежащія Австріи, пользуются самоуправленіемъ, между тѣмъ какъ Боснія и Герцеговина, тоже входящія теперь въ составъ Австріи, еще даже конституціи не получили. Хорватія и Славонія обладаютъ довольно широкой автономіей, между тѣмъ сербохорватскія провинціи, входящія непосредственно въ составъ Венгріи, не располагаютъ почти никакой внутренней самостоятельностью.

Такая политическая и административная разрозненность совершенно исключала общность интересовъ и политическихъ стремленій отдѣльныхъ клочковъ сербо-хорватской территоріи. Что могло объединять, скажемъ, турецкихъ сербовъ, борющихся съ гнетомъ османлисовъ и конкурирующихъ (въ Македоніи) съ болгарами, и далматинскихъ сербовъ, старающихся освободиться отъ культурнаго преобладанія итальянцевъ? Ничего. Поэтому не удивительно, что внутреннее разъединеніе сербовъ и хорватовъ достигло крайнихъ предѣловъ.

Однако сознаніе бѣдственности этого разъединенія, чуждое широкимъ массамъ и сербовъ, и хорватовъ, нѣтъ-нѣтъ да и пробуждалось у лучшихъ представителей югославянъ. Въ періодъ такъ называемаго «возрожденія славянства» возникаетъ теченіе, стремящееся объединить сербовъ, хорватовъ и словинцевъ на почвѣ «иллирства». Идеологи «иллиризма» стремились къ созданію одной югославянской національности, которая, отбросивъ всѣ мѣстныя племенныя и областныя наименованія, приняла бы искусственное, псевдо-историческое названіе «иллирской» *). Людевитъ Гай и другіе «иллиры» стремились объединить вмѣстѣ съ сербами и хорватами еще и словинцевъ, что встрѣтило среди послѣднихъ горячую симпатію.

Словинская (словенская) вѣтвь южнаго славянства является самой малочисленной его отраслью. Всѣхъ словинцевъ въ настоящее время не болѣе $1^1/_2$ милліона. Что же касается ихъ языка, то онъ очень близокъ къ сербо-хорватскому и даже разсматривается иногда, какъ одно изъ нарѣчій, хотя и существуетъ совершенно самостоятельная литература на этомъ языкѣ. Словинскій языкъ совершенно незамѣтно переходитъ въ сербо-хорватскій на юго-востокѣ. Любопытно, что въ окрестностяхъ столицы Хорватіи—Загреба крестьяне говорятъ по-словински. По-словински же говорятъ и за-

*) Въ 1809 г. Наполеонъ I создалъ эфемерное «королевство Иллиріи», составленное изъ Крайны, Каринтіи, Истріи, Далматіи и Хорватіи.

небскіе рабочіе и вообще простолюдины. Все это способствуетъ традиціонному тяготѣнію словинцевъ къ хорватамъ и «иллирское» движеніе дало хорватской литературѣ нѣсколько видныхъ представителей (въ томъ числѣ самаго выдающагося поэта Станко Врава) изъ словинцевъ.

Однако разница политическихъ условій, въ которыхъ живутъ словинцы, тоже распредѣленные между рядомъ провинцій (австрійскихъ: Крайны, Каринтіи, Штиріи, Герца и Тріеста), не дала завершиться этому процессу. Словинцы развили весьма интенсивное національное движеніе, добились серьезныхъ уступокъ для своего языка въ школахъ, судахъ и администраціи и въ настоящее время выставили требованіе словинскаго университета въ Люблянѣ (Laibach). Хотя «иллиризмъ» давно уже сталъ достояніемъ исторіи, однако стремленія къ объединенію съ хорватами у нѣкоторыхъ словинцевъ живы и по сію пору, хотя они и не переходятъ изъ области платоническихъ мечтаній въ реальную жизнь.

«Иллирскому» движенію не удалось соединить и хорватовъ съ сербами. Интеграція юго-славянъ отлилась въ форму сліянія (по большей части, чисто теоретическаго) мѣстныхъ областныхъ осколковъ этого племени въ двѣ ярко выраженныя группы: сербскую и хорватскую. Сербы и хорваты образовали двѣ отдѣльныхъ національности съ самостоятельными политическими стремленіями, которыя вырыли глубокую пропасть между двумя вѣтвями одного и того же народа. Идеалъ «Великой Сербіи» былъ противопоставленъ идеалу «Великой Хорватіи», и это вызвало непримиримый антагонизмъ между сербскими и хорватскими политиками.

Дѣло въ томъ, что и сербскіе, и хорватскіе политическіе дѣятели, провозглашая необходимость создать «великое» юго-славянское государство, включали въ предѣлы послѣдняго провинціи, на которыя въ одинаковой степени претендуютъ оба народа. Боснія съ Герцеговиной и Далмація со Славоніей явились яблокомъ раздора между двумя отраслями сербо-хорватской національности. Возникла цѣлая литература, доказывавшая, что населеніе той или другой провинціи—не сербское, а хорватское, и наоборотъ. Публицисты обоихъ лагерей пускали въ ходъ всевозможныя средства, чтобы только дискредитировать притязанія противниковъ. Такъ, напр., у хорватовъ появилась теорія, доказывавшая, что сербы вовсе даже не славяне, а ославянившіеся румыны и цыгане, что самое названіе сербовъ позорно, такъ какъ оно обозначаетъ «рабовъ» (servus—рабъ). Д-ръ Антонъ Старчевичъ, основатель и руководитель партіи хорватскихъ государственниковъ (партія права), издалъ рядъ брошюръ, популяризирующихъ эту теорію. Сербы, конечно, не оставались въ долгу и своихъ хорватскихъ противниковъ клеймили, какъ «измѣнниковъ славянства», «австрійскихъ агентовъ» и т. д. Духовенство обоихъ лагерей старалось разжечь религіозный фанатизмъ народныхъ массъ, а народная печать

путемъ систематической травли политическихъ противниковъ довела сознаніе сербско-хорватскаго антагонизма до чудовищныхъ размѣровъ.

Во время сербо-болгарской войны болгарская армія пополняется хорватскими добровольцами, которые сражаются съ сербами. Сербы въ Хорватіи, составляющіе тамъ четвертую часть населенія, поддерживаютъ мадьяръ, старающихся сузить и ограничить хорватскую автономію. Въ венгерскомъ сеймѣ сербскіе депутаты выступаютъ противъ хорватскихъ, а въ Босніи и Герцеговинѣ конкурирующіе націоналисты всѣми силами стараются воздѣйствовать на инертную массу мусульманскаго населенія, при чемъ политическіе дѣятели одного лагеря обрабатываютъ ее въ духѣ «Великой Хорватіи» въ то время, какъ ихъ противники внушаютъ ей идеалъ «Великой Сербіи».

Слѣдуетъ замѣтить, что «великохорватскіе» агитаторы оказались въ привилегированномъ положеніи, такъ какъ идеалъ «Великой Хорватіи» въ сущности прекрасно уживается съ австрійскими имперіалистскими тенденціями. Въ то время, какъ «великосербская идея» предполагаетъ тяготѣніе къ сербскому королевству, какъ къ тому центру, вокругъ котораго должны сплотиться всѣ сербскія провинціи, съ «великохорватской идеей» дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Сторонники «Великой Хорватіи» стремятся къ сплоченію Хорватіи, Славоніи, Далматіи, Босніи, Герцеговины и словинскихъ провинцій въ одно цѣлое, все-таки остающееся подъ скипетромъ Габсбурговъ. Если великохорватское движеніе для кого и опасно, такъ это для Венгріи, потому что оно стремится къ выдѣленію изъ нея сербо-хорватскихъ земель и къ превращенію теперешняго дуализма въ тріализмъ. Именно этотъ антивенгерскій характеръ «великохорватскихъ» стремленій заставляетъ австрійское правительство смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, какъ на неугодныя мадьярамъ. И, напр., въ Босніи и Герцеговинѣ австрійскія власти до извѣстной степени поддерживаютъ хорватское культурное вліяніе и содѣйствуютъ его росту, особенно среди магометанъ, тяготѣющихъ къ Турціи.

Сербо-хорватскій антагонизмъ особенно сильно давалъ себя чувствовать въ политической жизни Хорватіи, гдѣ сербы, какъ уже было сказано выше, неоднократно поддерживали мадьяръ. Такое положеніе дѣлъ вызывало попытки хорватскихъ политиковъ создать извѣстный *modus vivendi* двухъ разновидностей юго-славянскаго племени на общей территоріи. Компромиссныя соглашенія, заключаемыя отъ времени до времени сербскими и хорватскими партіями, обыкновенно отличались недолговѣчностью и сербо-хорватскій антагонизмъ опять вспыхивалъ съ прежней силой. Не такъ еще давно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, улицы Загреба были ареной настоящаго погрома, устроеннаго

хорватской уличной толпой, которая разбивала магазины сербскихъ торговцевъ.

Какъ ни силенъ сербо-хорватскій антагонизмъ, однако общій гнетъ централистическихъ затѣй венгерскаго правительства, обрушивающійся на всю страну, создаетъ почву, на которой обѣ національности Хорватіи должны неминуемо стремиться къ соглашенію. Деспотическія замашки хорватскаго бана, ставленника мадьярскихъ шовинистовъ, барона Рауха, привели къ тому, что часть сербскихъ политиковъ вошла въ союзъ съ болѣе умѣренными въ національномъ отношеніи хорватскими партіями. Была создана сербско-хорватская коалиція, которая при выборахъ въ загребскій сеймъ въ 1908 году побѣдила, выбравъ 56 депутатовъ, составляющихъ абсолютное большинство. Въ числѣ этихъ депутатовъ, торжествовавшихъ побѣду надъ правительственными ставленниками, было 19 представителей сербской «независимой партіи».

Казалось, что прочное единеніе сербскихъ и хорватскихъ политиковъ начинаетъ налаживаться. Борьба съ политикой бар. Рауха, дѣйствительно, сплотила хорватовъ и сербовъ Хорватіи. Сербы въ лицѣ «независимой партіи» вошли въ составъ общехорватской организаціи, задавшейся цѣлью свергнуть Рауха и завоевать всеобщую подачу голосовъ. Руководители сербскихъ оппозиціонныхъ круговъ подписываютъ вмѣстѣ съ лидерами хорватской оппозиціи манифестъ и воззваніе противъ мадьяръ. Въ хорватской печати появляются самыя оптимистическія статьи о будущности сербохорватскаго единенія. Хорватскіе публицисты уже предвкушаютъ плоды сербохорватскаго соглашенія, выходящаго за предѣлы Хорватіи, схватывающаго Далматію, сербскую Воеводину и т. д. Среди сербовъ оптимизмъ не принималъ такихъ размѣровъ, однако и они склонны были смотрѣть на сближеніе въ предѣлахъ Хорватіи, какъ на залогъ будущаго прочнаго объединенія сербовъ и хорватовъ на болѣе широкой территоріи.

Но вотъ на очередь всталъ вопросъ объ аннексіи Босніи и Герцеговины Австріей, и радужныя мечты о прекращеніи сербо-хорватской распри разсѣялись какъ дымъ. Дѣло въ томъ, что хорваты безъ различія партійныхъ программъ и политическихъ оттѣнковъ приняли вѣсть о закрѣпленіи двухъ бывшихъ турецкихъ провинцій за Австріей съ нескрываемой радостью. Войдутъ ли двѣ эти провинціи въ составъ монархіи Габсбурговъ въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго, будутъ ли онѣ присоединены къ Далматіи или къ Хорватіи, во всякомъ случаѣ аннексія даетъ хорватамъ возможность укрѣпить въ Босніи и Герцеговинѣ свое культурное и національное вліяніе.

Появились статьи и брошюры, доказывающія, что Боснія и Герцеговина должны быть возсоединены съ хорватскими провинціями, что, конечно, вызвало рѣшительные протесты со стороны сербовъ. Особенно рѣзко выступила противъ стремленій хорватовъ

сербская печать королевства, не связанная цензурными соображеніями, которыя не позволяли высказываться съ полной откровенностью австро-венгерскимъ сербскимъ газетамъ. «Београдске Новине» помѣстили воззваніе къ австрійскимъ сербамъ, отговаривающее ихъ отъ какихъ бы то ни было соглашеній съ хорватами. Главный органъ сербскихъ радикаловъ писалъ: «Братья хорваты не смѣютъ забывать, что Боснія и Герцеговина на основаніи историческаго, національнаго и божескаго права — *сербскія* области». Когда профессоръ загребскаго университета, Ферда Шишичъ, издалъ брошюру, доказывающую право Хорватіи на Боснію, ему отвѣтилъ профессоръ изъ Бѣлграда, Станоевичъ (венгерскій сербъ изъ Баната), открытымъ письмомъ въ бѣлградской «Политикѣ», звучащимъ очень воинственно. Профессоръ Станоевичъ, бывшій прежде сторонникомъ сербо-хорватской коалиціи, напомнилъ своему хорватскому коллегѣ слова Бренна, сказанныя имъ въ отвѣтъ на вопросъ римлянъ, по какому праву онъ хочетъ овладѣть Римомъ. «Отвѣтъ вождя галловъ—вотъ отповѣдь, какую сербы дадутъ хорватамъ въ тотъ день, когда вспыхнетъ война за Боснію и Герцеговину»—говоритъ бѣлградскій профессоръ и добавляетъ: «Наше право это—наши національныя стремленія. Это право, опирающееся на штыки, важнѣе вашего права, измѣряемаго аршиномъ» (намекъ на историческіе документы).

Надежды сербовъ на штыки—собственные и русскіе—не оправдались. Имъ пришлось пока что примириться съ аннексіей Босніи и Герцеговины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ фактомъ оживленія надеждъ хорватовъ на присоединеніе аннексированныхъ провинцій къ Хорватіи или Далматіи. Это, конечно, не могло вызвать ухудшеніе сербо-хорватскихъ отношеній. Замершая, казалось, ненависть къ политическимъ соперникамъ, опять вспыхнула яркимъ пламенемъ. Сербская печать опять заполнилась ожесточенными нападками на хорватовъ, которые, разумѣется, въ долгу не остались. Политическіе процессы, посыпавшіеся на членовъ сербскихъ партій—процессы, вызванные не безъ участія явныхъ провокаторовъ, еще подлили масла въ огонь. Сербскіе шовинисты стали сваливать вину этихъ процессовъ на хорватовъ, которые-де своими происками облегчаютъ австро-венгерскому правительству дѣло уничтоженія сербскаго національнаго движенія. Хорваты не всегда безупречно относились къ сербскимъ «государственнымъ измѣнникамъ», играя въ руку преслѣдующему послѣднихъ правительству. Въ результатѣ вопросъ о національномъ примиреніи, не говоря уже о сліяніи юго-славянскихъ племенъ, сошелъ съ очереди въ жизни руководящихъ партій сербовъ и хорватовъ.

Либералы, демократы, прогрессисты, радикалы и клерикалы въ одинаковой мѣрѣ сознаютъ всю несовременность въ настоящій моментъ мечты о созданіи одного юго-славянскаго организма съ общими политическими и культурными цѣлями. Каждая изъ этихъ

партіи видитъ, что теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо, говорить о сліяніи южныхъ славянъ въ одинъ народъ. И на столбцахъ партійныхъ органовъ этотъ вопросъ въ настоящее время совершенно игнорируется, хотя еще такъ недавно, подъ впечатлѣніемъ образованія сербско-хорватской коалиціи, онъ выдвинулся на очередь въ качествѣ самаго животрепещущаго вопроса.

Національныя партіи не считаютъ возможнымъ его подымать. И вотъ именно теперь мы наблюдаемъ интересное явленіе: оживленіе интереса къ національному вопросу и попыткѣ найти пути къ прекращенію розни Сербо-Харватской группѣ—среди тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые вообще принято, по традиціи, считать чуждыми національнымъ стремленіямъ, космополитическими по самому своему существу.

Соціалистическое движеніе у южныхъ славянъ приняло за послѣднее время довольно широкіе размѣры. Не говоря уже о соціалъ-демократической партіи королевства, которая снискала себѣ извѣстную популярность выступленіями депутата Каклеровича въ скупштинѣ, соціалистическія организаціи развиваются почти во всѣхъ сербо-хорватскихъ областяхъ Австро-Венгріи. Въ *Хорватіи* соціалъ-демократическая партія пустила корни не только въ немногочисленныхъ промышленныхъ центрахъ страны, но и среди малоземельнаго крестьянства такъ называемаго Загорья. Хорватскіе и сербскіе рабочіе образуютъ общую организацію, чуждую всякимъ національнымъ треніямъ.

Хорватскіе соціалисты играютъ извѣстную роль въ политической жизни края, а ихъ представители входятъ въ составъ коалиціи всѣхъ партій, борющихся съ деспотическими аллюрами бана Рауха и требующихъ всеобщаго голосованія при выборахъ, какъ въ хорватскій сеймъ, такъ и въ будапештскій парламентъ.

Въ *юго-славянскихъ провинціяхъ Австріи* издавна существуетъ соціалистическая организація, объединяющая преимущественно словинскихъ, отчасти же и сербо-хорватскихъ рабочихъ Далматіи и Истріи. Эта организація образуетъ юго-славянскую часть общеавстрійской соціалъ-демократіи, представляющей, какъ извѣстно, федерацію національныхъ соціалистическихъ организацій. Первоначально чисто рабочая юго-славянская организація въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ извѣстныя группы интеллигентной молодежи, народныхъ учителей и т. п. элементы, видящіе въ соціализмѣ оплотъ противъ очень сильнаго у словинцевъ клерикализма. И въ *Босніи* съ *Герцеговиной* вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ развивается соціалистическое движеніе, преимущественно профессіональнаго характера. И тамъ возникла въ послѣднее время соціалистическая организація, готовящаяся принять дѣятельное участіе въ политической жизни двухъ этихъ провинцій, когда онѣ получатъ конституцію, что является лишь вопросомъ времени. Такимъ образомъ почти на всей территоріи, заселенной австро-

венгерскими юго-славянами, существуютъ и соціалистическое движеніе, и соціалистическія партіи.

Однако національно-областная раздробленность юго-славянъ отражается самымъ плачевнымъ образомъ на общемъ положеніи юго-славянскаго соціалистическаго движенія и особенно на юго-славянскихъ соціалистическихъ партіяхъ. Послѣднія, дѣйствуя въ различныхъ областяхъ при разнообразныхъ условіяхъ жизни и административныхъ порядковъ, совершенно разъединены. А между тѣмъ у сознательныхъ рабочихъ, примыкающихъ къ этимъ партіямъ, совершенно отсутствуютъ почти всѣ тѣ причины, которыя обусловливаютъ національный антагонизмъ сербовъ и хорватовъ. Религіозная вражда между католиками и православными, столь яркая въ другихъ классахъ юго-славянскаго общества, у рабочихъ-соціалистовъ совершенно отсутствуетъ. «Велико-сербскія» и «велико-хорватскія» мечты въ этой средѣ очень мало популярны. Между тѣмъ сознаніе того, что объединенная юго-славянская соціалистическая партія, развивающая свою дѣятельность на территоріи со сплошнымъ 10-милліоннымъ юго-славянскимъ населеніемъ, могла бы стать первостепенной общественной силой, становится все яснѣе. Юго-славянская соціалистическая печать очень сильно интересуется упорядоченіемъ національныхъ отношеній въ словинско-хорватско-сербскихъ областяхъ, а самый видный теоретикъ соціализма у южныхъ славянъ, Этбинъ Кристанъ, посвятилъ этому вопросу цѣлый рядъ статей. Въ послѣднихъ была ярко выражена идея необходимости для соціалистовъ взять въ свои руки дѣло національнаго объединенія—дѣло, которое оказалось совершенно не подъ силу юго-славянскимъ буржуазнымъ партіямъ.

Эта идея снискала себѣ громадную популярность среди массъ организованныхъ рабочихъ юго-славянскихъ областей Австро-Венгріи, особенно же у словинцевъ и хорватовъ, которые, располагая болѣе сильной соціалистической организаціей, ясно видѣли всѣ плачевные результаты національнаго разъединенія. И, вотъ, по иниціативѣ словинскихъ и хорватскихъ лидеровъ соціалистическаго движенія предпринимаются первые, подготовительные шаги по направленію къ реализаціи юго-славянскаго объединенія на соціалистической почвѣ. Однимъ изъ этихъ шаговъ былъ состоявшійся въ декабрѣ прошлаго года съѣздъ представителей всѣхъ юго-славянскихъ соціалистическихъ организацій въ столицѣ словинской Крайны—Люблянѣ.

Кромѣ юго-славянъ, на съѣздѣ присутствовали лидеры нѣмецкой соціалъ-демократіи Австріи: д-ръ Викторъ Адлеръ и д-ръ Карлъ Деннеръ, самый видный теоретикъ австрійской соціалистической партіи въ области національнаго вопроса, и представители чешской партійной организаціи. Съѣзду предшествовалъ многолюдный митингъ. На немъ были произнесены рѣчи, непосредственно относившіяся къ вопросамъ, которыми долженъ былъ заняться съѣздъ.

Первымъ говорилъ д-ръ *Адлеръ*. Онъ выразилъ свою радость по поводу того, что ему удастся присутствовать при зарожденіи предпріятія, могущаго казаться теперь еще маленькимъ, но имѣющаго великую будущность. Адлеръ говорилъ, какъ нѣмецъ, понимающій, что безъ освобожденія, безъ самоуправленія всѣхъ народовъ Австріи и нѣмецкій народъ не будетъ хозяиномъ у себя дома. «Каждый вашъ шагъ впередъ вмѣстѣ съ тѣмъ является шагомъ впередъ и для насъ, ибо такимъ путемъ зарождается новый союзъ народовъ на развалинахъ прежняго диктаторскаго господства бюрократіи. Мы потому исповѣдуемъ интернаціональную солидарность, что каждый изъ насъ любитъ свой народъ. Мы національны въ лучшемъ значеніи этого слова, поэтому-то мы и интернаціоналисты».

Бѣлградскій делегатъ *Туцевичъ* выразилъ собранію солидарность отъ имени сербскихъ соціалистовъ, которые борются у себя дома за то же самое, за что и ихъ юго-славянскіе товарищи въ Австріи и Венгріи—за объединеніе мелкихъ народностей для защиты ихъ отъ хищническаго капитализма крупныхъ государствъ Европы.

Сараевскій делегатъ *Якшичъ* энергически клеймилъ стремленія, искусственно раздѣляющія одинъ народъ на три части на основаніи вѣроисповѣдныхъ различій.

Др. *Реннеръ* въ сильной рѣчи характеризовалъ плачевное состояніе южныхъ славянъ... «Если товарищъ словинецъ,—говорилъ онъ,—покинетъ свою маленькую область, составляющую территорію австрійскаго императора, онъ попадаетъ въ край венгерскаго короля и короля Хорватіи; странствуя все время среди товарищей той же національности, онъ является въ Боснію, гдѣ даже еще не извѣстно, какой титулъ будетъ присвоенъ ея повелителю, затѣмъ онъ идетъ въ страну Карагеоргевичей, въ страну султана, въ страну черногорскаго князя. Не кажется ли вамъ, что этихъ коронъ слишкомъ много для немногочисленной народности? Васъ привлекаютъ къ тремъ церквамъ. Не слишкомъ ли много этихъ церквей, не слишкомъ ли много этихъ формъ для бѣднаго народа? Юго-славянскіе народы должны объединиться, чтобы войти въ семью народовъ въ качествѣ національности съ богатымъ будущимъ, съ могучими силами развитія».

Загребскій делегатъ *Букшегъ* высказывался противъ взгляда, разсматривающаго словинцевъ и хорватовъ, какъ двѣ національности. Языкъ однихъ незамѣтно переходитъ въ языкъ другихъ. И тѣмъ, и другимъ необходимо создать культурное единство, какъ условіе будущаго политическаго объединенія. Другой загребскій делегатъ, *Деметровичъ*, говорилъ объ интригахъ шовинистовъ, которые разбили сербовъ и хорватовъ на двѣ національности. Но у пролетаріата нѣтъ ничего общаго съ этими интригами. Демократическая идея обозначаетъ самоопредѣленіе каждаго народа. Пролетаріату чужды династическіе и буржуазные интересы, онъ борется только за освобожденіе народа. Южное славянство пріобрѣтаетъ

значеніе и уже теперь представляетъ изъ себя элементъ, революціонизирующій и преобразовывающій Австрію. Поэтому-то и предстоящій съѣздъ получитъ историческое значеніе.

Чешскіе делегаты указывали на задачи юго-славянскихъ соціалистовъ, состоящія въ томъ, чтобы, взявъ въ свои руки борьбу за дальнѣйшія судьбы юго-славянскихъ племенъ, разрѣшить національный вопросъ, игнорируя историческія границы, въ духѣ національной автономіи.

Митингъ создалъ извѣстное настроеніе, въ атмосферѣ котораго происходили двухдневныя совѣщанія съѣзда, закончившіяся единогласнымъ вотированіемъ трехъ пространныхъ резолюцій. Одна изъ нихъ касается національной автономіи, другая—національнаго единства, третья говоритъ о созданіи юго-славянскаго соціалистическаго бюро.

Въ результатѣ въ вопросѣ объ національной автономіи съѣздъ рѣзко выступилъ противъ австрійскаго имперіализма, опирающагося на дуализмъ, и противопоставилъ ему идею національной автономіи народовъ. Выходя изъ этого положенія, юго-славянская соціалъ-демократія провозгласила своей программой слѣдующіе пункты:

«1. Южные славяне Австро-Венгріи считаютъ конечной цѣлью своихъ національно-политическихъ стремленій полное національное объединеніе всѣхъ южныхъ славянъ безъ различія наименованія, вѣроисповѣданія, шрифта, употребляемаго въ печати, или діалектическихъ разницъ языка.

«2. Въ качествѣ членовъ многочисленнаго однороднаго населенія, мы стремимся къ образованію однородной національности, несмотря на всѣ искусственно созданныя государственно-правовыя и политическія границы, желая вести самостоятельную въ національномъ отношеніи культурную жизнь въ видѣ свободнаго цѣлаго въ демократизированномъ союзѣ народовъ.

«3. Къ этой конечной цѣли насъ ведетъ упорный трудъ и борьба на почвѣ существующихъ реальныхъ условій и учрежденій современной дуалистической Австро-Венгріи, борьба за всестороннюю демократизацію всѣхъ національныхъ, политическихъ и государственныхъ организацій. Особенно важной является борьба за всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосовъ при выборахъ въ венгерскій парламентъ, въ хорватскій, босно-герцеговинскій и прочіе австрійскіе сеймы».

Эта резолюція представляетъ изъ себя, собственно говоря, повтореніе и конкретизацію на почвѣ юго-славянскихъ отношеній брюннской программы, съ оговоркой (аналогичной оговоркамъ, сдѣланнымъ польскими и украинскими соціалъ-демократами), касающейся *конечной* національной цѣли, каковой является объединеніе всѣхъ (въ томъ числѣ и не умѣщающихся въ рамкахъ монархіи Габсбурговъ) южныхъ славянъ. Болѣе характерна другая резолюція, занимающаяся внутреннимъ единствомъ послѣднихъ. Вотъ ея дословный текстъ:

«Южные славяне, не только политически раздѣленные между восемью государствами и административными территоріями, но и въ культурномъ отношеніи разбитые на части, считающіе себя національностями, настолько обезсилены, что они только фиктивно ведутъ самостоятельную національную жизнь, не располагая при теперешнемъ положеніи условіями, необходимыми для созданія такой культурной позиціи, которая бы дала имъ возможность развиваться въ видѣ настоящаго народа или народовъ, рядомъ съ другими культурными національностями. Фактомъ является то обстоятельство, что отдѣльныя части южнаго славянства во многихъ отношеніяхъ сильно дифференцированы вслѣдствіе политической разрозненности, соприкосновенія съ различными чужими народностями и воздѣйствія различныхъ хозяйственныхъ сферъ. Съ другой стороны, фактъ, что всѣ эти, возникающія съ теченіемъ времени, различія не таковы, чтобы они могли оправдывать сепаратизмъ отдѣльныхъ частей и распаденіе на четыре національности. Особенно вреденъ этотъ сепаратизмъ потому, что ни у одной изъ отдѣльныхъ частей нѣтъ силъ, чтобы упорядочить всесторонне свою національную жизнь. Между тѣмъ эти части, составивъ одно національное цѣлое, могли бы создать всѣ условія національной жизни и могучаго культурнаго развитія на пользу собственной и общечеловѣческой культуры. Юго-славянская соціалъ-демократія смотритъ на теперешнія юго-славянскія народности, какъ на элементы, которые создадутъ однородную національность, и констатируетъ, что для реализаціи этой однородности необходима общая цѣлесообразная культурная и политическая работа, игнорирующая наличныя политическія формы и границы. Юго-славянская соціалъ-демократія считаетъ особенно необходимымъ соглашеніе, касающееся общаго національнаго языка и шрифта, какъ перваго условія вполнѣ объединенной жизни южныхъ славянъ. Это же можетъ быть осуществлено только путемъ систематической, медленной культурной политики, веденной среди каждой изъ частей этихъ національностей».

Третья изъ вынесенныхъ съѣздомъ резолюцій относится къ учрежденію постояннаго бюро, которое бы регулировало дѣятельность юго-славянскихъ соціалистовъ въ духѣ вышеприведенныхъ резолюцій. Бюро должно состоять изъ представителей хорватской, босно-герцеговинской и словинско-австрійской с.-д. партій—отъ каждой по три. Современемъ это бюро должно превратиться въ представительство *всѣхъ* юго-славянскихъ соціалистовъ—австро-венгерскихъ и балканскихъ. Такимъ образомъ было бы конкретно выражено ихъ національное единство.

Въ ближайшемъ будущемъ долженъ состояться аналогичный съѣздъ балканскихъ соціалистическихъ организацій съ участіемъ представителей австро-венгерскихъ славянъ.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Политика.

Манчжурскій вопросъ.—Венгерскій кризисъ.—Текущія событія.

I.

На порогѣ 1910 года новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Тафтъ поставилъ на очередь манчжурскій вопросъ въ такой формѣ, въ какой ни одна изъ заинтересованныхъ державъ не ожидала. Нейтрализація желѣзнодорожныхъ путей въ Манчжуріи, какъ уже существующихъ, такъ и всѣхъ будущихъ; учрежденіе международнаго синдиката, который установилъ-бы выкупъ, управленіе и эксплуатацію уже существующихъ линій и намѣтилъ бы сѣть новыхъ линій, которыя и построилъ-бы; немедленное сооруженіе линіи Цинь-Чжоу-Айгунь; китайцы остаются самостоятельными правителями страны, за исключеніемъ полосъ отчужденія желѣзныхъ дорогъ, гдѣ правитъ международный синдикатъ. Этимъ проектомъ Тафтъ желалъ обезпечить принципъ открытыхъ дверей и равнаго для всѣхъ націй доступа на равноправныхъ началахъ къ торговлѣ и промышленности Манчжуріи. Извѣстно, что на этой почвѣ уже были недоразумѣнія у американцевъ и съ русскими, и съ японцами. Недавно у нѣмцевъ съ русскими.

Предложеніе американцевъ совпало также и съ толками о продажѣ русскими японцамъ своихъ желѣзнодорожныхъ линій магистральнойОнонъ-Харбинъ-Пограничная и вѣтви Харбинъ-Куанченцзы. Убыточность этихъ линій ложится тяжелымъ бременемъ на русскіе финансы.

Русскій министръ финансовъ г. Коковцевъ по этому поводу даже съѣздилъ на Дальній Востокъ.

Стало извѣстно также, что Англія и Германія относятся сочувственно къ иниціативѣ Соединенныхъ Штатовъ. Франція, Италія и Австрія, непосредственно менѣе заинтересованныя, выжидали, что скажутъ и какую позицію займутъ ихъ союзники. Австрія, конечно, прислушивалась къ берлинскому голосу, Италія къ берлинскому и лондонскому, Франція — къ рускому. Вышеупомянутыя извѣстія объ англійскомъ и нѣмецкомъ сочувствіи проекту Тафта и явная его выгодность Россіи побуждали думать, что Европа единодушно поддержитъ американскую точку зрѣнія. Нѣкоторыя тренія можно было ожидать только со стороны Японіи.

Японія принесла огромныя жертвы для своего водворенія въ южной Манчжуріи. Бывшая Квантунская область находится у нихъ въ безплатной арендѣ, т. е. они ею владѣютъ и управляютъ и на нее, ни на проходящія по ней желѣзныя дороги проектъ

американцевъ не посягаетъ. Но болѣе важная линія, соединяющая Квантунъ съ Куанченцзы (русская станція) черезъ Ляоянъ и Мукденъ, вѣтка на Инкоу, сооружаемая вѣтвь на Гиринъ, недавно построенная вѣтвь отъ Корейской желѣзной дороги къ Мукдену, предполагаемое ея продолженіе на Западъ, наконецъ, находящаяся въ эксплуатаціи иностранцевъ линія Инкоу-Шанхайгуань, вся эта обширная сѣть дорогъ, изрѣзывающая хорошо населенную страну и соприкасающаяся съ Китаемъ въ тѣсномъ значеніи слова, по смыслу предложенія Тафта, должна быть изъята изъ японскаго управленія и японской эксплуатаціи и передана въ международное управленіе и международную эксплуатацію и при этомъ подлежитъ полной нейтрализаціи. Иначе говоря, по этимъ линіямъ не должны слѣдовать ничьи войска и возиться ничьи военные припасы и оружіе. Словомъ, проектъ Тафта останавливаетъ самымъ категорическимъ образомъ наступленіе японцевъ на западъ (Китай) и сѣверо-западъ (Сѣверная Манчжурія и русское Приамурье.)

Что касается стороны экономической, то не она могла быть препятствіемъ для принятія японцами американскаго проекта. Международный синдикатъ, конечно, выплатилъ бы хорошій выкупъ и вполнѣ удовлетворилъ бы съ этой стороны японскія желанія. Другое дѣло—сторона политическая. Если Японія имѣетъ задачею своей политики расширить на западъ и сѣверъ сферу своего господства на континентѣ, то она не можетъ уступить сѣти южноманчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Еще менѣе въ такомъ случаѣ она можетъ согласиться на нейтрализацію своихъ и русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи. Покамѣстъ сѣверо-манчжурскія дороги находятся въ рукахъ Россіи, японцы могутъ надѣяться овладѣть ими и воспользоваться для наступленія, а съ международными нейтральными дорогами ничего подобнаго сдѣлать невозможно. Это—барьеръ, который надо обойти, но не перейти. Правда, для такого обхода русскіе предупредительно строятъ Амурскую желѣзную дорогу, но Улита ѣдетъ, когда-то пріѣдетъ (да пріѣдетъ-ли?), а манчжурка хотя и не важная дорога, а все таки готовая.

Всѣ эти соображенія должны были возбудить японцевъ противъ проекта Соединенныхъ Штатовъ о выкупѣ и нейтрализаціи манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Пресса японская, дѣйствительно, встрѣтила предложеніе Тафта единодушнымъ протестомъ, а затѣмъ 8 (21) января телеграфировали изъ Токіо, что отвѣтъ Японіи на американскую ноту врученъ американскому послу. «Отвѣтъ не пространенъ (сообщаетъ агентство Рейтера) и заключается въ отказѣ принять предложеніе о нейтрализаціи по разнымъ причинамъ, въ особенности потому, что оно ни въ какомъ отношеніи не будетъ выгодно Японіи, не представитъ выгоды и Китаю, и нисколько не измѣнитъ коммерческаго положенія въ Манчжуріи, гдѣ Японія тщательно придерживается обязательствъ открытыхъ дверей и равнаго благопріятствованія». Почти одновременно съ

этою депешею изъ Токіо, получена телеграмма изъ Нью-Іорка, что Японія неоффиціально увѣдомила китайское правительство о своемъ намѣреніи *вмѣстѣ съ Россіею* отклонить американское предложеніе, при чемъ прибавляется, будто Японія заявила, что «Китай несетъ отвѣтственность за это предложеніе (американское), являющееся недружелюбнымъ актомъ по отношенію къ Японіи». Можно бы подумать, что это сообщеніе сочинено въ Нью-Іоркѣ, но, очевидно, не все тутъ было сонъ. Нью-іоркская телеграмма помѣчена 7 (20) январемъ, а 9 (22) января появилось правительственное сообщеніе объ отвѣтѣ Россіи американцамъ, вполнѣ подтверждающее нью-іоркское извѣстіе, что Японія въ этомъ вопросѣ дѣйствуетъ «вмѣстѣ съ Россіей».

II.

Остановимъ вниманіе на вышеупомянутомъ правительственномъ сообщеніи, заключающемъ въ себѣ изложеніе «Отвѣтнаго меморандума русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ» на американскую ноту о нейтрализаціи манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Русскій меморандумъ, подобно японской нотѣ, заключаетъ отказъ въ согласіи на нейтрализацію.

«Императорское правительство, подтверждая свою преданность принципамъ неприкосновенности суверенитета Китая, политики открытыхъ дверей и равнаго торговаго благопріятствованія въ Манчжуріи, высказываетъ, однако, убѣжденіе, что началамъ этимъ ничто не угрожаетъ, и что поэтому постановка на очередь вопросовъ, выдвинутыхъ федеральнымъ правительствомъ въ качествѣ наиболѣе дѣйствительнаго способа защиты этихъ принциповъ, не оправдывается положеніемъ вещей въ Манчжуріи».

Такъ говоритъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ. «Началамъ этимъ ничто не угрожаетъ», гласитъ меморандумъ въ совершенномъ согласіи съ японскимъ отвѣтомъ. Однако, угрожать можно только чему-нибудь существующему... Между тѣмъ, «начала эти» еще не осуществлены въ жизни Манчжуріи. Они признаны только на словахъ и на бумагѣ. Американцы желаютъ, чтобы они стали фактомъ, и въ этомъ весь смыслъ ихъ ноты... Изъ стѣсненія иностранной торговли и предпріимчивости въ Манчжуріи русскіе ничего не выигрываютъ, и нѣтъ рѣшительно никакихъ интересовъ, побуждающихъ охранять это положеніе вещей. Японцы, правда, выигрываютъ отъ этого положенія, но пусть они сами его и обороняютъ.

Продолжаемъ цитату изъ меморандума:

«Ссылаясь далѣе на наличность пріобрѣтенныхъ цѣною громадныхъ матеріальныхъ жертвъ и нравственныхъ усилій первостепенныхъ государственныхъ и частныхъ интересовъ нашихъ въ Манчжуріи, на коихъ установленіе международнаго контроля и

управленія манчжурскими желѣзными дорогами должно отразиться неблагопріятнымъ образомъ, меморандумъ переходитъ къ перечисленію соображеній, обусловливающихъ отрицательное отношеніе наше къ американскому предложенію, поскольку оно касается интернаціонализаціи существующихъ уже въ Манчжуріи желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего указывается, что общество Китайской Восточной желѣзной дороги, приступая къ осуществленію своего громаднаго предпріятія, заручилось опредѣленными правами и преимуществами на весь срокъ концессіи, т. е. на 80 лѣтъ, съ предоставленіемъ лишь возможности китайскому правительству въ случаѣ его желанія выкупить предпріятіе по истеченіи 36 лѣтъ, Только въ разсчетѣ на эти продолжительные сроки общество могло вложить въ дѣло значительные капиталы, и побуждать его отказаться отъ своихъ правъ въ настоящее время было бы несправедливымъ нарушеніемъ его интересовъ. Кромѣ того, Китайская Восточная желѣзная дорога дала жизнь и организацію цѣлому ряду отдѣльныхъ учрежденій, имѣющихъ къ ней то или другое отношеніе, а такъ же содѣйствовала возникновенію многихъ частныхъ предпріятій, судьба которыхъ тѣсно связана съ существованіемъ общества».

Этотъ абзацъ русскаго меморандума прежде всего поражаетъ своею неискренностью, или полнымъ невѣдѣніемъ дѣйствительнаго положенія вещей. Такъ называемое «Общество» не потому вложило значительные капиталы, что получило концессію на 80 лѣтъ, а потому лишь, что ихъ дала казна-матушка. Всѣ это знаютъ и въ Россіи, и въ Америкѣ, и аргументъ производитъ только невыгодное для русской дипломатіи впечатлѣніе, будто бы желающей сознательною неправдою отвѣтить на американскую ногу. Къ тому же, Китайская Восточная желѣзная дорога приноситъ убытокъ не «Обществу», конечно, а казнѣ, такъ что продолжительность концессіи есть продолжительность убытковъ. Наконецъ, предложено не отобраніе, а выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи, такъ что принесенныя громадныя жертвы будутъ возмѣщены.

«Еще большее значеніе имѣетъ Китайская Восточная желѣзная дорога съ государственной точки зрѣнія. Линія эта служитъ главнѣйшимъ путемъ для нашихъ сношеній съ дальневосточными владѣніями, являясь неразрывнымъ звеномъ великаго сибирскаго пути. Соображеніе это въ свое время побудило русское правительство пойти на очень значительныя затраты по гарантіи строительнаго капитала дороги и покрытію эксплуатаціонныхъ ея дефицитовъ. Для правительства поэтому чрезвычайно важно сохранить ближайшій контроль надъ дорогой и возможность регулировать ея тарифы, что, конечно, невозможно при передачѣ въ руки международнаго синдиката. Наконецъ, и съ чисто финансовой точки зрѣнія проектъ не даетъ прочныхъ гарантій того, что при новой постановкѣ дѣла будутъ достигнуты и вполнѣ удовлетворительные ре-

зультаты, такъ какъ предлагаемый планъ носитъ характеръ производимаго въ обширныхъ размѣрахъ опыта, не провѣреннаго на практикѣ».

Едва-ли послѣдній доводъ фактически вѣренъ. Нынѣ сооруженная Багдадская желѣзная дорога представляетъ предпріятіе именно такого интернаціональнаго типа. Приближаются къ нему и другія желѣзныя дороги въ Турціи. Обширный опытъ представляетъ и Суэцкій каналъ. Впрочемъ, «удовлетворительные результаты» — дѣло синдиката и русская дипломатія могла бы о нихъ не тревожиться. Русскіе финансы не проиграли бы, если бы прекратились огромныя приплаты по гарантіи... Вѣдь американцы гарантіи не просятъ.

Что касается того, что магистраль Манчжурской желѣзной дороги «является неразрывнымъ звеномъ великаго сибирскаго пути», то именно ея интернаціонализація и нейтрализація и сдѣлаютъ ее «неразрывнымъ звеномъ» для мирныхъ, а для военныхъ цѣлей? Не забудемъ, что и Портсмутскій трактатъ устанавливаетъ въ этомъ отношеніи разныя ограниченія и стѣсненія.

Изъ всего изложеннаго ясно, что американское предложеніе было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно Россіи.

Оно клало барьеръ японскому наступленію на Приамурье, базируясь на Манчжурію. Надо было бы базироваться на Корею, или прямо на море, что сильно сокращало протяженіе русской оборонительной линіи.

Оно клало барьеръ японскому наступленію на Китай, что, конечно, желательно и Россіи.

Оно избавляло казну отъ большихъ ежегодныхъ убытковъ и возмѣстило бы хоть часть огромныхъ уже понесенныхъ жертвъ.

Оно устанавливало полную безопасность и непрерывность мирныхъ сношеній съ нашимъ Дальнимъ Востокомъ въ мирное и военное время.

За исключеніемъ препятствія японскому наступленію на Китай, всѣ остальныя только что перечисленныя выгоды получились бы даже въ томъ случаѣ, если бы Японія (какъ и можно было ожидать) воспротивилась интернаціонализаціи и нейтрализаціи южноманчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Интернаціонализація и нейтрализація магистрали Китайской Восточной дороги сама одна принесла бы эти существенныя выгоды. Почему же эти выгоды отвергнуты? Отвергнута и безопасность границъ съ Манчжуріею. Не обезпечена и безопасность сношеній. Сохранены убытки въ настоящемъ и будущемъ, а прошедшіе не возмѣщаются.

Японія не пошла на интернаціонализацію и нейтрализацію дорогъ, потому что не хочетъ создавать препятствія своему наступленію... Неужели и русская дипломатія не хочетъ себѣ барьеровъ? Неужели думаютъ гдѣ-нибудь о новомъ опытѣ наступленія?

— Неужели?

Далѣе въ этомъ достопамятномъ меморандумѣ находимъ еще слѣдующее достозамѣчательное мѣсто:

«Обращаясь ко второй альтернативѣ американскаго предложенія, касающейся привлеченія русскихъ капиталовъ къ участію въ финансированіи проектированной Цзинчжоу-Айгунской линіи и другихъ будущихъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій международнаго синдиката въ Манчжуріи, русское правительство признаетъ серьезное значеніе названной линіи для своихъ интересовъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, какъ открывающей доступъ съ юга не только къ Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, но и къ русскимъ владѣніямъ у Айгуна. Оно соглашается въ принципѣ обсудить его, какъ только будетъ ознакомлено съ ближайшими основаніями, которыя намѣчены для этого предпріятія».

Цзинчжоу—значительный городъ въ западной Манчжуріи на колесной дорогѣ изъ Пекина въ Мукденъ и на желѣзной дорогѣ Пекинъ—Инкоу. Айгунь—китайскій городъ на Амурѣ (на правомъ берегу), верстъ около тридцати ниже Благовѣщенска. Соединеніе желѣзною дорогою Айгуна съ Пекиномъ имѣетъ такимъ образомъ, дѣйствительно, огромное значеніе для Россіи. Вѣдь это прямой путь наступленія на Пріамурье, если дорога не будетъ интернаціональная и нейтральная. Давая интернаціонализацію и нейтрализацію своимъ манчжурскимъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ, она пріобрѣтала интернаціонализацію и нейтрализацію какъ для этой, такъ и для другихъ, столь же небезопасныхъ дорогъ... Но наша дипломатія предпочла слѣдовать за японской, вопреки явнымъ интересамъ самой Россіи! Теперь дипломаты наши собираются обсудить «какъ только...», но времени на это, очевидно, не хватитъ. Потому что въ телеграммѣ изъ Лондона отъ 8 (21) января читаемъ: Агентству Рейтера сообщаютъ изъ Пекина изъ авторитетнаго источника «Подписанъ рескриптъ, санкціонирующій соглашеніе отъ 2 октября н. ст. (19 сент. стараго стиля) 1909 года между вице-королемъ Манчжуріи и Quillard-Straight отъ американской группы и съ лордомъ Френчемъ отъ Pauling Company London о финансированіи и сооруженіи желѣзной дороги Цзинчжоу-Айгунъ».

Господа дипломаты собираются обсуждать, а дѣло то сдѣлано, и американцы желали только подѣлиться выгодами съ другими въ обмѣнъ за такія же услуги. Дорога будетъ построена, но только не будетъ нейтральная, и въ ея управленіи мы никакого участія не получимъ. Таковы-то успѣхи нашей дипломатіи: въ 1909 году по вопросу объ анексіи, въ 1910 году, едва народившемуся, уже по манчжурскому вопросу.

У насъ какъ бы задались цѣлью не мытьемъ такъ катаньемъ погубить наши дальновосточныя владѣнія. Упраздненіе porto franco должно привести къ непоправимому экономическому упадку ко-

лоніи, а великолѣпное направленіе манчжурской политики ведетъ къ созданію для колоніи серьезной политической опасности.

Смѣлый шагъ Китая, самостоятельно даровавшаго вышеприведенную концессію, означаетъ, что онъ имѣетъ за собою опору... А возвѣщенный визитъ американскаго флота въ китайскія воды указываетъ косвенно, гдѣ эта опора. А надо-ли намъ отчуждать отъ себя Соединенные Штаты?

Приамурскій край сталъ какимъ-то проклятіемъ для русскаго народа. Пріобрѣтенный полстолѣтія тому назадъ съ самыми радужными надеждами, онъ затѣмъ явился насосомъ, выкачивающимъ золото изъ русскихъ кармановъ, привелъ къ восточной катастрофѣ и продолжаетъ снова и снова вызывать призраки экономическаго раззоренія и политической опасности! А между тѣмъ въ другихъ рукахъ край этотъ могъ бы дать жизнь и благосостояніе милліонамъ населенія....

III.

Возвращаемся къ венгерскому кризису, о которомъ недавно бесѣдовали на страницахъ нашей политической лѣтописи. Мы остановились тогда на томъ, что Францъ-Іосифъ поочередно отвергъ программы Векерле, Кошута, Андраши, Аппоньи, Юста, т. е. всѣхъ парламентскихъ вождей, и призвалъ для совѣщанія Лукача и Куна Хедервари, двухъ дѣятелей, не пользующихся въ парламентѣ никакимъ вліяніемъ, но за то пользующихся въ странѣ большою непопулярностью и полнымъ недовѣріемъ. Оба доказали своей прошлою дѣятельностью свою готовность, по желанію Вѣны, дѣйствовать незаконно и неконституціонно.

29 (16) декабря состоялось засѣданіе будапештской палаты депутатовъ для избранія коммиссіи, которая должна выработать адресъ Францу-Іосифу съ цѣлью склонить его къ уступкамъ. Затѣмъ парламентъ отсрочилъ свои засѣданія до образованія новаго кабинета.

30 (17) декабря Францъ-Іосифъ призвалъ Юста (лидера радикальной фракціи партіи независимости) и Лукача для совмѣстнаго обсужденія компромисса, который Лукачъ предложилъ, а императоръ одобрилъ и который заключался въ томъ, что будетъ образовано временное коалиціонное министерство для проведенія избирательной реформы на началахъ всеобщаго голосованія, послѣ чего парламентъ будетъ распущенъ, будутъ произведены выборы, созванъ обновленный парламентъ, изъ состава котораго императоръ-король и назначитъ окончательное министерство. Юстъ призналъ цѣлесообразность этой программы, если къ ней прибавить основаніе отдѣльнаго венгерскаго банка въ Будапештѣ и обѣщаніе, по истеченіи срока австро-венгерскаго аусглейха (т. е. въ 1917 г.),

не препятствовать таможенному выдѣленію Венгріи въ самостоятельную тарифную единицу. Необходимость такого обѣщанія Юстъ мотивировалъ единодушнымъ желаніемъ націи, а необходимость немедленнаго рѣшенія вопроса объ основаніи національнаго банка, кромѣ желанія націи, еще истеченіемъ срока концессіи вѣнскому государственному банку и невозможностью дальнѣйшаго промедленія. Императоръ категорически отказался одобрить оба дополнительныхъ пункта, предложенные Юстомъ, и при этомъ заявилъ, что никогда не согласится ни на раздѣленіе государственнаго банка на два, ни на разрывъ таможеннаго союза двухъ половинъ имперіи. Компромиссъ не состоялся, и Лукачу было поручено Францомъ-Іосифомъ составить кабинетъ изъ другихъ элементовъ.

Вернувшись въ Будапештъ, Лукачъ вступилъ въ переговоры со всѣми партіями, но до 30 декабря (13 января) ему это дѣло не удалось, и Францъ Іосифъ передалъ эту задачу въ руки графа Куна Хедервари, человѣка, ни передъ чѣмъ не останавливающагося, какъ онъ это доказалъ въ 1903 году, когда нѣсколько мѣсяцевъ былъ уже премьеръ-министромъ. Было обращено общее вниманіе на то обстоятельство, что графъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у наслѣдника престола эрцъ-герцога Франца-Фердинанда, который съ другими государственными людьми Венгріи никогда не совѣщался. Эрцъ-герцогъ извѣстенъ, какъ сторонникъ тѣснаго единенія всей имперіи и рѣшительный противникъ всякой автономіи. Эрцъ-герцогъ остался доволенъ графомъ, какъ и графъ эрцъ-герцогомъ. Программа принята выработанная Лукачемъ: всеобщее избирательное право и новые выборы. Графъ, однако, къ этому испросилъ у Франца-Іосифа полномочія не только договариваться и переговариваться, но и дѣйствовать (agir, какъ передаетъ депеша Temps).

Графъ Кунъ Хедервари скоро составилъ свой кабинетъ. Удержавъ за собою предсѣдательство и министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ роздалъ другіе портфели Лукачу, о которомъ только что говорили, Іероними, уже участвовавшему въ антиконституціонномъ министерствѣ, внѣпарламентскимъ генераламъ и чиновникамъ и др. Императоръ утвердилъ новый кабинетъ и, наконецъ, уволилъ министерство Векерле, уже девять мѣсяцевъ настаивавшее на скорѣйшей отставкѣ.

Говоря объ исходѣ кризиса, Юстъ въ собраніи своей партіи заявилъ, что надо всѣми законными способами бороться противъ этого исхода, надо отказать въ очередномъ рекрутскомъ наборѣ, въ налогахъ, въ жалованьи министрамъ и ихъ чиновникамъ, въ утвержденіи всѣхъ новыхъ законовъ, какъ бы сами по себѣ они ни были желательны и полезны. Собраніе партіи одобрило эту непримиримую программу. Затѣмъ состоялось совѣщаніе партіи Юста съ партіей Кошута, которыя недавно составляли одну партію независимости, но раскололись вслѣдствіе склонности Кошута

къ уступкамъ. Совѣщаніе высказало желаніе о возстановленіи единства партіи, для чего рѣшено созвать общее собраніе членовъ обѣихъ фракцій. Вмѣстѣ взятые кошутіанцы и сторонники Юста составляютъ уже большинство въ палатѣ и могутъ сдѣлать неосуществимой программу кабинета: всеобщее голосованіе и затѣмъ выборы. Придется начать съ выборовъ. Состоялось и совѣщаніе лидеровъ партій Векерле, Кошута, Юста, Аппоньи, Андраши. Обмѣнявшись мнѣніями, они рѣшили созвать партійныя собранія и, получивъ директивы и полномочія, вновь собраться. Общее стремленіе объединиться для борьбы съ нарушеніемъ конституціи и личнымъ правленіемъ сказывается въ этихъ совѣщаніяхъ и не обѣщаетъ новому министерству парламентскихъ успѣховъ. Оно и не получило этихъ успѣховъ. Въ первомъ же засѣданіи, послѣ выступленія Куна Хедервари, палата огромнымъ большинствомъ осудила провозглашенную имъ программу. Кунъ Хедервари отвѣтилъ на это заранѣе заготовленнымъ императорскимъ указомъ объ отсрочкѣ засѣданій парламента. Палата объявила этотъ шагъ неконституціоннымъ и постановила не давать налоговъ, ни рекрутовъ, никакихъ кредитовъ. Палата магнатовъ тоже опротестовала отсрочку, какъ нарушеніе конституціи. Императоръ отклонилъ отставку кабинета гр. Куна и утвердилъ его программу.

На той же почвѣ борьбы за развитіе венгерской автономіи произошелъ острый конфликтъ у короны съ венгерскимъ парламентомъ въ 1903—1904 годахъ. Тогда конфликтъ начался изъ-за арміи. Парламентъ, руководствуясь конституціонной хартіей, находилъ, что и законоположенія относительно арміи подлежатъ парламенту. Францъ-Іосифъ этого не признавалъ по той причинѣ, что армія одна, а парламентовъ два. Изъ этого слѣдовало только одно, что военные законы подлежатъ измѣненію съ согласія обоихъ парламентовъ. Императоръ разсудилъ иначе и мало церемонился съ своими венгерцами. Графъ Кунъ Хедервари тогда не справился съ задачею, потому что Францъ Іосифъ сначала не хотѣлъ открытаго разрыва и, когда парламентъ рѣшительно осудилъ политику послушнаго графа, онъ замѣнилъ его министерствомъ Стефана Тиссы, тоже реакціоннымъ, но склоннымъ считаться съ парламентомъ. Это министерство нѣкоторое время проволочило довольно жалкое существованіе, распустило парламентъ и получило отъ страны новый, еще болѣе оппозиціонный. Тогда императоръ рѣшился на крайнія мѣры. Онъ уволилъ кабинетъ Стефана Тиссы (не надо его смѣшивать съ покойнымъ Коломаномъ Тиссой, лидеромъ нынѣ распавшейся либеральной партіи) и назначилъ министерство генерала Фейэрвари съ боевою программою. Парламентъ былъ разогнанъ (военными отрядами заняты залы засѣданій обѣихъ палатъ, чтобы не дать имъ возможности принять какія-нибудь непріятныя резолюціи); будапештскій муниципалитетъ закрытъ (беззаконно), за нимъ послѣдовали и другіе;

выборныя должностныя лица по всей странѣ беззаконно устранялись и замѣнялись назначенными чиновниками, послушными не закону, а приказу начальства; новые выборы беззаконно не были назначены... Словомъ, воскресалъ бюрократическій режимъ. Возрождался абсолютизмъ. Нація объединилась въ борьбѣ съ бюрократіей, перестала платить налоги и выставлять рекрутъ. Принудить можно было только силою и начать междоусобную войну. Императоръ передъ этимъ рискомъ междоусобія остановился и вступилъ въ переговоры.

Компромиссъ состоялся на слѣдующихъ условіяхъ:

Всеобщее избирательное право, котораго императоръ желаетъ, разсчитывая, что оно введетъ въ парламентъ болѣе значительное число славянскихъ и румынскихъ депутатовъ и ослабитъ мадьярскій партикуляризмъ.

Рѣшеніе вопроса о компетенціи парламента въ военныхъ законахъ остается открытымъ, что въ сущности являлось не принціальною, но фактическою уступкою парламенту.

Въ вопросахъ внутренней политики новое министерство получаетъ полную свободу дѣйствій. Это, конечно, уступка со стороны короны, но и предоставленіе славянъ и румыновъ, даже и нѣмцевъ на подчиненіе господству мадьяръ.

Соглашеніе относительно экономическихъ вопросовъ предоставляется всецѣло венгерскому и австрійскому парламентамъ, причемъ, однако, экономическая общность должна быть сохранена до 1917 года. Предстоялъ аусглейхъ на десятилѣтіе 1907—1917 гг. Изъ этого аусглейха императоръ исключилъ вопросъ о расширеніи экономической автономіи Венгріи. Что касается прямого соглашенія по экономическимъ вопросамъ вѣнскихъ и будапештскихъ правителей, то вѣнскіе всегда послушны императору и этимъ путемъ онъ оставилъ въ своихъ рукахъ и всѣ экономическіе вопросы.

Въ сущности, уступилъ парламентъ, но страна нуждалась въ успокоеніи и въ возстановленіи нормальнаго законнаго порядка. Новое министерство Векерле и возстановило этотъ порядокъ: вновь назначенные реакціоннымъ правительствомъ чиновники (президенты комитетовъ, королевскіе коммиссары, мэры и т. д.) были уволены; ихъ замѣнили ихъ предшественники; назначены парламентскіе выборы и т. д. Былъ избранъ тотъ самый парламентъ, который теперь вступилъ въ конфликтъ съ короною, а правилъ тотъ самый кабинетъ Векерле, который теперь уступилъ мѣсто кабинету графа Куна Хедервари.

Четыре года былъ у власти кабинетъ Векерле, но перваго пункта вышеизложенной программы не выполнилъ, не далъ всеобщаго голосованія. Соединенныя фракціи Юста и Кошута составляютъ большинство въ палатѣ и обѣ издавна заявляютъ себя сторонниками всеобщаго голосованія, желаетъ того же императоръ

министерство эту задачу поставило во главу своей программы... И, однако, она не осуществлена. Болѣе того, къ ея осуществленію даже не приступили! На этомъ эпизодѣ стоитъ остановить наше вниманіе.

Парламентскіе сторонники избирательной реформы о ней какъ будто позабыли; министерство ее не обсуждало и не проектировало; императоръ не настаивалъ... Ему эта реформа надобна только для обузданія мадьярскихъ крайностей, и когда онъ жилъ въ мирѣ съ мадьярами, ему нечего было о ней заботиться. Теперь онъ опять поссорился съ мадьярами и вновь выдвинулъ на первый планъ избирательную реформу. Позиція Франца-Іосифа совершенно ясна и понятна. Онъ хотѣлъ бы жить въ мирѣ съ нынѣшними венгерскими избирателями, если они согласны не настаивать на расширеніи венгерской автономіи. Если же *такого* мира они не желаютъ, то онъ хочетъ всеобщаго избирательнаго права, въ надеждѣ лучше столковаться съ новыми избирателями. Это позиція императора. Позиція парламента сложнѣе.

По мадъярской статистикѣ, которую другія народности оспариваютъ, собственно мадъяры и евреи, совершенно слившіеся съ мадъярами, кромѣ религіи, составляютъ 48% всего венгерскаго населенія. Остальные 52% преимущественно славяне (27%), румыны (15% всего населенія) и нѣмцы (10%). Послѣдніе понемногу разбросаны по всей странѣ и, кромѣ одной мѣстности въ Седмиградьи, на выборы могутъ мало вліять. Между тѣмъ, славяне и румыны живутъ сплошными поселеніями. Среди нихъ не мало мадъяровъ, но они меньшинство (даже съ евреями, нѣмцами и цыганами). Это меньшинство значительно увеличиваетъ процентное отношеніе мадъярскаго населенія къ остальному, но не можетъ само по себѣ дать ни одного лишняго депутата. Словомъ, если выбросить изъ 48% мадъяро-еврейскаго населенія это меньшинство, разсѣянное по славяно-румынскимъ землямъ, то контингентъ сплошного мадъярскаго населенія будетъ много меньше, и мадъяры могутъ оказаться въ меньшинствѣ въ будущемъ парламентѣ. Deinde ira!

Признавая принципъ всеобщаго голосованія, парламентъ останавливается передъ формою его осуществленія. Вѣдь надо найти такую форму, чтобы сохранить мадъярамъ ихъ преобладаніе. Говорили о введеніи открытаго голосованія, при чемъ экономически зависимые отъ мадьяровъ славяне и румыны будутъ на буксирѣ у мадьяровъ. Такъ предполагало министерство Векерле. Теперь Кунъ Хедервари обѣщаетъ искусное распредѣленіе избирательныхъ округовъ... Будутъ, конечно, и другіе проекты. Однако, можно думать, что у страха глаза велики: земля въ рукахъ мадъяровъ; торговля—въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ; промышленность преимущественно нѣмецкая; все это культурные и состоятельные слои. Что передъ ними экономически подавленные и

зависимые славяне (кромѣ Хорватіи) и румыны? Нѣкоторое число непріятныхъ ораторовъ появится въ парламентѣ съ своими протестами и обличеніями. Едва ли что либо больше самой скромной оппозиціи.

Мадьяры не всегда справедливы къ другимъ народностямъ своего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они горячо и самоотверженно преданы своему отечеству и его свободѣ, вѣками отстаиваютъ эту свободу отъ деспотизма Габсбурговъ и теперь снова поднимаютъ тяжелую борьбу за права народа и его свободу, за легальный порядокъ въ странѣ. Всѣ искренно преданные идеямъ права, свободы и прогресса пожелаютъ имъ успѣха въ поднятой ими благородной борьбѣ. Стойкая, просвѣщенная и организованная нація, вѣроятно, сумѣетъ и на этотъ разъ отстоять свои права отъ новаго покушенія Габсбурга. Что либо съ нѣкоторою вѣроятностью предвидѣть весьма затруднительно. Опытъ 1903—1905 годовъ показываетъ, какъ далеко можетъ зайти Францъ-Іосифъ. Вліяніе эрцъ-герцога Франца-Фердинанда послѣ того, какъ онъ руководилъ дѣломъ аннексіи въ 1909 году, сильно возрасло, а оно не будетъ умѣрять анти-мадьярской политики императора. Отъ будущаго монарха своего Венгрія можетъ ждать никакъ не мира.

Императоръ Францъ-Іосифъ началъ свое царствованіе въ 1849 году войною съ Венгріей. Надо думать, что онъ не пожелаетъ и кончать свое правленіе новою междоусобною войною.

Въ Англіи происходятъ выборы. Они еще не закончены, но уже ясно, что консерваторы много выигрываютъ. Преданное имъ агентство Рейтера все-таки думаетъ, что соединенные вмѣстѣ либералы, рабочіе и націоналисты (ирландскіе) составятъ большинство въ 80 человѣкъ. Мнѣ кажется, что большинство либеральное будетъ болѣе значительное (съ союзниками 130—140 голосовъ). Не будемъ гадать, сужденіе же отложимъ до окончанія выборовъ и до полученія детальныхъ отчетовъ. Одна телеграфная статистика даетъ очень мало матеріала для объясненія событій. И теперь, однако, уже можно сказать, что было неслыханное въ Англіи давленіе на выборы со стороны ландлордовъ и предпринимателей-хозяевъ, но это всего не объясняетъ.

Печальныя вѣсти продолжаютъ поступать изъ Греціи. Диктатура военной лиги становится прямо тираніей. Недавно она смѣнила министра. Затѣмъ она же, эта лига, потребовала отъ Теотокиса и Ралли, чтобы парламентъ не медлилъ съ принятіемъ внесенныхъ законопроектовъ, другими словами, чтобы парламентъ даже не обсуждалъ, а просто давалъ свое оффиціальное клеймо всему, одобренному лигой. Теотокисъ и Ралли отвѣчали съ сохраненіемъ внѣшняго достоинства, что парламентъ не медлитъ, но не можетъ одобрять важные законы безъ ихъ обсужденія. Неудовольствіе, возбужденное этимъ отвѣтомъ, привело къ требованію военною ли-

гою созыва національнаго (т. е. учредительнаго) собранія, что при настоящемъ господствѣ во всей странѣ военной лиги привело бы только къ окончательному упраздненію всякихъ законовъ. Даже министерство Мавромихалиса отклонило это требованіе. Агитація въ средѣ лиги продолжалась и привела къ требованію увольненія кабинета. Мавромихалиса и къ настаиванію на созывѣ національнаго. Теотокисъ и Ралли отвѣтили, что даже обсужденіе этого вопроса возможно лишь послѣ упраздненія военной лиги. Того же мнѣнія и кабинетъ Мавромихалиса. Офицеры требуютъ назначенія Драгумиса премьеромъ, Сорбаса (глава военной лиги) военнымъ министромъ, немедленныхъ выборовъ въ учредительное собраніе, допущенія въ немъ представителей Крита...

С. Южаковъ.

Еще проблема.

Былъ бунтъ противъ разсудочности въ литературѣ и въ жизнеотношеніи. Малый разумъ былъ—во имя невѣдомой правды—рѣшительно и окончательно низвергнутъ и отрѣшенъ.

Бунтъ торжествовалъ. Считалось возможнымъ подходить и подойти ко всѣмъ явленіямъ безъ малѣйшаго признака этого малаго разума. И средствомъ для этого было ирраціональное чутье художниковъ, ихъ безсознательное творчество. Допускалось, что они-то, не въ примѣръ разсудочникамъ, зараженнымъ «малымъ разумомъ», сумѣютъ сказать особенно новое и нужное.

И вотъ было утро и былъ вечеръ—день первый; былъ сезонъ беллетристическихъ прозрѣній въ половомъ вопросѣ. Художники водили читателей по мѣстамъ женскаго купанья—для «проблемы пола». Потомъ наступилъ сезонъ литературно-религіозныхъ прозрѣній. Здѣсь беллетристы были позади, но это не измѣняло дѣла. Исканія шли все тамъ же—по ту сторону малаго разума. Образовались даже двѣ фракціи: одни находили, что нужно «искать», другіе находили—нужно «построить» Бога. Но надоѣло какъ будто и это, безъ раздѣленія фракцій.

И вотъ къ началу текущаго сезона, т. е. къ началу текущаго академическаго 1909—10 года многіе, естественно, задавались вопросомъ: чѣмъ же отмѣтится этотъ годъ? какой вопросъ будетъ выигрышно-занимательнымъ?

Оказалось, смерть.

Что смерть въ модѣ не съ прошлой только осени, вы, конечно, помните. Теперь же она освѣжилась въ трактованіи.

Раньше она была заслонена другими новинками. Теперь она какъ будто выдвинулась на ближній планъ и заняла подобающее ей мѣсто... Въ разсчетѣ на это повышеніе шансовъ смерти вышелъ даже цѣлый сборникъ съ страшнымъ, но чарующимъ заглавіемъ «Смерть».

Понятенъ самъ по себѣ интересъ къ вѣчно непрошенной гостьѣ. Примириться съ нею, по меньшей мѣрѣ, трудно, какъ ни пробовали примириться, доказывая весьма убѣдительно, что между нею и жизнью—строго говоря—никакой пропасти нѣтъ. Ибо: все въ космосѣ связано безконечной гаммой нечувствительныхъ переходовъ. Сообразно съ этимъ нѣтъ непроходимой границы нигдѣ и ни въ чемъ, и если живое становится мертвымъ, то за то вѣдь изъ мертваго, изъ умершаго, возникаетъ живое, вновь живущее...

Неизвѣстно, однако, утѣшались ли этимъ даже сами авторы послѣ того, какъ клали перо, которымъ писали такія утѣшительныя вещи.

Было, впрочемъ, еще одно утѣшеніе. Предполагалось, если будутъ успѣшны невѣроятныя усилія научнаго мышленія, удлинить человѣческую жизнь. Удлинить настолько, что людямъ самимъ захочется избавиться отъ удлиненнаго срока, хотя бы въ могилѣ.

Это было самое серьезное: практическая утопія.

Это — все, чѣмъ готова была обрадовать смертныхъ научная мысль. Въ случаѣ колоссальной удачи предпринятыхъ изслѣдованій—довести дѣло до того, что людямъ самимъ захочется получить «три аршина земли».

Можно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать и надѣяться на «малый разумъ»? Очевидно, что для противниковъ «малаго разума» открывались широкія перспективы: сказать о смерти особенное, нужное, значительное и серьезное, чего не сумѣли наука и ея прислужники.

И на самомъ дѣлѣ всѣ крупнѣйшіе попытались такъ или иначе перевѣдаться съ вопросомъ живущихъ о Смерти.

Были ли эти попытки счастливѣе прежнихъ?

Мы это не разъ видѣли, ибо не разъ при случаѣ отмѣчали.

Въ лучшемъ случаѣ откровенія были такъ же, очевидно, безнадежны, какъ и раньше. Но порой они были забавны по своей крошечной дерзновенности. Это бывало какъ разъ тогда, когда художники давали волю своему безсознательному творчеству и пытались заразить читателя настроеніемъ по ту сторону малаго разума.

Напомнимъ вкратцѣ то, что мы читали объ этомъ у виднѣйшихъ и талантливѣйшихъ.

Труднѣе всѣхъ было, конечно, положеніе Бориса Зайцева. Ему такъ хотѣлось волей своего творчества заставить «обрадоваться

жизни. Онъ пѣвецъ радости: жить, жить и жить; а тутъ: старость въ союзѣ съ болѣзнью, способная уничтожить какую угодно радость жизни... А за старостью—смерть!—Вотъ хоть бы Лисичка, жена Миши («Миѳъ»). Сейчасъ она «пѣннорожденная»: до такой степени хороша. Она спитъ, и автору кажется, что она не просто спитъ подъ одѣяломъ; нѣтъ, ему кажется, что она тамъ, подъ одѣяломъ, лежитъ «въ розоватомъ дыму». Но пройдетъ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ! Гдѣ тогда будетъ этотъ розоватый дымъ, подсказываемый воображенiемъ, какъ нѣчто законное и достойное тѣла Лисички?

Какъ при такихъ условiяхъ обрадоваться жизни и радоваться ей ежечасно, ежеминутно, ежедумно и ежечувственно?

Авторъ Лисички нашелъ выходъ. Онъ отмѣнилъ на будущее и старость, и смерть! Не только исключительная Лисичка будетъ пѣннорожденною, но и всѣ будутъ пѣннорожденными. И пѣннорожденными, и пѣнноживущими! Герой г. Зайцева совершенно серьезно излагалъ женѣ свои мечты о томъ, какъ впредь Лисички будутъ снабжены за счетъ беллетристовъ «плывучимъ» тѣломъ! Вотъ этотъ неподражаемый отрывокъ изъ «Миѳа»:

«...людямъ незачѣмъ становиться безплотными духами,—наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ, плывучимъ и нѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка, *портиться то не можетъ.* Оно будетъ какъ-то мягко кипѣть, пѣниться и вмѣсто смерти—таять, а можетъ и таять не будетъ, и умирать не будетъ».

Вотъ какiя беллетристическiя тѣла установилъ г. Зайцевъ четыре года назадъ въ цѣляхъ упраздненiя старости и смерти. И онъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ тѣла будутъ только кипѣть, то, конечно, правъ авторъ, утверждая, что такiя тѣла «портиться» не будутъ. Кипяченiе, въ этомъ отношенiи, средство давно испытанное. Одного, повидимому, не предвидѣлъ авторъ: людямъ съ непортящимися «плывучими» тѣлами придется, вѣроятно, жить въ бокалахъ, какъ замѣтилъ одинъ скептикъ.

Леонидъ Андреевъ не принадлежитъ къ числу радующихся о жизни, но и онъ, подобно Борису Зайцеву, мечтаетъ объ уничтоженiи смерти. У него тоже мечта, но весьма отдаленная и неясная: о вторичномъ пришествiи на землю «Iисуса» совмѣстно съ «Iудой».—Тогда совершится общее чудо преображенiя жизни на землѣ. Тогда же будетъ—по Л. Андреву—побѣждена смерть.

Та же забота—избыть смерть—владѣетъ Сергѣевымъ-Ценскимъ. Онъ—авторъ «Мертвецкой» и «Смерти», цѣлой драмы въ пяти дѣйствiяхъ. Для него вся жизнь не что иное, какъ мертвецкая, и радости въ жизни—радости въ мертвецкой. При этомъ, въ отличiе отъ Б. Зайцева и Л. Андреева, онъ не отваживается мечтать объ уничтоженiи смерти, когда бы то ни было.

Естественно, что для Сергѣева-Ценскаго возможно только одно: можно забыть о смерти или—выражаясь его языкомъ—«смѣ-

яться надъ смертью, забросавъ ее цвѣтами». Этотъ планъ онъ и влагаетъ въ уста дѣвушки, героини «Смерти»... Какъ выполнить этотъ планъ? Героиня «Смерти» не отказывается точно формулировать проблему. По ея словамъ, это очень «просто»: надо забыть о всякой закономѣрности, тяготѣющей надъ жизнью, и о всякой необходимости, гнетущей радость вымысла. Пусть правы тѣ, кто именуетъ законы необходимости желѣзными,—все-таки нужно забыть объ этихъ законахъ и жить «сказками», по точному выраженію дѣвушки.

Авторъ «Смерти» заставилъ героиню отстаивать этотъ планъ передъ своимъ женихомъ, передъ человѣкомъ, ожидающимъ смерти не позже какъ черезъ годъ: у него что-то съ сердцемъ, какой-то дефектъ сердечнаго клапана. Героиня утверждаетъ, что и для него всего лучше: ничего не понимать, ничего не объяснять себѣ и уйти въ область вымысла—«сказокъ».—«Не надо»!—останавливаетъ она попытки разобраться.—«Зачѣмъ объяснять! Сказки есть! И не надо объяснять сказокъ! Развѣ кто объяснилъ? Развѣ легче?»—выкрикиваетъ истерически дѣвушка.

Ну, а порокъ сердца? И это ничего. Дѣвушка плача увѣряетъ любимаго человѣка, что сказка хорошее средство и противъ дефектовъ въ клапанѣ. Она увѣряетъ обреченнаго на смерть: «Нужно вѣрить въ чудо, и чудо будетъ... Клапанъ говоришь?.. Срастется клапанъ... Выростетъ новый клапанъ, какъ хвостъ у ящерицы... *Какъ просто,* милый мой!..»

Намъ уже приходилось говорить о двойственномъ впечатлѣніи отъ пьесы г. Сергѣева-Ценскаго... Съ одной стороны, впечатлѣніе серьезное.

Дѣвушка, плача увѣряющая, успокаивающая близкаго человѣка сказкой,—возможностью уйти въ вымыселъ и сказкой заслонить отъ себя смерть,—почти трогательна. А съ другой стороны... Но право, вѣдь не она придумала этотъ утѣшительный „хвостъ ящерицы". И придумала не она, и не она увѣряетъ, будто все это очень «просто»: стоитъ «только» ничего не помнить и ничего не знать кромѣ сказокъ, стоитъ «только» объявить космосъ на положеніи повседневныхъ чудесъ, и на лицо простая возможность „радоваться" при всякихъ условіяхъ.

Серьезенъ авторъ „Смерти", но еще серьезнѣе г. Сологубъ.

И Зайцевъ, и Андреевъ, и Ценскій искали освобожденія отъ смерти или страха смерти. Сологубу этого не нужно. Ему не нужно кипѣнія тѣла; ему не нужно, чтобы у него выросло что-нибудь, какъ хвостъ у ящерицы. Онъ—просто любитель смерти.

Эта любовь къ смерти была не понята. Такъ же непонятна, какъ непонятно было, что Триродовъ собирался улетѣть *на луну.* Вы помните? это было тогда, когда актеръ Островъ въ „Навьихъ Чарахъ" угрожалъ Триродову доносомъ по начальству о какой-то уголовщинѣ, съ перспективой каторги для Триродова.

Любовь къ смерти? Бѣгство отъ судебнаго преслѣдованія на луну?

Оказалось, все это—серьезно и очень „просто". Улетѣть на луну? Почему же нѣтъ? Стоитъ только достаточно цѣлесообразно *перевоплотиться*, въ родѣ Елисаветы, перевоплотившейся въ Ортруду, или Ортруды, перевоплотившейся въ Елисавету. Вотъ и все...

Тѣмъ самымъ просто разъяснилась и любовь къ смерти. Оказалось, что никакой смерти въ сущности нѣтъ, а есть только переселеніе душъ—куда угодно, а въ частности и на луну.

При такихъ условіяхъ въ смерти, естественно, нѣтъ ничего страшнаго, что пугало другихъ, вышеупомянутыхъ беллетристовъ.

Ѳ. Сологубъ уже много разъ упоминалъ объ этомъ въ „Капляхъ крови".

> — Право, не знаю, почему, но мнѣ кажется, что въ той стѣнѣ была дверь. Не знаю, гдѣ это было... и когда... Словно *въ одномъ изъ раннихъ переживаній*... Не знаю, гдѣ".

Это—слова Елисаветы, почувствовавшей потайную дверь въ кабинетѣ Триродова.

> „И сквозь темный ужасъ и безумный смѣхъ все яснѣе просвѣчивало воспоминаніе мгновенно *пережитой иной жизни*, все яснѣе вспоминалась жизнь королевы Ортруды".

Это—слова самого автора; въ тѣхъ же „Капляхъ крови". Итакъ, онъ уже тогда предупреждалъ о какомъ-то единствѣ и перевоплощеніи душъ Елисаветы и Ортруды. Трудно было только догадаться, кто въ кого: Елисавета—въ Ортруду или Ортруда въ Елисавету?

Но на эти слова Ѳ. Сологуба о душесовмѣщеніяхъ и душепереселеніяхъ какъ-то мало обращали вниманія. Слишкомъ сильна была творимая легенда о немъ, какъ о поэтѣ, трагически влюбленномъ въ свое собственное уничтоженіе, въ свою собственную смерть—безъ всякихъ оговорокъ.

Оказалось, все это ничуть не бывало. Смерть для Ѳедора Сологуба ничуть не уничтоженіе и ничуть не трагична. Это „просто"— средство разсѣяться и расширить до безконечности свои душевныя переживанія. Жилъ, жилъ въ одномъ тѣлѣ; надоѣло — въ буквальномъ смыслѣ до смерти—переселился въ другое... Вотъ и вся „смерть".

Авторъ „Мелкаго бѣса" повѣствовалъ объ оборотняхъ и душевселеніяхъ сначала отъ имени Передонова. Какъ вы знаете, этотъ вѣдь крѣпко вѣрилъ въ оборотня Володина, который могъ поселиться и въ баранѣ, и въ немъ, статскомъ совѣтникѣ Передоновѣ... И если онъ боялся доносовъ со стороны кота, то это вовсе не такъ смѣшно, если котъ былъ тоже оборотень. Оборотень вѣдь, несомнѣнно, могъ «примяукать» жандармскому полковнику то, чего вовсе не было, какъ боялся Передоновъ.

И это, повторяемъ, совсѣмъ не смѣшно. Читатели этого, однако,

не знали и смѣялись надъ бѣднымъ слабоумнымъ преподавателемъ гимназіи.

Читатели не знали, что они надъ собой смѣялись... Понятно, кто же тогда, читая про оборотней въ „Мелкомъ бѣсѣ", могъ подумать что Ѳ. Сологубъ впослѣдствіи разскажетъ про оборотней и про переселеніе душъ уже не отъ имени Передонова, а отъ своего собственнаго?

А онъ именно это и сдѣлалъ, написавъ „Собаку" и циклъ личныхъ признаній въ „Пламенномъ кругѣ».

Разсказъ о швеѣ, которая выходила по ночамъ и по собачьи выла на четвереньках, пока ее кто-то не убилъ, — былъ написанъ серьезно, и читатели уже не рѣшались смѣяться, видя подъ разсказомъ подпись Ѳедора Сологуба!.. Что же: возможно, если, на самомъ дѣлѣ, душа собаки переселилась въ швею. Ну, и завыла... Въ порядкѣ вещей.

Мы даже узнаемъ – непосредственно отъ автора—нѣкоторыя подробности о быломъ злополучной швеи-собаки. Авторъ едва-едва приподнимаетъ завѣсу тайны, но все таки дѣлаетъ яснымъ, что бывшая собака, а теперешняя закройщица «Александра Ивановна» жила когда-то раньше въ дикомъ состояніи, въ «широкой, пустынной степи»...

Узнаемъ также, но уже не отъ автора, а отъ самой швеи, что ея судьба не представляетъ ничего особеннаго.

Рѣчь идетъ о младшей мастерицѣ Татьянѣ, угадавшей въ закройщицѣ бывшую собаку.

«Ну, собака, и пусть собака,—думала Александра Ивановна,—а ей то что за дѣло? *Вѣдь я не развѣдываю; кто она* (обидчица—мастерица Татьяна), змѣя или тамъ лисица, что ли,—и не подсматриваю, не выслѣживаю, кто она. Татьяна, и дѣло съ концомъ. *Обо всѣхъ можно узнать*, а только зачѣмъ ругаться? Чѣмъ собака хуже кого другого»?

«*Обо всѣхъ* можно узнать»... Это оказалосъ въ изображеніи Ѳ. Сологуба настолько вѣрно, что уже на слѣдующей страницѣ Александра Ивановна «узнала» объ одной знакомой старухѣ, что та, дѣйствительно—«ворона».

При такихъ условіяхъ закройщица оказывалась правой и въ другомъ отношеніи; очевидно, что собачье прошлое никому не можетъ быть укоромъ...

Тѣмъ больше, если принять въ серьезъ стихотворныя признанія автора въ «Пламенномъ кругѣ». Вѣдь совершенно аналогичный случай былъ какъ разъ съ нимъ, Ѳ. Сологубомъ. Онъ *самъ* былъ когда-то собакой. Только не простой. Онъ былъ собакою любимой одного сѣдого короля («Собака сѣдого короля»).

И это до сихъ поръ *сказывается* на немъ. Сочувственная критика — въ «Аполлонѣ» — поддержала это лирическое признаніе и

удостовѣрила, что авторъ «Собакъ», дѣйствительно, какъ-то странно «принюхивается» ко всему... Это—особенность его творчества.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Г. Сологубъ живетъ «паки», какъ онъ выражается, и очень недоволенъ:

Ну—вотъ, живу я паки,
Но тошенъ бѣлый свѣтъ:
Во мнѣ душа собаки,
Чутья же вовсе нѣтъ...

Это не единственное переживаніе, о которомъ разсказано въ «Пламенномъ кругѣ». Ихъ было много и о каждомъ изъ нихъ Ѳ. Сологубъ сохранилъ ясныя воспоминанія.

Онъ жилъ въ древней Греціи... Фриной! Той самой! Онъ помнитъ, какъ былъ преданъ суду и какъ вмѣсто всякихъ защитительныхъ рѣчей раздѣлся и предъявилъ себя суду, въ чемъ «мамаша» — говоря интимнымъ языкомъ г. Розанова — родила! И пораженные судьи—какъ извѣстно—оправдали автора «Пламеннаго Круга!»

Въ средніе вѣка онъ былъ палачемъ. Было это въ Нюренбергѣ и произошло случайно. Шелъ мимо лобнаго мѣста во время казни. Прельстила «томная усталость сѣдого палача». Сталъ самъ палачемъ. Но «алость казнящаго меча» не долго была привлекательной. Нюренбергскій палачъ скоро узналъ, сколько скуки въ его искусствѣ, и для развлеченія принужденъ былъ сѣчь своего собственнаго сына... Выводъ для сочувственной критики напрашивается самъ собою.—Вотъ почему авторъ и сейчасъ, лѣтъ черезъ 400, все еще любитъ посѣчь; то въ прозѣ, то въ стихахъ; то гимназистовъ въ участкѣ, то возлюбленную свою, какъ онъ удостовѣрилъ это въ стихахъ:

Разстегни свои застежки, и завязки развяжи,
Тѣло жаждущее боли, нестыдливо обнажи.
Опусти къ узорамъ темнымъ отуманенный твой взоръ,
Закраснѣйся, и засмѣйся, и ложися на коверъ.
Чтобы тѣло безъ помѣхи долго, долго истязать,
Надо руки, надо ноги крѣпко къ кольцамъ привязать.
Чтобы глупые сосѣди не пришли на насъ смотрѣть,
Надо окна занавѣсить, надо двери запереть.
Чтобы воплей не услышалъ ни добрякъ, ни лицемѣръ,
Надо плотно оградиться глухотой нѣмыхъ портьеръ...

Вы прерываете вопросомъ?—Ну, былъ Фриной, былъ палачемъ, былъ собакой, а теперь живетъ паки и не имѣетъ чутья, почему пишетъ «Собаку» и «Огорченную невѣсту». Ну, что же изъ этого?

А изъ этого слѣдуетъ многое. Во-первыхъ, «смерти», на которой создалъ Ѳ. Сологубъ свою репутацію *трагическаго* лирика, не существуетъ. Во-вторыхъ, не существуетъ «позаимствованій». Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ возможность позаимствованій, если беллетристы

оказываются одаренными способностью блуждать по чужимъ душамъ? И какъ опредѣлить, гдѣ одна душа начинается и гдѣ другая кончилась?

До сихъ поръ «другъ Горацiо» неправильно полагалъ, что передъ нимъ очевидное «позаимствованiе», если одинъ писатель говорилъ слишкомъ похоже на другого, мертваго или живого. Но теперь все это отпадаетъ. Всегда возможно вселенiе и переселенiе душъ, съ ихъ роковыми послѣдствiями. Переселится душа собаки—вмѣстившiй ея душу волей-неволей «принюхивается». Переселится душа Фрины—вмѣстившiй полюбитъ обнаженное женское тѣло и будетъ мечтать о короткихъ женскихъ юбкахъ. Переселится душа стараго писателя—волей неволей будутъ звучать вновь старые мотивы, старыя красивыя слова. Это логика фактовъ.

Во всякомъ случаѣ переселенiе душъ многое объясняетъ въ творчествѣ Ѳ. Сологуба.

Забавнѣе всѣхъ въ этомъ отношенiи оказалось положенiе того читателя, который обратился — годъ тому назадъ — въ редакцiю «Биржевыхъ Вѣдомостей» съ насмѣшливымъ письмомъ по поводу «Снѣгурочки» Ѳ. Сологуба:

Какъ пишутся рождественскiе разсказы.

«Беру старую всѣми забытую сказку и творю изъ нея сладостный рождественскiй разсказъ, ибо я Ѳедоръ Сологубъ».

Въ рождественскомъ номерѣ «Рѣчи» помѣщенъ разсказъ Ѳедора Сологуба: «Снѣгурочка»; въ сборникѣ «Алмазы», изданномъ въ Петербургѣ въ 1868 году, помѣщена сказка Гауторна «Дѣвочка изъ снѣга».

Прочтите оба, — и вы узнаете, какъ пишутся рождественскiе разсказы.

Никъ Картеръ.

Редакцiя напечатала это письмо съ замѣчанiемъ, что сличенiе текстовъ устранило, для редакцiи, возможность «говорить о простомъ сходствѣ и даже параллелизмѣ творчества».

Все это—конечно, смѣшное—недоразумѣнiе отъ того, что никому не пришло въ голову спросить себя: а что если въ 1868 году авторъ «Снѣгурочки» былъ Гауторномъ.

Допустите это и, очевидно, нѣтъ мѣста для насмѣшливыхъ писемъ.

Еще допустите, что Ѳ. Сологубъ побывалъ и братьями Гриммами. Въ такимъ случаѣ станетъ понятно, что его «Ночныя пляски» такъ похожи на пересказъ извѣстной сказки: «Истоптанные башмаки». И окажутся правы тѣ газетные критики, которые восхваляли по поводу «Ночныхъ плясокъ» необычайную, на рѣдкость оригинальную, чисто «Сологубовскую» фантастику, а о Гриммахъ совсѣмъ не упоминали.

Возможенъ, однако, и болѣе сложный переплетъ событій.

Мы уже упоминали мимоходомъ о крайнемъ усложненіи переселенія душъ въ послѣднихъ частяхъ «Творимой легенды». Съ одной стороны, въ «Капляхъ крови» главная героиня Елисавета «вспоминаетъ» королеву Ортруду; съ другой стороны, въ «Королевѣ Ортрудѣ» эта послѣдняя «вспоминаетъ» Елисавету. Въ результатѣ нѣтъ возможности рѣшить, кто же изъ двухъ жилъ раньше?.. Повидимому, живутъ одновременно, т. е. кромѣ осѣдлыхъ душепереселеній приходится допустить нѣчто въ родѣ кочеванія душъ, закрѣпощенія ихъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ... Если наша догадка правильна, въ такомъ случаѣ разъясняется кое-что въ самомъ текстѣ «Королевы Ортруды».

Уже давно мы получили со стороны указаніе, что революціонно-идейный разсказикъ г. Сологуба: «Царица поцѣлуевъ» весьма родственъ по содержанію одному эпизоду въ романѣ «Безсмертный идолъ» одного, несомнѣнно, бульварнаго парижскаго писателя.

Сходство, дѣйствительно, оказалось. Но мы не придали этому значенія. Мало ли въ чемъ умы могутъ сходиться.

Но когда появились «Навьи чары» и «Капли крови», гдѣ авторъ употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы оказаться на высотѣ необычайной выдумки à la «Сологубъ»,—мы были нѣсколько удивлены. Парижскій maître какъ будто предвосхитилъ нѣкоторыя оригинальныя и красочныя выраженія автора «Творимой легенды»... Напримѣръ, у г. Сологуба выходило очень сочно, какъ выражаются живописцы, когда онъ говорилъ о «двухъ рубинахъ» на женскихъ грудяхъ или объ «алыхъ и бѣлыхъ розахъ» на обнаженномъ женскомъ тѣлѣ. Но тѣ же выраженія оказались и у парижскаго спеціалиста: у него говорится и о «двухъ природныхъ рубинахъ» и о «розахъ». Даже знаменитыя туники до колѣнъ есть и у французскаго писателя.

Кому принадлежалъ пріоритетъ этихъ «сочныхъ» выраженій—французскому мастеру или русскому—судить было трудно.

Заинтересованные страннымъ созвучіемъ французской порнографіи и русскаго идейнаго романа, мы попытались навести болѣе точныя справки, что за писатель—авторъ «Безсмертнаго идола».

Оказалось, что Victorien de Saussay не значится въ словаряхъ и не знакомъ писателямъ, хорошо освѣдомленнымъ во французской литературѣ. Никто не зналъ про Saussay кромѣ того, что онъ написалъ «Дневникъ кушетки», получившій скандальную извѣстность.

Сущность «Безсмертнаго идола» гармонировала съ этой извѣстностью.

Рѣчь идетъ о какой-то эрцгерцогинѣ, убившей по романическимъ причинамъ своего мужа и на спеціальномъ кораблѣ отправившейся искать необычайныхъ эротическихъ впечатлѣній... Въ этомъ авторъ ей охотно услужилъ, сдѣлавъ бѣжавшую эрцгерцо-

гиню «царицей поцѣлуевъ» при совершенно непередаваемыхъ условіяхъ...

Наконецъ, вышла изъ печати «Королева Ортруда». Здѣсь уже не было никакихъ сомнѣній. На лицо оказалась цѣлая сцена изъ «Безсмертнаго идола», пересказанная съ сохраненіемъ и общей канвы, и отдѣльныхъ характерныхъ выраженій. Не было сомнѣнія, что г. Сологубъ volens-nolens имѣлъ еще одно перевоплощеніе.

Мѣсто дѣйствія въ обоихъ случаяхъ одно и то же: древній дворцовый замокъ. Впрочемъ, это не совсѣмъ точно: въ обоихъ случаяхъ мѣсто дѣйствія — длинный таинственный коридоръ этого древняго замка.

Дѣйствующее лицо также одно и то же: юная дѣвушка въ одной сорочкѣ.

Обстановка также совпадаетъ до мелочей. Дѣло происходитъ ночью, во время грозы. сильнѣйшей грозы (въ обоихъ случаяхъ).

Кончается сцена тоже аналогично: дѣвушки въ обоихъ случаяхъ наталкиваются на жуткія встрѣчи.

Но самое характерное въ этомъ совпадающемъ разсказѣ съ грозой при жуткой обстановкѣ, это еще и тождественность выраженій, яркихъ и красочныхъ. Всѣ яркія мѣста одни и тѣ же и въ «Безсмертномъ идолѣ», и въ «Королевѣ Ортрудѣ».

Вотъ для сравненія оба варіанта сцены въ коридорѣ. Слѣва то, что подписано именемъ Θ. Сологуба; справа то, что принадлежитъ Saussay.

Испуганная Имогена вскочила съ *постели*. Сама не помнила, какъ выскочила въ коридоръ, и бросилась *бѣжать куда попало*... *Развились волосы* невѣдомой плясуньи и бились въ быстромъ *бѣгѣ* по ея плечамъ...	Страхъ вырвалъ ее изъ *постели* и заставилъ *бѣжать* въ безумномъ ужасѣ... *сама не зная куда*. Густые и очень длинные золотистые *волосы развиваются* при ея *бѣгѣ*...
Вѣтеръ, *врываясь* въ *коридоры* сквозь *выбитыя* кое-гдѣ *стекла*, взвѣвалъ ея сорочку и стремительнымъ *холодомъ* обвивалъ ея горячее тѣло.	..Отыскиваетъ возможность вырваться изъ этого *коридора*, въ который теперь *врываются* чрезъ *разбитыя окна* хлопья снѣга и потоки *холода*.
При свѣтѣ быстрыхъ молній *ея глаза* горѣли, какъ огни *изумрудовъ*. Имогена *бѣгала* по коридорамъ, то въ одну, то въ другую сторону.	При каждомъ отблескѣ молніи *ея глаза* мечутъ отблескъ *изумруда*; она *бѣжитъ* и затѣмъ опять возвращается, ища помощи...
Подумала, что надо *вернуться*. Пошла куда-то... Долго блуждала по *коридорамъ* и все *не могла найти* своей двери...	Она хочетъ теперь *вернуться* въ свою комнату, но *не можетъ найти* ея среди длинныхъ *коридоровъ*.
Много *дверей* было вдоль ея бѣга по коридору. Но ни одной она не могла отворить,—всѣ были *заперты* крѣпко.	*Двери* попадаются ей то тамъ, то сямъ, но онѣ наглухо *заперты*..
Наконецъ, одна изъ нихъ уступила отчаяннымъ усиліямъ Имогены. *За этой дверью* открылся *еще коридоръ*...	Одна дверь подалась, *наконецъ*, подъ давленіемъ ея ослабѣвшей руки. *За этой дверью* оказался *опять коридоръ*...
Имогена *остановилась*... Робко *прислушивалась*. *Тихо* пошла по коврамъ.	Она стала *прислушиваться*... *стоя* у двери... Она шла *тихими* шагами...

Ея *сердце* неровно и *сильно билось*. Ея *дѣвственная грудь* трепетала подъ тонкимъ полотномъ сорочки. *Въ ея ушахъ тумѣла кровь и стучала въ виски.*	*Сердце сильно бьется* въ ея груди, и ея *полуразвитыя груди* вздрагиваютъ... *кровь стучитъ ей въ виски и шумитъ въ ея ушахъ...*

Какъ разъ въ этотъ же моментъ — въ *обоихъ* случаяхъ — дѣвушки вспоминаютъ таинственныя легенды. Героинѣ de Saussay эти легенды просто вспоминаются, заставляя бояться тайныхъ проваловъ въ озеро (замокъ на Констанцкомъ озерѣ). У Ѳ. Сологуба дѣло обстоитъ менѣе опредѣленно: дѣвушкѣ «почему-то вспоминались старыя преданія королевскаго дома» *).

Читатель, вѣроятно, не раздѣлитъ этой неувѣренности Ѳ. Сологуба на счетъ «почему-то вспоминались».

На самомъ дѣлѣ: почему же *Елизавета* (не думайте, что это обычная героиня Сологуба; это—героиня приведенной сцены у Saussay) могла вспомнить, а Имогена, героиня Ѳ. Сологуба, въ тождественной сценѣ — не могла? Не было причинъ выбросить эту подробность, вѣющую столь пріятной таинственностью.

Но, конечно, honny soit qui mal y pense — да будетъ стыдно тому, кто дурно объ этомъ подумаетъ.

Душепереселеніе имѣетъ свои судьбы.

Счастье еще, что г. Сологубъ въ своихъ душепереселенческихъ скитаніяхъ по Saussay, не вынесъ изъ него больше, — захвативъ только «изумруды», глазъ, «рубины» женскихъ грудей и «розы» женскаго тѣла, прочіе же брильянты оставивъ самому Saussay.

Но вы, быть можетъ, скажете: а «царица поцѣлуевъ» — у г. Сологуба и «поцѣлуи» команды цѣлаго корабля—у г. Соссей? Мы должны на это сказать, что въ данномъ случаѣ ничего не можетъ быть доказано точнымъ путемъ. Поэтому всякія догадки несправедливы. И въ данномъ случаѣ мы имѣемъ скорѣе всего опытное доказательство—les beaux esprits se rencontrent.

Но и безъ «царицы поцѣлуевъ» довольно мы видѣли чудеснаго и таинственнаго. Ибо ожидали вкусить нѣчто необычное отъ революціоннаго эстетизма и безсознательныхъ прозрѣній, не скованныхъ узкимъ критицизмомъ, а вкусили нѣчто обычное отъ сознательной парижской порнографіи.

Таковы трагическія послѣдствія миграціонной способности человѣческой души.

Но мы слишкомъ долго остановились на практическихъ послѣдствіяхъ переселенія душъ. Это, собственно, не наша непосредственная задача.

Вернемся къ ней.

---

*) Мы вездѣ приводили выписки по русскому переводу; курсивомъ отмѣчены слова, буквально совпадающія въ „Ортрудѣ“ и переводѣ „Идола“.

Вся сцена помѣщается у автора „Ортруды“ на протяженіи немногимъ больше одной страницы, а у de Saussay на двухъ, но меньшаго формата.

Переселеніе душъ!! Серьезно ли это? Вѣдь передъ нами только поэтъ и творецъ легендъ.

Въ такомъ случаѣ—вотъ серьезная статья, подписанная В. В. Розановымъ.

Это уже не поэтъ. Это—философъ, приглашенный высказаться о смерти въ сборникѣ «Смерть» въ качествѣ авторитета какъ разъ по такимъ вопросамъ. Тѣмъ интереснѣе, что онъ высказался за переселеніе душъ, какъ и авторъ «Ортруды».

Въ интимно-задушевномъ стилѣ г. Розановъ подробно разсказываетъ объ одномъ событіи изъ своей семейной жизни. Ему случилось какъ-то побывать на островѣ Эзелѣ въ Аренсбургѣ. Поѣздка была вызвана послѣ-операціоннымъ состояніемъ жены. Спокойный нѣмецкій курортъ какъ нельзя лучше подходилъ для того, чтобы отдохнуть и окрѣпнуть душой послѣ выдавшейся тяжелой полосы жизни. И вотъ однажды, взявъ свою дочь за руку—всѣ эти подробности указываетъ В. В. Розановъ—онъ пошелъ гулять...

Вдругъ—*необыкновенная* птичка!—все такъ же подробно разсказываетъ авторъ:

«Всего шагахъ въ шестнадцати, и не болѣе тридцати—бѣжала птичка. Должно быть, въ Аренсбургѣ нѣсколько иная фауна: такой я никогда не видалъ. Необыкновенно стройная, узенькая, съ умѣренно длиннымъ хвостомъ, держа прямо головку передъ собою, она бѣжала и бѣжала передъ нами.

Я думалъ, по мѣрѣ нашего шага, она вспорхнетъ и улетитъ: но она не улетала.

Что-то желтенькое, сѣрое, синее въ перышкахъ, кажется полосы: она была красива и *мила* *).

«Вотъ не улетаетъ...», удивился я. И сталъ смотрѣть на птичку, а не на дорожку.

Я иду и она бѣжитъ.

Иду дальше, дальше, много прошелъ: птичка все передъ нами шагахъ въ двадцати.

«Она гуляетъ съ нами».

«...Мамаша!» Кому же быть, какъ не мамашѣ!—осѣнило вдругъ В. В. Розанова. *Такая же* маленькая, худенькая (птичка), какъ была и при жизни («мамаша») и къ тому же самый серьезный поводъ, чтобъ прилетѣть на островъ Эзель: нужно повидать и подбодрить В. В. Розанова по поводу тяжелой полосы пережитыхъ дней.

И какъ же былъ радъ В. В. Розановъ этому свиданію, если вѣрить «Смерти»!

Ему казалось, что птичка-мать говорила, почти говорила.

«Я отпросилась оттуда и прилетѣла сюда взглянуть и побыть

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

съ тобою... Я сейчасъ улечу... Но пока побѣгу еще впередъ и посмотрю на тебя и внучку».

«Можетъ быть—размышлялъ В. В. Розановъ—это были мои мысли? Но можетъ быть, это—птичка внушила? Такъ и не такъ: съ необыкновенной ясностью я пережилъ полную увѣренность, что это душа матери—такая страдальческая—переселилась теперь въ легкую птичку, въ «легкую» по контрасту съ ея страданіемъ и въ вознагражденіе за него, и вотъ въ такую особенную минуту жизненнаго перелома».

Такъ какъ В. В. Розановъ—философъ, то онъ не только «пережилъ полную увѣренность, но сейчасъ же вспомнилъ, что такъ вѣрятъ въ Индіи, въ «перевоплощеніе душъ», и отдалъ себѣ ясный отчетъ въ этомъ необычайномъ фактѣ: «какъ странно, что я въ Аренсбургѣ, и питомецъ московскаго университета, а вѣрю и *знаю и чувствую* *), какъ тамъ. въ Индіи».

Казалось бы, цивилизація не можетъ «качаться», но вотъ она «покачнулась» въ его душѣ. Ибо передъ нимъ *фактъ*.

«Что такое?»

Въ душѣ совершилось какъ бы качаніе цивилизаціи.

«Но вѣдь это же *правда* *), это—*душа мамаши*: отъ этого такъ тепло въ груди, и такая ясность взгляда, глаза»?

Все это возможно, но все таки почему въ такихъ случахъ должно быть ясно и радостно на душѣ? Хорошо В. В. Розанову: его мамаша переселилась въ птичку неизвѣстной породы. Но каково будетъ положеніе того, чья мамаша переселится въ рябчика или другую «дичь», и его осѣнитъ, какъ В. В. Розанова, но слишкомъ поздно, когда прилетѣвшая повидаться мамаша окажется поданной на столъ. подъ соусомъ, въ аренсбургскомъ пансіонѣ? Тогда вѣдь и качаніе цивилизаціи не принесетъ успокоенія?

Какъ видите, дѣло все же серьезное. Не теорія какая-нибудь отъ малаго разума, а истинное происшествіе. Люди готовы притвориться настолько элементарными, что въ серьезъ готовы стать буддистами и повѣрить въ птичку-мамашу и «Собаку»-Сологуба!.. Всего какихъ-нибудь пять лѣтъ назадъ самый легковѣрный читатель разсмѣялся бы, если бы ему сказали, что онъ будетъ въ серьезъ читать объ оборотняхъ и о томъ, что «обо всѣхъ можно узнать», кто кѣмъ былъ. А теперь даже серьезнѣйшіе читаютъ и боятся признаться, что имъ не совсѣмъ по себѣ при чтеніи этихъ образчиковъ.

Но всетаки—въ серьезъ это или нѣтъ? На такіе вопросы довольно трудно отвѣтить. Ибо, если судить по отношенію авторовъ и читателей ко «вчерашнимъ» прозрѣніямъ и самооткровеніямъ, то современная литература въ значительной мѣрѣ есть l'art de causerie. Ко «вчерашнимъ» прозрѣніямъ никто серьезно не отно-

*) Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ.

сится; на всякій очередной день есть свои очередныя прозрѣнія... Вспомните половую проблему, вспомните интересъ, который возбуждался пресловутымъ г. Кузминымъ! Кому они, эти вчерашнія «прозрѣнія», сейчасъ нужны? Но если судить по отношенію къ проблемамъ «сегодняшнимъ», то отношеніе все-таки серьезное. Авторы, мы это видѣли, совершенно серьезно прислушиваются ко всякому своему слову въ разсчетѣ, что имъ удастся что-то подслушать у самихъ себя въ моментъ «безсознательности»—ослабленія самокритики... Можетъ быть, въ томъ-то и суть!.. А читатели въ свою очередь серьезно «сегодня» прочитываютъ, а «завтра» забываютъ. И потому, какъ это ни странно, но и душепереселенческое движеніе—движеніе серьезное.

Переоцѣниваются всѣ цѣнности. Дошла очередь и до смерти.

Къ счастью, выходъ утѣшительный. Если мы повѣримъ въ розановскую мамашу и перевоплощеніе Сологуба, то смерть упраздняется. Это значитъ, что упраздняется небытіе, со всѣми его непріятностями для сущихъ въ жизни и думающихъ о своемъ предѣлѣ. Равнымъ образомъ, упраздняются и вопросы, которые такъ занимаютъ Д. С. Мережковскаго и церковниковъ.

Все это, за минованіемъ надобности, упраздняется и замѣняется, впредь до указаній опыта, переселеніемъ душъ.

Есть вѣдь два опозоренныхъ знаменитыхъ текста. Одинъ: она много любила и многое простится ей. Другой: много есть вещей, другъ Горацію, о чемъ не снилось мудрецамъ. Кто, кто этой фразы не оскорблялъ. И сейчасъ это одна изъ ходовыхъ фразъ, которая пускается въ оборотъ для объясненія всякой нелѣпости... Много вѣдь есть, на самомъ дѣлѣ, чего не снилось мудрецамъ. И первое, чего не снилось, вѣроятно, никому лѣтъ пять тому назадъ, это, что въ зиму отъ Рождества Христова 1910-ю будутъ говорить о двухъ вещахъ: объ аэропланахъ и о переселеніи душъ!.. Какая въ самомъ дѣлѣ идиллія: полетятъ дирижабли, монопланы, бипланы; на нихъ—побѣдные воздухоплаватели, а вокругъ нихъ—пернатыя мамаши и бабушки въ перьяхъ: щебечутъ, свистятъ и ловятъ кормъ изъ рукъ своихъ сыновей и внуковъ!

Все это мало вѣроятно было еще вчера. Но сегодня какъ будто фактъ: В. В. видѣлъ свою мамашу; въ библіотекахъ появился спросъ на старый разсказъ Апухтина съ переселеніемъ душъ и выселеніемъ всякаго правдоподобія; К. Бальмонтъ въ XI книгѣ «Шиповника» горячо рекомендуетъ отрывки изъ драмы Словацкаго, гдѣ развивается «идея перевоплощенія»; тамъ воскресаетъ къ жизни, послѣ 3.000 лѣтъ, проведенныхъ въ саркофагѣ, перевоплощенный сынъ фараона Рамзеса. Намъ случилось видѣть и современную повѣсть, написанную, повидимому, въ ремесленномъ разсчетѣ на настроеніе. Называется она: «На вершинахъ знанія»; снабжена эпиграфомъ изъ древне-индусскихъ священ-

ныхъ книгъ; содержаніе—вселеніе чужой души, вампиръ и проч.*). И знаете, гдѣ это все происходитъ? Въ Петербургѣ, на Каменноостровскомъ проспектѣ; не указанъ только номеръ дома... Происходятъ такія чудеса, что одинъ изъ героевъ—профессоръ, представитель бѣдной критической мысли, только руками разводитъ.

И въ частныхъ бесѣдахъ люди, совершенно не запинаясь, произносятъ слова: переселеніе душъ...

«Завтра» это будетъ образчикомъ литературной causerie.

Но «сегодня» это еще «серьезно».

За какой «проблемой» очередь теперь?

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Сборники „Знанія“ за 1909 годъ. Книги XXVII и XXVIII. Спб. 1909. Ц. по 1 р.

Въ послѣднихъ сборникахъ «Знанія» есть «гвоздь»—новый, еще не конченный разсказъ-«хроника» Максима Горькаго «Городокъ Окуровъ». Пока—нѣтъ въ немъ «хроники», нѣтъ разсказа о событіяхъ, но напряженно чувствуешь, что они будутъ въ дальнѣйшемъ, и отрываешься отъ разсказа съ раздраженіемъ, что онъ оборванъ.

Рядомъ въ двухъ сборникахъ напечатаны два новыхъ произведенія Горькаго,—и въ недоумѣніи останавливаешься предъ этой загадкой: какъ одинъ и тотъ же человѣкъ, почти въ одно и то же время можетъ написать два произведенія, столь глубоко различныхъ по силѣ, по ясности, по выразительности, по захвату. И «Лѣто» вѣдь глубоко характерно для Горькаго, и его никто другой не могъ бы написать, и въ немъ есть удачные элементы; но какъ оно вяло, тягуче, неинтересно: какъ будто подневольную работу, тоскуя и злобясь, дѣлалъ писатель, и минутами издѣвался надъ собой и, не выходя изъ предѣловъ своего *я*, писалъ пародію на свои вымученные замыслы. Новую деревенскую молодежь, революціонную послѣ революціи, захотѣлъ изобразить Горькій въ исторіи этого «Лѣта», разсказанной молодымъ агитаторомъ, вышедшимъ тоже изъ низовъ: и—не вышло. Не удались, прежде

---

*) Къ сожалѣнію, цитируемъ на память, а потому не можемъ точнѣе и подробнѣе исчислить чудеса: легко перепутать терминологію.

всего, портреты; захлопнешь книжку, и никакъ не вспомнишь, какой былъ Авдѣй, а какой Алеша. Не внушаетъ интереса самъ разсказчикъ; къ нему влекутся всѣ симпатіи автора и женщинъ разсказа, но причины этихъ влеченій остаются невыясненными; чѣмъ-то безнадежно разсудочнымъ проникнутъ весь разсказъ этого Николая Смирнова, который хочетъ быть и увлекательнымъ, и вдохновеннымъ, и задушевнымъ—и не умѣетъ. Онъ кажется сочиненнымъ, и это впечатлѣніе губитъ весь его разсказъ. «У меня не было времени пристально заняться самообразованіемъ—скучными словами изъ прописи разсказываетъ онъ:—я человѣкъ, образованный разгромомъ народнаго возстанія, взявшійся за дѣло объединенія людей по непобѣдимому влеченію сердца и по ясно видимой мною невозможности жить старымъ, пагубнымъ для человѣка порядкомъ. Соціалистическія брошюры началъ я читать всего за годъ до переворота жизни, и будущее понимаю, а въ настоящемъ разбираюсь съ большимъ трудомъ, прошлое же русской земли—совсѣмъ темное дѣло для меня... До разгрома былъ знакомъ съ партійными людьми обѣихъ партій, а послѣ возстанія, когда всѣ разсѣялись и частію погибли, остался одинъ, потерявъ связи съ партіями»... Такъ и кажется, что Горькій шелъ не отъ живыхъ наблюденій, а отъ этой программы, изложенной въ мертвомъ раппортѣ: такъ оно должно быть, такіе люди, вѣрно, есть; память и воображеніе попытались заполнить эту схему живымъ содержаніемъ—и потерпѣли крушеніе. Дѣло, кажется, не въ томъ, что Горькій не видалъ послѣ-революціонной Россіи, во всякомъ случаѣ не только въ томъ; скорѣе въ самомъ писателѣ не перебродило, не установилось содержаніе его повѣсти, когда онъ рѣшился знакомить насъ съ нимъ; оттого и получились программы и загадки, едва ли въ достаточной степени ясныя для самого автора. Въ этомъ особенно убѣждаетъ фигура стражника Василія, сложная, болѣзненно-напряженная, но внѣшняя со всѣмъ своимъ трагизмомъ, одноцвѣтная, несмотря на массу краски, истраченной на нее.

Какъ непохожи на все это образы «Окурова». Здѣсь именно мало красокъ и много яркости, мало ухищреній и много выразительности, словамъ тѣсно, а мыслямъ, вѣрнѣе, впечатлѣніямъ—просторно. Есть и здѣсь новые люди, новая психика, новыя мысли, но все это органическое, все сливается съ фономъ стараго быта, все находитъ выраженіе въ формахъ традиціи, и оттого кажется не наноснымъ, не случайнымъ, а исконнымъ и необходимымъ. Точно вычеканенныя, ясныя и отчетливыя стоятъ отдѣльныя фигуры героевъ разсказа предъ читателемъ: и красавецъ Вавило Бурмистровъ, и поэтъ Сима Дѣвушкинъ, и первая голова мѣщанскаго Зарѣчья, его свободный мыслитель и землепроходецъ кривой Яковъ Тіуновъ, и дѣвушки гостепріимнаго «Фелицатина раишка». И весь городокъ зарисованъ въ немногихъ словахъ съ необы-

чайной обстоятельностью и картинностью, съ его церквами и промыслами, съ флорой и фауной, съ чиновничьей обывательщиной и мѣщанскими низами, съ Стрѣлецкой улицей и рѣчкой Путаницей, съ любительскими спектаклями въ «Лиссабонѣ» и кулачными боями на льду, старая Русь, не умирающая въ потокѣ новыхъ формъ, безконечно близкая и дорогая художественному взгляду автора. Едва ли хотѣлъ онъ этого, а вотъ что вышло: мертвое захолустье, окоченѣвшее въ традиціи—и въ немъ, почти не выходя изъ рамокъ этой традиціи, все искатели, искатели, всѣ неустанно спрашиваютъ о чемъ-то важномъ; и когда вопросы ихъ узко-конкретны, практически-дѣловые, то кажется, что это только теоретическая безпомощность, что за этой конкретностью всегда стоитъ широкій общій вопросъ о томъ, какъ жить; и когда ставится прямо этотъ широкій вопросъ, то за его расплывчатостью ясно ощущается самое дѣловое, непосредственно и сейчасъ нужное. Тіунова душатъ вопросами и сомнѣніями. «Вотъ иной разъ думаю я—Россія!—спрашиваетъ колченогій печникъ Ключниковъ:—какъ это понять—Россія?»—И Павелъ Стрѣльцовъ, весь переполненный техническими замыслами и вопросами: «отчего изъ березоваго сока сахаръ не дѣлать», или «а что ежели водку чаемъ настоять—будетъ съ того мадера»,—вдругъ или не вдругъ, потому что все время отъ всякаго ждешь въ этой глуши этихъ большихъ вопросовъ,—спрашиваетъ съ удивленіемъ: «Что такое политика эта?—Вонъ сказываютъ, у одной мѣщанки въ городѣ сына, солдата, посадили»... Искалъ Тіуновъ отвѣта на мудрые вопросы въ долгихъ скитаніяхъ, научился искать ихъ въ книгахъ,—но и ему трудно сладить съ столь неясными вопросами, какіе ставитъ еле пробуждающаяся и судорожно мятущаяся душа Вавилы: «Ну, Яковъ, не раздражай души моей зря,—говори прямо: какія твои мысли» или вообще: «говори, что знаешь». И мечется Вавило, и съ доносами бѣгаетъ къ исправнику на Тіунова, и отъ исправника бѣжитъ къ Тіунову каяться, и старый искатель его успокаиваетъ и радуется: «Я тебѣ скажу открыто: возникаетъ Россія! Появился народъ всѣхъ сословій, и всѣ размышляютъ: почему инородные получили надъ ними столь сильную власть? И это значитъ—просыпается въ народѣ любовь къ своей странѣ, къ русской милой землѣ его». «Новое Время» уже такъ обрадовалось этимъ словамъ, что и разсказъ превознесло и эсдекство Горькому простило и публичный домъ, который есть въ разсказѣ, пріемлетъ безъ воя о порнографіи: не преждевременно-ли? На радостяхъ не замѣтили, что разсказъ далеко не конченъ, да если бы и конченъ—тому, что «возникаетъ Россія» едва ли «Новому Времени» радоваться, и кто для «размышляющаго» народа окажется въ «инородныхъ», получившихъ надъ нимъ власть,—покажетъ будущее. Пока же напряженно, страстно размышляютъ, и Сима Дѣвушкинъ поетъ о жизни, о ея тяготахъ, «кромѣ птицъ всѣ толкутся на одномъ мѣстѣ. Идетъ человѣкъ, наклоня голову,

смотритъ въ землю, думаетъ о чемъ то... Волки зимою воютъ,— тоже вѣдь и холодно, и голодно имъ... И, поди-ка, всякому страшно: все только одни волки вокругъ него! Когда они воютъ, я словно пьяный дѣлаюсь,—терпѣнья нѣтъ слышать». И въ «Фелицатиномъ раишкѣ»—лучшіе слушатели Симы; чѣмъ то отвѣчаетъ онъ на смутные ихъ вопросы, и любятъ его и звѣрообразный Четыхеръ, и красавица Лодка, въ дикихъ восторгахъ дикой любви тоже какъ будто находящая какіе то отвѣты на свои недоумѣнія.

И странно: что то отъ Достоевскаго чувствуется въ разсказѣ Горькаго, вспоминается «Идіотъ»; здѣсь и Der reine Tor, поэтъ Сима Дѣвушкинъ,—даже фамилія его изъ «Бѣдныхъ людей,»— глубоко чувствующій и болѣзненно недоразвитой, пытливый и растерянный искатель правды вродѣ князя Мышкина, и мятущійся богатырь Вавило со всей его безпомощной и безпокойной жаждой найти себя и безудержемъ Парѳена Рогожина, и порывистая любовь продающейся дѣвушки одновременно къ нимъ обоимъ. Въ индивидуальной психологіи все это безконечно поверхностнѣе Достоевскаго, но въ типовомъ, въ коллективномъ, въ бытовомъ есть что то общее.

О прочемъ содержаніи новыхъ сборниковъ какъ то не тянетъ говорить послѣ «Городка Окурова»; и не потому, чтобы оно было плохо: наоборотъ, оно хорошо. Недуренъ очеркъ Бунина «Бѣденъ бѣсъ», хотя, конечно, Бунинъ-поэтъ выше этого незначительнаго эскиза, оставляющаго гораздо болѣе поверхностное впечатлѣніе, чѣмъ этого требуетъ сюжетъ. Хороша «Зыбь» Крюкова, опять блеснувшаго полными юмора и выразительности казачьими діалогами. Ясны и сильны полярные пейзажи Кондурушкина, зарисованные имъ «въ солнечную ночь» на Новой Землѣ вмѣстѣ съ типичными обитателями далекой холодной русской окраины. А новый Кнутъ Гамсунъ, пожалуй, лучше всѣхъ тѣхъ послѣднихъ его произведеній, которыя давало «Знаніе». Но Кнутъ Гамсунъ—все же далекое, а то свое, что есть въ «Сборникахъ», хоть хорошее, но будничное. А «Городокъ Окуровъ»—рѣдкое и радостное. Такъ и кажется, что Горькій преодолѣлъ хоть на мигъ все мятущееся и неуравновѣшенное, что есть въ немъ, нашелъ въ себѣ, какъ и въ Симѣ Дѣвушкинѣ, не только скорбнаго обличителя, но и тихаго созерцателя, и подобно своему герою, въ напряженномъ творческомъ спокойствіи думаетъ о родной землѣ.

«Вечерами на закатѣ и по ночамъ онъ любилъ сидѣть на холмѣ около большой дороги. Сидѣлъ, обнявъ колѣна длинными руками, и нѣмотствуя чутко слушалъ, какъ мимо него спокойно и неустанно течетъ широкая пѣвучая волна жизни: стрекочутъ хлопотливые кузнечики, суетятся-бѣгаютъ мыши - полевки, птицы летятъ ко гнѣздамъ, ходятъ тѣни между холмовъ, шепчутъ травы, сладко пахнетъ одонцемъ, малиной и бодягой, а въ зеленовато-голубомъ небѣ разгораются звѣзды».

Неужто послѣ такихъ образовъ, такихъ страницъ Горькій опять будетъ барахтаться въ программахъ, крикливо плевать въ лицо прекрасной Франціи, мертвыми словами обличать мертвыхъ? А если и будетъ—пусть: теперь всякій знаетъ, что послѣ темныхъ промежутковъ, онъ способенъ найти лучшее въ себѣ и съ нимъ подняться на новую ступень.

Альманахъ издательства „Шиповникъ“. Книга XI. Спб. 1909. Цѣна 1 руб.

Содержаніе гармонируетъ съ внѣшнимъ видомъ.

Обложка похожа на могильную плиту. Оглавленіе—надпись на этомъ камнѣ, вырубленная старинными литерами.

Содержаніе гармонируетъ. Въ одной вещи («Анфиса») смерть отъ отравленія чрезъ посредство демоничной женщины; въ другой («Обрученіе» П. Гиршбейна)—обрученіе съ мертвымъ женихомъ; въ третьей («Геліонъ-Эоліонъ» Ю. Словацкаго)—сынъ фараона Рамзеса, пролежавшій 3000 лѣтъ въ гробу и, наконецъ, перевоплотившійся вмѣстѣ со своей сестрой-женой; въ четвертой («Вѣрность» Б. Зайцева)—смерть дѣвушки отъ самоутопленія, провидимая главнымъ героемъ, «какъ бы сквозь сонъ».

При чтеніи это производитъ впечатлѣніе чрезмѣрной роскоши, тѣмъ больше, что только въ «Обрученіи» П. Гиршбейна, написанномъ въ Метерлинковскомъ жанрѣ, есть какой-то мостикъ къ понятному и пріемлемому. За мистическія сцены Словацкаго горячо ратуетъ переводчикъ (Бальмонтъ), удостовѣряя, что въ нихъ чувствуется «стройный міръ» древняго Египта, гдѣ «красный цвѣтъ былъ безъ сѣраго» въ противность 19-му «красно-сѣрому вѣку». (Приводимъ въ точной выпискѣ, такъ какъ объяснить этого не беремся). Но стройный міръ все-таки очень скученъ, несмотря на «гимнъ обелиска страстный» (?).

Самое интересное въ XI книгѣ все-таки «Анфиса» Л. Андреева. Читателя, привыкшаго къ серьезному тону исканій Л. Андреева, «Анфиса» не должна удовлетворить. И тотъ способъ, какимъ Л. Андреевъ подходитъ къ трактованію темы, взятой для «Анфисы», и самая тема равно отзываются театральнымъ шаблономъ.

Шаблономъ являются эти три сестры, предметы перемѣннаго вниманія адвоката Костомарова. Чтобы ему не стало скучно, каждая изъ сестеръ съ своимъ особеннымъ, специфическимъ букетомъ. Одна добродушна, красива и несложна. Другая—демонична и носитъ ядъ въ кольцѣ на пальцѣ. А третья, юнѣйшая — конечно, сама юная непосредственность, юный энтузіазмъ, обвѣянный красотой женской весны! Шаблономъ старыхъ «ходкихъ» пьесъ отзываются три женщины-соперницы, каждая въ своемъ вкусѣ, т. е. каждая со своимъ амплуа. Но эффектно было то, что комплектъ соперницъ состоитъ изъ сестеръ. Шаблонны всевозможныя эпизо-

ическія лица, которыя ни за чѣмъ не нужны въ пьѣсѣ и являются только затѣмъ, чтобы посмѣшить публику,—да еще большей частью безуспѣшно,—въ промежуткахъ между пунктами наростанія интриги. Даже въ пріемахъ завязки драмы былъ все тотъ же скучный шаблонъ, въ родѣ занавѣски, за которую прячутся, дабы услышать нѣчто необходимое автору.

Что же это? Безпомощность или только торопливость и небрежность?

Къ этому прибавьте крикливыя этикетки модернизма, долженствующія сдѣлать пьесу и новой, и серьезной, а не только выигрышной... Кричитъ символическая старуха, невѣдомая самому Костомарову, хотя и живетъ въ его домѣ. Живетъ и «все знаетъ, да ничего не скажетъ», ибо всегда молчитъ, какъ надлежитъ молчать символу не то Жизни съ ея закономѣрной необходимостью, не то самой Необходимости... Кричатъ предсмертныя позы адвоката. Кричатъ позы демонической женщины съ «ядомъ въ кольцѣ». Кричитъ простушка-жена, изысканно подчеркивая свою простодушность.

Удачный моментомъ въ «Анфисѣ» — сцена объясненія между двумя соперницами-сестрами. Не произносится лишнихъ словъ. Реплики короткія. Но въ нихъ ясны и характеръ обѣихъ женщинъ, и ярко вспыхнувшая, безшумная ненависть сестеръ, еще недавно другъ къ другу близкихъ.

Вопросы о правѣ человѣка на любовь, которыми въ данную полосу болѣетъ читающее меньшинство чуть не всѣхъ странъ, превратились у автора «Анфисы» въ модный фракъ для адвоката Костомарова. Онъ щеголяетъ этимъ экстравагантно-новымъ фракомъ вплоть до тѣхъ поръ, пока его не отравила одна изъ трехъ.

Слѣдуетъ, быть можетъ, оговориться. Автору «Анфисы» не можетъ быть поставлено въ упрекъ возвращеніе къ старымъ формамъ драмы. Но можетъ и должно быть поставлено въ упрекъ возвращеніе къ старымъ *шаблонамъ*, отдѣланнымъ, ради свѣжести, въ идейный «стиль модернъ».

М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. М. 1909. 189 стр. Ц. 1 р.

Небольшая книжка г. Пришвина заключаетъ въ себѣ разсказъ о поѣздкѣ автора въ нижегородское Заволжье, къ извѣстному Свѣтлому озеру, въ которомъ, по преданію, распространенному въ старовѣрческой средѣ, скрытъ отъ глазъ современниковъ древній городъ Китежъ, продолжающій и подъ водою жить своей особой жизнью. Разсказъ этотъ первоначально печатался частями въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русской Мысли», а теперь вышелъ, въ цѣльномъ и значительно переработанномъ видѣ, отдѣльнымъ изданіемъ. Появленіе на книжномъ рынкѣ этого изданія можно отъ

души привѣтствовать. Разсказъ г. Пришвина въ высшей степени своеобразенъ. Это не беллетристическое произведеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и не обычнаго типа отчетъ о поѣздкѣ, предпринятой съ этнографической цѣлью. Авторъ стремится въ своемъ разсказѣ не столько точно описать дѣйствительность, сколько возможно ярче передать свои впечатлѣнія отъ нея. Соотвѣтственно этому на книгѣ г. Пришвина лежитъ явственный отпечатокъ импрессіонизма, но это не мѣшаетъ ей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, давать читателю яркое и живое представленіе о тѣхъ явленіяхъ и людяхъ раскольничьяго и сектанскаго міра, которымъ она посвящена. На ея страницахъ передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ людей этого міра, начиная съ простодушнаго отшельника, десятки лѣтъ спасающагося въ лѣсныхъ ямахъ и кельяхъ и отмаливающаго свои и чужіе грѣхи молитвой по старымъ книгамъ, и кончая сектантами-немоляками, отрицающими загробное существованіе и стремящимися истолковать всю Библію, какъ вереницу притчъ, уясняющихъ исключительно природу человѣка и смыслъ его земной жизни, Характерныя черты этихъ людей и окружающей ихъ обстановки рельефно выступаютъ въ своеобразномъ и талантливомъ изложеніи автора, сумѣвшаго въ этомъ отношеніи выполнить намѣреніе, съ которымъ онъ предпринялъ свою поѣздку въ заволжскій край,—намѣреніе «оторвать кусочекъ большого таинственнаго міра и разсказать другимъ людямъ по-своему». Но есть въ изложеніи г. Пришвина и существенный недостатокъ, заключающійся въ усвоенной авторомъ манерности, которая временами проявляется довольно замѣтно и сильно ослабляетъ впечатлѣніе его разсказа, вводя въ послѣдній какую-то искусственную наивность. Было бы очень жалко, если бы такая манерность обратилась въ постоянное свойство начинающаго талантливаго писателя, какимъ, несомнѣнно, является г. Пришвинъ, а между тѣмъ новое его произведеніе, не такъ давно напечатанное въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и посвященное жизни переселенцевъ, даетъ основаніе опасаться этого.

М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910. Стр. 187. Ц. 1 р. 25 к.

Заглавіе книги г. Гершензона легко можетъ ввести читателя въ нѣкоторое недоумѣніе. За словами: «историческія записки» невольно ожидаешь встрѣтить совсѣмъ не то содержаніе, которое въ дѣйствительности заключаетъ въ себѣ названная книга и которое сводится къ тремъ историко-психологическимъ этюдамъ, посвященнымъ Ив. Кирѣевскому, Ю. Самарину и Гоголю, и къ общей статьѣ о современномъ состояніи русской интеллигенціи, статьѣ, перепечатанной авторомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ сборника «Вѣхи». Но съ заглавія только начинается недоумѣніе, возбуждаемое кни-

гой г. Гершензона. Само по себѣ взятое содержаніе ея способно вызвать гораздо болѣе глубокое и серьезное недоумѣніе.

На протяженіи всей своей книги г. Гершензонъ стремится заявить себя оригинальнымъ изслѣдователемъ, идущимъ совершенно новымъ путемъ и открывающимъ новыя, никому до него не извѣстныя истины. Если вѣрить г. Гершензону, «у насъ почти все прошлое общественной мысли обезображено въ угоду политической тенденціи» (88). Вмѣстѣ съ тѣмъ и вся «исторія нашей публицистики, начиная послѣ Бѣлинскаго, въ смыслѣ жизненнаго разумѣнія — сплошной кошмаръ» (168). Свободны отъ власти этого кошмара и не стремятся «обезображивать» наше прошлое лишь немногіе, и въ числѣ ихъ самъ г. Гершензонъ. Это и даетъ ему возможность освѣщать совершенно новымъ свѣтомъ прошлое нашей общественной мысли и открывать въ немъ никѣмъ не замѣченныя и не оцѣненныя явленія. «Пора—восклицаетъ авторъ, говоря о Кирѣевскомъ,—исправить ошибку, которая въ свое время была психологически неизбѣжна. Пора вылущить изъ исторической философіи славянофильства то многоцѣнное зерно, которое вложилъ въ нее Кирѣевскій,—зерно непреходящей истины о внутреннемъ устроеніи человѣка» (38). Въ ошибку, для него психологически неизбѣжную, впалъ не только Кирѣевскій, въ нее впали въ свое время всѣ сторонники и противники славянофильства, мимо нея прошли позже всѣ его изслѣдователи. Исправить «ошибку» и вылущить изъ нея «многоцѣнное зерно непреходящей истины» досталось на долю г. Гершензона. Подобнымъ же образомъ и «неразгаданная тайна творчества» Гоголя разгадана г. Гершензономъ (117). Разгадана въ частности послѣднимъ и не понятая никѣмъ до него Гоголевская «Переписка съ друзьями». Сдѣланныя въ этой книгѣ «заявленія Гоголя оказались столь необычными, что не были поняты не только противнымъ лагеремъ, но и своимъ, и не только современниками, но и послѣдующими поколѣніями. Понадобилось полвѣка и больше, чтобы смыслъ его рѣчи сталъ сколько-нибудь ясенъ» (121). Понадобилось, впрочемъ, не только «полвѣка и больше», понадобилось еще появленіе г. Гершензона. Наконецъ, и вообще «то, что по существу является ядромъ славянофильства—его ученіе о душѣ—никогда не было изложено въ систематическомъ видѣ, осталось грудою отрывковъ, отступленій, намековъ и—что не менѣе важно—въ свое время почти не было замѣчено противниками» (139). Настоящимъ образомъ замѣтилъ и надлежаще оцѣнилъ это ядро только г. Гершензонъ.

Претензіи г. Гершензона такимъ образомъ довольно велики. Но эти претензіи весьма мало отвѣчаютъ существу дѣла. Въ дѣйствительности читатель встрѣчаетъ въ книгѣ г. Гершензона не оригинальное изслѣдованіе, дающее возможность придти къ болѣе или менѣе прочно обоснованнымъ новымъ выводамъ, а крайне субъективное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ, произвольно вырванныхъ

авторомъ изъ ихъ естественной связи и предназначенныхъ служить аргументами для заранѣе поставленнаго тезиса. Вопреки всѣмъ своимъ обѣщаніямъ, г. Гершензонъ гораздо меньше изслѣдуетъ, чѣмъ обличаетъ и проповѣдуетъ. И благодаря этому вся его книга имѣетъ характеръ не столько историко-литературнаго изслѣдованія, сколько своего рода памфлета, при томъ памфлета, бьющаго въ глаза своею односторонностью, преувеличеніями и своеобразной истеричностью, которою авторъ старается замѣнить паѳосъ мысли.

Въ первыхъ главахъ книги, посвященныхъ Кирѣевскому, г. Гершензонъ пытается отдѣлить въ его воззрѣніяхъ общіе философскіе взгляды отъ православныхъ убѣжденій и націоналистическихъ симпатій мыслителя. Такого рода операцію до извѣстной степени можно произвести надъ Кирѣевскимъ, какъ и надъ другими ранними славянофилами, и послѣ нея передъ нами останется русскій шеллингіанецъ, испытавшій на себѣ воздѣйствіе восточныхъ мистиковъ. Но иначе смотритъ на дѣло г. Гершензонъ. Утверждая, что изъ «ошибки Кирѣевскаго», изъ случайныхъ, наносныхъ элементовъ его міровоззрѣнія «вышло все славянофильство», тогда какъ «мысль, въ которой вылилось все его существо, драгоцѣнная и великая мысль, осталась втунѣ», онъ въ этой мысли Кирѣевскаго, сводящейся къ идеѣ цѣльности духа, точнѣе говоря, къ признанію въ человѣкѣ нѣкотораго чувственно-волеваго ядра, являющагося верховнымъ и единовластнымъ органомъ управленія личностью и соединяющаго ее съ божествомъ, видитъ «геніальное прозрѣніе, на полвѣка опередившее работу науки» (10, 39). Своеобразной ироніей звучитъ послѣ этого упрекъ, обращаемый г. Гершензономъ въ русской интеллигенціи, что она увлекалась «иноземными доктринами», какъ шеллингизмъ и гегеліанство, и не дорожила «той истиной, которую добывали наши лучшіе умы—Чаадаевъ, славянофилы, Достоевскій» (166—7). Отъ Кирѣевскаго г. Гершензонъ въ слѣдующихъ главахъ своей книги переходитъ къ Ю. Самарину, явившемуся «прямымъ, при томъ единственнымъ преемникомъ Кирѣевскаго» и развившему дальше мысль послѣдняго. Это развитіе г. Гершензонъ усматриваетъ въ отстаиваніи — по его мнѣнію, побѣдоносномъ — Самаринымъ того положенія, что «по существу душевная жизнь человѣка всегда совершается религіозно, все равно, мыслитъ ли человѣкъ положительно религіозную основу бытія или въ заблужденіи устраняетъ ее изъ своихъ разсчетовъ» (41, 86).

Свести теченіе, представленное въ умственной жизни русскаго общества именами Кирѣевскаго и Самарина, всецѣло къ защитѣ религіознаго начала, понятаго при томъ въ его наиболѣе общей формѣ,—значитъ, конечно, сильно сузить дѣйствительную роль этого теченія. Но г. Гершензонъ не останавливается на этомъ и въ дальнѣйшихъ главахъ своей книги ставитъ въ непосредственную связь съ Кирѣевскимъ и Самаринымъ Гоголя въ его «Перепискѣ съ друзьями». Названная книга, по словамъ автора, «вся въ своихъ подробностяхъ—заблужденіе, но ея

частныя ошибки не умаляютъ цѣнности той непререкаемой истины, которую впервые у насъ высказалъ въ ней Гоголь: истины объ индивидуальномъ духѣ, какъ о послѣднемъ плотномъ ядрѣ, изъ котораго все исходитъ и на которое поэтому должны быть направлены всѣ усилія преобразователей» (118). Этой «непререкаемой истины», по мнѣнію автора, не поняли всѣ наши либеральные критики, публицисты и историки литературы, начиная съ Бѣлинскаго, и г. Гершензонъ жестоко казнитъ ихъ за это. Повременамъ, правда, онъ самъ какъ будто подходитъ къ существу вопроса, отмѣчая усвоенный Гоголемъ «непоколебимый консерватизмъ въ отношеніи ко всей матеріальной дѣйствительности», мѣшавшій ему развернуть даже начала проповѣдуемаго имъ христіанства, но немедленно же спохватывается и отходитъ отъ этого существа, оглушая себя и читателей восклицаніями, что Гоголь былъ «спеціалистомъ науки объ обществѣ» (96), и вновь принимаясь казнить не понявшую этого радикальную публицистику и радикальную интеллигенцію.

Освѣщенныя такимъ образомъ фигуры Кирѣевскаго, Самарина и Гоголя даютъ г. Гершензону поводъ утверждать, что въ спорѣ между славянофилами и западниками «столкнулись двѣ психологіи: религіозная и раціоналистическая» и «возникли два лагеря и двѣ программы; одна гласила: *внутреннее устроеніе личности*, другая—*усовершенствованіе общественныхъ формъ*» (137, курсивъ автора). Послѣднія главы книги г. Гершензона и посвящены расправѣ надъ радикальной интеллигенціей, усвоившей вторую программу и оказывающейся виновной во всѣхъ грѣхахъ и уродствахъ, вплоть до наличности у нея «хромыхъ, слѣпыхъ и безрукихъ сознаній» (165). Эти главы представляютъ собою перепечатку статьи г. Гершензона изъ «Вѣхъ». Въ настоящей книгѣ она кое-гдѣ урѣзана и кое въ чемъ дополнена, но это не сдѣлало ее ни яснѣе, ни послѣдовательнѣе, скорѣе даже наоборотъ. Авторъ выбросилъ, напримѣръ, нашумѣвшую фразу о томъ, будто интеллигенція должна благословлять власть, которая одна своими штыками и тюрьмами охраняетъ ее отъ народной ярости, но сохранилъ всю цѣпь разсужденій, ведущихъ къ этому утвержденію. Какъ бы для смягченія своихъ яростныхъ филиппикъ противъ «лѣвой» интеллигенціи, онъ предпослалъ имъ теперь нѣсколько словъ осужденія по адресу «праваго» лагеря, но эта вставка, свидѣтельствуя о нѣкоторомъ конфузѣ, испытанномъ авторомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ еще больше затемнила и безъ того не отличавшееся большою ясностью его изложеніе. Авторъ и самъ временами замѣчаетъ, что его рѣчь «становится темна». Правда, на его взглядъ, это происходитъ лишь оттого, что «трудно изобразить словами» то, о чемъ ему хочется говорить. На дѣлѣ, однако, причина темноты рѣчи г. Гершензона сводится къ неясности мысли, составляющей коренной недостатокъ его книги.

Если бы разсматривать послѣднюю, какъ историко-литературное изслѣдованіе, въ ней пришлось бы отмѣтить, рядомъ съ существенными ошибками и вопіющими противорѣчіями, до-нельзя произвольную постановку основной темы. Но книга г. Гершензона, повторяемъ, не изслѣдованіе, а памфлетъ, только памфлетъ, облеченный въ форму историческаго этюда и насквозь проникнутый разсудочной холодностью, которую авторъ тщетно пытается замаскировать внѣшней истеричностью изложенія. И этимъ опредѣляется дѣйствительная цѣна названной книги, не столько возстановляющей прошлое религіозной идеи въ нашемъ обществѣ, сколько дающей матеріалъ для сужденія объ ея судьбахъ въ настоящемъ.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе товарищества „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Выпуски 17—28.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ намъ не разъ приходилось говорить на страницахъ «Русскаго Богатства» объ издаваемой товариществомъ бр. Гранатъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ». Въ настоящій моментъ это широко задуманное изданіе уже далеко подвинулось впередъ и, можно даже сказать, близится къ завершенію. Лежащіе сейчасъ передъ нами выпуски заключаютъ въ себѣ пятый, шестой и почти весь седьмой томъ изданія, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ его третью часть, посвященную «эпохѣ реакціи». Для выполненія поставленнаго себѣ плана издательству остается выпустить еще восьмой и девятый томы, которые должны будутъ составить четвертую часть, изображающую «конецъ вѣка», и тогда все изданіе будетъ закончено. Судя по энергіи, обнаруженной участниками изданія въ прошломъ, можно думать, что этотъ моментъ наступитъ сравнительно скоро.

Содержаніе новыхъ выпусковъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» такъ же разнообразно, какъ и содержаніе предшествовавшихъ имъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь статьи М. Н. Покровскаго объ общей политикѣ правительства за время съ 1866 по 1892 г., о завоеваніи Кавказа и о восточномъ вопросѣ въ 1856—1878 гг., статью Н. М. Никольскаго о расколѣ и сектантствѣ во второй половинѣ XIX вѣка, статьи С. Я. Цейтлина—о земскомъ самоуправленіи въ 1865—1890 гг. и о земской реформѣ 1890 г., С. М. Блеклова—о крестьянскомъ общественномъ управленіи за это же время, Г. И. Шрейдера—о городской контръ-реформѣ 11 іюня 1892 г., М. П. Чубинскаго—о судьбѣ судебной реформы въ послѣдней трети XIX вѣка, К. И. Ландера—о крестьянскомъ вопросѣ въ Прибалтійскомъ краѣ во второй половинѣ XIX столѣтія, З. Ленскаго—о польскомъ вопросѣ за время съ 1863 по 1892 г., анонимныя статьи—о государственномъ хозяйствѣ Россіи съ 60-хъ до начала 90-хъ годовъ

и о крестьянствѣ и народническомъ движеніи въ тотъ же періодъ, статья Л. Мартова—о развитіи промышленности и рабочаго движенія до 1892 г., статьи Л. А. Тарасевича—о развитіи естествознанія и медицины въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, В. Ф. Кагана—о развитіи математики за то же время, К. А. Тимирязева—о пробужденіи естествознанія въ третьей четверти вѣка, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго—о русской литературѣ 70-хъ годовъ, С. Ѳ. Русовой—объ украинской литературѣ съ 1862 г. по 1900 г., В. И. Чарнолускаго—о начальномъ образованіи во второй половинѣ XIX столѣтія, М. Н. Коваленскаго—о средней школѣ и В. М. Фриче—о пластическихъ искусствахъ.

При всемъ разнообразіи этого содержанія въ немъ можно, однако, указать и нѣкоторые довольно существенные пробѣлы. Такъ, напримѣръ, научное движеніе въ Россіи за XIX столѣтіе изображено въ разбираемой книгѣ далеко не съ достаточною полнотою: на ряду со статьями, посвященными развитію естествознанія, нѣтъ не только аналогичныхъ статей, излагающихъ развитіе общественныхъ наукъ, но нѣтъ даже и общаго очерка движенія научно-философской мысли въ Россіи въ теченіе прошлаго вѣка. И этотъ пробѣлъ, какъ и нѣкоторые другіе, ему подобные, является тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что онъ, судя, по крайней мѣрѣ, по опубликованному проспекту изданія, останется совершенно незаполненнымъ и въ заключительныхъ томахъ послѣдняго, пока еще не появившихся въ свѣтъ.

Возвращаясь къ тому, что даютъ читателю вновь вышедшіе выпуски «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», приходится прежде всего отмѣтить, что заключающееся въ нихъ содержаніе въ разныхъ своихъ частяхъ далеко не равноцѣнно. Это, конечно, почти неизбѣжное свойство всѣхъ большихъ коллективныхъ трудовъ, но въ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» оно проявляется съ особенной рельефностью. Оно сильно давало знать о себѣ въ первыхъ двухъ частяхъ изданія и съ не меньшею силою даетъ себя чувствовать во вновь вышедшей третьей части. Видное мѣсто занимаютъ въ ней большія статьи М. Н. Покровскаго, изъ которыхъ одна посвящена характеристикѣ внутренней политики русскаго правительства во второй половинѣ вѣка, а двѣ другія трактуютъ исторію внѣшней политики Россіи за это время. Эти талантливыя, хотя порою и нѣсколько односторонныя, статьи способны вызвать живой интересъ въ читателѣ, тѣмъ болѣе, что и самая односторонность воззрѣній автора, настойчиво пытающагося уложить всѣ явленія исторіи въ марксистскія схемы, выступаетъ здѣсь не съ такою рѣзкостью и обнаженностью, какъ въ предыдущихъ его статьяхъ въ томъ же изданіи. Совершенно обратное приходится сказать о статьѣ другого участника разбираемаго изданія, Н. М. Никольскаго. Давъ во второй части «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» поражавшій своей наивностью очеркъ развитія раскола въ первой половинѣ XIX столѣтія, очеркъ, въ кото-

ромъ всѣ формы религіознаго сознанія и церковной организаціи раскола безъ дальнихъ размышленій выводились непосредственно изъ экономическихъ условій, г. Никольскій и въ настоящей третьей части помѣстилъ статью, трактующую о расколѣ и сектантствѣ во второй половинѣ вѣка и построенную по тому же самому наивному методу. Дѣйствительной исторіи раскола и сектантства въ этой статьѣ очень мало, за то голословныхъ, а подчасъ и противорѣчивыхъ утвержденій на счетъ связи различныхъ толковъ раскола и сектантства съ хозяйственными условіями здѣсь можно найти въ изобиліи. Въ предыдущей своей статьѣ г. Никольскій приписывалъ расколу двоякое происхожденіе, утверждая, что очаги поповщины развились среди класса торговыхъ капиталистовъ и отчасти фабрикантовъ, тогда какъ безпоповщинскіе толки распадаются на мѣщанскіе и крестьянскіе. Въ новой статьѣ онъ съ такою-же категоричностью выставилъ новое положеніе. «Расколъ — утверждаетъ онъ — есть явленіе, развивавшееся по преимуществу въ купеческой средѣ», а сектантство «было почти исключительно продуктомъ крестьянской среды, нашей безграмотной, косной и суевѣрной крестьянской среды; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сектантство появлялось въ городахъ, но и тамъ, за единичными исключеніями, оно выростало на почвѣ ремесленничества, а не купечества» (т. V, стр. 239). Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи г. Никольскій съ не меньшею смѣлостью и рѣшительностью устанавливаетъ «связь скопчества съ процессомъ дифференціаціи крестьянства—капиталистическаго накопленія» (ib. стр. 252), связываетъ духоборчество съ малороссійскими казаками и тамбовскими вольными хлѣбопашцами, съ одной стороны, и съ тамбовскими же мелкими ремесленниками и купцами, съ другой (ib., стр. 265, 266—7), выводитъ молоканство изъ среды «бѣглыхъ людей, отбившихся отъ стараго уклада жизни и еще только ищущихъ новаго» (ib., стр. 269), уличаетъ одновременно штундистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ въ слѣдованіи «реакціонно-утопической доктринѣ» (ib., стр. 284) и т. д., и т. д. Нѣкоторую аналогію съ этими наивно-прямолинейными построеніями представляетъ статья В. М. Фриче о пластическихъ искусствахъ, авторъ которой подобнымъ же образомъ, не испытывая колебаній и не боясь противорѣчій, устанавливаетъ самую непосредственную связь между хозяйственными условіями того или иного момента и различными художественными школами.

Въ общемъ, однако, статьи гг. Никольскаго и Фриче и въ новыхъ выпускахъ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» стоятъ особнякомъ. Авторы остальныхъ статей либо осторожнѣе примѣняютъ марксистское воззрѣніе къ явленіямъ исторіи, либо вовсе не раздѣляютъ такого воззрѣнія и, соотвѣтственно этому, другія статьи даютъ читателю болѣе интересный и тщательнѣе обработанный матеріалъ. Исторія земскихъ, крестьянскихъ, городскихъ и судебныхъ учрежденій въ «эпоху реакціи» вплоть до 1892 г. нашла

себѣ въ общемъ достаточно полное и яркое изображеніе въ статьяхъ гг. Цейтлина, Блеклова, Шрейдера и Чубинскаго, хотя порою, въ особенности въ статьѣ г. Блеклова, и желательна была бы, пожалуй, нѣсколько большая конкретность изложенія. Статья г. Ландера заключаетъ въ себѣ суховатый, но обстоятельный очеркъ крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, живо написанная и богатая содержаніемъ статья г. Ленскаго излагаетъ политику русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ и развитіе польскаго общественнаго движенія съ 1863 г. по 1892 г. Менѣе удачны статьи о государственномъ хозяйствѣ России за это время, о крестьянствѣ и народническомъ движеніи и статья г. Мартова о развитіи промышленности и рабочемъ движеніи до 1892 г. Всѣ онѣ страдаютъ большою сухостью и не свободны отъ весьма замѣтныхъ пробѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время какъ статья г. Мартова порою обращается въ простой перечень отдѣльныхъ мелкихъ явленій рабочей жизни, статья о крестьянствѣ, наоборотъ, грѣшитъ чрезмѣрной общностью, схематичностью.

Изъ статей, посвященныхъ научному движенію, точнѣе говоря, развитію естественныхъ наукъ, статьи гг. Тарасевича и Кагана заключаютъ въ себѣ лишь краткіе и довольно сухіе очерки успѣховъ естествознанія, медицины и математики въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, за то талантливая статья К. А. Тимирязева даетъ читателю чрезвычайно яркую картину расцвѣта русскаго естествознанія въ третьей четверти столѣтія. Статьи г. Чарнолускаго о начальномъ образованіи и г. Коваленскаго о средней школѣ, представляя собою продолженіе статей тѣхъ же авторовъ въ предыдущихъ частяхъ изданія, даютъ читателю живо и ясно изложенную исторію низшаго и средняго образованія въ Россіи съ 60-хъ по 90-е годы XIX вѣка. Менѣе посчастливилось исторіи литературы. Статья о русской литературѣ 70-хъ годовъ, написанная г. Овсянико-Куликовскимъ, благодаря своему небольшому объему и желанію автора сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ болѣе замѣтныхъ литературныхъ дѣятелей эпохи, по необходимости приняла нѣсколько поверхностный, чтобъ не сказать, конспективный, характеръ и эти ея особенности еще болѣе подчеркиваются тѣмъ, что рядомъ съ нею помѣщена статья г-жи Русовой объ украинской литературѣ, имѣющая почти такой же объемъ. Въ свою очередь эта послѣдняя статья страдаетъ чрезмѣрнымъ отсутствіемъ перспективы и, будучи написана въ крайне восторженномъ тонѣ, изобилуетъ крикливыми характеристиками, доходящими, напримѣръ, до провозглашенія г. Левицкаго и Марко Вовчокъ «великими украинскими писателями» (т. VII, стр. 104).

Остается прибавить, что вновь вышедшіе выпуски «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», подобно предшествовавшимъ, снабжены большимъ количествомъ прекрасно воспроизведенныхъ портретовъ писателей и общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Помимо того, въ

новыхъ выпускахъ приложено еще нѣсколько снимковъ съ наиболѣе извѣстныхъ картинъ русскихъ художниковъ XIX столѣтія.

Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію. XIX вѣка. **Очерки А. Лютша, В. Зоммера, А. Липовскаго.** М. 1910 500 стр. Ц. 2 р.

Гг. Лютшъ, Зоммеръ и Липовскій поставили себѣ интересную и во многихъ отношеніяхъ благодарную задачу—«познакомить читателей изъ среды учащихся и стремящихся къ самообразованію съ итогами русской жизни XVIII вѣка и тѣмъ самымъ подготовить ихъ къ пониманію послѣдующей и ближайшей къ намъ эпохи». Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта задача была сколько-нибудь удовлетворительно выполнена въ составленной названными авторами книгѣ. Послѣдняя прежде всего страдаетъ значительной неполнотой. Въ книгѣ, посвященной подведенію «итоговъ XVIII вѣка въ Россіи», читатель не встрѣтитъ сколько-нибудь систематизированныхъ свѣдѣній ни о народномъ и государственномъ хозяйствѣ этой эпохи, ни о жизни русскихъ городовъ, ни объ идейныхъ движеніяхъ народныхъ массъ. Равнымъ образомъ не найдетъ онъ здѣсь свѣдѣній и о многихъ другихъ важныхъ сторонахъ русской жизни того періода, которому посвящена книга. Все содержаніе послѣдней сводится къ тремъ очеркамъ: статьѣ г. Лютша о «русскомъ абсолютизмѣ XVIII вѣка», статьѣ г. Зоммера о «крѣпостномъ правѣ и дворянской культурѣ въ Россіи XVIII вѣка» и статьѣ г. Липовскаго объ «идейныхъ итогахъ русской литературы XVIII вѣка». При этомъ авторы названныхъ очерковъ, собравшись подводить «итоги XVIII вѣка», повидимому, не считали нужнымъ предварительно выработать болѣе или менѣе однообразное пониманіе такихъ итоговъ. Въ своемъ предисловіи авторы сами, правда, оговариваются на этотъ счетъ, замѣчая, что «основная идея, объединяющая очерки, заключается въ признаніи органической связи въ явленіяхъ русской жизни», тогда какъ «во всемъ остальномъ очерки совершенно независимы другъ отъ друга», и «отсюда мѣстами встрѣчаются неизбѣжныя повторенія, иногда разногласія въ частностяхъ, какъ естественное слѣдствіе свободы авторовъ». Разногласія въ частностяхъ неизбѣжны, конечно, и въ такихъ коллективныхъ трудахъ, участники которыхъ объединены между собою болѣе тѣсными узами, чѣмъ одно признаніе органической связи въ явленіяхъ исторіи. Но въ книгѣ гг. Лютша, Зоммера и Липовскаго разногласія, а то и противорѣчія отдѣльныхъ авторовъ касаются далеко не однѣхъ лишь частностей. Въ особенности это приходится сказать объ очеркахъ гг. Зоммера и Липовскаго, очеркахъ, въ которыхъ ихъ авторами излагаются во многомъ прямо противоположные взгляды на развитіе культурной жизни русскаго общества въ XVIII столѣтіи. Это обстоятельство, конечно, не увеличиваетъ достоинствъ разбираемой

книги. Впрочемъ, и въ томъ случаѣ, если разсматривать вошедшіе въ нее очерки отдѣльно, внѣ связи ихъ другъ съ другомъ, ихъ трудно признать отвѣчающими поставленной для нихъ задачѣ. Половину всей книги занимаетъ статья г. Лютша, посвященная русскому абсолютизму въ XVIII вѣкѣ. Блѣдная, безъ нужды растянутая, чрезмѣрно загроможденная деталями и переполненная многочисленными отступленіями отъ основной темы, эта статья является по своему содержанію чрезвычайно пестрой и запутанной, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ желать многаго и въ смыслѣ изложенія, отличающагося въ ней большою тяжеловѣсностью и шероховатостью. Сравнительно болѣе удачна статья г. Зоммера, заключающая въ себѣ сжатую характеристику крѣпостного права и дворянской культуры въ XVIII вѣкѣ, но и эта статья не свободна отъ серьезныхъ недостатковъ. Не говоря уже о нерѣдко встрѣчающихся въ ней частныхъ ошибкахъ, ей сильно вредитъ невыдержанность ея тона: авторъ то и дѣло переходитъ изъ роли историка въ роль моралиста и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ свое изложеніе, въ общемъ все же болѣе гладкое, чѣмъ у г. Лютша, большую дозу напыщенной риторики, способной скорѣе оттолкнуть, чѣмъ привлечь вдумчиваго читателя. Наконецъ, статья г. Липовскаго, трактующая объ идейныхъ итогахъ русской литературы XVIII столѣтія, представляетъ собою довольно поверхностный и небогатый конкретнымъ содержаніемъ очеркъ литературнаго движенія названной эпохи, лишенный къ тому же всякой оригинальности и почти не идущій дальше повторенія шаблонныхъ оцѣнокъ и опредѣленій. Такимъ образомъ даже въ предѣлахъ темъ, захваченныхъ даннымъ сборникомъ, онъ едва-ли способенъ дать своимъ читателямъ дѣйствительное знакомство съ «итогами XVIII вѣка въ Россіи» и послужить подходящимъ «введеніемъ въ русскую исторію XIX вѣка».

Г. Геффдингъ. Учебникъ исторіи новой философіи. Перев. съ нѣм. Б. Т. Столпнера. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910.

Въ изящной и сжатой формѣ датскій философъ даетъ въ этомъ учебникѣ все необходимое для того, чтобы оріентироваться во многообразіи философскихъ ученій и перейти къ болѣе самостоятельному знакомству съ оригинальными трудами философовъ новаго времени. Въ классификаціи философскихъ проблемъ Геффдингъ придерживается того же ограниченія, которое имъ установлено въ предшествующихъ работахъ. Содержаніе психической жизни и отношеніе ея къ физической составляютъ предметъ «психологической проблемы». Поскольку устанавливается отношеніе между фактическимъ и цѣннымъ въ психической жизни, возникаетъ, съ одной стороны, «проблема познанія», уясняющая значимость и истинность нашего познанія, и, съ другой,—«проблема оцѣнки», изслѣдующая значимость и цѣнность человѣческой дѣятельности (Если вопросъ о цѣн-

ности ставится относительно всего бытія вообще, то этическая проблема переходитъ въ религіозную). Наконецъ, «проблема бытія» обнимаетъ вопросы о сущности бытія, объ установкѣ общаго научно-философскаго міросозерцанія. Всѣ эти проблемы находятся, конечно, во взаимной связи и зависимости, но въ исторіи новой философіи можно наблюдать въ различныя эпохи большее или меньшее сосредоточеніе на той или другой изъ этихъ проблемъ. Такъ, эпоха возрожденія и семнадцатый вѣкъ съ ихъ системами «естественныхъ» порядковъ въ душѣ, природѣ, государствѣ и т. д. и механической системой міра характеризуются преобладаніемъ проблемы психологической и проблемы бытія, тогда какъ восемнадцатый и девятнадцатый вѣкъ, начиная еще съ Лейбница, все рѣже и исключительнѣй ставитъ проблему познанія и проблему оцѣнки. Исторія новой философіи доведена Геффдингомъ до самаго послѣдняго времени; заканчивая анализомъ ученія о религіи В. Джемса, авторъ считаетъ, повидимому, самой новѣйшей проблемой «проблему объ эквивалентѣ религіи». Къ книгѣ приложена въ концѣ удобная хронологическая таблица главныхъ философскихъ произведеній, начиная съ XV вѣка.

О. Пфлейдереръ. О религіи и религіяхъ. Перев. съ нѣм. А. Мейера подъ ред. П. Юшкевича. Изд. „Прометей". Спб. 1909.

Для русскаго читателя предлагаемая книга извѣстнаго протестантскаго богослова интересна не столько соображеніями о религіи вообще и о религіозномъ чувствѣ,—объ этомъ и у насъ писать умѣютъ, — сколько описательно-исторической своею частью, трактующей разнообразныя религіи человѣчества. Характеристикѣ «религій» и посвящено большинство главъ книги (изъ всѣхъ 15-ти— двѣнадцать).

«Лишь тотъ дѣйствительно знаетъ только одну религію, — заявляетъ авторъ, — кто знаетъ ихъ больше, чѣмъ одну» (стр. 51). Вотъ точка зрѣнія, которой Пфлейдереръ связываетъ изслѣдованіе «религій» съ изслѣдованіемъ «религій». Съ просвѣщенной эрудиціей ученаго, живущаго въ странѣ свободной науки о религіяхъ, авторъ сообщаетъ важнѣйшіе результаты этой науки, излагая китайскую, египетскую, вавилонскую религію, религію Зороастра, браманизмъ и буддизмъ, греческую религію, религію Израиля и позднѣйшей Іудеи, христіанство и исламъ.

Религіи человѣчества, по мнѣнію Пфлейдерера, естественно распадаются на двѣ группы: для одной изъ нихъ Богъ присутствуетъ въ мірѣ, какъ законъ необходимости; это—религіи пантенстическія съ разнообразными формами политеизма (классическій примѣръ ихъ дали индусы и греки); для другой — Богъ есть сверхміровая свободная воля, благостно управляющая судьбой міра и человѣка (таковы религія Зороастра и пророковъ Израиля).

Христіанство — выше этой противоположности имманентнаго и трансцендентнаго Бога, оно примиряетъ ихъ синтетически въ идеѣ активнаго искупленія. Нисколько не насилуя этой схемой своихъ изслѣдованій, Пфлейдереръ отмѣчаетъ внимательно моменты сплетенія и борьбы этихъ тенденцій въ религіяхъ, ростъ религіознаго индивидуализма въ пантеистическихъ и вырожденіе его въ монотеистическихъ религіяхъ.

Къ первобытной религіозности авторъ относится нѣсколько двусмысленно. Будучи убѣжденъ, что сущность религіи раскрывается въ «болѣе позднихъ и болѣе развитыхъ ея формахъ» (стр. 7), онъ по вопросу о началѣ религіи (гл. V) или говоритъ слишкомъ мало, заявляя, что здѣсь мы не знаемъ, «строго говоря, ничего» (стр. 55), или слишкомъ много, разсматривая, напр., первобытную магію и фетишизмъ, какъ «вырожденіе религіи въ суевѣріе» (стр. 63—64). Здѣсь, конечно, читателю приходится обратиться къ новѣйшимъ послѣдованіямъ антропологовъ и фольклористовъ, свидѣтельствующихъ, что именно такъ называемое «суевѣріе» и «магія» являются первоначальной формой религіи,—формой, имѣющей устойчивые пережитки во всей исторіи религій вплоть до современности.

Переводъ книги О. Пфлейдерера выполненъ прекрасно.

Н. В. Чеховъ. Дѣтская Литература. Педагогическая Академія въ очеркахъ и монографіяхъ. Воспитаніе въ семьѣ и школѣ. Подъ общей редакціей проф. А. П. Нечаева. Изд. „Польза". Москва. 1909 г., стр. 256.

Книга эта—первый выпускъ цѣлой серіи педагогическихъ сочиненій, которыя будутъ посвящены изученію главнѣйшихъ вопросовъ воспитанія. Изданіе разсчитано на 15 томовъ и по составу сотрудниковъ вправѣ разсчитывать на вниманіе и сочувствіе общества.

Дѣтская книга одна изъ тѣхъ областей воспитанія, которая до сихъ поръ привлекала сравнительно мало вниманія педагоговъ; хотя количественно литература, касающаяся дѣтскаго чтенія, и достаточно велика, но почти вся она состоитъ изъ статей, носящихъ частный характеръ и не освѣщенныхъ принципіальной точкой зрѣнія. Книгу г. Чехова можно разсматривать, какъ попытку намѣтить и сгруппировать вопросы, надлежащіе разрѣшенію, но сама она этого разрѣшенія не даетъ.

Книга разбивается на рядъ самостоятельныхъ главъ, посвященныхъ исторіи дѣтской литературы, русскимъ дѣтскимъ журналамъ, иллюстраціямъ къ дѣтскимъ книгамъ, книгамъ для дѣтей дошкольнаго возраста, сказкѣ, русской художественной литературѣ для дѣтей, литературѣ переводной; цѣлый отдѣлъ разсматриваетъ организацію школьной библіотеки и выборъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Въ заключеніе приложенъ библіографическій указатель по вопро-

самъ дѣтской литературы и дѣтскаго чтенія, составленный Е. А. Корольковымъ.

Первымъ и основнымъ вопросомъ книги является: нужна ли дѣтская, т. е. написанная спеціально для дѣтей книга.

Авторъ, отвѣчая на него утвердительно, тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ ознакомленіе дѣтей съ народной словесностью и съ произведеніями русскихъ классиковъ. Соглашаясь вполнѣ съ правильностью этого основного положенія книги, нельзя не замѣтить, что аргументація автора бываетъ нерѣдко мало убѣдительна, и даже противорѣчива. Такъ, доказывая необходимость для дѣтей чтенія нашихъ классиковъ, онъ говоритъ: «Люди наиболѣе культурной части общества какъ бы повторяютъ въ своемъ развитіи—каждый человѣкъ отдѣльно—этотъ (т. е. культурный) историческій ходъ развитія цѣлаго народа» (стр. 118). Отсюда слѣдуетъ, что знакомство съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ и Толстымъ «возможно въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, и не только потому, что сочиненія эти доступны и интересны для этого возраста, но и потому, что этотъ возрастъ соотвѣтствуетъ той эпохѣ въ исторіи развитія нашего общества, когда эти сочиненія появились» (стр. 118). Итакъ, Пушкинъ, Достоевскій, Толстой—представители младенческой поры развитія нашего общества! «Ихъ болѣе простое и несложное по сравненію съ современнымъ міровоззрѣніе, продолжаетъ авторъ, можетъ быть воспринято въ дѣтскомъ возрастѣ».

Такъ какъ «большинство вопросовъ и идей, затронутыхъ нашими классическими писателями и понятно, и интересно дѣтямъ» (119 стр.), то до 15 лѣтъ ребенокъ долженъ «прочесть всѣ главныя произведенія нашихъ классическихъ писателей. Исключеніе можетъ быть сдѣлано для Достоевскаго и Салтыкова, которые въ этомъ возрастѣ не могутъ быть восприняты полностью» (121 стр.). Слѣдовательно, весь или почти весь запасъ идей, которыми живетъ русское общество, всѣ тѣ «проклятые вопросы», надъ которыми ломали себѣ головы поколѣнія великихъ людей, вся та «философія» жизни, которой такъ богата именно русская литература, оказывается по плечу дѣтямъ *до* 15-лѣтняго возраста! Интересы дѣтей, по словамъ автора, даже шире, такъ какъ «эти вопросы не исчерпываютъ всего, что интересуетъ дѣтей въ ихъ дѣтской жизни» (119 стр.), отсюда и вытекаетъ необходимость спеціально дѣтской литературы.

Еще въ большее недоумѣніе впадаетъ читатель, сопоставляя эти взгляды съ тѣмъ, что высказано авторомъ въ началѣ книги. Указавъ на отличіе психическаго склада и на «глубокую разницу въ отношеніи дѣтей и взрослыхъ къ окружающей жизни» (10 стр.), онъ говоритъ: «самое важное въ жизни взрослыхъ, то, что составляетъ главное содержаніе ихъ книгъ, ихъ романовъ, поэмъ, стихотвореній—*совсѣмъ неинтересно* и часто даже

вовсе непонятно для дѣтей. Если *кое-что* изъ литературы, написанной для взрослыхъ, и можетъ казаться понятнымъ и интереснымъ для дѣтей, то, во 1-хъ, такихъ произведеній *очень мало*, а во 2-хъ, они не касаются многаго изъ того, что составляетъ главный интересъ въ жизни дѣтей» (11 стр.). При чемъ же тогда всѣ разсужденія о параллельности въ развитіи общества и ребенка и т. п.?

Переходя къ другому кардинальному вопросу дѣтской литературы, вызывавшему столько споровъ и діаметрально противоположныхъ мнѣній, а именно къ роли сказки въ воспитаніи дѣтей, снова приходится отмѣтить, что, принимая въ общемъ выводы автора, никакъ нельзя часто согласиться съ тѣми посылками, изъ которыхъ эти выводы вытекаютъ.

«Сказки,—утверждаетъ авторъ,—могутъ лучше всякой географіи и исторіи познакомить ребенка съ національными особенностями каждаго народа» (183 стр.), потому что «каждый народъ вкладываетъ въ свои сказки почти все свое міросозерцаніе, свои симпатіи и антипатіи и даетъ полную картину своего быта, своей семейной, а отчасти и общественной жизни» (стр. 82). Но вѣдь сказка тѣмъ и отличается отъ другихъ произведеній народнаго творчества, что господствующую черту ея составляетъ отсутствіе не только исторической и географической опредѣленности, но часто даже и бытовой. Явною преувеличенностью проникнуто и мнѣніе автора о значеніи сказки въ воспитаніи: «Всѣ остальныя книги,—говоритъ онъ,—всѣ науки и даже религія, научая ребенка очень многому, не могутъ однѣ сдѣлать того, что дѣлаетъ сказка, создать въ душѣ ребенка потребность добра и правды, пробудить желаніе добиться ихъ торжества, проводить ихъ въ жизнь (182 стр.).

Въ другихъ отдѣлахъ книги намѣченъ рядъ областей, болѣе глубокая разработка которыхъ—дѣло будущаго. Оставляя безъ подробнаго разбора многія детали, нельзя не отмѣтить, что на книгѣ чувствуется спѣшность работы, чѣмъ, вѣроятно, объясняются и повторенія, и противорѣчія въ изложеніи. Это же обстоятельство, вѣроятно, повлекло за собой и рядъ мелкихъ недосмотровъ, такъ, напримѣръ, Тихѣевы названы Тихичеевыми (72 стр.), Лаврова-Попова, издательницами Лавровой и Поповой и т. п. (179 стр.). Библіографическій указатель составленъ довольно небрежно. Такъ, напримѣръ, въ спискѣ дѣтскихъ журналовъ только до 1822 года можно указать 7 пропусковъ на 11 названій. Не упомянуты 1) «Растущій виноградъ» (1785 — 87 гг.); 2) «Полезное упражненіе юношества» (1789 г.); 3) «Утренняя Заря» (съ 1800 г.); 4) «И отдыхъ въ пользу» (1804 г.); 5) «Русскій Вѣстникъ» за 1820 г., I отдѣлъ котораго составляло «Новое Дѣтское Чтеніе»; 6) «Калліопа» (1815 г); 7) «Дѣтскій Музеумъ» Ржевскаго (1822 г.). Пропуски подобнаго рода встрѣчаются и дальше. Кромѣ того указатель пестритъ опечатками: вмѣсто Григоровичъ напечатано Григорьевъ, вмѣсто Кашпирева—Катирева; вмѣсто Благово—Благова

и т. д. Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо и украшена множествомъ прекрасныхъ портретовъ и рисунковъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. В. М. Саблина. М. 1910. — ***Жоржъ Роденбахъ***. Полное собр. сочиненій. Т. I. Выше жизни. Пер. М. Веселовской. Ц. 1 р. Т. II. Прялка тумановъ. Пер. М. Веселовой. Ц. 1 р. — ***П. Лоти***. собраніе сочиненій. Т. I. Госпожа Кризантемъ. Т. II. Исторія одного ребенка. Т. III. Матросъ. Пер. В. Коршъ. Т. IV. Изгнанница. Пер. А. Владиміровой. По 1 р. за томъ.—***Сельма Лагерлефъ***. Полное собр. сочиненій. Т. II. Іеста Берлингъ. Ч. II. Пер. М. Благовѣщенской. Т. III. Невидимыя узы. Пер. М. Барсуковой. Т. IV. Чудесное путешествіе на гусяхъ. Ч. I. Пер. А. Койранскаго. По 1 р. за т.—***Габріэле д'Аннунціо***. Полное собр. сочиненій. Т. II. Джіоконда. Пер. Ю. Балтрушайтисъ и Н. Бронштейна. Ц. 1 р. Т. IV. Дѣвы скалъ. Пер. В. Коршъ. Ц. 1 р.—***Бернаръ Шоу***. Полное собр. сочиненій. Т. I. Цезарь и Клеопатра и Ученикъ дьявола. Пер. Н. Эфроса. Ц. 1 р.— ***А. Шнитцлеръ***. Полное собр. сочиненій. Т. VIII. Графиня Мицци. Пьеро. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—***Ѳ. Н. Плевако***. Рѣчи. Подъ ред. Н. Муравьева. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.—***Авг. Стриндбергъ***. Полное собр. сочиненій. Т. IX. Дѣтская сказка. Игра съ огнемъ. Серебряное озеро. Эрихъ XIV. Ц. 1 р.

Изд. Т-во „Знаніе". Спб. 1910. ***М. Горькій***. Разсказы. Т. IX. Ц. 1 р.— Сборникъ XXVII. 1909. Ц. 1 р.—***С. Кондурушкинъ***. Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.—***Г. Григорьевъ, П. Знаменскій, П. Кавунъ***. Практическія занятія по физикѣ. Ц. 1 р.—***Н. Гаринъ***. Т. 8-й. Въ сутолокѣ провинціальной жизни. 1886—1896 г. Ц. 1 р.— Сборникъ XXVIII. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва Сытина. М. 1910. Библіотека для самообразованія.—***Фридр. Паульсенъ***. Историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи. Пер. подъ ред. Н. В. Сперанскаго. Ц. 1 р. 30 к.—***Анри Мишель***. Идея государства. Пер. подъ ред. А. Рождественскаго. Ц. 3 р.—Исторія римской республики по Момпсену. Пер. Н. Шамонина. Вып. I. Ц. 2 р.—***Вил. Рамзай***. Новѣйшая химія. Пер. подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Ц. 2 р.

Кн-во „Утро". М. 1910. Сборникъ второй, подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Ц. 1 р.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910. ***Г. Гефдингъ***. Учебникъ исторіи новой философіи. Пер. Б. Столпнера. Ц. 1 р. 75 к.—***А. Вознесенскій***. Хохотъ. Пьеса въ 4-хъ д. Ц. 75 к.—***Кнутъ Гамсунъ***. Собр. сочиненій. Т. X. Царица Тамара. Ц. 1 р. 25 к.—***Леонидъ Андреевъ***. Собр. сочиненій. Т. VII. Ц. 1 р. 25 к.—***Габр. д'Анунціо***. Собр. сочиненій. Т. II. Неповинный. Т. I. Разсказы. Т. IV. Торжество смерти. Пер. Е. Бернштейнъ. По 1 р. 25 к. за т.—***Ѳедоръ Сологубъ***. Т. I. Стихи. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1910. ***Сер. Городецкій***. Собраніе стиховъ. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—***Вл. Семеновъ***. Цѣна крови. Ц. 1 р.—***З. Столица*** и ***В. Волковичъ***. Будущее въ нашихъ рукахъ. Ц. 60 к.—***Вик. Гофманъ***. Искусъ. Новые стихи. Ц. 75 к.

Изд. Н. Н. Клочкова. М. 1909.—Памятники русской исторіи подъ ред. проф. В. О. Ключевскаго, М. К. Любавскаго, пр.-доц. М. М. Богословскаго, Ю. В. Готье. А. А. Кизеветтера и А. И. Яковлева.—I. Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Ц. 85 к.—II. Памятники исторіи Великаго Новгорода. Ц. 55 к.—III. Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ. Ц. 50 к. — IV. Памятники

исторіи смутнаго времени. Ц. 65 к.— V. Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи XVIII и первой четверти XIX ст. Ц. 65 к.—VI. Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв. Ц. 1 р. 60 к.

Библіотека «Гонгъ». Кіевъ. 1910.— ***Виссаріонъ Бѣлинскій***. Литературныя мечтанія. Ц. 20 к.—***Е. А. Танъ***. Номерованная ложа. Ц. 10 к.— Гр. ***Е. М. Ростопчина***. Возвратъ Чацкаго въ Москву. Ц. 20 к.—***А. Дюма***. Дама съ камеліями. Драма. Пер. Г. Адельгейма и Г. Шварца. Ц. 20 к.

Изд. книжн. маг. Луковникова. Спб. 1910.—***Бичеръ Стоу***. Хижина дяди Тома. Ц. 80 к.—***В. П. Авенаріусъ***. Первый русскій изобрѣтатель И. П. Кулибинъ. Ц. 50 к.—***Его же***. Молодость Н. И. Пирогова. Ц. 1 р.—***Его же***. Н. Гоголь. Біогр. очеркъ. Ц. 10 к.—***Его же***. А. С. Пушкинъ. Біогр. очеркъ. Ц. 15 к.

Изд. О. Богдановой. Спб. 1910.— ***Г. Арнимъ***. Исторія античной философіи. Пер. С. И. Поварнина. Ц. 1 р. 50 к.—***Н. Е. Румянцевъ***. Педологія. Ц. 25 к.—***П. Ѳ. Каптеревъ***. Исторія русской педагогіи. Ц. 3 р.

Кн-во «Современныя проблемы». М. 1910.—***Герм. Гессе***. Петеръ Каменциндъ. пер. М. Каднишъ. Ц. 1 р.— ***Гер.-афъ-Гейерстамъ***. Полное собр. сочиненій. Т. IV. Вѣчная загадка. Маленькій сынъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Бьернстьерна Бьернсонъ***. Собр. сочиненій. Т. I. Сюнневе Сольбаккенъ. Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва Кушнерева. Демонъ. Поэма М. Ю. Лермонтова съ рисунками М. А. Врубеля, А. М. Васнецова, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака и В. А. Сѣрова. М. 1910. Ц. 50 к.

Марсель Швабъ. Книга Монэль. Пер. К. Бальмонта и Елены Ц. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Н. Немировичъ - Данченко (Нандъ). Грѣхъ. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Къ новымъ далямъ. Современная лирика. Составила Л. Д. Свербеева. Спб. 1909. Ц. 90 к.

В. И. Сидоровъ. «Поэтъ Пушкамъ». Драма въ 4-хъ д. Спб. 1910. Ц. 50 к.

М. Кузьминъ. Первая книга разсказовъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

С. Мстиславлевъ. Не для толпы. Сцены и разсказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.

А. Г. Горнфельдъ. На Западѣ. Литературныя бесѣды (Ницше, Гюго, Тэнъ, Поль-Луи-Курье). Спб. Изд. Т-ва «Міръ». 1910. Ц. 1 р. 25 к.

И. В. Чуриновъ. Трагедія мысли. Позольскъ. 1910, Ц. 15 к.

Проф. И. Малиновскій. Начальная страница изъ исторіи русской интеллигенціи. 1909.

А. С. Изгоевъ. Русское общество и Революція. Изд. ж. «Русская Мысль». М. 1910. Ц. 1 р.

С. Струмилинъ. Аристократія духа и профаны. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

И. Ѳ. Аранскій. Въ Закавказьѣ. Очерки съ рисунками. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Солитанъ. Чернышевскій, Мальтусъ и Плехановъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

А. Богдановъ. Паденіе великаго фетишизма. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Алекс. Евлаховъ. Геній-художникъ, какъ антиобщественность. Варшава. Ц. 80 к.

А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Т. III. М. 1909. Ц. за три тома съ указателемъ печатн. трудовъ А. И. Чупрова. Ц. 7 р. 50 к.

М. А. Сириновъ. Теоретическая политическая экономія, какъ наука. В. I. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. ***В. Феттеръ***. Современное міросозерцаніе. Пер. Г. Львовича. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. В. 29. Спб. 1909.

Мак. Ковалевскій. Соціологія. Т. II. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

В. К. Хорошко. Самоубійство дѣтей. М. 1909. Ц. 75 к.

С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Перси Ашлей. Мѣстное и центральное управленіе. Пер. В. Дерюжинскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1910. Ц. 2 р.

М. И. Боголѣповъ. Государственный долгъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Ч. II. Мѣстное обложеніе. Одесса. 1910.

И. Г. Тайновъ Золотое обращеніе и центральные банки главнѣйшихъ государствъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Л. И. Сововоъ. Обжалованіе приговоровъ военныхъ судовъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Т. Клодъ-Ва. Оствальдъ. Электричество и его примѣненія въ общественномъ изложеніи. Пер. Т. Кравецъ. Редакція А. Эйхенвальдъ. В. 4 и 5. 1910.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ В. Д. Корбала, изъ Верхнеднѣпровска—1 р.; отъ Л. И. Сергіевской, изъ Москвы—3 р.; отъ Царицынской обществ. б-ки—5 р.; отъ группы Екатеринбуржцевъ, учащихся въ высш. учебн. завед. г. Спб.: Б. Ж.—1 р., Б. П.—1 р., Б. Л.—50 к., М. И.—25 к., А. Ч.—1 р., З. Б.—20 к., К. О.—50 к., С. Л.—50 к., В. Г.—1 р., К. Г.—25 к., Б. Г.—25 к., Н. К.—50 к., В. Р.—25 к.; отъ В. Минкевича, изъ Сапожка—3 р.; отъ политич. ссыльн. Сумскаго посада—2 р.; отъ Мильчевскаго—5 р.; отъ С. Шадурскаго—5 р. 10 к.; отъ Е. Барановской—5 р.; отъ С. Текутьева, изъ Тюмени—1 р.

Итого. 37 р. 30 к.
А всего съ прежде поступившими 282 р. 34 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ Кузьмина, черезъ редакцію „Кіевской Мысли“—18 р. 40 к.; отъ С. и Г.—75 к.; отъ Л. В. Юргелевича, изъ м. Опошни—1 р.; отъ служащ. Управлен. Николаев. ж. д., черезъ К.—63 р.; отъ Е. Новицкой. изъ Вологды—3 р.; отъ М. А.—3 р.; отъ Е. Андреевой—3 р.

Итого. . . . 92 р. 15 к.
А всего съ прежде поступившими. . 174 р. 15 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

НОВЫЯ ПЛАСТИНКИ „ЭКСТРА“

въ исполненіи знаменитаго артиста Императорской Оперы

Э. А. Смирнова,

съ аккомпанимент. оркестра Акц. О-ва Граммофонъ, подъ управл. Зейдлеръ-Винклера.

М.022132. „Сердце красавицы“ Канцона Герцога („Риголетто“—Верди).
М.022133. „Солнце, взойди скорѣй“: Каватина („Ромео и Джульетта“—Гуно).
М.052269. „Предсмертная арія“, „Elucean le stella“. („Тоска—Пуччини) (На итал. языкѣ).

Всѣ пластинки (Гигантъ 12 дюйм.) съ красн. этикетомъ.

Цѣна каждой пластинки **4 руб. 50 коп.**

Акц. Общество ГРАММОФОНЪ

Главная Контора: **Москва**, Почтовый ящикъ, № 691.

Отдѣленія: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Фонтанка 58. ХАРЬКОВЪ, Николаевская пл., 18. ТИФЛИСЪ, Головинскій пр. № 9. РОСТОВЪ н/Д., Б.-Садовая, Гор. д. ОМСКЪ, Любинскій пр., д. Ганшиныхъ и во всѣхъ граммофонныхъ магазинахъ.

Обращайте особое вниманіе на торговую марку „*Пишущій Ангелъ*“.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

Энциклопедическій СЛОВАРЬ

Т-ва Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°.

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева.

Изданіе составитъ приблизительно около 40 полутомовъ объемомъ въ 640 столбцовъ текста или около 20 томовъ объемомъ въ сложности въ 25,000 столбцовъ и, кромѣ пояснительныхъ рисунковъ въ текстѣ, будетъ заключать около 800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую страницу; по отдѣлу анатоміи человѣка будутъ даны СКЛАДНЫЯ МОДЕЛИ; географическія карты государствъ и русскихъ губерній составляются заново спеціально для этого изданія. Изданіе начнетъ выходить въ январѣ 1910 г. Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія будетъ выходить удешевленное изданіе, безъ иллюстрацій.

ЦѢНА ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ: полутома—2 руб., тома—4 руб., тома въ переплетѣ—4 руб. 80 коп., полутома удешевленнаго изданія—1 р. 40 к. При подпискѣ вносится 2 руб., которые засчитываются при полученіи послѣдняго полутома или тома. За пересылку по дѣйствительной стоимости. По выходѣ въ свѣтъ 2-го тома цѣна будетъ **ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОВЫШЕНА**. **ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ** и условія подписки и обмѣна прежнихъ изданій Словаря на новое высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО**.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°— **МОСКВА, Б. НИКИТСКАЯ, 5.**

ОТДѢЛЕНІЕ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—ЗАГОРОДНЫЙ ПР., 14.

НОВЫЯ КНИГИ:

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **Н. К. МАРТЫНОВА**

С.-Петербургъ, Невскій пр., уголъ Садовой 50—15.

Аничковъ. Мировой Судъ и преобразов. низшихъ судовъ 907. 60 к.
Ажамъ. Искусство говорить публично. 908. 50 к.
Асосковъ. Справ. кн. о колич. расхода при соверш. купч. крѣп. 910. 50 к.
Блосфельдтъ. Сводъ дѣйств. узак. о госуд. преступн. дѣяніяхъ. 907. 70 к.
Гаугеръ. Законы гражд. т. X. ч. 1 съ поздн. узак. и рѣш. Сен., Изд. 7-е. 909. 3 р.
Его-же. Рѣш. Общ. Собр. за 30 лѣтъ съ 1866-96 г. съ алф. хрон. указ. 5 р., 1-е. дополн. съ 1896—1900 г. 1 р., 2-е. дополн. 1900—905 г. 1 р. 50 к.
Гессенъ. Реформа мѣстнаго суда. (Рѣчи, статьи и доклады) 910 г. На дняхъ поступитъ въ продажу.
Гессенъ и Фридштейнъ. Сборн. Зак. о Евреяхъ, съ разъясн. Сен. 904. 2 р.
Гитцигъ. Предѣлы наслѣдственнаго права. 910 г. 25 к.
Гордонъ, Уставъ Гражд. Судопр. съ поздн. узак. и разъясн. Сен. Изд. 4-е. 908 г. 4 р. 50 к. Въ перепл. 5 р. 25 к.
Громовъ. Законы Уголовн. Улож. и уст. о нак. и дѣйств. ч. угол. улож. съ алф. и предм. указ. изд. карм. 909 г. въ пер. 1 р. 75 к., дополн. узак. о конокрадствѣ и объ условн. до срочн. освобожденіи. 25 к. вмѣстѣ 2 р.
Гаугеръ. Положеніе о казенныхъ порядкахъ и поставкахъ съ разъясн. Сен. изд. 7-е, 909. 60 к.
Гольмстенъ. Учебникъ русск. гражд. судопроизводства, изд. 7-е. 907, 2 р. 50 к.
Еллинекъ. Общее ученіе о Государствѣ, изд. 2-е. 908. 3 р.
Законы гражд. т. X. ч. I. по прод. 1906 г. съ алф. предм. указ. изд. карм. 907. въ пер. 1 р. 30 к.
Зомъ. Институціи. Учебникъ исторіи и системы. Вып. 1-й, 908. 1 р., в. 2-й 910. 3 р.
Кондорсэ. Прогрессъ человѣческаго разума. 909. 1 р. 50 к.
Коркуновъ Сравнит. очеркъ Государств. Права иностр. державъ изд. 2-е. 906. 1 р.
Его-же. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 9-е, 909. 2 р.
Катчеръ. Совѣты по рабочему вопросу. 906. 50 к.
Лебедевъ. Государственное хозяйство. 906. 60 к.
Мартыновъ. Положеніе о Нотаріальной части. Разъясн. и дополн. Изд. 6-е. 909. 3 р.
Его-же. Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Съ разъясн. Сен., изд. 5-е. 907. 50 к.
Мейендорфъ. Крестьянскій дворъ. Въ сист. русск. крест. законодат. 909. 85 к.
Мейеръ. Гражданское Право. 1910 г. 3 р.
Носенко. Уставъ Судоустройства и судопроизводства, изд. 4-е. 910. 2 р.
Его-же. Уставъ о несостоятельности съ разъясн. прав. Сен., изд. 4-е. 909. 3 р. 25 к.
Носенко. Уставъ торговый. Съ разъясн. Сената, изд. 909. 4 р.
Палибинъ. Общій уставъ счетный. Съ разъясн. Сената. Изд. 3-е. 910. 1 р.
Петражицкій. Права добросовѣстн. владѣльца на доходы. Изд. 2-е. 902. 2 р. 75 к.
Его-же. Теорія права и госуд. въ связи съ теор. нравственности. т. I. 909. 2 р.
Его-же. Университетъ и Наука. т. II. Практическіе выводы. 907. 2 р. 25 к.
Рѣшенія Правит. Сената по желѣзно-дорожн. дѣламъ. 906. 4 р.
Рябчиковъ. Уставъ о содержащ. подъ стражею со всѣми узак. и распор. прав. по тюремн. части, по слѣдов. по 1 янв. 1909 г. Изд. 2-е. 909. 4 р.
Смерть и увѣчье при эксплоатаціи жел.-дорогъ по рѣш. Сен. 907. 40 к.
Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. съ алф. хрон. указ. изд. карм. въ пер. 1 р.
Уставъ уголовн. Судопр. по прод. 1906 г. съ алф. хрон. указ. изд. карм. 909 г. въ пер. 1 р. 50 к.
Учрежденіе Судебн. Установленій карманн. изд. съ указат. На дняхъ поступитъ въ продажу.
Фонъ Цуръ-Мюленъ. Положеніе о Государствен. промысл. налогѣ съ позднѣйш. узак. и дополн. по прод. св. Зак. 1906 и 1908 г., а также съ рѣш. Правит. Сен., циркуляр. и разъясн. Министерства финансовъ по октябрь 1909 г. изд. 1910 г. 2 р. 50 к. въ перепл. 3 р.
Чагинъ. Правила о производствѣ Судебн. дѣлъ. гдѣ земск. нач. и времен. прав. о волостн. судѣ съ алф. и сравнит. указ. изд. 6-е. 909. 2 р.
Энсонъ. Англійскій парламентъ, его конституц. законы и обычаи. 908. 2 р. 25 к.
Шрамченко. Уставъ о промышленности фабр., зав., и ремесл. съ рѣш. Сен. изд., 3-е. 909. 3 р.
Шрамченко и Ширковъ. Уставъ угол. судопр. съ разъясн., изд. 4-е, 909. 4 р. 50 к.

Открыта подписка на новое изданіе
Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ:

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
М. Н. ПОКРОВСКАГО,

при участіи **Н. М. Никольскаго** и **В. Н. Сторожева**, со вступительнымъ историко-геологическимъ **очеркомъ россійской равнины В. К. Агафонова**. Изданіе ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ **подвести итоги** тому, что сдѣлано до сихъ поръ **въ области исторіи русской культуры**, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи“ дастъ не только схему, но и **возможно богатую фактами картину культурнаго развитія**. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности **самостоятельнаго сужденія** о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, къ каждой изъ пяти частей „Русской Исторіи“ будутъ даны особыя прилож. (всего 25—30 печатн. лист.), **заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатымъ комментаріемъ**. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ **богато иллюстрирована** снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (**до 100** аллюстрацій на отд. листахъ, воспроизведенныхъ способами *Mezzotinto Duplex и Mattdruckkunst*), а также историческими **картами и картограммами**. Для иллюстраціи геологической исторіи Россіи будетъ дано болѣе 80-ти рисунковъ и болѣе 10-ти схематическихъ **картъ**. Указанныя выдержки въ связи съ особенностями **самаго** текста и иллюстраціями къ нему **должны сдѣлать „Русскую исторію“ своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведен. и учителей начальной и средней школы.** Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большого формата въ 10 выпускахъ. **Цѣна изданія по предварительной** подпискѣ съ пересылкой **20 р.; 2 р.** уплачивается при заказѣ и по **1 р. 80 к.** при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.—Первый выпускъ выйдетъ въ январѣ с. г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ва „МІРЪ“.

Карусъ Штерне

„ЭВОЛЮЦІЯ МІРА“.

Научно-популярн. исторія міросозданія и начатковъ культ. Переводъ подъ ред. **В. К. Агафонова** съ послѣдн. нѣм. изд., переработан. **В. Бельше**, съ дополн. статьями проф. **Н. А. УМОВА** и **Н. А. Морозова**. Изданіе составитъ 10 вып., по 128—169 стр. каждый, и будетъ заключ. около **820 рисунк., въ т. ч. 49 однотонныхъ цвѣтныхъ** на отдѣльныхъ листахъ. **Цѣна изданія съ пересылкой безъ переплета 15 руб.; въ изящномъ дерматиновомъ переплетѣ въ 3-хъ томахъ 17 р. 25 к.** Условія подписки: 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждаго выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждаго тома, по 10 к. за переводъ платежа. Вышло 7 выпусковъ.

Исторія русской литературы
XIX ВѢКА.

Подъ ред. академика *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.*

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ *С. К. Маковскаго.*

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО,

Главная контора Т-ва „Міръ“, Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: Спб., Невскій, 104, Кіевъ, Кузнечная, 14, кв. 5.

БОЛЬШАЯ АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ **П. КРЫЛОВА**

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 3.

Предлагаю слѣдующія изданія по удешевленной цѣнѣ. ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и заграницей. Спб. 1 р. 30 к.

Ващенко-Захарченко. Проф. Начала Евклида съ поясним. введеніемъ и толкованіями. К. 80. 10 р. Рѣдкое изданіе.

Варбъ. Наемные сельско-хоз. рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. М. 1 р. 50 к.

Весселн. О распознаваніи гравюръ и собираніи, пособіе для любит. съ 2 табл. монограм. М. 82.—3 р.

Въ защиту слова. Литературн. сборн. Спб. Вм. 2 р. за 1 р.

Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. М.—1 р.

Дюваль, М. Основы физіологіи, съ 219 рис. М. 900. Вм. 3 р. 75 к. за 2 р. 50к.

Зиберъ, Н. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. Спб. 98.—2 р. 25 к.

Зиммель. Проблемы философіи исторіи. М.—60 к.

Игумновъ. Уставъ гражданскаго судопроизвод. съ законод. мотивами разъяснен. дополн. и измѣн.; 2-е изд. Спб. 94. Вм. 7 р. за 2 р.

Каменскій, В. Французско-Русскій словарь. Одобр. Уч. Ком. М-ва Нар. Просв. и М-ва Финанс. Спб. Вм. 5 р. за 3 р.

Ланге. Эмоціи, психолог. этюдъ.—30 к.

Ле-Дантекъ. Живое вещество. Жизнь и смерть. М.—75 к.

Ле-Дантекъ. Индивидуальная эволюція наслѣдств. и Неодарвин. М.—1 р.

Лагерлёфъ. Легенды о Христѣ. Спб.—1 р.

Лемманъ д-ръ. Иллюстр. исторія суевѣрій и волшебства отъ древн. и до нашихъ дней. Со 154 рис. М. Вм. 4 р. за 3 р.

Луначарскій. Этюды критическіе и полемическіе. М.—1 р. 80 к.

Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи. М.—80 к.

Мережковскій. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. 3 тома. 5 р. 75 к.

Монтгомери. Его не поняли. Повѣсть. Спб.—45 к.

Мордовцевъ. Полное собраніе сочин. 50 томовъ.—12 р.

Милль, Дж. Автобіографія. М.—75 к.

Науманъ, Эм. Проф. Иллюстр. Всеобщая исторія музыки, развитіе музыкальнаго искусства, съ древн. временъ до XIX в. 3 т. Спб. 99. Вм. 7 р. 50 к. за 3 р.

Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, состав. Людоговскимъ Стебутомъ, Чернопятовымъ и Фадѣевымъ. 2 т. Спб. 1875 г. Рѣдкое изданіе.—8 р.

Никольскій, В. Русская живопись, историко-критич. очерки, съ 4 геліограв. на отд. лист. 86 портр. художн. и 382 фототипогр. съ картинъ акварелей и рис. Спб. Вм. 6 р. за 3 р.

Оболенскій. Рысистое дѣло за границей, тренированіе, содерж. и воспитаніе рысака по Американской системѣ, съ рис. М. Вм. 2 р. за 1 р.

Осмнадцатый вѣкъ. Историч. сборн., издав. П. Бартеневымъ. Т. 2, 3, 4. М. Вм. 9 р. за 3 р.

Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, съ карт. и картою. Спб. 909.—1 р. 50 к.

Полибій. Всеобщая исторія, т. III. кн. XXVI—XL. Указатель въ перев. Мищенко. Вм. 4 р. за 2 р.

Петровъ. Паровые котлы, формулы и табл. для опред. прочности паров. котловъ и ихъ частей. Спб. Вм. 4 р. за 2 р.

Право и Миръ. Въ междунар. отнош. подъ ред. Комаровскаго. М.—2 р. 50 к.

Ревиль. Религія въ Римѣ при Северахъ. М.—1 р. 50 к.

Савичъ, І. Русское горное законодательство съ разъясненіями, уставъ горный со всѣми продолжен. новѣйш. узаконен. инструкц. распоряж. Мин-въ и опредѣлен. пр. Сената. Спб. 905. Вм. 7 р. за 4 р.

Свѣтловъ. Терпсихора (Балетъ) статьи, очерки и замѣтки, роскошное изд. въ пер.—3 р.

Спенсеръ. Классификація наукъ, М.—50 к.

Тихонравовъ, Н. Русскія драматическія произведенія (1672—1725 г.). 2 т. Спб. 74. Вм. 8 р. за 4 р.

Уордъ. Очерки соціологіи. М. 1 р.

Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. М. 1 р.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Ч. I, перев. Голованова. Иллюстр. изд. М.—1 р. 50 к.

Фулье. Темпераментъ и характеръ. М.—1 р.

Шульце-Геверницъ. Крупное производ. въ Россіи. М.—75 к.

Шиллеръ, Ф. Собраніе соч. въ 2-хъ т. въ одномъ роскошн. перепл. съ иллюстраціями.—3 р.

Штраусъ. Вольтеръ. М.—80 к.

Энциклопедическій словарь, Ефрона и Брокгауза, 86 полут. (полный и новый экз.) Вм. 258 р. за 125 р. Цѣна его безъ пересылки.

Полный каталогъ книгъ (около 5.500 названій) высылается безплатно. Составленіе библіотекъ и читаленъ и высылка вновь выходящихъ книгъ, а также розыскиваніе всевозможныхъ рѣдкихъ и распроданныхъ изданій.

Книгоиздательство „ПРОМЕТЕЙ“

Спб., Поварской, 10.

БЕЛЛЕТРИСТИКА:

Амфитеатровъ, А. В. Сумерки божковъ. Ром. ч. I—1 р. 25 к., ч. II—1 р. 50 к.
Его-же. Противъ теченія.—1 р.
Его-же. Антики.—1 р. 25 к.
Его-же. **ДЕВЯТИДЕСЯТНИКИ.**—1 р. 25 к.
Волинъ, Ю. Разсказы.—1 р.
Войничъ. Оводъ.—75 к.
«Вершины». Сборникъ.—1 р. 50 к.
Олигеръ, Н. Разсказы т. I.—1 р.
Его-же. Разсказы т. III.—1 р. 25 к.
Рубакинъ, Н. Дѣдушка-Время. — 35 к.
Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе соч. по 1 р.
Ѳедоровъ, А. За океанъ.—1 р.

Базаровъ, В. На два фронта.—2 р.
Вѣтринскій, Ч. Герценъ.—3 р.
Жидъ, Ш. Кооперація.—1 р. 25 к.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собр. соч. т. I—1 р., т. II—1 р. 25 к., т. IV—1 р., т. V—1 р. 25 к., т. VI—1 р. 25 к., т. VII и VIII по 1 р. 50 к.
Ревиль. Іисусъ Назарянинъ. 2 т. по 2 р.
Пфлейдереръ, Отто. О религіи и религіяхъ.—1 р. 25 к.

Книги высылаются почтой наложеннымъ платежомъ.

Каталоги—по требованію.

Косметическая Лабораторія „ДЕВЕСЪ“

выпустила въ продажу

СРЕДСТВА

испытанныя и примѣняемыя въ Первой Россійской ВОЛОСОЛѢЧЕБНИЦѢ врачей спеціалистовъ въ С.-Петербургѣ.

ПРОТИВЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ:

ФЕТИНЪ

противъ выпаденія волосъ въ связи съ сальностью кожи головы и волосъ. Ц. 3 р.

СЕБОРОЛЬ

противъ выпаденія волосъ въ связи съ жирной перхотью. Ц. 2 р. 50 к.

ПИКТОЛЬ

противъ выпаденія волосъ, въ связи съ сухой перхотью и при зудѣ кожи головы. Ц. 2 р. 50 к.

ПІОНАТЪ

при выпаденіи волосъ, сопровождающемся сухостью, ломкостью волосъ и сѣченіемъ на концахъ ихъ. Ц. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ лучш. апт. складахъ и наложеннымъ платежомъ черезъ Главную Контору „ДЕВЕСЪ“,

СПБ. Кирпичный пер., д. 1, кв. 13.

Тамъ же безп. подр. брошюра: „Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія“.

САМОУЧИТЕЛИ

РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ.

Асфальтовыя работы съ 6 рис.—30 к. Вагетно-рамочное пр.—30 к. Бочарное дѣло съ 50 рис.—40 к. Веревочно-канатное пр. съ 52 рис.—30 к. Водяные двигатели съ 15 рис.—40 к. Вѣтряные двигатели съ 27 рис.—40 к. Выжиганіе по дереву съ 24 рис. и 2 черт.—25 к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис. и 1 черт.—30 к. Гончарное пр. съ 16 рис.—30 к. Домашн. электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Дрожжевое пр.—30 к. Дѣтскія полезн. ремесла съ 71 рис.—40 к. Женскія рукодѣлія съ 48 рис.—30 к. Жестяныя работы съ 68 рис.—40 к. Живопись брызгами съ 4 рис. и 1 черт.—30 к. Зеркальное пр. съ 3 рис.—30 к. Золоченіе и серебр. по дереву и металлу съ 14 рис.—30 к. Инкрустація и мозаика съ 7 рис.—30 к. Бумажное пр. съ 7 рис. 30 к. Какъ дѣлать клѣтки съ 19 рис. и 2 черт.—30 к. Каменная кладка съ 41 рис.— 30 к. Резиновое пр. съ 15 рис.—60 к. Керосиновые и бензиновые двигатели съ 20 рис.—40 к. Клеёночное пр.—30 к. Приготовл. клейстера и гуміарабика—30 к. Раскройка кожъ съ 50 рис.—30 к. Кожевенное пр. съ 5 рис.—30 к. Колбасное пр. съ 40 рис.—50 к. Корзиночное пр. съ 52 рис.—30 к. Красильщикъ-люб.—30 к. Краснодеревецъ 92 рис.—30 к. Крахмальное пр. съ 11 рис.—20 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-люб. съ 46 рис.—30 к. Клееваренное пр. съ 14 рис.—30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе—30 к. Маляръ-люб.—30 к. Маслойное пр. съ 28 рис.—25 к. Мукомольное пр. съ 27 рис.—50 к. Мыловаръ-практ. съ 36 рис.—40 к. Набивка чучелъ съ 42 рис.—30 к. Обойщикъ-люб. съ 67 рис.—30 к. Охотникъ-люб. съ 22 рис.—30 к. Переплетчикъ-люб. съ 76 рис.—30 к. Печатное дѣло съ 22 рис.—40 к. Пиротехникъ-люб. 35 рис.—40 к. Плетеніе сѣтей съ 30 рис.—30 к. Плотникъ-люб. съ 85 рис.—30 к. Полировка, шлифовка и лакировка—50 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Постройка лѣстницъ съ 39 рис.—30 к. Починка резин. галошъ—30 к. Парусное плаваніе 29 рис.—60 к. Предохраненіе дерева отъ гніенія—30 к. Приготовл. картинъ для волшебн. фонаря съ 2 рис.—30 к. Приготовл. колесн., сбруйн. и сапожн. мази—30 к. Производ. ваксы - 25 к. Произв. замковъ—30 к. Произв. непром. тканей—30 к. Произв. портландъ-цемента съ 25 рис.—40 к. Произв. рог. и костян. издѣлій съ 25 рис.—30 к. Произв. слив. и чухон. масла съ 15 рис.—30 к. Содовое пр. съ 10 рис.—30 к. Стеклянное пр. съ 22 рис.—30 к. Домашнее приготовл. растительн. и животн. красокъ—30 к. Домашнее приготовл. минеральн. красокъ—30 к. Протрава или окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Прохладительные напитки—30 к. Работы изъ сучьевъ съ 18 рис. и 1 черт.—25 к. Работы изъ папьемаше съ 9 рис.—30 к. Работы изъ проволоки съ 32 рис.—30 к. Раб. металлич. гвоздик. съ 5 рис. 1 черт.—30 к. Ретушеръ-люб. съ 2 рис.—30 к. Ручные насосы и тараны съ 45 рис.—30 к. Рѣзчикъ-люб. съ 60 рис.—30 к. Рыбная ловля съ 54 рис.— 30 к. Самодѣльн. волшебн. камера съ 5 рис.—30 к. Самодѣльн. волшебн. фонарь съ 9 рис.—30 к. Сапожникъ-люб. съ 47 рис.—30 к. Сельскій землемѣръ съ 43 рис.—30 к. Скорняжное дѣло—30 к. Слесарь-люб. съ 68 рис.—30 к. Смолокурное пр. съ 19 рис.—30 к. Спичечное пр. съ 17 рис.—30 к. Столяръ-люб. съ 86 рис.—30 к. Сургучное пр.—30 к. Сухіе гальванич. элементы съ 9 рис.—30 к. Сыроваренное пр. съ 23 рис.—30 к. Техническое черченіе съ 25 рис.—30 к. Тисненіе по кожѣ съ 20 рис. и 1 черт.—25 к. Токарь-люб. съ 72 рис.—30 к. Торфяное дѣло съ 5 рис.—30 к. Приготовл. туалетн. мылъ съ 10 рис.—60 к. Устройство дачн. ледник. съ 15 рис.—30 к. Устройство небольш. мыловар. завода—30 к. Фотогр.-люб. съ 68 рис.—40 к. Хлѣбопекар. дѣло съ 24 рис. Художн.-люб. съ 5 рис.—50 к. Часовщикъ-люб. съ 28 рис.—30 к. Чернильное пр.—25 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 22 рис.—30 к. Щеточникъ-люб. съ 39 рис.—25 к. Устр. электр. звонк. съ 50 рис.—25 к. Эмалиров. посуды съ 6 рис.—25 к.

БИБЛІОТЕКА ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.

Аккумуляторы съ 52 рис.—60 к. Аппаратъ Морзе съ 42 рис.—40 к. Безпроволочный телеграфъ съ 6 рис.—20 к. Безпроволочный телефонъ съ 10 рис.—40 к. Буквопеч. аппаратъ Юза съ 73 рис.—50 к. Гальванич. элементы съ жидкостями съ 63 рис.—40 к. Гальванопластика съ 27 рис.—40 к. Громоотводъ съ 13 рис.—20 к. Домашній электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Какъ изготовить гальваническій уголь съ 4 рис.—10 к. Постройка новаго аккумулятора съ 5 рис.—20 к. Какъ сдѣлать маленькіе аккумуляторы съ 29 рис.—30 к. Постройка машины Клэрка и машины съ токомъ одного направленія съ 16 рис.—20 к. Постройка электрич. двигателя съ 33 рис.—30 к. Постройка динамо-машины съ 25 рис.—30 к. Какъ сдѣлать электрич. звонокъ съ 13 рис.—20 к. Какъ сдѣлать элементъ Лекланше съ 9 рис.—20 к. Дешевое элект. освѣщеніе электрич. лампочками накаливанія съ 35 рис.—30 к. Постройка электрич. приборовъ и игрушекъ со 152 рис.—80 к. Спутникъ электро-монтера съ 40 рис.—60 к. Сухіе элементы съ 9 рис.—30 к. Телеграфированіе безъ проводовъ съ 40 рис.—60 к. Телеграфн. аппар. Уитсона съ 39 рис.—50 к. Телеграфъ и телефонъ съ 79 рис.—50 к. Телефонъ съ 59 рис.—30 к. Трехфазный токъ съ 13 рис.—40 к. Устройство и ремонтъ электрич. звонковъ съ 20 рис.—20 к. Электрич. звонки съ 50 рис.—25 к. Электрич. трамвай съ 11 рис.—20 к. Электрич. и воздушные звонки съ 45 рис.—60 к. Электрич. освѣщеніе со 100 рис.—40 к. Электродвигатели съ 29 рис.—40 к. Электротехника съ 39 рис.—75 к.

Выс. налож. платеж. книжн. складъ А. Ф. Суховой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТОЛЯРНЫЙ ПЕР., 9.

Пересылк. 1 книги—13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—25 к., 4 кн.—31 к., 5 кн.—35 к. За наложен. плат. отдѣльно 10 коп. При выпискѣ на 2 руб. и болѣе пересылка безплатно.

ЖИВЫЯ СЛОВА

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

Пять граммофонныхъ пластинокъ записанныхъ съ голоса великаго писателя

Акц. О-омъ ГРАММОФОНЪ.

М. 021000. Мысли изъ книги „На каждый день".
С. 21407. Мысли изъ книги „На каждый день".
С. 2-41114. Gedanken aus dem Buche „Für alle Tage".
С. 31329. „Ou'est ce qu'est la Religion".
С. 1412. Thoughts from the book „For every Day".

Часть продажной цѣны съ каждой пластинки поступаетъ въ пользу О-ва Дѣятелей періодическ. печати.

Записаны: **В. Вересаевъ, И. Бунинъ, Н. Телешевъ, Н. Златовратскій, С. А. Муромцевъ, Б. Зайцевъ, Г. Н. Ѳедотова, М. Н. Ермолова, А. И. Южинъ, А. Яблочкина, Н. М. Падаринъ, сестры Любошицъ, Алла Томская, Э. Чарнецкая, г. Пикокъ, г. Канцель.**

Цѣна пластинкамъ: **Грандъ 2 руб., Гигантъ 3 руб.**

Акц. Общество ГРАММОФОНЪ

Москва, Средніе Торговые Ряды, №№ 312/322.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Фонтанка, 58. ХАРЬКОВЪ, Николаевская пл., 18. ТИФЛИСЪ, Головинскій пр. № 9. РОСТОВЪ н/Д., Б.-Садовая, Гор. д. ОМСКЪ, Любинскій пр., д. Ганшиныхъ

и во всѣхъ граммофонныхъ магазинахъ.

TRADE MARK
ГРАММОФОНЪ

Готовится къ выпуску сборникъ съ портретами, біографіями и отрывками изъ произведеній, записанныхъ на пластинкахъ: Л. Н. Толстого, другихъ писателей и многихъ обществен. дѣятелей.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ КАЖДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Книга эта получила колоссальное распространеніе во всѣхъ странахъ міра.

СОДЕРЖАНІЕ:

Идеалъ женщины.—Женщина, какъ жена и мать.—Уходъ за ребенкомъ.—Дѣтскія болѣзни.—Гигіена женщины.—Женскія болѣзни.—Одежды женщины.—Хозяйка.—Кухонная утварь.—Рукодѣліе.—Устройство дома.—Хорошій тонъ. — Положеніе русской женщины въ обществѣ и проч.

Большой томъ въ 500 страницъ.

Цѣна съ доставкой и налож. платежомъ—**2 р.**, въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 114, кв. 14.—А.

Сборникъ дѣйствующихъ

ЗАКОНОВЪ О ЕВРЕЯХЪ.

Составленъ подъ руководствомъ **Г. В. Сліозберга.**

Изданіе 1909 года.

Цѣна съ пересылкой и наложен. платежомъ—2 рубля.

С.-Петербургъ, Невскій 114 — А, книжный магазинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ.

На ежедневную политическо-общественную газету.

„ТЕРЕКЪ"

«Терекъ будетъ, какъ и прежде, посвященъ нуждамъ Сѣвернаго Кавказа. Строгая нелицепріятная правда; строгое охраненіе интересовъ разнообразнаго населенія нашей окраины безъ различія національностей, вѣроисповѣданій — таковы основные принципы изданія.

Подписная плата: на годъ 7 руб. на 6 мѣс.,—4 р. на 3 мѣс.,—2 р. 50 к., на 1 мѣс. —1 р. съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Разсрочка: при подпискѣ три руб., 1 апрѣля и 1 іюля по два руб. и обязательно должно быть заявлено о разсрочкѣ при подпискѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ (Двадцатый годъ изданія).

Сибирскій Листокъ

выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 1 годъ—5 руб.; на $^{1}/_{2}$ года—3 руб.; на 3 мѣс.—1 руб. 50 коп.; на 1 мѣс.—60 коп.

Цѣна объявленій за строку петита на первой страницѣ 20 коп., на послѣдней—10 коп. За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню.

Мелкія суммы принимаются почтовыми марками. Иногородніе адресуютъ. Тобольсъ. Редакція «Сибирскаго Листка».

Редакторъ-Издательница *М. Н. Костюрина.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

на прогрессивную общественно-политическую и литературную газету

„Оренбургскій Край"

(Годъ изданія III-й).

„Оренбургскій Край" выходитъ въ г. Оренбургѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ столичныхъ газетъ.

Изъ извѣстн. писателей изъявили согласіе на участіе въ „Оренбургскомъ Краѣ" С. С. Кондурушкинъ и Скиталецъ (Петровъ).

Кромѣ того въ „Оренбургскомъ Краѣ" принимаютъ участіе члены Государственной Думы Θ. А. Владиміровъ и М. О. Гродзицкій.

Для служащихъ въ правительственныхъ, общественныхъ и торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ допускается разсрочка.

Завѣдующимъ редакціей приглашенъ В. Г. Петровъ (Валеріанъ Петровъ).

За редактора Н. А. Ивановъ. Издатель Е. М. Городисскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ЕЖЕДНЕВНУЮ газету на 1910 годъ.

„ДОНЪ"

Сорокъ третій годъ изданія. (ВЪ ВОРОНЕЖѢ).

Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ: На годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—75 к., съ пересылкой въ другіе города: На годъ—7 р., на полгода—4 р., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Ред.-Издатель *В. Веселовскій.*

(Годъ изданія сорокъ пятый)

„Астраханскій Листокъ"

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: На 1 годъ—7 р. 50 к., на полгода—3 руб. 75 к., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.*

Сочиненія лучшихъ авторовъ

ПО ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ

предлагаетъ книжный магазинъ А. К. ГОМУЛИНА. Спб., Литейный, 49. Тел. 84-26.

!!!Цѣны указаны безъ пересылки, упаковка безплатно!!!

Пересылка по дѣйствительной стоимости на счетъ покупателя высылается наложен. при задаткѣ 1/3 задатка.

РУССКІЕ АВТОРЫ.

Приложеніе къ журналу „Нива" и др.

Боборыкинъ, П. 12 т. ц. 2 р. 50 к.
Гоголь, Н. 12 т. ц. 2 р., тоже въ 2 т. 1 р.
Гончаровъ, И. 12 т. ц. 5 р.
Горбуновъ. 4 т. ц. 75 к.
Григоровичъ, Д. 12 т. ц. 5 р.
Данилевскій, Г. 24 т. ц. 3 р. 50 к.
Достоевскій, Ѳ. 24 т. ц. 8 р. 50 к.
Жуковскій, В. 12 т. ц. 1 р.
Лѣсковъ, Н. 36 кн. ц. 3 р. 50 к.
Михайловъ, А. (Шеллеръ) 50 кн. ц. 3 р. 50 к.
Салтыковъ, М. (Щедринъ) 40 кн. ц. 5 р.
Станюковичъ, К. 40 кн. ц. 4 р.
Толстой, А. 12 кн. ц. 2 р. 50 к.
Тургеневъ, И. 12 т. ц. 9 р.
Успенскій, Гл. 28 кн. ц. 3 р. 50 к.
Чеховъ, А. 16 т. ц. 6 р. 50 к.
Левитовъ, А. 18 кн. ц. 3 р. 50 к.
Писемскій, А. 24 т. ц. 18 р.
Пушкинъ. Полное собр. соч. Вольфа въ 3 р. Изд. Сытина безъ пер. 2 р.
Гауптманъ. 10 кн. 1 р. 25 к.
Гейне, Генр. 16 кн. 1 р. 50 к.
Крестовскій., Вс. 8 т. (10 р.) 8 р.
Лермонтовъ. Изд. Маркса 2 т. 1 р. 50 к.
Те-же подъ ред. Смирновскаго въ пер. 1 р. 50 к.
Никитинъ. Соч. 4 р.
Плещеевъ, А. 4 р.
Помяловскій. Соч. 2 т. въ пер. (4 р.) 3 р.
Кольцовъ. Отъ 20 к. до 1 р. 50 к.
Шекспиръ. Изданіе Брокгауза въ пер. (37 р. 50 к.) 22 р. 50 к.
Шиллеръ. Изд. Брокгауза въ пер. (30 р.) 18 р.
Байронъ. Изданіе Брокгауза въ пер. (22 р. 50 к.) 16 р.
Ибсенъ. 18 т. 3 р.
Золя. Соч. 40 т. (20 р.) 10 р.
Гюи-де Мопасанъ. 13 т. 4 р.
Печерскій. 22 т. 4 р.
Навроцкій. Сказанія минувшаго. Книга 2 и 3 (3 р. 50 к.) 2 р.
Козловъ, П. Переводчикъ Байрона и др. 4 т. (5 р.) 2 р. 50 к.
Радищевъ, А. Н. Соч. 2 т. 1 р. 25 к.
Философовъ. «Слова и жизнь». Литературные споры новѣйш. врем. (1 р. 25 к.) 50 к.
Мережковскій. Въ тихомъ омутѣ. (1 р. 25 к.) 50 к.
Яблочковъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи съ древнихъ временъ до Александра II включит. (4 р.) 2 р.
Бодлэръ, Ш. Цвѣты зла. (75 к.) 50 к.
Люди въ воздухѣ, дирижабли и аэропланы со многими иллюстр. (1 р.) 75 к.
Дюфуръ. Исторія проституціи во Франціи. (1 р.) 50 к.
Джіу-Джитсу. Японская гимнастика. (1 р. 50 к.) 75 к. со многими иллюстр.

Каталогъ удешевл. книгъ безплатно.

„СПЕРМИНОЛЬ"

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ обмѣна веществъ (діабетъ, подагра, рахитъ), при неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой слабости, спинной сухоткѣ, невралгіи, при переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операцій и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ сердечной дѣятельности (міокардитъ, ожиреніе сердца), сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за 1/2 часа до ѣды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра **Ф. М. Блюменталя** въ Москвѣ, оказалось, что **„СПЕРМИНОЛЬ" Леопольда Столкинда** содержитъ цѣлебной части **спермина** значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. Пеля и другихъ фирмъ.—Копія протокола анализа высылается безплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДЪ и К°.**
МОСКВА, Никольская, 17/19. **БЕРЛИНЪ** О, 27/4.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдующій лабораторіей: **инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.**

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

МАЯ 2

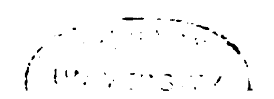
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

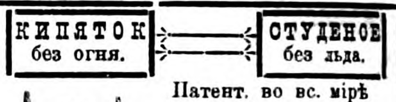


Натуральная Кавказская углекисло-щелочная вода

БОРЖОМЪ

ПРЕВОСХОДНАЯ
ЛѢЧЕБНАЯ ВОДА.

При Боржомѣ и нужной діэтѣ **нѣтъ мѣста** упорнымъ заболѣваніямъ желудочно-кишечнымъ и печени, отложеніямъ песка и камней **въ** желчныхъ и мочевыхъ путяхъ, проявленіямъ разстройствъ обмѣна веществъ: подагрѣ, ожирѣнію и діабету.



Патент. во вс. мірѣ
НАСТОЯЩІЕ СОСУДЫ

ТЕРМОСЪ

только со штемп.
THERMOS-PATENT
сохран. напитки и кушанья
БЕЗЪ ОГНЯ и БЕЗЪ ЛЬДА
24 часа горячими или 2 недѣли холодными.

Продаются въ магазинахъ: дорожн. принадлежн., оружейн., аптекарск., посудныхъ и т. п. Исключ. прод. для вс. Россіи у фирмы: Export-Bureau J. Feinstein, Berlin N. W. 52, Thomasiusst. 18.

Остерегайтесь поддѣлокъ!
Наст. только со шт. THERMOS-PATENT.

Санаторія „СОКОЛЬНИКИ"

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА,

Москва, Сокольники, Поперечн. просѣкъ. Телеф. 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней. **НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102-77.

ЛѢЧЕБНИЦА д-ра мед. Н. П. ПОСТОВСКАГО

ДЛЯ НЕРВНО- И ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ.

Плата въ мѣсяцъ отъ 60-ти руб. до 200 руб. Москва, Трехгорная застава, дача Тѣстова. Телеф. лѣчебницы 99-82, д-ра Постовскаго 241-6.

Продолжается подписка на выходящую съ ноября 1909 г. отдѣльн. том. через каждые 1—1½ мѣсяца серію книгъ подъ общимъ названіемъ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и МОНОГРАФІЯХЪ („ВОСПИТАНІЕ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ") подъ общей редакціей Алекс. Петров. Нечаева, профессора С.-Петербургской Педагогической Академіи, завѣдывающаго Лабораторіей Экспериментальной Педагогической Психологіи при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебнаго вѣдомства.

И ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

Я. Л. Барснова, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, прив.-доц. В. Е. Игнатьева, Я. И. Ковальскаго, Н. Н. Кульмана, проф. А. Ф. Лазурскаго, проф. И. И. Лапшина, Д. М. Левшина, П. Г. Мижуева, прив.-доц. А. Павл. Нечаева, проф. В. В. Половцева, проф. С. В. Рождественскаго, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. Е. Румянцева, С. И. Сазонова, Д. Э. Теннера, Н. В. Чехова, С. И. Шохоръ-Троцкаго и друг.

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ" является настольной книгой для родителей, воспитателей, общественныхъ дѣятелей и вообще лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу воспитанія. Въ обстоятельномъ и популярномъ изложеніи она говоритъ о здоровомъ и больномъ ребенкѣ, о правильномъ физическомъ и душевномъ развитіи дѣтей дома и въ школѣ, о постановкѣ дѣла воспитанія и образованія въ Россіи и за границей. Она разбираетъ вопросы о дѣтскомъ чтеніи, дѣтскихъ садахъ, экскурсіяхъ, играхъ, и вообще охватываетъ всестороннее развитіе человѣка съ самаго ранняго возраста до вступленія его въ сознательную жизнь.

ВСЕ ИЗДАНІЕ БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ 15 СЛѢДУЮЩИХЪ ТОМОВЪ:

Физическое развитіе дѣтей. ■ Душевная жизнь дѣтей. ■ Гигіена умственнаго и физическаго труда. Подвижныя игры, гимнастика, спортъ, ручной трудъ. ■ Дѣтскія болѣзни. ■ Нервно-больныя дѣти въ семьѣ и школѣ. (Педагогическая невро- и психо-патологія). ■ Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. ■ Очеркъ исторіи русской школы и современное состояніе народнаго образованія въ Россіи. (Два тома). ■ Главные моменты въ развитіи школы въ Западной Европѣ и Америкѣ. ■ Современная школа въ Западной Европѣ и Америкѣ. ■ Современныя теченія педагогической мысли. ■ Методы первоначальнаго обученія. (Два тома). ■ Дѣтская литература. ■ Дѣтскіе сады. Наглядныя пособія. Педагогическіе музеи. Организація экскурсій.

Изданіе будетъ снабжено рисунками, портретами, діаграммами, таблицами въ текстѣ и на отд. листахъ. Цѣна изданія въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой 18 руб., въ провинціи съ пересылкой 20 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится 2 руб.; при полученіи каждаго изъ первыхъ 12 томовъ по 1 р. 25 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 40 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи; при полученіи 13-го тома 1 руб. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 20 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи. Послѣдніе два тома безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. при каждой посылкѣ.

Въ ноябрѣ мѣс. 1909 г. вышелъ и разсылается подписчикамъ первый томъ: **ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:** Составилъ Н. В. Чеховъ, съ приложеніемъ библіографіи по вопросамъ дѣтской литературы и дѣтскаго чтенія, составленной А. Е. Корольковымъ. М. XVI+256 стр. со 107 иллюстраціями въ текстѣ. **СОДЕРЖАНІЕ ЭТОГО ТОМА:** Дѣтская литература и ея задачи. Историческій очеркъ дѣтской литературы. Русскіе дѣтскіе журналы. Иллюстраціи къ дѣтскимъ книгамъ. Книги для дѣтей дошкольнаго возраста. Русская художественная литература для дѣтей. Сказки. О выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

Болѣе подробный проспектъ высылается безплатно. **Книгоиздательство «ПОЛЬЗА» В. Антикъ и К°.**

Москва, М. Гнѣздниковскій пер., д. 70. Телефонъ 124-24. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Моховая, 28. Телефонъ 51-56.

Объявленіе книжнаго склада „ОСВОБОЖДЕНІЕ" (на оборотѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ОСВОБОЖДЕНІЕ“ Спб., Невскій пр., 92—Б.

Современная библіотека русской литературы въ выпускахъ по 10 к.

1. **Леонидъ Андреевъ.** Въ туманѣ.
2. **Ф. Сологубъ.** Въ толпѣ.
3. **Леонидъ Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
4. **М. Арцыбашевъ.** Сказка стараго прокурора.
5. **Евг. Чириковъ.** Въ отставку.
6. **В. Муйжель.** Солдаты.
7. **Евг. Чириковъ.** На порогѣ жизни.
8. **Евг. Чириковъ.** Студенты пріѣхали.

9—10. **Леонидъ Андреевъ.** Губернаторъ.

11. **Евг. Чириковъ.** На порукахъ.
12. **Евг. Чириковъ.** Капитуляція.

13—14. **А. И. Купринъ.** Молохъ.

15. **Евг. Чириковъ.** Блудный сынъ.
16. **Горг. Чулковъ.** Невѣста.
17. **Скиталецъ.** Любовь декоратора.

18.—20. **Сем. Юшкевичъ.** Распадъ.

21. **А. И. Купринъ.** Рѣка жизни.
22. **Борисъ Зайцевъ.** Аграфена.
23. **Евг. Чириковъ.** Въ лѣсу.
24. **А. И. Купринъ.** Съ улицы.

25—26. **Семенъ Юшкевичъ.** Голодъ. Между двухъ береговъ.

27. **Н. Телешовъ.** Черною ночью.
28. **А. Серафимовичъ.** Новая тюрьма.
29. **А. И. Купринъ.** Шт.-кап. Рыбниковъ.
30. **М. Арцыбашевъ.** Паша Тумановъ.
31. **А. Каменскій.** Ничего не было.
32. **С. Елпатьевскій.** Савелій.
33. **Л. Мельшинъ.** Любимцы каторги.
34. **Н. Телешовъ.** Сухая бѣда.
35. **Н. Олигеръ.** На аванпостахъ.

Новыя изданія склада:

У источника жизни. Наст. книга по полов. воспитанію. Съ пред. **проф. А. П. Нечаева** и вст. статьей жен.-вр. **Л. В. Писаревой**, ц. 1 р. 75 к.

Г. Зудерманъ. Пѣсня пѣсней, ц. 1 р. 50 к.

В. Бельше. Монизмъ, ц. 30 к.

Проф. Черни. Врачъ, какъ воспит. ребенка, ц. 50 к.

Проф. Ав. Форель. Половой вопросъ. 3-е рус. исп. и доп. изд. Съ пред. **проф. В. М. Бехтерева**, ц. 2 р. 50 к.

А. И. Купринъ. Дѣтскіе разсказы, ц. 1 р. 25 к. въ перепл. ц. 1 р. 60 к.

А. И. Свирскій. Собр. соч. т. I. Разск. ц. 1 р. 25 к.

Марсель Прево. Собр. соч. т. I. Муки ада, ц. 1 р.

Марсель Прево. т. II. Любовь женщины, ц. 1 р.

А. Каменскій. Студенческая любовь, ц. 50 к.

П. Пильскій. Проблема пола въ соврем. рус. литер., ц. 80 к.

Конспекты по всѣмъ предметамъ юридическаго факультета по програм. СПБ. Университета.

Подробные каталоги по первому требованію. Составленіе и пополненіе библіотекъ. Громадный выборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Высылка книгъ по каталогамъ и объявленіямъ всѣхъ фирмъ по ихъ же цѣнамъ. Книги высыл. налож. платежомъ.

Новыя Книги:

ТЕОД. ЛИППСЪ, Самосознаніе, ощущеніе и чувство, перев. **М. А. Лихарева**, 2-е рус. изданіе, Спб. 1910 г. ц. 40 коп. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ «**Новаго Времени**».

ЮЗЕФЪ ПЕТЦОЛЬДЪ, проблема о мірѣ съ точки зрѣнія позитивизма, пер. **М. А. Лихарева**, Спб. 1909 г., ц. 80 коп. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «**Наша Жизнь**» Спб., Литейный пр., 32.

ОМОКОРДЪ

П. Андреевъ.
П. Давыдовъ.
О. Наміонскій.
Л. Лабинскій.
Н. Сѣверскій.
В. Касторскій.
Л. Сибиряковъ.

Г. Морской.
Д. Бухтояровъ.
М. Михайлова.
А. Вяльцева.
А. Нежданова.
Н. Тамара.
В. Панина.

Двухстороннія пластинки-грандъ (10 дюйм.). Послѣднія **МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВИНКИ** въ исполненіи знаменитѣйшихъ артистовъ.

Послѣдн. усоверш. модели совершенно безшумныхъ **ГРАММОФОНОВЪ.**

Требуйте списки! высыл. безплатно.

Торговый Домъ т-ва **„БАЯНЪ“** С.-Петербургъ, Садовая, 40.

Требуйте списки! высыл. безплатно.

НОВАЯ КНИГА:
КРАТЧАЙШІЙ и ДОСТУПНЫЙ КАЖДОМУ

ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

ПОПУЛЯРНОЕ РУКОВОДСТВО для ЖЕЛАЮЩИХЪ ИСПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ на БИРЖѢ.

Предпославъ краткій историческій очеркъ Биржи, авторъ яркими живыми красками рисуетъ картину, **какъ наживаютъ деньги покупкою и продажею бумагъ на Биржѣ, и** даетъ указанія, какъ можетъ въ этомъ принять участіе каждый желающій, при наличности даже 100—200 руб., чѣмъ руководствоваться при выборѣ бумагъ, какъ угадать биржевое настроеніе, отчего бумаги повышаются и понижаются, какъ вести дѣло безъ риска, гдѣ достать кредитъ, какъ выбрать банкира и т. п.

Книга снабжена перечнемъ наиболѣе ходкихъ бумагъ, съ указаніемъ ихъ разцѣнки за 1908 г. по мѣсяцамъ и за 17 предшеств. лѣтъ, дивидена за 3 года и времени его выдачи, необходимыми таблицами и массой примѣровъ, доказывающихъ, что **ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить человѣка, какъ удачныя операціи на Биржѣ.**

Цѣна книги, содержащей 115 стр. убористаго шрифта, **50 к.**, съ перес. **60 к.** (можно марками), съ налож. плат. **75 к.**

Продается во всѣхъ крупн. книжн. магаз., кіоскахъ и на станц. жел. дор.

Иногород. требов. на книгу адресовать:
С.-Петербургъ, Николаевской Артели, Разъѣзжая, 5.

Телегр. адресъ: **Петербургъ Никартель.**

Выписывающіе непосредственно изъ сего склада за пересылку не платятъ.

„ПУТЬ КЪ БОГАТСТВУ", ц. 50 к.

МНОГО ДЕНЕГЪ ЗАРАБАТЫВ.

можетъ всякій, научившись выдѣлывать мыло по новѣйшему руководству. Всѣ сорта, какъ бѣлое, мраморное, туалетное, ядровое и проч., выдѣлываются легко даже нѣсколько фунтовъ, не затрачивая лишнія деньги на обзаведеніе. Цѣна руководству съ рисун. въ роскошн. тисн. зол. переп. съ пер. 2 р. (марк.). Высыл. налож. плат. безъ задат. Спб. Невскій, 108, Т-во Основа.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсячн. возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. **Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обусловливаетъ правильное развитіе костей.**

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ аптекахъ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Увеличивающійся съ каждымъ днемъ спросъ на **Сперминъ-Пеля** вызвалъ въ послѣднее время появленіе множества малоцѣнныхъ поддѣлокъ, предлагаемыхъ подъ разными похожими на **Сперминъ** названіями (сперматинъ, сперминоль, спермоль, секаровскія вытяжки, жидкости и т. д.), причемъ „дѣйствіе ихъ самими поддѣлывателями ставится „наравнѣ и даже выше" **Спермина-Пеля.** Часто поддѣлывателями являются люди, ничего общаго съ медициною не имѣющіе, какъ-то: содержатели аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазиновъ и друг. Понятно, что подобныя поддѣлки ничего общаго съ медициной и наукой вообще не имѣютъ, а для того, чтобы придать научный характеръ своимъ подраженіямъ, поддѣлыватели въ своихъ рекламахъ приводятъ литературу и наблюденія врачей надъ **дѣйствіемъ Спермина-Пеля,** вводя этимъ въ заблужденіе не только больныхъ, но и даже Гг. врачей.

Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ **предостеречь** лицъ, пользующихся **Сперминомъ** отъ подобныхъ поддѣлокъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія ученыхъ и врачей надъ благопріятнымъ дѣйствіемъ **Спермина,** при **неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ болѣзняхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебояхъ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч.,** относятся **исключительно къ Спермину-Пеля,** а потому просимъ при покупкѣ и на фирму, такъ какъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** другіе препараты суть не что иное, какъ поддѣлки **Спермина-Пеля,** по дѣйствію съ нимъ ничего общаго **не** имѣющія, такъ какъ единственно **настоящимъ сперминомъ является Сперминъ-Пеля,** ФЛАКОНЪ **3 руб.** Литерат. высылается по первому требованію безвозмездно.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Профессоръ Докторъ Пель и Сыновья

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ.

УНІОНЪ С.П.Б.

Т-во Книжный Кредитъ.

Льготная РАЗСРОЧКА НА ИЗДАНІЯ специальныя, популярно-научныя и художественныя. Изданія М. Вольфа, К. Риккера, А. Девріена, А. Суворина, Т-ва Голике и Вильборгъ, Общественной Пользы и другихъ издателей.

Подробный каталогъ высылается за 5 коп. марку.

Галлерея Кушелева-Безбородко

Императорской Академіи Художествъ. Текстъ М. Дальквича. Изд. Голике-Вильборгъ. Свыше 65 геліогравюръ, 15 факсим. въ краскахъ и 25 геліогр. въ текстѣ. Въ 5-ти вып. въ изящныхъ папкахъ. **Ц. 100 р.**

Русская школа живописи. А. Венуа. 101 характерн. произведеній, воспроизвед. въ краск., геліогр. и фототип. 53 иллюстр., частью въ краскахъ, въ текстѣ. Изд. Голике и Вильборгъ. Ц. 50 р.

Картины Лондонской національной галлереи. Изд. Суворина. Ц. 75 р.

Ванъ-Дейкъ въ избранныхъ произведеніяхъ. Изд. Суворина. Ц. 35 р.

Пушкинъ. Собр. сочин. Ред. Ефремова. Изд. Суворина. 8 том. Ц. въ пер. 21 р.

Евгеній Онѣгинъ. Пушкина. Роск. иллюстрирован. акварелями Самокишъ-Судковской. Ц. 8 и 15 р.

Гете. Фаустъ. Съ 50 карт. и офортами Лиценъ-Мейра. Въ перепл. Ц. 15 р.

Исторія внѣшней культуры. Ф. Готтенротъ. Роск. иллюстр. 2 том., въ перепл. 25 р.

Энциклопедія русск. сельск. хозяйства. Изд. Девріена. 11 том., въ перепл. 91 р.

Энциклопедія лѣсного хозяйства. 2 том., въ перепл. 17 р.

Даль. Толков. Словарь русскаго языка. Изд. М. Вольфа, въ 4 том. Ц. 28 р.

Сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзенъ. Роск. иллюстр. рис. художн. Г. Тегнера, въ перепл. 11 р. 50 к.

Монтеверде, Н. Ботаническій атласъ, описаніе и изображеніе растеній русской флоры. 88 таблицъ въ краскахъ; изображено 501 растеніе; съ 813 рисунк. въ текстѣ. По Гофману и др., 3-е изд. Ц. 18 р. 50 к., въ пер. 16 р.

Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка, *К. Гюнтера.* Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. Холодковскаго. 2 том. съ атласомъ (90 табл.). Ц. 20 р., въ перепл. 24 р. 50 к.

Полн. собр. сочин. Влад. Соловьева. Съ біограф. и 3 портр. 9 т. Ц. 16 р., въ пер. 22 р.

Сводъ законовъ Росс. Имперіи. Подъ ред. А. Волкова и Ю. Филиппова. Изд. 4-е, въ 2 том., Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Русская исторія. А. Трачевскаго. 2 т., 96 рис., 9 картъ. Ц. въ пер. 9 р. 60 к.

Исторія русской литературы. Полевого. Роск. иллюстр. 8 том. Ц. въ перепл. 16 р.

Полн. собр. соч. Н. Чернышевскаго. Въ 10 том., съ 4 портр. Ц. 18 р., въ перепл. 25 р.

Полное собр. сочин. Бѣлинскаго. Въ 12 том. (вышло 8 том.) Ц. 21 р.

Импер. Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Н. Шильдера. Съ 480 иллюстр. 4 т. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Исторія новой философіи. Куно Фишера. Перев. съ посл. изд. 9 том. Ц. въ перепл. 40 р.

Корбъ. Дневникъ путеш. въ Московію. Перев. А. Маленна. Иллюст. Ц. въ пер. 12 р. 50 к.

Герберштейнъ. Записки о Московитск. дѣл. Пер. А. Малеина. Съ иллюстр. Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Олеарій. Опис. путеш. въ Московію и Персію и обратно. Перев. А. Ловягина. Съ многочисл. иллюстр. Ц. въ пер. 14 р. 50 к.

Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ. Съ 17 рис., видами и планами. Ц. 3 руб.

По Южной Америкѣ. Путешествіе А. Іонина. 4 кн. въ 2 томахъ. Ц. 10 р., въ перепл. 11 р. 50 к.

Земля и люди. Всеобщ. географ. Элизе Реклю. 1400 рис. 10 том. Ц. въ пер. 50 р.

Россія. Полн. геогр. описаніе. Съ многоч. рис., картами, діагр. Вышло 7 томовъ, стоющихъ 20 р. 15 к., въ перепл. 23 р. 65 к.

Жизнь животныхъ. А. Брэма. 10 т., 99 хромолитогр., 1900 рис., 11 карт. Ц. 50 р., въ перепл. 60 р.

Животный міръ, его бытъ и среда. А. Гааке. Съ рис. Кунерта. 3 тома. 620 рис. въ текстѣ и 120 табл. въ краск. Ц. 24 р., въ перепл. 28 р. 50 к.

Жизнь прѣсн. водъ. К. Ламперта. 380 рис. и 12 таблицъ. Ц. 8 р., въ перепл. 9 р. 50 к.

Птицы Европы. Практическ. орнитологія съ атласомъ. Н. Холодковскій и А. Силантьевъ. 237 рис., 4 карты и 60 табл. въ краскахъ, изображ. 575 птицъ и 183 типичн. яйца. Ц. 18 р., въ перепл. 21 р.

Допускается, по соглашенію,
РАЗСРОЧКА:
задатокъ 10% съ суммы заказа и погашеніе отъ **1 руб.** въ мѣсяцъ.
Высылаются
ВСѢ КНИГИ СРАЗУ.

Телеф. 284-56.

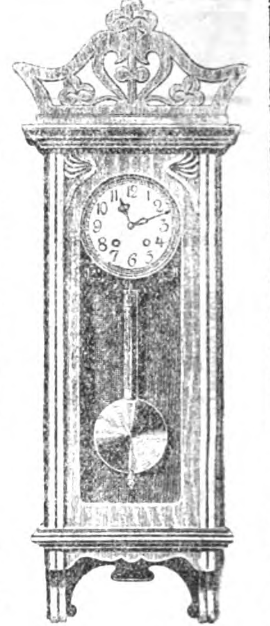
В. ГАБЮ

Москва, Никольская, 15,

существ. съ 1868 года.
ПОСТАВЩИКЪ желѣзн. дорогъ, земствъ, офицерск. общ. и друг. учрежденій.

Громадн. выборъ

Мужскихъ и дамскихъ часовъ золотыхъ, серебряныхъ, серебр.-оксидированныхъ, стальн., перламутровыхъ, и никкелевыхъ.



Столовые ЧАСЫ: дерев. стильные бронз. и мраморн.

РЕГУЛЯТОРЫ Стѣнные ЧАСЫ: Стильные и круглые.

БУДИЛЬН., КАРЕТН, ЧАСЫ, КОНТР. ЧАСЫ ДЛЯ ПРОВ. СТОРОЖЕЙ; ЗОЛОТ. И СЕРЕБР. ИЗДѢЛ.

ПОДРОБН. ИЛЛЮСТРИР. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ, УКАЗЫВАЮЩИМЪ НА ЭТО ОБЪЯВЛЕНІЕ, БЕЗПЛАТНО.

НѢЖНОСТЬ И БѢЛИЗНА РУКЪ И ЛИЦА ДОСТИГАЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ

Мыла изъ чистаго масла какао,

приготовленнаго въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Весьма нѣжнаго свойства; впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжную бѣлизну, мягкость и бархатистость.

Цѣна за кусокъ **80** коп., съ пересылкой **1** руб. **20** коп.;

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы: для Европы: Гамбургъ—**Эмиль Беръ**; Вѣна—**Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—**Е. Лотаръ**; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Іоркъ—**Л. Мишнеръ**.

Главный складъ для всей Россіи: **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская, 15—1**

ДРАХЕНКВЕЛЛЕ. НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

благотворно дѣйствуетъ при катаррѣ желудка, мочевого пузыря, дыхательныхъ органовъ, при болѣзняхъ почекъ, при обнормальномъ увеличеніи желудочныхъ кислотъ, при желчныхъ камняхъ и при діабетѣ. Посовѣтуйтесь съ вашимъ врачомъ. Литература высылается безплатно. Единствен. представитель Л. фанъ-деръ Гувенъ. СПБ., Офицерская, 24.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.

Курсъ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ: ДВОЙНОЙ И ТРОЙНОЙ СИСТЕМЪ.

ДВОЙНАЯ изучается по учебникамъ учредителя, какъ она преподается въ Америкѣ, Англіи, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи. **ТРОЙНАЯ** составляющая *литературную собственность автора*, преподается *правильно въ чистомъ, неискаженномъ видѣ только на курсахъ самого автора.*

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 43. Москва, Б. Тверская, № 18.

Книжный Кредитъ на оборотѣ).

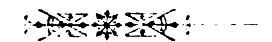
ФЕВРАЛЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и продолжается подписка на 1909 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р. на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ д. 7?, Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра т. е. присылать вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.— отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ОЖИВЛЕННАЯ МѢСТНОСТЬ.

Отъ редакціи.

(По поводу рукописи Успенскаго).

Исторія печатаемой нами посмертной рукописи Глѣба Ивановича Успенскаго такова.

Въ 1875 и 1876 годахъ въ С.-Петербургѣ издавался журналъ „Библіотека дешевая и общедоступная“. Негласнымъ ея редакторомъ былъ Андрей Васильевичъ Каменскій, а Глѣбъ Ивановичъ принималъ въ ней близкое участіе. Въ журналѣ этомъ, носившемъ въ литературныхъ кругахъ того времени названіе „Дешевки“, принимали также участіе многіе изъ молодыхъ литераторовъ. По словамъ Андрея Васильевича Каменскаго, изъ письма котораго я привожу эти свѣдѣнія, руководящимъ геніемъ „Дешевки“ былъ Успенскій. Кромѣ того, журналъ состоялъ подъ покровительствомъ редакціи „Отечеств. Записокъ“ и особенно Ник. Конст. Михайловскаго. Въ немъ печаталась, главнымъ образомъ, переводная беллетристика, очень хорошо подбираемая, но появлялись также и оригинальные разсказы, очерки, стихи и библіографія. Между прочимъ, Александра Васильевна Успенская, жившая тогда въ Парижѣ, присылала въ „Библіотеку“ переводы лучшихъ появившихся тамъ романовъ, подъ редакціей и по выбору Ив. С. Тургенева. Издателемъ библіотеки былъ П. П. Меркульевъ, уральскій казакъ родомъ, другъ извѣстнаго въ тѣ времена Надѣина. Это былъ человѣкъ хорошій, но уже „прогоравшій“, запутавшійся въ малознакомомъ ему дѣлѣ издательства и книжной торговли. Ему принадлежала, между прочимъ, „Русская книжная торговля“ на Невскомъ (потомъ его замѣнилъ мѣняла Горшковъ).

Цензоръ Лонгиновъ очень преслѣдовалъ „Библіотеку“ и прямо задался цѣлью уничтожить журналъ, около котораго, по его словамъ, „собралась шайка изъ покойнаго „Русскаго Слова“. Онъ систематически истреблялъ лучшія статьи, и

въ концѣ концовъ „Библіотека“ дѣйствительно погибла,— отчасти благодаря и разстройству дѣлъ Меркульева. Если бы не эти препятствія, то изъ „Дешевки“ могъ бы выработаться хорошій журналъ, доступный широкой публикѣ. Г-нъ Каменскій еще два года сохранялъ за собою право изданія... Но затѣмъ и названіе исчезло.

Предлагаемый очеркъ Глѣба Ивановича назначался именно для этого журнала и „зарѣзанъ“ Лонгиновымъ. Рукопись писана на почтовыхъ листахъ большого формата, характернымъ мелкимъ почеркомъ Успенскаго, почти безъ помарокъ. Подъ заглавіемъ сначала было написано: „очеркъ“, потомъ, кажется: „деревня“, но оба подзаглавія тщательно зачеркнуты, такъ же какъ римская цифра I, показывающая, что за первой главой должны были слѣдовать другія. На послѣднемъ листочкѣ зачеркнуты слова: „продолженіе слѣдуетъ“ и почему-то тоже подпись „Глѣбъ Успенскій“.

Повидимому, очеркъ этотъ представлялъ только начало большого разсказа, но Успенскій отдалъ его въ „Библіотеку“ въ видѣ цѣльнаго эскиза, къ разработкѣ котораго собирался вернуться въ другомъ мѣстѣ. И, дѣйствительно, по содержанію „Оживленная мѣстность“ очень близка къ позднѣйшей работѣ Успенскаго „Книжка чековъ“, къ которой относится, какъ первоначальный этюдъ къ возникшей изъ него картинѣ. Повторяются даже многія отдѣльныя выраженія. Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, очеркъ представляетъ интересъ, какъ значительный варіантъ въ работѣ любимаго писателя, какъ молодая, свѣжая нота только еще расцвѣтшаго таланта, неожиданно прозвучавшая изъ-за могилы.

Приносимъ выраженіе глубокой благодарности А. В. Каменскому, доставившему намъ эту рукопись. Письма къ нему Глѣба Ивановича, обнимающія періодъ съ 1875 по 1889 годы, мы напечатаемъ въ послѣдующей книжкѣ.

Вл. Короленко.

Благодаря пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ, капиталъ съ каждымъ днемъ получилъ возможность проникать въ болѣе и болѣе отдаленныя и глухія мѣстности русской земли и, какъ пишутъ, сталъ „оживлять“ ихъ, превращать мертвые капиталы въ живые. Это необыкновенное явленіе обходится капиталу не очень-то дешево. Вотъ, напримѣръ, съ одной изъ промежуточныхъ станцій вновь проложенной желѣзной дороги двигается въ эту, до сихъ поръ мертвую, глушь, трехсотпудовое чудовище-паровикъ. Везутъ его на тринадцати тройкахъ, въ сопровожденіи и при содѣйствіи двухсотъ

человѣкъ народу, и при непосредственномъ участіи громаднаго количества водки... „Водкой веземъ",—говоритъ хозяйскій приказчикъ, сопровождающій паровикъ, — и, дѣйствительно, только при ея содѣйствіи оказывается возможнымъ кое-какъ преодолѣть трудности дороги, безсиліе скота и непривычку народа въ обращеніи съ такими благодѣтельными чудовищами; только при помощи водки люди оказываются способными задирать до полусмерти свой скотъ и надрывать иной разъ до смерти свои животы... И, вотъ, сотни кнутьевъ по цѣлымъ днямъ свистятъ вокругъ этого чудовища, сотни людей орутъ и ругаются вокругъ него неистовыми голосами,— и чудовище сердито двигается „оживлять" мертвые капиталы. Правда, иной разъ, свалившись и придавивъ до смерти человѣкъ трехъ мужиковъ, пьяныхъ и ругавшихся,—оно подолгу лежитъ въ какой-нибудь лощинѣ или на провалившемся мосту, и вѣтеръ гудитъ въ немъ страшными голосами, на страхъ всякому проѣзжему и прохожему крестьянину,— но новый пріемъ водки, кнутьевъ и брани, и оно трогается и ѣдетъ дальше и дальше...

Мѣсто, въ которое ѣдетъ это чудовище, — мѣсто, весьма обыкновенное въ Россіи,—то есть глухое, заброшенное, какъ будто-бы никому не нужное. Среди дремучаго лѣса, въ глубокихъ берегахъ течетъ быстрая рѣка,—а за лѣсомъ тянутся безконечныя поля, всегда пустынныя, а среди полей виднѣются бѣдныя-бѣдныя деревеньки. Лѣтомъ все это было зелено и мертво; лѣсъ дѣлался въ эту пору совсѣмъ дремучимъ и стоялъ въ глубокой тишинѣ... Въ глубинѣ его было прохладно и влажно, а нога вязла въ массѣ вѣками накопившейся и гнившей листвы... Зимой, когда все занесло снѣгомъ,—только зайцы, лисицы да волки и ходятъ здѣсь. Изрѣдка, очень изрѣдка, то зимой, то лѣтомъ, — покажется здѣсь баринъ, владѣлецъ этихъ мѣстъ. Впереди его обыкновенно шныряла собака,—а вслѣдъ за ней, задумавшись о чемъ-то, шелъ баринъ... О чемъ думалъ онъ въ то время, будучи постоянно тоскующимъ? Не знаю: но смѣло могу сказать, что не объ этой глуши, не объ оживленіи этихъ громадныхъ полей, дремучихъ лѣсовъ, черныхъ и нищенскихъ деревень. Не думалъ онъ объ этомъ потому, что, несмотря на обиліе всего живого и произраставшаго въ этомъ лѣсу,—мужикъ, который захотѣлъ бы пользоваться этимъ, выводился изъ лѣсу (если только попадался)—со связанными назадъ руками, охотникъ уходилъ безъ ружья, и вообще всякій дѣлался или долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя „воромъ", если задумывалъ поживиться тѣмъ, что никому не принадлежало...

Въ такомъ положеніи было это захолустье долгіе годы:

было въ немъ всего много,—и быстрыхъ рѣчекъ, и плодородныхъ полей, и темныхъ лѣсовъ, но пользы отъ этого не было рѣшительно никакой и никому: баринъ здѣсь почти не жилъ, а крестьянинъ, жившій подъ бокомъ у всей этой благодати, мерзъ отъ холоду по зимамъ въ своихъ черныхъ развалившихся избахъ, нося извѣстный и, повидимому, навѣки закрѣпленный за нимъ титулъ вора и неплательщика. Повидимому, никому ненужно было это мѣсто—крестьянинъ, лежа на печи, говорилъ иной разъ: „хоть бы прибралъ Господь", или „охъ, смерть моя не идетъ!" Баринъ хотѣлъ уѣхать отсюда навсегда. Но вотъ пришло новое время, произошло освобожденіе крестьянъ, и въ воздухѣ пронеслась новая черта, доселѣ какъ бы небывалая. „Мое", „наше"—эти понятія, повидимому, родились на свѣтъ только по освобожденіи крестьянъ, родились вдругъ (тоже повидимому)... Тоскливая апатія барина,—унылая широта его взглядовъ, плановъ, желаній,—тотчасъ окристаллизовались въ понятіе о моемъ и твоемъ, какъ только что-то изъ этой глуши, никому, повидимому, ненужной, „отошло" къ кому-то. „А вѣдь это *право же* мое!" сталъ думать баринъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣй и настойчивѣй.—„Наше, по божески-то ежели разсудить", сталъ думать крестьянинъ, потому что послѣ того, какъ у нихъ что-то отошло къ кому-то,—понятіе о „нашемъ" и о „вашемъ" тоже замѣнило собою апатію, желаніе помереть—и другія черты прежняго влаченія жизни...

„Мое" и „наше" стали тянуть этотъ уголокъ каждый въ свою сторону. Опомнившись отъ продолжительной меланхоліи, баринъ сталъ на стражѣ своего добра. Никогда не думавшій о „своемъ", мужикъ тоже поднялся и, давъ себѣ слово помереть, а не сдаться, убѣдивъ себя, что „наше дѣло правое", тоже сталъ на стражѣ—и... сталъ дѣйствительно „помирать"...—„Согласу,—произнесъ онъ,—согласу нашего нѣтъ".

Забравъ себѣ это въ голову, онъ не сталъ жалѣть денегъ и сталъ хлопотать въ губерніи, въ Питерѣ, доходилъ до царя, нанималъ аблаката, который обѣщалъ привезти указъ отъ самого царя и т. д.

И въ то самое время, когда отставной солдатъ Петровъ сказалъ прямо на сходкѣ, что:

— Наше дѣло правое!—

Явился чиновникъ и объявилъ, что „вамъ вышло на переселъ".

— Вы пропустили сроки!..—объявилъ онъ и сталъ требовать подписки о согласіи къ переселенію въ другія мѣста.

— Согласу нашего нѣтъ!—отвѣчали крестьяне.—Наше дѣло вѣрное.

И стали ждать какого-то „тайнаго“ чиновника изъ Петербурга, который долженъ именно сказать и утвердить дѣломъ, что дѣло ихнее—правое.

Опять ѣдетъ чиновникъ, не изъ Петербурга, а изъ уѣзда, и говоритъ, что дѣло ихъ вовсе не правое, и доказываетъ имъ, почему оно не право.

— Вѣдь сроки пропущены,—дураки вы эдакіе, что же вы хотите еще...

— Нашего согласу не было.

— Если бы не было согласія вашего, вы должны бы были апеллировать въ законный срокъ, а вы срокъ этотъ пропустили...

— Это дѣло не наше, а аблаката.

— Ну, аблакатъ-то вашъ и пропустилъ.

— Такъ его и суди.

— Да вѣдь вы ему дали довѣренность-то, а не я, вы съ него и ищите, а переселиться все таки должны,—и деньги ужъ внесены... Ну, подписывайтесь.

— Согласу нашего нѣтъ. Наше дѣло вѣрное, и намъ легче помереть...

— Ну, помирайте, чортъ съ вами...

И продолжали мужики помирать...

Стали они доходить выше и выше, и стали къ нимъ пріѣзжать чиновники и читать бумаги, въ которыхъ тоже какъ будто было, что дѣло ихъ плевое, но они опять доходили и опять начинали думать, что ихъ дѣло правое... И опять пріѣзжали люди съ бумагами и опять докладывали имъ, что дѣло ихъ не правое, а плевое.

Наконецъ, истекали всѣ сроки мужицкой глупости. Явилась толпа рабочихъ, нанятыхъ въ сосѣднихъ деревняхъ и на счетъ крестьянъ, стала переносить ихъ въ другое мѣсто. Прежде, нежели начать ломать, руководители переселенія не одну сотню разъ повторили крестьянамъ, что лучше имъ бросить упорство, а дѣлать дѣло добромъ, но крестьяне, твердо помнившіе, что согласу ихъ на это не было,—говорили, „что лучше мы помремъ“. Тогда раздалось ужасное слово:

— Ломай!

Въ двѣ недѣли, при постоянномъ воѣ бабъ и даже мужиковъ, молча смотрѣвшихъ на раззореніе своихъ гнѣздъ, вся деревня была перетаскана за пять верстъ, въ пустынь.. Но, такъ какъ „согласу нашего не было“, то крестьяне всѣ остались тутъ же, на раззоренныхъ мѣстахъ, жили въ соломѣ, съ дѣтьми и скотиной, ѣли, что пришлось, — а то и

голодали, и ждали ужъ не одного, а трехъ тайныхъ чиновниковъ, на этотъ разъ изъ Москвы, которые повернутъ дѣло на ихъ сторону...

Пришла осень; пошли дожди, крестьяне мокли въ мокрой соломѣ... Тайныхъ чиновниковъ не было, хотя за ними каждый день ѣздили встрѣчать на станцію... Пришла зима... Толпы нищихъ бродятъ по селамъ и деревнямъ, прося хлѣба и ожидая рѣшенія... Пришла весна, — нечего сѣять, хлѣба нѣтъ. На новыхъ мѣстахъ выстроились два-три домишка... На слѣдующую осень случилось два-три убійства, грабежи; множество кражъ... и голодъ! Вотъ каково было положеніе глухого мѣста въ древнія времена, когда владѣлецъ былъ меланхоликомъ и „ни до чего не доходилъ", и вотъ какимъ стало оно, когда владѣлецъ захотѣлъ „доходить до всего"... Стародавняя меланхолія томила крестьянина въ курныхъ избенкахъ, пробужденное чувство собственности растаскало эти избенки по бревнамъ... На новыхъ мѣстахъ, куда перетащили эти избенки, селиться никто не хотѣлъ, руки отваливались отъ работы, пахать *цѣлину*, удобрять и ждать урожая годы и годы, чувствуя, что въ теченіе этого времени будетъ рости и рости недоимка, въ которой годовые труды—капля въ морѣ... Вялость, апатія, разслабленность, одолѣли нищенствовавшихъ обывателей мѣстности... Стали пьянствовать и пропивать одежду и скотъ... Кромѣ того, имущество и скотъ стали „описывать". Вотъ въ такую-то минуту двигалось спасать этотъ народъ трехсотъ-пудовое чудовище-паровикъ, а за нимъ шла „заработная плата", деньги, *имѣвшія намѣреніе* брать все, что отдается за нихъ. Купецъ Кулаковъ, отдѣлившійся отъ тятеньки, „снялъ" всю эту глушь со всѣми ея природными богатствами у помѣщика за хорошія для послѣдняго деньги,—и капиталомъ своимъ сталъ оживлять мертвое мѣсто. За тридцать копѣекъ серебромъ „чистыми деньгами" въ сутки, согналъ онъ сюда сотни окрестныхъ воровъ и недоимщиковъ и почти сразу превратилъ мертвое въ живое: въ недѣлю лѣсъ былъ вырубленъ на громадное пространство и превращенъ въ сажени дровъ, въ брусы, въ срубы... Столѣтнія березы были ободраны до верхушки, на деготь, и одиноко стояли красныя, словно облитыя кровью, между этими саженями и срубами... Въ быструю, совершенно обнажившуюся послѣ срубки лѣса рѣчку стали валить камни, строить плотину, вбивать сваи... Цѣлые дни грохали *тяжелыя бабы*, и „Дубинушка" съ своими ядовитыми и унылыми мотивами слышалась далеко въ полѣ и *гулко* раздавалась среди вырубленнаго лѣса... Масса народа копошилась въ этомъ углу, купленная по извѣстной цѣнѣ за человѣка, за бабу, точно такъ же какъ дрова продавались за

сажень, деревья и срубы поштучно... Не прошло и году, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде только зайцы да волки оставляли зимой свои слѣды, гдѣ лѣтомъ, сидя на деревѣ, спокойно грызла орѣхи бѣлка,—кипѣла самая оживленная дѣятельность: стучала толчея, шумѣла мельница, дымилъ и освисталъ бумажный заводъ, нарыгая въ чистыя когда-то воды рѣки что-то такое вонючее и больное, отъ чего на нѣсколько верстъ ниже сталъ падать скотъ и мерла рыба... Бывшіе воры и неплательщики биткомъ набивали собою новыя жиденькія стѣны фабрики, жарились на огнѣ, задыхались въ облакахъ пыли растрепаннаго тряпья, скупленнаго въ больницахъ, съ слѣдами больного гноя и больной крови... Громко орали мужики, кашляли женщины и ребята, еще громчé пѣлись пѣсни, а громче всего стучали поршни машины, гудѣли колеса, шумѣла вода, свисталъ паровикъ...

Центромъ всей этой оживленной дѣятельности былъ небольшой домикъ, стоявшій на горкѣ, гдѣ поселился „новый хозяинъ" этихъ мѣстъ, истинный благодѣтель этихъ людей... Удивительныя личности эти благодѣтели. Это положительно какая-то особенная порода людей, пожирающихъ и уничтожающихъ все, къ чему они прикоснутся. Подойдетъ онъ съ своими капиталами къ лѣсу,—и лѣсъ исчезаетъ, рубится, продается, а деньги кладутся въ столъ, или идутъ съѣдать другой лѣсъ, или идутъ на какой-нибудь другой „оборотъ", тоже всегда съѣдающій что-нибудь живое: скотъ, птицу, рыбу и т. д. Срубивъ, зарѣзавъ и продавъ,—подобный представитель капитала кладетъ деньги въ столъ и—пьетъ чай. Какіе надобно имѣть нервы, напримѣръ, хотя для того, чтобы присутствовать при рѣзнѣ двухъ тысячъ купленныхъ овецъ или свиней, т. е. при двухъ тысячахъ смертей и умѣть на каждую изъ этихъ смертей смотрѣть, только какъ на рубль, на рубль двадцать два съ четвертью и пр. „штука",—а потомъ, продавъ все это и получивъ деньги, сидѣть и пить чай. Утвердившись съ своими „дѣлами" на новомъ мѣстѣ, купецъ Кулаковъ безъ труда подчинилъ себѣ всю „округу" и, кушая „со сливочками" чай, получалъ деньги...

— Иванъ Иванычъ! Побойся Бога!—съ ранняго утра начинаетъ раздаваться въ передней его комнатѣ,—и возгласы такого рода продолжаются до ночи, когда прекращаютъ работы и полученіе хозяиномъ денегъ. Это „побойся Бога" произносится самыми разнообразными голосами на тысячу ладовъ. То хрипитъ „побойся Бога" старикъ, кашляетъ и охаетъ... То бодрымъ и свѣжимъ голосомъ поетъ его баба, со свѣжими щеками и веселымъ лицомъ... Иванъ Иванычъ—тоже съ ранняго утра до поздней ночи, не закрывая рта,

доказываетъ, что бояться ему нечего, что онъ не боится,— спокойно пьетъ чай, получаетъ деньги и опять пьетъ чай...

Только ночью, когда прекращается стукъ, грохотъ и гамъ толчеи, мельницы и паровика,—Иванъ Иванычъ, какъ тать, крадется среди сонныхъ рабочихъ женщинъ... Въ эту пору онъ очень похожъ на волка. Глаза у него горятъ, и онъ сулитъ платки и деньги...

Какъ ни были нужны деньги въ нашихъ мѣстахъ, но не сразу удалось ему пріучить народъ продавать свою честь, какъ продавалъ онъ ему свои силы, свой скотъ, свой хлѣбъ. Полный развратъ насталъ въ нашихъ мѣстахъ никакъ не ранѣе, какъ года черезъ три... Только къ этому времени женщины стали носить ситцевые сарафаны, а мужчины красныя рубахи. Только къ этому времени тѣ и другіе стали съ удовольствіемъ пьянствовать въ выстроенномъ Иваномъ Ивановичемъ трактирѣ, и только къ этому времени Иванъ Иванычъ, не боясь потерпѣть фіаско, могъ смѣло приглашать къ себѣ сосѣднихъ господъ, обѣщаясь „угостить“ ихъ какъ слѣдуетъ.

Глѣбъ Успенскій.

Въ негритянскомъ университетѣ.

VI.

Когда мой другъ, бостонскій проповѣдникъ, выразилъ недоумѣніе, почему негры не становятся соціалистами и анархистами, то это было, конечно, не изъ симпатіи къ кооперативнымъ идеаламъ Маркса или Бакунина. Для него соціализмъ и анархизмъ (и какъ типичный американецъ, онъ врядъ ли сознавалъ, какая разница между тѣмъ и другимъ) являлись лишь олицетвореніемъ человѣческаго отчаянія и безнадежности, и поэтому то негритянскому населенію на югѣ оставался, по его мнѣнію, одинъ этотъ исходъ.

Дѣйствительно, для тупого, безнадежнаго отчаянія въ положеніи негра имѣется много данныхъ. Не знаю, однако, найдется ли сотня негровъ на всю Америку, которые настолько освоились съ соціализмомъ, чтобы въ немъ искать утѣшеніе отъ фактовъ дѣйствительности. Небольшая сравнительно группа послѣдователей Дю-Бойса, несмотря на свою рѣшимость бороться, располагаетъ такими негодными средствами борьбы, что у нея также часто опускаются руки. Остается лишь бодрая, оптимистическая проповѣдь Букера Вашингтона и его дѣятельность. Но экономическій подъемъ милліонной нищеты въ рамкахъ существующаго такой медленный процессъ, и факты современной жизни такъ противорѣчатъ напускному оптимизму Вашингтона, что наврядъ ли его философія можетъ служить источникомъ утѣшенія, за исключеніемъ развѣ преуспѣвающихъ негровъ; ибо—такова уже наша жизнь, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ, жестокостяхъ, несправедливостяхъ негру-банкиру, или богатому фермеру живется все же сравнительно недурно, какъ можно жить въ чертѣ богатому еврею.

Но какъ спасается отъ отчаянія и безумной злобы негритянская масса? Она находитъ утѣшеніе въ религіи, какъ находилъ его старый дядя Томъ, герой знаменитаго романа Бичеръ-Стоу.

За столомъ въ Atlanta University каждая трапеза начиналась молитвой, и каждый ужинъ кончался пѣніемъ гимновъ. Молитвой начинался каждый митингъ, вообще каждое дѣло. Когда я по

этому поводу выразилъ свое удивленіе Дю-Бойсу: «не слишкомъ ли уже много у васъ религіи?»—онъ усмѣхнулся.

— Вы разсуждаете, какъ сѣверянинъ, и при томъ какъ бѣлый радикалъ. Въ южной жизни вообще, и среди негровъ въ особенности, церковь и религія играютъ огромную роль... Но вы замѣчаете, что наша религіозная жизнь здѣсь сдержана, мы совершенно не поощряемъ религіознаго экстаза, религіозной истерики, частаго и, несомнѣнно, вреднаго явленія въ нашей расѣ.

— Да, знаете и мнѣ,—вмѣшалась miss Ware,—иногда кажется, что на нашихъ негровъ церковь и религія ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ, хотя я сама глубоко вѣрующій человѣкъ. Среди нихъ такая масса различныхъ сектъ и вѣроисповѣданій: повѣрите ли, въ одной Атлантѣ около 75 негритянскихъ церквей.

— Семьдесятъ пять церквей!—воскликнулъ я,—семьдесятъ пять пасторовъ, и семьдесятъ пять зданій. Да вѣдь это требуетъ гигантскихъ затратъ.

— Я съ miss Ware никогда не соглашаюсь по этому вопросу,—мягко возразилъ Дю-Бойсъ.—Большое число церквей я считаю плюсомъ, а не минусомъ. 75 церквей—это 75 клубовъ, 75 центровъ, можетъ быть, только потенціальныхъ, для распространенія культуры среди негровъ. Что у нихъ есть, кромѣ церквей? А изъ церкви разростаются у насъ всѣ формы благотворительности, всѣ формы кооперацiи.

— Хотите посмотрѣть на настоящую негритянскую церковь стараго типа,—предложила miss Ware, когда мы распрощались съ Дю-Бойсомъ. — Тогда вы сами увидите, что такое она представляетъ. Кстати, недалеко отъ университета имѣется одна такая небольшая церковь, и тамъ каждый вечеръ происходятъ Revival meeting.

Revival meeting это—религіозныя собранія менѣе формальныя, чѣмъ службы, и имѣющія цѣлью возбужденіе религіознаго экстаза и массовое спасеніе погибающихъ душъ. Мнѣ приходилось присутствовать при revival meeting, собиравшихъ 10—15 тысячъ человѣкъ, и видѣть непонятную для человѣка съ раціоналистическимъ мышленіемъ эпидемію религіознаго экстаза, которую вызывалъ проповѣдникъ простой безыскусственной рѣчью и красивымъ пѣніемъ гимновъ. Но понемногу я начиналъ понимать психологію толпы, и въ особенности психологическое воздѣйствіе обстановки, свѣта, хора, органа, красивыхъ и трогательныхъ гимновъ.

Я, конечно, принялъ приглашеніе идти на негритянскій revival.

Изъ небольшой кирпичной церкви, футовъ 75 въ ширину и 50 въ длину, лился тусклый свѣтъ и неслись адскіе крики,—точно тамъ пытали души грѣшниковъ. Когда мы нѣсколько вслушались въ крики, то сумѣли разобрать нѣкоторый ритмъ и поняли, что эти крики были пѣніемъ гимновъ. Войдя въ церковь, мы были поражены, найдя ее почти пустой. Прихожанъ было всего

два-три, а крики или пѣніе исходили изъ глотки проповѣдника.

Нищенская обстановка, особенно печальная, въ виду сильно развитого эстетическаго чувства негровъ. Простыя деревянныя скамейки и нѣсколько поломанныхъ стульевъ, некрашенныя стѣны, деревянный, необдѣланный потолокъ; 3 — 4 простыя, дешевыя керосиновыя лампы освѣщали эту грустную картину. Проповѣдникъ,—гигантскій негръ, дѣйствительно негръ, черный, какъ вычищенный сапогъ,—въ длинномъ черномъ сюртукѣ, парадномъ бѣломъ галстухѣ, но очень обтрепанныхъ штанахъ, оставивъ амвонъ, сидѣлъ на одномъ изъ стульевъ и пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ гимны. Онъ смотрѣлъ въ молитвенникъ, но за все время службы ни разу не перевернулъ страницы,—я очень сомнѣваюсь, умѣлъ ли онъ читать. Слова гимновъ были мнѣ знакомы, но мотивъ былъ какой то особенный. Я скоро убѣдился, что онъ всѣ гимны пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ страшнымъ, могучимъ голосомъ, на одинъ мотивъ. Это было нѣчто вродѣ гаммы; голосъ его періодически подымался и понижался. Минутъ черезъ пять этотъ голосъ начиналъ оказывать какое то гипнотическое вліяніе, начинало казаться, что я уже годы сижу на этой скамьѣ, и еще годы буду сидѣть и все слышать то же самое пѣніе. Гимны отъ времени до времени прерывались восклицаніями: Oh Lord! — God help us! — Come to Jesus! — Oh, save us!

Наше появленіе нѣсколько сконфузило проповѣдника, но онъ скоро оправился; и каждый разъ, когда отворялась дверь и появлялся негръ или негритянка, его голосъ крѣпчалъ, и пѣніе становилось громче.

Я сталъ наблюдать публику. Нѣкоторые оставались совершенно безучастными. Они сидѣли, глядя прямо передъ собой, съ тупымъ выраженіемъ сверкающихъ бѣлковъ и поневолѣ возбуждали вопросъ, зачѣмъ мы пришли. Но другіе понемногу оживлялись. Негритянки подпѣвали писклявымъ фальцетто, негры помогали низкимъ басомъ. Кое у кого изъ глазъ брызгали слезы.

Но болѣе активное участіе присутствующіе стали принимать во второй части службы. Когда проповѣдникъ усталъ и совсѣмъ охрипъ, онъ сталъ вызывать добровольцевъ произнести молитву-экспромтъ (обычный методъ англиканскихъ реформаторскихъ церквей), публика начала коситься на насъ, очевидно, чувствуя въ насъ постороннихъ зрителей, нарушающихъ гармонію религіознаго настроенія. Но проповѣдникъ ободрялъ ихъ самымъ незамысловатымъ способомъ, т. е повторяя опять безчисленное количество разъ: Come to Jesus, my brotlis! Come to Jesus, my sistes. He will save qou, he will save qou. O, Lord! O, Lord! *)

*) Приди ко Христу, мой братъ, приди ко Христу, сестра! Онъ спасетъ васъ, Онъ спасетъ васъ! О Господи, О Господи!

И понемногу эти безхитростныя слова начинали оказывать вліяніе. Одинъ за другимъ стали подыматься негры и негритянки и, подходя къ проповѣднику, бросались на колѣни и съ горькими слезами и всхлипываніями произносили молитву. Чего, чего здѣсь не было! Менѣе изобрѣтательные отдѣлывались молитвой «Отче нашъ», при чемъ находились и такіе, которые никакъ не могли вспомнить словъ и вынуждены были повторять ихъ за проповѣдникомъ. Другіе импровизировали: тутъ были и жалобы, и просьбы, и совсѣмъ безсвязный наборъ словъ,—все произносилось речитативомъ, съ плачемъ, и чуть ли не воемъ. Отличилась особенно одна молодая негритянка,—судя по одеждѣ, кухарка или прачка. Она долго и жарко молилась, и когда мы вслушались въ ея мелодичный рѣчитативъ, то поняли, что она молится за спасеніе души ея молодого брата, парня лѣтъ 18, котораго заковали въ кандалы за какую то мелкую кражу.

Интересно было наблюдать эти проявленія религіознаго экстаза, но въ то же время становилось и жутко, и больно за эту темную массу, которая приходила въ церковь съ такимъ запасомъ глубокаго религіознаго чувства и получала отъ церкви такъ мало. Картина была приблизительно такая же, какъ если бы гдѣ-нибудь въ русской глуши священникъ задался цѣлью поощрять кликушество.

И это тягостное впечатлѣніе только усиливалось, когда, наконецъ, проповѣдникъ взошелъ на амвонъ, чтобы прочесть свою проповѣдь. Присутствіе трехъ бѣлыхъ его очень сконфузило. Я чувствовалъ, что изъ жалости къ нему слѣдовало бы уйти, но мнѣ слишкомъ любопытно было прослушать настоящую негритянскую проповѣдь, — и мы остались. Старикъ очень подробно объяснилъ, что онъ не регулярный пастырь церкви, что священникъ не могъ придти, и онъ лишь его замѣститель, что поэтому онъ, конечно, не краснорѣчивый ораторъ и, конечно, бѣлые друзья ему простятъ немудрую проповѣдь и т. д., и т. д. И потомъ онъ заговорилъ, вѣрнѣе—зарычалъ.

Онъ нашелъ гдѣ-то текстъ «God kunos!»—«Богъ знаетъ»... Если бы я записалъ его рѣчь, которая длилась болѣе получаса, то она заняла бы страницъ десять. Но пять состояли бы изъ безчисленныхъ повтореній этой фразы: God kunos! He kunos! Yes, he kunos! Остальное было буквально бредомъ горячечнаго. Были какіе-то намеки на богатыхъ лысыхъ людей, у которыхъ кареты, дома и милліоны (при чемъ онъ очень пристально смотрѣлъ на насъ) и на бѣдныхъ негровъ, вынужденныхъ красть курицу, чтобы имѣть супъ въ воскресенье, — но что онъ именно сказать хотѣлъ, было очень трудно догадаться. Ясно было лишь одно: проповѣдникъ былъ убѣжденъ, что Богъ все знаетъ, и этого ему было достаточно. Очевидно, удовлетворяло это сознаніе и публику, которая внимательно прислушивалась къ про-

повѣди, иногда прерывая ее глубокимъ вздохомъ или восклицаніемъ: Oh, Lord! oh, Jesus!

По окончаніи проповѣди ораторъ заявилъ, что будетъ сборъ пожертвованій на благо церкви, и что дьяконъ обойдетъ публику съ тарелкой. Потому ли, что онъ и былъ дьяконъ, или же потому, что боялся довѣрить дьякону, онъ немедленно сошелъ съ амвона и, минуя всю публику, подошелъ прямо къ намъ, протянулъ огромную закорузлую руку почти бѣлой ладонью вверхъ и, глядя вверхъ не то къ небу, не то къ закоптѣлымъ лампамъ, проговорилъ: «На керосинъ для лампъ пожертвуйте!» Мы пожертвовали, и два гривенника мгновенно опустились въ огромный карманъ. Уже выходя, miss Ware шепнула, что это былъ чистый шантажъ, потому что по средамъ никакихъ сборовъ пожертвованій въ церкви не полагается.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно», поневолѣ вспомнился стихъ безсмертнаго поэта. Грустно, когда вспомнишь, что это была церковь въ центрѣ негритянской культуры, и что 8 или 9 милліоновъ негровъ, живущихъ на фермахъ, питаются духовной пищей еще болѣе низкаго качества, дѣлаются жертвами еще менѣе сдержанной религіозной истеріи.

VII.

Чѣмъ можетъ быть церковь, не только негритянская, но и всякая церковь вообще—въ этомъ я успѣлъ убѣдиться также въ Атлантѣ, посѣтивъ въ воскресенье вечеромъ негритянскую конгрегаціональную (congregational) церковь, извѣстную далеко за предѣлами Атланта, какъ блестящій примѣръ успѣха идеи «институціональной» церкви.

Что такое «институціональная» церковь (institutional church)? Уяснить эту идею всего легче изъ описанія посѣщенной нами церкви.

Огромное и изящное зданіе въ мавританскомъ стилѣ. По широкой лѣстницѣ мы поднимаемся въ главный залъ церкви. Изящный амфитеатръ и галлерея вмѣстѣ вмѣщаютъ до полторы тысячи человѣкъ. Удобныя скамейки сдѣланы изъ дуба, окрашеннаго въ черный цвѣтъ. Красивые красные половики изящно выдѣляются на каменномъ полу. Весь залъ буквально залитъ свѣтомъ изъ огромной электрической люстры и массы электрическихъ лампочекъ, разбросанныхъ повсюду; даже слишкомъ много свѣта. Просторная платформа для амвона, на которой могутъ помѣститься три-четыре человѣка. Позади амвона, въ стѣнѣ, купель. Надъ амвономъ на балконѣ великолѣпный, хотя и не очень большой, церковный органъ; по обѣимъ сторонамъ органа галлереи для хора.

Словомъ, церковь внутреннимъ видомъ напоминаетъ лучшій

типъ церкви весьма состоятельной общины, а не негритянской нищеты. Но молитвенный залъ далеко не главная часть церкви, даже не насущная часть ея. Это подчеркиваетъ молодая секретарша пастора, невысокая, коричневая дѣвица, одѣтая просто, но чрезвычайно изящно и со вкусомъ, и великолѣпно говорящая по-англійски; когда она узнаетъ, что мы—гости Atlanta university, приглашенные къ commencement'у (т. е. къ акту), она спокойно даетъ намъ понять, что она тоже получила университетское образованіе. Манеры у нея вполнѣ благовоспитанной американки,—ни заносчивости, ни подобострастія. На просьбу miss Ware показать мнѣ все то, что дѣлаетъ церковь, она беретъ связку ключей и ведетъ меня въ нижній этажъ.

По дорогѣ она объясняетъ мнѣ, что institutional church—обозначаетъ церковь, поддерживающую различныя учрежденія (institutions). Всѣ эти учрежденія помѣщаются въ нижнемъ этажѣ. Тутъ находится библіотека въ 2—3000 томовъ, огромная классная комната для обученія дѣтей, гимнастическій залъ съ аппаратами для игръ и упражненій, спеціальныя комнаты для обученія молодыхъ дѣвушекъ шитью, варкѣ пищи, вообще домашнему хозяйству, ванная и душъ и т. д.

Странно присутствіе всѣхъ этихъ аппаратовъ и приспособленій въ зданіи церкви, — странно для непривычнаго человѣка. Но секретарша мнѣ объясняетъ, что ничего въ этомъ страннаго нѣтъ,— это лишь практическое примѣненіе идеи, что религія должна быть для человѣка не формальной, отвлеченной идеей, а живой силой, что она должна принимать въ соображеніе реальную жизнь со всѣми ея требованіями и стараться отвѣчать, удовлетворять имъ. Такая «институціональная» церковь превращается въ культурную силу.

Я присутствовалъ и при службѣ, которую велъ, за отсутствіемъ негритянскаго пастора, мой бостонскій другъ по приглашенію. Молодая дѣвушка чудно играла на органѣ, большой хоръ обладалъ бархатными голосами,—въ музыкальности негровъ не усомнится и злѣйшій ихъ врагъ. Публика была все чистая, женщины даже нарядно одѣты и... я долженъ признаться—очень черныхъ лицъ было мало. Публика держалась чинно, внимательно слушала вполнѣ шаблонную проповѣдь бѣлаго пастора. Какъ духовникъ консервативной епископальной церкви, онъ не выбралъ живой соціальной темы, а доказывалъ, что Іисусъ своею жизнью доказалъ существованіе Бога. Очевидно, бѣлый пасторъ не понялъ характера и замысла болѣе радикальной церкви и кормилъ своихъ слушателей теологіей. Не было, однако, ни молитвъ экспромтомъ, ни истеріи, ни кликушества.

При выходѣ изъ церкви, меня познакомили съ высокой, худой дамой лѣтъ 40—45, одѣтой въ черное,—одной изъ наиболѣе энергичныхъ работницъ для этой церкви и вообще въ общинной жизни

негритянской массы. Едва ли нужно говорить, что въ жилахъ мистриссъ Гринъ течетъ, по крайней мѣрѣ, $^{3}/_{5}$ бѣлой крови. Цвѣтъ лица характеренъ, но черты лица европейскія. Мы разговорились о церкви.

— Прихожане, очевидно, принадлежатъ къ лучшему классу негровъ города,—замѣтилъ я.—Я сужу по одеждѣ.

— Да,—согласилась г-жа Гринъ,—къ намъ ходитъ наиболѣе образованная часть негритянскаго общества, хотя мы стараемся привлечь и массу. Вѣдь для нея-то и необходимы всѣ эти учрежденія. И у насъ есть много бѣдныхъ, простыхъ негровъ. Вы не должны судить слишкомъ по одеждѣ. Во-первыхъ, у нашей расы есть сильное стремленіе пощеголять, пріодѣться, и потомъ это же воскресенье вечеромъ, когда мы одѣваемся лучше, идя въ церковь.

По произношенію, въ которомъ исчезло все типически негритянское, и по подбору словъ я видѣлъ, что г-жа Гринъ женщина съ довольно широкимъ образованіемъ, и что отъ нея можно узнать много интереснаго.

— Да, но ваша церковь, несомнѣнно, церковь буржуазнаго класса. Вѣдь сколько стоило построить такое роскошное зданіе, сколько стоитъ содержать его.

— Но какой же у насъ буржуазный классъ,—возразила моя собесѣдница.—Я думаю, у насъ во всей Атлантѣ едва ли наберется 10 негритянскихъ семей съ доходомъ въ 2000 долларовъ. Въ нашей средѣ семья, зарабатывающая около 1000 долларовъ въ годъ, уже считается зажиточной; а это вѣдь обыкновенный бюджетъ хорошаго американскаго работника. Не знаю, есть ли въ Атлантѣ 20 негритянскихъ семей, держащихъ прислугу. Вы знаете, кто составляетъ наше общество, нашу аристократію: двое директоровъ нашихъ школъ, торговцы бакалейнымъ товаромъ, почтальоны, получающіе 700—800 долларовъ въ годъ, да нѣсколько врачей и адвокатовъ.

— На какія же средства вы сумѣли выстроить такую великолѣпную церковь?—удивился я.

— Такъ развѣ это наши деньги?—улыбнулась г-жа Гринъ.—Гдѣ ужъ намъ. Нѣтъ, это финансовый геній нашъ, пасторъ Прокторъ. Онъ умѣетъ собирать пожертвованія на сѣверѣ, въ Бостонѣ и другихъ городахъ, гдѣ у негритянской расы осталось еще нѣсколько друзей. Да онъ и теперь тамъ, въ Бостонѣ, и, конечно, съ той же цѣлью. Развѣ вы не замѣтили на двери каждой комнаты и чуть-ли не на каждомъ кускѣ мебели имена и адреса? Это все имена жертвователей, подарившихъ обстановку той или другой комнаты. Правда, это рекламный методъ, но, очевидно, Прокторъ понимаетъ человѣческую душу. Этотъ методъ помогаетъ.

— Но при всей щедрости нашихъ сѣверныхъ друзей,—продолжала г-жа Гринъ,—эта церковь является для насъ тяжелымъ

бременемъ. Содержать ее приходится вѣдь намъ, и это стоитъ бѣшеныхъ денегъ. Мы устраиваемъ сборы, вечеринки, лоттереи. Въ особенности, наши женщины. О, вы не знаете насъ, негритянскихъ женщинъ! Мы—мученицы. Чего грѣха таить: еще въ сотняхъ тысячахъ семействъ негритянскій мущина, вчерашній рабъ, не сжился съ новой обязанностью содержать семью. Поэтому негритянская женщина еще чуть ли не въ большинствѣ случаевъ вынуждена содержать семью и себя, а часто еще и лѣнтяя-мужа. И все же она находитъ время для благотворительной, церковной и общественной работы. Девять десятыхъ нашихъ клубовъ и благотворительныхъ обществъ содержатся женщинами. И у рѣдкой прачки или служанки нѣтъ такого расхода на общественныя нужды. Возьмите хотя бы нашу церковь. Содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій, школъ, клубовъ, библіотеки, гимнастическаго зала, жалованье пастору, двумъ ассистентамъ, отопленіе, освѣщеніе,—все это требуетъ большихъ средствъ. Нашъ бюджетъ доходитъ до 6000 долларовъ въ годъ. Для насъ это такія большія деньги! И эти средства добываются нами, женщинами. Повѣрите ли, что я уже шесть лѣтъ не шила себѣ новаго платья, хотя мужъ мой, желѣзнодорожный контракторъ, одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ негровъ въ городѣ! Въ этомъ году я рѣшила, что мнѣ необходимо новое платье, потому что уже прямо стыдно было въ церковь явиться? И у меня уже деньги были отложены. Но вотъ подвернулись новые расходы по церкви,—и деньги ушли, а я вотъ выстирала это старое платье.

Огромное преимущество новой негритянской церкви надъ старой слишкомъ очевидно, чтобы его отрицали даже южане, которые никогда не перестаютъ насмѣхаться надъ религіозной истеріей старой церкви и всегда приводятъ ее въ доказательство дикости негритянской расы. Но сами южане ничѣмъ не помогаютъ движенію въ пользу реформы негритянской церкви, во главѣ котораго стоятъ тѣ же, ненавистные югу, негритянскіе университеты. Движеніе это поэтому вынуждено опираться либо на благотворительность сѣвера, либо на нищенскія средства самихъ негровъ. И тутъ опять быстро богатѣющій югъ и, въ частности, еще быстрѣе богатѣющая Атланта являются въ непривлекательной роли попрошайки, паразита, потому что сѣверные благотворители, помогая церкви, помогаютъ содержать негритянскія воскресныя школы, киндергартены, библіотеки, т. е. выполняютъ функціи народнаго образованія въ Атлантѣ.

VIII.

Кстати, о библіотекѣ. Въ городской публичной библіотекѣ Атланты наиболѣе выпукло отразилось отношеніе бѣлаго юга къ негритянской расѣ, и все ханжество утвержденій юга, что негра на его уровнѣ удерживаетъ собственная некультурность.

О пользѣ или, вѣрнѣе, необходимости библіотекъ въ Америкѣ разсуждать такъ же безполезно, какъ въ Россіи писать диссертаціи о пользѣ стекла. Это общепризнанный трюизмъ.

Населеніе Атланты очень гордится своимъ зданіемъ городской библіотеки, дѣйствительно, роскошнымъ мраморнымъ храмомъ, на фасадѣ котораго среди именъ великихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ поэтовъ гордо красуется имя Андрю Карнеги. Карнеги, конечно, не поэтъ, но онъ пишетъ нѣчто еще болѣе цѣнное, чѣмъ безсмертныя поэмы—онъ пишетъ крупные чеки, при помощи которыхъ американскіе города строятъ себѣ роскошныя библіотеки. Атланта, какъ важный городъ, получила чекъ въ 250.000 долларовъ—подарокъ всему городу. Но Карнеги даетъ свои пожертвованія всегда съ условіемъ, а именно: городъ обязуется ассигновать ежегодно на содержаніе библіотеки сумму, равную десяти процентамъ пожертвованія, т. е. для Атланты бюджетъ библіотеки равенъ, по крайней мѣрѣ, 25,000 долларовъ—это городскія деньги изъ общихъ городскихъ средствъ. *И въ эту единственную городскую библіотеку, пожертвованную всему городу и содержащуюся на городскія средства, неграмъ входъ абсолютно запрещенъ!*

Такое запрещеніе бѣлая Атланта объясняетъ, конечно, нежеланіемъ сталкиваться съ неграми, необходимостью отказать имъ въ общественномъ равенствѣ; она отрицаетъ существованіе плана отрѣзать неграмъ доступъ къ книгамъ, къ просвѣщенію...

Когда Андрю Карнеги пожертвовалъ библіотеку Атлантѣ, негры возбудили вопросъ о своихъ правахъ. Они хотѣли, чтобы Карнеги вставилъ право негровъ пользоваться библіотекой въ свое условіе съ городомъ. Карнеги считается другомъ негритянской расы. Онъ дѣлалъ крупныя пожертвованія Букеру Вашингтону на его институтъ. Но Карнеги непремѣнно хотѣлось имѣть свое имя на зданіи городской библіотеки въ Атлантѣ, и когда городскія власти наотрѣзъ отказались даже обсуждать вопросъ о негритянскихъ правахъ, Карнеги заявилъ, что во внутренніе распорядки библіотеки онъ не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться. Было даже какое то обѣщаніе компромисса въ будущемъ. Но когда послѣ постройки главнаго зданія библіотеки Карнеги предложилъ городу 25,000 долл. на спеціальное негритянское отдѣленіе, которое должно было быть выстроено въ другой части города, но съ правомъ обмѣна книгъ съ центральной библіотекой, какъ это дѣлается во всѣхъ американскихъ городахъ, то Атланта отказалась, «за неимѣніемъ средствъ на содержаніе этого отдѣленія». Такова южная справедливость!

Карнеги пожертвовалъ свои 25,000 долларовъ Atlanta University и тѣмъ успокоилъ свою совѣсть. Благодаря этому инциденту, университетъ имѣетъ теперь очень порядочную библіотеку, но негритянское населеніе Атланты все же осталось безъ книгъ, потому что университетская библіотека въ 20—25 тысячъ томовъ со-

стоитъ поневолѣ изъ такихъ книгъ, которыя негритянской массѣ мало интересны.

Съ этимъ библіотечнымъ инцидентомъ связано имя Дю-Бойса, и связано такъ, что еще болѣе укрѣпило нелюбовь къ нему бѣлаго юга, какъ къ негру-нахалу, не знающему своего мѣста. Когда Дю-Бойсъ лѣтъ 6 тому назадъ напечаталъ свой шедевръ «Души черныхъ людей» (The Souls of Black Jolks), то экономная администрація городской библіотеки (не тратить же денегъ на покупку книгъ жителя Атланты) письмомъ попросила его пожертвовать экземпляръ въ пользу библіотеки. Дю-Бойсъ пожертвовалъ. А черезъ нѣсколько дней онъ намѣренно явился въ библіотеку, и его безъ всякихъ церемоній выпроводили вонъ, не смотря на его заявленіе, что онъ профессоръ мѣстнаго университета и авторъ нѣсколькихъ книгъ, пожертвованнымъ имъ въ библіотеку. Дю-Бойсу только этого и надо было. Онъ написалъ объ этомъ инцидентѣ въ нѣкоторыя сѣверныя газеты. Значительная часть сѣверной прессы комментировала этотъ фактъ съ возмущеніемъ. И за Дю-Бойсомъ укрѣпилась репутація человѣка, безцѣльно стремящагося портить *хорошія* отношенія между бѣлымъ и чернымъ югомъ. Такова судьба протестанта.

IX.

Раса пролетаріевъ! Раса нищихъ! За немногіе дни своего пребыванія въ университетѣ я успѣлъ убѣдиться, что г-жа Гринъ не преувеличила уровня бѣдности негритянскаго населенія Атланты. Въ одномъ городѣ, рядомъ другъ съ другомъ, даже тѣсно рядомъ, живутъ двѣ общины, и въ каждой приблизительно по 50.000 человѣкъ. Но въ каждой изъ нихъ совершенно различные уровни экономической жизни, точно мы стали бы сравнивать двѣ общины, живущія въ различныхъ частяхъ свѣта. И это несмотря на то, что одна община пользуется трудомъ другой и безсовѣстно эксплуатируетъ другую, несмотря на то, что вторая община настойчиво стремится подражать первой. Правда, между этими двумя общинами существуетъ и замѣтное различіе: негры принадлежатъ преимущественно къ классу прислуги и людей чернаго труда; бѣлые почти монополизируютъ торгово-промышленную дѣятельность и профессіи. Но бѣлая раса имѣетъ свой пролетаріатъ, а негритянская раса производитъ понемногу свою буржуазію. Можетъ быть, разницу мнѣ удастся иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ двѣ линіи, параллельныя другъ другу, обѣ идущія подъ тѣмъ же угломъ къ горизонту, но одна значительно ниже другой. Верхняя линія представитъ всѣ классы бѣлаго населенія, а нижняя — всѣ классы негритянской общины. На одной и той же высотѣ можно найдти и негровъ, и бѣлыхъ, но это будутъ представители разныхъ классовъ. Если же сравнить соотвѣтствующіе классы обѣихъ расъ,

то негры всегда окажутся на значительно болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ бѣлые.

Можетъ быть, наиболѣе рельефно выступаетъ эта разница въ негритянской буржуазіи и профессіональной интеллигенціи, особенно въ послѣдней. Оно и понятно: это самый молодой и поэтому неокрѣпшій классъ; его необычайность заставляетъ даже негритянскую массу относиться къ нему съ недовѣріемъ и лишаетъ его необходимой поддержки со стороны этой массы. Негритянскій врачъ и адвокатъ жалуются, что негръ предпочитаетъ враждебно ему настроеннаго бѣлаго врача или адвоката; негритянскій мясникъ или бакалейный торговецъ съ негодованіемъ смотритъ, какъ негры бѣгутъ къ его бѣлому конкуренту за покупками. Бѣлый врачъ или мясникъ третируютъ своихъ негровъ-кліентовъ en canaille и указываютъ на этотъ симптомъ, какъ на доказательство, что негры — низшая раса, совершенно игнорируя историческія причины отсутствія или, вѣрнѣе, слабости, рассвой сплоченности — потому что въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ линчеваній и погромовъ рассовое самосознаніе и солидарность стали быстро развиваться.

Каковы бы ни были причины, каково бы ни было вѣрное истолкованіе этой коньюнктуры, представьте себѣ общество, въ которомъ почтальонъ является аристократомъ! Далѣе, представьте себѣ положеніе небольшой интеллигенціи въ этомъ обществѣ, и вы поймете, какой моральной силой долженъ обладать человѣкъ, какъ Дю-Бойсъ, чтобы жить и работать въ этой средѣ и сохранить всю свою энергію.

За однимъ обѣдомъ стулъ Дю-Бойса оказался пустымъ. Извиняясь позже за свое отсутствіе, онъ объяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ другими членами факультета онъ приглашенъ былъ къ одному gioceгу man'у *), сынъ котораго выдержалъ экзаменъ въ университетѣ. Сынишка былъ лѣнтяй, и даже былъ разговоръ о томъ, чтобы онъ оставилъ университетъ. На радостяхъ въ виду успѣшнаго исхода экзаменовъ, благодарные родители пригласили профессоровъ къ себѣ. Профессоръ, извѣстный писатель, съ интернаціональной репутаціей, не посмѣлъ отказаться.

— Мы не можемъ наживать себѣ и университету враговъ. Онъ коммерсантъ и одинъ изъ важныхъ членовъ нашей общины. Мы не можемъ рисковать заслужить репутацію гордецовъ и снобовъ... А всего хуже,—прибавилъ онъ, мило улыбаясь,—что обѣда таки не дали, и я теперь голоденъ, какъ волкъ!

Изучая какое-нибудь нормальное экономическое явленіе, статистики обыкновенно избираютъ среднія величины, какъ наиболѣе удобныя для общихъ выводовъ. Но иногда много свѣта на проблему можетъ пролить изученіе максимумовъ и минимумовъ. Такимъ

*) Содержатель gioceгу, розничной торговли фруктами, мясомъ и вообще бакалейнымъ и колоніальнымъ товаромъ.

максимумомъ въ общемъ уровнѣ жизни негритянской буржуазіи и интеллигенціи явился банкетъ, данный администраціей университета выпускному классу, всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ университета и почетнымъ гостямъ. То, что я теперь пишу, нѣсколько похоже на сплетни: обсуждать хозяина, пригласившаго васъ на званый обѣдъ, въ особенности же обсуждать качество подававшейся пищи въ Америкѣ считается моветономъ. Но, во-первыхъ, мои хозяева по русски не читаютъ, и никогда поэтому не узнаютъ о совершенномъ мною нарушеніи законовъ приличія, а во-вторыхъ, этотъ банкетъ представляетъ такой интересный бытовой матеріалъ, что игнорировать его было бы непростительно съ точки зрѣнія профессіональнаго журналиста.

Сколько объ этомъ банкетѣ говорили всѣ студенты и профессора, какъ упрашивали меня остаться еще на день, чтобы принять участіе въ немъ, какъ огорчены были студенты младшихъ курсовъ, что по недостатку мѣста въ столовой имъ нельзя было принять участія, какими радужными красками расписывался этотъ банкетъ на слѣдующій день! И какое грустное чувство жалости и боли оставилъ этотъ банкетъ во мнѣ.

Можетъ быть, это и смѣшно. Но я поневолѣ вспомнилъ день акта въ Нью-Іоркскомъ университетѣ, когда я удостоился диплома. Я помню, какъ насъ пригласили въ одинъ изъ роскошнѣйшихъ ресторановъ Нью-Іорка, какъ мнѣ первый разъ пришлось надѣть фракъ, заплативъ два доллара за одинъ вечеръ, какъ любовался я на собственную фигуру во фракѣ, потому что смотрѣлъ совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ, какъ торжественна и празднична была обстановка, какой великолѣпный былъ ужинъ, какъ лились дорогія вина, какъ дымились дорогія сигары. О, я отлично помню всю проповѣдь Толстого противъ традиціоннаго празднованія Татьянина дня; и среди американскихъ студентовъ я, конечно, былъ пролетарій, да и не я одинъ. Но актовый день, окончаніе университета, дипломъ—все это было праздникомъ и заслуживало праздничной обстановки. Это былъ не нормальный standard of life, а максимумъ...

И вотъ при точно такихъ же условіяхъ собрались на праздникъ нѣсколько сотъ интеллигентовъ черной расы,—нѣсколько сотъ человѣкъ, имѣющихъ позади себя на американской землѣ пять или, можетъ быть, десять поколѣній, имѣющихъ поэтому больше правъ на всѣ блага, всѣ продукты американской цивилизаціи, чѣмъ я, непрошенный пришелецъ. И вотъ обстановка ихъ праздника—банкета.

Столы, украшенные бумажными цвѣтами. Передъ каждымъ приборомъ тарелка съ кускомъ ветчины и салатъ съ томатами. Послѣ салата и ветчины раскрашенное въ три яркія краски и отвратительное на вкусъ мороженое, дешевыя печенья и кофе. Если это былъ праздникъ, да еще праздникъ высшей буржуазіи и интеллигенціи, то каковы же должны быть будни, да еще будни массы.

Я не могу дѣлать вывода, что негритянская масса голодаетъ. Я успѣлъ, напр., убѣдиться, что въ университетѣ пища была удовлетворительная какъ качественно, такъ и количественно, хотя грубая и не особенно вкусная. Но какъ мало радости должно быть въ жизни людей, какъ мало свободныхъ денегъ, если такую жалкую трапезу называютъ «банкетомъ».

Во время банкета одинъ изъ ораторовъ прочелъ отчетъ о сборѣ пожертвованій въ пользу университета среди бывшихъ воспитанниковъ университета. Общество бывшихъ воспитанниковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ задалось цѣлью собрать спеціальный фондъ въ 10.000 долларовъ. Не знаю, сколько лѣтъ они уже собираютъ пожертвованія въ пользу этого фонда, но всего собрали, кажется, около одной тысячи. На послѣднемъ собраніи общества, предшествовавшемъ банкету, сборъ далъ около 30 или 40 долларовъ. Но по лицамъ присутствующихъ видно было, какую солидную сумму представляютъ эти 40 долларовъ. Списокъ пожертвованій начинался, помнится, двумя долларами и кончался 50 и 25 сентами.

Правда, негры, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ копятъ деньги. Такъ какъ умѣніе зарабатывать и копить деньги является въ Америкѣ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ пригодности какъ индивида, такъ и расы, то даже Дю-Бойсъ подчеркиваетъ этотъ фактъ въ эволюціи негра. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей онъ доказываетъ, что въ одномъ штатѣ Джорджіи негры, по отчетамъ податныхъ инспекторовъ, обладаютъ собственностью въ 25.000.000 долларовъ.

Но несмотря на эти 25.000.000 долларовъ, несмотря на всю проповѣдь и бережливости со стороны Букера Вашингтона, стоитъ только сравнить капиталы бѣлой южной буржуазіи и быстроту ихъ накопленія съ нищенскими средствами буржуазіи и интеллигенціи негритянской, чтобы понять всю тщетность надежды, возлагаемой негритянскими идеологами капитала на процессъ накопленія, какъ путь къ разрѣшенію негритянскаго вопроса.

X.

Какъ уже упомянуто, я отлично помню свою собственную commencement week (актовую недѣлю), хотя это было много лѣтъ тому назадъ. Я помню эту недѣлю безпрерывнаго заразительнаго, шумнаго веселья: балъ, банкетъ, раутъ, выставка, концертъ— чего, чего тамъ не было. А главное, была полная невозможность сократить буйный нравъ студентовъ, которые пускались на разныя отчаянныя выходки. И въ этой актовой недѣлѣ лишь концентрировалась вся жизнь американскаго студенчества—веселая, беззаботная, шумная и... нѣсколько вульгарная.

Еще больше этого веселья, беззаботности, шума и вульгарности

можно было бы ожидать среди негритянскихъ студентовъ. Негрофобы увѣряютъ,—и въ ихъ увѣреніяхъ, несомнѣнно, много правды,—что это отличительныя черты негритянской расы вообще. И, дѣйствительно, она гораздо жизнерадостнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько примитивнѣе кавказской.

Каково же было мое удивленіе, когда я за всѣ четыре дня не слыхалъ ни одного громкаго возгласа, не видѣлъ ни одного грубого жеста, ни одной мальчишеской выходки. Всѣ были серьезные, чрезвычайно вѣжливые, сдержанные. По временамъ на campus'ѣ собиралась кучка студентовъ и хоромъ пѣла чудныя негритянскія plantation songs—пѣсни плантацій — всѣ въ минорномъ тонѣ, скорбныя, жалобныя, какъ русскія народныя пѣсни. И пѣли эти пѣсни студенты не какъ нибудь, а умѣло: всегда въ числѣ ихъ оказывался одинъ дирижеръ, а теноры и басы немедленно раздѣлялись. Видно и слышно было, что музыка для нихъ не шутка, а серьезная потребность, и что они эти заунывные мотивы не только поютъ, но и чувствуютъ.

Одинъ изъ четырехъ дней все время шелъ проливной дождь. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ свой докладъ. Цѣлый день изъ небольшой студенческой сборной въ нашемъ зданіи неслись гармоничные звуки церковныхъ гимновъ, распѣваемыхъ хоромъ мужскихъ голосовъ съ акомпаниментомъ небольшого ручного органа.

Это—поскольку дѣло касается студентовъ. Студентки, конечно, вели себя еще степеннѣе. Онѣ помѣщались въ особыхъ коттеджахъ.

Появляясь въ столовой и выходя изъ нея черезъ особую дверь, студентки за столомъ вели себя очень свободно и непринужденно со студентами, но въ остальное время дня держались особо, гуляли попарно, и не было той свободы, какую мнѣ приходилось наблюдать въ сѣверномъ университетѣ съ совмѣстнымъ обученіемъ половъ.

При первомъ же удобномъ случаѣ я затронулъ этотъ вопросъ о необыкновенной сдержанности студентовъ въ моемъ разговорѣ съ Дю-Бойсомъ, и онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ этому вопросу.

— Вы замѣтили это?—заговорилъ онъ.—Я очень радъ. Неправда ли, интересное явленіе? И такъ оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной негритянской натурѣ. Повѣрите ли, мнѣ, занятому академику, приходится ихъ расшевеливать. Конечно, они теперь особенно сдерживаются. Почему? Потому что университетъ полонъ гостей и въ особенности бѣлыхъ гостей; они хорошо понимаютъ (и мы имъ постоянно разъясняемъ), что по ихъ поведенію будутъ судить не только ихъ, но и всю негритянскую расу.

Вы вѣдь знаете,—продолжалъ Дю-Бойсъ,—какія ужасныя выходки позволяютъ себѣ студенты большихъ сѣверныхъ университетовъ.

И весь свѣтъ улыбается на веселящихся мальчиковъ, а полиція боится арестовать ихъ за безпорядокъ. А у насъ за 10 лѣтъ моей связи съ университетомъ всего, кажется, было два-три непріятныхъ случая со студентами, которые набушевали въ городѣ,—такъ вѣдь какой скандалъ подымался каждый разъ, какіе упреки сыпались по адресу нашего университета и всей негритянской расы вообще! Какой нибудь незначительный эпизодъ разростается въ крупный инцидентъ и разносится по всей странѣ. Можете себѣ представить, какъ это отражается на интересахъ университета. Отсюда вѣчныя предостереженія студентамъ, и это, конечно, вліяетъ на ихъ настроеніе.

— Да и помимо этого чувства отвѣтственности за расу,— продолжалъ Дю-Бойсъ, грустно усмѣхнувшись,—уже самосохраненіе заставляетъ нашихъ студентовъ вести себя очень осторожно. Возьмите бѣлаго студента, который напроказилъ и даже серьезно. Во первыхъ, въ большинствѣ случаевъ полицейскій побоится его арестовать. Его отецъ, можетъ быть, вліятельный человѣкъ въ политикѣ; университетскія власти пользуются большимъ вліяніемъ и очень косо смотрятъ на арестъ студента. А если его уже арестовали, судья наложитъ небольшой штрафъ. Въ худшемъ случаѣ, если онъ пьянъ, то проведетъ ночь въ полицейскомъ участкѣ. А нашъ студентъ? Кто за него заступится? А за то, что онъ студентъ, т. е. интеллигентный и образованный негръ, къ нему относятся съ особой злобой и ненавистью и полисмэнъ, и приставъ, и судья—всѣ. И глядишь, за какую нибудь нелѣпую, невинную шутку его запрячутъ на мѣсяцъ въ тюрьму или въ кандалахъ сдадутъ въ работу контракторамъ. И погибъ человѣкъ.

— Впрочемъ,—опять заговорилъ Дю-Бойсъ,—есть еще одна причина, болѣе глубокая даже, чѣмъ тѣ, на которыя я указалъ. Негритянскій студентъ пока еще—исключительный, выдающійся молодой негръ. Рядовой негритянскій юноша еще не идетъ въ университетъ. И поэтому, какъ бы въ силу естественнаго подбора, у насъ пока наиболѣе серьезные студенты. Многіе изъ нихъ мыслящіе люди, задумавающіеся надъ вопросами общественными и политическими, преимущественно надъ вопросомъ о положеніи своей расы. А это, вы вѣдь знаете, къ оптимизму не можетъ предрасполагать.

«Какъ вамъ понравилось бы вѣчно быть вопросомъ, проблемой?»—спрашиваетъ Дю-Бойсъ въ одной изъ своихъ статей.—Это сознаніе, что онъ—проблема, не покидаетъ интеллигентнаго негра, какъ оно не покидаетъ интеллигентнаго еврея въ Россіи. Для человѣка съ кипучей энергіей и талантами Дю-Бойса это, можетъ быть, дѣлаетъ жизнь очень интересной, но это не можетъ уничтожить всей горечи. Поэтому интеллигентные негры и между собой, и съ чужими, и въ частныхъ разговорахъ, и при всякомъ общественномъ собраніи обсуждаютъ только негритянскій вопросъ. Они не

только рады развить вамъ свой взглядъ, но и допытываются вашего мнѣнія относительно настоящаго, хотятъ познакомиться съ вашими взглядами на будущее, просятъ совѣтовъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать,—въ особенности если только почувствуютъ въ васъ друга, или, по крайней мѣрѣ, не ослѣпленнаго негрофобствомъ врага.

Сначала это васъ конфузитъ. Вы даже конфузитесь произнести слово «negro», какъ конфузился, бывало, русскій человѣкъ обсуждать съ другомъ-евреемъ еврейскій вопросъ. Но скоро этотъ конфузъ у меня прошелъ, и я четыре дня говорилъ почти исключительно о негритянскомъ вопросѣ.

Впрочемъ, было одно исключеніе: г-жа Дю-Бойсъ. Въ ея изысканной холодной вѣжливости, въ ея красивыхъ и въ то же время злыхъ глазахъ такъ ясно сквозила рѣшимость не пускаться въ интимные разговоры, что я очень осторожно обходилъ въ бесѣдѣ съ нею всѣ щекотливые вопросы. Это было скучно, потому что приходилось ограничиваться почти исключительно о погодѣ, и это было досадно, потому что именно ея озлобленіе, о которомъ мнѣ даже намекали бѣлые обитатели университета, дѣлали ея психологію для меня особенно интересной. Даже по отношенію къ этимъ бѣлымъ членамъ небольшой колоніи у нея ясно видно было холодно-вѣжливое, очень недружелюбное отношеніе, въ то время какъ всѣ другіе представители обѣихъ расъ относились другъ къ другу весьма дружелюбно. Даже когда я заговорилъ о шедеврѣ ея мужа,—о поэмѣ въ прозѣ «Смерть первенца», въ которой описана смерть ея перваго ребенка, то и это не расшевелило ее. Она еще пуще нахмурилась, и я понялъ, что сдѣлалъ ошибку.

Только на третій день, послѣ многочисленныхъ, вполнѣ безцвѣтныхъ разговоровъ, въ которыхъ я всѣми силами старался не выказывать никакого особаго вниманія, а третировать ее, какъ всякую другую знакомую, — послѣ многихъ похвалъ ея, дѣйствительно, очень милой 8-лѣтней дочкѣ, сидя въ актовомъ залѣ, во время любительскаго спектакля, даннаго студентами, и заговоривъ съ ней о театрѣ и драмѣ, я, наконецъ, почти вынудилъ ее на болѣе интересный разговоръ.

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня о всѣхъ этихъ новыхъ пьесахъ?—вырвалось у нея.—Я вѣдь ни одной изъ нихъ не видала. Я уже года четыре, какъ не была въ театрѣ.

Я даже удивился, не догадавшись.—Почему же это? Вы хозяйствомъ вѣдь не занимаетесь?

— Да не въ хозяйствѣ дѣло; не пускаютъ насъ въ театръ, вотъ почему. То есть, пожалуй, это и не совсѣмъ вѣрно. Въ нѣкоторые театры насъ пускаютъ, но только на галлерею. Но, вы поймите, я жена профессора, мужъ мой извѣстный писатель, съ репутаціей не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, согласитесь, что, наконецъ, это неловко идти на галлерею, гдѣ грязно, шумно и собирается всякій сбродъ. Какъ ни какъ, мы должны помнить

о собственномъ достоинствѣ, о достоинствѣ университета. Лѣтомъ мы, правда, часто уѣзжаемъ на сѣверъ. Но и тогда мы забираемся въ деревню, въ глушь, да и вообще театровъ лѣтомъ нѣтъ. А зимой мужъ хотя часто ѣздитъ на сѣверъ читать лекціи, но мнѣ ѣхать съ нимъ не позволяютъ средства. И вотъ такъ живемъ, ни театровъ, ни концертовъ, ни общественной лекціи, ни выставки, ни библіотеки даже. Да и если отводятъ тебѣ мѣсто, то ты никогда не гарантированъ отъ какой-нибудь грубости, оскорбленія.

Г-жа Дю-Бойсъ замолчала и только болѣе напряженно сморщила свой высокій, оливковый лобъ. И это сознаніе принадлежности къ отверженной расѣ никогда, очевидно, не покидало ее.

Когда передъ отъѣздомъ я снялся въ одной группѣ съ Дю-Бойсомъ и президентомъ университета, она, наотрѣзъ отказалась присоединиться къ группѣ. Передъ отъѣздомъ я горячо упрашивалъ ее навѣстить насъ въ Вашингтонѣ, увѣрялъ ее, что прошу отъ имени жены, что жена непремѣнно пріѣхала бы со мной въ Атланту, если бы не ребенокъ,—словомъ, подчеркнулъ этимъ свое полное признаніе social equality—соціальнаго равенства—и г-жа Дю-Бойсъ вѣжливо благодарила и обѣщала, но я бы очень удивился, если бы она дѣйствительно сдержала слово.

Эту озлобленность ея на бѣлую расу всѣ объясняли тѣмъ, что ея мать была бѣлая женщина — очень рѣдкое явленіе среди мулатовъ,—и можетъ быть, это объясненіе было вѣрно. Но другой причиной, несомнѣнно, было то, что, будучи очень чувствительной страдалицей отъ негритянскаго вопроса, она не принимала активнаго участія въ его разрѣшеніи.

XI.

За единственнымъ исключеніемъ г-жи Дю-Бойсъ, всѣ говорили со мной исключительно о негритянскомъ вопросѣ и поэтому, хотя моя лекція была озаглавлена оффиціально «Social welfare among Russian Peasants», но я хорошо понялъ настроеніе своей аудиторіи и постарался дать то, что она ожидала, т. е. не столько лекцію о русскомъ крестьянинѣ per se, сколько урокъ, который человѣкъ, заинтересованный въ негритянскомъ вопросѣ, можетъ вынести изъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Попутно я воспользовался случаемъ, чтобы выразить свой взглядъ на негритянскій вопросъ вообще.

Я касаюсь собственной лекціи не безъ нѣкотораго конфуза, потому что боюсь, какъ бы это не показалось актомъ мелкаго тщеславія. Но возможность исторической, психологической и экономической параллели между русскимъ крестьяниномъ и негромъ, несомнѣнно, окажется совершенно новой точкой зрѣнія для большинства читателей, и поэтому я не вижу, почему мнѣ не воспользоваться матеріаломъ этой лекціи для настоящей статьи.

Уже переводъ приведенной выше темы представляетъ много затрудненій. Social welfare work—сравнительно новая концепція американской общественной жизни. Эта концепція обнимаетъ цѣлый рядъ очень разнообразныхъ явленій и движеній, начиная съ госпиталей до университетскихъ поселеній, отъ воскресныхъ школъ до рабочаго законодательства. Этотъ терминъ можно, пожалуй, опредѣлить, какъ совокупность всѣхъ организованныхъ усилій, преимущественно частныхъ, не правительственныхъ, къ улучшенію соціальныхъ условій существованія американской массы,—посредствомъ реформъ, а не революціи. Въ этомъ отрицаніи революціи основная особенность social welfare work, которую ея адепты любятъ подчеркивать, чтобы отграничить себя отъ соціалистовъ. Но если крайнихъ радикаловъ этого лагеря отъ соціализма отдѣляетъ только это отрицаніе революціи, то среди консервативныхъ, болѣе умѣренныхъ группъ частная благотворительность считается даже выше законодательныхъ реформъ. Вообще переоцѣнка возможныхъ результатовъ такой этической дѣятельности безъ соображенія съ желѣзными законами экономической дѣйствительности представляетъ отличительную черту social welfare work.

Среди негровъ для такой работы поле очень широкое, но работниковъ очень мало. Бѣднота требуетъ прямой благотворительной работы, невѣжество требуетъ педагогической работы, низкій уровень моральныхъ семейныхъ устоевъ требуетъ работы воспитательной, а неумѣніе работать требуетъ техническаго обученія. Отчаянно низкій standard of life требуетъ политическихъ мѣръ. Словомъ, поскольку дѣло касается возможныхъ методовъ приложенія гуманистическаго усердія, между американскимъ негромъ и русскимъ крестьяниномъ много общаго.

Но предложеніе энергіи гораздо ниже спроса. Собственной интеллигенціи у негровъ до смѣшного мало. А что касается до бѣлой интеллигенціи, то она дала очень немного. Мѣстная, южная интеллигенція не только не удѣляетъ ни малѣйшей доли своей энергіи, но даже относится съ самой свирѣпой нетерпимостью ко всякому бѣлому человѣку, посвящающему себя культурной работѣ среди негровъ, какъ, напр., бѣлые профессора Atlanta University. Подъ вліяніемъ этого отношенія и въ виду охлажденія сѣвера къ судьбѣ негровъ, такихъ бѣлыхъ людей становится все меньше и меньше.

Тѣмъ съ большей гордостью Дю-Бойсъ цитируетъ статистическія доказательства роста такой культуртрегерской работы собственными силами негровъ.

Благодаря сходству многихъ условій существованія американскихъ негровъ и русскихъ крестьянъ, естественно желаніе Дю-Бойса узнать, какъ разрѣшается вопросъ о social welfare work въ Россіи. Задача, какъ видите, мнѣ предстояла не легкая, уже потому, что основная точка зрѣнія русской интеллигенціи на сущность

соціальныхъ вопросовъ и методы ихъ разрѣшенія совершенно другая, въ особенности за послѣднія 15—20 лѣтъ. Я поэтому предпочелъ посвятить значительную часть своей лекціи общей «параллельной характеристикѣ» (какъ говорили въ добрыя гимназическія времена) негра и мужика. Я указалъ на сходство аргументаціи въ защиту рабства, при чемъ отмѣтилъ тѣ сближающія обѣ группы черты, на основаніи которыхъ въ Америкѣ упрочилось ученіе о негрѣ, какъ о низшемъ существѣ, въ то время, какъ въ Россіи, благодаря расовому единству рабовладѣльца и раба, такое ученіе не могло укрѣпиться. Такъ, я отмѣтилъ высокую смертность русской деревни, потому что даже высокая смертность негра въ Америкѣ ставится ему въ счетъ, какъ расовая особенность; отмѣтилъ, что русскаго мужика такъ же обвиняютъ въ безпеченности, суевѣріяхъ и лѣни, какъ и негра, если въ Америкѣ—указывалъ я—негритянскій фермеръ уступаетъ въ земледѣльческомъ искусствѣ итальянскому эмигранту, то русскій крестьянинъ оказывается въ такомъ же отношеніи къ нѣмецкому колонисту; и если негръ, мѣняя ферму на городское занятіе, оказывается менѣе успѣшнымъ работникомъ, чѣмъ старый и опытный американскій или нѣмецкій рабочій, то опять таки и русскій рабочій уступаетъ по своей производительности и умѣнію рабочему нѣмецкому или англійскому. У обоихъ замѣчается та же склонность къ излишеству въ употребленіи алкогольныхъ напитковъ, и даже та же чрезмѣрная свобода въ половыхъ отношеніяхъ. Самая замѣтная разница въ психологіи русскаго крестьянина и американскаго негра заключается въ томъ, что русскій крестьянинъ чрезвычайно бережливъ, почти скупъ, въ то время какъ негръ крайне расточителенъ и легкомысленъ. Но эта, якобы расовая, разница въ психологіи очень легко объясняется разницей въ экономическихъ условіяхъ русскаго крѣпостничества и американскаго рабства: русскій крѣпостной, несмотря на отсутствіе воли, все же былъ экономически самостоятельной величиной, а негръ-рабъ былъ собственностью и не имѣлъ никакихъ экономическихъ правъ.

Переходя отъ этой параллельной характеристики къ сравненію характера social welfare work среди русскаго крестьянства и американской негритянской массы, я указалъ, что чувство долга интеллигенціи передъ народомъ, которое теперь только начинаетъ развиваться въ Америкѣ, было знакомо Россіи еще 40—50 лѣтъ тому назадъ, но это чувство выливалось въ болѣе широкія формы. Идеализація малыхъ дѣлъ замѣчалась и среди русской интеллигенціи, но лишь въ пору реакціи. Въ эпоху же подъема хожденіе въ народъ (форма social welfare work) отливалось въ форму агитаціи и пропаганды, которой такъ боятся американскіе реформисты. Умственное и политическое развитіе массы считалось гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ обученіе манерамъ; пробужденіе политическаго самосознанія этой массы предпочиталось проповѣди бережли-

вости и половой морали, и уже, конечно, ни во что не ставился экономическій подъемъ отдѣльныхъ лицъ на счетъ массы, въ то время какъ консервативные элементы среди негритянскихъ культуртрегеровъ именно напираютъ на огромное значеніе такихъ единичныхъ успѣховъ. Разница между русскимъ и американскимъ social welfare work выражается именно въ томъ, что первые считаютъ необходимымъ для улучшенія условій существованія массы методы соціальные и политическіе, тогда какъ въ Америкѣ среди негровъ, какъ и среди бѣлыхъ, культурники сознательно пренебрегаютъ политическими реформами и слишкомъ много надеждъ возлагаютъ на свою мелкую, кропотливую работу съ отдѣльными личностями. Въ особенности же важны политическія мѣры для политически безправнаго элемента, какимъ являются негры. Дѣйствительные культуръ-трегеры не должны бояться разжигать въ негритянской массѣ чувства недовольства.

Я изложилъ здѣсь главныя нити своего доклада. Надо сказать, что среди радикальной негритянской интеллигенціи, группирующейся вокругъ Atlanta University, эта точка зрѣнія пріобрѣтаетъ много послѣдователей. Если бы на моей лекціи присутствовали южные бѣлые джентельмэны, то я увѣренъ, что мнѣ не удалось бы уберечься отъ грубаго насилія. Но, къ счастью для моей шкуры, если не для моихъ идей,—бѣлая Atlanta совершенно игнорируетъ черную интеллигенцію и ея духовную жизнь. За то въ аудиторіи были всѣ сливки негритянской интеллигенціи. Присутствовавшіе горячо благодарили меня, какъ за сочувственное отношеніе къ ихъ стремленіямъ, такъ и за ту нравственную поддержку, которую даетъ имъ примѣръ русской интеллигенціи.

— Вы не можете представить себѣ, какое значеніе имѣетъ для меня ваша лекція,—говорилъ мнѣ директоръ Atlanta Baptist College (коллегіи, содержимой на средства церкви баптистовъ), человѣкъ лѣтъ 40, съ симпатичнымъ серьезнымъ лицомъ и такой малой примѣсью негритянской крови, что даже я, при всемъ своемъ опытѣ, не былъ увѣренъ, негръ онъ или нѣтъ.—Ежегодно у меня въ коллегіи кончаютъ курсъ 15—20 молодыхъ людей. Всѣ они у меня спрашиваютъ совѣтовъ и указаній, что дѣлать, за что взяться. Я очень энергично проповѣдую идеалъ social work—культуртрегерской работы, и вообще служенія обществу: въ результатѣ большинство ихъ, дѣйствительно, идетъ въ деревенскіе учителя, въ духовенство, и знаете, у меня начинали появляться сомнѣнія, не слишкомъ ли я злоупотребляю своимъ вліяніемъ, имѣю ли я нравственное право толкать ихъ на этотъ путь, обѣщающій имъ лично такъ мало матеріальныхъ благъ. Если бы они пошли въ профессіи, въ коммерцію, то матеріально устроились бы гораздо лучше. А тутъ еще Букеръ Вашингтонъ со своей проповѣдью матеріальнаго прогресса, съ его категорическимъ заявленіемъ, что онъ цѣнитъ негра лишь по размѣрамъ его текущаго счета въ

банкѣ... Вѣдь, если меня по такой мѣркѣ оцѣнить, то, куда же я гожусь? Самый, что ни на есть, негодный негръ. И поэтому то меня заинтересовало и ободрило то, что вы сказали о долгѣ интеллигенціи народу, и о томъ, какъ усердно русская интеллигенція стремилась платить этотъ долгъ.

Президентъ университета Ware, его сестра и многіе изъ бѣлыхъ преподавателей въ коллегіи заинтересовались другой частью моего доклада, а именно проведенной мной параллелью между психологіей русскаго мужика и американскаго негра.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ президентъ Ware,—какъ интересны эти параллели. Мы въ своей дѣятельности исходимъ изъ принципа, что разницы между расами нѣтъ, что всѣ дѣти одного Бога, но иногда даже въ моей душѣ закрадывается сомнѣніе. Все же они выказываютъ нѣкоторыя черты, которыя насъ удивляютъ и печалятъ. Я повторяю изо дня въ день и себѣ, и другимъ, что это результатъ вліянія среды, но это часто звучитъ апріорно. А ваши параллели—вѣдь это вѣское научное доказательство.

Если это говорилъ бѣлый человѣкъ, то среди негровъ многіе отнеслись къ мысли о сходствѣ психологіи двухъ бывшихъ рабовъ—мужика и негра—съ почти что ребяческой радостью.

XII.

Хотя большую часть времени, проведеннаго въ Атлантѣ, я пробылъ въ стѣнахъ негритянскаго университета, тѣмъ не менѣе—на ловца и звѣрь бѣжитъ—мнѣ удалось поговорить о негритянскомъ вопросѣ съ южнымъ джентльмэномъ изъ лучшихъ классовъ и такимъ образомъ непосредственно познакомиться съ чисто южной точкой зрѣнія на негритянскій вопросъ.

Мой собесѣдникъ,—мы будемъ называть его мистеръ Смитъ, потому что онъ лишь типъ, имя же ему легіонъ,—человѣкъ очень культурный, съ университетскимъ образованіемъ, даже съ литературными наклонностями. Мы начали съ самаго больного вопроса,—съ вопроса объ избирательномъ правѣ негра, и скоро сдержанный американскій джентльмэнъ уже очень горячился.

— Конечно, вамъ, сѣверянамъ, это смѣшно,—кричалъ онъ,—а поживите-ка здѣсь съ десятокъ лѣтъ, познакомьтесь поближе съ негритянскимъ населеніемъ, и тогда вы научитесь смотрѣть на него глазами южанина.

— Можетъ быть, можетъ быть!—поспѣшилъ я согласиться, ибо зналъ, что только такимъ образомъ добьюсь его откровенности.—Но напрасно вы меня считаете сѣверяниномъ; вы знаете, что я русскій, и, слѣдовательно, чужой. У меня нѣтъ предразсудковъ ни за, ни противъ негра. Вопросъ интересуетъ меня чисто объективно.

Я на югѣ впервые,— и ваша точка зрѣнія меня чрезвычайно интересуютъ. Такъ почему же именно негритянское право голоса должно погубить вашъ городъ?

— Когда вы познакомитесь съ негритянскимъ населеніемъ, то вы сами поймете,—нѣсколько смягчившись, отвѣтилъ Смитъ.—Развѣ эти дикіе, невѣжественные люди безъ всякихъ моральныхъ устоевъ, эти бездѣльники и воры могутъ разумно воспользоваться правомъ голоса?

— Чѣмъ же оправдывается такое рѣзкое мнѣніе?—допытывался я.—Я присматривался къ нимъ эти нѣсколько дней. Я видѣлъ массу тихихъ, скромныхъ, чисто и опрятно одѣтыхъ негровъ и негритянокъ, вполнѣ джентльмэновъ и лэди. Есть, вѣроятно, и среди нихъ преступные элементы, но вѣдь, несомнѣнно, многіе изъ нихъ вполнѣ приличные, трудолюбивые граждане. Не всѣ же живутъ кражами.

— Трудолюбивые граждане!—снова разсердился г. Смитъ.—Сейчасъ видно, что вы сѣверянинъ. Нѣтъ большаго лѣнтяя, чѣмъ негръ. Ему совершенно чужда жажда труда, свойственная англосаксонцу. Онъ работаетъ одинъ день и потомъ шляется по улицамъ цѣлую недѣлю.

— Я, конечно, не имѣю права не вѣрить вамъ. Но мое впечатлѣніе получилось такое, что здѣсь, въ вашемъ городѣ почти что одни негры и работаютъ. Они копаютъ землю, чинятъ вашъ желѣзнодорожный путь, прислуживаютъ въ вашихъ домахъ и ресторанахъ, брѣютъ вашу бороду и чистятъ ваши сапоги. Мнѣ едва ли приходилось видѣть въ вашемъ городѣ бѣлаго человѣка за тяжелой работой.

— Ну, конечно, негры работаютъ, потому что вынуждены работать. Но вѣдь они совершенныя дѣти. Какъ только у него завелся полтинникъ въ карманѣ, онъ сейчасъ же удираетъ. Его нельзя мѣрить на нашу мѣрку. Если бы онъ былъ человѣкъ, какъ вы или я, то развѣ африканская цивилизація находилась бы въ такомъ жалкомъ состояніи? Вы не должны упускать изъ виду, что онъ членъ низшей расы.

— Однако,—не уступалъ я,—вѣдь это нужно доказать. На одномъ лицевомъ углѣ вѣдь теперь не далеко уѣдешь. Антропологи отрицаютъ значеніе этого угла. Съ тѣхъ поръ, какъ за неграми признаны были нѣкоторыя человѣческія права, не прошло еще и полвѣка, и между тѣмъ среди нихъ уже имѣются тысячи вполнѣ интеллигентныхъ, культурныхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Это наврядъ ли доказываетъ, что негры біологически низшая раса.

— Какіе тамъ культурные люди? Развѣ ученіе идетъ имъ въ прокъ. Въ школѣ они вначалѣ дѣлаютъ недурные успѣхи, но вскорѣ останавливаются и на всю жизнь остаются дѣтьми. Да вотъ вамъ примѣръ.

И на меня посыпался длинный рядъ разныхъ анекдотовъ о не-

понятливости негровъ. Г. Смиту помогала его сестра. Гвоздемъ этой коллекціи анекдотовъ была исторія о томъ, какъ ихъ кухарка, по наущенію г. Смита, собирала своихъ подругъ идти на похороны Христофора Колумба (негры очень любятъ похоронныя процессіи) и была очень разочарована узнавъ, что Колумбъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ.

— Ну, какъ хотите, это доказательство не особенно сильное,— настаивалъ я.—Вы знаете, я происхожу изъ страны, гдѣ почти 100.000.000 человѣкъ знаютъ не больше, чѣмъ ваша кухарка, но я не могу считать русскій народъ изъ-за этого низшей расой. Чтобы доказать разницу въ умственныхъ способностяхъ, слѣдуетъ дать неграмъ ту же возможность получить образованіе, какимъ пользуется бѣлый человѣкъ, и тогда, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій экспериментовъ, мы сумѣемъ научно рѣшить...

— Обучать негровъ! Обучать негровъ! Это старый крикъ сѣвера. Югъ истратилъ милліоны на это обученіе, и что мы выиграли отъ этого?—Ничего! Мы только испортили нашихъ негровъ. Образованный негръ—самый худшій изъ негровъ. Онъ сейчасъ же забывается, начинаетъ считать себя равнымъ бѣлому, мечтаетъ о политикѣ.

— Да, да!—вмѣшалась миссъ Смитъ,—подумайте только, вашъ Atlanta Uniwersity обучаетъ негровъ и негритянокъ греческому языку! Удивительно-ли, что они нахалы, студенты этого университета.

— Но позвольте, — удивился я.—Почему же образованному негру не считать себя равнымъ? Вы говорите, негръ—низшая раса. Но вѣдь физически онъ часто гораздо лучше развитъ, чѣмъ бѣлый. Слѣдовательно, онъ ниже въ умственномъ отношеніи. Но если онъ съ университетскимъ образованіемъ и вполнѣ культурный человѣкъ, то почему за нимъ не допускать права на равенство?

— Равенство съ неграми!—вскочилъ Смитъ, точно его муха укусила.—Но поймите, что это вполнѣ невозможно. Бѣлое населеніе на это никогда не согласится. Нѣсколько университетскихъ дипломовъ ничего не доказываютъ. Чистокровный негръ совершенно не въ состояніи воспринять университетской науки. Всѣ эти такъ называемые выдающіеся негры вѣдь мулаты и своимъ умственнымъ прогрессомъ обязаны бѣлой крови.

— Но когда дѣло касается политическихъ и гражданскихъ правъ, то онъ считается полнокровнымъ негромъ!

— Конечно... Какъ здѣсь провести твердыя границы? Одной капли негритянской крови достаточно. Такія границы необходимы, если мы хотимъ сохранить чистоту бѣлой расы. Вы признаете, что бѣлая раса, какъ высшая раса, вправѣ бороться за свою неприкосновенность и чистоту?

— Ну, знаете, какъ то не видать со стороны, чтобы бѣлые очень заботились о чистотѣ своей расы. Иначе, какъ вы объясните, что

больше половины «негровъ» у васъ въ Атлантѣ мулаты, квартероны и октавороны?

— Да, это очень печально,—согласился г. Смитъ,—тѣмъ болѣе, что эти мулаты самые худшіе негры. Въ концѣ концовъ напрасно вы, сѣверяне, думаете, что мы на югѣ не любимъ негровъ. Я самъ воспитывался на рукахъ няни-негритянки и питаю къ ней самыя нѣжныя чувства. Мы очень хорошо относимся къ негру стараго типа, дѣйствительно черному негру, который знаетъ свое мѣсто!

— То есть?

— То есть, не лѣзетъ въ театръ, не стремится сѣсть за столъ съ бѣлымъ человѣкомъ, не возмущается, когда ему предоставляютъ отдѣльную скамейку въ вагонѣ, не требуетъ политическихъ правъ,—словомъ, отдаетъ должное бѣлому человѣку, какъ представителю высшей расы.

— Но почему же необходимо имѣть для него отдѣльное мѣсто въ театрѣ, вагонѣ, и т. д. Неужто же только потому, что онъ обладаетъ меньшими интеллектуальными способностями? Неужто же дураку нельзя даже сѣсть рядомъ съ умнымъ человѣкомъ?

— Да вѣдь отъ него пахнетъ!—ужаснулась миссъ Смитъ:—Ѣсть за однимъ столомъ съ негромъ—это ужасно.—И она содрогнулась.

А мистеръ Смитъ съ снисходительной улыбкой добавилъ:—Вотъ видите! Неужто же вы и этого не знаете?

— Какъ же, слышалъ! Въ толпѣ бѣдныхъ негровъ, дѣйствительно, амбрэ не особенное. Но не думаете ли вы, что это отъ пота и незнакомства съ ванной? Вѣдь отъ вашего южнаго солнца лѣтомъ и отъ бѣлаго человѣка тоже не одеколономъ несетъ. По моему наблюденію, отъ моихъ друзей, университетскихъ негровъ, напр., совсѣмъ не пахнетъ.

— Да вѣдь тутъ не въ ваннѣ дѣло! Вѣдь это признанный фактъ, что отъ негра несетъ специфическимъ негритянскимъ запахомъ.

— Та-акъ! Но знаете ли, все же странно, что отъ негра не пахнетъ, когда онъ у вашихъ ногъ чиститъ вамъ сапоги, или подаетъ вамъ пищу въ ресторанѣ, или даже мылитъ вамъ рукой щеки и губы, чтобы обрить васъ... Наконецъ, какъ вы совмѣстите этотъ непріятный специфическій запахъ съ такимъ огромнымъ количествомъ мулатовъ и квартероновъ?

Миссъ Смитъ выскочила изъ комнаты, а ея братъ посмотрѣлъ на меня такъ, что мнѣ стало очень неловко за такое грубое нарушеніе приличій, которое угрожало преждевременной кончиной нашему разговору, и я поспѣшилъ пойти на компромиссъ.

— Конечно, я допускаю,—заявилъ я,—что бѣлый человѣкъ имѣетъ право поддерживать дружбу и знакомство, съ кѣмъ онъ хочетъ. Если я не хочу приглашать Джонса въ мою гостиную, то это не даетъ Джонсу права жаловаться. Допустимъ, что необходимо сохранить чистоту бѣлой расы и что эти соціальныя преграды только

безсознательный методъ для защиты неприкосновенности расы. Но вѣдь тѣмъ болѣе необходимы неграмъ свои культурные университетскіе люди, свои врачи, юристы, учителя и такъ далѣе. Поэтому имъ нужны университеты. Почему же вы такъ озлоблены противъ Дю-Бойса и Atlanta University?

— Но я уже объяснилъ вамъ, что эта наука не по плечу негру. Сами негры достаточно умны, чтобы не питать довѣрія къ своимъ университетскимъ людямъ и предпочитаютъ бѣлыхъ врачей, адвокатовъ и т. д. Классическое и университетское образованіе идетъ неграмъ, какъ коровѣ сѣдло. Вы знаете, какъ смотритъ на дѣло Букеръ Вашингтонъ. Онъ сравнительно порядочный человѣкъ, для негра, конечно, и не глупый. И онъ мулатъ. Такъ вотъ и онъ признаетъ, что негру нужно лишь ремесленное образованіе, чтобы дать ему возможность зарабатывать средства къ жизни.

— Однако же, я знаю, что негритянская интеллигенція совершенно не согласна съ этой точкой зрѣнія. Возьмите хоть моихъ друзей въ Atlanta University. Они совершенно не согласны съ Вашингтономъ. Да вы и сами признали, что мулаты и квартероны совсѣмъ не довольствуются его программой. Многіе изъ нихъ вѣдь въ семь разъ больше принадлежатъ къ бѣлой расѣ, чѣмъ къ черной, и вы ихъ насильно прикрѣпляете къ послѣдней.

— Да, эти мулаты несчастный, хотя и подлый народъ. Черные смѣются надъ ними и называютъ ихъ желтыми, а въ душѣ завидуютъ имъ, а мулаты смотрятъ на негровъ свысока. Рѣдкій мулатъ рѣшается жениться на черной женщинѣ; а мулатки и квартеронки еще больше презираютъ чернаго человѣка.

— Какъ же мулатки разрѣшаютъ этотъ брачный вопросъ?

— А идутъ въ проститутки. Публичные дома полны ими. Это для негритянки самое естественное дѣло. Развѣ у нихъ есть какіе-нибудь моральные устои? Развѣ они знакомы съ понятіями о святости брака или даже собственности? Рѣдкая негритянка не имѣетъ связи, рѣдкая изъ нихъ не крадетъ.

— А не кажется ли вамъ,—осмѣлился я предложить вопросъ,— что онѣ въ этомъ совсѣмъ не виноваты? Двѣсти лѣтъ онѣ не знали собственности, двѣсти лѣтъ вы ихъ растлѣвали, разрушали ихъ семейную жизнь, откуда же имъ имѣть сознаніе святости брака?

— Да, я согласенъ, что наши предки виновны,—съ сердцемъ воскликнулъ Смитъ.—Но почему же мы должны расплачиваться? Мы то только страдаемъ отъ плодовъ этой системы. Если бы только югъ могъ отдѣлаться отъ негровъ, то это было бы началомъ новой жизни для юга.

— Но увѣрены ли вы, мистеръ Смитъ, что югъ желаетъ раздѣлаться съ неграми? Вѣдь негритянскій трудъ всегда былъ однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія юга, продолжаетъ онъ быть таковымъ и теперь.

— Конечно, теперь почти не возможно разстаться съ негритянскимъ трудомъ. Но если бы наши предки не сдѣлали этой ужасной ошибки и не ввезли бы негровъ, то неужто югъ остался бы внѣ предѣловъ экономической эволюціи?

— Не знаю, что было бы. Но разъ вы сознаетесь, что вина вашихъ предковъ, т. е. бѣлаго человѣка, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что на васъ лежитъ обязанность разрѣшить вопросъ или, по крайней мѣрѣ, создать какой-нибудь modus vivendi. Вы увѣрены, что бѣлое населеніе никогда не согласится предоставить неграмъ полныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ?

— Никогда!

— И что негры недовольны настоящимъ положеніемъ вещей?

— Недовольны, и недовольство это растетъ.

— Ну, такъ что же вы намѣрены предпринять?

Смитъ промолчалъ нѣсколько минутъ.

— А почемъ я знаю,—наконецъ, заявилъ онъ.—Въ томъ-то и несчастье, что разрѣшенія вопроса не видно. Югъ въ отчаянномъ положеніи. Условія теперь нѣсколько лучше, чѣмъ раньше, когда негръ имѣлъ право голоса, но и теперь вопросъ стоитъ передъ нами. Пока негръ доволенъ былъ своимъ положеніемъ, условія были еще сносны; но новое поколѣніе негровъ гораздо хуже стараго. Мы этимъ обязаны сѣверу. Не вмѣшайся онъ, здѣсь остались бы патріархальныя отношенія, какія должны быть между высшей и низшей расой.

— А теперь эти патріархальныя отношенія распадаются?

— Распались.

— Какія же новыя отношенія займутъ ихъ мѣсто?

— Но я же сказалъ вамъ, что не знаю.

— Не думаете ли вы, что бѣлымъ придется согласиться на нѣкоторые компромиссы?

— Южане никогда не согласятся на компромиссы, которые будутъ угрожать ихъ положенію, какъ высшей расѣ. Это было бы не справедливо къ бѣлой расѣ.

— Ну, а насколько это положеніе вещей справедливо по отношенію къ неграмъ, которые страдаютъ отъ него и страдаютъ невинно?

— Они не страдали бы, если бы ихъ не науськивали со стороны. Да, наконецъ, ихъ страданія и составляютъ лишь негритянскій вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Разговоръ начиналъ принимать форму сказки про бѣлаго бычка, и я вынужденъ былъ его прекратить.

Въ нашемъ краткомъ діалогѣ выяснились всѣ тѣ стереотипныя обвиненія, какія бѣлый югъ выставляетъ противъ негровъ. Помимо нѣкоторыхъ варіацій, взглядъ г. Смита - взглядъ большинства бѣлаго населенія юга.

Варіаціи состоятъ преимущественно въ томъ, что одни смотрятъ

на будущее пессимистически и желали бы раздѣлаться совсѣмъ съ неграми, другіе же готовы утверждать, что негры понемногу привыкаютъ къ своему положенію, и поэтому отношенія постепенно улаживаются къ общему удовольствію. И оптимисты, конечно, совершенно не правы.

— Потому что Букеръ Вашингтонъ—пророкъ прошлаго, а не будущаго,—говорилъ мнѣ черный, какъ смоль, чистокровный негръ, президентъ большого ремесленнаго института въ Саваннѣ.

А профессоръ Дю-Бойсъ какъ то замѣтилъ:

— Весь оптимизмъ Букера Вашингтона — показной. Въ дѣйствительности онъ очень пессимистически относится къ будущности негра. Въ борьбу онъ не вѣритъ, а вся его политика примиренія не принесла никакихъ осязательныхъ результатовъ.

XIII.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Атланты я замѣтилъ на стѣнахъ университета объявленіе объ имѣющей быть въ Нью-Іоркѣ конференціи по вопросу о положенія негровъ въ Америкѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ самому не пришлось попасть на эту конференцію, и и я знаю о ней лишь по газетамъ и разсказамъ.

Душой конференціи явился знакомый русской публикѣ Вильямъ-Инглишъ Уоллингъ (William English Walling), радикалъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи для изученія русской революціи, женатый на русской еврейкѣ, и авторъ крупнаго труда Russia's Message (Миссія Россіи), въ которомъ самыми радужными и оптимистическими штрихами рисуется русская революція. Будучи по натурѣ оптимистомъ, Уоллингъ сдѣлался революціонеромъ сравнительно недавно и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, соединяетъ въ себѣ весь энтузіазмъ юноши и неофита. Онъ членъ соціалистической партіи, но не доволенъ ею за ея излишній консерватизмъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ заинтересовался негритянскимъ вопросомъ и, благодаря своей энергіи и средствамъ, сумѣлъ сорганизовать эту конференцію изъ представителей бѣлыхъ и негритянскихъ прогрессивныхъ круговъ для обсужденія негритянскаго вопроса.

Кромѣ самого Уоллинга, и среди приглашенныхъ дѣятелей было было много соціалистовъ и людей съ соціалистическими симпатіями. Тѣмъ болѣе характерно, что наиболѣе популярные и извѣстные вожаки соціалистическаго движенія въ Нью-Іоркѣ держались въ сторонѣ отъ конференціи, и оффиціальнаго представительства соціалистическая партія на ней не имѣла. Изъ соціалистовъ присутствовали преимущественно «дикіе». До извѣстной степени это понятно. Соціализма на югѣ почти не существуетъ, а потому соціалистическое движеніе совершенно не знакомо съ негритянскимъ вопросомъ; съ другой стороны, такъ какъ негры теперь

почти поголовно лишены права голоса, то многіе практическіе соціалисты, повидимому, думаютъ, что на нихъ и пороху не стоитъ тратить. Кромѣ того, не такъ уже трудно среди радикаловъ и соціалистовъ встрѣтить типичную расовую вражду. И это въ то время, какъ экономическія и политическія условія толкаютъ соціалистовъ и радикальное крыло негритянской массы въ объятія другъ другу.

Первые шаги къ такому сближенію радикальныхъ элементовъ обѣихъ расъ были сдѣланы незадолго до того одной Нью-Іоркской организаціей подъ именемъ Cosmopolitan Club.

Это была небольшая организація для обсужденія какъ негритянскаго, такъ и другихъ общественныхъ вопросовъ. Особенностью ея было то, что въ ней представлены были обѣ расы. Но такъ какъ организація эта находилась въ Нью-Іоркѣ, то она и не обращала на себя никакого вниманія. Клубъ устраивалъ митинги и дискуссіи, послѣ которыхъ, по доброму американскому обычаю, предлагалась скромная закуска. За этой закуской за столъ садились, конечно, какъ негритянскіе, такъ и бѣлые члены клуба.

Но одной газетѣ захотѣлось эксплуатировать эту небольшую организацію. Появилась сенсаціонная статья о томъ, что въ Нью-Іоркѣ организовался клубъ, гдѣ бѣлыя женщины ѣдятъ за однимъ столомъ съ мужчинами неграми, что клубъ имѣетъ цѣлью проповѣдывать «соціальное равенство» обѣихъ расъ и даже полное сліяніе этихъ расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Были даже прозрачные намеки на нравственный обликъ этой организаціи, къ которой въ дѣйствительности принадлежали наиболѣе интеллигентные представители обѣихъ расъ. Другія газеты подхватили это сенсаціонное извѣстіе и обѣды Cosmopolitan Club'а вдругъ сдѣлались притчею во языцѣхъ для всей американской прессы.

Cosmopolitan Club негритянскаго вопроса не рѣшилъ. Но къ клубу принадлежали нѣсколько соціалистовъ и въ томъ числѣ Уоллингъ, который живо заинтересовался негритянскимъ вопросомъ. Въ результатѣ и получилась вышеозначенная конференція.

Послѣ ряда очень горячихъ дискуссій и нѣсколькихъ массовыхъ собраній конференція закончилась, организовавъ постоянный совѣтъ для созыва подобныхъ ежегодныхъ конференцій и принявъ очень рѣзкія резолюціи.

«Мы протестуемъ», говорится въ этихъ резолюціяхъ, «противъ все растущаго преслѣдованія 10.000.000 негровъ-согражданъ, какъ величайшей угрозы благополучію нашей страны. У нихъ отнимаютъ принадлежащую имъ долю общественныхъ средствъ, ихъ лишили всякаго участія въ управленіи страной, ихъ убиваютъ безнаказанно, власть третируетъ ихъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, и въ нѣкоторыхъ штатахъ бѣлое населеніе фактически держитъ ихъ въ рабствѣ. Это систематическое преслѣдованіе мирныхъ гражданъ и, въ частности, лишеніе ихъ избирательнаго права изъ-за нхъ

расы, являются реступленіеемъ, которое въ концѣ концовъ погубитъ всякій народъ, терпящій такія несправедливости.

«Наша надежда въ немедленномъ и терпѣливомъ просвѣщеніи тѣхъ народныхъ массъ, которыя безсознательно вовлечены въ эту политику преслѣдованія негра. Плоды этой политики въ настоящее время обогащаютъ лишь одинъ классъ населенія и отзываются крайне тяжело на тѣхъ бѣлыхъ фермерахъ и рабочихъ, которые находятся на одномъ экономическомъ уровнѣ съ неграми. Преслѣдованія рабочихъ союзовъ, подневольный трудъ арестантовъ и лишеніе рабочей массы права голоса—таковы опасности, которыя угрожаютъ многимъ Южнымъ Штатамъ.

«Мы вполнѣ согласны съ общепринятымъ мнѣніемъ, что превращеніе негровъ, чернорабочихъ въ земледѣліи и въ промышленности, въ опытныхъ работниковъ (ckilled loorkew) имѣетъ огромное значеніе какъ для расы, такъ и для всего народа. Поэтому мы требуемъ для негровъ, какъ и для всѣхъ другихъ, безплатнаго образованія отъ города или штата или государства—начальное и ремесленное образованіе для всѣхъ, и техническое, профессіональное и научное образованіе для наиболѣе способныхъ.

«Но народныя школы, предоставленныя неграмъ, никогда не добьются справедливаго отношенія къ себѣ, пока негръ не добьется равенства въ законодательной власти и передъ закономъ. И какъ бы цѣненъ ни былъ обученный негръ въ общинѣ, въ которой онъ живетъ, онъ никогда не получитъ справедливой платы за свой трудъ, никогда не добьется возможности развить и примѣнить свои способности, пока онъ не добьется законныхъ правъ человѣка и гражданина.

«Мы смотримъ съ явной тревогой на проявляющуюся какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ тенденцію лишить чернаго человѣка права на трудъ,—на тенденцію, сопровождающуюся насиліемъ и кровопролитіемъ.

«Въ числѣ первыхъ, немедленныхъ шаговъ къ исправленію этихъ соціальныхъ несправедливостей, угрожающихъ не только неграмъ, но и бѣлой массѣ по всей странѣ,—мы требуемъ отъ конгресса и исполнительной власти:

1) чтобы конституція примѣнялась во всей строгости, и чтобы гражданскія права, установленныя 14-й поправкой, были признаны за всѣми,

2) чтобы во всѣхъ штатахъ всѣмъ расамъ была предоставлена одинаковая возможность образованія, и чтобы на черныхъ дѣтей въ среднемъ тратилось не менѣе, чѣмъ на бѣлыхъ дѣтей,

3) и чтобы, согласно 15-й поправкѣ, за негромъ было признано избирательное право на одинаковыхъ условіяхъ съ другими гражданами».

Я привелъ эти резолюціи, чтобы формулировать тенденціи и стремленія наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ негритянской

расы, — элементовъ, представителемъ которыхъ является Atlanta University и, въ особенности, Дю-Бойсъ.

Конференція умолчала о средствахъ для осуществленія этихъ стремленій. Умалчиваетъ объ этомъ и Atlanta University, которая, находясь въ сердцѣ антагонистическаго юга, не рѣшается слишкомъ откровенно высказывать своихъ мыслей. Но дѣятельность Atlanta University, несомнѣнно, хотя косвенно и медленно, подготовляетъ почву для разрѣшенія негритянскаго вопроса, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно будитъ въ интеллигентномъ негрѣ сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства, а потому и недовольство политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ расы.

И Рубиновъ.

ВАРІАНТЪ *).

Зима подходила къ концу. На одномъ изъ участковъ новостроющейся дороги шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему весной открытію работъ.

Начальникъ участка Кольцовъ, уже послѣ окончательныхъ изысканій, закончившихся предыдущимъ лѣтомъ, затѣялъ измѣнить направленіе линіи. Это измѣненіе обѣщало серьезныя сбереженія, и Кольцовъ съ двумя молодыми инженерами, проработавъ всю зиму въ полѣ, напрягалъ всѣ усилія закончить всѣ работы къ предстоящей черезъ двѣ недѣли сдачѣ подрядовъ. Торопиться нужно было для того, чтобы успѣть провести и утвердить варіантъ до торговъ и этимъ впослѣдствіи избавиться отъ претензій подрядчиковъ на тему, что ихъ подвели, что они понесли убытки вслѣдствіе уменьшенія работъ, и результатомъ такихъ претензій была бы неизбѣжная приплата подрядчикамъ казны 20% сбереженной противъ подрядовъ суммы.

Дни въ усиленной полевой работѣ, вечера за вычерчиваніемъ плановъ и профилей, короткій отдыхъ,—въ послѣднее время 3—4 часа въ сутки,—изнурили и утомили Кольцова и двухъ его товарищей. Особенно подался Стражинскій. Онъ такъ похудѣлъ, что жена Кольцова говорила, что у Стражинскаго остались одни глаза. Стражинскій за зиму нажилъ себѣ страшный ревматизмъ; въ послѣднее время еще простудился, кашлялъ и производилъ крайне ненадежное впечатлѣніе. Несмотря на 27 лѣтъ, волоса его замѣтно стали сѣдѣть. Его изящная, стройная фигура сгорбилась, красивое

*) Покойный Николай Георгіевичъ Михайловскій въ 1892—95 гг. напечаталъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, подъ псевдонимомъ—Н. Гаринъ, свою извѣстную трилогію „Дѣтство Тёмы“ „Гимназисты“ и „Студенты“. „Варіантъ“—*послѣднее* беллетристическое произведеніе, найденное въ посмертныхъ бумагахъ Гарина. Такимъ образомъ, литературная его дѣятельность и началась, и заканчивается на страницахъ „Русскаго Богатства“.

Ред.

лицо осунулось, и только большіе выразительные глаза выиграли,—они то зажигались лихорадочнымъ раздраженнымъ огнемъ, то грустно-безнадежно смотрѣли на окружающихъ. Спокойный, воспитанный, онъ теперь едва сдерживалъ свое безпричинное раздраженіе.

— Вася, не мучь ты Стражинскаго,—говорила Кольцову, въ рѣдкія минуты отдыха, его жена,—право, по временамъ плакать хочется, глядя на него.

— Ну, что же дѣлать,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Мнѣ назначено 9 человѣкъ, изъ нихъ прислали только двухъ, а остальныхъ оставили пока при Управленіи. Вотъ, скоро кончимъ, тогда дамъ ему хоть на мѣсяцъ отдыхъ. Вѣдь и я, и Татищевъ также работаемъ.

— Ты и Татищевъ здоровые, а онъ совсѣмъ не вашего поля ягода.

— А я тутъ при чемъ,—возражалъ Кольцовъ.—Не вводить же казну въ милліонные убытки оттого, что Стражинскій не на своемъ мѣстѣ. Вотъ, скоро кончимъ, тогда...

И Кольцовъ опять убѣгалъ въ контору. Тамъ въ сырой, осенью только отдѣланной комнатѣ, служившей прежде кладовой, занимались Стражинскій, Татищевъ и Кольцовъ.

Въ сыромъ накуренномъ воздухѣ было угарно и тяжело. Стражинскій работалъ молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздраженіе.

Татищевъ работалъ свободно, безъ напряженія.

— Экое отвратительное помѣщеніе,—ворчалъ Татищевъ, водя рейсфедеромъ по бумагѣ и безпрестанно отбрасывая шнурокъ пенснэ.

— Да, гадость,—согласился Кольцовъ.

— Гораздо лучше было нанять домъ Мурзина,—ворчалъ опять Татищевъ.

Немного погодя Татищевъ опять заговорилъ:

— Невозможный рейсфедеръ, линейки порядочной нѣтъ.

— Вотъ этимъ рейсфедеромъ я уже второй милліонъ экономіи дочерчиваю. Хоть бы рейсфедеръ новый.

— Невозможные инструметы!—вставилъ Стражинскій.

— Хоть бы въ пикетъ сыграть,—продолжалъ Татищевъ, помолчавъ.

— Некогда, некогда,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Кончимъ варіантъ, тогда и будемъ играть, сколько хотите.

— Никогда мы его не кончимъ,—отвѣчалъ Татищевъ и вдругъ весело по-дѣтски расхохотался.

— Вы чего?—поднялъ голову Кольцовъ.

Татищевъ продолжалъ хохотать.

— Мнѣ смѣшно...

И Татищевъ опять залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Кольцовъ, привыкшій къ его безпричинному смѣху, только рукой махнулъ, проговоривъ:

— Ну, завелъ!

— Что мы никогда не кончимъ,—докончилъ Татищевъ свою фразу и залился новымъ припадкомъ смѣха.

Кольцовъ и Стражинскій не выдержали и тоже разсмѣялись.

Татищевъ кончилъ, наконецъ, смѣяться и снова принялся за рейсфедеръ.

Наступило молчаніе. Всѣ погрузились въ работу.

— А вы помните, Василій Яковлевичъ, ваше обѣщаніе?—началъ опять Татищевъ.

— Какое?—спросилъ, не отрываясь, Кольцовъ.

— Въ отпускъ меня пустить.

— Да, пущу,—отвѣчалъ Кольцовъ.

— Какъ въ прошломъ году?

— Вѣдь вы же знаете, что въ прошломъ году помѣшалъ варіантъ.

— То-то помѣшалъ,—самодовольно отвѣтилъ Татищевъ.—А какъ вы еще какой-нибудь варіантъ выдумаете.

— Нѣтъ ужъ это послѣдній.

Татищевъ лукаво посмотрѣлъ на Стражинскаго.

— Да больше времени нѣтъ, да и работы скоро начнутся.

Татищевъ недовѣрчиво молчалъ. Стражинскій опустилъ голову на руку и безцѣльно уставился въ стѣнку. Изможденное лицо его выражало страданіе.

— Что, голова болитъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Немножко,—отвѣтилъ нехотя Стражинскій.

— Вамъ, Станиславъ Антоновичъ, необходимъ отпускъ,—проговорилъ Кольцовъ.

— Ну, ужъ извините, — загорячился Татищевъ. — Я больше Станислава Антоновича просидѣлъ въ этой трущобѣ.

— Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Вы кровь съ молокомъ, а онъ совсѣмъ высохъ.

— Я тоже боленъ,—отвѣчалъ Татищевъ,—у меня горловая чахотка начинается.

Кольцовъ и Стражинскій улыбнулись.

— Смѣйтесь,—обидчиво отвѣчалъ Татищевъ.—Вы слышите, какъ я охрипъ.

— Ну, полно, Павелъ Михайловичъ, — махнулъ рукой Кольцовъ.

— Вотъ и полно!

— Я не поѣду въ отпускъ,—сказалъ Стражинскій.—Мои финансы въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ и думать нечего.

Стражинскій жилъ на жалованье 125 руб. въ мѣсяцъ и своихъ средствъ не имѣлъ. При безалаберной кочевой жизни, при неумѣньи обращаться съ деньгами, ему не хватало, и онъ былъ весь въ долгу. Окончательно его запуталъ Татищевъ, богатый человѣкъ, любившій хорошо поѣсть. Онъ умудрялся тратить на кухню до 200 руб. въ мѣсяцъ.

— Я рѣшилъ, знаете, Павелъ Михайловичъ, — продолжалъ Стражинскій,—уѣхать отъ васъ, а то съ вами кончу тѣмъ, что все у меня продадутъ за долги.

— Я вовсе немного трачу,—обидѣлся Татищевъ,—вотъ поживите сами и узнаете.

— Ну, господа, пойдемъ спать, — сказалъ Кольцовъ, вставая.—Два часа.

Кольцовъ ушелъ на верхъ. Татищевъ скоро собралъ инструменты и торопилъ Стражинскаго.

Стражинскій медленно отрывался отъ работы.

— Скорѣе,—торопилъ Татищевъ. — Оставьте такъ, кто тутъ возьметъ. Ѣсть хочется, спать хочется. Ну, и жизнь!

Стражинскій раздраженно молчалъ, продолжая собирать вещи.

Татищевъ, одѣтый въ шубу, усѣлся на табуретку и слѣдилъ глазами за Стражинскимъ.

— Измучитъ насъ Кольцовъ,—началъ онъ, помолчавъ.—Я понимаю, поработать и отдохнуть, но этакая каторга изо дня въ день, и изъ за чего, спрашивается?

— Я второй годъ съ нимъ. На двухъ линіяхъ надѣлалъ варіантовъ, измучилъ себя, другихъ, натратилъ своихъ уйму денегъ и, въ концѣ концовъ, кромѣ непріятностей, до сихъ поръ ничего не получилъ. Обѣщалъ выхлопотать награды.

— Э,—досадливо проговорилъ Стражинскій.—Какая тутъ награда! Кто ему ее разрѣшитъ? Экономія! Кому нужна эта экономія? Для казны экономія, c'est bien original.

Стражинскій воспитывался за-границей и любилъ французскій языкъ.

— Ну, положимъ, это наша обязанность,—отвѣчалъ Татищевъ.—Но вѣдь всему должна быть мѣра, а вѣдь мы живемъ такъ, какъ будто черезъ годъ намъ ничего не надо будетъ. Истратить всѣ силы въ 2-3 года, а тамъ что-жъ? Истаскаешься, куда ты тогда дѣнешься?

— И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя,—отвѣтилъ Стражинскій, укладывая послѣдній циркуль.

Онъ заперъ коробку, положилъ ее въ столъ, постоялъ

нѣсколько секундъ, тупо глядя передъ собой, потомъ досадливо махнулъ рукой и началъ одѣваться.

— Это жизнь! — продолжалъ онъ себѣ подъ носъ.—Мечтаетъ о преміяхъ, себя и другихъ морочитъ. Э! все равно. Идемъ.

— Вотъ, онъ говоритъ, на концессіонныхъ постройкахъ преміи давали, ну, тамъ и можно было работать,—продолжалъ Татищевъ, идя съ Стражинскимъ по соннымъ улицамъ завода, гдѣ они жили,—но изъ-за чего здѣсь надрываться? Я не понимаю.

Стражинскій молчалъ.

— Васька, скорѣй ужинать!—кричалъ Татищевъ, входя въ квартиру.

Сонный Васька побѣжалъ на кухню, принесъ на блюдѣ аппетитный кусокъ жареной телятины.

— Опять подливки мало,—замѣтилъ Татищевъ, подходя къ опрятно накрытому столу.—А закуску почему не поставилъ? Тебѣ сколько разъ я говорилъ, чтобы ставилъ по два стакана къ прибору. И бѣлаго вина нѣтъ. Перчатки не надѣлъ. Я тебѣ сколько разъ говорилъ, что я терпѣть не могу, чтобы ты голыми руками подавалъ. Трогаешь ими Богъ знаетъ какую гадость, а потомъ хлѣбъ ими же подаешь.

Когда все было приведено въ порядокъ, Татищевъ удовлетворенно сѣлъ за столъ, аккуратно завязалъ себя салфеткой, снялъ пенснэ и обратился къ Стражинскому:

— Станиславъ Антоновичъ, пожалуйста. Сонный Васька стоялъ поодаль съ вытянутыми руками въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Платокъ носовой,—приказалъ Татищевъ.

Васька бросился въ другую комнату.

— Да ты что кидаешься, какъ сумасшедшій,—остановилъ его Павелъ Михайловичъ.—Потише не умѣешь? Развѣ ты не понимаешь, что это неприлично.

Черезъ минуту Васька беззвучно подалъ Татищеву нѣсколько платковъ.

Татищевъ взялъ платокъ, посмотрѣлъ его номеръ (всѣ его платки были заномерованы), посмотрѣлъ номеръ слѣдующаго платка, оставилъ себѣ первый по порядку, остальные отдалъ Васькѣ, сказавъ:

— Положи аккуратно на мѣсто.

Татищевъ уже совсѣмъ было приготовился къ ѣдѣ, но, взглянувъ на руки, проговорилъ.

— Нѣтъ, не могу,—потребовалъ умываться.

Стражинскій, раздраженно наблюдавшій Татищева, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— О mon Dieu,—легъ на кровать и закрылъ глаза.

Съ четверть часа фыркалъ Татищевъ въ сосѣдней комнатѣ. Слышались его возгласы:

— Лей сюда, ниже, ниже... Экій ты, Васька, безтолковый.

Наконецъ, умывшись, съ расчесанной бородой, въ чистой ночной рубахѣ и туфляхъ, Татищевъ окончательно усѣлся за столъ. Онъ опять завязалъ салфетку, опять пригласилъ Стражинскаго и приступилъ къ нарѣзыванію телятины. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложились одна на другую. Широкая бѣлая рука Павла Михайловича красиво водила большой ножъ, другая держала громадную вилку, воткнутую въ телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

— Да вотъ, подите-ка нарѣжьте такъ аккуратно. Это вовсе не такъ просто, какъ кажется. Тутъ все нужно разсчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И ножъ надо именно вотъ такъ держать, и вилку на извѣстномъ разстояніи. Вотъ теперь надо вынуть ее—поставить дальше. И Татищевъ, вынувъ вилку, воткнулъ ее въ другомъ мѣстѣ.

И опять все его лицо говорило:

— Именно вотъ въ этомъ мѣстѣ. Теперь опять пойдутъ правильные ломтики.

И ломтики, дѣйствительно, пошли одинъ правильнѣе другого.

— Ну, довольно,—досадливо проговорилъ Стражинскій, раздраженно наблюдая Татищева.

— Теперь, пожалуй, и довольно,—согласился Татищевъ, когда половина блюда покрылась изрѣзанными ломтиками,

— Кто это съѣстъ?—замѣтилъ Стражинскій.

— Не безпокойтесь, съѣмъ,—обидчиво замѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Ужинъ начался. Стражинскій ѣлъ безъ всякаго аппетита. Съѣвъ ломтикъ телятины, онъ потребовалъ себѣ стаканъ молока.

Павелъ Михайловичъ только головой соболѣзнующе покачалъ, аппетитно уплетая кусокъ за кускомъ.

— Извините,—проговорилъ Стражинскій, кончивъ свой стаканъ молока,—я встану, я такъ усталъ.

— А чайку?—встрепенулся Павелъ Михайловичъ.—Неужели не выпьете стаканчика горячаго въ кровати? Покамѣстъ вы будете раздѣваться, чай будетъ готовъ. Васька, живо чаю!

Добродушное настроеніе Татищева подѣйствовало, наконецъ, и на Стражинскаго.

Онъ съ наслажденіемъ вытягивался въ кровати, говоря:

— Охъ, какъ я усталъ! Мнѣ каждый разъ кажется, какъ я ложусь, что я ужъ не въ силахъ буду никогда встать.

— Да, это безобразіе,—согласился Павелъ Михайловичъ, оканчивая свой ужинъ и запивая стаканомъ вина.

Татищевъ, окончивъ ужинъ, быстро раздѣлся и бросился въ кровать. Черезъ пять минутъ легкій посвистъ извѣстилъ Стражинскаго, что Татищевъ благополучно прибылъ въ царство Морфея.

Стражинскій долго еще ворочался на постели. Онъ съ завистью и раздраженіемъ прислушивался къ свисту Татищева. Нѣсколько разъ онъ то тушилъ, то зажигалъ свѣчку, отыскивая кусавшихъ его клоповъ. Его ноги ныли отъ ревматизма, онъ то вытягивалъ ихъ, то подбиралъ подъ себя, напрасно отыскивая положеніе, при которомъ боль не была бы такъ чувствительна. Тяжелыя мысли бродили въ его головѣ. Полученное письмо изъ дому вызвало цѣлый рядъ непріятныхъ воспоминаній. Дѣла по имѣнію у матери, нѣкогда очень богатой, были въ страшномъ разстройствѣ; второй братъ, гимназистъ 6-го класса, заболѣлъ скоротечной чахоткой, младшій 12-ти лѣтній мальчикъ и въ этомъ году не попалъ въ гимназію. „Ты одна моя радость и надежда"—заканчивала его мать свое письмо. Стражинскій горько усмѣхнулся при мысли, если бы увидѣла она, что осталось отъ этой „радости".

Наконецъ, и надъ нимъ сжалился сонъ, хотя не крѣпкій, тревожный, заставлявшій его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часовъ, когда уже порядочно разсвѣло, Кольцовъ съ Татищевымъ и Стражинскимъ взбирались по крутому откосу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ остановилась ихъ работа.

Кольцовъ первый взошелъ на верхъ и, въ ожиданіи товарищей, осматривалъ мѣстность. Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала такой острый заворотъ, что приходилось пересѣкать ее на протяженіи 50 саженъ два раза, вслѣдствіе чего получалось два громадныхъ моста.

Вдругъ у Кольцова мелькнула мысль, отъ которой ему сдѣлалось и холодно, и жарко.

„Что, если обойтись безъ мостовъ и рѣчку отвести туннелью подъ этой горой?" Мурашки пробѣжали у него по спинѣ. „Что это, не схожу ли я съ ума? Здравая, или сумасшедшая это мысль"? Кольцовъ снялъ шапку и провелъ рукой по горячему лбу. „Надо спокойно обдумать", рѣшилъ онъ и сталъ шагами мѣрять длину горы. Длина туннеля получалась около 30 саженъ, считая по 2 т. пог. саж., выходило всего 60 т., тогда какъ 10 саж. высоты моста сто-

или до 250 т. р. Кольцовъ радостно обернулся къ товарищамъ.

— Господа!—крикнулъ онъ имъ возбужденнымъ голосомъ.

— Новый варіантъ,—съ отчаяніемъ проговорилъ Стражинскій Татищеву.—Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованныя движенія Кольцова.

— Знаете,—кричалъ имъ навстрѣчу Кольцовъ,—мы безъ мостовъ здѣсь пройдемъ.

— Il finira par devenir fou,—сказалъ себѣ подъ носъ Стражинскій.

Сообщеніе Кольцова было выслушано недовѣрчиво, но, когда онъ подтвердилъ его, Стражинскій и Татищевъ не нашли возраженій.

— Только когда же мы все это сдѣлаемъ?—спросилъ Татищевъ.

— Я самъ это сдѣлаю. Вы пробивайте намѣченную по плану линію, а я сейчасъ назначу магистраль и разобью профиля. Булавинъ,—обратился онъ къ десятнику,—ты будешь ихъ ватерпасить, и если завтра къ вечеру кончишь, десять рублей награды.

— Будетъ готово,—отвѣчалъ весело Булавинъ.

Работа была тяжелая. Въ глубокомъ снѣгу вязли ноги.

Къ обѣду Кольцовъ кончилъ свою работу и нагналъ товарищей.

— Не пора ли закусить?—спросилъ онъ Татищева.

— Давно пора,—отвѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Подъ деревомъ былъ разведенъ костеръ, для котораго рабочіе натаскали сухого хвороста; установили два камня — родъ очага, поставили на нихъ чайникъ и стали разворачивать провизію. Хлѣбъ замерзъ, говядина, пирожки тоже, пришлось все, кромѣ водки, отогрѣвать. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ аккуратно и не спѣша Татищевъ.

Зная, что нарушеніе установленной дисциплины испортитъ расположеніе духа Татищева, Кольцовъ и Стражинскій терпѣливо ждали конца. Когда, наконецъ, все было установлено на чистой скатерти, Татищевъ любезно пригласилъ Кольцова и Стражинскаго завтракать.

— Къ вечеру кончите обходъ Герасимова утеса?—спросилъ Кольцовъ.

— Я думаю, — отвѣчалъ Стражинскій. — Только выемка немножко будетъ больше, чѣмъ получилась по горизонталямъ. Шельма Лука навралъ, вѣрно, въ профиляхъ.

— Какая досада, что нельзя завернуться радіусомъ въ 100 саженъ вмѣсто 200; вся бы почти выемка исчезла,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Да, тогда почти вся исчезла бы,—согласился Стражинскій.

— Вѣдь это 12 т. кубовъ скалы по 11 р.—132 тысячи рублей. Какая это рутина—радіусъ! При соотвѣтственномъ уклонѣ вѣдь не прибавляется сопротивленія отъ болѣе крутого радіуса.

— За границей на главныхъ путяхъ давно введенъ радіусъ даже въ сто саженъ, только тамъ вагоны на телѣжкахъ,—вставилъ Стражинскій.

— А что мѣшаетъ у насъ ихъ устраивать?—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вѣдь вы понимаете, какую экономію далъ бы такой радіусъ въ нашей горной мѣстности?

— Громадную.

— На всю линію нѣсколько милліоновъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

Наступило молчаніе.

— Чортъ возьми,—заговорилъ Кольцовъ,—давайте, знаете, сдѣлаемъ обходъ Герасимова на радіусъ 200 и 150—чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть, и разрѣшатъ? А?

Татищевъ и Стражинскій успѣли уже переглянуться, и послѣдній тихо пробурчалъ:

— Поѣхалъ.

— Никогда не кончимъ,—проговорилъ Татищевъ, заливаясь смѣхомъ и опрокидываясь на снѣгъ.

Кольцовъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Странный вы человѣкъ, Павелъ Михайловичъ, вѣдь интересно же сдѣлать такъ дѣло, чтобы не стыдно было на него посмотрѣть. Вѣдь обидно же даромъ бросать сотни тысячъ. Вы представьте себѣ, куда мы съ вами дѣнемся, когда дорога будетъ выстроена, и кому-нибудь изъ коммиссіи придетъ мысль въ голову объ радіусѣ 150? Вѣдь тогда это будетъ, какъ на ладони.

— Да я ничего не возражаю противъ этого,—отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ,—я вполнѣ всему сочувствую, но гдѣ же время, вѣдь вы хотите поспѣть къ торгамъ?

— И поспѣю,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Тутъ вѣдь на день всего работы.

— Здѣсь на день, тамъ на день, гдѣ-жъ этихъ дней набрать?—раздраженно отвѣтилъ Татищевъ.

— Ну, я самъ это сдѣлаю,—огорченно сказалъ Кольцовъ.

— Да я не къ тому,—началъ было Татищевъ, но Стражинскій перебилъ его:

— Положимъ, мы какъ-нибудь успѣемъ, но только, по правдѣ сказать, мало вѣры, чтобы изъ всего этого вышелъ толкъ. Вѣдь это значитъ перемѣнить техническія условія, когда они утверждены начальникомъ работъ временнаго

управленія, министромъ. Пропасть работы вышло бы, начиная отъ насъ.

— Но вѣдь это все пустяки, тутъ о сотняхъ тысячъ идетъ рѣчь.

— Ну, да, но когда ихъ никто признавать не хочетъ.

— Но они существуютъ. Что намъ за дѣло до другихъ, лишь бы мы исполняли то, что должны.

— Ну, да, конечно,—согласился Стражинскій.—Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радіусъ 150 не пройдетъ.

— Надеждъ, конечно, мало,—согласился Кольцовъ.

— Вотъ, если-бъ это было возлѣ станціи, гдѣ поневолѣ скорость должна быть меньшая.

— А вѣдь это идея, почему бы намъ не расположить станцію вообще въ той лукѣ.

Кольцовъ схватилъ профиль и сталъ внимательно ее разсматривать.

— Станція помѣстится,—проговорилъ онъ.—Поздравляю васъ, м-сье, ваша идея блестящая. — Стражинскій покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Но вѣдь тогда разстояніе между станціями не выйдетъ, близко слишкомъ будетъ.

— А мы одну уничтожимъ—еще экономія,—быстро отвѣтилъ Кольцовъ. — Нѣтъ, положительно сегодня, господа, у васъ геніальныя мысли.

У Татищева остановилось въ горлѣ замѣчаніе, что это опять новая работа.

— А обратили вы вниманіе, Василій Яковлевичъ,—заговорилъ Стражинскій,—что при радіусѣ 150 линія залѣзетъ въ рѣку, что скажетъ на это заводъ?

— Какое мнѣ дѣло до завода?

— Какъ какое дѣло? Они по этой рѣкѣ спускаютъ баржи, они говорятъ уже теперь о томъ, что камни, которые будутъ падать въ воду изъ выемокъ, должны быть вынуты, а если вся линія пойдетъ по рѣкѣ, я не знаю, что они скажутъ.

— Ничего они не посмѣютъ сказать,—больше въ утѣшеніе себѣ, сказалъ Кольцовъ и задумался.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ заводъ, надѣлаетъ онъ намъ бѣды. Все, кромѣ воздуха, имъ принадлежитъ. Несчастный человѣкъ будетъ подрядчикъ!

— Они его разззорятъ,—сказалъ Стражинскій.

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову?—сказалъ Татищевъ.— Что, если ихъ самихъ затянуть въ подрядъ?— И Татищевъ лукаво добродушно подмигнулъ.

Кольцовъ широко раскрылъ глаза.

— Павелъ Михайловичъ, голубчикъ, да вы геніальный человѣкъ! — закричалъ онъ. — Вѣдь эта идея такая же блестящая, какъ и со станціей!

Татищевъ добродушно-весело смѣялся.

— Ахъ, чортъ побери, — заволновался Кольцовъ. — Въ воскресенье же иду къ управляющему уговаривать.

— Не согласится,—сказалъ Стражинскій.

— Отчего не согласится?—возразилъ Татищевъ.

Кольцовъ, по свойству своей натуры, весь отдался новой идеѣ затянуть заводъ въ подрядъ. Вопросъ, дѣйствительно, былъ серьезный: на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны отъ линіи тянулась земля крупнаго заводчика. Земля, вода, лѣсъ, камень, песокъ,—все было монополіей владѣльца. Уже при постройкѣ временной больницы Кольцовъ видѣлъ, какъ разыгрывается аппетитъ завода. За лѣсъ была назначена цѣна дороже городской. Только случаемъ Кольцову удалось дешево отдѣлаться: онъ купилъ готовый домъ, а для пристроекъ запасся за дешевую цѣну нѣсколькими срубами у мѣстныхъ крестьянъ. Заводское управленіе на такой пріемъ Кольцова отвѣтило приказомъ къ мѣстному населенію, по которому жителямъ строго-на-строго воспрещалось продавать лѣсъ агентамъ желѣзной дороги, подъ страхомъ навсегда лишиться права пріобрѣтать его по уменьшеннымъ цѣнамъ изъ заводскихъ дачъ.

Предстоящія работы и въ другихъ отношеніяхъ ставили строителей въ зависимость отъ заводовъ. Съ утвержденіемъ новаго варіанта Кольцова, когда приходилось бы работать въ водѣ, заводъ, по желанію, могъ бы нанести неисчислимые убытки однимъ тѣмъ, что не во время сталъ бы выпускать излишнюю воду изъ своихъ прудовъ. Претензіи на захватъ рѣки тоже могли легко повліять на неутвержденіе новаго варіанта. Казна ничего такъ не боится, какъ возможности дать поводъ вчинать иски, зная по горькому опыту, чѣмъ они кончаются. Наконецъ, еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участія заводовъ въ подрядѣ. Администрація заводовъ состояла, по преимуществу, изъ горныхъ инженеровъ. Всѣ они въ большинствѣ были поляки по происхожденію, но, если можно такъ выразиться, примиренные, не чуждались общенія съ русскими, отличались гостепріимствомъ и радушіемъ, но по свойству всѣхъ людей имѣли склонность заниматься чужими дѣлами. Кольцова осаждали вопросами о направленіи линіи: почему тамъ, почему не здѣсь, почему такая цѣна, а не такая. Какъ это всегда бываетъ, они не такъ искали положительной стороны дѣла, какъ отрицательной. Объясненія Кольцова ихъ мало удовлетворяли, они смотрѣли на него, какъ на чело-

вѣка, заинтересованнаго умышленно угашать истину, и старались сами найти отвѣтъ на неясные для нихъ вопросы. Почва, такимъ образомъ, была изъ такихъ, на которой легче всего вырастаютъ всякіе нелѣпые и несправедливые слухи. Кольцовъ чувствовалъ, что, перервись онъ пополамъ, ему не повѣрятъ и все объяснять по своему. Единственная возможность заставить ихъ правильно посмотрѣть на дѣло заключалась, такимъ образомъ, только въ томъ, чтобы ихъ самихъ втянуть въ это дѣло, поставить ихъ въ такое положеніе, чтобъ у нихъ волей-неволей раскрылись глаза на истину.

— Ахъ, если бъ мнѣ удалось этихъ больныхъ критиковъ запречь, заставить ихъ на своей спинѣ убѣдиться въ томъ что всѣ гадости, въ которыхъ они считали тамъ инженеровъ повинными, сидятъ только въ ихъ воображеніи,—думалъ Кольцовъ, вылѣзая изъ саней передъ домомъ главнаго управляющаго заводами (самъ владѣлецъ въ заводѣ не жилъ и никогда въ жизни въ немъ не былъ), горнаго инженера Пшемыслава Ѳаддеевича Бжезовскаго. Бжезовскій пользовался большимъ уваженіемъ въ горномъ мірѣ, — онъ организовалъ рельсовое производство, прекрасно его поставилъ, пользовался репутаціей даровитаго и способнаго инженера слылъ за прекраснаго человѣка, его домъ отличался гостепріимствомъ и радушіемъ.—Громадный двухъэтажный домъ, занимаемый Бжезовскимъ, былъ настоящій дворецъ. Прекрасная мебель, масса картинъ, электрическое освѣщеніе, громадныя комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь временъ крѣпостничества. Нѣсколько прекрасныхъ охотничьихъ собакъ привѣтствовали громкимъ лаемъ появленіе Кольцова въ обширной передней.

Несмотря на несошедшій еще снѣгъ и холодъ, отовсюду неслся нѣжный запахъ свѣжихъ цвѣтовъ. Точно какой-то волшебной силой изъ царства тьмы и неуютной зимы Кольцовъ былъ вдругъ перенесенъ въ волшебное царство весны.

На него, жителя юга, пахнуло чѣмъ-то далекимъ и милымъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя этотъ ароматъ весны, пока лакей снималъ съ него валенки, доху и сибирскую съ ушами шапку.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ въ дверяхъ показались Бжезовскій и его жена. Бжезовскій, высокій, пожилой господинъ съ окладистой бородой, худощавый, съ безукоризненными манерами, привѣтливо, но съ чувствомъ собственнаго достоинства поздоровался съ Кольцовымъ, проговоривъ радушно:

— Добро пожаловать.

Жена Бжезовскаго, маленькая, полная женщина лѣтъ 40 съ добрыми чистыми глазами, какъ у ребенка, ласково поздоровалась съ Кольцовымъ и сейчасъ же засыпала его вопросами, не озябъ ли онъ, не усталъ ли, не желаетъ ли умыться, не хочетъ ли чаю, и когда Кольцовъ сказалъ, что чаю хочетъ, она весело ударила въ ладоши и сказала, что они какъ разъ пьютъ чай.

Въ большой столовой за чайнымъ столомъ Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, нѣсколько разъ еще переспросила, не хочетъ ли Кольцовъ ѣсть. Кольцовъ увѣрилъ, наконецъ, ее, что сытъ. Тогда она перешла къ подробнымъ распросамъ о женѣ и дѣтяхъ Кольцова.

— Какой вы недобрый, зачѣмъ-же Анну Валеріевну съ собой не привезли?

Кольцовъ извинился, сказавъ, что пріѣхалъ по дѣлу.

— Ого, по дѣлу!—разсмѣялся Бжезовскій.

Въ это время вошелъ плотный высокій господинъ, помощникъ Бжезовскаго, горный инженеръ Малинскій.

— Василій Яковлевичъ къ намъ по дѣлу,—обратился къ нему Бжезовскій.

— О!—произнесъ Малинскій и сѣлъ возлѣ налитаго для него стакана. Кольцовъ началъ издалека. Онъ изложилъ въ короткихъ словахъ предстоящую картину постройки, наплывъ рабочихъ, возвышеніе цѣнъ на рабочія руки, на перевозочныя средства, указалъ на затрудненія, какія испытаетъ заводъ отъ этого, коснулся неизбѣжныхъ столкновеній съ подрядчиками и рядчиками.

— Ну, съ этими-то господами намъ не трудно будетъ справиться,—увѣренно перебилъ его Малинскій.—Одинъ хорошій паводокъ сразу приведетъ ихъ въ христіанскую вѣру.

— Вещь обоюдоострая,—отвѣтилъ сдержанно Кольцовъ.— Людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, не такъ легко запугать. Одинъ неосторожно разведенный костеръ въ вашихъ сосновыхъ лѣсахъ надѣлаетъ всѣмъ больше убытковъ, чѣмъ всѣ ваши паводки. Этого, конечно, не будетъ, какъ и съ вашей стороны не будетъ умышленнаго нарушенія интересовъ подрядчиковъ.

— Конечно,— поспѣшилъ согласиться Бжезовскій, недовольный, что его пылкій помощникъ выболталъ, видимо, обсуждавшіяся уже между ними соображенія будущихъ отношеній.

— Опасная сторона дѣла та, что подрядчики станутъ пользоваться вашимъ населеніемъ для своихъ работъ.

— Пусть пользуются,—отвѣтилъ Малинскій,—а мы имъ

откажемъ въ землѣ, лѣсѣ, дровахъ; у нихъ ничего вѣдь нѣтъ, они все получаютъ отъ насъ при условіи работать въ заводѣ, а не хотятъ—мы имъ ничего не дадимъ.

— По моему, этимъ вы ихъ не испугаете,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Они отлично знаютъ, что ваши заводы безъ нихъ ничего не стоятъ, и что вамъ ничего не останется дѣлать, какъ вновь ихъ принять, когда они явятся къ вамъ.

Бжезовскій все время молча слушалъ Кольцова. Малинскій открылъ было ротъ, но Кольцовъ перебилъ его.

— При такихъ условіяхъ единственная возможность не отрывать мѣстное населеніе отъ заводскихъ работъ заключается въ томъ, чтобы самъ заводъ взялъ на себя подрядъ! Тогда заводу стоитъ только не принимать мѣстный элементъ на желѣзнодорожную работу, и дѣло въ шляпѣ.

Глаза Бжезовскаго сверкнули, но опять приняли спокойное, безстрастное выраженіе. Онъ продолжалъ молчать, какъ-бы приглашая Кольцова говорить дальше.

— Въ денежномъ отношеніи,—продолжалъ, помолчавъ Кольцовъ,—дѣло это тоже представляется крайне выгоднымъ. Если подрядчикъ пришлый зарабатываетъ на такомъ дѣлѣ барыши, то мѣстный контрагентъ, имѣющій весь даровой матеріалъ, заработаетъ, конечно, несравненно больше.

— Положимъ, этотъ матеріалъ мы можемъ выгодно продать пришлому контрагенту,—первый разъ возразилъ Бжезовскій.

— Не всегда,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Въ случаѣ слишкомъ дорогихъ цѣнъ, дорога ограничится крайне необходимымъ, а остальное привезетъ по временному пути изъ мѣстъ, болѣе дешевыхъ.

Бжезовскаго непріятно передернуло, но это было очень быстрое движеніе, и онъ молча поспѣшилъ кивнуть головой въ знакъ согласія.

— Размѣры подряда,—продолжалъ Кольцовъ,—настолько велики, что они стоятъ того, чтобы такимъ дѣломъ заняться. Вашъ годовой оборотъ, если не ошибаюсь, достигаетъ милліона, двухлѣтній подрядъ дастъ оборотъ до $2^1/_2$ милліоновъ. Барышъ отъ него будетъ крупнымъ подспорьемъ для завода, давъ ему возможность не только легко перенести кризисъ, но и заработать на немъ. Въ виду того, что дорога только разъ строится, казалось бы, не слѣдовало упускать такого удобнаго случая,—закончилъ Кольцовъ свою рѣчь.

Наступило молчаніе.

Ольга Андреевна, Малинскій и Кольцовъ смотрѣли на Бжезовскаго. Послѣдній не торопился съ отвѣтомъ.

Послѣ долгой паузы онъ, наконецъ, спросилъ:

— А какъ великъ можетъ быть барышъ?

— Какъ повести дѣло. Принимая во вниманіе ваши условія, я думаю—не менѣе 25% со всей суммы.

-- Какой оборотный капиталъ для этого нуженъ?

— 10% отъ всего, т. е. 250 тысячъ рублей, — отвѣчалъ Кольцовъ.

— Бѣда въ томъ, что съ этимъ дѣломъ мы мало знакомы,— замѣтилъ Бжезовскій.

— Это я имѣлъ въ виду. Вамъ необходимо пригласить въ руководители опытное въ этомъ дѣлѣ лицо. Я могу указать вамъ на такого. Это Яковъ Петровичъ Нельтонъ. Онъ тоже собирается принять участіе въ подрядахъ, но самъ имѣетъ слишкомъ мало денегъ и ищетъ компаніоновъ. Онъ, между прочимъ, былъ представителемъ компаніи строителей на 5 участкѣ смежной съ вами дороги, которая только что закончилась, и далъ своимъ компаніонамъ до 70% на затраченный капиталъ. Точныя свѣдѣнія вы получите какъ отъ его компаніоновъ, такъ и отъ начальника работъ.

— Надо подумать,—задумчиво проговорилъ Бжезовскій

Разговоръ перешелъ на текущую жизнь.

Кольцовъ разсказалъ о новыхъ своихъ варіантахъ, о радіусѣ 150, о замѣнѣ мостовъ туннелемъ. Малинскій пришелъ въ ужасъ, что цѣна погонной саж. туннели обойдется 2.000 руб.

— Помилуйте, вся цѣна такой туннели 600 руб. пог. саж.

— А вотъ берите подрядъ,—улыбнулся Кольцовъ,—и гребите деньги.

— Но что же вы такъ дорого цѣните въ туннели?

— Я вамъ укажу только на тотъ фактъ, что дешевле 2.000 руб. ни одна туннель въ мірѣ не выстроена, — отвѣтилъ Кольцовъ.

— Значитъ, дѣло неправильно поставлено,—отвѣтилъ Малинскій.

— Ну вотъ, вамъ и случай поставить его правильно.

— Какъ вы работаете туннель?

— Есть нѣсколько способовъ, но всѣ они сводятся къ тому, что пробивается сперва небольшое отверстіе, которое называется направляющей штольней, а затѣмъ разрабатывается все отверстіе.

-- А почему сразу не разрабатывается все отверстіе?

— Невыгодно, какъ работа цѣльной среды. Чѣмъ меньше направляющая штольня, тѣмъ это выгоднѣе.

— Конечно, мнѣ трудно возражать, но я познакомлюсь съ вопросомъ и черезъ мѣсяцъ буду съ вами спорить. Какое лучшее сочиненіе по туннелямъ?

Кольцовъ не могъ отвѣтить.

— По-русски почти ничего нѣтъ, а за-границей, навѣрно, есть.

[illegible] соч. Ржиха. Но недавно вышло, кажется, въ [illegible] сочиненіе.

— Вы видѣли Ржиха?—спросилъ Малинскій.

— Не видалъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

— Если хотите, я вамъ покажу.

И Малинскій повелъ Кольцова въ свою комнату. Онъ былъ очень начитанный человѣкъ и обладалъ способностью примѣнять начитанное къ дѣлу. Въ требникѣ завода и постановкѣ рельсоваго дѣла онъ ввелъ массу нововведеній,—между прочимъ, Бессемеровскій способъ литья стали прямо изъ чугуна. Но было и нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ дѣлѣ.

Масса книгъ и журналовъ лежала на нѣсколькихъ столахъ въ комнатѣ Малинскаго. Были тутъ и нѣмецкія, и французскія, и англійскія, и американскія; меньше всѣхъ было русскихъ.

Онъ снялъ съ этажерки двѣ громадныхъ книги и тяжело бросилъ ихъ на столъ.

— Неужели это все объ однихъ туннеляхъ? — спросилъ Кольцовъ.—У насъ въ институтѣ о туннеляхъ читалось ровно двѣ страницы. Только нѣмецъ можетъ столько написать,—говорилъ Кольцовъ, перелистывая книгу.

Малинскаго непріятно покоробили слова Кольцова.

— Обстоятельно,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Къ сожалѣнію, я не понимаю по-нѣмецки, — сказалъ Кольцовъ, закрывая книгу,—а то бы попросилъ у васъ почитать.

— Вы какіе журналы выписываете по вашей спеціальности?

Кольцовъ покраснѣлъ.

— Кромѣ журнала нашего министерства,—никакихъ.

Наступило неловкое молчаніе.

— Наше дѣло такъ налажено,—замѣтилъ Кольцовъ,—что врядъ ли что-нибудь новое узнаешь, да при томъ я только французскимъ съ грѣхомъ пополамъ владѣю.

— Можетъ быть, пойдемъ въ столовую? — спросилъ Малинскій.

— Знаете, что мнѣ улыбается въ вашемъ подрядѣ, Василій Яковлевичъ?—встрѣтила Кольцова Ольга Андреевна.—Я давно на лѣто мечтаю выстроить себѣ маленькій домикъ, въ которомъ я могла бы чувствовать, что и я существую, а то въ этихъ громадныхъ комнатахъ—чувствуешь себя такой маленькой. Если бы мужъ взялъ подрядъ, ему пришлось бы выстроить себѣ какое-нибудь пристанище, вотъ и я бы къ нему пристала.

И она, склонивъ голову на плечо, своими дѣтскими ласковыми глазами посматривала на мужа.

Бжезовскій ласково разсмѣялся.

— Ну, ужъ если она охотится, то вы можете считать, что половину дѣла сдѣлали,—обратился онъ къ Кольцову.

— Эта сторона меня страшно радуетъ,—и все лицо Бжезовской показывало искреннюю радость.—Если бы вы знали, какъ я хочу этой тихой простой жизни въ маленькихъ уютныхъ комнаткахъ!—И опять ея чистые глаза заискрились весельемъ ребенка, которое невольно заставляло всѣхъ веселѣе смотрѣть на свѣтъ Божій.

Несмотря на возможный успѣхъ, расположеніе духа Кольцова было испорчено. Разговоръ съ Малинскимъ, необходимость, вынудившая его признаться въ незнакомствѣ съ теоретической стороной своего дѣла, непріятно мучила его. Онъ поспѣшилъ попрощаться съ Бжезовскимъ и, условившись свидѣться съ нимъ на-дняхъ у себя, уѣхалъ домой. Всю дорогу онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго чувства. Онъ не могъ не признать, что Малинскій ловко попалъ въ его слабое мѣсто. Кольцовъ никогда не любилъ теоріи и, будучи еще студентомъ, принадлежалъ къ партіи такъ называемыхъ „облыжныхъ студентовъ“, т. е. такихъ, для которыхъ вся наука сводилась къ экзаменамъ. Выдержалъ экзаменъ—и долой весь лишній хламъ изъ головы. Въ первые годы практической дѣятельности отсутствіе правильной теоретической подготовки мало чувствовалось: во-первыхъ, изученіе практической стороны дѣла требовало не мало времени; во-вторыхъ и роль была все больше исполнительная. Теперь, черезъ 12 лѣтъ, Кольцову приходилось выступать уже въ такой роли, гдѣ требовалось много иниціативы, путь открывался для широкаго творчества, и на каждомъ шагу онъ чувствовалъ все больше и больше свое слабое мѣсто — недостаточную теоретическую подготовку. Та масса новыхъ оригинальныхъ идей, которыя сидѣли въ его головѣ и которыя онъ стремился провести въ жизнь, требовала для надлежащей авторитетности научной формы. Кольцовъ чувствовалъ, что безъ этого онъ никого не убѣдитъ, что всѣ отнесутся къ его идеямъ съ обиднымъ недовѣріемъ.

Онъ считалъ, что сегодняшній его разговоръ съ Малинскимъ подрываетъ его авторитетъ, какъ человѣка науки, не только въ глазахъ самого Малинскаго, но и всего кружка горныхъ инженеровъ, между которыми Малинскій признавался авторитетомъ.

Унылымъ и подавленнымъ пріѣхалъ онъ домой.

— Неудача?—встревоженно встрѣтила его жена.

— Нѣтъ, кажется, полная удача,—отвѣтилъ Кольцовъ, входя въ свой скромный кабинетъ и опускаясь въ кресло.

Жена сѣла возлѣ него и пытливо заглядывала ему въ глаза. Кольцовъ старался избѣгнуть встрѣчи съ ея глазами.

— Воздухъ спертый,—проговорилъ Кольцовъ.

— Квартира сырая, комнаты маленькія. Сегодня у Коки за кроватью на стѣнѣ я нашла грибъ. Меня такъ безпокоитъ, какъ бы эта сырость не отразилась на здоровьи дѣтей. Они такъ поблѣднѣли за зиму.

— Надо почаще вентилировать,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Каждый день вентилируемъ,—отвѣтила жена.—Когда бы ужъ скорѣе весна началась, стану ихъ по цѣлымъ днямъ на воздухѣ держать.

Кольцовъ облокотился и задумался.

— Ты не въ духѣ?—помолчавъ, спросила его жена.

— Такъ, немножко непріятно, — нехотя отвѣтилъ Кольцовъ, рѣшивъ ничего не говорить женѣ.

Черезъ полчаса, однако, онъ уже все ей разсказалъ.

— Что-жъ тутъ такого, что могло тебя такъ огорчить?—успокаивала его жена.—Во-первыхъ, большая разница между имъ и тобой: онъ ведетъ осѣдлую жизнь, дѣла у него сравнительно съ тобой почти нѣтъ, онъ, наконецъ, любитъ теорію, ты любишь практику. Профессоръ, можетъ быть, изъ тебя не выйдетъ, но вѣдь ты и не желаешь имъ быть. Вашъ же министръ и вовсе не инженеръ, а все таки министръ.

— Ну, это положимъ, не доводъ. Я не знаю, что нашего министра вывело въ люди, но знаю, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ искать во мнѣ причинъ, которыя дали бы оружіе моимъ противникамъ. Слабая теоретическая подготовка будетъ мнѣ въ жизни громадной помѣхой.

— Но, если и такъ, что тебѣ мѣшаетъ пополнить пробѣлъ: тебѣ 35 лѣтъ—твое время не ушло.

— Вотъ именно я думалъ, что когда начнется постройка, время будетъ посвободнѣе. Я повторю всю теорію и займусь литературой. Вѣдь не то, чтобъ я ее забылъ, а такъ забросилъ. Пристань ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, я и теперь сумѣю разсчитать любой мостъ.

— Миленькій мой, я ни капли въ этомъ не сомнѣваюсь,—отвѣтила жена, обнимая и цѣлуя его.

Кольцовъ повеселѣлъ и началъ разсказывать женѣ, какъ хорошо у Бжезовскихъ. Какъ у нихъ пахнетъ весной, какъ ему вспомнился югъ.

Анна Валеріевна—сама южанка, понимала мужа, жалѣла, что не поѣхала съ нимъ къ Бжезовскимъ.

— Ахъ, Вася, Вася, чего бы я не дала, чтобъ жить тамъ,

на югѣ, — страстно проговорила она. — Какъ бы расцвѣли тамъ Дюся и Кока.

— Что дѣлать!—вздохнулъ Кольцовъ. Онъ всталъ.

— Неужели заниматься?—спросила испуганно жена.

— Нужно бы, очень нужно, но усталъ и мысли въ разбродѣ. Пойду только отдамъ распоряженіе на завтра. Не знаешь, Татищевъ и Стражинскій...

— Цѣлый день занимались,—перебила его жена, — и теперь, кажется, въ конторѣ. Отпусти ты ихъ или приходи съ ними чай пить. Я буду васъ ждать.

— Хорошо,—отвѣтилъ Кольцовъ, уходя въ контору.

Татищевъ и Стражинскій приготовили Кольцову сюрпризъ. Онъ засталъ ихъ усердно работавшими.

— Господа, вы меня стыдите, — проговорилъ Кольцовъ, весело съ ними здороваясь. — Бросьте работу, вѣдь не каторжные же мы въ самомъ дѣлѣ.

— Скоро конецъ,—весело проговорилъ Татищевъ. — Ну, вотъ смотрите, кончили мы то мѣсто, гдѣ вы хотите туннель дѣлать вмѣсто мостовъ.

— Ужъ вычертили?—удивился и обрадовался Кольцовъ.

— Да, надо же когда-нибудь кончать,—разсмѣялся Татищевъ.

Кольцовъ растрогался и горячо пожималъ руки Татищева и Стражинскаго. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не прикинуть, какъ ляжетъ туннель. Мало-по-малу всѣ трое такъ увлеклись, что и не замѣтили, какъ пробило два часа.

Анна Валеріевна напрасно нѣсколько разъ звала ихъ пить чай.

Горничная каждый разъ приносила все тотъ же стереотипный отвѣтъ: „сейчасъ". И Анна Валеріевна снова посылала разогрѣвать самоваръ, снова заваривала свѣжій чай. Горячія ватрушки давно уже простыли, поданный въ пятый разъ самоваръ опять сталъ совершенно холоднымъ; Анна Валеріевна съ книгой въ рукахъ такъ и заснула на диванѣ въ ожиданіи, когда, наконецъ, Кольцовъ вошелъ въ столовую. Онъ тихо подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее.

— Миленькій мой, какъ ты опоздалъ,—сказала она, просыпаясь.—А гдѣ же Стражинскій и Татищевъ?

— Спать пошли: два часа.

— Два часа? — переспросила Анна Валеріевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этотъ вечеръ ушелъ отъ нея.

— Ты мнѣ ни одного вечера не подарилъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь,—тихо проговорила она, и слезы обиды закапали изъ ея глазъ.

Кольцовъ горячо обнялъ ее и началъ утѣшать.

— Скоро, скоро ужъ конецъ. Тогда опять всѣ вечера твои.

Онъ разсказалъ ей, какой сюрпризъ ему устроили его товарищи, какъ незамѣтно они увлеклись проектировкой и какъ опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовскій пріѣхалъ къ Кольцову въ назначенное время и изъявилъ свое согласіе на участіе въ подрядѣ. Нужно было торопиться ѣхать на торги. Кольцовъ давалъ ему всякія инструкціи.

— Главное, не набирайте большого штата. Если-бъ даже мой варіантъ и не поспѣлъ къ торгамъ, будетъ строиться все-таки онъ, а не прежній, поэтому не спѣшите набирать большую администрацію, такъ какъ теперешняя линія на 40 процентовъ дешевле прежней.

Бжезовскій уѣхалъ. Окончилъ и Кольцовъ свои варіанты.

— Что бы вы сказали, Павелъ Михайловичъ, если бы я васъ командировалъ съ проектами?—спросилъ онъ какъ-то у Татищева.

Татищевъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Стражинскій на-отрѣзъ отказался ѣхать въ отпускъ, а вы принимаете?

— Я съ удовольствіемъ,—повторилъ Татищевъ.

— А сумѣете вы защищать нашу красавицу — новую линію?

— Она не нуждается въ защитѣ,—съ несвойственной ему горячностью и увѣренностью отвѣтилъ Татищевъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вашъ отвѣтъ показываетъ убѣжденность, а когда человѣкъ убѣжденъ, онъ все сдѣлаетъ.

Татищевъ пріѣхалъ въ городъ за два дня до торговъ.

Первымъ дѣломъ онъ явился къ начальнику работъ.

Его потребовали не въ очередь.

Въ небольшомъ, скромно меблированномъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ ходилъ лѣтъ 50-ти главный инженеръ Елецкій, средняго роста, хорошо сложенный, съ сохранившимися красивыми чертами лица.

Татищевъ вошелъ и поклонился.

— Здравствуйте, — медленно проговорилъ Елецкій, протягивая руку Татищеву.—Что скажете хорошенькаго?

— Варіантъ привезъ,—весело-почтительно отвѣтилъ Татищевъ.

Легкая улыбка сбѣжала съ лица Елецкаго. На лбу появились складки, и онъ раздраженнымъ голосомъ переспросилъ:

— Варіантъ? Опять варіантъ? Да такъ же нельзя, господа!

Татищевъ потупился и не нашелся ничего отвѣтить.

Елецкій нѣсколько секундъ постоялъ, сердито махнулъ рукой и заходилъ по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ тянулось тяжелое для Татищева молчаніе. Елецкій забылъ о Татищевѣ и весь погрузился въ свои мысли. Татищевъ слегка кашлянулъ.

— Извините, пожалуйста,—спохватился Елецкій.—Присядьте.

И онъ опять зашагалъ по комнатѣ.

— И всѣ эти варіанты—прекрасная вещь, но все въ свое время,—заговорилъ Елецкій успокоеннымъ голосомъ.—Вы, господа, совершенно забыли о постройкѣ, а мы два года уже дѣлаемъ изысканія. Мнѣ проходу нѣтъ въ Петербургѣ, когда я, наконецъ, начну постройку, а я въ отвѣтъ то и дѣло вижу все новые и новые варіанты. Послѣдній?- спрашиваютъ.— Послѣдній, и черезъ три мѣсяца опять совершенно новая линія. Вѣдь, наконецъ, кончится тѣмъ, что насъ всѣхъ прогонятъ,—остановился онъ передъ Татищевымъ.

Татищевъ смущенно ерзалъ на стулѣ.

— Когда же конецъ будетъ?—наступалъ на него, между тѣмъ, Елецкій.—Черезъ три мѣсяца вы мнѣ опять привезете новый варіантъ, когда же мы строить будемъ, что же я скажу въ Петербургѣ, когда только что пріѣхалъ оттуда, давъ чуть ли не честное слово, что изысканія окончены?

— Два года идутъ изысканія, а линіи нѣтъ,—помолчавъ, продолжалъ Елецкій.—Варіанты, варіанты, безъ конца варіанты.

— Живое дѣло,—робко замѣтилъ Татищевъ,—одно хорошо, другое лучше.

— Но вѣдь такъ же безъ конца можетъ продолжаться,— вспыхнулъ Елецкій.—Гдѣ же конецъ? Наши изысканія сумасшедшихъ денегъ стоятъ.

— Но каждый лишній рубль, истраченный на изысканія, даетъ тысячныя сбереженія въ дѣлѣ,—замѣтилъ Татищевъ.

— Такъ вѣдь это мы съ вами знаемъ, а подите вы разскажите это въ Петербургѣ, что вамъ отвѣтятъ? Отвѣтятъ, что дороже нашихъ изысканій еще не было.

— Но экономія,—началъ было Татищевъ.

— Да что вы все о своей экономіи. Не говорите о вещахъ, о которыхъ понятія не имѣете. Я тридцать лѣтъ строю и знаю эту экономію на изысканіяхъ. Дешево, хорошо, пока не начали строить, а чуть началось—и пошла потѣха! Тамъ неожиданно оказалась скала вмѣсто глины, тамъ плывунъ, тамъ приходится вмѣсто простого котлована кессонъ опу-

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдующій лабораторіей: инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

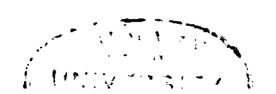
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:



Натуральная углекисло-щелочная вода
Кавказская

БОРЖОМЪ

ПРЕВОСХОДНАЯ
ЛѢЧЕБНАЯ ВОДА.

При Боржомѣ и нужной діэтѣ **нѣтъ мѣста** упорнымъ заболѣваніямъ желудочно-кишечнымъ и печени, отложеніямъ песка и камней **въ** желчныхъ и мочевыхъ путяхъ, проявленіямъ разстройствъ обмѣна веществъ: подагрѣ, ожирѣнію и діабету.

КИПЯТОКЪ без огня. — **СТУДЕНОЕ** без льда.

Патент. во вс. мірѣ
НАСТОЯЩІЕ СОСУДЫ

ТЕРМОСЪ

только со штемп.
THERMOS-PATENT
сохран. напитки и кушанья
БЕЗЪ ОГНЯ и БЕЗЪ ЛЬДА
24 часа горячими или 2 недѣли холодными.
Продаются въ магазинахъ: дорожн. принадлежн., оружейн., аптекарск., посудныхъ и т. п. Исключ. прод. для вс. Россіи **у фирмы:** Export-Bureau J. Feinstein, Berlin N. W. 52, Thomasiusstr. 18.
Остерегайтесь поддѣлокъ!
Наст. только со шт. THERMOS-PATENT.

Санаторія „СОКОЛЬНИКИ"

д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА,

Москва, Сокольники, Поперечн. просѣкъ. Телеф. 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней. **НЕРВН., ВНУТРЕН., ОБМѢНА** и т. п. По роскоши, удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучш. заграничн. Проспекты по треб. Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., с. д. Тел. 102-77.

ЛѢЧЕБНИЦА д-ра мед. Н. П. ПОСТОВСКАГО

ДЛЯ НЕРВНО- И ДУШЕВНО-БОЛЬНЫХЪ.

Плата въ мѣсяцъ отъ 60-ти руб. до 200 руб. Москва, Трехгорная застава, дача Тѣстова. Телеф. лѣчебницы 99-82, д-ра Постовскаго 241-6.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и МОНОГРАФІЯХЪ („ВОСПИТАНІЕ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ“) подъ общей редакціей Алекс. Петров. Нечаева, профессора С.-Петербургской Педагогической Академіи, завѣдывающаго Лабораторіей Экспериментальной Педагогической Психологіи при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебнаго вѣдомства.

И ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

Я. Л. Барскова, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, прив.-доц. В. Е. Игнатьева, Я. И. Ковальскаго, Н. Н. Кульмана, проф. А. Ф. Лазурскаго, проф. И. И. Лапшина, Д. М. Левшина, П. Г. Мижуева, прив.-доц. А. Павл. Нечаева, проф. В. В. Половцева, проф. С. В. Рождественскаго, прив.-доц. Г. И. Россолимо, Н. Е. Румянцева, С. И. Сазонова, Д. Э. Теннера, Н. В. Чехова, С. И. Шохоръ-Троцкаго и друг.

„ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ“ является настольной книгой для родителей, воспитателей, общественныхъ дѣятелей и вообще лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу воспитанія. Въ обстоятельномъ и популярномъ изложеніи она говоритъ о здоровомъ и больномъ ребенкѣ, о правильномъ физическомъ и душевномъ развитіи дѣтей дома и въ школѣ, о постановкѣ дѣла воспитанія и образованія въ Россіи и за границей. Она разбираетъ вопросы о дѣтскомъ чтеніи, дѣтскихъ садахъ, экскурсіяхъ, играхъ, и вообще охватываетъ всестороннее развитіе человѣка съ самаго ранняго возраста до вступленія его въ сознательную жизнь.

ВСЕ ИЗДАНІЕ БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ 15 СЛѢДУЮЩИХЪ ТОМОВЪ:

Физическое развитіе дѣтей. ■ Душевная жизнь дѣтей. ■ Гигіена умственнаго и физическаго труда. Подвижныя игры, гимнастика, спортъ, ручной трудъ. ■ Дѣтскія болѣзни. ■ Нервно-больныя дѣти въ семьѣ и школѣ. (Педагогическая невро- и психо-патологія). ■ Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. ■ Очеркъ исторіи русской школы и современное состояніе народнаго образованія въ Россіи. (Два тома). ■ Главные моменты въ развитіи школы въ Западной Европѣ и Америкѣ. ■ Современная школа въ Западной Европѣ и Америкѣ. ■ Современныя теченія педагогической мысли. ■ Методы первоначальнаго обученія. (Два тома). ■ Дѣтская литература. ■ Дѣтскіе сады. Наглядныя пособія. Педагогическіе музеи. Организація экскурсій.

Изданіе будетъ снабжено рисунками, портретами, діаграммами, таблицами въ текстѣ и на отд. листахъ. Цѣна изданія въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкой **18** руб., въ провинціи съ пересылкой **20** руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится 2 руб.; при полученіи каждаго изъ первыхъ 12 томовъ по 1 р. 25 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 40 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи; при полученіи 13-го тома 1 руб. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и 1 р. 20 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи. Послѣдніе два тома безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. при каждой посылкѣ.

Въ ноябрѣ мѣс. 1909 г. вышелъ и разсылается подписчикамъ первый томъ: **ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:** Составилъ Н. В. Чеховъ, съ приложеніемъ библіографіи по вопросамъ дѣтской литературы и дѣтскаго чтенія, составленной А. Е. Корольковымъ. М. XVI+256 стр. со 107 иллюстраціями въ текстѣ. **СОДЕРЖАНІЕ ЭТОГО ТОМА:** Дѣтская литература и ея задачи. Историческій очеркъ дѣтской литературы. Русскіе дѣтскіе журналы. Иллюстраціи къ дѣтскимъ книгамъ. Книги для дѣтей дошкольнаго возраста. Русская художественная литература для дѣтей. Сказки. О выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

Болѣе подробный проспектъ высылается безплатно. **Книгоиздательство «ПОЛЬЗА» В. Антикъ и К°.**

Москва, М. Гнѣздниковскій пер., д. 70. Телефонъ 124-24. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Моховая, 28. Телефонъ 51-56.

Объявленіе книжнаго склада „ОСВОБОЖДЕНІЕ“ (на оборотѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ОСВОБОЖДЕНІЕ“ Спб., Невскій пр., 92—Б.

Современная библіотека русской литературы въ выпускахъ по 10 к.

1. **Леонидъ Андреевъ**. Въ туманѣ.
2. **Ф. Сологубъ**. Въ толпѣ.
3. **Леонидъ Андреевъ**. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
4. **М. Арцыбашевъ**. Сказка стараго прокурора.
5. **Евг. Чириковъ**. Въ отставку.
6. **В. Муйжель**. Солдаты.
7. **Евг. Чириковъ**. На порогѣ жизни.
8. **Евг. Чириковъ**. Студенты пріѣхали.
9—10. **Леонидъ Андреевъ**. Губернаторъ.
11. **Евг. Чириковъ**. На порукахъ.
12. **Евг. Чириковъ**. Капитуляція.
13—14. **А. И. Купринъ**. Молохъ.
15. **Евг. Чириковъ**. Блудный сынъ.
16. **Горг. Чулковъ**. Невѣста.
17. **Скиталецъ**. Любовь декоратора.
18.—20. **Сем. Юшкевичъ**. Распадъ.
21. **А. И. Купринъ**. Рѣка жизни.
22. **Борисъ Зайцевъ**. Аграфена.
23. **Евг. Чириковъ**. Въ лѣсу.
24. **А. И. Купринъ**. Съ улицы.
25—26. **Семенъ Юшкевичъ**. Голодъ. Между двухъ береговъ.
27. **Н. Телешовъ**. Черною ночью.
28. **А. Серафимовичъ**. Новая тюрьма.
29. **А. И. Купринъ**. Шт.-кап. Рыбниковъ.
30. **М. Арцыбашевъ**. Паша Тумановъ.
31. **А. Каменскій**. Ничего не было.
32. **С. Елпатьевскій**. Савелій.
33. **Л. Мельшинъ**. Любимцы каторги.
34. **Н. Телешовъ**. Сухая бѣда.
35. **Н. Олигеръ**. На аванпостахъ.

Новыя изданія склада:

У источника жизни. Наст. книга по полов. воспитанію. Съ пред. **проф. А. П. Нечаева и вст. статьей жен.-вр. А. В. Писаревой**, ц. 1 р. 75 к.

Г. Зудерманъ. Пѣсня пѣсней, ц. 1 р. 50 к.

В. Бельше. Монизмъ, ц. 30 к.

Проф. Черни. Врачъ, какъ воспит. ребенка, ц. 50 к.

Проф. Ав. Форель. Половой вопросъ. 3-е рус. исп. и доп. изд. Съ пред. **проф. В. М. Бехтерева**, ц. 2 р. 50 к.

А. И. Купринъ. Дѣтскіе разсказы, ц. 1 р. 25 к. въ перепл. ц. 1 р. 60 к.

А. И. Свирскій. Собр. соч. т. I. Разск. ц. 1 р. 25 к.

Марсель Прево. Собр. соч. т. I. Муки ада, ц. 1 р.

Марсель Прево. т. II. Любовь женщины, ц. 1 р.

А. Каменскій. Студенческая любовь, ц. 50 к.

П. Пильскій. Проблема пола въ соврем. рус. литер., ц. 80 к.

Конспекты по всѣмъ предметамъ юридическаго факультета по програм. СПБ. Университета.

Подробные каталоги по первому требованію. Составленіе и пополненіе библіотекъ. Громадный выборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Высылка книгъ по каталогамъ и объявленіямъ всѣхъ фирмъ по ихъ же цѣнамъ. Книги высыл. налож. платежомъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ТЕОД. ЛИППСЪ, Самосознаніе, ощущеніе и чувство, перев. **М. А. Лихарева**, 2-е рус. изданіе, Спб. 1910 г. ц. 40 коп. Складъ **изданія въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»**.

ЮЗЕФЪ ПЕТЦОЛЬДЪ, про... о мірѣ съ точки зрѣнія позитивизма, пе... **М. А. Лихарева**, Спб. 1909 г., ц. 80 к... Складъ изданія въ книжномъ магази... **«Наша Жизнь»** Спб., Литейный пр., ...

П. Андреевъ.
П. Давыдовъ.
О. Каміонскій.
Л. Лабинскій.
Н. Сѣверскій.
В. Насторскій.
Л. Сибиряковъ.

75 КОП.

Г. Морской.
Д. Бухтояровъ.
М. Михайлова.
А. Вяльцева.
А. Нежданова.
Н. Тамара.
В. Панина.

Двухстороннія пластинки-грандъ (10 дюйм.). Послѣднія **МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВИНКИ** въ исполненіи знаменитѣйшихъ артистовъ.

Послѣдн. усоверш. модели совершенно безшумныхъ **ГРАММОФОНОВЪ.**

Требуйте списки! высыл. безплатно. Торговый Домъ т-ва „БАЯНЪ“ С.-Петербургъ, Садовая, 40. Требуйте списки! высыл. безплатно.

НОВАЯ КНИГА:
КРАТЧАЙШІЙ и ДОСТУПНЫЙ КАЖДОМУ

ПУТЬ къ БОГАТСТВУ

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

ПОПУЛЯРНОЕ РУКОВОДСТВО для ЖЕЛАЮЩИХЪ ИСПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ на БИРЖѢ.

Предпославъ краткій историческій очеркъ Биржи, авторъ яркими живыми красками рисуетъ картину, **какъ наживаютъ деньги покупкою и продажею бумагъ на Биржѣ,** и даетъ указанія, какъ можетъ въ этомъ принять участіе каждый желающій, при наличности даже 100—200 руб., чѣмъ руководствоваться при выборѣ бумагъ, какъ угадать биржевое настроеніе, отчего бумаги повышаются и понижаются, какъ вести дѣло безъ риска, гдѣ достать кредитъ, какъ выбрать банкира и т. п.

Книга снабжена **перечнемъ** наиболѣе ходкихъ бумагъ, съ указаніемъ ихъ разцѣнки за 1908 г. по мѣсяцамъ и за 17 предшеств. лѣтъ, дивидена за 3 года и времени его выдачи, необходимыми таблицами и массой примѣровъ, **доказывающихъ, что ни одна область труда не можетъ такъ колоссально обогатить человѣка, какъ удачныя операціи на Биржѣ.**

Цѣна книги, содержащей 115 стр. убористаго шрифта, **50 к.**, съ перес. **60 к.** (можно марками), съ налож. плат. **75 к.**

Продается во всѣхъ крупн. книжн. магаз., кіоскахъ и на станц. жел. дор.

Иногород. требов. на книгу адресовать:
С.-Петербургъ, Николаевской Артели, Разъѣзжая, 5.

Телегр. адресъ: **Петербургъ Никартель.**

Выписывающіе непосредственно изъ сего склада за пересылку не платятъ.

„ПУТЬ къ БОГАТСТВУ", ц. 50 к.

СВѢЧИ

АНУЗОЛЬ

ГЕДЕКЕ и К°.

РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ

ГЕМОРРОЯ

Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна **1 р. 75 к.**

Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазин.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ пров. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА.

МНОГО ДЕНЕГЪ ЗАРАБАТЫВ.
может всякій, научившись выдѣлывать мыло по новѣйшему руководству. Всѣ сорта, какъ бѣлое, мраморное, туалетное, ядровое и проч., выдѣлываются легко даже нѣсколько фунтовъ, не затрачивая лишнія деньги на обзаведеніе. Цѣна руководству съ рисун. въ роскошн. тисн. зол. переп. съ пер. 2 р. (марк.). Высыл. налож. плат. безъ задат. Спб. Невскій, 108, Т-во Основа.

ФОСФАТИНЪ ФАЛЬЕРА

Пріятная пища, самая подходящая для дѣтей, начиная съ 6—7 мѣсячн. возраста до 10 лѣтъ, особенно во время отстраненія отъ груди и въ періодъ роста. Облегчаетъ прорѣзываніе зубовъ и обусловливаетъ правильное развитіе костей.

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ аптекахъ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Увеличивающійся **съ каждымъ** днемъ спросъ на **Спerминъ-Пеля** вызвалъ въ послѣднее время **появленіе множества малоцѣнныхъ поддѣлокъ,** предлагаемыхъ **подъ разными похожими на Сперминъ названіями** (сперматинъ, сперминоль, спермоль, секаровскія вытяжки, жидкости и т. д.), **причемъ дѣйствіе ихъ самими поддѣлыватолями ставится** „наравнѣ и даже выше" **Спермина-Пеля.** Часто поддѣлывателями **являются люди,** ничего общаго съ медициною не имѣющіе, какъ-то: содержатели аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазиновъ и друг. Понятно, что подобныя поддѣлки ничего общаго съ медициной и наукой вообще не имѣютъ, а для того, чтобы придать научный характеръ своимъ подраженіямъ, поддѣлыватели въ своихъ рекламахъ приводятъ литературу и наблюденія врачей надъ **дѣйствіемъ Спермина-Пеля,** вводя этимъ въ заблужденіе нѐ только больныхъ, но и даже Гг. врачей.

Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ **предостеречь** лицъ, пользующихся **Сперминомъ** отъ подобныхъ поддѣлокъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія ученыхъ и врачей надъ благопріятнымъ дѣйствіемъ **Спермина,** при **неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ болѣзняхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебояхъ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч.,** относятся **исключительно къ Спермину-Пеля,** а потому просимъ при покупкѣ обращать **вниманіе** на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и на фирму, такъ какъ другіе препараты суть не что иное, какъ поддѣлки **Спермина-Пеля,** по дѣйствію съ нимъ ничего общаго **не** имѣющія, такъ какъ единственно **настоящимъ сперминомъ является Сперминъ-Пеля,** ФЛАКОНЪ **3 руб.** Литерат. высылается по первому требованію безвозмездно.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Профессоръ Докторъ Пель и Сыновья

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ.

УНІОНЪ СПБ.

Т-во Книжный Кредитъ.

Льготная РАЗСРОЧКА НА ИЗДАНІЯ спеціальныя, популярно-научныя и художественныя. Изданія М. Вольфа, К. Риккера, А. Девріена, А. Суворина, Т-ва Голике и Вильборгъ, Общественной Пользы и другихъ издателей.

Подробный каталогъ высылается за 5 коп. марку.

Галлерея Кушелева-Безбородко

Императорской Академіи Художествъ. Текстъ М. Дальквича. Изд. Голике-Вильборгъ. Свыше 65 геліогравюръ, 15 факсим. въ краскахъ и 25 геліогр. въ текстѣ. Въ 5-ти вып. въ изящныхъ папкахъ. **Ц. 100 р.**

Русская школа живописи. А. Бенуа. 101 характерн. произведеній, воспроизвед. въ краск., геліогр. и фототип. 58 иллюстр., частью въ краскахъ, въ текстѣ. Изд. Голике и Вильборгъ. Ц. 50 р.

Картины Лондонской національной галлереи. Изд Суворина. Ц. 75 р.

Ванъ-Дейкъ въ избранныхъ произведеніяхъ. Изд. Суворина. Ц. 35 р.

Пушкинъ. Собр. сочин. Ред. Ефремова. Изд. Суворина. 8 том. Ц. въ пер. 21 р.

Евгеній Онѣгинъ. Пушкина. Роск. иллюстрирован. акварелями Самокишъ-Судковской. Ц. 8 и 15 р.

Гете. Фаустъ. Съ 50 карт. и офортами Лиценъ-Мейра. Въ перепл. Ц. 15 р.

Исторія внѣшней культуры. Ф. Готтенротъ. Роск. иллюстр. 2 том., въ перепл. 25 р.

Энциклопедія русск. сельск. хозяйства. Изд. Девріена. 11 том., въ перепл. 91 р.

Энциклопедія лѣсного хозяйства. 2 том., въ перепл. 17 р.

Даль. Толков. Словарь русскаго языка. Изд. М. Вольфа, въ 4 том. Ц. 28 р.

Сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзенъ. Роск. иллюстр. рис. художн. Г. Тегнера, въ перепл. 11 р. 50 к.

Монтеверде, Н. Ботаническій атласъ, описаніе и изображеніе растеній русской флоры. 88 таблицъ въ краскахъ; изображено 501 растеніе; съ 813 рисунк. въ текстѣ. По Гофману и др., 3-е изд. Ц. 18 р. 50 к., въ пер. 16 р.

Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка, *К. Гюнтера*. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. Холодковскаго. 2 том. съ атласомъ (90 табл.). Ц. 20 р., въ перепл. 24 р. 50 к.

Полн. собр. сочин. Влад. Соловьева. Съ біограф. и 3 портр. 9 т. Ц. 16 р., въ пер. 22 р.

Сводъ законовъ Росс. Имперіи. Подъ ред. А. Волкова и Ю. Филиппова. Изд. 4-е, въ 2 том., Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Русская исторія. А. Трачевскаго. 2 т., 96 рис., 9 картъ. Ц. въ пер. 9 р. 60 к.

Исторія русской литературы. Полевого. Роск. иллюстр. 3 том. Ц. въ перепл. 16 р.

Полн. собр. соч. Н. Чернышевскаго. Въ 10 том., съ 4 портр. Ц. 18 р., въ перепл. 25 р.

Полное собр. сочин. Бѣлинскаго. Въ 12 том. (вышло 8 том.) Ц. 21 р.

Импер. Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Н. Шильдера. Съ 490 иллюстр. 4 т. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Исторія новой философіи. Куно Фишера. Перев. съ посл. изд. 9 том. Ц. въ перепл. 40 р.

Корбъ. Дневникъ путеш въ Московію. Перев. А. Маленна. Иллюст. Ц. въ пер. 12 р. 50 к.

Герберштейнъ. Записки о Московитск. дѣл. Пер. А. Маленна. Съ иллюстр. Ц. въ перепл. 17 р. 50 к.

Олеарій. Опис. путеш. въ Московію и Персію и обратно. Перев. А. Ловягина. Съ многочисл. иллюстр. Ц. въ пер. 14 р. 50 к.

Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участниковъ. Съ 17 рис., видами и планами. Ц. 3 руб.

По Южной Америкѣ. Путешествіе А. Іонина. 4 кн. въ 2 томахъ. Ц. 10 р., въ перепл. 11 р. 50 к.

Земля и люди. Всеобщ. географ. Элизе Реклю. 1400 рис. 10 том. Ц. въ пер. 50 р.

Россія. Полн. геогр. описаніе. Съ многоч. рис., картами, діагр. Вышло 7 томовъ, стоющихъ 20 р. 15 к., въ перепл. 23 р. 65 к.

Жизнь животныхъ. А. Брэма. 10 т., 99 хромолитогр., 1900 рис., 11 карт. Ц. 50 р., въ перепл. 60 р.

Животный міръ, его бытъ и среда. А. Гааке. Съ рис. Кунерта. 3 тома. 620 рис. въ текстѣ и 120 табл. въ краск. Ц. 24 р., въ перепл. 28 р. 50 к.

Жизнь прѣсн. водъ. К. Ламперта. 380 рис. и 12 таблицъ. Ц. 8 р., въ перепл. 9 р. 50 к.

Птицы Европы. Практическ. орнитологія съ атласомъ. Н. Холодковскій и А. Силантьевъ. 287 рис., 4 карты и 60 табл. въ краскахъ, изображ. 575 птицъ и 183 типичн. яйца. Ц. 18 р., въ перепл. 21 р.

Допускается, по соглашенію,
РАЗСРОЧКА:
задатокъ 10% съ суммы заказа и погашеніе отъ **1 руб.** въ мѣсяцъ.
Высылаются
ВСѢ КНИГИ СРАЗУ.

Телеф. 284-56.

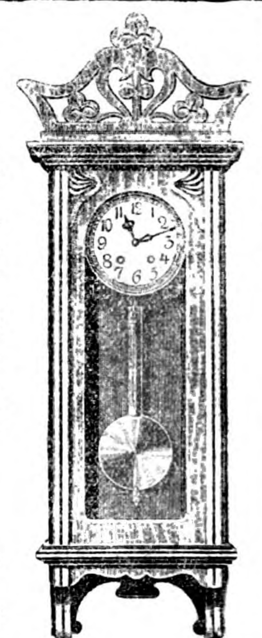
В. ГАБЮ

Москва, Никольская, 15.

существ. съ 1868 года. ПОСТАВЩИКЪ желѣзн. дорогъ, земствъ, офицерск. общ. и друг. учрежденій.

Громадн. выборъ

Мужскихъ и дамскихъ часовъ золотыхъ, серебряныхъ, серебр.-оксидированныхъ, стальн., перламутровыхъ, и никкелевыхъ.



Столовые ЧАСЫ: дерев. стильные бронз. и мраморн.

РЕГУЛЯТОРЫ Стѣнные ЧАСЫ: Стильные и круглые.

БУДИЛЬН., КАРЕТН, ЧАСЫ, КОНТР. ЧАСЫ ДЛЯ ПРОВ. СТОРОЖЕЙ; ЗОЛОТ. И СЕРЕБР. ИЗДѢЛ.

ПОДРОБН. ИЛЛЮСТРИР. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ, УКАЗЫВАЮЩИМЪ НА ЭТО ОБЪЯВЛЕНІЕ, БЕЗПЛАТНО.

НѢЖНОСТЬ И БѢЛИЗНА РУКЪ И ЛИЦА ДОСТИГАЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ

Мыла изъ чистаго масла какао,

приготовленнаго въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Весьма нѣжнаго свойства; впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжную бѣлизну, мягкость и бархатистость.

Цѣна за кусокъ **80** коп., съ пересылкой **1** руб. **20** коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы: для Европы: Гамбургъ—**Эмиль Беръ**; Вѣна—**Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—**Е. Лотаръ**; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Іоркъ—**Л. Мишнеръ**.

Главный складъ для всей Россіи: **А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская, 15—1**

ДРАХЕНКВЕЛЛЕ, НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

благотворно дѣйствуетъ при катаррѣ желудка, мочевого пузыря, дыхательныхъ органовъ, при болѣзняхъ почекъ, при обнормальномъ увеличеніи желудочныхъ кислотъ, при желчныхъ камняхъ и при діабетѣ. Посовѣтуйтесь съ вашимъ врачомъ. Литература высылается безплатно. Единствен. представитель Л. фанъ-деръ Гувенъ. СПБ., Офицерская, 24.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.

Курсъ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ: ДВОЙНОЙ И ТРОЙНОЙ СИСТЕМЪ.

ДВОЙНАЯ изучается по учебникамъ учредителя, какъ она преподается въ Америкѣ, Англіи, Австріи, Бельгіи, Германіи, Россіи, Франціи и Швейцаріи. ТРОЙНАЯ составляющая *литературную собственность автора*, преподается *правильно въ чистомъ, неискаженномъ видѣ только на курсахъ самого автора.*

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 43. Москва, Б. Тверская, № 18.

Книжный Кредитъ на оборотѣ).

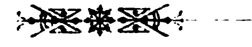
ФЕВРАЛЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

(XVIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и продолжается подписка на 1909 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ѳ. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р. на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ д. 79, Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра т. е. присылать вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.—отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ОЖИВЛЕННАЯ МѢСТНОСТЬ.

Отъ редакціи.

(По поводу рукописи Успенскаго).

Исторія печатаемой нами посмертной рукописи Глѣба Ивановича Успенскаго такова.

Въ 1875 и 1876 годахъ въ С.-Петербургѣ издавался журналъ „Библіотека дешевая и общедоступная“. Негласнымъ ея редакторомъ былъ Андрей Васильевичъ Каменскій, а Глѣбъ Ивановичъ принималъ въ ней близкое участіе. Въ журналѣ этомъ, носившемъ въ литературныхъ кругахъ того времени названіе „Дешевки“, принимали также участіе многіе изъ молодыхъ литераторовъ. По словамъ Андрея Васильевича Каменскаго, изъ письма котораго я привожу эти свѣдѣнія, руководящимъ геніемъ „Дешевки“ былъ Успенскій. Кромѣ того, журналъ состоялъ подъ покровительствомъ редакціи „Отечеств. Записокъ“ и особенно Ник. Конст. Михайловскаго. Въ немъ печаталась, главнымъ образомъ, переводная беллетристика, очень хорошо подбираемая, но появлялись также и оригинальные разсказы, очерки, стихи и библіографія. Между прочимъ, Александра Васильевна Успенская, жившая тогда въ Парижѣ, присылала въ „Библіотеку“ переводы лучшихъ появившихся тамъ романовъ, подъ редакціей и по выбору Ив. С. Тургенева. Издателемъ библіотеки былъ П. П. Меркульевъ, уральскій казакъ родомъ, другъ извѣстнаго въ тѣ времена Надѣина. Это былъ человѣкъ хорошій, но уже „прогоравшій“, запутавшійся въ малознакомомъ ему дѣлѣ издательства и книжной торговли. Ему принадлежала, между прочимъ, „Русская книжная торговля“ на Невскомъ (потомъ его замѣнилъ мѣняла Горшковъ).

Цензоръ Лонгиновъ очень преслѣдовалъ „Библіотеку“ и прямо задался цѣлью уничтожить журналъ, около котораго, по его словамъ, „собралась шайка изъ покойнаго „Русскаго Слова“. Онъ систематически истреблялъ лучшія статьи, и

въ концѣ концовъ „Библіотека“ дѣйствительно погибла,— отчасти благодаря и разстройству дѣлъ Меркульева. Если бы не эти препятствія, то изъ „Дешевки“ могъ бы выработаться хорошій журналъ, доступный широкой публикѣ. Г-нъ Каменскій еще два года сохранялъ за собою право изданія... Но затѣмъ и названіе исчезло.

Предлагаемый очеркъ Глѣба Ивановича назначался именно для этого журнала и „зарѣзанъ“ Лонгиновымъ. Рукопись писана на почтовыхъ листахъ большого формата, характернымъ мелкимъ почеркомъ Успенскаго, почти безъ помарокъ. Подъ заглавіемъ сначала было написано: „очеркъ“, потомъ, кажется: „деревня“, но оба подзаглавія тщательно зачеркнуты, такъ же какъ римская цифра I, показывающая, что за первой главой должны были слѣдовать другія. На послѣднемъ листочкѣ зачеркнуты слова: „продолженіе слѣдуетъ“ и почему-то тоже подпись „Глѣбъ Успенскій“.

Повидимому, очеркъ этотъ представлялъ только начало большого разсказа, но Успенскій отдалъ его въ „Библіотеку“ въ видѣ цѣльнаго эскиза, къ разработкѣ котораго собирался вернуться въ другомъ мѣстѣ. И, дѣйствительно, по содержанію „Оживленная мѣстность“ очень близка къ позднѣйшей работѣ Успенскаго „Книжка чековъ“, къ которой относится, какъ первоначальный этюдъ къ возникшей изъ него картинѣ. Повторяются даже многія отдѣльныя выраженія. Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, очеркъ представляетъ интересъ, какъ значительный варіантъ въ работѣ любимаго писателя, какъ молодая, свѣжая нота только еще расцвѣтшаго таланта, неожиданно прозвучавшая изъ-за могилы.

Приносимъ выраженіе глубокой благодарности А. В. Каменскому, доставившему намъ эту рукопись. Письма къ нему Глѣба Ивановича, обнимающія періодъ съ 1875 по 1889 годы, мы напечатаемъ въ послѣдующей книжкѣ.

Вл. Короленко.

Благодаря пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ, капиталъ съ каждымъ днемъ получилъ возможность проникать въ болѣе и болѣе отдаленныя и глухія мѣстности русской земли и, какъ пишутъ, сталъ „оживлять“ ихъ, превращать мертвые капиталы въ живые. Это необыкновенное явленіе обходится капиталу не очень-то дешево. Вотъ, напримѣръ, съ одной изъ промежуточныхъ станцій вновь проложенной желѣзной дороги двигается въ эту, до сихъ поръ мертвую, глушь, трехсотпудовое чудовище-паровикъ. Везутъ его на тринадцати тройкахъ, въ сопровожденіи и при содѣйствіи двухсотъ

человѣкъ народу, и при непосредственномъ участіи громаднаго количества водки... „Водкой веземъ",—говоритъ хозяйскій приказчикъ, сопровождающій паровикъ, — и, дѣйствительно, только при ея содѣйствіи оказывается возможнымъ кое-какъ преодолѣть трудности дороги, безсиліе скота и непривычку народа въ обращеніи съ такими благодѣтельными чудовищами; только при помощи водки люди оказываются способными задирать до полусмерти свой скотъ и надрывать иной разъ до смерти свои животы... И, вотъ, сотни кнутьевъ по цѣлымъ днямъ свистятъ вокругъ этого чудовища, сотни людей орутъ и ругаются вокругъ него неистовыми голосами,— и чудовище сердито двигается „оживлять" мертвые капиталы. Правда, иной разъ, свалившись и придавивъ до смерти человѣкъ трехъ мужиковъ, пьяныхъ и ругавшихся,—оно подолгу лежитъ въ какой-нибудь лощинѣ или на провалившемся мосту, и вѣтеръ гудитъ въ немъ страшными голосами, на страхъ всякому проѣзжему и прохожему крестьянину,— но новый пріемъ водки, кнутьевъ и брани, и оно трогается и ѣдетъ дальше и дальше...

Мѣсто, въ которое ѣдетъ это чудовище, — мѣсто, весьма обыкновенное въ Россіи,—то есть глухое, заброшенное, какъ будто-бы никому не нужное. Среди дремучаго лѣса, въ глубокихъ берегахъ течетъ быстрая рѣка,—а за лѣсомъ тянутся безконечныя поля, всегда пустынныя, а среди полей виднѣются бѣдныя-бѣдныя деревеньки. Лѣтомъ все это было зелено и мертво; лѣсъ дѣлался въ эту пору совсѣмъ дремучимъ и стоялъ въ глубокой тишинѣ... Въ глубинѣ его было прохладно и влажно, а нога вязла въ массѣ вѣками накопившейся и гнившей листвы... Зимой, когда все занесло снѣгомъ,—только зайцы, лисицы да волки и ходятъ здѣсь. Изрѣдка, очень изрѣдка, то зимой, то лѣтомъ, — покажется здѣсь баринъ, владѣлецъ этихъ мѣстъ. Впереди его обыкновенно шныряла собака,—а вслѣдъ за ней, задумавшись о чемъ-то, шелъ баринъ... О чемъ думалъ онъ въ то время, будучи постоянно тоскующимъ? Не знаю; но смѣло могу сказать, что не объ этой глуши, не объ оживленіи этихъ громадныхъ полей, дремучихъ лѣсовъ, черныхъ и нищенскихъ деревень. Не думалъ онъ объ этомъ потому, что, несмотря на обиліе всего живого и произраставшаго въ этомъ лѣсу,—мужикъ, который захотѣлъ бы пользоваться этимъ, выводился изъ лѣсу (если только попадался)—со связанными назадъ руками, охотникъ уходилъ безъ ружья, и вообще всякій дѣлался или долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, чувствовать себя „воромъ", если задумывалъ поживиться тѣмъ, что никому не принадлежало...

Въ такомъ положеніи было это захолустье долгіе годы;

было въ немъ всего много,—и быстрыхъ рѣчекъ, и плодородныхъ полей, и темныхъ лѣсовъ, но пользы отъ этого не было рѣшительно никакой и никому: баринъ здѣсь почти не жилъ, а крестьянинъ, жившій подъ бокомъ у всей этой благодати, мерзъ отъ холоду по зимамъ въ своихъ черныхъ развалившихся избахъ, нося извѣстный и, повидимому, навѣки закрѣпленный за нимъ титулъ вора и неплательщика. Повидимому, никому ненужно было это мѣсто—крестьянинъ, лежа на печи, говорилъ иной разъ: „хоть бы прибралъ Господь", или „охъ, смерть моя не идетъ!" Баринъ хотѣлъ уѣхать отсюда навсегда. Но вотъ пришло новое время, произошло освобожденіе крестьянъ, и въ воздухѣ пронеслась новая черта, доселѣ какъ бы небывалая. „Мое", „наше"—эти понятія, повидимому, родились на свѣтъ только по освобожденіи крестьянъ, родились вдругъ (тоже повидимому)... Тоскливая апатія барина,—унылая широта его взглядовъ, плановъ, желаній,—тотчасъ окристаллизовались въ понятіе о моемъ и твоемъ, какъ только что-то изъ этой глуши, никому, повидимому, ненужной, „отошло" къ кому-то. „А вѣдь это *право же* мое!" сталъ думать баринъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣй и настойчивѣй.—„Наше, по божескито ежели разсудить", сталъ думать крестьянинъ, потому что послѣ того, какъ у нихъ что-то отошло къ кому-то,—понятіе о „нашемъ" и о „вашемъ" тоже замѣнило собою апатію, желаніе помереть—и другія черты прежняго влаченія жизни...

„Мое" и „наше" стали тянуть этотъ уголокъ каждый въ свою сторону. Опомнившись отъ продолжительной меланхоліи, баринъ сталъ на стражѣ своего добра. Никогда не думавшій о „своемъ", мужикъ тоже поднялся и, давъ себѣ слово помереть, а не сдаться, убѣдивъ себя, что „наше дѣло правое", тоже сталъ на стражѣ—и... сталъ дѣйствительно „помирать"...—„Согласу,—произнесъ онъ,—согласу нашего нѣтъ".

Забравъ себѣ это въ голову, онъ не сталъ жалѣть денегъ и сталъ хлопотать въ губерніи, въ Питерѣ, доходилъ до царя, нанималъ аблаката, который обѣщалъ привезти указъ отъ самого царя и т. д.

И въ то самое время, когда отставной солдатъ Петровъ сказалъ прямо на сходкѣ, что:

— Наше дѣло правое!—

Явился чиновникъ и объявилъ, что „вамъ вышло на переселъ".

— Вы пропустили сроки!..—объявилъ онъ и сталъ требовать подписки о согласіи къ переселенію въ другія мѣста.

— Согласу нашего нѣтъ!—отвѣчали крестьяне.—Наше дѣло вѣрное.

И стали ждать какого-то „тайнаго" чиновника изъ Петербурга, который долженъ именно сказать и утвердить дѣломъ, что дѣло ихнее—правое.

Опять ѣдетъ чиновникъ, не изъ Петербурга, а изъ уѣзда, и говоритъ, что дѣло ихъ вовсе не правое, и доказываетъ имъ, почему оно не право.

— Вѣдь сроки пропущены,—дураки вы эдакіе, что же вы хотите еще...

— Нашего согласу не было.

— Если бы не было согласія вашего, вы должны бы были апеллировать въ законный срокъ, а вы срокъ этотъ пропустили...

— Это дѣло не наше, а аблаката.

— Ну, аблакатъ-то вашъ и пропустилъ.

— Такъ его и суди.

— Да вѣдь вы ему дали довѣренность-то, а не я, вы съ него и ищите, а переселиться все таки должны,—и деньги ужъ внесены... Ну, подписывайтесь.

— Согласу нашего нѣтъ. Наше дѣло вѣрное, и намъ легче помереть...

— Ну, помирайте, чортъ съ вами...

И продолжали мужики помирать...

Стали они доходить выше и выше, и стали къ нимъ пріѣзжать чиновники и читать бумаги, въ которыхъ тоже какъ будто было, что дѣло ихъ плевое, но они опять доходили и опять начинали думать, что ихъ дѣло правое... И опять пріѣзжали люди съ бумагами и опять докладывали имъ, что дѣло ихъ не правое, а плевое.

Наконецъ, истекали всѣ сроки мужицкой глупости. Явилась толпа рабочихъ, нанятыхъ въ сосѣднихъ деревняхъ и на счетъ крестьянъ, стала переносить ихъ въ другое мѣсто. Прежде, нежели начать ломать, руководители переселенія не одну сотню разъ повторили крестьянамъ, что лучше имъ бросить упорство, а дѣлать дѣло добромъ, но крестьяне, твердо помнившіе, что согласу ихъ на это не было,—говорили, „что лучше мы помремъ". Тогда раздалось ужасное слово:

— Ломай!

Въ двѣ недѣли, при постоянномъ воѣ бабъ и даже мужиковъ, молча смотрѣвшихъ на раззореніе своихъ гнѣздъ, вся деревня была перетаскана за пять верстъ, въ пустыню... Но, такъ какъ „согласу нашего не было", то крестьяне всѣ остались тутъ же, на раззоренныхъ мѣстахъ, жили въ соломѣ, съ дѣтьми и скотиной, ѣли, что пришлось, — а то и

голодали, и ждали ужъ не одного, а трехъ тайныхъ чиновниковъ, на этотъ разъ изъ Москвы, которые повернутъ дѣло на ихъ сторону...

Пришла осень; пошли дожди, крестьяне мокли въ мокрой соломѣ... Тайныхъ чиновниковъ не было, хотя за ними каждый день ѣздили встрѣчать на станцію... Пришла зима... Толпы нищихъ бродятъ по селамъ и деревнямъ, прося хлѣба и ожидая рѣшенія... Пришла весна, — нечего сѣять, хлѣба нѣтъ. На новыхъ мѣстахъ выстроились два-три домишка... На слѣдующую осень случилось два-три убійства, грабежи; множество кражъ... и голодъ! Вотъ каково было положеніе глухого мѣста въ древнія времена, когда владѣлецъ былъ меланхоликомъ и „ни до чего не доходилъ", и вотъ какимъ стало оно, когда владѣлецъ захотѣлъ „доходить до всего"... Стародавняя меланхолія томила крестьянина въ курныхъ избенкахъ, пробужденное чувство собственности растаскало эти избенки по бревнамъ... На новыхъ мѣстахъ, куда перетащили эти избенки, селиться никто не хотѣлъ, руки отваливались отъ работы, пахать *цѣлину*, удобрять и ждать урожая годы и годы, чувствуя, что въ теченіе этого времени будетъ рости и рости недоимка, въ которой годовые труды—капля въ морѣ... Вялость, апатія, разслабленность, одолѣли нищенствовавшихъ обывателей мѣстности... Стали пьянствовать и пропивать одежду и скотъ... Кромѣ того, имущество и скотъ стали „описывать". Вотъ въ такую-то минуту двигалось спасать этотъ народъ трехсотъ-пудовое чудовище-паровикъ, а за нимъ шла „заработная плата", деньги, *имѣвшія намѣреніе* брать все, что отдается за нихъ. Купецъ Кулаковъ, отдѣлившійся отъ тятеньки, „снялъ" всю эту глушь со всѣми ея природными богатствами у помѣщика за хорошія для послѣдняго деньги,—и капиталомъ своимъ сталъ оживлять мертвое мѣсто. За тридцать копѣекъ серебромъ „чистыми деньгами" въ сутки, согналъ онъ сюда сотни окрестныхъ воровъ и недоимщиковъ и почти сразу превратилъ мертвое въ живое: въ недѣлю лѣсъ былъ вырубленъ на громадное пространство и превращенъ въ сажени дровъ, въ брусы, въ срубы... Столѣтнія березы были ободраны до верхушки, на деготь, и одиноко стояли красныя, словно облитыя кровью, между этими саженями и срубами... Въ быструю, совершенно обнажившуюся послѣ срубки лѣса рѣчку стали валить камни, строить плотину, вбивать сваи... Цѣлые дни грохали *тяжелыя бабы*, и „Дубинушка" съ своими ядовитыми и унылыми мотивами слышалась далеко въ полѣ и *гулко* раздавалась среди вырубленнаго лѣса... Масса народа копошилась въ этомъ углу, купленная по извѣстной цѣнѣ за человѣка, за бабу, точно такъ же какъ дрова продавались за

сажень, деревья и срубы поштучно... Не прошло и году, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде только зайцы да волки оставляли зимой свои слѣды, гдѣ лѣтомъ, сидя на деревѣ, спокойно грызла орѣхи бѣлка,—кипѣла самая оживленная дѣятельность: стучала толчея, шумѣла мельница, дымилъ и освисталъ бумажный заводъ, изрыгая въ чистыя когда-то воды рѣки что-то такое вонючее и больное, отъ чего на нѣсколько верстъ ниже сталъ падать скотъ и мерла рыба... Бывшіе воры и неплательщики биткомъ набивали собою новыя жиденькія стѣны фабрики, жарились на огнѣ, задыхались въ облакахъ пыли растрепаннаго тряпья, скупленнаго въ больницахъ, съ слѣдами больного гноя и больной крови... Громко орали мужики, кашляли женщины и ребята, еще громче пѣлись пѣсни, а громче всего стучали поршни машины, гудѣли колеса, шумѣла вода, свисталъ паровикъ...

Центромъ всей этой оживленной дѣятельности былъ небольшой домикъ, стоявшій на горкѣ, гдѣ поселился „новый хозяинъ“ этихъ мѣстъ, истинный благодѣтель этихъ людей... Удивительныя личности эти благодѣтели. Это положительно какая-то особенная порода людей, пожирающихъ и уничтожающихъ все, къ чему они прикоснутся. Подойдетъ онъ съ своими капиталами къ лѣсу,—и лѣсъ исчезаетъ, рубится, продается, а деньги кладутся въ столъ, или идутъ съѣдать другой лѣсъ, или идутъ на какой-нибудь другой „оборотъ“, тоже всегда съѣдающій что-нибудь живое: скотъ, птицу, рыбу и т. д. Срубивъ, зарѣзавъ и продавъ,—подобный представитель капитала кладетъ деньги въ столъ и—пьетъ чай. Какіе надобно имѣть нервы, напримѣръ, хотя для того, чтобы присутствовать при рѣзнѣ двухъ тысячъ купленныхъ овецъ или свиней, т. е. при двухъ тысячахъ смертей и умѣть на каждую изъ этихъ смертей смотрѣть, только какъ на рубль, на рубль двадцать два съ четвертью и пр. „штука“,—а потомъ, продавъ все это и получивъ деньги, сидѣть и пить чай. Утвердившись съ своими „дѣлами“ на новомъ мѣстѣ, купецъ Кулаковъ безъ труда подчинилъ себѣ всю „округу“ и, кушая „со сливочками“ чай, получалъ деньги...

— Иванъ Иванычъ! Побойся Бога!—съ ранняго утра начинаетъ раздаваться въ передней его комнатѣ,—и возгласы такого рода продолжаются до ночи, когда прекращаютъ работы и полученіе хозяиномъ денегъ. Это „побойся Бога“ произносится самыми разнообразными голосами на тысячу ладовъ. То хрипитъ „побойся Бога“ старикъ, кашляетъ и охаетъ... То бодрымъ и свѣжимъ голосомъ поетъ его баба, со свѣжими щеками и веселымъ лицомъ... Иванъ Иванычъ— тоже съ ранняго утра до поздней ночи, не закрывая рта,

доказываетъ, что бояться ему нечего, что онъ не боится,—спокойно пьетъ чай, получаетъ деньги и опять пьетъ чай...

Только ночью, когда прекращается стукъ, грохотъ и гамъ толчеи, мельницы и паровика,—Иванъ Иванычъ, какъ тать, крадется среди сонныхъ рабочихъ женщинъ... Въ эту пору онъ очень похожъ на волка. Глаза у него горятъ, и онъ сулитъ платки и деньги...

Какъ ни были нужны деньги въ нашихъ мѣстахъ, но не сразу удалось ему пріучить народъ продавать свою честь, какъ продавалъ онъ ему свои силы, свой скотъ, свой хлѣбъ. Полный развратъ насталъ въ нашихъ мѣстахъ никакъ не ранѣе, какъ года черезъ три... Только къ этому времени женщины стали носить ситцевые сарафаны, а мужчины красныя рубахи. Только къ этому времени тѣ и другіе стали съ удовольствіемъ пьянствовать въ выстроенномъ Иваномъ Ивановичемъ трактирѣ, и только къ этому времени Иванъ Иванычъ, не боясь потерпѣть фіаско, могъ смѣло приглашать къ себѣ сосѣднихъ господъ, обѣщаясь „угостить“ ихъ какъ слѣдуетъ.

Глѣбъ Успенскій.

Въ негритянскомъ университетѣ.

VI.

Когда мой другъ, бостонскій проповѣдникъ, выразилъ недоумѣніе, почему негры не становятся соціалистами и анархистами, то это было, конечно, не изъ симпатіи къ кооперативнымъ идеаламъ Маркса или Бакунина. Для него соціализмъ и анархизмъ (и какъ типичный американецъ, онъ врядъ ли сознавалъ, какая разница между тѣмъ и другимъ) являлись лишь олицетвореніемъ человѣческаго отчаянія и безнадежности, и поэтому то негритянскому населенію на югѣ оставался, по его мнѣнію, одинъ этотъ исходъ.

Дѣйствительно, для тупого, безнадежнаго отчаянія въ положеніи негра имѣется много данныхъ. Не знаю, однако, найдется ли сотня негровъ на всю Америку, которые настолько освоились съ соціализмомъ, чтобы въ немъ искать утѣшеніе отъ фактовъ дѣйствительности. Небольшая сравнительно группа послѣдователей Дю-Бойса, несмотря на свою рѣшимость бороться, располагаетъ такими негодными средствами борьбы, что у нея также часто опускаются руки. Остается лишь бодрая, оптимистическая проповѣдь Букера Вашингтона и его дѣятельность. Но экономическій подъемъ милліонной нищеты въ рамкахъ существующаго такой медленный процессъ, и факты современной жизни такъ противорѣчатъ напускному оптимизму Вашингтона, что наврядъ ли его философія можетъ служить источникомъ утѣшенія, за исключеніемъ развѣ преуспѣвающихъ негровъ; ибо—такова уже наша жизнь, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ, жестокостяхъ, несправедливостяхъ негру-банкиру, или богатому фермеру живется все же сравнительно недурно, какъ можно жить въ чертѣ богатому еврею.

Но какъ спасается отъ отчаянія и безумной злобы негритянская масса? Она находитъ утѣшеніе въ религіи, какъ находилъ его старый дядя Томъ, герой знаменитаго романа Бичеръ-Стоу.

За столомъ въ Atlanta University каждая трапеза начиналась молитвой, и каждый ужинъ кончался пѣніемъ гимновъ. Молитвой начинался каждый митингъ, вообще каждое дѣло. Когда я по

этому поводу выразилъ свое удивленіе Дю-Бойсу: «не слишкомъ ли уже много у васъ религіи?»—онъ усмѣхнулся.

— Вы разсуждаете, какъ сѣверянинъ, и при томъ какъ бѣлый радикалъ. Въ южной жизни вообще, и среди негровъ въ особенности, церковь и религія играютъ огромную роль... Но вы замѣчаете, что наша религіозная жизнь здѣсь сдержана, мы совершенно не поощряемъ религіознаго экстаза, религіозной истерики, частаго и, несомнѣнно, вреднаго явленія въ нашей расѣ.

— Да, знаете и мнѣ,—вмѣшалась miss Ware,—иногда кажется, что на нашихъ негровъ церковь и религія ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ, хотя я сама глубоко вѣрующій человѣкъ. Среди нихъ такая масса различныхъ сектъ и вѣроисповѣданій: повѣрите ли, въ одной Атлантѣ около 75 негритянскихъ церквей.

— Семьдесятъ пять церквей!—воскликнулъ я,—семьдесятъ пять пасторовъ, и семьдесятъ пять зданій. Да вѣдь это требуетъ гигантскихъ затратъ.

— Я съ miss Ware никогда не соглашаюсь по этому вопросу,—мягко возразилъ Дю-Бойсъ.—Большое число церквей я считаю плюсомъ, а не минусомъ. 75 церквей—это 75 клубовъ, 75 центровъ, можетъ быть, только потенціальныхъ, для распространенія культуры среди негровъ. Что у нихъ есть, кромѣ церквей? А изъ церкви разростаются у насъ всѣ формы благотворительности, всѣ формы коопераціи.

— Хотите посмотрѣть на настоящую негритянскую церковь стараго типа,—предложила miss Ware, когда мы распрощались съ Дю-Бойсомъ. — Тогда вы сами увидите, что такое она представляетъ. Кстати, недалеко отъ университета имѣется одна такая небольшая церковь, и тамъ каждый вечеръ происходятъ Revival meeting.

Revival meeting это—религіозныя собранія менѣе формальныя, чѣмъ службы, и имѣющія цѣлью возбужденіе религіознаго экстаза и массовое спасеніе погибающихъ душъ. Мнѣ приходилось присутствовать при revival meeting, собиравшихъ 10—15 тысячъ человѣкъ, и видѣть непонятную для человѣка съ раціоналистическимъ мышленіемъ эпидемію религіознаго экстаза, которую вызывалъ проповѣдникъ простой безыскусственной рѣчью и красивымъ пѣніемъ гимновъ. Но понемногу я начиналъ понимать психологію толпы, и въ особенности психологическое воздѣйствіе обстановки, свѣта, хора, органа, красивыхъ и трогательныхъ гимновъ.

Я, конечно, принялъ приглашеніе идти на негритянскій revival.

Изъ небольшой кирпичной церкви, футовъ 75 въ ширину и 50 въ длину, лился тусклый свѣтъ и неслись адскіе крики,—точно тамъ пытали души грѣшниковъ. Когда мы нѣсколько вслушались въ крики, то сумѣли разобрать нѣкоторый ритмъ и поняли, что эти крики были пѣніемъ гимновъ. Войдя въ церковь, мы были поражены, найдя ее почти пустой. Прихожанъ было всего

два-три, а крики или пѣніе исходили изъ глотки проповѣдника.

Нищенская обстановка, особенно печальная, въ виду сильно развитого эстетическаго чувства негровъ. Простыя деревянныя скамейки и нѣсколько поломанныхъ стульевъ, некрашенныя стѣны, деревянный, необдѣланный потолокъ; 3 — 4 простыя, дешевыя керосиновыя лампы освѣщали эту грустную картину. Проповѣдникъ,—гигантскій негръ, дѣйствительно негръ, черный, какъ вычищенный сапогъ,—въ длинномъ черномъ сюртукѣ, парадномъ бѣломъ галстухѣ, но очень обтрепанныхъ штанахъ, оставивъ амвонъ, сидѣлъ на одномъ изъ стульевъ и пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ гимны. Онъ смотрѣлъ въ молитвенникъ, но за все время службы ни разу не перевернулъ страницы,—я очень сомнѣваюсь, умѣлъ ли онъ читать. Слова гимновъ были мнѣ знакомы, но мотивъ былъ какой то особенный. Я скоро убѣдился, что онъ всѣ гимны пѣлъ, вѣрнѣе, рычалъ страшнымъ, могучимъ голосомъ, на одинъ мотивъ. Это было нѣчто вродѣ гаммы; голосъ его періодически подымался и понижался. Минутъ черезъ пять этотъ голосъ начиналъ оказывать какое то гипнотическое вліяніе, начинало казаться, что я уже годы сижу на этой скамьѣ, и еще годы буду сидѣть и все слышать то же самое пѣніе. Гимны отъ времени до времени прерывались восклицаніями: Oh Lord! — God help us! — Come to Jesus! — Oh, save us!

Наше появленіе нѣсколько сконфузило проповѣдника, но онъ скоро оправился; и каждый разъ, когда отворялась дверь и появлялся негръ или негритянка, его голосъ крѣпчалъ, и пѣніе становилось громче.

Я сталъ наблюдать публику. Нѣкоторые оставались совершенно безучастными. Они сидѣли, глядя прямо передъ собой, съ тупымъ выраженіемъ сверкающихъ бѣлковъ и поневолѣ возбуждали вопросъ, зачѣмъ мы пришли. Но другіе понемногу оживлялись. Негритянки подпѣвали пискливымъ фальцетто, негры помогали низкимъ басомъ. Кое у кого изъ глазъ брызгали слезы.

Но болѣе активное участіе присутствующіе стали принимать во второй части службы. Когда проповѣдникъ усталъ и совсѣмъ охрипъ, онъ сталъ вызывать добровольцевъ произнести молитву-экспромтъ (обычный методъ англиканскихъ реформаторскихъ церквей), публика начала коситься на насъ, очевидно, чувствуя въ насъ постороннихъ зрителей, нарушающихъ гармонію религіознаго настроенія. Но проповѣдникъ ободрялъ ихъ самымъ незамысловатымъ способомъ, т. е. повторяя опять безчисленное количество разъ: Come to Jesus, my brotlis! Come to Jesus, my sistes. He will save qou, he will save qou. O, Lord! O, Lord! *)

*) Приди ко Христу, мой братъ, приди ко Христу, сестра! Онъ спасетъ васъ, Онъ спасетъ васъ! О Господи, О Господи!

И понемногу эти безхитростныя слова начинали оказывать вліяніе. Одинъ за другимъ стали подыматься негры и негритянки и, подходя къ проповѣднику, бросались на колѣни и съ горькими слезами и всхлипываніями произносили молитву. Чего, чего здѣсь не было! Менѣе изобрѣтательные отдѣлывались молитвой «Отче нашъ», при чемъ находились и такіе, которые никакъ не могли вспомнить словъ и вынуждены были повторять ихъ за проповѣдникомъ. Другіе импровизировали: тутъ были и жалобы, и просьбы, и совсѣмъ безсвязный наборъ словъ,—все произносилось речитативомъ, съ плачемъ, и чуть ли не воемъ. Отличилась особенно одна молодая негритянка,—судя по одеждѣ, кухарка или прачка. Она долго и жарко молилась, и когда мы вслушались въ ея мелодичный рѣчитативъ, то поняли, что она молится за спасеніе души ея молодого брата, парня лѣтъ 18, котораго заковали въ кандалы за какую то мелкую кражу.

Интересно было наблюдать эти проявленія религіознаго экстаза, но въ то же время становилось и жутко, и больно за эту темную массу, которая приходила въ церковь съ такимъ запасомъ глубокаго религіознаго чувства и получала отъ церкви такъ мало. Картина была приблизительно такая же, какъ если бы гдѣ-нибудь въ русской глуши священникъ задался цѣлью поощрять кликушество.

И это тягостное впечатлѣніе только усиливалось, когда, наконецъ, проповѣдникъ взошелъ на амвонъ, чтобы прочесть свою проповѣдь. Присутствіе трехъ бѣлыхъ его очень сконфузило. Я чувствовалъ, что изъ жалости къ нему слѣдовало бы уйти, но мнѣ слишкомъ любопытно было прослушать настоящую негритянскую проповѣдь, — и мы остались. Старикъ очень подробно объяснилъ, что онъ не регулярный пастырь церкви, что священникъ не могъ придти, и онъ лишь его замѣститель, что поэтому онъ, конечно, не краснорѣчивый ораторъ и, конечно, бѣлые друзья ему простятъ немудрую проповѣдь и т. д., и т. д. И потомъ онъ заговорилъ, вѣрнѣе—зарычалъ.

Онъ нашелъ гдѣ-то текстъ «God kunos!»—«Богъ знаетъ»... Если бы я записалъ его рѣчь, которая длилась болѣе получаса, то она заняла бы страницъ десять. Но пять состояли бы изъ безчисленныхъ повтореній этой фразы: God kunos! He kunos! Yes, he kunos! Остальное было буквально бредомъ горячечнаго. Были какіе-то намеки на богатыхъ лысыхъ людей, у которыхъ кареты, дома и милліоны (при чемъ онъ очень пристально смотрѣлъ на насъ) и на бѣдныхъ негровъ, вынужденныхъ красть курицу, чтобы имѣть супъ въ воскресенье, — но что онъ именно сказать хотѣлъ, было очень трудно догадаться. Ясно было лишь одно: проповѣдникъ былъ убѣжденъ, что Богъ все знаетъ, и этого ему было достаточно. Очевидно, удовлетворяло это сознаніе и публику, которая внимательно прислушивалась къ про-

повѣди, иногда прерывая ее глубокимъ вздохомъ или восклицаніемъ: Oh, Lord! oh, Jesus!

По окончаніи проповѣди ораторъ заявилъ, что будетъ сборъ пожертвованій на благо церкви, и что дьяконъ обойдетъ публику съ тарелкой. Потому ли, что онъ и былъ дьяконъ, или же потому, что боялся довѣрить дьякону, онъ немедленно сошелъ съ амвона и, минуя всю публику, подошелъ прямо къ намъ, протянулъ огромную закорузлую руку почти бѣлой ладонью вверхъ и, глядя вверхъ не то къ небу, не то къ закоптѣлымъ лампамъ, проговорилъ: «На керосинъ для лампъ пожертвуйте!» Мы пожертвовали, и два гривенника мгновенно опустились въ огромный карманъ. Уже выходя, miss Ware шепнула, что это былъ чистый шантажъ, потому что по средамъ никакихъ сборовъ пожертвованій въ церкви не полагается.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно», поневолѣ вспомнился стихъ безсмертнаго поэта. Грустно, когда вспомнишь, что это была церковь въ центрѣ негритянской культуры, и что 8 или 9 милліоновъ негровъ, живущихъ на фермахъ, питаются духовной пищей еще болѣе низкаго качества, дѣлаются жертвами еще менѣе сдержанной религіозной истеріи.

VII.

Чѣмъ можетъ быть церковь, не только негритянская, но и всякая церковь вообще—въ этомъ я успѣлъ убѣдиться также въ Атлантѣ, посѣтивъ въ воскресенье вечеромъ негритянскую конгрегаціональную (congregational) церковь, извѣстную далеко за предѣлами Атланта, какъ блестящій примѣръ успѣха идеи «институціональной» церкви.

Что такое «институціональная» церковь (institutional church)? Уяснить эту идею всего легче изъ описанія посѣщенной нами церкви.

Огромное и изящное зданіе въ мавританскомъ стилѣ. По широкой лѣстницѣ мы поднимаемся въ главный залъ церкви. Изящный амфитеатръ и галлерея вмѣстѣ вмѣщаютъ до полторы тысячи человѣкъ. Удобныя скамейки сдѣланы изъ дуба, окрашеннаго въ черный свѣтъ. Красивые красные половики изящно выдѣляются на каменномъ полу. Весь залъ буквально залитъ свѣтомъ изъ огромной электрической люстры и массы электрическихъ лампочекъ, разбросанныхъ повсюду; даже слишкомъ много свѣта. Просторная платформа для амвона, на которой могутъ помѣститься три-четыре человѣка. Позади амвона, въ стѣнѣ, купель. Надъ амвономъ на балконѣ великолѣпный, хотя и не очень большой, церковный органъ; по обѣимъ сторонамъ органа галлереи для хора.

Словомъ, церковь внутреннимъ видомъ напоминаетъ лучшій

типъ церкви весьма состоятельной общины, а не негритянской нищеты. Но молитвенный залъ далеко не главная часть церкви, даже не насущная часть ея. Это подчеркиваетъ молодая секретарша пастора, невысокая, коричневая дѣвица, одѣтая просто, но чрезвычайно изящно и со вкусомъ, и великолѣпно говорящая по-англійски; когда она узнаетъ, что мы—гости Atlanta university, приглашенные къ commencement'у (т. е. къ акту), она спокойно даетъ намъ понять, что она тоже получила университетское образованіе. Манеры у нея вполнѣ благовоспитанной американки,—ни заносчивости, ни подобострастія. На просьбу miss Ware показать мнѣ все то, что дѣлаетъ церковь, она беретъ связку ключей и ведетъ меня въ нижній этажъ.

По дорогѣ она объясняетъ мнѣ, что institutional church—обозначаетъ церковь, поддерживающую различныя учрежденія (institutions). Всѣ эти учрежденія помѣщаются въ нижнемъ этажѣ. Тутъ находится библіотека въ 2—3000 томовъ, огромная классная комната для обученія дѣтей, гимнастическій залъ съ аппаратами для игръ и упражненій, спеціальныя комнаты для обученія молодыхъ дѣвушекъ шитью, варкѣ пищи, вообще домашнему хозяйству, ванная и душъ и т. д.

Странно присутствіе всѣхъ этихъ аппаратовъ и приспособленій въ зданіи церкви, — странно для непривычнаго человѣка. Но секретарша мнѣ объясняетъ, что ничего въ этомъ страннаго нѣтъ,—это лишь практическое примѣненіе идеи, что религія должна быть для человѣка не формальной, отвлеченной идеей, а живой силой, что она должна принимать въ соображеніе реальную жизнь со всѣми ея требованіями и стараться отвѣчать, удовлетворять имъ. Такая «институціональная» церковь превращается въ культурную силу.

Я присутствовалъ и при службѣ, которую велъ, за отсутствіемъ негритянскаго пастора, мой бостонскій другъ по приглашенію. Молодая дѣвушка чудно играла на органѣ, большой хоръ обладалъ бархатными голосами,—въ музыкальности негровъ не усомнится и злѣйшій ихъ врагъ. Публика была все чистая, женщины даже нарядно одѣты и... я долженъ признаться—очень черныхъ лицъ было мало. Публика держалась чинно, внимательно слушала вполнѣ шаблонную проповѣдь бѣлаго пастора. Какъ духовникъ консервативной епископальной церкви, онъ не выбралъ живой соціальной темы, а доказывалъ, что Іисусъ своею жизнью доказалъ существованіе Бога. Очевидно, бѣлый пасторъ не понялъ характера и замысла болѣе радикальной церкви и кормилъ своихъ слушателей теологіей. Не было, однако, ни молитвъ экспромтомъ, ни истеріи, ни кликушества.

При выходѣ изъ церкви, меня познакомили съ высокой, худой дамой лѣтъ 40—45, одѣтой въ черное,—одной изъ наиболѣе энергичныхъ работницъ для этой церкви и вообще въ общинной жизни

негритянской массы. Едва ли нужно говорить, что въ жилахъ мистриссъ Гринъ течетъ, по крайней мѣрѣ, $^3/_5$ бѣлой крови. Цвѣтъ лица характеренъ, но черты лица европейскія. Мы разговорились о церкви.

— Прихожане, очевидно, принадлежатъ къ лучшему классу негровъ города,—замѣтилъ я.—Я сужу по одеждѣ.

— Да,—согласилась г-жа Гринъ,—къ намъ ходитъ наиболѣе образованная часть негритянскаго общества, хотя мы стараемся привлечь и массу. Вѣдь для нея-то и необходимы всѣ эти учрежденія. И у насъ есть много бѣдныхъ, простыхъ негровъ. Вы не должны судить слишкомъ по одеждѣ. Во-первыхъ, у нашей расы есть сильное стремленіе пощеголять, пріодѣться, и потомъ это же воскресенье вечеромъ, когда мы одѣваемся лучше, идя въ церковь.

По произношенію, въ которомъ исчезло все типически негритянское, и по подбору словъ я видѣлъ, что г-жа Гринъ женщина съ довольно широкимъ образованіемъ, и что отъ нея можно узнать много интереснаго.

— Да, но ваша церковь, несомнѣнно, церковь буржуазнаго класса. Вѣдь сколько стоило построить такое роскошное зданіе, сколько стоитъ содержать его.

— Но какой же у насъ буржуазный классъ, — возразила моя собесѣдница. — Я думаю, у насъ во всей Атлантѣ едва ли наберется 10 негритянскихъ семей съ доходомъ въ 2000 долларовъ. Въ нашей средѣ семья, зарабатывающая около 1000 долларовъ въ годъ, уже считается зажиточной; а это вѣдь обыкновенный бюджетъ хорошаго американскаго работника. Не знаю, есть ли въ Атлантѣ 20 негритянскихъ семей, держащихъ прислугу. Вы знаете, кто составляетъ наше общество, нашу аристократію: двое директоровъ нашихъ школъ, торговцы бакалейнымъ товаромъ, почтальоны, получающіе 700—800 долларовъ въ годъ, да нѣсколько врачей и адвокатовъ.

— На какія же средства вы сумѣли выстроить такую великолѣпную церковь?—удивился я.

— Такъ развѣ это наши деньги?—улыбнулась г-жа Гринъ.— Гдѣ ужъ намъ. Нѣтъ, это финансовый геній нашъ, пасторъ Прокторъ. Онъ умѣетъ собирать пожертвованія на сѣверѣ, въ Бостонѣ и другихъ городахъ, гдѣ у негритянской расы осталось еще нѣсколько друзей. Да онъ и теперь тамъ, въ Бостонѣ, и, конечно, съ той же цѣлью. Развѣ вы не замѣтили на двери каждой комнаты и чуть-ли ни на каждомъ кускѣ мебели имена и адреса? Это все имена жертвователей, подарившихъ обстановку той или другой комнаты. Правда, это рекламный методъ, но, очевидно, Прокторъ понимаетъ человѣческую душу. Этотъ методъ помогаетъ.

— Но при всей щедрости нашихъ сѣверныхъ друзей,—продолжала г-жа Гринъ,—эта церковь является для насъ тяжелымъ

бременемъ. Содержать ее приходится вѣдь намъ, и это стоитъ бѣшеныхъ денегъ. Мы устраиваемъ сборы, вечеринки, лоттереи. Въ особенности, наши женщины. О, вы не знаете насъ, негритянскихъ женщинъ! Мы—мученицы. Чего грѣха таить: еще въ сотняхъ тысячахъ семействъ негритянскій мущина, вчерашній рабъ, не сжился съ новой обязанностью содержать семью. Поэтому негритянская женщина еще чуть ли не въ большинствѣ случаевъ вынуждена содержать семью и себя, а часто еще и лѣнтяя-мужа. И все же она находитъ время для благотворительной, церковной и общественной работы. Девять десятыхъ нашихъ клубовъ и благотворительныхъ обществъ содержатся женщинами. И у рѣдкой прачки или служанки нѣтъ такого расхода на общественныя нужды. Возьмите хотя бы нашу церковь. Содержаніе всѣхъ этихъ учрежденій, школъ, клубовъ, библіотеки, гимнастическаго зала, жалованье пастору, двумъ ассистентамъ, отопленіе, освѣщеніе,—все это требуетъ большихъ средствъ. Нашъ бюджетъ доходитъ до 6000 долларовъ въ годъ. Для насъ это такія большія деньги! И эти средства добываются нами, женщинами. Повѣрите ли, что я уже шесть лѣтъ не шила себѣ новаго платья, хотя мужъ мой, желѣзнодорожный контракторъ, одинъ изъ наиболѣе состоятельныхъ негровъ въ городѣ! Въ этомъ году я рѣшила, что мнѣ необходимо новое платье, потому что уже прямо стыдно было въ церковь явиться? И у меня уже деньги были отложены. Но вотъ подвернулись новые расходы по церкви,—и деньги ушли, а я вотъ выстирала это старое платье.

Огромное преимущество новой негритянской церкви надъ старой слишкомъ очевидно, чтобы его отрицали даже южане, которые никогда не перестаютъ насмѣхаться надъ религіозной истеріей старой церкви и всегда приводятъ ее въ доказательство дикости негритянской расы. Но сами южане ничѣмъ не помогаютъ движенію въ пользу реформы негритянской церкви, во главѣ котораго стоятъ тѣ же, ненавистные югу, негритянскіе университеты. Движеніе это поэтому вынуждено опираться либо на благотворительность сѣвера, либо на нищенскія средства самихъ негровъ. И тутъ опять быстро богатѣющій югъ и, въ частности, еще быстрѣе богатѣющая Атланта являются въ непривлекательной роли попрошайки, паразита, потому что сѣверные благотворители, помогая церкви, помогаютъ содержать негритянскія воскресныя школы, киндергартены, библіотеки, т. е. выполняютъ функціи народнаго образованія въ Атлантѣ.

VIII.

Кстати, о библіотекѣ. Въ городской публичной библіотекѣ Атланты наиболѣе выпукло отразилось отношеніе бѣлаго юга къ негритянской расѣ, и все ханжество утвержденій юга, что негра на его уровнѣ удерживаетъ собственная некультурность.

О пользѣ или, вѣрнѣе, необходимости библіотекъ въ Америкѣ разсуждать такъ же безполезно, какъ въ Россіи писать диссертаціи о пользѣ стекла. Это общепризнанный трюизмъ.

Населеніе Атланты очень гордится своимъ зданіемъ городской библіотеки, дѣйствительно, роскошнымъ мраморнымъ храмомъ, на фасадѣ котораго среди именъ великихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ поэтовъ гордо красуется имя Андрю Карнеги. Карнеги, конечно, не поэтъ, но онъ пишетъ нѣчто еще болѣе цѣнное, чѣмъ безсмертныя поэмы—онъ пишетъ крупные чеки, при помощи которыхъ американскіе города строятъ себѣ роскошныя библіотеки. Атланта, какъ важный городъ, получила чекъ въ 250.000 долларовъ—подарокъ всему городу. Но Карнеги даетъ свои пожертвованія всегда съ условіемъ, а именно: городъ обязуется ассигновать ежегодно на содержаніе библіотеки сумму, равную десяти процентамъ пожертвованія, т. е. для Атланты бюджетъ библіотеки равенъ, по крайней мѣрѣ, 25,000 долларовъ—это городскія деньги изъ общихъ городскихъ средствъ. *И въ эту единственную городскую библіотеку, пожертвованную всему городу и содержащуюся на городскія средства, неграмъ входъ абсолютно запрещенъ!*

Такое запрещеніе бѣлая Атланта объясняетъ, конечно, нежеланіемъ сталкиваться съ неграми, необходимостью отказать имъ въ общественномъ равенствѣ; она отрицаетъ существованіе плана отрѣзать неграмъ доступъ къ книгамъ, къ просвѣщенію...

Когда Андрю Карнеги пожертвовалъ библіотеку Атлантѣ, негры возбудили вопросъ о своихъ правахъ. Они хотѣли, чтобы Карнеги вставилъ право негровъ пользоваться библіотекой въ свое условіе съ городомъ. Карнеги считается другомъ негритянской расы. Онъ дѣлалъ крупныя пожертвованія Букеру Вашингтону на его институтъ. Но Карнеги непремѣнно хотѣлось имѣть свое имя на зданіи городской библіотеки въ Атлантѣ, и когда городскія власти наотрѣзъ отказались даже обсуждать вопросъ о негритянскихъ правахъ, Карнеги заявилъ, что во внутренніе распорядки библіотеки онъ не считаетъ себя вправѣ вмѣшиваться. Было даже какое то обѣщаніе компромисса въ будущемъ. Но когда послѣ постройки главнаго зданія библіотеки Карнеги предложилъ городу 25,000 долл. на спеціальное негритянское отдѣленіе, которое должно было быть выстроено въ другой части города, но съ правомъ обмѣна книгъ съ центральной библіотекой, какъ это дѣлается во всѣхъ американскихъ городахъ, то Атланта отказалась, «за неимѣніемъ средствъ на содержаніе этого отдѣленія». Такова южная справедливость!

Карнеги пожертвовалъ свои 25,000 долларовъ Atlanta University и тѣмъ успокоилъ свою совѣсть. Благодаря этому инциденту, университетъ имѣетъ теперь очень порядочную библіотеку, но негритянское населеніе Атланты все же осталось безъ книгъ, потому что университетская библіотека въ 20—25 тысячъ томовъ со-

стоитъ поневолѣ изъ такихъ книгъ, которыя негритянской массѣ мало интересны.

Съ этимъ библіотечнымъ инцидентомъ связано имя Дю-Бойса, и связано такъ, что еще болѣе укрѣпило нелюбовь къ нему бѣлаго юга, какъ къ негру-нахалу, не знающему своего мѣста. Когда Дю-Бойсъ лѣтъ 6 тому назадъ напечаталъ свой шедевръ «Души черныхъ людей» (The Souls of Black Jolks), то экономная администрація городской библіотеки (не тратить же денегъ на покупку книгъ жителя Атланты) письмомъ попросила его пожертвовать экземпляръ въ пользу библіотеки. Дю-Бойсъ пожертвовалъ. А черезъ нѣсколько дней онъ намѣренно явился въ библіотеку, и его безъ всякихъ церемоній выпроводили вонъ, не смотря на его заявленіе, что онъ профессоръ мѣстнаго университета и авторъ нѣсколькихъ книгъ, пожертвованнымъ имъ въ библіотеку. Дю-Бойсу только этого и надо было. Онъ написалъ объ этомъ инцидентѣ въ нѣкоторыя сѣверныя газеты. Значительная часть сѣверной прессы комментировала этотъ фактъ съ возмущеніемъ. И за Дю-Бойсомъ укрѣпилась репутація человѣка, безцѣльно стремящагося портить *хорошія* отношенія между бѣлымъ и чернымъ югомъ. Такова судьба протестанта.

IX.

Раса пролетаріевъ! Раса нищихъ! За немногіе дни своего пребыванія въ университетѣ я успѣлъ убѣдиться, что г-жа Гринъ не преувеличила уровня бѣдности негритянскаго населенія Атланты. Въ одномъ городѣ, рядомъ другъ съ другомъ, даже тѣсно рядомъ, живутъ двѣ общины, и въ каждой приблизительно по 50.000 человѣкъ. Но въ каждой изъ нихъ совершенно различные уровни экономической жизни, точно мы стали бы сравнивать двѣ общины, живущія въ различныхъ частяхъ свѣта. И это несмотря на то, что одна община пользуется трудомъ другой и безсовѣстно эксплуатируетъ другую, несмотря на то, что вторая община настойчиво стремится подражать первой. Правда, между этими двумя общинами существуетъ и замѣтное различіе: негры принадлежатъ преимущественно къ классу прислуги и людей чернаго труда; бѣлые почти монополизируютъ торгово-промышленную дѣятельность и профессіи. Но бѣлая раса имѣетъ свой пролетаріатъ, а негритянская раса производитъ понемногу свою буржуазію. Можетъ быть, разницу мнѣ удастся иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ двѣ линіи, параллельныя другъ другу, обѣ идущія подъ тѣмъ же угломъ къ горизонту, но одна значительно ниже другой. Верхняя линія представитъ всѣ классы бѣлаго населенія, а нижняя — всѣ классы негритянской общины. На одной и той же высотѣ можно найдти и негровъ, и бѣлыхъ, но это будутъ представители разныхъ классовъ. Если же сравнить соотвѣтствующіе классы обѣихъ расъ,

то негры всегда окажутся на значительно болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ бѣлые.

Можетъ быть, наиболѣе рельефно выступаетъ эта разница въ негритянской буржуазіи и профессіональной интеллигенціи, особенно въ послѣдней. Оно и понятно: это самый молодой и поэтому неокрѣпшій классъ; его необычайность заставляетъ даже негритянскую массу относиться къ нему съ недовѣріемъ и лишаетъ его необходимой поддержки со стороны этой массы. Негритянскій врачъ и адвокатъ жалуются, что негръ предпочитаетъ враждебно ему настроеннаго бѣлаго врача или адвоката; негритянскій мясникъ или бакалейный торговецъ съ негодованіемъ смотритъ, какъ негры бѣгутъ къ его бѣлому конкуренту за покупками. Бѣлый врачъ или мясникъ третируютъ своихъ негровъ-кліентовъ en canaille и указываютъ на этотъ симптомъ, какъ на доказательство, что негры — низшая раса, совершенно игнорируя историческія причины отсутствія или, вѣрнѣе, слабости, рассовой сплоченности — потому что въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ линчеваній и погромовъ рассовое самосознаніе и солидарность стали быстро развиваться.

Каковы бы ни были причины, каково бы ни было вѣрное истолкованіе этой коньюнктуры, представьте себѣ общество, въ которомъ почтальонъ является аристократомъ! Далѣе, представьте себѣ положеніе небольшой интеллигенціи въ этомъ обществѣ, и вы поймете, какой моральной силой долженъ обладать человѣкъ, какъ Дю-Бойсъ, чтобы жить и работать въ этой средѣ и сохранить всю свою энергію.

За однимъ обѣдомъ стулъ Дю-Бойса оказался пустымъ. Извиняясь позже за свое отсутствіе, онъ объяснилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ другими членами факультета онъ приглашенъ былъ къ одному giocery man'у *), сынъ котораго выдержалъ экзаменъ въ университетѣ. Сынишка былъ лѣнтяй, и даже былъ разговоръ о томъ, чтобы онъ оставилъ университетъ. На радостяхъ въ виду успѣшнаго исхода экзаменовъ, благодарные родители пригласили профессоровъ къ себѣ. Профессоръ, извѣстный писатель, съ интернаціональной репутаціей, не посмѣлъ отказаться.

— Мы не можемъ наживать себѣ и университету враговъ. Онъ коммерсантъ и одинъ изъ важныхъ членовъ нашей общины. Мы не можемъ рисковать заслужить репутацію гордецовъ и снобовъ... А всего хуже,—прибавилъ онъ, мило улыбаясь,—что обѣда таки не дали, и я теперь голоденъ, какъ волкъ!

Изучая какое-нибудь нормальное экономическое явленіе, статистики обыкновенно избираютъ среднія величины, какъ наиболѣе удобныя для общихъ выводовъ. Но иногда много свѣта на проблему можетъ пролить изученіе максимумовъ и минимумовъ. Такимъ

*) Содержатель giocery, розничной торговли фруктами, мясомъ и вообще бакалейнымъ и колоніальнымъ товаромъ.

максимумомъ въ общемъ уровнѣ жизни негритянской буржуазіи и интеллигенціи явился банкетъ, данный администраціей университета выпускному классу, всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ университета и почетнымъ гостямъ. То, что я теперь пишу, нѣсколько похоже на сплетни: обсуждать хозяина, пригласившаго васъ на званый обѣдъ, въ особенности же обсуждать качество подававшейся пищи въ Америкѣ считается моветономъ. Но, во-первыхъ, мои хозяева по русски не читаютъ, и никогда поэтому не узнаютъ о совершенномъ мною нарушеніи законовъ приличія, а во-вторыхъ, этотъ банкетъ представляетъ такой интересный бытовой матеріалъ, что игнорировать его было бы непростительно съ точки зрѣнія профессіональнаго журналиста.

Сколько объ этомъ банкетѣ говорили всѣ студенты и профессора, какъ упрашивали меня остаться еще на день, чтобы принять участіе въ немъ, какъ огорчены были студенты младшихъ курсовъ, что по недостатку мѣста въ столовой имъ нельзя было принять участія, какими радужными красками расписывался этотъ банкетъ на слѣдующій день! И какое грустное чувство жалости и боли оставилъ этотъ банкетъ во мнѣ.

Можетъ быть, это и смѣшно. Но я поневолѣ вспомнилъ день акта въ Нью-Іоркскомъ университетѣ, когда я удостоился диплома. Я помню, какъ насъ пригласили въ одинъ изъ роскошнѣйшихъ ресторановъ Нью-Іорка, какъ мнѣ первый разъ пришлось надѣть фракъ, заплативъ два доллара за одинъ вечеръ, какъ любовался я на собственную фигуру во фракѣ, потому что смотрѣлъ совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ, какъ торжественна и празднична была обстановка, какой великолѣпный былъ ужинъ, какъ лились дорогія вина, какъ дымились дорогія сигары. О, я отлично помню всю проповѣдь Толстого противъ традиціоннаго празднованія Татьянина дня; и среди американскихъ студентовъ я, конечно, былъ пролетарій, да и не я одинъ. Но актовый день, окончаніе университета, дипломъ—все это было праздникомъ и заслуживало праздничной обстановки. Это былъ не нормальный standard of life, а максимумъ...

И вотъ при точно такихъ же условіяхъ собрались на праздникъ нѣсколько сотъ интеллигентовъ черной расы,—нѣсколько сотъ человѣкъ, имѣющихъ позади себя на американской землѣ пять или, можетъ быть, десять поколѣній, имѣющихъ поэтому больше правъ на всѣ блага, всѣ продукты американской цивилизаціи, чѣмъ я, непрошенный пришелецъ. И вотъ обстановка ихъ праздника—банкета.

Столы, украшенные бумажными цвѣтами. Передъ каждымъ приборомъ тарелка съ кускомъ ветчины и салатъ съ томатами. Послѣ салата и ветчины раскрашенное въ три яркія краски и отвратительное на вкусъ мороженое, дешевыя печенья и кофе. Если это былъ праздникъ, да еще праздникъ высшей буржуазіи и интеллигенціи, то каковы же должны быть будни, да еще будни массы.

Я не могу дѣлать вывода, что негритянская масса голодаетъ. Я успѣлъ, напр., убѣдиться, что въ университетѣ пища была удовлетворительная какъ качественно, такъ и количественно, хотя грубая и не особенно вкусная. Но какъ мало радости должно быть въ жизни людей, какъ мало свободныхъ денегъ, если такую жалкую трапезу называютъ «банкетомъ».

Во время банкета одинъ изъ ораторовъ прочелъ отчетъ о сборѣ пожертвованій въ пользу университета среди бывшихъ воспитанниковъ университета. Общество бывшихъ воспитанниковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ задалось цѣлью собрать спеціальный фондъ въ 10.000 долларовъ. Не знаю, сколько лѣтъ они уже собираютъ пожертвованія въ пользу этого фонда, но всего собрали, кажется, около одной тысячи. На послѣднемъ собраніи общества, предшествовавшемъ банкету, сборъ далъ около 30 или 40 долларовъ. Но по лицамъ присутствующихъ видно было, какую солидную сумму представляютъ эти 40 долларовъ. Списокъ пожертвованій начинался, помнится, двумя долларами и кончался 50 и 25 сентами.

Правда, негры, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ копятъ деньги. Такъ какъ умѣніе зарабатывать и копить деньги является въ Америкѣ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ пригодности какъ индивида, такъ и расы, то даже Дю-Бойсъ подчеркиваетъ этотъ фактъ въ эволюціи негра. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей онъ доказываетъ, что въ одномъ штатѣ Джорджіи негры, по отчетамъ податныхъ инспекторовъ, обладаютъ собственностью въ 25.000.000 долларовъ.

Но несмотря на эти 25.000.000 долларовъ, несмотря на всю проповѣдь и бережливости со стороны Букера Вашингтона, стоитъ только сравнить капиталы бѣлой южной буржуазіи и быстроту ихъ накопленія съ нищенскими средствами буржуазіи и интеллигенціи негритянской, чтобы понять всю тщетность надежды, возлагаемой негритянскими идеологами капитала на процессъ накопленія, какъ путь къ разрѣшенію негритянскаго вопроса.

X.

Какъ уже упомянуто, я отлично помню свою собственную commencement week (актовую недѣлю), хотя это было много лѣтъ тому назадъ. Я помню эту недѣлю безпрерывнаго заразительнаго, шумнаго веселья: балъ, банкетъ, раутъ, выставка, концертъ— чего, чего тамъ не было. А главное, была полная невозможность сократить буйный нравъ студентовъ, которые пускались на разныя отчаянныя выходки. И въ этой актовой недѣлѣ лишь концентрировалась вся жизнь американскаго студенчества—веселая, беззаботная, шумная и... нѣсколько вульгарная.

Еще больше этого веселья, беззаботности, шума и вульгарности

можно было бы ожидать среди негритянскихъ студентовъ. Негрофобы увѣряютъ,—и въ ихъ увѣреніяхъ, несомнѣнно, много правды,—что это отличительныя черты негритянской расы вообще. И, дѣйствительно, она гораздо жизнерадостнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько примитивнѣе кавказской.

Каково же было мое удивленіе, когда я за всѣ четыре дня не слыхалъ ни одного громкаго возгласа, не видѣлъ ни одного грубого жеста, ни одной мальчишеской выходки. Всѣ были серьезные, чрезвычайно вѣжливые, сдержанные. По временамъ на campus'ѣ собиралась кучка студентовъ и хоромъ пѣла чудныя негритянскія plantation songs—пѣсни плантацій — всѣ въ минорномъ тонѣ, скорбныя, жалобныя, какъ русскія народныя пѣсни. И пѣли эти пѣсни студенты не какъ нибудь, а умѣло: всегда въ числѣ ихъ оказывался одинъ дирижеръ, а теноры и басы немедленно раздѣлялись. Видно и слышно было, что музыка для нихъ не шутка, а серьезная потребность, и что они эти заунывные мотивы не только поютъ, но и чувствуютъ.

Одинъ изъ четырехъ дней все время шелъ проливной дождь. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ свой докладъ. Цѣлый день изъ небольшой студенческой сборной въ нашемъ зданіи неслись гармоничные звуки церковныхъ гимновъ, распѣваемыхъ хоромъ мужскихъ голосовъ съ акомпаниментомъ небольшого ручного органа.

Это—поскольку дѣло касается студентовъ. Студентки, конечно, вели себя еще степеннѣе. Онѣ помѣщались въ особыхъ коттеджахъ.

Появляясь въ столовой и выходя изъ нея черезъ особую дверь, студентки за столомъ вели себя очень свободно и непринужденно со студентами, но въ остальное время дня держались особо, гуляли попарно, и не было той свободы, какую мнѣ приходилось наблюдать въ сѣверномъ университетѣ съ совмѣстнымъ обученіемъ половъ.

При первомъ же удобномъ случаѣ я затронулъ этотъ вопросъ о необыкновенной сдержанности студентовъ въ моемъ разговорѣ съ Дю-Бойсомъ, и онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ этому вопросу.

— Вы замѣтили это?—заговорилъ онъ.—Я очень радъ. Неправда ли, интересное явленіе? И такъ оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной негритянской натурѣ. Повѣрите ли, мнѣ, занятому академику, приходится ихъ расшевеливать. Конечно, они теперь особенно сдерживаются. Почему? Потому что университетъ полонъ гостей и въ особенности бѣлыхъ гостей; они хорошо понимаютъ (и мы имъ постоянно разъясняемъ), что по ихъ поведенію будутъ судить не только ихъ, но и всю негритянскую расу.

Вы вѣдь знаете,—продолжалъ Дю-Бойсъ,—какія ужасныя выходки позволяютъ себѣ студенты большихъ сѣверныхъ университетовъ.

И весь свѣтъ улыбается на веселящихся мальчиковъ, а полиція боится арестовать ихъ за безпорядокъ. А у насъ за 10 лѣтъ моей связи съ университетомъ всего, кажется, было два-три непріятныхъ случая со студентами, которые набушевали въ городѣ,— такъ вѣдь какой скандалъ подымался каждый разъ, какіе упреки сыпались по адресу нашего университета и всей негритянской расы вообще! Какой нибудь незначительный эпизодъ разростается въ крупный инцидентъ и разносится по всей странѣ. Можете себѣ представить, какъ это отражается на интересахъ университета. Отсюда вѣчныя предостереженія студентамъ, и это, конечно, вліяетъ на ихъ настроеніе.

— Да и помимо этого чувства отвѣтственности за расу,— продолжалъ Дю-Бойсъ, грустно усмѣхнувшись,—уже самосохраненіе заставляетъ нашихъ студентовъ вести себя очень осторожно. Возьмите бѣлаго студента, который напроказилъ и даже серьезно. Во первыхъ, въ большинствѣ случаевъ полицейскій побоится его арестовать. Его отецъ, можетъ быть, вліятельный человѣкъ въ политикѣ; университетскія власти пользуются большимъ вліяніемъ и очень косо смотрятъ на арестъ студента. А если его уже арестовали, судья наложитъ небольшой штрафъ. Въ худшемъ случаѣ, если онъ пьянъ, то проведетъ ночь въ полицейскомъ участкѣ. А нашъ студентъ? Кто за него заступится? А за то, что онъ студентъ, т. е. интеллигентный и образованный негръ, къ нему относятся съ особой злобой и ненавистью и полисмэнъ, и приставъ, и судья—всѣ. И глядишь, за какую нибудь нелѣпую, невинную шутку его запрячутъ на мѣсяцъ въ тюрьму или въ кандалахъ сдадутъ въ работу контракторамъ. И погибъ человѣкъ.

— Впрочемъ,—опять заговорилъ Дю-Бойсъ,—есть еще одна причина, болѣе глубокая даже, чѣмъ тѣ, на которыя я указалъ. Негритянскій студентъ пока еще—исключительный, выдающійся молодой негръ. Рядовой негритянскій юноша еще не идетъ въ университетъ. И поэтому, какъ бы въ силу естественнаго подбора, у насъ пока наиболѣе серьезные студенты. Многіе изъ нихъ мыслящіе люди, задумывающіеся надъ вопросами общественными и политическими, преимущественно надъ вопросомъ о положеніи своей расы. А это, вы вѣдь знаете, къ оптимизму не можетъ предрасполагать.

«Какъ вамъ понравилось бы вѣчно быть вопросомъ, проблемой?»—спрашиваетъ Дю-Бойсъ въ одной изъ своихъ статей.—Это сознаніе, что онъ—проблема, не покидаетъ интеллигентнаго негра, какъ оно не покидаетъ интеллигентнаго еврея въ Россіи. Для человѣка съ кипучей энергіей и талантами Дю-Бойса это, можетъ быть, дѣлаетъ жизнь очень интересной, но это не можетъ уничтожить всей горечи. Поэтому интеллигентные негры и между собой, и съ чужими, и въ частныхъ разговорахъ, и при всякомъ общественномъ собраніи обсуждаютъ только негритянскій вопросъ. Они не

только рады развить вамъ свой взглядъ, но и допытываются вашего мнѣнія относительно настоящаго, хотятъ познакомиться съ вашими взглядами на будущее, просятъ совѣтовъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать,—въ особенности если только почувствуютъ въ васъ друга, или, по крайней мѣрѣ, не ослѣпленнаго негрофобствомъ врага.

Сначала это васъ конфузитъ. Вы даже конфузитесь произнести слово «negro», какъ конфузился, бывало, русскій человѣкъ обсуждать съ другомъ-евреемъ еврейскій вопросъ. Но скоро этотъ конфузъ у меня прошелъ, и я четыре дня говорилъ почти исключительно о негритянскомъ вопросѣ.

Впрочемъ, было одно исключеніе: г-жа Дю-Бойсъ. Въ ея изысканной холодной вѣжливости, въ ея красивыхъ и въ то же время злыхъ глазахъ такъ ясно сквозила рѣшимость не пускаться въ интимные разговоры, что я очень осторожно обходилъ въ бесѣдѣ съ нею всѣ щекотливые вопросы. Это было скучно, потому что приходилось ограничиваться почти исключительно о погодѣ, и это было досадно, потому что именно ея озлобленіе, о которомъ мнѣ даже намекали бѣлые обитатели университета, дѣлали ея психологію для меня особенно интересной. Даже по отношенію къ этимъ бѣлымъ членамъ небольшой колоніи у нея ясно видно было холодно-вѣжливое, очень недружелюбное отношеніе, въ то время какъ всѣ другіе представители обѣихъ расъ относились другъ къ другу весьма дружелюбно. Даже когда я заговорилъ о шедеврѣ ея мужа,—о поэмѣ въ прозѣ «Смерть первенца», въ которой описана смерть ея перваго ребенка, то и это не расшевелило ее. Она еще пуще нахмурилась, и я понялъ, что сдѣлалъ ошибку.

Только на третій день, послѣ многочисленныхъ, вполнѣ безцвѣтныхъ разговоровъ, въ которыхъ я всѣми силами старался не выказывать никакого особаго вниманія, а третировать ее, какъ всякую другую знакомую, — послѣ многихъ похвалъ ея, дѣйствительно, очень милой 8-лѣтней дочкѣ, сидя въ актовомъ залѣ, во время любительскаго спектакля, даннаго студентами, и заговоривъ съ ней о театрѣ и драмѣ, я, наконецъ, почти вынудилъ ее на болѣе интересный разговоръ.

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня о всѣхъ этихъ новыхъ пьесахъ?—вырвалось у нея.—Я вѣдь ни одной изъ нихъ не видала. Я уже года четыре, какъ не была въ театрѣ.

Я даже удивился, не догадавшись.—Почему же это? Вы хозяйствомъ вѣдь не занимаетесь?

— Да не въ хозяйствѣ дѣло; не пускаютъ насъ въ театръ, вотъ почему. То есть, пожалуй, это и не совсѣмъ вѣрно. Въ нѣкоторые театры насъ пускаютъ, но только на галлерею. Но, вы поймите, я жена профессора, мужъ мой извѣстный писатель, съ репутаціей не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, согласитесь, что, наконецъ, это неловко идти на галлерею, гдѣ грязно, шумно и собирается всякій сбродъ. Какъ ни какъ, мы должны помнить

о собственномъ достоинствѣ, о достоинствѣ университета. Лѣтомъ мы, правда, часто уѣзжаемъ на сѣверъ. Но и тогда мы забираемся въ деревню, въ глушь, да и вообще театровъ лѣтомъ нѣтъ. А зимой мужъ хотя часто ѣздитъ на сѣверъ читать лекціи, но мнѣ ѣхать съ нимъ не позволяютъ средства. И вотъ такъ живемъ, ни театровъ, ни концертовъ, ни общественной лекціи, ни выставки, ни библіотеки даже. Да и если отводятъ тебѣ мѣсто, то ты никогда не гарантированъ отъ какой-нибудь грубости, оскорбленія.

Г-жа Дю-Бойсъ замолчала и только болѣе напряженно сморщила свой высокій, оливковый лобъ. И это сознаніе принадлежности къ отверженной расѣ никогда, очевидно, не покидало ее.

Когда передъ отъѣздомъ я снялся въ одной группѣ съ Дю-Бойсомъ и президентомъ университета, она, наотрѣзъ отказалась присоединиться къ группѣ. Передъ отъѣздомъ я горячо упрашивалъ ее навѣстить насъ въ Вашингтонѣ, увѣрялъ ее, что прошу отъ имени жены, что жена непремѣнно пріѣхала бы со мной въ Атланту, если бы не ребенокъ,—словомъ, подчеркнулъ этимъ свое полное признаніе social equality—соціальнаго равенства—и г-жа Дю-Бойсъ вѣжливо благодарила и обѣщала, но я бы очень удивился, если бы она дѣйствительно сдержала слово.

Эту озлобленность ея на бѣлую расу всѣ объясняли тѣмъ, что ея мать была бѣлая женщина — очень рѣдкое явленіе среди мулатовъ,—и можетъ быть, это объясненіе было вѣрно. Но другой причиной, несомнѣнно, было то, что, будучи очень чувствительной страдалицей отъ негритянскаго вопроса, она не принимала активнаго участія въ его разрѣшеніи.

XI.

За единственнымъ исключеніемъ г-жи Дю-Бойсъ, всѣ говорили со мной исключительно о негритянскомъ вопросѣ и поэтому, хотя моя лекція была озаглавлена оффиціально «Social welfare among Russian Peasants», но я хорошо понялъ настроеніе своей аудиторіи и постарался дать то, что она ожидала, т. е. не столько лекцію о русскомъ крестьянинѣ per se, сколько урокъ, который человѣкъ, заинтересованный въ негритянскомъ вопросѣ, можетъ вынести изъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Попутно я воспользовался случаемъ, чтобы выразить свой взглядъ на негритянскій вопросъ вообще.

Я касаюсь собственной лекціи не безъ нѣкотораго конфуза, потому что боюсь, какъ бы это не показалось актомъ мелкаго тщеславія. Но возможность исторической, психологической и экономической параллели между русскимъ крестьяниномъ и негромъ, несомнѣнно, окажется совершенно новой точкой зрѣнія для большинства читателей, и поэтому я не вижу, почему мнѣ не воспользоваться матеріаломъ этой лекціи для настоящей статьи.

Уже переводъ приведенной выше темы представляетъ много затрудненій. Social welfare work—сравнительно новая концепція американской общественной жизни. Эта концепція обнимаетъ цѣлый рядъ очень разнообразныхъ явленій и движеній, начиная съ госпиталей до университетскихъ поселеній, отъ воскресныхъ школъ до рабочаго законодательства. Этотъ терминъ можно, пожалуй, опредѣлить, какъ совокупность всѣхъ организованныхъ усилій, преимущественно частныхъ, не правительственныхъ, къ улучшенію соціальныхъ условій существованія американской массы,—посредствомъ реформъ, а не революціи. Въ этомъ отрицаніи революціи основная особенность social welfare work, которую ея адепты любятъ подчеркивать, чтобы отграничить себя отъ соціалистовъ. Но если крайнихъ радикаловъ этого лагеря отъ соціализма отдѣляетъ только это отрицаніе революціи, то среди консервативныхъ, болѣе умѣренныхъ группъ частная благотворительность считается даже выше законодательныхъ реформъ. Вообще переоцѣнка возможныхъ результатовъ такой этической дѣятельности безъ соображенія съ желѣзными законами экономической дѣйствительности представляетъ отличительную черту social welfare work.

Среди негровъ для такой работы поле очень широкое, но работниковъ очень мало. Бѣднота требуетъ прямой благотворительной работы, невѣжество требуетъ педагогической работы, низкій уровень моральныхъ семейныхъ устоевъ требуетъ работы воспитательной, а неумѣніе работать требуетъ техническаго обученія. Отчаянно низкій standard of life требуетъ политическихъ мѣръ. Словомъ, поскольку дѣло касается возможныхъ методовъ приложенія гуманистическаго усердія, между американскимъ негромъ и русскимъ крестьяниномъ много общаго.

Но предложеніе энергіи гораздо ниже спроса. Собственной интеллигенціи у негровъ до смѣшного мало. А что касается до бѣлой интеллигенціи, то она дала очень немного. Мѣстная, южная интеллигенція не только не удѣляетъ ни малѣйшей доли своей энергіи, но даже относится съ самой свирѣпой нетерпимостью ко всякому бѣлому человѣку, посвящающему себя культурной работѣ среди негровъ, какъ, напр., бѣлые профессора Atlanta University. Подъ вліяніемъ этого отношенія и въ виду охлажденія сѣвера къ судьбѣ негровъ, такихъ бѣлыхъ людей становится все меньше и меньше.

Тѣмъ съ большей гордостью Дю-Бойсъ цитируетъ статистическія доказательства роста такой культуртрегерской работы собственными силами негровъ.

Благодаря сходству многихъ условій существованія американскихъ негровъ и русскихъ крестьянъ, естественно желаніе Дю-Бойса узнать, какъ разрѣшается вопросъ о social welfare work въ Россіи. Задача, какъ видите, мнѣ предстояла не легкая, уже потому, что основная точка зрѣнія русской интеллигенціи на сущность

соціальныхъ вопросовъ и методы ихъ разрѣшенія совершенно другая, въ особенности за послѣднія 15—20 лѣтъ. Я поэтому предпочелъ посвятить значительную часть своей лекціи общей «параллельной характеристикѣ» (какъ говорили въ добрыя гимназическія времена) негра и мужика. Я указалъ на сходство аргументаціи въ защиту рабства, при чемъ отмѣтилъ тѣ сближающія обѣ группы черты, на основаніи которыхъ въ Америкѣ упрочилось ученіе о негрѣ, какъ о низшемъ существѣ, въ то время, какъ въ Россіи, благодаря расовому единству рабовладѣльца и раба, такое ученіе не могло укрѣпиться. Такъ, я отмѣтилъ высокую смертность русской деревни, потому что даже высокая смертность негра въ Америкѣ ставится ему въ счетъ, какъ расовая особенность; отмѣтилъ, что русскаго мужика такъ же обвиняютъ въ безпеченности, суевѣріяхъ и лѣни, какъ и негра, если въ Америкѣ—указывалъ я—негритянскій фермеръ уступаетъ въ земледѣльческомъ искусствѣ итальянскому эмигранту, то русскій крестьянинъ оказывается въ такомъ же отношеніи къ нѣмецкому колонисту; и если негръ, мѣняя ферму на городское занятіе, оказывается менѣе успѣшнымъ работникомъ, чѣмъ старый и опытный американскій или нѣмецкій рабочій, то опять таки и русскій рабочій уступаетъ по своей производительности и умѣнію рабочему нѣмецкому или англійскому. У обоихъ замѣчается та же склонность къ излишеству въ употребленіи алкогольныхъ напитковъ, и даже та же чрезмѣрная свобода въ половыхъ отношеніяхъ. Самая замѣтная разница въ психологіи русскаго крестьянина и американскаго негра заключается въ томъ, что русскій крестьянинъ чрезвычайно бережливъ, почти скупъ, въ то время какъ негръ крайне расточителенъ и легкомысленъ. Но эта, якобы расовая, разница въ психологіи очень легко объясняется разницей въ экономическихъ условіяхъ русскаго крѣпостничества и американскаго рабства: русскій крѣпостной, несмотря на отсутствіе воли, все же былъ экономически самостоятельной величиной, а негръ-рабъ былъ собственностью и не имѣлъ никакихъ экономическихъ правъ.

Переходя отъ этой параллельной характеристики къ сравненію характера social welfare work среди русскаго крестьянства и американской негритянской массы, я указалъ, что чувство долга интеллигенціи передъ народомъ, которое теперь только начинаетъ развиваться въ Америкѣ, было знакомо Россіи еще 40—50 лѣтъ тому назадъ, но это чувство выливалось въ болѣе широкія формы. Идеализація малыхъ дѣлъ замѣчалась и среди русской интеллигенціи, но лишь въ пору реакціи. Въ эпоху же подъема хожденіе въ народъ (форма social welfare work) отливалось въ форму агитаціи и пропаганды, которой такъ боятся американскіе реформисты. Умственное и политическое развитіе массы считалось гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ обученіе манерамъ; пробужденіе политическаго самосознанія этой массы предпочиталось проповѣди бережли-

вости и половой морали, и уже, конечно, ни во что не ставился экономическій подъемъ отдѣльныхъ лицъ на счетъ массы, въ то время какъ консервативные элементы среди негритянскихъ культуртрегеровъ именно напираютъ на огромное значеніе такихъ единичныхъ успѣховъ. Разница между русскимъ и американскимъ social welfare work выражается именно въ томъ, что первые считаютъ необходимымъ для улучшенія условій существованія массы методы соціальные и политическіе, тогда какъ въ Америкѣ среди негровъ, какъ и среди бѣлыхъ, культурники сознательно пренебрегаютъ политическими реформами и слишкомъ много надеждъ возлагаютъ на свою мелкую, кропотливую работу съ отдѣльными личностями. Въ особенности же важны политическія мѣры для политически безправнаго элемента, какимъ являются негры. Дѣйствительные культуръ-трегеры не должны бояться разжигать въ негритянской массѣ чувства недовольства.

Я изложилъ здѣсь главныя нити своего доклада. Надо сказать, что среди радикальной негритянской интеллигенціи, группирующейся вокругъ Atlanta University, эта точка зрѣнія пріобрѣтаетъ много послѣдователей. Если бы на моей лекціи присутствовали южные бѣлые джентельмэны, то я увѣренъ, что мнѣ не удалось бы уберечься отъ грубаго насилія. Но, къ счастью для моей шкуры, если не для моихъ идей,—бѣлая Atlanta совершенно игнорируетъ черную интеллигенцію и ея духовную жизнь. За то въ аудиторіи были всѣ сливки негритянской интеллигенціи. Присутствовавшіе горячо благодарили меня, какъ за сочувственное отношеніе къ ихъ стремленіямъ, такъ и за ту нравственную поддержку, которую даетъ имъ примѣръ русской интеллигенціи.

— Вы не можете представить себѣ, какое значеніе имѣетъ для меня ваша лекція,—говорилъ мнѣ директоръ Atlanta Baptist College (коллегіи, содержимой на средства церкви баптистовъ), человѣкъ лѣтъ 40, съ симпатичнымъ серьезнымъ лицомъ и такой малой примѣсью негритянской крови, что даже я, при всемъ своемъ опытѣ, не былъ увѣренъ, негръ онъ или нѣтъ.—Ежегодно у меня въ коллегіи кончаютъ курсъ 15—20 молодыхъ людей. Всѣ они у меня спрашиваютъ совѣтовъ и указаній, что дѣлать, за что взяться. Я очень энергично проповѣдую идеалъ social work—культуртрегерской работы, и вообще служенія обществу: въ результатѣ большинство ихъ, дѣйствительно, идетъ въ деревенскіе учителя, въ духовенство, и знаете, у меня начинали появляться сомнѣнія, не слишкомъ ли я злоупотребляю своимъ вліяніемъ, имѣю ли я нравственное право толкать ихъ на этотъ путь, обѣщающій имъ лично такъ мало матеріальныхъ благъ. Если бы они пошли въ профессіи, въ коммерцію, то матеріально устроились бы гораздо лучше. А тутъ еще Букеръ Вашингтонъ со своей проповѣдью матеріальнаго прогресса, съ его категорическимъ заявленіемъ, что онъ цѣнитъ негра лишь по размѣрамъ его текущаго счета въ

банкѣ... Вѣдь, если меня по такой мѣркѣ оцѣнить, то, куда же я гожусь? Самый, что ни на есть, негодный негръ. И поэтому то меня заинтересовало и ободрило то, что вы сказали о долгѣ интеллигенціи народу, и о томъ, какъ усердно русская интеллигенція стремилась платить этотъ долгъ.

Президентъ университета Ware, его сестра и многіе изъ бѣлыхъ преподавателей въ коллегіи заинтересовались другой частью моего доклада, а именно проведенной мной параллелью между психологіей русскаго мужика и американскаго негра.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ президентъ Ware,— какъ интересны эти параллели. Мы въ своей дѣятельности исходимъ изъ принципа, что разницы между расами нѣтъ, что всѣ дѣти одного Бога, но иногда даже въ моей душѣ закрадывается сомнѣніе. Все же они выказываютъ нѣкоторыя черты, которыя насъ удивляютъ и печалятъ. Я повторяю изо дня въ день и себѣ, и другимъ, что это результатъ вліянія среды, но это часто звучитъ апріорно. А ваши параллели—вѣдь это вѣское научное доказательство.

Если это говорилъ бѣлый человѣкъ, то среди негровъ многіе отнеслись къ мысли о сходствѣ психологіи двухъ бывшихъ рабовъ—мужика и негра—съ почти что ребяческой радостью.

XII.

Хотя большую часть времени, проведеннаго въ Атлантѣ, я пробылъ въ стѣнахъ негритянскаго университета, тѣмъ не менѣе— на ловца и звѣрь бѣжитъ—мнѣ удалось поговорить о негритянскомъ вопросѣ съ южнымъ джентльмэномъ изъ лучшихъ классовъ и такимъ образомъ непосредственно познакомиться съ чисто южной точкой зрѣнія на негритянскій вопросъ.

Мой собесѣдникъ,—мы будемъ называть его мистеръ Смитъ, потому что онъ лишь типъ, имя же ему легіонъ,—человѣкъ очень культурный, съ университетскимъ образованіемъ, даже съ литератарными наклонностями. Мы начали съ самаго больного вопроса,— съ вопроса объ избирательномъ правѣ негра, и скоро сдержанный американскій джентльмэнъ уже очень горячился.

— Конечно, вамъ, сѣверянамъ, это смѣшно,—кричалъ онъ,—а поживите-ка здѣсь съ десятокъ лѣтъ, познакомьтесь поближе съ негритянскимъ населеніемъ, и тогда вы научитесь смотрѣть на него глазами южанина.

— Можетъ быть, можетъ быть!—поспѣшилъ я согласиться, ибо зналъ, что только такимъ образомъ добьюсь его откровенности.—Но напрасно вы меня считаете сѣверяниномъ; вы знаете, что я русскій, и, слѣдовательно, чужой. У меня нѣтъ предразсудковъ ни за, ни противъ негра. Вопросъ интересуетъ меня чисто объективно.

Я на югѣ впервые,—и ваша точка зрѣнія меня чрезвычайно интересуютъ. Такъ почему же именно негритянское право голоса должно погубить вашъ городъ?

— Когда вы познакомитесь съ негритянскимъ населеніемъ, то вы сами поймете,—нѣсколько смягчившись, отвѣтилъ Смитъ.—Развѣ эти дикіе, невѣжественные люди безъ всякихъ моральныхъ устоевъ, эти бездѣльники и воры могутъ разумно воспользоваться правомъ голоса?

— Чѣмъ же оправдывается такое рѣзкое мнѣніе?—допытывался я.—Я присматривался къ нимъ эти нѣсколько дней. Я видѣлъ массу тихихъ, скромныхъ, чисто и опрятно одѣтыхъ негровъ и негритянокъ, вполнѣ джентльменовъ и леди. Есть, вѣроятно, и среди нихъ преступные элементы, но вѣдь, несомнѣнно, многіе изъ нихъ вполнѣ приличные, трудолюбивые граждане. Не всѣ же живутъ кражами.

— Трудолюбивые граждане!—снова разсердился г. Смитъ.—Сейчасъ видно, что вы сѣверянинъ. Нѣтъ большаго лѣнтяя, чѣмъ негръ. Ему совершенно чужда жажда труда, свойственная англосаксонцу. Онъ работаетъ одинъ день и потомъ шляется по улицамъ цѣлую недѣлю.

— Я, конечно, не имѣю права не вѣрить вамъ. Но мое впечатлѣніе получилось такое, что здѣсь, въ вашемъ городѣ почти что одни негры и работаютъ. Они копаютъ землю, чинятъ вашъ желѣзнодорожный путь, прислуживаютъ въ вашихъ домахъ и ресторанахъ, брѣютъ вашу бороду и чистятъ ваши сапоги. Мнѣ едва ли приходилось видѣть въ вашемъ городѣ бѣлаго человѣка за тяжелой работой.

— Ну, конечно, негры работаютъ, потому что вынуждены работать. Но вѣдь они совершенныя дѣти. Какъ только у него завелся полтинникъ въ карманѣ, онъ сейчасъ же удираетъ. Его нельзя мѣрить на нашу мѣрку. Если бы онъ былъ человѣкъ, какъ вы или я, то развѣ африканская цивилизація находилась бы въ такомъ жалкомъ состояніи? Вы не должны упускать изъ виду, что онъ членъ низшей расы.

— Однако,—не уступалъ я,—вѣдь это нужно доказать. На одномъ лицевомъ углѣ вѣдь теперь не далеко уѣдешь. Антропологи отрицаютъ значеніе этого угла. Съ тѣхъ поръ, какъ за неграми признаны были нѣкоторыя человѣческія права, не прошло еще и полвѣка, и между тѣмъ среди нихъ уже имѣются тысячи вполнѣ интеллигентныхъ, культурныхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Это наврядъ ли доказываетъ, что негры біологически низшая раса.

— Какіе тамъ культурные люди? Развѣ ученіе идетъ имъ въ прокъ. Въ школѣ они вначалѣ дѣлаютъ недурные успѣхи, но вскорѣ останавливаются и на всю жизнь остаются дѣтьми. Да вотъ вамъ примѣръ.

И на меня посыпался длинный рядъ разныхъ анекдотовъ о не-

понятливости негровъ. Г. Смиту помогала его сестра. Гвоздемъ этой коллекціи анекдотовъ была исторія о томъ, какъ ихъ кухарка, по наущенію г. Смита, собирала своихъ подругъ идти на похороны Христофора Колумба (негры очень любятъ похоронныя процессіи) и была очень разочарована узнавъ, что Колумбъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ.

— Ну, какъ хотите, это доказательство не особенно сильное,— настаивалъ я.—Вы знаете, я происхожу изъ страны, гдѣ почти 100.000.000 человѣкъ знаютъ не больше, чѣмъ ваша кухарка, но я не могу считать русскій народъ изъ-за этого низшей расой. Чтобы доказать разницу въ умственныхъ способностяхъ, слѣдуетъ дать неграмъ ту же возможность получить образованіе, какимъ пользуется бѣлый человѣкъ, и тогда, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій экспериментовъ, мы сумѣемъ научно рѣшить...

— Обучать негровъ! Обучать негровъ! Это старый крикъ сѣвера. Югъ истратилъ милліоны на это обученіе, и что мы выиграли отъ этого?—Ничего! Мы только испортили нашихъ негровъ. Образованный негръ—самый худшій изъ негровъ. Онъ сейчасъ же забывается, начинаетъ считать себя равнымъ бѣлому, мечтаетъ о политикѣ.

— Да, да!—вмѣшалась миссъ Смитъ,—подумайте только, вашъ Atlanta Uniwersity обучаетъ негровъ и негритянокъ греческому языку! Удивительно-ли, что они нахалы, студенты этого университета.

— Но позвольте, — удивился я.—Почему же образованному негру не считать себя равнымъ? Вы говорите, негръ—низшая раса. Но вѣдь физически онъ часто гораздо лучше развитъ, чѣмъ бѣлый. Слѣдовательно, онъ ниже въ умственномъ отношеніи. Но если онъ съ университетскимъ образованіемъ и вполнѣ культурный человѣкъ, то почему за нимъ не допускать права на равенство?

— Равенство съ неграми!—вскочилъ Смитъ, точно его муха укусила.—Но поймите, что это вполнѣ невозможно. Бѣлое населеніе на это никогда не согласится. Нѣсколько университетскихъ дипломовъ ничего не доказываютъ. Чистокровный негръ совершенно не въ состояніи воспринять университетской науки. Всѣ эти такъ называемые выдающіеся негры вѣдь мулаты и своимъ умственнымъ прогрессомъ обязаны бѣлой крови.

— Но когда дѣло касается политическихъ и гражданскихъ правъ, то онъ считается полнокровнымъ негромъ!

— Конечно... Какъ здѣсь провести твердыя границы? Одной капли негритянской крови достаточно. Такія границы необходимы, если мы хотимъ сохранить чистоту бѣлой расы. Вы признаете, что бѣлая раса, какъ высшая раса, вправѣ бороться за свою неприкосновенность и чистоту?

— Ну, знаете, какъ то не видать со стороны, чтобы бѣлые очень заботились о чистотѣ своей расы. Иначе, какъ вы объясните, что

больше половины «негровъ» у васъ въ Атлантѣ мулаты, квартероны и октавороны?

— Да, это очень печально,—согласился г. Смитъ,—тѣмъ болѣе, что эти мулаты самые худшіе негры. Въ концѣ концовъ напрасно вы, сѣверяне, думаете, что мы на югѣ не любимъ негровъ. Я самъ воспитывался на рукахъ няни-негритянки и питаю къ ней самыя нѣжныя чувства. Мы очень хорошо относимся къ негру стараго типа, дѣйствительно черному негру, который знаетъ свое мѣсто!

— То есть?

— То есть, не лѣзетъ въ театръ, не стремится сѣсть за столъ съ бѣлымъ человѣкомъ, не возмущается, когда ему предоставляютъ отдѣльную скамейку въ вагонѣ, не требуетъ политическихъ правъ,—словомъ, отдаетъ должное бѣлому человѣку, какъ представителю высшей расы.

— Но почему же необходимо имѣть для него отдѣльное мѣсто въ театрѣ, вагонѣ, и т. д. Неужто же только потому, что онъ обладаетъ меньшими интеллектуальными способностями? Неужто же дураку нельзя даже сѣсть рядомъ съ умнымъ человѣкомъ?

— Да вѣдь отъ него пахнетъ!—ужаснулась миссъ Смитъ: - Ѣсть за однимъ столомъ съ негромъ—это ужасно.—И она содрогнулась.

А мистеръ Смитъ съ снисходительной улыбкой добавилъ:—Вотъ видите! Неужто же вы и этого не знаете?

— Какъ же, слышалъ! Въ толпѣ бѣдныхъ негровъ, дѣйствительно, амбрэ не особенное. Но не думаете ли вы, что это отъ пота и незнакомства съ ванной? Вѣдь отъ вашего южнаго солнца лѣтомъ и отъ бѣлаго человѣка тоже не одеколономъ несетъ. По моему наблюденію, отъ моихъ друзей, университетскихъ негровъ, напр., совсѣмъ не пахнетъ.

— Да вѣдь тутъ не въ ваннѣ дѣло! Вѣдь это признанный фактъ, что отъ негра несетъ специфическимъ негритянскимъ запахомъ.

— Та-акъ! По знаете ли, все же странно, что отъ негра не пахнетъ, когда онъ у вашихъ ногъ чиститъ вамъ сапоги, или подаетъ вамъ пищу въ ресторанѣ, или даже мылитъ вамъ рукой щеки и губы, чтобы обрить васъ... Наконецъ, какъ вы совмѣстите этотъ непріятный специфическій запахъ съ такимъ огромнымъ количествомъ мулатовъ и квартероновъ?

Миссъ Смитъ выскочила изъ комнаты, а ея братъ посмотрѣлъ на меня такъ, что мнѣ стало очень неловко за такое грубое нарушеніе приличій, которое угрожало преждевременной кончиной нашему разговору, и я поспѣшилъ пойти на компромиссъ.

— Конечно, я допускаю, - заявилъ я,—что бѣлый человѣкъ имѣетъ право поддерживать дружбу и знакомство, съ кѣмъ онъ хочетъ. Если я не хочу приглашать Джонса въ мою гостиную, то это не даетъ Джонсу права жаловаться. Допустимъ, что необходимо сохранить чистоту бѣлой расы и что эти соціальныя преграды только

безсознательный методъ для защиты неприкосновенности расы. Но вѣдь тѣмъ болѣе необходимы неграмъ свои культурные университетскіе люди, свои врачи, юристы, учителя и такъ далѣе. Поэтому имъ нужны университеты. Почему же вы такъ озлоблены противъ Дю-Бойса и Atlanta University?

— Но я уже объяснилъ вамъ, что эта наука не по плечу негру. Сами негры достаточно умны, чтобы не питать довѣрія къ своимъ университетскимъ людямъ и предпочитаютъ бѣлыхъ врачей, адвокатовъ и т. д. Классическое и университетское образованіе идетъ неграмъ, какъ коровѣ сѣдло. Вы знаете, какъ смотритъ на дѣло Букеръ Вашингтонъ. Онъ сравнительно порядочный человѣкъ, для негра, конечно, и не глупый. И онъ мулатъ. Такъ вотъ и онъ признаетъ, что негру нужно лишь ремесленное образованіе, чтобы дать ему возможность зарабатывать средства къ жизни.

— Однако же, я знаю, что негритянская интеллигенція совершенно не согласна съ этой точкой зрѣнія. Возьмите хоть моихъ друзей въ Atlanta University. Они совершенно не согласны съ Вашингтономъ. Да вы и сами признали, что мулаты и квартероны совсѣмъ не довольствуются его программой. Многіе изъ нихъ вѣдь въ семь разъ больше принадлежатъ къ бѣлой расѣ, чѣмъ къ черной, и вы ихъ насильно прикрѣпляете къ послѣдней.

— Да, эти мулаты несчастный, хотя и подлый народъ. Черные смѣются надъ ними и называютъ ихъ желтыми, а въ душѣ завидуютъ имъ, а мулаты смотрятъ на негровъ свысока. Рѣдкій мулатъ рѣшается жениться на черной женщинѣ; а мулатки и квартеронки еще больше презираютъ чернаго человѣка.

— Какъ же мулатки разрѣшаютъ этотъ брачный вопросъ?

— А идутъ въ проститутки. Публичные дома полны ими. Это для негритянки самое естественное дѣло. Развѣ у нихъ есть какіе-нибудь моральные устои? Развѣ они знакомы съ понятіями о святости брака или даже собственности? Рѣдкая негритянка не имѣетъ связи, рѣдкая изъ нихъ не крадетъ.

— А не кажется ли вамъ,—осмѣлился я предложить вопросъ,—что онѣ въ этомъ совсѣмъ не виноваты? Двѣсти лѣтъ онѣ не знали собственности, двѣсти лѣтъ вы ихъ растлѣвали, разрушали ихъ семейную жизнь, откуда же имъ имѣть сознаніе святости брака?

— Да, я согласенъ, что наши предки виновны,—съ сердцемъ воскликнулъ Смитъ.—Но почему же мы должны расплачиваться? Мы то только страдаемъ отъ плодовъ этой системы. Если бы только югъ могъ отдѣлаться отъ негровъ, то это было бы началомъ новой жизни для юга.

— Но увѣрены ли вы, мистеръ Смитъ, что югъ желаетъ раздѣлаться съ неграми? Вѣдь негритянскій трудъ всегда былъ однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія юга, продолжаетъ онъ быть таковымъ и теперь.

— Конечно, теперь почти невозможно разстаться съ негритянскимъ трудомъ. Но если бы наши предки не сдѣлали этой ужасной ошибки и не ввезли бы негровъ, то неужто югъ остался бы внѣ предѣловъ экономической эволюціи?

— Не знаю, что было бы. Но разъ вы сознаетесь, что вина вашихъ предковъ, т. е. бѣлаго человѣка, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что на васъ лежитъ обязанность разрѣшить вопросъ или, по крайней мѣрѣ, создать какой-нибудь modus vivendi. Вы увѣрены, что бѣлое населеніе никогда не согласится предоставить неграмъ полныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ?

— Никогда!

— И что негры недовольны настоящимъ положеніемъ вещей?

— Недовольны, и недовольство это растетъ.

— Ну, такъ что же вы намѣрены предпринять?

Смитъ промолчалъ нѣсколько минутъ.

— А почемъ я знаю,—наконецъ, заявилъ онъ.—Въ томъ-то и несчастье, что разрѣшенія вопроса не видно. Югъ въ отчаянномъ положеніи. Условія теперь нѣсколько лучше, чѣмъ раньше, когда негръ имѣлъ право голоса, но и теперь вопросъ стоитъ передъ нами. Пока негръ доволенъ былъ своимъ положеніемъ, условія были еще сносны; но новое поколѣніе негровъ гораздо хуже стараго. Мы этимъ обязаны сѣверу. Не вмѣшайся онъ, здѣсь остались бы патріархальныя отношенія, какія должны быть между высшей и низшей расой.

— А теперь эти патріархальныя отношенія распадаются?

— Распались.

— Какія же новыя отношенія займутъ ихъ мѣсто?

— Но я же сказалъ вамъ, что не знаю.

— Не думаете ли вы, что бѣлымъ придется согласиться на нѣкоторые компромиссы?

— Южане никогда не согласятся на компромиссы, которые будутъ угрожать ихъ положенію, какъ высшей расѣ. Это было бы не справедливо къ бѣлой расѣ.

— Ну, а насколько это положеніе вещей справедливо по отношенію къ неграмъ, которые страдаютъ отъ него и страдаютъ невинно?

— Они не страдали бы, если бы ихъ не науськивали со стороны. Да, наконецъ, ихъ страданія и составляютъ лишь негритянскій вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Разговоръ начиналъ принимать форму сказки про бѣлаго бычка, и я вынужденъ былъ его прекратить.

Въ нашемъ краткомъ діалогѣ выяснились всѣ тѣ стереотипныя обвиненія, какія бѣлый югъ выставляетъ противъ негровъ. Помимо нѣкоторыхъ варіацій, взглядъ г. Смита — взглядъ большинства бѣлаго населенія юга.

Варіаціи состоятъ преимущественно въ томъ, что одни смотрятъ

на будущее пессимистически и желали бы раздѣлаться совсѣмъ съ неграми, другіе же готовы утверждать, что негры понемногу привыкаютъ къ своему положенію, и поэтому отношенія постепенно улаживаются къ общему удовольствію. И оптимисты, конечно, совершенно не правы.

— Потому что Букеръ Вашингтонъ—пророкъ прошлаго, а не будущаго,—говорилъ мнѣ черный, какъ смоль, чистокровный негръ, президентъ большого ремесленнаго института въ Саваннѣ.

А профессоръ Дю-Бойсъ какъ то замѣтилъ:

— Весь оптимизмъ Букера Вашингтона — показной. Въ дѣйствительности онъ очень пессимистически относится къ будущности негра. Въ борьбу онъ не вѣритъ, а вся его политика примиренія не принесла никакихъ осязательныхъ результатовъ.

XIII.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Атланты я замѣтилъ на стѣнахъ университета объявленіе объ имѣющей быть въ Нью-Іоркѣ конференціи по вопросу о положеніи негровъ въ Америкѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ самому не пришлось попасть на эту конференцію, и и я знаю о ней лишь по газетамъ и разсказамъ.

Душой конференціи явился знакомый русской публикѣ Вильямъ-Инглишъ Уоллингъ (William English Walling), радикалъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи для изученія русской революціи, женатый на русской еврейкѣ, и авторъ крупнаго труда Russia's Message (Миссія Россіи), въ которомъ самыми радужными и оптимистическими штрихами рисуется русская революція. Будучи по натурѣ оптимистомъ, Уоллингъ сдѣлался революціонеромъ сравнительно недавно и, будучи еще молодымъ человѣкомъ, соединяетъ въ себѣ весь энтузіазмъ юноши и неофита. Онъ членъ соціалистической партіи, но не доволенъ ею за ея излишній консерватизмъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ заинтересовался негритянскимъ вопросомъ и, благодаря своей энергіи и средствамъ, сумѣлъ съорганизовать эту конференцію изъ представителей бѣлыхъ и негритянскихъ прогрессивныхъ круговъ для обсужденія негритянскаго вопроса.

Кромѣ самого Уоллинга, и среди приглашенныхъ дѣятелей было было много соціалистовъ и людей съ соціалистическими симпатіями. Тѣмъ болѣе характерно, что наиболѣе популярные и извѣстные вожаки соціалистическаго движенія въ Нью-Іоркѣ держались въ сторонѣ отъ конференціи, и оффиціальнаго представительства соціалистическая партія на ней не имѣла. Изъ соціалистовъ присутствовали преимущественно «дикіе». До извѣстной степени это понятно. Соціализма на югѣ почти не существуетъ, а потому соціалистическое движеніе совершенно не знакомо съ негритянскимъ вопросомъ; съ другой стороны, такъ какъ негры теперь

почти поголовно лишены права голоса, то многіе практическіе соціалисты, повидимому, думаютъ, что на нихъ и пороху не стоитъ тратить. Кромѣ того, не такъ уже трудно среди радикаловъ и соціалистовъ встрѣтить типичную расовую вражду. И это въ то время, какъ экономическія и политическія условія толкаютъ соціалистовъ и радикальное крыло негритянской массы въ объятія другъ другу.

Первые шаги къ такому сближенію радикальныхъ элементовъ обѣихъ расъ были сдѣланы незадолго до того одной Нью-Iоркской организаціей подъ именемъ Cosmopolitan Club.

Это была небольшая организація для обсужденія какъ негритянскаго, такъ и другихъ общественныхъ вопросовъ. Особенностью ея было то, что въ ней представлены были обѣ расы. Но такъ какъ организація эта находилась въ Нью-Iоркѣ, то она и не обращала на себя никакого вниманія. Клубъ устраивалъ митинги и дискуссіи, послѣ которыхъ, по доброму американскому обычаю, предлагалась скромная закуска. За этой закуской за столъ садились, конечно, какъ негритянскіе, такъ и бѣлые члены клуба.

Но одной газетѣ захотѣлось эксплуатировать эту небольшую организацію. Появилась сенсаціонная статья о томъ, что въ Нью-Iоркѣ организовался клубъ, гдѣ бѣлыя женщины ѣдятъ за однимъ столомъ съ мужчинами неграми, что клубъ имѣетъ цѣлью проповѣдывать «соціальное равенство» обѣихъ расъ и даже полное сліяніе этихъ расъ посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Были даже прозрачные намеки на нравственный обликъ этой организаціи, къ которой въ дѣйствительности принадлежали наиболѣе интеллигентные представители обѣихъ расъ. Другія газеты подхватили это сенсаціонное извѣстіе и обѣды Cosmopolitan Club'а вдругъ сдѣлались притчею во языцѣхъ для всей американской прессы.

Cosmopolitan Club негритянскаго вопроса не рѣшилъ. Но къ клубу принадлежали нѣсколько соціалистовъ и въ томъ числѣ Уоллингъ, который живо заинтересовался негритянскимъ вопросомъ. Въ результатѣ и получилась вышеозначенная конференція.

Послѣ ряда очень горячихъ дискуссій и нѣсколькихъ массовыхъ собраній конференція закончилась, организовавъ постоянный совѣтъ для созыва подобныхъ ежегодныхъ конференцій и принявъ очень рѣзкія резолюціи.

«Мы протестуемъ», говорится въ этихъ резолюціяхъ, «противъ все растущаго преслѣдованія 10.000.000 негровъ-согражданъ, какъ величайшей угрозы благополучію нашей страны. У нихъ отнимаютъ принадлежащую имъ долю общественныхъ средствъ, ихъ лишили всякаго участія въ управленіи страной, ихъ убиваютъ безнаказанно, власть третируетъ ихъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, и въ нѣкоторыхъ штатахъ бѣлое населеніе фактически держитъ ихъ въ рабствѣ. Это систематическое преслѣдованіе мирныхъ гражданъ и, въ частности, лишеніе ихъ избирательнаго права изъ-за ихъ

расы, являются реступленіеемъ, которое въ концѣ концовъ погубитъ всякій народъ, терпящій такія несправедливости.

«Наша надежда въ немедленномъ и терпѣливомъ просвѣщеніи тѣхъ народныхъ массъ, которыя безсознательно вовлечены въ эту политику преслѣдованія негра. Плоды этой политики въ настоящее время обогащаютъ лишь одинъ классъ населенія и отзываются крайне тяжело на тѣхъ бѣлыхъ фермерахъ и рабочихъ, которые находятся на одномъ экономическомъ уровнѣ съ неграми. Преслѣдованія рабочихъ союзовъ, подневольный трудъ арестантовъ и лишеніе рабочей массы права голоса—таковы опасности, которыя угрожаютъ многимъ Южнымъ Штатамъ.

«Мы вполнѣ согласны съ общепринятымъ мнѣніемъ, что превращеніе негровъ, чернорабочихъ въ земледѣліи и въ промышленности, въ опытныхъ работниковъ (ckilled loorkew) имѣетъ огромное значеніе какъ для расы, такъ и для всего народа. Поэтому мы требуемъ для негровъ, какъ и для всѣхъ другихъ, безплатнаго образованія отъ города или штата или государства—начальное и ремесленное образованіе для всѣхъ, и техническое, профессіональное и научное образованіе для наиболѣе способныхъ.

«Но народныя школы, предоставленныя неграмъ, никогда не добьются справедливаго отношенія къ себѣ, пока негръ не добьется равенства въ законодательной власти и передъ закономъ. И какъ бы цѣненъ ни былъ обученный негръ въ общинѣ, въ которой онъ живетъ, онъ никогда не получитъ справедливой платы за свой трудъ, никогда не добьется возможности развить и примѣнить свои способности, пока онъ не добьется законныхъ правъ человѣка и гражданина.

«Мы смотримъ съ явной тревогой на проявляющуюся какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ тенденцію лишить черного человѣка права на трудъ,—на тенденцію, сопровождающуюся насиліемъ и кровопролитіемъ.

«Въ числѣ первыхъ, немедленныхъ шаговъ къ исправленію этихъ соціальныхъ несправедливостей, угрожающихъ не только неграмъ, но и бѣлой массѣ по всей странѣ,—мы требуемъ отъ конгресса и исполнительной власти:

1) чтобы конституція примѣнялась во всей строгости, и чтобы гражданскія права, установленныя 14-й поправкой, были признаны за всѣми,

2) чтобы во всѣхъ штатахъ всѣмъ расамъ была предоставлена одинаковая возможность образованія, и чтобы на черныхъ дѣтей въ среднемъ тратилось не менѣе, чѣмъ на бѣлыхъ дѣтей,

3) и чтобы, согласно 15-й поправкѣ, за негромъ было признано избирательное право на одинаковыхъ условіяхъ съ другими гражданами».

Я привелъ эти резолюціи, чтобы формулировать тенденціи и стремленія наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ негритянской

расы, — элементовъ, представителемъ которыхъ является Atlanta University и, въ особенности, Дю-Бойсъ.

Конференція умолчала о средствахъ для осуществленія этихъ стремленій. Умалчиваетъ объ этомъ и Atlanta University, которая, находясь въ сердцѣ антагонистическаго юга, не рѣшается слишкомъ откровенно высказывать своихъ мыслей. Но дѣятельность Atlanta University, несомнѣнно, хотя косвенно и медленно, подготовляетъ почву для разрѣшенія негритянскаго вопроса, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку оно будитъ въ интеллигентномъ негрѣ сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства, а потому и недовольство политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ расы.

И. Рубиновъ.

ВАРІАНТЪ *).

Зима подходила къ концу. На одномъ изъ участковъ новостроющейся дороги шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему весной открытію работъ.

Начальникъ участка Кольцовъ, уже послѣ окончательныхъ изысканій, закончившихся предыдущимъ лѣтомъ, затѣялъ измѣнить направленіе линіи. Это измѣненіе обѣщало серьезныя сбереженія, и Кольцовъ съ двумя молодыми инженерами, проработавъ всю зиму въ полѣ, напрягалъ всѣ усилія закончить всѣ работы къ предстоящей черезъ двѣ недѣли сдачѣ подрядовъ. Торопиться нужно было для того, чтобы успѣть провести и утвердить варіантъ до торговъ и этимъ впослѣдствіи избавиться отъ претензій подрядчиковъ на тему, что ихъ подвели, что они понесли убытки вслѣдствіе уменьшенія работъ, и результатомъ такихъ претензій была бы неизбѣжная приплата подрядчикамъ казны 20% сбереженной противъ подрядовъ суммы.

Дни въ усиленной полевой работѣ, вечера за вычерчиваніемъ плановъ и профилей, короткій отдыхъ,—въ послѣднее время 3—4 часа въ сутки,—изнурили и утомили Кольцова и двухъ его товарищей. Особенно подался Стражинскій. Онъ такъ похудѣлъ, что жена Кольцова говорила, что у Стражинскаго остались одни глаза. Стражинскій за зиму нажилъ себѣ страшный ревматизмъ; въ послѣднее время еще простудился, кашлялъ и производилъ крайне ненадежное впечатлѣніе. Несмотря на 27 лѣтъ, волоса его замѣтно стали сѣдѣть. Его изящная, стройная фигура сгорбилась, красивое

---

*) Покойный Николай Георгіевичъ Михайловскій въ 1892—95 гг. напечаталъ въ „Русскомъ Богатствѣ“, подъ псевдонимомъ—Н. Гаринъ, свою извѣстную трилогію „Дѣтство Тёмы“ „Гимназисты“ и „Студенты“. „Варіантъ“—*послѣднее* беллетристическое произведеніе, найденное въ посмертныхъ бумагахъ Гарина. Такимъ образомъ, литературная его дѣятельность и началась, и заканчивается на страницахъ „Русскаго Богатства“.

Ред.

лицо осунулось, и только большіе выразительные глаза выиграли,—они то зажигались лихорадочнымъ раздраженнымъ огнемъ, то грустно-безнадежно смотрѣли на окружающихъ. Спокойный, воспитанный, онъ теперь едва сдерживалъ свое безпричинное раздраженіе.

— Вася, не мучь ты Стражинскаго,—говорила Кольцову, въ рѣдкія минуты отдыха, его жена,—право, по временамъ плакать хочется, глядя на него.

— Ну, что же дѣлать,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Мнѣ назначено 9 человѣкъ, изъ нихъ прислали только двухъ, а остальныхъ оставили пока при Управленіи. Вотъ, скоро кончимъ, тогда дамъ ему хоть на мѣсяцъ отдыхъ. Вѣдь и я, и Татищевъ также работаемъ.

— Ты и Татищевъ здоровые, а онъ совсѣмъ не вашего поля ягода.

— А я тутъ при чемъ,—возражалъ Кольцовъ.—Не вводить же казну въ милліонные убытки оттого, что Стражинскій не на своемъ мѣстѣ. Вотъ, скоро кончимъ, тогда...

И Кольцовъ опять убѣгалъ въ контору. Тамъ въ сырой, осенью только отдѣланной комнатѣ, служившей прежде кладовой, занимались Стражинскій, Татищевъ и Кольцовъ.

Въ сыромъ накуренномъ воздухѣ было угарно и тяжело. Стражинскій работалъ молча, напряженно, не отрываясь. Только нервное подергиванье лица выдавало его раздраженіе.

Татищевъ работалъ свободно, безъ напряженія.

— Экое отвратительное помѣщеніе,—ворчалъ Татищевъ, водя рейсфедеромъ по бумагѣ и безпрестанно отбрасывая шнурокъ пенснэ.

— Да, гадость,—согласился Кольцовъ.

— Гораздо лучше было нанять домъ Мурзина,—ворчалъ опять Татищевъ.

Немного погодя Татищевъ опять заговорилъ:

— Невозможный рейсфедеръ, линейки порядочной нѣтъ.

— Вотъ этимъ рейсфедеромъ я уже второй милліонъ экономіи дочерчиваю. Хоть бы рейсфедеръ новый.

— Невозможные инструметы!—вставилъ Стражинскій.

— Хоть бы въ пикетъ сыграть,—продолжалъ Татищевъ, помолчавъ.

— Некогда, некогда,—отвѣчалъ Кольцовъ.—Кончимъ варіантъ, тогда и будемъ играть, сколько хотите.

— Никогда мы его не кончимъ,—отвѣчалъ Татищевъ и вдругъ весело по-дѣтски расхохотался.

— Вы чего?—поднялъ голову Кольцовъ.

Татищевъ продолжалъ хохотать.

— Мнѣ смѣшно...

И Татищевъ опять залился веселымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

Кольцовъ, привыкшій къ его безпричинному смѣху, только рукой махнулъ, проговоривъ:

— Ну, завелъ!

— Что мы никогда не кончимъ,—докончилъ Татищевъ свою фразу и залился новымъ припадкомъ смѣха.

Кольцовъ и Стражинскій не выдержали и тоже разсмѣялись.

Татищевъ кончилъ, наконецъ, смѣяться и снова принялся за рейсфедеръ.

Наступило молчаніе. Всѣ погрузились въ работу.

— А вы помните, Василій Яковлевичъ, ваше обѣщаніе?— началъ опять Татищевъ.

— Какое?—спросилъ, не отрываясь, Кольцовъ.

— Въ отпускъ меня пустить.

— Да, пущу,—отвѣчалъ Кольцовъ.

— Какъ въ прошломъ году?

— Вѣдь вы же знаете, что въ прошломъ году помѣшалъ варіантъ.

— То-то помѣшалъ,—самодовольно отвѣтилъ Татищевъ.— А какъ вы еще какой-нибудь варіантъ выдумаете.

— Нѣтъ ужъ это послѣдній.

Татищевъ лукаво посмотрѣлъ на Стражинскаго.

— Да больше времени нѣтъ, да и работы скоро начнутся.

Татищевъ недовѣрчиво молчалъ. Стражинскій опустилъ голову на руку и безцѣльно уставился въ стѣнку. Изможденное лицо его выражало страданіе.

— Что, голова болитъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Немножко,—отвѣтилъ нехотя Стражинскій.

— Вамъ, Станиславъ Антоновичъ, необходимъ отпускъ,— проговорилъ Кольцовъ.

— Ну, ужъ извините, — загорячился Татищевъ. — Я больше Станислава Антоновича просидѣлъ въ этой трущобѣ.

— Да вы посмотрите на себя и Станислава Антоновича,— отвѣчалъ Кольцовъ.—Вы кровь съ молокомъ, а онъ совсѣмъ высохъ.

— Я тоже боленъ,—отвѣчалъ Татищевъ,—у меня горловая чахотка начинается.

Кольцовъ и Стражинскій улыбнулись.

— Смѣйтесь,—обидчиво отвѣчалъ Татищевъ.—Вы слышите, какъ я охрипъ.

— Ну, полно, Павелъ Михайловичъ, — махнулъ рукой Кольцовъ.

— Вотъ и полно!

— Я не поѣду въ отпускъ,—сказалъ Стражинскій.—Мои финансы въ такомъ безпорядкѣ, что мнѣ и думать нечего.

Стражинскій жилъ на жалованье 125 руб. въ мѣсяцъ и своихъ средствъ не имѣлъ. При безалаберной кочевой жизни, при неумѣньи обращаться съ деньгами, ему не хватало, и онъ былъ весь въ долгу. Окончательно его запуталъ Татищевъ, богатый человѣкъ, любившій хорошо поѣсть. Онъ умудрялся тратить на кухню до 200 руб. въ мѣсяцъ.

— Я рѣшилъ, знаете, Павелъ Михайловичъ, — продолжалъ Стражинскій,—уѣхать отъ васъ, а то съ вами кончу тѣмъ, что все у меня продадутъ за долги.

— Я вовсе немного трачу,—обидѣлся Татищевъ,—вотъ поживите сами и узнаете.

— Ну, господа, пойдемъ спать, — сказалъ Кольцовъ, вставая.—Два часа.

Кольцовъ ушелъ на верхъ. Татищевъ скоро собралъ инструменты и торопилъ Стражинскаго.

Стражинскій медленно отрывался отъ работы.

— Скорѣе,—торопилъ Татищевъ. — Оставьте такъ, кто тутъ возьметъ. Ѣсть хочется, спать хочется. Ну, и жизнь!

Стражинскій раздраженно молчалъ, продолжая собирать вещи.

Татищевъ, одѣтый въ шубу, усѣлся на табуретку и слѣдилъ глазами за Стражинскимъ.

— Измучитъ насъ Кольцовъ,—началъ онъ, помолчавъ.—Я понимаю, поработать и отдохнуть, но этакая каторга изо дня въ день, и изъ за чего, спрашивается?

— Я второй годъ съ нимъ. На двухъ линіяхъ надѣлалъ варіантовъ, измучилъ себя, другихъ, натратилъ своихъ уйму денегъ и, въ концѣ концовъ, кромѣ непріятностей, до сихъ поръ ничего не получилъ. Обѣщалъ выхлопотать награды.

— Э,—досадливо проговорилъ Стражинскій.—Какая тутъ награда! Кто ему ее разрѣшитъ? Экономія! Кому нужна эта экономія? Для казны экономія, c'est bien original.

Стражинскій воспитывался за-границей и любилъ французскій языкъ.

— Ну, положимъ, это наша обязанность,—отвѣчалъ Татищевъ.—Но вѣдь всему должна быть мѣра, а вѣдь мы живемъ такъ, какъ будто черезъ годъ намъ ничего не надо будетъ. Истратить всѣ силы въ 2-3 года, а тамъ что-жъ? Истаскаешься, куда ты тогда дѣнешься?

— И все это за такое жалованье, на которое прожить нельзя,—отвѣтилъ Стражинскій, укладывая послѣдній циркуль.

Онъ заперъ коробку, положилъ ее въ столъ, постоялъ

нѣсколько секундъ, тупо глядя передъ собой, потомъ досадливо махнулъ рукой и началъ одѣваться.

— Это жизнь! — продолжалъ онъ себѣ подъ носъ.—Мечтаетъ о преміяхъ, себя и другихъ морочитъ. Э! все равно. Идемъ.

— Вотъ, онъ говоритъ, на концессіонныхъ постройкахъ преміи давали, ну, тамъ и можно было работать,—продолжалъ Татищевъ, идя съ Стражинскимъ по соннымъ улицамъ завода, гдѣ они жили,—но изъ-за чего здѣсь надрываться? Я не понимаю.

Стражинскій молчалъ.

— Васька, скорѣй ужинать!—кричалъ Татищевъ, входя въ квартиру.

Сонный Васька побѣжалъ на кухню, принесъ на блюдѣ аппетитный кусокъ жареной телятины.

— Опять подливки мало,—замѣтилъ Татищевъ, подходя къ опрятно накрытому столу.—А закуску почему не поставилъ? Тебѣ сколько разъ я говорилъ, чтобы ставилъ по два стакана къ прибору. И бѣлаго вина нѣтъ. Перчатки не надѣлъ. Я тебѣ сколько разъ говорилъ, что я терпѣть не могу, чтобы ты голыми руками подавалъ. Трогаешь ими Богъ знаетъ какую гадость, а потомъ хлѣбъ ими же подаешь.

Когда все было приведено въ порядокъ, Татищевъ удовлетворенно сѣлъ за столъ, аккуратно завязалъ себя салфеткой, снялъ пенснэ и обратился къ Стражинскому:

— Станиславъ Антоновичъ, пожалуйста. Сонный Васька стоялъ поодаль съ вытянутыми руками въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Платокъ носовой,—приказалъ Татищевъ.

Васька бросился въ другую комнату.

— Да ты что кидаешься, какъ сумасшедшій,—остановилъ его Павелъ Михайловичъ.—Потише не умѣешь? Развѣ ты не понимаешь, что это неприлично.

Черезъ минуту Васька беззвучно подалъ Татищеву нѣсколько платковъ.

Татищевъ взялъ платокъ, посмотрѣлъ его номеръ (всѣ его платки были заномерованы), посмотрѣлъ номеръ слѣдующаго платка, оставилъ себѣ первый по порядку, остальные отдалъ Васькѣ, сказавъ:

— Положи аккуратно на мѣсто.

Татищевъ уже совсѣмъ было приготовился къ ѣдѣ, но, взглянувъ на руки, проговорилъ.

— Нѣтъ, не могу,—потребовалъ умываться.

Стражинскій, раздраженно наблюдавшій Татищева, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— O mon Dieu,—легъ на кровать и закрылъ глаза.

Съ четверть часа фыркалъ Татищевъ въ сосѣдней комнатѣ. Слышались его возгласы:

— Лей сюда, ниже, ниже... Экій ты, Васька, безтолковый.

Наконецъ, умывшись, съ расчесанной бородой, въ чистой ночной рубахѣ и туфляхъ, Татищевъ окончательно усѣлся за столъ. Онъ опять завязалъ салфетку, опять пригласилъ Стражинскаго и приступилъ къ нарѣзыванію телятины. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Телятина тонкими ломтиками, пластинка за пластинкой, ложились одна на другую. Широкая бѣлая рука Павла Михайловича красиво водила большой ножъ, другая держала громадную вилку, воткнутую въ телятину. Вся его сосредоточенная фигура говорила:

— Да вотъ, подите-ка нарѣжьте такъ аккуратно. Это вовсе не такъ просто, какъ кажется. Тутъ все нужно разсчитать, чтобы вышла такая ровная пластинка. И ножъ надо именно вотъ такъ держать, и вилку на извѣстномъ разстояніи. Вотъ теперь надо вынуть ее—поставить дальше. И Татищевъ, вынувъ вилку, воткнулъ ее въ другомъ мѣстѣ.

И опять все его лицо говорило:

— Именно вотъ въ этомъ мѣстѣ. Теперь опять пойдутъ правильные ломтики.

И ломтики, дѣйствительно, пошли одинъ правильнѣе другого.

— Ну, довольно,—досадливо проговорилъ Стражинскій, раздраженно наблюдая Татищева.

— Теперь, пожалуй, и довольно,—согласился Татищевъ, когда половина блюда покрылась изрѣзанными ломтиками,

— Кто это съѣстъ?—замѣтилъ Стражинскій.

— Не безпокойтесь, съѣмъ,—обидчиво замѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Ужинъ начался. Стражинскій ѣлъ безъ всякаго аппетита. Съѣвъ ломтикъ телятины, онъ потребовалъ себѣ стаканъ молока.

Павелъ Михайловичъ только головой соболѣзнующе покачалъ, аппетитно уплетая кусокъ за кускомъ.

— Извините,—проговорилъ Стражинскій, кончивъ свой стаканъ молока,—я встану, я такъ усталъ.

— А чайку?—встрепенулся Павелъ Михайловичъ.—Неужели не выпьете стаканчика горячаго въ кровати? Покамѣстъ вы будете раздѣваться, чай будетъ готовъ. Васька, живо чаю!

Добродушное настроеніе Татищева подѣйствовало, наконецъ, и на Стражинскаго.

Онъ съ наслажденіемъ вытягивался въ кровати, говоря:

— Охъ, какъ я усталъ! Мнѣ каждый разъ кажется, какъ я ложусь, что я ужъ не въ силахъ буду никогда встать.

— Да, это безобразіе,—согласился Павелъ Михайловичъ, оканчивая свой ужинъ и запивая стаканомъ вина.

Татищевъ, окончивъ ужинъ, быстро раздѣлся и бросился въ кровать. Черезъ пять минутъ легкій посвистъ извѣстилъ Стражинскаго, что Татищевъ благополучно прибылъ въ царство Морфея.

Стражинскій долго еще ворочался на постели. Онъ съ завистью и раздраженіемъ прислушивался къ свисту Татищева. Нѣсколько разъ онъ то тушилъ, то зажигалъ свѣчку, отыскивая кусавшихъ его клоповъ. Его ноги ныли отъ ревматизма, онъ то вытягивалъ ихъ, то подбиралъ подъ себя, напрасно отыскивая положеніе, при которомъ боль не была бы такъ чувствительна. Тяжелыя мысли бродили въ его головѣ. Полученное письмо изъ дому вызвало цѣлый рядъ непріятныхъ воспоминаній. Дѣла по имѣнію у матери, нѣкогда очень богатой, были въ страшномъ разстройствѣ; второй братъ, гимназистъ 6-го класса, заболѣлъ скоротечной чахоткой, младшій 12-ти лѣтній мальчикъ и въ этомъ году не попалъ въ гимназію. „Ты одна моя радость и надежда"—заканчивала его мать свое письмо. Стражинскій горько усмѣхнулся при мысли, если бы увидѣла она, что осталось отъ этой „радости".

Наконецъ, и надъ нимъ сжалился сонъ, хотя не крѣпкій, тревожный, заставлявшій его постоянно вздрагивать и просыпаться.

На другой день, около восьми часовъ, когда уже порядочно разсвѣло, Кольцовъ съ Татищевымъ и Стражинскимъ взбирались по крутому откосу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ остановилась ихъ работа.

Кольцовъ первый взошелъ на верхъ и, въ ожиданіи товарищей, осматривалъ мѣстность. Въ этомъ мѣстѣ рѣка дѣлала такой острый заворотъ, что приходилось пересѣкать ее на протяженіи 50 саженъ два раза, вслѣдствіе чего получалось два громадныхъ моста.

Вдругъ у Кольцова мелькнула мысль, отъ которой ему сдѣлалось и холодно, и жарко.

„Что, если обойтись безъ мостовъ и рѣчку отвести туннелью подъ этой горой?" Мурашки пробѣжали у него по спинѣ. „Что это, не схожу ли я съ ума? Здравая, или сумасшедшая это мысль"? Кольцовъ снялъ шапку и провелъ рукой по горячему лбу. „Надо спокойно обдумать", рѣшилъ онъ и сталъ шагами мѣрять длину горы. Длина туннеля получалась около 30 саженъ, считая по 2 т. пог. саж., выходило всего 60 т., тогда какъ 10 саж. высоты моста сто-

или до 250 т. р. Кольцовъ радостно обернулся къ товарищамъ.

— Господа!—крикнулъ онъ имъ возбужденнымъ голосомъ.

— Новый варіантъ,—съ отчаяніемъ проговорилъ Стражинскій Татищеву.—Оба уже давно подозрительно наблюдали взволнованныя движенія Кольцова.

— Знаете,—кричалъ имъ навстрѣчу Кольцовъ,—мы безъ мостовъ здѣсь пройдемъ.

— Il finira par devenir fou,—сказалъ себѣ подъ носъ Стражинскій.

Сообщеніе Кольцова было выслушано недовѣрчиво, но, когда онъ подтвердилъ его, Стражинскій и Татищевъ не нашли возраженій.

— Только когда же мы все это сдѣлаемъ?—спросилъ Татищевъ.

— Я самъ это сдѣлаю. Вы пробивайте намѣченную по плану линію, а я сейчасъ назначу магистраль и разобью профиля. Булавинъ,—обратился онъ къ десятнику,—ты будешь ихъ ватерпасить, и если завтра къ вечеру кончишь, десять рублей награды.

— Будетъ готово,—отвѣчалъ весело Булавинъ.

Работа была тяжелая. Въ глубокомъ снѣгу вязли ноги.

Къ обѣду Кольцовъ кончилъ свою работу и нагналъ товарищей.

— Не пора ли закусить?—спросилъ онъ Татищева.

— Давно пора,—отвѣтилъ Павелъ Михайловичъ.

Подъ деревомъ былъ разведенъ костеръ, для котораго рабочіе натаскали сухого хвороста; установили два камня—родъ очага, поставили на нихъ чайникъ и стали разворачивать провизію. Хлѣбъ замерзъ, говядина, пирожки тоже, пришлось все, кромѣ водки, отогрѣвать. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ аккуратно и не спѣша Татищевъ.

Зная, что нарушеніе установленной дисциплины испортитъ расположеніе духа Татищева, Кольцовъ и Стражинскій терпѣливо ждали конца. Когда, наконецъ, все было установлено на чистой скатерти, Татищевъ любезно пригласилъ Кольцова и Стражинскаго завтракать.

— Къ вечеру кончите обходъ Герасимова утеса?—спросилъ Кольцовъ.

— Я думаю,—отвѣчалъ Стражинскій.—Только выемка немножко будетъ больше, чѣмъ получилась по горизонталямъ. Шельма Лука навралъ, вѣрно, въ профиляхъ.

— Какая досада, что нельзя завернуться радіусомъ въ 150 саженъ вмѣсто 200; вся бы почти выемка исчезла,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Да, тогда почти вся исчезла бы,—согласился Стражинскій.

— Вѣдь это 12 т. кубовъ скалы по 11 р.—132 тысячи рублей. Какая это рутина—радіусъ! При соотвѣтственномъ уклонѣ вѣдь не прибавляется сопротивленія отъ болѣе крутого радіуса.

— За границей на главныхъ путяхъ давно введенъ радіусъ даже въ сто саженъ, только тамъ вагоны на телѣжкахъ,—вставилъ Стражинскій.

— А что мѣшаетъ у насъ ихъ устраивать?—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вѣдь вы понимаете, какую экономію далъ бы такой радіусъ въ нашей горной мѣстности?

— Громадную.

— На всю линію нѣсколько милліоновъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.

Наступило молчаніе.

— Чортъ возьми,—заговорилъ Кольцовъ,—давайте, знаете, сдѣлаемъ обходъ Герасимова на радіусъ 200 и 150—чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть, и разрѣшатъ? А?

Татищевъ и Стражинскій успѣли уже переглянуться, и послѣдній тихо пробурчалъ:

— Поѣхалъ.

— Никогда не кончимъ,—проговорилъ Татищевъ, заливаясь смѣхомъ и опрокидываясь на снѣгъ.

Кольцовъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Странный вы человѣкъ, Павелъ Михайловичъ, вѣдь интересно же сдѣлать такъ дѣло, чтобы не стыдно было на него посмотрѣть. Вѣдь обидно же даромъ бросать сотни тысячъ. Вы представьте себѣ, куда мы съ вами дѣнемся, когда дорога будетъ выстроена, и кому-нибудь изъ коммиссіи придетъ мысль въ голову объ радіусѣ 150? Вѣдь тогда это будетъ, какъ на ладони.

— Да я ничего не возражаю противъ этого,—отвѣчалъ Павелъ Михайловичъ,—я вполнѣ всему сочувствую, но гдѣ же время, вѣдь вы хотите поспѣть къ торгамъ?

— И поспѣю,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Тутъ вѣдь на день всего работы.

— Здѣсь на день, тамъ на день, гдѣ-жъ этихъ дней набрать?—раздраженно отвѣтилъ Татищевъ.

— Ну, я самъ это сдѣлаю,—огорченно сказалъ Кольцовъ.

— Да я не къ тому,—началъ было Татищевъ, но Стражинскій перебилъ его:

— Положимъ, мы какъ-нибудь успѣемъ, но только, по правдѣ сказать, мало вѣры, чтобы изъ всего этого вышелъ толкъ. Вѣдь это значитъ перемѣнить техническія условія, когда они утверждены начальникомъ работъ временнаго

управленія, министромъ. Пропасть работы вышло бы, начиная отъ насъ.

— Но вѣдь это все пустяки, тутъ о сотняхъ тысячъ идетъ рѣчь.

— Ну, да, но когда ихъ никто признавать не хочетъ.

— Но они существуютъ. Что намъ за дѣло до другихъ, лишь бы мы исполняли то, что должны.

— Ну, да, конечно,—согласился Стражинскій.—Я только хочу сказать, что можно какое хотите пари держать, что радіусъ 150 не пройдетъ.

— Надеждъ, конечно, мало,—согласился Кольцовъ.

— Вотъ, если-бъ это было возлѣ станціи, гдѣ поневолѣ скорость должна быть меньшая.

— А вѣдь это идея, почему бы намъ не расположить станцію вообще въ той лукѣ.

Кольцовъ схватилъ профиль и сталъ внимательно ее разсматривать.

— Станція помѣстится,—проговорилъ онъ.—Поздравляю васъ, м-сье, ваша идея блестящая. — Стражинскій покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Но вѣдь тогда разстояніе между станціями не выйдетъ, близко слишкомъ будетъ.

— А мы одну уничтожимъ—еще экономія,—быстро отвѣтилъ Кольцовъ. — Нѣтъ, положительно сегодня, господа, у васъ геніальныя мысли.

У Татищева остановилось въ горлѣ замѣчаніе, что это опять новая работа.

— А обратили вы вниманіе, Василій Яковлевичъ,—заговорилъ Стражинскій,—что при радіусѣ 150 линія залѣзетъ въ рѣку, что скажетъ на это заводъ?

— Какое мнѣ дѣло до завода?

— Какъ какое дѣло? Они по этой рѣкѣ спускаютъ баржи, они говорятъ уже теперь о томъ, что камни, которые будутъ падать въ воду изъ выемокъ, должны быть вынуты, а если вся линія пойдетъ по рѣкѣ, я не знаю, что они скажутъ.

— Ничего они не посмѣютъ сказать,—больше въ утѣшеніе себѣ, сказалъ Кольцовъ и задумался.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ заводъ, надѣлаетъ онъ намъ бѣды. Все, кромѣ воздуха, имъ принадлежитъ. Несчастный человѣкъ будетъ подрядчикъ!

— Они его раззорятъ,—сказалъ Стражинскій.

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову?—сказалъ Татищевъ.— Что, если ихъ самихъ затянуть въ подрядъ?— И Татищевъ лукаво добродушно подмигнулъ.

Кольцовъ широко раскрылъ глаза.

— Павелъ Михайловичъ, голубчикъ, да вы геніальный человѣкъ! — закричалъ онъ. — Вѣдь эта идея такая же блестящая, какъ и со станціей!

Татищевъ добродушно-весело смѣялся.

— Ахъ, чортъ побери, — заволновался Кольцовъ. — Въ воскресенье же иду къ управляющему уговаривать.

— Не согласится,—сказалъ Стражинскій.

— Отчего не согласится?—возразилъ Татищевъ.

Кольцовъ, по свойству своей натуры, весь отдался новой идеѣ затянуть заводъ въ подрядъ. Вопросъ, дѣйствительно, былъ серьезный: на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны отъ линіи тянулась земля крупнаго заводчика. Земля, вода, лѣсъ, камень, песокъ,—все было монополіей владѣльца. Уже при постройкѣ временной больницы Кольцовъ видѣлъ, какъ разыгрывается аппетитъ завода. За лѣсъ была назначена цѣна дороже городской. Только случаемъ Кольцову удалось дешево отдѣлаться: онъ купилъ готовый домъ, а для пристроекъ запасся за дешевую цѣну нѣсколькими срубами у мѣстныхъ крестьянъ. Заводское управленіе на такой пріемъ Кольцова отвѣтило приказомъ къ мѣстному населенію, по которому жителямъ строго-на-строго воспрещалось продавать лѣсъ агентамъ желѣзной дороги, подъ страхомъ навсегда лишиться права пріобрѣтать его по уменьшеннымъ цѣнамъ изъ заводскихъ дачъ.

Предстоящія работы и въ другихъ отношеніяхъ ставили строителей въ зависимость отъ заводовъ. Съ утвержденіемъ новаго варіанта Кольцова, когда приходилось бы работать въ водѣ, заводъ, по желанію, могъ бы нанести неисчислимые убытки однимъ тѣмъ, что не во время сталъ бы выпускать излишнюю воду изъ своихъ прудовъ. Претензіи на захватъ рѣки тоже могли легко повліять на неутвержденіе новаго варіанта. Казна ничего такъ не боится, какъ возможности дать поводъ вчинать иски, зная по горькому опыту, чѣмъ они кончаются. Наконецъ, еще одно обстоятельство побуждало Кольцова горячо желать участія заводовъ въ подрядѣ. Администрація заводовъ состояла, по преимуществу, изъ горныхъ инженеровъ. Всѣ они въ большинствѣ были поляки по происхожденію, но, если можно такъ выразиться, примиренные, не чуждались общенія съ русскими, отличались гостепріимствомъ и радушіемъ, но по свойству всѣхъ людей имѣли склонность заниматься чужими дѣлами. Кольцова осаждали вопросами о направленіи линіи: почему тамъ, почему не здѣсь, почему такая цѣна, а не такая. Какъ это всегда бываетъ, они не такъ искали положительной стороны дѣла, какъ отрицательной. Объясненія Кольцова ихъ мало удовлетворяли, они смотрѣли на него, какъ на чело-

вѣка, заинтересованнаго умышленно утаивать истину, и старались сами найти отвѣтъ на неясные для нихъ вопросы. Почва, такимъ образомъ, была изъ такихъ, на которой легче всего вырастаютъ всякіе нелѣпые и несправедливые слухи. Кольцовъ чувствовалъ, что, перервись онъ пополамъ, ему не повѣрятъ и все объяснять по своему. Единственная возможность заставить ихъ правильно посмотрѣть на дѣло заключалась, такимъ образомъ, только въ томъ, чтобы ихъ самихъ втянуть въ это дѣло, поставить ихъ въ такое положеніе, чтобъ у нихъ волей-неволей раскрылись глаза на истину.

— Ахъ, если бъ мнѣ удалось этихъ вольныхъ критиковъ запречь, заставить ихъ на своей спинѣ убѣдиться въ томъ что всѣ гадости, въ которыхъ они считали тамъ инженеровъ повинными, сидятъ только въ ихъ воображеніи,—думалъ Кольцовъ, вылѣзая изъ саней передъ домомъ главнаго управляющаго заводами (самъ владѣлецъ въ заводѣ не жилъ и никогда въ жизни въ немъ не былъ), горнаго инженера Пшемыслава Ѳаддеевича Бжезовскаго. Бжезовскій пользовался большимъ уваженіемъ въ горномъ мірѣ, — онъ организовалъ рельсовое производство, прекрасно его поставилъ, пользовался репутаціей даровитаго и способнаго инженера слылъ за прекраснаго человѣка, его домъ отличался гостепріимствомъ и радушіемъ.—Громадный двухъэтажный домъ, занимаемый Бжезовскимъ, былъ настоящій дворецъ. Прекрасная мебель, масса картинъ, электрическое освѣщеніе, громадныя комнаты напоминали собою давно-давно забытую роскошь временъ крѣпостничества. Нѣсколько прекрасныхъ охотничьихъ собакъ привѣтствовали громкимъ лаемъ появленіе Кольцова въ обширной передней.

Несмотря на несошедшій еще снѣгъ и холодъ, отовсюду неслся нѣжный запахъ свѣжихъ цвѣтовъ. Точно какой-то волшебной силой изъ царства тьмы и неуютной зимы Кольцовъ былъ вдругъ перенесенъ въ волшебное царство весны.

На него, жителя юга, пахнуло чѣмъ-то далекимъ и милымъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя этотъ ароматъ весны, пока лакей снималъ съ него валенки, доху и сибирскую съ ушами шапку.

Не успѣлъ онъ оправиться, какъ въ дверяхъ показались Бжезовскій и его жена. Бжезовскій, высокій, пожилой господинъ съ окладистой бородой, худощавый, съ безукоризненными манерами, привѣтливо, но съ чувствомъ собственнаго достоинства поздоровался съ Кольцовымъ, проговоривъ радушно:

— Добро пожаловать.

Жена Бжезовскаго, маленькая, полная женщина лѣтъ 40 съ добрыми чистыми глазами, какъ у ребенка, ласково поздоровалась съ Кольцовымъ и сейчасъ же засыпала его вопросами, не озябъ ли онъ, не усталъ ли, не желаетъ ли умыться, не хочетъ ли чаю, и когда Кольцовъ сказалъ, что чаю хочетъ, она весело ударила въ ладоши и сказала, что они какъ разъ пьютъ чай.

Въ большой столовой за чайнымъ столомъ Ольга Андреевна (она была урожденная русская), пока настаивался чай, нѣсколько разъ еще переспросила, не хочетъ ли Кольцовъ ѣсть. Кольцовъ увѣрилъ, наконецъ, ее, что сытъ. Тогда она перешла къ подробнымъ распросамъ о женѣ и дѣтяхъ Кольцова.

— Какой вы недобрый, зачѣмъ-же Анну Валеріевну съ собой не привезли?

Кольцовъ извинился, сказавъ, что пріѣхалъ по дѣлу.

— Ого, по дѣлу!—разсмѣялся Бжезовскій.

Въ это время вошелъ плотный высокій господинъ, помощникъ Бжезовскаго, горный инженеръ Малинскій.

— Василій Яковлевичъ къ намъ по дѣлу,—обратился къ нему Бжезовскій.

— О!—произнесъ Малинскій и сѣлъ возлѣ налитаго для него стакана. Кольцовъ началъ издалека. Онъ изложилъ въ короткихъ словахъ предстоящую картину постройки, наплывъ рабочихъ, возвышеніе цѣнъ на рабочія руки, на перевозочныя средства, указалъ на затрудненія, какія испытаетъ заводъ отъ этого, коснулся неизбѣжныхъ столкновеній съ подрядчиками и рядчиками.

— Ну, съ этими-то господами намъ не трудно будетъ справиться,—увѣренно перебилъ его Малинскій.—Одинъ хорошій паводокъ сразу приведетъ ихъ въ христіанскую вѣру.

— Вещь обоюдоострая,—отвѣтилъ сдержанно Кольцовъ.—Людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человѣкъ, не такъ легко запугать. Одинъ неосторожно разведенный костеръ въ вашихъ сосновыхъ лѣсахъ надѣлаетъ всѣмъ больше убытковъ, чѣмъ всѣ ваши паводки. Этого, конечно, не будетъ, какъ и съ вашей стороны не будетъ умышленнаго нарушенія интересовъ подрядчиковъ.

— Конечно,— поспѣшилъ согласиться Бжезовскій, недовольный, что его пылкій помощникъ выболталъ, видимо, обсуждавшіяся уже между ними соображенія будущихъ отношеній.

— Опасная сторона дѣла та, что подрядчики станутъ пользоваться вашимъ населеніемъ для своихъ работъ.

— Пусть пользуются,—отвѣтилъ Малинскій,—а мы имъ

откажемъ въ землѣ, лѣсѣ, дровахъ; у нихъ ничего вѣдь нѣтъ, они все получаютъ отъ насъ при условіи работать въ заводѣ, а не хотятъ—мы имъ ничего не дадимъ.

— По моему, этимъ вы ихъ не испугаете,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Они отлично знаютъ, что ваши заводы безъ нихъ ничего не стоятъ, и что вамъ ничего не останется дѣлать, какъ вновь ихъ принять, когда они явятся къ вамъ.

Бжезовскій все время молча слушалъ Кольцова. Малинскій открылъ было ротъ, но Кольцовъ перебилъ его.

— При такихъ условіяхъ единственная возможность не отрывать мѣстное населеніе отъ заводскихъ работъ заключается въ томъ, чтобы самъ заводъ взялъ на себя подрядъ! Тогда заводу стоитъ только не принимать мѣстный элементъ на желѣзнодорожную работу, и дѣло въ шляпѣ.

Глаза Бжезовскаго сверкнули, но опять приняли спокойное, безстрастное выраженіе. Онъ продолжалъ молчать, какъ-бы приглашая Кольцова говорить дальше.

— Въ денежномъ отношеніи,—продолжалъ, помолчавъ Кольцовъ,—дѣло это тоже представляется крайне выгоднымъ. Если подрядчикъ пришлый зарабатываетъ на такомъ дѣлѣ барыши, то мѣстный контрагентъ, имѣющій весь даровой матеріалъ, заработаетъ, конечно, несравненно больше.

— Положимъ, этотъ матеріалъ мы можемъ выгодно продать прошлому контрагенту,—первый разъ возразилъ Бжезовскій.

— Не всегда,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Въ случаѣ слишкомъ дорогихъ цѣнъ, дорога ограничится крайне необходимымъ, а остальное привезетъ по временному пути изъ мѣстъ, болѣе дешевыхъ.

Бжезовскаго непріятно передернуло, но это было очень быстрое движеніе, и онъ молча поспѣшилъ кивнуть головой въ знакъ согласія.

— Размѣры подряда,—продолжалъ Кольцовъ,—настолько велики, что они стоятъ того, чтобы такимъ дѣломъ заняться. Вашъ годовой оборотъ, если не ошибаюсь, достигаетъ милліона, двухлѣтній подрядъ дастъ оборотъ до $2^1/_2$ милліоновъ. Барышъ отъ него будетъ крупнымъ подспорьемъ для завода, давъ ему возможность не только легко перенести кризисъ, но и заработать на немъ. Въ виду того, что дорога только разъ строится, казалось бы, не слѣдовало упускать такого удобнаго случая,—закончилъ Кольцовъ свою рѣчь.

Наступило молчаніе.

Ольга Андреевна, Малинскій и Кольцовъ смотрѣли на Бжезовскаго. Послѣдній не торопился съ отвѣтомъ.

Послѣ долгой паузы онъ, наконецъ, спросилъ:

— А какъ великъ можетъ быть барышъ?

— Какъ повести дѣло. Принимая во вниманіе ваши условія, я думаю—не менѣе 25% со всей суммы.

— Какой оборотный капиталъ для этого нуженъ?

— 10% отъ всего, т. е. 250 тысячъ рублей, — отвѣчалъ Кольцовъ.

— Бѣда въ томъ, что съ этимъ дѣломъ мы мало знакомы,— замѣтилъ Бжезовскій.

— Это я имѣлъ въ виду. Вамъ необходимо пригласить въ руководители опытное въ этомъ дѣлѣ лицо. Я могу указать вамъ на такого. Это Яковъ Петровичъ Нельтонъ. Онъ тоже собирается принять участіе въ подрядахъ, но самъ имѣетъ слишкомъ мало денегъ и ищетъ компаніоновъ. Онъ, между прочимъ, былъ представителемъ компаніи строителей на 5 участкѣ смежной съ вами дороги, которая только что закончилась, и далъ своимъ компаніонамъ до 70% на затраченный капиталъ. Точныя свѣдѣнія вы получите какъ отъ его компаніоновъ, такъ и отъ начальника работъ.

— Надо подумать,—задумчиво проговорилъ Бжезовскій

Разговоръ перешелъ на текущую жизнь.

Кольцовъ разсказалъ о новыхъ своихъ варіантахъ, о радіусѣ 150, о замѣнѣ мостовъ туннелемъ. Малинскій пришелъ въ ужасъ, что цѣна погонной саж. туннели обойдется 2.000 руб.

— Помилуйте, вся цѣна такой туннели 600 руб. пог. саж.

— А вотъ берите подрядъ,—улыбнулся Кольцовъ,—и гребите деньги.

— Но что же вы такъ дорого цѣните въ туннели?

— Я вамъ укажу только на тотъ фактъ, что дешевле 2.000 руб. ни одна туннель въ мірѣ не выстроена, — отвѣтилъ Кольцовъ.

— Значитъ, дѣло неправильно поставлено,—отвѣтилъ Малинскій.

— Ну вотъ, вамъ и случай поставить его правильно.

— Какъ вы работаете туннель?

— Есть нѣсколько способовъ, но всѣ они сводятся къ тому, что пробивается сперва небольшое отверстіе, которое называется направляющей штольней, а затѣмъ разрабатывается все отверстіе.

— А почему сразу не разрабатывается все отверстіе?

— Невыгодно, какъ работа цѣльной среды. Чѣмъ меньше направляющая штольня, тѣмъ это выгоднѣе.

— Конечно, мнѣ трудно возражать, но я познакомлюсь съ вопросомъ и черезъ мѣсяцъ буду съ вами спорить. Какое лучшее сочиненіе по туннелямъ?

Кольцовъ не могъ отвѣтить.

— По-русски почти ничего нѣтъ, а за-границей, навѣрно, есть.

— Нѣтъ, кажется, полная удача,—отвѣтилъ Кольцовъ, входя въ свой скромный кабинетъ и опускаясь въ кресло.

Жена сѣла возлѣ него и пытливо заглядывала ему въ глаза. Кольцовъ старался избѣгнуть встрѣчи съ ея глазами.

— Воздухъ спертый,—проговорилъ Кольцовъ.

— Квартира сырая, комнаты маленькія. Сегодня у Коки за кроватью на стѣнѣ я нашла грибъ. Меня такъ безпокоитъ, какъ бы эта сырость не отразилась на здоровьи дѣтей. Они такъ поблѣднѣли за зиму.

— Надо почаще вентилировать,—замѣтилъ Кольцовъ.

— Каждый день вентилируемъ,—отвѣтила жена.—Когда бы ужъ скорѣе весна началась, стану ихъ по цѣлымъ днямъ на воздухѣ держать.

Кольцовъ облокотился и задумался.

— Ты не въ духѣ?—помолчавъ, спросила его жена.

— Такъ, немножко непріятно, — нехотя отвѣтилъ Кольцовъ, рѣшивъ ничего не говорить женѣ.

Черезъ полчаса, однако, онъ уже все ей разсказалъ.

— Что-жъ тутъ такого, что могло тебя такъ огорчить?—успокаивала его жена.—Во-первыхъ, большая разница между имъ и тобой: онъ ведетъ осѣдлую жизнь, дѣла у него сравнительно съ тобой почти нѣтъ, онъ, наконецъ, любитъ теорію, ты любишь практику. Профессоръ, можетъ быть, изъ тебя не выйдетъ, но вѣдь ты и не желаешь имъ быть. Вашъ же министръ и вовсе не инженеръ, а все таки министръ.

— Ну, это положимъ, не доводъ. Я не знаю, что нашего министра вывело въ люди, но знаю, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ искать во мнѣ причинъ, которыя дали бы оружіе моимъ противникамъ. Слабая теоретическая подготовка будетъ мнѣ въ жизни громадной помѣхой.

— Но, если и такъ, что тебѣ мѣшаетъ пополнить пробѣлъ: тебѣ 35 лѣтъ—твое время не ушло.

— Вотъ именно я думалъ, что когда начнется постройка, время будетъ посвободнѣе. Я повторю всю теорію и займусь литературой. Вѣдь не то, чтобъ я ее забылъ, а такъ забросилъ. Пристань ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, я и теперь сумѣю разсчитать любой мостъ.

— Миленькій мой, я ни капли въ этомъ не сомнѣваюсь,—отвѣтила жена, обнимая и цѣлуя его.

Кольцовъ повеселѣлъ и началъ разсказывать женѣ, какъ хорошо у Бжезовскихъ. Какъ у нихъ пахнетъ весной, какъ ему вспомнился югъ.

Анна Валеріевна—сама южанка, понимала мужа, жалѣла, что не поѣхала съ нимъ къ Бжезовскимъ.

— Ахъ, Вася, Вася, чего бы я не дала, чтобъ жить тамъ,

на югѣ, — страстно проговорила она. — Какъ бы расцвѣли тамъ Дюся и Кока.

— Что дѣлать!—вздохнулъ Кольцовъ. Онъ всталъ.

— Неужели заниматься?—спросила испуганно жена.

— Нужно бы, очень нужно, но усталъ и мысли въ разбродѣ. Пойду только отдамъ распоряженіе на завтра. Не знаешь, Татищевъ и Стражинскій...

— Цѣлый день занимались,—перебила его жена, — и теперь, кажется, въ конторѣ. Отпусти ты ихъ или приходи съ ними чай пить. Я буду васъ ждать.

— Хорошо,—отвѣтилъ Кольцовъ, уходя въ контору.

Татищевъ и Стражинскій приготовили Кольцову сюрпризъ. Онъ засталъ ихъ усердно работавшими.

— Господа, вы меня стыдите, — проговорилъ Кольцовъ, весело съ ними здороваясь. — Бросьте работу, вѣдь не каторжные же мы въ самомъ дѣлѣ.

— Скоро конецъ,—весело проговорилъ Татищевъ. — Ну, вотъ смотрите, кончили мы то мѣсто, гдѣ вы хотите туннель дѣлать вмѣсто мостовъ.

— Ужъ вычертили?—удивился и обрадовался Кольцовъ.

— Да, надо же когда-нибудь кончать,—разсмѣялся Татищевъ.

Кольцовъ растрогался и горячо пожималъ руки Татищева и Стражинскаго. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не прикинуть, какъ ляжетъ туннель. Мало-по-малу всѣ трое такъ увлеклись, что и не замѣтили, какъ пробило два часа.

Анна Валеріевна напрасно нѣсколько разъ звала ихъ пить чай.

Горничная каждый разъ приносила все тотъ же стереотипный отвѣтъ: „сейчасъ“. И Анна Валеріевна снова посылала разогрѣвать самоваръ, снова заваривала свѣжій чай. Горячія ватрушки давно уже простыли, поданный въ пятый разъ самоваръ опять сталъ совершенно холоднымъ; Анна Валеріевна съ книгой въ рукахъ такъ и заснула на диванѣ въ ожиданіи, когда, наконецъ, Кольцовъ вошелъ въ столовую. Онъ тихо подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее.

— Миленькій мой, какъ ты опоздалъ,—сказала она, просыпаясь.—А гдѣ же Стражинскій и Татищевъ?

— Спать пошли: два часа.

— Два часа? — переспросила Анна Валеріевна и замолчала.

Ей стало досадно, что и этотъ вечеръ ушелъ отъ нея.

— Ты мнѣ ни одного вечера не подарилъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь,—тихо проговорила она, и слезы обиды закапали изъ ея глазъ.

Кольцовъ горячо обнялъ ее и началъ утѣшать.

— Скоро, скоро ужъ конецъ. Тогда опять всѣ вечера твои.

Онъ разсказалъ ей, какой сюрпризъ ему устроили его товарищи, какъ незамѣтно они увлеклись проектировкой и какъ опомнились, когда уже было два часа.

Бжезовскій пріѣхалъ къ Кольцову въ назначенное время и изъявилъ свое согласіе на участіе въ подрядѣ. Нужно было торопиться ѣхать на торги. Кольцовъ давалъ ему всякія инструкціи.

— Главное, не набирайте большого штата. Если-бъ даже мой варіантъ и не поспѣлъ къ торгамъ, будетъ строиться все-таки онъ, а не прежній, поэтому не спѣшите набирать большую администрацію, такъ какъ теперешняя линія на 40 процентовъ дешевле прежней.

Бжезовскій уѣхалъ. Окончилъ и Кольцовъ свои варіанты.

— Что бы вы сказали, Павелъ Михайловичъ, если бы я васъ командировалъ съ проектами?—спросилъ онъ какъ-то у Татищева.

Татищевъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Стражинскій на-отрѣзъ отказался ѣхать въ отпускъ, а вы принимаете?

— Я съ удовольствіемъ,—повторилъ Татищевъ.

— А сумѣете вы защищать нашу красавицу — новую линію?

— Она не нуждается въ защитѣ,—съ несвойственной ему горячностью и увѣренностью отвѣтилъ Татищевъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ Кольцовъ.—Вашъ отвѣтъ показываетъ убѣжденность, а когда человѣкъ убѣжденъ, онъ все сдѣлаетъ.

Татищевъ пріѣхалъ въ городъ за два дня до торговъ.

Первымъ дѣломъ онъ явился къ начальнику работъ.

Его потребовали не въ очередь.

Въ небольшомъ, скромно меблированномъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ ходилъ лѣтъ 50-ти главный инженеръ Елецкій, средняго роста, хорошо сложенный, съ сохранившимися красивыми чертами лица.

Татищевъ вошелъ и поклонился.

— Здравствуйте, — медленно проговорилъ Елецкій, протягивая руку Татищеву.—Что скажете хорошенькаго?

— Варіантъ привезъ,—весело-почтительно отвѣтилъ Татищевъ.

Легкая улыбка сбѣжала съ лица Елецкаго. На лбу появились складки, и онъ раздраженнымъ голосомъ переспросилъ:

— Варіантъ? Опять варіантъ? Да такъ же нельзя, господа!

Татищевъ потупился и не нашелся ничего отвѣтить.

Елецкій нѣсколько секундъ постоялъ, сердито махнулъ рукой и заходилъ по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ тянулось тяжелое для Татищева молчаніе. Елецкій забылъ о Татищевѣ и весь погрузился въ свои мысли. Татищевъ слегка кашлянулъ.

— Извините, пожалуйста,—спохватился Елецкій.—Присядьте.

И онъ опять зашагалъ по комнатѣ.

— И всѣ эти варіанты—прекрасная вещь, но все въ свое время,—заговорилъ Елецкій успокоеннымъ голосомъ.—Вы, господа, совершенно забыли о постройкѣ, а мы два года уже дѣлаемъ изысканія. Мнѣ проходу нѣтъ въ Петербургѣ, когда я, наконецъ, начну постройку, а я въ отвѣтъ то и дѣло вижу все новые и новые варіанты. Послѣдній?- спрашиваютъ.— Послѣдній, и черезъ три мѣсяца опять совершенно новая линія. Вѣдь, наконецъ, кончится тѣмъ, что насъ всѣхъ прогонятъ,—остановился онъ передъ Татищевымъ.

Татищевъ смущенно ерзалъ на стулѣ.

— Когда же конецъ будетъ?—наступалъ на него, между тѣмъ, Елецкій.—Черезъ три мѣсяца вы мнѣ опять привезете новый варіантъ, когда же мы строить будемъ, что же я скажу въ Петербургѣ, когда только что пріѣхалъ оттуда, давъ чуть ли не честное слово, что изысканія окончены?

— Два года идутъ изысканія, а линіи нѣтъ,—помолчавъ, продолжалъ Елецкій.—Варіанты, варіанты, безъ конца варіанты.

— Живое дѣло,—робко замѣтилъ Татищевъ,—одно хорошо, другое лучше.

— Но вѣдь такъ же безъ конца можетъ продолжаться,—вспыхнулъ Елецкій.—Гдѣ же конецъ? Наши изысканія сумасшедшихъ денегъ стоятъ.

— Но каждый лишній рубль, истраченный на изысканія, даетъ тысячныя сбереженія въ дѣлѣ,—замѣтилъ Татищевъ.

— Такъ вѣдь это мы съ вами знаемъ, а подите вы разскажите это въ Петербургѣ, что вамъ отвѣтятъ? Отвѣтятъ, что дороже нашихъ изысканій еще не было.

— Но экономія,—началъ было Татищевъ.

— Да что вы все о своей экономіи. Не говорите о вещахъ, о которыхъ понятія не имѣете. Я тридцать лѣтъ строю и знаю эту экономію на изысканіяхъ. Дешево, хорошо, пока не начали строить, а чуть началось—и пошла потѣха! Тамъ неожиданно оказалась скала вмѣсто глины, тамъ плывунъ, тамъ приходится вмѣсто простого котлована кессонъ опу-

скать, смотришь—вмѣсто экономіи перерасходъ. Знаю я эту экономію.

Елецкій зашагалъ опять по комнатѣ.

— Теперь вы мнѣ за два дня до торговъ привозите новый варіантъ. Мы вотъ уже мѣсяцъ, сломя голову, подготовляемъ данныя, и что-жъ—теперь опять все сначала? Торги откладывать? Да, попробуй я дать объ этомъ телеграмму въ Петербургъ, завтра же меня не будетъ и никого изъ васъ.

Опять наступило молчаніе.

— Во всякомъ случаѣ, и думать нечего разсматривать новый варіантъ до торговъ,—заключилъ Елецкій, останавливаясь передъ Татищевымъ. Послѣдній поднялся и началъ откланиваться.

— До свиданія. Послѣ торговъ я дамъ знать

У Татищева вертѣлось въ головѣ сказать Елецкому, съ какой цѣлью Кольцовъ торопился поспѣть до торговъ со своими варіантами, но онъ подумалъ, что это безполезно и только вызоветъ новую бурю.

Татищевъ вышелъ въ пріемную съ чувствомъ школьника, хотя и получившаго незаслуженную головомойку, но утѣшеннаго тѣмъ, что пострадалъ не за себя, а за Кольцова. Мысль, что на три дня онъ совершенно свободенъ, привела его въ веселое настроеніе.

Черезъ рядъ комнатъ онъ направился въ техническое отдѣленіе провѣдать товарищей.

Въ чертежной онъ столкнулся съ начальникомъ техническаго отдѣленія, пожилымъ уже инженеромъ, Иваномъ Осиповичемъ Залѣскимъ.

Залѣскій слылъ за тонкаго дипломата, но, въ сущности, былъ добрый человѣкъ. Девизъ его по службѣ былъ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“.

— Павелъ Михайловичъ,—радушно поздоровался Залѣскій съ Татищевымъ.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Что Кольцовъ?

— Ничего, варіантъ прислалъ, кланяется.

— Опять?—спросилъ Залѣскій и весело разсмѣялся.

— Николай Павловичъ недоволенъ.

— А вы ужъ видѣлись съ нимъ. Не доволенъ?—встревоженно спросилъ Залѣскій и, не дожидаясь, сказалъ:

— Да, знаете, у него много непріятностей по поводу изысканій. Дорого стоятъ.

— Но, что же дѣлать?—на этотъ разъ смѣло спросилъ, Татищевъ,—вѣдь это гроши по сравненію съ той пользой, какую они приносятъ.

— Конечно,—согласился Залѣскій.—Ну, что, надолго къ намъ?

— Въ отпускъ хочу.

— Можетъ, жениться?

— Куда тутъ жениться,—махнулъ рукой Татищевъ и разсмѣялся.

Залѣскій тоже разсмѣялся и пошелъ въ свой кабинетъ. А Татищевъ поворотилъ направо, прошелъ коридоръ и очутился въ большой комнатѣ.

Тамъ сидѣло за отдѣльнымъ столомъ три инженера.

— Павелъ Михайловичъ!—раздались привѣтствія на разные голоса.

Татищевъ поспѣшно здоровался, его широкое лицо сіяло добродушіемъ и весельемъ. Окончивъ, онъ сѣлъ на табуретъ и, ни къ кому особенно не обращаясь, началъ:

— Ну, и вздули меня. „Опять варіанты!—говорилъ онъ, представляя Езерскаго:—вы что же, хотите, чтобъ насъ совсѣмъ вонъ прогнали?"—и Татищевъ покатился со смѣху. Припадокъ смѣха, по обыкновенію, продолжался у Татищева довольно долго. Онъ умолкалъ, потомъ опять начиналъ.

Бѣльскій, Дубровинъ и Денисовъ сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, но кончили тѣмъ, что и сами начали смѣяться.

— Да будетъ!—остановился, наконецъ, Бѣльскій.—Говорите толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Да варіантъ привезъ,—едва могъ проговорить Татищевъ и залился новымъ смѣхомъ.

На этотъ разъ дружный хохотъ четырехъ здоровыхъ молодыхъ голосовъ слился чуть ли не въ ревъ.

Татищевъ кое-какъ, наконецъ, разсказалъ про варіантъ и про пріемъ Езерскаго.

— Большой варіантъ?—спросилъ Бѣльскій.

— Тысячъ шестьсотъ сбереженія.

Бѣльскій только свистнулъ.

— Молодецъ Кольцовъ,—горячо сказалъ Дубровинъ.

— Молодчина!—подтвердилъ Денисовъ.

Бѣльскій, нервный и раздражительный, занимавшій должность старшаго инженера въ техническомъ отдѣленіи, разразился ругательствами.

— А, скоты! Варіантъ въ 600 тысячъ, и чуть не съ площадной бранью встрѣчаютъ. Подлая казенщина!

— Это, батюшка, еще цвѣточки,—сказалъ Дубровинъ.—Попомните меня, кончатъ тѣмъ, что выгонятъ Кольцова.

— Ну, положимъ, не посмѣютъ,—задорно отвѣтилъ Бѣльскій.

— Именно, что не посмѣютъ,—расхохотался Дубровинъ.

— Понятно, не посмѣютъ,—разсердился Бѣльскій.—Общественное мнѣніе не позволитъ.

— Ну, еще что?—насмѣшливо спросилъ Дубровинъ.

— Случись что-нибудь подобное, и никто изъ порядочныхъ не захочетъ оставаться у нихъ. Вы останетесь?

— Это другой вопросъ, батюшка. Не мы тамъ съ вами сила. Мы уйдемъ, другіе явятся.

— Не явятся, не то время.

— Да, испугаете вы ихъ,—отвѣтилъ Дубровинъ.

Денисовъ молча слушалъ и, когда споръ кончился, спокойно проговорилъ:

— Конечно, уйдемъ, если-бъ прогнали Кольцова, только этого не будетъ. Елька посердится и приметъ варіантъ.

— А я убѣжденъ, что не приметъ,—возразилъ Дубровинъ.

— Не приметъ,—согласился Татищевъ.

— Приметъ, — сказалъ Бѣльскій, — Кольцовъ настоитъ. Варіантъ съ вами?

Татищевъ принесъ варіантъ.

Компанія начала внимательно его разсматривать. Каждый дѣлалъ свои замѣчанія, поднялся споръ, который чуть было не кончился ссорой между Дубровинымъ и Бѣльскимъ.

Помирилъ ихъ Денисовъ, выругавъ обоихъ.

— Вы, господа, право, какъ мальчишки, привязываетесь къ каждому слову другъ друга. Въ сущности споръ у васъ изъ-за выѣденнаго яйца и общаго съ варіантомъ ничего не имѣетъ. Передъ вами варіантъ Кольцова: одобряете его, или нѣтъ?

— Конечно, одобряемъ,—отвѣтилъ Бѣльскій.

— И я одобряю,—съ важной физіономіей сказалъ Денисовъ,—а потому предлагаю послать Кольцову привѣтственную телеграмму. Согласны?

— Молодецъ, Васька, — весело сказалъ Бѣльскій, и взъерошилъ волосы Денисову.

— Безъ нахальства,—тѣмъ же тономъ продолжалъ Денисовъ.—Я составлю телеграмму. Я беру карандашъ, я беру бумагу. Дальше...

Началось совѣщаніе. Окончательная телеграмма получилась такого содержанія:

„Поздравляемъ, прекрасный варіантъ. Да здравствуютъ даровитые честные инженеры. Желаемъ успѣха и дальнѣйшаго саморазвитія“.

На послѣднемъ словѣ настоялъ Дубровинъ.

— Онъ пойметъ, — говорилъ онъ,— на что ему намекаемъ.

Кольцовъ очень обрадовался телеграммѣ и нѣсколько разъ перечитывалъ ее.

— Это на счетъ моей теоріи они, мошенники, наме-

каютъ,—добродушно объяснялъ онъ своей женѣ.—Ну, зима пройдетъ, займусь теоріей.

Теперь Кольцовъ всѣ вечера проводилъ дома. Жена его повеселѣла и оживилась.

Кольцовъ, охладѣвшій было за время работъ къ дѣтямъ, теперь опять привязался къ нимъ. По цѣлымъ часамъ разсказывалъ своему 3-хъ лѣтнему сыну все ту же сказку.

Любимымъ его занятіемъ было отыскивать сходство между собой и сыномъ. Эти изслѣдованія приводили Кольцова не къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Сегодня Кока, какъ двѣ капли воды, походилъ на отца, завтра только носъ лопаточкой былъ въ него, а остальное чужое.

— Ну, глаза еще твои,—обращался онъ женѣ,—а остальное чужое.

— На кого ты похожъ?—спрашивала мать сына.

— На папу,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Слышите, неблагодарный. Вашъ сынъ знаетъ больше васъ.

— Отличное доказательство. Кока, кто умнѣе, папа или ты?

— Я.

— Кто умнѣе, папа или аргамакъ?

— Аргамакъ.

— Кого ты больше любишь, папу или аргамака?

— Кока,—перебила его мать,—кого ты больше любишь, аргамака или папу?

— Папу.

У мальчика была страсть къ лошадямъ. Лошадь была для него недосягаемымъ идеаломъ, къ которому онъ всѣми силами стремился. Бѣжать, какъ лошадь, ѣсть, какъ лошадь. Если онъ упадетъ, то стоило ему сказать, что онъ упалъ, какъ лошадь, и, несмотря на боль, онъ вскочитъ и весело побѣжитъ объявлять всѣмъ, что упалъ, какъ лошадь.

— Папа, я упалъ, какъ лошадь,—кричитъ онъ еще изъ другой комнаты, усердно работая своими маленькими ножками. Вотъ такъ!—и для примѣра еще разъ падаетъ на ноги.

— Глупенькій ты мой мальчикъ,—подхватывалъ его съ полу Кольцовъ и высоко подымалъ вверхъ.

— Я не плакалъ,—лепеталъ Кока.—Я мужчина.

Кольцовъ приходилъ въ восторгъ и начиналъ теребить сына.

— Папа,—снисходительно говорилъ мальчикъ, стараясь вырваться изъ рукъ отца.

— Ну, говори про козла.

Мальчикъ принималъ сосредоточенное выраженіе лица и начиналъ медленно, наставительнымъ тономъ, декламировать:

— Смотрѣлъ козелъ въ воду и говоритъ: какой-я козельчикъ, какая у меня борода и престрашные рога. Если волкъ придетъ, я его убью. А волкъ слушаетъ и говоритъ: что ты, Васька, говоришь? А Васька говоритъ: я ничего, ваше благородіе.

Послѣднее время постоянный кашель изнурилъ и раздражилъ ребенка. Забѣгается ли слишкомъ, начинается сильный приступъ кашля. Мальчикъ кашляетъ, кашляетъ и вдругъ тихо и горько заплачетъ. Столько безсилія и страданія, столько горя слышалось въ этомъ маленькомъ плачѣ, что жена Кольцова сама начинала плакать, а Кольцовъ готовъ былъ все на свѣтѣ отдать, чтобы только облегчить его страданія.

— Уходъ плохой,—приставалъ онъ къ своей женѣ.—Я не знаю, чего нельзя на свѣтѣ сдѣлать, если захочешь. Растирай его, парнымъ молокомъ пой, давай малинку, пригласи еще изъ города доктора—вотъ, что надо дѣлать, а не плакать.

Кольцовъ горячился, приставалъ къ нянькѣ и, по своему обыкновенію, чѣмъ больше горячился, тѣмъ больше былъ неправъ. Дѣлалось, что можно было дѣлать, но средства были безсильны. Докторъ, впрочемъ, успокаивалъ и говорилъ, что съ весной все пройдетъ... Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась весна въ домѣ Кольцова. Прошла недѣля со дня полученія телеграммы Бѣльскаго и товарищей. Кольцовъ поѣхалъ на линію провѣрить разбивки. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, уложивъ инструменты, онъ поѣхалъ домой. Дорога шла по рѣкѣ. Зима подходила къ концу, но ледъ былъ еще крѣпкій. Всплыла луна и мало-по-малу залила своимъ волшебнымъ свѣтомъ округу. Силуэты оборванныхъ скалъ сплошной стѣной тянулись по обѣимъ сторонамъ рѣки. Прежняя линія, вслѣдствіе обманчиваго свѣта луны, казалась гдѣ-то въ недосягаемой высотѣ; новая, пользуясь естественными уступами, шла невдалекѣ отъ саней. Кольцовъ, съ гордостью, любовался дѣломъ своихъ рукъ.

— Та, прежняя,—думалъ онъ,—какъ вѣдьма, скачетъ тамъ гдѣ-то въ небѣ съ утеса на утесъ. Я разыскалъ мою красавицу въ этой безднѣ скалъ и утесовъ, вырвалъ ее у природы, какъ Русланъ вырвалъ у Черномора свою Людмилу.

И фантазія перенесла Кольцова въ далекое прошлое.

— Сюда приходили,—думалъ онъ,—наши предки искать себѣ славы. Только въ такихъ мѣстахъ, подъ впечатлѣніемъ этой дикой природы, могли сложиться наши чудныя сказки, только здѣсь могла появиться та дикая, непреклонная воля, какою одарилъ народъ своихъ героевъ. Здѣсь пролагали себѣ путь въ панцыряхъ и шлемахъ богатыри русской земли. Здѣсь прошли орлы Всеволода III, здѣсь Ермакъ нечеловѣческими

усиліями проложилъ себѣ путь къ славѣ. Прошли вѣка, и вотъ мы пришли докончить великое дѣло. Проведеніемъ дороги мы эти необъятные края сдѣлали реальнымъ достояніемъ русской земли. Это будетъ второе завоеваніе края. И, какъ Ермакъ нѣкогда, съ ничтожными силами пріобрѣлъ его, такъ и мы должны употребить всѣ силы, чтобъ уменьшить стоимость постройки дороги. Нельзя строить дорого, у насъ нѣтъ средствъ на такія дороги, а намъ онѣ необходимы, какъ воздухъ, какъ вода. Востокъ гибнетъ оттого, что не имѣетъ дорогъ. Общество право въ своемъ раздраженіи на насъ, инженеровъ. Оно не выяснило себѣ еще причины, ищетъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, но исторія выяснитъ именно причины въ нашемъ неумѣньи дешево строить. Мы какъ заимствовали 30 лѣтъ тому назадъ способъ постройки у нашихъ дорогихъ сосѣдей, такъ при немъ и остались. Развѣ наша бѣдная русская жизнь можетъ сравниться съ богатой западной? Если бы русскій изобрѣлъ желѣзныя дороги, а не Стефенсонъ, развѣ дошли бы мы до той роскоши, какая царитъ на нашихъ дорогахъ? И что бы его могло вдохновить на бархатъ, зеркала, дворцы, будки, дворцы — вокзалы? Наши перекладныя? Наши бывшія почтовыя станціи, наши нищія деревни? Наши грязные города съ гостиницами-клоповниками? Именно здѣсь, когда мы приступаемъ къ этому великому пути, когда все окружающее, вся исторія должна напоминать намъ, что мы—русскіе,—мы, инженеры, обязаны поставить на совершенно новую почву постройку дороги, мы должны показать Западу, что мы, русскіе инженеры, способны не только воспринимать его великія идеи, но и культивировать ихъ въ условіяхъ русской жизни. А это, въ свою очередь, покажетъ на достаточную подготовку къ самостоятельному творчеству. И, какъ нѣкогда Ермакъ искупилъ свою и товарищей своихъ вину, такъ и мы, инженеры, дешевой постройкой должны искупить нашу невольную вину передъ родиной...

Кольцову стало жарко. Онъ снялъ шапку и провелъ рукой по лбу. Его глаза горѣли и усиленно смотрѣли въ даль. Онъ точно видѣлъ себя лицомъ къ лицу со всѣми обитателями своей необъятной родины.

— Да, нѣтъ выше счастья, какъ работать на славу своей отчизны и сознавать, что работой этой приносишь не воображаемую, а дѣйствительную пользу. Это—жизнь, это напряженіе. Пусть проходитъ молодость съ ея радостями любви: что жалѣть о нихъ, когда радости эти смѣняются болѣе высшими наслажденіями, сознаніемъ приносимой пользы, сознаніемъ, что заслужилъ право на жизнь!

Мысль, что заслугъ инженера путей сообщенія въ обще-

ствѣ не признаютъ, непріятнымъ диссонансомъ пронеслась въ его головѣ. Но, по свойству своей оптимистической натуры, Кольцовъ подавилъ въ себѣ непріятное чувство, разсуждая, что заслуга останется заслугой, а какъ непризнанная, она имѣетъ двойную цѣну.

Да, если бъ удалось провести въ жизнь все задуманное. Но какъ провести? Гдѣ найти то ухо, которое захотѣло бы услышать истину? Одни погрязли въ рутинѣ, другіе преслѣдуютъ корыстныя цѣли, третьи устарѣли, четвертые просто ничего не понимаютъ. Что толку, что Бѣльскій, Дубровинъ, Денисовъ—сторонники взглядовъ Кольцова. Не въ нихъ пока сила. Какъ обратить вниманіе тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса?

— Время не ушло еще, — думалъ дальше Кольцовъ.—Я одинъ ничего не сдѣлаю. Вотъ развѣ въ компаніи съ Бѣльскимъ, Дубровинымъ, Денисовымъ составить докладную записку на имя начальника работъ о возможныхъ сокращеніяхъ расходовъ при постройкѣ нашей линіи? Если эта записка опоздаетъ для нашего участка, то время не ушло для другихъ. Экая досада, что раньше не пришло въ голову. Что дѣлать? Лучше поздно, чѣмъ никогда. Надо будетъ разбить эти вопросы по главной расцѣночной вѣдомости. Я предложу каждому изъ нихъ взять по 2 главы и разработать все и съ практической, и съ теортретической стороны, а самъ займусь составленіемъ общей записки. Не примутъ— мы будемъ спокойны, что свое дѣло сдѣлали, а если примутъ...

И горячая фантазія Кольцова унесла его въ такую заоблачную даль, что намъ съ вами, читатель, слѣдовать за нимъ не стоитъ.

Дома Кольцова ожидалъ весьма непріятный сюрпризъ, который сразу спустилъ его на землю.

— Миленькій мой,—встрѣтила его жена.—Придется вамъ мечты ваши о славѣ на время отложить,—она точно подслушала Кольцова,—вотъ телеграмма Татищева. Варіантъ не принятъ.

Телеграмма была слѣдующаго содержанія:

„Варіантъ окончательно забракованъ. О радіусѣ 150 и туннели слушать даже не хотятъ".

Для Кольцова это было полнымъ сюрпризомъ.

— А, чортъ съ ними! — проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ въ кресло и уныло замолчалъ.

— И Татищевъ тоже хорошъ. Телеграфируетъ, точно его зарѣзали. Пойдутъ теперь сплетни по заводу.

— Что же дѣлать?—утѣшала его жена. — Ты, что могъ, сдѣлалъ, тамъ уже не твое...

— А, чортъ съ ними!—еще разъ апатично проговорилъ Кольцовъ.

Онъ всталъ, нѣсколько разъ прошелся и скороговоркой проговоривъ: „я спать пойду“,—ушелъ въ спальню.

На вопросъ жены:

— А обѣдать?

Онъ, уходя, принужденно отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Жена Кольцова знала натуру своего мужа. Всякое серьезное огорченіе вызывало въ немъ полный упадокъ силъ и потребность продолжительнаго сна.

Не знавшій усталости, Кольцовъ, раздѣваясь, почувствовалъ себя такимъ усталымъ, такимъ разбитымъ, что едва могъ стащить свои тяжелые сапоги. Онъ почти мгновенно заснулъ и едва слышалъ, какъ жена, наклонившись надъ нимъ, поцѣловала его, прошептавъ:

— Не огорчайся, мое счастье, все, Богъ дастъ, будетъ хорошо.

„Хорошо“ — машинально пронеслось въ его головѣ. — „Дѣйствительно хорошо“—промелькнуло въ послѣдній разъ въ засыпающемъ мозгу—и чувство сладкаго успокоенія разлилось по его членамъ. Въ то же мгновеніе крѣпкій, здоровый сонъ безъ сновидѣній, сковалъ Кольцова. Онъ проснулся только на другой день, проспавъ 14 часовъ.

Мысль о варіантѣ только въ первый моментъ непріятно кольнула его.

— Надо самому ѣхать,—думалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

Жена, услышавъ шумъ въ спальнѣ, вбѣжала съ телеграммой въ рукахъ.

— Отъ Елецкаго,—проговорила она, цѣлуя мужа.

Кольцовъ жадно схватилъ телеграмму:

„Изъ вашихъ варіантовъ останавливаюсь на линіи прошлаго лѣта. О радіусѣ и туннели при теперешнихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи“.

Вѣжливый тонъ телеграммы успокоилъ Кольцова.

— Ну, вотъ это отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, никакой пищи нѣтъ досужимъ сплетникамъ. Ясно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ линій сразу нельзя выбрать, а такъ какъ обѣ мои, то [illegible]го и обиднаго нѣтъ. За эту деликатность я ужасно люблю Елецкаго,—говорилъ Кольцовъ повеселѣвшимъ тономъ.

Жена Кольцова тоже просіяла, увидѣвъ, какое дѣйствіе произвела телеграмма на мужа.

За чаемъ Кольцовъ сказалъ ей, что рѣшилъ самъ ѣхать.

— Безъ разрѣшенія?—спросила, испугавшись, жена.

Кольцовъ не отвѣтилъ, такъ какъ и самъ не зналъ.

какъ быть. Съ одной стороны, нужно было торопиться, а разрѣшеніе затягивало отъѣздъ, да и сомнительна была возможность его полученія въ данный моментъ, съ другой—ѣхать безъ разрѣшенія было невѣжливо и, пожалуй, рискованно.

— Могу испортить все дѣло. Онъ самъ такой деликатный и терпѣть не можетъ неделикатности въ другихъ.

Рѣшено было такъ. Кольцовъ телеграфировалъ Бѣльскому, чтобъ тотъ дѣйствовалъ въ смыслѣ вызова его, Кольцова, для личныхъ объясненій. Елецкому Кольцовъ послалъ телеграмму въ 250 словъ. Тонъ телеграммы мало было бы назвать горячимъ, страстные доводы Кольцовъ закончилъ слѣдующими словами: „Прошу извинить за настойчивость, но необходимость варіанта настолько очевидна, что не можетъ пройти незамѣтно. Во избѣжаніе справедливыхъ нареканій въ будущемъ, вынужденъ безпокоить васъ просьбой разрѣшить лично пріѣхать".

Къ вечеру Кольцовъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ваша телеграмма не перемѣнила моего рѣшенія. Если считаете необходимымъ, пріѣзжайте".

Кольцовъ выѣхалъ въ ночь.

Оставлялъ онъ семью съ тяжелымъ чувствомъ. Кашель у Коки становился все сильнѣе. Въ самый моментъ выѣзда сильный припадокъ такъ ослабилъ мальчика, что онъ весь посинѣлъ и впалъ въ легкій обморокъ. Такого припадка еще не было.

Тяжелое предчувствіе недобраго конца этой болѣзни первый разъ закралось въ душу Кольцова. Всѣмъ существомъ рвануло его къ сыну, онъ забылъ все на свѣтѣ, схватилъ его на руки, прильнулъ къ его исхудалому личику, и горькія слезы полились изъ глазъ. Прощанье было подавляющее и тяжелое. Никогда еще Кольцовъ не оставлялъ семью съ такимъ угнетеннымъ чувствомъ тоски и сознанія своего безсилія что-нибудь измѣнить изъ предназначеннаго судьбой. Первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ рука его поднялась, чтобъ осѣнить своего маленькаго сына крестомъ.

— Да хранитъ тебя Господь!—съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ.

Кольцовъ остановился въ квартирѣ Бѣльскаго, Дубровина и Денисова.

Компанія разсказала ему, что „Елька" страшно взбѣшенъ и противъ варіанта. На торгахъ линія осталась за Бжезовскимъ, и распорядителемъ работъ былъ приглашенъ Делори. Послѣдній тоже высказался противъ варіанта, указывая на слабую его сторону захвата рѣки, и не мало содѣйствовалъ тому, что варіантъ Кольцова былъ забракованъ.

— Послушайте, Кольцовъ, — говорилъ ему Бѣльскій на другой день, идя вмѣстѣ въ управленіе, — главное, не горячитесь. Помните, что съ Елькой можно работать, онъ человѣкъ честный и дѣйствуетъ по убѣжденію. Доказать ему всегда можно, но это надо сдѣлать спокойно, разсудительно и толково. И вы это можете, если захотите. Смѣшно же, въ самомъ дѣлѣ, всю жизнь изображать изъ себя лошадь, которой чуть попадетъ вожжа подъ хвостъ — и пошла потѣха. Вспомните только, что, 12 лѣтъ работая, вы еще ни одного дѣла не довели путно до конца. Начнете блистательно, потомъ по поводу выѣденнаго яйца появляется на сцену вопросъ о довѣріи, и—Кольцовъ за бортомъ. А кончается тѣмъ, что все сыграется въ руку прохвостамъ. У васъ дѣло правое и стойте за него до смерти, — пусть васъ по суду гонятъ, если хотятъ, но съ какой же благодати губить дѣло изъ-за личнаго самолюбія?

— Правда есть въ вашихъ словахъ, — отвѣчалъ Кольцовъ. — Личнаго болѣзненнаго самолюбія у меня больше, чѣмъ надо, но я вамъ скажу одно. Четыре раза уже я бросалъ дѣло и уходилъ со скандаломъ. Временно мнѣ были заперты всѣ двери въ нашемъ министерствѣ, но никогда я не жалѣлъ, что поступалъ такъ. При тѣхъ условіяхъ не было другого выхода. Теперь иное дѣло. Во всякомъ случаѣ, я не буду горячиться. Спасибо вамъ.

— Васъ уже прозвали трубадуромъ, но, если вы изъ теперешняго положенія дѣла опять сдѣлаете министерскій вопросъ, я буду называть васъ безтолковымъ трубадуромъ.

— Не сдѣлаю,—отвѣчалъ Кольцовъ.

Въ передней правленія они разстались. Бѣльскій прошелъ въ техническое отдѣленіе налѣво, Кольцовъ—въ кабинетъ начальника работъ направо.

Въ ожиданіи пріѣзда начальника работъ Кольцовъ заглядывалъ во всѣ комнаты правленія, отыскивая знакомыхъ. Всѣ здоровались съ нимъ радушно, но какъ-то обидно снисходительно. Всѣ знали про его неудачный варіантъ, и общее мнѣніе было, что Кольцовъ, что называется, зарапортовался.

Выразителемъ общаго мнѣнія былъ Щегловъ, правитель канцеляріи.

— Что, батюшка, сорвалось?—встрѣтилъ онъ Кольцова.— Ну, что-жъ дѣлать? Не всякое лыко въ строку. Надо васъ и осадить немножко, а то этакъ вы черезъ годъ и до министра доберетесь.

— Руки коротки для осадки,—строптиво возразилъ Кольцовъ.

— Будто коротки?—спросилъ Щегловъ, добродушно подмигивая своему помощнику. И ласково прибавилъ:

— Ну, ну, ладно, Богъ съ вами. Гдѣ вы сегодня вечеромъ?

Пришелъ швейцаръ и доложилъ, что начальникъ работъ пріѣхалъ и проситъ Кольцова.

Кольцовъ вскочилъ, застегнулъ пуговицу и, не прощаясь, быстро пошелъ за швейцаромъ.

— Будетъ баталія,—сказалъ Щегловъ, закуривая папироску.—Надо послушать.

И онъ, собравъ для подписи нужныя бумаги, неслышной походкой направился къ Елецкому.

Когда онъ вошелъ въ рабочую комнату начальника работъ, изъ кабинета донесся до Щеглова взбѣшенный, громкій голосъ Елецкаго.

— Да что же это, наконецъ, такое. Слова нельзя сказать, какъ онъ свою отставку суетъ.

На этотъ возгласъ не замедлилъ взволнованный отвѣтъ Кольцова.

— Варіантъ необходимъ. Вопросъ въ томъ, что я, можетъ быть, не сумѣлъ доказать вамъ его необходимость, вотъ почему я долженъ буду оставить свое мѣсто, чтобы уступить его болѣе способному доказать это.

Щегловъ постоялъ нѣсколько мгновеній нерѣшительно, махнулъ рукой и возвратился въ свой кабинетъ.

Кольцовъ продолжалъ:

— Николай Павловичъ, повѣрьте мнѣ, что я прекрасно знаю всѣ тѣ непріятности, которыя вы испытываете, но чѣмъ же виновато дѣло, что во главѣ его стоятъ люди, непонимающіе его? И, наконецъ, то, что сегодня не ясно, будетъ, какъ на ладони, когда дорога выстроится. Огорченія теперешнія будутъ пустяками въ сравненіи съ тѣми, которыя мы съ вами испытаемъ тогда. Вы говорите, что насъ выгонятъ. Для васъ уступка невѣжеству непринятіемъ моего варіанта, можетъ быть, имѣетъ полный смыслъ,—вы этимъ спасаете все дѣло, но гдѣ же утѣшеніе для меня? Все мое дѣло заключается въ этомъ варіантѣ, и мое неумѣніе провести его въ жизнь есть уже тяжелое сознаніе своего безсилія, и неужели же мнѣ, сверхъ этого, въ теченіе двухъ лѣтъ постройки еще мучиться изо-дня въ день при мысли, что я строю не то, что должно, и что строится это только благодаря моей неспособности доказать, что бѣлое—бѣлое, а черное—черное. Вотъ, что побуждаетъ меня заявить о своей отставкѣ. Это не взбалмошное чувство оскорбленнаго самолюбія. Я отлично знаю, что теряю, оставляя службу,—лучше поставленнаго дѣла я не видалъ еще, да и врядъ ли гдѣ-нибудь найду.

Кольцовъ замолчалъ.

Елецкій мрачно ходилъ по комнатѣ. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Кончится тѣмъ, что мнѣ самому придется уйти,—проговорилъ Елецкій, махнувъ раздраженно рукой.

И, обратившись къ Кольцову, сердито спросилъ:

— Гдѣ варіантъ?

Кольцовъ быстро развернулъ чертежи и взволнованно началъ излагать идею новаго варіанта.

Черезъ четыре часа Кольцовъ вышелъ изъ кабинета начальника работъ, и по его счастливому лицу не трудно было угадать, въ чемъ дѣло.

Елецкій вышелъ немного спустя и прошелъ въ кабинетъ своего помощника.

Инженеръ Стороженко, около 50 лѣтъ, плотный, средняго роста, съ гладко выбритымъ лицомъ, густыми усами, большими выразительными глазами,—производилъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе человѣка слегка грубоватаго, но добродушнаго и прямого. Тѣмъ не менѣе, это былъ дипломатъ въ своемъ родѣ, какъ вообще всѣ хохлы. Будучи безукоризненно честнымъ, онъ личную иниціативу проявлялъ только въ томъ направленіи, о которомъ зналъ, что оно будетъ одобрено. Въ вопросахъ сомнительныхъ онъ, хотя и выражался рѣшительно, но такъ, что изъ его словъ ничего нельзя было вывести.

Елецкій вошелъ и сѣлъ на диванъ.

— Что за молодецъ Кольцовъ. Три-четыре такихъ инженера—и можно хоть всю Сибирскую дорогу взяться строить.

— Онъ пріѣхалъ?

— Только что отъ меня.—Елецкій помолчалъ.—Прекрасный варіантъ,—сказалъ онъ.—Только время упущено. Теперь въ Петербургѣ опять пойдутъ разговоры.

Наступило молчаніе.

— Да,—неопредѣленно проговорилъ Стороженко.

— 700 тысячъ экономіи. Татищевъ напуталъ, совсѣмъ не такъ доложилъ: молодой. Возьму Кольцова съ собой—пусть самъ сдѣлаетъ докладъ. Я тамъ самъ не былъ, ѣхать некогда, а на засѣданіи могутъ подняться такіе вопросы, на которые можетъ отвѣтить только работавшій на мѣстѣ.

— Конечно.

— Всю зиму работалъ въ полѣ, Стражинскаго чуть не въ чахотку вогналъ. — Стороженко кивнулъ головой. — Въ переводѣ это означало: „такъ и запишемъ".

— Черезъ недѣлю надо ѣхать,—сказалъ Елецкій, подымаясь.

Послѣ ухода Елецкаго вошелъ Залѣскій.

— Ну, что варіантъ Кольцова?

— Принять,—отвѣтилъ Стороженко.

— Принять?—переспросилъ выжидательно Залѣскій.

— 700 тысячъ сбереженія. Прекрасный варіантъ. Татищевъ напуталъ: молодой.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Дѣльный работникъ Кольцовъ.

— Ахъ, какая энергія!—подхватилъ Залѣскій.

— Стражинскаго, кажется, въ чахотку вогналъ.

— Огонь,—весело разсмѣялся Залѣскій.

Въ такой редакціи и по городу пошла новая волна. Блестящій варіантъ, неутомимый Кольцовъ. Татищевъ напуталъ, Стражинскій въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

Инженеръ Косяковскій въ обществѣ дамъ доступнымъ языкомъ излагалъ положеніе дѣла.

— Кольцовъ самъ дѣльный человѣкъ. Сдѣлалъ, дѣйствительно, прекрасный варіантъ, но выказалъ полное неумѣніе выбирать подходящихъ людей. Татищеву поручилъ дѣлать докладъ. Я понимаю—поручить ему организацію пикника.

Веселый хохотъ прервалъ оратора.

— Кольцовъ это — прелесть, — сказала Марья Павловна Звиницкая.—Я въ прошломъ году ѣхала съ нимъ въ поѣздѣ, и, право, если бы еще нѣсколько часовъ поѣздка продлилась, я за себя не поручилась бы.

Звиницкая покраснѣла при воспоминаніи того вечера.

А Кушелевъ, отецъ Зинаиды Александровны, управляющій сосѣдней дорогой,—на другой день добродушно говорилъ Елецкому:

— Придется, Николай Павловичъ, вамъ самому подобрать помощниковъ Кольцову, а то онъ окружитъ себя такими, какъ Татищевъ.

— Да, непремѣнно,—убѣжденно отвѣтилъ Елецкій.

— Павла Николаевича надо къ нему. Это человѣкъ, который сумѣетъ позаботиться объ остальномъ, когда Кольцовъ, по свойству своей натуры, чѣмъ-нибудь увлечется.

Павелъ Николаевичъ Звиницкій, мужъ Марьи Павловны, тоже инженеръ, былъ однимъ изъ кандидатовъ на должность начальника дистанціи на предстоящую постройку.

Елецкій промолчалъ на слова Кушелева.

Выборъ инженеровъ de jure зависѣлъ отъ временнаго управленія, de facto—отъ начальника работъ. По традиціи начальнику участка предоставлялось право выбора между имѣющимися инженерами.

Павелъ Николаевичъ на другой день послѣ описаннаго разговора, былъ у Кольцова и выразилъ желаніе служить у него начальникомъ дистанціи. Кольцовъ обѣщалъ, такъ какъ свободныя мѣста у него были. Штатъ Кольцова со-

стоялъ изъ четырехъ начальниковъ дистанціи, одного помощника и одного техника. На роль помощника онъ имѣлъ въ виду Татищева, на роль техника — Стражинскаго, на остальныя мѣста еще никого не имѣлъ въ виду.

— Что, если я буду проситься къ вамъ?—спросилъ его Бѣльскій.

Кольцовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ.

— Неужели пойдете?—радостно спросилъ онъ.

— Къ вамъ пойду.

— Серьезно говорите?

— Конечно, серьезно.

— Я буду счастливъ.

— А меня возьмете?—спросилъ Дубровинъ.

— И вы?

— Съ наслажденіемъ.

— А вы?—обратился онъ къ Денисову.

— Нѣтъ, я больной человѣкъ, на линію нельзя мнѣ.

Стали строить планы близкаго будущаго. Выходило очень хорошо.

— Только Елька не пуститъ,—сказалъ вдругъ Бѣльскій упавшимъ голосомъ.

— Почему не пуститъ?—спросилъ Кольцовъ.

— Не пуститъ, — отвѣтилъ Бѣльскій. — Соединить насъ втроемъ, что-же это выйдетъ? Все вверхъ ногами поставимъ, и его не пустимъ на участокъ.

— Да какъ онъ можетъ не пустить, — возражалъ Кольцовъ.—Это мое право выбрать начальника дистанцій.

Бѣльскій въ тотъ же день закинулъ удочку и разсказалъ свой планъ Залѣскому.

При докладѣ Залѣскій, между прочимъ, сказалъ Елецкому:

— Бѣльскій и Дубровинъ хотятъ проситься къ Кольцову.

— Дудки!—отвѣтилъ добродушно Елецкій.—Къ этакому кипятку, какъ Кольцовъ, прибавить двухъ такихъ головорѣзовъ—они всю линію разнесутъ. Кольцову не пару подбавлять, а тормаза нужны.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Надо съ этимъ кончить. Сегодня вечеромъ приходите, составимъ списки на участки, и ночью надо ихъ отпечатать. Съ конченнымъ дѣломъ и разговоровъ не будетъ, а сегодня мнѣ придется уже дома заниматься, чтобы избавиться отъ этихъ просьбъ... Скажите, что я заболѣлъ.

Кольцову такъ и не удалось въ тотъ день поговорить съ Елецкимъ о своемъ штатѣ, а на другой день въ управленіи уже былъ отпечатанъ приказъ начальника работъ о назначеніяхъ.

Переговоры Кольцова съ Елецкимъ на эту тему оборвались на первой фразѣ Елецкаго:

— Я заваленъ просьбами о назначеніяхъ. Начальники участковъ все однихъ и тѣхъ же приглашаютъ, остальныхъ никто не желаетъ. Начальники дистанцій почти всѣ къ одному просятся, къ остальнымъ не желаютъ. Чтобы избавиться отъ безконечныхъ просьбъ, я рѣшилъ на этотъ разъ измѣнить способъ назначеній и самъ всѣхъ назначилъ. Такъ какъ вашъ участокъ самый трудный, то вамъ и назначены лучшія силы: Звиницкій, Штоморъ, Мартино, Коловичъ и ваши прежніе Татищевъ и Стражинскій.

— Я хотѣлъ было просить о Бѣльскомъ и Дубровинѣ.

— Съ кѣмъ же я останусь?—вспыхнулъ Елецкій.

Черезъ недѣлю Елецкій и Кольцовъ выѣхали въ Петербургъ.

Докладъ сошелъ благополучно и, сверхъ ожиданія, былъ встрѣченъ очень милостиво. Радіусъ 150, излюбленное дѣтище Кольцова, пришелся какъ нельзя кстати.

Въ Петербургѣ въ высшихъ служебныхъ сферахъ уже былъ возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи радіуса.

На сожалѣніе предсѣдателя временнаго управленія о томъ, что не употребленъ при изысканіяхъ радіусъ 150, Елецкій съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Я привезъ варіантъ съ радіусомъ 150.

Передавая объ этомъ Кольцову, Елецкій сказалъ:

— Вотъ и толкуйте съ ними. Въ прошломъ году на засѣданіи мое предложеніе на счетъ радіуса было единогласно отвергнуто, а въ этомъ году они готовы меня же упрекнуть за то, что я не ввелъ его!

И, помолчавъ, пренебрежительно бросилъ:

— Флюгера!

Н. Гаринъ.

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго А. Полоцкой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Тревога, владѣвшая Ренатой, заставляла ее проводить много времени въ гостяхъ и, вообще, жить такъ, чтобы не быть вынужденной оставаться одной. Среди подругъ, которыхъ она навѣщала, была Елена Брозамъ, жена врача, съ которой она познакомилась годъ тому назадъ на маскарадномъ балу въ Одеонѣ. Къ ней она пошла сегодня, въ свѣтлый, почти радостный день, въ первыхъ числахъ октября. Она хотѣла поболтать часокъ или, вѣрнѣе, послушать болтовню Елены Брозамъ—гибкой, остроумной женщины съ кошачьими манерами.

— Я давно не видѣла васъ,—сказала Елена, усаживаясь въ кресло и болтая ногами, не достававшими до земли.

— Какъ-же вы поживаете?—спросила Рената, нѣсколько смущенная испытующимъ взглядомъ подруги.

— Такъ себѣ. Но вы, должно быть, страшно счастливы. Герцогъ! Это то, о чемъ мечтаешь въ школѣ.

Рената сдѣлала едва замѣтную гримасу.

— Что подѣлываетъ ваша малютка?—спросила она.—По-прежнему весела?

— Она теперь играетъ съ мальчиками во дворѣ. Жаль, что мужа нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Брукъ. Тамъ у него больная.

— Вы, вѣроятно, очень счастливы?—спросила Рената, не въ силахъ преодолѣть своего любопытства и страха передъ будущимъ.

Елена сильнѣе заболтала ногами и прищурила глаза.

— Счастлива?.. Счастлива только сосиска на сковородкѣ. Да и то сомнительно.

— Я хочу сказать—счастливы въ бракѣ...

— Въ бракѣ?—Елена съ ядовитой гримасой вытянула губы и тихонько засвистала.—Иногда это очень мило. Особенно вначалѣ. Потомъ часто тоже бываетъ очень недурно, но безъ господина супруга. Въ общемъ не могу рекомендовать сіе предпріятіе.

Рената испуганно взглянула на портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. Это былъ докторъ Брозамъ, красивый мужчина. Лобъ и прическа были похожи на лобъ и прическу Ансельма Вандерера, такъ ей, по крайней мѣрѣ, показалось.

— Главное,—продолжала Елена, съ комичной важностью морща лобъ,—это имѣть двѣ спальни. У васъ это само собой разумѣется. Но когда выходишь замужъ за доктора... Мужчина ужасенъ, когда не считаетъ нужнымъ стѣсняться.

Рената покраснѣла и засмѣялась. Въ душѣ ея было еще большее смятеніе, чѣмъ всегда.

— Скажите мнѣ,—начала она опять,—вы знали все, что вашъ мужъ пережилъ до васъ?

Елена Брозамъ бросила на Ренату бѣглый взглядъ пониманія. Затѣмъ она засмѣялась дѣланнымъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— Не стоитъ къ этому относиться такъ серьезно. Жизнь грязна. Мужчины не чище. Мы же существуемъ не для того, чтобы устраивать генеральную стирку.

Чтобы показать свое равнодушіе, она вытаращила глаза, какъ клоунъ, и принялась облизывать кусочекъ папиросной бумаги. Когда онъ сталъ совершенно мокрымъ, она приклеила его къ носу въ видѣ флага, съ кокетливой торжественностью поглядѣлась въ зеркало и засмѣялась. При этомъ она не переставала болтать ногами. Въ этотъ моментъ въ комнату влетѣла ея маленькая дочь и стремительно бросилась на шею матери. Ренатѣ она подала руку, какъ старой пріятельницѣ, и съ важнымъ видомъ разсказала, что встрѣтила господина Гудстиккера, который идетъ сюда.

— Это тотъ знаменитый?—спросила Рената.

— Да. Стефанъ Гудстиккеръ.

— Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ нимъ.

— Пожалуйста. Онъ подарилъ Маріаннѣ дѣтскую книгу и сдѣлалъ на ней надпись.

Въ книгѣ, которую показала Маріанна, было написано: „Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ, чтобъ всѣ страданія твои осмыслить и понять лишь тамъ".

Рената прочла это два раза. Она не думала оставаться

здѣсь долго, потому что въ эти дни многое тяготѣло надъ нею. Эти визиты она должна была дѣлать тайкомъ, и ей приходилось урывать нужное для этого время. Герцогъ былъ недоволенъ ея разнообразными знакомствами, хотя и самъ не былъ чопоренъ. Но онъ не хотѣлъ окончательно порывать съ дворомъ. Сегодня у него во дворцѣ назначенъ былъ большой вечеръ: мать и нѣкоторые родственники согласились познакомиться съ невѣстой. Это согласіе произвело на Ренату странное впечатлѣніе: ея сдержанность исчезла, и она засмѣялась. Фрау Фуксъ сказала:

— Ну, Рената, это же замѣчательно, что ты смѣешься. Я не нахожу въ этомъ ничего смѣшного. Въ концѣ концовъ мы же подданные, да.

„Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ, чтобъ всѣ страданія твои осмыслить и понять лишь тамъ". Она хотѣла познакомиться съ человѣкомъ, который написалъ это; поэтому она осталась. Все ея существо жаждало совѣта, отгадки, объясненія. Она не понимала, отчего страдаетъ.

II.

Раздался энергичный, короткій звонокъ.

— Такъ звонять только знаменитости,—пояснила Елена Брозамъ и выслала дѣвочку изъ комнаты. Сердце Ренаты забилось.

Дверь распахнулась, и Стефанъ Гудстиккеръ вошелъ съ миной чрезвычайно занятого человѣка. Онъ провелъ рукой по густымъ волнистымъ волосамъ, смахнулъ пылинку съ манжеты и быстро направился къ хозяйкѣ. Ему было лѣтъ сорокъ. Если о комъ-либо можно сказать, что онъ сіяетъ важностью, то именно о немъ. Черные волосы, изящная черная бородка, маленькій ротъ, безпокойные глаза, граціозно сидящее пенснэ —все это дышало важностью. Онъ рѣдко улыбался, да и то нѣсколько оффиціальной улыбкой. Ему некогда было улыбаться.

— Стефанъ Гудстиккеръ—фрейлейнъ Рената Фуксъ,— Елена Брозамъ представила ихъ другъ другу очень торжественно. Въ манерахъ Гудстиккера сейчасъ же появилось что-то деликатное и понимающее, какъ будто онъ не совсѣмъ одобрялъ пресловутый бракъ, но и не могъ его окончательно осудить.

— Надъ чѣмъ вы теперь работаете? — спросила фрау Елена.—Какую сторону общественной жизни вы готовитесь разнести?

Гудстиккеръ наклонилъ голову на бокъ.

— Я работаю надъ романомъ, посвященнымъ женщинѣ,— сказалъ онъ съ усталой важностью, разыгрывая равнодушіе.

Рената вся превратилась въ слухъ.

— По моему мнѣнію, теперешнее положеніе женщины не выдерживаетъ критики. Одаренныя женщины теряютъ себя, бездарныя гибнутъ. Всюду раздается крикъ объ освобожденіи отъ соціальнаго или личнаго гнета. Однѣ хотятъ стать мужчинами, не понимаютъ своихъ силъ... Вы позволите мнѣ закурить? Другія доходятъ до совершеннаго отрицанія тѣла. Однѣ презираютъ мужчинъ, другія требуютъ отъ нихъ сверхчеловѣческаго. И все-таки книга будетъ уничтожающимъ обвиненіемъ именно противъ мужчинъ.

— Значитъ, все-таки что-то уничтожающее,—сказала Елена.

Рената бросила на нее умоляющій взглядъ.

— Какъ вы назовете книгу?—спросила она, блѣдная отъ горячаго интереса къ словамъ Гудстиккера.

— „Конецъ Вероники". Заглавіе говоритъ не очень много. Книга вызоветъ колоссальный шумъ,—Гудстиккеръ сдвинулъ брови и закусилъ нижнюю губу, дѣлая видъ, что напряженно думаетъ. Въ продолженіе всего разговора онъ сидѣлъ, небрежно закинувъ ногу за ногу и глядя вдаль широко раскрытыми глазами.

— Скажите мнѣ только одно,—начала Рената, поворачиваясь къ нему и дѣлая умоляющее движеніе рукой,—скажите: неужели это неизбѣжно, что тысячи женщинъ должны гибнуть, чтобы мы могли оставаться порядочными?

Она говорила, запинаясь, и щеки ея пылали; увидя дѣйствіе своихъ словъ, она покраснѣла еще сильнѣе. Елена неодобрительно покачала головой и принялась играть искусственной розой, лежавшей на столикѣ подъ зеркаломъ. Гудстиккеръ упорно смотрѣлъ на свои колѣни и поднималъ кверху то одинъ, то другой уголъ рта. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ быстро и съ силой провелъ рукой по волосамъ, многозначительно улыбнулся, выпрямился и обтянулъ жилетъ, опять нагнулся впередъ, подперъ голову рукой, медленно и торжественно выпустилъ дымъ изъ папиросы и началъ:

— Лѣтъ тринадцать-четырнадцать тому назадъ я зналъ у себя на родинѣ—я изъ Франконіи—одного замѣчательнаго молодого человѣка. Его звали Агатонъ Гейеръ. Это былъ, надо вамъ знать, мечтатель, изъ тѣхъ, что стремятся исправить міръ. Я какъ-то пытался использовать эту фигуру для драмы, такъ, знаете, въ духѣ Фауста. Но это мнѣ не удается. Моя область—романъ. Словомъ, этотъ Агатонъ Гейеръ—я не хочу быть многословнымъ—хотѣлъ, между прочимъ, реформировать и ту область, на которую вы указываете. Онъ же-

нился на падшей дѣвушкѣ (чтобы подать примѣръ), но изъ этого не вышло ничего хорошаго. Жизнь сильнѣе всякихъ пророковъ. Сумасшедшій парень этотъ Гейеръ,—всего то ему тогда было лѣтъ двадцать,—но я почти сказалъ бы геніальный. Между прочимъ, онъ еврей, немножко съ мессіанскими наклонностями, благороднѣйшій типъ, понимаете-ли. Впослѣдствіи онъ вдругъ куда-то исчезъ. Да такъ вотъ, изъ реформаторства обыкновенно ничего не выходитъ. Намъ приходится ограничиться наблюденіемъ. На огромный механизмъ жизни мы не имѣемъ никакого вліянія.

Онъ замолчалъ. Эта пауза была разсчитана на эффектъ, но ожидаемаго дѣйствія не послѣдовало. Его разсказъ показался ему немного лишнимъ.

Но на Ренату онъ произвелъ впечатлѣніе. Выйдя изъ задумчивости, она сказала:

— Я думаю, покой можно найти только тогда, когда увидишь всю эту дикую комедію. Иначе живешь безъ глазъ и ушей. Чѣмъ жить всегда въ страхѣ, какъ бы не упасть въ глубокую яму, лучше совсѣмъ не жить. Я думаю, что тотъ, кто не видитъ безобразнаго, не можетъ ничего знать и о прекрасномъ. Развѣ не такъ, скажите сами?

Она перевела взглядъ отъ одного къ другому, потомъ вдругъ опустила глаза и робко улыбнулась. Гудстиккеръ внимательно смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на рѣдкую вазу. Но и Еленѣ слова подруги показались странными. Она схватила руку Ренаты и сжала ее съ несвойственной ей сердечностью.

— Не знаю, у меня здоровая натура,—сказалъ Гудстиккеръ,—я сынъ крестьянина, можетъ быть, это оттого: этотъ страстный интересъ къ вопросамъ морали, несомнѣнно, признакъ дегенераціи.

Рената, смущенная и подавленная, встала, бѣгло простилась съ Еленой, серьезно и тепло пожала Гудстиккеру руку и ушла. Когда дверь закрылась, Гудстиккеръ прислушался, подошелъ къ Еленѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Лицо Елены осталось неподвижнымъ.—Она кокетничала со мной,—серьезно сказалъ Гудстиккеръ.

Рената, тяжело дыша, стояла у подъѣзда и размышляла, поѣхать ли ей или пойти пѣшкомъ. Передъ ней возвышалось дивное зданіе академіи, а надъ нимъ разстилалось покрытое причудливыми облаками предвечернее небо.

III.

Она рѣшила идти пѣшкомъ, хотя времени было мало. Туалетъ для вечера долженъ былъ отнять два часа Она велѣла кучеру ѣхать домой, и непреодолимое желаніе поступить по своему заставило ее пойти по противоположному направленію. Она прошла три-четыре улицы и очутилась передъ Старой Пинакотекой. Она немного поколебалась, затѣмъ вошла въ картинную галлерею. Даже если тамъ окажутся знакомые, никто не сможетъ подумать ничего плохого. Она успокоилась и поднялась по широкимъ ступенямъ.

Въ третьемъ залѣ, въ самомъ дѣлѣ, бродилъ Вандереръ. Она не притворялась изумленной и спокойно ждала, чтобы онъ подошелъ къ ней.—Я хотѣла только посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ вы бываете здѣсь каждое послѣобѣда,—улыбаясь, сказала она.—Я проходила мимо и подумала о васъ.

Вандереръ былъ смущенъ и старался скрыть это. Въ рукахъ у него была книга; онъ захлопнулъ ее и сказалъ, чтобы только что-нибудь сказать:—Вы пришли поздно. Сейчасъ закроютъ.

Она почувствовала, что должна объяснить свой приходъ.

— Да. Я уже давно хотѣла опять повидать Саскію ванъ Эйленборхъ. Кто знаетъ, когда мнѣ опять удастся сдѣлать это. Развѣ уже такъ поздно?

— Три четверти пятаго. Уже темно. Здѣсь больше нѣтъ ни души.

Въ самомъ дѣлѣ, вся анфилада залъ какъ будто вымерла. Было такъ тихо, что слышенъ былъ звонъ колокольчиковъ, которыми увѣшаны лошади на конкахъ.

Въ Ренатѣ вспыхнуло огорченіе и гнѣвъ на холодность молодого человѣка, котораго она въ самомъ дѣлѣ искала. Молча шла она рядомъ съ нимъ по гулкимъ заламъ, и мимо нея, не замѣчаемыя ею, тянулись картина за картиной: герои и дѣти, животныя и пейзажи, жанры и nature-morte, то въ яркихъ, то въ темныхъ краскахъ.

— Вы понимаете, почему я люблю бывать здѣсь?—спросилъ, наконецъ, Ансельмъ Вандереръ.—Здѣсь я въ самомъ лучшемъ обществѣ и въ то же время могу мечтать молча, сколько хочу, и совершенно не обязанъ говорить.

— Развѣ вы такъ не любите говорить?

— Очень не люблю. Молчать гораздо лучше.

— Молодые люди такъ тщеславны,—отвѣтила Рената, качая головой.—Вѣдь это тоже только тщеславіе.

— Нѣтъ, иногда это бываетъ забавно. Забавно, какъ

люди становятся не спокойны, когда кто-нибудь молчитъ. Они сейчасъ подозрѣваютъ въ немъ что-то опасное.

— Да?

Это радостно-вопросительное „да“ было восхитительно въ ней. Онъ кивнулъ головой и, чувствуя себя поощреннымъ, сказалъ:

— Но какъ только начинаешь говорить, все потеряно. Они облегченно вздыхаютъ и мысленно уже говорятъ тебѣ ты. Когда я былъ ребенкомъ, въ нашемъ домѣ жилъ глухонѣмой, безобидный, красивый человѣкъ. Но мнѣ онъ внушалъ страхъ.

— Это правда,—подтвердила Рената. Вдругъ она стремительно схватила его руку и молча указала на висѣвшую въ углу картину. Это была „Саскія“ Рембрандта, которая, по странной случайности, висѣла какъ разъ въ огненныхъ лучахъ заходящаго солнца. Вечерняя заря на полотнѣ, казалось, сливалось съ дѣйствительнымъ заревомъ заката. Мать и дитя на ея рукахъ плавали въ солнечномъ багрянцѣ.

Вандереръ ничего не сказалъ, и Рената была ему благодарна за это. Она чувствовала себя объятой спокойствіемъ, которое было ново для нея. Она медленно опустила глаза въ землю и задумалась.

Но было пора уходить.

— Можно мнѣ проводить васъ?—спросилъ Вандереръ немного неувѣренно.

Она вздрогнула, какъ будто пробудившись отъ сна, и отвѣтила утвердительно, какъ ему показалось, не безъ тайнаго задора.

Когда они подошли къ обелиску, уже смеркалось. Мимо нихъ прошли двое молодыхъ людей, они вѣжливо поклонились. Рената вздрогнула. Ее охватило волненіе, причины котораго она не понимала.

— Кто это?—спросила она.

Это былъ Давиль, блѣдный студентъ съ нахально-скромной улыбкой и съ нимъ еще кто-то незнакомый. Чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ медленнѣе шла Рената: то, что ее ожидало дома, казалось ей все болѣе гадкимъ и унизительнымъ. Она говорила о голосѣ какой-то пѣвицы, а въ душѣ у нея звучало: неужели никто не видитъ, что я страдаю? Когда они подошли къ дворцовому саду, гдѣ подлѣ развалинъ казармы грохочетъ подземный ручей, Рената остановилась и сказала:

— Если бы теперь кто-нибудь взялъ меня и унесъ въ Австралію, я не знаю, какъ я была бы ему благодарна.

Вандереръ мгновеніе серьезно смотрѣлъ въ ея торжественно блестѣвшіе глаза. Глубокая невинность, съ которой

она сказала это, не допускала фразъ, быть можетъ, даже отвѣта. Онъ показался себѣ безсильнымъ мальчикомъ. Все-таки онъ сказалъ:

— Вы должны когда-нибудь все разсказать мнѣ. Хотите?

Она отвѣтила только смѣхомъ, смѣшаннымъ со вздохами.

— Развѣ этого нельзя сказать?

— Нѣтъ.

— Но я *все-таки* знаю это. Съ сегодняшняго дня я знаю все. Какъ комично, что вотъ теперь я провожаю васъ, а черезъ нѣсколько недѣль вы не захотите меня знать.

— Да, черезъ нѣсколько недѣль,—машинально повторила Рената.—Она шла все быстрѣе, потому что ея послѣдніе поступки, которые она совершила какъ будто въ тяжеломъ снѣ, напоняли ее страхомъ. Черезъ пять минутъ она уже была у воротъ виллы, передъ которыми стоялъ въ ожиданіи озабоченный лакей.

IV.

— Ну, Рената, я должна тебѣ сказать, ничего подобнаго со мной еще не случалось. Ты въ своемъ умѣ? Какъ ты хочешь успѣть одѣться за одинъ часъ?

— Я не иду на вечеръ,—возразила Рената и въ отвѣтъ на испуганное, оцѣпенѣлое молчаніе матери прибавила почти изъ состраданія:—Я нездорова.

Лони и Марта стояли блѣдныя, какъ лиліи, съ широкооткрытыми глазами.—Да, я нездорова,—повторила Рената.

Лицо старой дамы посѣрѣло. Рената сняла шляпу и жакетъ и легла на кушетку, не обращая вниманія на обезпокоенныхъ мать и сестру.

— Что съ тобой, Рената? Ты устала? У тебя голова болитъ? Не позвать ли доктора? Почему нѣтъ? Тебя знобитъ?

Въ герцогскій дворецъ немедленно послали лакея. Если бы я знала, что со мною,—думала Рената. То, что она сказала, не было ни отговоркой, ни ложью. Ею овладѣла безконечная тоска. То, что лежало за ней, было мрачно; впереди было только одно: что она могла завтра опять пойти смотрѣть „Саскію" Рембрандта.

Госпожа Фуксъ успокоилась. Ну, тогда, когда она выходила замужъ за Фукса, тоже бывали непредвидѣнныя случайности. Ими полонъ міръ, въ концѣ концовъ все кончается хорошо. Да. Подъ теплотой такой сговорчивой мудрости ея гнѣвъ растаялъ, и она тяжелой походкой направилась въ спальню перемѣнить нарядное шелковое платье на обыкновенное домашнее. Когда Рената, наконецъ, станетъ герцо-

гиней, всѣ эти волненія окончатся, да. По этому поводу она рѣшила разложить сегодня вечеромъ пасьянсъ.

Рената лежала. Справа отъ нея сидѣла Лони, слѣва Марта. Рената молчала, но сестры не переставали болтать.—Бѣлокурый лейтенантъ шелъ за тобой до самаго дома?—Не совсѣмъ, только до моста.—Я недавно видѣла его. Его усы становятся все длиннѣе.—Онъ поклонился тебѣ? Мнѣ онъ всегда кланяется.—Знаешь, кого онъ мнѣ напоминаетъ? Ассесора въ „Современныхъ женщинахъ"...—Тссс... мама услышитъ.—Я такъ хорошо спрятала книгу.—Страшно интересно.—Да, ужасно. Замѣчаетъ ли графиня, что онъ ее обманываетъ?—Ты уже дошла до этого? Значитъ, онъ ее въ самомъ дѣлѣ обманываетъ? Онъ былъ мнѣ съ самаго начала подозрителенъ.—Кончается все хорошо. Я уже посмотрѣла конецъ.—Страшно реально написано.

У Ренаты похолодѣло на душѣ отъ этого разговора. Она вся ушла въ неопредѣленныя представленія. Ей вспоминались прекрасные южные пейзажи, выраженіе лица ребенка на картинѣ Рембрандта; въ концѣ концовъ всплыло стихотвореніе: Душа, которая въ тебѣ жила, плыветъ къ далекимъ небесамъ... Въ первомъ этажѣ захлопнулась дверь. Пришла служанка и принесла углей для камина. На улицѣ раздался тихій свистъ; онъ повторялся съ короткими промежутками, постепенно удаляясь и замирая. Лони разсказывала о первомъ любовникѣ придворнаго театра, красивомъ мужчинѣ. Рената съ мученіемъ наблюдала глубокую прозаичность, лѣниво глядѣвшую изо всѣхъ угловъ.

Пришла фрау Фуксъ съ письмомъ, которое только что принесъ почтальонъ.

— Ну, дѣти, послушайте, что мнѣ пишетъ Фуксъ. Вашъ отецъ рѣшилъ преобразовать здѣшнюю фабрику въ акціонерное общество. Хорошая идея. Фуксъ всегда умѣлъ пользоваться моментомъ. Затѣмъ онъ хочетъ купить въ баденскомъ Шварцвальдѣ домъ, виллу или что-нибудь въ этомъ родѣ. Хорошая мысль, да. Первое собраніе акціонеровъ будетъ уже на слѣдующей недѣлѣ. Онъ пріѣдетъ на-дняхъ.

Сестры были счастливы. Все, что имѣло отношеніе къ путешествію, дѣлало ихъ счастливыми. Затѣмъ фрау Фуксъ сообщила, что скоро Фуксъ получитъ дворянство. Она объявила это торжественно, сложивъ руки и полузакрывъ глаза. Рената медленно приподнялась съ кушетки и подперла голову рукой. Возвращеніе отца взволновало ее, какъ обстоятельство, требующее рѣшеній, но къ какому рѣшенію должно было склониться ея слабое сердце? Она упорно смотрѣла въ вечернюю тьму, проглядывающую между бѣлыми гардинами, и думала о бѣгствѣ. Это было какъ будто безуміе.

Комната казалась ей тюрьмой. Главное было думать объ освобожденіи.

Пріѣхалъ лакей съ письмомъ отъ герцога: „Милая Рената, ты причинила мнѣ большую непріятность своимъ загадочнымъ нездоровьемъ. Я просто не знаю, что дѣлать. Поправить это, конечно, невозможно, я сейчасъ не могу придти, черезъ часъ я пришлю камердинера, а завтра утромъ заѣду самъ. Непріятная исторія. Рудольфъ“.

Безумная, счастливая улыбка промелькнула на лицѣ Ренаты; она порывисто встала.

— Я иду къ себѣ,—сказала она,—спокойной ночи.

— Уже? — изумленно спросила фрау Фуксъ. — Ну, ты права, Рената. Сонъ излѣчиваетъ. Спокойной ночи, дитя мое.

Наверху она торопливо одѣлась, набросила на себя шаль, проскользнула внизъ по лѣстницѣ, въ сѣни, въ которыхъ было уже темно (фрау Фуксъ умѣла экономить на освѣщеніи), но такъ какъ послышался шорохъ въ гостиной и скрипъ какой-то двери, она быстро бросилась наверхъ. Она заперла снаружи свою комнату и взяла ключъ съ собой. Она прислушалась съ бьющимся сердцемъ, спустилась внизъ ступенька за ступенькой, открыла входную дверь, еще разъ прислушалась, услышала въ кухнѣ пѣніе дѣвушекъ и лакея и быстро вышла.

Садовая калитка была уже заперта. Она гнѣвно закусила губы. Взволнованная, точно передъ поступкомъ, который долженъ былъ рѣшить всю ея жизнь, ходила она взадъ и впередъ. Затѣмъ она вспомнила про маленькую дверцу у бесѣдки. Она часто бранила лакея за то, что онъ оставлялъ дверь открытой. Теперь ей это пригодилось: ручка поддалась давленію ея руки.

Вѣтеръ ударилъ ей въ лицо и распахнулъ черную шаль. Ночь была мрачна. Вѣтеръ и тучи заключили союзъ противъ мѣсяца, усыпанная пескомъ дорога къ воздвигнутому недавно памятнику мира едва виднѣлась, но городъ въ глубинѣ съ разбросанными въ своеобразномъ порядкѣ огнями былъ хорошимъ путеводителемъ. Рената быстро шла, не сознавая ясно, чего хотѣла.

V.

Дворецъ герцога былъ длинное зданіе изъ краснаго кирпича въ два корпуса. Идти туда пришлось долго. Рената не встрѣчала почти никого, и привычный страхъ передъ улицей ночью мало-по-малу разсѣялся.

Всѣ окна были освѣщены. Передъ подъѣздомъ стояли

два конныхъ жандарма съ заспанными лицами. Лошади фыркали и мотали головами. Величественный швейцаръ стоялъ у двери и презрительно измѣрялъ взглядомъ улицу. Нѣсколько любопытныхъ стояли передъ нимъ подъ самымъ огнемъ его презрѣнія. Едва Рената подошла къ нему, какъ онъ сдѣлался значительно выше, и подбородокъ его приблизился къ коньку крыши. Но послѣ первыхъ словъ онъ принялъ опять естественное положеніе. Затѣмъ опустился не только подбородокъ, но и привыкшій къ величію затылокъ, а съ нимъ и плечи, которымъ было предназначено носить все зданіе важности, благопристойности и достоинства. Отъ изумленія и растерянности ноги сохранили свое непочтительное растопыренное положеніе.

Съ этого момента все казалось видѣніемъ смятеннаго сердца. Глухая, мрачная комната мезонина; прикрученное пламя газоваго рожка, мебель, обитая тканью цвѣта плѣсени; слуга, появляющійся и исчезающій; Рената сама, думающая о своемъ положеніи такъ, какъ будто читаетъ книгу; твердые (не слишкомъ поспѣшные) шаги; герцогъ, останавливающійся у двери; тишина комнаты, чувствующаяся теперь вдвойнѣ отчетливо; недовольный и изумленный голосъ, доносящійся какъ будто откуда-то издали; слова: странныя фантазіи, толки, которые надо заглушить въ зародышѣ, и затѣмъ отчетливѣе:

— Зачѣмъ ты сказалась больной, Рената? Для чего это безуміе? Послѣ этого шага я принужденъ предложить тебѣ отправиться на нѣсколько недѣль къ моей матери въ замокъ Гизингенъ.

— Я не знаю. Я хотѣла хоть одинъ часъ чувствовать себя свободной. Сдѣлать что-нибудь свободно, по своей волѣ. И я хотѣла видѣть,—здѣсь голосъ ея сталъ едва слышенъ,—можешь ли ты понять меня. Но ты не можешь.

— Что сказать тебѣ на это, Рената. Я не изъ хранителей этикета. Но извѣстныя вещи необходимы, чтобы можно было мирно жить въ обществѣ. Моему титулу я придаю мало значенія. Моимъ идеаломъ было всегда жениться на дѣвушкѣ изъ буржуазныхъ круговъ, обновить кровь. Ты превзошла мои надежды.

Чья-то рука гладитъ Ренату по головѣ. Ренату мучитъ сознаніе ненужности, фантастичности ея ночного бѣгства. Потому что вѣдь ничего не произошло. Въ сущности все остается такимъ же, какъ и прежде.

Рената говоритъ, и кажется, что комната темнѣетъ передъ ея опущенными вѣками.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я горда и боюсь, что

ко мнѣ снисходятъ. Но я горда еще гораздо болѣе. Я этого совсѣмъ не боюсь.

Герцогъ безпокойно смѣется, смотритъ на дверь, прислушиваясь, бормочетъ что-то о швейцарѣ и лакеѣ, которымъ нужно велѣть молчать. Онъ кажется себѣ безсильнымъ передъ молодой дѣвушкой, которая растетъ въ его глазахъ, потому что онъ перестаетъ ее понимать. Онъ хочетъ заключить Ренату въ объятія. Рената дѣлаетъ испуганное движеніе. Она удерживаетъ его взглядомъ. Она испытываетъ гнетущее чувство, что все, чего касаются ея робкія руки, становится противнымъ, отвратительнымъ.

— Ты мнѣ дороже всѣхъ женщинъ въ мірѣ, — слышитъ она какъ будто сквозь стѣну. Она ожесточена и отвѣчаетъ, въ жаждѣ хоть одного правдиваго слова:

— Я не могу, я чувствую что-то, что внушаетъ мнѣ ужасъ.—Она кладетъ лицо на подушку и не двигается. Герцогъ блѣдный, какъ мѣлъ, не спрашиваетъ. Онъ понимаетъ ее невѣрно. Вопросъ и отвѣтъ кажутся ему опасными, потому что *онъ* смотритъ въ хаосъ *прошлаго.* И высказанное дѣлаетъ Ренату болѣе желанной. Она кажется герцогиней, а онъ вознесеннымъ до нея женихомъ.

Герцогъ плотно укутываетъ ее, приказываетъ подать экипажъ къ боковымъ воротамъ и ведетъ ее туда. Онъ обѣщаетъ себѣ разъяснить все завтра, цѣлуетъ ей руку, отдаетъ приказаніе кучеру, лошади мчатся. Ночь темна вдвойнѣ, голые прутья кустовъ близки вдвойнѣ. Экипажъ останавливается въ двадцати шагахъ отъ дома.

Незамѣченная она проскользнула въ свою комнату. Она бросается одѣтая, не погасивъ лампы, въ постель и удивляется, что никто въ домѣ не слышалъ ея. Пережитое кажется ей невѣроятнымъ. Она слышитъ, какъ служанки, хихикая и шаля, пробираются въ мансарды.

VI.

„Уважаемая фрейлейнъ Рената, хотя я знаю, что дѣлаю этимъ письмомъ, я все-же долженъ написать его. Есть вещи, которыя дѣлаешь безъ участія воли. Я не хочу оскорбить Васъ тѣмъ, что пишу теперь. Ничто не можетъ для меня быть болѣе ужаснымъ, чѣмъ знать, что я оскорбилъ Васъ. Вы не должны сердиться на меня и за то, что я рѣшился написать Вамъ. Содержаніе убѣдитъ Васъ, что этого никогда больше не будетъ. Вчера Вы сказали, что, можетъ быть, придете еще разъ посмотрѣть на „Саскію"; Вы хотѣли также посмотрѣть со мной и другія картины и поговорить

со мной о нихъ. Но это невозможно. Какъ-бы я этого ни хотѣлъ, я не могу больше придти. Всего того, что заключается въ этой фразѣ, тяжелаго для меня, оскорбительнаго для Васъ, — я не могу объяснить Вамъ. Я скоро уѣду, потому что, какъ я понялъ, остаться было-бы для меня гибелью. Но зачѣмъ надоѣдать Вамъ загадками? Это можетъ показаться дерзкимъ. Съ другой стороны, не въ моей власти скрыть то, что такъ внезапно нахлынуло на меня. Быть можетъ, это объясненіе смягчитъ Васъ. Позвольте мнѣ пожелать Вамъ всего хорошаго въ Вашей будущей жизни.— Ансельмъ Вандереръ".

Въ комнату впорхнула Лони:

— Погода чудесная, мы ѣдемъ кататься верхомъ. Поѣдешь, Рената? Ты не должна сегодня уединяться, какъ дѣлаешь всегда.

— Конечно, я поѣду, — отвѣтила Рената съ такой счастливой улыбкой, что сестра остолбенѣла.

— Что это за письмо ты получила, Рената? Мама говоритъ, что это неприлично, что ты получаешь письма. Ну, скорѣй переодѣвайся, погода чудная.

Полчаса спустя Рената сидѣла на своемъ ворономъ конѣ, сестры на сѣрыхъ за ней, сзади лакей.

Поля лежали, словно дитя въ первомъ снѣ: благоухающія и свѣжія. Глаза Ренаты сверкали, она нетерпѣливо пришпорила коня, который унесъ свою легкую ношу съ быстротой вѣтра. Сестры были въ безумномъ страхѣ. Но онѣ едва могли видѣть и говорить. Глаза горѣли отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, заливавшаго зеленую гладь рѣки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Сказавъ Ренатѣ, что онъ нашелъ мѣсто для Эльвины Симонъ, Ансельмъ Вандереръ солгалъ. Теперь онъ постарался сдѣлать эту ложь правдой. Эта ненужная ложь была въ высшей степени характерна для него. Онъ могъ солгать изъ чистой жалости или для того, чтобы возбудить интересъ къ себѣ, или даже просто безъ всякой цѣли. Чтобы нравиться, онъ могъ высмѣивать себя самого, могъ хвастать приключеніями, передъ которыми въ глубинѣ души испытывалъ ужасъ. Не задѣвать другихъ, чтобы не быть задѣтымъ самому, скорѣе прихвастнуть, чѣмъ показаться скучнымъ, и при всемъ томъ не умѣть скрыть этой двойственности отъ зор-

каго наблюдателя — таковъ былъ Вандереръ въ общеніи съ людьми. Наединѣ-же—желчный философъ, играющій остроумными мыслями, или флегматичный мечтатель со склонностью придавить своимъ мечтамъ то же изящество, что и своему платью.

Найти квартиру Эльвины Симонъ было нетрудно. На порогѣ его встрѣтила своднической усмѣшкой какая-то старуха и ввела его въ комнату, въ которой царилъ запахъ заплесневѣлаго бѣлья. Дѣвушка вошла такъ, какъ будто ее втолкнули, едва подняла на него глаза и сейчасъ-же начала машинально развязывать юбки.—Нѣтъ, нѣтъ,—удержалъ ее Вандереръ, слегка касаясь ея рукъ. Она недоумѣвающе, съ холодной ненавистью взглянула на него. Болѣе жалкаго зрѣлища, чѣмъ ея безпомощное, покорное лицо Вандереръ не могъ себѣ представить. Онъ объяснилъ ей въ нѣсколькихъ блѣдныхъ словахъ, чего хотѣлъ. Эльвина разразилась деревяннымъ смѣхомъ, какъ будто ей сказали, что она дочь короля. Но когда молодой человѣкъ упомянулъ имя Ренаты, она задрожала и растерянно обвела взглядомъ комнату. Онъ назвалъ ее „фрейлейнъ", и она отшатнулась отъ него, какъ будто хотѣла оправдать этотъ титулъ большимъ разстояніемъ. Своимъ жалобнымъ, усталымъ голосомъ она сообщила, сколько должна хозяйкѣ, и въ заключеніе прибавила:

— Я не могу этого понять.

— Чего вы не можете понять?

— Что теперь будетъ иначе.

Ея лицо ожило, потеряло свою безучастность.

Вандереръ еще раньше нанялъ дешевую комнатку; внизу уже стоялъ носильщикъ, чтобы отнести туда вещи Эльвины. Вандереръ позвалъ хозяйку и положилъ на столъ деньги—долгъ Эльвины. Старуха вытерла руки и довольно хмыкнула. Но ея морщинистое лицо не потеряло злобнаго выраженія. Она оскалила зубы, раздвинувъ толстыя, похожія на подушки губы, и, желая быть добродушной, сдѣлала наглый намекъ относительно будущаго Эльвины. Дѣвушка стояла, прерывисто дыша; ей все еще не вѣрилось; казалось, ее сковывали воспоминанія, и она не понимала новаго, какъ внезапно проснувшійся человѣкъ не понимаетъ, гдѣ онъ находится.

Вандереръ взялъ ее за руку, но она вырвалась. На улицѣ онъ сказалъ ей, что далъ объявленія въ газеты, чтобы найти ей мѣсто. Онъ обращался съ ней ласково; ему казалось трогательнымъ, какъ она сѣменила рядомъ съ нимъ, стараясь приноровиться къ его шагамъ. На новой квартирѣ ее ждалъ сюрпризъ. На постели лежало темно-коричневое

платье съ большими бѣлыми полосами. Оно не отличалось изяществомъ, но Эльвина нѣжно провела по нему рукой. Вандереръ ждалъ внизу; онъ попросилъ ее сейчасъ-же надѣть новое платье и пойти вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать нѣсколько покупокъ. Все это дѣлалось якобы по порученію Ренаты.

— Я не знаю, чѣмъ мнѣ заслужить все это, — боязливо сказала Эльвина. Но сознаніе, что она уже не одна, что о ней заботятся, согрѣло ее, и она стала довѣрчива.

Они ходили по городу все послѣобѣда, занимаясь мелочами и откладывая болѣе важное. Эльвина устала; это проявлялось у нея въ томъ, что она говорила больше обыкновеннаго. Ея худое личико раскраснѣлось, и когда солнце заходило, она стояла на мосту и смотрѣла такъ, какъ будто никогда не видѣла солнца. „Ахъ, какая зеленая вода!“ говорила она, или: „Ахъ, какое чудное небо!“ Когда Вандереръ смѣялся, она сейчасъ-же умолкала. Ей нравилось все въ немъ, за исключеніемъ глазъ. Онъ со своей стороны находилъ, что она словно чудомъ осталась неиспорченной и наивной, какъ будто ея душа до слѣдующаго дня хранилась въ несгораемомъ шкафу.

Купленныя вещи были отосланы на квартиру Эльвины. По счастливой случайности Вандереръ встрѣтилъ одного фабриканта, съ которымъ онъ и его братъ были въ дружескихъ отношеніяхъ. Его звали Давиль, онъ былъ отцомъ блѣднаго студента. На просьбу Вандерера относительно мѣста фабрикантъ отвѣтилъ, что ему нужна честная дѣвушка на мѣсто кассирши. Оно должна быть настолько понятлива, чтобы научиться справляться съ пишущей машиной новой системы, въ изобрѣтеніи которой онъ самъ принимаетъ участіе. Ансельму достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы расположить Давиля въ пользу Эльвины. Ближайшее прошлое осталось тайной, а видъ Эльвины внушалъ довѣріе. Неожиданная перемѣна ошеломила ее и отняла у нея языкъ. На Давиля она произвела впечатлѣніе, котораго онъ не могъ опредѣлить, но которое заставило его покоситься на дѣвушку съ комичнымъ благоволеніемъ. Вообще-же онъ держалъ себя божественно.

Такъ прошло время до шести часовъ,—до вечера. Вандереръ пошелъ съ Эльвиной въ театръ и купилъ два билета „на Фиделіо“. Эльвина созналась, что еще никогда не была въ театрѣ; она исповѣдалась въ этомъ, какъ въ преступленіи.

Во время представленія онъ былъ занятъ своей спутницей больше, чѣмъ игрой и музыкой. Ему нравилось иногда воображать себя знатокомъ людей, наблюдателемъ.

Когда заиграли увертюру, Эльвина поблѣднѣла, и ея ин-

тересъ къ зданію и людямъ исчезъ. Она устремила въ глубину, гдѣ гремѣлъ оркестръ, долгій неподвижный взглядъ, а когда раздался трубный сигналъ, которымъ начинается торжественная средняя часть, тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, и она, дрожа, нагнулась впередъ. Вандереръ заранѣе разсказалъ ей въ главныхъ чертахъ содержаніе, и теперь ея бурное сочувствіе взволновало его. Ему казалось, что онъ чувствуетъ трепетъ, пробѣгавшій по ея спинѣ, и съ этимъ связывались чувственныя представленія. Когда въ послѣдней сценѣ, въ охваченномъ мертвой тишиной театрѣ опять загремѣли трубы, она, измученная, откинулась на спинку кресла и приложила обѣ руки къ груди, какъ будто боясь смерти.

— Мы поужинаемъ у меня,—объявилъ Вандереръ послѣ театра. Эльвина покорно взглянула на него. Она устало заняла свое мѣсто въ экипажѣ, и Вандереръ съ любопытствомъ смотрѣлъ на ея измученное лицо. Ея глаза блуждали, полные ожиданія; казалось, она потеряла сознаніе того, что съ ней происходитъ.

Два дня спустя произошла встрѣча съ Ренатой въ галлереѣ. Этотъ короткій часъ заставилъ Вандерера сдѣлать смотръ своей жизни и міру своихъ мыслей и чувствъ. Когда Рената оставила его, сумерки показались ему богаче красками, небесный сводъ шире и безпредѣльнѣе. Онъ три раза натыкался на людей, но и это не могло вывести его изъ раздумья. Наконецъ, онъ остановился передъ кафе, завсегдатаемъ котораго былъ Зюсенгутъ, обыкновенно просиживавшій здѣсь до разсвѣта. Кромѣ него, здѣсь бывали Стиве, Салатчъ, бывшій приватъ-доцентъ, человѣкъ очень неряшливаго вида, чернобородый композиторъ по фамиліи Уйбелейзенъ и актеръ Ксиландеръ, братъ Анны Ксиландеръ. Иногда приходилъ и Гудстиккеръ, обыкновенно бывавшій въ болѣе аристократическомъ кафе „Луитпольдъ".

Вандереръ подсѣлъ къ литератору Герцу и вооружился миной наблюдателя, какъ вооружаются очками. Герцъ, человѣкъ полный граціи и достоинства, нагнулся къ нему такъ, что его животъ очутился на столѣ, и спросилъ: „Pardon, господинъ Вандереръ, вы знаете Гизу Шуманъ?"

Вандереръ узналъ, что Гиза сдѣлалась любовницей Зюсенгута. Объ этомъ знали уже всѣ. Самъ Зюсенгутъ относился къ этой связи такъ, какъ будто она была не его личнымъ, а общимъ дѣломъ. Онъ говорилъ о ней, точно пьяный профессоръ психологіи. Вандереръ слушалъ его истерически вдохновенныя рѣчи съ легкимъ стыдомъ. Главный залъ былъ уже пустъ, здѣсь, въ боковой нишѣ, гулко раздавалось каждое слово.

— Послушайте,—эта наивность! Кто не испыталъ этого, тотъ никогда не жилъ. Развѣ-же это не болѣе прекрасно, чѣмъ какое-нибудь явленіе природы? Чѣмъ кратеръ или волканъ или море? Что мнѣ за дѣло до вашихъ солнечныхъ восходовъ, вашего моря, вашихъ ледниковъ! Мнѣ принадлежатъ лѣсъ и море, солнце и мѣсяцъ, въ одномъ существѣ на пространствѣ шести квадратныхъ метровъ.

Его руки хватали воздухъ, какъ будто ища какой-то ускользающій предметъ, затѣмъ онѣ застыли въ этомъ жестѣ и опустились внизъ. Лицо его было искажено, каждый мускулъ натянутъ. Онъ продолжалъ:

— Эти таинства дѣвичьей души! Глубокая вѣрность самой себѣ! Онѣ никогда не выходятъ изъ своей роли! Каждая—Дузе своей миссіи, высшее проявленіе природы. Узнайте женщину въ ея самыхъ скрытыхъ физическихъ отправленіяхъ и вы поймете ее въ самыхъ таинственныхъ побужденіяхъ ея души. Предохраните ее отъ несваренія желудка и вы защитите ее отъ моральной ошибки. Ибо только въ благодарности принадлежитъ она вамъ вполнѣ. Не переживаю-ли я теперь самое совершенное счастье? Когда утромъ она просыпается и улыбается мнѣ,—это *моя* утренняя молитва. Послушайте, это *моя* прогулка, *мои* занятія, *моя* карьера, *мои* успѣхи. Конечно, это не для Гудстиккеровъ и Марлитъ, для соціалъ-эстетовъ и коллекціонеровъ. Это для меня и для васъ, для васъ, для васъ!— Онъ возбужденно указывалъ пальцемъ на сидѣвшихъ съ нимъ, потому что тотъ, кто былъ въ его обществѣ, всегда принадлежалъ къ великимъ исключеніямъ,—до тѣхъ поръ пока присутствовалъ. Его лицо стало блѣдно, почти сѣро, шея налилась кровью.

— Удивительно,—сказалъ литераторъ Герцъ, принимаясь опять за свою газету, которая была почти такой-же величины, какъ онъ самъ. Стиве кивнулъ головой и закашлялся. Этимъ онъ часто избавлялъ себя отъ неудобныхъ репликъ.

— Скажите, пожалуйста, какихъ мужчинъ избираютъ даже лучшія женщины? Эксплуататоровъ, пиратовъ, биржевиковъ жизни, мелкихъ дѣльцовъ. Столько любви я даю тебѣ, столько ты долженъ мнѣ. Я отъ жизни хочу только одного: такъ окутать одно единственное существо преданностью, чтобы оно не могло вырваться на свободу. Каждое дѣйствительное счастье—рабство.

— Это правда, объ этомъ я часто думалъ, — замѣтилъ Ксиландеръ съ угодливой улыбкой. Онъ хотѣлъ разсказать какую-то исторію, но не зналъ, съ чего начать. Стиве тщательно разсматривалъ трещины на потолкѣ.

Вандерера бросало въ жаръ, когда онъ смотрѣлъ на Зю-

сенгута.—Болтунъ,—думалъ онъ, вспыхивая отъ негодованія. Онъ всталъ и безпокойно зашагалъ между столами. Окна были еще не завѣшаны, и онъ могъ видѣть темную толпу, стремившуюся мимо. Каждая женская фигура, проходившая мимо окна, пугала его. Чѣмъ больше онъ старался отвлечь свои мысли, тѣмъ упорнѣе онѣ возвращались къ одному образу, все къ одному и тому же. Онъ потерялъ волю и разумъ, думалъ о томъ, какъ бы уѣхать. . Ему хотѣлось писать, открыться, но кому сдѣлать признаніе и какое признаніе? Смѣлыя мысли обступили его и перешли въ смѣлое рѣшеніе. Хриплымъ голосомъ попросилъ онъ чернилъ и бумаги.—То, что онъ написалъ Ренатѣ, родилось въ моментъ душевнаго смятенія, было наполовину самообманомъ, наполовину вызовомъ. Изъ ниши опять донесся задыхающійся голосъ Зюсенгута. Его рѣчи пріобрѣтали все болѣе пророческій характеръ. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы его называли Мессіей женщинъ.

III.

Медленно проходила ночь, еще медленнѣе утро, безконечно тянулись часы послѣ полудня. Въ три часа Вандереръ уже бродилъ по пустымъ заламъ Пинакотеки. Онъ жалѣлъ, что написалъ письмо: ему казалось, что онъ съ миной честнаго человѣка велъ фальшивую игру. Онъ зналъ, что не уѣдетъ, но благородное самоотреченіе въ его письмѣ ограждало его самоуваженіе. Онъ много жилъ въ одиночествѣ, поэтому онъ былъ такъ чувствителенъ къ своимъ поступкамъ. Общество мужчинъ портило его; онъ сейчасъ же усваивалъ себѣ чужой тонъ и притворялся веселымъ и самодовольнымъ. То же самое было съ картинами. Ему нравилась только мысль, что онъ проводитъ время одиноко, среди произведеній искусства.

Часа въ четыре пришли посѣтители, но въ половинѣ пятаго было опять уже пусто. Освѣщеніе сегодня было плохое. Шелъ упорный, мелкій дождь. На лѣстницѣ раздались легкіе шаги; кто то шелъ по каменнымъ ступенямъ. Поблѣднѣвъ, онъ повернулся къ картинѣ у задней стѣны и застылъ въ дѣтскомъ смущеніи. Произнесенное вполголоса привѣтствіе заставило его обернуться. Рената слегка потянула его за рукавъ и сказала:

— Я знала, что вы здѣсь.

Онъ безпомощно взглянулъ на нее и съ легкимъ испугомъ замѣтилъ, что она дышитъ прерывистѣе.

— Посидимъ немного,—предложила Рената,—я устала отъ ходьбы.

Тонъ голоса, это „я устала отъ ходьбы"—Вандереръ не зналъ, что отвѣтить. По галлереѣ, словно рой призраковъ, расползался сгущавшійся сумракъ. Темно-красныя стѣны, красная ткань на креслахъ, золотыя рамы, лица, глядѣвшія съ картинъ—все казалось особымъ міромъ, молчаливымъ и нетронутымъ.

— Я хотѣла только придти сюда еще разъ,—мягко сказала Рената, какъ будто прося прощенія.—Ваше письмо испугало меня. Правда, я думала, что такое письмо должно когда-нибудь придти. Чтобы показать мнѣ, чего я стою — какъ въ своихъ глазахъ, такъ и въ чужихъ. Но было бы лучше, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это, если бы вы сказали мнѣ это. Когда это написано, чувствуешь себя неувѣренной.

— Фрейлейнъ Рената, я виноватъ передъ вами. Вы можете требовать отъ меня отвѣта. Но это не было сдѣлано съ намѣреніемъ, я не хотѣлъ этого, это была слѣпая сила. Быть можетъ, вы сами. Да, вы сами, не зная того.

— Я это понимаю. Вамъ не надо оправдываться,—сказала Рената, закусывая нижнюю губу и поднимая вуаль. Вдругъ она встала.—А если я послѣдую за вами, куда вы хотите, готовая на все, чего вы хотите?

Вандереру показалось, что онъ вдругъ очутился въ удушливо-горячемъ пространствѣ. Онъ не видѣлъ своихъ рукъ, которыя невольно судорожно стиснулъ. Рената неподвижно стояла передъ нимъ. Отъ времени до времени по ея тѣлу пробѣгала дрожь, ея лицо было блѣдно отъ стыда, страха и ожиданія.

— Для меня не всѣ мужчины одинаковы,—прибавила она машинально, полная дѣвичьей грусти.—Я никогда не выйду замужъ за герцога. Чтобы погибнуть, мнѣ не нуженъ дворецъ, не нужна корона.

Что собственно толкало ее къ этому? Она сунула руку въ урну съ жребіями, какъ ребенокъ, не выбирая, съ завязанными глазами.

— Если вы хотите этого,—сказалъ Вандереръ въ возбужденіи, близкомъ къ безумію, — тогда я узнаю, что такое счастье.

— Ахъ, счастье, — отвѣтила Рената грустно и неувѣренно,—этимъ счастья не добудешь.

— Слишкомъ много сразу, — пробормоталъ Вандереръ, котораго знобило точно въ лихорадкѣ. Въ то же время онъ чувствовалъ испугъ, съ которымъ не могъ справиться. Чужая жизнь, завладѣвшая его жизнью, парализовала мысли и рѣшимость. Будущее, которое онъ, казалось ему, предчув-

ствовалъ и предвидѣлъ, представлялось ему бурнымъ и тревожнымъ.

— Да, я хочу бѣжать,—повторила Рената въ страстной жаждѣ какого-нибудь рѣшенія.—Вся моя жизнь здѣсь ненавистна мнѣ.

— Я могу предложить вамъ обезпеченное будущее,—торопливо сказалъ Вандереръ. Ему было совершенно неясно, какъ это будетъ, и какъ она себѣ это представляетъ.

— Будущее,—гнѣвно отвѣтила Рената.—Я не думаю объ этомъ. Я не хочу знать, въ какой комнатѣ я буду жить вѣчно. Вы не должны жениться на мнѣ. Вы должны только знать, чего я хочу, и что я такое. Потому что сама я этого не знаю.

— А вы не боитесь послѣдствій?—спросилъ Вандереръ озабоченно и боязливо.

— Развѣ вы не сказали мнѣ, что любите меня?—прошептала Рената съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Или ваше письмо было написано только для забавы. А я, да, я испытала себя. я испытала себя. Это все. Да и какъ это могло быть иначе? Я знала, что вы презираете людей, которые окружаютъ меня, и когда я чувствовала себя оскорбленной, я думала о васъ. Это не жизнь. Нигдѣ не быть въ состояніи согрѣться и красивой внѣшностью прикрывать ужасную пустоту! Я не хочу продать себя за титулъ, нѣтъ, ужъ лучше я просто отдамъ себя. Вотъ я стою передъ вами, я пришла ни съ чѣмъ, и если вы хотите, я буду работать, какъ простыя женщины. Это тоже мучитъ меня, я хотѣла бы знать, что дѣлается тамъ, внизу, какъ живутъ эти сотни тысячъ женщинъ, которыя проклинаютъ насъ. И я должна жить въ замкѣ? Вѣчно слышать далекіе голоса? Нѣтъ, нѣтъ!—Съ широкооткрытыми глазами ждала она отвѣта. Онъ назвалъ ее по имени, нагнулся къ ея рукѣ и поцѣловалъ ее.

— И я не долженъ пойти къ вашей матери? — спросилъ онъ.

Рената вздрогнула и горько засмѣялась.

— Вы думаете, что я хочу приключеній, романтическихъ приключеній.

— Я хочу только избѣгнуть ненужныхъ опасностей.

— Опасностей. Если вы сдѣлаете это, я не смогу больше любить васъ. Уже потому одному, что всѣ будутъ бранить васъ. Я хочу забыть, что лежитъ позади. Я не переношу мелкихъ ссоръ. Моя мать только и думаетъ о моемъ будущемъ титулѣ.

Она становилась все болѣе подавленной. Она хотѣла сказать такъ много, и такъ мало могла выразить словами.

— Я понимаю васъ,—сказалъ Вандереръ со своей мед-

лительной манерой.—Для васъ это не бѣгство, а возмущеніе. Бѣжать вамъ легче, чѣмъ бороться.

— Да, это вѣрно, это страшно вѣрно,—воскликнула Рената, радостно улыбаясь. Она сказала „страшно" съ дѣтски-важнымъ удареніемъ.

— Вы не хотите быть загрязнены упреками и оскорбленіями. Возмущеніе кажется вамъ самымъ благороднымъ чувствомъ. Вы не хотите навязывать мужчинѣ, которому довѣряетесь, обязательствъ, не хотите насильно приковывать его къ себѣ. Я понимаю все это очень хорошо, Рената.

— Ансельмъ! — пролепетала молодая дѣвушка, полная счастья.

— Но не будете ли вы раскаиваться, вотъ чего я боюсь. Людямъ этого не надо кричать въ лицо, но не будете ли вы бояться, что ошиблись? Не будетъ ли каждый фальшивый тонъ казаться въ десять разъ худшимъ? Не можетъ ли каждое слово стать врагомъ? Все это надо взвѣсить. Не слѣдуетъ лгать себѣ.

— Я не буду раскаиваться,—отвѣтила Рената.—Что послѣдуетъ за этимъ, касается только меня. Только на меня это можетъ наложить какія-нибудь обязанности. А ложь? Я не лгу никогда. Я хотѣла только выбрать свободно. Я горда, вы себѣ и не представляете этого. И я горда не только за себя, но и за всѣхъ женщинъ, начиная съ моей матери и сестеръ.

Она сказала это такъ искренно, просто и скромно, что скрывавшаяся за этими словами грусть блеснула, какъ вода въ шахтѣ.

— Какое странное существо,—подумалъ Вандереръ, который внутренно былъ растерянъ. Теперь стало дѣйствительностью все то, что раньше казалось недостижимымъ. Судьба неожиданно перебросила мостъ черезъ пропасть.

Пробило пять часовъ, прошло всего полчаса: по важности принятыхъ въ нихъ рѣшеній они равнялись годамъ. Хмурое небо покраснѣло, затѣмъ вдругъ стало желтымъ—призрачно яркаго желтаго цвѣта. Старикъ сторожъ вошелъ, чтобы своимъ появленіемъ показать, что галлерею закрываютъ. Рената съ сіяющимъ лицомъ подняла глаза на Вандерера, — онъ былъ немного выше ея,—затѣмъ они въ безмолвномъ пониманіи пошли къ портрету Саскіи. Только одинъ взглядъ мимоходомъ; изъ тѣни, уже окутывавшей полотно, глянули свѣтлые глаза. Мечтательные и разочарованные глаза. То было лицо Галеотто.

IV.

Когда они проходили черезъ англійскій садъ, Рената своимъ мягкимъ голосомъ спокойно сообщила, что мать и сестры поѣдутъ завтра въ Инсбрукъ встрѣчать отца. Она останется одна. Одна изъ служанокъ пользуется ея довѣріемъ; она поможетъ ей уложиться. Остальныхъ и лакея она куда-нибудь ушлетъ. Вандереръ говорилъ мало. Изъ боязни взять невѣрный тонъ онъ часто не находилъ вѣрнаго. Боясь быть слишкомъ искреннимъ, онъ становился безпричинно ироническимъ. Но чужая иронія пугала и задѣвала его. Внезапно охваченный страстью, онъ совсѣмъ растерялся и жилъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы не сдѣлать чего нибудь неподходящаго. Рѣшительность Ренаты, въ которой было что то геройское, вызывала въ немъ восхищеніе, но гдѣ то глубоко въ немъ шевелились воспоминанія о знакомыхъ романахъ, и онъ старался вооружиться противъ кого-то неопредѣленнаго, кто, можетъ быть, могъ бы высмѣять все это. Такъ раздвоено было все, что онъ дѣлалъ и думалъ.

Рената, каждое рѣшеніе которой носило характеръ чего-то неизмѣннаго, подобно рѣшеніямъ самой природы, была весела и общительна. Вечеръ неожиданно сталъ хорошъ. Зелень тускло свѣтилась въ полутьмѣ, и дождевыя капли падали на сухія листья. Рената скоро сказала все, что надо было сказать, дѣловито и безъ уклоненій въ сторону. Теперь она молчала, видимо, прислушиваясь къ вечернему звону, доносившемуся съ ближайшей церкви. Протяжные звуки словно переливались. Все вокругъ, казалось, трепетало. Вандереръ предложилъ на первое время поселиться въ маленькомъ домикѣ на Боденскомъ озерѣ, который издавна принадлежалъ его семьѣ. Управлялъ имъ старый солдатъ, потерявшій при Кениггрецѣ ногу. Вандереръ рѣшилъ телеграфировать ему сегодня же ночью. Рената согласилась; осторожность и нерѣшительность, звучавшія въ словахъ Вандерера, не сердили ея.—Я иду съ нимъ свободно, по своей волѣ. Я избрала и избрана. Жизнь открываетъ мнѣ всѣ свои входы,—такія мысли наполняли ее. Сначала она хотѣла написать письма—матери, герцогу, но ее испугало то прозаическое и пошлое, что было бы слѣдствіемъ этого.

При прощаніи Ансельмъ спросилъ, любитъ ли она его. Она посмотрѣла на него непонимающими глазами и растерянно улыбнулась. Этотъ вопросъ казался ей безсмысленнымъ; тотъ фактъ, что онъ былъ сдѣланъ, заставилъ ее поблѣднѣть отъ стыда. Вандереръ опустилъ глаза. Ея расте-

рянная улыбка при скудномъ свѣтѣ уличнаго фонаря осталась навсегда незабвенной для него. Въ этотъ моментъ его безпомощная симпатія превратилась въ страсть.

Задумчиво прошла Рената остававшіеся нѣсколько шаговъ до улицы Маріи-Терезіи. Они условились встрѣтиться на слѣдующій день въ четыре часа на центральномъ вокзалѣ. Это было все, что она понимала подъ словомъ „будущее". Обсуждать и взвѣшивать не было ей свойственно; она думала только образами, мрачными или радостными. Сознаніе близости великой перемѣны опьяняло ее. Все вокругъ нея казалось ей милымъ и прекраснымъ. Каждый камень, на который она наступала ногою, возбуждалъ въ ней нѣжное чувство. Однимъ взоромъ простилась она съ тихимъ вечеромъ—великимъ преддверіемъ завтрашняго дня.

— Ну, Рената,—сказала госпожа Фуксъ, сидѣвшая въ креслѣ съ грѣлкой подъ ногами,—ты ведешь себя ужъ черезчуръ странно. Все послѣобѣда ты пропадаешь гдѣ-то, безъ экипажа, совершенно одна. Я этого не понимаю. У тебя есть обязанности. Я на твоемъ мѣстѣ поступала бы иначе, да.

Лони и Марта своимъ торжественнымъ видомъ выражали, что онѣ на мѣстѣ Ренаты тоже поступали бы иначе, да.

Пораженная разсѣяннымъ выраженіемъ лица Ренаты, госпожа Фуксъ покачала головой и уныло прибавила:

— Я больна.

Рената испуганно посмотрѣла на мать.

— Ты больна?—и она быстро нагнулась къ ней.

— Ну, тебѣ незачѣмъ пугаться, Рената, благодарю тебя, дитя мое. Это старая исторія.

— Тогда ты завтра не поѣдешь, мама,—рѣшительно сказала Рената. Затѣмъ она съ ужасомъ закусила нижнюю губу. Ложь! Эта мысль молніей сверкнула въ ея умѣ.

— Ну, конечно, я поѣду, Рената,—отвѣтила госпожа Фуксъ все также уныло.—Дѣти такъ радуются поѣздкѣ, а я, кто знаетъ, увижу ли я опять эти горы. Вѣдь Фуксъ хочетъ скоро уѣхать отсюда. О, Господи!

Марта разсказала забавную исторію, сильно смѣшившую ее. Въ кондитерской ей представили „этого" Зюсенгута. Чего только опъ не наговорилъ ей! Она выучила его слова наизусть, хи-хи.

— „Ваша сестра Рената, фрейленъ, для меня просто идеалъ. Она ходитъ по улицамъ съ печатью рока на челѣ. Съ неземной безпечностью идетъ она своимъ крестнымъ путемъ къ страданію. Une femme douloureuse".—Вотъ комикъ, а?

Госпожа Фуксъ строже обыкновеннаго сдѣлала обѣимъ выговоръ за „всѣ эти глупости".—Ну, я должна сказать, вы умѣете себя вести. Милыя знакомства, нечего сказать. Я не

хочу больше слышать объ этомъ. Вы прекратите знакомство съ этимъ человѣкомъ.

Она, несомнѣнно, не поняла ни слова, но материнскимъ инстинктомъ почувствовала впечатлѣніе, которое произвело на Ренату, даже въ передачѣ сестрѣ. Опять слова Зюсенгута упали на ея путь, какъ яркіе лучи свѣта.

— Сегодня я должна еще разъ поиграть на роялѣ,—подумала она,—я должна сыграть что-нибудь бурное, страстное. Ея щеки горѣли, когда она сѣла за рояль и взяла тяжелые начальные аккорды „послѣдней“ сонаты. Но скоро ея руки устали, и ей захотѣлось болѣе мягкихъ звуковъ. Въ комнатѣ стало тихо, и передъ ея глазами съ загадочной отчетливостью встало лицо, которое она безумно цѣловала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Прекрасный свѣтлый день благопріятствовалъ поѣздкѣ дамъ. Лони и Марта не спали всю ночь; ожиданіе бросало ихъ въ жаръ и въ холодъ. Съ Ренатой было иначе. Чѣмъ ближе подвигался ожидаемый часъ, тѣмъ спокойнѣе становилась она. Когда мать и сестры уѣхали, и она осталась одна, она занялась тщательной укладкой своихъ двухъ большихъ сундуковъ. Ей помогала Анета, молоденькая дѣвушка, служившая въ домѣ съ мая и горячо преданная Ренатѣ. Въ половинѣ четвертаго прибылъ заказанный экипажъ; Рената оставила на своемъ письменномъ столѣ карточку съ нѣсколькими словами, звучавшими ясно и твердо. Затѣмъ она провѣрила, не забыла ли чего-нибудь, и пошла къ экипажу съ необыкновенно женственной улыбкой на лицѣ.

Ансельмъ Вандереръ уже ждалъ на вокзалѣ. Онъ молча поздоровался съ ней, сдалъ багажъ и занялъ мѣсто въ вагонѣ,—не въ купэ Ренаты. Это была условленная предосторожность, потому что они не хотѣли слишкомъ рано дать пищу празднымъ языкамъ. Міръ малъ для людей, которые хотятъ быть одни. Только теперь, при взглядѣ на красную плюшевую обивку дивана сердце Ренаты забилось. Кромѣ нея, въ купэ не было ни одного пассажира, и когда поѣздъ тронулся, она закрыла лицо руками, точно ослѣпленная вдругъ ворвавшимся свѣтомъ. Ей были безразличны поля, ровно бѣжавшія вдаль, безразличны прошлое и будущее. Только то, что она вдругъ очутилась совсѣмъ одна, смущало ее, казалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ. Торопливо и размѣренно катились колеса; Рената невольно под-

пѣвала въ тактъ, такъ же невольно къ мелодіи напрашивались: „Душа, которая въ тебѣ жила... чтобъ всѣ страданія твои"... Наконецъ, поѣздъ подошелъ къ станціи, на которой Вандереръ долженъ былъ войти въ ея купэ. Она нетерпѣливо ждала его. Было уже темно, когда онъ вошелъ съ носильщикомъ; онъ нервно расплатился и занялся вещами. Почему онъ молчитъ?—съ тоской подумала Рената. Когда поѣздъ опять тронулся, онъ быстро подошелъ къ ней, взялъ ея обѣ руки и спросилъ, не раскаивается-ли она. Опять тотъ же непонимающій взглядъ, та же растерянная улыбка. И опять чувство стыда у Ансельма и незнаніе, что сказать. Онъ вздохнулъ, и одно мгновеніе у него было такое чувство, какъ будто онъ весь покрытъ тихо ноющими ранами. Ея присутствіе, видъ ея, ея спокойствіе, ея тонкое блѣдное лицо, ея большіе глаза возбуждали въ немъ чувство, похожее на благоговѣніе. Она улыбнулась ему, и дѣтское выраженіе ея лица ободрило его. Тихонько, дрожащими руками приподнялъ онъ вуаль съ ея лица, наклонился и поцѣловалъ ее. То, что онъ сдѣлалъ это, испугало его не такъ сильно, какъ холодныя, влажныя губы, которыхъ онъ коснулся. Въ нихъ совершенно не чувствовалось желанія, но онѣ не уклонились отъ прикосновенія его губъ. Она смотрѣла на него съ изумленіемъ и мольбой. Въ немъ самомъ этотъ часъ и будущее, которое онъ открывалъ, вызывали странное изумленіе.

О себѣ они говорили мало; разговоръ шелъ о книгахъ, о художникахъ, о цѣли путешествія, о красотахъ Боденскаго озера. Они были еще такъ чужды другъ другу, что одинъ не зналъ, что нравилось другому. Отсюда полушутливая, полуробкая неувѣренность разговора и нѣсколько неуклюжая иронія Вандерера, когда онъ говорилъ о своей жизни. Рената въ этихъ случаяхъ смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла найти за ироніей серьезное, которое ей нужно было во всемъ; разъ она наивно сказала: „Я этого совсѣмъ не понимаю". Въ сущности, это была жалоба, но онъ этого не понялъ. Она была удивлена, что такъ быстро освоилась съ настоящимъ, безъ желанія оглянуться назадъ, безъ колебаній и воспоминаній. Она чувствовала благодарность къ самой себѣ.

Въ Линдау у пристани уже пыхтѣлъ пароходъ. Холодный и далекій стоялъ мѣсяцъ между двумя тучами, похожими на подстерегающихъ кошекъ, и свѣтъ его переливался далеко по озеру, точно жемчужный потокъ. На югѣ и востокѣ лежали черныя громады горъ, а за ними въ бѣломъ свѣтѣ блестѣли снѣговыя шапки, точно серебряные набалдашники. Въ воздухѣ пахло озерной водой и водорослями, хрипло кричали чайки. Рената не могла говорить.

когда была такъ захвачена, какъ теперь; она стояла у борта, пока Ансельмъ возился со всякими мелочами.

Она опустила вуаль и, крѣпко опершись руками о деревянныя перила, вся ушла въ созерцаніе. Вдругъ она почувствовала какое-то непріятное ощущеніе, отъ котораго сначала старалась избавиться, но которое скоро завладѣло ею. Она повернулась въ сторону и увидѣла, что съ нея не сводитъ глазъ какой-то господинъ, котораго она, несомнѣнно, не видѣла никогда въ жизни, но который сейчасъ же принялъ въ ея воображеніи образъ тяжелаго воспоминанія. Это былъ невысокій коренастый человѣкъ съ увѣренной осанкой, въ желтомъ пальто и калабрійской шляпѣ. Лицо находилось въ тѣни дымовой трубы, но Рената увидѣла козлиную бородку, которая имѣла видъ приклеенной. Даже тогда, когда молодая дѣвушка недовольно отвернулась, его глаза не перестали буквально пожирать каждое движеніе, каждую складку платья, каждое измѣненіе въ лицѣ Ренаты. Только тогда, когда подошелъ Вандереръ, онъ принялъ равнодушный видъ и принялся зажигать сигару, защищая ее отъ вѣтра руками. При свѣтѣ вспыхнувшей спички Рената увидѣла лицо, полное холоднаго спокойствія, рѣзкое, рѣшительное, помятое жизнью и какъ бы окаменѣлое, съ циничнымъ и жестокимъ ртомъ. Во всемъ существѣ была такая странная смѣсь важности и безпечности, животнаго и свѣтскаго, равнодушія и необузданности, что даже Вандереръ посмотрѣлъ на шагавшаго взадъ и впередъ незнакомца, покачивая головой.

Рената не могла больше наслаждаться природой. Она всюду чувствовала взглядъ этого человѣка. Куда бы она ни двинулась, она чувствовала себя стѣсненной и несвободной, какъ будто передъ ней была поставлена какая-то преграда.

Она стояла у борта и думала: куда?

II.

Въ девять часовъ пароходъ подошелъ къ послѣдней станціи передъ Констанцомъ. На пристани ждалъ одинокій управляющій со своей дочерью и рабочимъ; онъ привѣтствовалъ „молодую барыню“ самымъ совершеннымъ по формѣ поклономъ, какой только можно себѣ представить. Генеральная репетиція этого поклона была произведена полчаса тому назадъ предъ строгими очами ночного сторожа Кизеветтера, человѣка, знающаго свѣтъ. У Кизеветтера было двѣ кошки и четыре собаки, которыхъ онъ тщательно обучалъ вѣжливымъ манерамъ.

Безукоризненный поклонъ господина Виниваака, позабавившій Ренату, вызвалъ у господина въ калабрійской шляпѣ взрывъ веселости, напоминавшій скорѣе гудѣнье пароходной трубы, чѣмъ смѣхъ. Рената вздрогнула.

— Опасный субъектъ,—пропыхтѣлъ Винивaакъ,—стараясь соединить свой гнѣвъ съ почтеніемъ къ господамъ.— Живетъ въ „Бѣломъ Пѣтухѣ". Ѣздитъ два раза въ недѣлю на швейцарскую границу. Подозрительный субъектъ.

— Бросьте,—успокоилъ его Вандереръ. Онъ былъ разсѣянъ и взволнованъ. Взволнованъ предгорьемъ, которое разстилалось, покрытое бархатисто-сѣрымъ туманомъ, взволнованъ тихимъ рокотомъ озера, всѣмъ тѣмъ внезапнымъ, что его медлительный умъ напрасно пытался обнять.

Когда Рената вошла въ комнату одиноко лежащей у откоса усадьбы, ее охватило такое волненіе, что она видѣла все вокругъ себя, какъ будто въ туманѣ.

— Что нибудь случилось?—озабоченно спросилъ Вандереръ.

Рената покачала головой, пытаясь улыбнуться. Затѣмъ она быстрымъ движеніемъ бросилась ему на грудь. Сквозь ея полуоткрытыя губы сверкали влажные, бѣлые зубы; она смотрѣла на него полнымъ ожиданія взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ свѣтилось болѣзненно-напряженное стремленіе узнать его мысли. Въ этотъ моментъ изъ деревни, быть можетъ, изъ какого нибудь кабачка, донесся плясовой мотивъ, комично исполняемый басомъ. Ансельмъ засмѣялся,—нелѣпый смѣхъ. Рената опустила голову, отступила назадъ, подошла къ окну и прижалась лбомъ къ стеклу. Среди молчанія раздался стукъ въ дверь: Винивaакъ почтительно просунулъ въ отверстіе двери свою ужасающе тонкую голову и покорнѣйше доложилъ, что кушать подано.

Въ смущеніи, какого еще никогда не испытывалъ, Ансельмъ подошелъ къ Ренатѣ, отогнулъ ея голову назадъ и робко поцѣловалъ ее въ глаза. Рената со вздохомъ приняла поцѣлуй. Лицо ея стало блѣдно. Въ странной и мучительной тоскѣ смотрѣлъ Вандереръ на эти черты. Онѣ казались ему книгой, написанной на чуждомъ языкѣ отчетливыми и ясными буквами и все же непонятной.—Гдѣ теперь наши мысли?—спросилъ онъ, застѣнчиво избѣгая интимнаго обращенія.

— Не знаю,—кротко отвѣтила Рената.

— Здѣсь у насъ хорошо,—продолжалъ Вандереръ, и его слова казались ему пустыми и незначительными.—Цѣлый день солнце и озеро, лѣса и горы, старые замки и старыя церкви. Я позабочусь о собакѣ: она будетъ сопровождать

насъ на прогулкахъ.—Онъ сказалъ это, какъ будто боясь, что она будетъ скучать съ нимъ однимъ.

— Собака? Это будетъ великолѣпно. Можетъ быть, русская борзая.

— Да, или англійская лягавая. Рената не должна никогда грустить. Никогда желать напрасно. Не должна думать ни о чемъ, кромѣ...

— Кромѣ?

— Этого я не скажу.

— Пожалуйста!

— Это опасно. Слова такъ опасны.

— Часто и тогда, когда они не произнесены.

— Но развѣ я долженъ *говорить* Рената?

Она испуганно посмотрѣла на него.—Онъ самъ началъ дрожать.—Здѣсь, точно въ лѣсномъ домикѣ,—сказала Рената нѣсколько подавленно. Вандереръ не отвѣтилъ. Онъ чувствовалъ, что она ускользнула отъ него, и испытывалъ странное облегченіе. Онъ задумчиво взялъ ея руку, которая была холодна и суха; въ формахъ ея было что-то чарующе спокойное. Онъ былъ ей благодаренъ, что она сумѣла незамѣтно смягчить напряженіе и остроту разговора. Объ этомъ онъ и задумался. Затѣмъ онъ сказалъ банальную фразу о томъ, что ей идетъ черное платье, вообще черное.

Совмѣстный ужинъ усилилъ у обоихъ ощущеніе необыкновеннаго одиночества. Но оба съ удвоенной силой думали объ одномъ и томъ-же и старались обмануть другъ друга не имѣющими къ этому отношенія разговорами. Пробило десять часовъ, и Ансельмъ былъ пораженъ, что еще такъ рано. Часы, которые должны были послѣдовать, лежали какъ будто въ засадѣ, откуда медленно выступали, насмѣшливые и испытующіе. Рената устала, она спокойно сказала, что хочетъ спать. Но когда она выпила свое вино и хотѣла поставить бокалъ на столъ, ея рука задрожала, стаканъ выпалъ, и вино потекло по бѣлой скатерти, какъ густая кровь. Оба засмѣялись, не рѣшаясь взглянуть другъ на друга, и Рената разсердилась на Ансельма за то, что онъ не могъ найти нужныхъ словъ. Она едва понимала все это. Она чувствовала свое превосходство и начала бояться чего-то мрачнаго далекаго.

— Ансельмъ,—ласково сказала она,—почему ты сталъ такой молчаливый?

— Я все еще не могу понять этого, Рената,—отвѣтилъ Ансельмъ.—Ты такъ тихо вошла въ мою жизнь, а теперь все стало вверхъ дномъ. Когда я смотрю на тебя, я боюсь сойти съ ума. Какъ это возможно, что такъ быстро теряешь другъ друга? Часто я такъ близокъ тебѣ внутренно, что, мнѣ

кажется, я слышу твои мысли. А когда я скажу какую-нибудь глупость, и ты перестаешь улыбаться, я—самый несчастный человѣкъ.

Рената смотрѣла на него ясными, смѣющимися глазами, но ея страхъ усилился. За окномъ въ аллеѣ ей почудились шаги, медленно удалявшіеся, опять приближавшіеся, замолкавшіе, опять удалявшіеся. Она подошла къ окну и увидѣла калабрійскую шляпу, прогуливавшуюся во всемъ своемъ сомнительномъ изяществѣ. Она вздрогнула, подошла къ Вандереру, который сидѣлъ у стола въ нѣсколько дѣланномъ унынiи, прислонилась къ его плечу и провела нѣсколько разъ рукой по его темнымъ волнистымъ волосамъ. Ансельмъ застылъ, какъ будто въ облакѣ счастья, и не осмѣливался дышать.

III.

Для Ренаты наступили дни такого счастья и полноты жизни, что она находилась въ постоянной иллюзіи, будто всѣ окружающіе ее предметы, какъ нѣмые, такъ и одушевленные, принимаютъ участіе въ ней и ея судьбѣ. Это чувство со стихійной силой рвалось изъ ея существа наружу, дѣлало болѣе красивой ея походку, облагораживало каждое ея дѣйствіе, проникало все безразличное и тривіальное, какъ и высокое и торжественное. Она едва думала о томъ, что случилось съ ней, но новая жизнь обогатила ея душу множествомъ мирныхъ и полныхъ надежды представленій. Иногда Ансельмъ заводилъ рѣчь о томъ, чтобы „санкціонировать“ ихъ союзъ, какъ онъ выражался. Но онъ замѣтилъ, что эти слова вызывали у нея недовѣрчивый испугъ, котораго она, правда, не обнаруживала, но отзвуки котораго еще долго слышались въ задумчивыхъ, тихихъ словахъ. Ничего она не боялась такъ сильно, какъ того, что онъ можетъ склониться къ ложному или хотя-бы только обычному пониманію того шага, который привелъ ихъ другъ къ другу. Вѣдь только рѣдкая искренность благороднаго убѣжденія дѣлала ея теперешнее счастье такимъ свободнымъ и чистымъ. Но она едва-ли противилась-бы его открытому и упорному желанію, хотя она и знала, что отсутствіе этого желанія объясняется тѣмъ, что у него было достаточно деликатности, чтобы уважать эти тонкіе инстинкты Ренаты. Такія отношенія, свободно носящіяся въ воздухѣ, предоставленныя дуновенію вѣтерка, огражденныя отъ непріятныхъ формальностей, освящались именно прелестью необыденности. Новизна ихъ счастья, торжественно-радостная и полная надеждъ, дѣлала обоихъ необоснованно чувствительными къ каждому самому легкому

или даже кажущемуся разногласію и, съ другой стороны, придавала каждой ласкѣ цѣнность и значеніе, далеко выходившія за предѣлы мгновенія, въ которое она была сказана. Рената могла часами думать о тонѣ обращенія, о смыслѣ какого-нибудь жеста; у нея самой каждая ласка была полна такой застѣнчивости и сдержанности, что страстной вспышкой казалось то, что другіе безпечно позволяютъ себѣ среди бѣлаго дня передъ чужими глазами. Все въ ней было безшумно, отъ робкаго поцѣлуя до умоляющаго сопротивленія; никакое завершеніе страсти не могло смягчить того жаждущаго, чѣмъ было полно все ея существо, никакое самое бурное проявленіе любви—уменьшить ея неусыпное недовѣріе.

Люди въ маленькомъ мѣстечкѣ гордились стройной изящной дамой, какъ будто ея присутствіе украсило деревню. Дѣвушки и парни останавливались, когда она проходила мимо. Въ такихъ случаяхъ Рената смущалась и не осмѣливалась поднять глаза. Калабріецъ больше не показывался. Ансельмъ не могъ узнать ничего опредѣленнаго объ этой странной личности. Звали его Грауманъ, Петеръ Грауманъ. Больше никто ничего не зналъ.

Стояли прекрасные дни. Утромъ было всегда холодно, озеро и склоны холмовъ исчезали подъ тяжелымъ свинцовымъ туманомъ. Но къ полудню становилось тепло, и Рената говорила о томъ, какъ она любитъ осень, и что такой дивной осени она еще никогда не переживала. Казалось, она всегда жила здѣсь, всегда смотрѣла на волнующуюся зеленую поверхность Боденскаго озера, всегда, тихо грезя, провожала глазами пыхтящіе пароходы, бродила въ сумерки по спокойнымъ нѣмымъ и печальнымъ лѣсамъ, гдѣ падали красные листья, образуя коверъ подъ легкими шагами Ренаты. Иногда она ходила съ Ансельмомъ, иногда одна. Она любила ходить одна; она не боялась даже тогда, когда начинало темнѣть. Тогда она смотрѣла на озеро, поверхность котораго медленно теряла блескъ, словно зеркальное стекло, которое окутываютъ сѣрой кисеей. Красные и зеленые огни пароходовъ ярко блестѣли, и хриплые гудки ихъ отдавались эхомъ на холмахъ.

Лучше всего были послѣполуденные часы въ лѣсу, все равно, было-ли солнце или нѣтъ. Въ эти часы неудержимое желаніе охотиться овладѣвало иногда Ренатой, и она вела нѣмую, краснорѣчивую бесѣду съ природой, а Ансельмъ, не понимая ея внезапнаго оживленія, чувствовалъ неопредѣленную ревность. Она не хотѣла сознаться ему въ своемъ желаніи. Просить она не умѣла, а добиваться цѣли не прямо, намеками находила унизительнымъ. Къ этому присо-

единялся страхъ, что Ансельмъ поторопится рабски исполнить ея желаніе; это укрѣпляло ее въ ея молчаніи. Но когда она шла по дорогѣ къ развалинамъ замка, она слышала въ конюшнѣ графа Цеста громкое ржанье жеребца, словно охотничій привѣтъ и восклицаніе объ осеннихъ охотахъ прошлыхъ лѣтъ. Тогда сердце ея билось такъ сильно что она едва могла идти.

Они ходили и въ Констанцъ, старый городокъ. Но тамъ ихъ первый приходъ возбудилъ всеобщее вниманіе; со всѣхъ сторонъ открылись окна, прохожіе останавливались, перешептываясь или молча разинувъ рты. Все это отбило охоту у Ренаты, и она рѣшила ходить туда только вечеромъ. Она нашла все это комичнымъ, была, пожалуй, даже немного польщена, но въ то-же время это впервые пробуждало въ ней ощущеніе, что ея теперешняя жизнь—приключеніе, что она находится въ бѣгствѣ. Это кольнуло ее, точно воспоминаніе о забытомъ снѣ: о ея прежней жизни, по ту сторону озера, по ту сторону настоящаго. Дома, за вечернимъ чаемъ, Вандереръ нагнулся поцѣловать ее, и она отвѣтила на его поцѣлуй горячѣе обыкновеннаго. Она какъ будто искала у него защиты.

Въ срединѣ ноября погода испортилась. Дороги были всегда мокры, а для катанья на лодкѣ озеро было слишкомъ неспокойно. Игра на роялѣ не доставляла больше Ренатѣ настоящей радости, среди такта она часто опускала руки и смотрѣла на ноты блуждающимъ взглядомъ.

Ансельмъ вернулся изъ города и сидѣлъ въ комнатѣ, выходившей на озеро. Онъ хотѣлъ написать своему брату и мучительно обдумывалъ фразы письма. Вдругъ его поразила внезапная тишина, перерывъ въ игрѣ Ренаты. Обрадовавшись предлогу встать, онъ быстро вошелъ въ гостиную и спросилъ ее, почему она перестала играть. Ренату поразила перемѣна въ его лицѣ, главнымъ образомъ въ глазахъ, въ которыхъ было что-то преувеличенно-озабоченное. Подъ ея внимательнымъ взглядомъ онъ улыбнулся и повторилъ свой вопросъ.

— Рояль разстроенъ,—уклончиво сказала Рената.

— Я былъ въ городѣ,—замѣтилъ Ансельмъ, видимо, безъ всякаго намѣренія. Онъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ.

Рената напряженно наблюдала за нимъ. Она была заинтересована, но не хотѣла спрашивать. Она знала, что если это что-нибудь важное, онъ не сможетъ молчать. Но такъ какъ онъ ничего не говорилъ и продолжалъ шагать, она подошла къ зеркалу и распустила волосы. Расчесывая ихъ гребнемъ, отчего они непрерывно трещали, какъ будто испуская искры, она наблюдала въ зеркалѣ выраженіе лица

Ансельма. Она замѣтила, что онъ при каждомъ поворотѣ мелькомъ взглядывалъ на нее. Вдругъ онъ остановился, сунулъ руку въ карманъ, вынулъ газету, съ равнодушнымъ выраженіемъ лица развернулъ ее и подалъ Ренатѣ. Она съ вопросительнымъ взглядомъ взяла ее, уронивъ гребень на полъ.

— Какъ это намъ ни разу не пришло въ голову прочесть мюнхенскую газету,—сказалъ Ансельмъ, нагибаясь за гребнемъ.

Рената нахмурила лобъ и нервно просматривала столбцы газеты. Ансельмъ подошелъ къ ней, обнялъ ее за плечи, прислонился щекой къ ея щекѣ и указалъ пальцемъ на одинъ столбецъ. Ея распущенные волосы касались его уха, и теплота ея тѣла пронизывала его. Рената медленно читала; она высвободилась изъ его объятій.

На скверномъ газетномъ жаргонѣ разсказывалось, что пресловутая скандальная исторія теперь получила новое освѣщеніе. Дѣвица, о которой идетъ рѣчь, бѣжала не одна, а съ молодымъ человѣкомъ, котораго въ кругахъ общества собственно не знаютъ. Въ настоящій моментъ производятся усиленные розыски. Высокій членъ королевскаго дома, близко стоящій къ злосчастному происшествію, испыталъ глубокое душевное потрясеніе; въ настоящее время онъ находится въ горахъ, гдѣ принимаетъ участіе въ придворныхъ охотахъ.

Рената сначала машинально читала дальше, хронику несчастныхъ случаевъ и т. д., затѣмъ она съ безжизненнымъ взглядомъ уронила газету на полъ. У нея было ощущеніе, что ее облѣпило что-то грязное. Она знала, что Вандереръ стоитъ и ждетъ, чтобы она что-нибудь сказала, но слова, которыя она должна была произнести, внушали ей отвращеніе.

IV.

Съ этого дня Ансельмъ замѣтилъ въ Ренатѣ перемѣну. Она чаще ходила въ Констанцъ, хотя вниманіе, которое она тамъ возбуждала, внушало ей все большее отвращеніе. Казалось, она хотѣла мучить себя. Она достала всѣ номера газетъ, появившіеся со времени ея бѣгства, и съ презрительной миной, но въ то-же время съ жадностью искала малѣйшихъ намековъ, относившихся къ ней. Она часто подолгу смотрѣла на озеро, какъ будто ожидая, что появится корабль, который увезетъ ее. Бывали часы, когда постоянное ожиданіе придавало ея чувствамъ напряженное выраженіе. По вечерамъ она пугалась своей тѣни, и когда Вандереръ

хотѣлъ успокоить ее общими фразами, она подозрѣвала опасность именно потому, что онъ такъ говорилъ.

Погода была мягкая, но небо пасмурно; мѣдно-желтое солнце показывалось едва на полчаса въ теченіе цѣлаго дня.

— Почему-бы погодѣ не быть хорошей?—сказала Рената, шутя.

— Это правда,—отвѣтилъ Ансельмъ, шагавшій по комнатѣ, прищелкивая пальцами. По разсѣянности онъ отвѣтилъ на ея шутку серьезно.

Рената долго внимательно слѣдила за нимъ глазами; наконецъ, она жалобно сказала:

— Ты разстраиваешь мнѣ нервы.

Онъ пересталъ ходить, остановился возлѣ нея, взялъ ея руку и погладилъ ее.

— Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь желанія, Рената? — тихо спросилъ онъ, нагибаясь надъ спинкой ея кресла и вдыхая запахъ ея волосъ.

Она взглянула на него быстро и изумленно. Неувѣренное выраженіе его глазъ наполнило ее на секунду неопредѣленнымъ гнѣвомъ, и она не отвѣтила. Она только отняла у него свою руку.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, Рената,—продолжалъ онъ, приглаживая упрямую прядь волосъ, упавшую на ея лобъ.

— Ахъ, оставь,—отвѣтила Рената.—Ты знаешь, я этого не переношу. Я не могу сказать тебѣ, что со мной дѣлается, когда ты говоришь объ этомъ, это такъ унизительно.

— Но я боюсь, ты стала такъ молчалива, Рената. Ты не хочешь договорить мнѣ, что тебя гнететъ. Прежде на твоемъ лицѣ не было ни одной тѣни. Теперь я вижу на немъ тѣни

Рената покачала головой.

— Прежде! Ты говоришь такъ, какъ будто это было десять лѣтъ тому назадъ. Вѣдь я тебя еще совсѣмъ не знаю, и ты не знаешь меня.

Ансельмъ вздрогнулъ и выпрямился. Рената успокаивающе погладила его по рукѣ.

— Обвѣнчаться,—сказала она, глядя на полъ, какъ будто читая на немъ,—у меня такое чувство, какъ будто это разрушило бы все. Когда ты будешь такъ увѣренъ во мнѣ, поцѣлуй не покажется тебѣ стоющимъ труда, и мнѣ, можетъ быть, тоже. Тогда все, что мы сдѣлали, окажется ребячествомъ. Какъ ты этого не понимаешь, Ансельмъ! Я думаю— въ томъ то и бѣда, что ты не понимаешь меня.—Она замолчала съ полуулыбкой, говорившей больше словъ.

Ансельмъ жадно смотрѣлъ на мягкія губы, которыя отворачивались отъ него, какъ будто чувствуя его желаніе. Съ гнѣвнымъ вздохомъ взялъ онъ обѣими руками ея голову за виски, отогнулъ назадъ и поцѣловалъ ее въ губы. Она не сопротивлялась. Она не шевельнулась подъ его поцѣлуемъ и сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ. Онъ чувствовалъ, какъ замиралъ тяжелый ходъ ея безпокойныхъ мыслей и тревога оставляла ее. Какъ волновали его ея неумѣлые поцѣлуи, ея устало закрытые глаза, ея молчаніе, ея трепещущее тѣло! Когда она затѣмъ открывала глаза, въ нихъ всегда было что-то боязливо испытующее, какъ будто она боялась, что онъ можетъ смѣяться.

Въ дверь постучали—робкій стукъ Виниваака. Онъ вошелъ, церемонно кланяясь, и доложилъ, что сегодня утромъ, когда онъ былъ на озерѣ, приходилъ какой-то господинъ и говорилъ съ его дочерью Маріанной. Онъ освѣдомлялся кто здѣсь живетъ и давно ли здѣсь барыня. Но Маріанна не пустилась въ разговоры, а сказала, чтобы онъ обратился къ самому барину.

— Хорошо, — взволнованно сказалъ Ансельмъ, начиная опять ходить взадъ и впередъ.—Ну, и что же? Онъ придетъ?

— Кто же это былъ? Какой онъ имѣлъ видъ?—спросила Рената, широко раскрывъ глаза. Но Виниваакъ ничего не зналъ, а Маріанны не было дома. Его поведеніе ясно показывало, что онъ отлично понимаетъ, что здѣсь какая-то тайна.

Ансельмъ, не желая показать, что придаетъ всему этому значеніе, далъ Винивааку распоряженія относительно собаки, которую вчера прислали. Онъ спросилъ, спокойна ли она, и взялъ шляпу, чтобы пойти взглянуть, что дѣлаетъ Ангелюсъ,—такъ звали собаку.

— Въ сущности, глупое имя Ангелюсъ, ты не находишь, Рената?—сказалъ онъ, когда Виниваакъ вышелъ.—Неподходящее имя. Собаку могутъ звать Сикстъ или Теодоръ, или Шнаппъ,—но Ангелюсъ...

Онъ хотѣлъ разсмѣшить ее, но ея лицо оставалось неподвижнымъ. Она находила его остроты немного неудачными. Почувствовавъ это, онъ быстро прибавилъ:

— Мы должны уѣхать, Рената, хочешь?

Мы должны уѣхать, Рената, хочешь? Этого она не понимала. Одно изъ двухъ: или должны, или хочешь. Она покачала головой. „Я опять сказалъ не то“, подумалъ Вандереръ, становясь неувѣреннымъ. Въ концѣ концовъ онъ спросилъ ее, остается ли она дома; вѣроятно, пойдетъ дождь. Да, она остается дома, она хочетъ читать. Что касается его, то онъ пойдетъ въ Констанцъ купить корму для собаки. Ему рекомендовали очень хорошую лавку.

— Иди, — сказала Рената, и я охотно пойду немножко одна. Но ты долженъ принести мнѣ газетъ.

— Газетъ? Въ самомъ дѣлѣ?—Онъ обрадовался, что она выразила какое-нибудь желаніе. Онъ принялся обстоятельно зажигать сигару; она слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

— Я хотѣлъ бы знать, кто это былъ, — пробормоталъ онъ, выпуская клубы дыма.—Навѣрно, какой-нибудь праздношатающійся.

Уходя, онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но она уклонилась съ шутливымъ зѣвкомъ. Онъ удивился.—Когда ты куришь, я не люблю тебя,—сказала она съ весело блестящими глазами. Онъ засмѣялся и ушелъ, напѣвая итальянскую пѣсенку.

„Странно", думала Рената, „что я сижу здѣсь день за днемъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить по свѣту и восхищаться всѣмъ прекраснымъ, о чемъ я читала". Уже начало смеркаться; она набросила дождевой плащъ и вышла изъ дому. Въ саду стояла Маріанна; Ренатѣ показалось, что она присѣла фамильярнѣе обыкновеннаго. Поэтому она отказалась отъ мысли заговорить съ дѣвушкой и разспросить ее, какъ хотѣла сдѣлать раньше.—Я иду въ лѣсъ,—ласково крикнула она, захлопывая калитку.

На озерѣ волны спокойно ударялись о берегъ, какъ будто равномѣрно дыша. Мрачное зарево на небѣ отражалось въ водѣ разорванными поясами. Песокъ на дорожкѣ сверкалъ чистотой и хрустѣлъ подъ ногами Ренаты. Когда она вошла въ лѣсъ, ее сразу охватила жуткая тишина. Здѣсь уже было темно, но такъ какъ она ходила по этой дорогѣ часто и во всякое время дня, то она не хотѣла быть трусливой теперь. Дороги были ей знакомы; она знала, что вотъ эта ведетъ на гору, та—къ пристани, эта—въ глубину лѣса. Она пошла по ней, какъ будто изъ упрямства. Въ просвѣтахъ между деревьями блестѣло далекое зарево, а лѣсъ былъ мраченъ, какъ входъ въ пещеру. За собой она услышала шорохъ. Она остановилась съ легкимъ восклицаніемъ. Передъ ней стоялъ Петеръ Грауманъ, вѣжливо кланяясь и снимая калабрійскую шляпу.

V.

На лицѣ у него была почтительная улыбка, которая могла такъ же точно означать злорадство и насмѣшку, на лобъ падали отблески вечерняго зарева, а вся униженно согнутая фигура скрывалась въ тѣсномъ сумракѣ. Ренатѣ почудилось, что онъ явился изъ подъ земли, и ее охватилъ ужасъ. Она молча повернулась и пошла по дорогѣ къ виллѣ.

— Я испугалъ васъ, сударыня, и очень извиняюсь. Позвольте мнѣ представиться. — И онъ назвалъ свое имя. У него былъ низкій звучный голосъ, странной силой заставившій Ренату остановиться. Слова звучали, точно приказаніе. Каждое слово было ясно подчеркнуто; р онъ произносилъ гортанно и изъ всѣхъ звуковъ оно всего больше выражало протяжно ту почтительную рѣшительность, которая слышалась въ голосѣ.

— Вы преслѣдуете меня,—отвѣтила Рената недовольно и надменно, надменнѣе, чѣмъ хотѣла. Этимъ она прикрывала свой страхъ и испугъ.

— Я совершенно невиненъ,—сказалъ Петеръ Грауманъ съ преувеличеннымъ смущеніемъ.--Это правда, тогда, когда я въ первый разъ увидѣлъ васъ на пароходѣ, я мечталъ о томъ, чтобы слѣдовать за вами, какъ собака. Пріятнѣе быть собакою, чѣмь такимъ человѣкомъ, какъ я. Но я покорился судьбѣ. Это трусость, но я покорился судьбѣ.

— Сегодня вы были у насъ въ саду и выспрашивали,— рѣзко возразила Рената, почти облегченная этой мыслью. Но было невѣроятно, чтобы Виниваакъ не назвалъ предмета своей особенной ненависти. Грауманъ увѣрялъ въ своей невинности съ преувеличеннымъ пафосомъ, производившимъ впечатлѣніе ироніи, и Рената должна была извиниться.

— Почему вы не довѣряете мнѣ?—продолжалъ Грауманъ такимъ тономъ, какъ будто это недовѣріе дѣлало его несчастнымъ.—У васъ нѣтъ никакихъ основаній къ этому. Мнѣ было предназначено судьбой встрѣтить васъ, вамъ— пойти сегодня вечеромъ въ лѣсъ. И хотя это всего лишь четверть часа, для меня это какъ бы огненный знакъ. Я бредилъ, ждалъ, зналъ: это будетъ сегодня.—Онъ замолчалъ и вытеръ лобъ носовымъ платкомъ.

Рената никогда не слышала такого отчетливаго произношенія. Это поразило ее прежде всего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней росла тревога, съ которой она не могла справиться, которая парализовала ея мысли и замыкала ея уста.

— А *почему* это должно было быть?—продолжалъ Петеръ Грауманъ своимъ звучнымъ неумолимымъ голосомъ.—Потому, что съ самаго начала моего существованія твердымъ и невѣдомымъ мнѣ рѣшеніемъ всего моего существа было найти васъ. Я не ослѣпленъ чувствомъ, если я это скажу, не вѣрьте мнѣ. Но если бы вы захотѣли уйти отъ меня, это было бы все равно, какъ если бы мѣсяцъ захотѣлъ уйти отъ земли, которая держитъ его. Повѣрьте мнѣ.

Рената прерывисто дышала и быстро шла впередъ; страхъ ударилъ ей въ голову, какъ вино. Скоро они дошли до опушки, и она остановилась, прикованная разсти-

лавшейся передъ ней картиной. Юго-восточная сторона неба была озарена луннымъ сіяніемъ. Впереди сбились въ кучу легкія облака, точно пыль, поднимающаяся надъ далекой толпой всадниковъ. Отъ этого облака пыли кверху шли прозрачныя темныя полосы, какъ будто исходившія отъ луны. На самомъ верху онѣ становились серебристыми. Недалеко лежала вилла, крыша ея свѣтилась въ лунныхъ лучахъ. Ренатѣ стало стыдно своего страха, она пошла медленнѣе. Она смѣло повернулась и испытующе взглянула на своего спутника. Сомнительное изящество авантюриста вызвало у нея желаніе смѣяться, и она насмѣшливо спросила:

— Вамъ не холодно въ лѣтнемъ пальто?

Петеръ Грауманъ замедлилъ шаги и вдумчиво произнесъ, какъ будто обращаясь къ самому себѣ:

— Я жестоко ошибся. Я тѣшилъ себя иллюзіей, что вы можете понять. То, что я сдѣлалъ и о чемъ спросилъ, въ вашихъ глазахъ, вѣроятно, преступленіе. Хорошо, пусть это будетъ мое тысяча первое преступленіе. Остальная тысяча все въ томъ же родѣ. Или еще хуже. Міръ мѣщанства неуязвимъ. Я стану сторожемъ и буду бодрствовать передъ закрытыми воротами.

— Чего вы хотите отъ меня?—твердо воскликнула Рената.

— У меня съ собой маленькая записная книжка. Такъ какъ я знаю содержаніе наизусть, то мнѣ не нужно свѣта, чтобы читать ее. Елизавета Кернеръ погибла, Маргарита Гольмсенъ погибла, Анна Маллингъ погибла, Сабина Галландеръ погибла, Эдитъ фонъ Сааръ погибла, Эльвина Симонъ...

— Эльвина Симонъ?—прошептала Рената.—Что это все значитъ?

— Всѣ отъ одной болѣзни: отъ безплодно затраченной любви. Не отъ несчастной любви, ни въ какомъ случаѣ: отъ этого большей частью выздоравливаютъ. Но если у поэта нѣтъ ни пера, ни бумаги, и онъ изливаетъ все, что чувствуетъ и знаетъ и можетъ, въ одномъ единственномъ стихотвореніи и пишетъ его на пескѣ, и вѣтеръ разноситъ песокъ и уничтожаетъ все безвозвратно,—вотъ то, что я хочу сказать. Безвозвратно! Это все равно, какъ если кто-нибудь ввѣряетъ все свое состояніе плохому судну. Въ этомъ вся суть. И у всѣхъ этихъ женщинъ нѣтъ ушей. Онѣ молча идутъ своимъ путемъ и страдаютъ. И если съ ними заговариваешь въ темнотѣ, онѣ убѣгаютъ, зовя на помощь мѣщанское приличіе, Кизеветтера, ночного сторожа. Умѣть выбрать это—все въ жизни.

Они стояли теперь на невысокомъ холмѣ. Внизу лежала

вилла Вандерера; оттуда доносился хриплый голосъ Виниваака. На озерѣ пронзительно и глухо свистѣлъ пароходъ. Рената была блѣдна. Калабрійская шляпа на головѣ Граумана уже не казалась ей смѣшной, но все больше говорила ей что-то жуткое.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите,—сказала она, пожимая плечами.

Грауманъ сдѣлалъ гримасу и улыбнулся улыбкой фавна.

— Одно движеніе руки говоритъ мнѣ больше, чѣмъ цѣлая исторія жизни. Я умѣю опредѣлить цѣнность цѣлаго ряда мужчинъ лучше, чѣмъ оцѣнщикъ стоимость какого-нибудь имущества.—Онъ поклонился съ преувеличенной вѣжливостью и зашагалъ по гребню холма.

Внизу, въ саду, тревожный голосъ Вандерера звалъ: „Рената, Рената!“ Она не отвѣтила и медленно спустилась съ холма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воззрѣнія Н. К. Михайловскаго на государство.

(Къ вопросу объ отношеніи русской интеллигенціи къ праву и государству).

I.

Говорить о воззрѣніяхъ Н. К. Михайловскаго на государство почти невозможно, не касаясь его общихъ взглядовъ, поскольку они выразились въ его соціологическихъ построеніяхъ, въ частности въ его теоріи борьбы за индивидуальность. Можно даже сказать, что ученіе Михайловскаго о государствѣ представляетъ собою лишь конкретное приложеніе тѣхъ абстрактныхъ соціологическихъ положеній, которыя въ срединѣ 1870-хъ годовъ сложились у него во всеобъемлющее, какъ ему самому, по крайней мѣрѣ, казалось, представленіе о борьбѣ за индивидуальность.

Формулируя исходный пунктъ теоріи борьбы за индивидуальность, Михайловскій опредѣлилъ его однажды такъ: «Каждая данная общественная форма стремится выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилизаціи, и ей это слишкомъ часто удается» (Зап. проф., 422). «Какъ организмъ человѣка, принимая самую разнообразную пищу, ассимилируетъ изъ нея только то, что можетъ идти на потребу именно той формы жизни, которая называется человѣческимъ организмомъ, такъ и всякая данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все *ей* подходящее изъ любой умственной пищи, претворить эту пищу въ *свою* плоть и кровь, выбрасывая не перевариваемое *ею*» (Тамъ же, стр. 293, курсивъ подлинника).

Исходя отсюда, Михайловскій констатируетъ наличность борьбы всякой общественной формы за существованіе. «Всякая общественная форма борется за свое существованіе,—говоритъ онъ— борется не только въ качествѣ общества, но и въ качествѣ извѣстной именно общественной формы, и не только съ другими обществами, но и съ входящими въ ея составъ единицами» (См. т. IV, 894—895). Задачей Михайловскаго и было прослѣдить на фактахъ общественной, современной намъ или исторической жизни,

этотъ процессъ борьбы разныхъ общественныхъ формъ другъ съ другомъ и за подчиненіе своимъ интересамъ многогранной человѣческой индивидуальности.

«Окидывая мысленнымъ взглядомъ всю эту громадную картину жизни,—говоритъ Михайловскій—вѣчно движущейся, вѣчно кипящей встрѣчными и поперечными, большими и малыми волнами, мы будемъ поражены ея крайней сложностью и пестротою, въ подробностяхъ которой не легло разобраться. Здѣсь даже не на первый взглядъ все безпорядочно, такъ какъ разнообразнѣйшія, какъ въ смыслѣ ихъ отправныхъ точекъ, такъ и въ смыслѣ силы. теченія направляются по линіямъ наименьшаго сопротивленія, то отстаивая свое самостоятельное существованіе, то уступая, вполнѣ или отчасти, теченію болѣе сильному. Можно только съ увѣренностью сказать, что на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность, а орудіемъ этой борьбы служитъ раздѣленіе труда («Отклики», т. II, 81—82).

Послѣднія слова показываютъ, между прочимъ, насколько ясно представлялъ самъ Михайловскій сложность той конкретной обстановки, въ средѣ которой идетъ или шла борьба общественныхъ формъ между собою «и съ входящими въ ея составъ единицами». «Въ этомъ отношеніи — поясняетъ свою мысль Михайловскій— возможны самыя разнообразныя комбинаціи, такъ что даже одна и та же общественная форма можетъ служить личности въ одномъ отношеніи и заставлять ее себѣ служить въ другомъ. Напримѣръ, Англія, какъ политическая организація, до извѣстной, весьма значительной степени, служитъ интересамъ личности и каждый британскій подданный, куда бы его ни забросила судьба, можетъ чувствовать себя могущественнымъ, ибо за нимъ стоитъ могущество всей британской державы. Но не таковъ экономическій строй той же Англіи: не англійское національное богатство служитъ интересамъ англійскаго рабочаго или земледѣльца, а, напротивъ, весь трудъ этихъ послѣднихъ уходитъ на созданіе колоссальнаго національнаго богатства, отъ котораго имъ перепадаютъ лишь крохи» *).

И Михайловскій спрашиваетъ: «Пусть мнѣ скажутъ: кто кому служитъ: безполый муравей муравейнику или наоборотъ? Англійскій пролетарій англійскому обществу, или общество пролетарію?» (Зап. проф., 420). «Не вѣрно,—повторяетъ онъ—что въ обществѣ цѣлое служитъ составляющимъ его единицамъ, то-есть личности. Это—практическая задача, извѣстный общественный идеалъ, признаваемый одними, отвергаемый другими. Въ дѣйствительной же жизни, фактически, общество сплошь и рядомъ не только не служитъ составляющимъ его единицамъ, но, наоборотъ, ихъ заставляетъ играть служебную роль» (Т. II, стр. 894).

*) См. т. II, стр. 894 «Объ одномъ соціальномъ вопросѣ». Писано въ 1891 г.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ опредѣляетъ Михайловскій исходный пунктъ своей теоріи борьбы за индивидуальность, намѣтить который намъ было необходимо для пониманія его взглядовъ на природу государства. Правда, во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ Михайловскій говоритъ не о государствѣ собственно, а вообще о формахъ соціальной жизни,—общественныхъ формахъ,—но этимъ ничуть не затрудняется наше пониманіе его взглядовъ и на природу государства. «Всякая общественная форма борется за свое существованіе»—говоритъ Михайловскій. *Всякая*, а слѣдовательно, и государство, которое вѣдь тоже есть общественная форма, опредѣленный видъ ея, именно такой, когда соціальныя отношенія регулируются обязательными правовыми нормами принудительнаго характера. Что такова дѣйствительно мысль Михайловскаго, это можно заключить и по его собственнымъ словамъ. «Напримѣръ,—говоритъ онъ—то военно-финансовое напряженіе, въ которомъ изнываетъ теперь вся западная Европа», и которое диктуется ей «государственными» соображеніями, — «отнюдь не согласуется съ интересами единицъ, составляющихъ европейскія общества. Напротивъ, эти единицы отрываются отъ производительнаго труда и обременяются налогами единственно ad majorem gloriam извѣстной общественной формы» (Т. VI, стр. 894). Итакъ, мы можемъ считать, что все сказанное Михайловскимъ о поглощеніи личности данными формами общественной жизни, которыя Михайловскій, кстати сказать, тщательно отграничиваетъ отъ «самаго принципа общественности, коопераціи въ обширномъ смыслѣ слова», должно относиться и къ государству въ томъ его видѣ, какъ оно складывалось исторически. И мы еще болѣе убѣдимся въ правильности этого общаго вывода, если поймемъ, какое отношеніе къ вопросу о государствѣ имѣетъ замѣчаніе Михайловскаго о томъ, что орудіемъ борьбы, царящей въ мірѣ человѣческихъ отношеній, служитъ раздѣленіе труда.

Теорія борьбы за индивидуальность Михайловскаго основывается, главнымъ образомъ, на разграниченіи двухъ формъ раздѣленія труда: *общественнаго*, раздѣленія труда между людьми, и *физіологическаго*, раздѣленія труда между органами отдѣльнаго человѣка. Первый видъ раздѣленія труда несетъ за собой гнетъ и порабощеніе личности, которую онъ замыкаетъ въ рамки узкой спеціализаціи; второй является стимуломъ возстанія личности за свои права, опредѣляетъ собой ея потребности ко всестороннему развитію. Взятыя въ своемъ абстрактномъ выраженіи и принципѣ, обѣ эти формы раздѣленія труда діаметрально противоположны, — это Ормуздъ и Ариманъ соціологіи Михайловскаго, и міръ является ареной ихъ неустанной борьбы между собою, перепетіи которой Михайловскій прослѣживаетъ порой во всѣхъ деталяхъ. Характерной тутъ является, однако, не самая только постановка Михайловскимъ вопроса о коренномъ антагонизмѣ общественнаго и фи-

зіологическаго раздѣленія труда, а и то содержаніе, которое онъ вкладываетъ въ эти термины, особенно первый изъ нихъ. На всемъ протяженіи всемірной исторіи царитъ одинъ законъ,—говоритъ Михайловскій—законъ борьбы за индивидуальность, борьбы общественныхъ формъ другъ съ другомъ и входящими въ ихъ составъ единицами. Но тѣ коллективныя индивидуальности, которыя при помощи раздѣленія труда борются другъ съ другомъ, не являются, по его представленію, чѣмъ то объективно-безличнымъ, абстрагированіемъ особаго рода индивидуальности — «Societas», какъ иронизируетъ Михайловскій надъ Спенсеромъ. Коллективные организмы, общественныя индивидуальности Михайловскаго, это—живое цѣлое, составленное изъ той или иной комбинаціи общественныхъ силъ, общественныхъ группъ, создавшихся въ свою очередь на почвѣ раздѣленія труда, какъ равно каждая такая общественная группа представляетъ изъ себя комбинацію индивидуальныхъ силъ. Установленный Михайловскимъ антагонизмъ между разными формами раздѣленія труда переходитъ поэтому въ антагонизмъ общественныхъ группъ, а антагонизмъ общественныхъ группъ осложняетъ борьбу за индивидуальность борьбой соціальной.

Вопросъ о соотношеніи борьбы за индивидуальность и борьбы соціальной сравнительно новъ въ литератррѣ о Михайловскомъ и, во всякомъ случаѣ, совершенно не разработанъ, что составляетъ, конечно, большое неудобство и при анализѣ его взглядовъ на государство, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ здѣсь разбирать полностью эту *объективную* часть теоріи борьбы за индивидуальность, хотя не можемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оставить ее совсѣмъ безъ вниманія, ибо борьба соціальная, какъ разновидность борьбы за индивидуальность, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ одной изъ главныхъ проблемъ въ политическомъ міровоззрѣніи Михайловскаго,—съ его рѣшеніемъ вопроса о соціальной природѣ государства. Къ счастью, однако, насъ выручаетъ въ этомъ случаѣ какъ разъ та черта соціологическихъ статей Михайловскаго, наличность которой нѣкоторые критики настойчиво отрицали у него, именно способность Михайловскаго конкретизировать на частныхъ историческихъ примѣрахъ свои отвлеченныя соціологическія положенія. Вотъ, напр., на какихъ фактахъ изъ исторіи русскаго законодательства по народному образованію въ Россіи XVIII ст. иллюстрировалъ Михайловскій свои положенія о борьбѣ соціальной, какъ разновидности борьбы за индивидуальность.

Два принципа господствуютъ въ нашемъ законодательствѣ XVIII вѣка въ отношеніи его къ народному образованію, указываетъ Михайловскій: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца, 2) никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. «Наисильнѣйшее приложеніе принципы эти получили въ профессіи духовенства, результатомъ чего и было образованіе рѣзко обособленнаго духовнаго сословія». Но

такъ какъ современному, а тѣмъ болѣе тогдашнему, обществу не нужны цѣлостныя личности, а нужны лишь хорошіе спеціалисты въ тѣхъ или иныхъ областяхъ государственной и соціальной жизни, знающіе каждый «свой шестокъ», то въ одномъ положеніи съ духовенствомъ оказались почти всѣ другія сословія и сословійца, въ средѣ которыхъ принципъ наслѣдственности профессій проводился законодательствомъ самымъ тщательнымъ образомъ. «Такъ, напримѣръ,—говоритъ Михайловскій—велѣно было «дѣтей, оставшихся послѣ умершихъ въ службѣ докторовъ, штабъ-лѣкарей, лѣкарей не опредѣлять на службу ни въ какія другія команды, но только въ вѣдомство медицинской канцеляріи, гдѣ отцы ихъ служили». Дѣти горнослужащихъ обучались въ горныхъ школахъ; дѣти военныхъ мастеровыхъ обучались такъ, чтобы «потомъ могли быть добрыми мастеровыми»; дѣти ладожской команды получали образованіе въ особой, спеціальной школѣ, состоявшей при Ладожскомъ каналѣ. Если же дѣти людей извѣстной профессіи оказывались къ ней неспособными, то ихъ все-таки стремились удержать какъ-нибудь вблизи отъ нея. Правительство имѣло въ виду исключительно нужды государства, которыя пріурочило къ сословнымъ цѣлямъ и интересамъ. Когда вслѣдствіе этого профессіональная система получила преобладающее, исключительное значеніе, образованіе элементарное оказалось не въ авантажѣ, во-первыхъ, уже потому, что оно есть образованіе общее, а во-вторыхъ, потому, что имъ должны были пользоваться низшіе классы общества, ни къ какой спеціальной государственной службѣ неприспособленные*).

«Мы видимъ здѣсь—говоритъ Михайловскій—самую яркую картину борьбы за индивидуальность». Дѣйствительно, законодательство по народному образованію Россіи того времени какъ бы нарочно создано для подкрѣпленія основного тезиса борьбы за индивидуальность. Всякій видитъ здѣсь воочію, какъ данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все *ей* подходящее изъ даннаго момента цивилизаціи, претворивъ все это въ *свою* плоть и кровь и выбросивъ неперевaримое *ею*. «Государство (такъ вездѣ было—замѣчаетъ въ скобкахъ Михайловскій) въ извѣстный моментъ своего развитія стремится побороть, поглотить сословія и сословійца разными средствами. Оно говоритъ: мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники, священники, подъячіе, какъ простые несамостоятельные органы моей жизни; съ этой цѣлью я обращаю всѣ эти профессіи въ наслѣдственныя, ибо рядъ поколѣній, воспитанныхъ, напримѣръ, въ школѣ Ладожскаго канала, будетъ наилучше исполнять то, что по моимъ задачамъ должно быть на Ладожскомъ каналѣ исполнено» (тамъ-же). И оно достигаетъ этого. При этомъ оговорка Михайловскаго, что государство такъ поступаетъ лишь «въ извѣстный моментъ своего развитія»,—отнюдь не

*) Т. III, стр. 523, 524 «Зап. проф.» Статья о Толстомъ, іюль 1875 г.

значитъ, что впослѣдствіи оно совершенно освобождается отъ этихъ тенденцій. Какъ высшая общественная индивидуальность, оно и въ послѣдствіи само по себѣ должно остаться вѣрнымъ своимъ основнымъ тенденціямъ, но дѣло только въ томъ, что проводить ихъ ему становится или невыгодно, или прямо невозможно, въ виду противодѣйствія поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія индивидуальностей низшаго порядка. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько ближе на картину, которая тутъ получается.

Государство говоритъ: «мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники» и т. д. и съ этой цѣлью оно обращаетъ эти профессіи въ наслѣдственныя, строго проводя между ними раздѣленіе труда. Это одна стадія борьбы, та именно, когда «побѣда должна принадлежать высшей индивидуальности—государству». За ней, однако, наступаетъ другая стадія. Хотя государство и стремится побороть созданныя имъ самимъ сословія и сословійца и сдѣлать изъ нихъ простые несамостоятельные органы своей жизни, но «по мѣрѣ того, какъ этимъ»—т. е. описаннымъ выше—«путемъ растутъ и крѣпнутъ сословія и сословійца», они вступаютъ въ свою очередь, въ силу общаго закона борьбы за индивидуальность, въ состязаніе съ высшей индивидуальностью, и «побѣда въ значительной степени переходитъ на ихъ сторону. *Они* уже своею борьбою направляютъ жизнь государства въ ту или иную сторону» (тамъ-же, курсивъ Михайловскаго), заставляя государство, прежде покорявшее ихъ, служить, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, *своимъ* групповымъ интересамъ. Съ другой стороны, разъ всѣ эти сословія и сословійца, а равно и другія общественныя группы, возникшія на почвѣ раздѣленія труда, получаютъ въ государствѣ извѣстную силу и значеніе, то, слѣдовательно, и само государство изъ объективно-безличнаго организма становится живымъ воплощеніемъ борьбы соціальныхъ силъ. Отсюда анализъ Михайловскимъ соціальной природы современнаго государства.

Анализъ соціальной природы современнаго государства былъ вообще одной изъ задачъ демократической литературы 70-хъ гг., въ частности ея передовой фаланги — публицистики «Отеч. Записокъ». «Что мѣшаетъ лучшимъ людямъ Англіи осуществить свои прекрасныя цѣли и сдѣлать ее одной изъ лучшихъ, счастливѣйшихъ странъ въ свѣтѣ?—спрашиваетъ въ статьѣ «Плутократія и ея основы» Гр. Зах. Елисѣевъ, и, спрашивая такъ, тутъ же отвѣчаетъ: «парламентаризмъ, основанный на господствѣ капиталовъ или—что то же—захватъ власти имущественными классами. Ибо, какъ скоро такой захватъ совершился, то своекорыстіе капитала становится основною политикою правительства, какими бы либеральными учрежденіими и законами оно ни драпировалось». «Волчій судъ—говоритъ дальше Елисеевъ—дѣлается неизбѣжнымъ во всякомъ правительствѣ, которымъ завладѣли имущественные классы» («Отеч. Зап.», 1872 г., № 2, 212, 213). Приблизительно такихъ же взглядовъ на

вопросъ о соціальной природѣ современнаго государства держался и Михайловскій. «Признавая представительныя учрежденія законнымъ органомъ общества,—говоритъ Михайловскій при разборѣ политическихъ взглядовъ Лоренца Штейна — Штейнъ замѣчаетъ, что, тѣмъ не менѣе, они всецѣло отражаютъ въ себѣ данное отношеніе общественныхъ силъ, а такъ какъ въ обществѣ преобладаетъ имущій классъ, то и такъ называемое народное представительство служитъ лишь интересамъ этого имущаго класса. Большинство въ палатахъ есть не столько большинство убѣжденій, сколько большинство интересовъ. Не говоря объ избирательномъ цензѣ, сосредоточивающемъ политическую власть въ рукахъ капиталистовъ, даже всеобщая подача голосовъ, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, не въ силахъ передвинуть политическій центръ тяжести» («Литер. Зам.» 1880 г. ноябрь, т. IV, 997).

Можно было бы привести цѣлый рядъ такихъ или подобныхъ имъ мѣстъ изъ политическихъ статей Михайловскаго, относящихся при томъ не только къ характеристикѣ представительныхъ формъ правленія, а равнымъ образомъ и къ автократическому строю. «Существуетъ историко-политическая схема»,—говоритъ, напримѣръ, Михайловскій объ автократіи—«по которой центральная монархическая власть является естественнымъ союзникомъ низшихъ массовъ, такъ что совокупнымъ давленіемъ вершины и основанія общественнаго строя сдерживается чрезмѣрное развитіе промежуточныхъ слоевъ»,—т. е. аристократіи, съ одной стороны, и буржуазіи—съ другой.—«Схема эта, безъ сомнѣнія, имѣетъ за себя фактическое оправданіе въ нѣкоторые моменты исторіи. За нее, повидимому, и самая логика вещей... На дѣлѣ, однако, далеко не всегда такъ бываетъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ надлежитъ очень и очень вглядываться во взаимное отношеніе политическихъ элементовъ прежде, чѣмъ располагать ихъ въ означенную схему» *). Взаимное отношеніе политическихъ элементовъ, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ должно сказываться на дѣятельности центральной власти. Повторяемъ еще разъ, аналогичныхъ примѣровъ можно привести изъ статей Михайловскаго цѣлый рядъ, мы, однако, дѣлать этого не будемъ, такъ какъ для насъ важны не самые эти примѣры собственно, а главнымъ образомъ тѣ общія соціологическія положенія Михайловскаго, слѣдствіемъ которыхъ и являются всѣ подобныя мѣста въ его произведеніяхъ. При этомъ въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ новой варіаціей извѣстнаго намъ положенія Михайловскаго о раздѣленіи труда, какъ основѣ общественныхъ группировокъ, и при томъ варіаціей чрезвычайно важнаго характера.

Государство представляетъ политическій итогъ извѣстной комбинаціи общественныхъ силъ—таковъ результатъ нашего предыду-

---

*) Статья объ Іоаннѣ Грозномъ, т. VI. 212.

щаго анализа. Государство, разумѣется, не сразу сложилось въ такомъ видѣ, а пройдя предварительно длинный путь историческаго развитія. Было время, когда общественная жизнь даже не знала основного принципа современныхъ государственныхъ отношеній— раздѣленія на управляемыхъ и управляющихъ, на тѣхъ, которые управляютъ, и тѣхъ, которыми управляютъ,—когда, слѣдовательно, коллективныя права по управленію принадлежали самой коллективности. Нарушеніе этого порядка путемъ введенія общественнаго раздѣленія труда въ сферу управленія и было первымъ шагомъ къ созданію современнаго политическаго строя со всѣми его гибельными послѣдствіями для развитія личности. Въ томъ, что они гибельны, врядъ-ли могутъ быть сомнѣнія. Правда, мы не знаемъ, что было бы, если бы въ исторической жизни человѣчества восторжествовалъ не принципъ раздѣленія труда, который привелъ къ такимъ порядкамъ, и спеціализаціи общественныхъ функцій, а «принципъ простого сотрудничества, если-бъ цивилизація постепенно раздвигала именно этимъ видомъ коопераціи личное существованіе во всѣ стороны, не раздробляя индивидуальности, а пріобщая къ ней все новыя и новыя индивидуальности, столь же цѣльныя»... «Я не знаю,—повторяетъ Михайловскій,—что было бы въ такомъ случаѣ. Но этого не было, и, на сколько мы можемъ продумать первобытную жизнь, и не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло» («Что такое прогрессъ» I, 96). Одолѣлъ порядокъ, при которомъ общественная прежде власть обособилась постепенно въ однихъ рукахъ и въ эти же руки перешли всѣ права, связанныя съ отправленіемъ общественной власти и въ свое время бывшія коллективными. Иначе говоря,—произошелъ *«замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ»*, какъ опредѣляетъ эту смѣну въ общественномъ строѣ самъ Михайловскій *). Коллективность отъ этого, разумѣется, не перестала существовать, не лишилась возможности дѣйствовать именно какъ коллективность, но результаты ея дѣятельности, всѣ выгодныя стороны этой дѣятельности постепенно сосредоточивались въ рукахъ немногихъ.

«Въ 1871 году—говоритъ Михайловскій—подъ впечатлѣніемъ ужасовъ франко-прусской войны, извѣстный французскій ученый Катрфажъ издалъ небольшую книжку «La race prussienne», въ которой доказывалъ, что эта «прусская раса», грубая и воинственная, какъ бы поклялась въ непримиримой враждѣ къ латинской расѣ, и въ особенности къ ея высшему цвѣту—французамъ». «Въ своихъ гаданіяхъ о будущемъ—продолжаетъ далѣе Михайловскій— Катрфажъ не предвидѣлъ, что одинъ изъ членовъ латинской семьи—Италія войдетъ въ составъ противо-французскаго союза подъ главенствомъ все той же «прусской расы». Эта честь или

*) См. т. I, стр. 485, «Борьба за индивид.» Курсивъ мой.

это безчестіе дорого обходится Италіи, но не итальянцы, какъ нація, какъ «раса», виноваты въ этомъ, а извѣстный политическій строй, порождающій извѣстныя политическія комбинаціи», («Литер. восп.», т. II, 208).

Послѣдній выводъ, и какъ разъ на примѣрѣ нашего отношенія къ интересамъ націй, въ основѣ образованія которыхъ лежитъ обычно расовый элементъ, Михайловскій раздвигаетъ даже на степень нѣкотораго болѣе широкаго обобщенія. «Теперь вы понимаете, вѣроятно», — говоритъ онъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» 1877 г. объ интересахъ націи — «хотя и не всѣ это понимаютъ, что это грубый софизмъ, что интересы націи въ огромномъ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не существуютъ, что за этими красивыми и благородными словами скрываются вполнѣ осязательные интересы верхнихъ слоевъ націи» (Т. IV, стр. 449). Значитъ ли это, что нація, какъ цѣлое, никогда не выступаетъ на арену общественной жизни? Разумѣется, совсѣмъ не значитъ, иначе бы Михайловскій не оговаривался въ посвященной Катрфажу цитатѣ (ср. тамъ-же, стр. 209) о національныхъ «массовыхъ» увлеченіяхъ. Да подобный выводъ противорѣчилъ бы и всей его соціологіи, одной изъ задачъ которой было какъ разъ разъясненіе психологическаго механизма подобныхъ массовыхъ увлеченій. Но, опять таки, допуская возможность ихъ, Михайловскій не забывалъ объ установленномъ имъ законѣ сосредоточенія, при настоящихъ условіяхъ, коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ. Напримѣръ, великая французская революція была въ полномъ смыслѣ слова дѣломъ коллективно-національнымъ, выставившимъ своимъ лозунгомъ торжество личнаго начала, которое, конечно, способно обнять интересы «всѣхъ и каждаго». Однако, «на практикѣ не личному началу послужилъ переворотъ, а тому третьему сословію, о которомъ Сіэсъ, съ надменностью, доселѣ соблазняющею людей въ родѣ г. Суворина, говорилъ, что оно должно быть всѣмъ» *). Всѣ преимущества коллективно, силами

---

*) Писано въ декабрѣ 1881 года. См. т. V, стр. 537. Упоминаніе о г. Суворинѣ объясняется заявленіемъ: «Я за буржуазію», съ которымъ г. Суворинъ выступилъ тогда въ «Новомъ Времени». Что касается общей мысли Михайловскаго, выраженной въ приведенномъ отрывкѣ изъ «Зап. соврем.», то съ ней любопытно сравнить еще слѣдующую тираду изъ статьи «Графъ Бисмаркъ» (февр. 1871 г.), тираду, представляющую параллель между Бисмаркомъ и Кавуромъ, какъ дѣятелями, одинъ германскаго объединенія, другой національнаго освобожденія Италіи. «Нѣмцы любятъ сравнивать свое объединеніе съ объединеніемъ Италіи» — говоритъ Михайловскій.—«Нѣмцы вызываютъ также охотниковъ провести параллель между Кавуромъ и Бисмаркомъ. Это была бы дѣйствительно параллель любопытная, *но не между дипломатами только, а между чистокровнымъ итальянскимъ буржуа и прусскимъ юнкеромъ...* Итальянское объединеніе имѣло передъ собой практическую, народную цѣль — свободу, а не славу и величіе савойскаго дома. Такую же практическую цѣль имѣли и нѣмцы въ 1848 году, когда рѣшили разъ навсегда покончить съ рас-

націи, выполненнаго дѣла достались такимъ образомъ на долю немногихъ. И если этотъ выводъ Михайловскаго не отрицаетъ возможности національно-коллективныхъ выступленій, подобныхъ настоящему, которыя Михайловскій даже считаетъ самостоятельнымъ психологическимъ феноменомъ, хотя и происходящимъ на почвѣ опредѣленныхъ соціально-экономическихъ явленій,—то, съ другой стороны, тотъ же выводъ Михайловскаго о сосредоточеніи коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ служитъ основой его критики подобнаго рода порядковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣнность представляютъ съ точки зрѣнія личности, или—что то-же—съ точки зрѣнія массы народа тѣ порядки, при которыхъ продукты коллективнаго труда оказываются въ рукахъ враговъ этой коллективности? Каждый общественный строй цѣненъ постольку, поскольку онъ удовлетворяетъ права личности и права массы, но что цѣннаго въ такомъ случаѣ въ томъ же современномъ государственномъ строѣ, гдѣ, вмѣсто правъ народа и правъ свободной личности, господствуетъ невозбранно голый классовой эгоизмъ? Коллективное цѣлое при этомъ какъ бы перестаетъ выполнять свою непосредственную задачу и всѣ выгоды выпадаютъ на долю счастливцевъ, выдвинутыхъ раздѣленіемъ труда на верхи соціальной лѣстницы, тогда какъ всѣ его тяжести падаютъ на плечи пасынковъ исторіи. Что такое, напр., та же нація для этихъ пасынковъ исторіи, разъ интересы націи есть въ сущности интересы верхнихъ слоевъ націи, находящихся въ коренномъ антагонизмѣ съ интересами ея низшихъ слоевъ? Прямолинейно развивая эти положенія, можно легко придти къ выводамъ, подобнымъ тѣмъ, которые въ настоящее время проповѣдуетъ во Франціи Густавъ Эрве въ своей газетѣ «La guerre sociale» и нашумѣвшей не такъ давно книгѣ «Leur patrie». Вся философія Эрве заключается въ одной фразѣ изъ коммунистическаго манифеста: «у рабочихъ нѣтъ отечества», откуда и выводъ: «leur patrie», т. е. *ихъ* отечество, ихъ—буржуазныхъ, правящихъ классовъ, у класса же рабочихъ, порабощенныхъ отечества, націи—*нѣтъ*, какъ нѣтъ и государства, ибо современное государство это тоже есть организація «ихъ» господства. Въ своемъ родѣ это тоже выводы изъ положенія объ узурпаціи коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, но выводы слишкомъ прямолинейные, чтобы быть въ настоящемъ смыслѣ послѣдовательными. Замѣчательно, однако, что будучи очень

прямя и притязаніями своихъ князей и князьковъ. Но Бисмарку удалось извратить эту цѣль, обратить ее въ фиктивную, не имѣющую ничего общаго съ интересами народа... Возбудивъ не вымершіе еще въ нѣмцахъ военные и всѣ другіе сродные съ ними инстинкты, заглушивъ противоположныя мысли и чувства, Бисмаркъ устроилъ дѣло такъ, что его соотечественники не нарадуются своему единству, между тѣмъ какъ оно сводится къ политическому и военному могуществу Германіи, т. е. германскаго императора (т. VI, стр. 110. Курсивъ мой).

далекъ отъ Эрве въ выводахъ изъ своихъ положеній, Михайловскій въ одномъ отношеніи близко подходитъ къ нему и эта близость его съ Эрве въ извѣстномъ смыслѣ характерна.

«Что такое отечество? — спрашивалъ Михайловскій подобно автору «Leur patrie», хотя и задолго до него: отечество—отвѣчаетъ онъ словами Ренана это—не просто извѣстная страна. Это сумма географическихъ, экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и т. д. фактовъ и идей, завѣщанныхъ намъ отцами... Слѣдовательно, любовь къ отечеству есть уваженіе къ совокупности фактовъ и идей, полученныхъ нами по наслѣдству и всему человѣчеству недоступныхъ». Но что же нами получено по наслѣдству и почему это наслѣдство недоступно всему человѣчеству? На это Михайловскій даетъ такой отвѣтъ: «Въ отдаленной древности только главы семействъ, отцы, patres были дѣйствительными членами общества, гражданами. Когда ихъ единичные интересы, въ которыхъ кульминировались интересы ихъ чадъ и домочадцевъ, слились въ нѣкоторомъ общемъ интересѣ, то этотъ послѣдній былъ названъ patria (подразумѣвается res), т. е. дѣло, интересъ отцовъ, или отечество. Дѣйствительные члены первыхъ «отечествъ», «патрій» назывались поэтому патриціями. Слѣдовательно, когда крестьяне наши не только твердили помѣщикамъ: вы наши отцы, мы ваши дѣти,—но дѣйствительно видѣли свою славу и гордость въ величіи помѣщика (такіе типы всѣмъ знакомы), они были настоящими патріотами въ древнемъ и истинномъ значеніи слова» *).

Вотъ, слѣдовательно, каковъ смыслъ слова патріотизмъ—отечество. Это *ихъ*, «патриціевъ», отечество, а не наше. «Въ свое время слова эти—продолжаетъ Михайловскій—отлично выражали состояніе сознанія нашихъ предковъ и потому вошли во всеобщее употребленіе. Они существуютъ и до сихъ поръ, но связанныя съ ними понятія уже не таковы; языкъ нашъ сталъ врагомъ нашимъ. Когда предки наши говорили: я люблю свое отечество,—они отлично понимали, что значатъ эти слова. Но когда эти слова говорятся нами, мы не связываемъ уже съ ними такихъ отчетливыхъ представленій». «Конечно,—оговаривается Михайловскій—не всегда легко провести совершенно ясную границу между res patria и res publica. Но дѣло не въ этой границѣ, а въ *патріотическомъ* направленіи мысли, или, вѣрнѣе, въ увлеченіи патріотическими словами. И съ этой точки зрѣнія нѣтъ разницы между итальянскимъ патріотомъ, республиканцемъ Мадзини, и прусскимъ патріотомъ, юнкеромъ Бисмаркомъ. Мадзини всю жизнь говорилъ, что онъ служитъ «Богу и народу», но онъ ошибался, онъ служилъ «отцамъ» какъ оказалось на дѣлѣ. Бисмаркъ, конечно, не ошибается. Онъ овладѣлъ своимъ языкомъ, онъ умѣетъ будить словами «отечество»,

*) См. всѣ эти цитаты во II томѣ соч. Михайловскаго, стр. 741, 744, 745, 749, «Литературныя замѣтки» 1872 года.

«патріотизмъ» тѣ именно элементы «совокупности предразсудковъ и установившихся идей», которые ему нужны. И результаты получились блестящіе: Францію побѣдила Германія, Германію Пруссія, Пруссію «отцы», res patria побѣдила всю Европу».

II.

На послѣднихъ страницахъ предыдущей главы мы видѣли рѣшеніе Михайловскимъ вопроса о соціальной природѣ современнаго государства, гдѣ господами положенія являются «отцы»—«патриціи». Но, опредѣливъ природу исторически слагавшагося государства, въ правѣ ли мы считать этимъ вполнѣ исчерпаннымъ общій вопросъ о государствѣ и о нашемъ принципіальномъ къ нему отношеніи? Для того, чтобы пояснить этотъ вопросъ, возьмемъ тотъ же примѣръ съ отношеніемъ Михайловскаго къ патріотизму. Анализируя это понятіе, Михайловскій вовсе не хотѣлъ тѣмъ самымъ выступить рѣшительнымъ противникомъ патріотизма вообще, ибо вся его критика имѣла лишь относительный характеръ. «Патріотизмъ—говоритъ Михайловскій—является въ одно и то-же время и совмѣстимымъ, и несовмѣстимымъ съ гуманитарными чувствами, которыя, хотя бы и медленно, все больше распространяются въ цивилизованномъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ зависитъ отъ того, какъ понимать патріотизмъ, такъ какъ разные люди смотрятъ на него различно. Патріотизмъ, т. е. любовь къ отечеству, родинѣ можетъ заключаться въ стремленіи доставить торжество въ своей странѣ гуманитарному идеалу. Однако, есть люди, которые считаютъ себя патріотами потому, что хотятъ сохранить всѣ предразсудки своей среды. Существуетъ патріотизмъ естественный, патріотизмъ угнетаемыхъ народностей, ищущихъ свободы. Существуетъ патріотизмъ, свойственный государству, которое, мечтая о расширеніи своихъ границъ, подавляетъ свободу уже подчиненныхъ народностей» *).

Едва-ли отсюда можно сдѣлать выводъ о полномъ отрицаніи Михайловскимъ идеи «отечества» и «патріотизма». Интернаціонализмъ Михайловскаго въ этомъ отношеніи далекъ отъ интернаціонализма Густава Эрве. Правда, тотъ патріотизмъ, который заключается «въ стремленіи доставить торжество въ своемъ отечествѣ гуманитарному идеалу»,—приводитъ въ концѣ концовъ къ самоотрицанію: тамъ нѣтъ «отечества» въ узкомъ смыслѣ, гдѣ восторжествовалъ гуманитарный общечеловѣческій идеалъ. Но это еще не значитъ, что для даннаго момента въ интересахъ самого общечеловѣческаго идеала идея «отечества» безразлична. «Любовь къ отечеству»—какъ говоритъ Михайловскій—не есть «любовь къ

*) См. замѣтку «Н. К. Михайловскій о патріотизмѣ». Рев. Росс. № 45.

географическому понятію, т. е. къ такому чему-то, что не можетъ ни страдать, ни наслаждаться. Любить, дѣйствительно любить можно, именно, только то, что страдаетъ и наслаждается, потому что любить значитъ переживать страданіе и наслажденіе любимаго предмета. Патріотизмъ, въ буквальномъ значеніи слова, есть любовь отраженная, продуктъ рефлексіи. Не русскую же природу мы любимъ, мерзлую и скупую, не эти сѣренькіе, плюгавые ландшафты. Если они намъ и дороги, то не сами по себѣ, а потому, что тутъ полегли кости милліоновъ близкихъ намъ людей, что земля эта полита дорогими намъ кровью и потомъ; и любимъ мы ихъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ мы къ нимъ ближе, чѣмъ понятнѣе намъ ихъ радости и горести, чѣмъ болѣе эти радости и горести совпадаютъ съ нашими собственными, чѣмъ, слѣдовательно, наше собственное положеніе имѣетъ больше сходства съ ихъ положеніемъ» (т. II, стр. 86). Идея патріотизма въ этомъ смыслѣ имѣетъ глубокое и самостоятельное значеніе, умалить которое не могутъ «барабанно-географическіе взгляды на величіе страны», практикуемые въ своихъ интересахъ нынѣшними «отцами».

Попробуемъ теперь примѣнить эти взгляды къ идеѣ государства. Если идея отечества, запачканная и загрязненная современными патріотами, все-таки имѣетъ что-то властное и обаятельное для насъ, заставляющее дорожить ею, по крайней мѣрѣ, въ данный историческій моментъ,—то не въ правѣ ли мы аналогичнымъ образомъ разсуждать и въ вопросѣ о государствѣ, ибо вѣдь и въ государственности есть такія стороны, которыя не теряютъ своей безусловной цѣнности отъ ихъ нынѣшняго историческаго воплощенія. При этомъ опять таки рѣчь у насъ идетъ пока не о томъ времени, когда восторжествуетъ общечеловѣческій идеалъ. Довлѣетъ дневи злоба его. Въ нѣкоторомъ отдаленномъ будущемъ вполнѣ возможна такая комбинація общественныхъ отношеній, при которой не будетъ нужды въ собственно государственномъ элементѣ соціальной жизни. Спенсеръ, напр., вводитъ въ свое представленіе о будущемъ строѣ «право игнорировать государство», стѣсняющее свободу личности. Но «что такое право игнорировать государство?» —спрашиваетъ по этому поводу Михайловскій.—«Конечно, не болѣе, какъ пустой звукъ, потому что несовершенные люди, какъ говоритъ и самъ Спенсеръ, не пользуются, не пользовались, не будутъ и не могутъ имъ пользоваться; а люди совершенные, какими ихъ представляетъ себѣ опять таки самъ Спенсеръ, вовсе не будутъ нуждаться въ такомъ правѣ, ибо въ ту пору и государство существовать не будетъ» («Что такое счастье», т. III, 170).

Однако изъ того, что «въ ту пору государства существовать не будетъ» еще не слѣдуетъ, что мы сейчасъ должны быть принципіально враждебны къ формамъ государственной жизни, хотя бы даже узурпированнымъ въ свою пользу имущими классами, — «отцами». Такое отрицаніе государства граничило бы съ анархиз-

момъ, но при всей рѣзкости своей критики соціальной природы государства ни анархистомъ, ни антигосударственникомъ Михайловскій никогда не былъ. Разбирая, напр., общественные взгляды Прудона, который въ свое время оказалъ на него огромное вліяніе, Михайловскій рѣзко высказывается, однако, противъ полемики Прудона съ Луи-Бланомъ. «Онъ, т. е. Прудонъ, плохо различалъ, по словамъ Михайловскаго, принципъ и его осуществленіе, цѣль и средства. Вмѣсто того, чтобы держаться своего правила, называть кошку кошкой и стоять на томъ, что будь, дескать, я на вашемъ мѣстѣ членомъ временнаго правительства, я бы не національныя мастерскія заводилъ, а дѣлалъ бы то-то и то-то—вмѣсто этого онъ громилъ «гувернаментализмъ» Луи Блана и щеголялъ своей «анархіей». Между тѣмъ, онъ очень хорошо понималъ, что его анархія есть только маякъ, отдаленный возможный результатъ ряда дѣйствій, которымъ онъ самъ готовъ былъ придать нѣкоторый «гувернаментальный» характеръ (Зап. проф., т. III, 651).

Въ своей защитѣ гувернаментализма Михайловскій руководился нѣкоторыми практическими соображеніями: въ то время, когда писались эти строки (ноябрь 1875), да и раньше ихъ его учителями въ области политическаго міровоззрѣнія былъ не Прудонъ и анархисты, а Лассаль и Луи Бланъ съ ихъ идеей государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ. Но, разумѣется, защита государства можетъ быть поставлена и на болѣе широкомъ основаніи, къ которому, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и пришелъ въ концѣ концовъ Михайловскій. Не говоря уже о томъ, что разные типы государственнаго строя могутъ находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ судьбамъ личности (вспомнимъ, напр., какъ Михайловскій противопоставляетъ политическій строй Англіи, несмотря на всѣ его несовершенства, ея экономической организаціи),—не говоря объ этомъ, государство является союзомъ *правовымъ* и въ этомъ отношеніи имѣетъ такія функціи, которыя обладаютъ самостоятельной цѣнностью, такъ какъ внѣ права общественная жизнь не мыслима. Къ такому взгляду на государство Михайловскаго приводила и логика самой жизни 70-хъ гг., схватить общій смыслъ которой ему помогло высоко развитое въ немъ чувство политическаго такта, и логика его собственнаго міровоззрѣнія. Какъ соціологъ, Михайловскій никогда не былъ склоненъ подчинять моменту соціально-экономическому, моменту объективному, всѣ остальныя стороны субъективнаго проявленія духовной дѣятельности человѣка, и онъ былъ бы не правъ и непослѣдователенъ, если-бъ поступилъ иначе въ вопросѣ о государствѣ. И, дѣйствительно, во взглядахъ Н. К. Михайловскаго на государство можно различать двѣ стороны: опредѣленіе соціальной природы государства и анализъ его правового характера, при чемъ отправнымъ пунктомъ всѣхъ построеній Михайловскаго въ обоихъ случаяхъ является его теорія борьбы за индивиду-

альность въ тѣхъ или другихъ своихъ развѣтвленіяхъ, въ какихъ именно,—мы сейчасъ увидимъ.

Впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ о соціальной природѣ государства, намъ уже извѣстно, какія стороны теоріи борьбы за индивидуальность относятся сюда, и мы могли бы считать этотъ вопросъ вполнѣ исчерпаннымъ, если-бъ не одно обстоятельство, нѣсколько осложняющее наше изложеніе. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изъ новѣйшихъ произведеній, посвященныхъ, между прочимъ, оцѣнкѣ взглядовъ Михайловскаго. «Михайловскій и его поколѣніе отказывались отъ политической свободы и конституціоннаго государства, въ виду возможности непосредственнаго перехода Россіи къ соціалистическому строю. Но все это соціологическое построеніе было основано на полномъ непониманіи природы конституціоннаго государства»...

Такъ пишетъ г. Кистяковскій въ статьѣ «Борьба за право», одной изъ семи, составляющихъ сборникъ «Вѣхи». Михайловскій и его поколѣніе разсуждали въ данномъ случаѣ, по словамъ г. Кистяковскаго, такъ, какъ въ 60-хъ гг. разсуждалъ К. Д. Кавелинъ, опасавшійся введенія въ Россіи конституціоннаго строя изъ боязни дворянской гегемоніи въ нашихъ парламентскихъ учрежденіяхъ, буде они тогда осуществились бы. Вслѣдствіе присущей нашей интеллигенціи слабости правового сознанія, тотъ и другой обращали вниманіе только на соціальную природу конституціоннаго государства и не замѣчали его правового характера, хотя сущность его именно въ томъ, что оно, прежде всего, правовое государство. А правовой характеръ конституціоннаго государства получаетъ наиболѣе яркое свое выраженіе въ огражденіи личности, ея неприкосновенности и свободѣ («Вѣхи», 2 изд., 134, 135).

«Свобода—великая и соблазнительная вещь»—цитируетъ г. Кистяковскій въ подтвержденіе своихъ выводовъ объ «отрицаніи правового строя» Михайловскимъ одну изъ его статей 1880 года—«но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличитъ нашъ долгъ народу». И еще: «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя; не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ. Мы были совершенно согласны довольствоваться въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды. Конечно, это отреченіе было, такъ сказать, платоническое, потому что намъ, кромѣ акридъ и дикаго меда, никто ничего и не предлагалъ, но я говорю о настроеніи, а оно именно таково было и доходило до предѣловъ, даже мало вѣроятныхъ, о чемъ въ свое время скажетъ исторія... И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго

перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства».

Что цитаты эти говорятъ объ отрицаніи Михайловскимъ буржуазнаго государства, безусловно вѣрно. Но не будемъ, однако, и преувеличивать ихъ значенія. «Михайловскій отрицаетъ конституціонное государство, какъ буржуазное»—говоритъ г. Кистяковскій, но вѣдь въ то же время Михайловскій въ вопросѣ о государствѣ и «гувернаментализмѣ» становится на сторону государственниковъ Луи-Блана и Лассаля и высказывается противъ анархизма Прудона. Слѣдовательно, онъ цѣнитъ въ государствѣ еще что-то, несмотря на его соціальную природу. Г. Кистяковскій всѣ свои выводы о возведеніи Михайловскимъ въ «систему» отрицанія политики строитъ всего на двухъ приведенныхъ цитатахъ, на «двухъ отрывкахъ». Нельзя сказать, чтобы это былъ матеріалъ особенно богатый. О томъ же, чтобы дополнить его соотвѣтствующей критикой теоретическихъ взглядовъ Михайловскаго, г. Кистяковскій даже не подумалъ, тогда какъ прежде всего долженъ былъ обратить на это все свое вниманіе. Могло вѣдь и такъ случиться, что приведенныя цитаты были лишь однимъ изъ эпизодовъ литературной дѣятельности Михайловскаго, стоящимъ въ противорѣчіи съ общимъ ходомъ развитія его взглядовъ, которые впослѣдствіи взяли свое, силой своей логики и логики жизни и привели въ равновѣсіе разныя части воззрѣній Михайловскаго. И не только могло такъ случиться, но такъ дѣйствительно и случилось.

Мы уже знаемъ по всему предыдущему изложенію, какъ былъ поставленъ у Михайловскаго въ общей системѣ его воззрѣній вопросъ объ отношеніи государства, какъ высшей индивидуальности, къ личности, какъ индивидуальности низшаго порядка. Государство стремится покорить личность, поглотить ее, сдѣлавъ служительницей своихъ спеціальныхъ нуждъ, и съ этой цѣлью оно дробитъ личность на основѣ раздѣленія общественнаго труда. «Оно говоритъ: мнѣ нужны офицеры, солдаты, плотники» и стремится на почвѣ обособленія соціальныхъ функцій въ разныхъ рукахъ во всей чистотѣ провести въ жизнь эти убійственныя для развитія личности тенденціи, и, поскольку оно ихъ проводитъ, личность обращается въ простой механическій придатокъ стоящаго надъ ней цѣлаго. И эта тенденція не какая либо прихоть государства, какъ высшей общественной индивидуальности. «Зачѣмъ отворачиваться отъ несомнѣнной истины, установленной объективной наукой,—говоритъ Михайловскій—цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части». Само онъ отъ этого и не отворачивается, но, не отворачиваясь отъ этой истины, установленной объективной наукой, онъ противопоставляетъ ей столь же несомнѣнную и столь же неопровержимую истину другого порядка—*потребность самой личности къ всестороннему развитію*. «Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства»—говоритъ Михайловскій отъ лица бунтующей лич-

ности про высшую индивидуальность, совершенство которой опредѣляется несовершенствомъ ея частей—«я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, а я буду стремиться побороть ее, чья возьметъ—увидимъ» (Зап. проф., т. III, 422, 423). Такова дилемма въ ея общей постановкѣ, посмотримъ теперь, каковы будутъ конкретные выводы изъ нея въ приложеніи къ проблемѣ государства.

Что государство въ качествѣ высшей индивидуальности, какъ, впрочемъ, и вообще всякая индивидуальность высшаго порядка, отнюдь не всегда фактически покоряетъ входящія въ ея составъ единицы, хотя всегда стремится ихъ покорить, — это мы можемъ считать тоже установленнымъ положеніемъ. Бываютъ такіе моменты, когда отдѣльныя единицы и группы, составляющія въ свою очередь общественное цѣлое—«сословіе, классъ, партію»—успѣшно отстаиваютъ свои права отъ поползновенія высшихъ общественныхъ организмовъ, выдвигая противъ нихъ то же самое оружіе,—раздѣленіе труда, раздѣленіе труда между своими органами, раздѣленіе труда физіологическое, и уменьшая раздѣленіе труда между людьми. Государству не нужны цѣлостные индивидуумы, ему нужны спеціалисты нервной и мускульной системы, какъ несамостоятельные органы его жизни, но вотъ съ этимъ-то и борются тѣ, кто отъ этого страдаетъ. Во имя чего представитель мускульной силы поставитъ себѣ только одинъ законъ въ жизни: «работай, работай, работай». Во имя совершенства высшей индивидуальности? Но развѣ онъ не въ правѣ сказать: мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. «Пусть, кто хочетъ, смотритъ на меня, какъ на часть чего-то, надо мной стоящаго и на меня посягающаго, я не переставалъ видѣть въ себѣ полнаго человѣка, цѣльную и нераздѣльную личность. Я хочу жить всей доступной для человѣка жизнью, значитъ, не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь. И только въ такое надо мной стоящее цѣлое войду, какъ часть, сознательно и добровольно, которое гарантируетъ мнѣ цѣльность, нараздѣльность, полноту моей жизни» (тамъ-же). И не трудно видѣть, на какомъ принципѣ должно быть построено такое «надо мной стоящее цѣлое», разъ задачей его становится гарантія полноты личной жизни.

«Критеріемъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія прогресса признается мною—говоритъ Михайловскій въ своемъ отвѣтѣ на статью о немъ П. Л. Лаврова—опять таки та же формула цѣлостности недѣлимыхъ, возможно большаго дифференцированія членовъ общества и возможно меньшаго дифференцированія самого общества» *). Такъ, напр., «военное искусство должно быть при-

*) См. Post scriptum къ статьѣ о Дарвинѣ, не перепечатанъ въ собраніи сочиненій («Отеч. Зап.», 1870, май, стр. 46).

надлежностью всѣхъ и каждаго. Союзъ, въ которомъ обособилась спеціально военная каста, не можетъ гарантировать своимъ членамъ свободу. Всѣ и каждый должны владѣть оружіемъ и въ случаѣ надобности быть въ состояніи исполнять обязанность вождя, который, разумѣется, долженъ быть избираемъ. Общее военное образованіе должно быть такъ высоко поднято, чтобы спеціалисты-техники не отдѣлялись непроходимою пропастью отъ профановъ и всегда подлежали бы контролю. Въ частности понятно, что самый вопросъ объ участіи въ войнѣ рѣшается самою личностью. Хотя она можетъ при этомъ встать въ противорѣчіе съ общимъ рѣшеніемъ, изъ чего должны произойти столкновенія, но безъ подобныхъ болѣе или менѣе тяжелыхъ подробностей могутъ обойтись только вполнѣ идеальныя общества, изъ которыхъ война изгнана» (ст. о Ренанѣ, III, 246, 247).

Съ другой стороны, «точно также должно стать всеобщимъ юридическое образованіе, благодаря чему личность выйдетъ изъ-подъ опеки спеціалистовъ-юристовъ», что для насъ особенно интересно, такъ какъ прямо отвѣчаетъ на вопросъ объ истинномъ отношеніи Михайловскато къ «борьбѣ за право». «Дѣло это»,—т. е. освобожденіе личности изъ-подъ опеки спеціалистовъ юриспруденціи — «вовсе не трудное, потому что, — цитируетъ Михайловскій Дюринга—«по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ содержанія юриспруденціи обязаны своимъ существованіемъ обособленію юристовъ и пропасти, которую вырыла политическая опека между ними и обществомъ». «Теорія и законодательство—продолжаетъ онъ самъ—должны поступиться множествомъ схоластическихъ и мертвыхъ подробностей, только затемняющихъ простыя правовыя отношенія. Соотвѣтственныя измѣненія произойдутся, конечно, и въ самомъ строѣ общества, а затѣмъ воспитаніе должно быть такъ направлено, чтобы люди съ юности знакомились съ правовыми, то есть политическими и общественными отношеніями. Только при такихъ условіяхъ возможенъ истинно народный судъ, плохой обломокъ котораго представляетъ нынѣшній судъ присяжныхъ» (тамъ же).

Остановимся пока на этихъ цитатахъ. Какова прежде всего основная тенденція приведенныхъ словъ Михайловскаго и каково отношеніе ихъ къ вопросу о правовомъ государствѣ? Тенденція эта вполнѣ ясна: «союзъ, въ которомъ *обособилась* спеціально военная каста, не можетъ гарантировать своимъ членамъ свободу» — говоритъ Михайловскій, подчеркивая то же самое на примѣрѣ *спеціализаціи* юридическаго образованія. Спеціализація, обособленіе общественныхъ функцій, сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ—вотъ что составляетъ основной пунктъ всѣхъ нападеній Михайловскаго. Демократизація и соціализація коллективныхъ, по существу, правъ—вотъ средство борьбы за полноту и нераздѣльность жизни человѣческой личности, въ каковыхъ видахъ «раздѣленіе политическихъ функцій

должно быть доведено до минимума» (т. III, 246). Ни общественное раздѣленіе труда, ни сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ не должны имѣть мѣста тамъ, гдѣ признаны и реализированы права личности на всестороннее развитіе и на самоопредѣленіе. Res patria должна уступить мѣсто res publica, раздѣленіе труда—простой коопераціи, узурпація коллективныхъ правъ—волѣ народа. Однимъ словомъ «общественныя дѣла—какъ говоритъ Михайловскій—должны быть переданы въ общественныя руки».

Такова pia disederata Михайловскаго по отношенію къ будущему строю. Само собой разумѣется, онъ никогда не думалъ, что этотъ строй можетъ моментально осуществиться или что это осуществленіе есть вопросъ завтрашняго дня, какъ это старается усвоить ему г. Кистяковскій, исходя изъ чисто формальнаго пониманія его словъ о миновании стадіи буржуазнаго развитія. «Ждать, что земной рай, нарисованный со всѣми мельчайшими подробностями, осуществится завтра, значитъ или имѣть очень скромныя, очень жалкія представленія о земномъ раѣ, или не имѣть самыхъ элементарныхъ понятій о томъ, какъ идутъ дѣла на землѣ»—говоритъ Михайловскій (См. «Зап. проф.», т. III, 650). Къ своей основной цѣли—смѣнѣ порядка, основаннаго на раздѣленіи труда, порядкомъ простого сотрудничества—разныя стороны человѣческой жизни и общественности должны будутъ придти не однимъ путемъ и не одновременно. «За объективно-антропоцентрическимъ періодомъ отсутствія коопераціи и слабыхъ зачатковъ простого сотрудничества, за эксцентрическимъ періодомъ преобладанія раздѣленія труда»—въ которомъ мы теперь находимся—«слѣдуетъ періодъ господства простого сотрудничества» (См. «Что такое прогрессъ», т. I, 108). Господство простого сотрудничества—идеалъ, къ которому мы только стремимся, но «нѣкоторыя стороны человѣческой жизни уже вступаютъ въ этотъ періодъ; такъ позитивизмъ ввелъ въ него теоретическія отношенія человѣка къ природѣ, такъ, съ другой стороны, на томъ же принципѣ построена смѣна автократическаго строя порядкомъ правовымъ и конституціоннымъ или республиканскимъ». «Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки», что сведетъ раздѣленіе политическихъ функцій до минимума. Такъ формулируетъ Михайловскій основной характеръ «великой революціи... долженствующей окончательно обезпечить Европѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества». Но вѣдь конституціонно-правовой и республиканскій строй какъ разъ и ставятъ своей цѣлью произвести подобную «революцію» въ сферѣ политическихъ отношеній. Провозглашая принципъ народнаго суверенитета и равенства всѣхъ передъ закономъ, они тѣмъ самымъ наносятъ не только въ принципѣ, но и по существу, огромный моральный и политическій ударъ старому порядку съ его идеализаціей власти избранныхъ.

Раздѣленіе общества на управляемыхъ и управляющихъ при этомъ падаетъ, такъ какъ всякій гражданинъ въ той или иной формѣ имѣетъ доступъ къ органамъ политической власти. Сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, хотя и съ трудомъ и медленно при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, но все-таки уступаетъ мѣсто демократизаціи политическихъ функцій. Отдѣльныя привилегированныя касты, носительницы самой идеи раздѣленія труда, растворяются въ общей массѣ народа. Разнородное прежде общество становится въ области политическихъ отношеній обществомъ однороднымъ и задача его отнынѣ одна—провести тотъ же принципъ и въ отношенія соціально-экономическія.

Итакъ, мы видимъ, что чисто теоретическая сторона взглядовъ Михайловскаго на организацію общества,—«коопераціи въ обширномъ смыслѣ»—должна была неизбѣжно привести его къ полному признанію конституціонно-правового строя. Правовой строй и его завоеванія это—одинъ изъ этаповъ борьбы человѣчества за полноту и разносторонность индивидуальности, одна изъ побѣдъ принципа физіологическаго раздѣленія труда надъ раздѣленіемъ труда общественнымъ. Не только, однако, съ этой стороны Михайловскій долженъ былъ придти къ признанію прогрессивныхъ сторонъ «борьбы за право» и политическую свободу. Тѣ же выводы ему подсказывали практическія соображенія о томъ, «какъ идутъ дѣла на землѣ» и какъ они заставляютъ насъ постоянно согласовать непоколебимость принциповъ съ ихъ практическимъ приложеніемъ въ условіяхъ даннаго мѣста и времени (ср. т. III, 650). Особенно рѣзко эта сторона общественнаго міровоззрѣнія Михайловскаго сказалась въ его «Политическихъ письмахъ соціалиста», въ свое время, по свидѣтельству Н. С. Русанова, «производившихъ сенсацію не только въ революціонныхъ, но и въ либеральныхъ кругахъ и заставлявшихъ читателей задаваться вопросомъ, кто же былъ ихъ авторъ?» (См. «Политика Н. К. Михайловскаго», Былое, 1907, № 7, 131). Въ виду этой крупной роли «Политическихъ писемъ» Михайловскаго, а равно ихъ общаго значенія даже для настоящаго времени мы думаемъ, что тутъ будутъ не лишни нѣсколько цитатъ изъ нихъ, которыя къ тому же помогутъ намъ подойти вплотную къ постановкѣ Михайловскимъ вопроса о роли правовыхъ отношеній въ общественной жизни.

«Политическія письма» были написаны Михайловскимъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года отъ имени вымышленнаго лица женевскаго эмигранта «Гроньяра». Такъ они и начинаются: «Привѣтъ вамъ, братья. Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ соціализма, Земли и

Воли». Такому вступленію вполнѣ соотвѣтствовало и содержаніе «писемъ» Михайловскаго, строго нападавшаго, говоря фразой г. Кистяковскаго, «на равнодушіе къ правамъ личности, переходящее иногда въ прямую враждебность», которымъ отличалась первая половина общественнаго движенія 1870-хъ годовъ. «Жадно и скорбно слѣдилъ я за всѣмъ, что дѣлается въ родной измученной странѣ. Вами я любовался—говоритъ Михайловскій, обращаясь къ своимъ друзьямъ-читателямъ.—Но простите, дѣло прошлое, подчасъ много укоризны слагалъ вамъ мысленно». И далѣе шла рѣчь о причинахъ этой укоризны.

«Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи вселилъ въ васъ недовѣріе къ принципу политической свободы. Я, русскій, переболѣвшій всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, воочію наблюдавшій ходъ политической и экономической борьбы, знаю цѣну вашему недовѣрію. Да, вы правы. Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбы труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко не правы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей, страстно отдающихся своей идеѣ, вы обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямо затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчитъ вся практика» *).

Уже эти слова показываютъ, насколько былъ правъ г. Кистяковскій, утверждая, что «Михайловскій отвергалъ конституціонное государство, какъ буржуазное». Но на этихъ словахъ Михайловскій не останавливается. «Если европейскія учрежденія»—говоритъ онъ въ той самой статьѣ, откуда г. Кистяковскій заимствовалъ доказательства политическаго идифферентизма Михайловскаго—«не гарантируютъ народу его куска хлѣба, и есть тамъ милліоны ртовъ отверженныхъ пролетаріевъ рядомъ съ тысячами жирныхъ буржуа, то наши наличные порядки фактически тоже ничего не гарантируютъ, кромѣ акридъ и дикаго меда для желающихъ и нежелающихъ ими питаться» («Литерат. зам.» 1880, IV, 957). «Вы боитесь»—повторяетъ ту же мысль Михайловскій въ «Политическихъ письмахъ»— «вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ потому, что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи. Оглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей... Вы... не довольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической

*) Цитирую по брошюрѣ Гарденина «Памяти Н. К. Михайловскаго». Спб. 1906. См. въ приложеніяхъ.

борьбы. Вы живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны. Но вы и въ теоріи ошибаетесь»... Отсюда и практическій лозунгъ Михайловскаго, съ которымъ онъ обращается къ своимъ читателямъ. «Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не щадитъ насъ, за что же вы будете систематически щадить его».

Евг. Колосовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

На бѣломъ заснувшемъ бульварѣ
Деревья такъ ярки и четки,
По-зимнему тонки сплетенья
Причудливо-гибкихъ вѣтвей;
Бѣлѣютъ подъ снѣгомъ пушистымъ
Узоры чугунной рѣшетки,
И гдѣ-то далёко, въ туманѣ,
Желтѣютъ огни фонарей.

Безчисленныхъ улицъ извивы,
Звонки, дребезжанье трамвая,
Афишъ разноцвѣтныя пятна,
Витринъ раздражающій блескъ,
Надъ входомъ дешевыхъ театровъ
Гирлянда огней золотая
И пестрый, ненужно-крикливый,
Дразнящій цвѣтокъ-арабескъ,—

Быть можетъ, мнѣ снилось все это?..
Подъ небомъ ночнымъ и безграннымъ
Мнѣ хочется вѣрить лишь звѣздамъ
И слушать ихъ нѣжный привѣтъ.
И въ сердцѣ, покорномъ и тихомъ,
Какъ дали ночныя, туманномъ,
Слагаются свѣтлыя пѣсни,
На звѣздныя сказки въ отвѣтъ.

Какъ тихія, чистыя звѣзды
Надъ бѣлой уснувшей землею,
Надъ длинной лазурной дорогой,
Застывшей въ серебряномъ снѣ,—
Воздушныя, легкія пѣсни
Встаютъ надъ прозрачной душою,
Воздушныя пѣсни, какъ звѣзды,
Дрожатъ и мерцаютъ во мнѣ.

Ада Чумаченко.

ЧОРТОВЪ КРАЙ.

Буй да Кадуй
Чортъ три года искалъ —
Не разыскалъ...
Народная (Костр. г.) поговорка.

Была зима. Однажды въ сѣрый январскій день судьба закинула меня на Волгу, въ одну глухую деревеньку, около которой въ Волгу впадаетъ рѣка Унжа. Къ вечеру всѣ свои пожитки я уже окончательно переправилъ въ избу къ моему давнему знакомцу. Фамилія его Бодуновъ. Раннимъ утромъ, переночевавъ у Бодунова, я рѣшилъ тронуться въ дальнѣйшій путь.

— Эк-ка, парень... Чтой-то-сь, парень... — приговаривалъ Бодуновъ, разстилая постель на сонъ грядущій.—Да я —хоть куды... хоть въ Обмерику... готовъ... Живымъ манеромъ!

— Ну, и въ Америку?..—улыбнулся я.

— Говорю тебѣ, утресь безпремѣнно выѣдемъ!

— А не проспимъ? Правильно?

— Какъ дуга, правильно... Нешто-жъ не вижу я...

Тутъ Бодуновъ на минутку замялся, и глаза его стали очень серьезными.

— Нешто не вѣрю я...—нахмурился онъ, ползая по полу, по тулупамъ.—Ты рыщешь... У тебя замыселъ... А долженъ же быть исходъ. Не можетъ быть такъ, чтобъ человѣкъ метался всю свою жизнь, какъ волна въ прорубѣ, въ безысходности...

Тутъ онъ запутался и замолкъ, очевидно, застигнутый какою то своею трудною мыслью, которая у него осложнилась настолько, что не находила уже для себя словеснаго уклада.

Я тоже замолчалъ.

Передъ тѣмъ, какъ загасить лампу, Бодуновъ подошелъ близко къ печкѣ, гдѣ, на полу въ овчинныхъ лохмотьяхъ, спала маленькая дѣвушка, дочь его.

— Прощай, Палька...—разбудилъ онъ ее.—Прощай, курюкалка. Вотъ, ни дать, ни взять, курюкалка. Этакая, право, юла...

Дѣвчушка сонно поежилась, выпрямилась надъ полушубкомъ. Отецъ обхватилъ ее подъ пазушки своими грубыми мужицкими объятіями, такую маленькую и хрупкую, уронилъ, вновь поднялъ. Гладилъ ей волосы. Дѣвушка звонко расхохоталась.

— Ишь, смѣхъ-то у тебя, Палька, точно у соловьенка... Ишь, разыгралась. Тебѣ бы, Палька, по смѣху твоему принцессой надо быть. Въ шелкахъ бы ходить. Вотъ такъ: шуршъ... шуршъ... Холю бы тебѣ надобно хорошую. Вотъ тогда то бы расправила косточки. Не здѣсь бы тебѣ, юла, родиться; не съ нами бы жить. Яма, Палька, родина твоя, мертвая, каменная страна. Помяни мое слово: выберетъ она изъ тебя всю рѣзвость до капли. Отрепышомъ сдѣлаетъ. Соскушнилась она по молодости.

И такъ долго онъ причиталъ, пока все въ избѣ не заснуло.

— Все ли готово?

— Все.

— Со Господомъ!—крестился Бодуновъ.

Хозяйка вышла проводить со свѣтцомъ въ рукѣ и остановилась подъ повѣтью. Лошадь тронула. Чуть-чуть спустя, пропало все: и дворъ, и кусокъ поломаннаго карниза, забрызганный бѣлымъ инеемъ, и хозяйка съ огнемъ въ рукѣ..

Сани заныряли изъ рытвины въ рытвину, изъ раската въ раскатъ,—того гляди, вывихнетъ полозъ или выбросить сѣдоковъ въ глубокій суметъ.

Дороги было совсѣмъ не видно. Выѣхали рано, еще „до дни". Сильно клонило ко сну. Услыхалъ я въ просонкахъ:

— Добро пожаловать!—говорилъ Бодуновъ.

Я раскрылъ глаза. Вижу — онъ лѣзетъ рукавицей къ шапкѣ.

— Кому это ты? — прожурчалъ онъ: — Чай, видишь — Унжа!

Лошади круто спустились къ рѣкѣ. Глухая, кривлявая, стиснутая сизыми перелѣсками, сестра ближняя старинному Керженцу, приблизилась къ намъ лента рѣчная, ледяная.

— Унжа!—вздыхалъ Бодуновъ:—Рѣка смолистая, канительная. Волгой бы ей быть за труды, за набѣги. Разбойничья дочь! Вотъ она какая, дружокъ...

Переѣхали Унжу. Дорога долго „болталась" въ лугахъ, то вправо, то влѣво. По обѣ стороны много отвертокъ. Изрѣдка Бодуновъ слѣзалъ съ повозки и медленно перетапты-

вался вблизи конской морды: это онъ выбиралъ ногами, которая дорога поубоистѣе, и на ту направлялъ лошадь, чтобы не заплутаться.

Разсвѣтало. Впереди, въ зимнемъ инистомъ сумракѣ рѣяли двѣ бѣлыхъ каменныхъ церковки. Одна изъ нихъ — церковь Макарія Безприходнаго. Кромѣ духовенства, тутъ, оказывается, никто не живетъ.

Преданіе говоритъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь храмъ, „въ старинныя времена" стояла пустынь, обитель. Жилъ тутъ, спасаясь отъ міра, преподобный Макарій. Въ тѣ поры, въ давніе дни—напали на обитель поляки. Шайка враговъ, громившая Волгу, Кострому, вездѣ искавшая царя Михаила, подступила къ обители. Окружила кольцомъ. На нихъ вышелъ преподобный Макарій. Враги схватились за луки, стали стрѣлять. А онъ ловилъ вражьи стрѣлы, въ лодочку складывалъ у ручья. Изъ лодочки отдавалъ инокамъ. И тѣ стрѣляли обратно вражьими стрѣлками. Одолѣли врага. И народъ—тогдашній народъ—почтилъ за это инока, какъ святого...

Дорога тянется „чистью", полями. Но впереди по краямъ полей уже видны пустыри, перелѣски; они пока еще жидкіе, рѣденькіе, „съ роздерью", какъ опредѣлилъ ихъ мой возница. Это—заунженское предлѣсье, начало густыхъ, дремучихъ лѣсовъ, кольцомъ охватившихъ городъ Кадый.

Дикій пустырь узнается быстро по множеству чахленькаго, взъерошеннаго, невоспитаннаго кустарника, который еле-еле выбивается изъ-подъ снѣга. Грустно глядѣть на это жалкое наслѣдіе старины. Въ старину всюду здѣсь были глухіе заунженскіе лѣса. Водились медвѣди, олени. Была тогдашнихъ жителей отрада—ихъ святые герои, крѣпко защищавшіе царей и вѣру отцовскую.

А теперь великая Волга жизнью своей забѣгаетъ все глубже и глубже въ лѣса, отрываетъ, отламываетъ отъ отцовскихъ алтарей кирпичъ за кирпичемъ.

— Эк-ка диво... Чтой-то, парень!—удивился вдругъ Болуновъ и показалъ кнутовищемъ въ суметъ. — Здѣся, въ эфтомъ вотъ мѣстѣ, деревня торчала. Старенькая — двориковъ пять. Мы въ молодые годы смолье корчевали здѣсь... Бывало, заѣдешь въ нее—одни старики да старухи, насилуй толковъ добьешься...

— Такъ гдѣ же она?

— Не вѣмы. Примерли. Може, выселились... Самъ видишь, мѣстность какая: пустырь да пустырь.

Деревня. Лошади нужно дать роздыхъ.

— Тутъ у меня дружокъ-пріятель былъ. Развѣ къ нему? Только что...—Бодуновъ замялся.—Не знаю, дѣло-то, можетъ быть, не богатое...

— Ладно. А къ богатому не вози. Не люблю.

— Въ лѣсахъ мы съ нимъ... лѣсъ рубили... Усердный работникъ былъ. Мечту имѣлъ — разбогатѣть. Не знаю. судьба ли...

У колодца подъ журавлемъ попалась намъ баба.

— Тета, здѣся къ Демиду?—обратился къ ней Бодуновъ.

— Вотъ этта, этта, родимый... — баба махнула рукой на край деревни.

Едва подъѣхали. Лошадь чуть-чуть не застряла въ одномъ ухабистомъ закоулкѣ.

— Горесть какая... — покачалъ головой Бодуновъ: — Не красна изба. Смотри, дружокъ, пошатнулся мужикъ. Опять что-нибудь сдрейфило. Мечту имѣлъ...

И Бодуновъ долго вздыхалъ, озирая избенку, вылавливалъ съ ея стѣнъ какія-то все новыя и новыя детали бѣдности, мало понятныя мнѣ, но весьма убѣдительныя для его крестьянскаго глаза.

Въ избѣ опахнуло насъ „жилымъ духомъ“, прѣлью, угаромъ, овчинами. Грудь захватывало. Въ углу — навозъ; на навозѣ брыкался, какъ шальной, черный теленокъ, очевидно, испуганный нашимъ появленіемъ. Тутъ же, по близости, виднѣлась ребячья люлька, засаленная донельзя, а на подоконникахъ, видно было, блестѣли цѣлыя гнѣзда слизи.

— Демидъ Иванычъ!—поклонился Бодуновъ.

— Милости просимъ пожаловать...

Гибкій, тощій мужикъ. Какая-то медленная лѣнь въ жестахъ, въ движеніяхъ. Очень уже гибкій и гладкій какой-то, какъ пряникъ.

— Никакъ ты, Бодуновъ?—вымолвилъ онъ, покачиваясь.

— Мы, дружокъ, мы...

— Не очень ужъ чисто у насъ... — Демидъ оглянулъ избенку и опять покачнулся.

— Ладно... Мы не въ гости... заѣздомъ...

— Душно въ избенкѣ. Землею дышимъ.

— Конечно, хрестьянство!.. Ты... какъ быдто-сь навеселѣ? Подъ мухой, знать?

— Дѣвку пропиваю...—Демидъ смущенно мотнулся.

— Такъ...—ухмыльнулся ямщикъ.—За кого?

— Въ домъ отдаю къ Облаеву.

— Такъ... такъ... Значитъ, сватня у тебя?

— Такъ точно. Одного ѣдока, значитъ, съ кону долой.

— Конешно. Дѣвка въ соку. Дѣвокъ беречь нынче трудно.

Демидъ утвердительно кивнулъ головой, подошелъ къ Бодунову и пошатнулся и остановился въ нерѣшительной позѣ.

— Только что...

— Аль не охотится?—догадался Бодуновъ.

— Нейдетъ...

— Аль женихъ не по мысли?

На палатяхъ въ это время послышалась какая-то глухая возня. Вздохи. Изъ-за овчинъ показалась дѣвичья голова.

— Всѣмъ разсказывай! Всѣмъ! — и дѣвка захрипѣла какимъ-то злымъ, надтреснутымъ хрипомъ.

Отецъ только руками развелъ, безпомощный:

— Вотъ поглядите, люди добрые...

— За распутника, за пьянчужку замужъ пойду! — кричалъ голосъ съ палатей. — Онъ къ черной сотнѣ принадлежитъ...

— Отстань, Ульяна!—останавливалъ Демидъ.

— Въ жисть не пойду!

— Уймись, Ульяна! — съ гнѣвной дрожью выкрикнулъ Демидъ на всю избу. Вражда разросталась. Въ простомъ деревенскомъ человѣкѣ разбушевавшійся темпераментъ не сразу доходитъ до точки молчанія. А если и дойдетъ, то пауза бываетъ страшна, тяжела и мучительна, даже для постороннихъ.

Все замолчало.

Наконецъ, Демидъ не выдержалъ и, подойдя къ намъ вплотную, заговорилъ шепотомъ:

— Вишь ты... Новый законъ выходитъ. Передѣлы хотятъ отнять у крестьянства. А паю-то, вишь ты, у меня на полторы души. Только на полторы. А семья большая. Нехватка у меня земли. Я все мечталъ: міръ, думалъ, сжалится надо мной, принарѣжетъ... А тутъ, видишь, новое положеніе... по послѣднему передѣлу... Въ собственность земля... Вотъ, значитъ, и петля мнѣ. А у этого самаго Облаева земли на четыре души. Старикъ загребистый, вороватый, да и сынъ-то въ него пошелъ. А семья у нихъ самъ-третей—только! Вотъ значитъ, и пропиваю теперь Ульянку. Прямой разсчетъ ей—за Облаевымъ...

— Прощай, Демидъ!

— Прощенія просимъ...

Немного времени, вереница жалкенькихъ деревенекъ, одно большое село — Чернышево, еще одна какая-то деревнюшка, послѣдняя къ лѣсу,—и мы окружены, плѣнены древесной, безмолвной чащей. Такъ будетъ вплоть до Кадыя; за тридцать верстъ — глухой лѣсъ. На пути, верстахъ въ

двадцати отъ опушки, встрѣтится лишь одно-одинокое поселеніе, деревня Никольская. Мы туда „загадали" попасть на ночлегъ.

Лѣсъ темный, славный. Уже не колышутся деревья, какъ нѣсколько верстъ назадъ, въ предлѣсьи. Серьезно, воспитанно, мрачно стоятъ деревья. На вѣтвяхъ—густой иней. И деревья—какъ сѣдые аристократы. Нѣтъ разношерстности въ древесной породѣ. На приболотистомъ мѣстѣ, правда, коегдѣ мелькнетъ „разрывистая" дѣлянка, деревья порѣже. Но за то тамъ, гдѣ земля попривольнѣй—деревья саженъ девять, десять, мачтовникъ.

— Позадержи-ка... — обратился я въ одномъ мѣстѣ къ своему возницѣ.—Лошадь... останови-ка...

Онъ остановилъ. Я высвободилъ уши. Напрягаю слухъ. Ни звука. Тишина. Красота. Если бы жизнь имѣть человѣку такую величавую...

Такъ, сойдя съ саней и отойдя на нѣкоторое отъ нихъ разстояніе, чтобы не мѣшало дыханіе лошади, я долго стоялъ, наслаждаясь молчаніемъ, покорный, очарованный. Такъ прошло нѣсколько мгновеній упоительныхъ, отрадныхъ для слуха. И чувствовалась какая-то глубокая старина въ томъ, что вотъ такъ я стоялъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ деревянной стѣной, точно въ старинномъ кремлѣ, — укутанный обвязанный тулупомъ, рыжимъ башлыкомъ и малиновой опояской, въ валенкахъ, въ мѣховой теплой шапкѣ, въ варежкахъ на рукахъ...

Но вотъ что-то, какъ будто, всполохнулось въ природѣ, вокругъ меня. Какое-то странное измѣненіе. По прежнему не было нигдѣ ни одного звука, но странная перемѣна—я прислушался: нѣтъ и тишины, и полнаго молчанія уже нѣтъ. И только, долго спустя, я различилъ тихій серебряный шорохъ, едва внятный, протяжный, какой-то совершенно беззвучный.

— Бодуновъ, что это такое?—спросилъ я ямщика.

— Это?—улыбнулся онъ:—это иней... Съ деревьевъ сдуваетъ. Вѣтерокъ налетѣлъ,—вѣтерка-то не слышно, а иней падаетъ—по сумету, по игольнику шаршитъ.

И онъ точно вспомнилъ что-то въ эту минуту, принахмурился вдругъ:

— Зима нонеча инистая, безъ холодовъ, а съ туманами. Тяжелая зима. Погляди на деревья: инію сколько! А отчего дорога испорчена? Снѣгу не выпадаетъ, а полозенку почти не видно. Иніемъ заметаетъ. И лѣто по зимѣ, дружокъ, нонеча будетъ тяжелое, трудное для народа. Инистая зима—примѣчаютъ—къ холерѣ, къ междуусобію...

Въ Никольскую прибыли мы уже вечеромъ, при огняхъ, И сразу же бросилась въ глаза одна маленькая подробность, указывающая на то, что лѣсу здѣсь благодать, и что деревня въ топливѣ не нуждается: окна въ избенкахъ объ одной рамѣ. Зимнихъ „оконницъ", какъ это водится вездѣ на святой Руси, сія деревнюшка не признаетъ.

— Потому дрова подъ рукой, жги сколько знаешь...— пояснилъ Бодуновъ.

У околицы близь деревни обступила насъ толпа ребятишекъ. Парни, взрослыя дѣвки. Удивительно было, откуда взялось столько народа въ такую ночную пору. Не пропускаютъ. Цѣпляются лошади „подъ уздцы", облѣпили задокъ у саней, кричатъ:

— Сказывай, какъ зовутъ?

— Ахъ ты, яръ тебя задави!—засмѣялся вдругъ Бодуновъ.—Да никакъ тутъ гаданье?

Мы попали туда какъ разъ въ Крещенскій сочельникъ.

— Ну, дѣвки, давайте ночлегъ, — суженаго привезъ къ вамъ!..—хохоталъ Бодуновъ.

Мы привернули къ воротамъ, гдѣ-то на срединѣ деревни. Вошли въ хибарку. Жара, духота: уши жжетъ. Толпа ввалилась за нами.

— Анка, это къ тебѣ...

— А этотъ къ тебѣ, Марюшка...

— Нѣтъ, это, дѣвченки, ко мнѣ...

Послышался въ толпѣ робкій шепотъ.

— Дальній...

— А мнѣ?! Мнѣ все время выходило—дальній!..

Простота. Вѣра, сильная вѣра въ нечистаго духа, въ загадочную, въ случайную, въ недоступную для сознанія игру, посредствомъ которой слѣпая стихійная власть лѣсная горько издѣвается надъ человѣкомъ. Не даромъ, должно быть, далась такая вѣра, и не спроста, должно быть, такъ прочно и цѣлостно сохранилась она здѣсь, въ глухой лѣсной деревушкѣ...

Гаданій здѣсь, выяснилось, пропасть. Парни только что передъ нашимъ пріѣздомъ предполагали гадать въ зеркало. Для этого нужно снять крестъ. Сперва, будто бы, въ зеркалѣ пройдутъ слезы, потомъ туманы, потомъ лѣсъ, потомъ, будто бы, ужъ выйдетъ изъ лѣса и она,—суженая.

А то выходятъ за деревню на „Коренные перекрестки" и здѣсь по снѣгу обчерчиваются и при этомъ говорятъ: чортово мѣсто, чортово мѣсто... И, будто бы, что увидишь или услышишь, то и сбудется въ жизни. Одной дѣвкѣ, Натальѣ, во время такого гаданья послышались звоны—

рѣдкіе, тихіе, похоронные. И умерла вѣдь... А то одному парню показалась собака черная, такъ онъ чуть съ ума не сошелъ: на великую силу „разворожили“...

Гадаютъ и по другому: въ баню ходятъ, пепелъ сѣютъ черезъ рѣшето, и если негодники исхлещутъ пепелъ, то мужъ сердитый будетъ. А то еще — верею грызутъ, кольцо за икону кладутъ; икону, ложась спать, за подушку ставятъ кверху ногами: не приснится ли ночью другъ желанный, цѣлованный...

Всѣ спятъ. Мы только двое остались: я да дѣдъ. Я слушаю, а дѣдъ разсказываетъ...

— Маялись, милый. Были времена. Хлебнули патоки шиломъ, обрѣзались, надсадились. Не вѣрили сами себѣ, что можно здѣсь жить. Такія мѣста, такіе лѣса дремучіе были. Непроходимые были. Барская воля. Ослушаться не могли. Ужаснулись, когда пріѣхали.

— При тебѣ, дѣдушка?

— Нѣтъ, куда тутъ! Этому больше ста лѣтъ. Я-то ужъ здѣся родился. А это отцы наши да матери переселялись сюда. Они разсказывали. Жили они вначалѣ въ Орловской губерніи. Тамъ, значитъ, на родинѣ. И вотъ пришлось выселяться оттуда, Богу угодно было. Сколько слезъ-то, муку какую перетерпѣли!

— Что же заставило?

— Послушай меня, скажу. Помѣщикъ здѣшній, которому эта земля принадлежала, задумалъ жениться. И въ жены взялъ барышню нашу, дочь нашей барыни, которой, значитъ, тамъ въ Орловской губерніи принадлежали наши отцы. Увлекъ онъ ее, соблазнилъ. И получилъ, значитъ, нашихъ крестьянъ въ приданое. И выписалъ къ себѣ. И разсовалъ по разнымъ угламъ своего имѣнія, гдѣ никто добровольно не хотѣлъ жить. И нашимъ отцамъ достался вотъ этотъ участокъ. Сплошной лѣсъ. Каково было отцамъ нашимъ—съ чернозема-то да съ плодородной земли?.. Кому, значитъ, радость, веселіе, брачныя ночи, а кому—отцамъ нашимъ, слезы горючія. Пріѣхали, хижины негдѣ поставить. На избу деревья рубить на корню приходилось. Ни дорогъ, ни полей, ни покоса. Работайте, гритъ, живите, какъ знаете. Для запашки столько-то десятинъ, для усадьбы вотъ столько-то, расчищайте отъ лѣса, рубите. Стали рубить. Поняли—дѣло не шутка. Принялись за работу старые, малые, мужики, бабы. Деревья—мачтовникъ; пенья корчевать стали—ревутъ, не подъ силу. Выбрали корни, зажгли. Давай „паль“ запахивать—опять ревутъ, сошники не берутъ—такая земля корязая, мучительная. Сколько слезъ, крови

положено въ здѣшнюю мѣстность... Отъ звѣрья покою не знали. Волки, медвѣди по ночамъ подходили подъ самыя окна. Бабу одну не моги, бывало, за водой отпустить къ ручью—медвѣдь задеретъ. Мужики съ топорами сопровождали. Комаровъ, мошкары—тучи; работу лѣтомъ бросали; нельзя было; непривычно. Бѣдствовали. Хватили бѣды. Въ Свѣтлый Праздникъ, бывало, къ великой заутрени съ топорами ходили. Цѣлой артелью. Идутъ мужики—топорищи за опояской торчатъ. Боялись медвѣдей... Вотъ она, милый, старинная жисть. Видишь, на чемъ держалась она?

Проснулись рано. Темно.

Вырвались въ поле. Впереди обнажилась черная небесная занавѣсь, ширь. Ближе къ суметамъ еще кое-гдѣ были наляпаны лиловатыя пятна. Но выше въ небѣ—черно и жутко. Много тьмы. Громадина, цѣлый демоническій ковшъ, наполненный темнотою, опрокинутый надъ землей. Нападало сомнѣніе: правда ли, найдутся ли за гранями той земли, по которой мы ѣдемъ, такія вмѣстилища, которыя могли бы вобрать въ себя столько тьмы, когда она отойдетъ отъ нашей земли, и правда ли—отойдетъ ли она и будетъ ли утро... И не останется ли наша страна—разрасталось сомнѣніе—и утромъ все въ той же тьмѣ, на распутьи, покрытая пригоршнями свирѣпаго зимняго бога, который летитъ по одному пути съ нею уже цѣлые годы, вѣка, тысячелѣтія?..

Душа трепетала, задѣтая томительнымъ ожиданіемъ Глаза впивались въ черноту неба, искали тамъ зарожденіе дневныхъ контуровъ и утреннюю синь и ошибались поминутно и уставали...

Скоро Кадый. Дорога плохая—одно наказаніе. Ухабистая. Сани трещатъ, разламываетъ. Плечи ноютъ отъ долгой ѣзды. Ведро на облучкѣ оретъ и звенитъ благимъ матомъ. Проклятый городъ. Мучительница-дорога. А что тутъ дѣлается на этомъ „ѣзжаломъ трактѣ“ осенью „въ мокреть“ или весной въ половодье, или въ сырое дождливое лѣто... Боже!..

Ѣдешь. А надъ тобой, точно лѣшій въ трубу, издѣвается и хохочетъ и кричитъ тебѣ: „ха-ха-ха... да-да-да... Жить пришли сюда! Га-га-га... Каторга! Далъ вамъ жизнь! Радуйтесь!..“ И въ душѣ, переполненной вечернимъ суевѣрнымъ гипнозомъ, вмѣсто возраженій, вмѣсто логическаго подъема, вдругъ прорывается страхъ, темный, большой... Всесильный лѣсной владыка...

Встрѣча. На дорогѣ обозъ. Тѣ, кто ѣдутъ „порожнякомъ", должны уступать дорогу. Такова лѣсная традиція. Бодуновъ беретъ вправо. Лошади по брюхо, завязла. Остановились и ждемъ, пока разъѣдемся.

Первый возъ, огромный, туго набитый, съ рогожами и лаптями.

— Гей! Гей!—прокричалъ Бодуновъ:—сколько верстъ до Кадыя?

На возу мужикъ. Кричитъ во все горло:

— Одиннадцать!..

Бодуновъ не разслышалъ. Оба уха завязаны. Я повторилъ. Онъ не вѣритъ:

— Въ деревнѣ ночевали, сказывали, десять-двѣнадцать верстъ. Да около часу ѣдемъ. Меньше одиннадцати!

Подъѣхалъ второй возъ. Наверху баба.

— Родная!—закричалъ опять Бодуновъ:—сколько верстъ до Кадыя?

Баба, должно быть, спала. Напугалась. И, перепуганная, отшатнулась вдругъ какъ-то въ сторону, точно кто-нибудь лѣзъ къ ней на дровни по ея жизнь. Бросила въ отвѣтъ:

— Четыре!

— Заяцъ тя залягай!..—обругался Бодуновъ:—то одиннадцать, то четыре. Ужели третьяго спрашивать?

— Спроси...

Третій возъ движется медленнѣе. Мужикъ не на возу, а идетъ сзади. Грѣется.

— Кормилецъ!—завопилъ въ третій разъ Бодуновъ:—Тута ли на Кадый?

— Тута, желанный, тута!

— А сколько верстъ?

— Кто ё знаетъ?! Не считанныя!

— Всетаки! Сколько же?

Мужикъ гадаетъ:

— Выѣхали мы съ вечера... близь полуночи... Кочетьё (пѣтухи) еще не пѣвали... Ѣхали ровно... Теперь, поди, часа три... Верстъ четырнадцать будетъ...

— Не меньше?

— Ровно четырнадцать будетъ!

— Обломы! Окоёмы, проклятые!—ругается Бодуновъ.—Не могутъ столбовъ верстовыхъ наставить!..

Обозъ прошелъ. Трогаемся дальше.

А вотъ и Кадый. Заштатный городъ. Кругомъ въ лѣсахъ. Бѣлѣетъ церковь—единственная. Постройки на деревенскій фасонъ: бани и кладовыя на выносѣ, на окраинахъ „города".

По послѣдней переписи, жителей здѣсь—тысяча и одна душа. Верховное начальство въ городѣ—становой приставъ.

Въѣзжаемъ на главную улицу. Унынiе, пустота. Широкая улица, огромная площадь, низенькiя одноэтажныя хибарки. Одна—какъ другая; двѣ капли воды... Ни одного балкончика, ни одного каменнаго домика. На подоконникахъ между рамами заложены красненькiе, голубенькiе лоскуточки, бѣлая ватка, мохъ, восковыя монастырскаго издѣлiя птички, ягодки, клюква, рябина, зеленыя вѣточки... Кадыйская роскошь...

— Не знаю, куды везти-то тебя... — опечалился Бодуновъ.

— Въ гостиницу вези.

— Да и гостиницъ-то здѣся нѣтъ...

— Что же есть?

— Надо быть, чайная да трактиръ... Въ трактирѣ-то я когда-то бывалъ... Грязно ужъ очень...

— Ну, вези въ чайную...

И вотъ мы въ кремлѣ города, въ чайной, какъ разъ противъ церкви. Столики длинные, артельные, точно нары. Вмѣсто стульевъ—скамейки, равной длины. Салфетокъ не полагается. На столикахъ черный слой какихъ-то невѣдомыхъ отложенiй: не то отъ пота, не то отъ копоти. Сильно чаднитъ кубъ съ кипяткомъ. Угарно.

Вошла компанiя мужиковъ. Хозяйка бросила дѣло—точно только ихъ и ждала, чтобы о чемъ-то спросить. Спрашиваетъ:

— Неужели все еще дуются?

— Во всю мочь! Играютъ!

Старушка только руками взмахнула.

Карты. Играютъ здѣсь много—и въ праздники, и въ церковную службу. Азартъ побѣдилъ традицiю.

— Да кому тутъ играть у васъ?

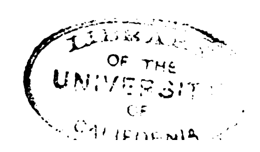
— Какъ, милый! Становой, лавочникъ, стражники, духовныя лица...

Тоска заштатная.

Бродимъ по городу.

На площади въ рыхломъ сугробѣ дерутся три рыжихъ собаки и одна черная, мохнатая. У черной собаки вся морда въ снѣгу, какъ въ сметанѣ. Раздолье! Мѣшать имъ рѣшительно некому.

Заходимъ въ лавочку. Видимо, лучшая въ городѣ. Товаръ безъ претензiй: мыло, подсолнухи, лапти. Мнѣ нужно купить табаку. Оказывается, здѣсь только—махорка, и есть еще „полукрупка".


LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

— Нѣтъ ли папиросъ?

— Есть. 20 штукъ—5 копѣекъ...

— А лучше ихъ нѣтъ?

— Лучшихъ у насъ нигдѣ не найдете. Самъ становой эти куритъ.

Авторитетъ.

Заходимъ на почту. Когда-то здѣсь былъ телеграфъ—недавно сняли. Только проволока напрасно ржавѣла. Играютъ-де въ карты и безъ депешъ!

На сундукѣ—стражникъ. Привсталъ, шевелитъ винтовку и, видимо, думаетъ: это-де откудова нелегкая принесла человѣка?..

— Марку за семь копѣекъ...—говорю я совершенно корректно.

Чиновникъ молчитъ. Долго не отпускаетъ, словно не слышитъ. Добылъ изъ шкафа какой-то внушительный фоліантъ, водитъ указательнымъ пальцемъ по алфавиту. На меня въ такихъ случаяхъ всегда нападаетъ „сумлѣніе“: не статью ли ужъ какую-нибудь разыскиваютъ о незаконности моихъ притязаній? Грѣшный человѣкъ, не люблю этихъ божественныхъ, канцелярскихъ паузъ...

Беру марку. Приклеиваю къ конверту. Но бросить письмо въ здѣшній почтовый ящикъ не хватаетъ рѣшимости. Такъ ужъ почему-то—сердце не лежитъ...

У нихъ въ городѣ, оказывается, большая новость. На Рождествѣ зарѣзали фельдшера. Типъ этого фельдшера и обстановка убійства—самые кадыйскіе. Фельдшеръ жилъ у нихъ, какъ босякъ какой-нибудь. Сбиралъ милостыню. Бралъ все: корку хлѣба, копѣйку, клокъ сѣна. Скряга былъ рѣдкостный. Когда ему замѣчали, что онъ не бѣднякъ и могъ бы самъ помогать бѣднотѣ, онъ отвѣчалъ: „я—говоритъ—не вижу бѣдныхъ и не знаю, гдѣ они“.—Въ домъ къ себѣ пускалъ странниковъ на ночлегъ и опять-таки не безъ разсчета: странники должны были насбирать ему извѣстную долю за оказанный пріютъ. И вотъ эти-то странники и зарѣзали кадыйскаго попрошайку. А когда раскрылось убійство, и злодѣевъ перехватали въ дорогѣ, то выяснилось, что они взяли у „бѣдняка“ что-то около десяти тысячъ...

Отъ Кадыя до Макарьева на Унжѣ—„рукой подать“. Разстояніе, правда, не очень ужъ утѣшительное—44 версты. Но все таки это „рукой подать“ отрадно по одному тому, что ѣхать придется по большой дорогѣ (Кострома—Макарьевъ), обставленной верстовыми и телеграфными столбами. Нельзя заплутаться. Не нужно вылѣзать изъ саней и топтаться

около лошади, разыскивая дорогу; не нужно спрашивать въ каждой деревнѣ, какъ, молъ, тутъ, родимые, поближе-то взять...

Мы тронулись изъ Кадыя—день былъ сизый, туманный. Оттепель. Тучи висѣли низко, свинцово синія. Надъ душой тоже все время висѣла какая-то тяжелая кутерьма.

Бодуновъ, хмурый, отговаривалъ меня отъ моихъ дорожныхъ плановъ. Не хотѣлъ разставаться. А вскорѣ намъ предстояла разлука.

Бросилъ возжи. Карько плетется безъ правежа. Пріунылъ ямщикъ.

Изрѣдка взглянетъ на какой-нибудь особенно „знатный" лѣсной участокъ, охнетъ, ахнетъ, выругаетъ казну или удѣлъ—на чемъ свѣтъ стоитъ. Опять нахмурится.

— Развѣ это порядокъ?

— Что?

— Да нахватать столько лѣсу, уйму такую! Зачѣмъ? Чтобы спущать его по купцамъ? Обработайте, молъ, будьте отцы родные, готовый матеріалъ, мы опять у васъ купимъ. Мы сами только владѣемъ, обрабатывать не умѣемъ. А развѣ купцы будутъ тебѣ понапрасну стараться? Нѣтъ, ты скажи: развѣ это порядокъ?

Спроситъ. Видитъ, что я согласенъ. И вновь добавитъ свое излюбленное заключеніе: долго не жди тутъ порядка, „въ этой мѣстности", разъ тутъ владычествовалъ Шемяка...

Исторически достовѣрно, край этотъ, какъ и вся нынѣшняя Костромская губернія, принадлежалъ нѣкогда удѣльному князю Шемякѣ, знаменитому сказочному „судьѣ", и его роду.

Не знаю ужъ, скоро ли здѣсь будетъ хорошій порядокъ. Давно бы, кажется, надо. „Успокоеніе" здѣшнее съ испоконъ вѣковъ тянется. Край кадыйскій никогда ни въ какихъ „безпокойствахъ" не обрѣтался. Земля, что ли, ужъ у него такая тяжелая, что вѣчно привлекаетъ къ себѣ людей съ темными судьбами?..

Кстати, о казенныхъ лѣсахъ.

Въ Макарьевѣ на лѣсной ярмаркѣ я встрѣтилъ нечаянно знакомаго мужичка. Промышляетъ „лѣсишкомъ".

— Ну, какъ дѣла?—спрашиваю.

— Благодареніе Господу! Казна поддержала. Двѣсти пятьдесятъ рубликовъ везу старухѣ въ сундукъ.

— Какъ же такъ вышло?—допытываюсь.

— А оченно легко вышло. Въ казнѣ покупалъ съ торговъ „дѣлянками", участками. Зиму рубилъ. Партійка полу-

чилась небольшая. Вижу — возиться не стоитъ; продалъ Ивану Петровичу.

Дня черезъ три встрѣчаю Ивана Петровича. Разговорились.

— Благодареніе Господу! Ослобонился отъ лѣса. Запродалъ весь оптомъ.

Называетъ одну крупную московскую фирму.

— Значитъ, теперь въ Москву пойдетъ лѣсъ?

— Нѣтъ... зачѣмъ въ Москву... Нонѣ эта фирма закупъ большую дѣлаетъ: у казны сняла подрядъ на доставку шпалъ. Для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ...

Пожимаю плечами. Иванъ Петровичъ умиленно разглаживаетъ бородку:

— Въ убыткахъ нонеча не остался. Благодареніе... По крѣпкой цѣнѣ нонеча сдѣлался...

Фирма, взявшая разработку шпалъ, тоже, конечно, сдавая подрядъ, въ долгахъ не останется. Глядишь, и лакомятся вокругъ народной дороженьки... Какъ будто разработка шпалъ—какой-нибудь „цеппелинъ", такое хитроумное дѣло, что казна не могла бы справиться съ нимъ собственными руками...

— Позабылъ тебѣ показать, — говоритъ Бодуновъ, кладетъ возжи и роется, чего-то ищетъ у себя за пазухой. Вынимаетъ какую-то желтую залосненную грамотку, всю измятую. По обѣ стороны на бумажкѣ старинныя, печатныя церковно-славянскія буквы.

— Да это изъ божественной книги, — говорю, взглянувъ на печать.

— Это изъ библіи. Читай-ка...

Фразы начинаются со средины; пробую связать смыслъ— ничего не выходитъ.

— Нѣтъ, ты, должно быть, не тутъ... — Бодуновъ поправляетъ.—Ты читай то, что ногтемъ подчеркнуто. Здѣся вотъ...

Читаю:

„И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людямъ, просящимъ отъ него царя, и глагола имъ: сіе будетъ оправданіе царево, иже царствовать имать надъ вами! Сыны ваша возьметъ и поставитъ въ колеснички своя и на кони всадитъ ихъ и предтекущихъ предъ колесницами его. И поставитъ ихъ себѣ въ сотники и въ тысящники и жательми жатвы своей, и объымутъ объыманіемъ гроздія его и творити орудія воинскія его и орудія колесницъ его. И дщере ваша возьметъ въ мироварницы и въ поварницы и въ хлѣбницы. И села ваша и винограды ваша и масличины ваша благія

возьметъ и дастъ рабамъ своимъ. И сѣмена ваша и винограды ваша одесятствуетъ и дастъ скопцемъ своимъ и рабомъ своимъ. И рабы ваша и рабыни ваша и стада ваша благая и ослы ваша отъыметъ и одесятствуетъ на дѣла свои. И пажити ваша одесятствуетъ. И вы будете ему рабы. И возопіете въ день онъ отъ лица царя вашего, его же избрасте себѣ, и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ царя... И не восхотѣша людіе послушати Самуила и рѣша ему: ни! но царь да будетъ надъ нами" *)...

— Гдѣ же нашелъ ты это?—удивленно спрашиваю, дочитавши стихъ до того мѣста, гдѣ фраза опять обрывалась.

— Это мнѣ человѣкъ одинъ въ Кадыѣ... Въ родѣ, какъ малоумный...

— Какой же онъ изъ себя?

— Да такъ, словно какъ странникъ или монастырскій послушникъ какой-то; може, монастырскій рабочій... Одѣтъ, какъ въ дорогѣ, по-зимнему... Палка можжевеловая; за плечами котомка, а на боку сума, большая клеенчатая...

— Ну?

— Ну, вотъ... Упрягаю я лошадь... Гляжу, подходитъ ко мнѣ, вытащилъ изъ сумы книгу какую-то тяжелую: „дяденька, а дяденька!" окликаетъ меня.—Что?—говорю. „Ты, слышь, далеко ли отсюда уѣдешь?" Далеко. „А опять-то, говоритъ, скоро ли пріѣдешь?" Нѣтъ, молъ, кажись, совсѣмъ не пріѣду и такъ покаялся, что къ вамъ сюда затесался—въ чортовъ вашъ уголъ. Онъ опять ко мнѣ: „дяденька! а дяденька! наткось, говоритъ, возьми..." Гляжу, выхватилъ онъ изъ книги какое-то мѣсто, да какъ сомнетъ грамоту въ кулакъ! Спрашиваю его: зачѣмъ же мнѣ взять это? „Возьми, возьми"—отвѣчаетъ. Да что мнѣ съ ней дѣлать? „Увези, унеси—дальше, дальше отсюда, какъ можно дальше". Чудной ты какой!—говорю—зачѣмъ ты рвешь книгу Божію? Грѣхъ тебѣ! А онъ какъ воззрится на меня при этомъ словѣ, вродѣ какъ злой сдѣлался, кинуться на меня хочетъ. Но вдругъ, смотрю упалъ на колѣни, въ суметъ, мнѣ въ ноги,—видно переборолъ себя. А самъ блѣдный, блѣдный такой, лица на немъ нѣтути.

— „Возьми, возьми, говоритъ, умоляю... Чмутитъ, слышь, меня вотъ эфто самое мѣсто".—А самъ ногтемъ черкаетъ.. „Томитъ меня... Задумался я надъ нимъ, ходить не могу".—Да куда же ты, спрашиваю, ходишь?—„По здѣшнимъ монастырямъ, говоритъ, хожу. Спокою душѣ своей жду. Помѣ-

---

*) Впослѣдствіи, имѣя библію подъ руками, я разыскалъ это мѣсто Царствъ, кн. 1-я, гл. 8, стихи 10—20.

шанная она у меня, въ смятеніи, сызмалѣчества. Гложетъ меня. Возьми, возьми"...—опять начинаетъ просить.—Ладно, говорю, возьму, утѣшу тебя, малоумнаго. Ну вотъ, значитъ, и взялъ. Смотрю, парень точно другимъ сдѣлался. Поклонъ мнѣ отвѣсилъ, суму затянулъ ремнемъ, на церковь перекрестился и зашагалъ, да такъ крѣпко, уходисто, какъ будто заправскій странникъ...

— Удивительные здѣсь люди, Бодуновъ!

— Удивительные...—соглашается мой ямщикъ.

Тамъ, гдѣ теперь городъ Макарьевъ, въ древности была пустошь, покрытая непроходимыми лѣсами.

Обитель преподобнаго Макарія, говоритъ преданіе, была первымъ человѣческимъ жилищемъ въ этой странѣ. Онъ прибылъ на Унжу около пятисотъ лѣтъ тому назадъ изъ Желтоводскаго монастыря—на Волгѣ подъ Нижнимъ-Новгородомъ. Тамъ, въ Желтоводскомъ монастырѣ, онъ прославился многими чудесами. Къ нему стекались тысячи богомольцевъ на поклоненіе. Многіе приходили изъ очень далекихъ угловъ. Такъ что каждый, отправляясь на богомолье, забиралъ съ собою, какъ можно больше, всякаго скарба и снѣди. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ въ Волгу впадаетъ Ока, богомольцы обмѣнивали свои избытки на то, что каждому было необходимо. Благодаря этому, по преданію, образовалась Нижегородская ярмарка—великое сходбище людей, великая торговля и шумъ. И преподобный Макарій переселился на новое мѣсто, на темную Унжу, гдѣ и умеръ.

Первый русскій царь Михаилъ Θеодоровичъ дважды приходилъ на Унжу для поклоненія мощамъ угодника. Первый разъ изъ Костромы еще до избранія въ цари вдвоемъ съ матерью своею Марθою Ивановною. Во второй разъ въ 1619 году изъ Москвы, уже будучи на царскомъ тронѣ.

Теперь городъ Макарьевъ не блещетъ столь именитою популярностью. Глухой городокъ—немногимъ получше Кадыя, шесть тысячъ жителей. Весной здѣсь бываетъ плотовая ярмарка.

На ярмарку выползаетъ изъ лѣсныхъ медвѣжьихъ берлогъ много фигуръ, единственныхъ въ своемъ родѣ: богатыи, толстосумы разныхъ калибровъ—одинъ другого придирчивѣй. Въ дрянненькихъ третье-разрядныхъ трактиришкахъ, на постоялыхъ дворахъ, за жиденькими „опивками", вмѣсто чая, съ баранками, съ огромными гомзылями бѣлаго хлѣба, макарьевскаго ситника,—потѣютъ эти диковинные люди по цѣлымъ днямъ. Здѣшній трактирный гость грубъ, сиволапъ, большой охотникъ почваниться, поскандалить.

Здѣсь продаютъ, покупаютъ плоты. Здѣсь же нанимаютъ рабочихъ, сгонщиковъ для доставки лѣса на Волгу и дальше. Нанимая плотовыхъ, иной лѣсной „самъ“, благодѣтель народный, жметъ каждый грошъ, а дома у него въ подпольяхъ ломятся отъ золота горшки и корчаги, зарытые въ землю, прикрытые грязнымъ тряпьемъ...

Изъ Макарьева опять къ Волгѣ мнѣ пришлось ѣхать уже весною на пароходѣ.

На Унжѣ орудуютъ двѣ пароходныхъ компаніи. И та, и другая отправляетъ по пароходу въ сутки; при чемъ оба парохода отходятъ изъ Макарьева утромъ, почти въ одинъ часъ. Просрочьте этотъ часъ, и вы останетесь безъ пароходовъ еще на сутки. Въ виду конкуренціи...

Такса—„по человѣку глядя“. Если возьмешь билетъ съ вечера, сдѣлаютъ скидку. Тоже въ виду конкуренціи: утромъ-де съ нашимъ-то билетомъ не сядешь на чужой пароходъ...

И вотъ утро.

Пароходишка чахленькій, подработанный, допотопной конструкціи, очевидно, съ „мертвыми точками“ въ машинѣ. Пора бы въ музей.

Слава Богу, третій свистокъ. Команда и пассажиры истово крестятся, обратившись къ монастырю,

— Молимся Богу!—кричитъ капитанъ въ машинное отдѣленіе и тамъ тоже, должно быть, истово крестятся.

На семьдесятъ верстъ—столько боязни!. Точно по Ледовитому океану...

Мнѣ хочется поближе осмотрѣть механизмъ. Спускаюсь къ машинному люку.Одно горе этотъ мой новый возница—унженскій пароходъ. Кажется, Бодуновъ не много бы раззорился на придачу, вздумай онъ промѣнять своего карька, свои сани и свою упряжь на эту пловучую храмину...

Вездѣ ржавчина, копоть. Топка дровами. Нѣтъ ни одного мѣднаго пятнышка. Желѣзо, желѣзо... Краны, чайки, заклепки... Мѣдь, должно быть, ни разу не ночевала. Шлифовки тоже нѣтъ и слѣда. Паровикъ старый, въ заплатахъ. Заплаты обляпаны асбесцитомъ—и асбесцитъ виситъ на желѣзѣ, точно сѣрая оконная замазка съ толстыми, хрящеватыми изюминами.

Въ машинномъ отдѣленіи тѣсно, жарко и душно, точно въ аду. Гляжу, вылѣзаетъ оттуда грязное, потное существо: машинистъ. Растянулся внизъ животомъ по холодной палубѣ. Это онъ дѣлаетъ, чтобы немного остыть. Жадно вдыхаетъ въ себя палубный воздухъ, третъ шею. А на лбу у него потъ кистями, точно бѣлая смородина.

Пароходъ идетъ почти у самаго берега. Мальчишки докидываютъ камнями. Рѣка—наказаніе: дуга на дугѣ, извилина на извилинѣ. Версты нѣтъ прямой.

Вотъ, впереди, на высокомъ пригоркѣ забѣлѣлась церковь. Обращаюсь въ капитанскую рубку. Спрашиваю:

— Какое село?

— Это? Спасъ-Красная Горка.

Ужъ, кажется, чего ближе? Однако, проходитъ съ полчаса. Пароходныя колеса работаютъ изо всѣхъ силъ. Я смотрю назадъ—и въ кормѣ вижу вдругъ точно такую же церковь и точно такой же красный пригорокъ.

— Не миражъ ли?—мелькаетъ въ головѣ.

Вновь прихожу къ капитанской рубкѣ.

— А это какое село?

— Все то же... Спасъ...

И улыбаются надъ моей растерянностью.

— Какъ Спасъ? Развѣ проѣхали.

— Нѣтъ еще. Подбѣгаемъ...

Ну, и рѣка! Все время такая конспиративная!

Увидитъ впереди высокое мѣсто, сейчасъ же дастъ загогулину, спрячется въ низменный берегъ, и такъ версты три-четыре, верстъ десять бѣжитъ, озираясь по сторонамъ, пока не нагрянетъ къ самому яру.

Приходитъ на память давнее зимнее восклицаніе Бодунова: „разбойничья дочь"... Это онъ сказалъ про рѣку.

Вспоминаю всѣ дни своего путешествія по этому глухому, гиблому краю. Мелькаютъ въ сознаніи осколки народныхъ душъ, когда-то блеснувшіе при дорогѣ. Мрачное, темное, безглагольное полотно. Чернымъ углемъ забрызганы всѣ культурныя перспективы.

И все, что называется жизнью здѣсь, статное, прямое, бросающееся въ глаза, одѣто унылымъ предсмертнымъ оцѣпенѣніемъ. Топчется, умирая у колыбели, не бросаетъ никакихъ надеждъ на далекое будущее.

Есть какой-то вѣковой сонъ и вѣковая черта, обведенная злой рукой вокругъ здѣшнихъ лѣсовъ. И только то, что незримо таится внутри этого заколдованнаго простора, угнетенное, искривленное, чего не видишь совсѣмъ во время короткихъ путевыхъ остановокъ, то, можетъ быть, еще сумѣетъ заронить искру жизни.

Вотъ Унжа. Она одна здѣсь бѣжитъ, и трепещетъ, и живетъ среди лѣсного безмолвія. Вода въ ней быстрѣе, чѣмъ въ Волгѣ. И потому, что она живетъ, а не спитъ,—нѣтъ у ней ни одной версты безъ излома...

А. Батуевъ.

По этапамъ и пересыльнымъ тюрьмамъ.

(Къ характеристикѣ новаго курса).

Перепроизводство въ области карательной съ каждымъ днемъ даетъ себя чувствовать все сильнѣе. По оффиціальнымъ даннымъ, къ 1 февраля 1909 г. тюремное населеніе въ Россіи дошло до 181.137 человѣкъ.

Эта внушительная армія изъятыхъ изъ обращенія барахтается въ грязи и смрадѣ на самомъ «днѣ» русской жизни, голодаетъ, болѣетъ, умираетъ и, словно мстя обществу за свои муки и униженія, разноситъ заразу по всей странѣ. Съ этого дна, изъ зловонныхъ ямъ, которыя называются тюрьмами, слышатся напрасные вопли заживо погребенныхъ. И горе русскому обществу, если оно останется глухо къ этимъ воплямъ: «міръ отверженныхъ» отравитъ его покой, трупный ядъ изъ «мертвыхъ домовъ» проникнетъ въ дома живыхъ.

Это уже началось. Общество уже получило грозное предостереженіе. Тифъ, главнымъ разсадникомъ котораго явились тюрьмы, унесъ въ могилу не мало жертвъ изъ среды свободнаго населенія.

Общество встревожилось, но правительство не поняло или не хотѣло понять смысла этого предостереженія. Подлежащія вѣдомства, вѣрныя исконнымъ традиціямъ, только отписывается отъ грядущей бѣды циркулярами, читая которые, можно было бы подумать, что самой насущной потребностью нашего времени является укрощеніе арестантовъ и подтягиваніе черезчуръ либеральнаго тюремнаго персонала.

Наши тюрьмы ждутъ и, несомнѣнно, дождутся своего историка. Онѣ сыграли слишкомъ крупную роль въ русской жизни.

Не задаваясь широкими задачами историка, я въ этомъ бѣгломъ наброскѣ хочу подѣлиться только своими впечатлѣніями, — впечатлѣніями невольнаго туриста по тюрьмамъ и этапамъ, который имѣлъ возможность вдоволь насладиться прелестями новаго курса. Попутно я хочу нѣсколькими штрихами обрисовать положеніе пересыльныхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ: этотъ темный уголокъ нашей жизни до сихъ поръ почти совершенно не освѣщенъ.

I.

— Ивановъ! Петровъ! Степановъ! На этапъ! Да поскорѣй—конвой ждетъ!

— Т. е. позвольте, какъ же это такъ вдругъ?.. Почему не предупредили хоть за день? Мнѣ должны принести деньги, бѣлье...

Но никакіе протесты не помогаютъ. Тюремная администрація обыкновенно оправдывается (если только она нисходитъ до оправданій) тѣмъ, что предписаніе объ отправкѣ только что получено. Продолженіе протеста ведетъ къ насильственному выводу,—часто съ избіеніемъ.

Конвой по обыкновенію тоже торопится.

— Ивановъ! Имя какъ? По отцѣ? Сколько лѣтъ? Куда идешь? Казенныя вещи есть? Армякъ, шапка, коты, онучи? Обыскать, заковать!

Тыканье обязательно, какъ обязательна и грубость во всемъ обращеніи. Поражаешься, какъ быстро административные «низы» проникаются директивами и настроеніями верховъ. Въ доброе старое время конвою и въ голову не приходило говорить политическому «ты», а теперь...

— Намъ все единственно—политическій ты или уголовный. Арестантъ—и больше ничего!

Долженъ оговориться, что среди конвойнаго начальства (я не говорю о нижнихъ чинахъ) попадаются и люди совѣстливые, которые если и не скажутъ вамъ «вы», то постараются избѣгать личныхъ мѣстоименій. Но въ послѣднее время, при новомъ курсѣ, они составляютъ крайне рѣдкое исключеніе; естественный подборъ сдѣлалъ свое дѣло: у власти остались, за малыми исключеніями, только ретивые исполнители «предначертаній».

Обыскъ носитъ характеръ какъ бы умышленной грубости, особенно если онъ производится на глазахъ начальства. Тутъ подъ прикрытіемъ закона совершается цѣлый рядъ преступленій противъ частной собственности. Въ доброе старое время политическимъ разрѣшалось имѣть корзины, чемоданы и до 5 пудовъ багажу. Теперь—только 30 фунтовъ, а корзины и чемоданы бросаются конвоемъ на мѣстѣ пріемки этапа. Разрѣшается только мѣшокъ. Той же участи подвергаются и книги (не помогаетъ даже разрѣшительная печать тюремной администраціи), тетради, часы, кольца, портсигары, зубной порошокъ и пр., и пр. Все это грубо швыряется въ сторону, часто прямо на полъ. Вы протестуете, вы просите, чтобъ конвой хранилъ всѣ эти вещи до слѣдующей тюрьмы у себя, но тщетно.

— Не полагается!

Васъ, допустимъ, высылаютъ куда-нибудь въ Якутскую область.

за многія тысячи верстъ,—вы все же наталкиваетесь на неизмѣнное «не полагается» и «намъ все единственно». 30 фунтовъ. Мѣшокъ. Никакихъ корзинъ, чемодановъ, ящиковъ. Никакихъ книгъ. Даже гусиныя зубочистки признаны почему-то опасными и погибаютъ подъ сапогомъ конвойнаго солдата.

— Аль пропустить?—спрашиваетъ унтеръ-офицера или фельдфебеля, показывая зубочистку, обыскивающій солдатикъ, очевидно, не совсѣмъ еще проникшійся видами центральной власти.

— Да на что она? Лишнее... Дави сапогомъ и конецъ дѣлу!

Мыло брать съ собой возбраняется: намыливъ пятки, можно легче снять кандалы; правда, вы не кандальникъ, но въ партіи есть или могутъ быть дальше кандальники. По тѣмъ же высшимъ государственнымъ соображеніямъ не разрѣшается имѣть съ собой масло, сало и вообще все жирное. Все это тутъ же бросается и вмѣстѣ съ вашимъ табакомъ и пр. «лишними» вещами остается въ добычу конвойнымъ или тюремнымъ надзирателямъ. Болѣе цѣнныя вещи тюремная контора обязана выслать вамъ по мѣсту вашего назначенія, если вы оставите деньги на пересылку. То же и съ деньгами.

Прежде политическіе могли имѣть при себѣ до ста рублей. Новый курсъ свелъ эту цифру до 99 коп. (почему именно 99 коп., а не цѣлый рубль,—это государственная тайна: надо думать, въ этой именно копѣйкѣ коренится гибель для государства). Въ самое послѣднее время, впрочемъ, когда новый курсъ смѣнился новѣйшимъ, и эти 99 коп. признаны лишними. Ни копѣйки! Есть у васъ деньги, сдавайте въ контору, которая вамъ ихъ потомъ перешлетъ, высчитавъ за пересылку.

На этой почвѣ бываютъ поистинѣ разительные курьезы. У одного политика въ Алатырской тюрьмѣ конвой, оторвавъ шашкой стельку сапога, нашелъ 22 коп. Деньги были сданы тюремной администраціи, которая, сохраняя полную серьезность, объявила, что деньги эти, за вычетомъ 15 коп. на почтовый переводъ, т. е. въ суммѣ 7 коп., будутъ пересланы по мѣсту назначенія.

Само собой разумѣется, что деньги и вещи, оставляемыя въ конторѣ, при пріемкѣ партіи, тюремная администрація не особенно торопится высылать. Проходятъ мѣсяцы, часто и годы, а вещей и денегъ все нѣтъ. Приходится бомбардировать заявленіями тюремное начальство, главное тюремное управленіе. Часто случается, что ваши деньги или вещи уже не застаютъ васъ на старомъ мѣстѣ назначенія,—и опять начинается безконечная волокита и новые расходы на пересылку (пересылка вещей часто обходится въ нѣсколько рублей). Вотъ почему неособенно цѣнныя вещи часто просто бросаются въ тюремной конторѣ: дескать, чортъ съ ними, не стоитъ канителиться и на пересылку тратиться! Это своего рода косвенная прибавка къ жалованью чиновъ тюремной администраціи.

Чтобъ покончить съ обыскомъ, укажу еще на одну характерную для новаго курса мелочь: подушка разрѣшается, но отнюдь не больше 10 вершковъ. А такъ какъ подушки большей частью превосходятъ размѣрами эту циркулярную мѣрку, то приходится подниматься на хитрости: нелегальная подушка уминается, складывается вдвое и даже вчетверо, зашивается; правда, послѣ всѣхъ этихъ операцій она превращается въ твердый, мало соотвѣтствующій своему назначенію комъ, но за то циркуляръ соблюденъ.

II.

Обыскъ конченъ. Раздается команда:

— Стройся! По четыре въ рядъ! Въ затылокъ!

И процессія трогается въ путь.

Не такъ давно политиковъ не гнали пѣшкомъ вмѣстѣ съ уголовными черезъ весь городъ. Ихъ большей частью возили въ особыхъ каретахъ или на извозчикахъ на казенный счетъ. Теперь не то: и на свой счетъ не разрѣшается взять извозчика.

Всю дорогу идешь подъ градомъ грубыхъ окриковъ:

— Принимай ближе! Не отставай! Въ затылокъ!

— А ну-ка, Ѳедоровъ, поправь тамъ этого очкастаго.

И Ѳедоровъ «поправляетъ» выбившагося изъ ряда «очкастаго» шашкой плашмя или прикладомъ. Протестовать противъ такихъ пріемовъ отнюдь не рекомендуется: малѣйшій ропотъ можетъ повлечь за собой кровавую расправу. И идешь «въ затылокъ», глотая боль обиды, сжимая сердце, сдавливая мозгъ, весь охваченный мучительной ненавистью и жаждой мести. Партія идетъ, вѣрнѣе, бѣжитъ (конвой всегда торопится) въ сосредоточенномъ, угрюмомъ молчаніи, обливаясь потомъ, тяжело дыша, какъ загнанный звѣрь; иногда приходится пройти такимъ форсированнымъ маршемъ 6—7 и болѣе верстъ, по глубокому снѣгу, черезъ лужи, по колѣно въ грязи. Особенно тяжело приходится кандальникамъ и женщинамъ, замыкающимъ шествіе.

Глубоко врѣзался мнѣ въ память образъ одной молоденькой дѣвушки-подростка, прямо съ гимназической скамьи попавшей во власть тюремщиковъ и солдатъ. Слабенькая, тщедушная, она совершенно выбилась изъ силъ, стараясь не отстать отъ партіи. Она такъ тяжело дышала, что дыханья ея не могъ заглушить даже топотъ нѣсколькихъ десяткихъ ногъ. Выбившіеся мокрые волосы прилипли ко лбу, съ котораго стекали по щекамъ крупныя капли пота. Ботинки хлюпали отъ набравшейся въ нихъ воды, платье было обрызгано грязью. И невольно, глядя на этого жалкаго, загнаннаго ребенка, рисовался въ умѣ другой образъ, образъ матери, которая такъ холила и лелѣяла свое дитя, такъ любовно перебирала пальцами эти самые, теперь такіе жалкіе, слипшіеся

волосы. Что испытала бы она, эта несчастная мать, если бы видѣла въ эти минуты свою дочь?..

Впрочемъ, если бы она и была тутъ, ее бы близко къ партіи не подпустили. Въ доброе старое время все это носило болѣе патріархальный характеръ. Вокругъ партіи съ обѣихъ сторонъ образовывалась живая стѣна близкихъ, знакомыхъ, а то и просто любопытныхъ. Всю дорогу шли разговоры, сообщались новости, смѣялись, шутили. Передавали съѣстные припасы, деньги, газеты. Но... «то было раннею весной»... Теперь картина рѣзко измѣнилась. Конвой смотритъ (не по внутреннему побужденію, а въ угоду все тому же всесильному циркуляру) на обывателя звѣремъ. Когда проходитъ партія, улица тщательно очищается. Не успѣвшая свернуть публика, пугливо жмется къ троттуарамъ. Конвойнымъ, повидимому, доставляетъ огромное наслажденіе травить какого-нибудь свободнаго гражданина, нечаянно наткнувшагося на партію.

Конечно, не всякій конвой такъ безсердеченъ, но въ послѣднее время слишкомъ ужъ много развелось охотниковъ всласть натѣшиться надъ арестантами и обывателями. Власть опьяняетъ—даже такая ничтожная, какъ власть конвойнаго солдата. Вчера еще надъ нимъ самимъ, быть можетъ, только лѣнивый не куражился, а теперь онъ самъ облеченъ всей полнотой власти.

Мнѣ приходилось видѣть сѣрыхъ, вчера еще оторванныхъ отъ сохи, крестьянскихъ парней въ мундирахъ, которымъ, видимо, доставляетъ огромное наслажденіе потѣшиться надъ какимъ-нибудь интеллигентнымъ арестантомъ. Дескать, ты вотъ и пенснэ носишь, и науки всякія произошелъ, а я, простой мужикъ, могу тебѣ морду почистить и ничего мнѣ за это не будетъ (подлинныя слова одного конвойнаго)!

Въ одномъ онъ безусловно правъ: ничего ему не будетъ,—не только если «морду почиститъ», но если и шашкой зарубитъ: весь конвой, какъ одинъ человѣкъ, согласно покажетъ, что зарубленный оказалъ сопротивленіе, хотѣлъ бѣжать и прочее, хотя бы ничего подобнаго и не было. Зарубившему въ приказѣ еще, пожалуй, благодарность будетъ объявлена.

Конвойные офицеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ всячески поощряютъ эту грубость. Вотъ, напримѣръ, сценка съ натуры. Въ Курскѣ около вокзала выстраивается партія для отправки въ тюрьму. Грязь по колѣно, проливной дождь. Арестанты измучены долгимъ переѣздомъ въ биткомъ набитомъ вагонѣ и съ полчаса уже мокнутъ подъ дождемъ. Нѣсколько въ сторонѣ подъ крытой площадкой, стоитъ офицеръ и командуетъ.

Рѣзкій, визгливый голосъ, отборная ругань.

— Карповъ! Это зачѣмъ двѣ подводы? Безобразіе такое!

— Больные есть, ваше высокоблагородіе!

— Какіе тамъ больные! Врутъ они, мерзавцы! Вотъ этотъ чего на подводу лѣзетъ? Какой онъ, с... с..., больной! Гони прочь!

Инкриминируемый «мерзавецъ» почтительно заявляетъ, что у него есть свидѣтельство отъ доктора, дающее ему право на подводу. Но это только подливаетъ масла въ огонь.

— Молчать! Не разговаривать! Я тебѣ покажу доктора! Карповъ, заковать его въ наручни!

Тотъ же офицеръ зорко слѣдилъ, чтобы арестанты не клали вещей на подводу. 30 фунтовъ полагается въ рукахъ нести— и несчастнымъ приходится съ такой ношей шлепать по грязи нѣсколько верстъ.

Когда партія была выстроена, раздалась команда:

— Конвой, шашки вонъ! Смотри въ оба! Чуть что—руби шашками!

Послѣ такого напутствія, рѣшительно ничѣмъ не вызваннаго, офицеръ сѣлъ на извозчика и отправился куда-нибудь въ клубъ, а партія, оплеванная, поруганная, поплелась по срединѣ улицы, мѣся ногами липкую грязь, въ угрюмомъ молчаніи, затаивъ обиду, ненавидя и проклиная. Слышенъ только безпорядочный топотъ десятковъ ногъ, тяжелое дыханье, да лязгъ ручныхъ кандаловъ.

Кстати, о ручныхъ кандалахъ или наручняхъ.

До новаго курса политическихъ пересыльныхъ никогда не заковывали. Теперь это стало обычнымъ явленіемъ.

Иной конвой куетъ всѣхъ безъ исключенія. Сковываютъ попарно, правую руку одного съ лѣвой рукой другого.

Цѣпь такъ коротка, что если одинъ подниметъ немного руку, сосѣдъ обязательно долженъ сдѣлать то же.

Кольцо, охватывающее руку выше кисти, часто бываетъ слишкомъ тѣсно, натираетъ руку и на морозѣ жжетъ, какъ огнемъ Сковываютъ какъ попало, такъ что, напримѣръ, одинъ литераторъ узналъ въ своемъ товарищѣ по наручнямъ громилу, который въ Кіевѣ, во время октябрскаго погрома, пробилъ ему камнемъ голову.

Опять приходится сдѣлать оговорку: политическимъ все же предоставлена одна привилегія. Женщины, даже каторжанки, освобождены отъ ножныхъ кандаловъ, но каторжанкамъ политическимъ предоставлено право носить ихъ. И если вы въ тюрьмѣ или въ пути увидите женщину въ кандалахъ (зрѣлище, давно у насъ невиданное), знайте, что это политическая преступница.

III.

Арестантская партія разсажена по вагонамъ.

Политическіе сидятъ вперемежку съ уголовными.

До отправки поѣзда жандармы и конвой зорко слѣдятъ, чтобы посторонняя публика держалась на почтительномъ отдаленіи. Пускаются въ ходъ кулаки, шашки, приклады. Станція словно

захвачена послѣ жаркаго боя непріятелемъ,—злобнымъ, ожесточеннымъ, мстительнымъ.

Вотъ ветхая, бѣдно одѣтая старушка, зажавъ въ одной трясущейся рукѣ нѣсколько мѣдяковъ, а въ другой какой-то узелокъ, умоляетъ жандарма пропустить ее къ арестантскому вагону.

— Сынъ у меня тамъ... Трифоновъ, Василій Трифоновъ. Въ Москву гонятъ... окажи божескую милость... Ни чаю у него, ни сахару...

У жандарма не хватаетъ духу грубо прогнать старушку, и онъ спокойно убѣждаетъ ее:

— Проходи, бабушка. Сказано —нельзя!..

Но старушка не отстаетъ и, воспользовавшись моментомъ, когда вниманіе жандарма отвлечено, она ухитряется-таки пробраться за завѣтную черту. Здѣсь на нее наскакиваетъ конвойный солдатъ, изъ ретивыхъ служакъ, съ нашивкой. Разыгрывается омерзительная сцена. Отъ сильнаго толчка въ грудь старушка летитъ на землю, разсыпая мѣдяки и убогое содержимое узелка. Другіе солдаты гогочутъ и изощряютъ свое остроуміе.

— Къ нему такая красотка цѣловаться лѣзетъ, а онъ во какъ ее!..

— Что, бабушка, къ солдатикамъ захотѣлось?

— Держи карманъ! Не по рылу, братъ, намъ съ тобой такая красавица!.. Голыми руками тоже не возьмешь... Все, чай, по генераламъ...

Только у одного солдатика при этой сценѣ что то дрогнуло въ лицѣ. Онъ отвернулся и старался не встрѣчаться со мной глазами: ему явно было стыдно за товарищей.

Наконецъ, поѣздъ трогается. Въ вагонѣ страшная давка. На каждое мѣсто часто приходится два человѣка. Измученные долгой ходьбой и вагонной сутолокой, арестанты начинаютъ устраиваться. То и дѣло слышатся окрики конвойныхъ:

— Сиди по мѣстамъ! Эй, вы тамъ, чего загалдѣли?

— Господинъ старшій, нельзя ли окно немного спустить? Страшная духота.

— Окно? Я тебѣ дамъ окно! Душно ему! Я, братъ, тебя такъ прохлажу, что совсѣмъ застынешь!

Потомъ уже, въ пути, все же удается время отъ времени освѣжить спертый воздухъ черезъ открытое окно. Но вначалѣ даже хорошій конвой лютъ. Это почти общее правило.

Еще на вокзалѣ, передъ отходомъ поѣзда, дѣлается для арестантовъ выписка. Тутъ же выдаются кормовыя, 10 коп. въ сутки (дворянамъ 15 коп.). Кое кто изъ арестантовъ ухитрился скрыть при обыскѣ деньги. Солдаты видятъ, но смотрятъ на это сквозь пальцы. Ихъ совѣсть чиста: обыскъ они производили тщательный. Въ вагонѣ то и дѣло солдатамъ вручаются сравнительно крупныя суммы для покупокъ.

— Ишь, пронесъ таки! И гдѣ вы, анафемы, прячете?

— Да я, г. конвойный, не проносилъ. Гдѣ ужъ отъ васъ утаить? Это я тутъ уже, въ вагонѣ, надѣлалъ. У меня, братъ, фабрика, первый сортъ. Давай для примѣру пятишницу—я тебѣ въ моментъ изъ нея рублевку сдѣлаю.

Поражаешься, какъ старые, опытные арестанты, умѣютъ деньги прятать. Одинъ каторжанинъ хвастливо показывалъ мнѣ въ вагонѣ 300 рублей — и все мелкими ассигнаціями. А вѣдь каторжанъ обыскиваютъ съ сугубой тщательностью.

Впрочемъ, большинству нечего прятать, а у нѣкоторыхъ, благодаря ихъ неопытности, отбираютъ при пріемкѣ деньги, и они всю дорогу должны питаться однѣми кормовыми. А на 10 коп. не разгуляешься. Солдатъ, идущій за покупками, въ лучшемъ случаѣ копѣйку-другую удержитъ себѣ съ гривенника.

Но это бы еще полъ-бѣды. Настоящая бѣда приходитъ тогда, когда конвойные сами держатъ лавочку. Такія лавочки имѣются, напримѣръ, у Виленскаго, Кіевскаго, Конотопскаго и, навѣрное, у многихъ другихъ конвоевъ. Тутъ ужъ тѣмъ, кто не имѣетъ собственныхъ денегъ, приходится буквально голодать. Завѣдуетъ лавкой одинъ какой-нибудь солдатъ, барыши дѣлятся между всѣми конвойными. Закупается все гниль и дрянь, которую всякій лавочникъ радъ сбыть за полъ-цѣны. Процентъ берется божескій— 100, часто 150. Въ вагонѣ происходятъ глубоко-драматическія сцены.

Подходитъ арестантъ и проситъ на 5 коп. хлѣба и на 5 коп. селедку. О чаѣ и сахарѣ и думать нечего.

— Нѣтъ ужъ, давай на всѣ 10 хлѣба,—съ тоской въ голосѣ говоритъ онъ, увидавъ сколько хлѣба ему даютъ на 5 коп.

Но и на весь гривенникъ хлѣба обидно мало (хлѣбъ бѣлый, чернаго въ лавкѣ нѣтъ).

Арестантъ беретъ въ руку хлѣбъ, укоризненно смотритъ на него, взвѣшиваетъ на рукѣ, и медленно, нерѣшительно отходитъ на свое мѣсто, показывая всѣмъ и каждому и долго еще, несмотря на голодъ, не рѣшается ѣсть его, точно не зная, съ какой стороны взяться за него: больно ужъ деликатная штука!

— На весь то гривенничекъ, а?!

— Н-да... тутъ, братъ, не разъѣшься! Животъ не заболитъ...

— А ты брюхо покрѣпче стяни, — много то хлѣба и не съѣшь. Остаточки-то потомъ мнѣ, что научилъ тебя уму-разуму.

— Эстолько хлѣба, а ему все мало! Господи ты Боже мой,— да ежели къ нему фунтика три говядинки, да котлетку жареную, да рыбешку какую ни на есть—въ самый разъ и будетъ. Не видалъ нешто, какъ господа кушаютъ? Хлѣба самую малость съѣдятъ, а такъ налопаются, что изъ за стола встать не могутъ хоть на выносъ... Не умѣешь ты, братъ, по господски жить!

Черезъ минуту въ вагонѣ разыгрывается другая драма. Какой

то старикъ покупаетъ на 3 коп. сахару. Ему даютъ 6 крошечныхъ кусочковъ, по 2 на копѣйку. За фунтъ такимъ образомъ, солдаты выручаютъ 35—40 коп.

Старикъ что-то горячо говоритъ, но отъ волненія его начинаетъ душить кашель, и высказаться ему такъ и не удается. Наконецъ, онъ усаживается на свое мѣсто и долго разсматриваетъ сахаръ, укоризненно качая головой.

— А ты, дѣдушка, не очень-то гляди на него: весь выглядишь. Вишь онъ какой великатный!

— Арестантъ, а туды же, чаи распивать! Кабы я набольшимъ былъ, отдалъ бы приказъ, чтобы арестантамъ чаю—ни Боже мой!.. Дуй одну водку, четвертными бутылками, коли ежели законъ переступилъ, и чувствуй!

Такія, такъ сказать, копѣечныя драмы разыгрываются почти всю дорогу. Безденежные арестанты буквально голодаютъ и смотрятъ жадными, голодными глазами на болѣе счастливыхъ товарищей.

— Хоть бы ужъ до тюрьмы добраться!—вздыхаетъ одинъ изъ алчущихъ.—Тамъ и пайку форменную дадутъ, и баланды похлебаешь.

— Тамъ-то? Ты меня спроси, я эту тюрьму во-какъ знаю,—иронизируетъ другой:—тамъ, братъ, какъ пріѣдешь, сейчасъ это тебя къ начальнику на обѣдъ. Усадятъ это за столъ, дочь начальницкая чарочку поднесетъ! Тутъ тебѣ закуски всякія, шинпанское, ѣшь, молъ, Петръ Иванычъ, пей, насилу тебя дождались.

Первый голодъ утоленъ.

— Господинъ старшій, нельзя ли насчетъ кипяточку. Пить охота, потому селедокъ наѣлись.

Но насчетъ кипятку конвой тугъ.

— Подождешь... Сами напьемся, а на слѣдующей станціи вамъ принесемъ.

«Сами» пьютъ страшно долго, и на этой, и на слѣдующей станціи. А дальше оказывается кипятку нѣтъ или поѣздъ стоитъ слишкомъ мало. Иногда за цѣлый день насилу добьешься кружки холоднаго чаю. Арестанты пьютъ скверную, сырую воду.

— Чаю нельзя, такъ хоть бы водочки,—подшучиваетъ кто-нибудь.—Нельзя ли сдѣлать, г. конвойный, а? Намъ много ли надо? Ведерочко-другое и будетъ.

— Сбѣгай!—отвѣчаетъ ему въ тонъ другой,—а самъ хворъ? Тоже баринъ нашелся! Пить захотѣлось, пошелъ самъ въ буфетъ и принесъ. Солдата посылаетъ! Солдатъ, братъ, слуга царю, а не тебѣ, арестантская морда!

Душно, тѣсно, тоскливо. При старомъ курсѣ газеты въ вагонѣ свободно обращались,—теперь достать ихъ трудно, въ большинствѣ случаевъ невозможно.

Также и на счетъ табаку. Страстные курильщики томятся, поднимаются на всевозможныя хитрости, но только очень рѣдко удается затянуться гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку. Конвойные зорко слѣдятъ, не курятъ ли гдѣ-нибудь. Вотъ какой-то политикъ, спрятавшись за товарищей и нагибаясь чуть не подъ лавку, осторожно попыхиваетъ папиросой. Но часовой замѣтилъ. Кошачьими шагами подкрадывается онъ сзади, съ злораднымъ торжествомъ въ заискрившихся глазахъ, грубо вырываетъ папиросу и, чтобы дать исходъ своему приподнятому настроенію, начинаетъ бить уличеннаго по головѣ.

Долго еще послѣ расправы солдатъ не можетъ успокоиться.

— Я тѣ покурю! По вѣкъ жизни помнить будешь... Арестантюха проклятый!..

Въ вагонѣ водворяется тяжелое молчаніе. Всѣ живо чувствуютъ обиду, но попробуй сказать что-нибудь, и тебѣ влетитъ. Только кое-гдѣ, въ далекихъ углахъ, дѣлается вполголоса «оцѣнка момента».

— Жалко, вишь, ему... Много теряетъ...

— Въ генералы, видно, мѣтитъ...

— Побывалъ бы въ арестантской шкурѣ, узналъ бы, почемъ сотня гребешковъ.

Избитый политикъ молчитъ и какъ будто съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ, отвернувшись, въ окно, только мускулы на лицѣ судорожно подергиваются, въ глазахъ бѣгаютъ искорки да ненатуральное, искусственное покашливаніе свидѣтельствуетъ о душевной бурѣ. У рядомъ сидящаго товарища его лицо напоминаетъ лицо ребенка, который вотъ-вотъ заплачетъ.

IV.

Пріѣхали. Партія выстроена на вокзалѣ для отправки въ новую тюрьму. Долгіе, томительные сборы, переклички, окрики «въ затылокъ!», «принимай ближе!» Опять путешествіе по городу, звонъ кандаловъ и наручней, тяжелое дыханье многоголоваго замученнаго звѣря, топотъ десятковъ ногъ, ожесточенная война конвоя съ арестантами и обывателями.

Наконецъ, передъ партіей открываются тюремныя двери. Опять начинаются назойливые вопросы:

— Какъ зовутъ? По отцѣ? Куда идешь? Казенныя вещи есть?

И опять обыскъ. Впрочемъ, въ тюрьмахъ, за нѣкоторыми исключеніями, обыскъ носитъ довольно поверхностный характеръ: дескать, послѣ такихъ мастеровъ, какъ конвойные, у арестантовъ ничего запретнаго ужъ не найдешь.

Пріемка кончена. Партію отводятъ въ пересыльное отдѣленіе.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, если я на этой части своихъ замѣтокъ остановлюсь нѣсколько дольше: о положеніи пересыльныхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ широкая публика почти ничего не знаетъ.

Пересыльные это—паріи среди паріевъ въ общей арестантской массѣ. Если со срочными или подслѣдственными заключенными, имѣющими въ тюрьмѣ болѣе или менѣе прочную осѣдлость, администрація все же какъ никакъ считается,—то пересыльныхъ вездѣ и всюду держатъ въ черномъ тѣлѣ. Начальство совершенно не интересуется ими и почти никогда не заглядываетъ къ этимъ илотамъ, а низшіе чины надзора всячески издѣваются надъ ними, доходя въ своей власти до кулачной расправы, которая здѣсь составляетъ самое заурядное явленіе.

Пересыльное отдѣленіе при тюрьмѣ, это—нѣчто вродѣ черной пристройки, неизбѣжнаго чулана для всякаго хлама при домѣ. И какъ чуланъ не показываютъ гостямъ и всячески прячутъ отъ посторонняго глаза, такъ и пересыльное отдѣленіе тщательно скрывается отъ разныхъ чиновныхъ и сановныхъ посѣтителей. Даже тюремная инспекція почти никогда не заглядываетъ на этотъ тюремный задворокъ.

— А тамъ у васъ что?

— Это, вашество, пересыльная... Страшно переполнено, вашество,—забѣгаетъ впередъ начальникъ или его помощникъ, на случай, если гость все-же захочетъ заглянуть и въ чуланъ.

— Да, да... Ну, что-жъ подѣлаешь? Они вѣдь тутъ не на долго?

— Такъ точно, вашество: стараемся по возможности скорѣй отправлять.

— А? Это хорошо!.. Э, такъ вотъ... что я хотѣлъ сказать?.. Да, намъ еще у женщинъ надо побывать...

— Какъ прикажете, вашество!

И «вашество» не удостаиваетъ своимъ посѣщеніемъ чулана. А въ чуланѣ десятки людей ждутъ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ: они узнали, что тюрьму осматриваетъ власть имущій гость, и съ трепетомъ готовятся излить передъ нимъ всю накопившуюся горечь и обиды. Арестанты подтягиваются, страшно волнуются и тѣсной гурьбой окружаютъ заранѣе выбраннаго парламентера.

— Ты ему все обскажи, безъ стѣсненія. Онъ, братъ, имъ не спуститъ! Нѣ-ѣтъ, шалишь! Онъ въ К-ской тюрьмѣ такъ распушилъ этихъ гадовъ... Начальникъ въ роты угодилъ...

— Про хлѣбъ-то, про хлѣбъ не забудь! Возьми мою пайку—цѣльная...

— Митька, слышь: какъ за побои разговоръ пойдетъ, ты рубаху-то сыми и покажи, какъ старшой тебя изукрасилъ. Сымай безъ сумлѣнія—ничего не будетъ!..

Но вся тактика и стратегія чающихъ движенія воды арестан-

товъ пропадаетъ втунѣ. Гость не удосужился заглянуть къ нимъ. Къ старымъ обидамъ прибавляется новая, едва-ли не самая жгучая.

V.

Политическихъ пересыльныхъ до новаго курса во всѣхъ тюрьмахъ тщательно изолировали отъ уголовныхъ. Теперь привилегіи уничтожены, перегородки рухнули подъ напоромъ демократическаго режима. Теперь бокъ-о-бокъ въ одной камерѣ, на однѣхъ нарахъ, помѣщаются студентъ и мелкій воришка; чистый, идеалистически настроенный юноша—и сутенеръ, задушившій свою любовницу за скрытую ею «выручку»; редакторъ прогрессивной газеты, клеймившей погромы—и громила, эти погромы устраивавшій; лѣвый депутатъ Государственной Думы и—проворовавшійся сыщикъ.

Тутъ помимо грубо-упрощеннаго пониманія конвойнаго солдата («намъ все единственно: арестантъ и больше ничего!») дѣйствуютъ, конечно, и высшія государственныя соображенія: во первыхъ, унизить своихъ военноплѣнныхъ враговъ, развѣнчать ихъ въ глазахъ общества, свести съ пьедестала; во вторыхъ, политиковъ въ общей кучѣ съ уголовными легче сломить. Не маловажную роль тутъ играетъ и чисто психологическій мотивъ—мелочная, злобная мстительность. Ты, дескать, депутатомъ былъ, съ думской трибуны металъ въ насъ громы и молніи, чуть не въ министры лѣзъ,—такъ вотъ, не угодно-ли въ клоповникъ, съ ворами, громилами и сыщиками!

Въ Московской центральной пересыльной тюрьмѣ я былъ очевидцемъ такой сцены:

Происходитъ пріемка только что прибывшаго этапа. Принимаетъ старшій надзиратель. Черезъ нѣсколько минутъ торопливо подбѣгаетъ одинъ изъ помощниковъ начальника съ бумагой въ рукѣ.

— Здѣсь есть въ партіи бывшій членъ Государственной Думы?—спрашиваетъ онъ.

— Это я,—отзывается одинъ изъ «лучшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей».

— А!.. хорошо... хорошо...

Помощникъ долго мѣряетъ депутата съ головы до ногъ. На его упитанномъ фельдфебельскомъ лицѣ пробѣгаетъ гаденькая, торжествующая усмѣшка, какая бываетъ у людей, собирающихся учинить забавную пакость. Онъ подходитъ къ старшему и что-то шепчетъ ему.

— Въ секретъ? № 73?

— Слушаю-съ!

И несчастный депутатъ, отдѣленный отъ товарищей, одинъ только попадаетъ въ самый ужасный клоповникъ, гдѣ, сбившись плотной кучей, какъ черви въ навозѣ, помѣщаются отбросы даже

арестантскаго міра. Впрочемъ, къ чести этихъ послѣднихъ надо сказать, что они отнеслись къ народному избраннику съ трогательнымъ вниманіемъ и участіемъ, такъ что виды тюремнаго начальства осуществились не въ полной мѣрѣ.

VI.

Останавливаться отдѣльно на описаніи хотя бы каждой изъ главнѣйшихъ тюремъ въ отдѣльности, конечно, нѣтъ возможности. Поэтому я ограничусь небольшими экскурсіями въ нѣсколько наиболѣе типичныхъ «мертвыхъ домовъ», дополняя картину отдѣльными штрихами изъ имѣющагося у меня богатаго матеріала.

Вотъ самая большая въ Россіи спеціально приспособленая для пересыльныхъ—образцовая московская «центральная» тюрьма.

Это—цѣлый городъ, съ десятками корпусовъ и службъ, съ многотысячнымъ арестантскимъ населеніемъ, съ огромнымъ штатомъ чиновъ высшей и низшей администраціи. Въ нее стекаются пересыльные заключенные со всѣхъ угловъ Россіи, «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды», и за годъ ихъ здѣсь проходитъ не одинъ десятокъ тысячъ. Тутъ то мы, казалось бы, вправѣ ожидать нѣкотораго благоустройства: вѣдь это спеціальная, даже центральная пересыльная тюрьма.

Прежде всего, особыя камеры для политическихъ съ зимы 1907 года уничтожены. Арестанты распредѣляются по трактамъ: Ярославскій, Рязанскій, Петербургскій и т. п. Революціонная зараза распредѣлена равномѣрно по всѣмъ камерамъ

Камеры бываютъ двухъ родовъ: «двадцатки» и «сороковки» (на 20 и 40 человѣкъ). Въ первыхъ въ обыкновенное время помѣщается человѣкъ 50, во-вторыхъ—число обитателей доходитъ до 140.

Это было въ декабрѣ 1908 года. Когда я зашелъ въ одну изъ сороковокъ, у меня голова закружилась отъ тяжелаго смрада, страшнаго гама и давки.

Стѣны надъ нарами мнѣ показались выкрашенными подъ мраморъ, но по ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это густо перекрещивающіеся во всѣхъ направленіяхъ кровавые слѣды отъ раздавленныхъ клоповъ. Только теперь я понялъ весь трагическій смыслъ отвѣта коридорнаго надзирателя на мой вопросъ, много-ли тутъ клоповъ:

— Считать не считалъ, а заѣсть человѣка могутъ!

Великій Боже! Я въ жизни не видалъ такой массы клоповъ — и какіе клопы! Жирные, упитанные, до нельзя наглые, — настоящіе кровопійцы! Достаточно сказать, что, несмотря на страшную тѣсноту, ночью нары почти пустовали. Самые неприхотливые, видавшіе виды арестанты, не могутъ улежать на нихъ и устраи-

ваются на полу, черезъ каждые четверть полчаса поливая вокругъ своего ложа воду: пока вода не высохнетъ, они нѣсколько гарантированы хоть отъ «внѣшнихъ враговъ», т. е. отъ клоповъ, которые не успѣли забраться къ нимъ въ постель и платье.

Это въ образцовой-то, центральной пересыльной тюрьмѣ!

Дальше. Параша (огромный десяти-ведерный ушатъ) совершенно открыта. Надо еще принять во вниманіе, что эта посудина стоитъ въ камерѣ круглыя сутки («оправиться» выпускаютъ только 3 раза въ день, до повѣрки).

И въ такой то обстановкѣ пересыльные живутъ недѣлями и даже мѣсяцами: ихъ такая масса, что не хватаетъ ни конвоя, ни вагоновъ, и несчастнымъ подолгу приходится ждать отправки.

Прогулокъ не полагается. Книгъ изъ тюремной библіотеки не выдаютъ, а такъ какъ возить съ собой тоже нельзя, то я предоставляю вамъ судить, какъ чувствуетъ себя интеллигентный человѣкъ часто въ теченіе мѣсяцевъ, которые онъ проводитъ по этапамъ и пересыльнымъ тюрьмамъ. Не полагается даже ложекъ. Деревянная ложка стоитъ копѣйку, а между тѣмъ, когда приносятъ въ обѣдъ баланду, около бачковъ разыгрываются часто настоящія драмы—съ мольбами, проклятьями и кулачной расправой. Только немногіе счастливцы предусмотрительно запасались ложками. Большинству приходится вступать въ сдѣлки со старостой или надзирателями, или же ждать, пока вооруженная ложками партія пообѣдаетъ. А брюхо давно ужъ подводитъ отъ голода и ждать не въ моготу.

Вопросъ о хлѣбѣ едва ли не самый больной вопросъ. На человѣка полагается $2^1/_2$ фунта (по увѣреніямъ надзирателей, только 2), но фактически пайки вѣсятъ 1 фунтъ—$1^1/_4$ фунта и очень рѣдко доходятъ до $1^1/_3$ фунтовъ. А между тѣмъ, хлѣбопеки сдаютъ хлѣбъ правильно по вѣсу. Но тутъ статья особая.

Надо знать, что въ каждой камерѣ имѣется свой староста. Это обыкновенно какой нибудь старый воръ («начальникъ карманной тяги», какъ ихъ въ шутку называютъ), тюремный Иванъ, который знаетъ всю подноготную тюрьмы, такъ какъ онъ ухитряется въ теченіе года нѣсколько разъ пройти черезъ нее. Это его резиденція, которую онъ покидаетъ только на короткое время. Здѣсь онъ дома въ родной стихіи.

Всѣ старосты, уборщики, ламповщики и пр. составляютъ одно акціонерное общество для обиранія арестантовъ. Въ долѣ съ ними состоятъ коридорные надзиратели. Это фактъ, въ которомъ я имѣлъ случай десятки разъ убѣждаться.

И вотъ хлѣбъ-то для этой почтенной компаніи составляетъ самую доходную статью.

За хлѣбомъ для всей камеры ходитъ староста. На коридоръ приносятъ большіе караваи, которые онъ рѣжетъ на пайки. Но вмѣсто 6 пайковъ, напримѣръ, онъ выкраиваетъ изъ каравая

9 и 10. А такъ какъ хлѣба ему нужно нарѣзать на сотню человѣкъ и больше, то онъ и выкроитъ себѣ 3—4 и даже 5 караваевъ въ день.. Этотъ благопріобрѣтенный хлѣбъ онъ потомъ и продаетъ голоднымъ арестантамъ по 5 к. за паекъ. У безденежныхъ онъ беретъ за кусокъ хлѣба положительно послѣднюю рубаху.

Протестовать опасно. Немногіе смѣльчаки дорого платили за одну только попытку протеста. Въ рукахъ тюремной «камарильи» имѣется слишкомъ много средствъ для укрощенія строптивыхъ. Во-первыхъ, «свои средствія»: бьютъ до полусмерти, устраиваютъ всякія пакости, обкрадываютъ до нитки. Во-вторыхъ, стоитъ старостѣ шепнуть пару словъ надзирателямъ—и эти послѣдніе доканаютъ протестанта не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Главный ресcурсъ въ рукахъ надзирателей это—гнать на работу. По тюремному уставу пересыльные не могутъ употребляться ни на какія работы, но соображенія экономіи выше уставовъ. Ежедневно изъ каждой камеры гонятъ 10—20 и больше человѣкъ таскать дрова, очищать отъ снѣга дворъ, помогать на кухнѣ. Все это, конечно, безплатно.

— Эй, ребята,—кричитъ въ дверяхъ надзиратель,—кому охота прогуляться? Древецъ поднести... Выходи 10 человѣкъ!

Но «прогуляться» никому не охота. Собственнымъ хребтомъ узнали, что такое эти прогулки, а главное: «хоть бы корку хлѣба дали за труды, анаѳемы!»

Видя, что охотниковъ нѣтъ, надзиратель входитъ въ камеру и начинаетъ самъ подбирать людей для работы.

Въ число ихъ обязательно изо дня въ день попадаетъ и протестантъ.

— Ну, живо мнѣ! Не разговаривать! Я вамъ, с... с..., побарствую! Ишь, бѣлоручки!

И распаленный собственнымъ краснорѣчіемъ, онъ тутъ же накидывается на протестанта и начинаетъ его бить смертнымъ боемъ,—кулаками, сапогами, тяжелыми ключами.

Не знаю, извѣстно ли высшимъ чинамъ надзора, что въ «образцовой» изо дня въ день широко практикуется кулачная расправа. Бьютъ за то, что неосторожно пронесъ ушатъ и пролилъ немного воды въ коридорѣ, бьютъ за нежеланіе не въ очередь выносить парашу, бьютъ за повѣшенную на окно для сушки рубаху. Бьютъ жестоко, звѣрски, по всякому поводу, часто совсѣмъ безъ причины, по наущенію камерныхъ заправилъ.

Не знаю также, извѣстно ли высшей администраціи, что надзиратели, отъ отдѣленнаго до ключевого, не только пользуются безгрѣшными доходами, состоя пайщиками грабительской компаніи, но и прямо берутъ взятки у заключенныхъ. Происходитъ это такимъ образомъ:

Выписка изъ лавочки по регламенту бываетъ два раза въ недѣлю. Наступаетъ урочный день, котораго заключенные ждутъ съ

нетерпѣніемъ: 5 дней въ недѣлю приходится покупать все у того же старосты, который деретъ втридорога. Но въ установленный день, оказывается, выписки не дѣлаютъ.

— Не до выписки теперь! И безъ нея хоть разорвись!—заявляетъ надзиратель.

— Вотъ тебѣ и на!.. Такъ ужъ завтра, значитъ?

— Нѣтъ, на этой недѣлѣ врядъ ужъ...

Это оффиціальная часть разговора. Опытные люди знаютъ, въ чемъ дѣло, и просятся подъ какимъ-нибудь предлогомъ на коридоръ. Тамъ идетъ ужъ часть неоффиціальная. Въ результатѣ переговоровъ надзиратель соглашается за извѣстную мзду (обыкновенно 30—50 коп.) «частнымъ образомъ» сдѣлать вамъ выписку. Это происходитъ еженедѣльно.

Любопытно, что начальство никогда не поинтересуется, дѣлается ли въ установленные дни выписка, по вѣсу ли раздается хлѣбъ и т. д. Лишь бы только дисциплина поддерживалась—все остальное оставляется на безконтрольное усмотрѣніе низшихъ чиновъ надзора. Бунтовъ нѣтъ,—и начальство не устаетъ рапортовать кому слѣдуетъ, что въ образцовой центральной пересыльной тюрьмѣ все обстоитъ благополучно.

Замѣчу, что разсказанное здѣсь относится къ 1908-1909 г. (декабрь-февраль)

VII.

Если таковы порядки въ сердцѣ Россіи, чуть не на глазахъ у центральной власти, то о глухихъ провинціальныхъ тюрьмахъ и говорить нечего. Возьмемъ для примѣра хотя бы Конотопскую уѣздную тюрьму. Беру именно ее, потому что черезъ нее обязательно проходятъ партіи, идущія изъ Курска, Вильны, Кіева и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, и пересыльнымъ въ ней часто приходится жить недѣлями.

Буду кратокъ.

Для пересыльныхъ отведены 2 небольшихъ камеры, разсчитанныя каждая человѣкъ на 6—8. Помѣщается въ нихъ обыкновенно 40—60 человѣкъ.

На нарахъ и на полу мѣста не хватаетъ, и нѣкоторымъ приходится спать подъ нарами. Вентиляціи никакой. Парашей для 20 съ лишнимъ человѣкъ служитъ дырявое ведро. Я самъ видѣлъ это въ декабрѣ 1908 года. Содержимое параши моментально растекается по полу, подъ спящихъ арестантовъ. Ночью по камерѣ бѣгаютъ крысы. Никакіе протесты не помогаютъ: старшій надзиратель прямо заявилъ, что въ распоряженіи администраціи нѣтъ средствъ для хорошей параши.

Нѣтъ средствъ и для... кипятку для пересыльныхъ. Партія, ко-

торую въ первый же день оба раза обошли кипяткомъ, подняла шумъ. Явился начальникъ и объявилъ буквально слѣдующее:

— На кипятокъ для пересыльныхъ средствъ не отпускается, а если онъ иногда дается, то это дѣлается на экономическія (?) суммы. Шумомъ партія добьется только примѣненія репрессивныхъ мѣръ, а если она будетъ вести себя тихо, то онъ прикажетъ дать кипятокъ.

Черезъ часъ, дѣйствительно, принесли въ свѣже-выкрашенномъ изнутри ведрѣ немного теплой, пропахшей краской водицы. Пить ее никто не сталъ.

Вотъ до чего доходитъ пресловутая «экономія въ расходованіи государственныхъ суммъ». Эта экономія и многія другія высшія государственныя соображенія уподобляютъ пересыльныя тюрьмы трюмамъ невольничьихъ кораблей добраго стараго времени. Про невольничій корабль кто-то сказалъ, что нигдѣ въ мірѣ на такой небольшой площади нельзя встрѣтить столько ужаса и страданій. Эти слова безъ всякой натяжки можно примѣнить и къ нашимъ пересыльнымъ тюрьмамъ.

Чтобъ это утвержденіе не казалось черезчуръ поспѣшнымъ, я позволю себѣ прибавить къ нарисованной уже картинѣ еще нѣсколько бѣглыхъ штриховъ.

А вотъ пересыльная тюрьма въ большомъ южномъ городѣ (кіевская). Тюрьма эта пользуется среди арестантовъ ужасной репутаціей На человѣка, проведшаго въ ней недѣлю, смотрятъ, какъ на мученика. Не то чуланъ, не то подвалъ, во всякомъ случаѣ, нежилое помѣщеніе. Наръ нѣтъ (о сѣнникахъ и говорить нечего: ихъ ни въ одной пересыльной не даютъ). Тѣснота такая, что ночью лежать нѣтъ возможности: приходится спать въ сидячемъ положеніи, скорчившись и уткнувшись лицомъ въ колѣни. Параша по ночамъ, за тѣснотой, буквально облѣплена тѣлами спящихъ. Содержимое ея часто переливается черезъ край: ночью очень трудно добиться, чтобы надзиратели отперли дверь для опорожненія параши. Тучи паразитовъ.

Пересылка, о которой идетъ рѣчь, извѣстна среди арестантовъ подъ именемъ «грабиловки». Старые воры здѣсь прекрасно организованы и при явномъ попустительствѣ надзирателей, до нитки обираютъ новичковъ. Снимаютъ пальто, костюмъ, сапоги, взамѣнъ чего даютъ рвань и дрянь. Сколько бы вы ни кричали, надзиратели держатся нейтралитета... Грабежъ идетъ среди бѣла дня. Ночью, главнымъ образомъ, ищутъ денегъ. Обыкновенно дѣлается такъ: около полуночи кто-нибудь изъ шайки заявляетъ, что у него украли, скажемъ, ножикъ. «Надо произвести обыскъ», кричатъ его соучастники. И начинается обыскъ. Грубо расталкиваютъ спящихъ, шарятъ по карманамъ, ощупываютъ швы, гдѣ арестанты часто зашиваютъ деньги. Ножика, конечно, не находятъ, потому что его

никто и не кралъ, но теперь шайка уже нащупала, гдѣ у него деньги: къ утру деньги пропадаютъ.

Если потерпѣвшій подниметъ изъ-за украденныхъ денегъ «шухеръ» (шумъ), его до полусмерти изобьютъ на глазахъ наблюдателей. Еще одна характерная мелочь: хлѣбъ дается на всю камеру неразрѣзанными, цѣлыми караваями, а такъ какъ ножей арестантамъ не полагается, то и приходится при дѣлежѣ хлѣба прибѣгать къ гвоздямъ, щепкамъ и т. п. орудіямъ.

VIII.

Я бы могъ привести еще десятки фактовъ изъ другихъ пересыльныхъ тюремъ, но боюсь, что мнѣ придется повторяться. Съ небольшими варіаціями вездѣ и всюду все то же. Тѣснота, грязь, паразиты. Плохо прикрытыя или совсѣмъ не прикрытыя параши. Отсутствіе самыхъ элементарныхъ удобствъ, какія имѣются даже въ самой низкопробной ночлежкѣ; о столахъ, лавкахъ или скамейкахъ и говорить нечего, даже нары не вездѣ имѣются: четыре стѣны и покрытый липкой грязью полъ. Пища недостаточная и въ огромномъ большинствѣ случаевъ скверная (пріятное исключеніе составляетъ Ярославская тюрьма, гдѣ пища безусловно хороша, здорова и чисто приготовляется. Въ отношеніи помѣщенія и режима Ярославская пересыльная не лучше другихъ).

Медицинской помощи почти невозможно добиться. Я почти не знаю случаевъ, чтобы тюремный врачъ когда-нибудь самолично заглянулъ къ пересыльнымъ, даже если есть серьезные больные: дескать, пускай ужъ они лѣчатся гдѣ-нибудь въ другихъ тюрьмахъ—здѣсь и со своими арестантами достаточно возни. Заглянетъ, когда ужъ настойчиво потребуютъ, фельдшеръ, запишетъ что-то и этимъ дѣло кончается. Случается, что конвой отказывается брать какого-нибудь арестанта изъ опасенія, чтобы онъ не умеръ по дорогѣ, между тѣмъ какъ въ пересыльной онъ все время пролежалъ безъ медицинской помощи. Администрація тюремная въ такихъ случаяхъ всячески старается сбыть больного съ рукъ.

Режимъ драконовскій. По отношенію къ пересыльнымъ все дозволено: съ этими, дескать, церемониться нечего. И надъ ними тюремная администрація тѣшится всласть, «отыгрывается», на нихъ, какъ выражаются арестанты: осѣдлые, такъ сказать, обитатели тюрьмы могутъ и отпоръ дать, а пересыльные безотвѣтны. И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ они сдѣлать?

Контингентъ ихъ ежедневно мѣняется, одни приходятъ, другіе уходятъ. О какихъ-либо общихъ протестахъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что каждый изъ пересыльныхъ надѣется не сегодня-завтра уйти отъ этого «прижима».

— А ну ихъ... Потерпѣть ужъ... недолго.. А то еще, пожалуй, отъ этапа отставятъ...

«Отъ этапа отставятъ», это—страшная угроза, которая укрощаетъ самаго строптиваго арестанта. Онъ знаетъ, что въ другихъ тюрьмахъ не лучше, можетъ быть и хуже, но все же онъ страстно ждетъ вожделѣнной минуты, когда его вызовутъ на этапъ.

Начальство понимаетъ психологію пересыльныхъ и при всякомъ случаѣ пускаетъ въ ходъ эту угрозу.

— Я тебя, такой-сякой, отъ этапа отставлю и засажу на недѣлю въ карцеръ стѣны сушить. Сгніешь тамъ у меня, сволочь поганая!

И за минуту передъ тѣмъ взбѣшенный арестантъ, готовый лѣзть на рожонъ, чтобъ добиться какого-нибудь до смѣшного элементарнаго права, сразу присмирѣетъ и изъ льва рыкающаго превратится въ смирную овечку. Тогда изъ него хоть веревки вей.

Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется поистинѣ аракчеевская дисциплина, которую можно наблюдать въ любой пересыльной. Поднимаютъ еще задолго до повѣрки, часовъ въ 5. Невыспавшіеся, зябнущіе арестанты, выстраиваются шеренгами, по два въ затылокъ. Проходитъ четверть, часто полчаса. Является младшій надзиратель и дѣлаетъ повѣрку на черно. Ряды выравниваются грубыми пинками, часто зуботычинами. Проходитъ еще томительныхъ 15—30 минутъ, въ теченіе которыхъ арестанты не имѣютъ права выйти изъ рядовъ; наконецъ, по коридорамъ раздается нечеловѣческій крикъ: «Смирно!» и начинается ужъ повѣрка на бѣло, обыкновенно со старшимъ надзирателемъ во главѣ. Та-же процедура происходитъ и вечеромъ, съ той только разницей, что теперь повѣряетъ уже настоящее начальство, и потому несчастнымъ арестантамъ еще хуже приходится. Рѣдкая вечерняя повѣрка проходитъ безъ инцидентовъ—съ площадной бранью, часто побоями.

— А, въ университетѣ учился!—накидывается какой-нибудь бурбонъ, изъ молодыхъ да ранній, на студента или просто интеллигентнаго по внѣшности человѣка, который погрѣшилъ чѣмъ-нибудь противъ солдатской муштры:—тутъ, голубчикъ, не университетъ, а тюрьма! Тутъ есть только арестанты и начальство, а передъ начальствомъ надо стоять вѣжливо. Фанаберіи всякія надо оставить, не то и въ карцеръ недолго попасть.

Насколько съ пересыльными не церемонятся, свидѣтельствуетъ то, что идіотовъ, уродовъ, людей съ неизлѣчимыми, отвратительными язвами на лицѣ, держатъ часто въ пересыльныхъ отдѣленіяхъ, даже если они высидные или послѣдственные; никакія другія камеры не соглашаются ихъ держать. Осенью 1908 года въ Минской, напримѣръ, пересыльной, содержалось двое такихъ несчастныхъ. Какъ ни мало брезглива арестантская масса, но и она безъ гадливости не могла на нихъ смотрѣть и загоняла ихъ подъ нары. Подъ грязными нарами они проводили круглыя сутки, дни

и ночи; туда имъ, какъ прокаженнымъ, подавали хлѣбъ, баланду и воду. При всякой попыткѣ ихъ выбраться хоть на минутку на свѣтъ Божій, поднимался ураганъ угрозъ и негодующихъ криковъ,— и несчастнымъ волей неволей приходилось лѣзть назадъ, въ свое темное и грязное логово, гдѣ они гнили заживо. Одинъ изъ нихъ, идіотъ, который могъ издавать только нечленораздѣльные звуки, сидѣлъ уже четвертый мѣсяцъ: гдѣ то наводились справки для установленія его личности. Другой, кишѣвшій паразитами нищій, съ лицомъ кретина, отсиживалъ 3 мѣсяца за какое то нелѣпое преступленіе.

IX.

Такова обстановка пересыльныхъ тюремъ. Въ такой обстановкѣ приходится проводить часто не одинъ мѣсяцъ. Человѣкъ, которому предстоитъ далекій путь, въ Сибирь или на крайній сѣверъ Европейской Россіи, нерѣдко проводитъ въ этихъ ужасныхъ условіяхъ 2—3 мѣсяца. Часто вы по нѣсколько недѣль тщетно ждете отправки. Тюрьмы переполнены, арестантскіе вагоны биткомъ набиты, къ конвойнымъ, которыхъ не хватаетъ, то и дѣло прикомандировываются нижніе чины изъ другихъ войсковыхъ частей,—но все же нѣтъ возможности справиться съ небывалымъ наплывомъ арестантовъ; слишкомъ ужъ лихорадочную активность проявляютъ полиція и охранители всѣхъ ранговъ въ дѣлѣ изъятія «вредныхъ» элементовъ. Перепроизводство и въ этой области сильно сказывается: не хватаетъ «рабочихъ рукъ», т. е. тюремщиковъ и конвоировъ; не хватаетъ воздуха и свѣта, не хватаетъ перевозочныхъ средствъ для десятковъ тысячъ фабрикуемыхъ полиціей преступниковъ—и этотъ живой товаръ залеживается, чуть не заживо гніетъ въ зловонныхъ клоповникахъ.—Торопиться некуда!

Нигдѣ такъ дешево не цѣнится время, какъ въ Россіи—почти такъ же дешево, какъ и люди. Не бѣда, если арестантъ, безъ всякой необходимости, задержится въ тюрьмѣ лишнюю недѣлю или мѣсяцъ: когда горитъ домъ, когда дѣло идетъ о спасеніи Россіи отъ гибели, сантиментальничать не приходится и на мелочи нечего обращать вниманіе.

И—«стонетъ онъ по тюрьмамъ и острогамъ». Стонетъ сѣрый, безотвѣтный бродяга, чуть не всю жизнь проводящій по тюрьмамъ и этапамъ; стонетъ страстотерпецъ «аграрникъ», которому не помогаетъ даже его изумительное, чисто-мужицкое терпѣнье; стонетъ изголодавшійся, измученный еще до тюрьмы рабочій, поплатившійся за «свободу стачекъ»; стонутъ литераторы, студенты, земскіе служащіе, ех-депутаты и т. п. «соль земли русской», культурные люди, все преступленіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они вообразили себя гражданами. А за этой пестрой, безконечно-разнообразной.

массой стоятъ сотни тысячъ, близкихъ, родныхъ, любящихъ и любимыхъ.

И льются рѣки слезъ надъ родиной моей,
И съ каждымъ днемъ растетъ безвыходное горе,—
Огромное, какъ міръ, бездонное, какъ море,
Безбрежное, какъ ширь родныхъ моихъ степей...

То спасители государства тушатъ пожаръ; то разбивается вдребезги усердными пожарными несчетное количество стеколъ. Правда, огня давно уже нѣтъ, остались только дымъ и гарь, но увлекшіеся тушители все еще не могутъ спокойно видѣть цѣлаго стекла... И тысячами, изо дня въ день, разбиваются у насъ вдребезги стекла—человѣческія жизни...

Н. Тасинъ.

БРАТСТВО.

Романъ. *Джона Гэльуорси.*

Перев. съ англійскаго **Э. К. Пименовой.**

VI.

Первое паломничество въ Собачью улицу.

Гилэри, вмѣстѣ со своею маленькою собачкой, вошелъ въ Собачью улицу. Рядъ сѣрыхъ, трехъэтажныхъ домовъ, построенныхъ въ одномъ стилѣ, тянулся по обѣимъ ея сторонамъ. Почти всѣ двери были раскрыты настежь, и на порогѣ сидѣли дѣвочки съ младенцами на рукахъ. Онѣ сидѣли, апатично глядя на улицу. Лишь изрѣдка безмолвіе нарушалось звукомъ шлепка или крикомъ ребенка. Но въ дорожныхъ канавкахъ была замѣтна жизнь. Тамъ играли другія дѣти, всѣ грязныя и почти всѣ босыя. Ихъ звонкіе голоса и быстрыя движенія вызывали въ душѣ Гилэри странное чувство. Ему казалось въ эту минуту, что „каста", къ которой онъ принадлежалъ, заставляла ихъ жить, слѣдуя правилу: „Сегодня мы живемъ, а завтра, — если оно для насъ наступитъ,—будетъ тоже, что сегодня!"

Онъ безсознательно шелъ по серединѣ улицы, точно не желая соприкасаться съ ея населеніемъ, и даже Миранда, прижимавшаяся къ его ногамъ, какъ будто хотѣла сказать: „Я не позволю здѣшнимъ собакамъ подходить ко мнѣ!"

Но собакъ не было на улицѣ, за то было много кошекъ. и всѣ онѣ были необыкновенно тощи.

Въ открытыя окна верхнихъ этажей Гилэри видѣлъ бѣдно одѣтыхъ женщинъ, занятыхъ домашними работами. Изрѣдка онѣ подходили къ окнамъ и заглядывали на улицу. Гилэри дошелъ до самаго конца улицы, гдѣ стѣна преградила ему дорогу. Тогда онъ повернулъ обратно и прошелъ опять всю улицу. Игравшія дѣти равнодушно смотрѣли на его высокую фигуру, какъ будто сознавая, что онъ былъ не изъ тѣхъ людей, для которыхъ не существуетъ завтрашняго дня.

Домъ номеръ первый, примыкавшій къ саду, былъ луч-

шимъ домомъ на этой улицѣ. Но входная дверь была тоже открыта и потому Гилэри, не прикасаясь къ веревкѣ звонка, прямо вошелъ въ коридоръ.

Воздухъ, пропитанный запахомъ селедки, мокраго бѣлья и сырыхъ стѣнъ, пахнулъ ему въ лицо. Потомъ онъ замѣтилъ, что Миранда смотритъ на маленькую кошку песочнаго цвѣта, сердито выгнувшую спину и заграждавшую входъ. Онъ долженъ былъ прогнать кошку, чтобы войти. Въ дверяхъ какой-то комнаты онъ увидалъ женщину низенькаго роста. Она стояла, держась рукой за дверной косякъ, такъ какъ нога у нея была парализована.

— Я не думаю, чтобы тамъ, наверху, вы нашли кого-нибудь,—сказала она, смотря на Гилэри своими кроткими, терпѣливыми сѣрыми глазами, съ черными рѣсницами.—Я бы пошла позвать, но у меня нога парализована.

— Я вижу,—отвѣчалъ Гилэри.—Мнѣ очень жаль...

— Пять лѣтъ уже я калѣка!..

Женщина вздохнула и, съ трудомъ передвигаясь, вернулась въ свою комнату.

— Скажите, развѣ нельзя ничего сдѣлать? — спросилъ Гилэри.

— Прежде я думала, что можно. Но, говорятъ, у меня кость поражена. Я запустила болѣзнь съ самаго начала...

— Отчего же?

— Не было времени заниматься этимъ!

Женщина проговорила это тономъ, не допускающимъ возраженій. Она вернулась въ свою комнату, до такой степени переполненную разными предметами, фарфоровыми чашками, фотографіями, олеографіями, восковыми цвѣтами и другими украшеніями, что, казалось, тамъ уже почти не оставалось мѣста для громадной кровати.

Пожелавъ ей добраго утра, Гилэри поднялся по лѣстницѣ. У дверей онъ остановился. Тамъ, въ задней комнатѣ, жила маленькая натурщица.

Онъ осмотрѣлся кругомъ. Обои на стѣнахъ были грязнаго оранжеваго цвѣта, шторы на окнахъ изорваны, но всего ужаснѣе былъ запахъ селедки, мокраго бѣлья и стѣнъ, который преслѣдовалъ его и здѣсь. Онъ чувствовалъ дурноту, и въ его душѣ поднималось возмущеніе. Жить здѣсь и каждый день несчетное число разъ проходить по этимъ грязнымъ ступенямъ, мимо этихъ грязныхъ, сырыхъ стѣнъ, дышать этимъ ужаснымъ воздухомъ! Чувство обонянія, культивированное вѣками, первое возмутилось въ немъ, и хотя онъ зналъ, что составъ его крови совершенно такой же, какъ и у обитателей этого дома, но онъ впервые ощутилъ такую непреодолимую потребность чистоты, свѣжаго воздуха и

привычнаго нѣжнаго аромата, составляющаго неотъемлемую принадлежность эстетическихъ условій жизни. И, когда онъ стоялъ съ нахмуреннымъ видомъ у дверей, ему живо представился деликатный носикъ его племянницы Тиме, посѣтившей этотъ домъ и разсказывавшей объ этомъ...

Когда въ дверяхъ появилась его тонкая, высокая фигура, то никто не увидалъ его, кромѣ ребенка, сидѣвшаго въ деревянномъ ящикѣ, посрединѣ комнаты. Ребенокъ былъ похожъ на глиняный комъ, который природа, по странному капризу, снабдила удивительно подвижными и блестящими черными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ женскую кофту, закрывавшую его руки и ноги, такъ что была видна только голова. Посредствомъ этой кофты, закутывавшей его, и ящика, въ которомъ онъ сидѣлъ, онъ былъ совершенно изолированъ въ своемъ царствѣ и ничего не дѣлалъ. Въ комнатѣ стояла потускнѣвшая отъ времени кровать, два стула, умывальный столикъ, со сломанной ножкой, платья и другія части одежды висѣли на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну, а на простомъ деревянномъ столѣ стояла швейная машина. Надъ кроватью висѣла олеографія, рождественская премія къ какому-то журналу, изображающая Рождество Христово. и надъ нею ружье, подъ которымъ былъ приколотъ къ стѣнѣ клочокъ бумаги, съ безграмотною надписью владѣльца. Нѣсколько фотографій украшали стѣны, а на окнѣ стояли два горшка съ чахлыми растеніями. Комната производила опрятное впечатлѣніе, но воздухъ въ ней былъ пропитанъ тѣмъ же ужаснымъ запахомъ. который наполнялъ весь домъ.

Гилэри смотрѣлъ на ребенка, ребенокъ смотрѣлъ на него. Его блестящіе черные глазки, казалось, спрашивали Гилэри, зачѣмъ онъ пришелъ сюда?

Глубокая жалость наполнила его душу, когда онъ ласково прикоснулся къ щечкѣ ребенка, продолжавшаго смотрѣть на него вопросительными глазами. Ему стало не по себѣ, и онъ поспѣшилъ выйти изъ комнаты. Проходя мимо дверей маленькой натурщицы, онъ постучалъ, но никто не отвѣтилъ ему. Гилэри тихонько пріотворилъ дверь. Маленькая комната была пуста. Она была оклеена свѣжими, свѣтлыми обоями съ яркими цвѣтами и выглядѣла довольно уютно. Въ окно виднѣлось грушевое дерево въ полномъ цвѣту.

Гилэри поскорѣе захлопнулъ дверь, стыдясь, что онъ открывалъ ее.

Вдругъ онъ увидѣлъ на поворотѣ лѣстницы человѣка средняго роста и крѣпко сложеннаго, который смотрѣлъ на него такими же вопросительными глазами, какими смотрѣлъ на него ребенокъ. Этотъ человѣкъ, смуглый и скуластый,

съ короткими черными волосами и усами, былъ одѣтъ въ обычный костюмъ метельщика улицы: широкую синюю блузу и шаровары, засунутыя въ сапоги. Въ рукахъ у него была остроконечная шапочка.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ взаимнаго осматриванія, Гилэри обратился къ нему съ вопросомъ:

— Мистеръ Хюггсъ, кажется?

— Да.

— Мнѣ надо было видѣть вашу жену.

— Мою жену?

— Вы меня знаете... вѣроятно?

— Да, я знаю васъ.

— Къ сожалѣнію, я не засталъ никого дома, кромѣ вашего ребенка.

Хюггсъ сдѣлалъ движеніе рукой по направленію комнаты маленькой натурщицы и сказалъ:

— Я думалъ, что вы пришли къ ней.—Его черные глаза сверкнули при этомъ, и въ выраженіи его лица сказалось нѣчто большее, нежели простая классовая вражда.

Слегка покраснѣвъ, но смѣло взглянувъ ему въ глаза Гилэри спустился по лѣстницѣ, не удостоивъ его отвѣтомъ. Но собачка не послѣдовала за нимъ почему-то. Она остановилась на верхней ступенькѣ, поднявъ одну лапку, точно въ нерѣшительности. Хюггсъ засмѣялся, оскаливъ зубы:

— Я никогда не тронулъ пальцемъ ни одного безсловеснаго животнаго!—сказалъ онъ и поманилъ собаченку, Миранда быстро сбѣжала внизъ, избѣгая прикосновенія къ нему.

— Онъ считаетъ наглымъ мой поступокъ,—подумалъ Гилэри, идя по улицѣ быстрыми шагами.

— Вестминстерскую газету, сэръ?.. О, Господи!..

Гилэри увидѣлъ худую, дрожащую руку, протягивающую ему газетный номеръ.

— Какой ужасно холодный вѣтеръ для этого времени года,—продолжалъ тотъ же голосъ.

Какой то очень пожилой человѣкъ въ стальныхъ очкахъ съ совершенно безкровнымъ лицомъ смотрѣлъ на него.

— Мнѣ знакомо ваше лицо,—сказалъ Гилэри.

— О да, сэръ! Вы заходите иногда въ табачную лавочку, гдѣ я стою. Я часто видѣлъ васъ. Иногда вы покупаете „Pall Mall Gazette“ вотъ у этого молодчика...—Онъ кивнулъ головой къ сторону болѣе молодого продавца, стоящаго съ пачкой газетъ въ рукахъ. Въ этомъ жестѣ сказалась вся накопившаяся вътеченіе столькихъ лѣтъ въ его душѣ досада, зависть и чувство обиды. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать этимъ: „это моя газета по праву человѣка. А вотъ этотъ

парень изъ низшаго класса отнялъ у меня это право и доходъ, продавая эту газету.

— Я продаю здѣсь Вестминстерскую газету, — продолжалъ онъ громко.—Я читаю ее по воскресеньямъ. Это джентльмэнская газета, газета высшихъ классовъ, несмотря на ея политическіе взгляды. Но...—Онъ понизилъ голосъ, точно избирая Гилэри своимъ повѣреннымъ.—Когда этотъ парень началъ продавать здѣсь „Pall Mall", то джентльмэны стали покупать ее, а сюда вообще они рѣдко заходятъ; поэтому я и говорю, что онъ переманилъ ихъ у меня.

Гилэри, остановившійся изъ вѣжливости возлѣ говорливаго старика, вдругъ что то вспомнилъ:

— Вы живете въ Собачьей улицѣ?—спросилъ онъ.

— Да, сэръ,—поспѣшилъ отвѣтить старикъ.—Въ номерѣ первомъ, моя фамилія Кридъ. А вы не тотъ ли самый джентльмэнъ, въ домъ котораго ходитъ эта молоденькая дѣвушка, чтобы переписывать какую то книгу?

— Это не мою книгу она переписываетъ.

— Я знаю, это книга стараго джентльмэна. И его я знаю. Онъ приходилъ сюда... навѣстилъ меня. Онъ пришелъ въ одно воскресенье утромъ. „Вотъ вамъ фунтъ табаку!" сказалъ онъ и спросилъ: „Говорятъ, вы служили буфетчикомъ?.. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ никакихъ слугъ больше не будетъ!" И съ этими словами онъ ушелъ... Боже мой! У него, кажется, тутъ не все ладно...—И старикъ приложилъ ко лбу свой худой, желтый палецъ.

— Въ томъ же домѣ, гдѣ и вы, живетъ, кажется, семья по фамиліи Хюггсъ?—спросилъ Гилэри.

— Я нанимаю у нихъ комнату. Вчера приходила сюда какая то леди и спрашивала про нихъ. Это не ваша жена, сэръ?

Говоря это, онъ остановилъ свой взоръ на мягкой фетровой шляпѣ Гилэри, точно думалъ при этомъ: „Я знаю, что вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые живутъ въ лучшихъ домахъ. Вы тамъ помѣщаетесь, потому что вы учились, получили хорошее воспитаніе и имѣете манеры джентльмэна..."

— Я думаю, что это была сестра моей жены,—отвѣтилъ Гилэри.

— Такъ! Такъ!.. Эта леди часто покупаетъ у меня газету. Это настоящая леди, — прибавивъ онъ конфиденціальнымъ голосомъ,—вы понимаете меня? Не изъ тѣхъ, которыя покупаютъ свои костюмы въ универсальныхъ магазинахъ... О, я ее прекрасно знаю!

— Старый джентльмэнъ, посѣтившій васъ, ея отецъ.

— Да?.. Боже мой!—Кридъ замолчалъ, очевидно смущенный.

— Скажите... какъ этотъ Хюггсъ обращается съ молоденькой дѣвушкой, живущей у него?—спросилъ Гилэри нѣсколько нерѣшительнымъ тономъ.

— Она слушается моего совѣта и никогда ничего не говоритъ ему,—отвѣчалъ угрюмо старикъ.—Какой странный человѣкъ! Совсѣмъ непохожъ на здѣшнихъ людей. Откуда онъ взялся, не знаю.

— Солдатъ, вѣроятно?

— Да, говоритъ... Но когда онъ напивается, то забываетъ все. Для него тогда уже нѣтъ ничего святого на свѣтѣ. Онъ ругаетъ дворянство, церковь и всѣ государственныя учрежденія. Я никогда не видалъ такихъ солдатъ! Онъ совсѣмъ чужестранецъ здѣсь...

— Что вы думаете о населеніи вашей улицы?

— Я держусь отдѣльно. Это—низкій классъ людей, очень низкій, безъ всякаго чувства собственнаго достоинства.

— А!—воскликнулъ Гилэри.

— Вотъ эти маленькіе домики. Они всѣ находятся въ рукахъ мелкихъ людишекъ, заботящихся только о томъ, чтобы выручить съ нихъ свою ренту. Другого они ничего не могутъ дѣлать, ничѣмъ не могутъ помочь себѣ... Говорятъ, что такихъ домовъ въ Лондонѣ тысячи. Толкуютъ о томъ, что ихъ надо снести, но откуда взять деньги на это? Вѣдь эти мелкіе людишки, платящіе здѣсь ренту, ничего не имѣютъ, а крупные землевладѣльцы, лэндлорды... развѣ вы можете требовать отъ нихъ, чтобы они знали, что дѣлается у нихъ за спиной? Вѣдь это только такіе невѣжественные бездѣльники, какъ этотъ Хюггсъ, могутъ распространяться объ обязанностяхъ лэндлордовъ! Но истинные аристократы не станутъ заниматься такими вещами. Они живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и больше ничего. Я-то знаю ихъ, потому что жилъ у нихъ.

— Вамъ трудно, вѣроятно, стоять здѣсь цѣлый день послѣ той жизни, которую вы вели прежде?—спросилъ съ участіемъ Гилэри.

— Я не долженъ жаловаться. Для меня это было спасеніемъ. Въ дурную погоду мнѣ позволяютъ стоять тамъ, подъ арками. Меня знаютъ, какъ почтеннаго человѣка, никогда не позволили бы этого ему,—онъ кивнулъ въ сторону своего соперника,—или вонъ тѣмъ мальчикамъ, которые мѣшаютъ движенію.

— Я бы хотѣлъ спросить васъ, мистеръ Кридъ, можно ли что нибудь сдѣлать для мистриссъ Хюггсъ?

На лицѣ старика появилось мстительное выраженіе.

— Если вѣрить тому, что она разсказываетъ!.. Я бы на ея мѣстѣ — потащилъ его въ судъ и заставилъ дать

разводъ... Она не должна была бы жить съ нимъ, нѣтъ! По моему, его надо засадить въ тюрьму. Съ такимъ сортомъ людей церемониться нечего! Онъ оскорбилъ меня сегодня утромъ.

— Тюрьма плохое лѣкарство!—прошепталъ Гилэри.

Старикъ отвѣчалъ упрямо:

— Съ такими низкими мошенниками нельзя иначе. Ихъ надо держать подъ замкомъ!

Гилэри только что собрался отвѣчать ему, какъ увидѣлъ, что Кридъ побѣжалъ отъ него на встрѣчу какой то фуры, изъ которой ему выбросили пачку второго изданія номеровъ Вестминстерской газеты.

— Во всякомъ случаѣ, они ужъ знаютъ, чего хотятъ,—подумалъ Гилэри, пускаясь въ обратный путь.

VII.

Мысли Сесиліи.

Сесилія Даллисонъ сидѣла утромъ въ своей комнатѣ, передъ дубовымъ бюро, на которомъ были разложены бумаги, записныя книжки и карточки съ различными помѣтками, названіями театровъ, картинныхъ галлерей и концертныхъ собраній. Наморщивъ лобъ, точно стараясь собрать мысли, Сесилія просматривала маленькія тетрадки, куда она записывала все, что ей нужно было помнить. Обыкновенно каждое утро она посвящала этой работѣ, и только благодаря такой системѣ записыванія она никогда не отставала отъ общественныхъ событій. Ей нужно было позаботиться о томъ, чтобы не только она сама, но и ея мужъ, и дочь всегда принимали участіе во всѣхъ выдающихся фактахъ общественной жизни. Но боязнь пропустить что нибудь или быть не въ мѣру захваченной какимъ-нибудь соціальнымъ движеніемъ, не давала ей покоя и причиняла головную боль по утрамъ, когда она просматривала свои записи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ многое интересовало ее и возбуждало симпатіи ея и Стефана, что она не знала, какъ съ этимъ справиться, и подчасъ даже завидовала Біанкѣ, полное одиночество которой въ домашней жизни она угадывала какимъ то инстинктомъ. Впрочемъ, такія чувства не часто смущали ее, такъ какъ она была во всѣхъ отношеніяхъ примѣрной супругой, и забота объ удобствахъ Стефана занимала у нея первое мѣсто. Получая съ утренней почтой множество писемъ, повѣстокъ и объявленій, она должна была сообразить, на какое собраніе ей слѣдовало идти непремѣнно,

какія она можетъ не посѣщать, безъ ущерба для своей общественной дѣятельности. Она должна была особенно тщательно взвѣшивать всѣ обстоятельства, если дѣло касалось Стефана и ея дочери.

Въ это утро ей нужно было рѣшить вопросъ о томъ, какіе концерты она должна будетъ пропустить. Затѣмъ надо уплатить членскій взносъ въ „Лигу противъ употребленія молока въ жестяной посудѣ“ и отвѣтить согласіемъ на приглашеніе наблюдать паденіе человѣка съ воздушнаго шара. Исполнивъ всѣ эти обязательныя дѣла, она задумалась на минуту и, взявъ перо, написала еще слѣдующую записку:

„Мистриссъ Стефанъ Даллисонъ проситъ сегодня же прислать ей выбранное ею платье, не дѣлая въ нихъ никакихъ измѣненій“.

Она рѣшила немедленно отослать эту записку въ магазины Разе и Торнъ, Гайстритъ, Кенсингтонъ, думая при этомъ: „Вотъ то обрадуется бѣдняжка мистриссъ Хюггсъ! Я думаю, она сдѣлаетъ это не хуже, чѣмъ сдѣлали бы въ магазинѣ“...

— Отправьтесь, пожалуйста, къ мистриссъ Хюггсъ и передайте ей, что я жду ее,—сказала она лакею, явившемуся на ея звонокъ, но увидала въ дверяхъ швею, которая пришла сама, безъ зова.

Швея спокойно стояла, опустивъ огрубѣвшія отъ работы руки, и въ ея большихъ карихъ глазахъ выражалось безграничное терпѣніе и покорность. Она всегда представлялась Сесиліи какой то загадкой и возбуждала въ ея душѣ непонятное ей самой чувство раздраженіи, какъ будто Сесилія сознавала, что не будь въ ея жизни случайно сложившихся благопріятныхъ обстоятельствъ, то и она была бы похожа на эту швею. Но Сесилія считала себя обязанной выказывать швеѣ сочувствіе и такъ старалась доказать ей, что между ними не существуетъ никакой соціальной перегородки, что даже голосъ ея принималъ какой-то особенный мурлыкающій оттѣнокъ, когда она разговаривала съ мистриссъ Хюггсъ.

— Вы кончаете занавѣски, мистриссъ Хюггсъ?—спросила Сесилія.

— Да, сударыня. Благодарю васъ, сударыня,—отвѣтила швея.

— У меня будетъ другая работа для васъ, завтра. Мнѣ надо передѣлать платье. Можете вы придти?

— Да, сударыня. Благодарю васъ, сударыня.

— Ребенокъ здоровъ?

— Да, сударыня... Благодарю васъ, сударыня.

Наступило молчаніе. „Говорить или не заговорить съ нею о ея домашнихъ дѣлахъ?“ раздумывала Сесилія. Но

такъ какъ молчаніе тяготило ее, то она торопливо проговорила:

— Вашъ мужъ лучше ведетъ себя теперь?

По лицу швеи медленно скатилась слеза. „Бѣдняжка!“ подумала Сесилія.—„Какъ это грустно!“

— Онъ ужасно обращался со мной,—прошептала швея.— Я хотѣла даже поговорить съ вами объ этомъ... Съ тѣхъ поръ, какъ эта молоденькая дѣвушка поселилась у насъ, онъ...—Лицо ея приняло злобное выраженіе.—Онъ... совсѣмъ пренебрегаетъ мною!..

Сесилія встрепенулась. Она не могла оставаться нечувствительной къ чужой любовной драмѣ, какъ бы послѣдняя ни была далека.

— Вы говорите о маленькой натурщицѣ?—спросила она.

— Я ничего не говорю про нее дурного,—продолжала швея, все болѣе и болѣе волнуясь.—Но она точно заколдовала его. Онъ ничего не дѣлаетъ и только говоритъ о ней и торчитъ возлѣ ея дверей. Именно это такъ и разстроило меня въ этотъ день, когда я встрѣтила васъ на улицѣ. А со вчерашняго дня, послѣ того, какъ приходилъ мистеръ Гилэри, стало еще хуже. Онъ началъ бѣсноваться, толкнулъ меня... и... и...

Слова застрѣвали у нея въ горлѣ, и такъ какъ приличія не дозволяли ей плакать въ присутствіи господъ, то она старалась совладать съ своимъ волненіемъ и съ усиліемъ глотала слезы, душившія ее.

Страннымъ образомъ упоминаніе о Гилэри сразу измѣнило отношеніе Сесиліи. Она испытывала сильнѣйшее любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страхъ и чувство оскорбленія.

— Я не понимаю васъ,—сказала она сухо.

— Я не могу помѣшать ему говорить!—вскричала швея умоляющимъ тономъ.—Я не стану повторять тѣхъ нехорошихъ вещей, которыя онъ говорилъ про мистера Гилэри... Но онъ точно совершенно теряетъ разсудокъ, какъ только дѣло коснется этой дѣвушки!..

Послѣднія слова она произнесла почти съ яростью. Сесилія хотѣла сказать ей: „Довольно! Я больше ничего не желаю слушать!“, но любопытство взяло верхъ.

—Я не понимаю,—повторила она.—Не хотите ли вы дать понять, что... мистеръ Гилэри имѣетъ какое-то отношеніе къ этой дѣвушкѣ, или..?

Говоря это, она думала: „Во всякомъ случаѣ, я сумѣю во время остановить ее“...

— Я сказала ему, что очень дурно съ его стороны говорить подобныя вещи,—проговорила швея, дѣлая неимовѣрныя усилія побороть свое раздраженіе. — Мистеръ Гилэри

такой добрый господинъ!.. И при томъ, что ему-то, моему мужу, за дѣло до этого? Вѣдь у него есть собственная жена и дѣти!.. Я видѣла его на улицѣ... видѣла, какъ онъ торчалъ у дома мистера Гилэри, когда я тамъ работала! А онъ поджидалъ эту молоденькую дѣвушку, чтобы проводить ее домой...

И опять она прервала разсказъ, усиленно глотая слезы.

„Я должна тотчасъ же разсказать Стефану объ этомъ,—думала Сесилія.—Вѣдь этотъ человѣкъ можетъ быть опасенъ“!.. И вдругъ сердце ея сжалось смутнымъ предчувствіемъ. Какіе потоки грязи грозятъ обрушиться на семью Даллисоновъ!..

Мистриссъ Хюггсъ, овладѣвъ собой, снова заговорила.

— Я ему сказала: „Какъ тебѣ не стыдно такъ думать.. Мистеръ Гилэри былъ такъ добръ ко мнѣ“! Но когда онъ выпьетъ, то становится совсѣмъ сумасшедшимъ и говоритъ, что пойдетъ къ мистриссъ Гилэри...

— Къ моей сестрѣ?.. зачѣмъ?.. Негодяй! — выкрикнула Сесилія.

Мистриссъ Хюггсъ густо покраснѣла. Она не могла перенести, что ея мужа называетъ „негодяемъ“ другая женщина. И сразу измѣнились отношенія обѣихъ женщинъ другъ къ другу. Онѣ обѣ поняли, какой доли симпатіи и довѣрія онѣ могутъ ожидать другъ отъ друга, и увидали глубокую пропасть, раздѣляющую ихъ. Въ глазахъ мистриссъ Хюггсъ появилось робкое выраженіе. Она давно знала, что не должна отвѣчать такъ, какъ бы ей хотѣлось отвѣтить, иначе она можетъ лишиться и того малаго, что имѣетъ. А глаза Сесиліи смотрѣли на нее недовѣрчиво и холодно, какъ будто хотѣли сказать: „Я, конечно, сочувствую вамъ, но вы должны понять, что не можете ожидать отъ меня сочувствія, если ваши семейныя дѣла поставятъ въ неловкое положеніе кого-нибудь изъ членовъ моей семьи“... Теперь Сесиліей овладѣло желаніе какъ можно скорѣе избавиться отъ общества этой женщины, обнаружившей, что таится въ глубинѣ ея души подъ оболочкой терпѣливой и безмолвной покорности. Сесилія не была черства отъ природы; она только была сильно взволнована, и сердце ея трепетало какъ птичка, сидящая въ клѣткѣ и увидѣвшая вдали кошку. Однако, все-таки она спросила какъ можно спокойнѣе:

— Вашъ мужъ, кажется, былъ раненъ въ Южной Африкѣ? Онъ какъ будто не совсѣмъ... Вамъ бы надо обратиться къ доктору.

— Нѣтъ, онъ въ своемъ умѣ, — медленно и сухо возразила швея.

Этотъ отвѣтъ, сказанный дѣловымъ тономъ, окончательно

смутилъ Сесилію. Ея любовь къ комфорту, къ хорошимъ вещамъ, къ спокойной жизни, привязанность къ собственному очагу, къ мужу и дочери, боязнь всякаго разстройства и нарушенія домашняго покоя,—все это заставляло ее, въ данную минуту, страстно желать удаленія этой женщины, въ глазахъ которой, несмотря на ихъ терпѣливую покорность, вспыхивалъ злобный огонекъ. Она принесла съ собой въ ея семью нечистую атмосферу своего домашняго очага и угрозу скандала. Это было больше, чѣмъ Сесилія могла выдержать. Сердце ея подсказывало ей: „Дай этой женщинѣ полсоверена; это поддержитъ ее“, но разсудокъ возражалъ, что именно теперь она не должна такъ поступать, послѣ того, какъ эта женщина разсказала ей все про своего мужа, маленькую натурщицу и Гилэри... Наконецъ, на Сесилію вдругъ нашло вдохновеніе. Доставъ изъ портмонэ двѣ полкроны, она сказала швеѣ:

— Я передамъ моей сестрѣ все, что вы говорили здѣсь. Можете сказать это своему мужу!

Горькая усмѣшка скользнула по лицу мистриссъ Хюггсъ, но она быстро подавила ее. Однако Сесилія все-таки замѣтила это и вывела заключеніе, что мистриссъ Хюггсъ не вѣритъ ей, и что она попрежнему убѣждена, что Гилэри заинтересованъ маленькой натурщицей...

— Вы можете идти теперь, мистриссъ Хюггсъ!

Швея вышла безшумно изъ комнаты, не прибавивъ болѣе ни слова.

Сесилія вернулась къ своимъ записямъ. Она начала разбирать письма, объявленія, приглашенія, но вдругъ почувствовала, что все это потеряло для нея интересъ. Она машинально перекладывала бумаги. Какое значеніе имѣетъ для нея теперь, будетъ ли она наблюдать въ интересахъ науки паденіе человѣка съ воздушнаго шара, или, въ интересахъ искусства, будетъ слушать, какъ герръ фонъ Краафе распѣваетъ польскія пѣсни! Она даже внезапно почувствовала, вопреки своему участію въ лигѣ, расположеніе къ молоку въ жестянкахъ. Въ раздумьѣ она разорвала записку, которую хотѣла послать въ магазинъ Розе и Торнъ, и, закрывъ бюро, вышла изъ комнаты.

Поднимаясь по лѣстницѣ и держась рукой за старинныя дубовыя перила, она вдругъ съ истиннымъ облегченіемъ подумала, что съ ея стороны было очень глупо придавать такое значеніе неопредѣленнымъ и грязнымъ слухамъ, которые, въ сущности, лишь косвенно задѣвали ее. Стоило ли изъ-за этого бросать свои утреннія занятія?

Сесилія вошла въ туалетную комнату своего мужа, и взглядъ ея остановился на блестяще вычищенныхъ сапо-

гахъ, поставленныхъ въ рядъ. Внутри каждаго сапога была деревянная колодка, и поэтому они никогда не теряли своей формы. Сесилія вспомнила, что когда сапоги изнашивались, то колодки вставлялись въ новую пару, а старая отдавалась бѣднымъ.. И вдругъ ей стало непріятно. Глядя на этотъ рядъ блестящихъ сапогъ, принадлежащихъ ея мужу, она внезапно почувствовала себя одинокой, и ея жизнь показалась ей безсмысленной. Ея мужъ былъ занятъ въ судѣ, ея дочь занималась искусствомъ и только у нея не было опредѣленныхъ занятій. Она должна была оставаться дома, заботиться объ обѣдѣ, отвѣчать на письма, дѣлать визиты, ѣздить по лавкамъ и вообще рѣшать множество вещей, заполнявшихъ ея время и не дозволявшихъ ей задумываться надъ смысломъ всего этого. Впрочемъ, такъ жили сотни другихъ женщинъ въ Лондонѣ. Но когда дочь ея выросла, то она вдругъ почувствовала одновременно и свободу, и потерю цѣли въ жизни. Она даже не знала, радоваться ей или огорчаться. Правда, это давало ей возможность больше посвящать себя мужу, больше заниматься разными посторонними вещами, видѣть больше людей, но въ душѣ она ощущала пустоту... Что подумаетъ Тиме, когда услышитъ эту исторію про своего дядю? Эта мысль снова подняла въ ея душѣ рой сомнѣній, не дававшихъ ей покоя послѣднее время. Будетъ ли ея дочурка похожа на нее? А если нѣтъ, то почему? Стефанъ подсмѣивается надъ платьями, манерами, надъ ея дружбой съ молодыми людьми. Онъ даже смѣется надъ возмущеніемъ, когда она не позволила ему насмѣхаться надъ ея занятіями искусствомъ или надъ ея интересомъ къ „народу". Эти насмѣшки, однако, раздражали Сесилію, потому, что она какимъ то инстинктомъ, болѣе нежели умомъ, угадывала совершающуюся перемѣну. Она видѣла въ кругу своихъ знакомыхъ, что молодыя дѣвушки уже не оказываютъ прежняго обаянія на молодыхъ людей, да и тѣ какъ то холодно и по товарищески обращаются съ молодыми дѣвушками. Сесилія никакъ не могла понять этого. Въ самомъ дѣлѣ, что же будетъ, если молодежь дѣйствительно станетъ „серьезной", если молодые люди не станутъ замѣчать больше ни цвѣта глазъ Тиме, ни ея платьевъ, ни волосъ? О чемъ же тогда заботиться? Въ чемъ же выразится опредѣленное ухаживаніе за нею? Не то, чтобы она желала выдать замужъ свою дочь поскорѣе,— объ этомъ будетъ время подумать, когда ей минетъ двадцать пять лѣтъ!—Но она не могла понять совершившейся перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ молодежи. Она помнила себя молоденькой дѣвушкой. Сколько молодыхъ людей заглядывались на нее украдкой! Теперь же какъ будто ничего

уже не осталось ни у молодыхъ дѣвушекъ, ни у юношей, на что бы стоило заглядываться... Ей казалось, что это угрожаетъ даже исчезновеніемъ расы. Въ дѣйствительности же исчезали только образцы ея собственной породы, но для нея это было одно и то же... Продолжая смотрѣть въ упоръ на рядъ сапогъ своего мужа, Сесилія думала: „какъ предупредить, чтобы то, что я слышала, не достигло ушей Біанки? Я знаю, какъ она приметъ это! Какъ сдѣлать, чтобы Тиме ничего не узнала? Развѣ я могу сказать, какое впечатлѣніе это произведетъ на нее?.. Я должна поговорить со Стефаномъ. Онъ такъ любитъ Гилэри»...

Впрочемъ, скоро мысли ея приняли другой оборотъ. „Все это пустяки!—сказала она себѣ:—Гилэри слишкомъ... слишкомъ разборчивъ. Онъ не можетъ быть глубоко заинтересованъ. Но онъ такой добрый и изъ-за этой доброты можетъ очутиться въ ложномъ положеніи... Да, это такая нелѣпость! Конечно, Би бываетъ очень непріятна подчасъ. И теперь она, какъ разъ, не въ ладахъ съ мужемъ»...

И вдругъ ея мысль перескочила на мистера Пюрсея, про котораго мистриссъ Талентсъ Смолльнисъ сказала, что онъ даже не подозрѣваетъ о существованіи проблемы бѣдности!.. Думать о немъ было для нея облегченіемъ въ данную минуту.

Сесилія прошла въ свою комнату и открыла гардеробный шкафъ. «Какая досада!—подумала она.—Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы это синее платье было поскорѣе передѣлано, но я просто не могу вынести, чтобы эта женщина работала здѣсь».

VIII.

Разговоръ съ мистеромъ Стонъ.

Взволнованная разговоромъ съ мистриссъ Хюггсъ, Сесилія чувствовала, что должна что-нибудь сдѣлать. Она еще не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію и только достала изъ гардероба платье, чтобы переодѣться.

Когда она была совсѣмъ готова и даже надѣла шляпу (безъ перьевъ, такъ какъ она была членомъ общества покровительства птицъ), приколовъ ее булавками (купленными ради поощренія новой школы металлическихъ работъ), Сесилія подошла къ окну и заглянула на улицу. Изъ окна былъ видѣнъ закатъ солнца, и собственно ради этого вида Сесилія выбрала эту комнату для своей спальни. Но ей никогда не приходило въ голову, что окна комнаты выходятъ на мрачныя улицы, гдѣ обитаетъ именно тотъ классъ людей.

которымъ она такъ интересуется. Въ первый разъ она обратила на это вниманіе и подумала: „Хюггсы тоже живутъ гдѣ-нибудь здѣсь... Полагаю, что Би освѣдомлена насчетъ этого человѣка. Она могла бы поговорить съ отцомъ и побудить его взять другую переписчицу... Все это такъ непріятно“...

Сесилія рѣшила отправиться къ Гилэри, но когда она вышла на улицу, то начались ея всегдашнія колебанія. Она не знала, какъ ей поступить, вмѣшаться въ это дѣло или нѣтъ. И то, и другое представлялось ей одинаково неудобнымъ. Она боялась показаться слишкомъ нескромной. Вопросъ былъ слишкомъ щекотливаго характера, и поэтому она испытывала робость, усиливавшуюся тѣмъ, что она мало знала свою сестру, столь непохожую на нее, и чувствовала къ ней недовѣріе. Но въ то же время ею овладѣло непреодолимое желаніе уладить это дѣло такъ, чтобы ничего особеннаго не произошло. Она сначала пошла очень быстро, потомъ вдругъ замедлила шаги и, подойдя къ дому Біанки, не велѣла служанкѣ докладывать о себѣ. Ей вдругъ представились глаза Біанки, слушающей ея разсказъ, и она испугалась... Тогда она рѣшила сперва зайти къ отцу и поговорить съ нимъ.

Мистеръ Стонъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ былъ въ своемъ рабочемъ костюмѣ: толстой коричневой шерстяной рубашкѣ, открывающей его тонкую, худую шею, и синемъ передникѣ, туго обвязанномъ шнуркомъ вокругъ таліи. Окно было широко открыто, и холодный восточный вѣтеръ свободно разгуливалъ по комнатѣ. Въ каминѣ огня не было. Сесилія вздрогнула.

— Входи скорѣй,—сказалъ ей Стонъ. Повернувшись къ огромной конторкѣ, занимавшей половину стѣны, онъ началъ методически раскладывать на ней разныя вещи: чернильницу, большой ножъ для разрѣзанія бумаги, книгу и камешки различной величины, которые онъ накладывалъ на разлетавшіеся отъ вѣтра листки своей рукописи.

Сесилія осмотрѣлась кругомъ. Она не была у отца уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ комнатѣ ничего не было, кромѣ этой конторки, походной кровати въ углу, съ одѣяломъ, но безъ простынь, складного умывальника и узенькой этажерки съ книгами. Сесилія могла по памяти назвать всѣ книги, стоявшія тамъ. Онѣ никогда не мѣнялись. На верхней полкѣ лежали Библія и произведенія Платона и Дидро. На второй сверху трагедіи Шекспира въ голубомъ переплетѣ, на третьей Донъ-Кихотъ въ четырехъ томахъ, въ коричневомъ переплетѣ, Мильтонъ въ зеленомъ, комедіи Аристофана, полуобожженная кожаная книжка, сравнивающая философію

Эпикура съ философіей Спинозы, и Маркъ Твэнъ въ желтомъ переплетѣ. На нижнихъ полкахъ лежали: Иліада, Біографія Франциска Ассизскаго, Путешествіе Спика къ источникамъ Нила, Записки Пиквикскаго клуба, Стихотворенія Ѳеокрита въ очень старинномъ переплетѣ, Ренана Жизнь Христа и автобіографія Бенвенуто Челлини. Въ самомъ низу этажерка была наполнена сочиненіями по естественной исторіи.

Стѣны комнаты были выбѣлены известкой, и прислоняться къ нимъ было опасно для платья. Крашеный полъ не былъ покрытъ ковромъ. На маленькой газовой кухнѣ была разставлена кухонная посуда. Возлѣ стоялъ простой столъ и буфетный шкафчикъ. Ни занавѣсокъ, ни картинъ, никакихъ украшеній въ комнатѣ не было, и только у окна стояло старинное кресло, обитое золотистой кожей. Оно выглядѣло точно оазисъ среди окружающей пустыни, и взоръ Сесиліи остановился на немъ.

— Сегодня дуетъ сильный восточный вѣтеръ, папа,— сказала она.—Неужели вамъ не холодно здѣсь, безъ огня?

Мистеръ Стонъ отошелъ отъ конторки, держа въ рукахъ листъ исписанной бумаги.

— Слушай!—обратился онъ къ ней.—„Въ условіяхъ общества, именуемыхъ цивилизаціей, въ настоящее время единственнымъ источникомъ надежды можетъ быть только сохраненіе того качества, которое называется мужествомъ. Среди безчисленнаго множества привычекъ, разрушающихъ нервную систему, среди всякаго рода патентованныхъ средствъ и цѣлаго хаоса всякихъ открытій и изобрѣтеній, когда сотни людей болтаютъ съ каѳедры о вещахъ, въ которыя вѣритъ лишь самая ничтожная часть населенія, а тысячи пишутъ то, что никому не нужно и никто не захочетъ прочесть во второй разъ; когда люди запираютъ животныхъ въ клѣтки и заставляютъ медвѣдей танцовать для потѣхи своихъ дѣтей; когда всѣ набрасываются другъ на друга и борются другъ съ другомъ, кружась въ неистовой пляскѣ, точно комары надъ стоячей лужей въ лѣтній вечеръ,—въ такія времена мужество продолжало существовать въ человѣческой душѣ! Это былъ единственный огонь, свѣтившій въ этой мрачной долинѣ“...

Стонъ остановился. Онъ дочиталъ листокъ до конца, но такъ какъ ему хотѣлось продолжать читать дальше, то онъ направился къ конторкѣ, чтобы взять другой исписанный листъ.

— Вы ничего не будете имѣть противъ, если я закрою окно?—спросила Сесилія.

Стонъ мотнулъ головой въ знакъ согласія. Увидѣвъ,

что онъ уже держитъ другой листокъ бумаги въ рукѣ, она подошла къ нему и сказала:

— Мнѣ надо поговорить съ вами, папа. — Она взяла за конецъ шнурка, обвязывающаго его талію, и потянула его къ себѣ.

— Не трогай. Это поддерживаетъ мои штаны, — остановилъ ее отецъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, онъ ужасенъ!"—подумала Сесилія.

Стонъ, поднеся къ глазамъ второй листокъ бумаги, снова принялся читать: „Причину искать недалеко..."

— Я хотѣла бы поговорить съ вами о дѣвушкѣ, которая приходитъ переписывать вашу книгу, — съ отчаяніемъ прервала его Сесилія.

Стонъ остановился, и, опустивъ листокъ бумаги и слегка согнувшись, пристально посмотрѣлъ на свою дочь.

„Онъ теперь будетъ слушать",—подумала Сесилія и торопливо проговорила:

— Развѣ она такъ нужна вамъ? Развѣ вы не можете обойтись безъ нея?

— Безъ кого?—спросилъ Стонъ.

— Безъ этой дѣвушки, которая приходитъ сюда переписывать.

— Почему?

— По той простой причинѣ...

Стонъ опустилъ глаза. Сесилія увидѣла, что онъ снова смотритъ на свое писаніе, и торопливо прибавила:

— Развѣ она лучше переписываетъ, чѣмъ какая-нибудь другая?

— Нѣтъ.

— Ну такъ вотъ что, отецъ! Сдѣлайте для меня, возьмите другую. Я знаю, почему я говорю это. Я...

Сесилія остановилась, увидя, что отецъ ея медленно шевелитъ губами и про себя читаетъ то, что написано.

„Боже мой!" — подумала она съ отчаяніемъ. — „У меня просто не хватаетъ терпѣнія съ нимъ! Онъ ни о чемъ не дудумаетъ, кромѣ какъ о своей проклятой книгѣ!"

Но мистеръ Стонъ замѣтилъ, что она вдругъ умолкла, и, опустивъ бумагу, спросилъ ее:

— Чего же ты желаешь, дорогая моя?

— Отецъ, умоляю васъ... Выслушайте меня одну минуту.

— Да, да...

— Я говорю объ этой дѣвушкѣ, которая приходитъ къ вамъ переписывать книгу. Развѣ у васъ есть какое-нибудь основаніе непремѣнно ей давать эту работу, а не кому-либо другому?

— Да,—отвѣчалъ Стонъ.

— Какое?

— У нея нѣтъ друзей.

Такой неожиданный отвѣтъ окончательно смутилъ Сесилію. Она не нашлась, что возразить, и мистеръ Стонъ, подождавъ нѣсколько минутъ, снова началъ читать:

— „Причину искать недалеко. Человѣкъ, дифференцировавшійся отъ другихъ обезьянъ своимъ желаніемъ „знать", долженъ былъ прежде всего закалить себя противъ той кары, которую влечетъ за собою знаніе. Подобно тому, какъ у животныхъ, подвергавшихся суровостямъ арктическаго климата, развивался болѣе густой мѣхъ съ каждымъ пониженіемъ температуры, такъ и у человѣка скрытый запасъ мужества автоматически увеличивался, чтобы противостоять постояннымъ уколамъ собственнаго ненасытнаго любопытства. Въ тѣ дни, о которыхъ мы говоримъ, когда недостаточно усвоенное знаніе въ нахлынувшей огромной толпѣ разрушило всѣ преграды, человѣкъ, страдающій диспепсіей отъ неперевареннаго знанія, съ нервной системой, находящейся въ послѣдней стадіи истощенія, съ расшатаннымъ мозгомъ, могъ выжить только благодаря своей способности развивать мужество. Какъ ни были ничтожны въ героическомъ отношеніи поступки человѣка (въ виду общихъ условій и незначительности соревнованія), тѣмъ не менѣе не было времени, когда люди, въ массѣ, были болѣе мужественны, такъ какъ никогда еще они такъ не нуждались въ этомъ! Но уже нѣтъ недостатка въ признакахъ, указывающихъ, что такое отчаянное положеніе вещей обратило на себя вниманіе общины. Небольшая секта, которая"...

Чтеніе прекратилось. Мистеръ Стонъ дошелъ до конца страницы и тотчасъ же торопливо направился къ конторкѣ. Рука его уже сняла камешекъ и взяла третью страницу. Сесилія, замѣтивъ это, вскричала:

— Отецъ!

Мистеръ Стонъ остановился и повернулся въ ея сторону. Сесилія увидѣла, что онъ сильно покраснѣлъ. Ея досада испарилась.

— Отецъ! — повторила она. — Я говорю объ этой дѣвушкѣ...

— Да... да...—отвѣтилъ онъ, точно раздумывая.

— Не думаю, чтобы Біанка была довольна, что она приходитъ сюда...

Стонъ провелъ рукой по лбу:

— Прости меня, что я заставилъ тебя слушать мое чтеніе, моя дорогая,—сказалъ онъ.—Мнѣ это доставляетъ большое облегченіе временами.

Сесилія близко подошла къ нему и съ трудомъ удержалась, чтобы опять не потянуть за шнурокъ, перетягивающій его талію.

— Я отлично понимаю это, отецъ!—сказала она.

Стонъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, и передъ этимъ взглядомъ, который какъ будто пронизывалъ ее всю и видѣлъ по ту сторону вещей,—она невольно потупила глаза.

— Какъ это странно, что ты моя дочь!—проговорилъ онъ.

Сесиліи тоже это казалось загадкой.

— Въ сущности, въ атавизмѣ есть еще много такого, чего мы до сихъ поръ не знаемъ!—прибавилъ онъ.

Сесилія снова съ жаромъ воскликнула:

— Отецъ, я хочу чтобы вы меня выслушали! Это очень важно...

Она повернулась къ окну, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Постараюсь, моя дорогая!—отвѣчалъ Стонъ, и голосъ его звучалъ смиренно, когда онъ произносилъ эти слова.

„Надо хорошенько проучить его. Онъ слишкомъ ушелъ въ себя!"—думала Сесилія, стоя у окна; поэтому она нарочно не пошевелилась, стараясь показать ему своей позой, до какой етепени она возмущена.

Въ окно она видѣла нянекъ и дѣтей въ коляскахъ, направлявшихся въ садъ. Но она смотрѣла не на нихъ, а на проходившихъ мужчинъ. Какими самодовольными казались они! И она внезапно почувствовала удовлетвореніе, что заставила этого худого, согбеннаго старика, стоящаго позади нея, понять весь свой эгоизмъ.

„Въ другой разъ онъ будетъ знать!"—пронеслось у нея въ умѣ. Но вдругъ она услыхала шелестъ бумаги и бормочущій голосъ. Мистеръ Стонъ читалъ третью страницу своей рукописи:

„...которая воодушевлена лучшими чувствами, но доктрины которой, столкнувшись съ тѣмъ фактомъ, что жизнь представляетъ лишь переходъ отъ одной формы къ другой, оказались слишкомъ узкими и не могли уничтожить зло, съ которымъ хотѣли бороться. Эта маленькая секта, которая должна была еще научиться пониманію смысла всеобщей любви, напрягала всѣ свои силы и опередила остальную общину въ стараніяхъ познать самое себя. Движеніе, вызванное этимъ, было реакцій противъ преобладавшей тогда братоубійственной системы. Оно было молодо и обладало свѣжестью и честностью юности"...

Сесилія, не говоря ни слова, повернулась и быстро направилась къ двери. Выходя, она видѣла, какъ листъ бу-

маги выпалъ изъ рукъ ея отца. Она видѣла его сѣдую голову и покраснѣвшее лицо, когда онъ нагнулся, чтобы поднять его, и чувство жгучаго раскаянія примѣшалось къ ея гнѣву...

Какой-то шумъ привлекъ ея вниманіе въ коридорѣ, тускло освѣщенномъ свѣтомъ, падавшимъ со двора. Она замѣтила, что это была Миранда, ворчавшая себѣ подъ носъ. Увидѣвъ Сесилію, собачка вылѣзла изъ-подъ вѣшалки, гдѣ она пряталась, и подошла къ ней, чуть-чуть приподнявъ маленькую, бѣленькую лапку.

— Что тебѣ, собачка?—спросила ее Сесилія, нагнувшись къ ней.

Собачка смотрѣла на нее своими блестящими черными глазами, точно говоря ей: „Зачѣмъ ты спрашиваешь? Я не знаю, что мнѣ нужно! Развѣ ты не такая же?"... Сесиліи вдругъ стало непріятно. Отворивъ дверь въ рабочій кабинетъ Гилэри, она сердито сказала собаченкѣ:

— Ступай, поищи своего хозяина!

Собака не двинулась, но на порогѣ показался Гилэри. Онъ исправлялъ корректуру, которую собирался отправить съ слѣдующей почтой, и поэтому имѣлъ видъ человѣка занятаго своими мыслями и почти незамѣчающаго, что дѣлается кругомъ.

Его появленіе избавило Сесилію отъ необходимости идти къ сестрѣ, хозяйкѣ этого дома, невидимо занимающей центральное мѣсто и господствующей надъ положеніемъ.

— Можете вы удѣлить мнѣ минутку, Гилэри?

Она вошла въ его кабинетъ, и Миранда потащилась за ней.

Гилэри всегда производилъ на Сесилію пріятное и вмѣстѣ трогательное впечатлѣніе. Весь ушедшій въ свою литературную работу, онъ не умѣлъ противодѣйствовать безцеремонной навязчивости другихъ людей, и рядомъ съ массивнымъ, некрасивымъ бюстомъ Сократа, возлѣ котораго онъ стоялъ, онъ казался Сесиліи какимъ-то существомъ изъ другого міра...

Она рѣшила прямо приступить къ дѣлу.

— Я слышала нехорошія вещи отъ мистрисъ Хюггсъ объ этой маленькой натурщицѣ, Гилэри,—сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Глаза Гилэри перестали улыбаться, но на губахъ все еще скользила усмѣшка.

— Да!—взволнованно заговорила Сесилія.—Мистриссъ Хюггсъ говоритъ, что изъ-за нея Хюггсъ такъ дурно ведетъ себя... Я не хочу сказать что-нибудь дурное про эту дѣвушку, но повидимому...

— Повидимому?—повторилъ Гилэри.

— Повидимому, она „приворожила“ Хюггса, какъ говоритъ его жена.

— Хюггсъ!—опять повторилъ Гилэри.

Сесилія уставилась глазами въ бюстъ Сократа и быстро проговорила:

— Она утверждаетъ, что онъ всюду ходитъ тѣнью за этой дѣвушкой и приходитъ сюда, чтобы дождаться ея ухода и проводить ее. Это странно, во всякомъ случаѣ... Вы вѣдь были у нихъ, а?..

Гилэри кивнулъ головой.

— Я говорила съ отцомъ,—прошептала Сесилія,—но онъ безнадеженъ. Я не могла заставить его удѣлить хотя бы малѣйшее вниманіе моимъ словамъ...

Гилэри молчалъ, точно раздумывая о чемъ-то.

— Я хотѣла побудить его, — продолжала Сесилія, — отказать этой дѣвушкѣ и пригласить для переписки другую...

— Зачѣмъ?

Чувствуя, что зашла слишкомъ далеко и должна все уже сказать теперь, Сесилія смущенно проговорила:

— Мистриссъ Хюггсъ сказала мнѣ, что Хюггсъ угрожаетъ вамъ...

На лицѣ Гилэри появилось насмѣшливое выраженіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Очень хорошо съ его стороны!.. Ну, а что же дальше?—спросилъ Гилэри.

Сесилія была совершенно подавлена сознаніемъ неделикатности своего поступка и негодованіемъ на себя за то, что очутилась въ такомъ неловкомъ положеніи.

— Господи! Я вѣдь не хотѣла вмѣшиваться!—вскричала она.—Я никогда не вмѣшиваюсь!..

Гилэри взялъ ея руку.

— Милая Сисси, я знаю! Но лучше намъ объясниться.

Благодарная за его ласковое пожатіе, она съ жаромъ отвѣчала ему:

— Это такая грязь, Гилэри!

— Грязь?!. Гм! Ну такъ выкладывайте ее.

Сесилія густо покраснѣла.

— Вы хотите, чтобы я сказала вамъ все, рѣшительно все?—спросила она.

— Само собою разумѣется.

— Хорошо! Хюггсъ, очевидно, думаетъ, что вы заинтересованы этой молоденькой дѣвушкой. Вы не можете скрыть ничего отъ слугъ и людей, работающихъ въ вашемъ домѣ, и они всегда думаютъ все самое худшее... и, разумѣется, они знаютъ, что вы и Би... не вполнѣ...

Гилэри кивнулъ головой.

— Мистриссъ Хюггсъ говоритъ, что ея мужъ хочетъ идти къ Би!.. Гилэри!—воскликнула она съ жаромъ.—Я вижу, что мистриссъ Хюггсъ думаетъ, будто вы и въ самомъ дѣлѣ заинтересованы этой дѣвушкой. Разумѣется, она бы желала этого, такъ какъ это бы означало, что такой человѣкъ, какъ ея мужъ, не можетъ имѣть шансовъ...

Удивленная и сконфуженная собственными циническими словами, она запнулась. Гилэри смотрѣлъ въ сторону.

— Гилэри, дорогой!—обратилась она къ нему.—Неужели нѣтъ никакой надежды на то, чтобы вы и Би...?

Губы Гилэри дрогнули.

— Я думаю, что нѣтъ!—сказалъ онъ.

Сесилія грустно поникла. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ былъ боленъ плевритомъ, она не испытывала такого огорченія. Выраженіе лица Гилэри вернуло ей всѣ ея сомнѣнія. Она читала на этомъ лицѣ не только возмущеніе противъ наглости Хюггса, но и, пожалуй, другое, болѣе личное чувство, которое она не рѣшалась назвать.

— Не думаете ли вы, что было бы лучше, если бы она больше не приходила сюда?—рѣшилась она спросить.

Гилэри быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ.

— Это ея единственная и вѣрная работа, дѣлающая ее независимой!—сказалъ онъ.—И это лучше, чѣмъ позированіе! Я не могу поэтому содѣйствовать тому, чтобы она лишилась этой работы.

Сесилія еще никогда не видала его до такой степени взволнованнымъ. Возможно ли, чтобы онъ оказался не такимъ неисправимо кроткимъ человѣкомъ, какимъ она его считала, и чтобы въ немъ проявилась въ нѣкоторой степени животное чувство, которымъ она даже склонна была восхищаться въ извѣстномъ смыслѣ? Неизвѣстность только усиливала трудности положенія.

— Но Гилэри,—проговорила она, наконецъ,—развѣ вы такъ увѣрены въ этой дѣвушкѣ... увѣрены, что она дѣйствительно достойна помощи?

— Я не понимаю васъ!

— Я хочу сказать,—запинаясь, отвѣтила Сесилія.—что мы вѣдь ничего не знаемъ объ ея прошломъ.—Замѣтивъ по выраженію его лица, что она затронула его личныя сомнѣнія въ этомъ отношеніи, она заговорила уже съ большею смѣлостью:

— Гдѣ ея друзья и знакомые? Я полагаю, что у нея были какія-нибудь приключенія!..

— Не думаете же вы, что я стану разговаривать съ нею объ этомъ?—замѣтилъ неохотно Гилэри.

Его отвѣтъ заставилъ Сесилію почувствовать неловкость своего положенія.

— Хорошо, — сказала она съ раздраженіемъ,—но если таковы результаты помощи бѣднымъ, то я не вижу, какая польза отъ этого?

Гилэри не отвѣтилъ на ея вспышку, и Сесилія рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Все ей представлялось до такой степени неестественнымъ, запутаннымъ! Мрачная, злобная фигура Хюггса, призракъ Біанки, незримо присутствующей въ домѣ,—все это какъ будто было выхвачено изъ страницы какого-нибудь итальянскаго романа. Сесиліи никогда не приходило въ голову, что человѣкъ, принадлежащій къ тому классу, къ которому принадлежитъ Хюггсъ, способенъ страстно полюбить. Она вспомнила о мрачныхъ и грязныхъ переулкахъ, которые видѣла изъ оконъ своей спальни. Развѣ могло что-нибудь, похожее на яркую страсть, зародиться въ такой убогой обстановкѣ? Люди, жившіе тамъ, приниженные нуждой, заботились только о томъ, чтобы какъ-нибудь сохранить свою жизнь. Она знала и видѣла это. Существованіе ихъ было очень жалкое. Могъ ли кто-нибудь, живущій въ такихъ печальныхъ условіяхъ, найти время и силы въ себѣ самомъ для проявленія такого глубокаго чувства? Это было невѣроятно.

— Я думаю, впрочемъ, что человѣкъ этотъ опасенъ,— сказалъ вдругъ Гилэри.

Услышавъ такое подтвержденіе своихъ собственныхъ страховъ, Сесилія, въ душѣ которой таилась примѣсь жестокости, несмотря на всѣ ея симпатіи и постоянныя колебанія, вдругъ почувствовала, что она зашла уже достаточно далеко и поэтому можетъ остановиться.

— Я больше не хочу знать ихъ,—сказала она.—Я дѣлала все, что могла для мистриссъ Хюггсъ... Я знаю другую, такую же хорошую швею, какъ она, которая будетъ счастлива, если я теперь призову ее. Точно также и книгу моего отца можетъ переписывать другая дѣвушка, не хуже этой. Если вы согласны послѣдовать моему совѣту, Гилэри, то и вы также оставите ваши попытки помогать имъ.

На лицѣ Гилэри появилась обычная улыбка, которая вмѣстѣ смущала и раздражала ее. Она не знала, что именно эта улыбка стояла между нимъ и его женой.

— Можетъ быть, вы правы,—замѣтилъ онъ, пожимая плечами.

— Я сдѣлала все, что могла. Теперь я ухожу. Прощайте.

Въ дверяхъ она обернулась и увидѣла, что Гилэри стоитъ возлѣ бюста Сократа. Ей было больно, что она причинила ему непріятность, но передъ нею снова всталъ блѣдный

призракъ ея сестры Біанки, вѣчно блуждающей и невидимой хозяйки этого дома. Вдругъ Сесилія замѣтила, что онъ насмѣшливо смотритъ на нее, хотя въ этой насмѣшливости есть что-то трагическое...

Не прибавивъ болѣе ни слова, она вышла изъ комнаты.

— Какъ вы поживаете, мистриссъ Даллисонъ? Что, ваша сестрица дома?..

Сесилія обернулась и увидѣла мистера Пюрсея, подъѣхавшаго на моторѣ и уже приготовившагося соскочить съ него.

Но Сесилія не могла отдѣлаться отъ мысли, что она только что вышла изъ дому, гдѣ было такъ мрачно, поэтому нерѣшительно отвѣтила:

— Нѣтъ... ея нѣтъ дома.

— Какъ жаль!—воскликнулъ Пюрсей.—А я хотѣлъ предложить имъ обоимъ покататься! Ваша сестра нуждается въ прогулкѣ...—Мистеръ Пюрсей положилъ руку на свой дрожащій автомобиль и прибавилъ:—Вамъ знакомы эти машины, мистриссъ Даллисонъ? „А. І. Датусъ"—самые лучшіе маленькіе автомобили. Не хотите ли попробовать?

Автомобиль, испуская сильный ароматъ бензина, какъ будто еще больше задрожалъ отъ этой похвалы. Сесилія взглянула на машину и сказала:

— Да, я знаю эти моторы. Они очень хороши.

— Ну, такъ садитесь. Позвольте мнѣ подвезти васъ... чтобы доставить мнѣ удовольствіе, конечно! Но я увѣренъ, что и вамъ понравится.

Легкая досада, любопытство и возмущеніе противъ всего того, что ей пришлось только что вынести, заставили Сесилію довольно благосклонно отнестись къ предложенію Пюрсея. Автомобиль задрожалъ сильнѣе, издавъ два негромкихъ звука, выпустилъ цѣлое облако аромата и тронулся съ мѣста.

Онъ понесся съ такою скоростью, что бѣгущая собака, почтальонъ и повозка булочника, двигавшіеся по улицѣ, какъ будто остановились на мѣстѣ. Вѣтеръ обвѣвалъ щеки Сесиліи. Она засмѣялась.

— Отвезите меня домой, пожалуйста,—сказала она.

Пюрсей тронулъ за локоть шофера:

— Кругомъ парка, — приказалъ онъ. — Пустите машину полнымъ ходомъ.

Автомобиль издалъ пронзительный свистъ. Сесилія откинулась въ обитый подушками уголъ экипажа и искоса поглядывала на Пюрсея, который тоже откинулся въ свой уголъ. Глаза ея имѣли слегка удивленное выраженіе, и она какъ будто улыбалась чему-то. Эта улыбка, казалось, говорила: „Въ самомъ дѣлѣ, что это я дѣлаю?

Какъ это онъ могъ уговорить меня?... А между тѣмъ—я довольна!“

Хюггсы, маленькая натурщица и все грязное и некрасивое въ жизни внезапно какъ-то исчезло. Ничего не было, кромѣ вѣтра, пріятно обвѣвавшаго ея щеки, и автомобиля, уносившаго ее...

Мистеръ Пюрсей первый прервалъ молчаніе.

Я очень люблю такія прогулки. Это приводитъ въ порядокъ мои нервы.

— Какъ? У васъ есть нервы?—спросила Сесилія удивленно.

Пюрсей улыбнулся. Когда онъ улыбался, то его красныя щеки вздувались, точно два шара, его щетинистые усы топорщились и около глазъ появлялись мелкія морщинки.

— Слишкомъ даже много!—отвѣчалъ онъ. — Малѣйшій пустякъ разстраиваетъ меня. Не могу выносить вида голоднаго ребенка и т. п.

Сесилія внезапно прониклась уваженіемъ къ этому человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ни ея дочь, ни ея мужъ и никто изъ людей, окружающихъ ее, не можетъ разсуждать такъ просто и здраво, какъ этотъ человѣкъ, не знающій ни вредныхъ симпатій, ни „соціальной совѣсти“ и вполнѣ довольный собой?..

Вдругъ автомобиль остановился.

— Не выходите! Не выходите!—вскричалъ Пюрсей.—Онъ сейчасъ опять пойдетъ.

— Нѣтъ! благодарю васъ. Я здѣсь выйду... Въ самомъ дѣлѣ, я очень вамъ благодарна. Это доставило мнѣ большое удовольствіе...

Сесилія зашла въ лавку и, остановившись на порогѣ, посмотрѣла назадъ на улицу. Она увидѣла Пюрсея, который, напирая грудью, старался сдвинуть съ мѣста свой автомобиль. Лицо его выражало величайшее огорченіе и смущеніе.

IX.

Гилэри начинаетъ выслѣживать.

Этика Гилэри была совершенно иного рода, и желѣзныя этическія воззрѣнія милліоновъ Пюрсеевъ, основанныя на чувствѣ собственности въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Но она также имѣла мало общаго и съ религіей и нравственностью аристократіи, которая, несмотря на свой эстетизмъ въ нѣкоторомъ отношеніи, все же спокойно пользовалась своимъ укрѣпленнымъ положеніемъ и не стѣснялась презирать все остальное. Въ глазахъ большинства Гилэри, по всей вѣроятности, былъ безнравственнымъ и анти-религіознымъ.

человѣкомъ, но въ дѣйствительности его нравственность и религія были свойственны той части общества, которая состояла изъ образованныхъ классовъ: „профессоровъ, артистовъ, передовыхъ людей и тому подобныхъ кукушекъ“, какъ ихъ называлъ Пюрсей, причисляя туда же людей, не знающихъ вообще матеріальной нужды и могущихъ поэтому посвящать свое время разработкѣ отвлеченныхъ идей.

Если-бъ кто-нибудь попросилъ Гилэри изложить свое „profession de foi“, то онъ, по всей вѣроятности, сказалъ бы слѣдующее:—„Я не вѣрю въ церковныя догматы и никогда не хожу въ церковь. У меня нѣтъ опредѣленныхъ идей относительно государства будущаго, и я не нуждаюсь въ нихъ. Но въ частной жизни я стараюсь пріобщить себя, насколько возможно, ко всему, что я вижу вокругъ себя, и если-бъ я могъ когда-нибудь дѣйствительно слиться воедино съ міромъ, въ которомъ я живу, то я былъ бы счастливъ. Я думаю, что нелѣпо не довѣрять своимъ чувствамъ и своему разсудку. Что же касается того, о чемъ мои чувства и мой разсудокъ не могутъ ничего сказать мнѣ, то и оставляю это нерѣшеннымъ, предполагая, что все должно быть такъ, какъ оно есть, и если-бъ мы знали причину всего, то могли бы управлять вселенной. Я не думаю, чтобы цѣломудріе само по себѣ было добродѣтельно, но оно нужно постольку, поскольку оно содѣйствуетъ здоровью и благосостоянію общества. Я не вѣрю, чтобы бракъ могъ давать право собственности и ненавижу всѣ публичные споры объ этомъ. Моему темпераменту претитъ всякое нанесеніе ущерба сосѣдямъ, если можно избѣжать этого. Что же касается личнаго поведенія, то я полагаю, что разсказы о скандальныхъ случаяхъ и злословіе хуже, чѣмъ даже тѣ дѣйствія, которыя послужили поводомъ къ этому. Если я даже въ умѣ своемъ обвиню кого-нибудь, то буду чувствовать себя виновнымъ въ нравственномъ проступкѣ. Я ненавижу самомнѣніе и стыжусь самоувѣренности. Я не люблю никакого шума. Можетъ быть, у меня есть склонность къ отрицанію. Пустая болтовня доводитъ меня до изнеможенія, но я могу цѣлую ночь провести въ обсужденіи различныхъ пунктовъ этики и психологіи. Пользоваться чужою слабостью для меня отвратительно. Я хочу быть порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ, но... въ самомъ дѣлѣ, не могу слишкомъ серьезно относиться къ самому себѣ“...

Хотя въ разговорѣ съ Сесиліей Гилэри ни разу не переступилъ правилъ вѣжливости, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ золъ, и гнѣвъ его разгорался сильнѣе съ каждой минутой. Онъ сердился на нее, на себя и на Хюгса и страдалъ отъ своего раздраженія, какъ могутъ страдать только тѣ, кто

не привыкъ къ окружающей грубости. Внезапно узнавъ о поведеніи Хюггса, подстерегающаго его жену и слѣдующаго по пятамъ за беззащитной дѣвушкой, онъ очень серьезно принялъ это къ сердцу.

Когда маленькая натурщица явилась въ обычное время и прошла черезъ садъ, то Гилэри показалось, что лицо ея разстроено. Успокоивъ Миранду, которая съ самаго начала не хотѣла признавать молодой дѣвушки и всегда ворчала на нее, Гилэри сѣлъ у окна съ книгой въ рукахъ, поджидая ея ухода. Такъ онъ просидѣлъ около часу, переворачивая страницы, но не понимая прочитаннаго, какъ вдругъ увидѣлъ, что какой то человѣкъ подглядываетъ въ садовую калитку. Простоявъ тамъ нѣсколько времени, онъ прошелъ черезъ дорогу и скрылся за какою-то изгородью.

„Такъ,—подумалъ Гилэри.—Не пойти ли сейчасъ приказать этому парню убираться вонъ, или подождать, что случится, когда она пойдетъ домой!"

Онъ остановился на послѣднемъ рѣшеніи. Наконецъ, она вышла, прошла черезъ садъ своею особенною походкой, хорошенькая и дышущая молодостью, но слишкомъ прозаичная и безъискусственная, чтобы ее можно было принять за дѣвушку изъ общества. Она обернулась, бросила взглядъ на окно кабинета Гилэри и вышла на улицу.

Гилэри взялъ шляпу и палку и подождалъ. Черезъ минуту Хюггсъ вышелъ изъ-за изгороди, гдѣ онъ скрывался и послѣдовалъ за ней. Гилэри тотчасъ же отправился вслѣдъ за нимъ.

Въ глубинѣ души каждаго человѣка сохраняется остатокъ первобытныхъ охотничьихъ инстинктовъ. Всегда сдержанный и деликатный, Гилэри, въ обычное время, несомнѣнно, съ негодованіемъ отвергъ бы всякую мысль о выслѣживаніи. Но въ данную минуту онъ даже испытывалъ какое-то особенное удовольствіе, стараясь не выпускать Хюггса изъ виду и оставаться незамѣченнымъ. Ему удалось, такимъ образомъ, достигнуть довольно крутого подъема на Кэмпденъ Хилль, прячась за витрины магазиновъ, омнибусы, мостики для пѣшеходовъ и все время не спуская глазъ съ Хюггса. Но вдругъ онъ чуть не былъ открытъ. Маленькая натурщица внезапно повернула назадъ ему навстрѣчу. Очень находчивый во всѣхъ такихъ случаяхъ, Гилэри вскочилъ въ проѣзжавшій омнибусъ. Онъ видѣлъ, что она остановилась у окна одного магазина картинъ. Очевидно, она даже и не подозрѣвала, что кто-нибудь слѣдитъ за ней, и остановилась въ восхищеніи передъ одною хорошо извѣстной гравюрой, выставленной въ окнѣ. Гилэри, проходя мимо этой лавки, часто удивлялся, зачѣмъ выставлена эта гравюра и кто мо-

жетъ восхищаться ею? Теперь онъ зналъ, кого она приводитъ въ восторгъ, по лицу дѣвушки онъ видѣлъ, что ея эстетическія чувства глубоко затронуты.

Онъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ Хюггсъ, и увидѣлъ, его стоящимъ у какой-то харчевни. Выраженіе лица его было угрюмое и печальное. Онъ, видимо, страдалъ, и Гилэри стало его жалко.

Омнибусъ двинулся, и Гилэри чуть не свалился на скамейку, усѣвшись на платье какой-то дамы. Эта дама оказалась мистриссъ Толентсъ Смолльнисъ. Она ласково улыбнулась ему и подвинулась, чтобы дать ему мѣсто.

— Ваша свояченица только что была у меня, мистеръ Даллисонъ,—сказала она.—Она такъ мила, такъ интересуется всѣмъ. Я уговорила ее поѣхать со мной на мое собраніе.

Гилэри приподнялъ шляпу. Онъ былъ раздраженъ, и обычная деликатность измѣнила ему.

— Да?.. Извините меня!—отвѣчалъ онъ и вышелъ.

Мистриссъ Толентсъ Смолльнисъ была изумлена. Поведеніе его напоминало поведеніе молодого человѣка, условившагося съ какою нибудь дамой, что она будетъ ждать его въ омнибусѣ, и вдругъ увидѣвшій, что рядомъ съ этой дамой сидитъ ея старая тетка! Она оглядѣла всѣхъ, сидѣвшихъ въ омнибусѣ, но никто изъ находившихся тамъ не оправдывалъ ея предположенія. „Странно“ подумала она и вдругъ, взглянувъ на улицу, увидѣла идущую по тротуару маленькую натурщицу.

— Ого!—прошептала она.—Да, да, это становится интереснымъ!

Гилэри, избѣгая попасться на глаза дѣвушкѣ, повернулъ за уголъ и остановился. Онъ былъ смущенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Хюггсъ преслѣдуетъ дѣвушку своимъ вниманіемъ, то почему же онъ не подошелъ къ ней прямо, когда она стояла у окна магазина?

Молодая дѣвушка прошла мимо переулка, гдѣ за угломъ скрывался Гилэри. Она шла своею обычною, небрежною поступью, видимо, довольная своею прогулкой по улицамъ. Скоро она скрылась изъ вида. Напрасно Гилэри напрягалъ зрѣніе—Хюггса нигдѣ не было видно! Гилэри подождалъ еще нѣсколько минутъ, но Хюгсъ не показывался. Погоня кончилась! И вдругъ Галэри пришло въ голову, что, быть можетъ, Хюггсъ выслѣживалъ ее только для того, чтобы знать, не было ли у нея назначено свиданіе? Значитъ, они оба преслѣдовали одну и ту же цѣль! Эта мысль заставила Гилэри покраснѣть, хотя онъ находился въ пустынномъ переулкѣ, гдѣ его никто не могъ видѣть. Да, Сесилія права, это грязное дѣло! Будь на мѣстѣ Гилэри человѣкъ, болѣе

соприкасавшійся съ фактами дѣйствительности, онъ бы, вѣроятно, не очень смутился такимъ инцидентомъ и зналъ, въ какую рубрику его отнести. Но Гилэри, по роду своихъ занятій, имѣлъ дѣло больше съ идеями, нежели съ людьми, и это лишало его возможности имѣть опредѣленное сужденіе о такомъ предметѣ, который неразрывно былъ связанъ съ щекотливымъ вопросомъ о взаимоотношеніи классовъ.

Глубоко задумавшись, Гилэри шелъ по тѣнистой дорожкѣ изъ Ноттингъ Халля въ Кенсингтонъ пролегающей въ сторонѣ отъ большой проѣзжей дороги. Воздухъ былъ наполненъ веселымъ чириканіемъ птичекъ и ароматомъ сосенъ, который становился сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ солнце приближалось къ закату. Кругомъ было тихо, городской шумъ почти не долеталъ сюда. Миръ и спокойствіе, царившее здѣсь, должны были благодарнымъ образомъ дѣйствовать на смятенную душу Гилэри и изгнать мрачныя и тревожныя мысли...

Въ центральной части дорожки старые вязы выставляли свои сучковатые и узловатые корни. Тамъ стояли скамейки, на которыхъ сидѣли человѣческія существа. Спутанные волосы свѣшивались на ихъ усталыя лица, худое тѣло было покрыто лохмотьями и въ рукахъ каждаго была палка, съ привязаннымъ къ ней грязнымъ узелкомъ. Они спали. По другую сторону, на скамьѣ, сидѣли двѣ беззубыя старухи и рядомъ съ ними какая-то женщина, съ краснымъ лицомъ, громко храпѣла. Дальше, на скамьѣ сидѣлъ какой-то юноша и возлѣ него молоденькая дѣвушка, оба блѣдные и худые, съ безпокойными глазами. Они крѣпко держали другъ друга за руки и молчали. Такъ же молча сидѣли, поодаль отъ нихъ, двое молодыхъ людей въ рабочихъ костюмахъ съ безнадежно усталыми лицами...

На послѣдней скамейкѣ, вдали отъ всѣхъ, Гилэри увидѣлъ маленькую натурщицу...

X.

Приданное.

Эта первая встрѣча на свободѣ, повидимому, одинаково смутила обоихъ. Дѣвушка покраснѣла и поспѣшно встала. Гилэри снялъ шляпу и сѣлъ рядомъ съ ней съ суровымъ видомъ.

— Не вставайте. Мнѣ надо поговорить съ вами, — сказалъ онъ.

Маленькая натурщица покорно сѣла на свое мѣсто. По-

слѣдовало молчаніе. Она была все въ той же старой коричневой юбкѣ, вязаной кофтѣ и старой сине-зеленой шапочкѣ. Глаза у нея были усталые.

Наконецъ, Гилэри спросилъ:

— Ну, какъ вы живете теперь?

Маленькая натурщица потупила взоры.

— Довольно хорошо. Благодарю васъ, мистеръ Даллисонъ.

— Я вчера заходилъ къ вамъ.

Она поглядѣла на него какимъ-то робкимъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

— Я позировала для миссъ Бойль,—сказала она.

— Такъ... У васъ, значитъ, есть теперь работа.

— Она уже кончилась.

— Вы, слѣдовательно, зарабатываете только два шиллинга въ день у мистера Стона?

Она кивнула головой.

У него сорвалось восклицаніе, и это какъ будто подѣйствовало на нее ободряющимъ образомъ. Она съ жаромъ заговорила:

— Три шиллинга и шесть пенсовъ я плачу за квартиру. Завтракъ обходится мнѣ около трехъ пенсовъ... только хлѣбъ съ масломъ,—это составляетъ пять шиллинговъ и два пенса. Стирка бѣлья не можетъ стоить меньше десяти пенсовъ, значитъ, все вмѣстѣ составитъ шесть шиллинговъ. На прошлой недѣлѣ я истратила одинъ шиллингъ на разныя мелочи, хотя я и не ѣздила въ омнибусахъ. Это составляетъ семь шиллинговъ, пять шиллинговъ остается мнѣ на обѣдъ. Мистеръ Стонъ всегда угощаетъ меня чаемъ. Но больше всего меня озабочиваетъ моя одежда.—Она спрятала ноги подальше подъ скамейку, чтобы Гилэри не видѣлъ ея башмаковъ. Онъ сдержался и не смотрѣлъ внизъ. Вдругъ она подняла голову и въ первый разъ взглянула ему прямо въ лицо.

— Я бы хотѣла быть богатой,—сказала она.

— Не удивляюсь,—замѣтилъ онъ.

Она крѣпко сжала зубы, такъ что они заскрипѣли и, вертя свои грязныя перчатки, проговорила:

— Знаете ли, мистеръ Даллисонъ, что я купила бы прежде всего, если бы была богата?

— Нѣтъ.

— Я бы купила для себя все новое, отъ головы до ногъ. И никогда бы больше не носила этихъ старыхъ вещей!..

Гилэри вскочилъ:

— Пойдемъ сейчасъ со мной и купите для себя все новое, съ ногъ до головы!—воскликнулъ онъ.

— О!..

Гилэри уже понялъ, что онъ сдѣлалъ ей неловкое и даже опасное предложеніе. Но онъ не зналъ, какъ теперь поступить. Другого выхода, какъ дать ей денегъ, у него не оставалось, а такой способъ оскорблялъ его чувство деликатности.

— Пойдемъ,— повторилъ онъ.

Маленькая натурщица послушно встала. Гилэри замѣтилъ, что ея башмаки были изорваны, и это больно кольнуло его. Онъ испыталъ такое чувство, какъ будто при немъ ударили ребенка. Всѣ его колебанія исчезли. Наоборотъ, ему даже было пріятно сознавать, что своимъ поступкомъ онъ наноситъ ударъ условнымъ понятіямъ общества.

Онъ взглянулъ на свою спутницу. Ея глаза были попрежнему опущены, и трудно было угадать, о чемъ она думаетъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ поговорить съ вами!—сказалъ онъ.—Мнѣ не нравится мѣсто, гдѣ вы живете. Я думаю, было бы лучше, еслибы вы поселились въ другомъ мѣстѣ. Что вы на это скажете?

— Да, мистеръ Даллисонъ.

— Вамъ бы лучше перемѣнить квартиру... Вы бы могли найти другую комнату, а?

Она по прежнему отвѣчала:

— Да, мистеръ Даллисонъ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Хюггсъ человѣкъ опасный!

— Онъ—странный.

— Онъ не пристаетъ къ вамъ?

Выраженіе ея лица привело въ замѣшательство Гилэри. Она какъ будто забавлялась чѣмъ-то. Во взглядѣ ея мелькнуло лукавство.

— Я не обращаю на него вниманія. Онъ, конечно, не сдѣлаетъ мнѣ никакой непріятности... Какъ вы думаете, мистеръ Даллисонъ, зеленый или синій костюмъ?—спросила она.

— Сине-зеленый,—коротко отвѣчалъ Гилэри.

Она захлопала въ ладоши, подпрыгнула на мѣстѣ и затѣмъ пошла обычнымъ шагомъ.

— Послушайте,—снова обратился къ ней Гилэри. — Мистриссъ Хюггсъ говоритъ съ вами о своемъ мужѣ?

— Случается...—улыбнулась она.

Гилэри закусилъ губы.

— Мистеръ Даллисонъ, пожалуйста... Какъ насчетъ моей шляпы?—спросила она.

— Вашей шляпы?

— Ну, да. Какую вы хотите, чтобы я купила: большую или маленькую?

— Непремѣнно маленькую!.. И безъ перьевъ.

— О!..

— Можете вы удѣлить мнѣ минутку вниманія?—сказалъ онъ.—Говорили ли съ вами Хюггсъ или его жена обо мнѣ и о томъ, что вы ходите ко мнѣ въ домъ?

Лицо маленькой натурщицы оставалось по прежнему безучастнымъ, но по движенію ея рукъ Гилэри замѣтилъ, что его слова затронули ее.

— Я не обращаю вниманія на то, что они говорятъ,— отвѣчала она.

Гилэри отвернулся. Онъ чувствовалъ, что въ его душѣ закипаетъ раздраженіе.

— Конечно, если бы я была настоящая лэди, то я бы обращала вниманіе на подобные разговоры, — неожиданно проговорила она.

— Никогда не говорите этого!—воскликнулъ Гилэри.— Каждая женщина—леди.

Но онъ тотчасъ же убѣдился по выраженію ея лица, какъ мало цѣны она придавала этимъ словамъ.

— Если бы я была леди,—возразила она просто,—то я бы не жила тамъ, гдѣ я живу.

— Нѣтъ,—согласился Гилэри.—И вамъ лучше не жить тамъ.

Она не отвѣчала. Гилэри не зналъ, что сказать ей. Онъ видѣлъ, что она смотритъ на положеніе совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели онъ, и онъ ея не понимаетъ. Онъ чувствовалъ, что въ жизни этой дѣвушки есть очень многое, чего онъ не знаетъ, и много такого, въ чемъ бы онъ не могъ принять участія.

На людныхъ улицахъ они оба обращали на себя вниманіе прохожихъ. Высокій и стройный Гилэри, въ мягкой фетровой шляпѣ, выглядѣлъ „настоящимъ джентльмэномъ"; его же спутница, хотя и была одѣта въ стареньномъ платьицѣ, но обладала такимъ личикомъ, что на нее невольно оглядывались не только мужчины, но и женщины. Мужчинамъ она казалась интересной, такъ какъ была не похожа на обычный типъ, встрѣчающійся на улицахъ Лондона. Женщины же видѣли въ ней ту, которая заставляетъ оглядываться мужчинъ. Впрочемъ, иногда во взглядѣ, брошенномъ на нее, сквозило также и состраданіе.

Возбуждая такимъ образомъ неопредѣленное любопытство прохожихъ, они дошли, наконецъ, до магазиновъ Розе и Торнъ.

Гилэри ясно сознавалъ опасность своей затѣи, когда они подошли къ первой изъ ста дверей громаднаго торговаго дома; казалось, было безуміемъ вести это дитя въ магазинъ, посѣщаемый его женой и знакомыми. Но онъ не зналъ дру-

того магазина, который бы предоставлялъ столько удобствъ. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ импульса и отлично сознавалъ, что стоитъ дать ему остыть, какъ онъ уже не въ состояніи будетъ ничего сдѣлать. Итакъ, лучше всего было дѣйствовать смѣло. Пройдя впередъ, въ угловую дверь, онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее. Глаза у нея блестѣли, щеки горѣли; она никогда еще не была такъ прелестна. Гилэри торопливо оглянулся. Маленькая натурщица съ пылающимъ личикомъ слегка тронула его за руку:

— Могу ли я купить больше одной смѣны бѣлья, мистеръ Даллисонъ?—спросила она.

— Три, три,—быстро проговорилъ Гилэри и, увидя, что они находятся на порогѣ бѣльевого отдѣленія, прибавилъ:— Купите и принесите мнѣ сюда счетъ.

Она ушла, а онъ остался ждать. Оставалось полтора часа до закрытія магазина. Молодые приказчики лѣниво двигались, скучая вслѣдствіе отсутствія своихъ обычныхъ покупателей. Двое изъ нихъ подошли къ Гилэри и спросили, чѣмъ они могутъ служить. Они были такъ утонченно любезны, что Гилэри былъ уже готовъ накупить множество ненужныхъ ему вещей, когда пришла маленькая натурщица.

— Это стоитъ тридцать шиллинговъ,—сказала она.—Самое дешевое тутъ стоитъ пять и одиннадцать шиллинговъ. И чулки. Я купила...

Гилэри поспѣшно досталъ деньги.

— Эта очень дорогая лавка,—замѣтила она.

Когда она уплатила въ кассѣ, то Гилэри взялъ изъ ея руки пакетъ, обернутый въ коричневую бумагу, и они прошли дальше. На лицѣ его застыло какое то холодно-насмѣшливое выраженіе, словно онъ не былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ, а только постороннимъ наблюдателемъ.

Въ башмачномъ отдѣленіи, на бархатномъ диванчикѣ посрединѣ, сидѣла дама въ изящной шляпкѣ, вытянувъ свою тонкую ногу въ шелковомъ чулкѣ, въ ожиданіи примѣрки ботинокъ. Она посмотрѣла съ нѣкоторымъ удивленіемъ на маленькую натурщицу и ея страннаго спутника. Ея удивленіе какъ будто дѣйствовало и на приказчицъ, такъ какъ никто изъ нихъ не подошелъ къ нимъ, и онѣ только искоса поглядывали на рваные башмаки дѣвушки. Это заставило Гилэри забыть о своей роли сторонняго наблюдателя, и онъ разсердился. Вынувъ часы, онъ подошелъ къ старшей приказчицѣ.

— Если никто не явится сейчасъ же, чтобы примѣрить ботинки этой молодой леди, то я принесу личную жалобу мистеру Торнъ.

Тотчасъ же одна изъ приказчицъ подошла къ маленькой

натурщицѣ; Гилэри видѣлъ, что она сняла съ нея башмакъ и, повинуясь внутреннему побужденію, тотчасъ же встала между нею и нарядною дамой, чтобы ее не было видно. Однако тутъ его обычная деликатность настолько измѣнила ему, что онъ украдкой взглянулъ на ногу своей спутницы. Чувство физической неловкости охватило его, и сердце какъ то болѣзненно сжалось. Коричневый, грязноватый чулокъ былъ столько разъ заштопанъ, что чулочной ткани совсѣмъ уже не было видно, только одни штопки. Въ одномъ мѣстѣ штопка разлѣзлась, и виднѣлась бѣлая кожа ноги. Большой палецъ высунулся, и маленькая натурщица неловко двигала имъ. Очевидно, она надѣялась, что нитки выдержатъ и палецъ не вылѣзетъ, и теперь въ смущеніи старалась закрыть его юбкой. Гилэри быстро отвернулся, и когда онъ снова взглянулъ, то уже не на нее, а на леди, примѣрявшую ботинки.

Лицо этой леди внезапно измѣнилось. Прежнее нѣсколько изумленное и пренебрежительное выраженіе исчезло, и она приняла обиженный видъ, какъ будто хотѣла сказать: „развѣ это допустимо приводить подобную дѣвушку сюда? Моя нога здѣсь больше не будетъ!“ Но выраженіе ея лица въ сущности было лишь внѣшнимъ проявленіемъ того же самаго чувства внутренней физической неловкости, которое испыталъ Гилэри, глядя на чулки маленькой натурщицы. Само собою разумѣется, что его раздраженіе нисколько не уменьшилось оттого, что онъ увидалъ отраженіе того же самаго чувства и на лицахъ приказчицъ.

Онъ подошелъ къ маленькой натурщицѣ и сѣлъ возлѣ и нея.

— Впору вамъ эти ботинки?—спросилъ онъ.—Попробуйте походить.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и сказала:

— Они жмутъ.

— Попробуйте другую пару,—посовѣтовалъ Гелэри.

Леди, сидѣвшая на красномъ диванѣ, надменно поднявъ голову и слегка раздувая ноздри, медленно встала и вышла, оставивъ послѣ себя легкій ароматъ фіалокъ.

Новая пара ботинокъ больше не жала ногъ, и поэтому была взята. Маленькая натурщица уже купила для себя все, что ей было нужно; приданое ея было готово, за исключеніемъ платья, которое тоже было выбрано ею, и Гилэри уплатилъ за него, но ей еще нужно было примѣрить его. Она сказала Гилэри, что придетъ примѣрять завтра, когда... когда... Онъ понялъ, что она хотѣла придти только тогда, когда надѣнетъ новое бѣлье. Она несла въ рукахъ большой

пакетъ и два маленькихъ, и въ глазахъ ея свѣтилось счастье.

Когда они вышли изъ дверей магазина, она остановилась и посмотрѣла ему въ лицо.

— Что жъ, вы счастливы теперь?—спросилъ Гилэри.

Онъ видѣлъ передъ собой ея блестящіе, влажные глаза и полуоткрытыя, дрожавшія губы.

— Прощайте,—сказалъ онъ отрывисто и повернулъ назадъ. Однако, отойдя нѣсколько шаговъ, онъ все-таки оглянулся и увидалъ, что она стоитъ неподвижно со своими пакетами въ рукахъ и смотритъ ему вслѣдъ... Гилэри приподнялъ шляпу и быстро пошелъ вдоль Гай-Стритъ, домой.

— Добрый вечеръ, сэръ! Недурная погодка для этого времени года!.. О, да! Вестминстерскую газету, сэръ?

Старый продавецъ газеты, завидѣвъ Гилэри, тотчасъ же протянулъ ему номеръ.

— Ого!—думалъ старикъ, глядя ему вслѣдъ.—Онъ далъ мнѣ полкроны! Какой у него бодрый видъ! Мнѣ пріятно на него смотрѣть. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ!..

Онъ еще разъ вынулъ монету и началъ ее разсматривать, чтобы убѣдиться, что она настоящая.

Солнце, медленно спускаясь къ закату, золотило своими лучами шпицы колоколенъ и крыши домовъ, и все внизу и кругомъ, люди и животныя, точно утопало въ золотистомъ туманѣ, искрилось и сверкало...

IX.

Весенніе цвѣты.

Нагруженная свертками, маленькая натурщица продолжала свой путь въ Собачью улицу одна. У дверей дома, гдѣ она жила, стоялъ высокій юноша, съ бѣлымъ лицомъ, сынъ параличной женщины. Онъ курилъ папиросу и, слегка прищуривъ одинъ глазъ, обратился къ маленькой натурщицѣ:

— Здравствуйте, миссъ. Дайте, я донесу ваши пакеты.

Маленькая натурщица бросила на него взглядъ, означавшій: „прошу васъ не мѣшаться не въ свое дѣло“! Тѣмъ не менѣе, въ ея манерѣ держаться было что то такое, что совершенно уничтожало значеніе этого безмолвнаго выговора.

Войдя въ свою комнату, она положила на кровать свои свертки и стала быстро развязывать ихъ покраснѣвшими пальцами. Освободивъ отъ бумаги всѣ принадлежности женскаго одѣянія, она разложила ихъ и, ставъ на колѣни, стала

любоваться ими, ощупывать и нѣсколько разъ припадала лицомъ къ ткани, вдыхая запахъ свѣжаго полотна. Она разглаживала рукой складки, образовавшіяся тамъ и сямъ, и ея лицо выражало блаженство. Наконецъ, поднявшись съ колѣнъ, она заперла дверь на засовъ, спустила штору и, раздѣвшись съ головы до ногъ, надѣла новое бѣлье. Распустивъ волосы, она съ наслажденіемъ повертывалась во всѣ стороны передъ крошечнымъ зеркальцемъ. Въ каждомъ ея движеніи выражалось удовольствіе, которое ей доставляло такое занятіе. Ея изголодавшаяся душа какъ будто теперь получила возможность насытиться. Въ этомъ восторженномъ созерцаніи себя вылилось все дѣтское тщеславіе ея натуры, всѣ упованія и удивительная способность такихъ простыхъ, безыскусственныхъ дѣтей природы всецѣло наслаждаться настоящимъ. Неподвижная, съ распущенными волосами, она наслаждалась чувствомъ бытія, напоминая весеннее видѣніе.

Вдругъ, точно вспомнивъ, что ея блаженство еще не полное, она отодвинула ящикъ комода и, вынувъ оттуда пакетикъ съ конфектами, взяла одну въ ротъ.

Лучъ солнца, проникшій черезъ дыру въ шторѣ, упалъ на ея шею. Она быстро обернулась, точно получила поцѣлуй и, подойдя къ окну, приподняла уголокъ шторы. Грушевое дерево, которое, къ неудовольствію своего владѣльца, выросло слишкомъ близко къ дому, населенному жильцами низшихъ классовъ, и точно принадлежало имъ, было залито сверкающимъ солнечнымъ свѣтомъ. Ни одно дерево на свѣтѣ не могло бы выглядѣть красивѣе въ своемъ весеннемъ убранствѣ, усыпанное позлащенными солнцемъ цвѣтами. Маленькая натурщица, продолжая сосать конфектку, уставилась глазами въ дерево. Но выраженіе ея лица не измѣнилось и никакого особеннаго восторга на немъ не было замѣтно. Ея взоръ обратился къ окнамъ противоположнаго дома, къ которому собственно и принадлежало грушевое дерево. Она высматривала, не можетъ ли кто нибудь увидѣть ее и, быть можетъ, желая въ глубинѣ души, что бы „кто нибудь“ увидѣлъ теперь ее въ такомъ обновленномъ и украшенномъ видѣ, тѣмъ не менѣе, опустила штору, отошла назадъ къ зеркалу и принялась закалывать волосы. Покончивъ съ прической, она довольно долго стояла передъ своею старенькою юбкой и блузкой, точно колеблясь надѣть ихъ чтобы не загрязнить своего новаго нижняго одѣянія. Но въ концѣ концовъ, она должна была рѣшиться. Одѣвшись, она подняла штору. Солнце уже болѣе не заливало своими золотистыми лучами грушеваго дерева, и цвѣты его были теперь бѣлоснѣжными. Маленькая натурщица положила въ ротъ другую конфектку и затѣмъ достала изъ кармана старый кожан-

ный кошелекъ. Сосчитавъ деньги, она тяжело вздохнула, убѣдившись, что ихъ у нея немного. Положивъ кошелекъ обратно въ карманъ, она вытащила изъ ящика комода старый иллюстрированный журналъ.

Она сѣла на кровать и начала быстро перелистывать журналъ, но, дойдя до извѣстной страницы, остановилась. Ея глаза были устремлены на одно изъ фотографическихъ изображеній писателей, какія часто помѣщаются въ періодической печати. Подъ нимъ была подпись: „Мистеръ Гилэри Даллисонъ“.

Маленькая натурщица глубоко вздохнула. Въ комнатѣ становилось темнѣе. Вѣтерокъ, подувшій съ закатомъ солнца, сорвалъ нѣсколько бѣлоснѣжныхъ лепестковъ грушеваго дерева и швырнулъ ихъ въ окно дѣвушки.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Лавровъ, человѣкъ и мыслитель.

(Къ десятилѣтію его смерти).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ восьмитысячная толпа рабочихъ, соціалистовъ и эмигрантовъ всего міра проводила, при торжественныхъ звукахъ «Интернаціонала», прахъ П. Л. Лаврова на Монпарнасское кладбище города Парижа. Въ эти десять лѣтъ не мало утекло воды, не мало пролилось и слезъ, и крови... и грязи. Въ первую и бо̀льшую половину этого десятилѣтія, когда русское освободительное движеніе шло по восходящей вѣтви параболы, сожалѣніе идейныхъ друзей Лаврова о томъ, что умеръ этотъ удивительно крупный и благородный человѣкъ, обращалось больше на него. Ему не удалось дожить до тѣхъ незабвенныхъ дней свободы, когда впервые старый этнически, но юный политически народъ былъ охваченъ трепетомъ общественнаго энтузіазма и въ воскресавшихъ и выходившихъ изъ каменныхъ гробовъ Лазаряхъ великой исторической борьбы привѣтствовалъ свое собственное воскресеніе, весну новой гражданственности и начало, казалось, наконецъ-то устанавливавшагося демократическаго строя. Какъ бы встрѣтила молодая Россія въ эти дни Лаврова, вся жизнь котораго была гармоническимъ сочетаніемъ энергіи мысли и силы воли и который въ самыя мрачныя эпохи общественной реакціи не уставалъ говорить намъ, его ученикамъ: «вѣрьте, что ни одно усиліе сознательныхъ людей не теряется, что ничто не пропадаетъ въ мірѣ даромъ! Идите же и дѣлайте свое дѣло, дѣлайте неустанно!..»

Наступила вторая пора десятилѣтія, когда волны общественнаго энтузіазма пошли на убыль. Въ эти моменты общаго унынія, растерянности, разочарованія наше сожалѣніе о томъ, что Лавровъ умеръ, обращается уже на насъ самихъ. Какъ чувствуется въ эти тяжелые дни отсутствіе человѣка, котораго никогда не могъ сломить никакой напоръ темныхъ силъ! Въ такіе моменты считаешь своимъ нравственнымъ долгомъ поставить передъ читателями на рѣдкость крупную фигуру человѣка и мыслителя. Я укажу на нѣсколько главнѣйшихъ фактовъ изъ біографіи Лаврова, которыми опредѣлялось его развитіе. А затѣмъ остановлюсь на существенныхъ пунк-

тахъ его міровоззрѣнія, о которомъ много говорятъ, съ которымъ даже полемизируютъ, но котораго путемъ не знаютъ.

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2 іюня 1823 года, въ селѣ Мелеховѣ, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ. Отцомъ его былъ состоятельный помѣщикъ, полковникъ въ отставкѣ, матерью—обрусѣвшая шведка, Елизавета Карловна Гандвигъ. Лавръ Степановичъ — таково было имя отца Лаврова—былъ человѣкъ, несомнѣнно, яркій, но самодуръ. Приведу два-три факта, чтобы обрисовать его. Бравый полковникъ, который считалъ себя самодержцемъ своего благоустроеннаго имѣнія, отцомъ своихъ домочадцевъ, челяди и крѣпостныхъ, опекалъ своихъ подчиненныхъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Такъ, онъ лѣчилъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ по системѣ знаменитаго въ то время доктора Гуфеланда. Но истолковывалъ эту систему довольно своеобразно, полагая, что главное средство лѣченія заключалось въ принятіи лѣкарствъ «лаксативнаго и эвакуирующаго характера». И эти средства были различнаго рода: такія, какія должны были даваться ежедневно, и такія, которыя должны были вводиться въ организмъ лишь еженедѣльно, ежемѣсячно и одинъ разъ въ году. Можете представить себѣ настроеніе домочадцевъ, челяди и дворовыхъ, когда загоралась заря того великаго дня очищенія, въ которой теченіе свѣтилъ небесныхъ опредѣляло совпаденіе этихъ различныхъ сроковъ, и «эвакуирующія» средства предлагались въ четверо якомъ видѣ. Но этотъ деспотизмъ принималъ не только комическія, а и трагическія формы. Такъ Лавръ Степановичъ былъ причиною того, что его старшая дочь, дѣвушка образованная и гуманная, осталась старой дѣвой: онъ никакъ не могъ согласиться на то, чтобы разстаться съ ней. Этотъ крупный, яркій, и не безъ дарованія самодуръ имѣлъ довольно развитые вкусы и былъ человѣкомъ для того времени образованнымъ. На немъ отражалась та общая непослѣдовательность мысли, которая характеризовала людей тогдашней средней интеллигенціи. Напр., съ одной стороны, Лавръ Степановичъ былъ монархистомъ и вѣрнымъ сыномъ православной церкви, а съ другой—держалъ въ своей довольно обширной библіотекѣ знаменитую Энциклопедію Дидро и д'Аламбера.

Подавляющее дѣйствіе самодура, къ счастью, нейтрализовалось умягчающимъ вліяніемъ его жены. Елизавета Карловна была высокой, величавой, по внѣшности суровой, но очень доброй и мягкой женщиной. Ея образованіе было по тогдашнему не изъ заурядныхъ. Дѣтство Петра Лавровича протекало такимъ образомъ подъ перекрещивающимся вліяніемъ отца и матери. Петръ Лавровичъ не помнитъ, когда выучился читать. Во всякомъ случаѣ, очень рано, лѣтъ 4—5. И выучился одновременно по-русски и по-французски, а нѣсколько позже и по-нѣмецки. Читалъ онъ во французскомъ подлинникѣ поэму Флоріана «Нума Помпилій», читалъ по-нѣмецки

«Волшебное Кольцо» Ламотта-Фукэ. Наконецъ, для своихъ родителей вечерами онъ читалъ вслухъ произведенія Бомаршэ, и любопытно какія. То не были ни «Севильскій Цирюльникъ», ни геніальная «Свадьба Фигаро», шутовскія погремушки которой были въ сущности похороннымъ звономъ надъ старымъ режимомъ, а драма «Евгенія», въ которой Бомаршэ изобразилъ горестныя приключенія своей собственной сестры. Книжный характеръ воспитанія Петра Лавровича сказывался и на тѣхъ функціяхъ, которыя должна была исполнять при немъ няня. Извѣстно, что у всѣхъ культурныхъ людей того времени няни подправляли своимъ русскимъ колоритомъ экзотическій характеръ воспитанія. У Пушкина была Арина Родіоновна. Была такая Арина Родіоновна и у Лаврова. Но ея занятіемъ было не разсказывать молодому барчуку сказки и преданія народной старины, а вертѣть тяжелый фоліантъ нѣмецкой исторической хроники съ гравюрами и показывать ребенку рисунки. Эти рисунки были объяснены разъ на всегда отцомъ и матерью Лаврова, который прекрасно вспоминалъ ихъ подписи. Выходили курьезы. Петръ Лавровичъ нетерпѣливо кричитъ: «няня, няня, пожалуйста, поскорѣе покажи мнѣ битву Горацієвъ съ Куріаціями».—На, на, батюшка, вотъ тебѣ твои Горячіе и Курячіе.

Тепличная обстановка, въ которой росъ Лавровъ, рѣзко отражалась на всемъ строѣ жизни. Вы помните картину, геніально набросанную Гончаровымъ въ его «Обломовѣ», какъ прислуга цѣлый день бѣгаетъ за барчукомъ и слѣдитъ, чтобы съ нимъ не приключилось чего-нибудь страшнаго: чтобы онъ не попался на глаза сердитому козлу, не покинулъ садъ, не направился къ оврагу. Былъ такой садъ и у Лавровыхъ. И ребенку было строго запрещено переступать ограду этого убѣжища. Садъ растворялся лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, надо было барчуку купаться въ близлежащей рѣкѣ. Но и эта операція совершалась не на обыкновенный плебейскій образецъ, а тоже по барски. Мальчикъ приносился на берегъ рѣки въ сопровожденіи значительной свиты. Торжественно ставилась на берегъ тщательно отчищенная ванна. Въ ванну наливалась вода. Въ воду бережно сажался молодой Петръ Лавровичъ.

Ребенокъ шалить особенно не любилъ. Большая разница въ возрастѣ между нимъ и старшими дѣтьми — отъ сестры его отдѣлялъ промежутокъ въ 11-ть лѣтъ, а отъ старшаго брата—въ 6, дѣлала то, что у него не было сверстниковъ для игръ. Страшно работала голова у романтическаго мальчика, но эти волненія души переживались имъ въ одиночку. Лавровъ съ довольно раннихъ лѣтъ обнаруживалъ склонность къ серьезной и даже отвлеченной мысли. Неудивительно, что онъ прочиталъ историка Роллэна, пытавшагося подражать Плутарху и Титу Ливію. Уже болѣе удивительно, что онъ осилилъ и Кревье, этого скучнаго и бездарнаго продолжателя Роллэна. Лѣтъ въ 10-ть маленькій Лавровъ

со страстью рѣшалъ и перерѣшилъ всѣ задачи, находившіяся въ толстомъ ариѳметическомъ учебникѣ. Былъ у него и учитель русскаго языка, нѣкто Слободчиковъ. Но этотъ педагогъ скоро увидѣлъ, что ему нечего дѣлать съ быстро развивавшимся ребенкомъ, и самъ ушелъ. За то въ семьѣ Лаврова, какъ и полагалось, былъ французскій гувернеръ, нѣкто Бержэ, кажется, швейцарецъ родомъ. И опять-таки, какъ полагалось по штату французскимъ гувернерамъ этой эпохи, онъ являлся проповѣдникомъ идей свободы, гуманности и общечеловѣческой красоты. Мнѣ нерѣдко приходилось слышать изъ устъ уже престарѣлаго Лаврова выученные имъ наизусть въ дѣтствѣ различныя поэтическія произведенія: «Пѣсню о Колоколѣ» Шиллера,—конечно, по-нѣмецки; монологъ Заира изъ извѣстной трагедіи Вольтера, или бонапартистское произведеніе «Lui, toujours lui» молодого генія Виктора Гюго,—конечно, по-французски. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, правильно преподававшихся Лаврову, онъ рано усвоилъ элементы и англійскаго языка, присутствуя на урокахъ, дававшихся его старшему брату.

Мы говорили раньше о томъ воспитаніи «въ хлопочкѣ», которое выпало на долю Петра Лавровича. Онъ росъ среди своихъ хилымъ, слабымъ, слезливымъ, но впечатлительнымъ и умнымъ не по лѣтамъ ребенкомъ. Трудно пришлось ему, когда его отецъ, слѣдуя рутинѣ своей среды, отвезъ сына въ 1837 г. въ Артиллерійское Михайловское Училище. Тринадцатилѣтній Лавровъ былъ съ самаго же начала прозванъ сотоварищами «дѣвочкой». И жестоко доставалось ему отъ буйныхъ артиллеристовъ, которые издѣвательствами и толчками доводили чувствительнаго Лаврова до отчаянія! Однако, эти самыя столкновенія съ шумной ватагой, физическія упражненія, гимнастика, фехтовка скоро дали возможность развиться Лаврову. И его отъ природы сильный организмъ, долго задерживаемый въ своемъ развитіи оранжерейными условіями дѣтства, взялъ свое. Черезъ два года по вступленіи въ училище Лавровъ сталъ уже высокимъ, сильнымъ юношей, который ростомъ уступалъ только «правофланговому», что въ переводѣ на штатскій языкъ обозначало, что онъ былъ вторымъ по росту во всемъ училищѣ. Стоицизмъ, который являлся отличительною чертою Лаврова, тоже отчасти велъ свое происхожденіе отъ временъ училища. Тамъ онъ привыкъ ѣсть ежедневно щи и кашу, получать и отдавать толчки товарищамъ, испытывать разныя лишенія лагерной жизни. Съ своей стороны онъ оказывалъ сильное умственное воздѣйствіе на своихъ товарищей изъ наиболѣе способныхъ, между которыми составился кружокъ саморазвитія, гдѣ выдающуюся роль игралъ самъ Петръ Лавровичъ.

Въ философскомъ отношеніи этотъ кружокъ держался французскаго эклектизма и зачитывался якобы философскими, а на самомъ дѣлѣ риторическими произведеніями Виктора Кузэна на тему о вѣчной истинѣ, вѣчномъ добрѣ и вѣчной красотѣ. Въ

политическомъ отношеніи Петръ Лавровъ и его друзья стояли на общей свободолюбивой точкѣ зрѣнія во вкусѣ умѣренно-либеральной оппозиціи тогдашней Европы. Замѣтьте, что соціализмъ, который исповѣдовался въ кружкѣ Герцена, Огарева и друзей, былъ раздавленъ въ 1834 г. и не могъ еще возродиться къ тому времени. И если Герценъ въ началѣ 30-хъ годовъ рѣзко разрывалъ съ европейскимъ либерализмомъ, представителемъ котораго былъ въ Россіи Полевой, то на десять лѣтъ болѣе юный Лавровъ и его товарищи не шли дальше идеаловъ умѣренныхъ либераловъ Запада, восторгаясь Минье и Тьеромъ. Однако, нѣкоторыя понятія о соціализмѣ и соціальныхъ ученіяхъ они, несомнѣнно, имѣли.

Любопытенъ, между прочимъ, разсказъ Лаврова о томъ, какъ ему удалось познакомиться съ доктриною Фурье. По выпускѣ изъ училища Петръ Лавровичъ, пріѣхавшій на побывку къ отцу, получилъ отъ послѣдняго приглашеніе, лучше сказать приказаніе просмотрѣть какую-то странную книгу и дать о ней ему, старому полковнику, точный отзывъ. Дѣло въ томъ, что Лавръ Степановичъ какъ-то пріобрѣлъ французское сочиненіе, носившее заглавіе «Трактатъ о земледѣльческой и домашней ассоціаціи», и въ ней нашелъ заявленіе автора относительно того, что всякій, прочитавшій трактатъ, можетъ утроить продукты земледѣлія. Но для этого надо было построить нѣкую удивительную вещь, называвшуюся фаланстеромъ, и дать просторъ человѣческимъ страстямъ. Бравый помѣщикъ никакъ не могъ примѣнить странныхъ совѣтовъ страннаго писателя къ утроенію дохода родного Мелехова. И вотъ сынъ долженъ былъ составить реляцію о смыслѣ книги. Надо ли вамъ говорить, что этотъ удивительный трактатъ былъ первымъ изданіемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Фурье, получившаго впослѣдствіи отъ учениковъ мыслителя названіе «Теоріи всеобщаго единства»? *) Познакомился также Лавровъ, хотя нѣсколько позже, и съ католическимъ соціализмомъ школы Бюшэ по сочиненіямъ извѣстнаго въ то время Отта. Читалъ онъ произведенія и Сэнъ-Симона и Прудона. Но главное вниманіе въ этихъ шедеврахъ тогдашней соціалистической литературы онъ удѣлялъ не экономическому и соціальному элементу, а моральному.

Отмѣчу еще одну особенность Лаврова. Онъ съ очень юнаго возраста любилъ писать стихи, много упражнялся въ этомъ дѣлѣ и считалъ себя драматургомъ еще до поступленія въ училище, а изъ училища посылалъ свои поэтическія творенія въ нѣкоторые журналы. Одно изъ нихъ было даже помѣщено, въ 1840 г., барономъ Брамбеусомъ въ «Библіотекѣ для чтенія». Лавровъ, впрочемъ, почувствовалъ довольно рано, что если у него есть мысли и из-

*) „Traité de l'association domestique-agricole;“ Парижъ-Лондонъ. 1822, два тома (перепечатано въ „Oeuvres complètes“ подъ заглавіемъ „Théorie de l'unité universelle“).

которая умѣлость формы, то ему не достаетъ истиннаго поэтическаго вдохновенія и рельефности образовъ. Недаромъ впослѣдствіи Некрасовъ говорилъ о ходившихъ по рукамъ вольнолюбивыхъ стихотвореніяхъ Лаврова, что они напоминаютъ ему скорѣе передовицы, чѣмъ настоящіе плоды музы. Впрочемъ, «Марсельеза», написанная Лавровымъ во «Впередѣ» анонимно, осталась до сихъ поръ очень популярнымъ стихотвореніемъ и много пѣлась нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Черезъ пять лѣтъ по поступленіи въ училище, въ 1842 г., значитъ когда ему было 19 лѣтъ, Лавровъ окончилъ курсъ и былъ произведенъ въ офицеры, а два года спустя—въ 1844 году—былъ назначенъ преподавателемъ математики въ томъ училищѣ, откуда вышелъ, а позже и въ Артиллерійской Академіи (и др. военныхъ заведеніяхъ). Послѣднее мѣсто досталось Лаврову по рекомендаціи знаменитаго русскаго математика Остроградскаго, который полагалъ, что не можетъ назначить лучшаго преемника по себѣ, какъ Лавровъ. Женился Петръ Лавровичъ рано, въ 1847 году, значитъ, когда ему только что исполнилось 24 года, а нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти отца и брата, обосновался полнымъ хозяиномъ. Бракъ Лаврова былъ счастливымъ. Его жена, Антонина Христіановна, урожденная Кангеръ, изъ нѣмецкаго обрусѣлаго рода, была женщина сердечная, деликатная, образованная, хотя и не занимавшаяся политикой. Да и трудно было кому бы то ни было заниматься политикой въ это время. То были годы жесточайшей николаевской реакціи, когда она превосходила самое себя въ свирѣпыхъ стремленіяхъ вырвать съ корнемъ живые ростки русской мысли. Именно въ эту тяжелую пору Петръ Лавровичъ, отчаявшійся въ возможности скораго исхода, поддерживался своей молодой и милой женой. Она увѣряла его въ томъ, что не всегда будетъ такъ, что наступятъ лучшія времена, когда ему можно будетъ приносить пользу обществу, о чемъ онъ такъ мечталъ.

И она была права. Настали дни Крымской войны. Пораженіе за пораженіемъ ударяло, словно могучій таранъ, въ стѣны всероссійской тюрьмы, въ которую Николай I превратилъ имперію. Со смертью Николая рухнула вѣра старорусскихъ людей въ могущество прежняго режима. На престолъ вступаетъ молодой монархъ, съ именемъ котораго въ обществѣ соединялось представленіе о чемъ то необыкновенно гуманномъ и возвышенномъ. Какъ ни какъ, но всѣ зашевелились. Общественная мысль стала работать усиленно. Впрочемъ, еще въ послѣдніе годы царствованія Николая I стали большимъ успѣхомъ пользоваться переходившія изъ рукъ въ руки нелегальныя стихотворенія Лаврова. Одно изъ нихъ «Русскому Народу» было даже напечатано Герценомъ. Въ немъ поэтъ-гражданинъ звалъ грознаго императора на «божій судъ», на «судъ исторіи и народа». Но отъ стихотвореній Петръ Лавровичъ скоро перешелъ къ прозѣ, которая и была его настоящей силой.

Въ противоположность большинству передовыхъ русскихъ писателей, которые чуть ли не дѣтьми выступали на поприще литературной дѣятельности, Лавровъ сталъ писателемъ въ возрастѣ 34 лѣтъ. Уже въ это время его эрудиція была поистинѣ изумительной. Не говорю о его спеціальности, физико-математическихъ наукахъ. Но онъ зналъ, какъ спеціалистъ, и естественныя науки въ широкомъ смыслѣ этого слова, и логику, и психологію, и философію, и исторію религій. Рано покончивъ съ увлеченіемъ французскими эклектиками, онъ перешелъ къ штудированію нѣмецкой философіи, а именно какъ знаменитыхъ корифеевъ идеализма, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, такъ и молодыхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, между которыми Арнольдъ Руге и Фейербахъ оказали самое сильное вліяніе на Лаврова. Я миную первыя статьи и замѣтки Петра Лавровича, имѣвшія педагогическій и спеціально-воспитательный характеръ. Первымъ его произведеніемъ въ области общей литературы была статья «Гегелизмъ», за которою послѣдовала, въ видѣ продолженія, «Практическая философія Гегеля». Эти этюды были напечатаны въ «Библіотекѣ для чтенія», издававшейся Дружининымъ, который съ самаго начала тепло отнесся къ молодому литератору. А изъ «Библіотеки» Лавровъ скоро перешелъ въ «Отечественныя Записки», выходившія подъ редакціей Краевскаго и Дудышкина, а также въ «Русское Слово», гдѣ въ то время уже появлялись первыя пробы блестящаго пера Писарева.

Мы знаемъ, что сотрудничество Петра Лавровича въ этихъ умѣренно-либеральныхъ органахъ тогдашней прогрессивной мысли, встрѣчало рѣзкую оцѣнку со стороны радикаловъ и соціалистовъ той эпохи. Но тутъ было довольно большое недоразумѣніе. Прежде всего, Лавровъ началъ писать въ этихъ умѣренныхъ органахъ болѣе или менѣе случайно, такъ какъ мѣста въ радикальной журналистикѣ были уже заняты Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и ихъ ближайшими друзьями и сподвижниками. Надо принять во вниманіе еще другое обстоятельство. Тогда Россія справляла либеральныя именины сердца, праздникъ души. То была пора хорошихъ чувствъ и хорошихъ людей, которые и сами не могли путемъ оріентироваться въ области идей и имѣли общимъ багажемъ лишь свободолюбивые отвѣты на нѣкоторые назрѣвшіе тогда вопросы: напр., освобожденіе крестьянъ, судебную реформу, облегченіе цензуры, отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Что касается до другихъ болѣе широкихъ задачъ, то въ этомъ отношеніи прогрессивный лагерь еще не подвергся въ концѣ 50-хъ годовъ достаточной разслойкѣ. Тогда возможны были еще совѣщанія Чернышевскаго и Каткова.

Наконецъ, извѣстная постепенность въ развитіи идей Лаврова, позволявшая ему лѣвѣть лишь мало-по-малу, коренилась въ самомъ типѣ мыслителя. Лавровъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ импульсивныхъ, хотя порою и очень крупныхъ людей, которые способны

подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ въ одинъ прекрасный день низвергнуть старыхъ идейныхъ боговъ и замѣнить ихъ совершенно новыми. Человѣкъ строгой послѣдовательной мысли, Лавровъ могъ критически перерабатывать элементы новаго порядка, лишь оставаясь на почвѣ сложившагося у него міропониманія. Все хотѣла объяснить и все хотѣла обнять въ одной системѣ его обобщающая мысль. И каковы бы ни были различія между сталкивающимися идейными теченіями, Петръ Лавровичъ умѣлъ находить въ нихъ нѣчто общее цѣнное, что вдвигалось имъ въ систему ранѣе сформировавшихся взглядовъ. Ему порою приходилось существеннымъ образомъ измѣнять нѣкоторые элементы своего міровоззрѣнія. Но никогда онъ не отбрасывалъ совершенно тѣхъ основныхъ принциповъ, какіе легли въ основаніе этого міровоззрѣнія въ ту пору, когда оно слагалось. При этомъ рѣдкая сила критики и рѣдкая безпристрастность мысли помогали ему находить слабыя и сильныя стороны разсматривавшихся имъ ученій. А самъ онъ оставался господиномъ своей мысли, скептически относясь къ преувеличеніямъ борющихся идейныхъ направленій.

Возьмите, напримѣръ, обвиненіе тогдашними радикалами Лаврова въ томъ, что онъ идетъ съ реакціонерами въ области метафизики противъ матеріализма, бывшаго тогда въ Россіи знаменемъ раскрѣпощенія въ области соціальной, политической и личной жизни. Что говорятъ факты? Петръ Лавровичъ, прежде всего, придаетъ очень большое значеніе матеріализму, какъ такому міровоззрѣнію, которое является «отличнымъ орудіемъ въ борьбѣ противу всѣхъ существующихъ предразсудковъ и господствующихъ идеаловъ». Онъ цѣнитъ въ матеріализмѣ то, что это ученіе «привлекаетъ симпатіи большинства живого современнаго поколѣнія» *). Но Лавровъ считаетъ матеріализмъ такимъ же метафизическимъ построеніемъ, какъ и идеализмъ, и настаиваетъ на своемъ правѣ быть скептикомъ въ метафизикѣ. Многое изъ того, что Лавровъ говоритъ о метафизичности матеріализма, было повторено позже и позитивистами, и различными направленіями философскаго критицизма. Во второй части нашей статьи, кога мы будемъ знакомить читателей съ основными пунктами міровоззрѣнія Лаврова, мы войдемъ въ кой-какія подробности по этому поводу. А теперь ограничимся сказаннымъ, подчеркивая то обстоятельство, что Лавровъ быстро испыталъ на себѣ результаты столкновенія русской реакціи и русскаго прогресса и чуть ли не съ самаго начала 60-хъ годовъ сталъ двигаться все рѣшительнѣе влѣво.

А. Н. Энгельгардтъ ввелъ его въ началѣ 1862 г. въ общество «Земля и Воля», въ которомъ Лавровъ, правда, не принималъ дѣятельнаго участія, но взгляды и задачи котораго онъ, въ общемъ,

*) См. статью „Моимъ критикамъ" въ № 6 „Русскаго Слова" за 1861 г., стр. 50.

раздѣлялъ. Въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія Чернышевскаго на свободѣ, Лавровъ довольно хорошо познакомился съ тогдашнимъ вожакомъ соціалистической интеллигенціи и даже былъ одинъ разъ приглашенъ Николаемъ Гавриловичемъ быть его секундантомъ на одной изъ входившихъ тогда въ моду словесныхъ дуэлей. Когда наступило польское возстаніе, всѣ симпатіи Петра Лавровича шли въ сторону великой и скорбно-героической страны, которая въ своей борьбѣ противъ оффиціальной Россіи платилась за то вѣковое насиліе и гнетъ, бремена котораго она возложила на свои низшіе земледѣльческіе классы. И вотъ какъ разъ въ эту самую пору реакціонеръ Щебальскій, бывшій близкимъ родственникомъ Лаврова, писалъ къ нему письмо, обращаясь на ты: «Опомнись! Куда идешь, Петръ? Къ врагамъ отечества!»

Три года спустя Петръ Лавровичъ на самомъ себѣ испыталъ тяжесть той леденящей руки реакціи, давленіе которой останавливало біеніе сердца всей мыслящей Россіи. Послѣ заграничной поѣздки съ женою (которая умерла въ 1865 г.), Лавровъ находился въ Петербургѣ, поглощенный преподавательской и ученолитературной дѣятельностью, когда раздался Каракозовскій выстрѣлъ. Изъ мемуаровъ современниковъ, и при томъ людей рѣзко опредѣленнаго рода убѣжденій и не робкаго десятка (см., напр., автобіографію И. А. Худякова) можно видѣть, въ какой степени покушеніе 4 апрѣля 1866 г. взбаломутило поверхность русской общественной и политической жизни. Не говоримъ уже о доносахъ, авторы которыхъ не щадили ни родныхъ, ни знакомыхъ. Но и у лучшихъ представителей интеллигенціи бывали такія проявленія робости духа, какихъ отъ нихъ нельзя было бы предполагать въ болѣе мирное время. Всѣ знаютъ стихотвореніе «Не громка моя лира», которымъ Некрасовъ мнилъ задобрить власть имущихъ. Всѣмъ извѣстенъ также маленькій спичъ, съ какимъ тотъ же Некрасовъ обратился въ Англійскомъ клубѣ къ Михаилу Муравьеву...

Лавровъ былъ арестованъ три недѣли спустя послѣ покушенія, а именно 25 апрѣля, и оставался въ тюрьмѣ до осени. Преданный военному суду, Петръ Лавровичъ былъ признанъ виновнымъ въ сочиненіи стихотвореній, «выражавшихъ неуваженіе» къ Николаю I и Александру II; въ «сочувствіи и близости къ лицамъ преступнаго направленія»: Чернышевскому и Михайлову; и, наконецъ, въ проведеніи «вредныхъ идей» путемъ печати и т. п. Приговоръ военно-судебной коммиссіи былъ измѣненъ къ худшему генералъ-аудиторіатомъ и въ этомъ худшемъ видѣ утвержденъ императоромъ. Въ то время, какъ военный судъ приговаривалъ Петра Лавровича лишь къ аресту, и аресту кратковременному, окончательная резолюція гласила: «Уволить полковника Лаврова со службы и сослать на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній подъ надзоръ полиціи». Со свойственнымъ нашимъ географамъ изъ администраціи остроуміемъ, такой губерніей была признана Воло-

годская, въ то время еще не связанная рельсами съ Петербургомъ. Такимъ образомъ, послѣ девятимѣсячнаго пребыванія въ Петропавловкѣ, Лавровъ былъ водворенъ на житье въ городѣ Тотьмѣ, куда онъ прибылъ 15 февраля 1867 г. Сонный, вялый городишко, въ которомъ въ то время не было и трехъ съ половиною тысячъ, сдѣлался мѣстомъ жительства для человѣка, вращавшагося въ самыхъ интеллигентныхъ слояхъ столицы и привыкшаго работать въ культурномъ центрѣ, подобнаго какому не было въ Россіи. Но Лавровъ со свойственнымъ ему стоицизмомъ переносилъ эти неудобства и продолжалъ усиленно работать какъ надъ дальнѣйшей выработкой своего міровоззрѣнія, такъ и надъ изложеніемъ своихъ взглядовъ въ печати.

Довольно любопытно, что, какъ мнѣ говорилъ самъ Петръ Лавровичъ, онъ познакомился съ Огюстомъ Контомъ и позитивизмомъ лишь около половины 60-хъ годовъ. Впрочемъ, тутъ я предоставляю будущимъ біографамъ разрѣшить слѣдующее противорѣчіе. Лавровъ въ личномъ разговорѣ сообщалъ мнѣ, что впервые (именно въ 1864 г.) имя главы позитивной философіи онъ услышалъ изъ устъ извѣстнаго ботаника Бекетова. Между тѣмъ, уже въ его самыхъ первыхъ философскихъ статьяхъ, писанныхъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, раза два-три упоминается имя Конта и терминъ «позитивизмъ». Можетъ быть Лавровъ, дѣйствительно, началъ штудировать сочиненія Конта и его школы лишь послѣ разговора съ Бекетовымъ, обратившимъ вниманіе Петра Лавровича на исключительную научную важность положительной философіи. И вотъ эпоха основательнаго знакомства Лаврова съ позитивизмомъ смѣшалась въ его представленіи съ тѣмъ временемъ, когда онъ впервые услышалъ будто бы имя Конта.

Какъ бы то ни было, въ статьяхъ, занимавшихъ порою много страницъ, и посылавшихся Петромъ Лавровичемъ изъ ссылки въ журналы, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ проблемъ, которыя находятся въ связи съ позитивизмомъ. Такова, напримѣръ, статья: «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе« («Современное Обозрѣніе», 1868). Къ этому же періоду въ его жизни относятся замѣчательные этюды: «Цивилизація и дикія племена» («От. Записки», 1869) и «Современное ученіе о нравственности» («От. Записки», 1870). Но въ особенности пора ссылки Лаврова замѣчательна въ исторіи развитія русской общественной мысли тѣмъ, что въ этотъ періодъ Петръ Лавровичъ напечаталъ, сначала въ «Недѣлѣ» 1868—1869 гг., а затѣмъ и отдѣльной книгой (1870), знаменитыя «Историческія письма», ставшія скоро евангеліемъ русской передовой, лучше сказать, соціалистической и революціонной интеллигенціи. Сравнительно небольшая книжка произвела на живую и энергичную часть русскаго общества впечатлѣніе, поистинѣ поразительное. Сколько молодыхъ сердецъ билось трепетно надъ страницами этого сочиненія, которое какъ бы про-

рочески прозрѣвало эпоху «хожденія въ народъ!» Въ библіотекахъ провинціальныхъ городовъ можно было еще десять лѣтъ спустя найти старые, истертые, истрепанные экземпляры книги. Къ ней, какъ къ другу, какъ къ лучшему совѣтнику, молодежь обращалась за разрѣшеніемъ не только теоретическихъ, но и практическихъ вопросовъ, но и чисто жизненныхъ задачъ личнаго поведенія.

Однако, успѣхъ этой книги, неожиданный для самого Петра Лавровича, какъ и для редакторовъ «Недѣли», настигъ автора уже за границей. Временно переведенный въ Вологду, а затѣмъ, послѣ теплыхъ проводовъ, устроенныхъ мѣстной интеллигенціей, сосланный въ Кадниковъ, городъ еще болѣе мизерный, чѣмъ Тотьма, Лавровъ былъ увезенъ изъ этого захолустья человѣкомъ, который тревожилъ художественную мысль Успенскаго во образѣ «удалаго добраго молодца». При помощи своей матери, которая въ возрастѣ 77 лѣтъ послѣдовала за сыномъ въ ссылку, и при помощи своихъ друзей, Петръ Лавровичъ довольно искусно письмами подготовилъ планъ своего бѣгства изъ медвѣжьяго угла въ Парижъ, куда его приглашалъ въ концѣ 1869 г. Герценъ. Въ одно прекрасное утро, къ компаніи интеллигентныхъ обывателей, мирно ведшихъ у Лаврова бесѣду о научныхъ и общественныхъ вопросахъ, присоединился молодой, рослый, красивый, никому изъ нихъ неизвѣстный человѣкъ. Какъ только собесѣдники оставили Лаврова, очаровавшій всѣхъ своимъ умомъ и обращеніемъ господинъ вытянулся во весь свой юношескій ростъ и выпалилъ въ упоръ Петру Лавровичу: «Мнѣ поручено привести въ исполненіе планъ вашего бѣгства. Я—Германъ Лопатинъ. Когда можете собраться со мной?» Человѣкъ, который подписывался порою псевдонимомъ «Стоикъ», оказался и въ жизни на высотѣ стоической философіи: «Хоть сейчасъ»,—былъ его отвѣтъ. На слѣдующій же день Лопатинъ, приведшій съ собою во образѣ ямщика тройку изъ Вологды, чтобы не брать знакомыхъ начальству подводъ въ Кадниковѣ, явился къ Лаврову, который сталъ теперь неузнаваемъ. Усы и пышные бакенбарды Петра Лавровича были сбриты. Кромѣ того, онъ добросовѣстно принялся играть роль богатаго, капризнаго господина, якобы застигнутаго въ дорогѣ невыносимою зубною болью и потому все время кутавшагося въ громадный воротникъ медвѣжьей шубы, громко стонавшаго и отвѣчавшаго на вопросы любопытныхъ нечленораздѣльнымъ мычаніемъ.

Я не буду долго останавливаться на подробностяхъ этого побѣга, который долженъ найти еще своего исторіографа. Но нѣкоторые эпизоды, разсказанные самимъ Петромъ Лавровичемъ и лицами, принимавшими участіе въ его побѣгѣ, невольно врѣзались мнѣ въ память. Такъ, едва бѣглецы, оставившіе гостепріимный Кадниковъ 15 февраля 1870 г., т. е. ровно три года послѣ того, какъ Лавровъ былъ водворенъ на мѣсто жительства, проѣхали Вологду, какъ они встрѣтились по дорогѣ съ жандармскимъ

полковникомъ фонъ - Менгденомъ, принадлежавшимъ къ типу истинно-русскихъ нѣмцевъ. Этотъ господинъ, назначенный все время наблюдать за Лавровымъ, зорко всматривался изъ своихъ саней въ сани быстро проѣхавшихъ путниковъ. А путники, не желая имѣть вида людей, смущенныхъ встрѣчей, о неизбѣжности которой имъ говорили еще въ Вологдѣ, заранѣе принялись горячо обсуждать одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ позитивной философіи. Оба диспутанта были на высотѣ призванія, и философскія реплики перекрещивались въ морозномъ воздухѣ, какъ клинки хорошо отточенныхъ шпагъ въ рукахъ умѣлыхъ фехтовальщиковъ.

Не дуренъ также эпизодъ съ появленіемъ Петра Лавровича въ Петербургѣ, на квартирѣ одного укрывателя изъ либеральныхъ офицеровъ, который ждалъ, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція, искавшая дѣвицу, скрывшуюся у него для сочетанія фиктивнымъ бракомъ съ однимъ изъ тогдашнихъ нигилистовъ. Забавны также приключенія Петра Лавровича въ гостиницѣ города Луги, куда онъ пріѣхалъ, чтобы отправиться въ близлежащее имѣніе другого укрывателя, обѣщавшаго достать ему паспортъ (на имя доктора Веймара, судившагося позже по дѣлу Соловьева). Въ Лугѣ, въ трактирѣ, гдѣ остановился Лавровъ, пировали,—дѣло было на масляницѣ,—мѣстные земцы, которыхъ Петръ Лавровичъ хорошо зналъ въ качествѣ гласнаго Петербургскаго земства. Окутавшись платкомъ, съ громкимъ стономъ отъ мнимой боли, бѣглецъ ходилъ нервными шагами по коридору въ то время, какъ въ залѣ его бывшіе товарищи по земству пировали и пѣли во всю. Не лишены были трагикомизма и сцены, разыгрывавшіяся въ имѣніи укрывателя, переполненномъ тоже гостями, пока Лавровъ въ теченіе нѣсколькихъ дней тщетно ожидалъ паспорта, выдача котораго задерживалась опять таки благодаря масляницѣ.

Послѣ всевозможныхъ перипетій Лавровъ выѣхалъ за границу и прибылъ 1 марта 1870 года, въ Парижъ, два мѣсяца спустя послѣ смерти Герцена. Недѣлю спустя здѣсь удалось встрѣтиться съ любимымъ сыномъ и его старухѣ-матери, которая героически послѣдовала за Петромъ Лавровичемъ на территорію Второй Имперіи и вскорѣ умерла на его рукахъ. Въ то время Франція переживала пору необыкновеннаго политическаго возбужденія. Бреши въ деспотическомъ режимѣ пробивались не только либеральной и радикальной оппозиціей буржуазіи, но и могучимъ напоромъ рабочихъ, которые принадлежали къ французской секціи перваго знаменитаго Интернаціонала... События неслись съ головокружительной быстротой. Лѣтомъ была объявлена война Франціи противъ Германіи. Пораженіе императорскихъ войскъ при Седанѣ, вѣсть о которомъ донеслась въ Парижъ, вызвало сильное народное движеніе, опрокинувшее 4 сентября 1870 г. бонапартистскій режимъ. Была провозглашена республика. Но скоро желѣзное кольцо нѣмецкихъ полчищъ охватило своими

цѣпкими объятіями еще такъ недавно веселую столицу міра. Вмѣстѣ со всѣми парижанами Петръ Лавровичъ переносилъ лишенія осады. И мнѣ живо вспоминается его разсказъ о томъ, какъ въ одно сѣрое, мрачное утро онъ съ громаднымъ мѣшкомъ на плечахъ, въ день перемирія съ пруссаками, направлялся въ равнину Сэнъ-Дени, чтобы у мѣстныхъ крестьянъ и огородниковъ запастись картофелемъ и яйцами. Эти вещи считались въ то время у осажденныхъ великимъ лакомствомъ: парижане не только успѣли попріѣсть сернъ, жирафъ и тому подобныхъ животныхъ изъ Зоологическаго сада, но не давали спуска ни кошкамъ, ни крысамъ.

Когда вспыхнуло движеніе 18 марта 1871 г., и красное знамя рабочаго класса, въ складкахъ котораго помѣщались всѣ упованія людей труда, взвилось надъ ратушей, Петръ Лавровичъ сталъ на сторонѣ возставшихъ. Скептически относясь къ подготовленности рабочаго класса и мелкой буржуазіи для дѣла радикальнаго переустройства общества, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, считалъ нужнымъ идти съ тѣми, въ чьихъ рядахъ была и правда, и мужество, и новый идеалъ. Онъ предложилъ типографщику Варлэну, который былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся интернаціоналистовъ, и съ которымъ Петръ Львовичъ познакомился нѣсколько раньше,— Варлэнъ ввелъ его въ секцію Интернаціонала, — онъ предложилъ планъ реорганизаціи народнаго образованія на раціональныхъ началахъ. Но дѣло шло уже не о соціальномъ творчествѣ, а о защитѣ противъ свирѣпыхъ версальцевъ, руководимыхъ великимъ маленькимъ Тьеромъ и генералами, вымещавщими на французскомъ пролетаріатѣ жестокія пораженія, понесенныя ими на поляхъ битвъ съ нѣмцами. Когда для Лаврова стало ясно, что собственными силами парижанамъ не взять верха надъ защитниками порядка и собственности, то, ловко проскользнувъ черезъ рядъ прусскихъ войскъ, нашъ философъ направился сначала въ Бельгію, а затѣмъ въ Лондонъ просить помощи коммунарамъ у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Дѣло въ томъ, что сила Международнаго общества рабочихъ крайне преувеличивалась тогда и его врагами, и его друзьями. Такъ, говорилось, что стоитъ только вожакамъ Интернаціонала топнуть ногою о землю, какъ изъ земли выростутъ легіоны рабочихъ борцовъ въ количествѣ 4 милліоновъ, которые сразу во всѣхъ европейскихъ странахъ развернутъ знамя революціи и поддержатъ Парижъ.

Увы! надежды на помощь рабочаго класса въ Европѣ были тщетны. Наоборотъ, мѣстнымъ соціалистическимъ партіямъ приходилось бороться съ мутной волной шовинизма, которая захлестывала даже островки наиболѣе сознательной рабочей мысли. Въ Германіи семейство Либкнехта чуть не было побито камнями, — побито въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ громадные булыжники летѣли изъ рукъ патріотовъ-лассалеанцевъ въ окна скромной квартиры вожака

«Соціалъ-демократической рабочей партіи». А въ Англіи, гдѣ засѣдалъ самъ Генеральный Совѣтъ, трэдъ-юніонисты вышли изъ состава Интернаціонала подъ тѣмъ предлогомъ, что они не хотятъ идти рука объ руку съ парижскими «поджигателями и разбойниками», и митингъ въ Гайдъ-Паркѣ въ пользу Коммуны совсѣмъ не состоялся. Вскорѣ парижское возстаніе было потоплено въ крови 35,000 инсургентовъ...

Поѣздка съ цѣлью поднять европейскій пролетаріатъ на защиту Парижа не удалась Лаврову. Но она дала ему возможность познакомиться еще ближе съ рабочимъ движеніемъ не только теоретически, а практически, въ его непосредственной реальности, со всѣми его доблестями и слабостями. Эта же поѣздка въ Лондонъ дала возможность Лаврову вступить въ довольно близкія личныя отношенія съ Марксомъ, могучая система котораго стала оказывать съ этого момента сильное дѣйствіе на выработку міровоззрѣнія у Лаврова. Дѣйствительно, Петръ Лавровичъ лишь въ началѣ 70-хъ годовъ познакомился съ сочиненіями Маркса и главнымъ образомъ съ первымъ томомъ его «Капитала».

Эпизодъ путешествія Лаврова въ интересахъ Коммуны заканчиваетъ тотъ сравнительно драматическій періодъ жизни мыслителя, съ которымъ до сихъ поръ мы имѣли дѣло. Отнынѣ все существованіе Лаврова будетъ посвящено пропагандѣ соціалистическихъ и революціонныхъ идей съ точки зрѣнія того ученія, къ которому его привели его обобщающая мысль и его благородное сердце, но внѣшній драматизмъ исчезаетъ изъ этой жизни. Петръ Лавровичъ изъ Парижа уѣзжаетъ въ Цюрихъ, оттуда въ Лондонъ, затѣмъ снова въ Парижъ, гдѣ онъ окончательно поселится и будетъ жить до самой смерти. Но эти переѣзды не заключаютъ въ себѣ ничего внѣшнимъ образомъ патетическаго и могутъ для біографа Лаврова служить лишь вѣхами его внутренней работы мысли.

Лавровъ съ 1872 г. занятъ планомъ объ изданіи свободнаго русскаго органа за границей и, пока этотъ планъ осуществится, пишетъ одна за другою три различныя программы, что въ свое время вызывало упреки и насмѣшки. Между тѣмъ исторія послѣдовательнаго написанія трехъ программъ очень проста. Сначала Петру Лавровичу казалось, что мысль объ изданіи упомянутаго журнала, внушенная ему разговоромъ съ нѣкоторыми его пріятелями, шла изъ круговъ русской радикальной литературы, дѣйствовавшей легально на почвѣ Россійской имперіи, но полагавшей, что вопросы, на которые въ самой Россіи налагался запретъ, могутъ быть разсматриваемы за границей. Когда это предположеніе оказалось неосновательнымъ, и Лавровъ узналъ, что иниціатива предпріятія идетъ отъ кружковъ передовой соціалистической молодежи въ Россіи, онъ измѣнилъ и свою программу. Желая вступить въ союзъ со всѣми тогдашними соціалистическими элементами, онъ искалъ теперь сближенія съ Бакунинымъ и его товарищами. Но

рѣзкая фракціонная вражда уже раздѣляла въ это время представителей различныхъ теченій въ русскомъ соціализмѣ, и вторая программа была отброшена Петромъ Лавровичемъ, когда стало ясно, что на совмѣстную дѣятельность съ бакунистами разсчитывать нечего. Въ Россіи и за границей слагалось опредѣленное направленіе, которое скоро получитъ названіе «пропагандистскаго». Отвѣтомъ на стремленіе этой группы и была третья программа, которою Лавровъ становился въ опредѣленную позицію какъ по отношенію къ различнымъ общественнымъ вопросамъ, такъ и по отношенію къ различнымъ партіямъ и фракціямъ.

Намъ нечего останавливаться подробно на характерѣ и роли «Впереда» (1873—1877 г.), сначала выходившаго въ видѣ непе有іодическаго сборника, затѣмъ принявшаго форму двухнедѣльной газеты и, наконецъ, умершаго въ формѣ неперіодическаго сборника. Лавровъ былъ душею органа, главнымъ идейнымъ руководителемъ его, хотя ему удалось найти и нѣсколько дѣятельныхъ помощниковъ изъ молодежи. Центральными идеями «Впереда» были идеи самого Петра Лавровича, но находившіяся подъ значительнымъ давленіемъ интеллигентныхъ революціонныхъ группъ, дѣйствовавшихъ или собиравшихся дѣйствовать въ Россіи. «Впередъ» раздѣлялъ общую всѣмъ тогдашнимъ партіямъ и организаціямъ мысль о предпочтеніи соціальной задачи всѣмъ другимъ задачамъ. Въ программѣ его говорилось: «Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу экономическому». Органъ Лаврова и товарищей развертывалъ знамя «рабочаго соціализма», какъ опирающагося на «реальное начало солидарности» между людьми. «Впередъ» говорилъ: «Двигателемъ рабочаго соціализма можетъ сдѣлаться лишь рабочій классъ». Но по отношенію къ Россіи онъ считалъ этимъ классомъ не городской, фабричный пролетаріатъ, а «наше крестьянство», «народъ съ существующей въ немъ традиціей общинной и артельной солидарности». Соціальную революцію нельзя создать искусственно. Она продуктъ историческихъ условій. Ее совершитъ самъ рабочій классъ. «Интеллигентный же классъ» можетъ явиться въ данномъ случаѣ лишь «иниціаторомъ» народной революціи, по скольку онъ будетъ уяснять народу смутно живущія и зрѣющія въ немъ начала соціалистическаго строя, а главное, вносить въ него «чувство солидарности всего рабочаго класса земли русской».

Я позволю отклониться здѣсь на минуту въ сторону, чтобы прибавить одинъ новый штрихъ къ личности нашего мыслителя. Лавровъ, который былъ въ то время убѣжденнымъ соціалистомъ, въ духѣ тогдашнихъ народническихъ стремленій, Лавровъ, который во главу угла ставилъ освобожденіе народа самимъ народомъ и съ этой точки зрѣнія всѣ вопросы отодвигалъ на задній планъ передъ вопросомъ соціально-экономической, исходящей изъ нѣдръ народа революціи, Лавровъ вкусилъ, однако, слишкомъ много отъ

древа человѣческой міровой мысли, чтобы не придавать значенія политическимъ свободамъ. Но въ этомъ стремленіи онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ великой тягой тогдашней русской интеллигенціи, и поэтому значеніе политическихъ свободъ и формъ сказывалось у него лишь на отдѣльныхъ мысляхъ, которыя были вставлены въ иную по духу сѣть аргументовъ и могутъ быть оцѣнены только теперь. Такъ, у него въ одномъ мѣстѣ довольно неожиданно вырывается мысль о «земскомъ соборѣ», который Лавровъ готовъ допустить, если онъ будетъ состоять «въ большинствѣ изъ представителей крестьянства» и займется прежде всего вопросами радикальнаго преобразованія, «одновременно экономическаго и политическаго».

Всѣмъ, конечно, извѣстно, съ какой рѣзкостью оспаривались мнѣнія Лаврова представителями другой народно-революціонной партіи, а именно бакунистовъ, или бунтарей. По ихъ мнѣнію, надо было говорить не о подготовленіи революціи въ народѣ путемъ поясненія его смутныхъ соціалистическихъ идеаловъ интеллигенціей, а о непосредственномъ возбужденіи революціоннаго движенія въ народѣ. Бакунисты предполагали, что народъ по части инстинктивнаго соціализма понимаетъ очень много, а ему не достаетъ только страсти и привычки къ дружному дѣйствію. Роль интеллигенціи и заключается въ томъ, чтобы послужить ферментомъ этого броженія и вмѣстѣ связующимъ звеномъ между народными вспышками, порою принимавшими форму огромныхъ бунтовъ въ русской исторіи и, наконецъ, могущими слиться, подъ воздѣйствіемъ революціонной интеллигенціи, въ одинъ великій соціальный пожаръ.

Теперь, на разстояніи четырехъ десятковъ лѣтъ, когда вдумываешься въ мнѣнія, страстно развивавшіяся обѣими враждовавшими фракціями, то видишь, что у той и у другой былъ въ сущности общій соціалистическій идеалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что и на практикѣ ихъ дѣятельность выражалась почти въ одномъ и томъ же. Бакунинъ и его ученики могли жестоко бичевать «словоговореніе» и «болтовню» Лаврова, якобы замѣнявшую, по ихъ мнѣнію, единственное настоящее революціонное дѣло, а именно: непосредственную подготовку бунта. Но до бунта дѣло такъ и не дошло. И бакунисты въ концѣ концовъ были обречены на ту же роль словоговоренія, хотя, можетъ быть, и болѣе страстнаго, какую они жестоко обличали у лавристовъ. Самъ Лавровъ, этотъ въ представленіи многихъ черезчуръ кабинетный и педантичный мыслитель, оказывался, во всякомъ случаѣ, много прямолинейнѣе и крайнѣе своихъ учениковъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи. Извѣстно, что въ 1876 г. между главой школы и его послѣдователями произошелъ расколъ, кончившійся оставленіемъ Лавровымъ его поста главнаго редактора «Впередъ». Въ то время, какъ «лавристы» продолжали стоять на точкѣ зрѣнія пропаганды и только пропаганды, Лаврову уже представлялось необходимымъ придать болѣе боевое направленіе органу.

Это мнѣніе Лавровъ основывалъ на томъ, что въ Россіи, казалось ему, сама жизнь выдвигала болѣе рѣзкія формы борьбы: «демонстраціи, вооруженныя сопротивленія революціонеровъ, казни шпіоновъ».

На цѣлыя шесть лѣтъ Лавровъ прекращаетъ свою непосредственную революціонную дѣятельность. Онъ горячо сочувствуетъ борьбѣ во имя соціалистическихъ идеаловъ. Но онъ не примыкаетъ ни къ обществу землевольцевъ, ни къ «Народной Волѣ», которая съ конца 1879 г. вступила на путь рѣзко революціонной борьбы противъ правительства, и даже въ теченіе года борется на собраніяхъ противъ ея тактики. Въ началѣ 1880 г. Лавровъ, однако, энергично защищалъ Гартмана. Несмотря на настоянія посланника Орлова, требовавшаго отъ правительства Третьей республики выдачи русскаго революціонера, прослѣженнаго въ Парижѣ агентами, Петръ Лавровичъ успѣлъ добиться, при помощи своихъ связей съ тогдашнимъ боевымъ Клемансо, простой высылки Гартмана на французскую границу, откуда человѣкъ, преслѣдовавшійся русскимъ правительствомъ, могъ совершенно свободно уѣхать въ Англію. Послѣ 1-го марта Лавровъ видимо сдѣлалъ новый шагъ влѣво. Онъ энергично принялся за участіе въ организаціи заграничнаго отдѣла «Краснаго Креста Народной Воли» и за это былъ даже (временно) высланъ изъ Франціи въ февралѣ 1882 года. Во всякомъ случаѣ, онъ уже рѣшительно прекратилъ борьбу противъ народовольческой тактики. А его поѣздка (во время высылки) въ Лондонъ дала ему возможность вступить въ сношеніе съ партіей «Народной Воли», которая и поручила ему вести заграничный органъ партіи «Вѣстникъ Народной Воли» вмѣстѣ съ другими лицами, пользующимися довѣріемъ народовольцевъ. Одно время думали, что соредакторомъ Лаврова будетъ Кравчинскій. Нѣсколько позже въ редакторы намѣчался Г. В. Плехановъ, который оставлялъ чернопередѣльчество и шелъ навстрѣчу «Народной Волѣ», мечтая о созданіи въ Россіи «единой великой и нераздѣльной соціально-революціонной партіи», но на основахъ марксизма. Послѣ ряда треній между Плехановымъ и представителями «Народной Воли» за границей, вторымъ редакторомъ «Вѣстника» сталъ Тихомировъ.

Въ программѣ журнала говорилось, что онъ будетъ органомъ «революціоннаго соціализма». Рабочій классъ разсматривался, какъ единственно серьезная общественная сила для коренного измѣненія строя. Но передъ русскимъ соціализмомъ ставилась прежде всего задача низверженія того режима гнета, который являлся препятствіемъ для организаціи рабочаго класса. Подъ знамя «Народной Воли» редакторы приглашали всѣхъ, кто, будучи убѣжденнымъ соціалистомъ, считалъ въ то же время необходимымъ борьбу съ политическими препятствіями. Вліяніе Лаврова ярко выражалось въ томъ, что, не останавливаясь теперь передъ рѣшительными формами политической борьбы, онъ старался напоминать все время читателямъ объ основныхъ принципахъ соціализма. Когда

Тихомировъ перешелъ въ ряды реакціи въ 1888 г., то Лавровъ въ брошюрѣ, умѣренной по формѣ, но убійственной по содержанію для бывшаго члена Исполнительнаго Комитета, призывалъ всѣхъ искреннихъ соціалистовъ остаться вѣрными великому знамени труда. Нечего говорить, что планъ властъ имущихъ произвести путемъ ренегатства Тихомирова расколъ въ партіи отнюдь не увѣнчался успѣхомъ. Всѣ крѣпкіе, всѣ бодрые духомъ остались на почвѣ стараго міровоззрѣнія. Лавровъ не покинулъ рядовъ народовольцевъ и, стараясь не относиться враждебно къ другимъ соціалистическимъ партіямъ, тѣмъ не менѣе неуклонно проводилъ программу политическаго и экономическаго переворота.

Въ Россіи не происходило ни одного крупнаго общественнаго событія, чтобы на него не отзывался Лавровъ. Умиралъ Щедринъ. Умиралъ Чернышевскій. На огромномъ пространствѣ Россійской имперіи разражался ужасный голодъ. Рядомъ и подъ вліяніемъ этого печальнаго явленія возрождалось революціонное настроеніе среди интеллигенціи. На все Лавровъ отзывался со свойственною ему энергіею и опредѣленностью мысли. На рубежѣ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ онъ принималъ участіе въ образованіи «Группы старыхъ народовольцевъ», которая, не претендуя на роль учителя изъ-за границы въ вопросахъ о томъ, какъ поступать русскимъ людямъ, старалась, однако, поддерживать вѣру въ соціалистическій идеалъ и активную бодрость въ ослабѣвавшихъ борцахъ. Именно въ «Матеріалахъ», издаваемыхъ этой группой, перу Лаврова принадлежалъ очеркъ о «народникахъ-пропагандистахъ». Въ немъ были охарактеризованы главнѣйшія теченія русской революціонной мысли въ 1873—1878 г.г. И поистинѣ удивительно то безпристрастіе, съ которымъ Лавровъ могъ говорить, между прочимъ, о «Впередѣ», своемъ участіи въ немъ и вообще о значеніи всего направленія. А въ самые послѣдніе мѣсяцы своей жизни Лавровъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ новому теченію среди соціалистовъ, обнаружившемуся какъ въ Россіи, такъ и за границей. Я говорю о возрожденіи дѣйственнаго желанія среди революціонной интеллигенціи, не ограничиваясь пропагандою и агитаціею соціалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ, направиться снова въ деревню и тамъ попытаться развернуть, насколько то было возможно по политическимъ условіямъ, знамя труда и свободы. Аграрно-соціалистическая лига, которая выражала собою за границей это стремленіе, получила, можно сказать, предсмертное благословеніе отъ Лаврова.

Лавровъ умеръ 25-го января 1900 г., не доживъ четырехъ мѣсяцевъ до 77 лѣтъ, послѣ восьмидневной тяжелой болѣзни, вызванной у него неожиданной простудой и окончившейся кровоизліяніемъ въ мозгъ. Не только жизнь, но и смерть этого удивительнаго человѣка сослужила службу дѣлу соціализма и свободы. Съ разныхъ концовъ міра соціалистическія рабочія организаціи и партіи со-

шлись на похоронахъ Лаврова, чтобы снова и снова говорить о великой всемірной задачѣ трудящихся освободить человѣчество отъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. И самые завзятые карьеристы, которыми, къ сожалѣнію, была уже полна тогдашняя партія французскихъ «министерскихъ» соціалистовъ, на мигъ склонились у свѣжей могилы передъ великою цѣльностью Лаврова, какъ мыслителя и человѣка. Такова была, напримѣръ, рѣчь Вивьяни, теперешняго министра труда. Этотъ изъ молодыхъ раннiй соціалистическій оппортунистъ съ умиленіемъ отмѣчалъ ту, видимо поразившую его, особенность въ біографіи великаго покойника, что Лавровъ, принадлежа къ привилегированному сословію, имѣя возможность срывать цвѣты удовольствія по широко раскрывавшемуся передъ нимъ пути счастливой жизни, тѣмъ не менѣе перешелъ въ лагерь труждающихся и обремененныхъ съ тѣмъ, чтобы въ его рядахъ служить вѣрою и правдою устроенію города будущаго.

Революціонная дѣятельность не могла, однако, цѣликомъ поглотить могучаго ума и благороднаго сердца Лаврова. Всю жизнь свою онъ, кромѣ разныхъ революціонныхъ предпріятій и легальной пропаганды своего міровоззрѣнія съ той или другой частной стороны, преслѣдовалъ планъ написать большое сочиненіе, охватывавшее съ его точки зрѣнія всю человѣческую исторію. Съ 1867 г., когда въ «Невскомъ Сборникѣ» появилась его статья «Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли», переходя къ «Очеркамъ систематическаго знанія» («Знаніе», 1871), продолжая «Опытомъ исторіи мысли» (Спб., 1875) и заграничнымъ «Опытомъ исторіи мысли новаго времени» (Женева, 1888-1894), наконецъ, кончая книгою «Задачи пониманія исторіи», которая вышла въ Россіи подъ псевдонимомъ Арнольди (Москва, 1898), а также большою работою «Главнѣйшіе моменты исторіи мысли», этимъ посмертнымъ трудомъ, напечатаннымъ въ Россіи же (Москва, 1903) подъ фамиліею Доленги,—Петръ Лавровичъ не переставалъ стремиться къ осуществленію своей колоссальной научной цѣли. Къ сожалѣнію, это задуманное и осуществлявшееся въ различныхъ формахъ предпріятіе все таки не было доведено до конца. Но и въ своемъ несовершенномъ видѣ попытка эта будетъ являться достойнымъ Лаврова памятникомъ критической мысли, чуждой всякаго мистицизма и религіознаго элемента.

Позволю себѣ охарактеризировать нѣсколькими штрихами личность Лаврова, котораго я зналъ за границей чуть ли не въ теченіе 20-ти лѣтъ и съ которымъ былъ очень близокъ.

Было бы невѣрно думать, что Лавровъ весь исчерпывался въ своихъ сочиненіяхъ, рѣчахъ, брошюрахъ и вообще въ своей казовой революціонной и легальной дѣятельности. Лавровъ сохранялъ свой умъ, живость и силу мысли и въ личныхъ сношеніяхъ. Можно сказать, наоборотъ, что тотъ, кто зналъ Петра Лавровича, только какъ писателя и общественнаго дѣятеля зналъ лишь половину

этой цѣльной, но сложной и могучей индивидуальности. По моему глубокому убѣжденію, мой старый другъ въ частной бесѣдѣ и въ сношеніяхъ былъ даже зачастую интереснѣе, чѣмъ въ томъ, что я назвалъ казовой дѣятельностью. Тутъ его портило разъ навсегда принятое имъ намѣреніе держаться того строгаго, часто отвлеченнаго и суховатаго способа изложенія интересовавшихъ его вопросовъ, который онъ въ личныхъ разговорахъ, добродушно посмѣиваясь надъ самимъ собой, называлъ «псевдо-классицизмомъ». Въ дружескомъ общеніи надъ этимъ псевдо-классицизмомъ бралъ вверхъ непринужденный юморъ, умѣніе необыкновенно глубоко и всматриваться въ окружавшія явленія, и мастерскими неожиданными сопоставленіями сближать ихъ на глазахъ удивленныхъ слушателей съ явленіями всевозможныхъ періодовъ. Его эрудиція,—а эрудиція его была громадна,—давала ему богатый матеріалъ для этихъ непринужденныхъ экскурсовъ.

Я до сихъ поръ не могу забыть бесѣды, которую мнѣ пришлось вести съ Лавровымъ въ періодъ наиболѣе жаркаго проявленія оффиціальнаго франко-русскаго «альянса». Въ Парижъ пріѣхали русскіе гости, и торжества ихъ пріема правительствомъ Третьей республики сводились зачастую къ необыкновенно продолжительнымъ и обильнымъ потребительнымъ священнодѣйствіямъ. Читая въ «Temps» меню одного изъ такихъ пиршествъ, Петръ Лавровичъ покачалъ своей скептической, убѣленной сѣдинами головою и, добродушно посмѣиваясь, сказалъ: «А было бы интересно знать, что подумаетъ, хотя бы черезъ сто лѣтъ, будущій историкъ культуры, если ему попадется въ руки этотъ драгоцѣнный памятникъ изъ исторіи вѣка обжорства». И, отправляясь отъ этой шуточной бутады, Лавровъ развилъ въ необыкновенно блестящей высоко-комичной формѣ значеніе самыхъ первобытныхъ переживаній въ мірѣ того этикета, того церемоніала, ореолъ котораго окружаетъ даже въ процессахъ питанія жизнь высокопоставленныхъ лицъ и вообще привилегированныхъ сословій.

Я упомянулъ объ эрудиціи Лаврова. Это была эрудиція не фальшивая, не основанная на цитатахъ изъ нечитанныхъ книгъ, а предполагавшая дѣйствительное знакомство съ различными сферами человѣческой жизни и мысли. Помню, какъ однажды по поводу моего замѣчанія о характерѣ извѣстнаго произведенія Марка Аврелія «Къ себѣ самому», Петръ Лавровичъ перешелъ къ обрисовкѣ положенія Римской Имперіи при Антонинахъ и скоро развернулъ предо мною необыкновенно точную картину соціальныхъ и политическихъ условій второго вѣка по Р. Х. Цифры, даты, собственныя имена, и произведенія искусства, и научныя изысканія, и экономическій бытъ, и голодныя эпидеміи, и эпидеміи религіозныя,—все это продефилировало передо мною съ такимъ богатствомъ деталей и точностью, какъ если бы мой собесѣдникъ читалъ лекцію, къ которой давно готовился. Вспоминается мнѣ и другой разговоръ. Какъ-то

я выразился о комъ-то, что онъ стоитъ на границѣ геніальности. Лавровъ, по обыкновенію, добродушно улыбнулся и задалъ мнѣ, судя по выраженію его лица, коварный вопросъ: «А много ли, вы думаете, было въ человѣчествѣ настоящихъ геніевъ?.. Я говорю универсальныхъ геніевъ, а не спеціалистовъ»... Затѣмъ слѣдовала блестящая критическая, данная экспромтомъ оцѣнка около десятка-двухъ мыслителей, за которыми Лавровъ признавалъ право называться геніями. Тутъ было и указаніе на ихъ сочиненія, и съ годами ихъ появленія. Тутъ была и оцѣнка тѣхъ элементовъ, которые входили въ міровоззрѣніе каждаго. Тутъ отмѣчалась и доказывалась ихъ большая или меньшая оригинальность,—напр., при сравненіи Демокрита и Аристотеля. «Я очень цѣню Аристотеля: это въ нѣкоторомъ родѣ Гегель IV в. до Р. Х. Онъ былъ универсальнѣе, но, пожалуй, менѣе оригиналенъ, чѣмъ Демокритъ. Иронія судьбы книгъ не пощадила многочисленныхъ философскихъ трактатовъ Демокрита. И, однако, даже если судить по оставшимся обрывкамъ, человѣкъ, который понялъ, что въ мірѣ существуетъ только пустое пространство и атомы, а что всѣ воспринимаемыя нами явленія, теплота, холодъ, горькое, сладкое являются результатами лишь воздѣйствія и комбинаціи воздѣйствій атомовъ на человѣческій организмъ, не можетъ не считаться для своего времени перворазряднымъ геніемъ». И такъ далѣе въ теченіе полчаса...

Но не одно умственное наслажденіе получали вы изъ общенія съ Лавровымъ. Когда его внѣшнее, со всѣми ровное и деликатное обращеніе уступало наединѣ или въ тѣсномъ кругу мѣсто теплому дружескому отношенію, то вы не могли не быть очарованы замѣчательной добротой Лаврова, его горячимъ сочувствіемъ къ людямъ. Я говорю не только о денежной помощи, по крайней мѣрѣ не о ней одной, хотя и въ этомъ отношеніи П. Л., жившій всегда трудомъ, приносилъ жертвы рѣшительно не по своимъ средствамъ и порою крайне урѣзывалъ свои личные ресурсы. Онъ еще болѣе былъ дѣятельно добръ и неподражаемо заботливъ, когда дѣло заходило о нравственной поддержкѣ товарищей. Здѣсь порою нужно было удивляться поразительной деликатности, съ какою Лавровъ старался идти на помощь къ людямъ, слабѣющимъ, или попадавшимъ въ тяжелую передѣлку къ испытаніямъ жизни. Нѣкоторыя черты, характеризующія его постоянное желаніе приносить пользу окружающимъ, просто трогательны. Кто не зналъ уморительной исторіи съ изданіями Толстого, Тургенева, Пушкина и другихъ русскихъ классиковъ, которые десять разъ покупались Лавровымъ для его обширной библіотеки и десять разъ мало по малу расхищались парижской интеллигентной колоніей, отличавшейся,—старый обычай русскихъ людей,—столько же любовью къ чтенію, сколько способностью къ зачитыванію?..

Однако, доброта Лаврова была не голой стихійной стороною его души. Она у него была обработана сознательнымъ процессомъ

мысли. Какъ-то однажды я съ сочувствіемъ цитировалъ ему мнѣніе Добролюбова о томъ, что высоко симпатичны тѣ люди, которые совершаютъ добрыя дѣла импульсивно, поддаваясь влеченіямъ собственной натуры, и не чувствуя, что приносятъ при этомъ жертвы. На это Петръ Лавровичъ мнѣ отвѣтилъ: «Такое поведеніе можетъ быть очень пріятно для тѣхъ, кто пользуется добротой этихъ людей. Но истинно нравственнымъ я его назвать не могу. Нравственность основана на сознаніи. Вырабатывайте альтруистическій идеалъ, и пусть онъ создастъ у васъ массу благородныхъ навыковъ. Но пусть каждый вашъ актъ проникаетъ сознаніе о его внутреннемъ значеніи. И здѣсь должна царить іерархія, іерархія добрыхъ поступковъ, мысль о томъ, какое доброе дѣйствіе въ данный моментъ важнѣе». Этимъ объяснялось, что Лавровъ, бывшій въ сущности очень гуманнымъ, деликатнымъ и добрымъ человѣкомъ, умѣлъ становиться, поистинѣ, страшнымъ по своей безконечной, сознательно практикуемой холодности въ сношеніяхъ съ ренегатами, или людьми, малодушно измѣнившими дорогому ему дѣлу соціализма.

II.

Въ этомъ непретенціозномъ этюдѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы подробно развить міровоззрѣніе Лаврова. Я ограничусь лишь тѣмъ, что укажу на его существенные пункты. Мнѣ очень жаль, что гдѣ-то затерялась своеобразная, гектографированная лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ автобіографія Петра Лавровича. Это маленькое жизнеописаніе характерно для обобщающаго, абстрактнаго способа мышленія Лаврова. Въ немъ нѣтъ ни одного почти указанія на внѣшніе факты жизни. Это есть изображеніе этаповъ, по которымъ шла въ своемъ логическомъ развитіи мысль философа, а внѣшнія даты служатъ лишь вѣхами для опредѣленія того, къ какому періоду относятся новыя видоизмѣненія мысли. Короче сказать, то—автобіографія безплотнаго философскаго духа.

И вотъ какъ рисуется, въ представленіи самого Лаврова, развитіе его мысли, по скольку оно опредѣляется предшественниками, оказавшими наибольшее вліяніе на эту умственную эволюцію въ различные періоды жизни Петра Лавровича. Философъ полагалъ, что самымъ раннимъ его предшественникомъ является Протагоръ съ его знаменитымъ афоризмомъ: «человѣкъ есть мѣра вещей». Дальше Лавровъ отмѣчалъ въ числѣ своихъ предшественниковъ античныхъ скептиковъ, напр., Пиррона. Въ близкое къ намъ время сенсуалисты его привлекали тѣмъ значеніемъ, какое они придаютъ ощущенію и опыту. Въ Кантѣ Лавровъ цѣнилъ упорное отбрасываніе этимъ геніальнымъ мыслителемъ всякихъ попытокъ проникнуть, въ области

теоретической философіи, до сущности вещей. Въ Контѣ ему представлялось родственнымъ то, что этотъ великій противникъ метафизики считалъ, однако, необходимымъ вводить субъективный методъ изслѣдованія въ практическіе вопросы жизни (хотя и неудачно въ своей «Позитивной политикѣ»). Въ Фейербахѣ Лавровъ высоко ставилъ антропологическую точку зрѣнія, которая исходила изъ верховной роли нашей «чувственности» (въ смыслѣ способности ощущать) и изъ аффекта солидарности «я» и «ты». Я бы прибавилъ къ этому, что на ученіи о нравственности Лаврова сказывалось сильное вліяніе Прудона, къ которому вообще Петръ Лавровичъ относился съ большой симпатіей. А въ послѣднюю, вторую полосу своей дѣятельности Лавровъ испыталъ сильнѣйшее дѣйствіе могучаго ученія Маркса.

Самъ Лавровъ называлъ свое стройное и въ общемъ очень цѣльное міровоззрѣніе антропологизмомъ. Но ему, возможно, по моему мнѣнію, съ большимъ правомъ дать наименованіе субъективизма, хотя особаго критико-позитивнаго рода. Во всякомъ случаѣ, то не былъ ни идеализмъ, ни матеріализмъ. Такъ, въ своей статьѣ «Механическая теорія міра» («Отечественныя Записки» 1859 г., т. СХХIII) Лавровъ заявляетъ, что не согласенъ становиться ни на точку зрѣнія идеалистовъ, которые полагаютъ, что все сущее произошло изъ идеи, ни матеріалистовъ, которые видятъ основную причину и корень всего въ веществѣ. Для Лаврова вещество и сила—метафизическія понятія. Любопытно, однако, какъ далеко заходитъ его симпатія къ матеріализму, по скольку онъ старается находить реальную основу ощущеній. Лавровъ строитъ на свой манеръ знаменитую статую Кондильяка. Онъ допускаетъ, что мы, хорошо зная физико-химическіе процессы, происходящіе при мышленіи, можемъ создать такого автомата, котораго мозгъ, являющійся точнымъ воспроизведеніемъ біологической человѣческой матеріи, могъ бы имѣть и соотвѣтствующіе мысли «процессы организма». Такимъ образомъ передъ нами находился бы настоящій человѣкъ со всѣмъ процессомъ иннерваціи, какой замѣчается въ живомъ существѣ. Но, спрашиваетъ себя Лавровъ, предполагая, что у этого автомата происходятъ теперь явленія сознанія, могли ли бы мы, однако, непосредственно, при помощи чувствъ, проникнуть въ эту закрытую для насъ область внутренней души автомата, какъ мы проникаемъ въ міръ матеріальныхъ явленій? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, ибо нельзя выразить состояніе сознанія въ механической формулѣ, и мысль не сводима на движеніе.

Возражая своимъ критикамъ радикальнаго лагеря изъ «Современника» и «Русскаго Слова», Лавровъ рѣзко отрицалъ право какъ у идеализма, такъ и у матеріализма смѣшивать научныя понятія о законахъ явленій съ метафизическими понятіями о сущности (См. уже цитированную нами статью «Моимъ критикамъ» въ «Русскомъ Словѣ», за 1861 г.). «Скептицизмъ въ отношеніи всякой ме-

тафизической теоріи»—вотъ знамя, которое развертываетъ Лавровъ. И, однако, какъ мало онъ былъ противникомъ научно-опытной стороны матеріализма, видно изъ того, что онъ въ своей теоріи личности, о которой мы скажемъ ниже, ставилъ основнымъ началомъ человѣка его стремленіе къ наслажденію. Этимъ объясняется, что метафизикъ Страховъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія религіознаго идеализма, приправленнаго Гегелемъ, жестоко напалъ на этотъ принципъ Лаврова, говоря, что здѣсь Лавровъ подаетъ руку матеріалисту 18-го вѣка, Гельвецію. И любопытно, что, возражая Страхову, Лавровъ прямо говоритъ, что въ стремленіи къ наслажденію именно и нужно видѣть коренное свойство человѣка; а что чистыя идеи, которымъ Страховъ придаетъ такое значеніе въ жизни людей и въ ходѣ исторіи, на самомъ то дѣлѣ могутъ руководить дѣйствіями лишь очень незначительнаго числа людей. Громаднымъ же большинствомъ руководитъ именно побужденіе къ наслажденію и вытекающее отсюда стремленіе къ постройкѣ практическаго идеала (см. «Отвѣтъ г. Страхову» въ «От. Запискахъ», 1860, т. CXXXIII, особенно стр. 108—109).

Для того, чтобы понять настоящимъ образомъ философію Лаврова, нужно сказать себѣ разъ на всегда, что въ центрѣ ея стоитъ личность. Основная черта личности, по Лаврову, заключается въ ея самосознаніи. Но «начальное психологическое явленіе, слѣдующее за самосознаніемъ», и есть именно «стремленіе къ наслажденію и къ устраненію страданія». По пути этого стремленія человѣкъ развивается. Орудіями его развитія являются знаніе и творчество. Комбинаціей этихъ двухъ основныхъ силъ или способностей человѣка и опредѣляется, по мнѣнію Лаврова, содержаніе духовнаго міра личности. Да, человѣкъ стремится къ наслажденію и избѣгаетъ страданія. Да, это начало глубоко эгоистическое. И, однако, изъ этого побужденія и на этой почвѣ рождается и расцвѣтаетъ весь богатый міръ человѣческой индивидуальности.

Посмотримъ, напримѣръ, какимъ образомъ Лавровъ объясняетъ чувство справедливости. Бѣдный, слабый, ограниченный со всѣхъ сторонъ внѣшнимъ міромъ и себѣ подобными, человѣкъ старается при помощи творчества построить идеальный образъ самого себя, лишеннаго этихъ слабостей и немощей. Такъ передъ человѣкомъ становится его «я», его личное достоинство. Разумѣется, на первыхъ порахъ человѣческая личность, какъ существо первобытное и глубоко эгоистическое, надѣляетъ этотъ образъ лишь первобытными же грубыми и эгоистическими чертами. Во имя этого образа человѣкъ желаетъ подчинить себѣ все и вся, подавить такія же естественныя стремленія другихъ личностей. Но въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, дѣйствіе равно противодѣйствію. И личность встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны столь же эгоистическихъ личностей, дѣйствующихъ каждая во имя своего идеала. Въ концѣ концовъ, чтобы примирить свое желаніе осуществить

личное достоинство при сопротивленіи окружающихъ, человѣкъ придумываетъ психологическій выходъ, состоящій въ томъ, что равновѣсію борющихся силъ онъ подставляетъ равноправіе встрѣчающихся и сталкивающихся другъ съ другомъ личностей. «Я долженъ быть оскорбленъ оскорбленіемъ достоинства равной мнѣ личности, какъ всякая равная мнѣ личность должна быть оскорблена оскорбленіемъ моего достоинства. Я долженъ чувствовать въ себѣ не только свое, но и чужое достоинство, наслаждаться наслажденіемъ того и другого, страдать отъ униженія того и другого... Равно уважая свое и чужое достоинство, я *справедливъ*, и справедливость есть расширеніе моего достоинства... Съ первымъ обществомъ, съ первой встрѣчею между людьми, которая не рѣшалась борьбою и подчиненіемъ одного другому, начало равноправности, обоюднаго права на взаимное уваженіе достоинства, явилось по логической необходимости въ душѣ человѣка... *Справедливость* составляетъ нераздѣльное начало человѣческаго достоинства, необходимую и единственную прочную связь между людьми. Понятіе о существахъ равноправныхъ измѣняется, расширяется со временемъ, но, въ каждое историческое мгновеніе, для каждой личности существуетъ кружокъ существъ ей равноправныхъ, въ отношеніяхъ къ которымъ человѣкъ требуетъ отъ себя и отъ другихъ не милосердія, не самоотверженія, а справедливости («Очерки вопросовъ практической философіи», Спб., 1860 г., стр. 58—60, passim).

Кто не увидитъ въ этомъ могучаго вліянія Прудона, который въ своей книгѣ «О справедливости» говоритъ: «Справедливость есть естественно испытываемое (spontanément éprouvé) и взаимно гарантируемое чувство уваженія человѣческаго достоинства, въ чьемъ бы лицѣ и при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни подвергалось опасности и чѣмъ бы мы ни рисковали для его защиты. Это чувство уваженія находится на самой низшей ступени у варвара... оно укрѣпляется и развивается у цивилизованнаго человѣка, который практикуетъ справедливость ради нея самой и безпрестанно освобождается отъ всякаго личнаго интереса и отъ всякихъ религіозныхъ соображеній» *). Но оригинальная черта, вносимая Лавровымъ въ это ученіе о личности, опирающееся, несомнѣнно, въ значительной степени на Прудона, заключается въ томъ, что Лавровъ очень рано снабжаетъ личность способностью критической мысли. Здѣсь уже чувствуется вліяніе лѣвыхъ гегеліанцевъ и въ особенности Арнольда Руге (а не Бруно Бауера, какъ у насъ не особенно доказательно было замѣчено однимъ изъ критиковъ Лаврова). Еще въ статьѣ «Практическая философія Гегеля» («Библіотека для Чтенія», 1859 г. май, стр. 19) Лавровъ съ похвалою цитируетъ слѣдующую мысль Руге: «Критика есть движеніе, про-

---

*) P.-J. Proudhon, «De la justice dans le révolution et dans l'église»: Парижъ, 1858. 1-е изд., т. I, стр. 182—183.

цессъ отдѣленія и въ то же время произвожденіе: это движеніе идетъ какъ въ теоріи, такъ и противъ всего матеріала теоріи, въ особенности противъ жизни. Помощью критики наука сдаетъ обществу свое содержаніе. Критика есть разсудокъ міра, схватывающій и переваривающій это содержаніе».

Но въ то время, какъ Руге усматриваетъ проявленіе этой критики, движущее начало критическаго процесса, въ «религіи» (понимаемой, конечно, въ духѣ лѣваго гегельянства), Петръ Лавровичъ съ самыхъ раннихъ поръ своей дѣятельности рѣшительно выбрасываетъ изъ своего міровоззрѣнія всякое специфически-религіозное начало и замѣняетъ его «убѣжденіемъ», ставя во главу угла живую, конкретную, критически-мыслящую личность, отвергающую всякіе мистическіе элементы и дѣйствующую во имя справедливости. Въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» (Спб., 1861, стр. 92) Лавровъ говоритъ: «Сознаніе присутствуетъ только въ живыхъ, дѣйствительныхъ личностяхъ. Отвлеченныя общественныя единицы суть лишь формы, въ которыя отдѣльныя личности вкладываютъ свое сознаніе... Внѣ личности нѣтъ ни блага, ни справедливости, и она вооружается критикою относительной формъ, ею созданныхъ».

Въ особенности ярко выражается это міровоззрѣніе Лаврова, ставящее основою мысли и жизни личность, въ его знаменитомъ, хотя и небольшомъ сочиненіи «Историческія письма». Суть этого мѣстами замѣчательно пластически и энергично написаннаго произведенія такова. Личности, слѣдуя своему стремленію къ наслажденію, слагаются въ общежитіе съ себѣ подобными. На почвѣ этого сростанія для удовлетворенія эгоистичныхъ потребностей выростаютъ союзы, слагаются храмины обычаевъ, къ которымъ обыкновенно личность не смѣетъ и прикоснуться. Это есть культура. Но человѣкъ ничѣмъ не отличался бы отъ животныхъ, изъ среды которыхъ онъ и вышелъ, если бы съ теченіемъ времени въ немъ не проявилась, не начала зрѣть и крѣпнуть критическая мысль. Воздѣйствуя на культуру, расшатывая общественныя формы, которыя она въ извѣстный моментъ безпощадно отвергаетъ, она превращаетъ вѣчно застывающую культуру въ вѣчно текучую прогрессирующую цивилизацію, вырабатывая такое общество, которое удовлетворяетъ и основнымъ потребностямъ общежитія, и критической мысли личности *). Солью земли, основною причиною человѣческаго прогресса является интеллигенція, состоящая изъ критически мыслящихъ личностей, сначала находящихся въ небольшомъ числѣ, а

*) Это понятіе о «цивилизаціи» собственно развивается подробно Лавровымъ въ его статьѣ „Цивилизація и дикія племена", появившейся годомъ-двумя позже „Историческихъ писемъ" (я говорю не объ отдѣльномъ изданіи). Но всѣ элементы этого взгляда находятся уже на лицо въ „Историческихъ письмахъ".

затѣмъ все болѣе и болѣе расширяющихъ свои ряды. Но, увы! какъ дорого громадное большинство человѣчества заплатило за право имѣть среди себя эту движущую силу исторіи. «Если бы счесть,—говоритъ Лавровъ,—образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній, трудившихся только для поддержанія своей жизни и для развитія другихъ, и если бы вычислить, сколько потерянныхъ человѣческихъ жизней, и какая цѣнность труда приходится на каждую личность, нынѣ живущую нѣсколько человѣческою жизнью—если бы все это сдѣлать, то, вѣроятно, иные наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капиталъ крови и труда израсходованъ на ихъ развитіе». («Историческія письма», 2-е изд., Женева, 1891, стр. 72).

Чтобы возмѣстить человѣчеству эту колоссальную «цѣну прогресса», интеллигенція обязана работать усиленно надъ внесеніемъ въ общественныя формы возможно большей справедливости. Только этимъ путемъ критически мыслящія личности могутъ заплатить за кровь, слезы и страданія милліардовъ человѣческихъ особей, полегшихъ костьми въ борьбѣ за существованіе и создавшихъ своимъ непосильнымъ трудомъ возможность появленія крититически мыслящаго меньшинства. Проповѣдь иниціативной альтруистической дѣятельности, обращенная къ интеллигенціи, льется горячимъ потокомъ въ «Историческихъ письмахъ». Кто не помнитъ знаменитыхъ страницъ: «Какъ!—личность! одинокая, ничтожная, безсильная личность, думаетъ критически относиться къ общественнымъ формамъ, выработаннымъ исторіею народовъ, исторіею народовъ, исторіею человѣчества! Личность считаетъ себя въ правѣ и въ силахъ низвергнуть, какъ идола, то, что остальная масса общества признаетъ святынею и т. д.». (стр. 109). Разбирая эти возраженія, Лавровъ убѣждаетъ личность въ правильности, полезности, достодолжности, нравственности этой критической низвергающей дѣятельности. Онъ опирается при этомъ на основной пунктъ своего міровоззрѣнія: живутъ, наслаждаются, страдаютъ, борются и вырабатываютъ общественныя формы лишь живыя, конкретныя личности. Общество же есть только абстракція, предъ которой не должна ни въ какомъ случаѣ складывать оружіе критическая мысль. И опять словно могучій припѣвъ: борись, личность, ибо только этимъ путемъ ты можешь хотя немного облегчить страданія своихъ безчисленныхъ братьевъ и удовлетворить вѣчно горящую въ твоей душѣ жажду идеала.

«Историческія письма» заканчиваютъ собою тотъ періодъ въ жизни Лаврова, который бы я назвалъ болѣе или менѣе идеологическимъ, радикально-прогрессивнымъ, но не прямо соціалистическимъ, хотя уже и носящимъ на себѣ замѣтное вліяніе соціалистическихъ взглядовъ. Напомню, напр., что еще въ своей теоріи личности Лавровъ смотрѣлъ на собственность, лишь какъ на при-

родную необходимость для развитія человѣческаго «я», ограничивалъ ее условіями, неизбѣжными для существованія живой личности, но рѣзко возражалъ противъ какого бы то ни было права монопольнаго владѣнія («Очерки вопросовъ», стр. 76). Въ біографіи Лаврова мы упомянули о началѣ 70-хъ годовъ, какъ объ эпохѣ, когда этотъ уже въ общемъ сложившійся мыслитель встрѣтился съ современнымъ соціализмомъ какъ на практикѣ, въ видѣ Интернаціонала, такъ и въ теоріи въ видѣ ученія Маркса. Съ этой поры рѣзко опредѣленные соціалистическіе элементы обильно входятъ въ міропониманіе Лаврова, который съ свойственной ему широтой и основательностью мысли ассимилируетъ элементы марксизма,— можетъ быть, платя нѣкоторую дань эклектизму, хотя не столько въ существѣ, сколько во внѣшней формѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдующихъ произведеній. Во всякомъ случаѣ, попытка Лаврова сплавить въ одно свою прежнюю болѣе идеалистическую и послѣдующую болѣе реалистическую точку зрѣнія представляетъ собой очень интересную работу философскаго синтеза.

Видоизмѣненное подъ вліяніемъ Маркса міровоззрѣніе Лаврова, не говоря уже о его статьяхъ во «Впередѣ» и т. п., особенно ярко отразилось на «Опытѣ исторіи мысли новаго времени» и на «Задачахъ пониманія исторіи», гдѣ соціологія окрашена въ сильной степени основнымъ взглядомъ Маркса на значеніе экономики. Такъ, Лавровъ задается вопросомъ, чѣмъ опредѣляется исторія человѣчества, и отвѣчаетъ на него анализомъ двойного ряда человѣческихъ побужденій: ряда, представляющагося съ перваго взгляда альтруистическимъ; и ряда, носящаго повидимому глубоко эгоистическій характеръ. Къ первой группѣ основныхъ потребностей относятся: потребность общежитія, потребность полового сближенія, и родительская привязанность. Тонкое и широко задуманное изслѣдованіе эволюціи отношеній, выросшихъ изъ этихъ, казалось бы, альтруистическихъ потребностей, приводитъ нашего мыслителя къ заключенію, что онѣ не только не способствуютъ выработкѣ истинно человѣческихъ формъ общежитія, но, наоборотъ, создаютъ такія группировки личностей, которыя лишь противодѣйствуютъ истинному прогрессу. Затѣмъ скальпель анализа прилагается Лавровымъ ко второму разряду потребностей, носящему повидимому рѣзко эгоистическій отпечатокъ. Здѣсь мы находимъ тоже троякаго рода потребности: потребность въ пищѣ, потребность въ безопасности, и потребность въ нервномъ возбужденіи. Спрашивается теперь: какая же изъ этихъ потребностей входитъ всего болѣе постоянно дѣйствующимъ факторомъ въ непрерывную эволюцію человѣчества? Потребность ли въ пищѣ, которая опредѣляетъ технику производства, характеръ классовъ, и великое явленіе классовой борьбы? Или же потребность въ безопасности, которая ведетъ къ борьбѣ за власть, къ созданію современнаго государства и вообще къ той, широко драматической сторонѣ общественной жизни, которая называется

борьбой политическихъ партій? Или же это, наконецъ, потребность въ нервномъ возбужденіи, которая своей многовѣковой игрой обогащаетъ умъ и чувство человѣка цѣлымъ рядомъ новыхъ психическихъ элементовъ и складывается въ богатый міръ идей и аффектовъ? Словомъ, что же ведетъ преимущественно людей: экономика, политика, или идея?

Основательнымъ и остроумнымъ разборомъ развитія этихъ потребностей въ различные періоды человѣческаго существованія Лавровъ приходитъ къ заключенію, что по наибольшей напряженности, распространенности и частотѣ проявленій господствующая роль принадлежитъ экономикѣ. «Едва ли не приходится признать,—говоритъ онъ,—что экономическіе мотивы во всѣ эпохи борьбы сознанныхъ интересовъ должны были безусловно преобладать надъ политическими; политическія явленія могли въ значительной мѣрѣ вытекать изъ заботъ экономическихъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ научное пониманіе политической исторіи прежде всего должно искать ей объясненія въ интересахъ экономическихъ» («Задачи пониманія исторіи», стр. 51—52).

Какимъ же, однако, образомъ совмѣстить такое объясненіе исторіи съ тѣмъ взглядомъ на нее, какой бросалъ на нее раньше Лавровъ, когда онъ говорилъ намъ о борьбѣ двухъ въ значительной степени идеологическихъ моментовъ: строя обычныхъ представленій, именуемыхъ культурой, и работы критической мысли, оперирующей надъ измѣненіемъ культуры въ достойную человѣка цивилизацію? Пріемъ Лаврова для разрѣшенія этого противорѣчія, которое можетъ съ перваго взгляда показаться существеннымъ, заключается въ размѣщеніи сравнительнаго преобладанія экономическихъ и идейныхъ факторовъ по различнымъ фазисамъ развитія человѣчества. А именно: если въ центральной части человѣческой исторіи, въ томъ періодѣ, въ которомъ живетъ историческая часть человѣчества и жили ея предшественники,—если, говоримъ мы, въ этой области и въ этой эпохѣ господствуютъ экономическіе интересы и рѣзкая борьба за нихъ между классами, то позади насъ изъ ночи родового общества вырисовывается царство обычая, сильно ограничивающаго всякія побужденія личности, даже и экономическія. А, съ другой стороны, впереди насъ развертывается золотая перспектива грядущаго общества людей-братьевъ, гдѣ на почвѣ нормальнаго удовлетворенія основныхъ потребностей всѣ люди будутъ жить въ такой же степени согласно своимъ убѣжденіямъ и руководиться альтруистическими чувствами, въ какой такъ живутъ и такъ дѣйствуютъ въ наше время лишь исключительныя личности, великіе герои мысли и убѣжденія, полагающіе, не колеблясь, душу свою за други своя.

Надо ли, впрочемъ, прибавлять, что строго дисциплинированный въ научномъ отношеніи умъ Лаврова не допускалъ столь рѣзкаго дѣленія исторіи человѣчества на эти три различные періода,

чтобы уже въ каждомъ изъ нихъ не было или переживаній предшествовавшаго, или зародышей грядущаго? Такъ и въ родовомъ строѣ, гдѣ на человѣка давила масса несокрушимыхъ обычаевъ, уже находились личности и группы личностей, которыя могли руководиться какъ борьбой за сознанные интересы, такъ и убѣжденіями. Съ другой стороны, и въ современномъ обществѣ господство классовой борьбы изъ-за сознанныхъ экономическихъ интересовъ уже отчасти парализуется какъ переживаніями обычаевъ и воззрѣній, идущихъ изъ далекаго прошлаго, такъ и существованіемъ такихъ людей, на челѣ которыхъ горитъ идеалъ будущей, высоко развитой и гуманной личности.

Здѣсь будетъ кстати прибавить, что изученіе переживаній принадлежитъ къ одной изъ наиболѣе удачно изучаемыхъ Лавровымъ областей изслѣдованія. Тѣ, кто думаютъ, напр., судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, хотя бы относительно профессора Духовной Академіи Юркевича, что у Лаврова было хоть какое-нибудь тяготѣніе къ богословскому элементу, жестоко ошибаются *). Съ энергіею, со страстью, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Лавровъ выступилъ на арену литературной дѣятельности, онъ отрицалъ право теологіи на захватъ мышленія и развитого человѣка, и всего прогрессирующаго человѣчества. Анализъ религіозныхъ явленій въ ихъ происхожденіи, развитіи и отмираніи показываетъ Лаврову, что религія была одной изъ первоначальныхъ формъ незрѣлой и слабой человѣческой мысли, и что она постепенно исчезала по мѣрѣ того, какъ передъ человѣкомъ обрисовывались во всей своей красочной привлекательности задачи земли и земного счастья. Кто рѣзче Лаврова расчленилъ религію на ея составныя части: на смутный, инстинктивный, общій міру человѣка и высшихъ животныхъ страхъ передъ враждебной силой; на элементъ «удачи», колдовства, суевѣрныхъ формъ и обрядовъ, словомъ «религіозной техники», при помощи которой человѣкъ, еще не дойдя до представленія о духахъ и божествахъ, старался побѣдить непокорную и грозную природу; на элементъ анимизма, вызывающій къ жизни и фетишей, и шамановъ; на элементъ политическаго и кастового консерватизма, на почвѣ котораго привилегированныя сословія старались закрѣпить свою власть надъ трудящимся большинствомъ, внушая ему почтеніе къ традиціоннымъ идеямъ; на элементъ философской, нравственной и эстетической мысли, который нѣкогда украшалъ, разцвѣчивалъ и придавалъ своеобразную прелесть явленіямъ вѣрованія, но который впослѣдствіи сталъ переходить и окончательно перейдетъ въ область чисто свѣтской, научной, нравственной и художественной мысли?..

Въ любопытномъ этюдѣ Лаврова «Переживанія доисториче-

*) Въ сущности Лавровъ напоминаетъ своимъ оппонентамъ лишь о томъ, что, борясь съ идеалистами, не слѣдуетъ проходить молчаніемъ Юркевича и Гилярова-Платонова, двухъ «самыхъ сильныхъ нашихъ современныхъ діалектиковъ» («Моимъ критикамъ», прим. къ стр. 51).

скаго періода» (Женева, 1898 г.) мы встрѣчаемся на одной страницѣ, даже на протяженіи нѣсколькихъ строкъ, съ очень удачнымъ сплавленіемъ воедино марксистской и лавристской формулы человѣческой эволюціи: «Борьба партій въ историческое время идетъ лишь по внѣшности подъ идейными знаменами консерватизма, прогресса или реакціи. Въ сущности это почти всегда борьба интересовъ личныхъ и классовыхъ, борьба за экономическое господство и за средства эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, борьба за власть, доставляющую возможность этого господства и этой эксплуатаціи. Наибольшая часть интеллигенціи со всѣми своими сторонниками охвачена всецѣло этою борьбою... Даже въ кодексы нравственныхъ ученій, вызываемыхъ работою критической мысли, входятъ элементы этой борьбы интересовъ» (стр. 157). И дальше. «Новый періодъ жизни человѣчества... начался съ выступленіемъ на историческую сцену современнаго научнаго соціализма... Лучше понятая исторія обнаружила, что борьба интересовъ въ прошедшемъ заключалась въ сущности въ борьбѣ классовъ, которая неизбѣжно привела къ современной борьбѣ капитала и труда, и въ этомъ ея фазисѣ опредѣленно указала на возможность прекращенія этой борьбы интересовъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ раздѣленія классовъ. Но то же самое лучшее пониманіе хода историческаго процесса приводитъ къ убѣжденію, что только что указанная возможность способна обратиться въ *дѣйствительность* лишь путемъ энергической иниціативы интеллигенціи, для которой то, что *понято*, какъ *исторически неизбѣжное*, обратилось въ сферѣ актовъ *воли* въ личный обязательный идеалъ, въ нравственное убѣжденіе, неумолимо требующее отъ развитого человѣка дѣйствій, борьбы и жертвъ» (стр. 160).

Не удивляйтесь же, что на послѣдней замѣчательно ярко набросанной страницѣ своихъ «Задачъ пониманія исторіи» «марксистъ»-Лавровъ остается вмѣстѣ съ тѣмъ подлиннымъ, дорогимъ русской интеллигенціи «пропагандистомъ»-Лавровымъ. «Твои индивидуальныя силы, какъ строителя будущаго, ничтожны, но столь же ничтожны были индивидуальныя силы всѣхъ твоихъ предшественниковъ, построившихъ настоящее. Старайся же сдѣлаться историческою силою, потому что лишь этимъ путемъ были одержаны всѣ побѣды, сперва казавшіяся иногда совсѣмъ невѣроятными, и которыя большинство впослѣдствіи готово было признать чудесами. Чудотворцемъ всегда была и будетъ сила мысли и энергія воли личностей, какъ необходимый органъ совершающагося историческаго детерминизма. Когда ты поставилъ передъ собою жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, когда ты положилъ на этотъ идеалъ всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое *я* и твое дѣло своимъ неудержимымъ теченіемъ и уне-

сетъ ихъ въ водоворотъ событій. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошло неустранимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя и приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненныя цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее для милліардовъ незамѣтныхъ особъ, которыя рядомъ съ тобою, сознательно и безсознательно, строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: «побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ» (стр. 371).

Это въ общемъ очень гармоничное, очень своеобразное соединеніе объективизма и субъективизма и является характерною чертою личности мыслителя. Въ той точкѣ изложенія системы Лаврова, на которой мы находимся въ настоящее время, можетъ быть всего цѣлесообразнѣе объяснить читателю, что означаетъ собою въ сущности «субъективный методъ въ соціологіи», который такъ часто не понимали и съ которымъ такъ часто боролись. Въ значительной степени эти споры вокругъ взглядовъ такъ называемой «русской субъективной школы» основаны на недоразумѣніи. И, во всякомъ случаѣ, именно у Лаврова мы найдемъ мало поводовъ къ смѣшенію понятій. Лавровъ въ общемъ опредѣлялъ упомянутый субъективный методъ точнѣе и уже, чѣмъ большинство мыслителей того же направленія, напр., высоко оригинальный Михайловскій *).

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ можетъ показаться, что методъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ примѣняться ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго сознанія. И, однако, дѣло для Лаврова обстоитъ не такъ. Прежде всего онъ замѣчаетъ, что надо различать между субъективнымъ и объективнымъ характеромъ самихъ изучаемыхъ явленій и между субъективнымъ и объективнымъ методомъ, прилагаемымъ къ ихъ изслѣдованію. Съ одной стороны, и въ области естественныхъ наукъ передъ нами развертывается цѣлый рядъ явленій, которыя имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда мы относимъ ихъ къ человѣческому индивидууму. Возьмемъ, напримѣръ, звуковыя и оптическія явленія, которыя воспринимаются человѣческимъ ухомъ и глазомъ. Несомнѣнно, и гамма тоновъ, и спектръ красокъ имѣютъ смыслъ только тогда, когда мы кладемъ въ основаніе ихъ воспринимающую личность. И хотя мы знаемъ, что этимъ

*) Лавровъ относился къ Михайловскому съ величайшимъ уваженіемъ. Неоднократно онъ говорилъ мнѣ, что авторъ „Борьбы за индивидуальность“ и „Записокъ профана“ пришелъ по его, Лаврова, глубокому убѣжденію къ сходнымъ выводамъ въ вопросѣ о субъективизмѣ совершенно самостоятельно, хотя, пожалуй, и нѣсколько позже, чѣмъ самъ Лавровъ. Это не мѣшало Петру Лавровичу отмѣчать нѣкоторые второстепенные пункты разногласія съ знаменитымъ русскимъ философомъ-публицистомъ.

субъективнымъ явленіямъ соотвѣтствуютъ въ мірѣ физическомъ ряды колебаній той или иной среды, однако, изслѣдователю приходится брать за отправный пунктъ именно эти явленія человѣческаго ощущенія. Съ другой стороны, несомнѣнно, что мы должны идти дальше и изслѣдовать ихъ объективнымъ методомъ въ томъ смыслѣ, что каждый изслѣдователь, отправляющійся отъ этихъ явленій, будетъ въ состояніи, при нормальныхъ условіяхъ наблюденія, отыскивать законы данныхъ явленій и сводить ихъ къ прочной основѣ общаго человѣческаго опыта. Точно также субъективны по своему первоначальному характеру и явленія индивидуальной и массовой психологіи, и историческія событія, и соціологическія группы фактовъ, въ которыхъ выражается давленіе тѣхъ или иныхъ человѣческихъ потребностей. Но точно также эти субъективныя по своему характеру явленія могутъ и должны изучаться нами объективнымъ методомъ, по скольку всѣ и каждый наблюдатель, помѣщенный въ нормальныя условія для наблюденія этихъ явленій, могутъ провѣрять перекрестнымъ путемъ взаимнаго освѣдомленія результаты непосредственнаго, личнаго наблюденія.

И, однако, затѣмъ наступаетъ уже другой фазисъ въ изслѣдованіи фактовъ сознанія какъ личнаго, такъ и общественнаго. Конечно, отъ изслѣдователя и естественно-научныхъ и соціальныхъ явленій одинаково требуется возможно полное знакомство съ фактами. Отъ него требуется отбросить далеко отъ себя какъ субъективизмъ невѣжества, такъ и субъективизмъ предразсудка. Но за всѣмъ тѣмъ, по объективномъ изслѣдованіи изучаемыхъ явленій, остается область, въ которой получаетъ право гражданства субъективный методъ. Этотъ методъ заключается въ общемъ взглядѣ на смыслъ и ходъ событій, въ нравственной оцѣнкѣ побужденій отдѣльныхъ людей и группъ, въ умѣніи отличать въ изучаемомъ рядѣ явленій обстоятельства главныя и второстепенныя, существенныя и побочныя, здоровыя и болѣзненныя. Тутъ съ однимъ голымъ знаніемъ фактовъ и съ одной способностью логическаго обобщенія изслѣдователю далеко не уйти. Здѣсь онъ прежде всего долженъ для себя самого, въ извѣстной перспективѣ и съ извѣстнымъ рельефомъ, а отнюдь не на одной плоскости расположить явленія въ извѣстныя разнозначащія группы и указать на тотъ общій путь, которымъ, по его мнѣнію, движутся изучаемыя событія. Здѣсь уже все должно быть расцвѣчено оцѣнкою самого наблюдателя, который, какъ утверждаетъ Лавровъ, не могъ бы даже просто осмыслить событій, если бы пожелалъ относиться къ нимъ такъ же объективно, какъ къ чисто физическимъ явленіямъ. А это общее пониманіе явленій, это осмысливаніе ихъ эволюціи опредѣляется общимъ развитіемъ изслѣдователя, на котораго, въ свою очередь, въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ его большая или меньшая чуткость, его слабый или твердый характеръ, положеніе, которое онъ занимаетъ въ данномъ обществѣ, классѣ, кастѣ, группѣ.

Возьмите, напримѣръ, человѣчество на рубежѣ двухъ міровъ: античнаго и такъ называемаго христіанскаго. Можно предположить двухъ одинаково знающихъ, одинаково умныхъ и логически мыслящихъ изслѣдователей, которые, однако, дадутъ различные отвѣты на общій вопросъ о характерѣ упомянутаго періода. Историкъ съ сильно развитыми религіозными и мистическими тенденціями расположитъ изучаемыя явленія въ такомъ порядкѣ, чтобы изъ него вытекала для читателей громадная важность совершавшагося въ человѣчествѣ духовнаго переворота. Мистическія порыванія «страждущихъ и обремененныхъ» будутъ для такого изслѣдователя совершенно оттѣснять на задній планъ значеніе остававшихся еще въ то время здоровыхъ научныхъ попытокъ, шедшихъ отъ наиболѣе раціональныхъ философовъ древности и стремившихся внести разумное объясненіе въ причины какъ физическихъ, такъ и общественныхъ явленій. Поставьте рядомъ съ такимъ изслѣдователемъ другого изслѣдователя, передъ которымъ, какъ свѣточъ, горитъ идеалъ строгой научной мысли. Для него, нѣтъ сомнѣнія, обрывки философскихъ обобщеній Демокрита, великая поэма матеріализма Лукреція, астрономическія изысканія Гиппарха и Птоломея станутъ на первое мѣсто и оттѣснятъ значеніе мистическаго трепета, охватывающаго толпу при видѣ сомнительныхъ подвиговъ какого-нибудь невѣжественнаго тауматурга.

Подобную же возможность различной оцѣнки можетъ представлять и современная исторія съ ея полуинстинктивнымъ, полусознательнымъ стремленіемъ трудящихся массъ къ лучшему строю коллективности и съ вполнѣ сознательной выработкой соціалистическаго идеала. Представьте себѣ, съ одной стороны, хотя бы Спенсера, который до невѣроятія боится «грядущаго рабства», тиранніи общества надъ индивидуумомъ, и хотя бы нашего Лаврова, который понимаетъ, что именно въ соціалистическомъ общежитіи личность будетъ въ состояніи жить подъ наименьшимъ гнетомъ естественныхъ и соціальныхъ условій и потому полнѣе и свободнѣе развиваться. Въ какую различную картину развернется для того и другого изслѣдователя современная исторія!..

На основаніи различныхъ, порою далеко и глубоко идущихъ, разсужденій Лавровъ приводитъ своихъ читателей къ неотразимому убѣжденію, что и въ соціологіи, и въ исторіи высшее пониманіе изучаемыхъ явленій должно вызывать фатально примѣненіе субъективнаго метода. Мы здѣсь поставили рядомъ два слова «соціологія» и «исторія», смыслъ которыхъ часто смѣшивается. Для Лаврова онъ былъ различенъ. Соціологія, по его мнѣнію, представляетъ собою науку повторяющихся явленій, въ которыхъ выражается выработка чувства солидарности. Она приблизительно соотвѣтствуетъ по отношенію къ индивидууму тому, что называется физіологіей организма. Исторія же есть для Лаврова наука, въ которой дѣло идетъ объ изученіи неповторяющихся явленій, выражающихъ ростъ кри-

тически мыслящихъ личностей и столкновенія ихъ съ общественными формами, которыя, если въ извѣстный моментъ и могутъ удовлетворять потребностямъ человѣка, то затѣмъ теряютъ это свое благопріятное значеніе и требуютъ разрушенія. Исторія соотвѣтствовала бы по отношенію къ отдѣльному человѣку тому, что называется эмбріологіей и біологической исторіей индивидуума.

Смыслъ исторіи, историческій прогрессъ состоитъ, по мнѣнію Лаврова, въ томъ, что уменьшается число неисторическихъ народовъ, а внутри ихъ убываетъ какъ численность «пасынковъ исторіи», т. е. трудящихся массъ, выносящихъ на своихъ плечахъ все зданіе цивилизаціи, такъ и количество «культурныхъ дикарей», т. е. тѣхъ лицъ привилегированныхъ сословій, которыя берутъ изъ окружающей среды всѣ удобства и въ то же время не понимаютъ даже смысла питающей ихъ культуры. Параллельно этому историческому прогрессу, и какъ причина его, и какъ слѣдствіе, растетъ «историческая интеллигенція», т. е. та часть общества, которая простую способность къ наслажденію, зачастую столь эгоистическую, превратила въ способность наслажденія развитіемъ. Для личности, принадлежащей къ этой интеллигенціи, картина физическаго міра и общества должна укладываться въ общую формулу, которая удовлетворяетъ какъ теоретическимъ, такъ и жизненнымъ задачамъ развитого человѣка.

Въ основѣ міровоззрѣнія такой личности находится объединяющая «научная философія», строго изгоняющая изъ человѣческаго сознанія всѣ метафизическіе и мистическіе элементы. Эта область философской мысли включаетъ въ себѣ какъ положительную науку, такъ и нравственную дѣятельность, основанную на надлежащемъ примѣненіи науки къ постановкѣ великихъ жизненныхъ цѣлей. Работающій надъ этими задачами человѣкъ, пускаетъ въ ходъ для осуществленія своихъ цѣлей «техническую мысль», осуществляющую реальныя основанія человѣческой кооперацін, и «творчество общественныхъ формъ», въ которыхъ выражается соціальный идеалъ свободной личности и солидарнаго общества. Это зданіе общежитія изукрашивается, наконецъ, работой «здоровой эстетической мысли», которая выросла изъ зоологической потребности внѣшняго украшенія и въ концѣ концовъ даетъ человѣку міръ художественной правды и красоты. Лишь въ такомъ общежитіи, носящемъ соціалистическій характеръ, покоющемся на трудѣ всѣхъ и на наслажденіи каждаго, будетъ разрѣшена великая историческая противоположность, давно терзавшая друзей человѣчества: вполнѣ свободная личность и крѣпко связанное братскою солидарностью общество.

И этотъ соціалистическій выводъ отнюдь не является для Лаврова, какъ въ томъ его упрекали нѣкоторые либеральные писатели, внѣшнимъ и позднимъ привѣскомъ къ его первоначальному, широкому прогрессивному міровоззрѣнію. Лавровъ-соціалистъ

является гармоническимъ дополненіемъ и развитіемъ Лаврова-демократа и прогрессиста. Мало того, даже принадлежность Петра Лавровича къ партіямъ рѣзко революціоннымъ была строго логическимъ приложеніемъ его общаго міровоззрѣнія къ задачамъ момента. Укажу на одно чрезвычайно любопытное обстоятельство. Съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ его участія въ «Вѣстникѣ Народной Воли» къ нему стала стекаться изъ Россіи и изъ-за границы цѣлая масса писемъ, въ которыхъ его друзья и почитатели, знавшіе Лаврова, какъ руководителя «Впередъ», обращались къ нему съ вопросами о томъ, что же имъ должно теперь дѣлать, и не противорѣчитъ ли теперешняя позиція Лаврова, какъ союзника «Народной Воли», его прежней дѣятельности. Отвѣтомъ на это служила замѣчательная статья Лаврова «Соціальная революція и задачи нравственности». помѣщенная въ №№ 3 и 4 того же «Вѣстника Народной Воли» (Женева, 1884—1885 г.). Въ этой статьѣ ярко указывается прежде всего на тѣсную зависимость между идеаломъ просто прогрессивнаго человѣка и идеаломъ соціалиста. «Соціалистическій нравственный идеалъ оказывается не только не противорѣчивымъ прогрессивному нравственному идеалу, какъ онъ логически развивался въ человѣчествѣ, но единственнымъ возможнымъ осуществленіемъ требованій: для личности—безпрепятственной выработки развитія и осуществленія въ жизни ея достоинства; для общества—распространенія возможности развитія на все большее и большее число личностей и выработки общественныхъ формъ, дозволяющихъ всеобщую кооперацію для всеобщаго развитія».

Что же касается до его позиціи, какъ «вѣрнаго» союзника партіи, не отступающей передъ самыми рѣзкими формами политической борьбы, то и на это Лавровъ давалъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. Теперь я попрошу обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что Лавровъ не только не затушевывалъ въ этой высоко замѣчательной статьѣ своихъ прежнихъ взглядовъ, но, наоборотъ, приводилъ ихъ цѣлыми большими цитатами, точно обозначая годы написанія предшествовавшихъ статей. И изъ общаго развитія статьи, окончательная мысль которой служила цементомъ этихъ цѣнныхъ глыбъ, выходило, что у Лаврова могли мѣняться оттѣнки идеала, но общее направленіе его могучаго міровоззрѣнія, основаннаго на единствѣ теоретическихъ и практическихъ задачъ, вело къ одному и тому же: бороться въ первыхъ рядахъ наиболѣе активной арміи прогресса, каковой могла быть лишь соціалистическая партія.

Вотъ эта-то послѣдовательность мысли, неуклонно указывавшая, словно магнитная стрѣлка, на соціалистическій идеалъ, и была особенно дорога русскимъ активнымъ дѣятелямъ, порою обреченнымъ на самыя тяжелыя условія личнаго существованія. Не могу забыть волненія, которое охватило Лаврова, когда въ день празднованія его семидесятилѣтія, организованнаго въ 1893 г. нами, его

идейными товарищами за границей, «изъ глубины сибирскихъ рудъ» пришло посланіе поэта-каторжанина, которое отличалось столь же великой мужественностью мысли, какъ и изяществомъ и энергіей формы. И до сихъ поръ звучатъ еще у меня навсегда врѣзавшіяся въ память строфы стихотворенія къ «Учителю»:

Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ, не поникшій могучей душой!..
. . . .
Въ темницахъ отчизны, на солнцѣ чужбины,
Надъ Леной, подъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ,
Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучомъ!

Таковъ, да именно таковъ, былъ удивительный человѣкъ и рѣдкостный мыслитель, который вѣчно будетъ дорогъ всей мыслящей передовой и соціалистической Россіи.

Н. Е. Кудринъ.

Исторія моего современника.

Студенческіе годы.

———

V.

Я кидаю якорь въ Семеновскомъ полку.

Я проснулся рано, кажется, отъ нестерпимаго восторга. Мой спутникъ еще спалъ. Я подошелъ босикомъ къ окну и выглянулъ на улицу. Лиговка тогда представляла еще каналъ или, вѣрнѣе, гнилую канавку, черезъ которую на близкихъ разстояніяхъ были кинуты мостки. Небо было пасмурное, сѣрое. Такъ и надо: не даромъ же Достоевскій сравниваетъ его съ сѣрой солдатскою шинелью... Вотъ оно. Дѣйствительно, похоже. На верхушку Знаменской церкви надвигалась отъ Невскаго ползучая мгла. Превосходно. Вѣдь это опять много разъ описанные „петербургскіе туманы". Все такъ! Я, несомнѣнно, въ Петербургѣ.

На столикѣ въ нашемъ номерѣ лежала небольшая книжонка съ планомъ города. Я жадно схватилъ ее и, неодѣтый, сталъ изучать улицы, по которымъ намъ нужно будетъ идти, чтобы разыскать ровенскихъ товарищей: Семеновскій полкъ, Малый Царскосельскій проспектъ, д. № 4, кв. 8. Когда Корженевскій всталъ, и мы напились чаю, я очень увѣренно повелъ его по Невскому проспекту. Онъ удивлялся, не довѣрялъ мнѣ и все останавливался, боясь „заблудиться".

— Послушайте, вотъ вы говорили — будетъ Аничковъ мостъ съ лошадьми. Гдѣ же они? Никакихъ лошадей нѣтъ.

— Вотъ и лошади, а это вотъ Александринскій театръ. Видите? А за нимъ мы свернемъ налѣво, по Садовой... Вотъ это публичная библіотека.

— Послушайте,—опять сомнѣвался онъ,—вотъ вы говорите—будетъ Сѣнная площадь... Идемъ, идемъ, а площади нѣту.

Но и площадь оказалась на мѣстѣ, что, правду сказать, и во мнѣ вызывало нѣкоторое радостное удивленіе. На Обу-

ховскомъ проспектѣ стоялъ вагонъ конки. Онъ только-что пришелъ, и кучеръ переводилъ лошадей съ задняго конца на передній. Во мнѣ созрѣла дерзновенная рѣшимость сѣсть на верхушку. Не столько отъ того, что мои провинціальныя ноги уже чувствовали непривычную каменную мостовую, сколько для познанія всякаго рода петербургскихъ вещей, какъ сказалъ бы Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Корженевскій опять усомнился.

— Послушайте, что вы! Посмотрите: никто не садится...—говорилъ онъ тихо, останавливая меня за пальто. Но я отчаянно отмахнулся и сталъ подыматься по лѣсенкѣ.

Оба мы въ эту минуту немного напоминали г-на Голядкина изъ „Двойника" Достоевскаго, когда этотъ бѣдняга подымался на лѣстницу доктора Крестьяна Ивановича Рутеншпица. Корженевскій былъ Голядкинъ робкій и сомнѣвающійся въ своемъ правѣ, а я — Голядкинъ горделивый, увѣрявшій себя, что мы, „какъ и всѣ", не лишены права ѣхать на имперіалѣ этой великолѣпной конки.

Вагонъ тронулся. Направо — надпись: „институтъ инженеровъ путей сообщенія". Кто туда поступилъ изъ нашихъ? Кажется—никто. Мостъ. Фонтанка. Мы оба привстали и, вытягивая шеи, слѣдимъ за невиданнымъ зрѣлищемъ: подъ мостъ втягивалась барка, груженая дровами. Дальше—длинное зданіе „Константиновскаго военнаго училища". Сюда поступили два брата Заботины и Завердяевъ... А вотъ налѣво длинное зданіе съ красновато-желтыми стѣнами. Сидѣвшій съ нами рядомъ молодой человѣкъ въ синей блузѣ, очкахъ, высокихъ сапогахъ и шапкѣ съ зеленымъ околышемъ, поднялся и быстро сошелъ по лѣсенкѣ. „Смотрите, смотрите! Это Технологическій институтъ..." Широкій фасадъ на углу двухъ улицъ. Положительно, зданія имѣютъ свою физіономію. Какая умная физіономія! Похожа... на что?.. На то, какъ я представлялъ себѣ директора Ермакова. Величаво и серьезно у подъѣзда виднѣлись входящія, выходящія, останавливающіяся фигуры. Нашъ недавній сосѣдъ шелъ, точно домой, здороваясь и весело переговариваясь на ходу.

— Вотъ типичный студентъ,—сказалъ я Корженевскому.— И какая умная физіономія.

Впослѣдствіи я съ нимъ познакомился. Увы! еще разъ пришлось убѣдиться въ своей непроницательности. Юноша, дѣйствительно, былъ очень типиченъ и очень недалекъ.

Однако, оглядываясь на институтъ и пяля глаза по сторонамъ, я зазѣвался. Вагонъ, тихо погромыхивая, миновалъ роту за ротой и поровнялся съ небольшой часовенкой на углу двухъ улицъ... Я поднялся.

— Господинъ кондукторъ, это не Малый Царскосельскій?—спросилъ я съ тревогой.

— Онъ самый.

Я, какъ сумасшедшій, кинулся внизъ, увлекая встревоженнаго Корженевскаго... Часовенка осталась уже назади... Повернувшись къ ней лицомъ, я соскочилъ съ площадки вагона. Кто-то, будто, прихватилъ меня за пятки и кинулъ на грязную мостовую. А вагонъ уплывалъ дальше, точно корабль, съ котораго человѣкъ упалъ въ море, и на задней площадкѣ я видѣлъ испуганное лицо моего спутника...

Кондукторъ позвонилъ и спустилъ бѣднягу не особенно любезно, пояснивъ, что прыгать надо впередъ.

Итакъ,—вотъ это уголъ Малаго и Большого Царскосельскихъ *). Часовня. Такъ. Она прописана въ запискѣ. Домъ номеръ второй... Мелочная лавочка... Домъ четвертый. Все такъ. Квартира 12, по этой вотъ лѣстницѣ...

— Ну, что! Видите, привелъ!—похвастался я передъ Корженевскимъ, который все-таки имѣлъ такой видъ, точно не вѣрилъ, что все это предпріятіе можетъ кончиться благополучно. Правду сказать, и мнѣ казалось все это маленькимъ чудомъ: недѣли три назадъ, въ Ровно, на мосту Сучковъ набросалъ въ моей записной книжечкѣ нѣсколько линій и цифръ. И теперь это все разворачивалось съ такой точностью вотъ въ эту часовенку, лавочку, домà съ тѣми самыми номерами... И черезъ минуту у насъ окажется свой человѣкъ, землякъ и товарищъ среди этого шумно-грохочущаго человѣческаго океана... А что, если мы позвонимъ, откроется дверь, и чужіе люди скажутъ намъ, что мы ошиблись? Никакого Гриневецкаго нѣтъ. А есть только все чужое, равнодушное, незнакомое. Вотъ только дернуть за звонокъ... Пожалуй, еще разсердятся...

Дверь открылась. Молодая горничная, которую мы приняли за „барышню", не разсердилась и не удивилась, а равнодушно отвѣтила, что Гриневецкій, Мирославъ Ивановичъ, живетъ здѣсь, но его нѣту дома. „Войдите, можетъ скоро будутъ".

Въ просторной, но очень безпорядочно обставленной комнатѣ, куда мы вошли, было двое молодыхъ людей. Одинъ сидѣлъ на стулѣ. Далеко протянувъ ноги и закинувъ голову такъ, что видѣлся конецъ носа, онъ безпорядочно и неумѣло тренькалъ на гитарѣ. Другой у окна крутилъ папиросу, кося глаза на какую-то толстую книгу.

Нашъ приходъ не произвелъ на нихъ особаго впечатлѣ-

*) Теперь Забалканскій проспектъ.

нія. Гитаристъ еще нѣкоторое время перебиралъ струны, потомъ поднялся.

— Вы, вѣрно, Мирочкѣ будете ты-ывариишши?—спросилъ онъ. Лицо у него было почти мѣдно-красное, не совсѣмъ чистое, и говорилъ онъ съ какимъ-то своеобразнымъ акцентомъ на *ы*, точно выдавливая слова.

— Да, мы изъ Ровно.

— Гы-ыварилъ онъ. Ды вотъ укрутило ево. Сами ждемъ.

— Шата-атся... долго что-то, — буркнулъ читающій и опять уткнулся въ книгу. Лицо у него показалось мнѣ необыкновенно интеллигентнымъ и серьезнымъ: крупныя черты, тонкіе усики надъ полными губами, раздвоенная бородка и темные густые волосы, закрывавшіе лицо, когда онъ наклонялся надъ книгой. Тогда дымъ проходилъ черезъ эти волосы, и мнѣ почему-то вспомнилось некрасовское: „студентъ не будетъ посыпать твоихъ листовъ золой табачной".—„Настоящій, серьезный",—подумалъ я почтительно.

— Будемъ знакомы,—сказалъ молодой человѣкъ, тренькавшій на гитарѣ.—Никулинъ, Ардальонъ. Студентъ-технологъ.

— Веселитскій, — сказалъ пріятной грудной октавой другой.

Раздался опять звонокъ и въ комнату вошелъ Гриневецкій. Это былъ высокій красавецъ, съ золотисто-русыми волосами, падавшими ему на плечи, и большими сѣрыми глазами. Въ бѣлой ризѣ онъ могъ бы сойти за архангела въ какой-нибудь мистеріи. Такимъ, какъ теперь, въ пледѣ, небрежно кинутомъ на плечи,—онъ походилъ на нѣмецкаго художника временъ романтизма. Въ гимназіи онъ шелъ двумя классами впереди меня и считался звѣздой. Я смотрѣлъ на него снизу вверхъ, и теперь меня тронуло открытое радушіе, съ какимъ онъ насъ встрѣтилъ. Впрочемъ, радостное оживленіе тотчасъ же сошло съ его лица, и на немъ проступила забота. Скинувъ пледъ, онъ швырнулъ на постель какой-то свертокъ и зашагалъ по комнатѣ. Ступалъ онъ тихо, не стуча, а какъ-то шлепая по полу пятками. Приглядѣвшись, я убѣдился въ печальной истинѣ: каблуковъ въ сапогахъ вовсе не было, и на полу оставались сырые слѣды.

— Ну-съ, слѣ-ды-вательно, Мирочка? — протянулъ Ардальонъ Никулинъ, глядя на Гриневецкаго вопросительно.

— Слѣдовательно, ни черта! — сердито отвѣтилъ Гриневецкій.

— Ы-ыд-нако?

— Полтора, вотъ тебѣ и однако.

Ардальонъ громко и язвительно фыркнулъ...

— Пх-хы-ы... — исто-брія. Ды ты-ба, чудакъ, объяснилъ ему: вѣдь только весной выкупили за восемь...

— Онъ говоритъ: поносите еще лѣто, и полтинника не дамъ.

— Резонъ,—спокойно сказалъ Веселитскій. Онъ все читалъ, какъ будто не интересуясь ни разговоромъ, ни послѣдствіями неудачи. А я почтительно догадывался, что Гриневецкій, навѣрное, ходилъ въ кассу ссудъ, носилъ что-нибудь закладывать. Ожиданія обмануты, и теперь они въ безвыходномъ положеніи. Конечно. Можетъ ли быть иначе: студенты, интеллигентные пролетаріи! Еще это, кажется, называется „богема"... Въ Парижѣ есть Латинскій кварталъ... Тамъ тоже наука и нищета живутъ, какъ родныя сестры... Что, если-бы...

Я посмотрѣлъ на моихъ новыхъ знакомыхъ. Сносно одѣтъ былъ только Никулинъ. Веселитскій былъ безъ сюртука, одинъ рукавъ рубахи не застегнутъ, карманы широкихъ брюкъ надорвались и оттопырились. Я подумалъ, что съ моей стороны, можетъ быть, не было бы дерзостью мечтать о томъ, чтобы примкнуть къ ихъ коммунѣ.

Дѣло это сладилось какъ-то само собой, легко и просто. Компанія, дѣйствительно, переживала кризисъ. Въ комнатѣ имъ уже отказали. Она была для нихъ слишкомъ дорога и роскошна. Въ томъ же домѣ освободилось подъ самой крышей помѣщеніе какъ разъ для четверыхъ, и оно можетъ быть названо великолѣпнымъ литературнымъ словомъ „мансарда". За прежнюю квартиру осталось четыре рубля, а у компаніи ни копѣйки, ни чаю, ни сахару. Гриневецкій заходилъ къ Сушкову, на его прежнюю квартиру, въ четвертую роту, но онъ еще не пріѣхалъ.

Мои семнадцать рублей оказались цѣлымъ богатствомъ. Черезъ полчаса у нихъ весело кипѣлъ самоваръ, на столѣ былъ бѣлый хлѣбъ и колбаса, а подъ вечеръ мы перевезли наши чемоданы прямо въ „мансарду". Корженевскій къ намъ не примкнулъ. Побѣдивъ свою робость и разспросивъ, какъ это дѣлается,—онъ пустился по Семеновскому полку, читалъ билетики, осторожно подымался по лѣстницамъ, робко звонилъ, вѣжливо торговался и къ вечеру уже нанялъ себѣ дешовую и удобную комнату.

— Ы-ыста-рожный молодой человѣкъ, — сказалъ Ардальонъ,—бла-гаразумный. Уклонился отъ зла и сотворилъ благо...

— Што-шъ, — серьезно подчеркнулъ Веселитскій. — И вѣрно... Съ нами тутъ тоже, братецъ... добра не наживешь.

И онъ махнулъ рукой. Мнѣ очень понравилась эта самообличительная фраза и серьезный тонъ, какимъ она была

сказана... Но по существу я, конечно, былъ съ нею не согласенъ и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Можно ли такъ сразу устроиться лучше.

Вечеромъ мы уже были на новой квартирѣ. Низкая комната, раздѣленная надвое деревянной переборкой. Небольшія квадратныя окна. Уголъ потолка скошенъ, такъ какъ комната подъ крышей.

Мои новые товарищи давно легли, а я стоялъ у окна и смотрѣлъ... Таинственная мутная тьма. Безпорядочные огни; гдѣ-то надъ трубой красный огонь, гдѣ-то свистокъ паровоза, и цѣпочка огней бѣжитъ по равнинѣ... Что окажется днемъ въ этомъ туманномъ хаосѣ изъ темноты, огней и тумана? Конечно, что-то превосходное, необычайное, неожиданное.

Спать мнѣ опять не хотѣлось. Сонъ вытѣснялся почти восторженной радостью. Я въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, въ мансардѣ подъ крышей, съ тремя товарищами-студентами... Я подсѣлъ къ деревянному простому столу и сталъ писать письмо брату. Мнѣ хотѣлось отсюда, съ этой великолѣпной мансарды, закинуть въ далекій бѣдный городишко переполнявшія меня чувства. „Да, мнѣ везетъ необычайно. Сразу же я успѣлъ устроиться среди интеллигентныхъ пролетаріевъ, живущихъ, какъ птицы небесныя. Мои новые товарищи—народъ великолѣпный. Гриневецкаго ты помнишь, только между теперешнимъ Гриневецкимъ и тѣмъ, какого мы знали въ Ровно, отношеніе такое-же, какъ между скромнымъ гимназистомъ и типичнымъ студентомъ. Онъ возмужалъ и развернулся. Никулинъ—не особенно привлекателенъ по наружности, но очень своеѳбразенъ. Превосходный знатокъ философіи. Цитируетъ Льюиса, а передъ Куно-Фишеромъ преклоняется за то, что этотъ философъ (къ стыду моему я о немъ не имѣю понятія) очень рѣшительно расправляется съ представителями старыхъ системъ.—„Кы-ыкъ онъ яво, братецъ ты мой, двинулъ пы-ыб-аашкѣ...—говоритъ онъ своимъ удивительнымъ акцентомъ—дыкъ только звонъ пышолъ!" И при этомъ угрюмо фыркаетъ, заливаясь тоже своеобразнымъ смѣхомъ. Но, кажется, самый замѣчательный изъ этой компаніи—Василій Ивановичъ Веселитскій. Онъ костромичъ, сынъ священника, изъ семинаровъ. Въ немъ чувствуется разночинецъ, типъ Помяловскаго, только безъ болѣзненной рефлексіи, уравновѣшенный, спокойный, увѣренный. Говоритъ мало, съ костромскимъ акцентомъ на а (шата́-атся, гуля́-атъ), серьезно и вѣско. Другіе называютъ его Васькой и слегка надъ нимъ посмѣиваются. Онъ относится къ этому философски, и мнѣ чувствутся въ немъ еще невысказавшаяся, крупная сила, которой суждено когда-нибудь

проявиться чѣмъ-нибудь поразительнымъ. Онъ постоянно читаетъ, почти не отрываясь отъ книги. Когда мы переносились въ свою новую комнату,—онъ предоставилъ намъ всѣ хлопоты, а самъ захватилъ только книги, и мы его застали уже у подоконника, опять за чтеніемъ. Крутитъ и муслитъ папиросу, а глаза скошены на раскрытыя страницы. Точно онъ вѣкъ живетъ здѣсь и читаетъ. И знаешь, что именно онъ читаетъ такъ внимательно? Я заглянулъ, когда онъ ненадолго вышелъ въ другую комнату. Представь: календарь Германа Гоппе. Раскрыто было на отдѣлѣ „Статистика. Пространство и народонаселеніе". И въ другой разъ: „Санитарныя условія Петербурга". Тутъ-же лежитъ толстая книга „Уложеніе о наказаніяхъ". Почитаетъ одну, отодвинетъ, заглянетъ въ другую. Углубится, обдумаетъ что-то и опять придвинетъ первую. Надъ этимъ способомъ чтенія тоже посмѣиваются, но мнѣ не смѣшно. Господи! Какъ я еще не развитъ. Еще не такъ давно даже Добролюбовъ и Бѣлинскій казались мнѣ труднымъ чтеніемъ. А вотъ человѣкъ, который находитъ интересными сухія цифры. Статистика! Санитарное состояніе Петербурга! Ты гораздо развитѣе меня и уже пишешь въ газетахъ. Но и для тебя статистика предметъ сухой и неизвѣстный. А онъ не только разбирается въ этихъ сухихъ цифрахъ, но еще находитъ какія-то непонятныя связи между санитарнымъ состояніемъ Петербурга и уложеніемъ о наказаніяхъ. И, конечно, такія связи есть. Но какая нужна глубина ума, чтобы ихъ постигнуть, уловить и слѣдить за ними въ мысли. Очевидно, этотъ своеобразный умъ идетъ какими-то своими оригинальными путями. Я мечтаю о томъ, чтобы съ нимъ сблизиться, стать его другомъ и ученикомъ"...

Кончилъ я поздно. И когда потушилъ свѣчу, то долго еще улыбался въ темнотѣ, подъ храпъ товарищей. Громче всѣхъ храпѣлъ Ардальонъ. За нимъ Веселитскій подхрапывалъ какъ-то особенно солидно, пріятно.

Утро было только продолженіемъ того-же восторженнаго настроенія. Въ квадратныя окошки искоса и игриво заглядывало солнце, и улица вся оглашалась разнообразными и очень музыкальными криками. Тогда петербургскія улицы были гораздо пѣвучѣе, чѣмъ теперь. Звонкій женскій голосъ пѣлъ: „клюква яг-года, клюква!" Мужской баритонъ: „То-очить ножи, ножницы, бритвы править!" Солидная низкая октава тянула что-то длинное и, какъ будто, печальное, кончавшееся словами: „Що-отки половыя". Наконецъ, горловой голосъ татарина кидалъ кверху, точно орлиный клекотъ: „Хал-лятъ, хал-лятъ!"

А когда по улицѣ громоздко проѣзжали тяжелые возы, то нашъ домъ весь вздрагивалъ мелкою дрожью и чуть-

чуть позванивали стекла. Я знаю: вѣдь это Петербургъ, городъ, построенный на зыбкихъ болотахъ.

Изъ окна характерный видъ петербургской окраины— крыши, пустыри, дворы, заводскія трубы. Надъ деревянными домишками высились каменныя громады, виднѣлись полукруглые резервуары газоваго завода, скучные фасады фабрикъ. Далѣе у горизонта лежала полоса деревьевъ, и на солнцѣ среди нихъ сверкали стѣны церквей. Это было Волково кладбище.

Мнѣ казалось, что все это—и пѣвучіе крики разносчиковъ, и заводскіе гудки, и торопливые свистки паровозовъ на вѣткѣ, соединяющей Николаевскую дорогу съ Царскосельской,—имѣетъ какое-то отношеніе къ моему пріѣзду... Все, какъ будто, радуется вмѣстѣ со мною.

VI.

Я увлекаюсь технологіей.

Зданіе института кишѣло, какъ муравейникъ, хотя лекціи еще не начинались.

Въ то время выпускъ за выпускомъ кончали реалисты, и все это хлынуло въ техническія заведенія. Центръ тяжести студенческой жизни замѣтно перетягивался съ Васильевскаго острова къ Измайловскому и Семеновскому полкамъ. Въ одинъ Технологическій институтъ въ тотъ годъ поступило на первый курсъ полторы тысячи человѣкъ, и вся эта масса еще до 15-го августа наполнила коридоры канцеляріи, чертежныя. Земляки назначали здѣсь первыя свиданія, встрѣчались послѣ каникулъ прежніе товарищи, получали письма, записывали адреса, брали въ канцеляріи виды на жительство, занимали мѣста въ чертежныхъ.

Студенческая толпа того времени совершенно не походила на нынѣшнюю. Формы не было. Костюмы были самые разнообразные, но преобладали высокіе сапоги и сѣрыя или синія блузы съ ременными кушаками. Блузы бывали щегольскія, съ расшитыми карманами, въ которыхъ утопали золотыя цѣпочки, и ихъ перехватывали широкіе спортсмэнскіе пояса. Но большей частью это были блузы простыя, покупаемыя по 60 или 75 копѣекъ въ Александровскомъ рынкѣ, подпоясанныя узкими ремешками. Такъ какъ институтъ былъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, то къ этому костюму студенты прибавляли порой фуражки съ зелеными околышами.

Но и безъ этой фуражки студента-технолога можно было узнать на улицѣ. Общій видъ этой студенческой толпы былъ

демократическій. Много длинныхъ шевелюръ, очковъ и пледовъ. Надъ всей этой пестротой лицъ, фигуръ, костюмовъ зарисовывался, какъ будто, общій типъ, и я съ радостью ловилъ въ немъ странно-знакомыя черты... Крѣпкій и грубоватый заводскій рабочій, съ интеллигентнымъ лицомъ и „печатью мысли“. Тотъ самый идеальный молодой человѣкъ, какого я выдумалъ послѣ чтенія Шпильгагена. Герой изъ „Между молотомъ и наковальней“, съ высотъ культуры сходящій въ рабочую среду... Связь двухъ міровъ, рабочій интеллигентъ или интеллигентный рабочій.

Я шелъ съ Гриневецкимъ по коридору, и глаза у меня разбѣгались, восторженно ловя детали этого новаго міра. Гриневецкаго окликнули. Ему протягивалъ руку высокій блондинъ, съ крупными чертами лица и съ ухватками добродушнаго медвѣдя; его сѣрая блуза носила слѣды замытыхъ масляныхъ пятенъ. Онъ крѣпко потрясъ руку Гриневецкаго и сказалъ:

— Здраствуйте. Ну, что, какъ живется? Что дѣлали на каникулахъ?

Гриневецкій слегка покраснѣлъ. Они были вмѣстѣ на первомъ курсѣ. Теперь этотъ русый богатырь перешелъ уже на третій.

— Ничего...—отвѣтилъ Гриневецкій и спросилъ въ свою очередь:—а вы?

— Я ѣздилъ на паровозѣ въ Полѣсье, съ балластными поѣздами... Для практики.

— Трудно?

— Ничего. Я здоровъ. Сначала кочегаромъ, потомъ помощникомъ машиниста. Интересно.

Около насъ образовался кружокъ. Другіе тоже были на разныхъ „практикахъ“: простыми рабочими, табельщиками, монтерами. „Хожденія въ народъ“ съ политическими цѣлями тогда еще не было. Студентовъ принимали охотно, покровительствовали имъ, ничтожныя жалованья увеличивали умѣренными „наградами“. Возвращались студенты съ большимъ запасомъ впечатлѣній и съ небольшими деньгами на первое время. Я жадно прислушивался къ этимъ разсказамъ, отъ которыхъ на меня вѣяло трезвою бодростью и вмѣстѣ—отголосками моей мечты.

Все огромное зданіе казалось приспособленнымъ къ выработкѣ именно этого интеллектуальнаго типа, создавало его атмосферу и обстановку. На стѣнахъ таблицы съ чертежами и элементами машинъ. Огромные винты, вычерченные по точно вычисленнымъ кривымъ, рычаги, кривошипы, валы, маховыя колеса, эксцентрики. Изъ цифръ рождаются линіи, изъ линій возникаютъ формы. Вотъ онѣ уже окрашиваются

въ цвѣта чугуна, желѣза и мѣди, облекаются своей металлической плотью, выстраиваются молчаливыми моделями... Воображеніе невольно бѣжитъ дальше, туда, гдѣ онѣ грохочутъ на фабрикахъ, летятъ по рельсамъ. Тяжко и размѣренно дышатъ паровики, взадъ и впередъ движутся поршни, дребезжатъ зубчатки, вѣтеръ летитъ отъ маховыхъ колесъ, поѣзда мчатся по безконечнымъ равнинамъ... И около этой стихіи движутся люди,—сотни тысячъ, огромный, невѣдомый рабочій народъ, загадочнымъ обликомъ котораго заинтересована вся литература...

Все это, конечно, не въ такихъ точныхъ понятіяхъ, общо и смутно, но сильно овладѣвало моимъ воображеніемъ. Огромное зданіе, наполненное говоромъ и шумомъ, смѣхомъ и гуломъ разговоровъ, казалось мнѣ тоже чѣмъ-то въ родѣ интеллектуальной фабрики, вырабатывающей новаго человѣка для новой жизни. Образъ адвоката на каѳедрѣ, въ черномъ фракѣ, съ выразительными жестами обращающагося къ судьямъ,—какъ то сразу поблѣднѣлъ въ моихъ глазахъ по сравненію съ колоритной фигурой „технолога". Почему, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стать непремѣнно адвокатомъ? Развѣ все, что я здѣсь вижу, чувствую, угадываю, — не интереснѣе? Развѣ не поэма—этотъ переходъ отвлеченной математической формулы въ тяжелую машину, покорную движенію человѣческой воли?.. Тяжкая работа скованной металломъ стихіи... Власть ума надъ безмысленной силой природы и... неясное, но заманчивое участіе въ стихійной жизни милліонной рабочей массы.

Ни „хожденія въ народѣ", ни готовыхъ народническихъ программъ тогда еще не было. Это стихійно носилось въ воздухѣ, возникая изъ общей интеллектуальной атмосферы того поколѣнія.

По коридорамъ, а затѣмъ черезъ дворикъ, гдѣ дымила труба и бойко вылетали шипящія струйки бѣлаго пара, Гриневецкій провелъ меня въ мастерскія. Здѣсь работали студенты и простые рабочіе, подъ руководствомъ мастеровъ. Студенты выбирали мѣста и записывались, переговариваясь съ знакомыми по прошлому году сосѣдями. Пахло машиннымъ масломъ, вертѣлись валы, волнуясь, бѣжали въ воздухѣ безконечные ремни, легко повизгивалъ супортъ токарнаго станка. Въ тискахъ виднѣлись красиво выпиливаемыя гайки, металлическія формы, возникающія изъ безформенныхъ обрубковъ.

Гриневецкій и тутъ встрѣтилъ знакомыхъ. Пока онъ разговаривалъ съ ними, я стоялъ въ мастерской, слѣдя за ея своеобразной жизнью. Подъ слитное жужжаніе шкивовъ и движеніе ремней, мое подвижное воображеніе уносилось

далеко отъ данной минуты... Еще нѣсколько лѣтъ... Я овладѣю техникой, выработаюсь въ такого-же умнаго и крѣпкаго рабочаго, какъ этотъ полѣсскій практикантъ. Живу въ рабочей казармѣ, среди простыхъ, суровыхъ, но добрыхъ людей. Въ свободные часы читаю имъ умныя книги, говорю о наукѣ, о какомъ-то, теперь еще и для меня неясномъ, но лучшемъ устройствѣ жизни. Всѣ должны быть равны, всѣ братья... Подходитъ моя рабочая очередь. Я надѣваю кожаную куртку и становлюсь на площадку паровоза. Перевожу рычагъ. Клокочетъ паръ, стучатъ и лязгаютъ буфера, тяжело ворочаются колеса. Быстрѣе, быстрѣе. Огромный тяжкій поѣздъ, съ сотнями людей, везущихъ куда-то свои радости и горе, свои надежды и стремленія, летитъ на встрѣчу буйному вѣтру, поглощая пространство... Гулкій свистокъ кричитъ „прочь съ дороги“ всему, что можетъ быть еще тамъ, впереди... Мелькаютъ мимо разноцвѣтные сигнальные огоньки, столбы, мостики, будки... Деревья, точно скошенныя, валятся назадъ, огни деревень вспыхиваютъ по сторонамъ и проваливаются въ сумеречную тьму...

Маленькая станція. Остановка. Дебаркадеръ, освѣщенный фонарями. Машинистъ заботливо осматриваетъ паровозъ, смотритъ манометръ, пробуетъ рычаги. Публика прохаживается въ ожиданіи звонка. Къ паровозу подходитъ нарядная дама объ руку съ важнымъ господиномъ. Это, конечно она, пренебрегшая тихой, но глубокой любовью скромнаго гимназиста. Съ выраженіемъ празднаго мимолетнаго интереса она заглядываетъ въ будку паровоза... Что-то въ лицѣ загорѣлаго человѣка въ кожаной курткѣ привлекаетъ вниманіе дамы, будитъ неясныя воспоминанія... Но приглядываться некогда. Звонокъ. Они уходятъ. Поѣздъ опять ныряетъ въ темноту ночи. Изъ окна перваго класса задумчиво смотритъ женское лицо. *Она* и не подозрѣваетъ, что ихъ жизнь, надежды, счастіе—въ рукахъ этого человѣка въ кожаной курткѣ, тамъ, въ головѣ поѣзда, у пышущей огнемъ топки паровоза. Она можетъ спать спокойно. Машинистъ зорко смотритъ впередъ, на далекіе сигнальные огни, и твердой рукой держитъ рычагъ. Вонъ впереди туманное зарево. Огни... Какой-то городъ. Тутъ ихъ дороги расходятся. Она пойдетъ своимъ широкимъ путемъ, къ свѣтлымъ вершинамъ жизни. Его путь не туда... Онъ понесется дальше, въ тьму и ненастье, все впередъ и впередъ, навстрѣчу невѣдомой новой жизни... И свѣтятъ ему тамъ, впереди, лишь скромные огоньки убогихъ избъ, гдѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ простые и темные люди...

Гриневецкому пришлось сильно дернуть меня за рукавъ, чтобы вернуть къ дѣйствительности изъ дальняго путешествія на паровозѣ. Когда мы вернулись опять въ главный

корпусъ, — въ одномъ изъ музеевъ меня поразила новая сцена. Высокій молодой человѣкъ, въ черномъ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ, стоялъ среди группы заинтересованныхъ студентовъ и, держа руку на головкѣ какого-то цилиндрическаго чугуннаго сооруженія,— разсказывалъ объ его устройствѣ и дѣйствіи. Видъ у него былъ совершенно профессорскій, и я очень удивился, узнавъ, что это только студентъ четвертаго курса. Онъ изобрѣлъ какую-то печку съ спеціальными техническими цѣлями. Модель ея была изготовлена въ мастерскихъ, и вскорѣ предстояла демонстрація новаго изобрѣтенія...

— Первый поясъ,—говорилъ молодой ученый, глядя безстрастнымъ взглядомъ куда-то поверхъ головъ своихъ слушателей,—соотвѣтствуетъ зонѣ подготовленія въ доменной печи... Онъ доходитъ отъ колосниковъ вотъ сюда, приблизительно до одной трети. Второй—зона возстановленія. Здѣсь, какъ извѣстно, углекислота, дѣйствуя на раскаленный уголь.

Я ничего не понималъ въ этой лекціи, но красивая, чисто интеллигентная фигура лектора, съ тонкими чертами и необыкновенно выразительными черными глазами на блѣдномъ лицѣ, въ свою очередь, завладѣвала моимъ воображеніемъ. Въ идеальномъ образѣ моего современника наскоро производились нѣкоторыя усовершенствованія по новому плану. Что, если бы черезъ нѣсколько лѣтъ онъ... вотъ такъ же, какъ этотъ молодой человѣкъ съ одухотвореннымъ лицомъ творца-изобрѣтателя... Но дальнѣйшій полетъ фантазіи наткнулся тотчасъ же на явную несообразность. Черезъ нѣсколько лѣтъ... Точнѣе—черезъ четыре года... Нѣтъ, совершенно невѣроятно. Такіе люди, очевидно, созданы изъ другого тѣста. А мы въ своей гимназіи надъ гніющими прудами учились кое-какъ, безъ одушевленія, безъ искренняго стремленія къ знанію... Я опять казался себѣ такимъ маленькимъ и тусклымъ...

Уходилъ я въ этотъ первый день изъ института съ самымъ возвышеннымъ представленіемъ о студенчествѣ и съ самымъ печальнымъ о себѣ. У самаго выхода я столкнулся съ юношей моего возраста, очевидно, тоже новичкомъ. Онъ былъ моего роста, безусый и одѣтъ смѣшно, какъ и я. На немъ была сѣрая шинель, на которой гимназическія пуговицы были спороты и замѣнены черными кожаными. Наши взгляды какъ-то значительно встрѣтились. Казалось, мы оба, какъ въ зеркалѣ, увидѣли другъ въ другѣ свое отраженіе, и оно намъ обоимъ не нравилось. „И этотъ тоже... студентъ!“—прочиталъ я собственную мысль въ его недружелюбномъ взглядѣ.

Нѣтъ, никогда мнѣ, кажется, не сдѣлаться настоящимъ

студентомъ,—думалъ я уныло. Гриневецкій тоже какъ-то померкъ: встрѣчи съ бывшими товарищами напомнили ему о двухъ напрасно ушедшихъ годахъ. На улицѣ моросилъ тонкій пронизывающій дождикъ. Утромъ было тепло, и я вышелъ безъ пальто, въ одномъ лѣтнемъ костюмѣ работы почтеннаго ровенскаго Шимка. Пиджачекъ букетиками промокъ и облипъ на мнѣ, какъ тряпка. Я проклиналъ его. Мнѣ вспомнились патетическія слова Гейне о нанковыхъ панталонахъ... „Молодой человѣкъ сидитъ и спокойно пьетъ кофе, а между тѣмъ въ широкомъ, отдаленномъ Китаѣ растетъ и цвѣтетъ его гибель. Тамъ она прядется и ткется и, несмотря на высокую стѣну, находитъ дорогу къ молодому человѣку. Онъ принимаетъ ее за пару нанковыхъ панталонъ, беззаботно надѣваетъ и дѣлается несчастнымъ". Такъ и я беззаботно надѣлъ въ Ровно этотъ костюмъ, и съ тѣхъ поръ всѣ замѣчаютъ прежде всего, что я смѣшонъ. Точно онъ сшитъ съ заклятіемъ: дѣлать изъ своего обладателя мокрую курицу, мѣшать превращенію жалкаго ровенскаго гимназиста во взрослаго и „типичнаго" петербургскаго студента....

Въ этотъ или одинъ изъ ближайшихъ дней мы съ Гриневецкимъ шли въ Александровскій рынокъ за какими-то покупками. Теплый дождь опять поливалъ насъ на первой ротѣ, на Фонтанкѣ, на Вознесенскомъ. Я опять чувствовалъ себя мокрой курицей, когда навстрѣчу намъ попался Зубаревскій. Я полюбилъ эту фигуру и встрѣчалъ его, точно родного. Онъ былъ все въ томъ же заношенномъ, рыжемъ пальтишкѣ. Оно тоже обмокло, и тоже облипло на плечахъ, а съ некрасиво обвисшихъ полей его шляпенки стекали капли дождя. Но онъ не замѣчалъ этого. Онъ весь былъ поглощенъ разговоромъ съ какимъ-то товарищемъ, и оба они шли подъ дождемъ такъ царственно-беззаботно, точно не было ни дождя, ни шлепающихъ лужъ, ни облипшихъ пальтишекъ, ни смѣшныхъ промокшихъ шляпенокъ. Я радостно поздоровался съ нимъ и нѣкоторое время съ восхищеніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ... Вѣдь вотъ и онъ плохо одѣтъ и нисколько не подходитъ къ эстетическому типу студента. Но, очевидно, совершенно свободенъ отъ угнетающаго меня чувства. Почему это? Потому, что совсѣмъ не думаетъ о внѣшности, а думаетъ о другомъ, о внутреннемъ, о важномъ... Значитъ, и мнѣ нужно забыть о внѣшности и думать только о важномъ. [illegible]

Около одной лавченки [illegible] Гриневецкій остановился и сказалъ:

— Знаешь что: купи себѣ [illegible]

Мы купили ее за полтинникъ. Торговецъ завернулъ въ бумагу мою мокрую шляпу, а я надѣлъ на голову фуражку съ зеленымъ околышемъ. „Не надо бы и этого"—подумалъ я про себя, но не устоялъ противъ соблазна: видно все-таки, что и я принадлежу къ великой корпораціи, а тамъ—какъ кому угодно. Потомъ мы купили еще удобную и дешевую сѣрую блузу, кажется, за 75 копѣекъ. Послѣ этого я уже не помню, чтобы меня тяготилъ вопросъ о костюмѣ...

VII.

Легкое увлеченіе въ сторону.

До начала серьезныхъ занятій пріѣзжая молодежь цѣлыми стадами бродила по Петербургу. Знакомились со столицей, разыскивали товарищей, при чемъ каждая встрѣча за гранью привычной жизни казалась особенно интересной и значительной... Заходили во дворы-колодцы, поднимались по лѣстницамъ, врывались въ меблированныя комнаты, наполняя ихъ шумомъ и преувеличенной развязностью новичковъ, подражающихъ опытнымъ старожиламъ. Толкались по панелямъ освѣщенныхъ улицъ, завязывали случайныя знакомства, кое-гдѣ нарывались на легкіе скандалы и съ гордостью разсказывали объ этомъ другъ другу...

Однажды громкимъ стукомъ въ двери запертаго номера (въ знаменитомъ домѣ Яковлева на Садовой),—гдѣ жилъ товарищъ Залуцкій—мы заставили открыть ихъ. Залуцкій открылъ, неодѣтый, немного сконфуженный и испуганный. Потомъ всѣ дружно расхохотались: у ширмы, загораживавшей постель, стояла пара женскихъ ботинокъ... Черезъ четверть часа номерной подалъ самоваръ, принесъ булокъ, и вся компанія, шумно переговариваясь, пила чай, который разливала наскоро одѣвшаяся случайная хозяйка съ улицы...

Это была грязь и безстыдство, но безстыдство какое-то непосредственное, открытое, почти безгрѣшное. Въ немъ не было еще рефлексіи, оно скользило, не затрогивая совѣсти. Тогда не было, или почти не было ни такъ называемаго „полового вопроса" въ литературѣ, ни анкетъ по этому вопросу среди учащейся молодежи. Взрослые, по большей части, говорили съ юношами объ этихъ предметахъ просто, какъ объ обычныхъ житейскихъ дѣлахъ, а нѣкоторые учителя совершали съ только что окончившими гимназистами самыя рискованныя экскурсіи. Еще недавно этимъ юношамъ нельзя было курить. Это воспрещалось гимназическими правилами. Теперь учитель либерально протягивалъ юношѣ портсигаръ... Гимназическое правило исчезло. Другого въ глазахъ „сред-

няго мущины“ не было... И юноши спѣшили пользоваться свободой... Самое большее, что у насъ было—это инстинктивная стыдливость, безсознательный остатокъ семейныхъ вліяній...

Только впослѣдствіи, когда въ студенческую среду хлынуло такъ называемое „движеніе“, оно, наряду съ общественной нравственностью, затронуло и расшевелило смежные вопросы личной морали.

Роковой вопросъ не рѣшенъ, конечно, и теперь. Но онъ поставленъ. Явился стыдъ, рефлексія, сомнѣніе въ правѣ. И это, конечно, большой шагъ впередъ...

. . . .

Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ цѣлой компаніей мы отправились въ танцклассъ господина Марцинкевича. Это почтенное учрежденіе, хотя подъ другимъ названіемъ, существуетъ, кажется, и въ настоящее время на томъ же мѣстѣ, на углу Гороховой и Фонтанки. Подъѣздъ его, освѣщенный электричествомъ, такъ же торжественно обтянутъ полосатымъ тикомъ.

За входъ брали тогда дешево, что-то около 30 копѣекъ, но тщательно слѣдили, чтобы костюмы „гостей“ были приличны. Впрочемъ, приличіе понималось довольно широко. Для студентовъ дѣлалось исключеніе. Не допускали, помнится, только высокихъ сапогъ...

Мы пришли еще сравнительно рано. По ярко освѣщеннымъ заламъ бродили великолѣпныя, какъ мнѣ показалось, дамы, и я былъ очень удивленъ, когда одна изъ нихъ безъ церемоніи усѣлась на колѣни къ незнакомому Гриневецкому. Это была совсѣмъ еще молоденькая блондинка, съ шрамомъ на лицѣ, который придавалъ странную оригинальность ея почти дѣтскимъ чертамъ.

Манеры у нея были, точно у красиво-ласковой кошечки, она слегка картавила и безъ церемоніи звала „красавчика студента“ къ себѣ на Большую Гребецкую.

Гости начинали съѣзжаться, становилось шумнѣе. Къ намъ подошелъ и, поздоровавшись съ Гриневецкимъ, усѣлся рядомъ на стулѣ молодой человѣкъ, одѣтый съ небрежнымъ изяществомъ. Съ Гриневецкимъ онъ заговорилъ по польски, съ пѣвучимъ варшавскимъ акцентомъ. Въ тѣ годы въ Технологическомъ институтѣ было много студентовъ-варшавянъ.

Въ аудиторіяхъ то и дѣло перелетали звонкія польскія фразы, выдѣлявшіяся на фонѣ русскаго говора, какъ и „культурныя“ фигуры поляковъ на сѣромъ фонѣ русскаго студенчества.

Они лучше одѣвались, и въ ихъ манерахъ сквозилъ особен-

ный варшавскій шикъ, пренебрежительно щеголеватый. Подошедшій къ намъ студентъ являлся даже нѣсколько преувеличеннымъ выраженіемъ этого варшавскаго типа. У него была лѣнивая походка, черные волосы съ проборомъ à la capoul красивыми кольцами спускались на лобъ. Легкая полупрезрительная улыбка какъ будто застыла на губахъ, въ уголкѣ которыхъ онъ держалъ большую сильно накуренную сигару... Онъ тотчасъ заговорилъ съ дѣвушкой. Самъ не сказавъ ни одного грубаго слова, онъ очень комично вызывалъ ее на двусмысленности и даже не смѣялся, а только поощрялъ ее съ ласковымъ пренебреженіемъ. Отъ нечего дѣлать, онъ игралъ съ нею, какъ съ занятной кошкой или комнатной собачонкой. Но вдругъ, среди разговора вскинулъ пенснэ и заинтересованно повернулся къ дверямъ.

Въ залъ входила новая пара. Какой-то плотный господинъ въ штатскомъ велъ подъ руку молоденькую дѣвушку. Въ немъ можно было угадать не то крупнаго коммерсанта, не то виднаго чиновника, привыкшаго властвовать и приказывать. Лысый черепъ, крупная нижняя челюсть, толстая красная шея, сильно нафабренные усы и выраженіе грубой надменности въ лицѣ придавали этой крупной банальной фигурѣ что-то непріятное, но вмѣстѣ дѣлали ее раздражающе замѣтной. Его дама была одѣта съ бьющей въ глаза роскошью. На ней было свѣтло-розовое шелковое платье съ бѣлой мѣховой оторочкой кругомъ глубокаго декольте. Прекрасное лицо полу-ребенка, каштановые волнистые волосы, слегка надменное выраженіе,—все показалось мнѣ обаятельно-чистымъ, свѣжимъ и невиннымъ. Въ груди шевельнулось что-то,—смутное сходство, волнующее воспоминаніе. Я наклонился къ Гриневецкому и сказалъ тихо:

— Послушай, Мирошка... Здѣсь, значитъ, бываютъ и порядочныя женщины.

Полякъ, сидѣвшій по другую сторону Гриневецкаго, поправилъ пенснэ и комично приподнялъ бровь.

— Неофитъ?—тихо спросилъ онъ у Гриневецкаго.—A to dopiero smieszny facetus z tego pana (какой смѣшной господинъ).

Но тотчасъ же, очень вѣжливо повернувшись прямо ко мнѣ, сказалъ:

— Это, если вамъ угодно знать,—Галька изъ Влодавы. Я зналъ ее еще въ крулевствѣ. Галька, Ганечка, Галина!

И, глядя въ упоръ на подходившую къ намъ пару,—онъ сказалъ, не повышая и не понижая голоса:

— Знаете, зачѣмъ она сюда явилась? Чтобы показать своего... вотъ этого... И чтобы вотъ такія бѣдняжки (онъ съ

презрительной безцеремонностью взялъ за подбородокъ свою молоденькую собесѣдницу) завидовали ея шелковому платью... А? Что, неправду я говорю?..

— Ишь... фигуряетъ,—съ нескрываемой завистью сказала дѣвушка...

Господинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Красивая головка его дамы вскинулась еще надменнѣе...

И они прошли дальше, привлекая общее вниманіе...

Въ этомъ вниманіи, повидимому, было что-то особенное, вызывавшее легкое безпокойство. Господинъ, поворачивая назадъ, что-то шепнулъ своей дамѣ. Она „покраснѣла“ и чуть замѣтно кивнула головой... Повидимому, они рѣшили уѣхать...

Когда они поравнялись опять съ нашими стульями, студентъ вынулъ изо рта сильно накуренную сигару, посмотрѣлъ на нее, какъ будто, съ сожалѣніемъ и вдругъ неожиданнымъ движеніемъ бросилъ передъ собой, какъ-бы не замѣчая проходящихъ. Дама испуганно вскрикнула. Мелькнувъ въ воздухѣ, сигара ударилась въ приподнятый вѣеръ. Горячая зола просыпалась на обнаженное плечо и за корсажъ. Дама выдернула свою руку изъ-подъ руки кавалера и побѣжала въ уборную.

Все это сдѣлалось такъ быстро, что ея кавалеръ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ оглянулся съ недоумѣніемъ на смѣющихся кругомъ гостей и потомъ повернулся къ студенту... Молодой человѣкъ сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, все въ той-же позѣ, съ протянутыми впередъ ногами и даже заложивъ руки въ карманы. Господинъ посмотрѣлъ на него съ тупо-недоумѣлымъ бѣшенствомъ... Мгновеніе казалось, что этотъ грузный человѣкъ обрушится на своего изящнаго некрупнаго противника. Но вдругъ онъ повернулся и пошелъ навстрѣчу дамѣ, которая вышла изъ уборной, закрывая платкомъ заплаканное лицо. Онъ подалъ ей руку, и они прошли по залу, среди наглаго хохота, свиста, циничныхъ замѣчаній и ругательствъ... Въ залу вбѣжалъ полный господинъ во фракѣ, самъ Марцинкевичъ или его управляющій и, тревожно оглядываясь, говорилъ:

— Господа, господа... Пожалуйста, у насъ приличное заведеніе... Скандаловъ дѣлать нельзя... Господа, прошу покорно...

Съ эстрады, по его знаку, грянулъ ритурнель... Танцоры кинулись приглашать дамъ и занимать мѣста. Публика отхлынула къ танцующимъ, и черезъ минуту въ залѣ начался бѣшенный, невиданный, невообразимый шабашъ. Наемные канканеры сразу и, вѣроятно, нарочно взяли самый разнузданный темпъ. Взлетали кверху ноги и извивались туловища,

подымались кверху и вѣяли въ воздухѣ юбки. Мужчины, нарумяненныя женщины, красивыя дѣвушки, почти подростки бѣшено кружились, налетали другъ на друга съ циническимъ хохотомъ. Хлестали по воздуху отвратительныя взвизгиванія, дрожало пламя лампъ, звенѣли стеклянныя подвѣски канделябръ, оркестръ скакалъ въ изступленномъ бѣшенствѣ, подхлестывая изступленныхъ людей. Съ лѣстницы входили полицейскіе, встрѣченные хохотомъ, свистками, мяуканіемъ. Оскорбленный студентомъ господинъ шелъ вмѣстѣ съ ними, оглядываясь по сторонамъ и впиваясь въ толпу гнѣвно выпученными глазами. Между тѣмъ, въ сосѣдней залѣ закипалъ новый скандалъ. Какой-то невзрачный господинъ, похожій на простого русскаго приказчика, выпившій и верткій, какъ обезьяна, кинулъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ цилиндръ высокаго, прямого, какъ палка, господина, который одиноко фланировалъ по заламъ, держа цилиндръ назади. Монеты громко звякнули, а когда господинъ рѣзко повернулся, онѣ покатились по полу. Для г-на Марцинкевича выдался тревожный вечеръ. Опять смѣхъ, крики, свистки...

Мы, нѣсколько новичковъ, инстиктивно собрались около Гриневецкаго, который оглядывался съ характерной озабоченностью въ выразительно выпуклыхъ глазахъ.

— Пойдемъ, господа... Будетъ огромный скандалъ. А этотъ франтъ, Лазовскій, чортъ бы его побралъ, сидѣлъ съ нами...

Мы торопливо спустились внизъ, когда наверху появилась фигура Лазовскаго. Тамъ, въ залахъ, его разыскивали, а онъ стоялъ на площадкѣ, такой-же щеголеватый и презрительно спокойный. Не торопясь, онъ раскуривалъ сигару отъ спички, которую ему почтительно подалъ офиціантъ. Закуривъ, онъ сталъ тихо спускаться по ступенямъ, между тѣмъ какъ швейцаръ торопливо снималъ съ вѣшалки его пальто.

Безконечный дождь тихо моросилъ съ мутнаго неба, закрытаго мглистымъ заревомъ фонарей. Къ освѣщенному подъѣзду подкатывали рысаки и извозчики. Щеголеватые господа подавали руки дамамъ, которыя поддерживая шлейфы, соскакивали съ пролетокъ и быстро вбѣгали въ переднюю. Подходили студенты, мелкіе чиновники, приказчики, дѣвушки съ улицы. Все поглощалось освѣщеннымъ вестибюлемъ и подымалось на лѣстницу въ залъ, гдѣ гремѣла музыка, чтобы заглушить и потопить разыгравшіеся скандалы.

Для меня на первое время все это было слишкомъ сильно. Въ душѣ стояла какая-то муть. Наглая музыка. Обиліе женщинъ. Ихъ цинизмъ и открытая доступность. Вихрь канкана...

жуть смутнаго воспоминанія, печаль о женскомъ образѣ, застилаемая ядовитой мглой чувственныхъ впечатлѣній,—все это еще кружилось въ душѣ, какъ темный илъ на днѣ омута... Потомъ всего яснѣе и устойчивѣе сталъ выдѣляться изъ этого хаоса образъ Лазовскаго, съ его красиво-сдержанной наглостью и спокойнымъ цинизмомъ. Лицо съ черными кудрями на лбу и холоднымъ взглядомъ, будто, вырѣзалось среди слякотной тьмы, и предательское воображеніе уже пыталось накинуть на него покровъ идеализирующаго романтизма? Конечно, это было жестоко. Въ моей памяти встало на мгновеніе молодое женское лицо, искаженное стыдомъ, обидой и физической болью... Но почему онъ сдѣлалъ это? Гдѣ-то тамъ, у себя, онъ встрѣчалъ эту дѣвушку. Былъ влюбленъ. Мечталъ? Разстался, мечтая? И теперь встрѣчаетъ ее подъ руку съ этимъ наглецомъ, русскимъ чиновникомъ. Вотъ почему онъ бросилъ сигару. Любовь, выродившаяся въ гнѣвное презрѣніе. И какъ удивительно-красиво онъ это сдѣлалъ! Безъ преднамѣренности, безъ приготовленія, безъ размышленія. Мысль, какъ молнія, и движеніе, какъ молнія. И что за самообладаніе, когда этотъ сильный человѣкъ повернулся къ нему. Ни одного жеста, ни движенія бровью. Спокойная внутренняя сила, не нуждающаяся во внѣшнемъ проявленіи. Почему этотъ человѣкъ его не ударилъ? Легко могъ ударить, смять, исковеркать. Но студентъ былъ увѣренъ, что не ударитъ, и этой увѣренностью окружилъ себя, точно магическимъ кругомъ...

И... нужно признаться. Это было недолго, но все же было, воображеніемъ моего современника овладѣлъ на время образъ танцъ-класснаго мефистофеля, съ такой красивой небрежностью устраивающаго скандалы... Разумѣется, не просто скандалы, а скандалы съ романической или тенденціозной подкладкой... Месть за поруганную любовь... Преслѣдованіе торжествующей пошлости... Какъ бы то ни было, знакомый уже читателю воображаемый молодой господинъ, съ наружностью, похожей на мою, только опять усовершенствованной въ новомъ жанрѣ,—получалъ новую фантастическую командировку... Конечно, на время, въ промежуткахъ между другими дѣлами... Но все же... У него такія-же небрежныя манеры. Его знаютъ въ „петербургскомъ полусвѣтѣ"... Интересуются, боятся его злого языка и неожиданныхъ выходокъ во вкусѣ m-r Батманова...

Мой современникъ стоялъ на раздорожьи съ воображеніемъ, богатымъ отъ природы и развитымъ преждевременнымъ чтеніемъ. Никто еще, кажется, не обращалъ достаточно вниманія на это вліяніе литературы. Своей критикой и своими летучими образами она разрушаетъ въ поколѣніяхъ

душевную цѣльность, созданную въ данныхъ условіяхъ. И, лишенныя старой цѣльности, молодыя души ищутъ другой, новой, стремятся сложиться по новому еще только угадываемому будущему типу. А въ это время молодая душа легко порывается вслѣдъ за всякой, поражающей ее чужой непосредственностью и силой...

Впрочемъ, это маленькое влеченіе въ сторону было не особенно опасно. Оно держалось на разстояніи отъ Семеновскаго моста до Малаго Царскосельскаго проспекта. На чердачкѣ номеръ 12 оно погасло. Мой современникъ не гордъ. Онъ не приписываетъ этого ни своей добродѣтели, ни твердости нравственныхъ правилъ. Обстоятельства, въ которыхъ онъ начиналъ свою столичную жизнь, уже сами по себѣ были неблагопріятны для мелькнувшаго передъ нимъ „идеальнаго типа". И среди нихъ, кто знаетъ, не слѣдуетъ ли поставить на первомъ планѣ не разъ уже упомянутое искусство ровенскаго портного. Чѣмъ-чѣмъ, а психологіей танцъ-класснаго Чайльдъ-Гарольда очень трудно было проникнуться, чувствуя себя въ костюмѣ такого замѣчательнаго покроя...

VIII.

Чердакъ № 12, его хозяева и жильцы.

Впослѣдствіи, когда розовый туманъ, застилавшій мои глупые глаза, разсѣялся, смѣнившись ощущеніемъ разочарованія и безвкусицы, нѣсколько прочныхъ свѣтлыхъ образовъ все-таки остались въ памяти отъ этого года. Въ числѣ ихъ я храню благодарное воспоминаніе о нашей мансардѣ вообще и объ ея хозяевахъ: Ѳедорѣ Максимовичѣ и Маврѣ Максимовнѣ Цывенкахъ, въ частности.

Онъ былъ типичный николаевскій солдатъ съ характерными николаевскими усами, переходившими у самыхъ ушей въ бакены. Когда, собираясь на ежедневную службу въ „ланбартъ" на Казанской, онъ надѣвалъ свой долгополый мундиръ съ тугимъ воротникомъ, то лицо его краснѣло, а усы щетинились необыкновенно сердито, даже грозно. Но это впечатлѣніе было обманчиво. Въ сущности, это былъ молчаливый добрякъ, совершенно подчинившійся своей супругѣ.

Мавра Максимовна была „изъ шпитонокъ". Въ раннемъ дѣтствѣ изъ воспитательнаго дома она была отдана въ финскую деревню, въ которой и усвоила на всю жизнь характерный русско-финскій жаргонъ. Ѳедоръ Максимовичъ у нея каждый день уходил*а* въ должность, а кошка лака*лъ* молоко и выскакива*лъ* на крышу. Это придавало ея рѣчи наивно-дѣтскій оттѣнокъ, да и вся она была похожа на толстаго

крупнаго ребенка. Человѣкъ служивый и пансіонеръ, Ѳедоръ Максимовичъ, будучи уже въ почтенномъ возрастѣ, взялъ безродную сиротку „за красоту“, и жизнь ихъ текла необыкновенно мирно. Онъ называлъ ее не иначе, какъ Мавра Максимовна и обращался на вы, а она его попросту Цывенко или „мой Цывенко“ и говорила ему ты. Онъ съ утра наряжался, принималъ строгій видъ и уходилъ на службу, а она приступала къ стряпнѣ. Стряпня, впрочемъ, не занимала много времени: Мавра Максимовна раза два въ недѣлю варила въ большомъ горшкѣ кусокъ мяса съ костью, и этотъ наваръ служилъ на нѣсколько дней, превращаясь то въ щи, то въ супъ, то въ лапшовникъ. Отъ него въ квартирѣ стоялъ густой характерный запахъ капусты и свѣчного сала. Затѣмъ въ маленькой комнаткѣ хозяевъ начинала стучать машинка. И стучала долго, ровно, съ короткими перерывами, въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Это Мавра Максимовна прирабатывала въ добавокъ къ пенсіи и жалованью мужа шитьемъ больничныхъ балахоновъ по 6 копѣекъ за штуку. Въ серединѣ дня по всей квартирѣ разносился запахъ цикорнаго кофе; заходила какая-нибудь сосѣдка, чтобы за чашкой сообщить послѣднія новости нашей лѣстницы. Потомъ опять начинался стукъ машинки. Часовъ въ шесть Мавра Максимовна откладывала работу и собирала обѣдъ въ той же комнаткѣ. Когда раздавался звонокъ, ея круглое лицо озарялось такой радостью, точно ея Цывенко возвращался изъ опаснаго далекаго путешествія. Они обѣдали, отдыхали полчаса за пологомъ, а потомъ садились за работу уже вмѣстѣ. Она продолжала сметывать балахоны, а онъ, вооруживъ вздернутый кверху носъ роговыми очками, ковырялъ толстой иглой штаны изъ необыкновенно грубаго богадѣленнаго сукна... Потомъ пили чай и играли въ дурачки. Въ это только время мы и слышали иногда голосъ Цывенка: это бывало какое-то радостное курлыканіе, когда ему удавалось выиграть. Но онъ больше проигрывалъ, и потому чаще слышались звонкія, наивно радостныя восклицанія его Мавры Максимовны. Мы смѣялись, что Цывенко все еще влюбленъ въ свою моложавую толстуху. Фактически онъ подчинялся ей вполнѣ и безпрекословно, какъ послушный ребенокъ, но она съ безсознательнымъ женскимъ лукавствомъ дѣлала видъ, что онъ ея грозный повелитель, и что она его боится.

— Вотъ, ужо... какъ прикажетъ мой Цывенко, — говаривала она совершенно серьезно...

Дѣтей у нихъ не было, и это являлось постояннымъ источникомъ общей ихъ печали. Неизрасходованный запасъ материнства свѣтился на лицѣ Мавры Максимовны трога-

тельнымъ выраженіемъ жалости и грусти. Она изливала его на мужа, на кота Ваську и даже на насъ, ея случайныхъ жильцовъ. Порой у Мавры Максимовны бывали заплаканы глаза, а у Ѳедора Максимовича сдвигались необыкновенно длинныя и густыя брови. Мы знали, что это значитъ: мы долго не платимъ денегъ за квартиру и супругъ-повелитель находилъ, что намъ надо бы отказать. За то когда, при первой возможности, мы уплачивали все или хоть часть долга, лицо Мавры Максимовны озарялось гордымъ торжествомъ, а Цывенко нѣсколько дней сконфуженно и виновато косилъ глаза.

Ходъ въ нашу комнату былъ черезъ кухню и маленькую спаленку хозяевъ, служившую и столовой, и мастерской, и гостиной. Ложились они рано, а мы часто приходили и уходили поздно. На звонокъ подымался Ѳедоръ Максимовичъ. Кажется, даже не давая себѣ труда проснуться, онъ отодвигалъ задвижку входныхъ дверей и ложился опять. Пробравшись черезъ темную и тѣсно заставленную кухонку, мы проходили затѣмъ мимо спящихъ супруговъ. У большого кіота теплилась лампадка, кидая свѣтъ на широкое супружеское ложе, задернутое занавѣской, такъ что были видны только головы. Съ краю виднѣлось щетинистое лицо Цывенка, дальше улыбалось во снѣ круглое, какъ луна, лицо Мавры Максимовны... И мнѣ всегда казалось, что это дѣйствительно лежатъ два ребенка, чистые сердцемъ и совершенно чуждые шумно-грохочущей и сложной жизни большого города.

Иной разъ входная дверь въ кухонку при открываніи оказывала нѣкоторое сопротивленіе. Приходилось открывать ее съ усиліемъ и постепенно, чтобы не нанести увѣчья еще одному жильцу Цывенковъ. Это былъ „художникъ“ Кузьма Ивановичъ, тоже изъ шпитонцевъ, существо очень жалкое, тщедушное, съ разбитой грудью и слезящимися глазами. Онъ жилъ, собственно, на большомъ сундукѣ, помѣщавшемся между печкой и дверью и тогда, раскидавшись, упирался ногами въ дверь. На сундукѣ онъ ночью спалъ, а днемъ устраивалъ мастерскую. Работа его состояла въ раскрашиваніи ламповыхъ абажуровъ. Для этого онъ разводилъ на блюдечкѣ акварельныя краски, бралъ лѣвой рукой абажуръ и механически поворачивалъ его около оси. А правая рука такъ же механически кидала въ разныхъ мѣстахъ мазки кисти. Такъ онъ послѣдовательно бралъ на кисть розовую, красную, потомъ зеленую и коричневую краски, и въ нѣсколько оборотовъ на абажурѣ изъ безпорядочныхъ пятенъ образовывался красивый вѣночекъ. Кузьма Ивановичъ отодвигалъ абажуръ, смотрѣлъ на него слезящимися слабѣю-

щими глазами, и на его желтомъ лицѣ мелькало мгновенное выраженіе художественнаго удовлетворенія... Затѣмъ онъ бралъ другой абажуръ и задумывался: какой теперь пустить коверъ и какіе вывести цвѣты,—опять розу, или пустить незабудочекъ съ фіалкой...

Когда я порой слѣдилъ за его работой и удивлялся ея быстротѣ и точности, на лицѣ Кузьмы Ивановича являлась улыбка тихаго довольства.

— Нѣтъ... что же-съ, помилуйте,—говорилъ онъ скромно,—такъ-ли еще мы работали-съ?.. Глаза слабѣютъ-съ. Слеза бьетъ.

Застигнутый внѣ своего угла, не за работой, — онъ конфузился, терялся, запахивалъ полы своего жалкаго сюртучишка, разыскивая на немъ дрожащими руками несуществующія пуговицы, и вообще имѣлъ видъ человѣка, одержимаго въ мучительнѣйшей степени стыдомъ собственнаго существованія. Онъ былъ тоже изъ „шпитонцевъ", и Маврѣ Максимовнѣ приходился „молочнымъ братомъ", а такое братство у этого своеобразнаго петербургскаго сословія замѣняетъ всякія иныя степени родства. Жилецъ онъ, конечно, былъ не особенно выгодный и его держали именно „по родственному". Считалось, что онъ платитъ только „за уголъ", но Мавра Максимовна понемногу прикармливала его, какъ будто тайно отъ Цывенка. Послѣдній дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ.

Иной разъ въ праздникъ Цывенки устраивали игру „въ короли", въ которой порой участвовалъ я или Васька Веселитскій. Приглашали также и Кузьму Ивановича. Онъ покорно выползалъ изъ своего угла, запахивался, извинялся, бралъ дрожащими руками карты. Но игра, видимо, доставляла ему только страданіе. Особенно, когда ему начинало везти... Однажды, сдѣлавшись „королемъ", онъ сконфузился такъ сильно и мучительно, что Мавра Максимовна его пожалѣла:

— Эхъ, ты, бѣдовая... Ну, иди, иди, Богъ съ тобой: король! Пропустите его, Каролинъ Ивановичъ. Видишь: стыдится она.

Каролиномъ Ивановичемъ добрая женщина прозвала меня послѣ напрасныхъ попытокъ заучить мое трудное имя и отчество... Я посторонился, и злополучный „король" проскользнулъ въ свой уголокъ...

— А какой человѣкъ была,—съ безцеремонной жалостью произнесла Мавра Максимовна.—Все водочка-матушка... Все онъ, проклятый... Ну, давайте теперь въ свои козыри... Никуда ты, Коля, не годишься. Даже въ карты играть.

Мнѣ этотъ бѣдняга казался интереснымъ. Отъ него на

всю нашу квартирку разливался какой-то особый колоритъ, напоминавшій Достоевскаго. Мнѣ казалось, что если-бы Кузьму Ивановича вызвать на откровенность, то онъ могъ бы разсказать что-то глубоко-печальное и значительное. Съ этой цѣлью я приглашалъ его къ себѣ, поилъ чаемъ. Онъ покорно приходилъ, но интереснаго не разсказывалъ. Даже за работой, около своего сундучка, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе нормально,—онъ сообщалъ только отрывочныя свѣдѣнія, лишенныя всякой связи и значенія...

— А у насъ, — говорилъ онъ, поворачивая въ рукахъ абажуръ,—на такой-то мануфактурѣ мастеръ былъ... Такъ у него, позвольте сказать, носъ былъ красный... Вотъ до какой степени: карминъ съ бакаиомъ-съ... Ей-Богу не вру-съ... хе-хе-хе... съ добавленіемъ берлинской лазури...

Онъ начиналъ тихо смѣяться, но даже смѣяться не умѣлъ. Смѣхъ переходилъ въ хрипоту и кашель...

— Эхъ, Кузя, Кузя,—говорила Мавра Максимовна,—молчи ужъ... Скажи лучше: гдѣ пропадалъ три дня?

— На Петербургской сторонѣ-съ, — покорно отвѣчалъ Кузя, откашлявшись.

— Въ части, небось, ночевалъ?

— Въ части-съ, Мавра Максимовна. На другой день отпустили-съ... Меня потому что знаютъ-съ...

Однажды, придя съ лекцій, я засталъ Кузьму Ивановича въ необычномъ настроеніи. Онъ былъ „выпивши", держался развязно и съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ. Говорилъ много, не кашляя и не запахивая сюртучишка, хвастая своими талантами и успѣхами, Цывенка снисходительно хлопалъ по плечу, но не скрывалъ отъ него, что онъ „Маврушѣ не пара". Около Мавры Максимовны ходилъ пѣтушкомъ, подбоченясь и многозначительно подмигивая. Цывенко немного хмурился, но не говорилъ ничего. Мавра Максимовна покатывалась отъ смѣху...

Это, дѣйствительно, было смѣшно и весело, но кончилось печально.

Вечеромъ того-же дня я возвращался отъ Сушкова. Было темно и ненастно. Фонари стояли въ мглистыхъ нимбахъ, лужи шевелились на свѣту, какъ живыя, отъ капель дождя. Самой серединой нашей улицы шелъ пьяный человѣкъ и, пошатываясь, надтреснутымъ, но громкимъ голосомъ, пѣлъ какую-то финскую пѣсню... Я узналъ въ немъ нашего Кузьму Ивановича...

Сзади послышался грохотъ колесъ. Ѣхалъ лихачъ съ какимъ-то грузнымъ сѣдокомъ, уткнувшимся въ воротникъ шинели... Кучеръ рявкнулъ „берегись", но пьяненькаго Кузьму Ивановича качнуло какъ разъ въ сторону движенія

рысака. У меня замерло сердце: въ невѣрномъ освѣщеніи фонаря мелькнула лошадиная морда, крѣпко стянутая назадъ, и подъ ней тщедушная фигурка человѣка... Кучеръ успѣлъ сдержать лошадь во время надъ самыми плечами Кузьмы Ивановича. Я побѣжалъ было къ нему, но самъ онъ нимало не смутился.

Вмѣсто того, чтобы сойти съ дороги, онъ только откачнулся и, ставъ въ позу, громко на всю улицу продекламировалъ:

Дур-ракъ ѣдетъ на скотинѣ,
Умница пѣшкомъ идетъ...

„Дуракъ, ѣхавшій на скотинѣ", тотчасъ соскочилъ съ пролетки и, схвативъ художника за шиворотъ, крикнулъ городового. Напрасно я и еще какой-то проходившій студентъ просили этого господина отпустить бѣднягу, указывая, что вѣдь онъ пьянъ и не зналъ, кого оскорбляетъ Господинъ не отвѣчалъ, даже не глядѣлъ на насъ, и пустая улица, оглашалась его громкимъ ревомъ: „Гор-ро-даавой! Гор-ро-да-авой..."

Стали подходить прохожіе... Отъ часовенки бѣжалъ, придерживая саблю, полицейскій, явились два дворника, а нераскаянный Кузьма Ивановичъ стоялъ, разставивъ ноги, покачиваясь съ глуповато-горделивой улыбкой и громко повторяя:

— Дур-ракъ ѣд-детъ на скотинѣ,
Умница пѣшкомъ идетъ...

И при словѣ „умница" тыкалъ себя въ грудь указательнымъ пальцемъ...

Господинъ далъ свою карточку (при видѣ которой полицейскій вытянулся, точно въ столбнякѣ) и сѣлъ на лихача. Скоро грохотъ колесъ затихъ въ концѣ переулка. Кузьму Ивановича повлекли, несмотря на наше заступничество, въ участокъ, слушатели медленно разбрелись, и улица опустѣла...

Съ этихъ поръ художника мы уже болѣе не видѣли... Мавра Максимовна плакала и посылала Цывенка за справками... Послѣ многихъ хлопотъ и вечернихъ хожденій по разнымъ мѣстамъ, Цывенко принесъ печальное извѣстіе: Художникъ отъ неизвѣстной причины въ участкѣ умеръ, и уже похороненъ въ безыменной могилѣ, на Волковомъ...

— Били его, вѣрно, не иначе, — всхлипывая, говорила Мавра Максимовна, — они вѣдь, полицейскіе, извѣстно, дураки... не понимающіе... А ему, Кузѣ, много ли и надо. Слабая была... чисто цыпленокъ...

И она по дѣтски утирала слезы оборотными сторонами своихъ пухлыхъ рукъ... Цывенко снесъ въ магазинъ нѣсколько оставшихся абажуровъ, и на полученныя деньги супруги заказали панихиду въ сосѣдней церкви Миронія на Обводномъ.

„Уголъ“ опустѣлъ. Но тѣнь художника, казалось, еще нѣкоторое время витала въ квартиркѣ, и по вечерамъ я такъ же осторожно открывалъ дверь, чтобы не задѣть Кузьму Ивановича на его сундукѣ... Къ моимъ воспоминаніямъ о немъ присоединялось что-то въ родѣ угрызеній совѣсти... Я не сдѣлалъ чего-то, что нужно было сдѣлать. Перебирая съ Васькой весь этотъ эпизодъ, мы пришли къ заключенію, что ничего я сдѣлать не могъ. Но что-то все-таки оставалось... Чего-то хотѣлось заднимъ числомъ. Въ воображеніи рисовалась кучка молодежи, въ родѣ тѣхъ кіевскихъ студентовъ, громившихъ полицію, о которыхъ ходили легендарные разсказы еще у насъ, въ гимназіи... Хотѣлось силы... Свистки, тревога, свалка, заступничество, побѣда... И въ этомъ опять участвуетъ знакомая фигура моего современника, усовершенствованная еще въ новомъ жанрѣ...

Была въ нашей квартиркѣ, кромѣ злополучнаго художника, и еще одна тѣнь, принимавшая для меня живыя, почти ощутительныя формы. Года за два до насъ половину нашей комнаты за перегородкой занималъ какой-то рабочій. Отъ него Цывенкамъ осталась клѣтка съ канарейкой. Канарейка у нихъ издохла, а клѣтка висѣла надъ окномъ, и каждый разъ, когда Мавра Максимовна замѣчала ее, она сообщала что-нибудь о бывшемъ жильцѣ...

— Чюдачокъ тоже была,—говорила она съ тихой улыбкой, какъ и при воспоминаніи о Кузѣ. — Ну, не пьяница. Нѣтъ. Капли въ ротъ не брала... И не буянила она, какъ покойникъ Кузя, царство небесное... Только и знала: придетъ съ работы, сейчасъ кинареечку кормить... Клѣточку чистить...—И вотъ чюдное дѣло, Каролинъ Иванычъ,—какъ эта кинареечка его зналъ: свиснетъ онъ, дверку откроетъ, она ему на плечо... Чивикъ, чивикъ... Черезъ книжки пропалъ она...

— Какъ черезъ книжки, Мавра Максимовна?

— Книжки много читалъ.

— Такъ что же. Съ ума, что ли, сошелъ?

— Нѣ-ѣтъ... Глупый я баба. Не умѣю разсказать тебѣ. Цывенко у меня умный, на войнѣ была... А тоже этого дѣла не понимаетъ: за что пропала нашъ Павла Карповичъ... А только вѣрно, что за книжки.

— Почему же вы такъ думаете, Мавра Максимовна? Вѣдь вотъ и у насъ книжки.

— То у васъ. Ваша служба такой. Вы студенты. А его служба: работалъ бы на заводѣ, жалованіе хорошее получалъ... Пришелъ домой, выспался... Какъ другіе изъ ихняго брата. Ну, правда: пьютъ они, заводскіе всѣ, шибко. Ругаются, дерутся...

— Вотъ видите. Развѣ это лучше книжекъ?

— Поди ты... Да... Читала все... Товарищей такихъ же нашелъ. Придутъ, начнутъ читать. Потомъ спорить. Что вы, я говорю, кричите. Да всѣ вдругъ. Нехорошо это. Еще драка выйдетъ... Смѣются... Не выйдетъ у насъ драка... Мы это объ томъ, чтобы всѣмъ жить въ согласіи... И чтобы всѣ были равные...

Она весело смѣется...

— И чтобы, говоритъ, не было богатыхъ и бѣдныхъ. Всѣхъ, говоритъ, надо поровнять... Эко! я ей говорю: умные вы. Какъ же вы поровняете. Это вотъ у моего Цывенка шуба есть хорошая. Въ ланбартѣ по случаю куплена, а все три красныхъ отдана. Легкое дѣло! А у тебя вонъ пальтишка, вѣтромъ подбитая. Ты у моего Цывенка и отнимешь?..—Зачѣмъ,—говоритъ,—отнимать, когда всѣмъ шубы будутъ... Кому надо—бери...—Откуль возьмете вы?—На казенный счетъ,—говоритъ... Да вы,—я говорю,—сейчасъ все растащите...

Она заливается такимъ веселымъ смѣхомъ, что на щекахъ у нея проступаютъ ямки, и все грузное тѣло ходитъ ходуномъ...

— Ну, а онъ что же?—спрашиваю я,—глубоко заинтересованный простодушнымъ разсказомъ.

— Да что-жъ она... Ничего не понимаетъ, какъ все одно ребенокъ... Зачѣмъ я, Мавра Максимовна, воровать буду, когда все будетъ обчее. Зачѣмъ свое воровать. Вотъ видишь ты: свое! А откуль оно свое-то возьмется у васъ... Читала, читала и дочитался...

Она понижаетъ голосъ, оглядывается и говоритъ съ выраженіемъ наивнаго испуга:

— Взяли его на заводѣ... Домой зайти не дозволили. Пришли сюда, на квартеру. Испугался я до смерти. Цывенко на службу ушла. Одна я... Рылись, рылись, все въ книжки смотрѣли... Одёжа, брюки, сапоги двое,—это имъ не надо, а все книжки смотрѣлъ... Такъ и не видѣли мы больше нашего Павлушу. Посылала я Цывенку своего: поди, Цывенко опроси... Потомъ ужъ сама не рада...

— Что же,—сказали?

— Что вы, говорятъ, господинъ Цывенко... вѣрный слуга, а объ такихъ людяхъ интересуетесь... Такого человѣка надо въ каменный столбъ замуровать, разъ въ недѣлю спраши-

вать: живой ли еще... Вотъ, Каролинъ Ивановичъ, за книжки-то что бываетъ...

Этотъ простодушный разсказъ произвелъ на меня яркое впечатлѣніе. Я, конечно, зналъ кое-что объ ученіяхъ утопистовъ, но отрывочно и неточно. Формулы Фурье, формулы Сенъ-Симона... Это были только формулы, которыя я путалъ въ памяти. Но вотъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ жилъ человѣкъ, простой рабочій, который обсуждалъ эти же вопросы съ товарищами, такими же простыми рабочими. Значитъ, это не въ однѣхъ книжкахъ. Вотъ Кузьма Ивановичъ, точно выхваченный живьемъ изъ „Хозяйки" Достоевскаго или „Господина Прохарчина". А вотъ другой, задававшійся въ нашей мансардѣ глубочайшими вопросами современности... И пожертвовавшій за нихъ своей свободой, можетъ быть—жизнью...

Я, конечно, не вѣрилъ, что его замуровали живьемъ, какъ увѣряла Мавра Максимовна и, какъ думалъ, кажется, ея молчаливый Цывенко. Что съ нимъ сдѣлали? Вѣроятно, сослали куда-нибудь... И теперь, въ дальнемъ углу Сибири, онъ опять развиваетъ передъ кѣмъ-нибудь свои теоріи... А я здѣсь, въ его бывшей комнатѣ, вспоминаю о немъ съ интересомъ и сочувствіемъ и вдыхаю ту же атмосферу неопредѣленной манящей мечты...

Такъ жили мы на чердакѣ номеръ двѣнадцатый,—шесть живыхъ людей и двѣ тѣни.

Вл. Короленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На хуторахъ.

(Замѣтки деревенскаго наблюдателя).

V.

Говоря о хуторахъ Саратовской губерніи, я отмѣчалъ уже два, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, типа хуторовъ: это—хутора крестьянъ зажиточныхъ и хутора бѣдняковъ. Особенно рѣзко отличаются эти типы въ Орловской губерніи. Уже по одному внѣшнему виду можно опредѣлить, къ какому разряду относится тотъ или иной хуторъ: хутора бѣдняковъ представляютъ изъ себя крошечныя, наполовину врытыя въ землю, избушки, безо всякихъ надворныхъ построекъ, одиноко разбросанныя на значительномъ одна отъ другой разстояніи; хутора богатыхъ крестьянъ,—если крестьянинъ переселился,—рѣзко выдѣляются размѣромъ и отдѣлкой дома, прочными надворными постройками и изобиліемъ разбросаннаго вокругъ корма и соломы.

Въ концѣ октября я ѣхалъ по хуторской дорогѣ, проложенной на бывшихъ владѣніяхъ великаго князя. Крестьянинъ, который меня везъ, къ хуторамъ относится совершенно безразлично: самъ онъ «землей давно не занимается», и въ немъ нѣтъ обычной для общественниковъ какой-то озлобленной ненависти къ хуторянамъ (Интересно, что озлобленность эта выражается въ постоянномъ подчеркиваніи всѣхъ—даже самыхъ малѣйшихъ—отрицательныхъ сторонъ хуторской жизни. «Вотъ перешли... Посмотрите вотъ, какъ живутъ»... И въ перечнѣ отрицательныхъ сторонъ часто являются такіе факты, которые самимъ хуторянамъ кажутся вполнѣ естественными. «За топоромъ другъ къ другу бѣгаютъ, — ништо это хозяева?»).

По обѣ стороны дороги разбросаны хуторки, гдѣ одинъ, гдѣ два, рѣдко три подъ рядъ. То и дѣло встрѣчаются ямы невѣроятной глубины—нѣкоторыя саженъ по 20 и болѣе: это господа землеустроители рыли колодцы для хуторянъ, но такъ какъ воды не оказалось, то ямы эти такъ и забросили, для чего-то, впрочемъ, вставивши въ нихъ срубы изъ прекраснаго дуба. На ямы эти ходятъ «любоваться» крестьяне окрестныхъ деревень и при этомъ о

хозяйственности господъ землеустроителей высказываются очень нелестныя мнѣнія. Всего такихъ «колодцевъ безъ воды» по дорогѣ намъ встрѣтилось болѣе двадцати; нѣкоторые изъ нихъ начали уже обваливаться, потому что крестьяне растаскали срубы: «что же имъ даромъ-то пропадать».

— Когда начали здѣсь копать, то старики прямо сказали: воды, говорятъ, ваше благородіе, здѣсь нѣтъ—это, говорятъ, намъ доподлинно извѣстно. «Не ваше, говорятъ, дѣло, копай». Ну, и копали... Намъ какое дѣло? Все кое-какая работишка... А теперь вотъ...

Хутора, разбросанные по обѣ стороны дороги, представляютъ изъ себя очень печальную картину. Вотъ какая-то въ буквальномъ смыслѣ конура безъ сѣней, безъ двора и даже безъ крыши. Около нея «гомозится» мужикъ, загибая плетень... Вотъ сбитая изъ досокъ и обрѣшетенная хибарка, кругомъ запаханная; для выхода на дорогу оставлена узенькая тропочка; между тѣмъ въ хибаркѣ живутъ, и неизвѣстно, какъ они проѣзжаютъ на дорогу. Тамъ—изба, сдѣланная изъ двухъ рядовъ плетня, промежутки между которыми забиты землей; двѣ бабы и дѣвченка обмазываютъ наружныя стѣны... Гдѣ просто поставленъ какой-то сарай, гдѣ землянка,—и во всѣхъ этихъ крошечныхъ помѣщеніяхъ гнѣздятся люди, устраиваются, работаютъ, платя банку.

Вообще большинство хуторовъ здѣсь слѣдуетъ отнести къ типу наиболѣе бѣдныхъ и жалкихъ. Кое-гдѣ встрѣтится порядочная избенка, а потомъ опять землянки и пещеры троглодитовъ.

Вотъ мѣсто, гдѣ торчитъ нѣсколько кольевъ, валяются кирпичи отъ разобранной печи, солома,—явные остатки жилья.

— Что это такое?—спрашиваю моего возницу.

— А это мужикъ одинъ... Перешелъ было онъ на хуторъ, а потомъ силовъ то не хватило. Перебрался сюда, перетащился, а потомъ на попятный... Ушелъ... Здѣсь избенка его стояла...

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ Сибирь, говорятъ, тронулся...

Хлѣбъ съ полей въ большинствѣ мѣстъ свезенъ, но кое-гдѣ остались еще неубранные снопы, сложенные въ пятерки и скирды.

— Почему не убранъ этотъ хлѣбъ,—вѣдь сгніетъ?

— Что подѣлаешь? Вишь законъ такой, чтобы не убирать, пока не заплатишь банкѣ. Вотъ хлѣбъ и стоитъ. Мужикъ смолотилъ-бы его, продалъ,—вотъ ему и уплата, а теперь рыщетъ вездѣ, ищетъ занять, а кто дастъ такую сумму? Вотъ добро и гибнетъ...

Богатые хуторяне живутъ, главнымъ образомъ, въ лощинѣ; издалека видны ихъ, крытыя желѣзомъ, избы; тамъ у нихъ и ручеекъ и земля получше; здѣсь-же, по дорогѣ, бѣднота и только бѣднота... И «подняться» пока нѣтъ никакой надежды: всевозможныя придирки, педантическая точность срока уплаты, а главнымъ образомъ непосильные платежи совершенно истощаютъ хуторянъ и

недаромъ всѣ они увѣрены, что «въ скоромъ времени будетъ сбавка суммы».

Опишу подробно нѣсколько хуторовъ.

Хуторъ Василія Никишина. Маленькая избенка, перенесенная изъ села. Такъ какъ часть бревенъ оказалась гнилой, то избенка вышла низенькой и уродливой. Надворныхъ построекъ никакихъ нѣтъ. При посѣщеніи мною этого хутора, Никишинъ городилъ какую-то клѣть изъ соломы для лошади. Маленькія сѣни служатъ въ то же время и амбаромъ; здѣсь два сусѣка—для овса и ржи, оставленныхъ на зиму. Весь скотъ Никишина состоитъ изъ одной больной лошаденки. Самъ онъ высокій, худой, съ густой космой взлохмаченныхъ волосѣ, смотритъ какъ-то боязливо и тревожно. Надѣлъ свой онъ еще не продалъ, но нужда заставила сдать въ аренду.

— Ссуды мнѣ не выдали еще,—вотъ моя бѣда... Такъ подтянулъ брюхо, что не дай Господи...

Мы вошли въ избу. Трудно представить себѣ большую бѣдность и нищету. Одна комнатка четыре шага въ длину и четыре въ ширину, низенькая, темная... Треть избы занимаетъ печка; грязный, самодѣльный столъ и двѣ лавки по стѣнамъ. На одной лавкѣ въ углу стоитъ сундукъ съ рухлядью, двѣ кадушки съ мукой, порванная сбруя.. Въ другомъ углу мѣшокъ съ зерномъ, двѣ лопатки, вилы, какія-то полѣнья и доски.

— Некуда дѣть-то,—все въ избу и тащишь... На дворѣ оставить боязно: другой не изъ корысти, а изъ озорства возьметъ, да броситъ въ яму... Озорниковъ у насъ много...

Грязный закопченый потолокъ—ребенокъ рукой достанетъ. Земляной полъ представляетъ изъ себя смѣшанную грязь со слѣдами сапогъ и лаптей.

Около стола на лавкѣ сидятъ больные ребятишки.

— Придетъ, говорятъ, бѣда, отворяй ворота... Замучился я съ ребятишками. У одного и болѣзнь то такая, что не поймешь: выскочитъ это у него на боку шишка, а почему—Богъ вѣдаетъ. Я уже и теръ. и подъ полушубокъ надъ паромъ сажалъ—ничего не помогаетъ. Видите,—какъ есть шкелетъ...

Дѣйствительно, ребенокъ худой, блѣдный, съ ввалившимися глазенками, сильно походитъ на скелетъ. Все время онъ испуганно смотрѣлъ на насъ и, несмотря на всѣ усилія съ нашей стороны, не сказалъ ни одного слова.

— Ну скажи же господамъ, какъ тебя зовутъ!

Мальчикъ молчитъ.

— Что у те языкъ что ли отнялся? Экій дуракъ—ну, скажи!

Ребенокъ начинаетъ грязными кулаченками тереть глаза и всхлипываетъ...

— Эхъ, дуракъ, дуракъ. въ твою пору въ училищу ходятъ... А ты... Эхъ, дуракъ!..

Никишинъ укоризненно покачиваетъ головой и, обратившись къ намъ, безнадежно разводитъ руками.

— Что хотите вотъ, то и дѣлайте!

У другого сынишки Никишина все лицо покрыто сыпью и ранами. Этому мальчику, повидимому, года три. Онъ смотритъ на насъ испуганно, время отъ времени истерически взвизгивая и заливаясь слезами.

— Вотъ и у этого тоже Богъ знаетъ что! Золотуха не золотуха... Кабы не ковырялъ еще... А то чешется видно у него. Расковыряетъ болячки-то и оретъ, а послѣ еще больше... А что подѣлаешь? Не руки же связывать ему? Говорятъ, сѣру ѣсть надо... Къ доктору вотъ съѣздить хочу...

Разсказывая о своемъ житьѣ-бытьѣ, Никишинъ началъ съ того, что хлѣба у него не только не останется на сѣмена, но и для ѣды не натянетъ... Что будетъ дѣлать,—неизвѣстно, и вся надежда на полученіе ссуды.

— Изъ силъ выбились. Сами посудите — работниковъ я да жена, на каждый пустякъ все нанять, да нанять надо... и сами работаемъ, не покладая рукъ. Подняться тяжело. Оглушили сразу-то платежами, вотъ мы и присѣли... Все равно, что человѣкъ въ гору лѣзетъ—чуть вскарабкается, а его опять внизъ столкнутъ...

Какъ и большинство хуторянъ, переселеніе свое на хуторъ Никишинъ объясняетъ безпросвѣтной нуждой, нищетой и голодомъ. «Отъ хорошей жизни развѣ поѣхалъ бы сюда? Что хорошаго? Въ лучшій годъ кусокъ хлѣба можетъ будетъ, ну а въ деревнѣ и этого не было... За то тамъ на людяхъ... По привычкѣ къ людямъ-то скучно здѣсь. Лошадь съ лошадью стоятъ вмѣстѣ и то свыкнутся, а человѣкъ и подавно».

Всего дѣтей у Никишина четверо, но помощниковъ еще нѣтъ. Все приходится дѣлать самому и женѣ. Непрекращающіяся болѣзни ребятишекъ Никишинъ объясняетъ полнымъ ихъ безпризоромъ, но къ этому, конечно, необходимо прибавить царящія въ избѣ грязь и сырость, скудость питанія, скверную воду.

Колодца у Никишина нѣтъ — «воды не оказалось». За водой ѣздятъ въ Хитрово, на каждую поѣздку нужно затратить нѣсколько часовъ,—вполнѣ понятно, что воду приходится экономить. При одной лошади, которую разрываютъ на десять частей, эти поѣздки за водой—истинное горе.

— Посуды настоящей нѣтъ—другой разъ такъ подойдетъ, что ночью кричатъ «пить», а вездѣ сухо. Большой-то потерпитъ, а у ребятъ разума нѣтъ: имъ вынь, да положь.—Зиму вотъ ждемъ—тогда снѣгъ станемъ таять—все полегче будетъ.

Эти терніи хуторской жизни—непосильные платежи, одинокая жизнь, отсутствіе внѣшнихъ удобствъ—заставляютъ быть осторожнымъ, не особенно разсчитывая *только на хуторъ*. До сихъ поръ Никишинъ крѣпится и не выходитъ изъ общины.

— На всякій случай. Опасно пока что. Вдругъ не выдержишь какой годъ и сгонятъ. Дальше видно будетъ: коли оперимся, можно будетъ подать изъ общины и выдѣлить особнякъ; а теперь въ случаѣ чего—всетаки прицѣпка... Тяжело это только: я вотъ переселился, а пожарные плачу. Нужно такъ говорить, что не дай Богъ грѣха—всѣ вмѣстѣ съ избой сгоримъ; тамъ они и не увидятъ, а плачу!..

О землеустроителяхъ Никишинъ высказалъ нѣсколько горькихъ замѣчаній: «не съ того конца они начинаютъ! Все, что говорятъ,— вѣрно, а дѣлаютъ насупротивъ. Коли хотятъ они сдѣлать изъ насъ хозяевъ, — дай подняться! Вылѣзть-бы хоть немножко, вздохнуть полегче, а тогда и платить можно. Теперь же ты отъ нужды, а нужда за тобой—никакъ ее за хвостъ-то поймать не можно! Считаютъ, что скотину нужно хорошую держать, землю навозить, траву сѣять,—все вѣрно, а все попусту... Я вотъ продалъ хлѣбъ, заплатилъ, а самому занимать придется... Повременили бы годковъ пятокъ дошибать-то»...

Земли теперь у него 9 десятинъ, а лошаденка одна, другой скотины нѣтъ: солома цѣликомъ идетъ на топку; соха деревянная, борона и—все! Вообще инвентарь, приспособленный къ обработкѣ надѣла. Улучшеніе этого инвентаря не мыслимо, въ виду того, что на платежъ банку идутъ не избытки дохода, а весь доходъ, включая и значительную часть того, что необходимо на прокормленіе. Никишинъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и вполнѣ понятно, какой горькой ироніей являются для него брошюры: «Какъ выбрать хорошую лошадь», «Какъ выбрать хорошую корову», «Какъ получить большой урожай» и т. д. Ему совѣтуютъ заводить племенной скотъ, вводить новые пріемы обработки земли, а условія жизни побуждаютъ его нанять кого-нибудь съ его сохой или ковырять землю на своей больной лошади... Его учатъ, какъ выбрать хорошую корову, а «ребятишки забыли ужъ, какой цвѣтъ молоко имѣетъ, не только, какъ его ѣдятъ».

Такимъ образомъ, совѣты, по существу правильные, вызываютъ у человѣка лишь горькую улыбку, а брошюрками, можетъ быть цѣнными и полезными, играютъ ребятишки...

При жалобахъ хуторянъ на непосильные платежи, землеустроители твердятъ одну и ту же заученную фразу: «вводите такіе-то пріемы, земля будетъ лучше родить». Понятно, сколько въ этомъ трагическаго комизма! Никишинъ, напр., великолѣпно понимаетъ, что удобреніе необходимо, что хорошая лошадь лучше плохой, что плугъ лучше сохи и т. д. Но что-же дѣлать? Исходныя точки у хуторянъ и землеустроителей совершенно различны.

Землеустроитель говоритъ: дѣлай вотъ что, тогда урожаи будутъ хорошіе, доходность земли повысится, а пока плати! Хуторянинъ же разсуждаетъ иначе: дайте немного оправиться, окрѣп-

нуть, не подрывайте дѣломъ всякія наши начинанія, — тогда я введу все, что вы совѣтуете, и буду платить.

Какъ среднее между двумя этими точками зрѣнія, является ожидаемая всѣми «сбавка платежей»!

Хуторовъ въ родѣ только что описаннаго, здѣсь несомнѣнное большинство. Никишинъ живетъ одинъ, но кое-гдѣ по два и по три такихъ хуторка поставлены рядомъ и въ каждомъ изъ нихъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, — вы встрѣтите ту же нужду, тѣ же жалобы...

Совершенно иную картину представляютъ изъ себя хутора богатыхъ хуторянъ. Я говорилъ уже, что они выдѣляются и по своему внѣшнему виду, совершенно не тѣ здѣсь взгляды и разсужденія. Да и понятно! Богатые хуторяне были богатыми крестьянами задолго до законовъ о землеустройствѣ. Хутора для нихъ,— какъ я уже говорилъ,—лишь льготная форма аренды, помимо хуторовъ многіе изъ нихъ имѣютъ и другія средства къ жизни. Денежные запасы даютъ имъ возможность безо всякаго ущерба для хозяйства производить различные платежи. Хутора явились для нихъ счастливой неожиданностью; правдой и неправдой они стараются захватить по два и по три хутора. Всѣ положительныя стороны землеустройства приносятъ выгоду только богатымъ хуторянамъ и имъ ли послѣ всего этого не хвалить «благодѣтельный законъ!»

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ этихъ мѣстъ.

1) Крестьянинъ д. Казаково-Спасское, Матвѣевъ, имѣетъ 40 десятинъ собственной земли. Мужикъ истари зажиточный и крѣпкій получилъ два хутора.

2) Крестьянинъ деревни Натальевки Колюбашкинъ. Онъ имѣетъ 60 десятинъ собственной земли; скупилъ около пятнадцати надѣловъ у крестьянъ, вышедшихъ изъ общины, и вообще является типичнымъ «новымъ помѣщикомъ». Хорошо онъ жилъ до закона 9 ноября; законъ этотъ далъ ему возможность «задаромъ почти» скупать надѣлы, а теперь всѣ старанія его направлены на пріобрѣтеніе хуторовъ. Недавно 14 хуторянъ согнаны, какъ недоимщики, и Колобашкинъ на подставныхъ лицъ поспѣшилъ захватить изъ этихъ четырнадцати хуторовъ львиную долю. Къ концу октября онъ получилъ уже пять хуторовъ.

3) Крестьянинъ Сѣдыхъ, изъ семьи, имѣющей свою землю. Семья Сѣдыхъ, богатѣйшая на цѣлую окрестность, имѣетъ прекрасныхъ заводскихъ лошадей. Лучшій въ деревнѣ домъ. Сѣдыхъ получилъ два хутора, лучшіе по положенію и качеству земли.

4) Лавочникъ и бахчевникъ Сахаровъ получилъ хуторъ рядомъ съ селомъ.

Такихъ примѣровъ можно привести порядочно, и одинъ бѣглый перечень лицъ показываетъ уже, что эти хуторяне съ Никишинымъ, наприм., общаго ничего не имѣютъ. Послѣдняго гонитъ на

хуторъ нужда и полная безвыходность,—этихъ же жажда захватить какъ можно больше земли, желаніе увеличить зажиточность и улучшить и безъ того хорошее положеніе.

Никишину переселяться было необходимо: онъ не въ силахъ внести пять процентовъ; полученіе ссуды въ нѣсколько десятковъ рублей для него необходимо; богатые же хуторяне переселяются лишь тогда, когда это выгодно имъ: иногда выдѣляя лишняго члена семьи, иногда по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ. Если же переселеніе ни съ какой стороны не выгодно, они и не переселяются, выстраивая на землѣ риги для хлѣба и избушку для караульщика...

Понятно, что у такого хуторянина нѣтъ постояннаго кошмара «какъ уплатить?». Хлѣбъ у него на поляхъ не задержится, хуторъ не отнимутъ... Той испуганной забитости, той боязни визитовъ землеустроителей и чиновниковъ, которая характерна для большинства, —здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, здѣсь полная самостоятельность и независимость...

Вотъ хуторъ переселившагося богатаго крестьянина. Съ перваго взгляда видно, что хозяйство у него—«полная чаша». Большой шестистѣнный домъ, крытый желѣзомъ, громадный дворъ, обнесенный высокимъ плетнемъ, изобилуетъ надворными постройками. Три—четыре лошади, столько же коровъ, десятка два овецъ. Топять и здѣсь соломой, но навозъ свозится въ поле, и идетъ на удобреніе. Здѣсь есть и плужки, и бороны съ желѣзными зубьями. Вода въ колодцѣ есть, но «ее заѣла вша», и для питья она не годна; за водой ѣздитъ работникъ. Ѣздить далеко, но отрывать отъ работы послѣднюю лошадь не приходится.

Ефимъ Ивановичъ встрѣчаетъ насъ очень любезно, охотно говоритъ о своемъ хозяйствѣ, то и дѣло отвлекаясь въ сторону вопросовъ обще-политическихъ.

— Овса я совсѣмъ не продавалъ: смысла нѣтъ! Цѣну совсѣмъ сбили... Послѣ новаго года Богъ дастъ поднимется.

— А платежи какъ же?

— Скотину продать пришлось. Урожай нынѣ Господь послалъ, цѣна на скотину поднялась... А мнѣ, что ни дай, надо продать, корму не хватитъ.

Высокій, чернобородый съ лысиной во всю голову, Ефимъ Ивановичъ говоритъ, не торопясь, какъ бы обдумывая каждую фразу.

Мы сѣли пить чай.

— Нарѣжь солонину!—обратился онъ къ невѣсткѣ,—да яблоковъ достань!

— Говорите вотъ вы, овецъ на другихъ хуторахъ сводятъ, и что вы думаете? Сведешь... Какъ есть сведешь!.. Теперь польза отъ нихъ небольшая, а кормъ въ цѣнѣ... Овца ѣстъ хоть и аккуратно, а много; покупать—не выгодно, потому что наземъ отъ овцы ни-

кудышный, а свого корму мало. Я вотъ сѣялъ этотъ годъ вику съ овсомъ—ѣдовый кормъ, дорого только обходится...

Въ домашнихъ распорядкахъ Илья Ефимовичъ—человѣкъ стараго закала: невѣстокъ и ребятишекъ онъ за одинъ столъ съ собой не сажаетъ... Ребятишки толпятся около стола, завистливо поглядывая на чай и огурцы.

— Вы чего лѣзете? Пошли! Аль три дня не ѣли...

— Да,—говоритъ онъ, потирая лысину, — новая жизнь! Со всѣхъ сторонъ новая... Кто знаетъ—къ лучшему ли?

— Самъ себѣ хозяинъ—вотъ что главное. Здѣсь я на землѣ воткну кустъ,—онъ вѣкъ мой, никто не отниметъ. Помощь всякая, совѣты... Какъ они не нужны? Вотъ вамъ книжечка: «Кормовой буракъ и какъ его сѣять».—Они же намъ роздали, хорошіе совѣты. Хочу попробовать—много не буду, а полъ-десятинки раскину.. Авось и выйдетъ что!

— Два брата насъ—оба старики ужъ, дѣти съ бородами.. Тѣсно стало, все равно приходилось другой домъ дѣлать... А здѣсь вотъ эти законы вышли... Подумали, подумали—хуже не будетъ! Два хутора у меня, старшій то сынъ считается какъ бы выдѣлимши... Что же? Оглядимся вотъ.—можно и ему избенку построить...

Послѣ чая Ефимъ Ивановичъ показалъ мнѣ свое хозяйство. Овцы стоятъ въ «загонѣ»; выпускать не куда; на озимя Ефимъ Ивановичъ пускаетъ только телятъ. Лошадей и коровъ приходится путать, что не мало огорчаетъ Ефима Ивановича. — Скотинѣ просторъ нуженъ... Эдакъ съ нея вся живость сойдетъ... Думаю, думаю, а не знаю, какъ рѣшится это дѣло... Земли мало! Еще бы хуторка два, вотъ съ этой то стороны, тогда и выгонокъ оставить можно бы.

— Хорошо бы, Ефимъ Ивановичъ, если бы всѣ хуторяне жили такъ, какъ вы!?

— Да вѣдь мы всегда хорошо жили. Бога не гнѣвимъ! Платежи большіе—вотъ что прижимаетъ всѣхъ... Я вотъ и то думаю— лучше раззориться, а все срока въ три уплатить. Иначе вѣдь что же выходитъ? Оцѣнили землю въ 200 рублей, а выплатить то по шести сотъ придется съ процентами и другими сборами. Тяжело!...

Особенно любопытно сравнивать хутора типа Никишина съ хуторами Сахаровыхъ и Сѣдыхъ, когда тотъ и другой хуторъ, расположенный рядомъ, въ «одной четверткѣ». Тогда одинъ хуторъ оттѣняетъ особенности другого; положительныя и отрицательныя стороны хуторской жизни выступаютъ ярче и выпуклѣе.

Крестянинъ Прытковъ—дворовый. У него два сына: старшій портной, только что вернувшійся съ дѣйствительной службы; другой сынъ—подростокъ, помогающій въ работѣ; жена, старуха мать—всѣ работаютъ. По сравненію съ Никишинымъ Прытковъ,

какъ видно, имѣетъ крупное преимущество. Несмотря на это, однако, живетъ Никишинъ чуть чуть побѣднѣе Прыткова. Рядомъ съ избенкой Прыткова—плохенькой, уже пошатнувшейся набокъ, находятся избы еще двухъ хуторянъ: богатаго и крайняго бѣдняка, почти полной копіи съ Никишина.

Богатый крестьянинъ перешелъ на 5% и поставленную «для близиру» избенку заколотилъ.

Караульщикъ ему не нуженъ, потому что обязанность эту безвозмездно исполняютъ Прытковъ и его бѣдный сосѣдъ. Мѣстомъ своимъ богатый крестьянинъ воспользовался для постройки громадной риги, въ которую свободно помѣстилось бы пять избенокъ Прыткова вмѣстѣ съ надворными постройками. Въ ригѣ хранится хлѣбъ и кормъ. Самъ хозяинъ живетъ на хуторѣ лишь во время уборки хлѣба, а зимой лишь изрѣдка наѣзжаетъ за кормомъ: кромѣ хутора, крестьянинъ этотъ имѣетъ «земельку на сторонѣ», все время жилъ зажиточно. Хуторъ онъ пріобрѣлъ «на всякій случай» и избытками доходности легко покрываетъ необходимые платежи.

Другое дѣло Прытковъ. Какъ и всѣ дворовые (а на хуторахъ ихъ довольно много), онъ ухватился за землю потому, что «очень уже наголодался по землѣ». Почти всѣ дворовые въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ голодѣ, какъ объ основной причинѣ, побудившей къ переселенію.

— Больно ужъ землицы хотѣлось!. Стосковались по землѣ... дорвались вотъ теперь до нея и забыли все! Рады—одуматься еще не успѣли.

Такъ разсуждаетъ жена Прыткова, сознаваясь въ то же время, что «если прямо сказать—житье совсѣмъ плохое».

— Перевезтись дорого стало: вѣдь изба, амбаръ—это все изъ деревни. Избу чуть новымъ лѣскомъ подновили.

Кромѣ амбара, никакихъ построекъ у Прыткова нѣтъ. При пріѣздѣ моемъ на его хуторъ, старикъ плелъ клѣтушку для коровы.

— Прутья у насъ даромъ. —Только землю очищай... Вотъ беремъ—хотя работа тоже трудная: съ корнемъ брать надо.

Въ низенькой избенкѣ обычный для хуторянъ грязный земляной полъ, тѣснота и копоть. Довольно крѣпкій еще старикъ, наголодавшійся по землѣ, весь ушелъ въ свое хозяйство и очень неохотно оторвался отъ работы для разговора со мной.

— Нельзя сказать, какъ на хуторахъ!.. Кому хорошо, а кому плохо... Нашихъ шабровъ возьмите: одинъ-отъ съ голоду умираетъ, семья заѣла... Можно-ли ему вытягивать? Извѣстно, сгонятъ не нынѣ-завтра! А вотъ что напротивъ-то—богатый: видишь ригу-то какую сворочалъ? Хлѣбъ здѣсь держитъ. Ему хорошо... Извѣстно—земли прибытокъ, а живетъ тамъ въ деревнѣ... А плата одинакова... Видано ли такое дѣло? А? Вѣдь это что-же будетъ? Кто побогаче, тѣмъ и земля получше, и стѣсненья такого нѣтъ, а кто нищій —

тому никакъ подняться не даютъ. Чуть что—сейчасъ давай! Неси!.. Вѣдь ему вонъ, сосѣду-то, сейчасъ ѣсть нечего... А у этого полна рига... Даютъ землю безъ разбору: «кто поспѣлъ, тотъ и съѣлъ»...

На вопросъ о томъ, какъ живется ему самому, старикъ махнулъ рукой.

— Насъ нечего брать въ примѣръ: мы дворовые! Хлѣба и у насъ не хватитъ, придется занимать. Ну, да такъ думаю — сынъ что нибудь заработаетъ. Портной онъ — по деревнямъ пойдетъ...

— Хорошо еще вотъ на счетъ воды, — говорилъ между тѣмъ солдатъ,—колодезь у насъ казенный, вода хорошая и глубина небольшая — 10 саженъ. А то нѣтъ здѣсь воды-то, либо сушь, либо вша ѣстъ; видали, чай, когда ѣхали? Даромъ деньги только выкинули!..

— Какъ думаете, осилите все таки?

— Кто знаетъ? Съ горяча-то вѣдь не замѣтно. Вцѣпились въ землю зубами и сидимъ пока что... А коли сковырнутъ, тогда...— Старикъ опять махнулъ рукой и пошелъ плести изгородь...

Въ избѣ ихъ сосѣда я засталъ однихъ ребятишекъ, которые съ печки испуганно высовывали свои головенки. Въ этой избѣ, похожей больше на нору, уже полное отсутствіе всякой мебели. Одинъ сундукъ съ оторваной крышкой замѣнялъ все.

— Гдѣ отецъ?

— Уѣхалъ въ городъ.

— А мать?

— Не знаю...

— Когда вернется?

— Не знаю...

— Не скажутъ, — шепнулъ мнѣ проводникъ, — иногда нарочно прячутся... Не всегда хорошіе гости къ намъ ѣздятъ.

Онъ какъ то криво, двусмысленно усмѣхнулся...

VI.

Большей частью мнѣ приходилось встрѣчаться съ хуторянами въ критическіе моменты ихъ жизни — вскорѣ послѣ переселенія, передъ уплатой банку и т. п. Вполнѣ естественно, что мысль ихъ въ это время была направлена на подведеніе итоговъ своей доходности и всевозможныя бюджетныя выкладки... Подводя итоги своего бюджета, громадное большинство ихъ въ одинъ голосъ говоритъ, что «на зиму ничего не остается», что придется или лѣзть въ долги къ кулакамъ или просить ссуду. И это особенно характерно—при благопріятномъ урожаѣ прошлаго года — именно для хуторянъ. На этой почвѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришлось мнѣ бывать, довольно часто происходятъ курьезныя недоразумѣнія: напр., въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ. товарищъ министра Лыкошинъ на-

шелъ, что хуторяне благоденствуютъ, а мѣстный земскій начальникъ въ это же время проситъ земскую управу оказать хуторянамъ помощь для пріобрѣтенія хлѣба и скота.

На подобныя противорѣчія жизни приходится наталкиваться то и дѣло. «Невозможно при нашихъ дѣлахъ свести концы съ концами»,—вотъ общее мнѣніе хуторянъ, и мнѣніе это заглушаетъ всѣ разсужденія о прелести хуторской жизни...

— Вѣдь 55 лѣтъ такъ! — говорятъ хуторяне,—гдѣ же здѣсь поправиться...—Въ деревнѣ плохо, а здѣсь еще хуже.

На вопросъ, почему «здѣсь еще хуже»?—начинается безконечный рядъ разсказовъ о томъ, что «если даже и выплатишь вовремя — все равно нѣтъ никакого спокойствія», что, жить одному, какъ волку, скучно», что «дичать тоже никому не интересно» и т. д. Въ одинъ голосъ хуторяне доказываютъ, что будни ихъ жизни полны специфически хуторскихъ трагедій, которыхъ невозможно предусмотрѣть и устранить.

И эти будничныя трагедіи мелкихъ людей, трагедіи постоянныя и неустранимыя,—часто бываютъ настолько тяжелы, что, право, они не могутъ окупить экономическія преимущества хуторской жизни, если бы даже такія преимущества и были.

Вотъ нѣсколько маленькихъ, бѣдныхъ хуторковъ около Ивановки *). Обычная для хуторовъ грязь и нищета. Около колодца толкутся нѣсколько мужиковъ и бабъ. Издалека видно, что они о чемъ то оживленно бесѣдуютъ, махаютъ руками, заглядываютъ въ колодецъ.

— Надо же быть такому грѣху!..

— Ахъ ты, Господи!

— Царство небесное... Новопреставленныя душеньки въ рай пойдутъ...

— Подбѣгаю это я,—разсказываетъ вертлявая бабенка, а она мечется. — Что же, спрашиваю, кума? Ребятъ, говоритъ, кумушка, не видать что то... — Меня такъ всю и замутило. — Не въ колодези ли, говорю?—Здѣсь Митричъ подбѣжалъ. Спустили мы его, а онъ тамъ сердешный... Совсѣмъ ужъ закоченѣлъ... Мать то обморокомъ накинуло, какъ Митричъ то его вынулъ...

— Будетъ, тетенька, будетъ, не убивай себя...

— Извѣстно, не воскреснетъ...

Худая растрепанная баба истерически визжитъ и лѣзетъ къ колодцу... Нѣсколько рукъ хватаютъ ее, оттаскиваютъ... Захлебываясь въ собственныхъ слезахъ, она рвется изъ рукъ, кусаетъ ихъ, отбивается...

— Видишь ты, къ колодезю все лѣзетъ...

— Умомъ помрачилась. Показываютъ ей его, а она—это, говоритъ, не мой, мой тамъ, и все къ колодезю, все къ колодезю...

---

*) Орловская губ. Ливенскій уѣздъ.

— Дайте мнѣ его! Дайте мнѣ его!.

— Будетъ ужъ! Эхъ!.. Бабы!..

— Дайте же мнѣ его!

— Что ты—ей Богу! Опомнись ужъ! Чего же подѣлаешь? Божья видно, воля!

— Эхъ ты случай то какой...

Обезсилившая баба затихаетъ. Ее осторожно кладутъ на кучу соломы.

— Въ чемъ дѣло, братцы?

— Ребенокъ въ колодцѣ утопъ. Второй случай ужъ вотъ!

— Какъ же не утонуть? Совсѣмъ почти безъ струба колодезь! Ништо это струбъ? Вѣдь здѣсь чуть чего и—тамъ!

— Тоже и родители хороши!.. Ушедши, воды не оставили... Извѣстно, дите малое: хочетъ пить и лѣзетъ къ колодезю. Понятія настоящаго нѣтъ, а чуетъ, что вода тамъ, ну и лѣзетъ...

— Оставили имъ воду-то, да они, вишь, пролили ее...

— Пролили, а взять негдѣ, сунуться не къ кому... Въ деревнѣ бы къ шабрамъ зашелъ, напился, а здѣсь...

— Эхъ ты, жизнь горемычная...

Разговоръ тотчасъ переходитъ на темы хуторской жизни, самый фактъ, возбудившій эти разговоры, на минуту какъ бы забывается.

— Вѣдь, если по правдѣ-то говорить, такъ ребятишкамъ здѣсь не житье, а каторга... Что они? Живутъ, какъ звѣри—ни имъ поиграть не съ кѣмъ...

— Одно слово дичаютъ!

— Ѣду я какъ-то изъ городу,—говоритъ сердитый старикъ, упрекавшій родителей утонувшаго ребенка,—а по грязи Володька Никаноровъ шлепаетъ; Дуньку тоже тащитъ за руку. Куды вы, говорю? «Въ деревню, говоритъ, съ ребятишками поиграть...»—Это вы, говорю, пять верстъ лѣзете изъ такого пустяка?—«Насъ, говоритъ, маманька пустила...» Вотъ и поговори съ ними...

— И то, дѣдушка, надо сказать—скучно! Здѣсь большому тоска, а ребятамъ и подавно. Хоть вотъ моего Сеньку взять—его на привязи не удержишь. Чуть чего—и въ деревню!—замѣчаетъ серьезный Иванъ Захаровичъ.

— У нихъ тоже—товарищи и друзья!.. Сойдутся—водой не разольешь!..

— Что и говорить...

На нѣсколько минутъ вниманіе разговаривающихъ привлекаютъ новыя рыданія бабы. Ее ведутъ въ избу и укладываютъ на постель. Затѣмъ одинъ за другимъ снова собираются около колодца. Нѣкоторое время молчатъ.

— Ты вотъ, Иванъ Захаровичъ, говоришь—большому тоска, а я тебѣ скажу—хуже: другой разъ страхъ беретъ. Вѣдь одинъ

въ полѣ не воинъ: зайдетъ кто, перерѣжетъ, недѣли двѣ и не узнаетъ никто.

— Знаешь Василія-то?—спрашиваетъ въ свою очередь Иванъ Захаровичъ.

— Слыхалъ!

— А что съ нимъ?—спрашиваю я.

— Прибѣжалъ какъ-то къ намъ въ деревню. Часовъ двѣнадцать ночи ужъ было. Стучитъ, что есть мочи къ попу. Тотъ, извѣстно, испугался, выбѣгъ къ нему. «Что ты, говоритъ, треба чтоль какая?»—«Пустите, говоритъ, Христа ради въ избу».— Попъ пустилъ и видитъ, что человѣкъ самъ не въ себѣ. «Что, спрашиваетъ. съ тобой?—«Боюсь, говоритъ, батюшка! Страшно мнѣ. Тамъ на хуторѣ стучится кто-то»...—«Воры, что ль?»—«Должно, говоритъ, воры», а самъ весь дрожитъ, какъ листъ. Попъ собралъ человѣка четыре, побѣжалъ на хуторъ. Глядь—тамъ жена Василія тоже безпокоится: мужа ищетъ. «Закричалъ, говоритъ, вскочилъ, какъ полоумный, и бросился бѣжать». Оказалось—все спокойно, никого нѣтъ, а ему просто попритчилось...

— Что же съ нимъ теперь?

— Да что теперь? Кажнюю ночь, какъ заснетъ и начинаетъ его дергать—вскочитъ, затрясется и въ деревню: спасите, кричитъ, убиваютъ! Совсѣмъ сошелъ съ ума!

— Мнительный человѣкъ!

— Мнительный—не мнительный, а бываетъ такъ, что и взаправду шалятъ. Вотъ въ верстѣ отъ меня къ мужичку ночью нагрянули буяны, взять ничего не взяли, а перепугали всѣхъ. Мужикъ и жена хорошіе были люди, а теперь испорчены на всю жисть. Дѣти тоже идіотами стали.—Сказавъ это, Иванъ Захаровичъ нахмурился.

— Не привыкъ народъ, а буянамъ здѣсь раздолье. Въ деревнѣ какъ-никакъ, а людно, а вѣдь здѣсь, какъ пень въ степи: хоть кричи, хоть не кричи...

Иванъ Захаровичъ переселился на хуторъ, но принципіально— врагъ хуторовъ. Онъ аккуратно посѣщаетъ лекціи гг. землеустроителей, читаетъ книжки, которыя они раздаютъ хуторянамъ, и всѣ разсужденія его всегда сводятся къ опроверженію доводовъ лекцій и брошюръ. Чѣмъ больше онъ говоритъ, тѣмъ больше волнуется, начиная всякое свое возраженіе съ фразы: «они, вотъ, говорятъ...»

— Они, вотъ, говорятъ—хлѣбъ тебѣ возить недалеко... Хорошо! Но скажите, какой мнѣ толкъ, коли весь хлѣбъ я должо́нъ за 30 верстъ въ ссыпку везти. Онъ на корню, хлѣбъ-отъ, а я ужъ знаю, что онъ не мой. Заплати, потомъ убирай!.. Но позвольте, чѣмъ я буду платить?!. Какой же это есть законъ? Павелъ Борискинъ вонъ на семь денъ въ холодную посаженъ за самовольный уборъ хлѣба, да и съ участка грозятъ согнать: какое, говорятъ, имѣлъ право убрать и смолотить? А того не

хотятъ понять, что можетъ человѣку ѣсть нечего?. Плачетъ мужикъ, ревмя-реветъ... Переселился, разворился и чуть что, пошелъ вонъ!.. Вотъ такъ законы пошли! Вѣдь у него, у Борискина-то, все здѣсь—и зерно, и солома, и скотинка, есть, кажется, что описать въ случаѣ чего... Нѣтъ—сиди! Пошевелиться не смѣй! При крѣпости и то этого не было! Мужикъ съ хутора ни соломенки, ни зернышка не вывезъ, а сиди!.. Ты, говорятъ, можешь запродать! Да позвольте! Вамъ-то какое дѣло, коли я къ сроку деньги представлю?

— Развѣ только Борискинъ? Много ихъ... такихъ-то...

— Я къ примѣру взялъ... Всѣ мы подъ камнемъ ходимъ—чуть что и хлопнетъ по затылку... Говорить ужъ объ этомъ надоѣло...

— А кто велѣлъ переходить?—спросилъ сердитый старикъ.—За уши, что ли, васъ тащили? На меня, братъ, глядѣть нечего, я старикъ—55 лѣтъ не проживу.

— Кто велѣлъ? Нужда велѣла—вотъ кто! Нужда, дѣдушка. Ты думаешь, отъ хорошей жизни люди въ петлю-то лѣзутъ?.. Самъ понимаешь—мнѣ тебя учить нечего...

— То-то и оно... Здѣсь-то изжили, что ль, нужду-то? У твоего сосѣда вѣдь вонъ лошадь-то на приколѣ удавилась?

— У моего.

— То-то и есть! Въ деревнѣ-то она, може, и по сей день ходила бы, а здѣсь онъ ея лишился... Одна только и была лошаденка и той теперь нѣтъ... Вотъ и живи!..

Иванъ Захаровичъ замолчалъ. Сердитый старикъ говорилъ именно то, что могъ сказать и самъ Иванъ Захаровичъ, поэтому спорить было нечего.

Кто-то перевелъ было разговоръ на бабу и утонувшаго ребенка, но здѣсь многаго сказать было нельзя, да и вопросъ этотъ входилъ въ область обыденныхъ хуторскихъ трагедій.

— Да, дѣла,—вырвалось у кого-то.

— Неужели ужъ такъ плохо?—спрашиваю я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не всѣмъ плохо! Кое-кому и хорошо!—И въ сотый разъ приходится выслушать, что «тѣмъ, кто побогаче—хутора лафа», что «подняться нѣтъ силъ», что «на первомъ шагу дошибаютъ»...

— А главное—порядку нѣтъ никакого... Кто куда хочетъ, тотъ туда и гнетъ... И никто ничего не понимаетъ. Какіе тамъ законы? Кто ихъ видалъ? Вонъ у Ольшанскихъ и у Студеновскихъ скандалъ былъ: два года землей не пользовались, а деньги просятъ.. За что? Законъ, говорятъ... Вотъ ты и поди...

— Ну, и мы то же хороши, дядя Иванъ, возьми дороги хоть: вѣдь всѣ распаханы?..

— Распаханы!..

— А ѣздить гдѣ? Изъ-за дорогъ то скандаловъ побольше. У

Андріанова то съ Смѣляковымъ изъ-за чего побоище то вышло? Изъ-за дороги вѣдь... У Семенова...

— Ты мнѣ не разсказывай: самъ побольше тебя такихъ исторій знаю. Оттого и есть, что порядку нѣтъ. Мужикъ каждой бороздой дорожитъ... Уступить никому не охота, вотъ и будутъ другъ у друга хлѣбъ мять...

Начались новые разсказы о столкновеніяхъ хуторянъ другъ съ другомъ, о нищетѣ, о непорядкахъ и т. п. Казалось, не будетъ конца этимъ разсказамъ, однообразнымъ и тоскливымъ, какъ и самая жизнь хуторянъ. И лишь, когда совсѣмъ стемнѣло, и пошелъ дождь, крестьяне начали расходиться...

— Мы ужъ какъ нибудь... Ребятишекъ жалко, вотъ что главное! Дичаютъ...

— Дичаютъ, это вѣрно...

— Да!

— Вотъ теперь хуторъ отъ хутора во какое разстояніе, а пройдетъ годковъ пятьдесятъ, вокругъ каждаго хутора деревня будетъ...

— Плодится народъ...

— Опять земли не будетъ...

— И мы не выплатимся еще...

Такія фразы долетали отъ шедшихъ впереди меня крестьянъ...

«Мы какъ нибудь... Намъ не привыкать... Ребятишкамъ вотъ плохо,—то и дѣло приходится слышать отъ хуторянъ. И, дѣйствительно, положеніе хуторскихъ ребятишекъ, по моему, самая больная сторона хуторской жизни. Вопросъ не только въ томъ, что имъ негдѣ учиться, что на долгое время большинство ихъ обречено на безграмотность и на невѣжество... Помимо этого, ребятишки въ своей дѣтской жизни лишены всего: у нихъ нѣтъ ни игръ, ни товарищей. Одиночество не такъ отражается на взрослыхъ, какъ на нихъ. Все вниманіе свое ребятишки принуждены сосредоточить на злобахъ дня жизни ихъ хутора. А такъ какъ эти злобы дня, преимущественно, безпокойны и трагичны, то дѣтишки, какъ и старшіе, живутъ въ состояніи вѣчнаго трепета...

Общеизвѣстный фактъ, что ребятишки въ своихъ играхъ копируютъ жизнь взрослыхъ, на хуторахъ принимаетъ иной характеръ: замкнутые въ стѣнахъ своей избы ребятишки *живутъ* жизнью взрослыхъ, впитывая въ себя переживанія большихъ. Въ жизни большихъ нѣтъ радостей—нѣтъ ее и въ жизни ребятишекъ. Входя въ избу хуторянина, вы видите ютящихся гдѣ-нибудь въ углу ребятишекъ, хмурыхъ и молчаливыхъ.

— Чего вы все въ избѣ третесь? Шли бы на дворъ...

Ребятишки идутъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвращаются и снова забиваются въ уголъ.

— Играть не съ кѣмъ!..

— Другъ съ другомъ играйте...

— Скучно.

Знакомый врачъ, близко соприкасающійся съ жизнью хуторянъ, говорилъ мнѣ, что ребятишки хуторянъ хилѣе и апатичнѣе деревенскихъ. Объясняетъ онъ это полнымъ одиночествомъ, которое все вниманіе дѣтей сосредоточиваетъ на жизни большихъ. Нѣтъ ничего, что могло бы развлекать дѣтей, отвлекая ихъ мысль въ другую сторону. Не даромъ вѣдь они за пять верстъ хотятъ поиграть съ товарищами!..

Больно становится на душѣ, когда думаешь, что при такихъ условіяхъ растетъ новое поколѣніе.

Что выйдетъ изъ нихъ? Хмурые, апатичные, озлобленные на судьбу и людей люди...

Впрочемъ, за то они привыкнутъ къ одиночеству, и имъ не придется «привыкать къ хуторской жизни»...

VII.

За невзносъ платежей, вѣрнѣе, за несвоевременную доставку ихъ—въ томъ участкѣ Ливенскаго у. Орловской губ., гдѣ я наблюдалъ жизнь хуторянъ, было «согнано» за послѣднее время 14 человѣкъ, а трое отказались сами въ виду полной невозможности выплачивать.

У тѣхъ и у другихъ, по ихъ словамъ, пропало по 20 руб., внесенныхъ ими въ видѣ задатка, и арендная плата за два года.

Какъ среди хуторянъ, такъ и среди общественниковъ «отобраніе участковъ» является самой злободневной темой. Нужно сказать, что общественники относятся къ этому съ нѣкоторымъ торжествомъ. «Вотъ молъ, видите теперь, каково это дѣло? Чуть что и полетѣлъ»... «Мы, молъ, раньше говорили это—не вѣрили, теперь посмотрите на дѣлѣ». Бѣдные хуторяне еще болѣе съеживаются, еще болѣе трепещутъ, а богатые поспѣшили завладѣть участками тѣхъ, которыхъ «согнали». Послѣднее обстоятельство порождаетъ много нелестныхъ для землеустроителей слуховъ и толковъ. Въ одинъ голосъ крестьяне говорятъ, что участки бѣдняковъ потому и отобраны, что ихъ нужно было передать зажиточнымъ крестьянамъ. Почему явилась необходимость этой передачи,—крестьяне объясняютъ очень просто: это почему то выгодно землеустроителямъ...

У кого и почему отобрали участки? Завѣдующій участкомъ говоритъ, что отобрали у самыхъ «нестоющихъ», крестьянъ, у которыхъ не было серьезнаго намѣренія переселиться. Они намѣренно не платили аккуратно, не внесли бы и арендной платы, но имъ пригрозили судомъ... Вѣрно ли это? Крестьяне говорятъ что нѣтъ...

Бѣднѣйшій крестьянинъ Никита Новиковъ вложилъ въ землю все, что могъ, продалъ и заложилъ послѣднее, остался «безъ корки хлѣба» и все таки у него не хватило пятнадцати рублей. Участокъ былъ отобранъ. Раззоренный крестьянъ остался не при чемъ.

— Въ раззоръ меня раззорили!— плачетъ мужикъ.—Что я теперь буду дѣлать?..

Бѣгая изъ одной избы въ другую, онъ разсказываетъ объ этомъ «поступкѣ» съ нимъ и до сихъ поръ не вѣритъ, что участокъ отобрали у него въ «серьёзъ».

— Можетъ такъ еще... Постращаютъ только... А тамъ опять...

Еще трагичнѣе положеніе крестьянина Алферова. У него семь человѣкъ дѣтей, оставшихся теперь «безъ хлѣба». Вотъ какъ онъ разсказываетъ свою печальную исторію.

— Всю жизнь мою я маюсь... Свѣтлой минуты не припомню... Взялъ участокъ — думалъ вздохну, анъ дѣло еще хуже пошло. Сами «день не ѣмши—два дня такъ», а туда неси... Носилъ, носилъ—силъ не стало... Какъ есть въ чистую раззорился... Послѣдній разъ не хватило десяти руб. Побѣжалъ туда, побѣжалъ сюда— нѣтъ. Ну что же подѣлать? Нѣтъ, такъ изъ пальца не высосешь! Продать нечего, занять негдѣ...

— И что же?

— Да ничего... Согнали! Не извѣстили даже... Пришелъ въ контору, а тамъ объявляютъ: «участокъ твой проданъ—и землю очищать»...

— За что, говорю, помилуйте!

— За недоимку.

— Да я что же буду дѣлать? Вѣдь у меня семь человѣкъ дѣтей!

— Это, говоритъ, дѣло не наше!.. Законъ...—Богъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ законы то: мы ихъ не читали. Сманили, а потомъ— законъ!..

— Что же вы теперь думаете дѣлать?

— Жаловаться буду... Мнѣ извѣстно, кому мой участокъ то попалъ...

Я не буду передавать разсказъ Алферова о томъ, какъ онъ прибѣжалъ, какъ полоумный, домой прямо изъ конторы, «какъ заревѣли ребятишки», какъ онъ «метался за помощью»,—все это легко представить всякому. Фактъ, что мужикъ раззоренъ; желая улучшить свою жизнь, онъ превратился въ нищаго. .

Не менѣе трагична и «исторія» крестьянина д. Александровки Мурашкина. У него пятеро дѣтей. Нищета, безземелье, хроническій голодъ понудили его «кинуться къ участку». Онъ кинулся. «Кряхтѣлъ, опять голодалъ, но пока были силы — несъ!» Что было, все продалъ. Не хватило пустякъ.

— Нельзя-ли, говорю, дать отсрочку?

— Нельзя.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Вѣдь у тебя корова есть!

— Есть.

— Продай ее, вотъ тебѣ и деньги.

— А ребятишки то какъ? Вѣдь молоко все-таки... питаніе...

— Какъ знаешь!..

Мурашкинъ продалъ корову. Но покупателя пришлось искать долго. «Кто побогатѣе-то видитъ, что мнѣ петля, и даетъ за корову самую малость... Сами понимаете — если вдругъ продать — всегда пойдетъ за безцѣнокъ... Метался-метался — такъ за пустякъ и отдалъ.—Но все же къ сроку Мурашкинъ не поспѣлъ. Деньгъ въ конторѣ не приняли, участокъ отобрали, и бѣднякъ остался безъ хутора и безъ коровы...

— Вѣдь вы, говорю, раззорили меня!..

— Законъ!

— Но какой же это законъ, что пускать людей по міру?

— Ну, это, говоритъ, дѣло не твое... Вотъ когда, говорятъ, ты будешь законы писать, пиши хорошіе!..

Приведенные примѣры типичны для «согнанныхъ», поэтому я не буду перечислять другихъ крестьянъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать. Всѣ они объясняютъ недоимку нищетой; поспѣшную продажу ихъ участковъ «придиркой»; всѣ они наиболѣе бѣдны; всѣхъ за участки заставила «ухватиться» нужда...

Примѣры эти прекрасно подтверждаютъ мысль, которую то и дѣло высказываютъ хуторяне: «на волоскѣ висимъ, чуть что и сковырнутъ; все всаживаемъ, съ каждымъ днемъ больше и больше нищаемъ, а чуть чуть натягиваемъ...

Эта постоянная боязнь, что «сковырнутъ» изъ-за пустяка, эти ежедневные наглядные примѣры, какъ изъ-за пустяковъ «сковыриваютъ» —рождаютъ угнетенное и подавленное настроеніе. Этимъ и объясняется полное отсутствіе у хуторянъ жизнерадостности, веселья... Всѣ они хмурые, задумчивые... Разговариваютъ неохотно и на всякаго пріѣзжаго смотрятъ съ боязливой задумчивостью...

Всегда гнететъ одна и та же мысль: «чуть что и сгонятъ»... Характерно, что и болѣе зажиточные хуторяне и тѣ «всегда побаиваются»... Ихъ фонды, конечно, болѣе прочны, но — «все можетъ случиться»...

Описывая хуторянина Василія Никишина, взятаго мною за типичнаго представителя бѣдныхъ хуторянъ, я говорилъ уже, какъ гнететъ его эта мысль. Крестьянинъ с. Студенова Грибановъ нѣсколько зажиточнѣе Никишина. Продавши домъ, надѣлъ, задолжавъ «побольше шести полусотъ», онъ собралъ 1200 руб. и всѣ ихъ «всадилъ въ участокъ». Семейное положеніе дало ему возможность взять два хутора, и теперь, по его словамъ, «онъ только думаетъ о томъ, что не нынѣ—завтра продадутъ»...

— Покою нѣтъ. Остался не при чемъ, доходъ такой, что чуть не плачу; ѣсть стали вдвое хуже... Чую, что не устоять мнѣ...

Начинаются математически точные подсчеты, неопровержимо доказывающіе, что «изъ долговъ при такихъ дѣлахъ никакъ не вылѣзть»...

О лишенныхъ участковъ хуторянахъ мнѣ пришлось говорить съ однимъ очень симпатичнымъ священникомъ. Мнѣнія его особенно интересны потому, что до самаго послѣдняго времени онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ хуторскихъ хозяйствъ. Теперь же, послѣ наблюденій жизни хуторянъ,—священникъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, которые дали и мои наблюденія.

— По обязанности моего сана мнѣ часто приходится бывать у хуторянъ, видѣть ихъ и въ горѣ, и въ радости... Скорѣе, чѣмъ кому либо другому, они открываютъ мнѣ свою душу, и я долженъ прямо сказать, что большинство ихъ живетъ изъ рукъ вонъ плохо... Во всѣхъ отношеніяхъ плохо... У многихъ скота нѣтъ вовсе, хлѣба на зиму не хватитъ, а о тѣхъ, которыхъ согнали съ земли, и упоминать нечего...

— Чѣмъ вы объясняете это?

— Причинъ много — переселеніе разоряетъ людей, а съ перваго же шагу платежи—оправиться не даютъ; «дошибаютъ», какъ они говорятъ... Для чиновниковъ, которые осматриваютъ хутора, все кажется лучше, чѣмъ въ дѣйствительности... Нужно сказать вамъ, что дѣйствительное положеніе сами хуторяне отъ нихъ скрываютъ: боятся! Скажи, говорятъ, всю правду то, а они и сгонятъ съ хутора—скажутъ платить будетъ нечѣмъ. Вотъ и прикрашиваются. А мнѣ вѣрятъ: [illegible] я за «[illegible]»—къ кому ни пріѣду, ведетъ къ сундуку: смотрите, батюшка,—нѣтъ! И [illegible]. Прихожане меня любятъ и никогда не обманываютъ. Недавно [illegible] одинъ за другимъ эти [illegible] начали бѣгать.. Прибѣжитъ—реветъ: «батюшка, заступись!» А я что могу сдѣлать? Утѣшать [illegible] Не знаю, чѣмъ и кончится это дѣло. Одно ясно для меня: [illegible] Многіе сбѣгутъ—[illegible]

[illegible]

VIII.

11-го октября въ Ливенскомъ у. Орловской губ. состоялась первая прославленная потомъ на всю Россію, «сельскохозяйственная выставка скота и продуктовъ полеводства хуторскихъ хозяйствъ». На выставку имѣли право приводить скотъ лишь хуторяне, уже выселившіеся на участки. Описывая эту выставку, какой-то губернаторскій чиновникъ впадаетъ въ такой лирическій экстазъ, что пишетъ о томъ, чего не было въ дѣйствительности: плоды собственнаго воображенія выдаетъ за факты, а фактамъ даетъ ложное освѣщеніе. «Выставленный скотъ и продукты полеводства дали такой результатъ двухлѣтней самостоятельной хозяйственной дѣятельности хуторянъ, котораго нельзя было получить въ теченіе полувѣковой сельско-хозяйственной работы въ общинѣ» *). Но по единогласному отзыву всѣхъ компетентныхъ лицъ—выставленный скотъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго крестьянскаго скота. Опубликованное ранѣе условіе, что на выставку будетъ приниматься рогатый скотъ не моложе 6 мѣсяцевъ и не старше 5-6 лѣтъ—въ дѣйствительности не соблюдалось: принимался скотъ всѣхъ возрастовъ. Оффиціальное лицо, присутствовавшее на выставкѣ, категорически утверждало при разговорѣ со мной, что «принимали скотъ 8—9 и болѣе лѣтъ. «Въ настоящее время всѣхъ выселившихся хуторянъ въ этомъ участкѣ—160. Могли они представить на выставку скота любого возраста—147 головъ. На одного хуторянина приходится менѣе 1 головы рогатаго скота. Но всѣ ли 147 головъ принадлежали выселившимся хуторянамъ? Положительно утверждаю, что это не такъ. Во-первыхъ, оффиціально выяснилось, что скотъ приводили крестьяне, взявшіе отруба, но еще не переселившіеся; во-вторыхъ, нѣкоторые такъ называемые «хуторяне» привели по 3—6 головъ скота. Такимъ образомъ, на дѣйствительныхъ хуторянъ остается количество очень ничтожное.

Описывая хутора, я говорилъ о дворовомъ Прытковѣ. Я видѣлъ его корову, за которую онъ получилъ «денежную награду» въ 3 руб. Обыкновенная крестьянская коровенка, цѣна которой 30—35 руб. То же и у другихъ *настоящихъ* хуторянъ, имѣющихъ коровъ. Дѣло только въ томъ, что многіе изъ нихъ рогатаго скота не имѣютъ вовсе.

«Изъ 147 хуторянъ, выставившихъ скотъ,—пишетъ казенное перо,—74 получили денежныя награды, а трое—почетныя награды департамента земледѣлія: двѣ бронзовыя и одну серебряную медали за отличное содержаніе и кормленіе рогатаго скота». Поразительно фальшиво звучитъ эта громкая тирада. Что это за «хуто-

*) „Орловск. Вѣсти". № 256.

ранѣе», получившіе медали за отличное содержаніе и кормленіе скота? Серебряную медаль получилъ *управляющій имѣніями крестьянскаго банка — Калинниковъ,* выставившій *три головы* богатаго скота. Въ число «хуторянъ» г. управляющій попалъ потому, что при разбивкѣ на хутора имѣнія В. Кн. Андрея Владиміровича, за нимъ осталось помѣщичья усадьба въ 28 десятинъ съ великолѣпными каменными постройками. Понятно, что г. Калинниковъ можетъ имѣть хорошо откормленный скотъ; очень можетъ быть, что скотъ его получилъ медаль вполнѣ заслуженно, но какое отношеніе имѣетъ это къ крестьянскимъ хуторамъ?

Бронзовую медаль получилъ богатый лавочникъ Захаровки Сахаровъ, о которомъ я уже говорилъ. Человѣкъ этотъ имѣетъ земельку, недавно взялъ отрубъ, но на него еще не переселился. Имѣетъ въ Захаровкѣ великолѣпный домъ, лавочку. Хуторъ для него—лѣтняя резиденція. Третью медаль получилъ богатый мужикъ, купившій второй княжескій хуторъ съ постройками при д. Ивановкѣ.

Вотъ вамъ три «хуторянина», отлично содержащіе и кормящіе скотъ! Повѣрьте, господа, что люди эти отлично кормили скотъ задолго до 1906 года!..

А настоящіе хуторяне? Они получили денежныя награды отъ 1 до 10 руб., при крайне поощрительной оцѣнкѣ ихъ скота!..

Дай Богъ хуторянамъ великолѣпнаго скота и всяческой зажиточности! Но теперь у громаднаго большинства ихъ нѣтъ ни того, ни другого.

Выставлены были кое-какіе корнеплоды. Но кто ихъ выставилъ? Лукъ, напр., выставилъ «хуторянинъ» Сахаровъ, много лѣтъ занимающійся бахчевнымъ дѣломъ. Въ теченіе его долголѣтней практики, несомнѣнно, у него родился лукъ и лучшаго качества. Гдѣ же «результаты, которыхъ нельзя получить въ теченіе полувѣковой работы въ общинѣ?»

«*Многіе* изъ крестьянъ уже завели люцерну»... Любопытно, кто эти «многіе?» Вотъ я объѣздилъ хутора и не нашелъ этихъ «многихъ». Не понимаю, откуда взялъ ихъ губернаторскій чиновникъ!..

Заключая свой дифирамбъ, чиновникъ пишетъ: «до какой степени хутора, какъ сельско-хозяйственная система землевладѣнія, отвѣчаетъ экономическимъ потребностямъ мелкаго собственника и насколько выгоды хуторскаго хозяйства оцѣнены крестьянами, можно судить по факту, что товарищество, купившее землю графа Комарова, расположенную по сосѣдству съ Захаровскими хуторами, *раздѣлило свою землю на хутора самостоятельно, безъ участія землеустроительныхъ органовъ, послѣ многолѣтняго владѣнія на общинныхъ началахъ, какъ только увидѣло живой примѣръ хуторского хозяйства у Захаровцевъ».*

Фактъ, дѣйствительно, очень важный, если бы только онъ существовалъ.

Обращаюсь къ видному земскому дѣятелю, стороннику хуторской системы.

— Вѣренъ этотъ фактъ?

— Положительно утверждаю: выдумано все отъ слова до слова. Комаровцы и не думали выходить на хутора. Да и смысла имъ нѣтъ никакого.

Обращаюсь къ управляющему имѣніями крестьянскаго банка.

— Выдумано. Вообще здѣсь много неточностей. Комаровцы живутъ по старому.

Спрашиваю у комаровцевъ.

— Вѣрно ли это?

— Нѣтъ, живемъ, какъ жили!

Гораздо любопытнѣе, какъ выставка эта,—приведшая въ такой восторгъ казеннаго корреспондента,—отразилась въ пониманіи хуторянъ.

— Вы были на выставкѣ?

— Какъ же. 3 рубля получилъ за корову.

— Разскажите, какъ это было.

— Да, чего, умора!.. Просто комедь ломали. Разослали сначала намъ афиши. Начали мы толковать. Потомъ чиновникъ ѣдетъ: «гони, говоритъ, скотъ!» «Незавидный, молъ, ваше благородіе!» «Ничего, говоритъ, валяй». Ну, что же, разъ говоритъ—надо вести, а тамъ денегъ еще обѣщали. Вымыли мы съ бабой корову — погналъ я. Пришелъ—тамъ все форменно: флаги, мѣсто для начальства, дорожки песочкомъ посыпаны, елочки понатыканы. Посмотрѣли корову, записали. Гляжу: народу много; есть и не хуторяне: мужикъ знакомый съ комаровской земли 6 головъ привелъ. Спрашиваю сосѣда: развѣ это, говорю, хуторянинъ? Вѣдь онъ собственникъ! «Все равно, говоритъ, начальству хочется, чтобы головъ больше было». Ну, говорю, ладно,—дѣло не наше. Гляжу — Сахаровъ съ лукомъ стоитъ, а говорили, чтобы только скотъ. Потѣха! Торгуешь, что ли? спрашиваю. «Нѣтъ, говоритъ, начальству поглядѣть любопытно». Какой-то чиновникъ смотритъ коровъ и любуется. «Я, говоритъ, люблю такихъ. Ростъ не великъ, а молочисты». Мы молчимъ.

— Дальше что было?

— Дальше—подошелъ ко мнѣ одинъ тоже нашъ хуторянинъ и говоритъ: «Слышалъ, говоритъ, четыре заводскихъ бычка для насъ привели; хуторянамъ, вишь, раздавать будутъ».—Кому же?—спрашиваю. «А это, говоритъ—неизвѣстно». Въ это время пріѣхалъ чиновникъ. Посмотрѣлъ скотину. «Все, говоритъ въ порядкѣ». Затѣмъ началъ намъ говорить: «старайтесь, говоритъ, и мы васъ наградимъ». Сосѣдъ-отъ мой опять подъ бокъ мнѣ тычетъ: «какъ кончитъ, говоритъ, бери его на руки и качай».—Зачѣмъ?—спра-

шиваю. «Тогда, говоритъ, бычекъ попадетъ тебѣ безпремѣнно».— Когда кончилъ онъ, я хочу схватить его, а боюсь. Гляжу другой нашъ шустрый мужиченко ужъ подбѣжалъ къ нему и цапъ за ноги. Мы за нимъ. Кто за руки, кто подъ спину подталкиваетъ... Я боялся было, а потомъ вижу—онъ доволенъ. Потомъ стали награды раздавать: кто первый-то схватилъ, тому красненька попала, а мнѣ трешна. Бычкомъ тоже обдѣлили. Такъ что напрасно только тратилъ я свои силы. Мужики тоже ругались. «Лучше бы, говорятъ, эти деньги поровну намъ раздѣлили, потому что всѣ мы всегда готовы уважить».

— Кому же попали бычки?

— Одинъ управляющему, а остальные три—богатымъ мужикамъ. Спрашивали мы тогда: «почему же намъ-то ваше благородіе?» «Вы, говоритъ, народъ бѣдный и настоящаго прокорму не можете имѣть; а бычкамъ, говоритъ, нужна хола, потому что они—скотъ нѣжный. Для коровъ же вашихъ, они всегда должны оказывать содѣйствіе по рублю за каждый разъ». Мужики вошли въ обиду: «мы, говорятъ, день потратили, а главная добыча пошла богачамъ. Вѣдь, говорятъ, если по рублю за разъ брать, то на эти деньги бычка очень даже хорошо можно прокормить». Но никакого вниманія не было.

— Этимъ дѣло и кончилось?

— Кончилось. Пригналъ я корову домой—гляжу кое-кто изъ другихъ хуторовъ пришелъ.—«Какъ, говорятъ, дѣла?»—«Трешну, молъ, получилъ».—«Надо бы, говорятъ, могарычи».—«Ладно», говорю.—Разсказалъ имъ про бычковъ; здѣсь съ горя всю трешну мы и пропили.

— Для чего же это выставка была?

— Кто ихъ пойметъ. Начальству, видно, скотину нашу желательно было поглядѣть. А тамъ выбрали кто побогаче и наградили бычками...

Эти четыре бычка — злоба дня хуторскихъ разговоровъ. Дѣло въ томъ, что спеціально для крестьянъ, выселившихся на хутора, на счетъ казны куплены были четыре бычка — чистокровные сементалы. О бычкахъ этихъ разговоръ шелъ давно, и многіе на нихъ разсчитывали. Розданы они были одинъ «хуторянину» Калинникову, а три—зажиточнымъ крестьянамъ. Роздали ихъ на такихъ условіяхъ: кормить три года, уступая на ставку *только коровамъ хуторянъ*, по 1 рублю за случку. Деньги идутъ въ пользу «хуторянина», содержащаго бычка. Черезъ три года же бычекъ поступаетъ въ полную собственность «хуторянина».

— Кто побогаче, тѣмъ и награда, и бычки...

— Знали бы, лучше бы не гоняли скотину на эту выставку...

— Рука руку моетъ...

— Только обѣ грязныя дѣлаются...

— Нѣтъ, по моему, пожаловаться начальству,—только и всего.

— «Хуторяне» тоже. Куда угодно примажутся...
— Имъ бы только взять...

Такимъ образомъ, на выставкѣ, какъ и въ жизни, рѣзко вырисовались два типа хуторянъ: богатые, пользующіеся всѣми преимуществами хуторской жизни и казенной опеки, и громадное число бѣдняковъ, имѣющихъ по одной скотинкѣ, которымъ больше обѣщаютъ, чѣмъ дѣлаютъ... О хуторянахъ, вовсе не имѣющихъ скота,—нечего и говорить... И выставка въ концѣ концовъ показала одно: скота у хуторянъ мало и качество его незавидно...

О такомъ итогѣ выставки единодушно говорятъ какъ сами хуторяне, такъ и мѣстные общественные дѣятели. Всѣ говорятъ, что въ рамкахъ помпезной обстановки скотъ хуторянъ и сами они производили довольно жалкое впечатлѣніе... И только всѣмъ довольные г.г. землеустроители находятъ возможнымъ и изъ этой выставки сдѣлать выводъ о благоденствіи хуторянъ...

Ив. Коноваловъ.

О Всероссійскомъ фельдшерскомъ съѣздѣ.

Недавно вышли изъ печати «Труды II го всероссійскаго съѣзда фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ», состоявшагося въ Кіевѣ съ 10 по 17 іюня 1909 г. Какъ практическая роль фельдшеровъ въ россійской медицинской организаціи, такъ и характеръ профессіональнаго движенія въ ихъ средѣ имѣютъ несомнѣнное и серьезное общественное значеніе; поэтому будетъ не лишнимъ ознакомиться съ работами съѣзда этихъ культурныхъ тружениковъ деревни, несущихъ на своихъ плечахъ тяжелую общественную ношу, но совершенно обойденныхъ общественнымъ вниманіемъ.

Съѣздъ состоялъ изъ 466 участниковъ (въ томъ числѣ 14 врачей), съѣхавшихся со всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи и изъ многихъ мѣстъ Сибири и Кавказа. Главный контингентъ членовъ съѣзда (около 50%) составляли фельдшера, служащіе въ земствахъ. Болѣе половины членовъ (около 55%) пріѣхали на съѣздъ по личной иниціативѣ и на свои средства, остальные были делегированы фельдшерскими обществами или группами (66 челов.), уѣздными земствами (50 челов.), желѣзнодорожными управленіями

(10 челов.) и пр. Вся масса членовъ съѣзда состояла изъ болѣе культурныхъ представителей фельдшерскаго сословія — школьныхъ фельдшеровъ и фельдшерицъ; «войсковыхъ» же фельдшеровъ, т. е. не получившихъ спеціальной школьной подготовки, на съѣздѣ было всего лишь 6 человѣкъ.

Работы съѣзда коснулись разнообразныхъ сторонъ фельдшерской жизни, но ихъ можно раздѣлить на четыре главныхъ группы: 1) о правовомъ положеніи фельдшеровъ, 2) объ образованіи ихъ, 3) объ условіяхъ ихъ труда и быта и 4) объ организаціонномъ движеніи въ ихъ средѣ. Если мы сдѣлаемъ краткій обзоръ работъ съѣзда по этимъ четыремъ отдѣламъ, то получимъ достаточное представленіе о такъ называемомъ фельдшерскомъ вопросѣ, занимающемъ весьма существенное мѣсто въ нашей общественной медицинѣ.

I.

Правовое или, вѣрнѣе, безправное положеніе фельдшеровъ достаточно ярко изображено въ принятой съѣздомъ «Запискѣ», предназначенной для внесенія въ Государственную Думу черезъ отдѣльныхъ ея членовъ. Нѣкоторыя данныя этой «Записки» весьма любопытны. Оказывается, что по оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, касающимся сельскаго населенія, въ 1906 году врачами принято 57% общаго числа больныхъ, обращавшихся за медицинскою помощью, фельдшерами — 43%. Но есть цѣлый рядъ губерній и областей, гдѣ количество принятыхъ фельдшерами больныхъ далеко превышаетъ среднюю по имперіи цифру и доходитъ до 71% и даже 84% (Ставропольская губернія, Кубанская область). Больные принимаются фельдшерами самостоятельно не только на фельдшерскихъ пунктахъ (которыхъ имѣется около 4.000), но и во врачебныхъ амбулаторіяхъ,—во время отсутствія врачей по разнымъ причинамъ и даже при нихъ, когда бываетъ большой наплывъ больныхъ. Въ большинствѣ мѣстностей эти больные записываются, какъ принятые врачами, и потому точнаго количества ихъ установить нельзя, но по даннымъ, опубликованнымъ въ трудахъ нѣкоторыхъ врачебныхъ съѣздовъ и отчетахъ земскихъ управъ, видно, что во врачебныхъ амбулаторіяхъ принимается фельдшерами не менѣе 33% обращающихся въ эти амбулаторіи больныхъ. Такимъ образомъ, въ общемъ по имперіи фельдшера лѣчатъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины больныхъ. Вдобавокъ на ихъ долю выпадаетъ главная тяжесть борьбы съ эпидеміями, они ведутъ въ сельскихъ общественно-медицинскихъ учрежденіяхъ все аптечное дѣло, оспопрививаніе, больничное хозяйство, медицинскую статистику и проч.

Нужно замѣтить, что и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ,—въ Англіи, Америкѣ, Японіи, — существуетъ типъ самостоятельныхъ

врачевателей, не получившихъ высшаго образованія и по своей научно-практической подготовкѣ соотвѣтствующихъ россійскимъ школьнымъ фельдшерамъ. Очевидно, это явленіе для культурныхъ и богатыхъ странъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что есть цѣлый рядъ болѣзней, настолько легко поддающихся опредѣленію и лѣченію, что они одинаково успѣшно могутъ быть пользуемы какъ врачами, такъ и фельдшерами.

Но въ то время, какъ англійскій common practitioner'ы или японскіе tacuhyosi, неся извѣстный общественный трудъ, обладаютъ и соотвѣтственными правами, россійскіе фельдшера совершенно безправны.

По нашему врачебному уставу, несмотря на вышеуказанную широкую самостоятельную дѣятельность фельдшеровъ, они считаются въ числѣ лицъ, «не признанныхъ въ званіи медицинскомъ» и «не имѣющихъ права заниматься никакою отраслью врачебной практики». Въ ст. 607 уст. врач., гдѣ перечисляются медицинскія ученыя степени и званія и гдѣ указаны зубные врачи и даже повивальныя бабки, о фельдшерахъ совершенно не упоминается. Въ силу ст. 389 врач. уст. фельдшера не могутъ выписывать лѣкарствъ изъ аптекъ. Согласно ст. ст. 224 и 226 практика фельдшеровъ признается незаконнымъ дѣйствіемъ, наказуемымъ по ст. 104 уст. о наказ., налагаемыхъ миров. судьями. Между тѣмъ, въ другихъ статьяхъ (163, 170, 178, 187, 202, 204, 205) сказано, что для оказанія врачебной помощи сельскому населенію состоятъ врачи и *фельдшера* и учреждаются *фельдшерскіе* пункты.

Вслѣдствіе такого противорѣчія между дѣйствительною ролью фельдшеровъ, въ которую они вовлечены насущными требованіями жизни, и устарѣвшими писаными законами, на практикѣ получается положеніе, не только весьма тяжелое и несправедливое по отношенію къ фельдшерамъ, но и крайне неудобное для больныхъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ числа приведенныхъ въ «Запискѣ о правовомъ положеніи фельдшеровъ».

Фельдшеръ лѣчитъ больного, но удостовѣреніе о болѣзни можетъ выдать только врачъ, который больного не видѣлъ. Единственнымъ надежнымъ средствомъ при дифтеритѣ признается въ настоящее время противодифтеритная сыворотка, но по закону фельдшера, часто являющіеся въ деревняхъ единственными врачевателями, не имѣютъ права впрыскивать сыворотку; съ другой стороны, если бы они отказывались дѣлать впрыскиванія противодифтеритной сыворотки при дифтеритѣ, то ихъ увольняли бы со службы. Фельдшерамъ воспрещено хлороформировать больныхъ при операціяхъ, производимыхъ врачемъ, а между тѣмъ въ сельской больничной практикѣ найти консультанта-врача часто бываетъ совершенно невозможно. Фельдшера всюду прививаютъ предохранительную оспу, но не имѣютъ права выдавать удостовѣреній объ этомъ. Фельдшера имѣютъ на своихъ рукахъ цѣлыя аптеки, но,

будучи призваны къ больному въ вольной практикѣ, не имѣютъ права выписать по рецепту лѣкарство, даже хотя бы противоядіе при отравленіи.

«Фельдшеръ,—говорится въ «Запискѣ»,—исполняя свой профессіональный долгъ, всегда рискуетъ сѣсть на скамью подсудимыхъ, примѣры чему бывали и могутъ быть постоянно.

«Одно сельское общество въ Могилевской губ. пригласило на службу фельдшера. Мѣстный аптекарь не захотѣлъ отпускать лѣкарства по рецептамъ фельдшера, и послѣднему волей-неволей пришлось приготовлять и выдавать лѣкарства самому. Фельдшеръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, и судья приговорилъ его за незаконное врачеваніе и незаконный отпускъ лѣкарства къ штрафу. Спустя нѣкоторое время у судьи заболѣлъ ребенокъ. За отсутствіемъ въ мѣстечкѣ врача, приглашаютъ фельдшера. Послѣдній, ссылаясь на бывшій обвинительный приговоръ, итти къ больному отказался. Тогда судья, пришедши къ фельдшеру въ сопровожденіи пристава, на основаніи опять-таки закона, потребовалъ немедленно отправиться къ больному. Фельдшеръ подчинился, осмотрѣлъ больного, прописалъ средство (хлоралъ), аптекарь отпустилъ. Когда, на другой день, фельдшеръ, будучи недоволенъ надменнымъ отношеніемъ къ нему судьи, категорически отказался опять пойти къ больному, то былъ составленъ протоколъ, и судья другого уже участка наложилъ на фельдшера штрафъ, признавъ его виновнымъ въ нежеланіи подать помощь больному».

Приведенный случай весьма характеренъ, какъ иллюстрація того совершенно безправнаго положенія, въ которомъ находится, въ отношеніи своей профессіональной дѣятельности, цѣлая армія культурныхъ общественныхъ работниковъ. Исходя изъ тѣхъ положеній, что по различнымъ причинамъ населеніе не можетъ быть обезпечено врачебною помощью не только теперь, но и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и что медицинская подготовка фельдшеровъ соотвѣтствуетъ ихъ фактической самостоятельной дѣятельности,—съѣздъ нашелъ необходимымъ предоставленіе школьнымъ фельдшерамъ и фельдшерицамъ права медицинской практики и прописыванія лѣкарствъ изъ аптекъ; при этомъ хирургическая практика ограничивается только областью такъ называемой малой хирургіи, а прописываемыя лѣкарства должны быть лишь изъ числа поименованныхъ въ россійской фармакопеѣ и не превышать опредѣленныхъ въ ней дозъ.

II.

Фельдшерскія школы, какъ по объему программъ, такъ по составу преподавателей и снабженію учебными пособіями и клиническимъ матеріаломъ,—чрезвычайно разнообразны. Есть школы съ весьма плохими преподавателями, такъ какъ таковыми волей-неволей должны быть ординаторы тѣхъ больницъ, при которыхъ существуютъ школы; нѣкоторыя школы, особенно частныя, весьма плохо обставлены научными пособіями, не имѣютъ анатомическихъ музеевъ и клиническаго матеріала для практическихъ занятій. Но, съ другой стороны, есть такія школы (Харьковская), которыя обставлены всѣми пособіями, необходимыми для изученія медицины, и богатыми клиниками, при чемъ многіе медицинскіе предметы преподаются университетскими силами, а химія и физика—преподавателями средне-учебныхъ заведеній. Въ однѣ фельдшерскія школы принимаются питомцы сельскихъ училищъ, въ другія—только лица съ образованіемъ не ниже 4-хъ, 6-ти классовъ или даже полнаго курса гимназіи.

Такое разнообразіе въ отношеніи общаго и спеціальнаго образованія фельдшеровъ—по мнѣнію съѣзда—объясняется, главнымъ образомъ, противорѣчивыми взглядами на роль и значеніе фельдшера: въ то время, какъ одни считаютъ назначеніемъ фельдшера роль непосредственнаго помощника врача въ самомъ узкомъ значеніи этого слова, другіе полагаютъ, что фельдшеръ долженъ быть подготовленъ и къ самостоятельной медицинской дѣятельности, къ которой его призываютъ дѣйствительныя требованія жизни.

Любопытное явленіе представляютъ собою частныя фельдшерско-акушерскія школы, которыя стали открываться съ 1902 года. При существующихъ законоположеніяхъ эти школы-коммерческія предпріятія возникаютъ безпрепятственно, имѣютъ бутафорскую обстановку въ смыслѣ пособій и клиническаго матеріала, стараются набрать побольше учениць и сами же выдаютъ имъ дипломы. Такъ какъ такихъ частныхъ фельдшерскихъ школъ въ Россіи около 150-ти, то можно себѣ представить, какимъ онѣ служатъ обильнымъ разсадникомъ невѣжественнаго фельдшеризма.

Разбираясь въ вопросѣ о частныхъ фельдшерскихъ школахъ, съѣздъ пришелъ къ совершенно правильному рѣшенію: признавая частную иниціативу въ этомъ дѣлѣ желательной, съѣздъ нашелъ нужнымъ лишить эти школы права выдавать дипломы, предоставивъ это особымъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ; дабы гарантировать правильную. научную постановку дѣла, съѣздъ нашелъ необходимымъ, чтобы разрѣшеніе на открытіе частныхъ фельдшерскихъ школъ давалось лишь коммиссіями изъ представителей мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ, врачебныхъ

и фельдшерскихъ обществъ. Такимъ образомъ, и частная иниціатива не будетъ стѣснена, и прекратится непозволительная фабрикація плохо подготовленнаго фельдшерско-акушерскаго персонала.

Вообще же, по вопросамъ школьной подготовки фельдшеровъ коммиссія, въ составъ которой входило 9 директоровъ и преподавателей фельдшерскихъ школъ и 10 фельдшеровъ, пришла къ слѣдующимъ выводамъ: званіе медицинскаго фельдшера или фельдшерицы можетъ быть получено только прохожденіемъ полнаго курса фельдшерской школы, полученіе же этого званія путемъ экстерната признано вреднымъ и недопустимымъ; типъ фельдшерской школы долженъ быть однообразнымъ для всей Россіи и для лицъ обоего пола; вступной экзаменъ—не ниже двухкласснаго министерскаго училища; общеобразовательный курсъ фельдшерской школы долженъ дать учащимся общее развитіе въ объемѣ не менѣе 6-ти классовъ мужской гимназіи; продолжительность обученія—6 лѣтъ; связь фельдшерской школы съ высшей медицинской школой должна выражаться въ допущеніи фельдшеровъ на медицинскіе факультеты университетовъ.

Кромѣ реформы фельдшерскихъ школъ, съѣздъ призналъ необходимымъ устройство для нихъ повторительныхъ курсовъ и научныхъ командировокъ, за счетъ правительственныхъ, общественныхъ и другихъ учрежденій, гдѣ служитъ фельдшерско-акушерскій персоналъ; курсы должны устраиваться въ университетскихъ городахъ и въ тѣхъ изъ губернскихъ, гдѣ есть больницы перваго разряда и соотвѣтствующій педагогическій персоналъ.

III.

Объ условіяхъ труда и быта фельдшерско-акушерскаго персонала на съѣздъ былъ представленъ обильный матеріалъ, шли оживленныя пренія. Работа фельдшера тяжела и изнурительна. Онъ постоянно долженъ быть наготовѣ: днемъ и ночью, въ будень и въ праздникъ; свободныхъ дней въ недѣлѣ нѣтъ, отпуски даются рѣдко, съ большими препятствіями, при чемъ трудъ отлучившагося или заболѣвшаго въ большинствѣ случаевъ распредѣляется между остальными сослуживцами. Въ большихъ городскихъ больницахъ фельдшера живутъ въ конурахъ, а работу несутъ необычайно трудную. Достаточно сказать, что, напр., въ Кіево-Кирилловской губернской земской больницѣ работа распредѣляется такимъ образомъ: фельдшера находятся на службѣ съ 7 час. утра до 3—4 час. дня и съ 7 до 9 вечера, т. е. 10—11 часовъ въ сутки, а въ дни дежурствъ—съ 9 час. веч., положимъ, 1 числа до 9 часовъ вечера 2-го, плюсъ 10—11 час. наканунѣ, итого 34—35 часовъ почти безпрерывнаго труда! То же самое въ большинствѣ

московскихъ больницъ и петербургскихъ. Мало того, что такой трудъ изнурителенъ и потому, какъ показываетъ статистика, даетъ высокій процентъ смертности фельдшеровъ отъ чахотки, но трудъ этотъ еще и опасенъ, вслѣдствіе постоянной возможности заразиться отъ непосредственнаго соприкосновенія съ заразными больными или занести заразу въ семью. И за такой трудъ фельдшера получаютъ настолько нищенское вознагражденіе, что его не хватаетъ на предметы первѣйшей необходимости; дѣти фельдшеровъ часто остаются необученными по неимѣнію средствъ. Когда же фельдшеръ, отдавшій свои силы на служеніе обществу, умираетъ, то семья его сплошь и рядомъ остается въ самомъ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, такъ какъ страхованіе жизни фельдшеровъ, даже отъ заразныхъ болѣзней, рѣдко гдѣ примѣняется.

Фельдшеръ зависимъ отъ всѣхъ, начиная отъ земскаго начальника или деревенскаго кулака и кончая старостой или десятскимъ. Кромѣ того, фельдшеръ находится въ полнѣйшей зависимости отъ врача, который фактически всегда воленъ карать его и миловать. Жалобы фельдшеровъ на несправедливость и негуманное отношеніе къ нимъ врачей раздавались на съѣздѣ весьма настойчиво. Это, быть можетъ, самое больное мѣсто фельдшерской жизни и дѣятельности. Оно и понятно: при полномъ безправіи фельдшеровъ и полной зависимости ихъ отъ врачей положеніе болѣе слабой стороны, естественно, должно быть весьма тяжелымъ.

Въ нѣкоторыхъ земствахъ фельдшера принимаютъ участіе во врачебно-санитарныхъ коллегіальныхъ органахъ. Это явленіе получило довольно широкое распространеніе въ земствахъ въ 1905—1906 г.г., когда вообще высоко стояли въ обществѣ демократическія идеи. Хотя представительство фельдшеровъ въ этихъ органахъ ничтожно по количеству, все же оно даетъ фельдшерамъ нѣкоторую возможность защищать свои интересы. Во времена короткой гражданской «весны» фельдшера были даже допущены къ участію въ работахъ X-го Пироговскаго съѣзда. Теперь, однако, реакціонная волна хлестнула и въ эту сторону: фельдшеровъ, несущихъ на своихъ плечахъ половину земско-медицинскаго дѣла, изгоняютъ изъ врачебно-санитарныхъ коллегіальныхъ органовъ, а организаціонный комитетъ предстоящаго XI-го Пироговскаго съѣзда отказалъ въ допущеніи представителей отъ фельдшеровъ, несмотря на то, что фельдшерскіе вопросы включены въ программу работъ этого съѣзда.

Обсудивъ тяжелыя условія быта фельдшеровъ и ихъ профессіональной дѣятельности, фельдшерскій съѣздъ въ своей резолюціи высказалъ рядъ пожеланій, заключивъ послѣднія вполнѣ основательнымъ мнѣніемъ, что «для проведенія въ жизнь многихъ положеній резолюціи нужна планомѣрная и организованная работа самихъ фельдшеровъ, для чего необходимы организаціи ихъ на мѣстахъ».

IV.

Профессіональное движеніе въ фельдшерской средѣ захватило пока только наиболѣе сознательную часть, и изъ 30.000 фельдшеровъ состоятъ членами профессіональныхъ фельдшерскихъ организацій не болѣе $^1/_{10}$ доли.

Въ данное время болѣе половины мѣстныхъ фельдшерскихъ обществъ (23) слиты въ федеративный союзъ, а съ 1906 года въ С.-Петербургѣ существуетъ Общество россійскихъ фельдшеровъ, организующее въ разныхъ мѣстахъ имперіи филіальныя отдѣленія. На очереди вопросъ о сліяніи этихъ двухъ параллельныхъ всероссійскихъ организацій.

Какъ I-й (1907 г.), такъ и II-й (1909 г.) всероссійскіе фельдшерскіе съѣзды признали наиболѣе цѣлесообразной организацію «на территоріальныхъ началахъ, принимая за единицу губернскія и уѣздныя общества, основанныя и дѣйствующія въ области мѣстныхъ интересовъ на началахъ полной автономіи; всѣ губернскія и уѣздныя организаціи входятъ въ одну центральную—союзъ обществъ». Несомнѣнно, что такая система профессіональнаго объединенія имѣетъ вполнѣ логическія основанія, и къ осуществленію этой системы стремятся, какъ существующій «Союзъ фельдшерскихъ обществъ», такъ и развѣтвляющееся на филіальныя отдѣленія «Общество россійскихъ фельдшеровъ».

Надо думать, что съ развитіемъ профессіональнаго самосознанія въ фельдшерской средѣ,—въ особенности подъ вліяніемъ фельдшерскихъ съѣздовъ и корпоративной печати («Фельдшеръ» и «Фельдшерскій Вѣстникъ»),—организаціонное движеніе будетъ захватывать все большее число фельдшеровъ и выливаться въ наиболѣе цѣлесообразную форму. Тому порукой — тяжелое соціально-правовое положеніе этихъ забытыхъ культурныхъ общественныхъ тружениковъ, побуждающее ихъ къ сплоченной самозащитѣ.

Совершенная необезпеченность фельдшеровъ на случай инвалидности и смерти служила предметомъ обсужденія съѣзда, который принялъ по этому поводу слѣдующую резолюцію: «признавая необходимымъ страхованіе за счетъ государства всего трудящагося класса, включая и лицъ фельдшерско-акушерскаго званія, съѣздъ, до осуществленія этого, находитъ нужнымъ страхованіе фельдшерско-акушерскаго персонала на случай смерти и инвалидности за счетъ тѣхъ общественныхъ, частныхъ, а равно и правительственныхъ учрежденій, на службѣ которыхъ этотъ персоналъ состоитъ».

Въ заключеніе—въ виду господствующаго въ обществѣ, распространяемаго бюрократической врачебной массой, тенденціознаго взгляда на роль и значеніе фельдшеровъ,—съѣздъ призналъ не-

обходимымъ изданіе сборника по исторіи фельдшерскаго института въ Россіи.

Имѣютъ ли фельдшера право на общественное вниманіе? Отвѣтомъ это могутъ служить слѣдующія данныя.

Установлено, что каждая 1.000 человѣкъ населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ врачи, даетъ до 1.500 обращеній за медицинскою помощью; по желѣзнодорожной статистикѣ—почти до 2.000. Между тѣмъ, въ среднемъ по имперіи изъ каждой 1.000 населенія обращалось за помощью всего 375 человѣкъ; остальные остались безъ помощи или пользовались у знахарей. Теперь земства расходуютъ на медицину болѣе $^1/_3$ своихъ средствъ, и больше расходовать не могутъ, а по вычисленіямъ земскихъ врачей одно лишь поддерживаніе земской медицины in statu quo требуетъ возрастанія ассигновокъ на нее въ размѣрѣ, превышающемъ 3% въ годъ *). Слѣдовательно, обезпечить все количество больныхъ *врачебной* помощью—невозможно и мечтать: на это не хватило бы народнаго бюджета. Наконецъ, по мнѣнію многихъ врачей, масса болѣзней, легко поддающихся распознаванію и лѣченію, съ успѣхомъ могутъ быть пользуемы научно подготовленными фельдшерами. Поэтому фельдшерскіе представители находятъ въ Россіи *врачебно-фельдшерскую* систему общественно-медицинской помощи самой естественной, наиболѣе отвѣчающей соціально-экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни населенія и не идущей въ разрѣзъ съ научными требованіями.

Для насъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнна общественная необходимость фельдшеровъ на весьма долгое время; а разъ это такъ, то было бы большою общественною несправедливостью держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, игнорируя вполнѣ понятное стремленіе ихъ къ лучшему правовому, общественному и матеріальному положенію.

Г. П. Задера.

---

*) „Восьмой Пироговскій съѣздъ", выпускъ VI, стр. 316.

Выборная борьба.

I.

Лорды отклонили исторический бюджетъ 1909 года, отказавшись пропустить его, покуда не выскажутся избиратели. Это, какъ извѣстно уже читателямъ, повело къ роспуску парламента и къ новымъ выборамъ. Такимъ образомъ, предложено было высказаться верховному трибуналу, т. е. народу. Познакомимся прежде всего съ избирательными адресами вождей партіи. Премьеръ въ своемъ адресѣ намѣчаетъ исторію кризиса. Государству понадобились добавочныя средства на флотъ, на расширеніе дѣйствія закона о пенсіяхъ и на новыя соціальныя реформы (главнымъ образомъ, на государственное страхованіе отъ безработицы). Бюджетъ 1909 года долженъ былъ найти деньги на все это, при чемъ исходнымъ пунктомъ принимался принципъ свободной торговли. «Проектированы были новые налоги на предметы роскоши, на излишества, а также на монополіи, но не на предметы первой необходимости. Бюджетъ долго и всесторонне обсуждался коммонерами и въ концѣ концовъ былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Сторонники, такъ называемыхъ, тарифныхъ реформъ,—продолжаетъ премьеръ,—считали осуществленіе бюджета смертнымъ приговоромъ для своихъ плановъ. Вслѣдствіе этого протекціонисты выдвинули впередъ всѣ тѣ громадныя силы, которыми располагаютъ. И въ результатѣ Верхняя палата, пренебрегая совѣтами наиболѣе освѣдомленныхъ и осторожныхъ представителей торійской партіи, отклонила смѣту на годъ. Такимъ образомъ лорды совершили поступокъ, безпримѣрный въ исторіи Англіи, и нарушили конституцію... Другими словами, Верхняя палата посягнула на конституцію, чтобы спасти протекціонизмъ отъ смертельнаго удара».

«Цезарю», т. е. избирателю, къ которому обращается премьеръ, предлагается высказаться по двумъ пунктамъ: 1) одобрить бюджетъ 1909 года и 2) признать принципъ свободной торговли. «Затѣмъ вамъ предстоитъ рѣшить еще одинъ вопросъ,—продолжаетъ премьеръ: — признаете ли вы за Палатой лордовъ право контролировать финансы страны?..» Верхняя палата предоставляетъ торійскому министерству дѣлать, что угодно. Конкретными примѣрами является школьный законъ 1902 года и законъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ 1904 года. Съ другой стороны, Верхняя палата не даетъ либеральному министерству, какимъ бы большинствомъ оно ни располагало въ Нижней палатѣ, возможности осуществить сколько нибудь крупную реформу.

«Ограниченіе права veto Верхней палаты поэтому является самой насущной реформой». На большомъ предвыборномъ митингѣ въ Альбертовой залѣ премьеръ категорически заявилъ, что если страна возвратитъ еще разъ либераловъ къ власти, то онъ станетъ во главѣ правительства только въ томъ случаѣ, если получитъ возможность реформировать Верхнюю палату, что избавитъ его партію отъ униженій, которыя она испытала за послѣдніе четыре года.

Въ своемъ избирательномъ адресѣ Черчель прямо начинаетъ съ необходимости реформировать наслѣдственную Верхнюю палату. «Джентльмэны! Наступило время рѣшить какъ нибудь вопросъ о Палатѣ лордовъ».—Такова первая фраза избирательнаго адреса министра, котораго ненавидятъ такъ же, какъ и Ллойдъ-Джорджа. Министру финансовъ не могутъ простить, что онъ—внукъ сельскаго работника и племянникъ сапожника. Черчелю не прощается, что онъ—внукъ герцога. «Надо отнять право абсолютнаго veto у наслѣдственныхъ, титулованныхъ законодателей,—продолжаетъ Черчель.—Мы не должны терпѣть со стороны титулованнаго дворянства несправедливыхъ домогательствъ права контролировать финансы страны и распускать палату. И если избиратели не осудятъ рѣшительно вторженія лордовъ въ права коммонеровъ, выразившагося въ отклоненіи бюджета,—палата богатыхъ магнатовъ изъ послушнаго орудія въ рукахъ консерваторовъ превратится въ неограниченнаго повелителя. У власти станетъ возможно только такое правительство, которое заручится заранѣе расположеніемъ лордовъ. И это право назначать правительство будетъ всегда принадлежать лордамъ. Они его передадутъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Свободные люди не могутъ признать такихъ притязаній. Англійская конституція стала бы тогда менѣе свободна, чѣмъ конституціи Франціи или Соединенныхъ Штатовъ. Канада, Австралія и Новая Зеландія давали бы тогда народу бо̀льшую возможность контролировать собственныя дѣла». Черчель дальше объясняетъ, что походъ палаты магнатовъ противъ коммонеровъ имѣетъ глубокія соціальныя причины. Рабочіе начинаютъ пользоваться избирательной машиной для достиженія собственныхъ цѣлей и посылаютъ теперь въ парламентъ своихъ непосредственныхъ представителей. По мнѣнію Палаты лордовъ, въ Нижней палатѣ дѣла обстоятъ плохо. Худо было уже то, что за диссентерами и католиками признаны были политическія права. Еще хуже стало тогда, когда энергичные фабриканты центральныхъ и сѣверныхъ графствъ добились избирательныхъ правъ и попали въ парламентъ рядомъ съ сыновьями лордовъ и съ ихъ ставленниками. И вотъ теперь въ парламентъ попадаютъ трэдъ-юніонисты, углекопы, машинисты, кооператоры, приказчики. Въ парламентъ попали даже люди, открыто называющіе себя соціалистами. Палату общинъ все болѣе и болѣе занимаетъ рабочій вопросъ. Магнаты крайне подозрительно отно-

сятся ко всему этому. Выступленіе лордовъ противъ бюджета имѣетъ цѣлью вообще распускать парламентъ, если онъ носитъ слишкомъ демократическій характеръ. «Самымъ важнымъ вопросомъ является теперь не то, что лорды сдѣлали въ ноябрѣ, а что избиратели сдѣлаютъ въ январѣ,—продолжаетъ Черчель.—Передъ избирателями лежатъ два пути. Если населеніе подастъ голосъ за консервативную палату лордовъ, то оно этимъ самымъ предоставитъ имъ накладывать абсолютное veto не только на законопроекты вообще, но и на финансовые билли. Голосованіе за либеральную палату общинъ не только уничтожитъ право лордовъ накладывать абсолютное veto на финансы, но и вообще на законопроекты. Если въ рукахъ лордовъ останется власть, которую они временно захватили, народному представительству нанесенъ будетъ ударъ. Мы вступимъ въ періодъ олигархіи». Дальше въ избирательномъ адресѣ указывается на важное значеніе свободной торговли для демократіи. Что еще намѣрено сдѣлать либеральное правительство, если снова получитъ полномочія? Оно осуществитъ рядъ соціальныхъ реформъ. Передъ современными законодателями стоятъ вопросы о бѣдности и безработицѣ. Съ этими бѣдствіями партія будетъ бороться путемъ реформы системы общественнаго призрѣнія и путемъ государственной страховки отъ безработицы *).

Соціальныя реформы намѣчены также въ избирательномъ адресѣ Джона Бернса: министръ земствъ и муниципалитетовъ говоритъ о распространеніи пенсіи на стариковъ, получавшихъ общественную помощь, и о реформѣ законовъ и призрѣніи бѣдныхъ. «Призракъ безработицы нельзя отогнать тѣми заклинаніями, которыя рекомендуютъ протекціонисты. Необходимо оздоровить предварительно почву и тогда можно разсчитывать на здоровое, крѣпкое дерево». Послѣднія слова избирательнаго адреса туманны и крайне растяжимы. Въ прошлыхъ статьяхъ, посвященныхъ борьбѣ за «революціонный бюджетъ», я привелъ уже обращенія Ллойдъ-Джорджа и вождей рабочей партіи къ избирателямъ.

Взгляды протекціонистовъ лучше всего выражены въ избирательномъ адресѣ Джозефа Чемберлэна и въ воззваніи къ населенію, которое онъ выпустилъ вмѣстѣ съ Бальфуромъ. Передъ нами нѣкоторое подобіе положенія, описаннаго въ романсахъ о Сидѣ. Когда Сидъ Кампеадоръ скончался, испанцамъ предстоялъ еще одинъ рѣшительный бой съ маврами. И на мертваго дона Родриго Діаца надѣли латы, накрыли голову шлемомъ и опустили забрало. Затѣмъ усадили безжизненное тѣло въ сѣдло, поставили спереди доску, чтобы трупъ держался прямо, увязали ремнями и вложили въ неостывшія еще руки мечъ. Потомъ, съ боевымъ кличемъ: «Cierra España!»—испанцы кинулись на мавровъ, ведя въ поводу громаднаго коня Сида. И мусульмане дрогнули и побѣжали, завидѣвъ страшнаго Сида Кампеадора. У

*) Times, December 29, 1909.

консерваторовъ есть свой Сидъ—Джозефъ Чемберлэнъ. Еще сравнительно недавно не было въ Нижней палатѣ болѣе искуснаго и сильнаго борца, чѣмъ крайній радикалъ и республиканецъ, а потомъ консерваторъ и джинго. Джозефъ Чемберлэнъ обладалъ талантомъ увлекать за собою толпу. «Старый Джо» пользовался большею популярностью, даже чѣмъ «Дизи» (Дизраэли), хотя Биконсфильдъ былъ и талантливѣе, и проницательнѣе. Для доказательства стоитъ прочитать теперь трилогію Дизраэли (романы «Coningsby», «Sybil» и «Tancred»). Въ нихъ съ поразительной проницательностью Биконсфильдъ предсказалъ еще въ сороковыхъ годахъ торжество демократіи и выступленіе англійскихъ массъ, какъ рѣшающей политической силы. Предсказанія же «Джо» всегда оправдывались... наоборотъ. Итакъ «Джо» очень популяренъ. Но ни для кого не секретъ, что бирмингэмскій «Сидъ Кампеадоръ» теперь даже не трупъ, а хуже трупа. Дряхлость поразила не столько тѣло, сколько умъ. И, тѣмъ не менѣе, «Сида Кампеадора» передъ началомъ историческихъ выборовъ усадили на коня. Протекціонисты двинулись въ бой, ведя живой трупъ. Вмѣсто «Cierra España!» они испустили боевой кличъ: «Tax the foreigner!» (Обложите налогами иностранца). «Программа maximum» протекціонистовъ подписала именемъ Джозефа Чемберлэна. «Выборы, по всей вѣроятности, рѣшатъ нѣсколько вопросовъ,—читаемъ мы въ программѣ. Прежде всего выяснится окончательно судьба бюджета, представленнаго намъ правительствомъ. Я не могу думать, что бюджетъ этотъ будетъ одобренъ вами. Составители этой смѣты говорятъ, что они облагаютъ богатыхъ больше, чѣмъ бѣдныхъ; но въ дѣйствительности бюджетъ облагаетъ неодинаковыми налогами людей съ одинаковыми средствами. Вся тяжесть налоговъ падаетъ на англичанъ. Составители бюджета не пытались даже принять мѣры къ тому, чтобы платили также иностранцы, которые пользуются нашими рынками и употребляютъ всѣ усилія, чтобы закрыть свои рынки передъ британскими фабрикатами. Я убѣжденъ, что послѣдствіемъ принятія бюджета будетъ уменьшеніе спроса на трудъ. Такимъ образомъ положеніе безработныхъ еще ухудшится». Лорды, отклонивъ бюджетъ, исполнили свой долгъ передъ народомъ, продолжаетъ Чемберлэнъ. Англія находится въ отчаянномъ положеніи. Спасти ее можетъ только протекціонизмъ. «Внимательно изучивъ вопросъ о тарифныхъ реформахъ, я пришелъ къ заключенію, что наступила пора построить фискальное обложеніе на другомъ базисѣ, чѣмъ сдѣлали это кобдениты шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Если свободная торговля была полезна тогда, когда Англія имѣла монополію въ производствѣ, она вредна теперь, когда исключительное положеніе болѣе не существуетъ и когда система свободнаго ввоза отвергается, какъ всѣми иностранными государствами, такъ и родственнымъ намъ по крови населеніемъ самоуправляющихся колоній». Тарифную реформу необходимо осу-

ществить немедленно. Она возродитъ англійскую промышленность и сблизитъ метрополію съ колоніями. Избиратели должны еще потому высказаться за консерваторовъ, что либералы обѣщали Ирландіи гомруль. «И это они несомнѣнно сдѣлаютъ, если избиратели дадутъ либераламъ полномочія сократить права Верхней палаты». Ирландія, пользующаяся областнымъ сеймомъ, будетъ,—по мнѣнію Чемберлэна,—представлять большую опасность для имперіи. Главная сила Чемберлэна, съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ республиканца сталъ джинго, заключается въ замѣчательномъ талантѣ бить въ большой патріотическій барабанъ и восклицать: «отечество въ опасности!» Въ полномъ объемѣ талантъ этотъ проявился въ 1899 году, наканунѣ южно-африканской войны. Теперь талантливый представитель Бирмингэма дряхлъ, руки у него дрожатъ, а голова—затуманена. Но чьи-то услужливыя руки взяли колотушку и бьютъ тревогу за Чемберлэна. Либеральное правительство,—читаемъ мы въ воззваніи,—достойно осужденія потому, что оно не приняло достаточныхъ мѣръ къ защитѣ береговъ Англіи. Но протекціонисты имѣютъ теперь новаго союзника, громящаго радикаловъ за то, что они не обращаютъ достаточнаго вниманія на флотъ и на армію. За одно съ радикалами новый союзникъ этотъ громитъ и парламентскую рабочую партію.

Читатели «Русскаго Богатства» знакомы съ замѣчательно талантливымъ публицистомъ Робертомъ Блэтчфордомъ, основателемъ и редакторомъ блестящей народной газеты «Clarion». Незадолго передъ выборами Робертъ Блэтчфордъ сдѣлалъ шагъ, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на его многочисленныхъ поклонниковъ и сильно осуждается ими. Дѣло идетъ о рядѣ статей, помѣщенныхъ Блэтчфордомъ въ ультра-шовинистской газетѣ «Daily Mail» подъ общимъ названіемъ «Германія и Англія». Статьи эти были потомъ выпущены газетой отдѣльной брошюрой и усиленно распространялись во время послѣднихъ выборовъ консервативной партіей. Содержаніе статей Блэтчфорда сводится къ слѣдующему. Германія стремится къ господству въ Европѣ. Для достиженія этого ей надо сломить власть Великобританіи. Всѣ попытки къ разрѣшенію осложненія путемъ мирныхъ переговоровъ или третейскаго суда не приведутъ ни къ чему. Ничто, кромѣ силы, не заставитъ Германію отказаться отъ ея намѣреній. Если Франція будетъ побѣждена, одна Англія не можетъ устоять противъ Германіи. Въ настоящее время вслѣдствіе слабости своей арміи Великобританія не въ силахъ помочь Франціи. Если британскій народъ не сдѣлаетъ большихъ усилій, чѣмъ теперь съ цѣлью увеличенія свою армію и флотъ, Англія потеряетъ свои колоніи. Министры знаютъ трагическое положеніе страны, но боятся сказать о немъ народу. «Наступила пора, чтобы народъ и правительство признали эти факты,—говоритъ Блэтчфордъ.—Германія сдѣлала намъ вызовъ. Если мы проявимъ слабость, то погибли. Мы не можемъ относиться съ пре-

зрѣніемъ къ нашему непріятелю. Мы не можемъ уйти отъ него. Мы устоимъ противъ него только тогда, когда подготовимся къ борьбѣ съ такою же энергіей, какъ и онъ» *). И соціалистъ и анти-милитаристъ Блэтчфордъ доказываетъ дальше необходимость не только сильнаго флота, но и общей воинской повинности. Эту мѣру рѣшаются предлагать только пэры, не отвѣтственные передъ избирателями. Конскрипція до такой степени ненавистна англичанамъ, что, по словамъ покойнаго маркиза Солсбри, министерство, которое рѣшится внести въ Нижнюю палату билль подобнаго рода, не проживетъ и четверти часа. И вотъ передъ выборами консерваторы нашли талантливаго соціалиста для прославленія мѣры, которую они сами не смѣютъ выставить. Общая воинская повинность,—доказываетъ Блэтчфордъ,—превращаетъ замухрышекъ въ «молодцовъ». «Я видѣлъ, какъ прибывали въ полкъ продавцы съ лотка, фабричные и хулиганы, темные, грязные, грубые, сутулые. Черезъ шесть мѣсяцевъ ихъ нельзя было и узнать. Они превращались въ чистыхъ, молодцеватыхъ, стройныхъ солдатъ, поведеніемъ которыхъ нельзя было и нахвалиться. Я самъ прошелъ черезъ казарму и убѣжденъ, что военная служба спасла мнѣ жизнь. Я знаю, что солдатчина принесла мнѣ больше пользы, чѣмъ какое-либо другое испытаніе въ моей жизни» **). Черезъ посредство своей газеты «Clarion» (подписка ея, послѣ появленія статей Блэтчфорда въ «Daily Mail», упала на половину) Блэтчфордъ устроилъ опросъ читателей. Имъ предложено было отвѣтить на десять вопросовъ. И первый изъ этихъ вопросовъ: «Желаете ли вы введенія общей воинской повинности?» Надо сказать, что подавляющее большинство читателей отвѣтило отрицательно.

Въ своемъ избирательномъ адресѣ Джозефъ Чемберлэнъ, хотя и усиленно бьетъ въ большой патріотическій барабанъ, но рѣшается говорить только о сильномъ флотѣ. «Вамъ предстоитъ рѣшить, нуженъ ли однопалатный парламентъ или двухпалатный; хотите ли вы укрѣпить узы, соединяющія имперію, или разорвать ихъ; надобно ли усилить народную оборону или пренебречь ею. Рѣшите, надобно ли развить земледѣліе и промышленность или отдать ихъ на жертву иностранцамъ; надобно ли увеличить спросъ на трудъ или усилить безработицу?»

Чемберлэнъ-сынъ, занимавшій въ кабинетѣ Бальфура постъ канцлера казначейства, въ своемъ адресѣ къ избирателямъ зоветъ спасать конституцію. «Политика нынѣшняго правительства можетъ быть формулирована такъ. Оно стремится уничтожить veto Верхней палаты съ цѣлью, чтобы Нижняя палата, разъ избранная, могла безпрепятственно властвовать, не считаясь съ мнѣніемъ народа, поставившаго правительство у власти. Если либералы

*) «Robert Blatchford», Germany und England. P. 20.
**) Ib. P. 34.

одержать побѣду, то они желаютъ использовать новый абсолютизмъ для разрушенія конституціи и для уничтоженія узъ, соединяющихъ Англію съ Ирландіей. Палата общинъ явится тогда абсолютнымъ повелителемъ народа, а правительство будетъ абсолютнымъ повелителемъ коммонеровъ. Такимъ образомъ, тираннія является передъ нами, какъ народное правительство, и разрушаетъ вольности, которыя, будто бы, собирается охранять. Я одинаково возстаю, какъ противъ однопалатной системы, такъ и противъ употребленія, которое правительство желаетъ сдѣлать изъ нея» *). Дальше, въ избирательномъ адресѣ сына слышится такой же раскатъ патріотическаго барабана, какъ и въ адресѣ отца. Англія въ опасности, потому что флотъ въ пренебреженіи. Германія скоро будетъ имѣть больше д р э д н о т о в ъ, чѣмъ Англія. И тогда, что будетъ съ имперіей... Самый важный изъ вопросовъ внутренней политики,—заканчиваетъ Остинъ Чемберлэнъ,—положеніе безработныхъ. «Бѣдственное положеніе ихъ потеряло свой случайный характеръ и превратилось въ хроническое явленіе. Правительство предложило палліативы, затрагивающіе зло лишь поверхностно, и отказалось примѣнить единственное лѣкарство, уничтожающее болѣзнь въ корнѣ (т. е. протекціонизмъ)... Надо увеличить спросъ на трудъ, и только тарифная реформа можетъ сдѣлать это. На базисѣ, предлагаемомъ тарифными реформами, и при помощи средствъ, которыя онѣ доставятъ, можно создать болѣе сильную, счастливую и богатую націю».

Наканунѣ выборовъ «Сида Кампеадора» опять усадили на коня. Тринадцатаго января появились два воззванія: одно подписано Джозефомъ Чемберленомъ, другое—имъ и Бальфуромъ. «Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ британцамъ,—говорится въ первомъ воззваніи. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ патріотамъ. Я говорю вамъ, что съ нашей промышленностью дѣла обстоятъ плохо. Другія націи прогрессируютъ быстрѣе, чѣмъ мы. Мы теряемъ наше положеніе на промышленныхъ рынкахъ. Система, именуемая свободной торговлей, не есть честное соперничество. Я могъ бы вамъ назвать десятки отраслей промышленности, которымъ иностранная конкуренція нанесла смертельный ударъ. А когда отрасль промышленности гибнетъ, страдаютъ рабочіе. Я хочу ввести такое обложеніе, которое бы поощряло, а не губило промышленность. Моя система обложенія, не увеличивая стоимости предметовъ первой необходимости, разовьетъ промышленность и, такимъ образомъ, усилитъ спросъ на трудъ. Я не знаю ни одной отрасли промышленности, которая не выиграла бы отъ введенія тарифныхъ реформъ **) Въ другомъ заявленіи Чемберлэнъ и Бальфуръ даютъ торжественное обѣщаніе, которое трудно исполнить: населенію гарантируютъ, что пошлины на хлѣбъ и на мясо не поднимутъ стоимости этихъ продуктовъ.

---

*) «Times», December 31, 1909.

**) „Times", January 14, 1910.

За избирательный адресъ рабочей партіи, приведенный мною въ письмѣ «Конституціонный кризисъ» («Русское Богатство», декабрь, 1909 года), на нее напали соціалъ-демократическая газета «Justice» и «Clarion», Блэтчфорда. «Какъ соціалистъ и какъ англичанинъ, — пишетъ Блэтчфордъ, — я прямо говорю Рабочей партіи, что она спустила свой флагъ и продала движеніе (либераламъ). Десятки тысячъ рабочихъ въ странѣ возмущены и стыдятся за вождей, которымъ никогда больше не довѣрятъ». Мы увидимъ дальше, что Рабочая партія, потерявшая, будто бы, довѣріе массъ, одержала большія побѣды на выборахъ, тогда какъ восемь независимыхъ кандидатовъ, выставленныхъ соціалъ-демократами и поддержанные «Justice» и «Clarion'омъ», всѣ потерпѣли пораженіе.

II.

Передъ началомъ выборовъ кто-то увѣрилъ лордовъ, что стоитъ имъ показаться передъ населеніемъ, чтобы оно перешло на ихъ сторону и всецѣло одобрило политику Верхней палаты. И въ первый разъ въ парламентской исторіи Англіи лорды устроили цѣлый рядъ митинговъ съ цѣлью защиты Верхней палаты. Выступленіе это нельзя назвать успѣшнымъ. Оно сопровождалось всюду безчисленными скандалами. Слушатели ставили благороднымъ ораторамъ затруднительные вопросы. Какъ только стало извѣстно, что лорды собираются выступить передъ публикой, въ «Daily News» появился рядъ фантастическихъ бесѣдъ «герцога» съ сельскимъ рабочимъ, лавочникомъ и клэркомъ подъ общимъ названіемъ «The Duke goes canvassing» (Герцогъ идетъ обрабатывать избирателя). Эти «бесѣды» были потомъ выпущены отдѣльной брошюрой, которую радикалы усиленно распространяли во время выборовъ. Приведу кое-какія выдержки изъ этой брошюры. Герцогъ бесѣдуетъ съ плотникомъ о хлѣбныхъ налогахъ.

— Господинъ плотникъ, — говоритъ герцогъ,—помогите мнѣ ввести налогъ на хлѣбъ.

— Но это будетъ очень тяжело для меня и моихъ дѣтей,— отвѣчаетъ плотникъ.

— Нисколько. Я тоже буду платить этотъ налогъ.

— Ѣдите ли вы больше хлѣба, чѣмъ я?

— Нѣтъ, меньше. Во-первыхъ, я не занятъ ручнымъ трудомъ, во-вторыхъ, мнѣ необходима болѣе нѣжная пища.

— Тогда, значитъ, вы будете платить меньше налоговъ, чѣмъ я?

— Да, но вѣдь это будетъ справедливо: кто ѣстъ меньше— меньше платитъ.

— Если на мою долю придется въ недѣлю пять шиллинговъ

налоговъ на предметы первой необходимости, а на вашу долю четыре шиллинга, то мнѣ придется труднѣе, чѣмъ вамъ.

— Вы будете платить всего только на одинъ шиллингъ больше въ недѣлю, чѣмъ я.

— Да, но пять шиллинговъ составляютъ седьмую часть моего еженедѣльнаго дохода. Представляютъ ли четыре шиллинга такую же часть вашего дохода?

— Нѣтъ.

— Я вырабатываю тридцать пять шиллинговъ въ недѣлю. Сколько зарабатываете вы?

— Я ничего не зарабатываю. Моя земля приноситъ мнѣ тысячу фунтовъ ст. въ недѣлю.

— Кто создалъ стоимость земли?

— Плательщики налоговъ, проложившіе улицы, затѣмъ домовладѣльцы, построившіе зданія, и народъ, который работаетъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ.

— Какой налогъ платите вы на увеличивающуюся цѣнность земли?

— Совсѣмъ не плачу.

— Значитъ, дѣло обстоитъ такъ. Вы хотите, чтобы я отдавалъ одну седьмую часть своего заработка въ видѣ налога на пищевые продукты, тогда какъ вы будете платить одну пятитысячную часть вашего дохода, извлеченную изъ работы другихъ людей. Будетъ ли это справедливо?

— Да, конечно.

— Ну, я съ этимъ не согласенъ. Я не знаю, почему мои дѣти должны не доѣдать только для того, чтобы сберечь вамъ полностью тысячу фунтовъ въ недѣлю, которую вы не зарабатываете? Вы очень долго отвертывались отъ обложенія незаработаннаго приращенія. Теперь настало время, чтобы цѣнность земли, созданная трудами народа, была обложена справедливо.

— Вы грубіянъ.

— Лучше быть грубіяномъ, чѣмъ человѣкомъ, живущимъ на чужой счетъ.

А вотъ герцогъ выясняетъ «мистеру Смиту» одинъ неясный пунктъ.

— Наконецъ, хоть вы, мистеръ Смитъ, какъ истинный демократъ, признаете, что я—вашъ другъ,—говоритъ герцогъ.—Я отклонилъ, т. е. хочу сказать, я отказался скрѣпить своимъ согласіемъ бюджетъ, покуда не справятся съ вашимъ мнѣніемъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Вы защищаете меня отъ Палаты общинъ?

— Да, отъ тиранніи радикально-соціалистической толпы, во главѣ которой стоитъ маленькій валійскій адвокатъ, сынъ школьнаго учителя. Слышите? Его отецъ былъ школьный учитель, а дядя—сапожникъ.

— Кто избралъ палату общинъ?

— Гм! Я думаю, народъ.

— А кто избралъ васъ?

— Меня не избрали, а родили.

— Такъ! Вы родились для того, чтобы заботиться обо мнѣ. Какимъ образомъ досталось вамъ это право?

— Гм! Видите. Моя прабабушка была... другомъ короля. Онъ пожаловалъ ей за это земли, а ея сына возвели въ санъ герцога.

— И вы всѣ съ тѣхъ поръ герцоги?

— Да, вы вѣдь знаете про наслѣдственный принципъ.

— И вашъ родъ всегда будетъ герцогами и всегда станетъ печься о насъ?

— Да, такъ оно устроено.

Такихъ діалоговъ въ брошюркѣ, выпущенной «*Daily News*», много. Когда лорды выступили передъ избирателями, повторились сцены, которыя предвидѣла фантазія публициста. Вотъ, напримѣръ, выступленіе лорда Паунса. Благородный графъ собралъ фермеровъ во дворѣ своего замка, чтобы объяснить имъ, почему онъ голосовалъ противъ бюджета. Оказалось, что смиренные сельскіе работники, которые вообще безотвѣтны, заражены ядомъ радикализма.

— Палата лордовъ отдала только бюджетъ на судъ избирателей,—началъ графъ Паунсъ.—Если населеніе дѣйствительно желаетъ имѣть этотъ бюджетъ, то оно будетъ имѣть его. Неужели вы полагаете, что 300 лордовъ или хотя бы вся Верхняя палата, какъ бы сильна она ни была, можетъ противостоять народной волѣ? Это абсурдъ. Мой долгъ былъ голосовать противъ бюджета. И вы были бы очень плохаго мнѣнія обо мнѣ, поступи я иначе.

— Я плохого мнѣнія о васъ теперь,—раздалось изъ толпы сельскихъ работниковъ.

— У палаты лордовъ было основаніе предполагать, — продолжалъ ораторъ,—что народъ не желаетъ бюджета. Ллойдъ-Джорджъ и вся братья думали, что имъ удается создать революцію.

— Да здравствуетъ старина Ллойдъ-Джорджъ! — раздается въ толпѣ.

— Старина Ллойдъ-Джорджъ на дняхъ только назвалъ четырехъ самыхъ способныхъ представителей Верхней палаты вахлями.

— Удивительно, если бы они не были вахлями!

— Какъ могутъ говорить о финансахъ тори, если они просадили 250 мил. ф. ст. въ южной Африкѣ?—задалъ кто то вопросъ.

— Какое это отношеніе имѣетъ къ лордамъ?

— А вотъ какое. Коли просадили даромъ деньги, значитъ, раззорили страну. Раззоривъ страну, создали безработицу.

— Либералы хотятъ, чтобы Палата лордовъ была камерой куколъ,—продолжалъ графъ.—Пожелалъ бы мой пріятель, подающій реплику изъ толпы, сидѣть рядомъ съ куклами.

— Лучше сидѣть съ куклами, чѣмъ слушать ихъ лопотанье.

Но въ общемъ, въ деревняхъ у лордовъ была послушная и молчаливая аудиторія. Не такъ обстояло дѣло въ городахъ. Вотъ, напримѣръ, выступленіе лорда Клинтона въ Коршэмѣ (городокъ верстахъ въ 150 отъ Лондона).

— Избирателямъ приходится рѣшить теперь рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ,—началъ лордъ Клинтонъ, — стоитъ назвать только тарифныя реформы, бюджетъ, гомруль и отдѣленіе церкви въ Уэльсѣ. Въ высшей степени важнымъ вопросомъ является также Палата лордовъ.

— Ого!

— Палата лордовъ отказалась пропустить бюджетъ до тѣхъ поръ, покуда населеніе не выскажется по поводу его. Конечно, лорды сдѣлали крайне серьезный шагъ; но положеніе дѣлъ требовало этого. Я глубоко убѣжденъ, что Палата лордовъ поступила совершенно правильно.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Лорды не пропустили бюджетъ, такъ какъ считаютъ, что онъ несправедливо относится къ десяткамъ тысячъ людей.

— Не тѣмъ ли, что содержитъ обложеніе незаработаннаго приращенія?

— Либералы выставили лозунгъ: «Лорды возстали противъ народа».

— Совершенно вѣрно.

— Нѣтъ, неправда. Правильный лозунгъ былъ бы: «лорды стали за народъ»!

— Не надо намъ такихъ защитниковъ. Пожалуйста, о насъ не думайте!

— Радикалы именуютъ свой финансовый билль «бюджетомъ бѣдняковъ»,—продолжалъ Клинтонъ.—Какъ можно именовать такъ бюджетъ, который накладываетъ на бѣдняковъ новыя налоги?

— Мы вносили свою долю на сооруженіе дрэднотовъ. Почему лорды не желаютъ платить свою долю?

— Нельзя обложить большимъ налогомъ капиталъ безъ того, чтобы это не отразилось на интересахъ народа,—продолжалъ лордъ.

— Вамъ то уже жаловаться не на что! Ваше незаработанное приращеніе не обложено!

— Если обложить капиталъ, то это заставитъ его эмигрировать, что, въ свою очередь, создастъ безработицу, — развивалъ лордъ свой взглядъ.

— Другими словами, вы хотите обложить трудъ.

— Нѣтъ, надо обложить не капиталъ и не трудъ, а иностранца.

— Что за пустяки! Почему же Германія, нуждающаяся теперь въ 25 мил. ф. ст., заключаетъ заемъ вмѣсто того, чтобы обложить иностранца?

Еще болѣе шумный пріемъ былъ устроенъ лорду Уиллоби де Броку и герцогу Норфолькскому. Иные лорды удалялись, не будучи въ состояніи кончить, другіе мужественно пытались «to face the music», какъ говорятъ англичане. Въ общемъ, выступленіе лордовъ кончилось полной неудачей.

III.

И вотъ началась историческая избирательная борьба. Англійскій умъ любитъ точность и конкретность. Онъ стремится сжать каждую теорію въ формулу и выразить ее потомъ графически. Въ искусствѣ передать тезисъ, путемъ рисунка или чертежа англичане не знаютъ соперниковъ. И никогда обывателю не предложено было столько формулъ и столько тезисовъ, выраженныхъ «чертами и рѣзами», какъ во время этой выборной борьбы. Обѣ партіи выпустили милліоны экземляровъ брошюръ и листковъ, въ которыхъ въ сжатомъ видѣ изложены аргументы противниковъ и сторонниковъ бюджета. Познакомимся сперва съ этой литературой. Вотъ агитаціонная брошюра, изданная протекціонистами. Аргументы ихъ формулированы такъ: 1) Бюджетъ, изгнавъ изъ Англіи капиталъ, привлечетъ еще больше иностранныхъ фабрикатовъ, которые, конкурируя съ англійскими товарами, усилятъ безработицу и понизятъ заработную плату. Тарифная реформа принесетъ большій спросъ на трудъ и повыситъ, поэтому, заработную плату. Почему же вамъ не попробовать перемѣну? 2) Бюджетъ ассигновалъ на сооруженіе новыхъ военныхъ кораблей меньше, чѣмъ германскій бюджетъ 1909—1910 года. Это одинъ изъ самыхъ скандальныхъ и унизительныхъ фактовъ въ нашей политической исторіи.

Составитель бюджета высказался противъ «безполезныхъ расходовъ» на флотъ. Каждый голосъ, поданный за Ллойдъ-Джорджа, поэтому, является голосомъ за ослабленіе нашего флота, голосомъ противъ Великобританіи и за побѣду надъ нами Германіи. Тарифная реформа, создавая прочный финансовый базисъ, стремится усилить флотъ. Такимъ образомъ, тарифная реформа означаетъ національную безопасность и защиту труда. Вотируйте же за Тарифъ и за Англію. Почему вамъ не попробовать перемѣну? 3) Радикалы и соціалисты не могутъ вамъ обѣщать больше, чѣмъ обѣщали на послѣднихъ выборахъ 1906 года. Они сулили тогда удешевленіе продуктовъ и всеобщее, безпримѣрное благополучіе. Въ дѣйствительности пребываніе радикаловъ у власти сопровождалось уменьшеніемъ работы, пониженіемъ заработной платы и повышеніемъ цѣнъ. Почему же вы опять должны оказать довѣріе радикаламъ? Кто стоитъ теперь у власти? Разрушители британскаго капитала и дворники, охраняющіе интересы иностранцевъ. Они совершили много безумствъ и представляютъ опасность для

народа. Вы открыли, что представляютъ собою министры. Такъ прогоните же ихъ! Вамъ къ новому году надобно новое правительство. Почему же не попробовать перемѣну? *).

«Что правительство сдѣлало для рабочихъ?»—читаемъ мы въ памфлетѣ, выпущенномъ радикалами. Дальше слѣдуетъ обзоръ законодательства за четыре года: узаконеніе пикетированія и охраненіе капиталовъ трэдъ-юніоновъ, восьмичасовой рабочій день для углекоповъ; законъ о мелкихъ надѣлахъ; распространеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ на всѣхъ служащихъ вообще; биржи труда—и, наконецъ, государственная пенсія для стариковъ. Вотъ другой листокъ, обращенный къ сельскимъ работникамъ **). «Вспомните, что дѣло идетъ о вашемъ хлѣбѣ насущномъ. Тори хотятъ ввести налогъ на хлѣбъ, чтобы поднять ренту на землю и спасти помѣщиковъ отъ обложенія ихъ владѣній. Ваша пенсія въ опасности. Вы получили пенсію, голосовавъ за либераловъ въ 1906 году. Подавъ теперь голосъ за нихъ, вы сохраните пенсію. Не поддавайтесь ни угрозамъ, ни посуламъ... Помните, что теперь начинается борьба за землю, которую отобрали у васъ... Не бойтесь голосовать. Помните, что избирательные ящики хранятъ тайну такъ же вѣрно, какъ могила». «Спасайте дѣтей!»—читаемъ мы въ листкѣ того же названія. «Предполагаемый налогъ на молочные продукты повыситъ стоимость молока. Налогъ на мясо повыситъ цѣны на скотъ, что, въ свою очередь, поведетъ къ вздорожанію молока. Молоко—лучшая пища для дѣтей. Протекціонисты обѣщаютъ понизить пошлины на табакъ, какъ замѣну пошлинъ на хлѣбъ, мясо и на молочные продукты. Взрослые люди умираютъ вслѣдствіе недостатка хлѣба и мяса. Дѣти умираютъ отъ недостатка молока. Никто не умеръ еще отъ недостатка табака. И тѣмъ не менѣе протекціонисты собираются перенести пошлину съ трубки взрослаго на соску ребенка. Тарифная реформа означаетъ налогъ на колыбель» ***). Вотъ листокъ, выпущенный радикалами, специально отвѣчающій на запугиваніе нѣмецкимъ вторженіемъ. «Съ цѣлью засыпать пескомъ глаза избирателямъ, дѣлаются неудачныя попытки посѣять вражду между Великобританіей и Германіей. Обвиненіе правительства въ томъ, что оно ничего не сдѣлало для флота, представляетъ собою абсолютную ложь. Въ этомъ году Франція и Германія вмѣстѣ ассигновали на флотъ 32.892.043 ф. ст. Англія же одна ассигновала 35.142.700 фун. ст. Цифры эти сами говорятъ за себя. Не давайтесь въ обманъ. У васъ въ рукахъ теперь возможность покончить съ узурпаторами-лордами. Голосуйте за бюджетъ» ****). «Что означаетъ

*) Leaflet № 245.
**) To the Rural voter.
***) Leaflet „Save the Child!“.
****) Leaflet „The German Scarecrow“.

дрэднотъ? Высчитано, что прибыль отъ сооруженія одного дрэднота составляетъ двѣсти тысячъ ф. ст. Дрэднотъ сжигаетъ сорокъ тоннъ лучшаго угля въ часъ. За каждую тонну угля помѣщики, на чьей землѣ находятся копи, получаютъ отъ шахтовладѣльцевъ по 1 шил. 3 пенса (54 коп.). Каждый дрэднотъ, такимъ образомъ, представляетъ для помѣщика доходъ въ 40 фун. ст. въ день. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что помѣщики требуютъ сооруженіе новыхъ дрэднотовъ. Бюджетъ заставляетъ и помѣщиковъ вносить свою долю на сооруженіе военныхъ кораблей. Голосуйте за бюджетъ».

Перейдемъ теперь къ «формуламъ». «Что означаетъ радикализмъ?—говоритъ одна изъ нихъ. Что будетъ, если либералы снова станутъ у власти? Черезъ пять лѣтъ, въ такомъ случаѣ у Англіи не будетъ ни Ирландіи, ни колоній, ни церкви, ни питейныхъ домовъ, ни пива, ни денегъ, ни работы, ни надежды Будутъ только нѣмцы, лимонадъ и куча лжи». «Не давайте себя обманывать!— гласитъ «формула» радикаловъ. «Если вы будете поддерживать протекціонистовъ, то они получатъ муку, а вамъ достанутся отруби». «Въ Чикаго, въ томъ городѣ, откуда везутъ къ намъ хлѣбъ, «куортересъ» (четырехфунтовая коврига) стоитъ 10 пенсовъ, а у насъ пять пенсовъ». «Лордъ Биконсфильдъ сказалъ, что протекціонизмъ не только умеръ, но уже осужденъ за гробомъ». «Бюджетъ ассигновалъ три милліона для безработныхъ и восемнадцать милліоновъ на соціальныя реформы. Лорды вышвырнули бюджетъ. Вышвырните лордовъ».

«Что такое тарифная реформа? Одинъ работникъ на два мѣста. Что такое свободная торговля? Одно мѣсто на двухъ работниковъ»

«Что сдѣлаютъ лорды для безработныхъ? Обложатъ налогомъ ихъ хлѣбъ. Что сдѣлаютъ либералы для рабочихъ? Застрахуютъ ихъ отъ безработицы».

«Если протекціонизмъ такъ выгоденъ для рабочихъ, то почему же въ Германіи на каждыхъ выборахъ работники голосуютъ за свободную торговлю»?

На это протекціонисты отвѣчаютъ другими вопросами: «Если свободная торговля такъ выгодна для народа, то почему же остальныя государства не вводятъ у себя эту систему»?

«Въ Саксоніи три года тому назадъ бѣдняки ѣли собакъ».

Избиратели придумывали свои формулы, которыми пользовались во время предвыборныхъ собраній для «heckling», т. е. для того, чтобы ставить въ затруднительное положеніе кандидата неожиданнымъ восклицаніемъ или вопросомъ.

Вотъ, напримѣръ, выступленіе консервативнаго кандидата генерала Уельби въ одномъ изъ кварталовъ восточнаго Лондона (Toplar). Ораторъ развиваетъ тезисъ, что наслѣдственные законодатели—вѣрные стражи народной свободы.

— Что дѣлали лорды, прежде чѣмъ бюджетъ былъ посланъ къ нимъ?—спрашиваетъ ораторъ. И въ отвѣтъ раздается изъ залы:

— Спали, покуда ихъ не разбудили тори.

Генералъ дальше объясняетъ, что страхи, которыми пугаютъ фритрэдеры, если пройдутъ тарифныя реформы, ни на чемъ не основаны. Много было сказано по поводу конины, которой питаются массы во Франціи и въ Германіи. Собственно говоря, въ кониннѣ нѣтъ ничего ужаснаго. Мясо это пахнетъ дичью, а вкусомъ похоже на сладкую говядину.

— Такъ сами и питайтесь ею!—слышится совѣтъ.

— Что касается чернаго хлѣба,—невозмутимо продолжаетъ генералъ,—то по поводу его радикалы говорятъ уже совсѣмъ вздоръ. Нѣмцы питаются чернымъ хлѣбомъ, вмѣсто бѣлаго, не по нуждѣ, а потому, что первый вкуснѣе. Нѣмцы, живущіе въ Лондонѣ, выписываютъ себѣ черный хлѣбъ, какъ luxury (роскошь). До какой степени этотъ черный хлѣбъ, называемый пумперникелемъ, вкусенъ, доказывается тѣмъ, что самъ король у насъ потребляетъ его, какъ предметъ роскоши.

И генералъ демонстрируетъ маленькій хлѣбецъ «пумперникель». «Въ Германіи всѣ питаются тѣмъ, что считается роскошью въ Виндзорскомъ дворцѣ»,—заканчиваетъ ораторъ. Повидимому, онъ очень доволенъ, что нашелъ отличный аргументъ.

— Сколько стоитъ вашъ пумперникель?—раздается вопросъ. Генералъ смущенъ: неизвѣстный «heckler» своимъ вопросомъ разбилъ всю рѣчь. Ораторъ послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчаетъ, что «пумперникель» стоитъ въ гастрономическомъ магазинѣ $4^1/_2$ пенса.

— Очевидно, не этимъ хлѣбомъ питаются массы въ Германіи,—замѣчаетъ «heckler»,—имъ не по карману платить по $4^1/_2$ пенса за хлѣбецъ въ $1^1/_2$ фунта.

— Генералъ,—предлагаетъ кто-то въ залѣ,—я съѣмъ ломоть вашего пумперникеля, если вы согласитесь съѣсть кусокъ моего чернаго хлѣба. Мы его сегодня только получили изъ Берлина. Закусите вотъ сосиской съ кониной. Мы ее тоже выписали изъ Германіи. Хотите, представлю удостовѣреніе, что именно такими сосисками питаются тамъ массы.

Генералъ отмахивается и отказывается принять своеобразный вызовъ.

Вотъ митингъ, устроенный консервативнымъ кандидатомъ въ St. George's in the East (бѣдный кварталъ въ восточномъ Лондонѣ). Тамъ тоже предлагались неожиданные вопросы.

— Юніонистская партія, если одержитъ побѣду на выборахъ,—начинаетъ кандидатъ,—станетъ у власти, чтобы дать рабочимъ...

— Конину и черный хлѣбъ,—подсказываетъ «heckler».

— Нѣтъ, высокую заработную плату и занятіе для всѣхъ,—

продолжаетъ ораторъ.—Ея пребываніе у власти будетъ благодѣтельно...

— Для помѣщиковъ и пивоваровъ,—спокойно подаетъ реплику «heckler».

Въ залѣ начинаютъ пѣть грубый и нелѣпый гимнъ въ честь пива, сложенный, говорятъ, во времена Георга III:

«Beer, beer, glorivus beer»!

Кандидатъ машетъ безнадежно руками. Когда пѣніе прекращается, ораторъ принимается развивать тезисъ: «налогъ на хлѣбъ отнюдь не подниметъ стоимости продукта»!

— Если налогъ не повышаетъ цѣнъ, то почему же кабатчики стали требовать за пинту пива $2^1/_2$ пенса вмѣсто двухъ, какъ только бюджетъ былъ внесенъ въ Нижнюю палату?—задаетъ вопросъ «heckler».

Ораторъ дальше пытается доказывать, что принятіе протекціонизма сразу понизитъ число безработныхъ.

— Въ Америкѣ безработныхъ только 6,7%,—говоритъ онъ.

— Вы втираете народу очки (You are hoodwinking the people here)!—негодуетъ «heckler».—Въ Соединенныхъ Штатахъ безработные составляютъ не 6,7%, а 32,7%.

— Быть можетъ, вы хотите, чтобы я сказалъ вамъ еще про палату лордовъ?—невозмутимо спрашиваетъ ораторъ.

— Черезъ недѣлю ея не будетъ больше!—успокаиваетъ кто-то.

— Итакъ, я заканчиваю: тарифная реформа означаетъ работу для всѣхъ и налоги на иностранцевъ.

— Тарифная реформа означаетъ болѣе счастливыхъ герцоговъ!—саркастически восклицаетъ «heckler».

— Тарифная реформа означаетъ рабочій домъ для всѣхъ!—подаетъ другой въ тонъ.

— При тарифной реформѣ не будетъ больше черныхъ тумановъ!—слышится еще реплика.

— Куры станутъ нестись дважды въ день.

— Коровы будутъ давать по бочкѣ молока въ удой.

— Кукушки начнутъ сами высиживать яйца.

— Иностранцы будутъ платить за лордовъ налоги на наслѣдства.

Публика входитъ во вкусъ новой игры въ догадки.

— При введеніи протекціонизма мы разведемъ перечныя, коричныя и ванильныя деревья во всѣхъ нашихъ палисадникахъ и убьемъ импортъ и Явы и Суматры.

— Такъ вы говорите, что тарифная реформа принесетъ всѣмъ больше работы?—справляется кто-то у кандидата.

— Конечно.

— Рѣшительно всѣмъ?

— Разумѣется.

— Я—гробовщикъ. Дастъ ли и мнѣ протекціонизмъ больше кліентовъ?

Хохотъ и апплодисменты награждаютъ heckler'a.

«Heckling» признается до такой степени важнымъ, что радикальныя газеты совѣтовали, какъ лучше дѣлать это. Что же касается протекціонистовъ, то они открыли настоящую школу «heckling» для своихъ ораторовъ.

IX.

Самымъ любопытнымъ во время этой выборной компаніи были безчисленные рисунки, «posters», выпущенные двумя главными партіями. И протекціонисты, и фритрэдеры затратили громадныя деньги на «постеры». Въ одной изъ старыхъ утопій изображается городъ будущаго, стѣны котораго покрыты геометрическими чертежами и доказательствами теоремъ, чтобы дѣти и взрослые прохожіе, забывшіе уже школьные предметы, усваивали хорошо всего Эвклида. Нѣчто подобное представлялъ собою Лондонъ во время выборовъ. Нѣтъ ни одной свободной стѣны, ни одного забора вокругъ строющагося зданія, которые не были бы залѣплены громадными «постерами» (рисунками). Слесарь, спѣшащій утромъ на работу съ ковровымъ мѣшкомъ съ инструментами на плечахъ; чернорабочій, толкающій тачку; фургонщикъ съ возомъ, нагруженнымъ бочками; приказчикъ изъ мелочной лавки,—словомъ, весь тотъ народъ, у котораго нѣтъ времени, охоты или возможности познакомиться съ литературой борьбы, долженъ хоть по «постерамъ» узнать, въ чемъ дѣло. Вѣдь и слесарь, чернорабочій, и фургонщикъ принадлежатъ къ числу семи мил. избирателей, которымъ предстоитъ рѣшить судьбу 42-хъ милліоннаго народа. Обѣ партіи затратили очень много таланта, работы и денегъ, чтобы въ рисункахъ передать если не «всего Эвклида», то хоть всѣ тезисы, выставленные теперь. Познакомлю читателей съ тѣми положеніями, которыя отстаиваются въ этихъ безчисленныхъ п о с т е р а х ъ. Протекціонисты затратили на рисунки вообще больше денегъ, чѣмъ радикалы, и нашли художниковъ съ большимъ темпераментомъ. Это—первое впечатлѣніе. Затѣмъ мы видимъ, что почти ни одинъ рисунокъ не рѣшается защищать лордовъ. О нихъ умалчиваютъ плакаты консервативной партіи и защищаютъ по преимуществу «тарифныя реформы». Протекціонизмъ долженъ прежде всего явиться радикальнымъ средствомъ отъ безработицы. Вотъ рисунокъ, изображающій работника, который предлагаетъ товарищамъ голосовать «за тарифныя реформы» и «за охрану британскихъ рабочихъ». Цѣлая серія рисунковъ изображаетъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вслѣдствіе свободной торговли и конкуренціи со стороны «иностранца». Вотъ вереница жалкихъ безработныхъ, скованныхъ общей цѣпью (свободной тор-

говлей). Вереницу гонитъ иностранный капиталистъ, въ рукахъ котораго бичъ: «свободный ввозъ». Подпись гласитъ: «Невольники свободной торговли, отстаиваемой радикалами». Другой рисунокъ. Джонъ Булль грустно стоитъ у окна своей столовой и смотритъ на процессію безработныхъ, тянущуюся на улицѣ. Комната оклеена французскими обоями, обставлена австрійской мебелью, украшена богемскими зеркалами и нѣмецкими фотогравюрами. На столѣ находятся: баварское пиво, аргентинское мясо, датская ветчина, русская курица, американскій хлѣбъ, французскій сахаръ и пр. Словомъ, все произведено руками иностранцевъ, все выращено и выхолено въ чужой странѣ и привезено въ Англію. Джонъ Булль даетъ заработокъ иностранцамъ, а своихъ согражданъ оставляетъ безъ работы. Таковъ смыслъ «постера». Подпись гласитъ: «Система свободной торговли доставляетъ мнѣ довольно дешево предметы; но какова она для тѣхъ бѣднягъ, которые проходятъ теперь по улицѣ! Все это пора измѣнить». Вотъ рисунокъ, составленный съ большимъ темпераментомъ. Изображаетъ онъ семью безработныхъ. «The bredgariner» (т. е. большакъ) сидитъ, мрачно опустивъ голову. Жена рабочаго плачетъ. Въ комнатѣ голо. Подпись гласитъ: «Свободная торговля!» И подумать только, что этотъ «постеръ» заимствованъ изъ Америки! Тамъ онъ служитъ для борьбы... съ протекціонизмомъ и для защиты свободной торговли. Взглянувъ на этотъ рисунокъ, можно подумать, что британская торговля совершенно погибла. Между тѣмъ вывозъ британскихъ фабрикантовъ теперь на 48 мил. ф. ст. больше, чѣмъ въ 1905 году,

Британская торговля въ 1908 году оцѣнивается колоссальной суммой въ 1.049.681.000 ф. ст., т. е. въ десять милліардовъ рублей. Вы помните «морского старика», который въ арабской сказкѣ взобрался на спину къ Синдбаду Мореходцу, потерпѣвшему кораблекрушеніе? На эту тему протекціонисты нарисовали одинъ «постеръ». Синдбадъ это—британскій рабочій. Морской старикъ, сидящій у него на плечахъ,—иностранный конкурентъ британскихъ промышленниковъ. «Выпусти мои руки,—молится замученный британскій рабочій, который вотъ вотъ упадетъ.—Дай мнѣ возможность работать!» Еще постеръ. Ночь. Изъ воротъ фабричнаго зданія (британская промышленность) нѣсколько подозрительныхъ субъектовъ (тутъ Соединенные Штаты, Германія и Россія) выносятъ, крадучись, британскій капиталъ. У воротъ въ будкѣ, укрывшись національнымъ флагомъ, крѣпко спитъ сторожъ—Джонъ Булль. Сонъ не натураленъ: сторожъ одурманенъ дымомъ изъ жаровни, поставленной у будки. На жаровнѣ, конечно, надпись: «свободная торговля». Подпись гласитъ: «Пробудись, сторожъ»!

Такъ какъ у кого нибудь изъ работниковъ могутъ возникнуть соображенія, что для массы выгоднѣе, когда обложенъ капиталъ, а не хлѣбъ, то рядъ плакатовъ пытается опровергнуть этотъ взглядъ.

Вотъ громадный рисунокъ, изображающій два пирога. На одномъ пирогѣ съ надписью «капиталъ» садитъ кроваво-красная собака съ надписью социализмъ. На другомъ пирогѣ надпись «заработокъ». Подпись гласитъ: «Рабочіе, вы не можете съѣсть пирогъ-капиталъ такъ, чтобы остался въ неприкосновенности пирогъ-заработокъ». Другими словами,—чѣмъ больше налоги падаютъ на богатыхъ людей, тѣмъ невыгоднѣе для массъ. Это любимый экономическій тезисъ протекціонистовъ. Тотъ же тезисъ иначе развивается на плакатѣ, озаглавленномъ «Хитрость полярнаго путешественника». Ллойдъ-Джорджъ въ костюмѣ эскимоса кормитъ ѣздовую собаку (трудъ) ея же собственнымъ хвостомъ (надпись на хвостѣ— капиталъ). Хвостъ отрѣзанъ ножемъ, на клинкѣ котораго значится соціализмъ.

Еще рисунокъ, развивающій тотъ же тезисъ. Рабочіе, подавленные налогами (это, конечно, сильный полетъ фантазіи: въ Англіи получающіе меньше 1600 руб. въ годъ не знаютъ совсѣмъ подоходнаго налога), стоятъ на распутьи. Одна дорога направо ведетъ къ безчисленнымъ дымящимся фабрикамъ: это—дорога «тарифныхъ реформъ». Другая дорога ведетъ налѣво въ пустыню. Надпись гласитъ, что это дорога «свободной торговли». «Пора повернуть направо,—говоритъ одинъ изъ работниковъ.—Тамъ повидимому, работа для всѣхъ. Налѣво—только голодуха».

Второй тезисъ, развиваемый рисунками консервативной партіи, я могъ бы формулировать великолѣпнымъ стариннымъ русскимъ выраженіемъ: тарифная реформа принесетъ массамъ «гостьбу толстотрапезную». При протекціонизмѣ рабочіе не захотятъ и глядѣть на австрійскую баранину: они будутъ объѣдаться «жирной, вкусной, основательной» и даже «честной» (honest) «говядиной британскаго происхожденія». При развитіи этого тезиса полетъ фантазіи протекціонистовъ не знаетъ границъ. Германія изображается земнымъ раемъ для рабочихъ, хотя тамъ трудящееся населеніе питается хуже, живетъ тѣснѣе, получаетъ меньше и работаетъ дольше, чѣмъ въ Англіи.

Правда, протекціонизмъ думаетъ обложить пошлиной хлѣбъ. Отъ этого, говорятъ, онъ вздорожаетъ. Это неправда. Отъ таможенныхъ пошлинъ продукты дешевѣютъ. Такъ торжественно увѣряютъ Бальфуръ и Чемберлэнъ. Но предположимъ даже, что хлѣбъ вздорожаетъ. Что же? Не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ! Есть еще пиво, трубочка, говядина, пироги съ почками и пр. И все это при введеніи тарифныхъ реформъ должно обязательно подешевѣть. Такъ именно и утверждаетъ «постеръ», озаглавленный «человѣку надобенъ не только хлѣбъ». Рисунокъ раздѣленъ на двѣ части. Направо видны двое пригорюнившихся рабочихъ. На столѣ у нихъ только хлѣбъ. Это—при системѣ свободной торговли. У жены лицо сморщено, а у мужа животъ такъ втянулся, что за поясъ панталонъ можно свободно засунуть цѣлую подушку. Налѣво та же пара; но у обо-

ихъ лица сіяютъ и лоснятся. У него животъ вздулся, какъ барабанъ. У ней, вмѣсто морщинъ, на лицѣ сіяющая улыбка. Онъ держитъ на готовѣ вилку и ножъ, а она несетъ громадный пирогъ съ почками. Будетъ чѣмъ и «промыть прирогъ»: на столѣ солидная бутылка. Портретъ Чемберлэна на стѣнѣ показываетъ, что эту «толстотрапезную гостьбу» рабочіе будутъ имѣть тогда, когда «тарифная реформа» вытѣснитъ протекціонизмъ.

Третій тезисъ тотъ, что только партія тарифныхъ реформъ можетъ защитить Англію отъ нападенія непріятеля. Покуда у власти радикалы и соціалисты, Джонъ Булль не можетъ спать спокойно: каждую ночь его могутъ разбудить сигнальные рожки германской пѣхоты, высаженной за нѣсколько часовъ до того на англійскій берегъ.

Цѣлый рядъ плакатовъ развиваетъ тезисъ, что при тарифныхъ реформахъ налоги платитъ «иностранецъ». Прибавлю еще «постеры», на которыхъ изображенъ Джонъ Булль въ отчаянной схваткѣ съ гидрой соціализма. Эти рисунки свидѣтельствуютъ, главнымъ образомъ, о полетѣ фантазіи художниковъ, а затѣмъ показываютъ, что протекціонисты очень невыгоднаго мнѣнія о сообразительности публики. По этимъ рисункамъ выходитъ, что кабинетъ захваченъ анархистами, во главѣ которыхъ, конечно, Ллойдъ-Джорджъ и Черчель. Одинъ постеръ изображаетъ захваченный морскими разбойниками корабль. У мачты лежитъ связанный Джонъ Булль, а два пирата,—министры финансовъ и торговли,—спустили «юніонъ джэкъ» (національный флагъ) и собираются поднять разбойничій черный флагъ съ черепомъ и двумя перекрещенными костями. Вотъ Джонъ Булль въ роли Геркулеса. Онъ поражаетъ дубиной красную гидру, обхватившую его щупальцами. На гидрѣ, конечно, значится «соціализмъ». «Убей ее, Джонъ, теперь!»—гласитъ подпись. Вѣроятно, эти «постеры» назначены для самыхъ глупыхъ «обитателей виллъ», для невѣжественныхъ, тупоголовыхъ, забитыхъ клэрковъ, подъ шелковымъ цилиндромъ которыхъ находятся чугунный лобъ и куринные мозги. У мелочнаго лавочника самой средней сообразительности должна мелькнуть мысль: «если государственный корабль дѣйствительно захваченъ такими страшными пиратами и анархистами, но почему же этихъ разбойниковъ поддерживаютъ самыя промышленныя графства Англіи? Если министры дѣйствительно «соціалисты», думающіе уничтожить «конституцію, имперію, собственность, семью и религію, то почему всѣ свободныя церкви и два епископа англійской церкви поддерживаютъ этихъ страшныхъ людей? Вѣдь какъ ни какъ, а князья государственной церкви должны же защищать «собственность, семью и религію»! Даже тупоголовый клэркъ придетъ къ заключенію, что, вѣроятно, «соціализмъ» не такая ужасная вещь, если нѣсколько священниковъ англиканской церкви открыто заявляютъ себя «соціалистами».

Читатель имѣетъ теперь представленіе о всемъ томъ «политическимъ Эвклидѣ», который протекціонисты втолковывали массамъ во время выборовъ. Избирателямъ настоятельно совѣтуется не вѣрить «ни на столько» обѣщаніямъ радикаловъ. Бюджетъ—задушилъ бы рабочихъ, если бы, къ счастью, не подоспѣли консерваторы. Одинъ «постеръ» изображаетъ рабочаго, согнувшагося подъ тяжестью свертка, на которомъ надпись: «Бюджетъ Ллойдъ-Джорджа 13 милл. ф. ст. налоговъ на пищу; 56 мил. ф. ст. на пиво, табакъ и водку». Министръ финансовъ, конечно, не вводилъ такіе колоссальные налоги. Художникъ изобразилъ графически всѣ косвенные налоги, существующіе вообще въ Англіи и введенные за послѣднія сто лѣтъ. Вотъ Ллойдъ-Джорджъ въ видѣ героя дѣтской пѣсни. Онъ натянулъ лукъ (бюджетъ) и хотѣлъ пустить стрѣлу въ голубя (капиталъ), а убилъ на смерть ворону (трудъ). Подпись составляетъ пародію на дѣтскую пѣсенку:

„Lloydie-Georgie
Bent his bow
Aimed at a pigeon
And killed a crow“.

(т. е. Ллойдъ-Джорджъ натянулъ свой лукъ. Онъ намѣтилъ въ голубя, а убилъ ворону).

Джонъ Булль съ ужасомъ и отвращеніемъ зажалъ носъ. Дворецкій Аскитъ поставилъ на столъ блюдо (политика радикальной партіи) и снялъ крышку. Оттуда вырвались вонючіе пары: «соціализмъ» и «конфискація». «Фу!—кричитъ Джонъ Булль,—уберите эту вонь. — Блюдо приготовлено изъ гнилыхъ избирательныхъ яицъ».

И, несмотря на то, что конструктивная программа радикальной кажется протекціонистамъ «конфискаціей» и «соціализмамъ»,— консерваторы сами взяли оттуда рядъ пунктовъ: государственную страховку отъ безработицы, реформу законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и даже выкупъ земли.

Перейду къ тезисамъ, отстаиваемымъ плакатами либеральной партіи.

Всѣ они могутъ быть формулированы: «Радикальная реформа наслѣдственной палаты и свободная торговля».

«Съ кѣмъ вы желаете быть: съ демократіей или съ тѣми, которые за интересы пэровъ?»—спрашиваетъ работникъ на плакатѣ. Вотъ генеалогическое дерево лорда Нельсона. «У великаго Нельсона былъ братъ, у котораго былъ племянникъ, у котораго былъ двоюродный братъ, засѣдающій теперь въ Верхней палатѣ. Шестьдесятъ семь лѣтъ онъ получаетъ по пяти тыс. ф. ст. отъ страны. За что? За то, что у него былъ двоюродный братъ, у котораго былъ дядя, который приходился братомъ великому Нельсону. Нынѣшній лордъ Нельсонъ не оказалъ никакихъ услугъ Англіи. Онъ

голосовалъ противъ пенсіи для стариковъ». Вотъ «постеръ», изображающій плачущаго лорда, не желающаго платить небольшаго земельнаго налога. Рабочій утѣшаетъ его: «Полно, нечего хныкать! Если я плачу полпенни на фунтъ табаку, то полпенни на фунтъ вашего дохода васъ не раззоритъ». Толстый герцогъ, на вздувшемся брюхѣ котораго значится «незаработанное приращеніе», выплясываетъ какой то лихой джигъ. Подпись гласитъ: «Тарифная реформа означаетъ болѣе счастливыхъ герцоговъ». Конь (трудъ) тащитъ въ гору тяжело нагруженный реформами возъ. Фургонщикъ Ллойдъ-Джорджъ желаетъ припречь заводскаго, большого, сильнаго коня въ герцогской коронѣ, который до сихъ поръ ничего не дѣлалъ. «Ну, красавчикъ, — говоритъ фургонщикъ, — ты долго отъѣдался овсомъ и гулялъ на свободѣ. Пора теперь и тебѣ поработать». Та же тема развивается въ другомъ постерѣ. Британія стоитъ, нагруженная узлами. Тутъ «государственная пенсія», «флотъ», «школы» и пр. «Будь вы хоть немного джентльмэномъ,— говоритъ Британія стоящему рядомъ, засунувъ руки въ карманы, герцогу, — вы помогли бы мнѣ нести часть этихъ узловъ». «Не могу,—отвѣчаетъ герцогъ.—Вы видите, руки у меня заняты». «Постеры» пытаются выяснить, что «тарифная реформа» грозитъ британской промышленности гибелью. Вотъ разбойничій корабль, на мачтѣ котораго поднятъ черный флагъ: «Протекціонизмъ». Пираты (лордъ Лэнсдаунъ и Бальфуръ) взяли въ плѣнъ Джонъ Булля и заставляютъ его «пойти по доскѣ» (Пираты, по преданіямъ, прикрѣпляли послѣ боя перпендикулярно къ борту корабля доску, на которую ставили плѣнныхъ, завязавъ имъ предварительно глаза. Плѣнные, которыхъ заставляли идти впередъ, доходили до конца доски, падали въ море и погружались сейчасъ же на дно, такъ какъ руки у нихъ были связаны. Джонъ Булль долженъ упасть въ море, на которомъ значится «монополія». «Тарифная реформа,— гласитъ подпись,—означаетъ шагъ впередъ съ завязанными глазами. Протекціонизмъ является главной доской въ платформѣ консерваторовъ. Будьте осторожны. Не ходите по этой доскѣ!»

Второй тезисъ, развиваемый «постерами» радикальной партіи, тотъ, что «гостьбу толстотрапезную» можетъ дать только свободная торговля. Цѣлый рядъ рисунковъ исправляетъ ошибки, сдѣланныя протекціонистами. «Въ Германіи четверть пшеницы стоитъ на одиннадцать шиллинговъ дороже, чѣмъ въ Англіи». «Тамъ люди питаются кониной, которая въ Германіи въ такой же цѣнѣ, какъ въ Англіи мороженая австралійская и аргентинская баранина». «Каждый голосъ за протекціонистовъ, это—голосъ за маленькую ковригу противъ большой». «Протекціонизмъ не можетъ создать работы для всѣхъ: въ Соединенныхъ Штатахъ безработныхъ больше, чѣмъ въ Англіи». «Британскіе рабочіе! Прежде, чѣмъ подать голосъ за протекціонизмъ, прочтите слѣдующее: «Morgenpost» приводитъ оффиціальныя цифры, показывающія количество лошадей

и собакъ, убитыхъ въ Германіи 1908 году ради мяса, которое покупается рабочими. Лошадей убито 136.575, а собакъ — 6.362. Цифра убитыхъ лошадей, въ сравненіи съ 1907 г., уменьшилась на 10.000; но число убитыхъ собакъ увеличилось на 99 въ сравненіи съ 1907 г. и на 159 въ сравненіи съ 1906 годомъ. Въ 1909 году спросъ на лошадиное и на собачье мясо въ Германіи, несомнѣнно, увеличился, что обусловливается поднятіемъ цѣнъ на мясо лучшаго достоинства. За первые девять мѣсяцевъ 1909 года убито лошадей на 9.217 и собакъ на 497 больше, чѣмъ за соотвѣтствующіе девять мѣсяцевъ 1908 году. Въ общемъ ежегодно въ Германіи потребляется 45 мил. ф. конины и 140.000 ф. собачины». Тутъ же рисунокъ. Кошка, выгибая спину, трется у ногъ дѣвочки, которая держитъ на палочкѣ нѣсколько кусковъ конины *) «Нѣтъ, кисенька,—гововитъ дѣвочка,—это ужинъ не для тебя, а для папы». Что бы еще нагляднѣе показать массамъ невыгодность протекціонизма, фритрэдеры устроили спеціальныя выставки въ бѣдныхъ кварталахъ. Въ окнахъ избирательныхъ бюро либеральныхъ кандидатовъ выставлены были образцы пищевыхъ продуктовъ съ обозначеніемъ цѣнъ въ Англіи и Германіи. И надо было видѣть домовитыхъ хозяекъ, сравнивавшихъ цѣны! «Смотрите, пожалуйста!—мѣшечекъ крупичатой муки стоитъ въ Берлинѣ 1 ш. $3^{1}/_{4}$ п. У насъ онъ стоитъ $10^{1}/_{2}$ п. А хлѣбъ? Въ Берлинѣ коврига стоитъ $6^{3}/_{4}$ п. У насъ—$5^{3}/_{4}$ п. Что вы скажете на этотъ цвѣтъ? Какъ нѣмцы не помрутъ отъ такого чернаго хлѣба? На него христіанину смотрѣть тошно!» Надо знать, что въ окнахъ былъ выставленъ лучшій пеклеванникъ. Что если бы англичанамъ показать тотъ хлѣбъ, которымъ питается половина всего населенія Россіи!

Вотъ рисунокъ, изображающій накрытый столъ. На немъ—хлѣбъ, масло, сыръ и баранья нога. «Если вы подадите голосъ за консерваторовъ,—объясняетъ подпись,—то вы выскажетесь за налоги на всѣ эти продукты».

Бартоломеусъ говоритъ, что піявки рождаются изъ труповъ коней, утонувшихъ въ болотѣ. Авторъ рисунка беретъ эту теорію зоолога XVI вѣка и истолковываетъ ее своеобразно. Утопивъ свободную торговлю, протекціонизмъ породитъ массу піявокъ,—тресты. Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ «политическій Эвклидъ», который пропагандировался на улицахъ обѣими партіями. А теперь нѣсколько словъ о пропагандѣ при помощи пѣсенъ.

---

*) Въ Англіи спеціальные поставщики доставляютъ мясо для кошекъ

V.

Въ каждой странѣ въ періодъ сильнаго общественнаго движенія пѣсня является одной изъ любимыхъ формъ распространенія извѣстныхъ идей. Стоитъ только вспомнить безчисленныя пѣсни, сложенныя во Франціи во время великой революціи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, «отъ тлѣна убѣжавъ», стали достояніемъ всего міра, какъ, напр., «Марсельеза» или «Ça ira». Другія, въ томъ числѣ едва ли не болѣе мощныя, забыты.—Стоитъ назвать лишь «Chant du départ» Шенье *). Послѣдняя пѣсня произвела такое сильное впечатлѣніе въ свое время, что во времена реставраціи консерваторы воспользовались напѣвомъ, на который составили свои слова.

Въ особенности пѣсня является любимой формой пропаганды въ Англіи. Пѣсни здѣсь остаются памятниками общественнаго или религіознаго движенія, напоминая собою раковины, вкрапленныя въ геологическій пластъ. Каждая новая религіозная секта въ Англіи прежде всего обзаводится своимъ собственнымъ пѣсенникомъ. И, повидимому, чувство «selfrespest» (самоуваженія) сектанта находится въ прямой пропорціи съ толщиной его книжки гимновъ. Каждое экономическое или политическое движеніе въ Англіи, прежде всего, прибѣгаетъ къ пѣснѣ. Мы имѣемъ здѣсь пѣсенники соціалъ-демократическіе, фритрэдерскіе, кооперативные, рабочіе и пр. Политическій кризисъ 1909—10 годовъ нашелъ безчисленныхъ поэтовъ. Обѣ партіи пустили въ обращеніе почти столько же пѣсенъ, сколько и «постеровъ». Каждая пѣсня сложена на всѣмъ извѣстный напѣвъ. Нѣкоторыя пѣсни только обновлены, п. ч. имъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Послѣдующія поколѣнія лишь забыли эти боевыя строки. Такова, напр., «молитва» Шелли изъ «Оды къ западному вѣтру». Фритрэдеры воспользовались этой пѣсней, такъ какъ въ ней населенія призывается къ возстанію противъ господъ (the lords); выходитъ, какъ будто бы противъ лордовъ.

«Англичане, зачѣмъ вамъ пахать для господъ, держащихъ васъ въ подчиненіи?—говорится въ пѣснѣ Шелли.—Зачѣмъ вамъ ткать такъ усердно и рачительно богатыя платья, которыя носятъ ваши тираны?

---

*) Вотъ первая строфа:
„La victoire, en chantant, nous ouvre la barrière,
La liberté guide nos pas,
Et du Nord au Midi la trompette guerrière
A sonné l'heure des combats;
Tremblez, ennemis de la France,
Rois ivres de sang et d'orgueil
Le peuple souverain s'avance,
Tyrans, descendez au cercueil."

«Зачѣмъ вамъ кормить, одѣвать и оберегать, отъ колыбели до могилы, неблагодарныхъ трутней, которые готовы не только выцѣдить изъ васъ потъ, но и выпить всю кровь?

«Зачѣмъ вамъ, пчелы Англіи, ковать оружіе, цѣпи или бичи для того, чтобы лишенные жала трутни испортили вынужденный результатъ вашего труда?

«Развѣ у васъ есть досугъ, уютъ, спокойствіе, кровъ, пища, нѣжный бальзамъ любви? Что вы покупаете дорогой цѣной вашего труда и страданія?

«Зерно, которое вы сѣете, жнетъ другой; богатства, которое вы находите, копитъ другой. Платье, вытканное вами, на плечахъ у другого. Оружіемъ, выкованнымъ вами, пользуются другіе.

«Сѣйте, но не допускайте, чтобы тиранны собирали жатву. Находите богатства, но не отдавайте ихъ обманщикамъ. Тките платья; но пусть ихъ не носятъ лѣнтяи. Выковывайте оружіе, но только, чтобы защитить себя.

«Вы ютитесь въ подвалахъ, чердакахъ и мурьяхъ. Вы сооружаете дворцы для другихъ. Зачѣмъ вы потрясаете цѣпями, которыя сами же выковали? Взгляните, на васъ сверкаетъ сталь, которую вы же сами закаляли.

«Плугомъ и заступомъ, мотыкой и станкомъ вы сами копаете себѣ могилы и мастерите гробъ. Вы ткете себѣ саванъ и ждете, чтобы прекрасная Англія обратилась въ вашъ склепъ».

Эти отлитые изъ бронзы стихи, сильные, «какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря» (выраженіе Бѣлинскаго), обновляются каждый разъ, когда въ Англіи есть какое нибудь сильное политическое движеніе. Остальныя пѣсни, пущенныя въ обращеніе во время выборовъ, самаго послѣдняго происхожденія. Надо сознаться, что поэзія въ нихъ часто отсутствуетъ; пѣсни эти напоминаютъ травы въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ: въ іюнѣ онѣ пышно выростаютъ, а въ іюлѣ совершенно выгораютъ и пропадаютъ. Приведу нѣсколько образчиковъ. Вотъ, напримѣръ, пѣсня «The Old Issue», посвященная лордамъ.

«Вы наложили цѣпи на народъ въ тотъ самый день, когда родилась страна. Въ теченіе вѣковъ вы отказывали намъ въ правѣ обрабатывать собственную землю. Наши предки терпѣливо несли ярмо, надѣтое вами, и рабами ушли въ безвѣстныя могилы. Они были такъ покорны, что вы ихъ считали не людьми, а рабами.

«Вы властвовали долго; наконецъ, вы убѣдили себя, что ваши права божественнаго происхожденія; что вамъ принадлежитъ поверхность земли и всѣ богатства, таящіяся въ нѣдрахъ ея; что когда люди пожинаютъ посѣянное ими, вы должны забрать себѣ возможно большую долю, хотя сами рѣшительно ничего не дѣлаете.

«Мы терпѣли ваше насилье. Мы работали, чтобы обезпечить вамъ досугъ. Мы прибѣгали на вашъ зовъ, какъ трусливый рабъ на кличъ властелина. П[illegible] мы [illegible] и [illegible] вашу

власть, но вы лишь глумились. Въ самомъ дѣлѣ, что значили наши косы и вилы противъ вашихъ мечей и кольчугъ?

«Хитростью и обманомъ вы захватили себѣ лучшія земли. Вы увѣрили насъ, что мы—чужіе въ той странѣ, гдѣ родились. Лорды, вамъ принадлежатъ рыбы въ рѣкахъ и птицы въ воздухѣ. А мы работаемъ всю жизнь, имѣя впереди только отчаянье.

«И долго вы беззаботно валялись на шелковомъ ложѣ. И вамъ не грезилось даже, что наступитъ день, когда ваше безпечальное житье кончится. И вотъ теперь Демосъ пробуждается отъ сна, освѣженный. Вы можете слышать его боевой кличъ. Народъ глядитъ на богатства, захваченныя вами, и спрашиваетъ: «на какомъ основаніи вы владѣете ими?»».

Той же темѣ посвящена «Пѣсня мужей Англіи», пользовавшаяся большимъ успѣхомъ во время выборовъ.

«Есть страна, славная отъ вѣка. Имя ей — дорогая старая Англія. За свободу ея въ былые годы много сражались наши предки. И если мы желаемъ теперь отстоять наши права, то снова должны сгрудиться и нанести ударъ, какъ сдѣлали это наши отцы». Затѣмъ слѣдуетъ припѣвъ:

«Strike! Strike! Englishmen, for freedom,
Comrades, rally to the call,
For the House of Lords says, «Nay»
When the people want their way,
Lo we'll mend it or we'll end it once for all".

(«Разите, разите! Англичане! Товарищи, соберитесь на зовъ для борьбы за свободу. Палата лордовъ сказала нѣтъ, когда народъ выразилъ свое желаніе. Мы поэтому разъ на всегда измѣнимъ или уничтожимъ ее».)

«Когда тори подняли крикъ, что необходимо строить новые дрэдноты, — они не сказали, откуда достать средства. И вотъ явился бюджетъ. Тогда консерваторы начали вопить: «Введите пошлины на пищевые продукты! Пусть рабочіе платятъ за военные корабли.»

«Но мы отстоимъ еще нашъ бюджетъ. Народъ вѣдь не забылъ, какъ во времена протекціонизма кладовыя въ рабочихъ квартирахъ были пусты. Надо обложить налогомъ землю. Пусть и помѣщики внесутъ свою справедливую долю.»

Англичане—большіе любители комическихъ пѣсенъ. И среди «выборной поэзіи» не мало произведеній подобнаго рода. Вотъ, напримѣръ, одна пѣсня.

„Lord Augustus Vere de Vere,
Of me you shall not win a vote:
You thought to catch the country's heart
And on the flowing tide to float.
At me you smiled, but unbeguiled
I saw the snare and refrained;

Descsndent of a hundred earls,
You are not one to be sustained»

(т. е. Лордъ Августъ Веръ де Веръ, мой избирательный голосъ вы не получите. Вы разсчитывали уловить сердца населенія и придти опять съ приливомъ. Вы улыбались мнѣ, но такъ какъ у меня уже раскрылись глава, то я видѣлъ капканъ и напѣвалъ: «Васъ, потомка сотни графовъ, не слѣдуетъ поддерживать»).

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, вы освѣжаете въ моей памяти старыя воспоминанія. Основательница вашего благороднаго рода была болѣе чѣмъ любезна съ веселымъ королемъ Карломъ. Но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что вы и ваши потомки не должны вѣчно составлять законы для Англіи только потому, что ваша прабабушка была хороша собою.

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, основываете ли вы ваше право на любезности веселаго короля Карла или еще на чемъ-нибудь другомъ? Не на томъ ли, въ такомъ случаѣ, что вашъ предокъ укралъ народную землю, огородивъ ее? Вы, повидимому, полагаете, что если вашъ предокъ отнялъ у насъ землю, вы можете отобрать у насъ свободу.

«Лордъ Августъ Веръ де Веръ, вы должны искать себѣ болѣе глупаго ученика. Я говорю про васъ правду и мало печалюсь, если она горька. Попытайтесь залучить на свою сторону тѣхъ, которымъ мило рабство. Они лишь умиляются при видѣ герцогской коронки и питаютъ слѣпую вѣру въ «породу».

Не мало было выпущено «политическихъ басенъ». Вотъ, напримѣръ, басня про «Лордика и про баронета по прозвищу «Денежный Мѣшокъ».

«Лордикъ и сэръ Денежный Мѣшокъ гуляли разъ рука объ руку на морскомъ берегу. Сердце ихъ радовалось при видѣ громаднаго количества песка. «Было бы великолѣпно,—сказали они, — если бы весь этотъ песокъ можно было пустить народу въ глаза».

«Начнемъ доказывать,—сказалъ Лордикъ,—Тому, Гарри, Дику и Джону, что, если они не пойдутъ съ нами, ихъ работа уйдетъ». «Игра стоитъ свѣчей!»—лукаво замѣтилъ сэръ Денежный Мѣшокъ.

«О, рабочіе!—тотчасъ же началъ Лордикъ.—Пойдите вслѣдъ за нами. Обсудимъ дѣло хорошенько. Наша цѣль, конечно, устроить такъ, чтобы вы ничего не платили».

«Одинъ рабочій откликнулся: «какъ хорошо, что такіе важные господа говорятъ съ нами, хотя я совершенно не понимаю ихъ словъ». Товарищъ его сказалъ: «ихъ аргументъ кажется мнѣ слабымъ».

«И тогда заговорилъ сэръ Денежный Мѣшокъ: «Я слышалъ, что радикалы обложили налогомъ вашъ табакъ и ваше пиво. Вотъ почему мы плачемъ. Намъ совсѣмъ не жалко, что нашу землю хотятъ обложить налогомъ».

«Совершенно вѣрно,—вставилъ свое слово Лордикъ.—За демо-

кратію мы готовы умереть». Но тутъ рабочій многозначительно улыбнулся и подмигнулъ товарищу.

«Наступило время обсудить основательно всѣ вопросы,—продолжалъ Лордикъ.—Пора ввести тарифъ и заставить иностранца раскошелиться въ нашу пользу. Но, благодаря вашему Ллойдъ-Джорджу, у насъ все еще старая система фискальныхъ обложеній.

«Стойте!—воскликнулъ рабочій,—мы слышали уже все это. Напрасно станете терять время. Наши глаза раскрылись, и мы вамъ не вѣримъ ни на грошъ.

«Лордикъ и сэръ Денежный Мѣшокъ вздохнули тяжело нѣсколько разъ. Они прокляли безполезный песокъ, лежащій на морскомъ берегу. Въ самомъ дѣлѣ: что въ пескѣ, если его нельзя пустить въ глаза народу»?

VI.

Протекціонисты ожидали побѣду на выборахъ. Бывшій феній, революціонеръ и динамитчикъ г. Гарвинъ, являющійся теперь главнымъ вдохновителемъ консерваторовъ, предсказывалъ въ «Observer», что протекціонисты будутъ имѣть большинство въ 200 голосовъ. Спеціальный корреспондентъ Times'а, выяснивъ въ цѣломъ рядѣ статей положеніе въ разныхъ графствахъ, пришелъ къ заключенію, что у протекціонистовъ будетъ большинство въ 70—80 голосовъ. Особенно поразительныя побѣды протекціонисты ждали въ Лондонѣ. Первый же день выборовъ принесъ съ собою нѣкоторыя разочарованія для консерваторовъ. Первый день предшествующихъ выборовъ 1906 года явился настоящимъ Мукденомъ для консерваторовъ. Были забаллотированы почти всѣ министры кабинета съ Бальфуромъ во главѣ. У премьера въ Манчестрѣ отнялъ мѣсто рабочій, никогда раньше не выставлявшій своей кандидатуры. Въ этомъ году такихъ поразительныхъ сюрпризовъ, доказывающихъ глубокое недовольство населенія своимъ правительствомъ, не было. Весь кабинетъ переизбранъ. Въ первый день консерваторы выиграли нѣсколько мѣстъ; однако, сейчасъ же выяснилось, что нѣтъ «обвала» (landslide) министерской партіи. Опредѣлилось, что протекціонисты не могутъ разсчитывать даже на номинальное большинство въ одинъ голосъ, если выборы и дальше будутъ идти въ такой же пропорціи. И дни шли за днями. Протекціонисты выигрывали мѣста; но не могли добиться абсолютнаго большинства. И когда выборы закончились, консерваторы очутились въ меньшинствѣ, хотя либералы тоже не могли особенно ликовать по поводу побѣды. Постараюсь теперь выяснить положеніе партій.

Послѣ выборовъ 1906 года консерваторовъ было 130, союзныхъ съ ними либераловъ-юніонистовъ (чемберлэновцевъ)—28, либераловъ—383, націоналистовъ—83 и рабочихъ—46. Такимъ образомъ, консервативная партія располагала 158 голосами, а министерство

въ особенныхъ случаяхъ могло располагать 512 голосами. Консервативная партія была совершенно разгромлена. Въ самомъ дѣлѣ, на «солдатскихъ выборахъ» 1900 года консерваторы и юніонисты получили 402 мѣста, либералы только 186, и ирландцы—82.

За четырехлѣтнее пребываніе у власти либералы потеряли на дополнительныхъ выборахъ рядъ мѣстъ. Правда, убыль шла не въ такой пропорціи, какъ у консерваторовъ, когда они стояли у власти, но, тѣмъ не менѣе, она была очень замѣтна. Наканунѣ выборовъ консерваторы и юніонисты имѣли въ Нижней палатѣ 170 мѣстъ, либералы—371, рабочіе—46 и націоналисты—83.

Посмотримъ, какое положеніе дѣлъ создали выборы 1910 года. Выборную карту Англіи можно окрасить въ нѣсколько цвѣтовъ, при чемъ каждый разъ одною краскою надо покрывать цѣлыя графства. Мы видимъ, прежде всего, «кельтское кольцо», т. е. окраины, населенныя шотландцами, валійцами и ирландцами. Когда-то шотландская національность враждовала съ англійской. Теперь отъ этой вражды остались только воспоминанія. Шотландцы давно уже слились съ англичанами въ одну народность. Шотландцы, безъ сомнѣнія, составляютъ самую энергичную, настойчивую, трудолюбивую и практичную часть англійской народности. Ихъ невозможно провести «на мякинѣ» фантастическими тезисами о томъ, что при протекціонизмѣ налоги будутъ платить «иностранцы». Шотландцы слишкомъ практичны для этого. Это—нація, давшая рядъ блестящихъ экономистовъ (Адамъ Смитъ, Макъ-Кулохъ и др.) и финансистовъ. Большіе шотландскіе города отлично понимаютъ всю невыгоду протекціонизма. Что же касается шотландской деревни, то крофтеры имѣютъ старые счеты съ лордами. Къ тому же всего за годъ до выборовъ лорды отвергли земельный билль, спеціально назначенный для Шотландіи. И вотъ вся эта окраина голосовала на выборахъ за радикаловъ. Премьеръ Асквитъ тоже выбранъ въ Шотландіи. Въ этомъ году онъ получилъ даже больше голосовъ, чѣмъ въ 1906 году. Если протекціонисты прошли въ двухъ-трехъ округахъ въ Шотландіи, то только какъ рѣдкое исключеніе. Побѣда объясняется каждый разъ необыкновенной популярностью кандидата. Уэльсъ, какъ города, такъ и каменноугольные округи, лояленъ своему «Дэвиду», т. е. Ллойдъ-Джорджу. Княжество Уэльское голосовало за радикаловъ. У Ирландіи былъ когда-то длинный счетъ къ Англіи. Къ счастью, значительная часть этого счета (вѣротерпимость, земля, мѣстное самоуправленіе, школы)—покрыта уже. Въ счетѣ «неоплаченнымъ» остается еще одинъ только пунктъ—областной сеймъ. Когда-то помѣщики имѣли полное основаніе бояться гомруля. Они были увѣрены, что областной ирландскій сеймъ первымъ дѣломъ устроитъ принудительный выкупъ земли. Теперь — земля выкуплена. Въ западныхъ графствахъ остались еще упорные помѣщики, отказывающіеся продать свои луга; но и этотъ вопросъ почти уже разрѣшенъ. Теперь сопротивленіе противъ «гомруля»

основано, главнымъ образомъ, на старомъ предубѣжденіи. Въ лучшемъ случаѣ вы услышите отъ англичанина, возстающаго противъ областного сейма, такой аргументъ: «Home rule means Rome rule», т. е. гомруль означаетъ господство католической церкви. Протестанты опасаются, что при гомрулѣ верхъ возьмутъ въ Ирландіи католическіе священники и проведутъ законы, стѣснительные для другихъ вѣроисповѣданій. Англиканская церковь судитъ по собственному опыту: она то же самое дѣлала когда-то въ Ирландіи, покуда Гладстонъ не провелъ законъ объ отдѣленіи тамъ церкви отъ государства. Ирландцы протестуютъ противъ такихъ подозрѣній и указываютъ на то, что въ національномъ движеніи участвуютъ одинаково, какъ католики, такъ и протестанты. Парнелль былъ протестантомъ. Итакъ, ирландцы имѣютъ еще одинъ счетъ къ Англіи. И передъ выборами премьеръ обѣщалъ погасить счетъ. Ирландская партія теперь не такъ объединена, какъ въ 1909 году.

Ирландцы были противъ тѣхъ пунктовъ бюджета, въ которыхъ говорится о налогѣ на водку, находя ихъ убыточными для себя. Передъ выборами въ Ирландіи шла полемика по поводу того, какъ держаться по отношенію къ либеральной партіи. Одни доказывали, что ее необходимо поддерживать, такъ какъ она обѣщаетъ гомруль. Другіе отвѣчали, что либералы хотятъ разорить Ирландію новыми налогами на водку. Въ рядахъ націоналистовъ произошелъ расколъ. Большинство партіи, съ вождемъ ея Рэдмондомъ, стояло за коалицію съ либералами противъ общаго врага—лордовъ. Вотъ, напр., выдержка изъ главнаго органа націоналистовъ «The Freeman's journal». «У ирландской партіи одна задача: заколотить покрѣпче гробъ, въ которомъ лежитъ veto лордовъ. И если г. Аскитъ, дѣйствительно, желаетъ покончить съ этимъ veto, онъ всегда найдетъ за собою Ирландскую партію». Съ другой стороны, меньшинство партіи, съ Вильямомъ О'Брайеномъ во главѣ, напало на большинство за то, что оно собирается поддержать бюджетъ и такимъ образомъ «измѣнить Ирландіи». «Нѣтъ больше никакого сомнѣнія въ томъ, что Ирландская партія замышляетъ черную измѣну, подобной которой не было со времени уничтоженія ирландскаго парламента,—пишетъ Вильямъ О'Брайенъ (Надо помнить, что ирландскіе публицисты выбираютъ всегда самыя страшныя прилагательныя, которыя употребляютъ не иначе, какъ въ превосходной степени). Ирландскіе націоналисты собираются помочь правительству въ дѣлѣ проведенія бюджета, который прибавитъ Ирландіи еще два мил. ф. ст. налоговъ. Быть можетъ, ошибочно сказать, что Ирландская партія отвѣтственна за одну изъ самыхъ подлыхъ измѣнъ, когда-либо извѣстныхъ въ исторіи. Фактъ тотъ, что Ирландская партія больше не существуетъ. Съ членами ея болѣе не совѣтуются. Имъ приказываютъ только слѣпо повиноваться и выполнять планы, выработанные предвари-

тельно Диллономъ и О'Коннеромъ *) совмѣстно съ правительствомъ. Ирландскимъ депутатамъ велятъ только голосовать. Всѣхъ талантливыхъ людей независимаго образа мыслей вытѣснили изъ партіи. Вожди собираются допустить въ партію только тѣхъ, которые будутъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Диллона. Ни въ одной странѣ никогда еще не существовало подобной автократіи. Въ исторіи не было примѣра подобнаго загрязненія общественной жизни. Никогда еще ирландскому народу никто не наносилъ подобнаго оскорбленія». Читатели, незнакомые съ манерами ирландской полемики, отнюдь не должны понимать статью Вильяма О'Брайена буквально. Она показываетъ только, что въ рядахъ ирландской партіи опять началась та ожесточенная борьба личностей, примѣры которой мои читатели найдутъ и на востокѣ отъ 11° в. д. по Пулковскому меридіану! Эта борьба личностей, во время которой идейно близкіе люди возводятъ другъ на друга обвиненія въ самыхъ черныхъ поступкахъ, причинила Ирландіи великія бѣдствія.

Въ результатѣ слѣдующее. Изъ выбранныхъ 82 націоналистовъ одиннадцать «о'брайенистовъ». Собственно говоря, и эти одиннадцать не однородны. Мы видимъ тутъ еще «хилистовъ», т. е. послѣдователей Хили.

Перейдемъ теперь къ Англіи. Прежде всего мы должны выдѣлить здѣсь два промышленныхъ міра, т. е. центральныя графства, съ Бирмингэмомъ во главѣ и Ланкаширъ съ Манчестеромъ. Одинъ промышленный міръ обрабатываетъ всѣ ископаемыя вещества, другой—волокнистыя (хлопокъ и шерсть). Первый міръ «кровно» заинтересованъ въ введеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ Германіи фабрикаты. Ланкаширъ также «кровно» заинтересованъ въ томъ, чтобы осталась система свободной торговли. И центральныя графства голосовали за «тарифную реформу», тогда какъ Ланкаширъ высказался противъ протекціонизма. Если въ «черной странѣ», какъ называютъ царство [illegible], въ видѣ рѣдкаго исключенія, прошелъ протекціонистъ, то только вслѣдствіе такъ называемой борьбы «на три угла». Такъ было, между прочимъ, въ [illegible], гдѣ соціаль-демократы выставили одного изъ своихъ [illegible] кандидатовъ. [illegible] въ Англіи нѣтъ перебаллотировокъ, то мѣсто досталось протекціонисту, хотя онъ получилъ только относительное большинство. Большіе промышленные города, кромѣ городовъ съ верфями, которымъ протекціонисты обѣщали громадные заказы, высказались, главнымъ образомъ, за фритредеровъ ([illegible] составляетъ Ливерпуль). Протекціонисты разсчитывали на колоссальную побѣду въ Лондонѣ. Громадная [illegible] въ [illegible] всѣхъ континенталь-

*) [illegible]

нымъ столичнымъ городамъ, которые всѣ настроены болѣе радикально, чѣмъ провинціи,—вообще гораздо консервативнѣе провинціи. Во время «солдатскихъ» выборовъ 1900 г. либералы получили въ Лондонѣ только 8 мѣстъ изъ 59. Только въ 1906 году, в время «обвала» консервативной партіи, либералы отняли у ней въ Лондонѣ 30 мѣстъ. Такимъ образомъ, столица оказалась представленной либеральнымъ большинствомъ. На послѣднихъ выборахъ либералы потеряли въ Лондонѣ 17 мѣстъ, но все же протекціонисты разсчитывали на болѣе блестящую побѣду. Они были увѣрены, напримѣръ, что отнимутъ Батерси у Бернса, но тотъ получилъ большинство въ 555 человѣкъ. Въ Вуличѣ протекціонистъ побѣдилъ «Виля» Крукса, извѣстнаго коммонера рабочаго (ему я посвятилъ въ прошломъ году въ «Русскомъ Богатствѣ» отдѣльное письмо). Побѣда обусловливалась тѣмъ, что Крукса все время не было въ Англіи. Онъ пріѣхалъ въ самый день выборовъ. Результатъ выборовъ въ Вуличѣ можетъ показать, до какого напряженія достигли политическія страсти во время борьбы. Настоятель церкви въ Вуличѣ назначилъ Te Deum въ ознаменованіе избавленія округа отъ соціалиста и врага религіи. Такъ какъ Te Deum могъ кончиться крупнымъ скандаломъ, то епископъ отмѣнилъ его. Главнымъ образомъ протекціонисты имѣли успѣхъ въ сельскихъ округахъ. Были цѣлыя графства, которыя посылали только консерваторовъ. О размѣрахъ пораженія, понесеннаго фритрэдерами въ сельскихъ округахъ, говоритъ 51 мѣсто, потерянное тамъ ими. Успѣхъ протекціонистовъ въ сельскихъ округахъ объясняется многими причинами. Помѣщики надѣются, что тарифныя реформы поднимутъ цѣны на землю. Фермеры разсчитываютъ, что при протекціонизмѣ увеличится спросъ и цѣны на ихъ продукты. Важное значеніе играли «множественные воты»: многіе помѣщики имѣютъ по 5, 6 и больше голосовъ. При помощи автомобилей, владѣльцы плюральныхъ вотовъ могли быстро передвигаться и голосовать въ одинъ день въ разныхъ округахъ.

Затѣмъ надо указать также на устрашеніе темныхъ сельскихъ работниковъ, а въ исключительныхъ случаяхъ — на спаиваніе. Бывали случаи, что сквайръ бился объ закладъ съ своими работниками, кто пройдетъ: фритрэдеръ или протекціонистъ. Сквайръ высказывалъ предположеніе, что пройдетъ фритрэдеръ. Въ случаѣ «проигрыша» онъ обѣщалъ поить пивомъ всѣхъ даромъ. Въ одномъ кабакѣ послѣ «проигрыша» сквайръ заплатилъ 200 ф. ст. за пиво. Нѣкоторые случаи станутъ достояніемъ суда. Посмотримъ теперь, какъ выражаются въ цифрахъ результаты выборовъ 1910 года. Протекціонисты получили 273 мѣста, либералы—275 мѣстъ, націоналисты—82 мѣста и рабочіе—40 (Въ то время, какъ я пишу эту статью, неизвѣстны еще результаты въ трехъ округахъ. Два изъ нихъ, по всей вѣроятности, подадутъ голоса за протекціонистовъ, а одинъ—за фритрэдера). Такимъ образомъ, консерваторы выиг-

рали 103 мѣста, либералы потеряли 96 мѣстъ, а рабочіе—6 мѣстъ, хотя эта потеря, собствено, только номинальная. Въ старомъ парламентѣ рабочая партія представляла собою коалицію изъ собственно рабочихъ депутатовъ и, такъ называемыхъ, «Lib.-lab.», т. е. депутатовъ, поддерживаемыхъ рабочей партіей. Теперь всѣ коммонеры, входящіе въ составъ рабочей партіи, объединены и сплочены. На выборахъ соціалъ-демократы выставили своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ. Газета «Justice» (с.-д.) и «Clarion» (Блэтчфорда) употребили всѣ усилія, чтобы скомпрометировать рабочую партію въ глазахъ массы. «Неужели кто-нибудь вѣритъ, что рабочая партія независима отъ либераловъ?—писалъ «Clarion».—Неужели есть кто-нибудь, знакомый съ исторіей независимой рабочей партіи, который не зналъ бы, что она дальше теперь отъ соціализма и ближе къ либерализму, чѣмъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ?..» «Clarion» доказывалъ дальше, что въ рабочей партіи былъ только одинъ настоящій соціалистъ, Викторъ Грэйсонъ, но отъ него всѣ отвернулись. Соціалъ-демократы выставили восемь кандидатовъ, въ томъ числѣ Гайнмана и Грэйсона. Всѣ они забаллотированы.

VII.

Вслѣдствіе любви къ точности и наглядности, англичане изобразили графически результаты выборовъ. Консерваторамъ результаты представляются въ такомъ видѣ. Рядомъ съ большимъ, жизнерадостнымъ, крѣпкимъ на ногахъ Бальфуромъ стоитъ «живая пирамида». Въ основаніи ея вождь ирландцевъ Рэдмондъ, у него на плечахъ сидитъ вождь рабочихъ Кейръ-Гарди, а на плечахъ у послѣдняго стоитъ Асквитъ, тщетно сохраняя равновѣсіе. [illegible]

беральной партіи не такое отчаянное, какъ изображаютъ консерваторы. Возьмемъ, прежде всего, зависимость отъ ирландцевъ. Въ парламентской исторіи Англіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ извѣстны пять министерствъ, зависѣвшихъ отъ ирландцевъ. Въ числѣ этихъ министерствъ—два консервативныхъ. Первое—фритрэдерское министерство имѣло большинство только въ два голоса. Оно, тѣмъ не менѣе, продержалось у власти слишкомъ пять лѣтъ. Затѣмъ мы видѣли у власти консервативное министерство, имѣвшее большинство въ восемь голосовъ. Министерство Дизраэли (1874—80) всецѣло зависѣло отъ ирландцевъ. Оно продержалось шесть лѣтъ. Наиболѣе памятно гладстоновское министерство, ставшее у власти въ 1892 году. Либеральная партія, вмѣстѣ съ ирландцами, располагала большинствомъ всего только въ 40 голосовъ. Это министерство продержалось три года. Оно осуществило такой важный законопроектъ, какъ гаркортовскій бюджетъ (налогъ на наслѣдства). Несмотря на упорную оппозицію, министерство тогда провело черезъ Нижнюю палату билль о гомрулѣ, который былъ отвергнутъ лордами. Итакъ, коалиція съ ирландцами еще не означаетъ полнаго безсилія и немедленной гибели министерской партіи. Ирландская печать настроена примирительно по отношенію къ либераламъ. Вождь партіи, Редмондъ, говоритъ, что націоналисты будутъ работать вмѣстѣ съ либералами, такъ какъ премьеръ обѣщалъ Ирландіи областной сеймъ. «Революціонность» ирландцевъ не пугаетъ либераловъ, потому что въ нее не вѣрятъ даже тори. Ирландцы представляютъ собою любопытный и не единственный примѣръ народа, глубоко консервативнаго по всей природѣ своей, но котораго уродливая и безсмысленная политика «державной народности» толкала постоянно на путь революціонныхъ эксцессовъ. По природѣ своей оранжисты, т. е. тѣ, которыхъ выставляютъ образцами консерватизма и лояльности, гораздо болѣе прогрессивны и, если хотите, революціонны, чѣмъ ирландцы-католики. Въ націоналистическомъ движеніи теперь принимаютъ участіе сыновья помѣщиковъ, которыхъ когда-то бойкотировали и даже подстрѣливали.

Бернардъ Шоу любитъ парадоксы, но заявленіе, которое онъ дѣлаетъ въ предисловіи къ «John Bull's Other Island»,—совпадаетъ вполнѣ съ дѣйствительностью. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—даже оранжистъ въ глубинѣ души мечтаетъ о самоуправленіи Ирландіи... Какъ человѣкъ здравомыслящій, ирландецъ (протестантъ) не можетъ быть консерваторомъ... Не можетъ быть ничего болѣе ненормальнаго, какъ консервативная протестантская партія, отстаивающая порядокъ, на который посягаетъ революціонная католическая партія... Протестантъ-индивидуалистъ, свободный мыслитель, вѣритъ въ самопомощь... католикъ же... тори, консерваторъ, защитникъ церкви. Послушаніе онъ ставитъ себѣ въ законъ... Только грубая сила можетъ поддерживать этотъ противоестествен-

ный союзъ политической революціи съ папской реакціей, смѣлаго индивидуализма съ подчиненіемъ. Отнимите грубую силу, предоставьте Ирландіи дѣлать что-либо иное, кромѣ кусанія давящей ее руки, и ненормально соединенные политическіе элементы перемѣстятся въ соотвѣтствіи съ истиннымъ протестантизмомъ». Въ моихъ письмахъ я не разъ указывалъ, что вопросъ объ областномъ сеймѣ въ Ирландіи—дѣло недалекаго будущаго. Если вопросъ не будетъ разрѣшенъ либералами, то сдѣлаютъ это консерваторы. Вотъ и теперь, несмотря на то, что консервативная печать коритъ либераловъ за союзъ съ «революціонерами» ирландцами,— «Daily Mail» выступила со статьей, озаглавленной «*Чего хотятъ ирландцы?*» Въ статьѣ доказывается, что въ гомрулѣ нѣтъ ничего страшнаго. Канада, Австралія, Новая Зеландія, Южная Африка имѣютъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ гомруль, а между тѣмъ онѣ ультра-лояльны. Ирландцы, въ сущности, могутъ быть вѣрными союзниками консерваторовъ: они за собственность, за религію и за протекціонизмъ. И т. д.

Перейдемъ теперь къ рабочей партіи. Она вполнѣ независима, но во главѣ ея стоятъ практическіе люди, ставящіе на первый планъ не абстрактный догматъ. Судя по статьѣ Снодэна (одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей рабочей партіи), появившейся въ «Daily News», рабочая партія, сохраняя свою независимость, настроена примирительно по отношенію къ либераламъ. Рабочая партія,—говоритъ Снодэнъ,—не намѣрена ставить министерскую партію въ отчаянное положеніе чрезвычайными требованіями. Рабочіе будутъ настаивать только на выполненіи обѣщаній, данныхъ министрами во время выборовъ. «Правительство не можетъ сдѣлать чрезвычайныхъ уступокъ, даже если бы рабочая партія настоятельно потребовала ихъ,—говоритъ Снодэнъ.—Рабочая партія можетъ вступать въ соглашеніе съ правительствомъ. Министерская партія должна обязаться провести извѣстныя реформы. За это рабочая партія даетъ обязательство поддерживать министерство». «Правительство,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Снодэнъ,—набросало планъ реформъ для борьбы съ безработицей. Этотъ планъ практиченъ, наученъ и вполнѣ пріемлемъ для рабочихъ». Снодэнъ имѣетъ въ виду государственную страховку отъ безработицы. Рабочіе депутаты внесли два года тому назадъ законопроектъ, извѣстный подъ названіемъ *Right to Work Bill*, т. е. право на трудъ. Сводится онъ къ слѣдующему: государство *обязано* или доставить работу индивидууму, нуждающемуся въ ней и желающему трудиться, или поддерживать его. Билль этотъ не прошелъ. Онъ далъ основаніе консерваторамъ ужасаться чрезмѣрности требованій соціалистовъ. Теперь Снодэнъ доказываетъ, что рабочія биржи, открытыя съ 1 февраля, и Development Act,—принятый парламентомъ въ концѣ 1909 года, это—признаніе перваго требованія, заключающагося въ *Right to Work Bill*. Что же касается государ-

ственнаго страхованія отъ безработицы, то это—признаніе второй части билля (Государство *обязано* поддерживать желающаго работать индивидуума, если не найдетъ для него занятій).

Мы видимъ, что рабочіе могутъ сговориться съ либеральной партіей. Рабочую партію теперь больше всего занимаетъ вопросъ объ отмѣнѣ рѣшенія палаты лордовъ по поводу дѣла Осборна. Объ этомъ я писалъ подробно. Суть дѣла заключается въ томъ, что палата лордовъ, какъ высшая судебная инстанція, признала незаконнымъ обязательный сборъ съ членовъ трэдъ-юніоновъ въ пользу парламентской рабочей партіи. Такимъ образомъ, выбранные представители остаются безъ средствъ. По заявленію рабочихъ, рѣшеніе лордовъ имѣетъ для трэдъ юніоновъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ приговоръ по поводу желѣзнодорожной стачки въ долинѣ Тафъ. Читатели знаютъ, что значеніе этого рѣшенія сведено къ нулю закономъ о трэдъ-юніонахъ 1906 года. Теперь рабочая партія будетъ настаивать на проведеніи билля, который узаконилъ бы обязательный сборъ, если большинство трэдъ-юніонистовъ выскажется за него. Отъ того, согласится ли министерство принять билль рабочихъ, какъ правительственный законопроектъ,—зависятъ добрыя отношенія между либеральной и рабочей партіями.

Выборы кончились не абсолютной побѣдой либераловъ; совершенно неизвѣстно, какія комбинаціи могутъ возникнуть въ парламентѣ въ недалекомъ будущемъ; но уже теперь опредѣляются крайне любопытные результаты. Начать съ того, что консервативная партія теперь выставляетъ такую программу соціальныхъ реформъ, которая поразила бы ее своимъ радикализмомъ годъ тому назадъ. Въ первую голову идетъ государственное страхованіе отъ безработицы и другія «соціалистическія» мѣры. Затѣмъ консервативная партія спѣшитъ съ заявленіемъ, что Верхняя палата нуждается въ реформахъ. Въ прессѣ этой партіи появляется цѣлый рядъ проектовъ преобразовать палату наслѣдственныхъ законодателей. Что касается Ирландіи, то мы видѣли отношеніе «Daily Mail». Однимъ словомъ, «консерватизма» и «либерализма» въ старомъ смыслѣ въ Англіи больше нѣтъ. Двѣ главныя партіи раздѣляются между собою отношеніемъ къ таможенной политикѣ и обѣ, силою вещей, вынуждены становиться все болѣе и болѣе демократичными.

Діонео.

Политика.

Англійскіе выборы и англійскій кризисъ.—Дѣла Ближняго и Дальняго Востока.—Текущія событія.

I.

Послѣдніе выборы въ Англіи происходили четыре года тому назадъ, въ январѣ 1906 года. Парламентъ, вышедшій изъ тѣхъ выборовъ, передалъ власть въ руки либераловъ и получилъ отъ избирателей полномочія на проведеніе широкой демократической программы. Воспользоваться этими полномочіями либеральное правительство не могло, вслѣдствіе систематическаго сопротивленія палаты лордовъ всякимъ законодательнымъ начинаніямъ, а въ 1909 году это сопротивленіе лордовъ распространилось и на финансовыя начинанія, чего раньше лорды не дерзали. Конфликтъ обострился и пришлось обратиться къ суду страны. Январскіе выборы 1910 года и были этимъ судомъ.

Напомнимъ сначала поучительныя цифры выборовъ 1906 и 1900 годовъ, которые могутъ служить введеніемъ къ событіямъ 1910 года и показываютъ, какія огромныя амплитуды имѣютъ колебанія политической исторіи великой націи. Въ 1900 году англичане воевали въ Южной Африкѣ съ бурами, страна была возбуждена и духъ имперіализма и джингоизма владѣлъ сердцами народа. Либералы стояли за уступки и миръ и потерпѣли пораженіе. Однако, владѣя большинствомъ въ обѣихъ палатахъ парламента, консерваторы не ограничились покореніемъ буровъ, но провели нѣсколько реакціонныхъ законовъ, встревожившихъ націю, и за это были съ трескомъ удалены отъ власти.

Вотъ эти цифры:

Избрано было:

Въ Лондонѣ.	въ 1900 г.	въ 1906 г.
Либераловъ и раб. партіи . . .	8	42
Консерваторовъ.	54	20
Въ городахъ Соед. королевства.		
Либераловъ и раб.	62	157
Націоналистовъ.	11	13
Консерваторовъ.	149	52
Въ селахъ (графствахъ).		
Либераловъ и раб.	116	231
Націоналистовъ.	71	70
Консерваторовъ.	190	70

Въ университетахъ.		
Консерваторовъ.	9	9
Итого.		
Либераловъ и раб.	186	430
Націоналистовъ.	82	83
Консерваторовъ.	402	157
S. . .	670	670

Либералы и рабочіе показаны вмѣстѣ, потому что въ 1900 году ихъ не раздѣляли въ отчетахъ о ходѣ выборовъ.

Въ парламентѣ 1900 года консерваторы имѣли 402 голоса (въ палатѣ общинъ) противъ 268 всѣхъ остальныхъ партій. Они не нуждались въ союзахъ и коалиціяхъ. Они господствовали безусловно, и господство ихъ невозможно было оспаривать. Палата лордовъ шла объ руку съ палатою общинъ. Консерваторы были вершителями судебъ Британіи.

Въ 1906 году либералы безъ рабочей партіи получили 379 мандатовъ, съ рабочими 430 противъ 291 голоса въ первомъ случаѣ и 240—во второмъ. Они тоже не нуждались въ союзахъ и коалиціяхъ (хотя рабочая партія шла объ руку съ либералами). Они тоже безусловно господствовали, но оппозиція палаты лордовъ парализовала это господство. Имъ удалось провести законъ о пенсіяхъ рабочимъ въ старости, но это единственное демократическое начинаніе, что оказалось возможнымъ осуществить въ теченіе четырехъ лѣтъ правленія либеральнаго кабинета. Даже исправить рѣзко реакціонный клерикальный школьный билль Бальфура лорды не допустили. Билль о принудительномъ выкупѣ земли у ирландскихъ ландлордовъ былъ искаженъ верхнею палатою, которая, наконецъ, отвергла и демократическій бюджетъ. Ясно стало, что никакое правительство, кромѣ консервативнаго, окажется невозможнымъ, если палата лордовъ не будетъ упразднена или реформирована коренннымъ образомъ.

Такимъ образомъ, отмѣна права безусловнаго veto верхней палаты стала основнымъ пунктомъ избирательной борьбы въ январѣ 1910 года. Этотъ пунктъ и демократическій бюджетъ и выдвинули либералы въ своей агитаціи. Консерваторы съ своей стороны постарались на первый планъ поставить вопросъ о введеніи покровительственныхъ пошлинъ, что будто бы уничтожитъ безработицу и повыситъ заработную плату.

Выдвигались, какъ неотразимое доказательство въ пользу протекціонизма, примѣры Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Германской имперіи. Особенно обольстительнымъ былъ примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Очень высокія таможенныя пошлины (порою прямо запретительныя) и очень высокая заработная плата въ Штатахъ какъ бы рекомендовали англичанамъ слѣдовать по пути, одобренному ихъ заатлантическими соплеменниками. Примѣръ Рос-

сіи могъ бы имъ показать совсѣмъ иное: высокія пошлины и весьма низкую заработную плату. Сельское населеніе въ Россіи многочисленно, но бѣдно. Въ Штатахъ тоже многочисленно, но богато. Русскіе селяне не имѣютъ средствъ много покупать, и тутъ никакія пошлины не помогутъ. Если мало покупается, то мало и продается, мало выплачивается и рабочему: понижается плата, растетъ безработица. Богатые же селяне великой американской республики покупаютъ много и даютъ барыши фабрикантамъ и высокую заработную плату фабричнымъ рабочимъ, но безработица нерѣдко угнетаетъ и американскіе рынки. Германія занимаетъ середину между Россіей и Соединенными Штатами. Здѣсь тоже многочисленное сельское населеніе, не такое состоятельное, какъ за Атлантическимъ океаномъ, но гораздо состоятельнѣе, чѣмъ въ Россіи. Здѣсь заработная плата выше русской и ниже американской. Здѣсь безработныхъ больше, чѣмъ въ Америкѣ, и меньше, нежели въ Россіи. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ численности и состоятельности сельскаго населенія.

Въ Англіи сельское населеніе очень малочисленно и уже этого одного было бы достаточно, чтобы не цитировать примѣровъ Америки и Германіи. Кромѣ того, въ Ирландіи и Шотландіи сельское населеніе очень бѣдно. Никакой протекціонизмъ не создастъ здѣсь внутренняго рынка. Внутренній покупатель можетъ быть призванъ къ жизни и въ Англіи, но не покровительными пошлинами. Только возвращеніе подъ культуру обширныхъ территорій, нынѣ, по прихоти ихъ владѣльцевъ, занятыхъ лугами для скотоводства и лѣсами для охоты, могло бы дать толчекъ къ возрожденію внутренняго рынка, а затѣмъ, вообще, подъемъ благосостоянія обширныхъ трудящихся слоевъ населенія. Демократическій бюджетъ 1909 года и дѣлалъ первые шаги по этому пути, но эгоизмъ экономически господствующихъ классовъ заставилъ ихъ выдвинуть на авансцену борьбы никуда не годное по существу средство, но эффектное и способное на первыхъ порахъ произвести серьезное впечатлѣніе. Страшная экономическая сила, исчисляемая сотнями, а можетъ быть, и тысячами милліардовъ, лэндлорды и крупная буржуазія Соединеннаго Королевства, сплотилась для борьбы съ демократіей и для соблазна малыхъ сихъ, кромѣ матеріальнаго давленія и денежныхъ рессурсовъ, пролила крокодиловы слезы надъ участью безработныхъ и недостаточно обезпеченныхъ и обѣщала все исцѣлить таможенною пошлиною.

Отмѣна veto лордовъ и демократическій бюджетъ—это было на выборахъ 1910 года платформою либераловъ, рабочихъ и націоналистовъ.

Протекціонизмъ явился платформою консерваторовъ: *соціализмъ или протекціонизмъ*, произнесъ Джозефъ Чэмберлэнъ, *другого нѣтъ выхода!*

Эти двѣ платформы и предстали на выборъ націи въ избирательной кампаніи съ 15 января по 3 февраля 1910 года.

Огромная сплоченность, огромные матеріальные рессурсы, огромная солидарная дѣятельность и столь же огромный и солидарный обманъ еще не вполнѣ сознательныхъ элементовъ избирательнаго корпуса составляли и могучую силу, и главную надежду консерваторовъ.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ противоположномъ лагерѣ. Своимъ властнымъ поведеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также избирательными интригами противъ своихъ союзниковъ, либералы оттолкнули не только ирландскихъ націоналистовъ, но и рабочую партію, которая шла на выборы, исполненная чувства солидарности съ своими либеральными союзниками.

Превосходная платформа, и не всегда достойное поведеніе, это—либералы.

Недостойная платформа и недостойное поведеніе, но цементированныя солидарностью, энергіей и богатствомъ, это—консерваторы.

Результаты видны изъ нижеслѣдующей таблички.

Избрано было:	*въ 1910 г.*	*въ 1906 г.*
Въ Лондонѣ.		
Либераловъ	25	38
Рабочихъ	4	4
Консерваторовъ . .	33	20
S =	62	62
Въ городахъ.		
Либераловъ . . .	103	129
Рабочихъ	19	18
Націоналистовъ . .	13	13
Консерваторовъ . .	87	52
S =	222	222
Въ графствахъ.		
Либераловъ. . . .	147	212
Рабочихъ	17	19
Націоналистовъ . .	69	70
Консерваторовъ . .	138	70
S =	371	371
Въ университетахъ.		
Консерваторовъ . .	9	9
Итого.		
Либераловъ. . . .	274	379
Рабочихъ	40	51
Націоналистовъ . .	83	83
Консерваторовъ . .	273	157
S =	670	670

Либералы потеряли 105 мандатовъ, рабочая партія—11. Консерваторы выиграли 116 мѣстъ. Они въ меньшинствѣ въ палатѣ общинъ, но настолько сильны, что могутъ импонировать и довольно рѣшительно влiять на ходъ событій. Перспективы либеральной партіи не важныя. Но объ этомъ ниже, а теперь докончимъ обзоръ выборовъ.

Соединенное Королевство (Un ted Kingdom) состоитъ изъ четырехъ частей: англо-Саксонской Англіи (по числу избирателей и депутатовъ, превосходящей остальныя вмѣстѣ), полу-саксонской полу-кельтической Шотландіи и совершенно кельтическихъ Ирландіи и Уэльса.

Англія съ Лондономъ имѣетъ 465 мандатовъ изъ 670, оставляя всего 205 для трехъ другихъ партнеровъ. На голосованіи 1910 года получены были въ Англіи слѣдующіе результаты:

Оказалось выбранными.

Либераловъ	185
Рабочихъ	33
Націоналистовъ	1
Консерваторовъ	229

Здѣсь не включены университеты и нѣкоторые избирательные округа, откуда еще нѣтъ детальныхъ свѣдѣній. Въ 1906 году Англія прислала 292 либераловъ и 45 рабочей партіи. На нынѣшнихъ выборахъ она отняла 107 мѣстъ у либераловъ и 12 у рабочихъ, передавъ ихъ консерваторамъ. Если бы чисто англійскій парламентъ засѣдалъ отдѣльно, то консерваторы противъ всѣхъ остальныхъ партій имѣли бы большинство десяти голосовъ, а съ пятью университетскими—даже пятнадцать.

Кельтическія составныя части Соединеннаго Королевства оказались болѣе стойкими въ своихъ программахъ. Онѣ сохранили колеблющееся большинство за коалиціей противъ лордовъ. Съ такимъ же исключеніемъ четырехъ университетовъ и нѣкоторыхъ запоздалыхъ округовъ даемъ слѣдующія данныя:

Въ Шотландіи.

Либераловъ	53
Рабочихъ	2
Консерваторовъ	9

Въ Уэльсѣ.

Либераловъ	24
Рабочихъ	3
Консерваторовъ	2

Въ Ирландіи.

Либераловъ	1
Націоналистовъ	81
Консерваторовъ	17

Итого.

Либераловъ	78
Рабочихъ	5
Націоналистовъ	82
Консерваторовъ	28

Въ заключеніе этого обзора выборовъ привожу изъ Daily News цифры поданныхъ голосовъ:

Противъ лордовъ		3 503 487
За лордовъ		3 095 616
Большинство противъ	—	407 871

II.

Противъ лордовъ высказалось большинство націи и послало парламентское большинство въ 124 голоса. Это несомнѣнная побѣда, но, можно думать, побѣда Пирра.

Либераловъ 274, консерваторовъ—273 (въ томъ числѣ 264 избранныхъ народомъ и 9 университетскихъ). Если бы обѣ партіи были другъ съ другомъ наединѣ, то такой составъ парламента требовалъ бы или новаго роспуска, или компромисса на основахъ status quo. Но партіи не наединѣ. Имъ соприсутствують еще двѣ партіи съ 123 голосами. Прочная коалиція съ этими голосами или партіей хотя бы съ одною ирландскою можетъ дать постоянное большинство той или другой изъ борющихся партій.

Ирландцы на битву шли солидарно съ либералами. Ихъ лидеръ Редмондъ передъ выборами сказалъ рѣчь о необходимости союза съ либералами. Надо вмѣстѣ съ ними сломить палату лордовъ, а тогда либералы, уже дважды проведшіе гомруль-билль черезъ палату общинъ, конечно, не будутъ въ состояніи отказать ирландцамъ въ гомрулѣ. Они его дадутъ. Что касается бюджета, то въ этомъ между ирландцами не было согласія. И теперь изъ 83 ирландскихъ націоналистовъ, восемь противъ бюджета. За отмѣну veto лордовъ—всѣ. Избирательныя тренія очень охладили союзниковъ. Кромѣ того, ирландцы заподозрили либераловъ въ неискренности. Въ результатѣ почти разрывъ между обѣими партіями.

Гомруль, т. е. политическая автономія Ирландіи, это цѣль націоналистовъ. Отмѣна veto лордовъ—это средство. Но если лорды согласятся на гомруль? Тогда вѣдь можно veto имъ и оставить: вѣдь ирландскія дѣла будутъ рѣшаться не въ Лондонѣ, а въ Дублинѣ, и безъ лордовъ! И вотъ Редмондъ сразу завязываетъ переговоры и съ Асквитомъ, и съ Бальфуромъ. Лидеръ консерваторовъ склоненъ дать автономію. Онъ берется склонить къ тому же и палату лордовъ. Взамѣнъ того ирландцы соединяются съ консерваторами, вмѣстѣ низвергаютъ либеральное министерство и вмѣстѣ утверждаютъ бюджетъ 1910 года, какъ былъ до иниціа-

тивы Ллойда-Джорджа (т. е. приблизительно бюджетъ 1909 года). Дѣло, значитъ, за согласіемъ лордовъ на гомруль и за условіями дальнѣйшей коалиціи.

Съ Асквитомъ у Редмонда пошли совсѣмъ иныя рѣчи. Вашъ демократическій бюджетъ мы поможемъ утвердить, но только послѣ того, какъ проведете anti-veto-bill. Такая постановка вопроса ирландцами совершенно понятна. Имъ прежде всего надобно устранить главное препятствіе гомрулю, лордовъ. Безъ этого націоналисты не согласны поддерживать министерство и оно осуждено на паденіе. Въ этомъ вопросѣ и рабочая партія солидарна съ націоналистами, потому что лорды стоятъ поперекъ дороги всякимъ демократическимъ начинаніямъ. И рабочіе такъ же, какъ и націоналисты, не довѣряютъ либераламъ, ихъ искренности и ихъ готовности до конца исполнить свои обѣщанія.

Это недовѣріе въ средѣ лѣвыхъ партій и есть Ахиллесова пята либеральнаго кабинета. Но есть еще и другая опасность. Король уже уклонился дать Асквиту обѣщаніе пригрозить лордамъ новыми назначеніями въ ихъ среду. *Пусть лорды опять отвергнутъ бюджетъ, тогда я могу это сдѣлать*, будто бы сказалъ Эдуардъ, *а до тѣхъ поръ мое вмѣшательство не будетъ вполнѣ конституціонно.* Между тѣмъ, для исполненія кабинетомъ требованія ирландцевъ и рабочихъ о пріоритетѣ anti-veto-bill'я необходимо обѣщаніе короля.

Такимъ образомъ, въ тиши происходятъ переговоры вождей и зрѣютъ важныя событія. Тянули нѣкоторое время съ тронною рѣчью, но пришлось, однако, ее прочесть передъ обѣими палатами. Король самъ читалъ, лорды сидѣли, члены палаты общинъ, со своимъ спикеромъ во главѣ, стояли за рѣшеткой, все, какъ во времена Джона Безземельнаго, хотя дѣйствительная реальная власть не у сидящихъ лордовъ, а у почтительно стоящихъ коммонеровъ.

Прочитанная въ понедѣльникъ 21 (8) февраля тронная рѣчь сначала, по обычаю коснулась внѣшней политики, констатируя отличныя отношенія со всѣми державами, сообщила объ успѣшной реформѣ законодательныхъ совѣтовъ въ британской Индіи и заявила о необходимости еще повысить расходы по морскому вѣдомству. Эта часть рѣчи была прослушана всѣми партіями съ удовлетвореніемъ. Жгучіе вопросы упомянуты въ концѣ рѣчи. Сначала о бюджетѣ. Потомъ о лордахъ, именно, указывается на серьезныя затрудненія, возникающія вслѣдствіе нерѣдкаго разногласія между Верхнею и Нижнею палатами. Тронная рѣчь говоритъ, что будутъ внесены «предложенія, направленныя къ точному опредѣленію отношеній между обѣими палатами въ томъ смыслѣ, что палатѣ общинъ предоставляется полная компетенція въ финансовыхъ вопросахъ и превосходство въ отношеніи законодательства».

Асквитъ въ обстоятельной рѣчи дополнилъ лаконизмъ тронной

рѣчи. Премьеръ заявилъ, что главною задачею настоящей сессіи правительство ставитъ вопросы о бюджетѣ и о правѣ veto палаты лордовъ. Впереди будетъ выдвинутъ вопросъ о veto. Палатѣ общинъ будутъ предложены резолюціи по этому вопросу. Только послѣ того, какъ палата общинъ ясно и точно въ этихъ резолюціяхъ выскажетъ свой взглядъ, будетъ направленъ въ палату лордовъ бюджетъ съ дарованіемъ ему обратной силы, а резолюціи будутъ уже въ формѣ спеціальнаго билля внесены на разсмотрѣніе парламента. «Правительство,—сказалъ Асквитъ,—связываетъ свою судьбу съ судьбою этихъ двухъ биллей».

За Асквитомъ говорилъ Редмондъ. Онъ заявилъ, что ирландцы поддержатъ кабинетъ и согласятся теперь же утвердить бюджетъ, если кабинетъ обѣщаетъ, что anti-veto-bill станетъ закономъ уже въ этомъ году. А можетъ ли это обѣщать Асквитъ? Король уже заговорилъ. Именно здѣсь и видна черная точка всего политическаго положенія. Заявленіе Редмонда показываетъ, что соглашеніе съ нимъ еще не достигнуто. Въ этомъ опасность.

Бальфуръ по жгучимъ вопросамъ пока молчитъ. Закулисные переговоры, очевидно, не закончены. Бальфуръ ограничился тѣмъ, что выразилъ удовольствіе по поводу той части тронной рѣчи, въ которой упоминалось о необходимости увеличить расходы по морскому вѣдомству. Извѣстно, что нападки на недостаточную заботливость либеральнаго кабинета о морской оборонѣ британскихъ острововъ служили въ рукахъ консерваторовъ однимъ изъ ихъ козырей во время избирательной борьбы.

Телеграммою агентства Рейтера отъ 23 (10) февраля с. г. сообщается, что Редмондъ сдѣлалъ новое заявленіе о положеніи, которое займетъ ирландская національная партія по отношенію къ кризису, переживаемому министерствомъ Асквита. Редмондъ сказалъ, что въ настоящемъ фазисѣ кризиса націоналисты не будутъ дѣлать затрудненій правительству. Такое же заявленіе сдѣлали и авторитетные вожди рабочей партіи. Иначе говоря, Асквитъ и его министерство не будутъ низвергнуты. Имъ дается срокъ выполнить ихъ программу, которая является и программою націоналистовъ и рабочихъ. Эти партіи хотятъ испытать степень искренности либераловъ, увѣренность въ которой поколеблена избирательными махинаціями.

Назначитъ ли король необходимое число новыхъ лордовъ для проведенія черезъ верхнюю палату финансоваго билля (бюджета) и anti-veto-bill'я—въ этомъ весь вопросъ. Отказъ короля въ такомъ назначеніи не былъ бы явнымъ нарушеніемъ писанной конституціи, но явнымъ нарушеніемъ всѣхъ конституціонныхъ традицій британскаго парламентаризма. Рѣшится ли на это Эдуардъ VII, до сихъ поръ образецъ лояльности и конституціонной корректности?

Діагнозъ кризиса довольно отчетливо выяснился. Прогнозъ— затруднителенъ.

III.

Дѣла на Ближнемъ Востокѣ развиваются въ опасномъ направленіи. Центромъ опасности является все та же несчастная Греція съ военнымъ бунтомъ во главѣ управленія. Министерство Мавромихалиса, поставленное самою военною лигою, было низвергнуто этою лигою за недостаточное послушаніе распоряженіямъ офицерскаго комитета. На его мѣсто, по требованію этого комитета, было назначено министерство Драгумиса, при чемъ военнымъ министромъ назначенъ глава военной лиги Сорбасъ. Былъ созванъ безгласный парламентъ, который утвердилъ созывъ національнаго (учредительнаго) собранія, но, согласно настоятельному совѣту державъ, назначилъ выборы на осень 1910 года. Державы этого потребовали съ цѣлью дать успокоиться возбужденію и въ надеждѣ, что это успокоеніе лишитъ критскій вопросъ опаснаго и остраго значенія. Однако, господамъ офицерамъ военной лиги это не понравилось и они выступили съ требованіемъ, чтобы выборы въ національное собраніе были произведены немедленно.

Между тѣмъ, Турція приняла всѣ необходимыя предварительныя мѣры, чтобы нанести грекамъ серьезный ударъ въ случаѣ, если бы національное собраніе приняло въ свой составъ критскихъ депутатовъ и тѣмъ признало бы присоединеніе Крита къ греческому королевству. Сто пятьдесятъ тысячъ отборнаго турецкаго войска сосредоточено на горахъ Олимпа и въ долинѣ Быстрицѣ, отлично вооруженнаго и снабженнаго. Войска продолжаютъ прибывать, и греческая граница обкладывается все тѣснѣе и тѣснѣе. Въ Эпирѣ военныя приготовленія носятъ преимущественно оборонительный характеръ (хотя албанцы къ чему то готовятся), но въ Өессаліи турки намѣрены быстрымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ нанести ударъ всѣмъ шовинистскимъ замысламъ господствующей въ Аөинахъ военной партіи. Таково заявленіе турецкихъ министровъ, и едва ли какая-либо держава пожелаетъ имъ помѣшать въ этомъ. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, что созванное немедленно національное собраніе приметъ въ свою среду критскихъ депутатовъ и приведетъ къ военному конфликту съ Турціей.

Греки тоже готовятся къ войнѣ. Ихъ армія тоже сосредоточена въ Өессаліи съ главною квартирою въ Ларисcѣ, съ корпусными квартирами въ Кардитѣ, Воло и Ларисcѣ. Если армія укомплектована, то три корпуса составятъ съ добровольцами (всегда многочисленными въ Греціи) до 110—115 тыс. храбраго и патріотическаго войска, но значительныя силы оставлены въ Аөинахъ и отряды въ разныхъ частяхъ страны. Военная лига не довѣряетъ

населенію. Поэтому тысячъ 30—35 не выведены въ Өессалію. Кромѣ того, отъ 10 (23) февраля сообщаютъ, что Драгумисъ сдѣлалъ распоряженіе по өессалійскимъ желѣзнымъ дорогамъ о постоянной готовности поѣздовъ въ Лариссѣ, Воло и Кардитѣ для перевозки войскъ въ Аѳины и другія ненадежныя мѣста. Затѣвать внѣшнюю войну и готовиться къ междоусобной,—таковъ тотъ опасный тупикъ, куда завела греческую націю военная лига, продолжающая свою тираннію. Она не дозволила королю повидаться со старшимъ сыномъ, наслѣдникомъ Константиномъ. Она деспотически диктуетъ парламенту законы. Она уже вызвала протестующее движеніе во флотѣ и манифестаціи протеста въ Аѳинахъ. Манифестантамъ она грозитъ военной репрессіей.

И здѣсь діагнозъ давно ясенъ. Прогнозъ установить невозможно.

У Турціи были непріятности съ Болгаріей, но, кажется, совершенно улажены, и съ этой стороны новому турецкому режиму опасности, повидимому, не предвидится. Была, однако, тревожная телеграмма, что не только въ Аравіи, но и въ Сиріи и въ Месопотаміи арабы возстаютъ противъ турковъ. Телеграмма эта, однако, не изъ Дамаска или Бейрута, но изъ Берлина и можетъ оказаться уткою. Утиный заводъ въ берлинской прессѣ довольно обширный. Во всякомъ случаѣ, прошло нѣсколько дней, а фактовъ въ этомъ направленіи не огласилось. Надо помнить все таки, что столкновеніе между арабами и турками возможно. Надо помнить такъ же, что кромѣ 250 тысячъ низами (войска первой линіи, всегда подъ ружьемъ), турки имѣютъ еще 600—650 тысячъ редифа, составляющаго войска 2-ой линіи, такъ же хорошо обученныя, какъ и низамъ, а затѣмъ еще ополченіе (ихтіатъ и мустахфизъ). Даже соединеннымъ грекамъ и арабамъ не сломить турецкія вооруженныя силы, но соединеніе арабовъ и грековъ едва ли мыслимо. Именно въ Сиріи они постоянно враждуютъ. За всѣмъ тѣмъ для самой Турціи и ея новаго режима было бы лучше не столько полагаться на свою военную силу, сколько справедливымъ признаніемъ національныхъ правъ арабовъ привязать ихъ къ общему отечеству. Константинопольское правительство уже допустило въ этомъ отношеніи аналогичную ошибку въ Македоніи и возстановило противъ себя македонскихъ болгаръ. Вмѣсто реформъ, которыхъ все еще ожидаетъ Македонія, пущены были въ ходъ репрессія, военныя экспедиціи, висѣлицы, а это вызвало новое четническое движеніе...

Во всякомъ случаѣ, несмотря на тучи, появившіяся на горизонтѣ Ближняго Востока и на зловѣщіе слухи по поводу этихъ тучъ, покуда дѣла на этомъ Востокѣ надо признать сносно удовлетворительными. Кровь еще не льется, не гремятъ пушки, не горятъ города и села. И есть надежда избѣгнуть всѣхъ этихъ горестныхъ перспективъ. Пусть воронье, котораго всегда найдется, зловѣще каркаетъ, но, можетъ быть, все ограничится нашествіемъ

утокъ на вѣнскія и берлинскія газеты (иногда и на другія), испуганныхъ карканьемъ хищниковъ. Воронье усердно каркаетъ и про дѣла Дальняго Востока. Насъ все хотятъ убѣдить, что весною разразится вторая русско-японская война, къ которой присоединится и русско-китайская.

Усердно въ этомъ смыслѣ каркаютъ изъ Берлина, но еще усерднѣе изъ нѣкоторыхъ петербургскихъ редакцій, до 1904 года собиравшихся Японію шапками закидать, а нынѣ празднующихъ труса передъ тою же Японіею и съ ужасомъ всякій мелкій симптомъ толкующихъ, какъ надвигающуюся грозу. Такъ, изъ Харбина *Новому Времени* отъ имени биржевого комитета телеграфируютъ: «Съ новаго года китайцы запретили подвозъ хлѣба на желѣзную дорогу. Хлѣбная компанія сорвана, убытки несчислимые. Русской колоніи грозитъ голодъ; войсковые поставщики расторгли контракты; снабженіе Пріамурья прекратилось. Зимующіе здѣсь и въ Благовѣщенскѣ пароходы остались безъ грузовъ, а уссурійскія мельницы безъ зерна». Газета бьетъ тревогу. Трусы празднуютъ труса. Ясно, что весною будетъ война! Между тѣмъ, дѣло разъяснилось проще. Въ Манчжуріи большой неурожай, многимъ мѣстностямъ угрожаетъ голодъ, въ виду чего китайское правительство и воспретило вывозъ хлѣба изъ Манчжуріи. Затѣмъ, по представленію русской дипломатіи, китайцы разрѣшили временно подвозъ изъ нѣкоторыхъ менѣе пострадавшихъ мѣстностей. Азартъ былъ совершенно напрасный.

Быть можетъ, однако, этотъ случай послужитъ урокомъ русской администраціи, которая забыла пословицу: «На чужой каравай рта не разѣвай». Подъ бокомъ Забайкалье, гдѣ всегда хлѣба достаточно. Оно и кормило сначала Пріамурье. Оно же дастъ теперь и пищу пріамурскому населенію, и грузы пароходамъ. Не все ли равно пароходчикамъ, вести зерно нерчинскаго или гиринскаго происхожденія? Позади Забайкалья лежатъ Восточная и Западная Сибирь, давно ищущія рынковъ для своего хлѣба. Желѣзная дорога его доставитъ въ Пріамурье. Наконецъ, моремъ можетъ быть доставленъ хлѣбъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Австраліи. Надо только немного заботы...

Нѣкоторая черная точка на Дальнемъ Востокѣ видна со стороны Цзинь-Чжоу-Айгунской желѣзной дороги. Извѣстно, что китайское правительство уже даровало концессію на сооруженіе этой линіи американской компаніи. Россія и Японія протестовали, Англія ихъ поддержала, но послѣднія извѣстія изъ Вашингтона гласятъ, что американская компанія, опираясь на полученную концессію, готовится приступить къ сооруженію дороги. Отъ Цзинь-Чжоу до Цицикара препятствій не встрѣтится, но у Цицикара, немного не доходя, надо будетъ перейти полосу отчужденія восточно-китайской желѣзной дороги (какъ оффиціально именуется манчжурка). Здѣсь могутъ возникнуть тренія, но не съ японцами, а съ

американцами. До разрыва дѣло, конечно не дойдетъ, а будетъ найденъ компромиссъ. Весьма вѣроятно, что онъ будетъ найденъ и до начала постройки.

IV.

Венгерскій кризисъ продолжаетъ развиваться. Кунъ-Хедервари теперь работаетъ надъ подготовкою выборовъ, которые дальше осени отложить нельзя, не дѣлая государственнаго переворота. Самъ первый начавшій въ бытность хорватскимъ баномъ серію нарушеній хорватской автономіи, теперь онъ началъ свою министерскую дѣятельность съ отставки бана Рауха, особенно ненавистнаго хорватамъ, которыхъ сеймъ онъ разогналъ и, пріостановивъ дѣйствіе конституціи, управлялъ бюрократически и произвольно. Конечно, Раухъ исполнялъ волю императора Франца-Іосифа, но эта политика все таки связана съ его именемъ, да и не всякій бы и взялся проводить ее въ жизнь. Раухъ взялся, и вотъ Кунъ-Хедервари его перваго приноситъ въ жертву, отставляетъ отъ должности, а конституцію возстановляетъ въ силѣ. Будутъ выборы, соберется Загребскій сеймъ и Кунъ-Хедервари можетъ надѣяться, что хорваты пришлютъ въ Будапештскій сеймъ депутатовъ, склонныхъ поддерживать его политику. Divide et impera, давно сказано.

Хорваты, послѣ мадъяръ, самая сильная и сплоченная національная группа. Ими заручиться не худо. Нѣмцы будутъ поддерживать Куна ради своего кайзера. Но вѣдь надо же и мадъяръ. Графу удалось сговориться со Стефаномъ Тиссой, который собралъ вокругъ себя остатки бывшей либеральной партіи, которая четверть вѣка стояла во главѣ правительства и ладила съ Вѣной. Ея уступчивость Вѣнѣ и цѣлый рядъ скандальныхъ разоблаченій и повели къ ея распаденію. Теперь Тисса и Хедервари вновь ее организовали, и она составила ядро будущей министерской партіи. Затѣмъ она усилилась распаденіемъ такъ называемой конституціонной партіи. Лидеръ этой послѣдней гр. Андраши дѣйствовалъ въ продолженіе кризиса солидарно съ вождями другихъ партій и вмѣстѣ съ Векерле, Аппоньи, Кошутомъ и Юстомъ требовалъ отдѣльнаго венгерскаго банка и таможенной автономіи. Однако, въ его партіи нашлись недовольные позиціей, занятой графомъ Андраши. Когда съорганизовалась «либеральная» партія, то этихъ недовольныхъ оказалось уже большинство и на собраніи партіи рѣшено ее упразднить. Значительное большинство вошло въ составъ партіи Стефана Тиссы. Бывшіе либералы, бывшіе конституціоналисты, хорваты и нѣмцы, вотъ тѣ элементы, на которыхъ Хедервари можетъ опереться на выборахъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ даровалъ Босніи и Герцеговинѣ конституцію, жалкую хартію, исполненную противорѣчій и стремленіемъ поселить раздоръ между разными группами населенія.

Полнаго текста ея мы еще не имѣемъ и вернемся еще къ этому событію, если это потребуется, когда получимъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Императоръ издалъ эту хартію отъ своего только имени, какъ неограниченный монархъ аннексированныхъ провинцій, но уже раздались протесты, что актъ долженъ былъ пройти и черезъ вѣнскій, и черезъ будапештскій парламентъ.

Въ Пруссіи внесенъ въ ландтагъ законопроектъ объ избирательной реформѣ, вызвавшій справедливое негодованіе всѣхъ культурныхъ слоевъ Германіи. Берлинскій кайзеръ конкурируетъ съ вѣнскимъ въ насажденіи реакціи. Событія эти еще не выяснились.

С. Южаковъ.

Крушеніе уральской горной промышленности.

На Уралѣ среди горно-рабочаго населенія развивается голодовка, которая угрожаетъ охватить весь горнозаводскій районъ. Тамъ происходитъ, повидимому, полное крушеніе старой горнозаводской промышленности. Уцѣлѣютъ, вѣроятно, лишь немногія отдѣльныя предпріятія. Въ настоящее время нѣкоторые заводы уже закрыты, остальные сократили производительность или готовятся ликвидировать дѣло. Въ будущемъ,—при дальнѣйшемъ сокращеніи производства и по мѣрѣ проѣданія рабочими своего имущества (продаются скупщикамъ избы, усадьбы, скотъ),—положеніе ихъ будетъ прогрессивно ухудшаться.

Конечно, для Россіи голодовки — не новость: крестьяне земледѣльческихъ мѣстностей почти ежегодно голодаютъ то здѣсь, то тамъ. Но все же, какъ ни ужасна крестьянская голодовка, она прекращается съ наступленіемъ новаго урожая. Голодовкѣ горнорабочихъ не предвидится конечнаго срока даже и въ отдаленномъ сравнительно будущемъ, потому что когда выростетъ на развалинахъ старой новая промышленность—никому не извѣстно. Переходъ же горнозаводскихъ мастеровыхъ къ какимъ-либо другимъ заработкамъ въ ближайшемъ будущемъ не возможенъ, потому что, благодаря практиковавшейся почти до послѣднихъ дней политикѣ пресѣченія всякихъ «постороннихъ» занятій въ предѣлахъ заводскихъ округовъ (дабы населеніе не отвлекалось отъ заводскихъ работъ), здѣсь почти не существуетъ никакой промышленности, кромѣ горной. Это преслѣдованіе «постороннихъ» занятій было столь сурово и настойчиво, что, напримѣръ, огнедѣйствующія кустарныя производства воспре-

щались безусловно *). Поэтому гвоздарни, слесарни, кузницы, гончарныя и т. п. заведенія считались преступнымъ дѣломъ и, если кое-гдѣ возникали, то подъ страхомъ разгрома. Теперь отношеніе къ кустарной промышленности измѣнилось. Во имя интересовъ заводскаго дѣла она уже не преслѣдуется, наоборотъ, — теперь говорятъ о необходимости развитія мѣстныхъ металлообрабатывающихъ промысловъ для расширенія сбыта заводскихъ продуктовъ. Но послѣдствія многолѣтней политики «пресѣченія» не такъ-то легко вычеркнуть изъ жизни. По щучьему велѣнью безработный мастеровой безъ денегъ, кредита и орудій производства не превратится въ промышленника, хотя бы и мелкаго, и потому едва ли стоитъ говорить о такомъ чудесномъ превращеніи, какъ о средствѣ спасенія горнорабочихъ отъ голодовки.

Затрудненія, переживаемыя уральской горной промышленностью, хотя и называютъ почему то «кризисомъ», но въ сущности никакого сходства съ кризисомъ въ общепринятомъ значеніи этого слова они не имѣютъ. Дѣло въ томъ, что кризисы, время отъ времени испытываемые отдѣльными отраслями промышленности, являются слѣдствіемъ перепроизводства продуктовъ. Для Урала корень зла заключается не въ производствѣ, а въ технической отсталости заводовъ, въ неумѣлой организаціи дѣла, и вообще въ неприспособленности предпріятій для жизни въ нормальныхъ условіяхъ. Уральскій кризисъ это — расплата за 2 вѣковую монополію и за чрезмѣрную покровительственную политику, которая, съ одной стороны, стоила потребителямъ и казнѣ милліарды рублей, а съ другой — до такой степени усыпила энергію предпринимателей и остановила техническій прогрессъ заводовъ—подачками, льготами, запретительными таможенными пошлинами и т. п. мѣрами,—что при первомъ же появленіи внутренняго конкурента, зародившагося по сю сторону таможенной стѣны, Уралъ оказался совершенно передъ нимъ беззащитнымъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что легкой побѣдѣ надъ Ураломъ новоявленнаго конкурента много способствовало чудовищное мотовство уральскихъ магнатовъ, безпощадно расточавшихъ извлекаемыя изъ предпріятій богатства, не заботясь ни о запасныхъ фондахъ на черные дни, ни о техническихъ улучшеніяхъ заводовъ.

«Внутреннимъ врагомъ», вызвавшимъ уральскій кризисъ, явилась южно-русская металлургическая промышленность, зародившаяся въ концѣ 1870-хъ годовъ минувшаго столѣтія и съ тѣхъ

*) Въ казенныхъ заводахъ—закономъ (ст. 11 положенія о населеніи казенн. горн. зав.), а въ частныхъ—практикой, произвольно роспространявшей это запрещеніе на все заводское населеніе Урала Остальныя (не огнедѣйствующія) мелкія и кустарныя производства воспрещались на многихъ частныхъ и посс. заводахъ особыми условіями, прилагавшимися къ уставнымъ грамотамъ.

поръ быстро развивавшая свою производительность. До самаго последняго времени уральскіе магнаты не усматривали, однако, въ этомъ новомъ горнозаводскомъ районѣ ближайшей для себя опасности и не готовились къ ея отраженію. Можетъ быть, имъ было трудно представить возможность крушенія тѣхъ порядковъ, которые держались съ Петровскаго времени незыблемо. А сущность этихъ порядковъ заключалась въ томъ, что заводчики были всегда господами рынка и изготовляли продукты, какіе хотѣли и какъ хотѣли, продавали свои продукты, опять-таки кому хотѣли, и цѣны брали, какія имъ угодно было установить. Покоились такіе порядки на томъ фактѣ, что производительность русскихъ металлургическихъ заводовъ всегда отставала отъ спроса, и послѣдній никогда не удовлетворялся сполна. Съ начала 1900 годовъ положеніе мѣняется. Въ эти годы, благодаря южной промышленности, производство догнало спросъ и въ результатѣ явилось небывалое и невиданное до сего времени зрѣлище конкуренціонной борьбы между двумя горнозаводскими районами, въ результатѣ которой Уралъ оказался побѣжденнымъ, при чемъ выяснилось, что большинство уральскихъ предпріятій могло существовать только въ искусственной атмосферѣ и совершенно неспособно къ жизни въ нормальныхъ условіяхъ,—за невозможностью для нихъ вырабатывать достаточно дешевые продукты. Для того, чтобы возродиться, Уралъ долженъ заново перестроиться и заново переорганизоваться. Когда и при какихъ обстоятельствахъ начнется это переустройство—предугадать невозможно. Во всякомъ случаѣ, въ ближайшіе годы этого ожидать нельзя.

Такимъ образомъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ населенія уральскаго горнаго района является чрезвычайно серьезнымъ и при томъ неотложнымъ вопросомъ. Правительство,—каково бы ни было его отношеніе къ трудовымъ классамъ,—не можетъ остаться къ нему безучастнымъ, не можетъ хотя бы потому, что ужасы вымиранія милліоннаго населенія слишкомъ ужъ сильно ударили бы по нервамъ и, кромѣ того, привлекли бы къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Съ другой стороны, уральскіе горнорабочіе имѣютъ особое основаніе разсчитывать на помощь со стороны государства. Это особое основаніе заключается въ томъ, что они были поставлены законами государства и органами государственной власти въ совершенно исключительныя условія, съ цѣлью прикрѣпленія ихъ къ заводамъ, при чемъ судьба мастеровыхъ намѣренно связывалась крѣпкими путами съ заводскимъ производствомъ для предупрежденія недостатка рабочихъ рукъ. Изъ этихъ именно соображеній мастеровымъ не были даны земельные надѣлы при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости (кромѣ усадьбы, 200 кв. саж. выгона и 1 дес. покоса на ревизскую душу), и по той же причинѣ ставились препятствія къ развитію среди заводскаго населенія промышленныхъ производствъ и кустарныхъ промысловъ.

Ясно, что, предпринимая политику искусственнаго прикрѣпленія горнорабочаго населенія къ заводамъ, правительство возлагало на себя и отвѣтственность за послѣдствія этой политики.

Исходя изъ этой отвѣтственности, принятой на себя государствомъ, не трудно доказать право уральскихъ горнорабочихъ на помощь съ его стороны болѣе существенную, чѣмъ продовольствіе хлѣбомъ (или деньгами) въ теченіе года изъ разсчета по 2 пуда на взрослаго и по 1 пуду на малолѣтняго ежемѣсячно, о чемъ говорилъ министръ торговли и промышленности въ отвѣтъ на запросъ Государственной Думы по поводу Нижнетагильскихъ поссес. заводовъ. Изъ помянутаго отвѣта министра торговли и промышленности, къ сожалѣнію, можно усмотрѣть лишь то, что правительство не сознаетъ всей тяжести этой отвѣтственности, которая усугубляется тѣмъ, что къ моменту катастрофы, такъ долго подготовлявшейся, у него (правительства) не оказалось никакого плана дѣйствій, кромѣ шаблонной мѣры прокорма голодающихъ въ теченіе года, какъ будто по прошествіи этого года явится откуда-то изобиліе плодовъ земныхъ. На самомъ же дѣлѣ слѣдующій за прокормомъ годъ только ухудшитъ положеніе.

Многое можно было бы сказать о томъ, что именно слѣдуетъ предпринять для предупрежденія надвигающагося бѣдствія за счетъ обязательствъ, вытекающихъ изъ принятой на себя государствомъ отвѣтственности за дальнѣйшую судьбу уральскаго горнорабочаго населенія, но касаться этого вопроса теперь я не буду. Цѣль настоящей замѣтки гораздо скромнѣе. Не о затратахъ государства на поддержаніе этого населенія я буду говорить и не о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы обезпечить ему приложеніе своего труда а только о томъ, чтобы государство оказало дѣйствительную защиту голодающему населенію отъ хищническихъ посягательствъ на то достояніе, какое у послѣдняго имѣется, и на тѣ имущественныя права, которыми оно располагаетъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ такое ужъ слишкомъ скромное желаніе, потому что вѣдь всѣ и каждый могутъ требовать подобной защиты отъ государства и отказать въ ней оно никому не можетъ. Между тѣмъ вопросъ о дѣйствительной защитѣ достоянія и имущественныхъ правъ населенія этой окраины вовсе не пустой вопросъ. Убѣдиться въ томъ, что это не пустой, а, можетъ быть, одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ мѣстной жизни, не трудно, хотя бы сравненіемъ тѣхъ средствъ защиты, которыми располагаютъ горнозаводскіе крестьяне съ вооруженіемъ посягателей на ихъ достояніе и имущественныя права—заводовладѣльцевъ. Первые не имѣютъ ни денежныхъ средствъ, ни вліятельныхъ покровителей, у нихъ нѣтъ въ услуженіи ни опытныхъ юристовъ, ни благосклонно относящагося къ нимъ мѣстнаго начальства. Уральскіе заводовладѣльцы имѣютъ все это въ избыткѣ. Прежде всего многіе изъ нихъ сами достаточно вліятельные люди, нѣтъ у нихъ

недостатка ни въ высокихъ покровителяхъ, къ которымъ можно смѣло забѣжать съ задняго крыльца въ нужную минуту, ни въ наемныхъ перьяхъ и законникахъ. Заводчики собираются въ съѣзды, имѣютъ постоянное бюро. Они объединяются въ профессіональные союзы и синдикаты, участвуютъ во всероссійской организаціи фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ одномъ только они чувствуютъ теперь недостатокъ—въ деньгахъ. Но если ихъ нѣтъ для расплаты съ рабочими, то на судебныя и другія тяжбы съ населеніемъ деньги у нихъ всегда находятся. Все это въ общемъ составляетъ такое солидное вооруженіе, предъ которымъ защитныя средства населенія совершенно ничтожны и не спасаютъ его даже отъ такихъ посягательствъ, которыя по своему существу явно нелѣпы. Напримѣръ, захотѣли заводчики, чтобы лѣсъ, растущій на собственной землѣ крестьянъ, принадлежалъ имъ, заводчикамъ, и эта юридическая нелѣпость сейчасъ же воспріяла силу. Такой лѣсъ сталъ считаться собственностью заводчиковъ. Послѣ рѣшенія вопроса въ этомъ именно смыслѣ мѣстнымъ губернскимъ присутствіемъ настоящихъ собственниковъ настойчиво преслѣдовали за «самовольныя» порубки на ихъ же землѣ. Случалось, сажали въ тюрьму только за то, что эти злосчастные земельные собственники свозили срубленный заводоуправленіемъ на ихъ участкахъ лѣсъ къ себѣ на храненіе, не взирая на то, что эта процедура передачи на храненіе совершалась по распоряженію сельскаго старосты и въ присутствіи понятыхъ. Мало того, земскіе начальники увольнялись за то, что они осмѣливались *иногда* оправдывать «порубщиковъ», заготовлявшихъ дрова на своихъ собственныхъ участкахъ, опять-таки несмотря на то, что оправданія допускались только въ тѣхъ случаяхъ, когда «преступленіе», по мнѣнію этихъ земскихъ начальниковъ, было не доказано *).

Другой случай: захотѣло Н. Тагильское заводоуправленіе провести желѣзную дорогу, которая по проекту шла мѣстами черезъ чужіе (крестьянскіе) участки, черезъ чужіе дома и по улицамъ селеній, и такъ какъ это происходило на Уралѣ, то заводоуправленіе, конечно, не спрашивало согласія владѣльцевъ этихъ участковъ, домовъ и жителей селеній, а собственною властью утвердило проектъ и привело его въ исполненіе. На сколько помнится, протестовъ противъ такого своеобразнаго отношенія къ чужой собственности было немного, да и тѣ пришлось взять обратно. Такъ, напримѣръ, торговецъ, у котораго снесли каменный домъ, начиналъ было судебный процессъ, но въ виду того, что онъ былъ торговецъ желѣзомъ и находился въ зависимости отъ завода (тогда заводчики еще господствовали надъ рынкомъ и съ покупателями не церемонились), предпочелъ въ концѣ концовъ не ссориться съ заводоуправленіемъ...

*) Рѣшеніемъ сената, отмѣнившаго помянутое постановленіе губернскаго присутствія, прекратило эту вакханалію.

Подобныхъ случаевъ въ жизни края такъ много, и въ массѣ своей они составляютъ такую удушливую и развращающую атмосферу, что, можно сказать, имущественныя права населенія ограждены тамъ болѣе, чѣмъ слабо.

Вотъ почему затронутый мною вопросъ оказывается не празднымъ, а, напротивъ, чрезвычайно важнымъ и насущнымъ вопросомъ для этого края.

Въ данный моментъ владѣльцы уральскихъ заводовъ подготовляютъ походъ противъ чрезвычайно цѣнныхъ для населенія правъ, предоставляемыхъ ему закономъ 3 декабря 1862 года. Эти права заключаются въ томъ, что въ случаѣ закрытія завода или уменьшенія его производительности мастеровые получаютъ земельный надѣлъ изъ заводской дачи по высшей нормѣ, установленной для крестьянъ помѣщичьихъ и, во 2-хъ, годовое продовольствіе за счетъ заводовладѣльца (въ томъ случаѣ, если послѣдній не предупредитъ о предполагаемомъ закрытіи завода мастеровыхъ и мѣстнаго земскаго начальника за годъ впередъ). Въ настоящее время, когда предстоитъ закрытіе многихъ заводовъ, законъ 1862 года заводчики находятъ очень для себя неудобнымъ, и потому выдвигаютъ проектъ «добровольнаго» надѣленія горнозаводскихъ крестьянъ землей, но, конечно, на совсѣмъ другихъ основаніяхъ и при условіи отмѣны неудобнаго для нихъ закона 3 дек. 1862 г. Проектъ этотъ уже выработанъ, и, можетъ быть, вскорѣ же будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Гос. Думы. Въ свое время я познакомлю читателей съ его содержаніемъ, а теперь останавливаться на немъ не буду.

При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости мастеровымъ частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ закономъ 19 февр. 1861 г. было дано земли, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, очень немного,— всего по 1 дес. покоса на рев. душу, 200 кв. саж. выгона да усадебное мѣсто. Съ изданіемъ положенія «объ окончательномъ выкупѣ» мастеровые получили право собственности на свои скудные участки. Казалось бы, дѣло кончено, и права крестьянъ на эти земли навсегда за ними укрѣплены.

На самомъ дѣлѣ происходитъ совсѣмъ другое. Въ первой половинѣ 1908 года, т. е. по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ укрѣпленія надѣльныхъ участковъ за населеніемъ на правѣ собственности, одно изъ поссесіонныхъ заводоуправленій—Алапаевское предъявляетъ къ мѣстному земскому начальнику требованіе объ обязательномъ обмѣнѣ надѣльныхъ покосовъ, предоставленныхъ мастеровымъ Нейво-Шайтанскаго завода положеніемъ 19 февраля 1861 г. (т. е. тѣхъ самыхъ, которые состоятъ у послѣднихъ на правѣ собственности). Имѣя въ виду безспорныя права собственности мастеровыхъ на землю и руководствуясь рѣшеніями сената по аналогичнымъ дѣламъ, земскій начальникъ отказалъ заводоуправленію въ этой претензіи. Губернское присутствіе также при-

няло на сей разъ сторону крестьянъ. Наконецъ, 2-й департаментъ сената, куда было перенесено дѣло, оставилъ жалобу заводоуправленія безъ послѣдствій.

Опять-таки вопросъ казалось бы конченъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло министръ внутреннихъ дѣлъ, по протесту котораго оно переносится въ общее собраніе сената для пересмотра. Рѣшеніе этой послѣдней инстанціи будетъ окончательнымъ. Послѣдуетъ оно вскорѣ же, можетъ быть, въ теченіе этого мѣсяца.

Я не знаю, изъ какихъ побужденій министръ вн. дѣлъ вступился за попранныя, по его мнѣнію, права заводоуправленія, но почему заводоуправленіе заинтересовалось покосами мастеровыхъ, мнѣ извѣстно.

Оказывается, не только одно Алапаевское заводоуправленіе предъявило претензію объ обязательномъ обмѣнѣ надѣльныхъ покосовъ. Такую же претензію предъявило къ своимъ мастеровымъ и сосѣднее Нижне-Тагильское заводоуправленіе. Мнѣ болѣе извѣстны обстоятельства дѣла, касающіяся Висимо-Шайтанскаго завода Н. Тагильскаго поссессіоннаго округа. Поэтому, изобличая подкладку дѣла и подлинную сущность его, я буду имѣть въ виду именно эту мѣстность.

Алапаевскій и Нижне-Тагильскій поссессіональные округи находятся въ районѣ мѣсторожденія платины. Какъ извѣстно, кромѣ этого района, платины нѣтъ ни въ одной мѣстности земного шара (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, гдѣ платина добывается въ ничтожныхъ количествахъ). Можно сказать, этотъ районъ, находящійся на среднемъ Уралѣ, является поставщикомъ платины для всего міра. Хотя платиносодержащія земли расположены въ Россіи, но торговля этимъ рѣдкимъ металломъ находится въ рукахъ заграничнаго синдиката «Платина». Имѣетъ ли какое-нибудь отношеніе къ настоящему дѣлу синдикатъ «Платина»,—мнѣ неизвѣстно. Но заводоуправленія весьма заинтересованы тѣмъ, чтобы всѣ платиносодержащія земли находились въ ихъ рукахъ. На покосахъ же мастеровыхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, послѣдніе открыли присутствіе платины и стали ихъ разрабатывать. Многіе, однако, предпочли пока не обнаруживать своего открытія, справедливо опасаясь, что землю у нихъ могутъ отобрать. Для того, чтобы отнять эти платиновыя розсыпи заводоуправленія, дѣйствительно, не остановились предъ юридическими трудностями этого предпріятія и начали дѣло объ обязательномъ обмѣнѣ платиносодержащихъ покосовъ на пустыя земли.

Такимъ образомъ существо этого дѣла очень просто и побужденіе заводоуправленія вполнѣ ясно: ему нужно захватить чужіе платиновыя розсыпи.

Чтобы оцѣнить значеніе для населенія В. Шайтанскаго завода ожидаемаго рѣшенія сената, надо имѣть въ виду, что у мастеровыхъ этого завода, кромѣ добычи платины на своихъ покосахъ

никакихъ другихъ источниковъ заработка нѣтъ, т. к. горный заводъ съ начала 1908 года закрытъ.

Формальная же сторона претензіи заводоуправленія на обмѣнъ покосовъ (только эта формальная сторона и составляетъ предметъ судебнаго разбирательства) имѣетъ слѣдующія основанія.

Поссессіональнымъ крестьянамъ,—въ дополненіе къ надѣламъ, предоставленнымъ по положенію 19 февреаля 1861 г., — особымъ закономъ 19 мая 1893 года было рѣшено отдать земли, находящіеся въ фактическомъ владѣніи населенія «не по найму отъ заводоуправленій», при чемъ право собственности на эти земли, предоставляемыя закономъ 19 мая 1893 года, населеніе пріобрѣтало черезъ 15 лѣтъ, т. е. съ 19 мая 1908 года. Въ теченіе же 15-лѣтняго періода заводоуправленіямъ предоставлялось право производить развѣдки ископаемыхъ и требовать въ случаѣ нахожденія ихъ обязательнаго обмѣна земель на другія. Но, конечно, новымъ закономъ нельзя было отнимать права собственности, пріобрѣтеннаго по законамъ прежнимъ; поэтому въ правилахъ 19 мая 1893 г. сдѣлана оговорка о томъ, что право требовать обязательнаго обмѣна не распространяется на тѣ земли, которыя ранѣе были пріобрѣтены населеніемъ на правѣ полной собственности. Конечно, эта оговорка относится какъ разъ къ тѣмъ покосамъ, даннымъ по положенію 19 февраля 1861 года, которыя пытается отнять у крестьянъ заводоуправленіе.

Сами заводчики и министръ вн. дѣлъ утверждаютъ, что у населенія нѣтъ права собственности на покосы, т. к. будто бы положеніе о выкупѣ на горнозаводскихъ крестьянъ не было распространено и земли эти не были выкуплены. Министръ вн. дѣлъ даже выдвигаетъ и то соображеніе, что разъ будетъ признано право собственности крестьянъ на покосы, то потребуется громадная сумма на выдачу заводоуправленіямъ выкупной ссуды.

Однако, соображенія заводовладѣльцевъ и министра вн. д. совершенно не основательны. Положеніе о выкупѣ, такъ же какъ Мѣстное Великор. положеніе были распространены на горнозаводскихъ крестьянъ (послѣднее съ нѣкоторыми изъятіями, не имѣющими никакого отношенія къ данному дѣлу.

Но такъ какъ по этому закону (положеніе о выкупѣ) крестьяне переводились въ разрядъ собственниковъ по мѣрѣ утвержденія выкупныхъ сдѣлокъ, а вслѣдствіе медленности этой процедуры ликвидація обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ затягивалась, то въ дополненіе къ нему послѣдовалъ новый законъ— объ окончательнымъ выкупѣ (28 декабря 1881 г.), которымъ всѣ помѣщичьи крестьяне (а въ томъ числѣ горнозаводскіе) переводились въ разрядъ собственниковъ—безотносительно къ тому, состоялась выкупная операція, или еще не состоялась.

По многимъ основаніямъ, о которыхъ теперь говорить не буду,

земли поссесс. крестьянъ никакой выкупной операціи и не подлежали.

На заводахъ же Нижне-Тагильскаго поСС. округа земли по уставнымъ грамотамъ были даны крестьянамъ безвозмездно, безъ платежа оброка, такъ что переводить горноз. крестьянъ этого округа съ оброка на выкупъ было бы невозможно по той простой причинѣ, что самого оброка не назначалось, при чемъ въ тѣхъ же уставныхъ грамотахъ (имѣющихъ силу закона) значится, что всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращаются.

Правда, было распоряженіе трехъ министровъ о пріостановкѣ дѣйствія закона 28 декабря 1881 г. на горнозаводскихъ крестьянъ, но это распоряженіе трехъ министровъ, какъ и многіе министерскіе циркуляры, юридически ничтожно и не имѣетъ никакого вѣса, такъ какъ прямо противорѣчитъ закону.

Таковы существо и формальная сторона судебнаго дѣла, въ которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ всталъ не на сторону населенія, о мѣрахъ къ поддержанію котораго правительство должно позаботиться въ виду надвигающагося бѣдствія, а на сторону заводоуправленія, которое, кстати сказать, утратило уже право на всѣ земли, находящіяся въ его поссессіонномъ владѣніи, благодаря нарушенію всѣхъ условій, на которыхъ эти земли были даны въ поссессію *).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что и другіе члены правительства не часто встаютъ на сторону населенія въ спорѣ его съ заводоуправленіями. Примѣромъ можетъ служить хотя бы недавній протестъ министра юстиціи Щегловитова противъ постановленія сената по дѣлу мастеровыхъ Павловскаго завода графа Строганова о надѣленіи мастеровыхъ этого завода (согласно закону 3 дек. 1862 г.) по числу наличныхъ, а не ревизскихъ душъ.

До наступленія такъ называемаго кризиса за уральскими заводчиками признавалось право на исключительное пользованіе трудомъ мѣстнаго горнорабочаго населенія, и это право ревниво ими оберегалось. Хотя на многихъ заводахъ и тогда уже наблюдался громадный избытокъ рабочихъ рукъ, заводчики, вопреки очевидности, отрицали этотъ фактъ и наоборотъ,—жаловались на необезпеченность заводовъ рабочими.

Теперь промышленность рушится, заводы прекращаютъ свое существованіе, и населеніе дѣлается обузой, отъ которой надо избавиться. Но свалить эту обузу съ плечъ не такъ то легко, п. ч. существуетъ рядъ законовъ, обезпечивающихъ за населеніемъ извѣстныя права въ случаѣ прекращенія заводскаго дѣйствія. При помощи наемныхъ перьевъ и законниковъ, высокихъ покровителей

*) Вопроса о томъ, почему именно права поссессіонеровъ на состоящія въ ихъ владѣніи земли утрачены,— я теперь не касаюсь.

и благосклоннаго начальства заводчики пытаются теперь вытравить или, по крайней мѣрѣ, обезцѣнить эти права населенія подмѣномъ неудобныхъ для нихъ законовъ другими, или толкованіемъ ихъ въ выгодномъ для себя смыслѣ.

Такимъ образомъ, скромный и даже странный на первый взглядъ вопросъ о защитѣ имущественныхъ правъ населенія при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами мѣстной жизни оказывается столь важнымъ и существеннымъ, что его можно, пожалуй, поставить на одинъ уровень съ другимъ кореннымъ вопросомъ уральской жизни—объ исполненіи государствомъ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ принятой имъ на себя отвѣтственности за послѣдствія насильственнаго прикрѣпленія горнорабочаго населенія къ заводамъ.

И. Сиговъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Не по коню, а по кучеру.—II. Коза или Ольга Штейнъ?—III. Укрывательство съ ихъ стороны.—IV. Наше укрывательство.—V. Судебное безсиліе.—VI. Оружіе, которое приходитъ въ негодность.—VII. Радоваться ли намъ?—VIII. О политическомъ лицедѣйствѣ вообще и о судебной реформѣ въ частности.

I.

«Судъ надъ адвокатами»—такъ для краткости, а можетъ быть, и для выразительности, нѣкоторыя газеты въ своихъ судебныхъ отчетахъ называли дѣло о побѣгѣ Ольги Штейнъ. На скамьѣ подсудимыхъ по этому дѣлу, разбиравшемуся въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, находились два присяжныхъ повѣренныхъ—Л. А. Базуновъ и Г. С. Аронсонъ. Вмѣстѣ съ ними долженъ былъ бы сидѣть и третій адвокатъ, членъ Государственной Думы, О. Я. Пергаментъ, если бы онъ не умеръ, подавленный тяжестью взведеннаго на него обвиненія...

Кромѣ адвокатовъ, на скамьѣ подсудимыхъ находился еще Шульцъ, бывшій морской офицеръ, но роль его въ процессѣ была совершенно особая: это былъ оговорщикъ — главный козырь обвиненія. Все время чувствовалось, что онъ гораздо ближе къ прокурору, который во многихъ случаяхъ объединялъ его интересы со своими, чѣмъ къ другимъ подсудимымъ.

Такимъ образомъ газетное выраженіе, въ предѣлахъ своей краткости, можно сказать, соотвѣтствовало дѣйствительности. Нельзя ему отказать и въ выразительности. Да, это былъ судъ надъ адвокатами,—не первый уже судъ. Это лишь одинъ изъ многочислен-

ныхъ эпизодовъ той упорной и систематической кампаніи, какая ведется въ послѣдніе годы противъ адвокатовъ, какъ корпораціи и даже какъ института. Данному судебному процессу предназначалась, повидимому, въ этой кампаніи крупная роль. При его помощи открывалась вѣдь возможность скомпрометировать присяжную адвокатуру въ лицѣ очень видныхъ ея представителей и при томъ скомпрометировать очень сильно. О. Я. Пергаментъ былъ предсѣдателемъ одесскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, Л. А. Базуновъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя петербургскаго совѣта,— и вотъ этихъ то лицъ, профессіональная и общественная репутація которыхъ стояла очень высоко, представился случай забрызгать грязью,—той отвратительной грязью, въ которой, пользуясь покровительствомъ «сановныхъ старичковъ» (въ томъ числѣ и Побѣдоносцева), такъ долго купалась Ольга Штейнъ... Послѣ этого понятны тѣ усилія, которыя были приложены, чтобы посадить названныхъ адвокатовъ на скамью подсудимыхъ. Понятна и та группировка силъ, которая сама собой получилась въ процессѣ.

Отмѣчу здѣсь одинъ фактъ, ясно показывающій, какъ распредѣлились общественныя силы между «сторонами». Присяжный повѣренный фонъ-Брикманъ, назначенный судомъ въ защитники Шульцу, отказался отъ этой обязанности, ссылаясь на то, что его кліентъ настаиваетъ на такомъ способѣ защиты, который «не согласуется съ условіями профессіональной этики». Но Шульцъ не остался безъ защитника: на помощь прокурору явился въ этой роли не стѣсненный и, повидимому, не стѣсняющійся какой-то «этикой», г. Замысловскій, одинъ изъ лидеровъ крайней правой въ Государственной Думѣ.

Судъ надъ адвокатами, какъ и полагается въ цивилизованныхъ странахъ, происходилъ во имя «общественной совѣсти». На нее именно усиленно ссылался все время представитель обвинительной власти. Для успокоенія возмущенной общественной совѣсти онъ и требовалъ наказанія адвокатамъ,—между прочимъ, за то, что они подрываютъ основныя начала судебныхъ уставовъ...

Но общественная совѣсть, которая имѣла на этотъ разъ возможность высказаться устами присяжныхъ засѣдателей, оказалась нисколько не возмущенной адвокатами. Она оправдала ихъ, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказаннымъ участіе въ преступномъ дѣяніи прокурорскаго пособника, Шульца.

«Не для отвѣта пришли мы сюда—началъ свою рѣчь защитникъ Аронсона присяжный повѣренный Бобрищевъ-Пушкинъ, — а привлечь къ отвѣту обвиненіе». «Вы посадили — закончилъ тотъ же защитникъ свою вторую рѣчь—на скамью подсудимыхъ адвокатовъ и сами понесете расплату». Осужденными, дѣйствительно, оказались не адвокаты, а прокуратура.

Этотъ смыслъ приговора, вынесеннаго общественною совѣстью, былъ подчеркнутъ трогательною и вмѣстѣ съ тѣмъ внушительною

манифестаціею. Въ залѣ суда разыгралась рѣдкая сцена: присяжные засѣдатели обнимались съ оправданными ими Базуновымъ и Аронсономъ. Обращаясь къ послѣднимъ съ привѣтственною рѣчью, бывшій старшиной присяжныхъ г. Городецкій высказалъ сожалѣніе, что восемь дней они вынуждены были воздерживаться отъ приговора и держать подъ этимъ дамокловымъ мечомъ подсудимыхъ, тогда какъ вздорность взведеннаго на нихъ обвиненія ясна была для нихъ съ самаго начала.

Не менѣе выразительно реагировала на исходъ процесса присутствовавшая въ судѣ публика. При выходѣ Базунова изъ залы товарищи по профессіи подняли его на руки и, при оваціяхъ тысячной толпы, собравшейся въ коридорахъ суда, внесли въ верхній этажъ, въ помѣщеніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и тамъ посадили на принадлежащее ему мѣсто товарища предсѣдателя, съ котораго онъ добровольно устранилъ себя на время состоянія подъ судомъ и слѣдствіемъ... Немедленно состоялось импровизированное засѣданіе совѣта, въ присутствіи всѣхъ, кто могъ вмѣститься въ комнату. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей оправданнымъ, засѣданіе закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти не дожившему до этого момента О. Я. Пергаменту.

Такимъ образомъ судъ надъ адвокатами далъ совсѣмъ иные результаты, чѣмъ на какіе былъ разсчитанъ. Ударъ пришелся не по коню и даже не по оглоблямъ, а по кучеру, задѣвъ при этомъ довольно больно и барина...

Нападеніе на адвокатуру оказалось на этотъ разъ отбитымъ съ урономъ для нападающихъ. Нечего и говорить, что этотъ фактъ не пройдетъ безслѣдно въ общественной жизни. Послѣ безпрерывныхъ пораженій, какія мы терпѣли въ послѣдніе годы, эта, хотя маленькая и частичная, но все-таки побѣда надъ темными силами реакціи, несомнѣнно, внесетъ струю бодрости въ общественное настроеніе. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главное значеніе привлекшаго къ себѣ такое вниманіе процесса.

II.

Настаивая на обвиненіи адвокатовъ, прокуроръ убѣждалъ присяжныхъ не полагаться на «общественное мнѣніе». Надо сказать что онъ самъ, благодаря своей неосторожности, обнаружилъ это мнѣніе передъ ними.

— Извѣстны ли вамъ—спросилъ онъ одного изъ свидѣтелей—газеты, благосклонныя къ Базунову и Аронсону?

— Я думаю—отвѣтилъ свидѣтель,—что всѣ порядочныя газеты на ихъ сторонѣ...

Прокурору осталось послѣ этого одно—такъ или иначе опорочить общественное мнѣніе. «Публика въ этомъ залѣ—заявилъ онъ

присяжнымъ—подобрана, а пресса пристрастна». Но онъ и самъ, повидимому, чувствовалъ, что всуе клянется общественною совѣстью, которая будто бы говоритъ его устами и которая будто бы отлична въ данномъ случаѣ отъ общественнаго мнѣнія. Изложить ея доводы онъ оказался не въ состояніи: его четырехчасовая обвинительная рѣчь, какъ было констатировано тамъ же, въ судѣ, представляла безсвязный наборъ фразъ, и онъ не въ силахъ оказался ее кончить. На слѣдующій день, спустивъ тонъ, онъ счелъ за лучшее отъ многаго изъ сказаннаго наканунѣ отказаться. Безсиліе прокурора, оказавшагося не въ состояніи справиться съ возложенной на него задачей, въ сущности, было вполнѣ естественно: общественной совѣсти, именемъ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать, за нимъ не было.

И это обнаружилось въ данномъ процессѣ съ такою очевидностью, что даже г. Меньшиковъ, который будетъ покраснорѣчивѣе выступавшаго въ судѣ прокурора, и тотъ растерялся. Въ очередномъ письмѣ къ своимъ ближнимъ онъ обрушился не на адвокатовъ, а на Ольгу Штейнъ, какъ будто ей была посвящена вся предшествующая недѣля. Но и около Ольги Штейнъ, которая, по его же словамъ, «проникла въ высшія сферы и умѣла четверть столѣтія совершать фантастическія дѣла, опираясь на зачарованныхъ ею старичковъ-министровъ, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, статсъ-секретарей и генералъ-адъютантовъ, которыхъ, казалось бы, прямая обязанность была преслѣдовать всякое мошенничество», долго задерживаться г. Меньшикову было, конечно, неудобно. Поэтому онъ, со свойственною ему находчивостью, поспѣшилъ отвести глаза своихъ читателей... къ козѣ, «кормилицѣ бѣдныхъ».

Коза или Ольга Штейнъ?—патетически восклицаетъ онъ въ своемъ фельетонѣ.—Я рѣшительно предпочитаю козу. Слѣдуетъ серьезно пожалѣть, что цѣлый рядъ вліятельныхъ жертвъ обольстительной еврейки не заинтересовался въ свое время козой. Одинъ Побѣдоносцевъ при его могуществѣ или Половцевъ при безмѣрномъ богатствѣ—какими они могли бы оказаться благотворителями русскаго народа, если бы посвятили козѣ столько же вниманія, сколько Ольгѣ Штейнъ! *)

«Корова,—поясняетъ г. Меньшиковъ,—теперь не подъ силу крестьянину... Содержать одну корову стоитъ столько же, сколько восемь козъ». Особенно пригодны, по его мнѣнію, козы теперь, когда крестьянъ сдѣлали хуторянами. Повидимому, онъ предвидитъ, что на хуторѣ мужикъ и послѣдней коровы долженъ лишиться.

Да и вообще коза, по сравненію съ Ольгой Штейнъ, имѣетъ множество преимуществъ.

Не уступая знаменитой авантюристкѣ въ темпераментѣ и въ женскихъ

*) „Новое Время", 7 февраля.

слабостяхъ, домашняя коза отличается, однако, громадными преимуществами въ смыслѣ общеживотной нравственности. Ни одна коза не ловила высокопоставленныхъ старичковъ, не вымогала при ихъ посредствѣ у ювелировъ многотысячныя ожерелья, не разворяла влюбленныхъ въ нее козловъ...

Съ экономической точки зрѣнія преимущества домашней козы безспорны, да и съ этической тоже: «ни одной козѣ не удавалось развести вокругъ себя столько грязи въ обществѣ»... Поэтому «роль козы оказывается не лишенной глубокаго общественнаго и даже государственнаго значенія».

Къ сожалѣнію, Побѣдоносцевъ давно уже сгнилъ въ могилѣ и призывъ г. Меньшикова по отношенію къ нему является запоздалымъ. И Половцевъ, можетъ быть, уже не отзовется, но кое-кто козами, быть можетъ, и заинтересуется.

По крайней мѣрѣ, націоналисты, которые займутъ, повидимому, въ ближайшее время политическую авансцену, именно при помощи козъ намѣрены сдѣлаться «благодѣтелями русскаго народа». Ихъ планъ и имѣетъ въ виду г. Меньшиковъ. Княземъ С. П. Урусовымъ,—сообщаетъ онъ,—

задумано „Россійское общество козоводства", при чемъ онъ имѣетъ заявленія объ открытіи уже 16 отдѣловъ общества. Вотъ прекрасное начинаніе, которое можно привѣтствовать отъ всего сердца! Не 16, а тысячу отдѣловъ нужно, чтобы ввести въ жизнь народа этотъ древній благодѣтельный промыселъ.

А возродить этомъ промыселъ нужно. «Корова теперь не подъ силу крестьянину—пусть заводитъ козу». Въ козѣ—спасеніе...

Раньше на грядковую культуру разсчитывали, теперь на козу надѣются, а потомъ, быть можетъ, выдвинутся другіе «благодѣтели русскаго народа» и скажутъ: довольно съ мужика ретирада и даже простой банки, въ которую онъ могъ бы собирать собственное удобреніе,—той самой банки, которую г. Меньшиковъ еще во времена Побѣдоносцева и Плеве рекламировалъ, какъ самое вѣрное средство для рѣшенія аграрнаго вопроса.

Планы какъ будто разные, но результатъ можетъ быть только одинъ—нищета народная. Точно также и вкусы могутъ быть различные: однимъ нравится «пухлая женщина», въ родѣ Штейнъ, другимъ—этакая козочка, однимъ—домашняя, другимъ—дикая. Но въ итогѣ, когда его подводитъ даже г. Меньшиковъ, все равно получаются: «минимумъ общественной нравственности и максимумъ всякаго распутства».

Пожалуй, и въ томъ есть разница: одни больше козой занимаются, другіе по преимуществу Ольгой Штейнъ интересуются, одни къ «экономикѣ» пристрастіе имѣютъ, другіе—на «этику» налегаютъ. Но для всего круга могущественныхъ и богатыхъ людей это—не дилемма, это—двѣ стороны одного и того же, говоря высокимъ стилемъ, міроотношенія. Коза или Ольга Штейнъ?

Ничего другого въ виду не имѣется. По крайней мѣрѣ, въ трудную минуту, когда всталъ вопросъ о совѣсти, даже г. Меньшиковъ, при всей его находчивости, никакихъ иныхъ цѣнностей не высмотрѣлъ: метнулъ глазами въ одну сторону—Ольга Штейнъ, перевелъ ихъ въ другую—«народная кормилица»...

III.

Совѣсть—не съ ними... Понятны ихъ растерянность и наша радость, когда этотъ фактъ обнаруживается съ такою непререкаемою очевидностью, какъ это было въ дѣлѣ Базунова и Аронсона. Эти чувства съ той и другой стороны такъ естественны, что, слѣдя за перипетіями политической борьбы и останавливаясь на данномъ ея эпизодѣ, ихъ достаточно лишь отмѣтить.

Но дѣло не въ томъ вѣдь только, кого общественная совѣсть ударила и кто кого при ея помощи одолѣлъ въ данномъ пунктѣ—правые или лѣвые. Указанный фактъ чреватъ несравненно болѣе важными послѣдствіями и въ нѣкоторыя изъ нихъ я попрошу читателей всмотрѣться.

Возьмемъ за исходную точку данный случай. Адвокаты обвинялись въ томъ, что будучи защитниками Ольги Штейнъ, посовѣтовали и помогли ей скрыться отъ суда. Покойный О. Я. Пергаментъ будто бы сказалъ еще ей при этомъ: такому суду (или правительству) отдаваться не стоитъ. Воспользовавшись однимъ изъ перерывовъ въ судебномъ засѣданіи, Ольга Штейнъ бѣжала и хотя потомъ была поймана въ Америкѣ, адвокаты оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Ихъ судили, какъ укрывателей мошенницы...

Такъ было скомпоновано дѣло. Уже заранѣе не трудно было предвидѣть. что ударъ разсчитанъ плохо, что онъ придется не въ то мѣсто, въ которое его желали направить. «Всякій, кто не ходитъ въ шорахъ,—ворчитъ теперь «Новое Время»,—отлично видѣлъ, чѣмъ кончится процессъ. Но были такіе, которые не видѣли, такъ какъ иначе незачѣмъ было тянуть къ суду. Перестарались»...

Перестарались... Въ самомъ дѣлѣ, не тѣмъ же были возмущены посадившіе адвокатовъ на скамью подсудимыхъ, что мошенница укрылась отъ правосудія. Велика, подумаешь, важность!

Сбѣжала... Ну, съ позволенія сказать, туда ей и дорога! Пусть тамъ за тридевять земель обрабатываетъ иностранныхъ ротозѣевъ. Нѣтъ, позвольте! А кто шубу подавалъ? Кто газету съ расписаніемъ поѣздовъ показывалъ? И пошло и поѣхало... Завертѣлась судебная машина, и въ итогѣ получился глупѣйшій процессъ *).

Не въ какомъ-то правосудіи было дѣло, а въ адвокатахъ. И вотъ съ ними-то просчитались. Въ результатѣ получилось, что

*) „Новое Время“, 9 февраля.

«прокуратура постаралась своими руками поддержать пошатнувшіеся авторитеты и, больше того,—поставила ихъ на нѣкоторый пьедесталъ гонимыхъ».

Да, ударъ былъ плохо разсчитанъ. Съ одной стороны, истинные укрыватели мошенницы всѣмъ были извѣстны,—даже г. Меньшиковъ, какъ мы видѣли, упомянувъ объ Ольгѣ Штейнъ, не могъ обойти всѣхъ этихъ «старичковъ-министровъ, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, статсъ-секретарей и генералъ-адъютантовъ, которыхъ, казалось бы, прямая обязанность была преслѣдовать всякое мошенничество», и которые, тѣмъ не менѣе, въ теченіе четверти столѣтія покровительствовали Ольгѣ Штейнъ, занимавшейся «фантастическими дѣлами». Даже если взять ея побѣгъ со скамьи подсудимыхъ, то опять-таки ясно, кто были его «попустители».

Развѣ адвокаты,— говорилъ Бобрищевъ-Пушкинъ, — оставляли О. Штейнъ на свободѣ—то подъ домашнимъ арестомъ, то подъ залогомъ въ 10 тыс. руб., когда претензій къ ней было на нѣсколько сотъ тысячъ? Прокуратура увѣряетъ, что она слѣдила за тѣмъ, чтобы О. Штейнъ изъ тюрьмы не сносилась съ внѣшнимъ міромъ, но она все-таки сносилась и, съ помощью Побѣдоносцева и Половцева, добилась все-таки освобожденія подъ домашній арестъ. А какой былъ это арестъ—извѣстно: дѣйствія полиціи тов. прок. Гвоздановичъ назвалъ преступными, но судятъ теперь не полицію, а адвокатовъ *).

Наконецъ, если взять непосредственныхъ пособниковъ побѣга, то среди нихъ были лица, оказавшіеся не привлеченными къ отвѣтственности. Такъ не былъ привлеченъ, напримѣръ, давшій деньги на побѣгъ Амбургеръ (нынѣ уже умершій),—не былъ привлеченъ, какъ объяснилъ прокуроръ, потому что онъ находился въ свойствѣ съ бѣжавшей мошенницей. Не была привлечена мать Шульца...

Старуха Шульцъ—объяснилъ представитель обвинительной власти—помогала бѣгству, она дала паспортъ, но нѣтъ такого прокурора, который сталъ бы привлекать эту дряхлую старушку **).

Другими словами, мать Шульца была освобождена отъ суда,

---

*) Цитирую по „Рѣчи" отъ 6 февраля. Спустя нѣсколько дней (9 февраля) по поводу этихъ, оглашенныхъ на судѣ, фактовъ, въ газетахъ появилось разъясненіе канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника. Въ разъясненіи говорится, что Ольгѣ Штейнъ дѣйствительно „чинами полиціи разрѣшались кратковременныя отлучки изъ квартиры", но что „въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не имѣется никакихъ указаній о порядкѣ отбыванія домашняго ареста". Въ разъясненіи подтверждается также, что прокуроромъ с.-петербургскаго окружного суда былъ возбужденъ вопросъ о привлеченіи чиновъ полиціи къ уголовной отвѣтственности, но что совѣщательное при с.-петербургскомъ градоначальникѣ присутствіе постановило это дѣло прекратить и что послѣ этого никакихъ сообщеній отъ прокуратуры не поступало.

**) Цит. по «Новому Времени» отъ 5 февраля.

какъ пояснилъ защитникъ Базунова, Казариновъ, прокурорскою милостью... Не былъ бы, можетъ быть, привлеченъ къ отвѣтственности и самъ Шульцъ, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ побѣгѣ, если бы не требовался оговорщикъ для адвокатовъ. Во всякомъ случаѣ прокуратура ничего, повидимому, не имѣла противъ того, чтобы этотъ укрыватель избѣжалъ наказанія. Между прочимъ одинъ изъ свидѣтелей, священникъ Флеровъ, показалъ, что мать Шульца показывала цѣлый ворохъ свидѣтельствъ о его ненормальности. «Добыть эти свидѣтельства и представить ихъ въ судъ, такъ какъ это должно обезпечить полное оправданіе ея сына, по ея словамъ, посовѣтовалъ ей прокуроръ окружного суда Трегубовъ». Послѣдній, какъ она говорила св. Флерову, не только совѣтовалъ ей добыть эти свидѣтельства, но и прямо «приказывалъ», дабы производство о Шульцѣ можно было выдѣлить изъ настоящаго дѣла.

Другой свидѣтель, присяжный повѣренный Эдельгаузъ, показалъ, что къ нему лѣтомъ 1909 года явилась мать Шульца и заявила, что черезъ одного хорошаго знакомаго ея сына лицомъ судебнаго вѣдомства, стоящимъ близко къ наблюденію за дѣломъ О. Штейнъ, обѣщано было Е. Шульцу, если онъ оговоритъ защитниковъ О. Штейнъ, освободить его отъ суда и перевести на положеніе свидѣтеля...

Укрыватели у мошенницы, несомнѣнно, были; возможно, что были и укрыватели этихъ укрывателей... Но не противъ нихъ ударъ былъ направленъ. Такъ стояло дѣло съ одной стороны.

Съ другой, — слишкомъ маловѣроятнымъ представлялось обвиненіе въ укрывательствѣ, предъявленное къ адвокатамъ. Ради чего они стали бы укрывать мошенницу? Обвинять, что они сдѣлали это изъ сочувствія къ ней или изъ корыстныхъ мотивовъ,—обвинять въ этомъ данныхъ адвокатовъ,—не рѣшилась даже прокуратура. Пришлось пріискивать другіе мотивы для ихъ участія въ укрывательствѣ,—объяснять его ихъ брезгливостью или самолюбіемъ...

Слабо обоснованное съ фактической стороны, обвиненіе адвокатовъ и съ юридической точки зрѣнія представлялось, по меньшей мѣрѣ, спорнымъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, обвинять защитника въ укрывательствѣ, если онъ даже посовѣтуетъ кліенту скрыться? Ну, а если онъ только предупредитъ его о неизбѣжности обвинительнаго приговора и тѣмъ дастъ толчекъ къ побѣгу? А если онъ подастъ совѣтъ въ родѣ того, какой прокуроръ Трегубовъ подалъ матери Шульца, чтобы ея сынъ могъ избавиться отъ наказанія? Или посовѣтуетъ кліенту умолчать о нѣкоторыхъ изобличающихъ его обстоятельствахъ, не признаватся въ совершенномъ имъ дѣяніи? Будетъ ли это укрывательствомъ?

Вмѣшавшись въ отношенія между адвокатомъ и его подзащитнымъ,—въ интимнѣйшія по существу отношенія,—можно зайти очень далеко. Можно врѣзаться клиномъ между ними, совершенно

изолировать ихъ другъ отъ друга, обратить защиту въ пустую формальность... Я вовсе не хочу сказать, что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ и не должно быть никакого сдерживающаго начала. Такое начало имѣется даже въ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ, имѣется оно и въ отношеніяхъ защитника къ его подзащитному. Это—этика, общая и профессіональная, не дозволяющая адвокату вмѣсто защиты «обѣлять» и «вызволять» преступника. Вопросъ въ томъ, есть ли и можетъ ли быть мѣсто въ этихъ отношеніяхъ уголовному закону?

Реакція въ своемъ походѣ противъ адвокатуры, несомнѣнно, стремится къ тому, чтобы сдѣлать защитника постороннимъ лицомъ для подсудимаго, такъ же какъ она стремиться сдѣлать студента постороннимъ посѣтителемъ университета. Она желаетъ устранить всѣ преграды, которыя мѣшаютъ ей добраться до «преступника», и обезсилить его, чтобы легче было на него обрушиться. Но насъ сейчасъ интересуетъ не политическая, а юридическая сторона дѣла. Для постановки же этой послѣдней важно одно: имѣются ли въ положительномъ законѣ тѣ нормы, на основаніи которыхъ адвоката, посовѣтовавшаго подсудимому скрыться, можно было бы обвинить въ укрывательствѣ?

По смыслу судебныхъ уставовъ отношенія между повѣреннымъ и его кліентомъ, между защитникомъ и его подзащитнымъ, являются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе близкими, чѣмъ отношенія между братомъ и сестрой, между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женой. Мать или жена могутъ, напримѣръ, свидѣтельствовать, что подсудимый признался имъ въ совершенномъ преступленіи, но защитникъ свидѣтельствовать объ этомъ не можетъ: такъ же какъ и духовнику, законъ прямо запрещаетъ ему это. Подсудимый можетъ разговаривать съ нимъ, какъ съ самимъ собой, подѣлиться самыми сокровенными своими мыслями, признаться во всѣхъ совершенныхъ имъ когда либо преступленіяхъ,—и никакой судъ не вправѣ даже спросить защитника объ этомъ.

Самъ подсудимый не отвѣчаетъ за побѣгъ, не отвѣчаютъ за содѣйствіе побѣгу и ближайшіе его родственники. Должны ли отвѣчать за это адвокаты?

Одинъ свидѣтель показалъ, что «бывшій прокуроръ палаты, камергеръ Камышанскій, не находилъ состава преступленія во всемъ этомъ дѣлѣ, и если бы онъ оставался на посту прокурора, дѣло не могло бы получить движенія». Никто не заподозритъ, конечно, г. Камышанскаго, что онъ не захотѣлъ или не умѣлъ истолковать законъ въ желательномъ для реакціи смыслѣ. Всѣ знаютъ, какъ онъ толковалъ законы, въ качествѣ прокурора, и толкуетъ ихъ теперь, въ качествѣ Вятскаго губернатора. Сумѣлъ же онъ засадить quorum первой Думы въ тюрьму, сумѣлъ же онъ оштрафовать заразъ семь редакторовъ... Если же въ данномъ случаѣ онъ не находилъ состава преступленія, то, очевидно, только по-

тому, что боялся «перестараться». Другіе были менѣе осторожны и... «перестарались».

Такъ было скомпоновано дѣло. И вотъ съ этимъ то дѣломъ правительство пришло въ судъ присяжныхъ. Въ этомъ заключалась, конечно, главная неосторожность. Въ коронномъ судѣ и такое дѣло можно было бы выиграть. Здѣсь же на бѣду и предсѣдатель оказался «приличнымъ», т. е., какъ и полагается быть предсѣдателю, безпристрастнымъ. «Не сдобровать ему»—говорили въ публикѣ, и «Новое Время», дѣйствительно, уже начало противъ него кампанію. Какъ бы то ни было, дѣло сорвалось. Въ результатѣ получился «глупѣйшій процессъ», обнаружившій съ полною для всѣхъ очевидностью, на какой сторонѣ были и остались укрыватели...

Это—не единичный, конечно, случай укрывательства съ той стороны. Укрыватели расположились тамъ очень широко и поднимаются очень высоко. Къ сожалѣнію,—и читатели поймутъ это,—я лишенъ возможности пройти по всему ихъ фронту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскому писателю приходится вспоминать завѣтъ ап. Павла, который совѣтовалъ вѣрнымъ даже не говорить о «сихъ мерзостяхъ». И въ данномъ случаѣ этотъ завѣтъ приходится вспомнить...

IV.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что на другой сторонѣ «укрывателей» нѣтъ вовсе?

Не будемъ обольщаться побѣдой,—тѣмъ, что не они насъ, а мы ихъ изобличили. Постараемся прямо взглянуть въ лицо правдѣ и по совѣсти отвѣтить на поставленный вопросъ.

Отрѣшимся отъ особенностей даннаго случая. Забудемъ, что рѣчь шла, съ одной стороны, о Пергаментѣ, Базуновѣ и вообще объ адвокатурѣ, а съ другой—объ Ольгѣ Штейнъ и ея покровителяхъ, что вопросъ стоялъ о мошенницѣ и ея укрывателяхъ. Возьмемъ аналогичный случай, но только въ анонимной формѣ. Представимъ себѣ, что нѣкто посовѣтовалъ и даже помогъ подсудимому скрыться. Допустимъ, что онъ еще прибавилъ при этомъ: такому суду не стоитъ отдаваться...

Такіе случаи, вѣдь, возможны,—возможны и въ нашей средѣ. Дѣло, однако, не въ томъ, что такіе случаи возможны; важно то, какъ мы къ нимъ относимся: возмущается ли наша совѣсть или она остается спокойной?

Припоминается мнѣ такой фактъ. Года два тому назадъ мнѣ пришлось судиться по обвиненію въ принадлежности къ крестьянскому союзу. На скамьѣ подсудимыхъ по этому дѣлу находилось больше 20 лицъ, собранныхъ чуть ли не со всѣхъ концовъ Петербургской

губерніи, въ значительной части другъ съ другомъ до этого незнакомыхъ. Почему изъ множества людей, затронутыхъ крестьянскимъ движеніемъ и прикосновенныхъ къ нему, на скамью подсудимыхъ были посажены именно данныя лица,—посажены въ качествѣ «сообщества»,—это могли бы объяснить только жандармы, производившіе предварительное слѣдствіе. Особенно непонятнымъ представлялось привлеченіе къ этому дѣлу двухъ лицъ: одного студента и одной медички. Цѣлую недѣлю тянулся процессъ, передъ судомъ прошло около сотни свидѣтелей, былъ оглашенъ цѣлый рядъ документовъ,—и объ этихъ подсудимыхъ не было сказано ни слова. Изъ обвинительнаго акта было извѣстно лишь, что въ самомъ концѣ 1905 года они были арестованы на финляндской жел. дорогѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, при чемъ у нихъ были найдены кое-какія брошюрки,—можетъ быть, потомъ и запрещенныя, но въ то время совершенно свободно продававшіяся въ книжныхъ магазинахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, чуть ли не на всѣхъ собраніяхъ. По свѣдѣніямъ охраннаго отдѣленія въ Теріокахъ, откуда они возвращались, происходилъ передъ тѣмъ съѣздъ крестьянскаго союза. На этомъ основаніи они и были привлечены къ дѣлу. Надо сказать, что на тѣхъ же основаніяхъ привлекался и еще рядъ лицъ, освобожденныхъ потомъ отъ обвиненія, такъ какъ выяснилось, что въ Теріокахъ въ эти дни происходилъ съѣздъ учительскаго союза, да и вообще мало ли по какимъ дѣламъ люди ѣздятъ по желѣзной дорогѣ. Но эти два лица остались причисленными къ крестьянскому союзу. Свѣдѣнія охраннаго отдѣленія о томъ, что въ Теріокахъ происходилъ крестьянскій съѣздъ, судомъ не провѣрялись, да и вообще объ этомъ съѣздѣ на судѣ совсѣмъ рѣчи не было. Для суда несомнѣненъ былъ лишь одинъ фактъ, что эти два лица ѣхали по финляндской желѣзной дорогѣ.

Присутствовавшая въ судѣ публика не сомнѣвалась, что этихъ то двоихъ подсудимыхъ, конечно, оправдаютъ. Увѣренъ былъ въ этомъ и ихъ защитникъ,—самое большее, что онъ допускалъ, это возможность обвиненія по 132 ст., т. е. за провозъ запрещенной литературы черезъ границу, хотя литература была петербургскаго происхожденія и никѣмъ въ то время не запрещенная. Но особенно вѣрили въ свое оправданіе сами подсудимые.

На сколько велика была эта вѣра, ясно будетъ изъ слѣдующаго. Медичка, просидѣвшая послѣ ареста нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, была выпущена потомъ подъ залогъ въ 200 руб. За два года, протекшихъ до суда, она успѣла окончить медицинскій институтъ, сдѣлалась врачемъ и такимъ образомъ перемѣнила свое званіе. Кромѣ того, она вышла замужъ и, стало быть, перемѣнила фамилію. Для властей, знавшихъ ее въ качествѣ курсистки и подъ дѣвичьей фамиліей, она какъ бы исчезла.—даже повѣстку о явкѣ въ судъ вручить ей онѣ были не въ состояніи. Извѣстенъ рядъ аналогичныхъ случаевъ, когда обвиняемые и заподозрѣнные с-

всѣмъ скрывались въ такихъ условіяхъ отъ розыска. И въ данномъ случаѣ подсудимая смѣло могла бы не являться,—самое большее, чѣмъ она рисковала, это потерей залога. Но она все-таки въ судъ явилась, хотя и была въ послѣднемъ періодѣ беременности: слишкомъ ужъ хотѣлось очиститься, да и деньгами рисковать не хотѣла. Довѣріе же къ суду было полное.

Однако, палата, оправдавъ довольно многихъ изъ подсудимыхъ по этому процессу, данныхъ лицъ признала виновными въ принадлежности къ противозаконному сообществу, при чемъ постановила, до вступленія приговора въ законную силу, увеличить залогъ, а до внесенія денегъ заключить приговоренныхъ подъ стражу. Самихъ подсудимыхъ этотъ приговоръ захватилъ совершенно врасплохъ: денегъ для залога у нихъ не было. Для медички ихъ собрали тутъ же въ публикѣ, но для студента не хватило, и изъ залы суда его отправили въ домъ предварительнаго заключенія.

Помню, какое недоумѣніе породилъ у присутствовавшей публики приговоръ палаты въ этой именно его части. Что это значитъ? Очевидно, у судей были какія-нибудь негласныя свѣдѣнія,—только такъ и могла публика объяснить себѣ совершенно неожиданный исходъ процесса, который прошелъ у нея передъ глазами.

Возмущенному чувству нуженъ былъ хотя какой-нибудь выходъ,—и оно направилось... противъ адвокатовъ.

— Зачѣмъ они не предупредили подсудимыхъ? Они-то вѣдь знаютъ, что такое русскій судъ!..

— Почему они не посовѣтовали этой медичкѣ на всякій случай уйти изъ суда, когда палата пошла совѣщаться? Ушла бы—и кончено дѣло: властямъ ея новая фамилія не извѣстна (судилась она подъ дѣвичьей), уѣхала бы въ провинцію, поступила бы на земскую службу... А теперь съ груднымъ ребенкомъ должна будетъ сидѣть въ крѣпости...

Я взялъ именно этотъ случай изъ числа тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе къ «укрывательству» съ нашей стороны, не только потому, что лично пришлось пережить его, но и въ виду того положенія, въ какомъ очутились адвокаты. Общественная совѣсть обвиняла ихъ въ томъ, что они не сдѣлались... укрывателями.

Я говорю: общественная совѣсть... Для меня,—да и для читателей, я увѣренъ,—несомнѣнно, что общественная совѣсть была въ данномъ случаѣ не съ «ними», не съ судьями. Если бы судило общество,—хотя бы въ лицѣ присяжныхъ,—оно, конечно, оправдало бы подсудимыхъ, которые, если не считать какихъ-то жандармскихъ соображеній, въ силу которыхъ они были посажены на скамью подсудимыхъ, были изобличены только въ томъ, что ѣхали по желѣзной дорогѣ. Оправдало бы, прежде всего, по недоказанности предъявленнаго къ нимъ обвиненія. Оправдало бы, далѣе, по человѣчеству, такъ какъ нашло бы, съ одной стороны, невозможнымъ взваливать тяжесть отвѣтственности за громадное движе-

ніе, въ которомъ участвовалъ чуть не весь народъ, на плечи отдѣльныхъ личностей, а съ другой стороны—признало бы мотивы, которыми руководились подсудимые, можетъ быть, и ошибочными, но не такими, чтобы за нихъ преслѣдовать. Оправдало бы, наконецъ, и по существу, такъ какъ нашло бы дѣяніе, въ которомъ обвинялись подсудимые (въ данномъ случаѣ—принадлежность къ крестьянскому союзу) вовсе не преступнымъ.

Потому вѣдь такія дѣла и не передаются на судъ общественной совѣсти, что она слишкомъ часто оправдывала бы обвиняемыхъ. Потому вѣдь и установленъ для такихъ дѣлъ особый судъ... Я знаю, что могутъ быть и имѣются теоріи, оправдывающія такой судъ. Людямъ, которые мыслятъ государство, какъ нѣчто особое отъ народа и чуть ли не противоположное послѣднему въ своихъ интересахъ, представляется опаснымъ довѣрить его защиту народной совѣсти. Но не въ теоріяхъ сейчасъ дѣло. Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить тѣ послѣдствія, которыми это сказывается въ жизни.

Нужны, оказывается, укрыватели. Нужны они обществу, чтобы укрыть справедливость, какъ оно ее понимаетъ, отъ государства, которое желаетъ на нее обрушиться. Не судъ нуженъ общественной совѣсти, а укрыватели...

И эта настоятельная потребность даетъ о себѣ знать въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Укажу хотя бы на слѣдующую. Достаточно извѣстенъ фактъ, какъ трудно бываетъ во многихъ случаяхъ обвиненію найти достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ часто оно вынуждено прибѣгать къ ихъ фабрикаціи и какъ, за всѣмъ тѣмъ, рискованно для него положиться на тѣхъ, кого оно нашло или сфабриковало.

Возьмите хотя бы то же дѣло о побѣгѣ Ольги Штейнъ. Много ли дали обвиненію свидѣтели, вызванные прокуроромъ и Шульцемъ? Несравненно больше вѣдь они дали защитѣ, и прокурору пришлось потомъ ихъ всячески опорачивать. «Есть волки въ овечьей шкурѣ, люди съ крестомъ на груди, но съ отсутствіемъ совѣсти»,—такъ, напримѣръ, онъ отозвался объ одномъ изъ такихъ свидѣтелей, о священникѣ Флеровѣ. Убѣждалъ онъ не вѣрить и другому свидѣтелю, одному изъ наиболѣе уважаемыхъ петербургскихъ адвокатовъ, прис. повѣренному Гольдштейну, вызванному со стороны Шульца. «Въ *вашемъ* довѣріи,—отвѣтилъ ему потомъ Бобрищевъ-Пушкинъ,— Гольдштейнъ не нуждается, онъ проживетъ честнымъ человѣкомъ безъ него».

Мало этого: прокуроръ выступилъ даже съ теоріей, что вообще показанія свидѣтелей, даваемыя на судѣ, не многаго стоютъ. И, дѣйствительно, русской прокуратурѣ отъ свидѣтельскихъ показаній—одного изъ важнѣйшихъ судебныхъ доказательствъ—выгоднѣе было бы во многихъ случаяхъ отказаться. Припоминается мнѣ процессъ, въ которомъ передъ судомъ прошло свыше 40 свидѣтелей, вызванныхъ обвинительною властью, и лишь одинъ изъ нихъ

подтвердилъ показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Всѣ другіе показали другое, совершенно не то, что нужно было прокурору.

— Въ виду запамятованія свидѣтеля, прошу огласить ранѣе данное имъ показаніе...

Вновь и вновь приходилось прокурору заявлять это ходатайство. Сначала онъ дѣлалъ это довольно равнодушно, потомъ все нервнѣе и въ концѣ-концовъ дошелъ чуть не до бѣшенства, видя, какъ всѣ собранныя обвиненіемъ доказательства рушатся. Свидѣтели упорно стояли на новой версіи, утверждая, что они теперь лучше припомнили, или что раньше они показали изъ страха, а теперь говорятъ по совѣсти, или, наконецъ, что жандармы не то записали, что они говорили... Прокуроръ отозвался потомъ о нихъ, какъ о лжесвидѣтеляхъ, и убѣждалъ судъ не тому вѣрить, что они говорили теперь, подъ присягой, а тому, что они разсказывали раньше, наединѣ съ жандармами.

— Не слишкомъ ли много, г. прокуроръ, лжесвидѣтелей?—бросилъ ему потомъ выступавшій въ этомъ процессѣ О. О. Грузенбергъ. Не слишкомъ ли много ихъ среди лицъ, которыя вами самимъ были вызваны въ качествѣ «достовѣрныхъ»?

Да, не слишкомъ ли много?.. И не слишкомъ ли легко успокаиваютъ они себя тѣмъ, что это лжесвидѣтели? Вѣдь эти люди вернутся въ свою среду, и тамъ никто не усомнится въ ихъ честности.

Лжесвидѣтели... Всѣ мы знаемъ, какъ нѣкій римлянинъ, отвѣчая допрашивавшимъ его судьямъ, положилъ руку на огонь и сказалъ, что тысяча римскихъ юношей поклялись убить врага ихъ родины. Онъ солгалъ,—этотъ римлянинъ. Но не какъ лжесвидѣтеля записала его исторія на своихъ страницахъ.

Я заимствую этотъ примѣръ у Н. Г. Чернышевскаго, котор му пришлось какъ-то коснуться вопроса объ отношеніи между честностью и правдивостью. По общему правилу онѣ совпадають, должны совпадать. Бываютъ, однако, случаи—исключенія,—когда онѣ рѣзко расходятся: нужно солгать, чтобы поступить по чести и по совѣсти. И «ложь бываетъ во спасеніе». Да, даже христіанскіе учители знаютъ эту ложь, способную спасти душу. Не удивляйтесь же, если свидѣтель, только что поцѣловавшій крестъ и евангеліе, скажетъ вамъ не совсѣмъ то, что было въ дѣйствительности.

Судъ призванъ выяснить правду, всю правду, и во имя ея онъ допрашиваетъ свидѣтеля. И послѣдній долженъ разсказать ему правду, всю правду... Но если свидѣтель заранѣе знаетъ, что судъ воспользуется только частью правды для того, чтобы при ея помощи уничтожить другую часть той же правды, не менѣе цѣнную и для него, свидѣтеля, быть можетъ, еще болѣе дорогую? Что ему дѣлать въ такомъ случаѣ? Что ему дѣлать, если великую двуединую

правду намѣрены разрѣзать и, воспользовавшись истиной, убить справедливость? Не предпочтетъ ли свидѣтель въ такомъ случаѣ спасти душу? И если онъ разскажетъ не только правду или не всю правду, то можно ли его назвать лжесвидѣтелемъ? Встаньте на его точку зрѣнія, и для васъ ясно станетъ, что судъ, который добивается узнать только часть правды и который, завѣдомо, не скажетъ въ своемъ приговорѣ всей правды, какую знаетъ онъ, свидѣтель, является въ его глазахъ лжесудомъ.

И въ такомъ положеніи свидѣтели оказываются во многихъ случаяхъ... Откинемъ даже тѣ непосредственныя послѣдствія, какими сказывается политическая борьба, перенесенная на судебную арену и обращающая нерѣдко судъ въ одну изъ сторонъ, открыто участвующую въ дѣлѣ. Представимъ себѣ, что коронный судъ (тѣмъ вѣдь онъ и хорошъ, какъ утверждаютъ его защитники) стоитъ самъ внѣ политической борьбы и въ то же время сохраняетъ свою независимость отъ тѣхъ, которые судей поставили и которые въ исходѣ политической борьбы очень сильно заинтересованы. Соблюдая полное безпристрастіе, этотъ судъ устанавливаетъ въ своемъ приговорѣ правду, всю правду, при томъ ту ея часть, которая называется справедливостью, онъ беретъ изъ закона. Но вѣдь свидѣтели то знаютъ эту часть правды въ томъ видѣ, въ какомъ народъ хранитъ ее въ своемъ правосознаніи.

Между писанымъ закономъ и народнымъ правосознаніемъ всегда возможно нѣкоторое расхожденіе, какъ потому, что законъ слишкомъ медлителенъ и не всегда поспѣваетъ за народной жизнью и мыслью, такъ и потому, что онъ слишкомъ грубъ въ своихъ нормахъ и не предусматриваетъ всего разнообразія индивидуальныхъ случаевъ. Сгладить эту разницу составляетъ одну изъ задачъ суда совѣсти, и онъ можетъ это сдѣлать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе доказано и по закону считается преступнымъ, онъ можетъ все-таки признать подсудимаго невиновнымъ. Сблизить нѣсколько нормы писанаго права съ народнымъ правосознаніемъ можетъ до извѣстной степени и коронный судъ путемъ соотвѣтствующаго толкованія закона. И этотъ судъ, когда расхожденіе между живою народною совѣстью и отвердѣвшею въ законѣ волею законодателя не велико, можетъ поэтому достаточно удовлетворительно выполнять свою задачу.

Но у насъ это расхожденіе всегда было значительно... Характерно, что судебные уставы воспрещаютъ сообщать присяжнымъ о наказаніи, которое ожидаетъ подсудимаго. Если въ комнатѣ, гдѣ совѣщаются присяжные, окажется уголовное уложеніе, то это уже достаточный поводъ для отмѣны вынесеннаго ими вердикта. Составители судебныхъ уставовъ какъ бы опасались, что представители общественной совѣсти слишкомъ часто будутъ не соглашаться съ тою частью правды, которая должна вноситься въ приговоръ изъ закона, и слишкомъ часто станутъ отходить отъ истины, которая

обнаружилась на судѣ, чтобы приблизиться къ справедливости, которая требуется въ жизни.

Еще характернѣе, что цѣлый рядъ дѣяній съ самаго начала былъ изъятъ изъ вѣдѣнія суда совѣсти и, несомнѣнно, потому именно, что присяжные могутъ рѣзко разойтись съ той оцѣнкой, какая дана имъ въ законѣ и какая желательна правительству.

И это расхожденіе между народнымъ правосознаніемъ и писанымъ закономъ съ теченіемъ времени все увеличивалось. Народная жизнь и народная мысль быстро прогрессировали, а уголовный законъ остался, въ лучшемъ случаѣ, неподвижнымъ. Послѣ тѣхъ громадныхъ потрясеній, какія произошли въ народной жизни, и тѣхъ громадныхъ перемѣнъ, какія совершились въ народномъ сознаніи въ послѣдніе годы, уголовный законъ и народная совѣсть разошлись во многихъ случаяхъ до полной противоположности: преступное по закону, является безразличнымъ, а иногда и похвальнымъ съ точки зрѣнія народнаго правосознанія.

Прибавьте теперь къ этому тѣ послѣдствія политической борьбы, которыя мы откинули. И самъ по себѣ судъ далеко не всегда остается къ ней безразличнымъ, да и по отношенію къ правительству онъ оказался не въ состояніи сохранить свою независимость. Въ своихъ толкованіяхъ закона онъ не только не сближаетъ его съ народнымъ правосознаніемъ, но еще больше отдаляетъ первый отъ послѣдняго и, такимъ образомъ, въ его приговорахъ иногда вовсе не оказывается той справедливости, которой требуетъ общественная совѣсть.

И по отношенію къ той части правды, которую составляетъ истина, судъ далеко не всегда оказывается безпристрастнымъ. Достаточно извѣстно, напримѣръ, какъ предсѣдатели руководятъ иной разъ судебнымъ слѣдствіемъ и преніями, какъ охотно они раздвигаютъ ихъ рамки въ ту сторону, которая нужна правительству, препятствуютъ раздвинуть ихъ въ ту, которой заинтересовано общество. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ классическій примѣръ, какъ было проведено дѣло Лопухина.

Что же удивительнаго, если граждане лицомъ къ лицу съ такимъ закономъ и такимъ судомъ превращаются въ укрывателей?. Не о томъ ужъ приходится думать, какъ бы настигнуть при помощи суда преступника, а о томъ, какъ бы укрыть отъ суда невиновнаго. И эта склонность къ укрывательству захватила уже очень широкіе круги.

Припомните, сколько за послѣдніе годы разсмотрѣно русскими судами хотя бы только литературныхъ и политическихъ дѣлъ, по которымъ общественная совѣсть, завѣдомо, рѣзко расходится съ уголовнымъ закономъ!. Сколько, съ другой стороны, дѣлъ объ убійствахъ, разбояхъ, грабежахъ и т. д. изъято изъ общей подсудности, т. е. отъ суда общественной совѣсти, и передано въ

военные трибуналы!. Приведу маленькій, но характерный на этотъ счетъ фактъ.

По установившемуся въ с.-петербургскомъ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ обычаю, помощникъ могъ получить званіе присяжнаго повѣреннаго лишь въ томъ случаѣ, если онъ не меньше десяти разъ выступалъ въ качествѣ защитника въ судѣ съ присяжными засѣдателями. И вотъ отъ этого обычая пришлось теперь отказаться. Оказались помощники, неустанно работавшіе въ теченіе всего стажа, какъ защитники,—«не выходившіе изъ фрака», какъ говорятъ адвокаты,—и не смогшіе насчитать въ своей практикѣ десяти дѣлъ съ присяжными засѣдателями. Можно было бы назвать нѣсколько именъ, извѣстныхъ на всю Россію адвокатовъ, которые ни разу не выступали въ судѣ присяжныхъ. Слишкомъ много дѣлъ въ военныхъ судахъ и особыхъ присутствіяхъ!

Подумайте, сколько прошло по этимъ дѣламъ подсудимыхъ, свидѣтелей, публики... Сколько лицъ непосредственно освоилось уже съ психологіей укрывательства. Сколько людей пережило ее, такъ сказать, заочно, слушая разсказы и читая газетные отчеты!.

Я упомянулъ лишь о такихъ дѣлахъ и о такихъ судахъ, въ которыхъ завѣдомо не участвуетъ народное правосознаніе. Но вѣдь и съ судомъ присяжныхъ дѣло обстоитъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ благополучно. Не рѣдко вѣдь возникаютъ сомнѣнія, можно ли приговоры, постановленные съ ихъ участіемъ, считать выраженіемъ общественной совѣсти.

Какъ бы то ни было, довѣріе къ суду въ широкихъ уже кругахъ общества подорвано. А въ народныхъ массахъ оно и не было воспитано. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, оно могло взяться въ крестьянствѣ?. Не волостные же суды могли его воспитать и тѣмъ паче не земскіе начальники...

V.

Читатели не подумаютъ, конечно, что такое отношеніе къ суду я считаю нормальнымъ. Мнѣ хотѣлось лишь напомнить о томъ положеніи, въ какомъ находится русское правосудіе.

Съ одной и съ другой стороны—укрыватели... Не рѣдко судъ, какъ я уже упоминалъ, присоединяется къ одной изъ этихъ сторонъ или насильно къ ней бываетъ притянутъ,—онъ самъ какъ бы становится укрывателемъ. Напомню хотя бы то, какъ обыкновенно проходятъ процессы, въ которыхъ бываетъ замѣшана полиція. Само собой понятно, что въ такихъ случаяхъ судъ какъ бы исчезаетъ: остаются лишь двѣ стороны, между которыми и происходитъ борьба съ заранѣе предрѣшеннымъ, въ сущности, исходомъ.

Мнѣ хотѣлось бы, однако, въ дальнѣйшемъ исходить изъ пред-

положенія, что судъ сохраняетъ безпристрастіе и независимость. Допустимъ, что онъ озабоченъ только одной правдой: онъ желаетъ выяснить истину, чтобы сочетать ее со справедливостью.

Вникните въ его положеніе,—и для васъ ясно станетъ его безсиліе. Вѣдь даже на свои вспомогательные органы онъ не можетъ положиться. Цѣлый рядъ характерныхъ эпизодовъ вскрылся на этотъ счетъ во время хотя бы того же суда надъ адвокатами. Нѣкоторые изъ нихъ я уже приводилъ. Можетъ ли судъ настигнуть преступника, если прокуроръ освободилъ его отъ суда собственною милостью? Не легко суду наказать преступника и въ томъ случаѣ, если самъ прокуроръ учитъ его, какъ избѣгнуть наказанія. Но вотъ вамъ и еще эпизодъ.

Допрашивается слѣдователь Александровъ.

— Настоящее дѣло таково—показываетъ онъ,—что свиданія Шульца со Штейнъ должны были быть запрещены до самаго слушанія дѣла. Это мое категорическое мнѣніе, и я о немъ поставилъ въ извѣстность прокурорскій надзоръ, который со мною согласился.

— Значитъ, если бы эти свиданія состоялись даже по окончаніи слѣдствія...

— Это, несомнѣнно, повредило бы правосудію.

Слѣдователь желалъ облегчить правосудіе и прокурорскій надзоръ съ нимъ соглашался. Но потомъ тутъ же, гдѣ-то около суда и, вѣроятнѣе всего, въ томъ же прокурорскомъ надзорѣ, нашлись люди, которые постарались повредить ему.

— Въ концѣ 1909 г. — заявилъ суду Бобрищевъ-Пушкинъ. — между Шульцемъ и Штейнъ состоялось нѣсколько свиданій, и притомъ разрѣшенныхъ оффиціально, о чемъ можно удостовѣриться изъ записей въ тюремной книгѣ. Въ частности, одно свиданіе происходило 24 декабря 1909 года, когда по оффиціальному сообщенію Ольга Штейнъ хворала натуральной оспой. Для выясненія того, какимъ образомъ даны были эти свиданія, прошу вызвать члена тюремной инспекціи Д. Н. Талалаева и обращаю вниманіе, что г. Шульцъ отрицалъ сношенія съ Штейнъ.

— Но сношенія и свиданія — это разныя вещи! — пробуетъ увѣрить Замысловскій.

Что свиданія были, этого не отрицалъ и представитель прокурорскаго надзора. Но были и «сношенія», какъ ихъ назвалъ г. Замысловскій. Братъ Шульца, между прочимъ, показалъ, что священникъ Флеровъ «принесъ имъ много пользы, такъ, напримѣръ, онъ проносилъ письма изъ тюрьмы къ нимъ и отъ нихъ въ тюрьму къ Е. Шульцу». То же подтвердилъ и другой свидѣтель, лейтенантъ Корецкій, который, по его словамъ, «однажды даже вручилъ пакетъ съ такими письмами отъ Шульцевъ къ о. Флерову».

О. Флеровъ это — тюремный священникъ, и на него, оказывается, судъ не можетъ положиться. Еще меньше онъ можетъ положиться на полицію, которая производитъ розыски, не можетъ онъ положиться, какъ мы видѣли, и на свидѣтелей. Даже докумен-

тамъ, которые ему представляютъ, онъ не можетъ вѣрить. Чувствуя свое безсиліе выяснить истину, онъ хватается за жандармовъ, за охранныя и сыскныя отдѣленія, за негласныя свѣдѣнія— за все, что не провѣрено и что въ силу этого не опровергнуто,— и въ результатѣ еще больше роняетъ авторитетъ правосудія. Но къ этой сторонѣ я не буду возвращаться. Интереснѣе сейчасъ отмѣтить другую.

Возьмемъ тѣ случаи, когда суду удается такъ или иначе выяснить, въ возможныхъ для него предѣлахъ, истину, обнаружить и настичь преступника. Онъ опускаетъ на его голову мечъ,—и вдругъ этотъ мечъ оказывается картоннымъ.

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить у насъ о святости и незыблемости судебныхъ приговоровъ? Извѣстны вѣдь случаи, когда ихъ отмѣняла, напримѣръ, охрана. Судъ приговоритъ человѣка къ каторгѣ, тамъ онъ и долженъ находиться;—оказывается, однако, что онъ состоитъ на службѣ въ качествѣ сотрудника.

Хорошо извѣстенъ и другой способъ отмѣнять судебные приговоры. Для этого нужно только своевременно записаться въ союзники. Неохотно русскіе суды судили и осуждали, напримѣръ, погромщиковъ, но все-таки такихъ приговоровъ было не мало. Многіе ли изъ нихъ сохранили до конца свою силу?

Имѣются и другіе способы... Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда судебные приговоры формально выполнены, въ своей существенной части они оказываются аннулированными. Не въ томъ вѣдь только дѣло, что судъ причинитъ своимъ приговоромъ физическую боль или заставитъ претерпѣть матеріальныя неудобства и лишенія; еще важнѣе нравственный ударъ, который онъ наноситъ подсудимому. И вотъ этотъ-то ударъ во многихъ случаяхъ оказывается совершенно недостигшимъ цѣли.

Гурко—осужденъ, но въ своихъ сферахъ онъ, какъ былъ, такъ и остается persona grata. Не разъ ужъ появлялись слухи, что его назначатъ даже министромъ. Про низшія должности, въ особенности, полицейскія, и говорить нечего, — тамъ осужденные—не рѣдкость. Получившій одинъ изъ самыхъ сильныхъ въ нравственномъ отношеніи судебныхъ ударовъ, Шмидъ, не постѣснился явиться даже въ Государственную Думу. И послѣ того, какъ онъ былъ выгнанъ оттуда, онъ еще выступалъ въ роли представителя духовенства.

Юскевичъ-Красковскій и Половневъ были осуждены за убійство. И ихъ не только освободили отъ наказанія,—они сдѣлались героями, въ ихъ честь былъ устроенъ праздникъ. И по сейчасъ ихъ превозносятъ. «Земно кланяюсь имъ и ихъ страданіямъ—пишетъ какой-то Азъ-Люди въ «Русскомъ Знамени». — Ради сихъ двухъ праведниковъ-страдальцевъ, Богъ нашъ, по обѣтованію, сохранитъ наше отечество непоколебленнымъ» *).

---

*) Цитирую по „Голосу Москвы“, отъ 12 февраля.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Такъ относится къ судебнымъ приговорамъ одна сторона... Но и у другой они не пользуются нравственнымъ авторитетомъ.

— Я знаю, — заявилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ г. Аронсонъ,—что сочувствіе товарищей будетъ всегда на моей сторонѣ и, когда я сойду съ этой скамьи, они будутъ пожимать мнѣ руки такъ же, какъ пожимали послѣ каждаго выпада прокурора.

— Прокуроръ меня обвиняетъ, — говорилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ г. Базуновъ,—въ томъ, что я заручился общественнымъ сочувствіемъ. Да, это такъ. И оно не оставитъ меня до могилы...

Представьте себѣ, что прокуратура сумѣла бы достигнуть поставленной ей цѣли, и «адвокаты» были бы осуждены,—ихъ авторитетъ въ той средѣ, гдѣ они имъ пользуются, нисколько этимъ, вѣроятно, не былъ бы поколебленъ.

Еще недавно къ «лишенному правъ» имѣлось въ общественной средѣ опредѣленное отношеніе: человѣка, имѣющаго на паспортѣ такую отмѣтку, многіе не рѣшились бы оставить въ своемъ домѣ. Нравственная личность опороченнаго по суду стояла очень низко въ общественномъ мнѣніи. Имѣется ли такое отношеніе теперь? и тѣмъ болѣе сохранится ли оно потомъ, когда возвратятся изъ тюремъ, изъ ссылки и изъ каторги, отправленные туда въ такомъ громадномъ числѣ судебными приговорами послѣднихъ лѣтъ?

Вспоминается мнѣ одна дѣвочка,—дочь интеллигентныхъ родителей, проведшихъ значительную часть своей жизни въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Выросшая въ средѣ ссыльныхъ, она была искренно поражена, когда у ея отца оказался пріятель, никогда не сидѣвшій въ тюрьмѣ: такъ она привыкла, что тамъ побывали всѣ друзья ихъ семьи, всѣ хорошіе люди, которыхъ она знала.

Таково отношеніе къ тюрьмѣ, давненько уже сложившееся въ замкнутыхъ кружкахъ интеллигенціи. Мнѣ кажется, что подобное этому отношеніе складывается теперь въ широкихъ кругахъ народа къ судебнымъ приговорамъ. Дѣти растутъ, не думая и не предполагая, что судъ, какъ таковой, можетъ нравственно убить человѣка, что онъ можетъ кого-либо опорочить... Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что кары, расточаемыя теперь въ такомъ изобиліи русскимъ судомъ, будутъ даже разсматриваться потомъ, какъ своего рода знаки отличія...

VI.

Общественная совѣсть не съ ними,—сказалъ я. Когда это обнаруживается съ полной очевидностью, то ихъ на минуту охватываетъ растерянность. Но вообще то они ни мало не смущены этимъ: судъ-то вѣдь въ ихъ рукахъ. И они широко пользуются имъ въ своихъ видахъ.

Словъ нѣтъ, судъ—это могущественное оружіе въ политической борьбѣ. Но оно изъ числа тѣхъ, которыя особенно быстро притупляются. Въ значительной мѣрѣ русскій судъ, какъ мы видѣли, утратилъ способность наносить мѣткіе и сильные удары, обнаруживать и настигать тѣхъ, кого имъ нужно: общественная среда смыкается передъ нимъ, укрывая «преступниковъ». Реакціонеры чувствуютъ это и спѣшатъ отточить находящееся въ ихъ рукахъ оружіе.

Возьмите хотя бы этотъ походъ противъ адвокатовъ. Съ ихъ точки зрѣнія, это—несомнѣнные укрыватели. Это адвокаты облегчаютъ заключеннымъ сношенія съ волей, это они сбиваютъ своимъ допросомъ свидѣтелей, это они своими рѣчами вызываютъ сочувствіе къ подсудимымъ. И вотъ прилагаются всѣ усилія, чтобы обуздать адвокатуру: защитниковъ лишаютъ свиданій съ обвиняемыми, вмѣшиваются въ отношенія между ними, «обрываютъ» адвокатовъ во время судоговоренія, стараются, съ одной стороны, запугать ихъ судебными процессами, съ другой—скомпрометировать. Вообще «они» не прочь были бы свести на нѣтъ институтъ защиты. Тогда имъ легче будетъ добираться съ судебнымъ мечомъ до враговъ правительства...

Но они забываютъ, что письма изъ тюрьмы и въ тюрьму можетъ проносить не только адвокатъ, но и священникъ,—человѣкъ съ крестомъ на груди и не всегда, быть можетъ, съ отсутствіемъ въ ней совѣсти. Помогать «сношеніямъ» иногда не отказывается даже тюремщикъ... Они не хотятъ понять, что свидѣтель и безъ адвокатскаго вмѣшательства чуетъ, гдѣ правда, и инстинктивно становится на ея защиту, что не адвокатъ сбиваетъ его съ нужнаго имъ толка, а общественное мнѣніе. Они упускаютъ изъ виду, что и помимо адвокатскихъ рѣчей общественное сочувствіе тѣмъ, кого они судятъ, часто бываетъ обезпечено.

Справедливость можно убить на судѣ, но нельзя и во всякомъ случаѣ не скоро удастся убить ее въ народномъ правосознаніи. И чѣмъ большею опасностью грозитъ ей судъ, тѣмъ плотнѣе становится атмосфера укрывательства.

Главное же, чѣмъ больше «оттачиваютъ» они находящійся въ ихъ рукахъ судъ, тѣмъ все больше и больше теряетъ онъ свою нравственную силу. Взять хотя бы ту же защиту, которую они стремятся свести на нѣтъ. Приведу по этому поводу слова, на которыя сослался въ своей прекрасной рѣчи по дѣлу Гиллерсона О. О. Грузенбергъ. «Отрицаніе защиты есть отрицаніе правосудія. Процессъ, гдѣ обвиняемый поставленъ лицомъ къ лицу противъ обвиненія, вооруженнаго всесильною помощью государства, не достоинъ имени судебнаго разбирательства; онъ превращается въ травлю».

Судъ—сказалъ я—могучее оружіе. Но они совсѣмъ уже почти сточили этотъ мечъ, который далеко еще не вполнѣ и далеко еще

не весь былъ закаленъ въ горнилѣ исторической жизни. Теперь едва ужъ виднѣется полоска стали, а дальше идетъ желѣзо... Правда, изъ желѣза легко ковать цѣпи, но не онѣ вѣдь имъ нужны.

«Государство — говорилъ О. О. Грузенбергъ — знаетъ чуткую отзывчивость общества и даже въ тѣ тяжелые историческіе моменты, когда близорукій страхъ за утрату той или иной отжившей формы толкаетъ его къ неоглядному произволу, онъ предпочитаетъ скорѣе симулировать судъ, чѣмъ отъ него отказаться» *).

Не цѣпи имъ нужны, не средства для физическаго только воздѣйствія. И безъ того такихъ средствъ, начиная отъ кулачной расправы и кончая карательными экспедиціями, имѣется богатый ассортиментъ въ ихъ распоряженіи.

— Вѣдь наказать человѣка—хитрость не велика, позвольте вамъ сказать. Взялъ, засадилъ его въ темную, или тамъ всыпалъ горячихъ — это труда не составляетъ. Хитрости тутъ большой нѣтъ... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойтить, виновенъ ли, молъ, ты, или же нѣтъ, — вотъ что главное!.. А такъ то, не разобравши дѣловъ - то, да предать наказанію—тутъ правды, я такъ думаю, нѣтъ нисколько! **).

Такъ думаетъ буфетчикъ какого-то пароходишка, совершающаго рейсы на какой-то рѣченкѣ; къ этому выводу придетъ всякій, кто задумается объ отношеніяхъ власти къ обывателю. И они вынуждены съ этимъ считаться.

Имъ нуженъ нравственный авторитетъ, безъ котораго государство обращается въ разбойничью организацію. И они чувствуютъ, что прежде всего и больше всего въ судѣ видитъ этотъ авторитетъ населеніе.

Нерѣдко — говорилъ въ цитированной уже рѣчи г. Грузенбергъ— несправедливый отвратительный налогъ, непроизводительная трата народныхъ средствъ тревожатъ не такъ глубоко общественную совѣсть, будятъ въ ней не столь острое чувство протеста, какъ сознаніе напрасно загубленнаго судомъ человѣческаго существованія. Надъ мертвой зыбью равнодушной повседневности внезапно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ культурнаго міра вспыхиваютъ негодованіе и боль по поводу отдѣльнаго случая судебной неправды. Чувства эти растутъ и крѣпнутъ, захватываютъ и объединяютъ множество людей, заставляя ихъ на время забыть антагонизмъ національныхъ, религіозныхъ и классовыхъ интересовъ. Въ эти дни самая робкая, задавленная страхомъ душа шлетъ свой горячій укоръ государству... Общество, и понынѣ прощая государству много грѣховъ, не желаетъ попускать одного грѣха—неправосудія.

Именно судъ имъ нуженъ, а не карательная экспедиція... И вотъ этотъ то судъ реакція почти весь уже «сточила».

*) Цитирую по „Рѣчи" отъ 30 октября 1909 г.
**) Гл. И. Успенскій. „Маленькіе недостатки механизма".

VII.

Оружіе, которымъ владѣетъ нашъ врагъ, приходитъ въ негодность... Но намъ нельзя этому радоваться.

Дѣло, повторяю, не въ томъ только, кто кого больнѣе ударитъ. Какъ бы не пострадало и не погибло при этомъ то, изъ-за чего самая борьба ведется! Они желаютъ упрочить свое право, мы желаемъ утвердить народное, но какъ бы не исчезла та основа, на которой только и можетъ держаться всякое право!

Не судъ только я имѣю въ виду. Судъ, какъ учрежденіе, если бы онъ оказался даже совсѣмъ разрушеннымъ, возстановить было бы, пожалуй, не такъ трудно. Человѣчествомъ созданы уже достаточно совершенныя формы суда и нужно только ими воспользоваться. Гораздо важнѣе народная психологія, тотъ комплексъ мыслей и чувствъ, который имѣется въ народномъ сознаніи и на который опирается судъ въ своей дѣятельности.

Выше я упомянулъ, что дѣти растутъ безъ страха передъ судомъ. Прибавлю, что они растутъ и безъ надежды на него. Мы это по себѣ знаемъ.

Возьму хотя бы насъ, писателей. Еще не такъ давно на судъ мы надѣялись,—можно сказать, мечтали о томъ, когда насъ судить будутъ. Даже петиціи объ этомъ подавали. Подобно вышеупомянутому буфетчику, мы думали:

— Который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который ежели есть преступникъ или, такъ сказать, злодѣй какой-нибудь, такъ того наказывай. Больше ничего...

И такъ же, какъ этотъ буфетчикъ полагали, что для этого именно «дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ». Теперь мы уже не мечтаемъ о судѣ, мы на опытѣ узнали, для чего именно дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ, даже слишкомъ хорошо узнали. И, какъ писатели, мы уже не можемъ воспитывать довѣріе къ суду, поддерживать надежду на него.

Въ качествѣ писателя, посмотришь-посмотришь иной разъ вокругъ и невольно вспомнишь странницу Ѳеклушу съ ея разсказами о «поганыхъ странахъ», гдѣ суды, «что ни судятъ они, все неправильно».

— И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ *)...

Невольно иной разъ подумаешь, не на счетъ ли Россіи этой

*) А. Н. Островскій „Гроза".

страннице видѣніе было,—въ родѣ какъ бы пророчествой. Вѣдь почти то же самое намъ теперь въ своихъ статьяхъ писать приходится...

Но утратой страха передъ судомъ и надежды на него не ограничиваются тѣ измѣненія, какія происходятъ въ народной психологіи подъ давленіемъ неумолимыхъ фактовъ жизни.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы тотъ выборъ между правдивостью и честностью, между истиной и справедливостью, о которомъ я говорилъ выше. Труденъ и мучителенъ этотъ выборъ. Между тѣмъ не объ исключительныхъ людяхъ шла у насъ рѣчь. Во многихъ случаяхъ этотъ выборъ оказывается неизбѣжнымъ и для заурядныхъ людей, даже для малоразвитыхъ и нравственно неустановившихся. Какой слѣдъ онъ оставляетъ въ ихъ душѣ? И какими послѣдствіями эта необходимость «кривить душой» можетъ сказаться въ коллективной психологіи?

Общественная совѣсть разрѣшаетъ, какъ мы видѣли, а иногда и требуетъ, чтобы человѣкъ солгалъ передъ лжесудомъ, она позволяетъ и даже заставляетъ ложью предотвращать несправедливость. Тѣ, которыхъ прокуроръ назвалъ «лжесвидѣтелями», а я—«укрывателями», возвращаются изъ суда съ сознаніемъ исполненнаго ими долга,—такъ и общество относится къ нимъ... Но это не можетъ вѣдь пройти совершенно безслѣдно: постепенно можетъ вѣдь установиться пренебрежительное отношеніе вообще къ судебной истинѣ, и не караемая общественнымъ мнѣніемъ ложь начнетъ разростаться. Найдутся люди, которые станутъ пользоваться общественнымъ попустительствомъ не только ради справедливости, но и ради корысти... Представьте же себѣ, что вы получите, наконецъ, настоящій судъ и законы, совпадающіе съ народнымъ правосознаніемъ. Будетъ ли обезпечена тогда правда, вся правда въ судебныхъ приговорахъ? Справедливость, какъ ее понимаетъ въ данный моментъ общество, будетъ выражена въ законѣ, но вѣдь нужно еще найти истину въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не окажется ли и настоящій судъ въ затрудненіи? Какъ бы ему не пришлось считаться съ подлинными лжесвидѣтелями!..

Возьмите, наконецъ, отношеніе къ судебнымъ приговорамъ, какое все больше устанавливается, если уже не установилось, съ той и другой стороны,—справа и слѣва. Судебные приговоры, какъ мы видѣли, аннулируются въ полной мѣрѣ или въ наиболѣе существенной, моральной, ихъ части. Такимъ образомъ исчезаетъ всѣми признанная юридическая квалификація людей и ихъ дѣяній. Но эта квалификація нужна вѣдь не только тѣмъ, которые въ данный моментъ дѣйствуютъ именемъ государства, но и народу, который создалъ это государство, между прочимъ, для борьбы съ лиходѣями. Въ чемъ онъ найдетъ отъ нихъ защиту?

Правда, и съ упраздненіемъ суда въ его распоряженіи для борьбы съ лиходѣями остается средство: это—общественное мнѣ-

ніе, этическая квалификація людей и ихъ дѣяній. Но это средство, завѣдомо, недостаточно: слишкомъ оно слабо и не всякаго оно можетъ поразить въ надлежащей мѣрѣ; въ то же время оно слишкомъ неуловимо, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его можно было фиксировать. Не случайно вѣдь общественное мнѣніе ищетъ себѣ поддежку и выраженіе въ судебныхъ приговорахъ,—если не оффиціальнаго суда, то суда чести или третейскаго.

Если бы дѣло касалось только политическихъ дѣятелей и политическихъ дѣяній, то общественное мнѣніе сравнительно легко могло бы функціонировать. Оно, вѣроятно, очень скоро приспособилось бы къ оффиціальнымъ приговорамъ и стало бы ихъ воспринимать по своему: по ихнему закону такъ выходитъ, а по нашему, стало быть, напротивъ... Но въ томъ-то и дѣло, что грань между политическими и уголовными дѣяніями не всегда видна, во многихъ случаяхъ она оказывается стертой.

Эта грань постерлась уже во время революціи, въ разгаръ которой уголовщина примѣшалась къ политикѣ, и общественное мнѣніе не всегда оказывалось въ состояніи отличить, гдѣ кончается одна и начинается другая. Теперь эта грань преднамѣренно стирается реакціей, которая, съ одной стороны, перемѣшиваетъ политическихъ преступниковъ съ уголовными, съ другой—чистыя дѣянія съ позорящими. Настоящій судъ, конечно, сравнительно легко разобрался бы въ этой путаницѣ и тѣмъ облегчилъ бы общественное мнѣніе въ его борьбѣ съ порочностью и преступностью. Но такого суда нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, на приговоры суда, какой имѣется, нельзя положиться.

Съ одной стороны, получаются вѣдь такіе приговоры: убійца, грабитель, клеветникъ... Но можетъ ли общество положиться на эти аттестаціи, когда ему извѣстно, что Базуновъ и Пергаментъ чуть-чуть не были объявлены укрывателями мошенничества? Вѣдь если бы ихъ дѣло разсматривалось въ судебной палатѣ или въ военномъ судѣ, то почти навѣрняка такъ бы и было. Возьмите «клеветниковъ»... Какъ много уже русскихъ писателей обвинено въ распространеніи якобы завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, т. е. объявлено клеветниками. Но можетъ ли у кого быть увѣренность, что они дѣйствительно были таковыми?

Съ другой стороны, получаются такіе приговоры: нѣтъ, не убійца, не воръ, не мошенникъ... Но и на нихъ вѣдь общество не рѣшается положиться. Я только что упомянулъ о «клеветникахъ» въ печати... Не такъ давно г. Пуришкевичъ судился за распространеніе путемъ печати завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности фондовой коммиссіи студентовъ горнаго института и былъ оправданъ судомъ. Но въ обществѣ нѣтъ увѣренности, что этотъ оправдательный приговоръ болѣе справедливъ, чѣмъ тѣ обвинительные приговоры, которые вынесены тѣмъ же судомъ многимъ писате-

лямъ за распространеніе «ложныхъ свѣдѣній» о дѣятельности правительства.

Положиться на приговоры суда нельзя, но и игнорировать ихъ—тѣмъ болѣе всегда понимать наоборотъ — тоже не возможно. Обвинительные приговоры вѣдь выносятся и подлиннымъ преступникамъ; оправдываются вѣдь и невинные люди. Въ конечномъ счетѣ судебные приговоры не только не облегчаютъ этическую работу общества, но еще затрудняютъ ее, усиливая путаницу. Въ общественной средѣ, несомнѣнно, имѣются порочные люди, остающіеся безнаказанными; такъ же несомнѣнно, что имѣются совершенно чистые люди, объявленные порочными. И общественное мнѣніе далеко не всегда оказывается въ состояніи разобраться въ этомъ.

У насъ очень любятъ говорить о переоцѣнкѣ моральныхъ цѣнностей. Одни ждутъ, что при этомъ будутъ открыты какія-то новыя богатства; другіе переоцѣнкой именно объясняютъ терпимое отношеніе общества къ завѣдомо порочнымъ своимъ элементамъ. Всѣ эти разговоры о переоцѣнкѣ — пустяки, конечно: не такъ-то легко пріобрѣтаются новыя моральныя цѣнности и не такъ-то легко общество отказывается отъ тѣхъ, которыя уже пріобрѣтены имъ. Гораздо важнѣе и несомнѣннѣе, по моему мнѣнію, другой фактъ: общество, привыкшее въ своей этической работѣ къ правовой поддержкѣ, не всегда пользуется, да и не въ состояніи воспользоваться, имѣющимися въ его распоряженіи этическими нормами.

Говорятъ, что право, которое не дѣйствуетъ, умираетъ; но и мораль, которая не дѣйствуетъ, сохраниться вѣдь не можетъ. Я не знаю, куда мы въ концѣ концовъ придемъ: можетъ быть, въ обществѣ съ особою силою вспыхнетъ моральное чувство, и оно безъ государственной поддержки справится съ имѣющимися въ его средѣ порочными и преступными элементами; но возможно, что оно впадетъ въ нравственное безразличіе и тогда государство, при всѣхъ своихъ рессурсахъ и какъ-бы ни была реформирована его организація, не скоро съ ними справится...

Можно было бы указать и другія возможныя послѣдствія того лжесуднаго состоянія, въ которомъ очутилась Россія. Но и сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы понять, какая опасность грозитъ намъ. Утрачивается уваженіе къ суду, атрофируется потребность въ немъ... Рѣчь идетъ уже не о судѣ только, но и о тѣхъ основахъ, на которыхъ зиждется моральный авторитетъ государства,—его истинная мощь и его истинное величіе.

Не широки у насъ эти основы.—далеко не во всей еще массѣ населенія онѣ заложены. И не глубоко еще онѣ нашей исторіей зрыты. Тѣмъ легче онѣ могутъ быть расшатаны.

Но не мы, конечно, будемъ этому радоваться...

VIII.

Русская политическая жизнь въ предназначенной ей области напоминаетъ собою театральное представленіе. Такъ же, какъ на сценѣ, напримѣръ, происходитъ въ ней смѣна дѣйствующихъ лицъ: появляются одни, исчезаютъ другія, — не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя группы.

Куда дѣвались, напримѣръ, соціалисты-революціонеры? Еще недавно ихъ было такъ много и они были такъ видны. А теперь...

У поверхностнаго наблюдателя легко вѣдь можетъ, пожалуй, получиться впечатлѣніе, что отъ соціалистовъ-революціонеровъ остались только Бурцевъ и изобличаемые имъ провокаторы.

Да и вообще лѣвые какъ-то стушевались,—отошли къ сторонкѣ или вовсе ушли со сцены.

За то октябристы, напримѣръ, видны, какъ на ладони. Третій уже годъ они занимаютъ авансцену. А передъ тѣмъ вѣдь ихъ не удостоивали почти вниманія. Припомните хотя бы зиму 1905—1906 годовъ,—кто тогда думалъ объ октябристахъ?

Въ жизни, конечно, они и тогда были—только ихъ не было или ихъ не замѣчали на сценѣ. Точно такъ же и теперь: соціалисты-революціонеры, конечно, не совсѣмъ исчезли,—они только не участвуютъ въ «дѣйствіи», находятся какъ бы за кулисами. Правильнѣе, быть можетъ, будетъ сказать: они ушли въ залу, смѣшались съ публикой, находятся среди зрителей, слѣдящихъ за дѣйствіемъ, какое происходитъ на сценѣ, но непосредственно въ немъ не участвующихъ.

Я имѣю, конечно, въ данномъ случаѣ въ виду не клички, подъ которыми выступали и выступаютъ дѣйствующія лица, не опредѣленныя ихъ сочетанія, не партійныя группировки. Послѣднія могутъ, пожалуй, довольно быстро складываться и распадаться. Но необходимые для нихъ элементы—люди съ данными идеалами и интересами, съ данной соціальной позиціей и душевнымъ складомъ, съ данными мыслями, чувствами, склонностями и навыками,—довольно медленно, по общему правилу, наростаютъ и исчезаютъ въ жизни.

Такова одна изъ условностей политической сцены: не всѣ имѣющіяся въ странѣ силы принимаютъ непрерывное и равномѣрное участіе въ политическихъ дѣйствіяхъ. Съ этой условностью приходится считаться и въ другихъ странахъ, но у насъ она проявляется съ особою силою,—быть можетъ, потому, что мы слишкомъ недавно еще пользуемся политическою и при томъ очень убогою сценою; можетъ быть, потому, что мы еще не научились вести политическую борьбу. Можно сказать, что мы ведемъ ее такъ же, какъ воюютъ дикія племена и даже иррегулярныя войска,

вродѣ нашихъ казаковъ. Съ гикомъ и крикомъ они набрасываются на непріятеля, но, встрѣтивъ энергичный отпоръ, разсыпаются и бѣгутъ съ поля битвы. Но это еще не значитъ, что они окончательно разбиты, совсѣмъ уничтожены. Гдѣ-то тамъ—«въ кустахъ»—они, быть можетъ, оправятся духомъ, опять соберутся и вновь появятся. Кто-то уже сравнивалъ политическую борьбу, какъ она ведется у насъ, съ извѣстными кулачными боями, съ «маневрами партіей на партію», съ дракой «стѣнка на стѣнку». Сначала одни гонятъ своихъ противниковъ черезъ все поле, потомъ другіе,—и наблюдатель, который пожелалъ бы уяснить себѣ соотношеніе силъ и найти линію равновѣсія между ними, оказался бы въ большомъ затрудненіи.

Имѣется въ политической жизни и другая условность, тоже сближающая ее съ театральнымъ представленіемъ и опять-таки особенно замѣтная у насъ: не все, имѣющее значеніе, для исхода драмы совершается на сценѣ, передъ глазами зрителей; многое происходитъ (или предполагается происходящимъ) гдѣ-то тамъ, за кулисами. Отъ искусства драматурга зависитъ такъ скомпоновать пьесу, чтобы все существенное происходило передъ публикой. Чѣмъ больше послѣдняя видитъ и чѣмъ меньше ей приходится узнавать изъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ и по догадкѣ, тѣмъ лучше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, считается пьеса.

И вотъ если бы съ этой мѣркой подойти къ политической драмѣ, которая происходитъ въ Россіи, то пришлось бы признать ея автора совершенно безталаннымъ. Наиболѣе существенные ея моменты совершаются гдѣ-то внѣ общественнаго кругозора—за правительственными кулисами и въ подпольѣ. На политической сценѣ нерѣдко происходитъ скучная и никому ненужная канитель, перемежающаяся чисто-водевильными выходками, тогда какъ въ жизни совершается въ это время несомнѣнная трагедія. Возможно, что и это объясняется нашей непривычкой къ политической жизни, слишомъ тѣсной для нея сценой, неумѣньемъ однихъ и нежеланіемъ другихъ занять на ней подобающее имъ мѣсто.

Съ особою силою обѣ отмѣченныя мною условности даютъ о себѣ знать въ переживаемое нами время.

На политической сценѣ происходитъ движеніе. Трудно пока сказать,—начнется ли новый актъ, которому обыкновенно предшествуетъ спускъ занавѣса, или только новое явленіе. Во всякомъ случаѣ подготовляется новая комбинація дѣйствующихъ лицъ: октябристы должны будутъ, повидимому, уступить свое мѣсто націоналистамъ. Но это не значитъ, конечно, что картина, которая получится послѣ этого на политической сценѣ, будетъ соотвѣтствовать соотношенію силъ, какое имѣется въ жизни.

Съ одной стороны, хорошо вѣдь извѣстно, что за правительственными кулисами скрываются другія силы, оказывающія несомнѣнное вліяніе на ходъ русской драмы. Не разъ вѣдь возни-

калъ даже вопросъ, гдѣ находится дѣйствительное правительство: на сценѣ или за кулисами. Нѣкоторые вѣдь полагаютъ, что правительство г. Столыпина это—только видимость. Да и что такое представляетъ изъ себя это правительство? Генералъ Толмачевъ, вызвавъ къ себѣ какъ-то редактора «Одесскаго Слова», завѣрилъ его, что г. Столыпинъ, какъ ему хорошо извѣстно, «такой же убѣжденный и вѣрноподданный монархистъ, какъ и всѣ крайніе правые» *). Если это такъ, то выходитъ, что г. Столыпинъ только прикидывался октябристомъ; и теперь онъ, можетъ быть, только прикинется націоналистомъ, а въ дѣйствительности будетъ выполнять то, что считаютъ нужнымъ и возможнымъ скрывающіеся за г. Дубровинымъ.

Съ другой стороны, какъ ни обезсилены сейчасъ лѣвые, нельзя думать, что именно націоналисты представляютъ изъ себя равнодѣйствующую имѣющихся въ странѣ силъ, что именно ихъ выступленіе знаменуетъ установившееся равновѣсіе, что на козоводствѣ именно успокоится Россія. Напротивъ, неожиданность ихъ появленія на политической сценѣ означаетъ скорѣе другое: вѣдь не жизнь ихъ выдвинула, а какъ будто режиссеромъ они какимъ выпущены. И если бы нужно было аргументировать, что равновѣсіе еще не найдено и не установилось, то въ этомъ именно появленіи новыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ отсутствіи на сценѣ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ драмѣ раньше, можно было бы найти одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что не наступилъ еще моментъ развязки.

Выступленіе націоналистовъ ознаменовалось, какъ извѣстно, манифестаціей по финляндскому вопросу. И нетрудно, конечно, понять, что этотъ актъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ развитію драмы что это одно изъ тѣхъ скучныхъ и ненужныхъ дѣйствій, которыми «безталанный авторъ» занимаетъ публику. Походъ противъ Финляндіи начатъ уже давно и ведется съ достаточной энергіей. Ободрять его участниковъ не зачѣмъ, да и не можетъ этого сдѣлать данная манифестація: каждому изъ политическихъ дѣятелей ясно, что это только симуляція общественнаго мнѣнія, разсчитанная на невзыскательную публику, главнымъ образомъ, заграничную.

По виду манифестація была обставлена довольно внушительно, въ ней приняли участіе цѣлыми десятками профессора трехъ университетовъ: Одесскаго, Кіевскаго и Харьковскаго. Авторитету заграничныхъ профессоровъ былъ противопоставленъ авторитетъ еще большаго числа отечественныхъ. Но какихъ профессоровъ? Духъ-Банко въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ» сопоставилъ какъ-то тѣхъ и другихъ: среди заграничныхъ—Вундтъ, Гирке, Еллинекъ, а среди Кіевскихъ «Бобчинскихъ», какъ онъ ихъ назвалъ,—минералогъ Армашевскій, филологъ Бубновъ, акушеръ Муратовъ... Можетъ

*) „Рѣчь", 23 сентября 1909 г.

быть, ихъ и знаютъ въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ студенты, но для Россіи и тѣмъ болѣе для за-границы это совершенно невѣдомые люди, даже въ своей спеціальности.

Но не въ этомъ даже суть... Могутъ-ли всѣ эти Одесскіе, Кіевскіе и Юрьевскіе профессора сказать, что они подписали то, что думаютъ, въ чемъ увѣрены? Не повторили-ли они просто-на-просто тѣхъ словъ, которыя значились въ роли, врученной имъ режиссеромъ? Пусть они минералоги, филологи, акушеры, но настолько-то понять вопросъ, хотя онъ и не по ихъ спеціальности, они все-таки могутъ. Дѣйствительно-ли они увѣрены, что финляндской культурѣ ничто не угрожаетъ? Развѣ не угрожаетъ ей безправіе, которымъ поражена Россія? Развѣ не угрожаетъ ей раззореніе, если таможенная граница будетъ снята? Развѣ не угрожаетъ ей казнокрадство, если финляндскія желѣзныя дороги будутъ подчинены нашему министерству путей сообщенія?.. Многіе изъ профессоровъ, вѣроятно, и сами не вѣрятъ тому, что подписали. Тѣмъ менѣе повѣрятъ имъ на слово другіе. Больше бы повѣрили, если бы они прямо сказали: какъ націоналисты, мы считаемъ позволительнымъ придавить Финляндію и выжать изъ нея все, что можно.

Это не значитъ, конечно, что данный фактъ пройдетъ безслѣдно въ общественной жизни. Проманифестировавъ съ націоналистическимъ флагомъ, гг. профессора, быть можетъ, перешли нѣкоторую черту. «Кіевскія Вѣсти» уже отмѣтили, что волей-неволей они оказались въ одной компаніи съ доносчиками. И вернуться назадъ, вырваться изъ объятій, въ которыя они попали, имъ будетъ уже не такъ легко. На русской школѣ, на русской наукѣ, на русской культурѣ это, быть можетъ, и скажется. Но для той цѣли, которую они себѣ поставили, — для того, чтобы отстоять престижъ Россіи,—что они сдѣлали? Не больше чѣмъ могутъ сдѣлать маріонетки, когда ихъ дергаютъ за нитки. Впрочемъ, быть можетъ, они еще себѣ карьеру обезпечили, да и то не извѣстно, на долго ли...

Такой же характеръ видимости, представленія, симуляціи имѣютъ и другія явленія, происходящія на политической сценѣ. Возьмите хотя бы этотъ пріемъ французскихъ парламентаріевъ будто бы русскими парламентаріями. По своей убѣдительности эта демонстрація русской конституціи можетъ превзойти развѣ только демонстрацію русскаго богатства, какую показалъ французскимъ гостямъ г. Коковцевъ.

Русскую же конституцію достаточно хорошо демонстрируетъ и Дума. Достаточно взять любой актъ изъ ея дѣятельности, чтобы немедленно обнаружилась симуляція. Сейчасъ она закончила постатейное чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ и перешла къ обсужденію «бездефицитнаго бюджета». Это какъ будто новинка. Но и раньше вѣдь роспись сводилась безъ дефицита,—только плохо

дефицитъ скрывали, и его слишкомъ легко всѣ обнаруживали. Теперь надѣются, что лучше спрятали,—не только изъ отдѣла «обыкновенныхъ», но и «чрезвычайныхъ» расходовъ вычеркнули, — и тѣмъ заразъ двухъ зайцевъ убили: съ одной стороны, передъ иностранцами финансовое благополучіе засвидѣтельствовали, съ другой—передъ соотечественниками плодотворность думской работы продемонстрировали. Стало быть, не зря существуетъ Дума... Но и хорошо спрятанный дефицитъ уже началъ обнаруживаться: Государственный Совѣтъ, повидимому, не очень озабоченъ успѣхами Думы и уже обнаружилъ намѣреніе кое-что вычеркнутое ею вставить и кое-что вставленное ею вычеркнуть, — и дефицитъ опять выглянетъ. Между тѣмъ такъ важно было бы иллюстрировать плодотворность думской работы, — особенно послѣ той выходки, которую выкинули крайніе правые.

Во время преній о мѣстномъ судѣ они устроили водевильный выходъ съ переодѣваніемъ,—и тѣмъ сразу обнаружили все безсиліе Думы, какъ у насъ принято говорить,—всю ея ненужность, какъ правильнѣе, можетъ быть, было бы выражаться. Эта выходка такъ смутила самихъ «парламентаріевъ», что многіе изъ нихъ заговорили о необходимости спустить занавѣсъ. Крайне характерно, что о роспускѣ Думы заговорили даже октябристы,—правда, не совсѣмъ, повидимому, серьезно. Въ «Голосѣ Москвы» г. Еропкинъ высказалъ какъ то сожалѣніе, что «наша молодая новая конституція не примѣняетъ правила роспуска Думы, когда основные проекты, выработанные правящимъ большинствомъ проваливаются», а то не дурно было бы, по его мнѣнію, проучить такимъ путемъ «лукавыхъ» и «мудрствующихъ». Не совсѣмъ понятно только, кого именно г. Еропкинъ разумѣетъ подъ «лукавыми» и «мудрствующими»,—повидимому, крайнихъ правыхъ и кадетовъ, которые не умѣютъ подлаживаться къ «видимому» правительству, но, можетъ быть, и октябристовъ, которые оказались по словамъ г. Еропкина, «наиболѣе неисправными»: «будь они всѣ на мѣстахъ, результаты голосованія могли бы получиться совсѣмъ иные» *).

Возможно, что Думу еще и распустятъ, но, если это сдѣлаютъ, то, конечно, для того, чтобы побольше впустить въ нее націоналистовъ и правыхъ, которыхъ не хватаетъ теперь для «правящаго большинства». Несомнѣнно пока одно: законопроектъ о мѣстномъ судѣ, какъ заявили правые, считается непріемлемымъ,—непріемлемымъ, хотя въ точности и неизвѣстно, для кого именно: для Государственнаго Совѣта, для видимаго правительства, или, что вѣрнѣе, для невидимаго.

Мѣстный судъ это—главная изъ реформъ, обѣщанныхъ и подготовленныхъ октябристами. И вотъ она-то потерпѣла крушеніе, какъ потерпѣли уже или еще потерпятъ его и всѣ другія за-

*) «Голосъ Москвы», 4 февраля.

тѣянныя ими реформы. «Парламентаріи», убѣдившись еще разъ въ томъ, что они переливаютъ изъ пустого въ порожнее, даже заскучали. «Засѣданія, посвященныя судебной реформѣ—писали газеты, день ото дня становятся все скучнѣе и скучнѣе» *). Разъ даже какъ-то засѣданіе не могло состояться, потому что парламентаріи оказались «не въ числѣ». Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, тянуть эту ненужную канитель?.. Но разъ уже взялись играть роль, то нужно ее выполнить. Постатейное чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ кончено, будетъ онъ принятъ, вѣроятно, и въ третьемъ чтеніи. Какъ-никакъ русская конституція функціонируетъ, думская работа идетъ успѣшно.

Впрочемъ, я готовъ допустить, что послѣ обработки въ Государственномъ Совѣтѣ и согласительной коммиссіи, законопроектъ окажется даже «пріемлемымъ», и мѣстный судъ будетъ, хотя и не скоро, инсценированъ. Но вѣдь мы видѣли, какой процессъ происходитъ въ жизни: тамъ разрушаются самые устои, на которые судъ могъ бы опереться...

О жизни долженъ былъ я писать въ качествѣ ея обозрѣвателя. Думаю, что читатели не упрекнутъ меня за то, что я такъ много мѣста удѣлилъ упраздненію суда и такъ мало судебной реформѣ и вообще политическому лицедѣйству. Во всякомъ случаѣ, они поймутъ, почему я такъ сдѣлалъ.

А. Пѣшехоновъ.

---

† Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ.

14 мая 1824 г.—7 января 1910 г.

Скончался на 86 году, предпослѣдній петрашевецъ **)—Д. Д. Ахшарумовъ. Умеръ онъ въ Баку, послѣ тяжелой болѣзни, послѣ страшныхъ страданій, бывшихъ послѣдствіемъ недавно перенесенной тяжелой операціи. Мучительно закончились послѣдніе грустные дни глубокаго старика, такъ много пережившаго, такъ жизнерадостнаго по натурѣ, такъ страстно любившаго жизнь и все живое. И не озарились эти послѣдніе его дни осуществленіемъ той мечты, ради которой ему такъ мучительно хотѣлось «пожить еще, чтобы увидѣть настоящую зарю новой жизни»...

Двадцатипятилѣтнимъ юношей Д. Д. Ахшарумовъ былъ привлеченъ къ дѣлу Петрашевскаго и приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. По конфирмаціи этотъ приговоръ былъ замѣ-

---

*) «Биржевыя Вѣдомости» 5 февраля..

**) Послѣднимъ теперь остается Н. С. Кашкинъ, живущій въ Калугѣ.

ненъ 4 годами арестантскихъ ротъ военнаго вѣдомства и отдачей въ рядовые въ Кавказскій отдѣльный корпусъ по отбытіи ротъ.

«Я былъ въ то время—пишетъ самъ Дм. Дм. въ своихъ воспоминаніяхъ (Изъ моихъ воспоминаній 1849 года. Вольскъ, 1903)—совершенный юноша, несмотря на мой 25-лѣтній возрастъ, мечтающій, увлекающійся, исполненный горячихъ и несбыточныхъ желаній, то болѣзненно оживленный, то такъ же быстро упадающій духомъ»... «Я тогда только-что окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ восточныхъ языковъ... Произведенія знаменитыхъ поэтовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, были для меня самымъ лучшимъ чтеніемъ... Лѣтомъ со страстью занимался я ботаникой и зоологіей... Медицинскія книги привлекали меня тоже... Астрономія Гершеля была прочтена мною съ большимъ любопытствомъ... Языкознаніе и сравнительное изученіе языковъ казалось мнѣ весьма интереснымъ... Съ жадностью стремился я пріобрѣтать себѣ познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ (кромѣ философіи, политической экономіи и математики, которыя въ то время казались мнѣ слишкомъ утомительными). Событія 48-го года, происходившія въ Италіи, Франціи и Германіи, сильно интересовали меня. Соціальное ученіе Fourier, сочиненія его Le nouveau monde industriel, также различныя брошюры послѣдователей его Considerant, Toussenel'я и другихъ и популярнѣйшіе журналы того времени Almanach phalanstirien и болѣе ученый Phalange увлекали меня нерѣдко до того, что я забывалъ все прочее. Въ это время жизнь моя носилась въ какихъ-то идеальныхъ мечтаніяхъ, отчего и избранъ былъ мною факультетъ восточныхъ языковъ, чтобы уѣхать куда-то на дальній юго-востокъ. Петербургъ же... казался мнѣ ничтожествомъ, въ сравненіи съ привольной жизнью среди южной природы».

«Никто не свѣдущъ достаточно въ великой наукѣ жизни и только трудомъ, терпѣніемъ и опытностью немногими пріобрѣтается мудрость,—потому столько ошибокъ жизни, сожалѣній и упрековъ»... такъ заканчиваетъ Д. Д. Ахшарумовъ свою авто-характеристику.

Свой «преступный» кружокъ и дѣло онъ характеризуетъ такъ:

«То, что въ 49-мъ году вмѣнялось намъ въ вину, и за что, послѣ восьми-мѣсячнаго одиночнаго заключенія, полевымъ уголовнымъ судомъ мы были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ, въ настоящее время показалось бы маловажнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія: у насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ-же люди... Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія: приносились городскія новости, говорилось громко обо

всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Фурье. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи... Нашъ кружокъ, выражавшій собою современныя общечеловѣческія стремленія, былъ однимъ изъ естественныхъ передовыхъ явленій въ жизни народа... мы были произведенія образованнаго класса земли русской... Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточившійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40 - хъ годовъ, носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ... Всѣ мы вообще были то, что теперь называютъ либералами, но общественнаго союза въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи между нами не было, и мысли наши, хотя выражались словами въ разговорахъ и ими иногда пачкались наединѣ клочки бумаги, но въ дѣйствіе онѣ никогда не переходили. Между нами были нѣсколько человѣкъ, называвшихся фурьеристами,—такъ назывались мы потому, что восхищались сочиненіями Фурье и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организованнаго труда, видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій»... «Болѣе подходящимъ для насъ было-бы названіе «русскихъ соціалистовъ» 1849 года, въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ соціальныхъ ученій во Франціи. Наше возбужденное, какъ бы протестующее состояніе и было настоящимъ отголоскомъ событій, совершившихся въ Европѣ въ 1848 году».

Таковъ былъ, по правдивой характеристикѣ Д. Д. Ахшарумова, этотъ крамольный «союзъ», таковы были эти страшные преступники, приговоренные къ смерти и по особой милости лишь отправленные въ каторгу и многолѣтнюю ссылку... Въ воспоминаніяхъ Ахшарумова сквозитъ не то сожалѣніе, что слишкомъ мало было сдѣлано, не то стремленіе умалить совершенное и значеніе того маяка и убѣжища непридушенной мысли и общественной энергіи, какимъ былъ кружокъ для интеллигентнаго общества конца 40-хъ годовъ (Ахшарумовъ долго не могъ добиться разрѣшенія на печатаніе своихъ воспоминаній, многое долженъ былъ передѣлывать и исключать, пока, наконецъ, получилъ разрѣшеніе, въ 1902 году, издать свои воспоминанія, но лишь на правахъ рукописи, въ количествѣ не болѣе 200 экз.,—что и было сдѣлано въ 1903 г. въ г. Вольскѣ).

И «воспоминанія» Ахшарумова свидѣтельствуютъ, что и въ самомъ дѣлѣ—онъ не былъ трибуномъ, не имѣлъ въ своей натурѣ струны борца, активнаго творца лучшаго будущаго. На протяженіи всѣхъ страницъ всегда мы видимъ, прежде всего, чистаго и благороднаго русскаго интеллигента, богатаго своей внутренней

жизнью и въ ней по преимуществу переживающаго все окружающее. Общественнаго интереса «Воспоминанія» въ себѣ заключаютъ весьма немного—и не только потому, что авторъ по цензурнымъ соображеніямъ избѣгалъ такихъ темъ, а явно по натурѣ современнаго, воспитавшаго автора, общества, которое долгими и тяжкими годами безвременья было загнано въ переживанія чувствъ и настроеній своихъ личныхъ и того узкаго слоя, къ которому принадлежали отдѣльные его члены.

Несомнѣнно, въ обществѣ того времени было весьма значительное число лицъ, относившихся вполнѣ сознательно къ окружавшимъ ихъ ужасамъ общественнаго разложенія и униженія, но отъ этого сознанія до способности ставить себѣ активную цѣль въ подготовленіи возможности выйти изъ этого мертваго болота,—дистанція огромнаго размѣра... И отъ этого пункта, на которомъ стоялъ, повидимому, Ахшарумовъ, его многіе товарищи по дѣлу и весьма многіе интеллигенты разныхъ степеней и разнаго рода «лишніе люди» — до другого, на которомъ стояли Герценъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Петрашевскій—разстояніе, дѣйствительно, большое...

Петрашевскаго Ахшарумовъ и рисуетъ такимъ «человѣкомъ другого берега», который ясно и опредѣленно поставилъ себѣ задачей сформировать изъ матеріала, какой давало петербургское общество, кругъ лицъ, проникнутыхъ не только общимъ пониманіемъ ужаса своего времени, но и активнымъ стремленіемъ бороться за лучшую жизнь. «Онъ имѣлъ большую библіотеку, говоритъ Ахшарумовъ о Петрашевскомъ,... и охотно дѣлился ею не только со всѣми старыми своими пріятелями, но и съ людьми, мало ему знакомыми, но казавшимися ему порядочными, и дѣлалъ это по убѣжденію для общественной пользы. Онъ говорилъ мнѣ, что въ теченіе около 8 лѣтъ много людей перебывало у него и разъѣхалось въ разные города Россіи, и преимущественно въ университетскіе... Вовсе не интересуясь общественными увеселеніями, онъ бывалъ повсюду: въ клубахъ, дворянскихъ собраніяхъ, маскарадахъ, съ единственной цѣлью заводить знакомства для узнанія и выбора людей».

И разница между этимъ крупнымъ человѣкомъ, которому судьба не дала сдѣлать все то большое, на что былъ онъ способенъ,—и однимъ изъ тѣхъ, кто, какъ и многіе десятки другихъ, могъ-бы и долженъ былъ-бы унести съ собой въ провинцію нѣсколько книгъ Петрашевскаго, воспитанное имъ общественное сознаніе и готовность, въ добрый на то часъ, поддержать всякое прогрессивное начинаніе,—въ немногихъ словахъ можетъ быть подчеркнута воспоминаніемъ о томъ, какъ оба отнеслись къ своему дѣлу и къ своему будущему: Ахшарумовъ подалъ изъ тюрьмы прошеніе на высочайшее имя о помилованіи (хотя впослѣдствіи и сожалѣлъ о томъ), а Петрашевскій отказался принять помилованіе, предложенное ему Александромъ II, и умеръ на поселеніи...

Само собой, что приведенной параллелью мы нисколько не имѣемъ въ виду послать какой-либо упрекъ благородной памяти Д. Д. Ахшарумова,—но всякій можетъ только то, что можетъ, и мы считаемъ необходимымъ выяснить рельефнѣе картину среды, въ которой разыгралась тяжелая драма «дѣла Петрашевскаго», общественную цѣнность лицъ, которымъ пришлось разбитыми жизнями и долгими годами мученій заплатить за честь присутствія своего въ первыхъ рядахъ интеллигенціи 40-хъ годовъ. Судьба выдвинула въ этотъ первый рядъ и Д. Д. Ахшарумова. На это онъ имѣлъ право по всему основному складу своихъ стремленій и идеаловъ,—и не его вина, если въ натурѣ его не было элементовъ бойца, а звучали струны «лишняго человѣка», поэта страданій благородной души, угнетенной окружавшей дѣйствительностью. Одно изъ своихъ тюремныхъ стихотвореній онъ начинаетъ словами:

Гора высокая, вершина чуть видна,
Пустыня жаркая, нѣтъ ни дождя, ни тѣни;
Вся терніемъ густымъ обложена она
И знойнымъ воздухомъ удушливыхъ растеній.
И мнѣ, безсильному, досталося идти
По столь тяжелому пустынному пути...

И это трагическое «безсиліе» не разъ приходитъ на память читателю воспоминаній. Тяжелый крестъ, крестъ передовыхъ борцовъ, упалъ на плечи рядового интеллигента, правда, далеко опередившаго жалкій средній уровень общества Николаевской эпохи, но совершенно не подготовленнаго къ роли передового борца...

«Я привожу его (стихотвореніе), пишетъ Ахшарумовъ, какъ оно есть; оно выражаетъ мрачное, экзальтированное, болѣзненное состояніе человѣка, истомленнаго долгимъ одиночнымъ заключеніемъ за стремленіе выйти изъ безобразной, душной окружающей насъ общественной среды».

Ужасъ пережитой эпохи подчеркивается этимъ признаніемъ, что одного «стремленія» было достаточно, чтобы попасть въ ряды ожесточенно преслѣдуемыхъ и искореняемыхъ «преступниковъ». И то, что Ахшарумовъ пронесъ неугашеннымъ чрезъ тяжелыя испытанія, тотъ священный огонь вѣры въ лучшее будущее и жажды его которыя и привели его къ эшафоту, что во всей своей долгой послѣдующей жизни онъ всегда горячо и чутко жилъ жизнью тогоже передового отряда русской интеллигенціи, въ рядахъ котораго и началъ свое общественное служеніе, — само по себѣ свидѣтельствуетъ, что было въ этомъ человѣкѣ кое-что незаурядное.

Это незаурядное—богатство духовныхъ силъ и глубоко продуманная и прочувствованная гуманность, ставшая «второй натурой» и нашедшая рѣшеніе «проклятыхъ вопросовъ» лишь въ упорной общественной работѣ.

Но, какъ не былъ онъ «вождемъ» въ кружкѣ петрашевцевъ, такъ не былъ онъ имъ и въ дальнѣйшей жизни.

По окончаніи срока заключенія въ «ротахъ» въ Херсонѣ, Ахшарумовъ былъ назначенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, а въ 1857 году былъ помилованъ, произведенъ въ прапорщики, вышелъ въ отставку, принятъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, откуда перевелся въ Медицинскую академію, по окончаніи которой (съ серебряною медалью) былъ за границей для продолженія своего медицинскаго образованія, работалъ у Дюбуа-Реймона въ Берлинѣ, гдѣ и написалъ диссертацію, доставившую ему степень доктора медицины. Затѣмъ онъ служитъ военнымъ врачемъ въ разныхъ мѣстахъ и прочно устраивается въ 1873 году въ Полтавѣ, гдѣ занимаетъ мѣсто медицинскаго инспектора (до 1882 г.) и живетъ до 1888 года.

Въ 1885 году его постигаетъ глубокое горе — потеря жены, бывшей всегда для него большой нравственной опорой. Быть можетъ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что на это горе Ахшарумовъ реагировалъ, между прочимъ, попыткой проникнуть въ тайны жизни путемъ ознакомленія съ ученіемъ спиритовъ. Въ позднѣйшее время мы не помнимъ, чтобы онъ возвращался къ этимъ попыткамъ, но тогда, по его словамъ, онъ достигъ того, что на попытки вызова духа усопшей супруги получилъ нѣкоторое удовлетвореніе: онъ видѣлъ «не духъ жены, а что-то вродѣ эссенціи ея»... Намъ кажется знаменательнымъ и характернымъ для Ахшарумова этотъ протестъ противъ стихіи, эта жажда выйти за предѣлы «человѣческаго» тамъ, гдѣ эти предѣлы мучительно его остановили.

Въ 1888 году Ахшарумовъ переѣзжаетъ въ Ригу, гдѣ поступилъ въ политехникумъ его сынъ. Въ Полтаву онъ возвратился въ 1908 г., уже сильно ослабѣвшимъ, почти дряхлымъ, но все еще бодрымъ душою, чуткимъ ко всему окружающему. Онъ продолжалъ работать по спеціальнымъ медицинскимъ вопросамъ, надъ которыми всегда много работалъ, интересуясь по преимуществу вопросами общественной медицины. Ему много обязано полтавское земство участіемъ въ его разработкѣ постановки земской медицины, ему-же принадлежитъ много работъ по изученію дифтерита, о чумѣ, сифилисѣ, сибирской язвѣ, о проституціи (возмущаясь существующимъ положеніемъ дѣла, онъ горячо стоялъ за уничтоженіе унизительной и безполезной регистраціи), по оспопрививанію (гдѣ онъ явился убѣжденнымъ противникомъ прививокъ).

Въ послѣдніе годы онъ собиралъ матеріалы для большой работы по туберкулезу, все мечтая, что еще поправится, окрѣпнетъ и тогда примется за работу «по настоящему».

Жажда жизни въ этомъ маленькомъ, изможденномъ тѣлѣ была огромная. Для возвращенія себѣ чувства жизни, возможности работать, онъ готовъ былъ на все. Не разъ приходилось ему прибѣгать къ операціямъ—и очень мѣтко, очень рельефно это безстрашіе предъ очень опасными и мучительными операціями характеризо-

валъ какъ-то Вл. Гал. Короленко, говоря, что Д. Д. Ахшарумовъ, какъ корабль въ бурю, выбрасываетъ за бортъ, одно за другимъ, все, чѣмъ былъ нагруженъ, все, что теперь стало ему уже не нужно,—только-бы добраться до гавани...

Переѣздъ въ Полтаву не далъ Ахшарумову главнаго, на что онъ разсчитывалъ: прежнія связи оборвались, разсѣялись — въ Полтавѣ уже не было многихъ изъ тѣхъ, кто зналъ и любилъ его, съ другой стороны, не появилась и практика, на которую онъ разсчитывалъ, въ которой нуждался, т. к. средства его были весьма ограничены. Самъ всегда больной, слабый, онъ въ дѣйствительности былъ не въ силахъ заниматься практикой, но какъ-то не видѣлъ этого, подозрѣвалъ, что къ нему почему-то относятся неблагопріятно, ворчалъ иногда, что коллеги не хотятъ привлекать его къ совѣщаніямъ... Одиночество, матеріальная стѣсненность накладывали очень грустные, тяжелые тоны на послѣдніе годы догоравшей жизни... Буквально объ одиночествѣ, конечно, нельзя говорить: въ Полтавѣ все-же былъ небольшой кружокъ людей, любившихъ его, бывавшихъ у него и интересовавшихся его положеніемъ. Жилъ послѣдніе годы онъ въ Полтавѣ на квартирѣ, гдѣ въ томъ-же дворѣ жили домовладѣльцы—люди, горячо къ нему расположенные, и не менѣе того любившіе и цѣнившіе его ихъ друзья,—но это все было «не то»: старикъ видѣлъ шедшую мимо него жизнь, участвовалъ въ ней душой, зналъ о ней и видѣлъ ее,—но самъ уже не могъ, не въ силахъ былъ принимать въ ней активное участіе— и это было ему тяжело, это создавало для него ту отчужденность, при которой онъ чувствовалъ себя въ сторонѣ, внѣ жизни.

Бурные освободительные годы Д. Д. переживалъ всей душой. Трогательныя минуты испыталъ онъ, когда къ нему явилась депутація отъ избирательнаго собранія губерніи, только что избравшаго депутатовъ первой русской Думы. По заключеніи выборовъ болѣе ста избирателей и всѣ избранные депутаты сошлись въ залѣ гостиницы за общимъ обѣдомъ, куда пригласили и В. Г. Короленко. Одна изъ рѣчей была посвящена предтечамъ современнаго «освобожденія» и была закончена предложеніемъ отъ имени собравшихся почтить привѣтствіемъ Д. Д. Ахшарумова. Горячо принявъ предложеніе, собраніе сейчасъ же избрало депутацію, которой и поручило поѣхать привѣтствовать престарѣлаго петрашевца. Въ числѣ депутатовъ, избранныхъ въ составъ депутаціи, были Г. Б. Іоллосъ, Я. К. Имшенецкій, депутатъ-рабочій г. Жигель. Старикъ «никакъ не ожидалъ такой чести», былъ глубоко растроганъ, расплакался и благодарилъ депутатовъ.

Подъемъ настроенія въ это время отразился и на этомъ преклонномъ старикѣ, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что самъ онъ — уже не работникъ на той нивѣ, на которой ему стало такъ особенно привлекательно поработать.

Послѣдовавшая реакція его глубоко поразила, придавила. Долго

ждавшій радостныхъ дней свободы, такъ мечтавшій о томъ, чтобы увидѣть лучшее время и только тогда умереть, онъ вдругъ увидалъ, что до этихъ «настоящихъ» дней еще очень и очень далеко... Какъ-то по дѣтски жадно онъ спрашивалъ друзей, посѣщавшихъ его, какъ они думаютъ, долго ли продлится еще этотъ ужасный періодъ реакціи, и по дѣтски глубоко огорчался, если спрашиваемый думалъ, что много лѣтъ еще не пройдетъ, пока наступитъ «настоящій день».—«Ахъ, Боже мой,—говорилъ онъ,—я вѣдь, навѣрное, не доживу до этого»... И вся его слабая, изможденная, маленькая фигура изображала глубокую подавленность и страданіе.

Но во время московскаго возстанія онъ еще готовъ былъ бороться. Глубоко трогательная и вмѣстѣ комичная картина была, когда старецъ, во время возстанія, слушалъ разсказъ о томъ, что дѣлается въ Москвѣ.

— Эмилія, Эмилія! — обращался онъ къ своей женѣ, въ оба глаза глядѣвшей за едва ходящимъ супругомъ,—Эмилія, слышите? Тамъ дерутся! Собирайтесь, я ѣду, я ѣду!.. Я хочу идти на баррикады!..

И Дмитрій Дмитріевичъ возбужденно вставалъ, халатикъ распахивался, супруга бросалась успокаивать воинственнаго бунтовщика...

Вторая супруга Ахшарумова, — его вѣрная подруга и еще болѣе—няня и сидѣлка, на своихъ плечахъ вынесшая всѣ старческія болѣзни Дм. Дм., жила долго въ семьѣ Ахшарумовыхъ еще при жизни покойной первой супруги въ качествѣ воспитательницы дѣтей (двухъ сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ нынѣ одинъ, живущій въ Баку). Преданности и глубокому самопожертвованію ея Дм. Дм., конечно, много былъ обязанъ тѣмъ, что ему удалось, среди постоянныхъ болѣзней, дотянуть до такого преклоннаго возраста, въ какомъ онъ умеръ. Большимъ ударомъ для Дм. Дм. была ея тяжелая болѣзнь, на излеченіе которой въ ея родномъ воздухѣ сѣвера разсчитывали оба.

Въ маѣ 1909 года Ахшарумовы выѣхали въ Петербургъ. Помимо болѣзни жены (астма), при которой надѣялись, что ей станетъ легче въ климатѣ болѣе влажномъ и прохладномъ, Дм. Дм-ча туда влекла и неопредѣленная, но очень горячая надежда, что тамъ онъ сумѣетъ найти большой и близкій кругъ знакомыхъ, что поправится жена, поправится самъ онъ (въ это время онъ уже принципіально рѣшилъ сдѣлать себѣ еще одну операцію,—на нее полтавскіе врачи, въ виду ея серьезности и слабости престарѣлаго больного,—не рѣшались).

— Вотъ, поправлюсь, буду работать, у меня еще много есть, что нужно сдѣлать,— говорилъ онъ.

Надеждамъ этимъ, однако, не было суждено осуществиться. Знакомые, конечно, встрѣтили его тепло, но слишкомъ всѣ заняты въ Петербургѣ, замучены своей повседневной работой, слишкомъ

велики разстоянія въ Петербургѣ, чтобы могло установиться то тѣсное общеніе, которое было нужно старцу для того, чтобы не чувствовать себя въ сторонѣ. Да и войти въ интересы жизни друзей сразу, конечно, было трудно. Впрочемъ, очень скоро оказалось, что и не время думать объ этомъ: здоровье Эмиліи Германовны становилось все хуже, и въ іюнѣ она умерла.

Пишущему эти строки не пришлось, со времени выѣзда изъ Полтавы, встрѣчаться съ Дм. Дм., но легко можно себѣ представить, какъ былъ подавленъ онъ, какъ растерялся этотъ полуживой старикъ, когда отъ него отошла его вѣрная многолѣтняя подруга, безъ которой онъ буквально шага не могъ сдѣлать.

Онъ переѣхалъ въ Баку, къ сыну. Тамъ и прошли его послѣдніе дни. Въ ноябрѣ онъ настоялъ на операціи железы, мучившей его старческимъ ея перерожденіемъ. Операція была очень тяжела, а страданія послѣ нея такъ сильны, что онъ, самъ врачъ, отзывался о нихъ, что никогда не думалъ, что человѣкъ можетъ перенести такія ужасныя страданія... Онъ и не перенесъ: усталое сердце, очевидно, не выдержало—и 7 января Д. Д. Ахшауровъ скончался отъ паралича сердца...

Первыя воспоминанія мои о Дмитріѣ Дмитріевичѣ относятся къ далекому уже времени 70-хъ годовъ. Ребенокъ тогда, я лежалъ въ постели, въ сильномъ жару, а около меня сидѣлъ Дм. Дм. и въ мучительномъ какомъ-то раздумьѣ твердилъ:

— Что же ему прописать, что же ему прописать?

И рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ становится теперь другое, послѣднее, наканунѣ его отъѣзда въ Петербургъ.

Какъ ни былъ онъ угнетенъ, озабоченъ всей суетой и заботами, связанными съ отъѣздомъ, но и въ этотъ разъ онъ не могъ не задать своего обычнаго мучительнаго, истинно-проклятаго вопроса:

— Какъ же вы думаете, неужели эти ужасы еще долго продлятся?

И въ отвѣтъ на мой грустный отвѣтъ—опять мучительнымъ раздумьемъ, какой-то растерянностью, недоумѣніемъ сжалась вся его фигура.

— Что же дѣлать, Боже мой, что же дѣлать? — мучительно повторялъ онъ...

И мнѣ вспомнилось такое далекое старое:

— Что же ему прописать?.. Что ему прописать?..

Въ этихъ двухъ моментахъ теперь для меня сливается воспоминаніе о Д. Д. Ахшарумовѣ. Слишкомъ ужасное время его воспитало, дало ему на всю жизнь отвращеніе къ лжи и мраку нашей исторіи, горячую жажду и стремленіе къ свѣту свободы и человѣчности, но не дало темперамента и силъ героя, вождя, передового борца, поставило передъ его глазами огромную задачу, гигантскую работу—и не дало счастья быть въ силахъ, сумѣть все

цѣло отдаться радости самоотверженнаго самозабвенія въ этой работѣ...

Миръ праху твоему, несчастный русскій гражданинъ...

Мих. Сосновскій.

Новыя книги

Борисъ Лазаревскій. Семья. Разсказы. Изд. «Прогрессъ». Спб. 1910. Стр. 289. Ц. 1 р.

Сборникъ новыхъ разсказовъ г. Лазаревскаго откровенно тенденціозенъ. Каждый разсказъ отдѣльно можно было разсматривать, какъ случайное обличеніе, не замѣчая его преднамѣренности и поучительности. Сборникъ же открывается эпиграфомъ изъ Дружинина: «Литература не роскошь жизни, а самая жизнь» и явно желаетъ наставлять читателя въ истинныхъ путяхъ жизни, раскрывая предъ нимъ всю пагубность путей ложныхъ. «Семья» называется книга г. Лазаревскаго и картину современной русской интеллигентной семьи должна показать намъ. Въ разсказѣ «Сила» молодой ученый и очень порядочный человѣкъ профессоръ Цвѣтковъ, любящій жену и имѣющій милыхъ дѣтей, увлекся физическимъ обаяніемъ дѣвушки, живущей у него въ домѣ; физической измѣны еще не было, но, истерзанная его похотливымъ малодушіемъ, жена измѣнила ему; онъ бросился подъ поѣздъ. Въ разсказѣ «Бѣда» жена ученаго, умная и порядочная женщина, въ отсутствіи мужа, уѣхавшаго за границу, физически увлеклась молодымъ человѣкомъ и, чтобы скрыть отъ мужа слѣды этого увлеченія, обратилась къ акушеркѣ; операція вытравленія плода не удалась, и бѣдная Елизавета Валеріановна умерла послѣ тяжкихъ страданій. Въ разсказѣ «Правда» умный и порядочный герой разсказываетъ любимой дѣвушкѣ, какъ лжетъ, безстыдно измѣняя ему, его жена. Въ разсказѣ «Жизнь безконечная», герой—тоже умный и порядочный человѣкъ, отправившій послѣ десятилѣтней совмѣстной жизни свою бывшую жену къ ея любовнику,—очень небрезгливому человѣку, разсказываетъ о посѣтившихъ его въ больницѣ видѣніяхъ; его навѣстила та, которая при жизни была женой негодяя-распутника—и благословляетъ его на «жизнь безконечную» внѣ земныхъ горестей. Въ разсказѣ «Вечеръ» Нина Петровна «восемь лѣтъ была замужемъ, потомъ сошлась съ какимъ то нежелавшимъ идти въ священники семинаристомъ и два съ половиной мѣсяца была «счастлива». Когда Нина Петровна заикнулась о томъ, что, кажется,

будетъ ребенокъ, семинаристъ сбѣжалъ и поступилъ на содержаніе къ другой барынѣ». Нина Петровна живетъ временно у своей сестры Анны Петровны, которая замужемъ за учителемъ Фешинымъ, и размѣренное, сытое и тоскливое семейное счастье Фешиныхъ представляется ей и читателю еще болѣе тягостнымъ, чѣмъ ея нелѣпая и уродливая авантюра. Въ разсказѣ «Тангейзеръ» разсказчикъ передаетъ читателю, какъ безсмысленно измѣняетъ ему его жена съ трусливымъ ничтожествомъ, студентомъ, «болѣе похожимъ на приказчика изъ мясной лавки или на цирковаго борца, чѣмъ на студента». Въ разсказѣ «Конецъ» Елена Ивановна послѣ связи съ Богоявленскимъ—«господиномъ въ темномъ шуллерскомъ пенснэ, неопредѣленной профессіи, котораго она полюбила за чисто лакейскую красоту и за то, что товарищи мужа, художники, презирали его, а ей казалось, будто завидовали»,--попробовала опять сойтись съ мужемъ, а когда не удалось, отравилась.

Такъ однообразны схемы разсказовъ г. Лазаревскаго. Онъ пытается оживить ихъ мелкими черточками наблюденій, пытается сдѣлать индивидуальнѣе и интереснѣе свои образы, но немного выходитъ изъ этого. Хуже всего то, что прочтешь—и не задумамаешься. Средства истрачены не малыя, сюжеты сплошь трагическіе съ необходимыми въ концѣ самоубійствами, вопросы самые захватывающіе, а между тѣмъ роковая печать незначительности легла на все это пестрое разнообразіе подробностей—и, захлопывая книжку г. Лазаревскаго, разстаешься съ ней равнодушно, чувствуя не только непобѣдимое безразличіе, но и недовѣріе. Это не потому, чтобы авторъ былъ лишенъ дарованія—нѣтъ, маленькое дарованіе, маленькая наблюдательность у него есть, но ничего достойнаго изъ этого не выходитъ. Не выходитъ потому, что маленькому дарованію не осилить тѣхъ большихъ вопросовъ, которые съ такой безжалостной расточительностью предъявляетъ человѣку жизнь. Даже геній не рѣшаетъ ихъ одною божественной стихійностью безсознательнаго наблюденія, а вноситъ въ ихъ освѣщеніе, въ ихъ постановку и рѣшеніе сознательную мысль. И геній тенденціозенъ, но онъ умѣетъ быть тенденціознымъ; для него тенденція только лѣса, которые можно убрать, когда постройка готова. У такихъ, какъ г. Лазаревскій, вся постройка только лѣсами держится. Уберите его тенденціи, назойливыя, дѣтски безпомощныя и грубо-обличительныя—и его образы распадаются въ житейскую пыль, сѣрую и удушливую. Грязно и тягостно въ его разсказахъ, и нѣтъ никакого просвѣтлѣнія, никакого освобождающаго подъема въ отношеніи автора къ его сюжетамъ и образамъ. Онъ обличаетъ съ легкимъ сердцемъ—и легко читателю разстаться съ нимъ. Онъ хотѣлъ изобразить современную интеллигентную русскую семью въ галлереѣ образовъ, предъ чудовищнымъ ничтожествомъ, пошлостью, похотливостью, легкомысліемъ, истерической неустойчивостью которыхъ должны были бы померкнуть самыя неистовыя обвиненія

«Вѣхъ», а между тѣмъ, его книга не задѣваетъ, не раздражаетъ, не вызываетъ на полемику. Совершенно ясно, что здѣсь слабенькій человѣкъ не сумѣлъ совладать съ тѣмъ матеріаломъ, который былъ предъ нимъ, не сумѣлъ раздѣлить, не сумѣлъ обобщить, ухватился за маленькую идейку и крѣпко держится за эту рѣшетку, чтобы не свалиться. Не глубокіе, осложненные, роковые, но культурой переработанные половые инстинкты властвуютъ надъ его героями, потому что онъ не умѣетъ схватить въ жизни большія живыя проявленія этихъ инстинктовъ, не чувствуетъ ихъ, не умѣетъ изобразить: мелкіе люди, сбитые съ панталыку мелкой животностью—вотъ то, что у г. Лазаревскаго торжественно называется «Семья». Не мудрено, что всякій—сколько бы онъ ни видѣлъ ужасовъ въ разложеніи современной семьи, сколько бы онъ ни думалъ надъ вопросами пола—всегда скажетъ: мнѣ эта «Семья» чужда, она внѣ моихъ вопросовъ, внѣ моей жизни. И если эти половые психопаты травятся и бросаются подъ поѣздъ, я остаюсь равнодушенъ: не потому, что они ничтожны, а потому, что они недѣйствительны. Всѣ мы видѣли что то такое, но совсѣмъ не то.

О покойномъ Менделѣевѣ разсказываютъ, что онъ въ послѣдніе годы жизни съ увлеченіемъ отдыхалъ на романахъ Дюма-отца. «Очень интересно,—говорилъ онъ:—на одной страницѣ шесть человѣкъ убьютъ—и никого не жалко!» Вотъ такъ и съ героями г. Лазаревскаго.

„Фіорды“. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели въ переводахъ **А. и П. Ганзенъ**. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ:

„**Сборникъ 2**“. («Мой первый успѣхъ» Э. Грига, перев. съ датскаго «Ледникъ» І. Іенсена, пер. съ датскаго; «Сила вѣры» І. Бойера, пер. съ норвежскаго; «Разсказы» П. Гальстрема, пер. съ шведскаго). Спб. 1909. Цѣна 1 руб.

„**Сборникъ 3**“. («Когда цвѣтетъ молодое вино», Бьернсона, пер. съ норвежскаго; «Дикій лѣсъ», О. Нильсона, пер. съ шведскаго). Спб. 1909 Цѣна 1 руб.

«Когда цвѣтетъ молодое вино». Тогда всѣ пьяны счастьемъ. И старые и молодые.

Это — мотивъ въ комедіи Бьернсона: «Когда цвѣтетъ молодое вино».

Броненосцу „Турденшаль“, стоящему въ Бергенѣ, посланъ приказъ отправиться во Францію, какъ только получится извѣстіе о смерти Бьернсона. Броненосецъ развелъ пары и каждую минуту готовъ къ отплытію.

Въ виду заявленія консиліума врачей о полной безнадежности больного, сдѣланы всѣ приготовленія для траурнаго убранства судна.

Больной въ безсознательномъ состояніи.

А это изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій.

Броненосецъ готовится отплыть для «послѣднихъ почестей» некоронованному королю Норвегіи.

А онъ еще пьянъ отъ «молодого вина»—въ душахъ влюбленныхъ.

Этотъ контрастъ придаетъ особое очарованіе мѣстами наивной пьесѣ Бьернсона. Читаешь, и на первомъ планѣ, между строкъ, онъ самъ, когда его собственные дни были на перечетѣ. Это не помѣшало ясности его творчества. Эту ясность обычно зовутъ дѣтской ясностью, хотя это не всегда бываетъ справедливо въ отношеніи дѣтей. Но знаменитый старикъ былъ счастливѣе: у него была эта ясность; съ нею онъ жилъ, съ ней написалъ послѣднія страницы.

Та же неискоренимая вѣра въ доброе начало человѣческихъ душъ. Въ нихъ много сору; въ человѣческихъ отношеніяхъ много ложнаго, благодаря уродливо сложившейся жизни и культурѣ; много въ нихъ исковерканнаго. Но попробуйте по Бьернсону—отскрести всѣ эти сорные остатки, предразсудки, наслоенія историческихъ и прочихъ условій, вы по Бьернсону найдете непремѣнно алмазы. Нужно только попробовать и сумѣть.

Комедія, помѣщенная въ 3-мъ сборникѣ «Фіорды», духъ отъ духа Бьернсона. Тѣ же качества; тѣ же и недостатки. Передъ читателемъ кучка влюбленныхъ—милыя, ясныя молодыя души въ которыхъ «цвѣтетъ молодое вино». Опьянены счастьемъ юные, и это заставляетъ «цвѣсти» даже старое вино: въ душахъ стариковъ—матери и отца... Иногда пьеса наивна; но и это не мѣшаетъ; ибо это не «личина» писательская, какъ сейчасъ принято говорить, а живая душа, которая не можетъ, а потому и не должна быть иною... Простые, несложные характеры; простенькая, несложная фабула. Но «цвѣтетъ молодое вино», и вся эта душевно несложная молодежь притягательна или привлекательна.

Какъ мы уже упомянули, даже старики отецъ и мать въ изображеніи Бьернсона оказываются зараженными этой красотой юности и любви. Забываются десятки лѣтъ житейской накипи; сметается соръ, накопившійся между супругами за эти десятки лѣтъ и вновь для нихъ ощутимо ясно то, что связало ихъ когда то: чувство огромной взаимной цѣнности.

Хорошая вещь—жизнь, гдѣ столько отведено мѣста поэзіи. Вотъ чувство, съ которымъ вы перевертываете послѣднюю страницу послѣдней комедіи Бьернсона.

Иной характеръ имѣетъ пьеса другого норвежскаго художника Іогана Бойера («Сила вѣры»). Вмѣсто Бьернсоновской простоты у Бойера сложная путаница условій и душевныхъ движеній, развернутая авторомъ съ яркой убѣдительностью. Герой Бойера несомнѣнно «честный» человѣкъ. Но этотъ несомнѣнно честный человѣкъ совершаетъ несомнѣнно безчестный поступокъ. И — «ничего»! Не подумайте, однако, что на «честнаго» человѣка у Бойера свалились горы злосчастья, придавившія его и «честность». Нѣтъ, никакихъ сверхъестественныхъ причинъ не было. Было только сте-

ченіе неблагопріятныхъ мелкихъ обстоятельствъ. На помощь имъ пришло мелкое самолюбіе, и честный человѣкъ, еще вчера гордившійся своей безупречностью, поддерживаетъ ложное обвиненіе въ подлогѣ, идетъ въ судъ, торжественно подтверждаетъ ложное обвиненіе и примиряется съ годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и грядущимъ позоромъ за несовершенное преступленіе.

Никакихъ экстраординарныхъ условій; все совершается въ кругѣ житейскихъ мелочей; и тѣмъ не менѣе все совершается въ предѣлахъ вѣроятной правды въ изображеніи Бойера.

И сама тема, взятая норвежскимъ писателемъ, интересна. И авторъ умѣетъ держать читателя въ состояніи напряженнаго ожиданія.

Ждешь какихъ-нибудь монологовъ о мученіяхъ совѣсти и пр. и пр. И напрасно ждешь. У Бойера ничего этого не оказывается. На лицо только удовлетворенное самолюбіе, правда, омраченное сознаніемъ вины, но—но тѣмъ не менѣе *удовлетворенное*. Вопросъ для героя въ концѣ концовъ сводится только къ тому, какъ отнесутся къ нему дѣти: сынъ и дочь. Но когда и дѣти, которымъ хочется, которые страстно *хотятъ* вѣрить въ безупречность отца, сумѣли вопреки очевидности повѣрить въ желательное, въ отцовскую безупречность, «честный» человѣкъ Бойера искренно счастливъ.

Вотъ и все, чѣмъ результируется драматическое положеніе въ пьесѣ Бойера.

Отъ этой интересной, но холодной скептической вещи пріятно перейти къ небольшому автобіографическому разсказу композитора Грига, широко извѣстнаго и въ Россіи. Грига просили разсказать о первомъ успѣхѣ въ его художественной карьерѣ. Это и дало ему поводъ для небольшого разсказа объ юношескихъ годахъ, гдѣ не было «перваго» успѣха, были только различные успѣхи положительнаго и «отрицательнаго» характера. Къ послѣднимъ Григъ относитъ всевозможныя разочарованія и непріятности, постигавшія его молодое дерзновеніе. Это бывало очень непріятно, но Григъ считаетъ и это «отрицательными успѣхами» въ своемъ прошломъ. Но если все таки требовать отъ него прямого отвѣта, то Григъ даетъ и прямой отвѣтъ: «первый успѣхъ» былъ достигнутъ послѣ всѣхъ «горестей и радостей, разочарованій и тріумфовъ дѣтства и первыхъ ученическихъ лѣтъ», когда онъ, наконецъ, разобрался въ самомъ себѣ, въ своихъ склонностяхъ: «узналъ, чего я *хотѣлъ*» или, какъ онъ выражается словами Ибсена: «нашелъ себя самого».

Очень пріятенъ въ этомъ разсказѣ Грига самый тонъ разсказа—тонъ мягкаго юмора надъ самимъ собой и «отрицательными успѣхами». Вопреки правилу: никто не судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ, Григъ принимаетъ къ разбирательству свои столкновенія изъ категоріи «отрицательныхъ успѣховъ» и чаще всего выноситъ приговоръ не въ свою пользу: виноваты оказываются не

дарители этихъ «успѣховъ», а онъ самъ, не дававшій объективныхъ признаковъ для высокой оцѣнки...

Не менѣе интересны два письма молодого Грига о встрѣчѣ съ знаменитымъ Листомъ, рѣшительно поддержавшемъ вѣру Грига въ будущее. Портретъ Листа въ этихъ письмахъ къ родителямъ—увлекательная художественная миніатюра.

Вкратцѣ отмѣтимъ, что въ рецензируемыхъ двухъ книгахъ имѣются еще обширный бытовой романъ «Дикій лѣсъ» Оссіана Нильсона (тема отношенія интеллигенціи и рабочей массы) и такой же обширный фантастическо-научный «Ледникъ» Іоганнеса Іенсена, знакомаго читателямъ по роману «Колесо», печатавшему въ «Р. Б.» въ прошломъ году. Первый принадлежитъ шведскому писателю; второй—норвежскому. Первый очень интересенъ, хотя правильной оцѣнкѣ его мѣшаетъ незнакомство читателя съ изображеннымъ бытомъ; второй—скучнѣе: тема его миѳы о ледниковомъ періодѣ и первомъ человѣкѣ. Авторъ не хочетъ слишкомъ далеко уйти отъ научныхъ данныхъ, но прочно уходитъ отъ поэзіи.

Нельзя не отмѣтить три красивыхъ разсказа шведскаго писателя Пера Гальстрема. Это разсказы легенды, полные поэзіи и драматизма.

Вообще оба сборника (2 и 3) составлены интересно и разнообразно.

Переводчики А. и П. Ганзенъ,—своего рода аккредитованные представители Скандинавіи при литературѣ Льва Толстого и Достоевскаго.

Д-ръ Александръ Пфендеръ. Введеніе въ Психологію. Переводъ съ нѣмецкаго І. А. Давыдова. Спб. 1909., 368 стр., ц. 2 руб.

Въ нашей философской литературѣ существуетъ нѣсколько «Введеній въ философію» (оригинальныхъ и переводныхъ), но это первое «Введеніе въ психологію», появляющееся на русскомъ языкѣ. Многочисленность «Введеній въ философію» объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно значительная неопредѣленность понятія «введеніе» дозволяетъ различнымъ авторамъ трактовать свой предметъ весьма не одинаково. При чемъ существуетъ два основныхъ типа «введеній». У однихъ авторовъ «введеніе» является болѣе элементарнымъ изложеніемъ предмета, предназначеннымъ для начинающихъ и подготовляющимъ этихъ начинающихъ къ усвоенію всѣхъ трудностей предмета. Другіе же авторы считаютъ, что «введеніе» должно заключать въ себѣ изложеніе общихъ вопросовъ, изучаемыхъ данной наукой, такъ что ихъ «введеніе» занимается освѣщеніемъ основныхъ проблемъ этой науки.

Книга Пфендера принадлежитъ ко второму типу «введеній». И наиболѣе существеннымъ недостаткомъ книги является то обстоятельство, что самъ авторъ, какъ бы не вполнѣ ясно представляетъ

себѣ, для какого читателя предназначена его книга. «Задача настоящаго «Введенія»,—говоритъ авторъ на стр. 3,—заключается въ томъ, чтобы устранить препятствія, затрудняющія въ настоящее время доступъ къ научной психологіи; въ томъ, чтобы вновь достигнуть по отношенію къ психологіи естественной, безпристрастной точки зрѣнія, и укрѣпить эту точку зрѣнія путемъ предварительнаго оріентированія въ психологіи».

«Ясно, что дѣйствительное разрѣшеніе этой задачи можетъ быть полезнымъ не только новичкамъ въ психологіи, но оно могло бы значительно содѣйствовать развитію и самой психологіи».

Что авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ «новичковъ», «начинающихъ», это онъ заявляетъ и въ другихъ мѣстахъ книги; самая книга начинается слѣдующими словами: «Предполагаемое введеніе въ психологію хочетъ показать въ возможно элементарномъ видѣ, что такое психологія и чего она хочетъ» (предисловіе). Но мы вполнѣ согласны съ проф. Джемсомъ Анджелломъ, который, рецензируя въ № 80 «Philosophical Review» книгу Пфендера, говоритъ, что она доступна лишь читателямъ, которые не побоятся никакихъ трудностей. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на дѣйствительно весьма ясное изложеніе предмета, книга нашего автора никоимъ образомъ не можетъ считаться *элементарнымъ* введеніемъ для начинающихъ.

Столь же ошибается нашъ авторъ, когда думаетъ, что задача его книги состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть «естественной, безпристрастной точки зрѣнія» (стр. 3). И мы опять таки согласны съ тѣмъ-же рецензентомъ американскаго философскаго журнала, который говоритъ, что Пфендеръ является несомнѣннымъ партизаномъ идеалистической точки зрѣнія, партизаномъ не всегда справедливымъ къ своимъ противникамъ.

Мало того, въ своей книгѣ Пфендеръ не только является партизаномъ извѣстнаго широкаго философскаго теченія, но, сверхъ того, часто проявляетъ свою приверженность къ одному опредѣленному теченію въ психологіи, именно, къ ученію извѣстнаго мюнхенскаго психолога Т. Липпса.

Оба наши замѣчанія сдѣланы не съ цѣлью уменьшить достоинство книги Пфендера, а съ цѣлью заранѣе ознакомить читателей, съ какой книгой они будутъ имѣть дѣло, а именно съ книгой, во первыхъ, не элементарной, а во вторыхъ, не излагающей предмета съ «естественной, безпристрастной точки зрѣнія». Но несмотря на все это, книга Пфендера все-таки является и замѣчательно ясно написанной книгой, и книгой глубоко-научной.

Книга эта раздѣлена на двѣ части: часть первая «Предметъ задачи и методъ психологіи», часть вторая «Психологическая дѣйствительность, ея качества и закономѣрность». Въ мірѣ существуютъ двѣ «дѣйствительности»: «матеріальная дѣйствительность» и «психическая дѣйствительность». Матеріальная дѣйствительность

представляетъ собой пространственно-протяженный міръ. Психическая дѣйствительность не пространственна, ее нельзя опредѣлить, ее каждый изъ насъ знаетъ по собственному переживанію: она извѣстна намъ или въ формѣ «предметнаго сознанія», какъ познаніе внѣшняго міра, или въ формѣ «чувства», какъ особаго состоянія нашего «я», или въ формѣ стремленія. Три главныхъ вопроса разсматриваются авторомъ въ этой первой части. Во первыхъ, онъ защищаетъ полную независимость психологіи; особенно опаснымъ считаетъ онъ предпосылки, почерпнутыя изъ теоріи познанія. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о взаимодѣйствіи между матеріальной и психической дѣйствительностями; здѣсь онъ подвергаетъ энергической критикѣ теорію психо-физическаго параллелизма. Наконецъ, касаясь вопроса о методѣ въ психологіи, онъ заявляетъ, что единственнымъ самостоятельнымъ методомъ здѣсь является методъ «субъективный».

Во второй части авторъ даетъ «общую характеристику психической дѣйствительности», затѣмъ знакомитъ читателей съ «нѣкоторыми основными понятіями психологіи» и, наконецъ, излагаетъ (весьма кратко) «основные законы психической жизни». Здѣсь онъ, между прочимъ, весьма подробно, даже съ излишними повтореніями, выясняетъ различіе между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія». На смѣшеніи этихъ двухъ совершенно различныхъ вещей основано не мало психологическихъ и философскихъ ученій, но послѣ прочтенія книги Пфендера у каждаго читателя уже навсегда останется ясное представленіе о различіи между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія».

Другою характерною особенностью второй части книги является энергическая защита авторомъ существованія «психическаго субъекта, или я» при всякомъ проявленіи психической дѣйствительности. Это «я» является тѣмъ объединяющимъ элементомъ, который даетъ единство всѣмъ разнороднымъ проявленіямъ психической дѣйствительности, а также объединяетъ прошедшее, настоящее и будущее психики индивида.

Въ книгѣ, написанной въ качествѣ «введенія» нельзя, конечно, найти новыхъ теорій и вполнѣ оригинальныхъ ученій, но за то все, что изложено въ этой книгѣ, изложено съ замѣчательной ученостью и ясностью.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1909. Стр. V + 524. Ц. 3 р.

Профессоръ Каптеревъ является однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей русской церковной старины, но, несмотря на это или, быть можетъ, именно поэтому, на судьбѣ его произведеній, посвященныхъ реформамъ патр. Никона и дѣя-

тельности первыхъ вождей раскола, какъ нельзя болѣе ярко отразились общія условія развитія русской науки. Эти его произведенія имѣютъ свою исторію, въ высокой степени поучительную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно типичную. Съ изслѣдованіями о реформахъ Никона проф. Каптеревъ выступилъ въ печати еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но мысль, проводившаяся имъ въ этихъ изслѣдованіяхъ,—мысль, согласно которой Никонъ не возстановлялъ въ русской церкви старый, а вводилъ сравнительно новый обрядъ, отстаиваемый же раскольниками обрядъ былъ не испорченный, а древне-русскій и вмѣстѣ съ тѣмъ древне-православный обрядъ, лишь впослѣдствіи подвергшійся у грековъ измѣненіямъ,—показалась крайне опасной тогдашнимъ православнымъ полемистамъ съ расколомъ. Одинъ изъ нихъ, проф. Субботинъ, выступилъ и съ печатными возраженіями противъ этой мысли. Въ возгорѣвшейся полемикѣ побѣда осталась не на сторонѣ проф. Субботина, но тогда онъ нашелъ другой способъ борьбы. Онъ обратился съ извѣтомъ къ занимавшему должность оберъ-прокурора синода Побѣдоносцеву и хотя Н. Ѳ. Каптеревъ и послѣ того сохранилъ свою каѳедру въ духовной академіи, но отъ печатанія своихъ статей о Никонѣ ему пришлось надолго отказаться. И только теперь, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ времени, онъ вновь предпринялъ обнародованіе труда, посвященнаго патріарху Никону.

Основная мысль этого труда, двадцать лѣтъ тому назадъ явившаяся новою даже для большинства спеціалистовъ, съ той поры успѣла уже прочно войти въ научный обиходъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе проф. Каптерева, переработанное имъ совершенно заново и не столько возстановляющее, сколько дополняющее и продолжающее прежнія его работы, полно захватывающаго интереса. Широко пользуясь и печатнымъ, и архивнымъ матеріаломъ, авторъ воспроизводитъ въ этомъ изслѣдованіи чрезвычайно яркую картину какъ самой Никоновской реформы, такъ и той борьбы, которая разыгралась на ея почвѣ въ русскомъ обществѣ XVII столѣтія. Рѣзкими и увѣренными штрихами, значеніе которыхъ еще болѣе подчеркивается спокойнымъ тономъ его повѣствованія, обрисовываетъ онъ какъ сущность этой борьбы, такъ и отдѣльныя фигуры ея участниковъ, начиная съ царя Алексѣя Михайловича, его духовника Стефана Вонифатьева и патріарха Никона и кончая такими противниками послѣдняго, какъ протопопъ Иванъ Нероновъ и протопопъ Аввакумъ. У самого Никона авторъ рѣшительно отнимаетъ роль иниціатора церковной реформы. Указывая, что мысль о такой реформѣ зародилась и даже начала осуществляться, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, еще до занятія Никономъ патріаршаго престола, онъ всю иниціативу реформы переноситъ на царя Алексѣя Михайловича и его духовника, воспитавшихъ греко-фильскія тенденціи и въ Никонѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обстоятельно показываетъ, какой стремительный и случай-

ный характеръ получила церковно-обрядовая реформа въ рукахъ Никона, пропитавшагося такими тенденціями и нашедшаго опору для своихъ чрезмѣрно поспѣшныхъ дѣйствій въ неосмотрительныхъ совѣтахъ и указаніяхъ отдѣльныхъ греческихъ іерарховъ, пріѣзжавшихъ въ Москву ради сбора здѣсь милостыни. Обрисовавъ затѣмъ—ту смуту, какую вызвала въ русскомъ обществѣ Никоновская реформа, и, въ частности, сопротивленіе, оказанное ей кружкомъ столичнаго и провинціальнаго духовенства, группировавшимся раньше около царскаго духовника, а теперь выставившимъ изъ своей среды первыхъ дѣятелей раскола, проф. Каптеревъ заканчиваетъ первый томъ своего изслѣдованія изложеніемъ обстоятельствъ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры и того смутнаго и неопредѣленнаго положенія, въ какомъ осталось послѣ того дѣло церковной реформы. Въ слѣдующемъ, второмъ томѣ своего труда авторъ обѣщаетъ подвергнуть изслѣдованію, съ одной стороны, завершеніе этого дѣла реформы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ другой,—ту часть дѣятельности Никона, которая въ его собственныхъ глазахъ являлась важнѣйшей и которая сводилась къ попыткѣ возвысить «священство» надъ «царствомъ».

Въ развитіи частныхъ своихъ положеній проф. Каптеревъ порою, думается намъ, допускаетъ нѣкоторыя преувеличенія. Едва-ли возможно, напримѣръ, безусловно согласиться съ тою чрезмѣрно свѣтлой характеристикой, какую даетъ онъ Алексѣю Михайловичу, и точно также едва-ли возможно принять для послѣдняго ту роль главнаго иниціатора и чуть-ли не главнаго дѣятеля церковной реформы, которую отводитъ ему авторъ. Въ изображеніи этой роли г. Каптеревъ черезчуръ щедро пользуется вмѣсто доказательствъ предположеніями. Если Никонъ бесѣдовалъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, то это могло происходить, по мнѣнію проф. Каптерева, только по желанію царя и Стефана Вонифатьева (66). Никонъ созываетъ соборъ 1654 г. и этотъ созывъ совершился опять-таки, «конечно, съ совѣта царя и Стефана» (136). Если отбросить всѣ подобныя предположенія, мало основанныя, чтобъ не сказать, совсѣмъ не основанныя на фактахъ, событія примутъ въ нашихъ глазахъ нѣсколько иной видъ, сравнительно съ тѣмъ, какой придаетъ имъ авторъ. То же самое замѣчаніе можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ частямъ книги проф. Каптерова. Авторъ самъ, напримѣръ, съ полною отчетливостью указываетъ тѣ общія условія, которыя дѣлали неизбѣжнымъ появленіе церковнаго раскола, но это не мѣшаетъ ему, дойдя до характеристики протопопа Аввакума, заявить, что «собственно имъ, Аввакумомъ, и созданъ церковный расколъ» (318). Можно было бы указать въ изложеніи автора и другіе примѣры подобныхъ преувеличеній. Но всѣ эти частныя преувеличенія и спорныя утвержденія теряютъ свое значеніе передъ крупными достоинствами книги г. Каптерева, обусловливающими ея глубокій интересъ, и можно только отъ души по-

желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ обѣщаннаго авторомъ второго тома этой книги.

Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. Спб., 1909 Стр. X + 424. Ц. 3 р.

Книга г. Вяземскаго, какъ сообщаетъ въ предисловіи къ ней самъ авторъ, представляетъ собою студенческое конкурсное сочиненіе, написанное еще въ 1905 г. на тему, данную историко-филологическимъ факультетомъ петербургскаго университета, и тогда же удостоенное награды золотою медалью. «Необходимость представить его къ извѣстному сроку—прибавляетъ къ своему сообщенію г. Вяземскій—во многомъ стѣсняла автора. Какъ бы то ни было, онъ рѣшается его печатать почти безъ всякихъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено на судъ факультета осенью 1905 года» (VII). Въ сущности объ этомъ рѣшеніи можно пожалѣть. Если бы г. Вяземскій, не стѣсненный болѣе никакими сроками, далъ себѣ трудъ передъ напечатаніемъ своего изслѣдованія внимательно пересмотрѣть и переработать его, оно могло бы, вѣроятно, много выиграть. Въ настоящее же время на немъ лежитъ слишкомъ яркая печать ученической работы, значительно ослабляющая его научную цѣнность.

Положивъ въ основу своего изслѣдованія «журналы, протоколы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта», изданные въ «Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества», г. Вяземскій не потрудился самостоятельно разработать другіе источники, относящіеся къ исторіи изучаемаго имъ учрежденія. Благодаря этому онъ въ рядѣ случаевъ поставилъ себя въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ болѣе ранней исторической и историко-юридической литературы, затрагивавшей судьбы названнаго учрежденія. Эта зависимость идетъ такъ далеко, что г. Вяземскій не только включаетъ произведенія другихъ авторовъ, ранѣе его писавшихъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ число своихъ «источниковъ», но и дѣйствительно трактуетъ въ своемъ изложеніи мнѣнія этихъ авторовъ наравнѣ съ показаніями источниковъ. Особенно сильно проявляется такая зависимость г. Вяземскаго отъ его предшественниковъ въ первой части его труда, посвященной разрѣшенію вопросовъ о происхожденіи и значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Г. Вяземскій старается, правда, занять въ этихъ вопросахъ самостоятельную позицію, но этому препятствуютъ и недостаточное знакомство его съ источниками, и недостаточная ясность его общихъ юридическихъ представленій. Сообразно этому и выводы его въ обоихъ указанныхъ вопросахъ отличаются больше стремленіемъ къ оригинальности, чѣмъ серьезностью и обоснованностью. Вопросъ о реорганизаціи верховнаго управленія въ смыслѣ созданія объединяющаго дѣятельность администраціи учрежденія возникъ еще въ послѣдніе годы жизни Петра I. Это извѣстно и г. Вяземскому и

тѣмъ не менѣе онъ приписываетъ возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта исключительно «ослабленію верховной власти» послѣ смерти Петра и совершившемуся въ это время паденію вліянія генералъ-прокурора Ягужинскаго и самымъ категорическимъ образомъ утверждаетъ, что Верховный Совѣтъ въ сущности лишь замѣнилъ собою при своемъ основаніи генералъ-прокурора и долженъ былъ дѣлать то самое дѣло, которое «при Петрѣ дѣлалъ съ блестящимъ успѣхомъ Ягужинскій» (5, 7, 12, 17). Не менѣе поверхностны и наивны выводы автора и по другому вопросу, разбираемому имъ въ этой первой части его труда, вопросу объ общемъ значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Слѣдуя указаніямъ проф. Коркунова и проф. Алексѣева, г. Вяземскій какъ будто отвергаетъ оригинальную теорію, лѣтъ пятнадцать тому назадъ выставленную проф. Филипповымъ, теорію, согласно которой Верховный Совѣтъ «именемъ государя правилъ государствомъ» и тѣмъ самымъ ограничивалъ власть государя. Но, отвергнувъ эту теорію, г. Вяземскій немедленно вслѣдъ за тѣмъ вновь возстановляетъ ее уже отъ своего имени. Ссылаясь на слова Екатерины I въ указѣ 1 января 1727 г. («Мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ»), г. Вяземскій выводитъ изъ нихъ заключеніе, что съ этой поры Совѣтъ «дѣлается своеобразнымъ учрежденіемъ, ограничивающимъ самодержавную власть государя, но не имѣющимъ передъ нимъ рѣшающаго голоса» (28). И при этомъ автору, повидимому, совершенно не приходитъ въ голову то простое соображеніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшающаго голоса, не можетъ быть и никакого ограниченія.

Нужно, однако, оговориться, что первая часть книги г. Вяземскаго является лишь своего рода введеніемъ въ послѣднюю, не занимающимъ въ ней особенно виднаго мѣста. Гораздо болѣе самостоятельности проявляетъ авторъ въ разработкѣ двухъ слѣдующихъ частей своего труда, посвященныхъ разсмотрѣнію организаціи и дѣлопроизводства Верховнаго Совѣта и дѣятельности этого учрежденія, и сообразно этому названныя части книги имѣютъ большее значеніе, хотя и онѣ не вполнѣ свободны отъ указанныхъ недостатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится, однако, отмѣтить, что, говоря о дѣятельности Верховнаго Совѣта въ ряду другихъ учрежденій, авторъ недостаточно полно ознакомился съ литературою вопроса, упустивъ изъ виду нѣкоторыя новѣйшія работы, соприкасающіяся съ его темой, какъ, напримѣръ, работу г. Богословскаго объ областной реформѣ Петра В. и работу г. Кизеветтера о посадской общинѣ въ XVIII вѣкѣ. Съ другой стороны, въ прямой противовѣсъ проф. Филиппову, занявшему нѣкогда въ своемъ изслѣдованіи о послѣ-петровскомъ сенатѣ своеобразную позицію прокурора по отношенію къ Верховному Тайному Совѣту.

г. Вяземскій во всемъ своемъ изложеніи выступаетъ въ роли своего рода адвоката Совѣта, и эта роль нерѣдко отвлекаетъ его вниманіе отъ существа дѣла и придаетъ черезчуръ поверхностный характеръ его выводамъ. Во всѣхъ областяхъ государственной жизни авторъ стремится отмѣтить «благотворное» вліяніе Верховнаго Совѣта и тамъ, гдѣ у него не хватаетъ аргументовъ для обнаруженія такого вліянія, охотно замѣняетъ ихъ предположеніями. «Слѣдуетъ признать,—утверждаетъ, напр., онъ, заговоривъ о роли Совѣта въ сферѣ суда,—что надзоръ Верховнаго Тайнаго Совѣта приносилъ свою пользу, такъ какъ, хотя мы и лишены возможности близко услѣдить за ходомъ отдѣльныхъ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, однако несомнѣнно, что постоянныя настоянія и постоянное давленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не могло не оказывать на нихъ значительнаго благотворнаго вліянія» (370). Подобные выводы, конечно, не могутъ имѣть серьезной цѣны. Но на ряду съ ними г. Вяземскій далъ все-таки систематическій сводъ свѣдѣній о дѣятельности Верховнаго Совѣта, почерпнутыхъ изъ протоколовъ послѣдняго, и въ этомъ заключается серьезная сторона его книги, придающая ей извѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что попутно авторъ извлекаетъ подчасъ изъ своихъ матеріаловъ любопытныя свѣдѣнія, касающіяся различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи въ изучаемый имъ періодъ.

Д. К. Петровъ, профессоръ с.-петербургскаго университета. **Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти** Спб., 1909. Стр. VIII + 192 + VII.

Бываютъ на свѣтѣ удивительные ученые труды, появленіе которыхъ можетъ найти себѣ сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе исключительно въ непомѣрномъ трудолюбіи господъ ученыхъ. Къ разряду такихъ именно трудовъ принадлежитъ книга проф. Петрова. Весь внѣшній аппаратъ учености—многочисленныя подстрочныя примѣчанія, рядъ ссылокъ на самые разнообразные источники и изслѣдованія—имѣется на-лицо въ этой книгѣ. Нѣтъ въ ней только одного—сколько-нибудь серьезнаго содержанія.

Заглавіе книги г. Петрова можетъ вызвать большой интересъ къ ней со стороны читателей, мало знакомыхъ съ литературною дѣятельностью упомянутыхъ въ этомъ заглавіи испанскаго и итальянскаго поэтовъ начала XIX столѣтія—Хосе Эспронседы и Габріэля Россетти. И такой интересъ, пожалуй, можетъ быть еще болѣе усиленъ предисловіемъ автора. «Политическая поэзія—говоритъ онъ въ этомъ предисловіи—почетомъ у изслѣдователей не пользуется. И совершенно напрасно! Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не стишки или куплеты, сочиняемые на случай, а

законченныя, цѣнныя и въ художественномъ отношеніи, драмы, поэмы, сатиры и т. п., въ которыхъ отражаются мысли великаго писателя, думы и мечты цѣлаго поколѣнія или эпохи. Таковы, напримѣръ, оды Пиндара, «Божественная Комедія» Данте или «Германъ и Доротея» Гете. Выяснить ихъ политическое содержаніе—задача, безспорно, привлекательная». Не мы, во всякомъ случаѣ, станемъ оспаривать привлекательность подобной задачи. И тѣмъ не менѣе, думается намъ, всякій читатель, который возьметъ на себя трудъ просмотрѣть книгу г. Петрова до конца, неизбѣжно испытаетъ глубокое разочарованіе. Причина этого неизбѣжнаго разочарованія въ сущности очень проста. Ни Хосе Эспронседа, ни Габріэль Россетти не удѣляли въ своемъ поэтическомъ творчествѣ много вниманія современной имъ Россіи Николая I. У Эспронседы есть небольшое «русское» стихотвореніе «Пѣснь казака» (El canto del cosaco), въ значительной мѣрѣ навѣянное аналогичнымъ стихотвореніемъ Беранже, среди же произведеній Россетти есть опять-таки небольшое стихотвореніе, вызванное посѣщеніемъ Рима въ 1845 г. Николаемъ I и свиданіемъ его съ папой Григоріемъ XVI (Niccolo I di Russia in Italia). Между этими двумя стихотвореніями нѣтъ никакой связи, оба они въ сущности не особенно значительны и каждое изъ нихъ въ лучшемъ случаѣ могло бы дать поводъ развѣ лишь для очень небольшого историко-литературнаго этюда. Г. Петровъ же умудрился написать объ нихъ цѣлую книгу чуть не въ 200 страницъ. Достигъ онъ этого тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ находчивый солдатъ въ сказкѣ сварилъ кашу изъ топорища. Читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Петрова, помимо самыхъ стихотвореній Эспронседы и Россетти, приводимыхъ и въ подлинникѣ, и въ пересказѣ, и біографіи обоихъ этихъ поэтовъ, и изложеніе отношеній Наполеона I къ Испаніи, и разсказъ объ испанской революціи 1820 г., и рядъ замѣчаній о декабристахъ и Николаѣ I, и многое еще другое. Но у солдата, варившаго кашу изъ топорища, сварилась, по крайней мѣрѣ, та каша, которая была ему нужна. Про книгу же г. Петрова нельзя сказать и этого. Включеніе въ нее самаго разнообразнаго фактическаго матеріала сильно увеличило ея размѣры, но, конечно, не придало ей характера сколько-нибудь цѣльнаго историко-литературнаго изслѣдованія, и въ концѣ концовъ она является довольно безпорядочной грудой чрезвычайно разнородныхъ фактическихъ свѣдѣній, въ большинствѣ своемъ общеизвѣстныхъ, и отрывочныхъ критическихъ замѣчаній, по большей части наивныхъ и банальныхъ. Тому, кто захочетъ извлечь изъ этой груды небольшія крупицы имѣющагося въ ней цѣннаго матеріала, предстоитъ запастись большою дозой терпѣнія.

„Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ“. Сост. Коммиссіей по пересмотру книгъ при книжномъ складѣ Подвижного Музея подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Спб. 1910 г., стр. VIII + 555 + 56 + 7 + V. Ц. 2 р. 60 к.

Все шире и энергичнѣе растутъ книжные запросы самообразующихся читательскихъ массъ, растетъ предложеніе въ отвѣтъ на этотъ спросъ, удовлетворяемый изъ разнообразныхъ источниковъ, и попытку разобраться въ этихъ источникахъ представляетъ собою лежащій предъ нами указатель. Объемистый и содержательный, онъ ставитъ себѣ довольно ограниченныя задачи: онъ стремится только систематизировать существующую литературу по исторіи и общественнымъ вопросамъ, отдавая небольшое вниманіе оцѣнкѣ названныхъ въ немъ сочиненій и выбирая изъ нихъ лишь наиболѣе распространенныя и общепризнанныя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что такой указатель необходимъ. Какъ правильно отмѣчаютъ составители, ихъ книга должна обслуживать преподавателей и лекторовъ народныхъ аудиторій, вырабатывающихъ свой курсъ, подготовляющихся къ лекціи или подбирающихъ пособія для слушателей, библіотекарей, пополняющихъ библіотеки или помогающихъ читателямъ въ выборѣ книгъ, лицъ, занимающихся пополненіемъ своего историческаго образованія: «для всѣхъ ихъ часто бываетъ необходимымъ просто знать, иногда даже лишь вспомнить главнѣйшія книги, относящіяся къ тому или другому отдѣлу исторіи, быть увѣреннымъ, что та или иная книга, по заглавію подходящая для изученія даннаго вопроса, не является въ дѣйствительности бумажнымъ хламомъ». Въ этомъ перечисленіи лицъ и нуждъ, обслуживаемыхъ указателемъ, какъ будто забыта одна категорія читателей, и не маловажная: читатели, совершенно неподготовленные, не имѣющіе никакихъ историческихъ свѣдѣній. Между тѣмъ указатель и ихъ имѣетъ въ виду: весь матеріалъ, сообщаемый имъ, распредѣленъ по четыремъ группамъ въ порядкѣ возрастающей трудности, и это распредѣленіе, быть можетъ, слишкомъ дробное, оцѣнитъ всякій, кто будетъ пользоваться указателемъ съ просвѣтительными цѣлями.

Составители призываютъ къ указанію недостатковъ и надо думать, что этотъ запросъ ихъ встрѣтитъ довольно энергичный откликъ. Ихъ исполненіе порядкомъ отстало отъ ихъ замысла. Посвятить себя изысканію пробѣловъ и противорѣчій указателя нѣтъ возможности, но и бѣглый его просмотръ убѣждаетъ, что такихъ недостатковъ набралось въ немъ не мало. Кто знаетъ трудности библіографической работы, да еще коллективной и добровольческой, тотъ понимаетъ всю извинительность этихъ недостатковъ и недоразумѣній, но ради пользы дѣла замалчивать ихъ не годится.

Возьмемъ систему указателя. Историческая часть его распадается на отдѣлы русской и всеобщей исторіи; послѣ общихъ обзоровъ и тамъ, и здѣсь идутъ сочиненія, расположенныя по эпо-

хамъ; затѣмъ въ русскомъ отдѣлѣ идутъ указанія, распредѣленныя по вопросамъ, а въ всеобщемъ—по странамъ: въ предѣлахъ этихъ раздѣловъ мы опять находимъ, конечно, хронологическое распредѣленіе. Такимъ образомъ, принципы сталкиваются, получаются недоразумѣнія, и «система» приводитъ только къ недоумѣннымъ вопросамъ, а подчасъ и къ пародіямъ на указатель. Такъ, напримѣръ, русская исторія въ отдѣлѣ «по эпохамъ» въ императорскомъ періодѣ указана по императорамъ; въ отдѣлѣ «по вопросамъ» есть подъотдѣлъ «общественное движеніе и литература», гдѣ опять сочиненія перечислены по царствованіямъ. Что изъ этого получилось? То, напримѣръ, что если читатель изъ четвертой группы, предполагающей «кромѣ общаго развитія и болѣе детальнаго знакомства съ отдѣльными сторонами русской исторіи», захочетъ узнать, чего онъ не читалъ по вопросамъ общественнаго движенія и литературы въ царствованіе императора Николая II, то онъ найдетъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ «Указателя» три, ровно три книги, число коихъ, однако, менѣе фантастично, чѣмъ ихъ выборъ. Это: 1) В. Анучинъ «Казнь Якова Стеблянскаго», 2) В. Львовъ «Девяностые годы и творчество Вересаева», 3) П. Милюковъ «Годъ борьбы». Читатели третьей группы, требующей лишь «нѣкотораго общаго развитія и знакомства съ общимъ ходомъ исторіи», получатъ четыре книги: 1) В. Владиміровъ «Карательныя экспедиціи», 2) Л. Гуревичъ «9 января 1905 г.». 3) Ф. Данъ «Изъ исторіи рабочаго движенія», 4) Кульчицкій «Анархизмъ въ Россіи». Правда, есть еще указанія въ отдѣлѣ «по эпохамъ»; здѣсь оказались только книги, пригодныя для группы 3; ихъ десять; изъ нихъ семь о войнѣ; кромѣ нихъ отмѣчены: «Записки губернатора» кн. Урусова, брошюра о военно-полевой юстиціи Н. Фалѣева и статья изъ «Вѣстника Европы» 1894 г.: «Итоги царствованія Александра III». Правда, кой-что можно еще найти въ отдѣлѣ общественныхъ вопросовъ, но также случайно и прихотливо. Гдѣ же система? Мы пережили за послѣдніе двадцать лѣтъ литературную борьбу марксизма съ народничествомъ, модернизма съ реализмомъ, мистицизма съ позитивизмомъ: гдѣ литература по этимъ вопросамъ? Въ указателѣ, гдѣ есть, ну, напримѣръ, брошюра Рязанова. Группа «Освобожденія труда», ц. 5 коп., нѣтъ сочиненій Н. К. Михайловскаго, нѣтъ боевыхъ сборниковъ идеалистовъ и реалистовъ, нѣтъ А. И. Богдановича, нѣтъ книгъ Розанова, нѣтъ Бердяева, нѣтъ Струве, точно ничего не было. Такихъ пробѣловъ *сотни*; достаточно напомнить, что ни звукомъ не упомянутъ «Дневникъ» Никитенко, и что то же самое происходитъ въ отдѣлѣ всеобщей исторіи. Тамъ, напримѣръ, нѣтъ не только Бокля, но и Ренана, среди историческихъ народовъ востока нѣтъ евреевъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Составители, очевидно, должны внимательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть систему и составъ своего указателя. Иначе онъ останется грудой

сырья, полезность которой будетъ лишь печальнымъ свидѣтельствомъ нашего рокового историческаго pis-aller. Конечно, будутъ пользоваться и этимъ указателемъ. Самъ авторъ этой рецензіи, вѣрно, будетъ имъ пользоваться и будетъ благодаренъ тѣмъ, которые самоотверженно продѣлали эту громадную работу. Но результаты этой работы не очень удовлетворительны—надо же сказать эту правду.

Очень полезное и хорошо исполненное приложеніе къ указателю составляетъ давно необходимый «Обзоръ библіографическихъ указателей научно-популярной литературы, беллетристики и дѣтскихъ книгъ». Приложенъ также «Списокъ книгъ по теоріи и исторіи музыки».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Матезисъ". Одесса. 1910 г. — ***А. В. Клоссовскій.*** Основы метеорологіи. Ц. 4 р.—***Г. А. Лоренцъ.*** Курсъ физики. Пер. подъ ред. Н. Костерина. Т. I. Ц. 2 р. 75 к.—Проф. ***Ф. Кеджори.*** Исторія элемент. математики. Пер. Тимченко. Ц. 2 р. 50 к.—***С. Роу.*** Геометрическія упражненія съ кускомъ бумаги. Ц. 90 к.—***Р. Нимфюръ.*** Воздухоплаваніе. Пер. съ нѣм. Ц. 90 к.—***В. Рамзай.*** Введеніе въ изученіе физической химіи. Пер. П. Маликова. Ц. 40 к.—***К. Граффъ.*** Комета Галлея. Ц. 30 к.—***Н. Зееманъ.*** Происхожденіе цвѣтовъ спектра. Съ прил. ст. ***В. Рица,*** Линейные спектры и строеніе атомовъ. Ц. 30 к.—***В.А. Гернетъ.*** Объ единствѣ вещества. Ц. 25 к.—***С. Ньюкомъ.*** Теорія движенія луны. Исторія и современное состояніе этого вопроса. Ц. 20 к.

Изд. Н. Н. Ключева. М. 1910. ***Н. Макіавелли.*** Князь. Пер. С. М. Роговича. Ц. 60 к.—***Г. Еллинекъ.*** Правительство и парламентъ въ Германіи. Пер. А. А. Рождественскаго. Ц. 35 к. ***Ж. Пилантъ.*** Очеркъ соціологіи. Пер. Э. Струве подъ ред. А. С. Ященко. Ц. 85 к.—***Авг. Бебель.*** Изъ моей жизни. Пер. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „Звено". М 1910.—***В. Башкинъ.*** Разсказы Т. II. Ц. 1 р.—***Камиллъ Лемонье.*** Собр. сочин. Т. I. Самецъ. Романъ. Т. II. Послѣдній баронъ. Ц. по 1 р. за т.—***Альфредъ Бинэ.*** Душа и тѣло. Пер. С. А. Лопашовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Образованіе". Спб. 1910.—***Вл. Вагнеръ.*** Біологическія теоріи и вопросы жизни. Ц. 85 к.—***Г. Лоренцъ.*** Электронная теорія. Пер. Г. А. Котляра. Ц. 40 к.

Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1910.—***В. В. Авенаріусъ-Мальцева.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***Л. Фробеніусъ*** Дѣтство человѣчества. Пер. С. Д. Чулока. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1910.—***С. Елпатьевскій.*** Заграницей. Ц. 1 р.—***А. Серафимовичъ.*** Разсказы. Т. IV. Ц. 1 р.—***Евг. Чириковъ.*** Въ царствѣ сказокъ. Ц. 2 р.—***Ник. Бердяевъ.*** Духовный кризисъ интеллигенціи. Ц. 1 р. 80 к.—***В. Муйжель.*** Разсказы. Т. III. Ц. 1 р.—***Д. Мережковскій.*** Больная Россія. Ц. 1 р. 25 к.—***Гр. Ал. Толстой.*** Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1910.—Библіотека „Нашихъ дѣтей": № 1. Стихотворенія ***Н. Некрасова, И. Никитина и И. Сурикова.*** Ц. 20 к.—2. Стихотв. ***С. Фруга, С. Надсона и Д. Мережковскаго.*** Ц. 20 к.—3. Стихотв. ***А. Апухтина, Ѳ. Тютчева и А. Голенищева-Кутузова.*** Ц. 20 к.—4. Стихотв. ***Н. Козло-***

ва, Н. Языкова и Е. Баратынскаго. Ц. 20 к.—***Эрн. ф.-Вольцогенъ.*** Сказки и небылицы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910.—***Петръ Кожевниковъ.*** Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.—***Сер. Ценскій.*** Разсказы. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к.—***Г. Дж. Уэлльсъ.*** Собр. сочиненій. Тт. 4 и 5. По 1 р. за т.

Кн.-во «Жизнь и Знаніе». Спб. 1910.—***Э. Вурмъ и В. Адлеръ.*** Алкоголизмъ и рабочіе. Двѣ рѣчи. Пер. К. Михайлова. Ц. 20 к.—***Саверанъ-де-Форжъ.*** Человѣкъ сталъ летать. Ц. 15 к.—***В. М. Величкина.*** Что разсказывала мама. Разсказы для млад. возраста. Съ англ. Ц. 70 к.

А. Баулина. Зори вечернія. Спб. 1910.—***Его-же.*** Думы и пѣсни. Спб. 1907.—***Его же.*** Отрывки. Спб. 1908.

Арк. Фыринъ. Голова медузы. 1-я книга стиховр. 1910. Ц. 20 к.

С. Минцловъ. На зарѣ вѣка. Истор. романъ. Изд. 4-е. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Скоморошьи и бабьи пѣсни. Изд. М. Багринымъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Викторъ Эрмансъ. Разсказы. Т. I. М. Ц. 1 р. Кн-во „Золотая осень".

Коллэтъ Ивэръ. Принцессы науки. Романъ. Пер. М. Дицъ. Изд. А Зарунднаго. Спб. 1910.

Л. Д. Вайдель. Выходцы изъ черты осѣдлости. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Викторъ Евтихіевъ. L'amour est tout. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

К. Валишевскій. Вокругъ трона. Екатерина II, Императрица Всероссійская. Полный перев. А. Ф. Гретманъ. М. 1910. Ц. 3 р. Изд. Сфинксъ.

Н. К. Мельниковъ. Ложь и правда. Спб. 1910. Ц. 40 к.

М. Ньмовъ. Злые соблазны. М. 1910. Ц. 1 р. Изд. „Основа".

Н. Рудинскій. Записки земскаго врача. 2 е изд. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Исторія Россіи XIX в. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. В. 30-й. 1910.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Сост. при участіи проф. и препод. подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. Ц. 2 р. М. 1910.

Книга для чтенія по исторіи Новаго времени. Т, I. Ц. 2 р. 75 к. Изд. И. Д. Сытина.

П. В. Бувеснулъ. Краткое введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1910.

В. Мачинскій. О человѣческой культурѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Дановскій. Открытіе Америки. Изд. 7-е подъ ред. Н. Рубакина. М. 1910. Ц. 60 к.

Арк. Петровъ. Политическая жизнь Японіи 1910. Ц. 75 к.

А. Г—кенъ. Бетховенъ. Жизнь. Личность. Творчество. Ч. II. Личность. Спб. 1910. Ц. 75 к.

А. Черняевъ. Воспитательная система, основанная на біографіяхъ великихъ людей. Спб. 1909.

Л. В. Щеглова (В. А. Щ). Мережковскій. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Пережитое. Сборникъ, посвящ. общей и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. II. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

М. С. Корелинъ. Очерки итальянскего возрожденія. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 1 р.

А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи IX—XIX ст. Историч. очеркъ. Изд. ж. „Русская Мысль". М. 1910. Ц. 50 к.

И. Джонсонъ. Чеховъ и его творческій путь. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.

Дм. Ростовцевъ. „Развратница". „Кухонная коммиссія при министерствѣ" Ѳомы Томата. 1910. Женева.

Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Земская реформа на Кавказѣ. Баку. 1910. Ц. 50 к.

Проф. Г. М. Іосифовъ. О размноженіи и половомъ влеченіи человѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ. 1910.

Н. Шрейберъ. Учрежденіе судебныхъ установленій. Спб. 1910. Ц. 5 р.

П. Юшковичъ. Столпы философской ортодоксіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Алекс. Евлаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908). Подъ ред. А. Л. Волынскаго при сотрудничествѣ Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1910. Ц. 12 р.

С. Фонвизинъ. Семь мѣсяцевъ въ Египтѣ и Палестинѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

А. В. Меркуловъ и М. А. Хейсинъ. Какъ организовать и вести потребительное общество. Спб. 1910. Ц. 50 к.

С. В. Фарфоровскій. Ногайцы Ставропольской губ. Историко-этнограф. очеркъ. Тифлисъ. 1909.

Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой. Вып. II. Пѣсни Новгородчія. Спб. 1909, Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Вопросы и нужды учительства. Ред. Е. А. Звягинцева. М. 1910. Ц. 10 к.

О В. Ѳ. Коммиссаржевской.

Какой-то безсмысленной жестокостью отзывались извѣстія изъ Ташкента о Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Коммисаржевской.

Въ видѣ трупа, исковерколованнаго и изуродованнаго, вернется въ Петербургъ, вернется та талантливая, милая, умная, съ гордыми печальными глазами женщина, которую мы знали и любили,— которая владѣла нами.

Вѣра Ѳедоровна не взяла на себя роли въ «Жизни человѣка», когда это Андреевское резюме о жизни-злосчастьи ставилось въ ея театрѣ.

Но она не ушла отъ страшной роли въ пьесѣ жизни.

Жизнь и случай совершили плагіатъ у Леонида Андреева.

Жилъ Человѣкъ, одаренный талантомъ художника, въ призваніи видѣвшій свой долгъ и отдававшій жизнь и поэтическую душу этому призванію... Остальное... Бродячая доля актрисы. Далекій Ташкентъ. Прогулка по базару. Приглянувшійся коверъ. И финалъ страшнѣе, чѣмъ въ выдумкѣ.—Тамъ, въ пьесѣ, камень, брошенный изъ-за угла въ голову. Такъ его хоть видно. А здѣсь смерть, впитанная въ приглянувшемся коврѣ, спрятавшаяся, какъ василискъ въ старыхъ сказкахъ, что убивалъ взглядомъ, не будучи самъ видимъ.

Только вмѣсто страшныхъ словъ—страшныя подлинныя муки...

При мысли о «Коммисаржевской» въ памяти прежде всего выступаютъ, настойчиво заслоняя остальное, образы пассивнаго страданія,—образы, въ ея толкованіи пріобрѣтавшіе чарующую симпатію.

Для безпомощныхъ въ жизни, для неспособныхъ брать свою долю энергіей натиска, для не умѣвшихъ завоевывать свое женское счастье—она была на сценѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ Чеховъ въ литературѣ. Она требовала для своихъ подзащитныхъ мягкаго, нѣжнаго сожалѣнія и любви, и мы, зрители, подчинялись ей. Впрочемъ, слово «требовала» не вѣрно передаетъ то, что бывало между ней и нами. Мы просто любили этихъ безсильныхъ и слабыхъ людей.

Образы женской энергіи, завоевательнаго натиска удавались ей меньше. Можетъ быть, эти яркіе цвѣты жизни были ей менѣе созвучны, чѣмъ блѣдные; но, быть можетъ, они возбуждали въ ней менѣе дѣятельное чувство отъ того, что ихъ не надо было защищать, а ей были близки именно тѣ, что нуждались въ защитѣ и въ поэтической ласкѣ сочувственнаго толкованія.

Было и еще въ ней и у нея, — о чемъ нельзя не вспомнить даже въ этой краткой замѣткѣ. У нея такъ красиво звучала, не

теряясь, но и не выдѣляясь впереди образовъ,—идея, одушевлявшая автора.

Это придавало особенный характеръ ея сценической дѣятельности, дѣлая ее кровно-близкимъ человѣкомъ для литературы въ качествѣ литератора со сцены, если такъ можно выразиться.

Мы не хотѣли бы ослабить оцѣнку Вѣры Ѳедоровны, какъ артистки, употребивъ невѣрное слово.

Она была артисткой, художницей—это не нуждается въ утвержденіи, но она была не только актрисой. Для нея роли были не только матеріаломъ для сценическаго перевоплощенія, матеріаломъ для выигрышной «игры». Для нея образы значили и знаменовали нѣчто, что было ей важно и о чемъ она хотѣла разсказать въ образахъ и убѣдить. Она становилась въ положеніе критика-толкователя и охотно брала на себя передачу литературныхъ образовъ, которые вызывали противорѣчивыя толкованія. Такова, напр., была Ибсеновская Гильда, ради которой ставился «Строитель Сольнесъ»— пьеса не сценичная, а потому и неблагодарная для театра. Сложная, перегруженная символами пьеса могла привлечь ее только какъ «сценическаго литератора», критика-толкователя Ибсена.

Но еще ярче—и трагичнѣе—сказалась эта особенность Коммисаржевской въ послѣднюю полосу ея жизни—въ періодъ ея новаторскихъ попытокъ.

Развѣ не идетъ сейчасъ общее бѣгство отъ человѣческаго къ надчеловѣческому? И она повиновалась этому общему стремленію... Владѣя необыкновеннымъ очарованіемъ реалистической игры, способная играть на нашихъ чувствахъ, какъ умѣла она, — В. Ѳ. вдругъ отказалась отъ этой власти и отъ этого обаянія. Почудились ей другіе голоса, властно призывавшіе на подвигъ исканія новыхъ путей, новыхъ завоеваній въ искусствѣ, новой истины о жизни. У всѣхъ на памяти эти попытки въ театрѣ на Офицерской. И мы увидѣли Вѣру Ѳедоровну въ своего рода власяницѣ художества.

Эти попытки не были успѣшны. Но здѣсь, какъ и всегда, примѣнимы слова Бранда. «Когда нибудь поймутъ, что величайшею побѣдой является паденье»! Эти слова Ибсеновскаго священника по формѣ—парадоксъ, но въ психологической основѣ—безспорная истина. Что лучше въ человѣкѣ, какъ не борьба во имя Бога, признаннаго за Бога? Что цѣннѣе и красивѣе этой борьбы? А если такъ, то не завтрашняя побѣда — мѣрило для оцѣнки человѣка, а лишь самое дѣло, стремленіе совершить это дѣло. Чѣмъ бы ни кончилось...

Попытки Коммисаржевской не были успѣшны. Но отъ этого обликъ Коммисаржевской—въ нашей памяти—внутренне не утратилъ, а пріобрѣлъ.

Не стало этого человѣка; не стало этого художника-иска-

теля и творца, поэтическому вдохновенію котораго мы обязаны столькими минутами, лучшими минутами.

Какія удивительныя, музыкальныя, грустныя души живутъ среди насъ и жили бы, неразгаданныя и далекія, если бы не нашлось женщины, способной ихъ показать — о нихъ ярко разсказать—въ сценическихъ образахъ.

И ея не стало...

Больше не будетъ ни пѣсенъ, ни слезъ.

А. Е. Рѣдько

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство"

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ А. Артемова, изъ Москвы—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ И. О., изъ Самары—3 р.

Итого. . . . 6 р.
А всего съ прежде поступившими 288 р. 34 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ **—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ О. Н.—3 р.; отъ „Я. Т. Д. въ 6-у годовщину смерти Н. К. Михайловскаго 28-го января"—6 р.

Итого. . . . 12 р.
А всего съ прежде поступившими. . . . 186 р. 15 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. Шинкмана, изъ Томска—50 р.; черезъ М. П.—70 р.; отъ Л.—6 р.; отъ д-ра Николаева—10 р.: отъ рабочихъ Шлиссельбургской м-ры—31 р.; отъ группы Екатеринбуржцевъ, учащихся въ Высш. Учебн. Зав. г. СПБ.—3 р. 90 к.; отъ Д. Голубятникова—1 р.; отъ А. П.—20 р.; отъ А. Н Тахчогло, изъ Одессы—30 р.; отъ В. К. П.—15 р.; отъ В. Горбаконь, изъ ст. Филоновской—100 р.; отъ Е. Н—7 р.; изъ одного медвѣжьяго уголка Весьегонскаго уѣзда, Тверск. губ., переслалъ Б. Р.—7 р. 50 к.; отъ С. Латошникова—5 р. 50 к.; отъ Кона—2 р. 33 к.; отъ Закопанца—25 р.; отъ Н. Никонова, изъ Архангельска—9 р.; отъ кружка интеллигенціи со ст. Товаркова, Сызр. Вяз. ж. д.—16 р.; отъ Н, черезъ П. Ф. Якубовича—200 р.; отъ Екатеринбуржцевъ: Б. А.—2 р.; №№ Vivus—4 р., З. Г.—2 р. 50 к.; отъ А. С.С.—10 р.

Итого . . . 627 р. 73 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА".

В. Г. КОРОЛЕНКО. Исторія моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.

П. И. КОРЕНЕВСКІЙ. Крестьянскій „Генрихъ Блокъ". Цѣна 15 коп.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.

В. В. МУЙЖЕЛЬ. Разсказы. Т. II. Цѣна 1 руб.

А. В. ПЕШЕХОНОВЪ. Накануне. Цѣна 60 коп.

—— Въ темную ночь. Цѣна 1 руб.

—— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

А. ВЕРНЕРЪ. Разсказы. М. 1909. Ц. 1 руб.

НОВАЯ КНИГА

Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).

Соціалисты Запада и Россіи.

(Фурье.—Марксъ.—Энгельсъ.—Лассаль.—Жюль Воллэсъ.—Виліамъ Моррисъ.—Чернышевскій.—Лавровъ.—Михайловскій).

Продается въ книж. складѣ М. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28) и въ другихъ магазинахъ.

---

1 р. 50 к. въ мѣс.	ГИМНАЗІЯ	1 р. 50 к. въ мѣс.

НА ДОМУ

Среднее Учебное Заведеніе заочно.

РАСХОДУЯ 1 р. 50 к. въ м-цъ, никакихъ больше расходовъ! Учебныхъ пособій не требуется! Всякій имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

подготовиться къ любому экзамену по разнымъ программамъ, на званія учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. училищъ, аптек. ученик.-цы, вольноопред. 1 и 2-го разряда, на классн. чинъ и т. д.

Проспекты высылаются безплатно.

Адр.; С.-Петербургъ, Изд. Т-ву «БЛАГО», Коломенская, 33—11.

Открыта подписка на новое изданіе Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ:

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изданіе ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской литературы, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи“ дастъ не только схему, но и возможно богатую фактами картину культурнаго развитія. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, къ каждой изъ пяти частей „Русской Исторіи“ будутъ даны особыя прилож. (всего 25—30 печатн. лист.), заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатымъ комментаріемъ. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ богато иллюстрирована снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (до 100 иллюстрацій на отд. листахъ, воспроизведенныхъ способами *Mezzotinto Duplex и Mattdruckkunst*), а также историческими картами и картограммами. Указанныя выдержки въ связи съ особенностями самаго текста и иллюстраціями къ нему должны сдѣлать „Русскую исторію“ своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведен. и учителей начальной и средней школы. Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большого формата въ 10 выпускахъ. Цѣна изданія по предварительной подпискѣ съ пересылкой 20 р.; 2 р. уплачивается при заказѣ и по 1 р. 80 к. при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.—Первый выпускъ выйдетъ въ февралѣ с. г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ва „МІРЪ“.

Карусъ Штерне

„ЭВОЛЮЦІЯ МІРА“.

Научно-популярн. исторія мірозданія и начатковъ культ. Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова съ посл. нѣм. изд., переработан. В. Бельше, съ дополн. статьями проф. Н. А. УМОВА и Н. А. Морозова. Изданіе составитъ 10 вып., по 128—169 стр. каждый, и будетъ заключ. около 820 рисунк. въ т. ч. 49 однотонныхъ цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна изданія съ пересылкой безъ переплета 15 руб.; въ изящномъ дерматиновомъ переплетѣ 3-хъ томахъ 17 р. 25 к. Условія подписки: 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждаго выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждаго тома, по 10 к. за переводъ платежа.

Вышло 8 выпусковъ.

Исторія русской литературы XIX ВѢКА.

Подъ ред. академика *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.*

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ *С. К. Маковскаго.*

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО,

Главная контора Т-ва „Міръ“, Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: Спб., Невскій, 104, Кіевъ, Кузнечная, 14, кв. 5.

ХОРОШІЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ КНИГИ

ЗА ПОЛЦѢНЫ И ДЕШЕВЛЕ.

Книгопродавцамъ по особому соглашенію исключительная скидка.

В. Башкинъ. Стихотворенія: Гражданскіе мотивы. Лирика.—100 стр. въ худож. обложкѣ. Вмѣсто 50 к.—25 к. ...Есть въ этой книгѣ что-то благородно-искреннее, благоуханное и подкупающе-правдивое... ...Черезъ всю книгу проходитъ струя молодой свѣжести и весеннихъ ароматовъ... Радостный боевой кличъ идетъ вслѣдъ за скорбной пѣснью матери, потерявшей сына въ борьбѣ за свободу, пѣсней о женской долѣ, о безработицѣ. («Рѣчь», 19 апрѣля 1907 г.).

Мультатули. Повѣсти, легенды и сказки. Перев. и вступ. статья Ал. Чеботаревской. «Переводчица чрезвычайно умѣло выбрала лучшіе отрывки изъ разныхъ произведеній этого писателя, напоминающаго собою, по силѣ страстности, до которой доходитъ его протестъ, другого яркаго врага человѣческой пошлости, Фр. Ницше». (Русск. Вѣдом.» 9 янв. 1907 г.). Кн. издана оч. хор. 240 стр. въ худ. обл. Вм. 1 р.—50 к.

Р. Гаммеджъ. Исторія Чартизма. Пер. съ англ. Погожевой. 512 стр. Вм. 2 р.—1 р. ...Читатель, который прочтетъ интересный и обильный по собранному матеріалу трудъ Гаммеджа, будетъ имѣть полную и ясную картину движенія англійскаго пролетаріата въ пользу «Хартіи»... Мы еще разъ рекомендуемъ пріобрѣсти эту книгу читателю, желающему познакомиться съ Чартизмомъ... Переводъ безукоризненный... («Современ. Міръ», февр., 1907 г.). ...Книгѣ Гаммеджа болѣе полувѣка, но это ни на волосъ не уменьш. ея выдающагося интереса. («Товарищъ», 23 марта 1907 г.).

И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. I. Источники научнаго соціализма. II. Цитаты. III. Теорія капитала. IV. Программы рабочихъ партій Западной Европы. 320 стр. Вмѣсто 1 р.—50 к. ...Принципы научнаго соціализма весьма детально расчислены на рядъ основныхъ положеній, и цитаты на нихъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса сгруппированы весьма обстоятельно... («Образованіе», Октябрь, 1906 г.).

П. А. Берлинъ. Политическія партіи въ Западной Европѣ, ихъ доктрины, организація и дѣятельность. 272 стр. Вмѣсто 1 р. 25 к.—65 к. ...П. Берлинъ преодолѣлъ всѣ препятствія и не только не упустилъ ничего изъ стараго, но и ввелъ въ трактуемый вопросъ кое-что новое. Мы имѣемъ въ виду страницы, посвященныя синдикализму, обыкновенно замалчиваемому даже въ новыхъ книгахъ о политическихъ партіяхъ. („Товарищъ", 4—V, 07). ... Авторъ обладаетъ большой эрудиціей, приводитъ много данныхъ; принципіальное отношеніе (марксистское) строго выдержано. („Критич. Обозр.", 1907 г. в. II).

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Записки крестьянина. Перев. съ франц. Ал. Чеботаревской. 224 стр.+II. Вмѣсто 70 к.—35 к. „Исповѣдь простого человѣка принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній новѣйшей французской беллетристики. Написанный просто, искренно, выпукло, романъ поражаетъ своей художественной объективностью. Точно въ самомъ дѣлѣ читаешь исповѣдь крестьянина... Это не только крупное художественное произведеніе, но въ то же время превосходная картина жизни и быта французскихъ фермеровъ (métayers). („Правда", мартъ, 1906 г.).

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ во Франціи. Перев. съ фр. Е. Овсянникова. 175 стр. Вм. 60 к.—30 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Государство и роль канцлера въ Германіи. Перев. съ франц. Гольденберга. 125 стр. Вм. 60 к.—30 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи. 136 стр. Вм. 60 к.—30 к. „Эти сочиненія пользуются широкой извѣстностью, какъ лучшій трудъ по данному вопросу"... (Русск. Вѣд."). Положительныя стороны ихъ столь велики, что работу Дюпріе можно смѣло рекомендовать тѣмъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ правительственной организаціей главнѣйшихъ изъ существующихъ государствъ. Лучшей сводной работы по этому вопросу на русскомъ языкѣ не существуетъ. („Образованіе", іюнь, 1907 г.).

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. проф. Бороздина, Лапшина и Щеголева. 2 тома, около 800 стр. Вмѣсто 1 р. 60 к.—за 1 р. 25 к.

Высылаетъ наложеннымъ платеж. книжный магазинъ И. Г. Малмыго.

«ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Суворовскій проспектъ, 5. Телефонъ 107-31.

Пересылка по почтовому тарифу. Упаковка за счетъ магазина. **Новый сокращенный каталогъ удешевленныхъ книгъ высылается безплатно.**

Первая въ Россіи **ГРУППА ХУДОЖНИКОВЪ** (Оконч. Императорск. Академію Художествъ).

Принимаетъ всевозм. художественныя работы, какъ-то: портреты съ натуры и съ фотографій маслян. краск., акварелью, тушью, карандашомъ и т. д.; стѣнную роспись храмовъ во всѣхъ стиляхъ и проч. Портретъ маслян. красками съ фотографич. карточ. 40×50 с-м. отъ 15 р. ТАКЖЕ исполняетъ портреты со всевозможн. фотографич. карт. типа дорогихъ фотогравюръ. Портретъ «фотогравюра» 47×60 сант. 8 р., акварель 12 р.; въ рамѣ на 2 р. дороже. Портреты съ поразительнымъ сходствомъ (обыкновеннаго типа) 10×12 верш. въ роскошной декаденской рамѣ 3 р., прозрачными акварельн. красками 4 р. Рамы по желанію: бѣлаго цвѣта, оливковаго и бордо. Перес. за счетъ заказч. Срокъ исполненія 15 дней. При заказѣ портр. красками необходимо указать цвѣтъ глазъ, волосъ и проч. Адресовать: только въ Главную контору Ателье, Завѣдывающему В. Степанову, С.-Петербургъ, Невскій, 69—34.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ **И. Е. ДУБИНИНА.**

МОСКВА, Покровка, 55.

Вы навѣрно часто встрѣчали наши объявленія, но можетъ быть еще недостаточно уяснили себѣ-почему Вы должны выписывать такіе товары, какъ чай, какао и кофе непосредственно изъ складовъ фирмы И. Е. Дубинина. Это должно быть ясно для всѣхъ.

Главныхъ причинъ-три:

Необыкновенно высокое качество товаровъ,
постоянная ихъ свѣжесть,
огромная выгода и экономія.

Качество нашихъ товаровъ уже всѣмъ хорошо извѣстно. Они пользуются доброй и вполнѣ заслуженной славой по всей Россіи. Всѣ товары Вы получаете отъ насъ всегда безусловно свѣжіе, образцоваго качества и кромѣ сего по самымъ выгоднымъ оптовымъ цѣнамъ. Для ознакомленія мы предлагаемъ слѣдующіе наши товары, которые заслужив. особаго вниманія:

1. Знаменитый **ЧАЙ ЦАРСКАЯ РОЗА,** выдающійся своимъ нѣжнымъ ароматомъ, свѣжестью и вкусомъ старинныхъ кяхтинскихъ чаевъ. Для постояннаго домашняго употребленія нѣтъ лучше, нѣтъ пріятнѣе и выгоднѣе чая Царской Розы.

2. Цейлонскій ЧАЙ ЯНХАО самый сильный и самый экономичный чай въ мірѣ. Онъ выдерживаетъ всякую воду и поэтому незамѣнимъ для мѣстностей съ грубой и известковой водой.

Кто желаетъ попробовать эти чаи, тотъ можетъ выписать на пробу по полуфунту того и другого, а всего 1 фун. за 1 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

3. КАМЕРУНЪ КАКАО. Самый лучшій какао въ мірѣ, въ высшей степени питательный, полезный и пріятный напитокъ. Кто соблюдаетъ посты или постныедни должны для поддержанія здоровья пить Камерунъ какао, какъ самый питательный, совершенно постный растительный продуктъ. Приготовленіе его самое простое: порошокъ кладется въ чашку и заваривается кипяткомъ. На пробу можно выписать 1 фунтъ Камерунъ какао за 1 р. 45 к. съ перес. на нашъ счетъ.

4. КОФЕ. ПАРИЖСКІЙ МЕЛАНЖЪ знаменитая смѣсь по Парижскому рецепту изъ всѣхъ лучшихъ сортовъ кофе. Если Вы хотите имѣть образцовый кофе-выписывайте Парижскій Меланжъ: лучшаго кофе не можетъ и быть. Одинъ фун. кофе Парижскій Меланжъ высыл на пробу за 1 р. 25 к. съ перес. на нашъ счетъ.

Если же Вы хотите познакомиться и попробовать сразу всѣ эти товары, то можете выписать на пробу всѣхъ ихъ по четверти фунта-всего 1 ф. за 1 р. 65 к. 4 ф. за 5 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

Требованія просимъ адресовать:

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ **И. Е. ДУБИНИНА,** МОСКВА, Покровка, 55.

Всѣ подробныя свѣдѣнія о чаѣ, кофе и какао высылаемъ безплатно.

ТАБЛЕТКИ ІОГУРТ д-ра **ТРАЙНЕРА** для пріема послѣ ѣды (Болгарскія палочки, рекоменд. **Мечниковымъ** и др. медиц. авторит.) при всѣхъ **желудочно-кишечн.** заболѣваніяхъ. Превосходно регулируютъ **пищевареніе и запоръ.** Цѣна 2 р. Налож. пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. леченіе). Продажа съ аптекахъ и лучш. аптек. магаз. Литература высылается безплатно. **С.-Петербургъ,** О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—31, д. Зингера.

ЗАМЯТИНЪ и ПРАКТИЧНАЯ ХОЗЯЙКА

Возьмите обыкновенную открытку, напишите Вашъ адресъ и опустите ее въ ящикъ. Черезъ пару дней Вы получите роскошный богато иллюстрированный **прейсъ-курантъ Замятина.** Замятина въ Москвѣ знаютъ всѣ. Это извѣстный магазинъ **лампъ и хозяйственныхъ вещей. У Замятина есть все.** Самый большой выборъ, лучшее качество, и притомъ самые низкія цѣны.

Если Вы живете въ провинціи, то Вы должны были покупать то, что Вамъ предлагаютъ или что есть на мѣстѣ. Теперь Вамъ этого больше дѣлать не надо. Вы лишь посмотрите прейсъ-курантъ Замятина, выберете то, что Вамъ нравится, что Вамъ нужно и пришлите заказъ Замятину! Вы немедленно все получите, по той цѣнѣ, которую Вы хотите заплатить.

Мы выполняемъ всѣ заказы безъ задержки и Вы по крайней мѣрѣ знаете, что получите товаръ самаго лучшаго **качества.**

Въ Прейсъ-курантѣ Вы найдете фотографію и описаніе каждой вещи и рядомъ цѣну. У Замятина есть все для хозяйки: отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ роскошныхъ сортовъ товара

Замятинъ уже 17 лѣтъ работаетъ съ провинціей и продаетъ всевозможные предметы тысячамъ покупателей. И всѣ остаются довольны. **Молодая хозяйка найдетъ у насъ полное хозяйство отъ 32 руб** Впрочемъ пришлите намъ только Вашъ **адресъ,** мы Вамъ вышлемъ безплатно прейсъ-курантъ, а затѣмъ судите сами. Опустите открытку въ ящикъ сегодня. Не откладывайте. Адресуйте:

А. П. ЗАМЯТИНЪ,

МОСКВА, Средніе ряды, № 28, 29, 30. Тел. магаз. **16-02,** конторы **162-26.**

МАГАЗИНЪ ОТДѢЛЕНІЙ НЕ ИМѢЕТЪ.

На запросахъ просятъ упоминать: **въ розничное отдѣленіе.**

„СПЕРМИНОЛЬ“

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ обмѣна веществъ (діабетъ, подагра, рахитъ), при неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой слабости, спинной сухоткѣ, невралгіи, при переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операцій и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ сердечной дѣятельности (міокардитъ, ожиреніе сердца), сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за 1/2 часа до ѣды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра **Ф. М. Блюменталя** въ Москвѣ, оказалось, что **„СПЕРМИНОЛЬ“ Леопольда Столкинда** содержитъ цѣлебной части **спермина** значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. Пеля и другихъ фирмъ.—Копія протокола анализа высылается безплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДЪ и К°.**

МОСКВА, Никольская, 17/19. **БЕРЛИНЪ** O, 27/4.

Книгоиздательство и книжный складъ
Т-ва „Общественная Польза“

Спб., Б. Подъяческая, 39, соб. д.

Башкинъ В. Разсказы. т. I. Содержаніе. Сестры. Молодо-зелено. Квартира. Тетя Ларя. Послѣдніе дни Рѣпникова. Княгиня. Ц. 1 р.

Башкинъ В. Разсказы т. II. Содержаніе. Больные. Потянуло. Москалевы. Начало. Красные маки. Ц. 1 р.

Беме. Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработаны для печати Маргаритой Беме, съ вступит. ст. Франка.

Бодлэръ. Цвѣты зла. Съ 2-мя портретами и характеристикой автора. Переводъ П. Якубовича-Мельшина. Ц. 1 р.

Беренштамъ, Владиміръ. Въ огнѣ защиты. Изъ впечатлѣній политическаго защитника. Ц. 75 к.

Бѣлевичъ. „Наши чтенія“. Устройства литерат. вечеровъ и сборн. стихотвор. по декламаціи. Ц. 1 р. 50 к.

Бунаковъ, Н. Записки. Моя жизнь въ связи съ общерусской жизнью, преимуществ. провинціальной. 1837—1905 гг. Съ портретомъ и факсимиле Ц. 1 р. 75 к.

Гаринъ, Н. (Н. Г. Михайловскій). Сказки для дѣтей. Съ мног. иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Елпатьевскій С. «Близкія тѣни». Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ, Успенскомъ. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, С. „За границей“. Содержаніе. 1) Первыя впечатлѣнія: Ривьера, Италія, Швейцарія, Парижъ. 2) Римъ. 3) Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ. Островъ Джерсей. 4) Во французскомъ вагонѣ. 5) Темный островъ (Корсика). 6) Ницца. 7) Италія. 8) Мессинское землетрясеніе. Ц. 1 р.

Корчемный, В. Разсказы: 1) Лунная соната. 2) Записки стараго художника. Ц. 1 р.

Карменъ. Разсказы. т. I. Ц. 1 р.

Ладыженскій. Далекіе дни и друг. разсказы. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разсказы. т. III. Содержаніе. Старухина земля. Мечты. Леонтій. Старый Каморг. Въ одномъ домѣ. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разсказы. т. IV. Ц. 1 р.

Никоновъ, Б. Въ стѣнахъ гимназіи. Ц. 1 р. 25 к.

Первухинъ, М. Догорающія лампы. Сборн. разск. Ц. 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. Расколъ вверху. Очерки религіозн. исканій въ привилегированной средѣ. Ц. 1 р.

Преміровъ, М. Нѣмыя дали. Разск. Содержаніе. Дѣти города. Украли. День. Скорбный листъ. Тихая сказка. Гемма. Счастье. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Содержаніе. На зеленомъ лугу. Слѣпой кругъ. Качающійся фонарь. Въ виноградникѣ. Жадный. Въ вагонѣ. Вѣтеръ. На улицѣ. Какъ было. Старуха. На рѣкѣ. Разбитый домъ. Ц. 1 р.

Толстой, А. Н., графъ Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Федоровъ, А. Разсказы Ц. 1 р. Подвигъ. Романъ Ц. 1 р. Камни. Изд. 2-е. Ц. 1 р. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Избранные разсказы въ переводѣ Куприна, Бальмонта, Лукьянова, Батюшкова и др., Ц. 1 р.

Чириковъ, Е. Моя книга. Дѣтскіе разсказы съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Чириковъ, Е. Въ царствѣ сказокъ. Съ иллюстр. въ пер. 2 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

Вельскій. За пискипедагога. Съ вступ. письмомъ проф. Лесгафта. Ц. 1 р.

Волынскій, А. Ѳ. М. Достоевскій. Крит. ст. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій. Исторія русской литературы. Ц. 40 к.

Мережковскій, Д. Л. Толстой и Достоевскій, т. I. Жизнь и творчество. Ц. 2 р., т II. часть I. Религія. Ц. 1 р. 50 к., т. II. часть 2. Религія. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Больная Россія. Ц. 1 р. 25 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. проф. Собр. соч. т. I. Гоголь, т. II. Тургеневъ, т. III. Толстой. Ц. 1 р. 25 к., т. IV. Пушкинъ, т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій. Ц. 1 р. 25 к., т. VI. Психологія мысли, чувства и творчества, т. VII. Исторія русской интеллигенціи, ч. I. 1 р. 50 к., т. VIII. Исторія русск. интеллиген., ч. II. 1 р. 50 к.

Стекловъ, Ю. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. Ц. 2 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Составляетъ новыя и пополняетъ существующія библіотеки: общественныя, публичн., школьн., сельск., заводск. и т. д.

По предварительному соглашенію высылаетъ магазинамъ, библіотекамъ и т. д. всѣ вновь выходящія книги, или по отдѣльнымъ отраслямъ, немедленно по выходѣ.

Заказы высылаются налож. плат.

Каталоги по требованію безплатно.

СЛУЧАЙНО

СКУПЛЕННЫЕ

ОСТАТКИ ИЗДАНІЙ ПРЕДЛАГАЮТСЯ ЗА

ПОЛЦѢНЫ и ДЕШЕВЛЕ

французско-русскій словарь этимологическій, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова, разобран. и сгруппиров. по корнямъ сост. Такселля. Удост. больш. преміи Императ. Петра Великаго. Рекоменд. учен. ком. Мин. Народн. Просв. 2 тома 1320 стр. Вмѣсто 7 руб. за 2 руб. 50 коп.

ЛЮТГЕНАУ. Естественная и соціальная религія. Физич. Антропологич. и психологич. религіи. Жречество. Аѳинская государств. религія. Соціальн. религія. Монотеизмъ. Христіанство. Религія и этика. Религія въ настоящ. 1908 г. 290 стр. вмѣсто 1 р. за 50 к.

ЗАРНИЦЫ, № 1 сборникъ. Купринъ, А. Яблоновскій, В. Башкинъ, Танъ, Н. Морозовъ, Бунинъ, А. Рославлевъ, Цензоръ, Овсянико-Куликовскій, Горнфельдъ, И. Петрункевичъ, Ѳ. Кокошкинъ, Н. Щепкинъ, Кн. Д. Шаховской, О. Пергаментъ, М. Славинскій, А. Петрищевъ. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ВЕРШИНЫ. Сборн. В. Базаровъ, П. Берлинъ, И. Бунинъ, В. Кранихфельдъ, А. Луначарскій, Д. Крачконскій, Л. Мартовъ, В. Муйжель, М. Невѣдомскій, Парвусъ, Потресовъ, П. Юшкевичъ, Сем. Юшкевичъ и друг. 420 стр. 1909 г. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ФОНЪ-ГУКЪ. Крикъ жизни. У Кіевскихъ монаховъ. Неутѣшная. вдова. и друг. разск. Вм. 1 руб. за 40 к.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ въ его письмахъ и сочиненіяхъ; Состав. Евг. Соловьевъ. (Скрпба) Издан. 2-е. 250 стран. 60 к.

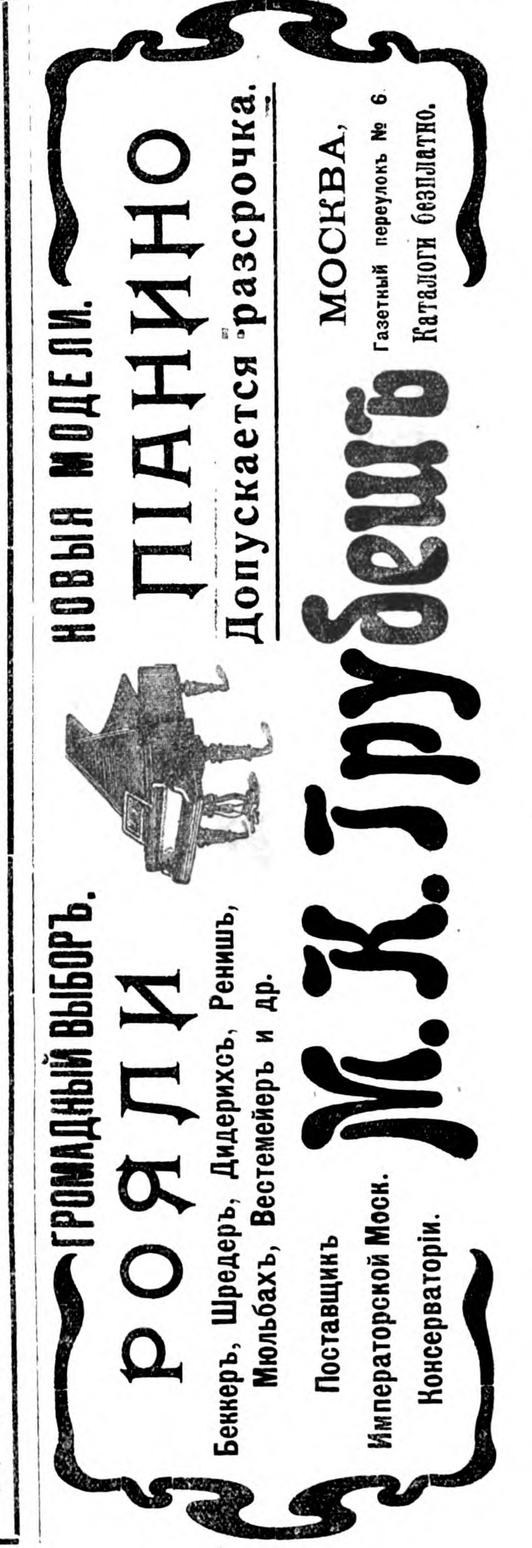
АРТУРЪ ШОПЕНГАУЕРЪ. Міръ, какъ воля и представленіе. Популярн. излож. В. М. Голикова. Вм. 60 к. за 30 к.

Пересылка за счетъ покупателя.

Съ требован. обращаться въ книжный магазинъ **А. К. ГОМУЛИНА**. Спб., Литейный, 49. Тел. 84—26.

Цѣны указаны безъ пересылки, упаковка безплатно.

Пересылка по дѣйствительной стоимости на счетъ покупателя высылается наложен. при задаткѣ 1/3 заказа.



СРЕДСТВО

дѣйствительное противъ кашля, простуды, бронхита и гриппа.

Средство признано превосходн. во Франціи уже 20 лѣтъ.

Ежегодная продажа 1 мил. короб.

Сосаніемъ этихъ пастилокъ, имѣющ. пріятн. вкусъ, можно предохр. себя отъ всѣхъ болѣзн. горла и бронховъ.

Цѣна коробки **90** коп. Пастилы «**Понселэ**» прод. во всѣхъ апт. и апт. маг. В. Бюлера. Спб., Невскій, 49. Рус. Общ. торг. апт. тов. Казанская, 12.

Курсы газетной техники.

1-е въ Рос. Сущ. 5-й г. Лично и заочно подготов. лицъ об. пола въ сотрудники Спец.: фельет., статьи, разск., корресп., стеногр. и пр. Выд. свид. рек. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет на жалов. Подр. за 7 к. м. Лекціи и матер. Леон. Андреева, Амфитеатрова., Дорошевича, Куприна, Юшкевича. Одесса, Дерибасовская, д. Мих. № 21, Чивонибару.

ДАМЫ И БАРЫШНИ. Благодарности, полученныя мною почти отъ всѣхъ моихъ заказчицъ, даютъ мнѣ право просить отнестись ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, въ чемъ и Вы убѣдитесь. За точное и добросовѣстное исполненіе заказа ручаюсь. Совѣтую выписать по фабричнымъ цѣнамъ **НОВОСТЬ ПОСЛѢДНЯГО СЕЗОНА**. Изящн. бархатная блузка: грудь, воротникъ и манжеты роскошно вышиты, шелкомъ гладью въ прикроенномъ видѣ, годная къ шитью на каждую фигуру. Цвѣта: черный, бордо, темно-синій, темно-зеленый, табачный высылаю за **5** руб. **25** коп. наложеннымъ платежомъ и безъ задатка.

	Р.	К.
Блузка изъ чист. шерст. матеріи „**ВУАЛЬ**“ съ такой же роскошной вышивкой	4	—
Блузка изъ чистаго шелковаго канауса, вышита гладью или ажуромъ сортъ Prima	6	90
Блузка изъ канауса № 2 такой же вышивкой	5	25
Блузка изъ самой модной шелковой матеріи „**ПОПЕЛИНЪ**“ съ роскошной вышивкой	6	75
Изъ шелк. флорентина вышита гладь, или ажуромъ цвѣта: черный, кремъ, розовый, голубой, пунцовый, табачный и др. Фасонъ послѣдняго журнала прилагаю безплатно.	4	10
Англійская Верхняя Юбка изъ самаго элегантнаго, моднѣйшаго и практичнаго шевіота, шитье, отдѣлка и крой по новѣйшимъ моделямъ съ высокой таліей цвѣта: черный, т.-синій, коричневый, табачный, темно и свѣтло-сѣрый, затканыя новомодными искрами высылаю за	5	25
Юбка изъ гладкаго Шевіота Прима отдѣл. Шелков тесьмой и пугов. съ высокой таліей	7	75
Юбка изъ чисто-шерстян. матер. „**ГЛОРІЯ**“ съ роскошной отдѣлкой съ шелков. поясомъ	8	75
Юбка изъ Альпага отдѣл. пугов.	6	50
Юбка изъ Шелковист. Альпаги ничѣмъ не отличающей отъ шелк. матер. отдѣл. блестящ. тесьмой крой кокетка	8	75
Юбка изъ загран. шерст. матер. „**ВЕНЕРА**“ съ высокой таліей отдѣл. либерти и пугов. спереди въ складк. и кокеткой послѣд. новость	11	25
Юбка изъ Полосатой матеріи „**КОВЕРКОТЪ**“ отдѣл. либерти пугов. кокеткой съ высок. таліей	12	—
Юбка изъ загран. бархата, отдѣлана широкой шелков. тесьмой съ обыкновенной таліей	14	50

Такая же юбка съ Корс. т. е. высок. тал. на 1 руб. 50 коп. дороже

Всѣ юбки могутъ быть черныя, темно-синія, табачныя и другіе цвѣта. При заказѣ указать объемъ въ бедрахъ, таліи и длину юбки.

Адр.: Вышивальня „**МАРІЯ**“ Варшава, Павья, II, отд. 3

Каталогъ книгъ

(Остатки изданій В. Солдатенкова и др. по удешевленой цѣнѣ) высылается безплатно книжнымъ магазиномъ **И. М. ФАДѢЕВА**. Москва, Моховая ул., домъ графа Бекендорфа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на общ.-пол. литер.

ЕЖЕНЕД. ГАЗЕТУ **„Разсвѣтъ“**, (6-ой годъ изданія.)

Единств. еврейск. газ. на русск. языкѣ выходящую при ближайшемъ участіи Ю. Д. Бруцкуса, С. К. Гепштейна, Б. А. Гольдберга, А. М. Гольдштейна, В. Е. Жаботинскаго, А. О. Зайденмана, А. Д. Идельсона и Д. С. Пасманика.

При одномъ изъ первыхъ номеровъ «Разсвѣта» за 1910 г. подписч. получ. въ видѣ **безпл. приложенія справочн. книжку «Разсвѣта»**, содерж., помимо календаря и евр. хронологіи: законы о евреяхъ, обзоръ всѣхъ обще-евр. и русско-евр. учрежд., условія поступл. въ учебн. завед. въ Россіи и загран., эмиграц. свѣдѣнія, статист. данныя и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россію: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к. За границу: на годъ—6 р., на полгода—3 р., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к.

Подп. приним. только съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля и 1 окт.

Адресъ Ред. и Конт. СПБ., Торговая, 17.

Имѣются въ Центральн. аптекар. магазинѣ
Б. Шаскольскаго, Невскій, 27.

ЗАВОДЪ: С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 60.
МАГАЗИНЫ: Невскій пр., № 8 и 60.
Москва, Кузнецкій мостъ с. д.

Часовни, кресты, намогильн. ограды. Камины, къ нимъ приборы и экраны, чугун. наполнительн. и керосиновыя ПЕЧИ.

КУХОННЫЕ ЭКОНОМИЧ. ОЧАГИ.

Устройство прачешень и конюшень.

Денежные Шкафы и ящики.

Вѣсы системы Фербэнксъ. Кресла-самокаты для больныхъ.

Элегантныя дѣтскія Коляски. Желѣзная садовая мебель.

Шоссейные катки.

Требуйте прейсъ-куранты.—При требованіи прошу ссылаться на № журнала.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ К. ГУБИНСКІЙ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Владимірскій, 7.

Высылаю всѣ книжныя новости. Пополняю и составляю всевозможныя библіотеки. Каталогъ безплатно.

Майковъ, П. Біограф. Ив. Ив. Бецкой ц. 4 р. за 1 р.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Степановскій, И. К. Вологодская старина. Историко-археологическій сборн. Вологда, 1890 г. ц. 3 р. за 1 р.

Зиберъ, Н. И. Давидъ Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общ.-экономич. изслѣдован. изд. III, 1898 г. ц. 2 р. 25 к. за 1 р. 75 к.

— Собр. соч. въ двухъ том. съ портр. автора ц. 5 р. 50 к. 1900 г. за 4 р.

Маттеи, А. Король нищихъ. Романъ, перев. Гейнце ц. 1 р. за 30 к.

Шпильгагенъ, Ф. О чемъ щебетала ласточка ц. 2 р. за 1 р. 20 к.

Гетчинсонъ, Г. Очерки первобытн. міра. Перев. Журовской ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Шопенгауэръ, Арт. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Н. Соколова ц. 4 р. за 3 р.

Мишле. Женщина и любовь. Физіологія ц. 1 р.

Поповъ, Н. Около трона. Дневникъ М. Абендъ. Романъ изъ жизни соврем. аристократовъ ц. 1 р. за 50 к.

Складчина. Литерат. сборн. сост. изъ труд. русск. литерат. ц. 3 р. за 1 р. 25 к.

Альманахъ оккультистъ ц. 60 к.

Мережковскій, Д. Трилогія. «Христосъ и Антихристъ», въ 3 част. ц. 5 р. 75 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолы. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокр. ц. 1 р. 50 к. за 60 к.

Франке, Куно. Истор. нѣм. лит. въ связи съ разв. обществ. силъ. Съ 39 портр. Перев. съ англ. П. Батина за 1 р. 25 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожд. обществ. строя соврем. Франціи. Стар. порядокъ. Пер. Г. Лопатина ц. 2 р. 50 за 1 р. 25 к.

Никитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1887 гг.) ц. за 2 т. 7 р. за 3 р.

Лемке, Мих. Очерки по истор. русск. ценз. и журналист. XIX ст. Съ 19 портр. и 81 каррик. 3 р. за 1 р. 20 к.

Бори. Парижскіе шелопаи. Романъ ц. 2 р. за 1 р.

— Красавецъ Роланъ или клубъ висѣльниковъ. Ром. ц. 3 р. за 75 к.

Маакъ. Путешеств. на Амуръ. съ атлас. изъ 32 табл. ц. 20 р. за 10 р.

Гансъ Фреймаркъ. Какъ узнать свою судьбу по линіямъ рукъ. Со многими иллюстраціями ц. 75 к. за 45 к.

Бертеруа. Новія (плясунья Помпеи). Ром. изъ жизни античн. міра ц. 75 к.

Шмидтъ, К. Дневникъ грудного младенца ц. 60 к.

Долороза. Рафаэла. Ром. танцовщицы (одна изъ мног.) ц. 1 р. 25 к. за 1 р.

Клара Фибихъ. Крестъ въ Венѣ. Сенсаціонный романъ ц. 1 р. 25 к.

Надежда Санжаръ — Записки Анны. 1910 г. ц. 1 р. (Интересная новинка!).

Міръ половыхъ страстей. Карт. полов. жизни мужчины и женщины ц. 1 руб.

Альтенбергъ. Сказки жизни ц. 1 р.

Гиттонъ. Жизнь людей черезъ 1000 л. Утопическій романъ ц. 60 к.

Брокгаузъ-Ефронъ. Энциклопед. слов. Полн. (86 т.), ц. 258 р. за 110 р.

Біографіи композитор. съ IV—XX в. съ портр. Больш. т. 927 стр. ц. 6 р. за 3 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи, философіи права 6 т. (безъ 1-го) ц. 18 р. за 9 руб.

Листовскій, И. Историческіе итоги. Спб. 1892 г. ц. 3 р. за 1 р.

Вангольдъ. Географія въ эстампахъ, 16 гравирован. эстамповъ въ перепл. ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Гюи-Мопассанъ 12 т.—6 р. Жуковскій, В. А. 12 т.—1 р. Данилевскій 24 т.—3 р. Генрихъ Гейне 16 т.—1 р. 50 к. Гоголь, Н. В. 12 т.—2 р. 50 к. Салтыковъ-Щедринъ, М. Е. 40 т.—6 р. Боборыкинъ, П. Д. 12 т.—2 р. 50 к. Станюковичъ 40 т.—4 р. 50 к. Горбуновъ 4 т.—1 р. Гр. А. Толстой 10 т.—3 р. Лѣсковъ 36 т.—3 р. Шеллеръ-Михайловъ 50 т.—4 р. Чеховъ, А. П 16 т.—6 р. Гончаровъ 12 т.—6 р. Григоровичъ, Д. В. 12 т.—6 р. Тургеневъ 12 т.—9 р. Достоевскій 24 т.—9 р. Успенскій, Г. 28 т.—4 р. Гауптманъ 10 т.—2 р.

Крестовскій, В. Собр. соч., 8 т. ц. 10 р. за 8 р. **Крыловъ, П.** Полн. собр. сочин. ц. 1 р. **Немировичъ-Данченко, Вас.** Соч. 30 кн. за 5 р. **Соловьевъ, Вс.** Соч. 40 кн. за 6 р. **Диккенсъ, Ч.** Собр. соч. 35 т. за 12 р. 50 к. **Додэ, А.** Собр. соч. 12 т. ц. 6 р. **Шекспиръ.** Соч. 5 т. богато-иллюстр. изд. Брок.-Ефр. ц. 37 р. 50 к. за 25 р. (въ перепл.). **Шиллеръ.** Полное собр. соч. богато иллюстр. изд. Брокг.-Ефронъ. 4 т. ц. 30 р. за 20 р. (въ перепл.). **Шницлеръ.** Соч. 6 т. ц. 6 р. **Слѣпцовъ, В.** Соч. изд. Губинскаго, ц. 2 р. 25 к. **Лейкинъ.** Соч. 34 т. ц. 36 р. 35 к. (каждый т. прод. отдѣльн.). **Потѣхинъ, А.** Полн. собр. соч. 12 т. изд. «Просв.», ц. въ перепл. 18 р. за 12 р. **Ростопчина, Е.** Соч. 2 т. Спб. 90 г. ц. 5 р. (изд. распродано). **Жюль Вернъ.** Полное собраніе сочиненій 88 том. ц. 10 руб. **Майнъ-Ридъ.** Сочиненія 40 томовъ цѣна 6 р.

Цѣны безъ пересылки.

С.-Петербургъ. Кирпичный, 1.

ЕСЛИ ВАШИ

ВОЛОСЫ

выпадаютъ, если у Васъ есть жирная или сухая перхоть, если Вы страдаете зудомъ кожи головы и желаете имѣть прекрасные волосы, то сообщите свой адресъ, и Вы получите брошюру «Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія», составленную Врачами-Спеціалистами 1-й Россійской Волосолечебницы въ С.-Петербургѣ, совершенно безплатно.

ЛАБОРАТОРІЯ „ДЕВЕСЪ".
СПБ., Кирпичный, 1.

Безплатно высылается всѣмъ

указавшимъ на это объявленіе и сообщившимъ свой адресъ только что вышедшій Каталогъ книгъ—удешевленныхъ, антикварныхъ и новыхъ книжн. магаз. П. ГЛѢБОВА. Спб., Пет. стор., Большой пр., 35.

Между прочими предлагаются слѣдующія книги:

Проф. А. ТРАЧЕВСКІЙ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

2 тома, 2-е исправл. и дополн. изд. 1900 г., съ 72 рис., 540 стр. Древняя исторія, въ 1 томѣ, 3-е исправл. изд. 1901 г., съ рис. 377 стр. Средняя исторія, въ 1 томѣ, 3-е исправл. изд. 1901 г., 111 рис., 366 стр., Новая исторія, одинъ томъ (1500—1750 гг.), 2-е исправленное и дополненное изданіе 1900 г., 700 стр.

За всѣ 5 томовъ вмѣсто 8 руб. 50 к.—2 р. 50 к.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Изданіе Картографическаго заведенія Ильина.

ПО ЦѢНѢ по 1 р. за томъ вмѣсто 8 р. Имѣются слѣдующіе томы:

Т. VIII. Индія и Индо-Китай — съ 6 рис. и карт. на 2-хъ лист., 751 стр.

Т. IX. Средняя Азія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Азіатская Турція и Аравія—съ 84 рис. съ карт. 803 стр.

Т. X. Сѣверная Африка, Бассейнъ Нила съ 57 рис., съ карт. 543 стр.

Т. XI. Сѣверная Африка, Тунисъ, Алжирія, Марроко, Сахара—съ 82 рисун. 742 стр.

Т. XII. Восточная Африка, Атлантич. архипелаги, Сенегамбія и Восточн. Суданъ—съ 64 рис. 604 стр.

Т. XIII. Южная Африка, Южный Атлантическій Океанъ, Камерунъ, Габонъ, Конго, Анголо-де-Мара, Лимпопо, Кубанга, Мозамбикъ, Занзибаръ — съ 75 рис., 688 стр.

Т. XIV. Океанъ и океанск. земли, Мадагаскаръ, Маскаренскіе острова, Инсулиндъ, Филиппинскіе острова, Маланезія, Австралазія, Полинезія — съ 77 рис., 797 стр.

Т. XV. Сѣверная Америка, Гренландія, Полярный архипелагъ, Аляска, Канада, Нью-Фаундлендъ — съ 55 рис., 575 стр.

Т. XVI. Соединенные Штаты — съ 66 рис., 664 стр.

Т. XVII. Западная Индія и Мексика — съ 73 рис., 780 стр.

Книги по желан. высыл. налож. платеж. Перес. по казенному тарифу. Каталогъ безплатно.

Книги за

Высылаетъ Центральный

А. А. КЛИ

С.-Петербургъ. Вознесенскій просп., здан. Ново-Александ

Русскіе писатели.

бывш. прилож. къ „НИВѢ" и др.

БОБОРЫКИНЪ. 12 т., ц. 2 р. 50 к. **ВСЕМІРНАЯ ИСТОР.** (Каспари), 34 вып., ц. 3 р. **ГАНЪ.** 6 т. ц. 1 р. **ГАУПТМАНЪ.** 10 т., ц. 1 р. 50 к. **ГОГОЛЬ.** 12 т., ц. 2 р. 50 коп. **ГОРБУНОВЪ.** 4 т., ц. 75 к. **ГРЕБЕНКА.** 10 т., ц. 3 р. **ГРАНОВСКІЙ.** 2 т., ц. 75 к. **ГЮИ ДЕ-МОПАССАНЪ.** 13 т., ц. 4 р. 50 к. **ГЕЙНЕ.** 16 т., ц. 1 р. **ДАНИЛЕВСКІЙ.** 24 т., ц. 4 р. **ДЕРЖАВИНЪ.** 4 т., съ пред. Грота, ц., 2 р. 50 к. **ЖУКОВСКІЙ.** 12 т., ц. 1 р. 50 коп., **ЗУДЕРМАНЪ.** 12 т., ц. 2 р. **ИБСЕНЪ.** Ген. 13 т., ц. 3 р. **КОНРАДИ.** 2 т., ц. 2 р. 50 к. **КРАШЕВСКІЙ.** 12 т., ц. 3 р. **ЛѢСКОВЪ.** 36 т., ц. 4 р. **МИХАЙЛОВЪ-ШЕЛЛЕРЪ.** 50 т., ц. 4 р. **МАЧТЕТЪ.** Г. Соч. 12 т., ц. 6 р. **ПЕЧЕРСКІЙ (МЕЛЬНИКОВЪ).** 22 т., ц. 6 р. **МОРДОВЦЕВЪ.** 26 т., ц. 4 р. **НЕКРАСОВЪ.** Кому на Руси жить хорошо. Отд. поэма въ пер. 1 р. 50 к. **САМАРОВЪ.** 20 т., ц. 3 р. **САЛТЫКОВЪ-ЩЕДРИНЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СТАНЮКОВИЧЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СОЛОВЬЕВЪ,** Всевол. 40 т., ц. 7 р. **ТОЛСТОЙ, А.** 10 т. ц. 4 р. **УСПЕНСКІЙ, ГЛѢБЪ.** 28 т., ц. 4 р. **ЧЕХОВЪ.** 16 т., ц. 7 р. **БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ,** изд. Т-ва „Просвѣщеніе". 20 т. въ редакц. пер. ц. вмѣсто 120 р. за 45 р. **БОЛЬШОЙ ЭНЦИКЛОПЕД. СЛОВАРЬ,** изд. Брокгауза и Ефрона. 82 полут., въ ред. пер. ц. вм. 246 р. за 140 р.

АЛЬБРЕХТЪ, д-ръ. Тайны и болѣзни женщ. и дѣвушки. ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

ЕГО-ЖЕ. Женскія груди. О женск. грудяхъ и женской красотѣ вообще, ц. 1 р. за 50 к.

«БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА», съ атласомъ рис. строен. женск. тѣла, ц. 2 р. за 1 р.

ВЕРНЭДЪ, А. Въ вихрѣ наслажденій. (Записки массажистки). Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ВУЛГАКОВЪ, В. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассн. художн., ц. 4 р., за 2 р.

Библіотека оккультиста.

1) **ПАРКЕРЪ, ДЖ.** Сила внутри насъ. Спб. 2) Альманахъ «Оккультистъ». 3) **НИТИВУСЪ.** Черный драконъ или сборникъ магическ. рецептовъ. 4) **ЗАИКИНА, Л.** Хиромантія или тайны руки съ 154 рис. 5) Тайны или наука объ опредѣленіи характера и наклон. человѣка посредствомъ изслѣдов. руки, ц. за всѣ 5 кн. въ пер. 2 р. 50 к.

ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРНЪ. К. Д-ръ. Избѣжаніе материнства, съ 19 рис. въ текст. Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ГИТТОНЪ, Г. Жизнь людей черезъ 1000 л. Въ 3000 году. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

ДЕВОРЪ, Д. Наши Шекспиры и Гете. Литературный памфлетъ. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

ДЮФУРЪ, П. Куртизанки Парижа, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

ЛАВУНСКІЙ, С. Въ аду страстей. (Дневникъ содержанки), ц. 1 р., за 50 к.

ЛОРИ, А. д-ръ. Какъ увеличить и укрѣпить женскій бюстъ, ц. 1 р., за 50 к.

МАЛОХОВСКАЯ, Е. Настольная поваренная книга, ц. 2 р., за 1 р.

МАНТЕГАЦЦА, П. Физіологія любви. ц. 1 р., за 50 к.

МИЛЛЕРЪ, І. «Моя система». 5 минутъ ежедневной работы или здоровья, ц. 75 к. за 37 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Въ тихомъ омутѣ. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

МОРГЕНСТІЭРНЪ, И. Психографологія или наука объ опредѣленіи внутрен. міра человѣка по его почерку, ц. 8 р., за 4 р.

ГАНСОНЪ, ОЛА. Женщина, какихъ много. Новеллы. Къ физіологіи современной любви, ц. 1 р., за 50 к.

ГЕПТАМЕРОНЪ. 70 новеллъ королевы Наваррской Маргариты Валуа, ц. 1 р. за 50 к.

ГОРБУНОВЪ, С. Сцены изъ народнаго быта, ц. 1 р. за 50 к.

БОККАЧІО, ДЖ. Избранныя новел. изъ „Декамерона", ц. 80 к., за 40 к.

ЕЛЕЦКІЙ, М. (псевдонимъ). Свободная любовь. Старая и новая нравствен., воля природы. Исторія свободн. любви и пр. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

„Избранныя сочиненія русскихъ писателей".

1) И. Котляревскій и Квитко-Основьяненко; 2) А. С. Пушкинъ; 3) А. Т. Аксаковъ; 4) Т. Н. Грановскій; 5) Н. В. Гоголь; 6) В. Г. Бѣлинскій; 7) К. Ф. Рылѣевъ и 8) Гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ, кромѣ тѣхъ, на которыя таковая указана.

ПОЛЦѢНЫ!

Книжный Складъ МОНОВА.

ровскаго рынка, № 163, у Измайловскаго моста.

и М. Горькій, съ портрет. и факсимиле автор. Всего около 800 стр., цѣна съ пер. за 8 том. 1 р. 75 к.

ХОРОШІЙ ТОНЪ или искусство быть всегда занимат. въ обществѣ Практ. руков. для дамъ и мужчинъ, ц. 1 р., за 50 к.

КУРСЪ КРОЙКИ, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ, съ 520 рис. въ текстѣ, ц. 3 р., за 1 р. 50 к.

Новѣйшія книги по полов. вопросу.

1) **ЖАФФЕ-КОЧЕЙНОНЪ**. Абортъ. Стремленіе къ бездѣтному браку, 2) **ЕГО-ЖЕ**. Эротическое помѣшательство. 3) **ЖСЗАННЪ**, проф. Истощеніе мужчины и его лѣченіе. 4) **ГОЛОВИНЪ**, А. Д-ръ. Бѣли у женщинъ. 5) **ЮРЬЕВЪ**, А. Д-ръ Поллюціи 6) **ЖЕРАГЪ**. Новѣйшія причины безплодія у обоихъ половъ. **СЕКРЕТНЫЯ БОЛѢЗНИ**. Распознаваніе ихъ, мѣры противъ заболѣваній, лѣченіе и рецепты лекарствъ. Цѣна за 7 кн. вм. 6 р., съ перес. 3 р. 50 к., отдѣльно по 75 к.

НОТАРИ, Г. «Эти» женщины. Сцены современный жизни (Дневникъ проститутки), ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Поступило въ продажу иллюстр. 22 сборн. пикантныхъ юморист. стихотв., шутокъ и остротъ.

1) Амуръ и Венера; 2) Веселая вдова; 3) Въ чужой постели; 4) Гимны амура; 5) Дамы веселья; 6) Захочу — полюблю; 7) Качели; 8) Китаянка;. 9) Любовь XX в. 10) Матчишъ; 11) Наши кокотки; 12) Петерб. Карменъ; 13) Петерб. ночи; 14) Тихо и плавно качаясь..; 18) Торреадоръ; 19) Три сестры; 20) У васъ есть что предъявить? 21) Чары любви и 22) Экспропріація. Около 600 стр., ц. вм. 3 р. 30 к. съ пересылкой, за 2 р. 20 коп.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Міръ, какъ воля и представленіе. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

«**ПОСЛѢДН. НОВОСТИ!** 4 литературно-художеств. сборника: А. Куприна, И. Бунина, Ан. Каменскаго, Д'Аннунціо, П. Морозова, Д. Овсянико-Куликовскаго, Н фонъ-Гукъ и др. извѣст. писат. 1) «**ПРИБОЙ**», 2) «**ПРОПИЛЕИ**», 3) «**ЗАРНИЦЫ**» и 4) «**КРИКЪ ЖИЗНИ**», около 900 стр. съ рис. Цѣна за 4 тома вм. 5 р. съ перес. 3 р. 20 к., отдѣльно по 1 р. за томъ.

РЕНАНЪ, Э. Апостолъ Павелъ, ц. 1 р. 10 к., за 55 к.

ЕГО ЖЕ. Апостолы, ц. 75 к., за 37 к.

ЕГО ЖЕ Жизнь Іисуса, ц. 80 к. за 40 к.

РОМАНОВЪ, С. И. Словарь для ружейныхъ охотниковъ, со множ. рисунк., 572 стр. ц. 3 р. 50 к., за 1 р. 75 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста, ц. 85 к., за 42 к.

ЕГО-ЖЕ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Очерки и наброски публициста, ц. 80 к., за 40 к.

САЛЬНИКОВЪ, А. Настольный Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы, ц. 60 к., за 30 к.

Новѣйшие полные самоучители.

1) французскаго, 2) нѣмецкаго, 3) англійскаго и 4) латинскаго языковъ. Съ приложеніемъ прописей и главн. прав. чисто и правописанія, 771 стр. цѣна за всѣ 4 самоуч. вм. 3 р., съ перес. 2 р.

ФИЛОСОФОВЪ, Д. В. Слова и жизнь. Литературные споры нов. времени (1901—1908 гг.). Ц. 1 р. 25 к., за 62 к.

КСЕНДЗА ХИНИКВИ. Дѣвушки и ихъ «просвѣтители». Предсмертныя разоблаченія и факты изъ жизни «безбрачныхъ» ксендзовъ. Ц. 1 р., за 50 к.

ШЕРВЕНЪ. Заиканіе и способы самоизлѣченія. Ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

«**ГАЛЛЕРЕЯ КРАСАВИЦЪ**». Большой т. in folio съ 208 фотогравюрами съ картинъ извѣстн. русск. и иностр. художн. Ц. вм. 5 р. съ перес. 3 р. 25 к.

ПОСЛѢДН. ПРОИЗВЕД. ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО. Серія неизданн. въ Россіи сочин. 12 вып., около 500 стр. за всѣ 12 вып. съ перес. 1 р. 75 к.

ЛОТИ. П. Современная жизнь турецкихъ гаремовъ. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

900 СОВѢТОВЪ страдающ. различными болѣзнями изв. проф.: Рунге, Эйхгорста, Багинскаго и др.

Беременнымъ, чахоточнымъ, малокровн., секр. бол., золотушнымъ, рахит., діабет., геммороемъ и др. Цѣна за всѣ 10 в. вм. 3 р. съ перес. 2 р.

ШОЙЭНЪ. Бѣлыя рабыни. Позоръ XX в. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

«**ЭРОСЪ**». Сборникъ изящной европейской литературы ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО издательства.

СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ.

— ПОСТОЯННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ ИЗДАНІЙ —

Брейткопфъ и Гертель.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальн. знанія всѣхъ **РУССКИХЪ** и **ИНОСТРАННЫХЪ** издательствъ.

ОПЕРЫ И ЛИБРЕТТО. — ПОСТОЯННО ВСѢ НОВОСТИ. — ПОРТРЕТЫ И ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА СЪ ПОРТРЕТАМИ ВСѢХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ МУЗ. ДѢЯТЕЛЕЙ.—ВСѢ РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ И ПОДПИСКА НА НИХЪ.—СВѢЖІЯ СТРУНЫ—НОТНАЯ БУМАГА.

ЗАКАЗЫ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЯЮТСЯ БЫСТРО И АККУРАТНО. ОТПРАВКА СЪ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМЪ.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. № 6, бр. ДЖАМГАРОВЫХЪ.

Для телеграммъ: МОСКВА, РУССМУЗИК.

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Объявл. книжн. магаз. Климонова (на оборотѣ).

представляетъ собой пространственно-протяженный міръ. Психическая дѣйствительность не пространственна, ее нельзя опредѣлить, ее каждый изъ насъ знаетъ по собственному переживанію: она извѣстна намъ или въ формѣ «предметнаго сознанія», какъ познаніе внѣшняго міра, или въ формѣ «чувства», какъ особаго состоянія нашего «я», или въ формѣ стремленія. Три главныхъ вопроса разсматриваются авторомъ въ этой первой части. Во первыхъ, онъ защищаетъ полную независимость психологіи; особенно опаснымъ считаетъ онъ предпосылки, почерпнутыя изъ теоріи познанія. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о взаимодѣйствіи между матеріальной и психической дѣйствительностями; здѣсь онъ подвергаетъ энергической критикѣ теорію психо-физическаго параллелизма. Наконецъ, касаясь вопроса о методѣ въ психологіи, онъ заявляетъ, что единственнымъ самостоятельнымъ методомъ здѣсь является методъ «субъективный».

Во второй части авторъ даетъ «общую характеристику психической дѣйствительности», затѣмъ знакомитъ читателей съ «нѣкоторыми основными понятіями психологіи» и, наконецъ, излагаетъ (весьма кратко) «основные законы психической жизни». Здѣсь онъ, между прочимъ, весьма подробно, даже съ излишними повтореніями, выясняетъ различіе между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія». На смѣшеніи этихъ двухъ совершенно различныхъ вещей основано не мало психологическихъ и философскихъ ученій, но послѣ прочтенія книги Пфендера у каждаго читателя уже навсегда останется ясное представленіе о различіи между «предметнымъ сознаніемъ» и «предметомъ предметнаго сознанія».

Другою характерною особенностью второй части книги является энергическая защита авторомъ существованія «психическаго субъекта, или я» при всякомъ проявленіи психической дѣйствительности. Это «я» является тѣмъ объединяющимъ элементомъ, который даетъ единство всѣмъ разнороднымъ проявленіямъ психической дѣйствительности, а также объединяетъ прошедшее, настоящее и будущее психики индивида.

Въ книгѣ, написанной въ качествѣ «введенія» нельзя, конечно, найти новыхъ теорій и вполнѣ оригинальныхъ ученій, но за то все, что изложено въ этой книгѣ, изложено съ замѣчательной ученостью и ясностью.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1909. Стр. V + 524. Ц. 3 р.

Профессоръ Каптеревъ является однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей русской церковной старины, но, несмотря на это или, быть можетъ, именно поэтому, на судьбѣ его произведеній, посвященныхъ реформамъ патр. Никона и дѣя-

тельности первыхъ вождей раскола, какъ нельзя болѣе ярко отразились общія условія развитія русской науки. Эти его произведенія имѣютъ свою исторію, въ высокой степени поучительную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно типичную. Съ изслѣдованіями о реформахъ Никона проф. Каптеревъ выступилъ въ печати еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но мысль, проводившаяся имъ въ этихъ изслѣдованіяхъ,—мысль, согласно которой Никонъ не возстановлялъ въ русской церкви старый, а вводилъ сравнительно новый обрядъ, отстаиваемый же раскольниками обрядъ былъ не испорченный, а древне-русскій и вмѣстѣ съ тѣмъ древне-православный обрядъ, лишь впослѣдствіи подвергшійся у грековъ измѣненіямъ,—показалась крайне опасной тогдашнимъ православнымъ полемистамъ съ расколомъ. Одинъ изъ нихъ, проф. Субботинъ, выступилъ и съ печатными возраженіями противъ этой мысли. Въ возгорѣвшейся полемикѣ побѣда осталась не на сторонѣ проф. Субботина, но тогда онъ нашелъ другой способъ борьбы. Онъ обратился съ извѣтомъ къ занимавшему должность оберъ-прокурора синода Побѣдоносцеву и хотя Н. Ѳ. Каптеревъ и послѣ того сохранилъ свою каѳедру въ духовной академіи, но отъ печатанія своихъ статей о Никонѣ ему пришлось надолго отказаться. И только теперь, черезъ двадцатилѣтній промежутокъ времени, онъ вновь предпринялъ обнародованіе труда, посвященнаго патріарху Никону.

Основная мысль этого труда, двадцать лѣтъ тому назадъ явившаяся новою даже для большинства спеціалистовъ, съ той поры успѣла уже прочно войти въ научный обиходъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе проф. Каптерева, переработанное имъ совершенно заново и не столько возстановляющее, сколько дополняющее и продолжающее прежнія его работы, полно захватывающаго интереса. Широко пользуясь и печатнымъ, и архивнымъ матеріаломъ, авторъ воспроизводитъ въ этомъ изслѣдованіи чрезвычайно яркую картину какъ самой Никоновской реформы, такъ и той борьбы, которая разыгралась на ея почвѣ въ русскомъ обществѣ XVII столѣтія. Рѣзкими и увѣренными штрихами, значеніе которыхъ еще болѣе подчеркивается спокойнымъ тономъ его повѣствованія, обрисовываетъ онъ какъ сущность этой борьбы, такъ и отдѣльныя фигуры ея участниковъ, начиная съ царя Алексѣя Михайловича, его духовника Стефана Вонифатьева и патріарха Никона и кончая такими противниками послѣдняго, какъ протопопъ Иванъ Нероновъ и протопопъ Аввакумъ. У самого Никона авторъ рѣшительно отнимаетъ роль иниціатора церковной реформы. Указывая, что мысль о такой реформѣ зародилась и даже начала осуществляться, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, еще до занятія Никономъ патріаршаго престола, онъ всю иниціативу реформы переноситъ на царя Алексѣя Михайловича и его духовника, воспитавшихъ грекофильскія тенденціи и въ Никонѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обстоятельно показываетъ, какой стремительный и случай-

ный характеръ получила церковно-обрядовая реформа въ рукахъ Никона, пропитавшагося такими тенденціями и нашедшаго опору для своихъ чрезмѣрно поспѣшныхъ дѣйствій въ неосмотрительныхъ совѣтахъ и указаніяхъ отдѣльныхъ греческихъ іерарховъ, пріѣзжавшихъ въ Москву ради сбора здѣсь милостыни. Обрисовавъ затѣмъ—ту смуту, какую вызвала въ русскомъ обществѣ Никоновская реформа, и, въ частности, сопротивленіе, оказанное ей кружкомъ столичнаго и провинціальнаго духовенства, группировавшимся раньше около царскаго духовника, а теперь выставившимъ изъ своей среды первыхъ дѣятелей раскола, проф. Каптеревъ заканчиваетъ первый томъ своего изслѣдованія изложеніемъ обстоятельствъ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры и того смутнаго и неопредѣленнаго положенія, въ какомъ осталось послѣ того дѣло церковной реформы. Въ слѣдующемъ, второмъ томѣ своего труда авторъ обѣщаетъ подвергнуть изслѣдованію, съ одной стороны, завершеніе этого дѣла реформы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ другой,—ту часть дѣятельности Никона, которая въ его собственныхъ глазахъ являлась важнѣйшей и которая сводилась къ попыткѣ возвысить «священство» надъ «царствомъ».

Въ развитіи частныхъ своихъ положеній проф. Каптеревъ порою, думается намъ, допускаетъ нѣкоторыя преувеличенія. Едва-ли возможно, напримѣръ, безусловно согласиться съ тою чрезмѣрно свѣтлой характеристикой, какую даетъ онъ Алексѣю Михайловичу, и точно также едва-ли возможно принять для послѣдняго ту роль главнаго иниціатора и чуть-ли не главнаго дѣятеля церковной реформы, которую отводитъ ему авторъ. Въ изображеніи этой роли г. Каптеревъ черезчуръ щедро пользуется вмѣсто доказательствъ предположеніями. Если Никонъ бесѣдовалъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, то это могло происходить, по мнѣнію проф. Каптерева, только по желанію царя и Стефана Вонифатьева (66). Никонъ созываетъ соборъ 1654 г. и этотъ созывъ совершился опять-таки, «конечно, съ совѣта царя и Стефана» (136). Если отбросить всѣ подобныя предположенія, мало основанныя, чтобъ не сказать, совсѣмъ не основанныя на фактахъ, событія примутъ въ нашихъ глазахъ нѣсколько иной видъ, сравнительно съ тѣмъ, какой придаетъ имъ авторъ. То же самое замѣчаніе можно примѣнить и къ нѣкоторымъ другимъ частямъ книги проф. Каптерова. Авторъ самъ, напримѣръ, съ полною отчетливостью указываетъ тѣ общія условія, которыя дѣлали неизбѣжнымъ появленіе церковнаго раскола, но это не мѣшаетъ ему, дойдя до характеристики протопопа Аввакума, заявить, что «собственно имъ, Аввакумомъ, и созданъ церковный расколъ» (318). Можно было бы указать въ изложеніи автора и другіе примѣры подобныхъ преувеличеній. Но всѣ эти частныя преувеличенія и спорныя утвержденія теряютъ свое значеніе передъ крупными достоинствами книги г. Каптерева, обусловливающими ея глубокій интересъ, и можно только отъ души по-

желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ обѣщаннаго авторомъ второго тома этой книги.

Кн. Б. Л. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ. Спб., 1909 Стр. X + 424. Ц. 3 р.

Книга г. Вяземскаго, какъ сообщаетъ въ предисловіи къ ней самъ авторъ, представляетъ собою студенческое конкурсное сочиненіе, написанное еще въ 1905 г. на тему, данную историко-филологическимъ факультетомъ петербургскаго университета, и тогда же удостоенное награды золотою медалью. «Необходимость представить его къ извѣстному сроку—прибавляетъ къ своему сообщенію г. Вяземскій—во многомъ стѣсняла автора. Какъ бы то ни было, онъ рѣшается его печатать почти безъ всякихъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено на судъ факультета осенью 1905 года» (VII). Въ сущности объ этомъ рѣшеніи можно пожалѣть. Если бы г. Вяземскій, не стѣсненный болѣе никакими сроками, далъ себѣ трудъ передъ напечатаніемъ своего изслѣдованія внимательно пересмотрѣть и переработать его, оно могло бы, вѣроятно, много выиграть. Въ настоящее же время на немъ лежитъ слишкомъ яркая печать ученической работы, значительно ослабляющая его научную цѣнность.

Положивъ въ основу своего изслѣдованія «журналы, протоколы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта», изданные въ «Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества», г. Вяземскій не потрудился самостоятельно разработать другіе источники, относящіеся къ исторіи изучаемаго имъ учрежденія. Благодаря этому онъ въ рядѣ случаевъ поставилъ себя въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ болѣе ранней исторической и историко-юридической литературы, затрагивавшей судьбы названнаго учрежденія. Эта зависимость идетъ такъ далеко, что г. Вяземскій не только включаетъ произведенія другихъ авторовъ, ранѣе его писавшихъ о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ число своихъ «источниковъ», но и дѣйствительно трактуетъ въ своемъ изложеніи мнѣнія этихъ авторовъ наравнѣ съ показаніями источниковъ. Особенно сильно проявляется такая зависимость г. Вяземскаго отъ его предшественниковъ въ первой части его труда, посвященной разрѣшенію вопросовъ о происхожденіи и значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Г. Вяземскій старается, правда, занять въ этихъ вопросахъ самостоятельную позицію, но этому препятствуютъ и недостаточное знакомство его съ источниками, и недостаточная ясность его общихъ юридическихъ представленій. Сообразно этому и выводы его въ обоихъ указанныхъ вопросахъ отличаются больше стремленіемъ къ оригинальности, чѣмъ серьезностью и обоснованностью. Вопросъ о реорганизаціи верховнаго управленія въ смыслѣ созданія объединяющаго дѣятельность администраціи учрежденія возникъ еще въ послѣдніе годы жизни Петра I. Это извѣстно и г. Вяземскому и

тѣмъ не менѣе онъ приписываетъ возникновенiе Верховнаго Тайнаго Совѣта исключительно «ослабленiю верховной власти» послѣ смерти Петра и совершившемуся въ это время паденiю влiянiя генералъ-прокурора Ягужинскаго и самымъ категорическимъ образомъ утверждаетъ, что Верховный Совѣтъ въ сущности лишь замѣнилъ собою при своемъ основанiи генералъ-прокурора и долженъ былъ дѣлать то самое дѣло, которое «при Петрѣ дѣлалъ съ блестящимъ успѣхомъ Ягужинскiй» (5, 7, 12, 17). Не менѣе поверхностны и наивны выводы автора и по другому вопросу, разбираемому имъ въ этой первой части его труда, вопросу объ общемъ значенiи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Слѣдуя указанiямъ проф. Коркунова и проф. Алексѣева, г. Вяземскiй какъ будто отвергаетъ оригинальную теорiю, лѣтъ пятнадцать тому назадъ выставленную проф. Филипповымъ, теорiю, согласно которой Верховный Совѣтъ «именемъ государя правилъ государствомъ» и тѣмъ самымъ ограничивалъ власть государя. Но, отвергнувъ эту теорiю, г. Вяземскiй немедленно вслѣдъ за тѣмъ вновь возстановляетъ ее уже отъ своего имени. Ссылаясь на слова Екатерины I въ указѣ 1 января 1727 г. («Мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношенiй о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣнiе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ»), г. Вяземскiй выводитъ изъ нихъ заключенiе, что съ этой поры Совѣтъ «дѣлается своеобразнымъ учрежденiемъ, ограничивающимъ самодержавную власть государя, но не имѣющимъ передъ нимъ рѣшающаго голоса» (28). И при этомъ автору, повидимому, совершенно не приходитъ въ голову то простое соображенiе, что тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшающаго голоса, не можетъ быть и никакого ограниченiя.

Нужно, однако, оговориться, что первая часть книги г. Вяземскаго является лишь своего рода введенiемъ въ послѣднюю, не занимающимъ въ ней особенно виднаго мѣста. Гораздо болѣе самостоятельности проявляетъ авторъ въ разработкѣ двухъ слѣдующихъ частей своего труда, посвященныхъ разсмотрѣнiю организацiи и дѣлопроизводства Верховнаго Совѣта и дѣятельности этого учрежденiя, и сообразно этому названныя части книги имѣютъ большее значенiе, хотя и онѣ не вполнѣ свободны отъ указанныхъ недостатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится, однако, отмѣтить, что, говоря о дѣятельности Верховнаго Совѣта въ ряду другихъ учрежденiй, авторъ недостаточно полно ознакомился съ литературою вопроса, упустивъ изъ виду нѣкоторыя новѣйшiя работы, соприкасающiяся съ его темой, какъ, напримѣръ, работу г. Богословскаго объ областной реформѣ Петра В. и работу г. Кизеветтера о посадской общинѣ въ XVIII вѣкѣ. Съ другой стороны, въ прямой противовѣсъ проф. Филиппову, занявшему нѣкогда въ своемъ изслѣдованiи о послѣ-петровскомъ сенатѣ своеобразную позицiю прокурора по отношенiю къ Верховному Тайному Совѣту,

г. Вяземскій во всемъ своемъ изложеніи выступаетъ въ роли своего рода адвоката Совѣта, и эта роль нерѣдко отвлекаетъ его вниманіе отъ существа дѣла и придаетъ черезчуръ поверхностный характеръ его выводамъ. Во всѣхъ областяхъ государственной жизни авторъ стремится отмѣтить «благотворное» вліяніе Верховнаго Совѣта и тамъ, гдѣ у него не хватаетъ аргументовъ для обнаруженія такого вліянія, охотно замѣняетъ ихъ предположеніями. «Слѣдуетъ признать,—утверждаетъ, напр., онъ, заговоривъ о роли Совѣта въ сферѣ суда,—что надзоръ Верховнаго Тайнаго Совѣта приносилъ свою пользу, такъ какъ, хотя мы и лишены возможности близко услѣдить за ходомъ отдѣльныхъ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, однако несомнѣнно, что постоянныя настоянія и постоянное давленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта не могло не оказывать на нихъ значительнаго благотворнаго вліянія» (370). Подобные выводы, конечно, не могутъ имѣть серьезной цѣны. Но на ряду съ ними г. Вяземскій далъ все-таки систематическій сводъ свѣдѣній о дѣятельности Верховнаго Совѣта, почерпнутыхъ изъ протоколовъ послѣдняго, и въ этомъ заключается серьезная сторона его книги, придающая ей извѣстное значеніе, тѣмъ болѣе, что попутно авторъ извлекаетъ подчасъ изъ своихъ матеріаловъ любопытныя свѣдѣнія, касающіяся различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи въ изучаемый имъ періодъ.

Д. К. Петровъ, профессоръ с.-петербургскаго университета. **Очерки по исторіи политической поэзіи XIX в. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти** Спб., 1909. Стр. VIII + 192 + VII.

Бываютъ на свѣтѣ удивительные ученые труды, появленіе которыхъ можетъ найти себѣ сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе исключительно въ непомѣрномъ трудолюбіи господъ ученыхъ. Къ разряду такихъ именно трудовъ принадлежитъ книга проф. Петрова. Весь внѣшній аппаратъ учености—многочисленныя подстрочныя примѣчанія, рядъ ссылокъ на самые разнообразные источники и изслѣдованія—имѣется на-лицо въ этой книгѣ. Нѣтъ въ ней только одного—сколько-нибудь серьезнаго содержанія.

Заглавіе книги г. Петрова можетъ вызвать большой интересъ къ ней со стороны читателей, мало знакомыхъ съ литературною дѣятельностью упомянутыхъ въ этомъ заглавіи испанскаго и итальянскаго поэтовъ начала XIX столѣтія—Хосе Эспронседы и Габріэля Россетти. И такой интересъ, пожалуй, можетъ быть еще болѣе усиленъ предисловіемъ автора. «Политическая поэзія—говоритъ онъ въ этомъ предисловіи—почетомъ у изслѣдователей не пользуется. И совершенно напрасно! Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не стишки или куплеты, сочиняемые на случай, а

законченныя, цѣнныя и въ художественномъ отношеніи, драмы, поэмы, сатиры и т. п., въ которыхъ отражаются мысли великаго писателя, думы и мечты цѣлаго поколѣнія или эпохи. Таковы, напримѣръ, оды Пиндара, «Божественная Комедія» Данте или «Германъ и Доротея» Гете. Выяснить ихъ политическое содержаніе—задача, безспорно, привлекательная». Не мы, во всякомъ случаѣ, станемъ оспаривать привлекательность подобной задачи. И тѣмъ не менѣе, думается намъ, всякій читатель, который возьметъ на себя трудъ просмотрѣть книгу г. Петрова до конца, неизбѣжно испытаетъ глубокое разочарованіе. Причина этого неизбѣжнаго разочарованія въ сущности очень проста. Ни Хосе Эспронседа, ни Габріэль Россетти не удѣляли въ своемъ поэтическомъ творчествѣ много вниманія современной имъ Россіи Николая I. У Эспронседы есть небольшое «русское» стихотвореніе «Пѣснь казака» (El canto del cosaco), въ значительной мѣрѣ навѣянное аналогичнымъ стихотвореніемъ Беранже, среди же произведеній Россетти есть опять-таки небольшое стихотвореніе, вызванное посѣщеніемъ Рима въ 1845 г. Николаемъ I и свиданіемъ его съ папой Григоріемъ XVI (Niccolo I di Russia in Italia). Между этими двумя стихотвореніями нѣтъ никакой связи, оба они въ сущности не особенно значительны и каждое изъ нихъ въ лучшемъ случаѣ могло бы дать поводъ развѣ лишь для очень небольшого историко-литературнаго этюда. Г. Петровъ же умудрился написать объ нихъ цѣлую книгу чуть не въ 200 страницъ. Достигъ онъ этого тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ находчивый солдатъ въ сказкѣ сварилъ кашу изъ топорища. Читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Петрова, помимо самыхъ стихотвореній Эспронседы и Россетти, приводимыхъ и въ подлинникѣ, и въ пересказѣ, и біографіи обоихъ этихъ поэтовъ, и изложеніе отношеній Наполеона I къ Испаніи, и разсказъ объ испанской революціи 1820 г., и рядъ замѣчаній о декабристахъ и Николаѣ I, и многое еще другое. Но у солдата, варившаго кашу изъ топорища, сварилась, по крайней мѣрѣ, та каша, которая была ему нужна. Про книгу же г. Петрова нельзя сказать и этого. Включеніе въ нее самаго разнообразнаго фактическаго матеріала сильно увеличило ея размѣры, но, конечно, не придало ей характера сколько-нибудь цѣльнаго историко-литературнаго изслѣдованія, и въ концѣ концовъ она является довольно безпорядочной грудой чрезвычайно разнородныхъ фактическихъ свѣдѣній, въ большинствѣ своемъ общеизвѣстныхъ, и отрывочныхъ критическихъ замѣчаній, по большей части наивныхъ и банальныхъ. Тому, кто захочетъ извлечь изъ этой груды небольшія крупицы имѣющагося въ ней цѣннаго матеріала, предстоитъ запастись большою дозой терпѣнія.

„Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ". Сост. Коммиссіей по пересмотру книгъ при книжномъ складѣ Подвижного Музея подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Спб. 1910 г., стр. VIII + 555 + 56 + 7 + V. Ц. 2 р. 60 к.

Все шире и энергичнѣе растутъ книжные запросы самообразующихся читательскихъ массъ, растетъ предложеніе въ отвѣтъ на этотъ спросъ, удовлетворяемый изъ разнообразныхъ источниковъ, и попытку разобраться въ этихъ источникахъ представляетъ собою лежащій предъ нами указатель. Объемистый и содержательный, онъ ставитъ себѣ довольно ограниченныя задачи: онъ стремится только систематизировать существующую литературу по исторіи и общественнымъ вопросамъ, отдавая небольшое вниманіе оцѣнкѣ названныхъ въ немъ сочиненій и выбирая изъ нихъ лишь наиболѣе распространенныя и общепризнанныя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что такой указатель необходимъ. Какъ правильно отмѣчаютъ составители, ихъ книга должна обслуживать преподавателей и лекторовъ народныхъ аудиторій, вырабатывающихъ свой курсъ, подготовляющихся къ лекціи или подбирающихъ пособія для слушателей, библіотекарей, пополняющихъ библіотеки или помогающихъ читателямъ въ выборѣ книгъ, лицъ, занимающихся пополненіемъ своего историческаго образованія: «для всѣхъ ихъ часто бываетъ необходимымъ просто знать, иногда даже лишь вспомнить главнѣйшія книги, относящіяся къ тому или другому отдѣлу исторіи, быть увѣреннымъ, что та или иная книга, по заглавію подходящая для изученія даннаго вопроса, не является въ дѣйствительности бумажнымъ хламомъ». Въ этомъ перечисленіи лицъ и нуждъ, обслуживаемыхъ указателемъ, какъ будто забыта одна категорія читателей, и не маловажная: читатели, совершенно неподготовленные, не имѣющіе никакихъ историческихъ свѣдѣній. Между тѣмъ указатель и ихъ имѣетъ въ виду: весь матеріалъ, сообщаемый имъ, распредѣленъ по четыремъ группамъ въ порядкѣ возрастающей трудности, и это распредѣленіе, быть можетъ, слишкомъ дробное, оцѣнитъ всякій, кто будетъ пользоваться указателемъ съ просвѣтительными цѣлями.

Составители призываютъ къ указанію недостатковъ и надо думать, что этотъ запросъ ихъ встрѣтитъ довольно энергичный откликъ. Ихъ исполненіе порядкомъ отстало отъ ихъ замысла. Посвятить себя изысканію пробѣловъ и противорѣчій указателя нѣтъ возможности, но и бѣглый его просмотръ убѣждаетъ, что такихъ недостатковъ набралось въ немъ не мало. Кто знаетъ трудности библіографической работы, да еще коллективной и добровольческой, тотъ понимаетъ всю извинительность этихъ недостатковъ и недоразумѣній, но ради пользы дѣла замалчивать ихъ не годится.

Возьмемъ систему указателя. Историческая часть его распадается на отдѣлы русской и всеобщей исторіи; послѣ общихъ обзоровъ и тамъ, и здѣсь идутъ сочиненія, расположенныя по эпо

хамъ; затѣмъ въ русскомъ отдѣлѣ идутъ указанія, распредѣленныя по вопросамъ, а въ всеобщемъ—по странамъ; въ предѣлахъ этихъ раздѣловъ мы опять находимъ, конечно, хронологическое распредѣленіе. Такимъ образомъ, принципы сталкиваются, получаются недоразумѣнія, и «система» приводитъ только къ недоумѣннымъ вопросамъ, а подчасъ и къ пародіямъ на указатель. Такъ, напримѣръ, русская исторія въ отдѣлѣ «по эпохамъ» въ императорскомъ періодѣ указана по императорамъ; въ отдѣлѣ «по вопросамъ» есть подъотдѣлъ «общественное движеніе и литература», гдѣ опять сочиненія перечислены по царствованіямъ. Что изъ этого получилось? То, напримѣръ, что если читатель изъ четвертой группы, предполагающей «кромѣ общаго развитія и болѣе детальнаго знакомства съ отдѣльными сторонами русской исторіи», захочетъ узнать, чего онъ не читалъ по вопросамъ общественнаго движенія и литературы въ царствованіе императора Николая II, то онъ найдетъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ «Указателя» три, ровно три книги, число коихъ, однако, менѣе фантастично, чѣмъ ихъ выборъ. Это: 1) В. Анучинъ «Казнь Якова Стеблянскаго», 2) В. Львовъ «Девяностые годы и творчество Вересаева», 3) П. Милюковъ «Годъ борьбы». Читатели третьей группы, требующей лишь «нѣкотораго общаго развитія и знакомства съ общимъ ходомъ исторіи», получатъ четыре книги: 1) В. Владиміровъ «Карательныя экспедиціи», 2) Л. Гуревичъ «9 января 1905 г.». 3) Ф. Данъ «Изъ исторіи рабочаго движенія», 4) Кульчицкій «Анархизмъ въ Россіи». Правда, есть еще указанія въ отдѣлѣ «по эпохамъ»; здѣсь оказались только книги, пригодныя для группы 3; ихъ десять; изъ нихъ семь о войнѣ; кромѣ нихъ отмѣчены: «Записки губернатора» кн. Урусова, брошюра о военно-полевой юстиціи Н. Фалѣева и статья изъ «Вѣстника Европы» 1894 г.: «Итоги царствованія Александра III». Правда, кой-что можно еще найти въ отдѣлѣ общественныхъ вопросовъ, но также случайно и прихотливо. Гдѣ же система? Мы пережили за послѣдніе двадцать лѣтъ литературную борьбу марксизма съ народничествомъ, модернизма съ реализмомъ, мистицизма съ позитивизмомъ: гдѣ литература по этимъ вопросамъ? Въ указателѣ, гдѣ есть, ну, напримѣръ, брошюра Рязанова. Группа «Освобожденія труда», ц. 5 коп., нѣтъ сочиненій Н. К. Михайловскаго, нѣтъ боевыхъ сборниковъ идеалистовъ и реалистовъ, нѣтъ А. И. Богдановича, нѣтъ книгъ Розанова, нѣтъ Бердяева, нѣтъ Струве, точно ничего не было. Такихъ пробѣловъ *сотни*; достаточно напомнить, что ни звукомъ не упомянутъ «Дневникъ» Никитенко, и что то же самое происходитъ въ отдѣлѣ всеобщей исторіи. Тамъ, напримѣръ, нѣтъ не только Бокля, но и Ренана, среди историческихъ народовъ востока нѣтъ евреевъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Составители, очевидно, должны внимательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть систему и составъ своего указателя. Иначе онъ останется грудой

сырья, полезность которой будетъ лишь печальнымъ свидѣтельствомъ нашего рокового историческаго pis-aller. Конечно, будутъ пользоваться и этимъ указателемъ. Самъ авторъ этой рецензіи, вѣрно, будетъ имъ пользоваться и будетъ благодаренъ тѣмъ, которые самоотверженно продѣлали эту громадную работу. Но результаты этой работы не очень удовлетворительны—надо же сказать эту правду.

Очень полезное и хорошо исполненное приложеніе къ указателю составляетъ давно необходимый «Обзоръ библіографическихъ указателей научно-популярной литературы, беллетристики и дѣтскихъ книгъ». Приложенъ также «Списокъ книгъ по теоріи и исторіи музыки».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Матезисъ". Одесса. 1910 г. — ***А. В. Клоссовскій.*** Основы метеорологіи. Ц. 4 р.—***Г. А. Лоренцъ.*** Курсъ физики. Пер. подъ ред. Н. Костерана. Т. I. Ц. 2 р. 75 к.—Проф. ***Ф. Кеджори.*** Исторія элемент. математики. Пер. Тимченко. Ц. 2 р. 50 к.—***С. Роу.*** Геометрическія упражненія съ кускомъ бумаги. Ц. 90 к.— ***Р. Нимфюръ.*** Воздухоплаваніе. Пер. съ нѣм. Ц. 90 к.—***В. Рамзай.*** Введеніе въ изученіе физической химіи. Пер. П. Маликова. Ц. 40 к,— ***К. Граффъ.*** Комета Галлея. Ц. 30 к.—***П. Зееманъ.*** Происхожденіе цвѣтовъ спектра. Съ прил. ст. ***В. Рица,*** Линейные спектры и строеніе атомовъ. Ц. 30 к.—***В.А. Гернетъ.*** Объ единствѣ вещества. Ц. 25 к.—***С. Ньюкомъ.*** Теорія движенія луны. Исторія и современное состояніе этого вопроса. Ц. 20 к.

Изд. Н. Н. Клочкова. М. 1910. ***Н. Макіавелли.*** Князь. Пер. С. М. Роговича. Ц. 60 к.—***Г. Еллинекъ.*** Правительство и парламентъ въ Германіи. Пер. А. А. Рождественскаго. Ц. 35 к. ***Ж. Пилантъ.*** Очеркъ соціологіи. Пер. Э. Струве подъ ред. А. С. Ященко. Ц. 85 к.—***Авг. Бебель.*** Изъ моей жизни. Пер. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „Звено". М 1910.—***В. Башкинъ.*** Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.—***Камиллъ Лемонье.*** Собр. сочин. Т. I. Самецъ. Романъ. Т. II. Послѣдній баронъ. Ц. по 1 р. за т.—***Альфредъ Бинэ.*** Душа и тѣло. Пер. С. А. Лопашовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Образованіе". Спб. 1910.— ***Вл. Вагнеръ.*** Біологическія теоріи и вопросы жизни. Ц. 85 к.—***Г. Лоренцъ.*** Электронная теорія. Пер. Г. А. Котляра. Ц. 40 к.

Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1910.—***В. В. Авенаріусъ-Мальцева.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***Л. Фробеніусъ*** Дѣтство человѣчества. Пер. С. Д. Чудока. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1910.—***С. Елпатьевскій.*** Заграницей. Ц. 1 р.—***А. Серафимовичъ.*** Разсказы. Т. IV. Ц. 1 р.—***Евг. Чириковъ.*** Въ царствѣ сказокъ. Ц. 2 р.—***Ник. Бердяевъ.*** Духовный кризисъ интеллигенціи. Ц. 1 р. 80 к.— ***В. Муйжель.*** Разсказы. Т. III. Ц. 1 р.—***Д. Мережковскій.*** Больная Россія. Ц. 1 р. 25 к.—***Гр. Ал. Толстой.*** Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1910. — Библіотека „Нашихъ дѣтей": № 1. Стихотворенія ***Н. Некрасова, И. Никитина и И. Сурикова.*** Ц 20 к.— 2. Стихотв. ***С. Фруга, С. Надсона и Д. Мережковскаго.*** Ц. 20 к.— 3. Стихотв. ***А. Апухтина, Ѳ. Тютчева и А. Голенищева-Кутузова.*** Ц. 20 к.—4. Стихотв. ***И. Козло-***

ва, Н. Языкова и Е. Баратынскаго. Ц. 20 к.—*Эрн. ф.-Вольцогенъ*. Сказки и небылицы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910.—*Петръ Кожевниковъ*. Разсказы. Т. II. Ц. 1 р.—*Сер. Ценскій*. Разсказы. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к.—*Г. Дж. Уэлльсъ*. Собр. сочиненій. Тт. 4 и 5. По 1 р. за т.

Кн.-во «Жизнь и Знаніе». Спб. 1910.—*Э. Вурмъ и В. Адлеръ*. Алкоголизмъ и рабочіе. Двѣ рѣчи. Пер. К. Михайлова. Ц. 20 к.—*Саверанъ-де-Форжъ*. Человѣкъ сталъ летать. Ц. 15 к.—*В. М. Величкина*. Что разсказывала мама. Разсказы для млад. возраста. Съ англ Ц. 70 к.

А. Баулина. Зори вечернія. Спб. 1910.—*Его-же*. Думы и пѣсни. Спб. 1907.—*Его же*. Отрывки. Спб. 1908.

Арк. Фыринъ. Голова медузы. 1-я книга стихотвр. 1910. Ц. 20 к.

С. Минцловъ. На зарѣ вѣка. Истор. романъ. Изд. 4-е. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Скоморошьи и бабьи пѣсни. Изд. М. Багринымъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Викторъ Эрмансъ. Разсказы. Т. I. М. Ц. 1 р. Кн-во „Золотая осень".

Коллэтъ Иверъ. Принцессы науки. Романъ. Пер. М. Дицъ. Изд. А Зарудного. Спб. 1910.

Л. Д. Зайдель. Выходцы изъ черты осѣдлости. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Викторъ Евтихіевъ. L'amour est tout. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

К. Валишевскій. Вокругъ трона. Екатерина II, Императрица Всероссійская. Полный перев. А. Ф. Гретманъ. М. 1910. Ц. 3 р. Изд. Сфинксъ.

Н. К. Мельниковъ. Ложь и правда. Спб. 1910. Ц. 40 к.

М. Нѣмовъ. Злые соблазны. М. 1910. Ц. 1 р. Изд. „Основа".

Н. Рудинскій. Записки земскаго врача. 2 е изд. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Исторія Россіи XIX в. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. В. 30-й. 1910.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Сост. при участіи проф. и препод. подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. Ц. 2 р. М. 1910.

Книга для чтенія по исторіи Новаго времени. Т, I. Ц. 2 р. 75 к. Изд. И. Д. Сытина.

П. В. Бувескулъ. Краткое введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1910.

В. Мачинскій. О человѣческой культурѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Даневскал. Открытіе Америки. Изд. 7-е подъ ред. Н. Рубакина. М. 1910. Ц. 60 к.

Арк. Петровъ. Политическая жизнь Японіи 1910. Ц. 75 к.

А. Г—кенъ. Бетховенъ. Жизнь. Личность. Творчество. Ч. II. Личность. Спб. 1910. Ц. 75 к.

А. Черняевъ. Воспитательная система, основанная на біографіяхъ великихъ людей. Спб. 1909.

Л. В. Щеглова (В. А. Щ). Мережковскій. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Пережитое. Сборникъ, посвящ. общей и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. II. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

М. С. Корелинъ. Очерки итальянскаго возрожденія. Изд. 2-е. М. 1910. Ц. 1 р.

А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи IX—XIX ст. Историч. очеркъ. Изд. ж. „Русская Мысль". М. 1910. Ц. 50 к

И. Джонсонъ. Чеховъ и его творческій путь. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.

Дж. Ростовцевъ. „Развратница". „Кухонная коммиссія при министерствѣ" Ѳомы Томата. 1910. Женева.

Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Земская реформа на Кавказѣ. Баку. 1910. Ц. 50 к.

Проф. Г. М. Іосифовъ. О размноженіи и половомъ влеченіи человѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ. 1910.

Н. Шрейберъ. Учрежденіе судебныхъ установленій. Спб. 1910. Ц. 5 р.

П. Юшковичъ. Столпы философской ортодоксіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Алекс. Евлаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество (1828—1908). Подъ ред. А. Л. Волынскаго при сотрудничествѣ Н. Г. Молоствова и П. А. Сергѣенко. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1910. Ц. 12 р.

С. Фонвизинъ. Семь мѣсяцевъ въ Египтѣ и Палестинѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

А. В. Меркуловъ и М. А. Хейсинъ. Какъ организовать и вести потребительное общество. Спб. 1910. Ц. 50 к.

С. В. Фарфоровскій. Ногайцы Ставропольской губ. Историко-этнограф. очеркъ. Тифлисъ. 1909.

Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой. Вып. II. Пѣсни Новгородскія. Спб. 1909, Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ IV. Вопросы и нужды учительства. Ред. Е. А. Звягинцева. М. 1910. Ц. 10 к.

О В. Ѳ. Коммисаржевской.

Какой-то безсмысленной жестокостью отзывались извѣстія изъ Ташкента о Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Коммисаржевской.

Въ видѣ трупа, исковерканнаго и изуродованнаго, вернется въ Петербургъ, вернется та талантливая, милая, умная, съ гордыми печальными глазами женщина, которую мы знали и любили,— которая владѣла нами.

Вѣра Ѳедоровна не взяла на себя роли въ «Жизни человѣка», когда это Андреевское резюме о жизни-злосчастьи ставилось въ ея театрѣ.

Но она не ушла отъ страшной роли въ пьесѣ жизни.

Жизнь и случай совершили плагіатъ у Леонида Андреева.

Жилъ Человѣкъ, одаренный талантомъ художника, въ призваніи видѣвшій свой долгъ и отдававшій жизнь и поэтическую душу этому призванію... Остальное... Бродячая доля актрисы. Далекій Ташкентъ. Прогулка по базару. Приглянувшійся коверъ. И финалъ страшнѣе, чѣмъ въ выдумкѣ.—Тамъ, въ пьесѣ, камень, брошенный изъ-за угла въ голову. Такъ его хоть видно. А здѣсь смерть, впитанная въ приглянувшемся коврѣ, спрятавшаяся, какъ василискъ въ старыхъ сказкахъ, что убивалъ взглядомъ, не будучи самъ видимъ.

Только вмѣсто страшныхъ словъ—страшныя подлинныя муки...

При мысли о «Коммисаржевской» въ памяти прежде всего выступаютъ, настойчиво заслоняя остальное, образы пассивнаго страданія,—образы, въ ея толкованіи пріобрѣтавшіе чарующую симпатію.

Для безпомощныхъ въ жизни, для неспособныхъ брать свою долю энергіей натиска, для не умѣвшихъ завоевывать свое женское счастье—она была на сценѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ Чеховъ въ литературѣ. Она требовала для своихъ подзащитныхъ мягкаго, нѣжнаго сожалѣнія и любви, и мы, зрители, подчинялись ей. Впрочемъ, слово «требовала» не вѣрно передаетъ то, что бывало между ней и нами. Мы просто любили этихъ безсильныхъ и слабыхъ людей.

Образы женской энергіи, завоевательнаго натиска удавались ей меньше. Можетъ быть, эти яркіе цвѣты жизни были ей менѣе созвучны, чѣмъ блѣдные; но, быть можетъ, они возбуждали въ ней менѣе дѣятельное чувство отъ того, что ихъ не надо было защищать, а ей были близки именно тѣ, что нуждались въ защитѣ и въ поэтической ласкѣ сочувственнаго толкованія.

Было и еще въ ней и у нея, — о чемъ нельзя не вспомнить даже въ этой краткой замѣткѣ. У нея такъ красиво звучала, не

терялась, но и не выдѣляясь впереди образовъ,—идея, одушевлявшая автора.

Это придавало особенный характеръ ея сценической дѣятельности, дѣлая ее кровно-близкимъ человѣкомъ для литературы въ качествѣ литератора со сцены, если такъ можно выразиться.

Мы не хотѣли бы ослабить оцѣнку Вѣры Ѳедоровны, какъ артистки, употребивъ невѣрное слово.

Она была артисткой, художницей—это не нуждается въ утвержденіи, но она была не только актрисой. Для нея роли были не только матеріаломъ для сценическаго перевоплощенія, матеріаломъ для выигрышной «игры». Для нея образы значили и знаменовали нѣчто, что было ей важно и о чемъ она хотѣла разсказать въ образахъ и убѣдить. Она становилась въ положеніе критика-толкователя и охотно брала на себя передачу литературныхъ образовъ, которые вызывали противорѣчивыя толкованія. Такова, напр., была Ибсеновская Гильда, ради которой ставился «Строитель Сольнесъ»—пьеса не сценичная, а потому и неблагодарная для театра. Сложная, перегруженная символами пьеса могла привлечь ее только какъ «сценическаго литератора», критика-толкователя Ибсена.

Но еще ярче—и трагичнѣе—сказалась эта особенность Коммисаржевской въ послѣднюю полосу ея жизни—въ періодъ ея новаторскихъ попытокъ.

Развѣ не идетъ сейчасъ общее бѣгство отъ человѣческаго къ надчеловѣческому? И она повиновалась этому общему стремленію... Владѣя необыкновеннымъ очарованіемъ реалистической игры, способная играть на нашихъ чувствахъ, какъ умѣла она, — В. Ѳ. вдругъ отказалась отъ этой власти и отъ этого обаянія. Почудились ей другіе голоса, властно призывавшіе на подвигъ исканія новыхъ путей, новыхъ завоеваній въ искусствѣ, новой истины о жизни. У всѣхъ на памяти эти попытки въ театрѣ на Офицерской. И мы увидѣли Вѣру Ѳедоровну въ своего рода власяницѣ художества.

Эти попытки не были успѣшны. Но здѣсь, какъ и всегда, примѣнимы слова Бранда. «Когда нибудь поймутъ, что величайшею побѣдой является паденье»! Эти слова Ибсеновскаго священника по формѣ—парадоксъ, но въ психологической основѣ—безспорная истина. Что лучше въ человѣкѣ, какъ не борьба во имя Бога, признаннаго за Бога? Что цѣннѣе и красивѣе этой борьбы? А если такъ, то не завтрашняя побѣда — мѣрило для оцѣнки человѣка, а лишь самое дѣло, стремленіе совершить это дѣло. Чѣмъ бы ни кончилось...

Попытки Коммисаржевской не были успѣшны. Но отъ этого обликъ Коммисаржевской—въ нашей памяти—внутренне не утратилъ, а пріобрѣлъ.

Не стало этого человѣка; не стало этого художника-иска-

теля и творца, поэтическому вдохновенію котораго мы обязаны столькими минутами, лучшими минутами.

Какія удивительныя, музыкальныя, грустныя души живутъ среди насъ и жили бы, неразгаданныя и далекія, если бы не нашлось женщины, способной ихъ показать — о нихъ ярко разсказать—въ сценическихъ образахъ.

И ея не стало...

Больше не будетъ ни пѣсенъ, ни слезъ.

А. Е. Рѣдько.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство"

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ А. Артемова, изъ Москвы—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ И. О., изъ Самары—3 р.

Итого. . . 6 р.
А всего съ прежде поступившими 288 р. 34 к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ **—2 р.; отъ О. Бодиско, изъ Тифлиса—1 р.; отъ О. Н.—3 р.; отъ „Я. Т. Д. въ 6-у годовщину смерти Н. К. Михайловскаго 28-го января"—6 р.

Итого. . . 12 р.
А всего съ прежде поступившими. . . 186 р. 15 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. Шинкмана, изъ Томска—50 р.; черезъ М. П.—70 р.; отъ Л.—6 р.; отъ д-ра Николаева—10 р.; отъ рабочихъ Шлиссельбургской м-ры—31 р.; отъ группы Екатеринбуржцевъ, учащихся въ Высш. Учебн. Зав. г. СПБ.—3 р. 90 к.; отъ Д. Голубятникова—1 р.; отъ А. П.—20 р.; отъ А. Н. Тахчогло, изъ Одессы—30 р.; отъ В. К. П.—15 р.; отъ В. Горбаконь, изъ ст. Филоновской—100 р.; отъ Е. Н—7 р.; изъ одного медвѣжьяго уголка Весьегонскаго уѣзда, Тверск. губ., переслалъ Б. Р.—7 р. 50 к.; отъ С. Латошникова—5 р. 50 к.; отъ Кона—2 р. 33 к.; отъ Закопанца—25 р.; отъ Н. Никонова, изъ Архангельска—9 р.; отъ кружка интеллигенціи со ст. Товаркова, Сызр. Вяз. ж. д.—16 р.; отъ Н, черезъ П. Ф. Якубовича—200 р.; отъ Екатеринбуржцевъ: Б. А.—2 р.; №№ Vivus—4 р., З. Г.—2 р. 50 к.; отъ А. С.С.—10 р.

Итого . . . 627 р. 73 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ „РУССКАГО БОГАТСТВА".

В. Г. КОРОЛЕНКО. История моего современника. Ц. 1 руб. 50 коп.

П. И. КОРЕНЕВСКІЙ. Крестьянскій „Генрихъ Блокъ". Цѣна 15 коп.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Пасынки жизни. Цѣна 1 руб.

В. В. МУЙЖЕЛЬ. Разсказы. Т. II. Цѣна 1 руб.

А. В. ПѢШЕХОНОВЪ. Наканунѣ. Цѣна 60 коп.

— Въ темную ночь. Цѣна 1 руб.

— Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной земли. Цѣна 10 коп.

А. ВЕРНЕРЪ. Разсказы. М. 1909. Ц. 1 руб.

НОВАЯ КНИГА

Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ).

Соціалисты Запада и Россіи.

(Фурье.—Марксъ.—Энгельсъ.—Лассаль.—Жюль Воллэсъ.—Виліамъ Моррисъ.—Чернышевскій.—Лавровъ.—Михайловскій).

Продается въ книж. складѣ М. М. Стасюлевича (В. О. 5 линія, 28) и въ другихъ магазинахъ.

---

1 р. 50 к. въ мѣс.	ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ	1 р. 50 к. въ мѣс.

Среднее Учебное Заведеніе заочно.

РАСХОДУЯ 1 р. 50 к. въ м-цъ, никакихъ больше расходовъ! Учебныхъ пособій не требуется! Всякій имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

подготовиться къ любому экзамену по разнымъ программамъ, на званія учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. училищъ, аптек. ученик.-цы, вольноопред. 1 и 2-го разряда, на классн. чинъ и т. д.

Проспекты высылаются безплатно.

Адр.; С.-Петербургъ, Изд. Т-ву «БЛАГО», Коломенская, 33—11.

Открыта подписка на новое изданіе
Т-ва „МІРЪ" въ Москвѣ:

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО.

при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изданіе ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской литературы, принимая это слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи. Текстъ „Русской исторіи" дастъ не только схему, но и возможно богатую фактами картину культурнаго развитія. Съ цѣлью предоставленія читателю извѣстной возможности самостоятельнаго сужденія о различныхъ фактахъ русскаго прошлаго, къ каждой изъ пяти частей „Русской Исторіи" будутъ даны особыя прилож. (всего 25—30 печатн. лист.), заключающія въ себѣ характернѣйшія выдержки изъ первоисточниковъ съ сжатымъ комментаріемъ. Картина культурнаго развитія Россіи будетъ богато иллюстрирована снимками съ историческихъ картинъ и наиболѣе цѣнныхъ и характерныхъ историческихъ памятниковъ (до 100 иллюстрацій на отд. листахъ, воспроизведенныхъ способами *Mezzotinto Duplex и Mattdruckkunst*), а также историческими картами и картограммами. Указанныя выдержки въ связи съ особенностями самаго текста и иллюстраціями къ нему должны сдѣлать „Русскую исторію" своего рода основнымъ руководствомъ не только для широкихъ слоевъ читающей публики, но и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведен. и учителей начальной и средней школы. Изданіе составитъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ большого формата въ 10 выпускахъ. Цѣна изданія по предварительной подпискѣ съ пересылкой 20 р.; 2 р. уплачивается при заказѣ и по 1 р. 80 к. при полученіи каждаго выпуска и, сверхъ того, по 10 к. за переводъ платежа.—Первый выпускъ выйдетъ въ февралѣ с. г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ва „МІРЪ".

Карусъ Штерне

„ЭВОЛЮЦІЯ МІРА".

Научно-популярн. исторія міросозданія и начатковъ культ. Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова съ посл. нѣм. изд., переработан. В. Вельше, съ дополн. статьями проф. Н. А. УМОВА и Н. А. Морозова. Изданіе составитъ 10 вып., по 128—169 стр. каждый, и будетъ заключ. около 820 рисунк. въ т. ч. 49 однотонныхъ цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна изданія съ пересылкой безъ переплета 15 руб.; въ изящномъ дерматиновомъ переплетѣ 3-хъ томахъ 17 р. 25 к. Условія подписки: 2 р.—при заказѣ, по 1 р. 30 к.—при полученіи каждаго выпуска и по 10 к. за переводъ платежа; 2) 2 р. при заказѣ, по 5 р. 09 к. при полученіи каждаго тома, по 10 к. за переводъ платежа.
Вышло 8 выпусковъ.

Исторія русской литературы
XIX ВѢКА.

Подъ ред. академика *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.*

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ *С. К. Маковскаго.*

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО,

Главная контора Т-ва „Міръ", Москва, Знаменка, 13. Отдѣленія: Спб., Невскій, 104, Кіевъ, Кузнечная, 14, кв. 5.

ХОРОШІЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ КНИГИ

ЗА ПОЛЦѢНЫ И ДЕШЕВЛЕ.

Книгопродавцамъ по особому соглашенію исключительная скидка.

В. Башкинъ. Стихотворенія: Гражданскіе мотивы. Лирика.—100 стр. въ худож. обложкѣ. Вмѣсто 50 к.—25 к. ...Есть въ этой книгѣ что-то благородно-искреннее, благоуханное и подкупающе-правдивое... ...Черезъ всю книгу проходитъ струя молодой свѣжести и весеннихъ ароматовъ... Радостный боевой кличъ идетъ вслѣдъ за скорбной пѣснью матери, потерявшей сына въ борьбѣ за свободу, пѣсней о женской долѣ, о безработицѣ. («Рѣчь», 19 апрѣля 1907 г.).

Мультатули. Повѣсти, легенды и сказки. Перев. и вступ. статья Ал. Чеботаревской. «Переводчица чрезвычайно умѣло выбрала лучшіе отрывки изъ разныхъ произведеній этого писателя, напоминающаго собою, по силѣ страстности, до которой доходитъ его протестъ, другого яркаго врага человѣческой пошлости, Фр. Ницше». (Русск. Вѣдом.» 9 янв. 1907 г.). Кн. издана оч. хор. 240 стр. въ худ. обл. Вм. 1 р.—50 к.

Р. Гаммеджъ. Исторія Чартизма. Пер. съ англ. Погожевой. 512 стр. Вм. 2 р.—1 р. ...Читатель, который прочтетъ интересный и обильный по собранному матеріалу трудъ Гаммеджа, будетъ имѣть полную и ясную картину движенія англійскаго пролетаріата въ пользу «Хартіи»... Мы еще разъ рекомендуемъ пріобрѣсти эту книгу читателю, желающему познакомиться съ Чартизмомъ... Переводъ безукоризненный... («Современ. Міръ», февр., 1907 г.). ...Книгѣ Гаммеджа болѣе полувѣка, но это ни на волосъ не уменьш. ея выдающагося интереса. («Товарищъ», 23 марта 1907 г.).

И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. I. Источники научнаго соціализма. II. Цитаты. III. Теорія капитала. IV. Программы рабочихъ партій Западной Европы. 320 стр. Вмѣсто 1 р.—50 к. ...Принципы научнаго соціализма весьма детально расчислены на рядъ основныхъ положеній, и цитаты на нихъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса сгруппированы весьма обстоятельно... («Образованіе», Октябрь, 1906 г.).

П. А. Берлинъ. Политическія партіи въ Западной Европѣ, ихъ доктрины, организація и дѣятельность. 272 стр. Вмѣсто 1 р. 25 к.—65 к. ...П. Берлинъ преодолѣлъ всѣ препятствія и не только не упустилъ ничего изъ стараго, но и ввелъ въ трактуемый вопросъ кое-что новое. Мы имѣемъ въ виду страницы, посвященныя синдикализму, обыкновенно замалчиваемому даже въ новыхъ книгахъ о политическихъ партіяхъ. („Товарищъ", 4—V, 07). ... Авторъ обладаетъ большой эрудиціей, приводитъ много данныхъ; принципіальное отношеніе (марксистское) строго выдержано. („Критич. Обозр.", 1907 г. в. II).

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Записки крестьянина. Перев. съ франц. Ал. Чеботаревской. 224 стр.+II. Вмѣсто 70 к.—35 к. „Исповѣдь простого человѣка принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній новѣйшей французской беллетристики. Написанный просто, искренно, выпукло, романъ поражаетъ своей художественной объективностью. Точно въ самомъ дѣлѣ читаешь исповѣдь крестьянина... Это не только крупное художественное произведеніе, но въ то же время превосходная картина жизни и быта французскихъ фермеровъ (métayers). („Правда", мартъ, 1906 г.).

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ во Франціи. Перев. съ фр. Е. Овсянникова. 175 стр. Вм. 60 к.—30 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Государство и роль канцлера въ Германіи. Перев. съ франц. Гольденберга. 125 стр. Вм. 60 к.—30 к.

Л. Дюпріе. Государство и роль министровъ въ Англіи. 136 стр. Вм. 60 к.—30 к. „Эти сочиненія пользуются широкой извѣстностью, какъ лучшій трудъ по данному вопросу"... (Русск. Вѣд."). Положительныя стороны ихъ столь велики, что работу Дюпріе можно смѣло рекомендовать тѣмъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ правительственной организаціей главнѣйшихъ изъ существующихъ государствъ. Лучшей сводной работы по этому вопросу на русскомъ языкѣ не существуетъ. („Образованіе", іюнь, 1907 г.).

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. проф. Бороздина, Лапшина и Щеголева. 2 тома, около 800 стр. Вмѣсто 1 р. 60 к.—за 1 р. 25 к.

Высылаетъ наложеннымъ платеж. книжный магазинъ И. Г. Малмыго.

«ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Суворовскій проспектъ, 5. Телефонъ 107-31.

Пересылка по почтовому тарифу. Упаковка за счетъ магазина. Новый сокращенный каталогъ удешевленныхъ книгъ высылается безплатно.

Первая въ Россіи **ГРУППА ХУДОЖНИКОВЪ** (Оконч. Императорск. Академію Художествъ).

Принимаетъ всевозм. художественныя работы, какъ-то: портреты съ натуры и съ фотографій маслян. краск., акварелью, тушью, карандашомъ и т. д.; стѣнную роспись храмовъ во всѣхъ стиляхъ и проч. Портретъ маслян. красками съ фотографич. карточ. 40×50 с-м. отъ 15 р. ТАКЖЕ исполняетъ портреты со всевозможн. фотографич. карт. типа дорогихъ фотогравюръ. Портретъ «фотогравюра» 47×60 сант. 8 р., акварель 12 р.; въ рамѣ на 2 р. дороже. Портреты съ поразительнымъ сходствомъ (обыкновеннаго типа) 10×12 верш. въ роскошной декаденской рамѣ 3 р., прозрачными акварельн. красками 4 р. Рамы по желанію: бѣлаго цвѣта, оливковаго и бордо. Перес. за счетъ заказч. Срокъ исполненія 15 дней. При заказѣ портр. красками необходимо указать цвѣтъ глазъ, волосъ и проч. Адресовать: только въ Главную контору Ателье, Завѣдывающему В. Степанову, С.-Петербургъ, Невскій, 69—34.

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ И. Е. ДУБИНИНА.

МОСКВА, Покровка, 55.

Вы навѣрно часто встрѣчали наши объявленія, но можетъ быть еще недостаточно уяснили себѣ-почему **Вы должны выписывать такіе товары, какъ чай, какао и кофе непосредственно изъ складовъ фирмы И. Е. Дубинина. Это должно быть ясно для всѣхъ.**

Главныхъ причинъ-три:

Необыкновенно высокое качество товаровъ,
постоянная ихъ свѣжесть,
огромная выгода и экономія.

Качество нашихъ товаровъ уже всѣмъ хорошо извѣстно. Они пользуются доброй и вполнѣ заслуженной славой по всей Россіи. Всѣ товары Вы получаете отъ насъ всегда безусловно свѣжіе, образцоваго качества и кромѣ сего по самымъ выгоднымъ оптовымъ цѣнамъ. Для ознакомленія мы предлагаемъ слѣдующіе наши товары, которые заслужив. особаго вниманія:

1. Знаменитый **ЧАЙ ЦАРСКАЯ РОЗА,** выдающійся своимъ нѣжнымъ ароматомъ, свѣжестью и вкусомъ старинныхъ кяхтинскихъ чаевъ. Для постояннаго домашняго употребленія нѣтъ лучше, нѣтъ пріятнѣе и выгоднѣе чая Царской Розы.

2. Цейлонскій ЧАЙ ЯНХАО самый сильный и самый экономичный чай въ мірѣ. Онъ выдерживаетъ всякую воду и поэтому незамѣнимъ для мѣстностей съ грубой и известковой водой.

Кто желаетъ попробовать эти чаи, тотъ можетъ выписать на пробу по полуфунту того и другого, а всего 1 фун. за 1 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

3. КАМЕРУНЪ КАКАО. Самый лучшій какао въ мірѣ, въ высшей степени питательный, полезный и пріятный напитокъ. Кто соблюдаетъ посты или постныедни должны для поддержанія здоровья пить Камерунъ какао, какъ самый питательный, совершенно постный растительный продуктъ. Приготовленіе его самое простое· порошокъ кладется въ чашку и заваривается кипяткомъ. На пробу можно выписать 1 фунтъ Камерунъ какао за 1 р. 45 к. съ перес. на нашъ счетъ.

4. КОФЕ. ПАРИЖСКІЙ МЕЛАНЖЪ знаменитая смѣсь по Парижскому рецепту изъ всѣхъ лучшихъ сортовъ кофе. Если Вы хотите имѣть образцовый кофе-выписывайте Парижскій Меланжъ: лучшаго кофе не можетъ и быть. Одинъ фун. кофе Парижскій Меланжъ высыл на пробу за 1 р. 25 к. съ перес. на нашъ счетъ.

Если же Вы хотите познакомиться и попробовать сразу всѣ эти товары, то можете выписать на пробу всѣхъ ихъ по четверти фунта-всего 1 ф. за 1 р. 65 к. 4 ф. за 5 р. 85 к. съ пересылкой на нашъ счетъ.

Требованія просимъ адресовать:

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ [illegible] МОСКВА, Покровка, 55.

Всѣ подробныя [illegible] о чаѣ, кофе и какао высылаемъ безплатно.

ТАБЛЕТКИ ЙОГУРТ д-ра **ТРАЙНЕРА для пріема послѣ** ѣды (Болгарскія палочки, рекоменд. **Мечниковымъ** и др. медиц. авторит.) при всѣхъ **желудочно-кишечн. заболѣваніяхъ.** Превосходно регулируютъ **пищевареніе и запоръ.** Цѣна 2 р. Налож. пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. леченіе). Продажа въ аптекахъ и лучш. аптек. магаз. Литература высылается безплатно. **С.-Петербургъ,** О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—31, д. Зингера.

ЗАМЯТИНЪ и ПРАКТИЧНАЯ ХОЗЯЙКА

Возьмите обыкновенную открытку, напишите Вашъ адресъ и **опустите ее въ ящикъ.** Черезъ пару дней Вы получите роскошный **богато иллюстрированный прейсъ-курантъ Замятина.** Замятина въ Москвѣ знаютъ всѣ. Это извѣстный магазинъ **лампъ и хозяйственныхъ вещей. У Замятина есть все. Самый большой выборъ, лучшее качество, и притомъ** самые низкія цѣны.

Если Вы живете въ **провинціи,** то Вы **должны были покупать** то, что Вамъ предлагаютъ или что есть на мѣстѣ. Теперь **Вамъ этого больше дѣлать не надо. Вы лишь посмотрите прейсъ-курантъ Замятина, выберете то, что Вамъ нравится, что Вамъ нужно и пришлите** заказъ Замятину! **Вы немедленно все получите, по той цѣнѣ,** которую Вы хотите заплатить.

Мы выполняемъ всѣ заказы безъ задержки и Вы по крайней мѣрѣ знаете, что получите товаръ **самаго лучшаго качества.**

Въ Прейсъ-курантѣ Вы найдете фотографію и описаніе каждой вещи и рядомъ цѣну. У Замятина есть все для хозяйки: **отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ роскошныхъ** сортовъ товара

Замятинъ уже 17 лѣтъ работаетъ съ провинціей и продаетъ всевозможные предметы тысячамъ покупателей. И всѣ остаются довольны. **Молодая хозяйка найдетъ у насъ полное хозяйство отъ 32 руб** Впрочемъ пришлите **намъ** только Вашъ **адресъ, мы Вамъ** вышлемъ безплатно прейсъ-курантъ, а **затѣмъ судите сами.** Опустите открытку въ ящикъ сегодня. Не откладывайте. **Адресуйте:**

А. П. ЗАМЯТИНЪ,

МОСКВА, Средніе ряды, № **28, 29, 30.** Тел. магаз. **16-02,** конторы **162-26.**

На запросахъ просятъ упоминать: **въ розничное отдѣленіе.**

„СПЕРМИНОЛЬ"

ЛЕОПОЛЬДА СТОЛКИНДА

съ успѣхомъ назначается врачами при всякихъ нарушеніяхъ **обмѣна веществъ (діабетъ, подагра, рахитъ),** при **неврастеніи, истеріи, малокровіи, половомъ безсиліи, старческой** слабости, **спинной** сухоткѣ, **невралгіи,** при **переутомленіяхъ, до и послѣ тяжелыхъ операцій и выздоравливающимъ; при ревматизмѣ, острыхъ инфекціонныхъ** болѣзняхъ, разстройствахъ сердечной **дѣятельности (міокардитъ,** ожиреніе **сердца),** сифилисѣ и т. п.

Пріемъ по 30 капель 3 раза въ день за 1/2 часа до ѣды.

По сравнительному анализу, произведенному Химико-Бактеріологическимъ Институтомъ д-ра **Ф. М.** Блюменталя въ **Москвѣ, оказалось, что „СПЕРМИНОЛЬ" Леопольда Столкинда** содержитъ цѣлебной части **спермина** значительно больше, чѣмъ сперминъ проф. **Пеля и другихъ** фирмъ.—Копія протокола анализа высылается безплатно.

Главный складъ у **Л. СТОЛКИНДЪ и К°.**

МОСКВА, Никольская, 17/19. **БЕРЛИНЪ** О, 27/4.

Книгоиздательство и книжный складъ
Т-ва „Общественная Польза"

Спб., Б. Подьяческая, 39, соб. д.

Башкинъ В. Разсказы. т. I. Содержаніе. Сестры. Молодо-зелено. Квартира. Тетя Ларя. Послѣдніе дни Рѣпникова. Княгиня. Ц. 1 р.

Башкинъ В. Разсказы т. II. Содержаніе. Больные. Потянуло. Москалевы. Начало. Красные маки. Ц. 1 р.

Беме. Дневникъ падшей. Подлинныя записки, обработаны для печати Маргаритой Беме, съ вступит. ст. Франка.

Бодлэръ. Цвѣты зла. Съ 2-мя портретами и характеристикой автора. Переводъ П. Якубовича-Мельшина. Ц. 1 р.

Беренштамъ, Владиміръ. Въ огнѣ защиты. Изъ впечатлѣній политическаго защитника. Ц. 75 к.

Бѣлевичъ. „Наши чтенія". Устройства литерат. вечеровъ и сборн. стихотвор. по декламаціи. Ц. 1 р. 50 к.

Бунаковъ, Н. Записки. Моя жизнь въ связи съ общерусской жизнью, преимуществ. провинціальной. 1837—1905 гг. Съ портретомъ и факсимиле Ц. 1 р. 75 к.

Гаринъ, Н. (Н. Г. Михайловскій). Сказки для дѣтей. Съ мног. иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

Елпатьевскій С. «Близкія тѣни». Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ, Успенскомъ. Ц. 75 к.

Елпатьевскій, С. „За границей". Содержаніе. 1) Первыя впечатлѣнія: Ривьера, Италія, Швейцарія, Парижъ. 2) Римъ. 3) Черезъ Гамбургъ въ Англію. Лондонъ. Островъ Джерсей. 4) Во французскомъ вагонѣ. 5) Темный островъ (Корсика). 6) Ницца. 7) Италія. 8) Мессинское землетрясеніе. Ц. 1 р.

Корчемный, В. Разсказы: 1) Лунная соната. 2) Записки стараго художника. Ц. 1 р.

Карменъ. Разсказы. т. I. Ц. 1 р.

Ладыженскій. Далекіе дни и друг. разсказы. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разсказы. т. III. Содержаніе. Старухина земля. Мечты. Леонтій. Старый Каморь. Въ одномъ домѣ. Ц. 1 р.

Муйжель, В. Разсказы. т. IV. Ц. 1 р.

Никоновъ, Б. Въ стѣнахъ гимназіи. Ц. 1 р. 25 к.

Первухинъ, М. Догорающія лампы. Сборн. разск. Ц. 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. Расколъ вверху. Очерки религіозн. исканій въ привилегированной средѣ. Ц. 1 р.

Премировъ, М. Нѣмыя дали. Разск. Содержаніе. Дѣти города. Украли. День. Скорбный листъ. Тихая сказка. Гемма. Счастье. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Содержаніе. На зеленомъ лугу. Слѣпой кругъ. Качающійся фонарь. Въ виноградникѣ. Жадный. Въ вагонѣ. Вѣтеръ. На улицѣ. Какъ было. Старуха. На рѣкѣ. Разбитый домъ. Ц. 1 р.

Толстой, А. Н., графъ Сорочьи сказки. Ц. 1 р.

Федоровъ, А. Разсказы Ц. 1 р. Подвигъ. Романъ Ц. 1 р. Камни. Изд. 2-е. Ц. 1 р. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Франсъ, А. Избранные разсказы въ переводѣ Куприна, Бальмонта, Лукьянова, Батюшкова и др., Ц. 1 р.

Чириковъ, Е. Моя книга. Дѣтскіе разсказы съ иллюстрац. Ц. 1 р. 60 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Чириковъ, Е. Въ царствѣ сказокъ. Съ иллюстр. въ пер. 2 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

Вельскій. За психипедагога. Съ вступ. письмомъ проф. Лесгафта. Ц. 1 р.

Волынскій, А. Ѳ. М. Достоевскій. Критич. ст. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій. Исторія русской литературы. Ц. 40 к.

Мережковскій, Д. Л. Толстой и Достоевскій, т. I. Жизнь и творчество. Ц. 2 р., т II. часть I. Религія. Ц. 1 р. 50 к., т. II. часть 2. Религія. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д. Больная Россія. Ц. 1 р. 25 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. проф. Собр. соч. т. I. Гоголь, т. II. Тургеневъ, т. III. Толстой. Ц. 1 р. 25 к., т. IV. Пушкинъ, т. V. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій и Горькій. Ц. 1 р. 25 к., т. VI. Психологія мысли, чувства и творчества, т. VII. Исторія русской интеллигенціи, ч. I. 1 р. 50 к., т. VIII. Исторія русск. интеллиген., ч. II. 1 р. 50 к.

Стекловъ, Ю. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. Ц. 2 р.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

Составляетъ новыя и пополняетъ существующія библіотеки: общественныя, публичн., школьн., сельск., заводск. и т. д.

По предварительному соглашенію высылаетъ магазинамъ, библіотекамъ и т. д. всѣ вновь выходящія книги, или по отдѣльнымъ отраслямъ, немедленно по выходѣ.

Заказы высылаются налож. плат.

Каталоги по требованію безплатно.

СЛУЧАЙНО
скупленные
ОСТАТКИ ИЗДАНІЙ ПРЕДЛАГАЮТСЯ ЗА
ПОЛЦѢНЫ и ДЕШЕВЛЕ

французско-русскій словарь этимологическій, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова, разобран. и сгруппиров. по корнямъ сост. Такелля. Удост. больш. преміи Императ. Петра Великаго. Рекоменд. учен. ком. Мин. Народн. Просв. 2 тома 1320 стр. Вмѣсто 7 руб. за 2 руб. 50 коп.

ЛЮТГЕНАУ. Естественная и соціальная религія. Физич. Антропологич. и психологич. религіи. Жречество. Аѳинская государств. религія. Соціальн. религія. Монотеизмъ. Христіанство. Религія и этика. Религія въ настоящ. 1908 г. 290 стр. вмѣсто 1 р. за 50 к.

ЗАРНИЦЫ, № 1 сборникъ. Купринъ, А. Яблоновскій, В. Башкинъ, Танъ, Н. Морозовъ, Бунинъ, А. Рославлевъ, Цензоръ, Овсянико-Куликовскій, Горнфельдъ, И. Петрункевичъ, Ѳ. Кокошкинъ, Н. Щепкинъ, Кн. Д. Шаховской, О. Пергаментъ, М. Славинскій, А. Петрищевъ. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ВЕРШИНЫ. Сборн. В. Базаровъ, П. Берлинъ, И. Бунинъ, В. Кранихфельдъ, А. Луначарскій, Д. Крачконскій, Л. Мартовъ, В. Муйжель, М. Невѣдомскій, Парвусъ, Потресовъ, П. Юшкевичъ, Сем. Юшкевичъ и друг. 420 стр. 1909 г. Вм. 1 р. 50 к. за 75 к.

ФОНЪ-ГУКЪ. Крикъ жизни. У Кіевскихъ монаховъ. Неутѣшная. вдова. и друг. разск. Вм. 1 руб. за 40 к.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ въ его письмахъ и сочиненіяхъ; Состав. Евг. Соловьевъ. (Скриба) Издан. 2-е. 250 стран. 60 к.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЕРЪ. Міръ, какъ воля и представленіе. Популярн. излож. В. М. Голикова. Вм. 60 к. за 30 к.

Пересылка за счетъ покупателя.

Съ требован. обращаться въ книжный магазинъ **А. К. ГОМУЛИНА**. Спб., Литейный, 49. Тел. 84—26.

Цѣны указаны безъ пересылки, упаковка безплатно.

Пересылка по дѣйствительной стоимости на счетъ покупателя высылается наложен. при задаткѣ 1/3 заказа.

СРЕДСТВО дѣйствительное противъ кашля, простуды, бронхита и гриппа.

Средство признано превосходн. во Франціи уже 20 лѣтъ. Ежегодная продажа 1 мил. короб.

Сосаніемъ этихъ пастилокъ, имѣющ. пріятн. вкусъ, можно предохр. себя отъ всѣхъ болѣзн. горла и бронховъ.

Цѣна коробки **90 коп.** Пастилы «**Понселэ**» прод. во всѣхъ апт. и апт. маг. В. Бюлера, Спб., Невскій, 49. Рус. Общ. торг. апт. тов. Казанская, 12.

Курсы газетной техники.

1-е въ Рос. Суп. 5-й г. Лично и заочно подготов. лицъ об. пола въ сотрудники Спец.: фельет., статьи, разск., корресп., стеногр. и пр. Выд. свид. реск. редакц. Прежн. курс. работ. въ газет на жалов. Подр. за 7 к. м. Лекціи и матер. Леон. Андреева, Амфитеатрова., Дорошевича, Куприна, Юшкевича. Одесса, Дерибасовская, д. Мих. № 21, Чивонибару.

ДАМЫ И БАРЫШНИ. Благодарности, полученныя мною почти отъ всѣхъ моихъ заказчицъ, даютъ мнѣ право просить отнестись ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, въ чемъ и Вы убѣдитесь. За точное и добросовѣстное исполненіе заказа ручаюсь. Совѣтую выписать по фабричнымъ цѣнамъ **НОВОСТЬ ПОСЛѢДНЯГО СЕЗОНА**. Изящн. бархатная блузка: грудь, воротникъ и манжеты роскошно вышиты, шелкомъ гладью въ прикроенномъ видѣ, годная къ шитью на каждую фигуру. Цвѣта: черный, бордо, темно-синій, темно-зеленый, табачный высылаю за 5 руб. 25 коп. наложеннымъ платежомъ и безъ задатка.

	Р.	К.
Блузка изъ чист. шерст. матеріи „**ВУАЛЬ**“ съ такой же роскошной вышивкой	4	
Блузка изъ чистаго шелковаго канауса, вышита гладью или ажуромъ сортъ Prima	6	90
Блузка изъ канауса № 2 такой же вышивкой	5	25
Блузка изъ самой модной шелковой матеріи „**ПОПЕЛИНЪ**“ съ роскошной вышивкой	6	75
Изъ шелк. флорентина вышита гладь. или ажуромъ цвѣта: черный, кремъ, розовый, голубой, пунцовый, табачный и др. Фасонъ послѣдняго журнала прилагаю безплатно.	4	10
Англійская Верхняя Юбка изъ самаго элегантнаго, моднѣйшаго и практичнаго шевіота, шитье, отдѣлка и крой по новѣйшимъ моделямъ съ высокой таліей цвѣта: черный, т.-синій, коричневый, табачный, темно и свѣтло-сѣрый, затканыя новомодными искрами высылаю за	5	25
Юбка изъ гладкаго Шевіота Прима отдѣл. Шелкев тесьмой и пугов. съ высокой таліей	7	75
Юбка изъ чисто-шерстян. матер. „**ГЛОРІЯ**“ съ роскошной отдѣлкой съ шелков. поясомъ	8	75
Юбка изъ Альпага отдѣл. пугов.	6	50
Юбка изъ Шелковист. Альпаги ничѣмъ не отличающей отъ шелк. матер. отдѣл. блестящ. тесьмой крой кокетка	8	75
Юбка изъ загран. шерст. матер. „**ВЕНЕРА**“ съ высокой таліей отдѣл. либерти и пугов. спереди въ складк. и кокеткой послѣд. новость	11	25
Юбка изъ Полосатой матеріи „**КОВЕРКОТЪ**“ отдѣл. либерти пугов. кокеткой съ высок. таліей	12	—
Юбка изъ загран. бархата, отдѣлана ш. рокой шелков. тесьмой съ обыкновенной таліей	14	50
Такая же юбка съ Корс. т. е. высок. тал. на 1 руб. 50 коп. дороже		

Всѣ юбки могутъ быть черныя, темно-синія, табачныя и другіе цвѣта. При заказѣ указать объемъ въ бедрахъ, таліи и длину юбки.

Адр.: Вышивальня „**МАРІЯ**“ Варшава, Павья, 11, отд. 3

Каталогъ книгъ

(Остатки изданій В. Солдатенкова и др. по удешевленой цѣнѣ) высылается безплатно книжнымъ магазиномъ **И. М. ФАДѢЕВА**. Москва, Моховая ул., домъ графа Беккендорфа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ на общ.-пол. литер.

ЕЖЕНЕД. ГАЗЕТУ **„Разсвѣтъ“**, (6-ой годъ изданія.)

Единств. еврейск. газ. на русск. языкѣ выходящую при ближайшемъ участіи Ю. Д. Бруцкуса, С. К. Гепштейна, Б. А. Гольдберга, А. М. Гольдштейна, В. Е. Жаботинскаго, А. О. Зайденмана, А. Д. Идельсона и Д. С. Пасманика.

При одномъ изъ первыхъ номеровъ «Разсвѣта» за 1910 г. подписч. получ. въ видѣ **безпл. приложенія справочн. книжку «Разсвѣта»**, содерж., помимо календаря и евр. хронологіи: законы о евреяхъ, обзоръ всѣхъ обще-евр. и русско-евр. учрежд., условія поступл. въ учебн. завед. въ Россіи и загран., эмиграц. свѣдѣнія, статист. данныя и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россію: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к. За границу: на годъ—6 р., на полгода—3 р., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к.

Подп. приним. только съ 1 янв., 1 апр., 1 іюля и 1 окт.

Адресъ Ред. и Конт. СПБ., Торговая, 17.

Имѣются въ Центральн. аптекар. магазинѣ
Б. Шаскольскаго, Невскій, 27.

ЗАВОДЪ: С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 60.
МАГАЗИНЫ: Невскій пр., № 8 и 60.
Москва, Кузнецкій мостъ с. д.

Часовни, кресты, намогильн. ограды. Камины, къ нимъ приборы и экраны, чугун. наполнительн. и керосиновыя **ПЕЧИ.**

Кухонные экономич. ОЧАГИ.

Устройство прачешень и конюшень.

Денежные Шкафы и ящики.

Вѣсы системы Фербэнксъ. Кресла-самокаты для больныхъ.

Элегантныя дѣтскія Коляски Желѣзная садовая мебель.

Шоссейные катки.

Требуйте прейсъ-куранты.—При требованіи прошу ссылаться на № журнала.

КНИГО-ПРОДАВЕЦЪ **К. ГУБИНСКІЙ.** С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Владимірскій, 7.

Высылаю всѣ книжныя новости. Пополняю и составляю всевозможныя библіотеки. Каталогъ безплатно.

Майковъ, П. Біограф. Ив. Ив. Бецкой ц. 4 р. за 1 р.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Степановскій, И. К. Вологодская старина. Историко-археологическій сборн. Вологда, 1890 г. ц. 3 р. за 1 р.

Зиберъ, Н. И. Давидъ Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общ.-экономич. изслѣдован. изд. III, 1898 г. ц. 2 р. 25 к. за 1 р. 75 к.

— Собр. соч. въ двухъ том. съ портр. автора ц. 5 р. 50 к. 1900 г. за 4 р.

Маттеи, А. Король нищихъ. Романъ, перев. Гейнце ц. 1 р. за 30 к.

Шпильгагенъ, Ф. О чемъ щебетала ласточка ц. 2 р. за 1 р. 20 к.

Гетчинсонъ, Г. Очерки первобытн. міра. Перев. Журовской ц. 1 р. 50 к. за 1 р.

Шопенгауэръ, Арт. Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Н. Соколова ц. 4 р. за 3 р.

Мишле. Женщина и любовь. Физіологія ц. 1 р.

Поповъ, Н. Около трона. Дневникъ М. Абендъ. Романъ изъ жизни соврем. аристократовъ ц. 1 р. за 50 к.

Складчина. Литерат. сборн. сост. изъ труд. русск. литерат. ц. 3 р. за 1 р. 25 к.

Альманахъ оккультистъ ц. 60 к.

Мережковскій, Д. Трилогія. «Христосъ и Антихристъ», въ 3 част. ц. 5 р. 75 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолы. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокр. ц. 1 р. 50 к. за 60 к.

Франке, Куно. Истор. нѣм. лит. въ связи съ разв. обществ. силъ. Съ 39 портр. Перев. съ англ. П. Батина за 1 р. 25 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожд. обществ. строя соврем. Франціи. Стар. порядокъ. Пер. Г. Лопатина ц. 2 р. 50 за 1 р. 25 к.

Никитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1887 гг.) ц. за 2 т. 7 р. за 3 р.

Лемке, Мих. Очерки по истор. русск. ценз. и журналист. XIX ст. Съ 19 портр. и 81 каррик. 3 р. за 1 р. 20 к.

Борн. Парижскіе шелопаи. Романъ ц. 2 р. за 1 р.

— Красавецъ Роланъ или клубъ висѣльниковъ. Ром. ц. 3 р. за 75 к.

Маакъ. Путешеств. на Амуръ. съ атлас. изъ 32 табл. ц. 20 р. за 10 р.

Гансъ Фреймаркъ. Какъ узнать свою судьбу по линіямъ рукъ. Со многими иллюстраціями ц. 75 к. за 45 к.

Бертеруа. Новія (плясунья Помпеи). Ром. изъ жизни античн. міра ц. 75 к.

Шмидтъ, К. Дневникъ грудного младенца ц. 60 к.

Долороза. Рафаэла. Ром. танцовщицы (одна изъ мног.) ц. 1 р. 25 к. за 1 р.

Клара Фибихъ. Крестъ въ Венѣ. Сенсаціонный романъ ц. 1 р. 25 к.

Надежда Санжаръ — Записки Анны. 1910 г. ц. 1 р. (Интересная новинка!).

Міръ половыхъ страстей. Карт. полов. жизни мужчины и женщины ц. 1 руб.

Альтенбергъ. Сказки жизни ц. 1 р.

Гиттонъ. Жизнь людей черезъ 1000 л. Утопическій романъ ц. 60 к.

Брокгаузъ-Ефронъ. Энциклопед. слов. Полн. (86 т.), ц. 258 р. за 110 р.

Біографіи композитор. съ IV—XX в. съ портр. Больш. т. 927 стр. ц. 6 р. за 3 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи, философіи права 6 т. (безъ 1-го) ц. 18 р. за 9 руб.

Листовскій, И. Историческіе итоги. Спб. 1892 г. ц. 3 р. за 1 р.

Вангольдъ. Географія въ эстампахъ, 16 гравирован. эстамповъ въ перепл. ц. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Гюи-Мопассанъ 12 т.—6 р. Жуковскій, В. А. 12 т.—1 р. Данилевскій 24 т.—3 р. Генрихъ Гейне 16 т.—1 р. 50 к. Гоголь, Н. В. 12 т.—2 р. 50 к. Салтыковъ-Щедринъ, М. Е. 40 т.—6 р. Боборыкинъ, П. Д. 12 т.—2 р. 50 к. Станюковичъ 40 т.—4 р. 50 к. Горбуновъ 4 т.—1 р. Гр. А. Толстой 10 т.—3 р. Лѣсковъ 36 т.—3 р. Шеллеръ-Михайловъ 50 т.—4 р. Чеховъ, А. П 16 т.—6 р. Гончаровъ 12 т.—6 р. Григоровичъ, Д. В. 12 т.—6 р. Тургеневъ 12 т.—9 р. Достоевскій 24 т.—9 р. Успенскій, Г. 28 т.—4 р. Гауптманъ 10 т.—2 р.

Крестовскій, В. Собр. соч., 8 т. ц. 10 р. за 8 р. **Крыловъ, П.** Полн. собр. сочин. ц. 1 р. **Немировичъ-Данченко, Вас.** Соч. 30 кн. за 5 р. **Соловьевъ, Вс.** Соч. 40 кн. за 6 р. **Диккенсъ, Ч.** Собр. соч. 35 т. за 12 р. 50 к. **Додэ, А.** Собр. соч. 12 т. ц. 6 р. **Шекспиръ.** Соч. 5 т. богато-иллюстр. изд. Брок.-Ефр. ц. 37 р. 50 к. за 25 р. (въ перепл.). **Шиллеръ.** Полное собр. соч. богато иллюстр. изд. Брокг.-Ефронъ. 4 т. ц. 30 р. за 20 р. (въ перепл.). **Шницлеръ.** Соч. 6 т. ц. 6 р. **Слѣпцовъ, В.** Соч. изд. Губинскаго, ц. 2 р. 25 к. **Лейкинъ.** Соч. 34 т. ц. 36 р. 35 к. (каждый т. прод. отдѣльн.). **Потѣхинъ, А.** Полн. собр. соч. 12 т. изд. «Просв.», ц. въ перепл. 18 р. за 12 р. **Ростопчина, Е.** Соч. 2 т. Спб. 90 г. ц. 5 р. (изд. распродано). **Жюль Вернъ.** Полное собраніе сочиненій 88 том. ц. 10 руб. **Майнъ-Ридъ.** Сочиненія 40 томовъ цѣна 6 р.

Цѣны безъ пересылки.

С.-Петербургъ. Кирпичный, 1.

ЕСЛИ ВАШИ

ВОЛОСЫ

выпадаютъ, если у Васъ есть жирная или сухая перхоть, если Вы страдаете зудомъ кожи головы и желаете имѣть прекрасные волосы, то сообщите свой адресъ, и Вы получите брошюру «Болѣзни волосъ и способы ихъ леченія», составленную Врачами-Спеціалистами 1-й Россійской Волосолечебницы въ С.-Петербургѣ, совершенно безплатно.

ЛАБОРАТОРІЯ „ДЕВЕСЪ".
СПБ., Кирпичный, 1.

Безплатно высылается всѣмъ

указавшимъ на это объявленіе и сообщившимъ свой адресъ только что вышедшій Каталогъ книгъ—удешевленныхъ, антикварныхъ и новыхъ книжн. магаз. П. ГЛѢБОВА. Спб., Пет. стор., Большой пр., 35.

Между прочими предлагаются слѣдующія книги:

Проф. А. ТРАЧЕВСКІЙ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

2 тома, 2-е исправл. и дополн. изд. 1900 г., съ 72 рис., 540 стр. **Древняя исторія**, въ 1 томѣ, 3-е исправл. изд. 1901 г., съ рис. 377 стр. **Средняя исторія, въ 1 томѣ**, 3-е исправл. изд. 1901 г., 111 рис., 366 стр., **Новая исторія**, одинъ томъ (1500—1750 гг.), 2-е исправленное и дополненное изданіе 1900 г., 700 стр.

За всѣ 5 томовъ вмѣсто 8 руб. 50 к.—2 р. 50 к.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Изданіе Картографическаго заведенія Ильина.

ПО ЦѢНѢ по 1 р. за томъ вмѣсто 8 р. Имѣются слѣдующіе томы:

Т. VIII. Индія и Индо-Китай — съ 6 рис. и карт. на 2-хъ лист., 751 стр.

Т. IX. Средняя Азія, Афганистанъ, Белуджистанъ, Персія, Азіатская Турція и Аравія—съ 84 рис. съ карт. 803 стр.

Т. X. Сѣверная Африка, Бассейнъ Нила съ 57 рис.. съ карт. 543 стр.

Т. XI. Сѣверная Африка, Тунисъ, Алжирія, Марроко, Сахара—съ 82 рисун. 742 стр.

Т. XII. Восточная Африка, Атлантич. архипелаги, Сенегамбія и Восточн. Суданъ—съ 64 рис. 604 стр.

Т. XIII. Южная Африка, Южный Атлантическій Океанъ, Камерунъ, Габбонъ, Конго, Ангола-де-Мара, Лимпопо, Кубанга, Мозамбикъ, Занзибаръ — съ 75 рис., 688 стр.

Т. XIV. Океанъ и океанск. земли, Мадагаскаръ, Маскаренскіе острова, Инсулиндъ, Филиппинскіе острова, Маланезія, Австралазія, Полинезія — съ 77 рис., 797 стр.

Т. XV. Сѣверная Америка, Гренландія, Полярный архипелагъ, Аляска, Канада, Нью-Фаундлендъ — съ 55 рис., 575 стр.

Т. XVI. Соединенные Штаты — съ 66 рис., 664 стр.

Т. XVII. Западная Индія и Мексика — съ 73 рис., 780 стр.

Книги по желан. высыл. налож. платеж. Перес. по казенному тарифу. Каталогъ безплатно.

Книги за

Высылаетъ Центральный

А. А. Кли

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., здан. Ново-Александ

Русскіе писатели.

бывш. прилож. къ „НИВѢ" и др.

БОБОРЫКИНЪ. 12 т., ц. 2 р. 50 к. **ВСЕМІРНАЯ ИСТОР.** (Каспари), 34 вып., ц. 3 р. **ГАНЪ.** 6 т. ц. 1 р. **ГАУПТМАНЪ.** 10 т., ц. 1 р. 50 к. **ГОГОЛЬ.** 12 т., ц. 2 р. 50 коп. **ГОРБУНОВЪ.** 4 т., ц. 75 к. **ГРЕБЕНКА.** 10 т., ц. 3 р. **ГРАНОВСКІЙ.** 2 т., ц. 75 к. **ГЮИ ДЕ-МОПАССАНЪ.** 13 т., ц. 4 р. 50 к. **ГЕЙНЕ.** 16 т., ц. 1 р. **ДАНИЛЕВСКІЙ.** 24 т., ц. 4 р. **ДЕРЖАВИНЪ.** 4 т., съ пред. Грота, ц., 2 р. 50 к. **ЖУКОВСКІЙ.** 12 т., ц. 1 р. 50 коп., **ЗУДЕРМАНЪ.** 12 т, ц. 2 р. **ИБСЕНЪ.** Ген. 13 т., ц. 3 р. **КОНРАДИ.** 2 т., ц. 2 р. 50 к. **КРАШЕВСКІЙ.** 12 т., ц. 3 р. **ЛѢСКОВЪ.** 36 т., ц. 4 р. **МИХАЙЛОВЪ-ШЕЛЛЕРЪ.** 50 т., ц. 4 р. **МАЧТЕТЪ, Г.** Соч. 12 т., ц. 6 р. **ПЕЧЕРСКІЙ (МЕЛЬНИКОВЪ).** 22 т., ц. 6 р. **МОРДОВЦЕВЪ.** 26 т., ц. 4 р. **НЕКРАСОВЪ.** Кому на Руси жить хорошо. Отд. поэма въ пер. 1 р. 50 к. **САМАРОВЪ.** 20 т., ц. 3 р. **САЛТЫКОВЪ-ЩЕДРИНЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СТАНЮКОВИЧЪ.** 40 т., ц. 4 р. **СОЛОВЬЕВЪ,** Всевол. 40 т., ц. 7 р. **ТОЛСТОЙ, А.** 10 т. ц. 4 р. **УСПЕНСКІЙ, ГЛѢБЪ.** 28 т., ц. 4 р. **ЧЕХОВЪ.** 16 т., ц. 7 р. **БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ,** изд. Т-ва „Просвѣщеніе". 20 т. въ редакц. пер. ц. вмѣсто 120 р за 45 р. **БОЛЬШОЙ ЭНЦИКЛОПЕД. СЛОВАРЬ,** изд. Брокгауза и Ефрона. 82 полут., въ ред. пер. ц. вм. 246 р. за 140 р.

АЛЬБРЕХТЪ, д-ръ. Тайны и болѣзни женщ. и дѣвушки. ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

ЕГО-ЖЕ. Женскія груди. О женск. грудяхъ и женской красотѣ вообще, ц. 1 р. за 50 к.

«БЕРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА», съ атласомъ рис. строен. женск. тѣла, ц. 2 р. за 1 р.

ВЕРНЭДЪ, А. Въ вихрѣ наслажденій. (Записки массажистки). Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ВУЛГАКОВЪ, В. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклассн. художн., ц. 4 р.. за 2 р.

Библіотека оккультиста.

1) **ПАРКЕРЪ, ДЖ.** Сила внутри насъ. Спб. 2) Альманахъ «Оккультистъ». 3) **НИТИВУСЪ.** Черный драконъ или сборникъ магическ. рецептовъ. 4) **ЗАИКИНА, Л.** Хиромантія или тайны руки съ 154 рис. 5) Тайны или наука объ опредѣленіи характера и наклон. человѣка посредствомъ изслѣдов. руки, ц. за всѣ 5 кн. въ пер. 2 р. 50 к.

ВАНЪ-ДЕРЪ-БОРНЪ. К. Д-ръ. Избѣжаніе материнства, съ 19 рис. въ текст. Спб. ц. 1 р. 50 к. за 75 к.

ГИТТОНЪ, Г. Жизнь людей черезъ 1000 л. Въ 3000 году. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

ДЕВОРЪ, Д. Наши Шекспиры и Гете. Литературный памфлетъ. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

ДЮФУРЪ, П. Куртизанки Парижа, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

ЛАВУНСКІЙ, С. Въ аду страстей. (Дневникъ содержанки), ц. 1 р., за 50 к.

ЛОРИ, А. д-ръ. Какъ увеличить и укрѣпить женскій бюстъ, ц. 1 р., за 50 к.

МАЛОХОВСКАЯ, Е. Настольная поваренная книга, ц. 2 р., за 1 р.

МАНТЕГАЦЦА, П. Физіологія любви. ц. 1 р.. за 50 к.

МИЛЛЕРЪ, І. «Моя система». 5 минутъ ежедневной работы для здоровья, ц. 75 к. за 37 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Въ тихомъ омутѣ, ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

МОРГЕНСТІЭРНЪ, И. Психографологія или наука объ опредѣленіи внутрен. міра человѣка по его почерку, ц. 8 р., за 4 р.

ГАНСОНЪ, ОЛА. Женщина, какихъ много. Новеллы. Къ физіологіи современной любви, ц. 1 р., за 50 к.

ГЕПТАМЕРОНЪ. 70 новеллъ королевы Наваррской Маргариты Валуа, ц. 1 р. за 50 к.

ГОРБУНОВЪ, С. Сцены изъ народнаго быта, ц. 1 р. за 50 к.

БОККАЧІО, ДЖ. Избранныя новел. изъ „Декамерона", ц. 80 к., за 40 к.

ЕЛЕЦКІЙ, М. (псевдонимъ). Свободная любовь. Старая и новая нравствен., воля природы. Исторія свободн. любви и пр. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

„Избранныя сочиненія русскихъ писателей".

1) И. Котляревскій и Квитко-Основяненко; 2) А. С. Пушкинъ; 3) А. Т. Аксаковъ; 4) Т. Н. Грановскій; 5) Н. В. Гоголь; 6) В. Г. Бѣлинскій; 7) К. Ф. Рылѣевъ и 8) Гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко

ЦѢНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ, кромѣ тѣхъ, на которыя таковая указана.

ПОЛЦѢНЫ!

Книжный Складъ МОНОВА.

...ровскаго рынка, № 163, у Измайловскаго моста.

...и М. Горькій, съ портрет. и факсимиле автор. Всего около 800 стр., цѣна съ пер. за 8 том. 1 р. 75 к.

ХОРОШІЙ ТОНЪ или искусство быть всегда занимат. въ обществѣ Практ. руков. для дамъ и мужчинъ, ц. 1 р., за 50 к.

КУРСЪ КРОЙКИ, примѣрки и шитья дамскихъ нарядовъ, съ 520 рис. въ текстѣ, ц. 3 р., за 1 р. 50 к.

Новѣйшія книги по полов. вопросу.

1) **ЖАФФЕ-КОЧЕЙНОНЪ**. Абортъ. Стремленіе къ бездѣтному браку, 2) **ЕГО-ЖЕ**. Эротическое помѣшательство. 3) **ЖОЗАННЪ**, проф. Истощеніе мужчины и его лѣченіе. 4) **ГОЛОВИНЪ**, А. Д-ръ. Бѣли у женщинъ. 5) **ЮРЬЕВЪ**, А. Д-ръ Поллюціи. 6) **ЖЕРАРЪ**. Новѣйшія причины безплодія у обоихъ половъ. **СЕКРЕТНЫЯ БОЛѢЗНИ**. Распознаваніе ихъ, мѣры противъ заболѣваній, лѣченіе и рецепты лекарствъ. Цѣна за 7 кн. вм. 6 р., съ перес. 3 р. 50 к., отдѣльно по 75 к.

НОТАРИ, Г. «Эти» женщины. Сцены современный жизни (Дневникъ проститутки), ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Поступило въ продажу иллюстр. 22 сборн. пикантныхъ юморист. стихотв., шутокъ и остротъ.

1) Амуръ и Венера; 2) Веселая вдова; 3) Въ чужой постели; 4) Гимны амура; 5) Дамы веселья; 6) Захочу — полюблю; 7) Качели; 8) Китаянка;.. 9) Любовь XX в. 10) Матчишъ; 11) Наши кокотки; 12) Петерб. Карменъ; 13) Петерб. ночи; 14) Тихо и плавно качаясь...; 18) Торреадоръ; 19) Три сестры; 20) У васъ есть что предъявить? 21) Чары любви и 22) Экспропріація. Около 600 стр., ц. вм. 3 р. 30 к. съ пересылкой, за 2 р. 20 коп.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Міръ, какъ воля и представленіе. Спб. ц. 60 к. за 30 к.

«ПОСЛѢДН. НОВОСТИ! 4 литературно-художеств. сборника» А. Куприна, И. Бунина, Ан. Каменскаго, Д'Аннунціо, Н. Морозова, Д. Овсянико-Куликовскаго, Н. фонъ-Гукъ и др. извѣст. писат. 1) **«ПРИБОЙ»**, 2) **ПРОПИЛЕИ»**, 3) **«ЗАРНИЦЫ»** и 4) **«КРИКЪ ЖИЗНИ»**, около 900 стр. съ рис. Цѣна за 4 тома вм. 5 р. съ перес. 3 р. 20 к., отдѣльно по 1 р. за томъ.

РЕНАНЪ, Э. Апостолъ Павелъ, ц. 1 р. 10 к., за 55 к.

ЕГО ЖЕ. Апостолы, ц. 75 к., за 37 к.

ЕГО ЖЕ Жизнь Іисуса, ц. 80 к. за 40 к.

РОМАНОВЪ, С. И. Словарь для ружейныхъ охотниковъ, со множ. рисунк., 572 стр. ц. 3 р. 50 к., за 1 р. 75 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди борцовъ. Очерки и наброски публициста, ц. 85 к., за 42 к.

ЕГО-ЖЕ. Чистая публика и интеллигенція изъ народа. Очерки и наброски публициста, ц. 80 к., за 40 к.

САЛЬНИКОВЪ, А. Настольный Л. Н. Толстой. Мысли, взгляды, изреченія и афоризмы, ц. 60 к., за 30 к.

Новѣйшие полные самоучители.

1) французскаго, 2) нѣмецкаго, 3) англійскаго и 4) латинскаго языковъ. Съ приложеніемъ прописей и главн. прав. чисто и правописанія, 771 стр. цѣна за всѣ 4 самоуч. вм. 3 р., съ перес. 2 р.

ФИЛОСОФОВЪ, Д. В. Слова и жизнь. Литературные споры нов. времени (1901—1908 гг.). Ц. 1 р. 25 к., за 62 к.

КСЕНДЗА ХИНИКВИ. Дѣвушки и ихъ «просвѣтители». Предсмертныя разоблаченія и факты изъ жизни «безбрачныхъ» ксендзовъ. Ц. 1 р., за 50 к.

ШЕРВЕНЪ. Заиканіе и способы самоизлѣченія. Ц. 1 р. 50 к., за 75 к.

«ГАЛЛЕРЕЯ КРАСАВИЦЪ». Большой т. in folio съ 208 фотогравюрами съ картинъ извѣстн. русск. и иностр. художн. Ц. вм. 5 р. съ перес. 3 р. 25 к.

ПОСЛѢДН. ПРОИЗВЕД. ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО. Серія неизданн. въ Россіи сочин. 12 вып., около 500 стр. за всѣ 12 вып. съ перес. 1 р. 75 к.

ЛОТИ, П. Современная жизнь турецкихъ гаремовъ. Спб. ц. 1 р. за 50 к.

900 СОВѢТОВЪ страдающ. различными болѣзнями изв. проф.: Рунге, Эйхгорста, Багинскаго и др.

Беременнымъ, чахоточнымъ, малокровн., секр. бол., золотушнымъ, рахит., діабет., геммороемъ и др. Цѣна за всѣ 10 в. вм. 3 р. съ перес. 2 р.

ШОЙЭНЪ. Бѣлыя рабыни. Позоръ XX в. ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

«ЭРОСЪ». Сборникъ изящной европейской литературы ц. 1 р. 25 к., за 63 к.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

НОТНЫЙ МАГАЗИНЪ
РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО издательства.

СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ.

ПОСТОЯННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ ИЗДАНІЙ

Брейткопфъ и Гертель.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальн. знанія всѣхъ **РУССКИХЪ** и **ИНОСТРАННЫХЪ** издательствъ.

ОПЕРЫ И ЛИБРЕТТО. — ПОСТОЯННО ВСѢ НОВОСТИ. — ПОРТРЕТЫ И ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА СЪ ПОРТРЕТАМИ ВСѢХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ МУЗ. ДѢЯТЕЛЕЙ.—ВСѢ РУССКІЕ И ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ И ПОДПИСКА НА НИХЪ.—СВѢЖІЯ СТРУНЫ—НОТНАЯ БУМАГА.

ЗАКАЗЫ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ ИСПОЛНЯЮТСЯ БЫСТРО И АККУРАТНО. ОТПРАВКА СЪ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМЪ.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. № 6, бр. ДЖАМГАРОВЫХЪ.

Для телеграммъ: МОСКВА, РУССМУЗИК.

Объявл. книжн. магаз. Климонова (на оборотѣ).

RETURN TO → **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

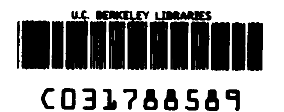
LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1 month loans may be renewed by calling 642-3405
[illegible] bringing the books to the Circulation Dep
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 20 1984 CIRCULATION DEPT.		


U.C. BERKELEY LIBRARIES
C031788589